

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919798 8

*QCA

Ru...

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

1863

9.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ.

Томъ сорокъ седьмой.

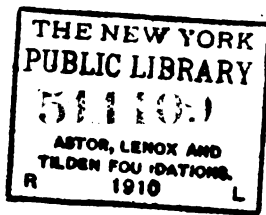
1864

2/

МОСКВА.

Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°).

1863.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 16-го октября 1863 г.

ЖАННА ДАРКЪ

Въ исторіи почти каждаго народа встрѣчаются страницы дивныя, непостижимыя....

Народъ можно уподобить тѣмъ громаднымъ явленіямъ минеральнаго царства, предъ которыми невольно останавливается взоръ путешественника, мужаесть стихъ поэта, задумывается мыслящій умъ. Видали ль вы пустынный край: широко, въ безпорядкѣ разбросанныя скалы, сплошныя груды камня, дикую голю, едва прикрытую рубищемъ мховъ, лишаясь, горной плесени; ни травки, ни цвѣтовъ, ни дерева съ пѣвцами? Скучность безнадежная! И однакоже тамъ, подъ спудомъ, бьетъ гдѣ-нибудь родникъ живой чистѣйшей воды: изъ нѣдръ неплодія стремятся въ доль ручьи, несущіе далеко жизнь, ея таинственный трепеть, ея обаяніе, ея дѣла веселящія небо и землю! Такъ точно подъ видомъ загрубѣлости, подъ игомъ мелкой суеты, мозольнаго труда, народъ хранитъ въ себѣ глубоко высшія обитованія, зачатки величія безпредѣльнаго.

Все что можетъ быть выше народа, изъ него же вышло, ему обязано своимъ блескомъ и бытіемъ. Народъ не утратившій вѣры въ благородство своего назначенія, несомнѣнно знаетъ и помнитъ о томъ. Онъ по справедливости видитъ въ привольи высшихъ классовъ общества не иное что какъ

созданіе рукъ своихъ, порою даръ судьбы, надѣлавшей немногихъ земными благами или счастливымъ случаемъ выказать, употребить въ дѣло общія врожденныя всѣмъ дарованія. Онъ не завидуетъ ихъ счастію, не клянетъ судьбы. Напротивъ того (мы беремъ его въ нормальномъ его состояніи), съ дѣтскою застѣнчивостію, не говоримъ съ подобострастіемъ, отдаетъ имъ должную честь, любитъся ими и почти гордится ихъ превосходствомъ, какъ своимъ собственнымъ. Это чувство высокаго безпристрастія, въ примѣненіи его къ жизни общественной, свойственно въ особенности народамъ германскаго племени, и по нынѣ сохранилось у Англичанъ. Оно ни мало не противорѣчитъ сознанію природнаго равенства между людьми. Оно возможно лишь при глубокомъ убѣжденіи, что отличія, преимущества однихъ—случайности, которыя не властны затмить или изгладить въ другихъ то что само по себѣ вѣчно и существенно въ человѣкѣ, что Творецъ, съ дыханіемъ жизни, даровалъ всему роду человѣческому: подобіе духа Божія. Скажемъ болѣе: политическія права и выгоды, почетъ, свѣтлое въ мірѣ положеніе возлагаютъ обязанности на тѣхъ, которымъ достались они въ удѣлъ, являясь міру залогомъ независимости, а слѣдовательно и доблестныхъ дѣлъ, отваги на полѣ брани, мужества на гражданскомъ поприщѣ, прямоты, безкорыстія, высокихъ думъ и правительственной мудрости. И довѣрчиво, безопасно, съ явнымъ не разъ самопожертвованіемъ, народъ идетъ во слѣдъ передовыхъ людей своихъ, то-есть тѣхъ, кому фортуна указала первое впереди другихъ мѣсто. Ихъ знаетъ исторія: они строятъ судьбы отечества; его величіе, благоденствіе, его невредимая цѣлость—на ихъ отвѣтственности.

Какъ исполняютъ они долгъ призванія? Исторія полна доказательствъ ихъ ума и неразумія, примѣровъ великодушія, шатости и нравственной ихъ порчи, словомъ, добра и зла, которое они себѣ и другимъ сдѣлали. По закону солидарности и по вліятельному положенію высшихъ классовъ въ обществѣ, имъ состраждетъ все общество, охваченное ихъ интересами, служба орудіемъ или жертвою ихъ замысламъ, дѣла съ ними красные дни и дни невзгодъ и печали. Изъ среды ихъ выходятъ люди сильные волей и отвагой, иногда талантомъ, люди именитые, властные, грозные всему народу, и народъ преклоняется передъ ними, или противопоставляетъ имъ своихъ любимцевъ, изъ той же знати взысканныхъ, но по

видамъ и характеру искренно или притворно ему преданныхъ. Въ этой борьбѣ расточается много силъ, крови и иныхъ сокровищъ: счастье клонится то на ту, то на другую сторону... Бываютъ роковыя минуты, когда начала зла до того превозмогаютъ, что здравый смыслъ, этотъ гений человечества, видимо терается: каменѣютъ сердца, адская злоба изобрѣтаетъ, громоздитъ средства разрушенія и измѣны. Цѣль жизни потеряна: раздоръ сокрушилъ ее цѣлостъ и единство. Тогда открывается взорамъ унылая, ужасающая сердце картина запустѣнія, нравственной мглы, всеобщаго застоя. Но тогда жъ, если не пробилъ еще послѣдній часъ народа, изъ вѣдръ его являютъся испугатели,

И звонъ у гробоваго входа.

Младая будетъ жизнь играть.

Источники негдѣнія, они родились въ низкой долѣ, въ темномъ быту, но появленіе ихъ разноситъ всюду свѣтъ и живительную теплоту. Душою младенцы, они нежданно высказываютъ то, что давно у всѣхъ было на сердцѣ, на умѣ,— и мудрые вѣка изумляются, и сильные покорствуютъ. Рѣшительное слово сказано, и внемя ему, народъ находитъ въ себѣ новую бодрость, благоуханіе надеждъ, вѣру въ будущее, мало-по-малу оправляется, оживаетъ, зацвѣтаетъ силой и довольствомъ.

Подобныя явленія даютъ исторіи человечества характеръ высшаго откровенія, дѣлаютъ ее скрижалю божественныхъ дѣлъ Промысла.

I.

Перенесемъ мыслию въ первую половину XV столѣтія (1430 г.). Истекала уже тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Хлоуисъ, вождь Франковъ, основалъ монархію и крестилъ народъ (496). Несчастливая эпоха, къ которой относится нашъ разказъ, могла казаться крайнимъ предѣломъ долгаго бытія Французскаго королевства: такъ безнадежно было положеніе его въ это время. Чтобъ уяснить читателю эту эпоху рѣшительнаго кризиса, начнемъ повѣствованіе свое вѣскольکو издали.

Собственно въ *территориальныхъ отношеніяхъ*, Франція началась („пошла есть“, сказалъ бы лѣтописецъ) тридцать лѣтъ по смерти Карла Великаго, когда жребіемъ была она выдѣлена изъ обширной его имперіи въ 843 году. Внукъ Карла

Великаго, Карлъ Лысый (не „косматый“, *chevelu*, какъ Хло-висъ и его династія) признанъ былъ обладателемъ западныхъ странъ.

Исторія края усложняется раздѣленіемъ его на множество большихъ и малыхъ частей, одна отъ другой почти незави-сѣвшихъ. Рѣка Луара, разсѣкая Галлію на двѣ половины, *сѣверную* и *южную*, отдѣляла земли, гдѣ, какъ въ Бретани, уцѣлѣли первобытные Кельты, и земли, гдѣ угнѣздились уже Франки, отъ странъ югозападныхъ и юговосточныхъ, гдѣ встрѣчалось населеніе галло-римское, остатки древней цивилизаціи, другіе люди, иная рѣчь, иной толкъ и обычай. Здѣсь Аквитанія, Овернь, Лангедокъ, Провансъ, Гасконъ и проч. Между этими двумя группами земель съ востока входила каиномъ Бургонь, а на западъ шли Анжу и Менъ вплоть до Бретани. Всѣ эти владѣнія, (подробное исчисленіе ихъ здѣсь было бы неумѣстно), именуясь то графствами и дукатами, то королевствами, пользовались, особенно въ южной половинѣ, самобытностію, одни съ самаго основанія своего, другія со времени ослабленія ихъ зависимости отъ власти преемниковъ Хловиса и Карла Великаго.

Съ наступленіемъ феодальной эпохи, то-есть когда раздробленіе земли между магнатами законно утвердилось, когда бенефиціи, розданныя воеводамъ въ пожизненное владѣніе, капитуляріемъ (указомъ) Карла Лысаго (877) признаны наследственными въ ихъ родѣ, народный бытъ, и самая внѣшность края измѣнились. Прежде, сильные воители, Карлъ Мартеллъ и великій внукъ его, охраняли миръ края мечомъ и страхомъ своего имени. Потомъ умные іерархи церкви продолжали ихъ дѣло, занимаясь строемъ и защитою государства. Но епископы сами лично ходившіе на войну, не могли съ равнымъ успѣхомъ быть пастырями душъ и вмѣстѣ отаичными полководцами. Отвынѣ (вѣкъ феодализма) общія слабость ведетъ къ общему всѣхъ вооруженію. Образовались группы однородныхъ началъ содружества, вѣзи сродственныхъ силъ, подъ згидою мѣстной власти: гдѣ сила, тамъ и власть. Было о чемъ подумать: стаи разноплеменныхъ хищниковъ раззорали отвсюду несчастную осиротѣлую страну. Она покрылась бровею твердынь, бойницъ и чостокола. Стѣны иноческихъ обителей и соборные храмы были нерѣдко вѣрнѣйшимъ убѣжищемъ для безоружной

толпы народа. Въ тѣснинахъ горъ, на переправахъ рѣкъ, устроены оборонительныя засады. Дикій утесъ вѣнчался замкомъ мѣстнаго барона. Каждый баронъ, одѣтый сталью съ ногъ до головы, преданный мечу своему какъ неизмѣнному другу, окружилъ себя сподвижниками, прислугой и подданными, вольный въ мирѣ и войнѣ, въ своихъ дѣлахъ и союзахъ. Взаимная связь этихъ политическихъ атомовъ основана была на честномъ словѣ, на присягѣ вассала въ вѣрности сеньйору, на клятвенныхъ обѣтахъ покровительства съ одной и добровольной преданности съ другой стороны. Взаимныя отношенія опредѣлялись обычаями. Сеньйоръ, имѣя вассаловъ, могъ, въ свою очередь, быть вассаломъ, и наоборотъ, вассалъ бывалъ иногда сеньйоромъ и вождемъ своихъ подчиненныхъ. Во главѣ феодальнаго общества, первымъ верховнымъ сеньйоромъ былъ король.

Вскорѣ романскій элементъ взялъ верхъ надъ германскимъ. Возникла новая *народность*, уже не Франковъ, а Французовъ (Francès).

Этой перемены соответствуетъ появленіе третьей династіи, *Капетовъ* (прозванной такъ отъ шапки, *capet, chapel, caprice*, которую носилъ ея родоначальникъ, подобно тому какъ у насъ родилось случайно прозваніе „Капиты“). Основателями династіи были владѣльцы центральной страны, расположенной по берегамъ Сены. Они титуловались дюками Франціи, графами Парижскими, и первымъ блестящимъ подвигомъ ихъ фамиліи, была геройская защита Парижа, во время осады его Норманнами въ 885 г. Эта заслуга доставила виновнику ея тогда же титулъ короля. Но слабое потомство Карла Великаго оспаривало этотъ титулъ въ продолженіе цѣлаго еще столѣтія, едва держась на шаткомъ престолѣ и все болѣе и болѣе роняя значеніе королевской власти.

Въ 987 году, бывший удѣлъ Карла Лысаго, ядро Французскаго королевства, заключаетъ въ себѣ уже *самъ* главныхъ владѣній, съ зависящими отъ нихъ владѣніями второй и третьей руки. Между ними анархія: нѣтъ сильной, умѣряющей дикую волю людей, правоправящей власти; отсель борьба кровавая, непримиримая, одной области съ другою, города съ городомъ, замка съ замкомъ, междуусобіе и неразлучныя съ нимъ ужасы опустошенія. Первые короли изъ рода Капетовъ встрѣчаютъ на каждомъ шагу сопротивленіе не только большихъ вассаловъ королевства, но и мелкихъ

бароновъ родовой своей отчины—дуката Фрауци. Сообщение Парижа съ окрестными городами и мѣстечками крайне неблагонадежно. Феодальные владѣльцы, обращая честную войну съ врагами отечества въ низкое ремесло, нападаютъ на проѣзжихъ, грабятъ товары и пожитки, перехватываютъ даже припасы, необходимые для насущнаго продовольствія столицы. Таково было положеніе дѣлъ! Феодализмъ, возникшій изъ нужды и бѣдствій эпохи, въ свою очередь сталъ бичомъ ея.

Въ то же время, въ осѣдлой странѣ, на берегахъ Нижней Сены, совершались немаловажныя, по своимъ послѣдствіямъ, событія. Это западное поморье было первымъ поприщемъ норманскихъ набѣдовъ. О томъ свидѣтельствовали развалины городовъ и селеній, бродячіе безъ пріюта обыватели, поля поросшія лѣсомъ и кустарникомъ. „Рѣдко гдѣ попадалась путнику одиноко дымящаяся хижина и слышался лай собаки.“ Но пришло время когда Норманы поняли, какія богатства скрываются въ плодородной почвѣ края, и остались тамъ на житье, не прекращая впрочемъ своихъ набѣговъ въ даль. Отъ нихъ край получилъ названіе „Нормандіи“. Вождь ихъ, знаменитый „морской король“ Ролль, склоняясь на предложеніе мѣстнаго епископа, занялъ, съ товарищами, городъ Руанъ. Народъ заставили обрабатывать землю, жилищныхъ обложили данью. Набѣги извмѣ прекратились. Все это совершилось не вдругъ.

Еще въ 911 году,—на французскомъ престолѣ сидѣлъ тогда внукъ Карла Лысаго, Карлъ Простой,—предводимые Ролломъ Норманы по обычаю грабили, и снова подступили къ Парижу: Парижане дали отпоръ. Ролль осадилъ Шартръ; но и здѣсь испыталъ неудачу, въ неистовомъ гнѣвѣ поклялся „уничтожить Францію“. Въ эту рѣшительную минуту Робертъ, умный графъ Парижскій, именемъ слабоумнаго короля, предложилъ воителю руку королевны и завоеванный имъ край (Нормандію) въ феодальное владѣніе. Ролль возразилъ, что дикія поля провинціи не въ состояніи прокормить его съ дружиною (30.000 человекъ). Тогда имъ въ кормленіе дали еще Бретань, край, не зависѣвшій отъ короля, дали слѣдовательно голое право завоевать Бретань, если удастся. Ролль согласился наконецъ поклониться королю на вассальство. Тутъ встрѣтилось нечаянное препятствіе: *поклонъ* (homagium) былъ уже не тѣмъ чѣмъ былъ у „вольныхъ Германцевъ“. Визан-

тійскіе обряды: падать ниць, цѣловать ноги, перешаи вмѣстѣ съ императорскимъ саномъ ко двору Франковъ. Ролль не хотѣлъ и слышать о подобномъ уничиженіи: епископы настаивали. Какъ быть? Ролль приказалъ дружинанику своему исполнить за него требуемое. Грубый Норманъ, поднося къ устамъ своимъ ногу короля, подыалъ ее такъ высоко, что король упалъ навзничъ. Произошло смятеніе: Норманы расхохотались, и французскіе бароны—тоже, видя что сердаться не приходится.

Ролль далъ присягу на вѣрность королю, и перемѣнилъ вѣру. Онъ нареченъ въ сватомъ крещеніи Роберомъ, по имени воспріемника своего, дюка Франціи, и сдѣлался усерднымъ сыномъ церква, щедрымъ раздавателемъ милостыни и земель храмамъ Божіямъ, счастливымъ мужемъ королевы. Дружина, слѣдуя его примѣру, также крестилась. Такимъ образомъ побѣдители приняли вѣру и языкъ побѣжденныхъ. Въ свою очередь, они принесли имъ съ собою качатки общественной организаціи, мужественную доблесть, понятіе и навыкъ завоеванія властямъ. Правосудіе и нещадная строгость утвердили въ краѣ личную безопасность всѣхъ и каждаго и уваженіе къ чужой собственности. Въ Бретани, преемники Ролля дѣйствовали съ различнымъ успѣхомъ.

Прошло еще полтора столѣтія. Дюкъ Нормандіи, Вильгельмъ, завоевалъ Англію и вѣнчался королемъ въ Вестминстерѣ (1066 г.). Вассалъ Франціи сталъ сильнѣе своего господина. Наконецъ внучка завоевателя (отъ сына его, Генриха I), Матильда, бывъ выдана замужъ за графа Анжуйскаго (1126), приобщила графства Анжу, Менъ и Турскую область (Touraine) къ этой сборной коронѣ, которой перломъ была, конечно, Англія.

Династія Капетовъ, послѣ вѣковой дремоты безсилія, произвела наконецъ государя дѣльнаго, предприимчиваго. Лудовикъ VI (*Дюжій, Le Gros*) покорилъ мятежныхъ вассаловъ своего дуката, раззорилъ ихъ гвѣздилища, оградилъ миромъ и безопасностію свою столицу и всячески содѣйствовалъ освобожденію народа отъ произвола и притѣсненія сильныхъ. Имѣя сначала мало власти, мало войска (отъ 300 до 700 человекъ), онъ много дѣлаалъ личнымъ мужествомъ, ловкостію, присутствіемъ духа, и въ тридцать саишкомъ лѣтъ правленія умиралъ, устроилъ Францію (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова). Възъ ея, особенно по ту сторону Дуары, гдѣ еще отецъ его

приобрѣлъ Буржъ куплею, онъ былъ королемъ лишь по имени. Однакоже подъ конецъ жизни созрѣли плоды его постоянства и благоразумія. Значеніе королевской власти возвысилось до такой степени, что графы Фландріи и другіе владѣльцы, въ спорахъ своихъ, обращались къ королю, и Лудовикъ могъ уже съ большимъ войскомъ, набраннымъ изъ всѣхъ классовъ народа, въ сопровожденіи своихъ вассаловъ—дюка Бретани, графовъ Фландріи, Анжу, отряда Нормандцевъ присланнаго Генрихомъ,—явиться за Дуарою судьей и миротворцемъ, въ спорѣ между графомъ Оверни и клермонскимъ епископомъ. Наконецъ, могущественный дюкъ Аквитаніи или Гюьенны, отходя на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ, поручилъ его опеку свою дочь и наследницу, Элеонору, которая вскорѣ потомъ осиротѣла, и король сочеталъ ее бракомъ съ сыномъ своимъ Лудовикомъ Младшимъ (1137 г.). Корона обогатилась обладаніемъ обширнаго цвѣтущаго края вплоть до Пиренейскихъ горъ и покорностію великаго множества вассаловъ.

Такимъ образомъ двѣ соперницы, Англія и Франція, сравнялись силою, пространствомъ, населенностію своихъ владѣній. Онѣ сошлись какъ двѣ громадныя тучи на горизонтѣ, готовые столкновеніемъ своимъ произвести ужасную грозу. Вихрь случая скоро нарушилъ равновѣсіе силъ и далъ рѣшительный перевѣсъ одной сторонѣ надъ другою.

Лудовикъ VII (Младшій) не походилъ на отца. Его легкомысліе, слишкомъ тѣсное понятіе о благочестіи, вялость ума и воли погубили то, что списано было смѣтливостію и упорнымъ трудомъ его родителя. Долговременное правленіе его—рядъ ошибокъ и неудачъ, изъ которыхъ главная—размолвка съ женой. Въ 1152 году, послѣ многихъ соблазновъ и домашнихъ ссоръ, Элеонора потребовала развода, подъ предлогомъ дальняго родства съ Лудовикомъ, и соборъ духовныхъ разрѣшилъ ея узы. Три мѣсяца спустя, она отдала свою руку и богатое наслѣдіе отца молодому Генриху, графу Анжуйскому, сыну Матильды, который вскорѣ потомъ соединилъ подъ своею властію Англію, Нормандію, Бретань, Гюьенну, Анжу съ принадлежностями, и сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ монарховъ въ Европѣ. Такъ судьба измѣнила Франціи: вся западная половина отошла отъ нея. Счастливымъ соперникъ Лудовика, мужъ Элеоноры, повелитель Англіи, Генрихъ II, хитро и ловко игралъ свою роль, ласкалъ самолюбіе развѣн-

чаваго короля, величалъ его своимъ сеньйоромъ, покланялся ему, какъ вассалъ, Нормандіей и Гюбенной, и сколько искусною политикой, столько же оружіемъ и расторопностію, упрочилъ за собою свои приобрѣтенія. Онъ даже породнился съ королевемъ Франціи, обрученіемъ трехлѣтняго сына своего (отъ Элеоноры) съ шестилѣтнею дочерью Лудовика (отъ второй жены), пролагая такимъ образомъ династіи своей путь еще къ новому престолу. И въ самомъ дѣлѣ, ничто не противилось его видамъ. По роду своему, домъ Анжуйскій былъ знаменитъ и націоналенъ во Франціи, и въ жилахъ наследника мѣшалась кровь англо-саксонская, гюбенская, анжуйская. Онъ могъ со временемъ быть живымъ союзомъ этихъ народностей. Вышло иначе.

Лудовикъ вступилъ въ третій бракъ, отъ котораго, въ 1165 г., родился сынъ, нареченный Филиппомъ-Августомъ, (какъ полагають оттого, что родился въ августъ мѣсяцъ). Это обстоятельство разстроило дальнѣйшія надежды англійскаго короля. Несмотря, однакоже, на то, и на отчаянную внутреннюю борьбу съ духовенствомъ и съ домашними, онъ продолжалъ увеличивать свои владѣнія, и кромѣ Ирландіи, которую завоевалъ съ благословенія папы, принялъ въ число вассаловъ Раймунда, который поклонился ему Тулузскимъ графствомъ (за Луарой), по праву зависѣвшимъ доселѣ отъ Франціи, да захватилъ одинъ за другимъ беррійскіе города, оставя Лудовику, словно изъ милости, одинъ Буржъ. Чувствуя свою дряхлость, Лудовикъ сказалъ ему: „Ты, государь, много повредилъ мнѣ, и земель моихъ присвоилъ себѣ не мало. Я старъ, не могу отстоять ихъ. Но не отрекаюсь отъ правъ своихъ, тому Богъ свидѣтель и вѣрные мнѣ бароны. Да поможетъ Господь правосудный, да поможетъ Онъ сыну моему возвратить покищенное тобою, когда меня не будетъ.“ Эти слова, сказанныя въ присутствіи молодаго принца, произвели глубокое на него впечатлѣніе.

Онъ наследовалъ отцу (1180) имѣя пятнадцать лѣтъ отъ роду, и правилъ государствомъ сорокъ три года. Твердостію и благо-разуміемъ, онъ съ первой поры заставилъ вассаловъ уважать себя, увеличилъ свои владѣнія значительными приобрѣтеніями со стороны Фландріи, и затѣмъ направилъ всѣ свои помыслы противъ кореннаго врага своего дома. Тотъ врагъ, еще сильный по наружности, не могъ уже быть ему опасенъ. Семейныя распри точили сердце его. Элеонора и въ новомъ бракѣ

не измѣнила своихъ обычаевъ. Сыновья пошли по ней: они бунтовали противъ отца. Филиппъ въ тайнѣ подстрекалъ ихъ къ тому и поддерживалъ ихъ козни и замыслы. Отецъ, умирая, проклялъ ихъ (1189). Впрочемъ, два старшіе, зять Лудовика и другой бывший дюкомъ Бретани, умерли преждевременно. Остались Ричардъ (Львиное Сердце) и Иоаннъ (Безземельный), да малолѣтній внукъ, рожденный отъ дюка Бретани, Артуръ.

Ричардъ, долгое время залушевный другъ Филиппа, вступивъ на престолъ, сталъ злѣйшимъ врагомъ его. Ричардъ смылъ образцомъ удачества и свирѣпой отваги. Филиппъ, не менѣе его жестокій, превосходилъ его коварствомъ ума и хладнокровіемъ. Поссорясь между собою на пути въ Палестину, куда ходили они крестовымъ походомъ, они воротились оттуда съ неугасимою жаждой мести, кипя ненавистію другъ къ другу. Около девяти лѣтъ боролись потомъ эти короли, раззоряя народъ и проливая кровь его, то въ Гюеннѣ, то въ Нормандіи. Ричардъ погибъ, раненый смертельно при осадѣ одного замка (1199 г.)

Наслѣдовалъ ему братъ, еще болѣе его недостойный, и Филиппъ, сознавая свое превосходство надъ новымъ соперникомъ, спѣшилъ воспользоваться случаемъ и порѣшить дѣло въ свою пользу. Онъ объявилъ себя защитникомъ правъ Артура противъ Иоанна. Но Иоаннъ опередилъ его, успѣлъ захватить князю королевскую, и вслѣдствіе того былъ признанъ королемъ въ Англіи и въ Нормандіи. Тогда Филиппъ заключилъ съ нимъ выгодный миръ, на слѣдующихъ условіяхъ: Иоаннъ обязывается выдать племянницу свою (по сестрѣ) Бланку Кастильскую за Лудовика, сына Филиппа, обѣщая признать ее наслѣдницей своихъ провинцій на твердой землѣ (во Франціи), въ случаѣ если самъ умретъ бездѣтнымъ. Артуръ получаетъ Бретань и объявляется вассаломъ Англіи (1200 г.). Этотъ миръ не могъ быть проченъ.

Безпутный Иоаннъ бросилъ законную жену, похитилъ Изабеллу, невѣсту одного изъ своихъ вассаловъ, который, дыша мщеніемъ, поднялъ званя мятежа въ южныхъ провинціяхъ, и обратился къ правосудію Филиппа. Король звалъ Иоанна, какъ своего вассала, на судъ перогъ и занялъ войскомъ Нормандію, Артура же послалъ воевать за Дуару. Тамъ неопытный семнадцатилѣтній принцъ былъ взятъ въ плѣнъ Иоанномъ и пропалъ безъ вѣсти. Молва народная звала Иоанна убійцей. Бретань, преданная Артуру, вопіяла о мщеніи, и

Филиппъ рѣшительно потребовалъ Иоанна къ отвѣту. Началась война, ознаменованная кровопролитіемъ, осадю и упорною защитой нормандскихъ крѣпостей. Въ это время Иоаннъ, оставленный своими, безопасно сидѣлъ въ Руанѣ съ Изабеллою, тѣшилъ пиршествами, игрою въ шахматы и наконецъ бѣжалъ за море. Руанъ сдался въ іюлѣ 1204 года: Нормандія стала французскою провинціей. Филиппъ обратился потомъ на югъ, гдѣ также все покорилось ему.

Тогда Иоаннъ образумился и отправилъ посла къ Филиппу, обѣщая явиться на судъ перовъ, если король дастъ ему опасныя грамоты на проѣздъ.

„Пусть ѣдетъ сюда съ миромъ!“ сказалъ Филиппъ быстро и двусмысленно.—„И съ миромъ же уѣдетъ?“ спросилъ посолъ.—„Да, возразилъ король, если будетъ оправданъ.“—„Но, продолжалъ посолъ, Иоаннъ—король, и англійскіе бароны не позволяютъ, чтобъ онъ шелъ на вѣрную смерть или заключеніе.“—„Такъ что жъ! нетерпѣливо вскричалъ Филиппъ.—Дюкъ Нормандіи—вассалъ французскаго короля. Онъ неправдами приобрѣлъ Англію: пусть такъ! Да развѣ право сеньора гибнетъ оттого, что случай благоприятствовалъ его вассалу?“

По старинѣ Филиппъ былъ неправъ. Феодальный обычай не позволялъ карать обвиняемаго, безъ признанія его въ своей винѣ. Безвредно могъ онъ возвратиться: восвояси; только тогда уже считался внѣ закона, и былъ преслѣдуемъ какъ врагъ гражданскаго общества. Но Филиппу нужна была жертва или добыча, больше ничего.

Судъ перовъ обвинилъ Иоанна, призналъ его вѣроломнымъ и убійцею, и приговорилъ заочно къ смертной казни. Въ отвѣтъ Иоаннъ явился у береговъ Франціи съ сильнымъ флотомъ, высадивъ войско въ вѣрной ему пристани (La Rochelle), и дѣйствовалъ не безъ успѣха. Наконецъ, стараніемъ папскаго легата, заключено перемиріе (1206), въ силу котораго Иоаннъ отказался временно отъ правъ своихъ на провинціи, лежащія къ северу отъ Луары и на мѣста, завоеванныя Филиппомъ, по ту сторону этой рѣки.

Въ то же время Иоаннъ ссорился съ Римомъ за то, что папа назначилъ первосвященникомъ Англіи личнаго врага его. Иоаннъ, съ своей стороны, не щадилъ церковныхъ имуществъ. Папа Иннокентій III предалъ его за то проклятію и поручилъ Филиппу исполненіе приговора, то-есть завоеваніе Англіи. Въ апрѣлѣ 1213 года, Филиппъ изготовилъ сильную рать,

и въ самой Англiи всеобщее неудовольствiе ждало лишь случая, чтобы выдать Иоанна врагамъ. Иоаннъ оробѣлъ и покориася папѣ. Онъ объявилъ торжественно легату, что предаетъ, на вѣчныя времена, отъ себя и отъ имени своихъ преемниковъ, королевство Англiи и Ирландiи во власть папы и клянется ему въ вѣрности, какъ вассалъ римскаго престола, обязываясь платить ежегодно тысячу марокъ серебра, и нынѣ же годовой окладъ этой дани повергаетъ къ стопамъ легата. Такое неслыханное уничиженiе спасло безумца, но еще болѣе уронило его въ глазахъ бароновъ, и возмутило ихъ сердце. Они принудили его подписать грамоту или хартию (*magna charta*), ограждавшую самыя завѣтныя права ихъ. Но какъ онъ не устоялъ въ словѣ и съ помощiю папы уничтожилъ хартию, то не видя конца его лжи и насилiямъ, бароны вооружились и послали звать на престолъ англiйскiй Лудовика, сына Филиппа Августа. Молодой принцъ прибылъ въ мѣсь 1216 года и былъ принятъ съ восторгомъ знатiю и гражданами Лондона: шотландскiй король призналъ себя его вассаломъ. Завязалась борьба съ наемнымъ войскомъ Иоанна. Но вскорѣ самъ Иоаннъ заболѣлъ лихорадкой, обѣвшись плодомъ, и умеръ 19 октября. Остался десятилѣтнiй сынъ его Генрихъ. Бароны опомнились и, уже недовольные Лудовикомъ, признали королемъ своимъ Генриха III. Съ этихъ поръ все пошло иначе. Тщетны были усилiя французскаго принца; онъ не могъ удержаться. Папа отлучилъ его отъ церкви за посягательство на новую отчину Св. Петра. Отецъ не смѣлъ открыто помогать ему: флотъ его разбитъ, войско взято въ плѣнъ, и самъ онъ принужденъ (въ августѣ 1217 г.) отказаться отъ всѣхъ притязанiй на Англiю, подлинную хартию возвратитъ баронамъ, а корону, которой едва коснулся, законному королю-отроку. Прощаясь съ Англичанами, онъ, говорятъ, подалъ имъ надежду, что отецъ его возвратитъ Генриху заморскiя его провинци. Печаленъ и безоруженъ прибылъ Лудовикъ восвояси. Папа снялъ съ него запрещенiе.

Вскорѣ потомъ, когда Лудовикъ VIII вступилъ на прародительскiй престолъ (1223), Генрихъ напомнилъ ему данное обѣщанiе и требовалъ непосредственно уступки утраченныхъ Иоанномъ во Францiи владѣнiй. Но Лудовикъ отвѣтствовалъ, что Генрихъ самъ нарушилъ условiя послѣдняго мира, а именно: не возвратилъ французскихъ плѣнныхъ, казнилъ гражданъ Лондона за приверженность ихъ къ Францiи

и многократно посягаль на вольности своего народа. Возникли споры и неудовольствія. Лудовикъ, не теряя времени, перешелъ за Дуару, и въ одинъ походъ взялъ Ла-Рошель, и завоевалъ остальные владѣнія Ангаіи до самой Гаронны: уцѣлѣли только Гасконь и Бордо. Англонорманская сила и власть въ этомъ краѣ внезапно стояли какъ вешній снѣгъ. Фортуна снова обратилась лицомъ къ Франціи, которая, какъ казалось, высвободилась навсегда изъ когтей чужезастія. Успѣхомъ своимъ Лудовикъ обязанъ былъ уму и долготерпѣнію отца, который, чуть не полвѣка права государствомъ, установилъ въ немъ порядокъ и миръ внутренній, украсилъ столицу, образовалъ войско, собралъ богатую казну. Словомъ, монархія, пересозданная Филиппомъ-Августомъ, имѣла предъ собою великую будущность и широкое поприще для новыхъ пріобрѣтеній (Лангедокъ). Лудовикъ VIII королевствовалъ съ небольшимъ три года, и умеръ (1226), оставилъ престолъ двѣнадцатилѣтнему сыну, Лудовику.

Обстоятельства были трудныя. Отрочество короля и вдовство его матери поощряли строптивыхъ вассаловъ къ сопротивленію. Гюенна и Бретань волновались; въ Нормандіи было неспокойно. Знатные господа звали къ себѣ Генриха, ковали въ тайнѣ измѣну, мѣстами явно и нагло мятежничали. Всѣ эти козни и возстанія сокрушились однакоже объ искусную политику вдовствующей королевы, Бланки, которая умѣла разстроить союзъ враговъ и выиграть время заключеніемъ нѣсколькихъ перемирій. Самовластный Генрихъ, ссорясь безпрестанно съ англійскими своими вассалами, воюя въ Шотландіи, не имѣлъ ни времени, ни силъ, ни способности къ поддержанію ненадежныхъ друзей своихъ. Правда, онъ прибылъ къ нимъ въ 1242 году съ небольшимъ отрядомъ и привезъ съ собою тридцать бѣшекъ золота. Но не устоялъ въ полѣ противъ натиска молодого короля Французовъ, заключилъ перемиріе и удалился, пропивавъ въ Бордо все свое золото.

Благочестивый Лудовикъ IX отправился потомъ въ крестовый походъ и пробылъ шесть лѣтъ за границей. По возвращеніи своемъ оттуда, движимый кротостію и христіанскимъ смиреніемъ, онъ рѣшился на подвигъ безпримѣрный въ исторіи: добровольно возвратилъ Генриху (1259 г.) значительную часть южныхъ провинцій (Limousin, Périgord, Quercy,

Агеной-), получилъ отъ него взаимно завѣреніе, что сѣверныя провинціи (Нормандія, Анжу и проч.) достояніе Франціи, и принадлежатъ ей навѣки нерушимо. Такая уступчивость, съ его стороны, происходила отъ совѣстливаго желанія загладить слѣды несправедливости и вины предшественниковъ, братскою любовію привлечь къ себѣ сердце Генриха, который былъ ему своякъ, и обязать его вѣчнымъ миромъ и благодарностію. Но „благодарности нѣтъ въ политикѣ.“ Последовавшія затѣмъ событія подтверждаютъ истину этого афоризма.

Сынъ и преемникъ Генриха, Эдуардъ I (1272) составилъ себѣ мудрый планъ правленія, предположивъ утвердить власть свою прежде всего у себя дома, на родимомъ островѣ, покореженіемъ независимыхъ дотола Валлиса и Шотландіи. Но жадность и лукавство Филиппа Красиваго, внука Лудовика Святаго, не дали ему покоя, и невольно вовлекли его въ континентальныя войны, которыхъ онъ всѣми силами старался избѣжать. Поведомъ къ войнѣ было слѣдующее обстоятельство.

Торговое соперничество порождало частыя распри между англійскими и норманскими матросами: доходило не разъ до кровопролитія и обоюднаго грабежа въ пристаняхъ и въ открытомъ море. Случилось, что англійскіе люди заодно съ Гасконцами, ворвались въ подвластный Филиппу городъ (La Rochelle), и надѣлали тамъ не мало вреда. Надо замѣтить, что Лудовикъ IX, уступая южныя провинціи англійскому королю, удержалъ за собою права сеньйоріи, особенно право верховнаго суда и посадилъ главнаго судью своего (sénéchal) въ Перигё. Этотъ судья выступилъ теперь противъ Гасконцевъ, звалъ ихъ къ суду, и наложилъ секвестръ на Бордо и другіе города. Но воеводы Эдуарда прогнали его посланныхъ и не ведали его слушаться. Филиппъ обрадовался случаю и потребовалъ явки своего вассала, короля Эдуарда, на судъ перовъ.

Эдуардъ не думалъ ссориться: все, что случилось до сихъ поръ, произошло помимо его, своеволеніемъ частныхъ лицъ и недоразумѣніемъ воеводъ. Эдуардъ чтилъ сеньйора въ лицѣ французскаго короля, потому что самъ домогался того же преимущества со стороны Шотландіи. Онъ отправилъ къ Филиппу брата своего, Эдмунда, уполномочивъ его сдѣлать приличное королю удовлетвореніе. Вместе съ тѣмъ Эдмундъ имѣлъ порученіе просить для Эдуарда руки Марга-

риту, родной сестры Филиппа, причеиъ Эдуардъ обѣщаль уступить дѣтямъ, которыя родятся отъ этого брака, всѣ права свои на Гюбенну. Филиппъ принялъ Эдмунда ласково. Условились: Гасконь *судать* для вида, pro forma, Филиппу, который, по прошествіи сорока дней, возвратить ее англійскому королю. Эдуардъ далъ повелѣніе (1294) воеводамъ своимъ исполнить волю короля, и французскія войска заняли Гасконь, вступили въ Бордо и въ другія мѣста. Тогда Филиппъ вдругъ переиъвилъ тонъ, заговорилъ снова о явкѣ Эдуарда къ суду, назначивъ ему кратчайшій срокъ. Эта приказанная уловка возмутила сердце Эдуарда. Онъ торжественно объявилъ Филиппу, что слагаетъ съ себя долгъ вѣрности и вассальства за вѣроломное нарушеніе мира, которымъ клялись ихъ предки.

Вступая въ борьбу, Эдуардъ не имѣлъ достаточныхъ силъ и принужденъ былъ искать себѣ союзниковъ. Ихъ было много, потому что всѣ ненавидѣли Филиппа. Но хитрость послѣднего все превозмогла.

Союзники Эдуарда, побравъ субсидіи (денежную помощь), дѣйствовали вяло. Весь занятый покореніемъ Шотландіи, съ которою Филиппъ вошелъ въ тѣсную дружбу, Эдуардъ достигъ, наконецъ, цѣли кровавыхъ трудовъ своихъ, и въ 1296 г. овладѣлъ этимъ краемъ; но онъ не могъ одновременно противодействовать Филиппу въ Гюбеннѣ. Къ тому же Бретань перешла добровольно противнику Эдуарда. Англійскіе бароны, равнодушные къ участи заморскихъ провинцій, едва соглашались, и то немногіе, служить королю въ островѣ. Отсюда неудачи его во Фландріи, гдѣ Филиппъ ратовалъ лично, съ отиъваннымъ мужествомъ и успѣхомъ. Пришлось просить перемирія, потому что Шотландія снова возмутилась. Папа Бонифаций VIII взялся быть посредникомъ и предложилъ слѣдующія условія: „Эдуардъ женится на Маргаритѣ, а сынъ его Эдуардъ II на Изабеллѣ, дочери Филиппа. Часть спорныхъ земель будетъ возвращена Англіи. До времени, западныя Гюбенна и Гасконь ввѣряются попечительству римскаго двора. Эдуардъ оставитъ Шотландію въ покоѣ.“ Обѣ стороны приняли папское рѣшеніе. Касательно же владѣній, каждая сторона удержала до окончательнаго мира то что приобрѣла; иначе сказать, Филиппъ остался властителемъ почти всѣхъ южныхъ провинцій (1299).

Въ то же время онъ торжествовалъ въ упорной борьбѣ своей

съ вольными гражданами Фландріи, и часть богатаго края стала неотъемлемою его добычей. Всѣ эти удачи и триумфы его были, такъ сказать, лишь „яркою заплатой“ на бѣдномъ рубищѣ обширнаго, но внутри слабаго, растлѣннаго государства. Тѣмъ не менѣе оно росло во всѣ стороны, и самостоятельный король правилъ ими почти неограниченно.

Отношенія къ Англіи остались какъ были—двусмысленными. Умеръ Филиппъ Красивый (1314), и три сына его, послѣдовательно, также умерли, не оставивъ по себѣ наследниковъ мужескаго пола. Юный король Англіи, Эдуардъ III (рожденный отъ Изабеллы), имѣлъ, по мнѣнію многихъ, ближайшее право на французскій престолъ. Однакоже чувство народности превозмогло. Франція поручила судьбу свою Филиппу VI изъ боковой линіи Валуа.

На блистательномъ съѣздѣ въ Аміенъ (6 го іюня 1329 г.) Эдуардъ III поклонился Филиппу Гюбенною и принадлежащими къ ней землями. Они разстались, повидимому, друзьями на всю жизнь. Но въ сущности все пошло попрежнему. Въ Гюеннѣ воеводы ссорились и ссорили своихъ государей. Въ Шотландіи Франція вліяніемъ своимъ поперечила видамъ Англіи. Въ свою очередь, Эдуардъ принялъ съ честью Робера, зятя и вмѣстѣ отъявленнаго врага Филиппа, и охотно внималъ его замысламъ и навѣтамъ. Съ дѣтами честолюбіе Эдуарда разыгрывалось: онъ сталъ жалѣть о французской коронѣ. Этотъ разъ,—право, молодость, даровитость и самое счастье были на сторонѣ англійскаго короля. Организация его державы была сильнѣе, а развитіе народа поактѣ и правильнѣе нежели во Франціи. Съ другой стороны, Англія была относительно малымъ государствомъ и не могла обойтись безъ чужой помощи. Къ тому же она принуждена была вести войну для нея несподручную, дѣйствовать вдали, за моремъ. Союзники были тѣ же что и прежде, при Эдуардѣ I: нѣмецкій кайзеръ и чины имперіи, да графы и герцоги Низовой Земли (Raus-Bas). Первые отаичались высококомвріемъ и верѣшимостію; послѣдніе были связаны отношеніями близкаго сосѣдства, имѣя часть владѣній своихъ въ самыхъ предѣлахъ Франціи. Всѣ брали гиней Эдуарда, и почти ничего не дѣлали. Положеніе его сначала казалось затруднительнымъ. Ошибки враговъ, сверхъ чаянія, помогли ему.

Въ сентябрѣ 1336 года, графъ Фландріи, вассалъ и клеветель Филиппа, велѣлъ вдругъ, по его наущенію, схватить, безъ

всякаго, впрочемъ, повода, ангайскихъ купцовъ, находившихся въ его владѣнiяхъ. Эдуардъ, въ отвѣтъ ему, сдѣлалъ то же съ фландрскими купцами въ Англии. Эти безразсудства поссорили было два народа, которые не могли обойтись другъ безъ друга. Ангайская шерсть шла цѣлкомъ во Фландрiю, которая одѣвала Ангаю своими сукнами: отсюда торговля связи, богатство и благовоствоянiе обѣихъ странъ. Нужда и чутъе корысти скоро уяснили имъ, что чужая рука подтасовала карты къ общей ихъ погибели. Богатыя общины Фландрiи: Гентъ, Брюгге и другiя скоро смекнули въ чемъ дѣло. Подъ предводительствомъ избраннаго изъ среды своей вождя, онѣ изгнали графа и его приверженцевъ и подали руку Ангаи, предлагая войскамъ ея свободный проходъ чрезъ свои земли. Содѣйствовать Эдуарду открытою силой противъ Филиппа, они однакоже не рѣшались, потому что феодальное право не позволяло имъ объявить наступательную войну своему государю. Къ тому же давнiе договоры съ Францiей именно возбраняли имъ это, и договоры эти гарантированы были папою. Ища какъ бы поладить съ грѣхомъ, „мы не можемъ, говорили они ангайскимъ языкомъ посланному, идти противъ короля Францiи; но за *законнаго* государя ея противъ короля-найденыша—идемъ“, давая тѣмъ знать, что Филиппъ не имѣеть права на французскiй престолъ (*roi trouvé*), что Ангаи надо дѣйствовать рѣшительно, и что, какъ говорится, „смыльнымъ Богъ владѣеть.“ Эти слова надуумили Эдуарда. Шадить было нечего: знамена Филиппа развѣвались уже въ Гюьеннѣ и чуть не на берегахъ Ангаи. Эдуардъ, 7-го октября 1337 г., объявилъ своему парламенту, что ополчается на похитителя наслѣдственно принадлежащей ему французской короны. Но собственно манифестъ или воззванiе его къ прелатамъ, баронамъ и городамъ Французскаго королевства, манифестъ, въ которомъ онъ увѣщевалъ оставить гнѣвника и покориться ему, законному государю, правнуку Лудовика Святаго (IX),—этотъ манифестъ вышелъ уже по открытiи военныхъ дѣйствiй, 8-го февраля 1340 г. Отселѣ начинается такъ-называемая столѣтняя война.

II.

Походы Эдуарда и его военачальниковъ возобновлялись нѣсколько разъ и успѣхъ ихъ былъ различный. Результаты военныхъ дѣйствiй, ничтожныя во Фландрiи, — кромѣ пораженiя

французскаго флота въ устьяхъ Шельды,—значительнѣе въ Бретани и особенно важны въ Гюьеннѣ, гдѣ графъ Дерби радомъ блистательныхъ подвиговъ разсѣялъ неприятельскія силы и раззорилъ господство Франціи вплоть до Шаранты, побравъ Ангулемъ, многіе другіе города и укрѣпленія и множество знатныхъ плѣнниковъ. Филиппъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить потерянное, собралъ въ началѣ 1346 г., говорятъ, до ста тысячъ воиновъ, въ окрестностяхъ Тулузы и поручилъ команду сыну своему, дюку Нормандіи, Иоанну. Графъ Дерби благоразумно ограничился тогда обороною крѣпостей. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ взяты обратно Иоанномъ, въ томъ числѣ Ангулемъ, но крѣпостца Эгильйонъ (Aiguillon) упорною защитой остановила наступательное движеніе французской арміи. Между тѣмъ въ пристаняхъ Англіи готовилась въ помощь эскадра, и Эдуардъ вышелъ съ нею въ море 2-го іюля, во главѣ тридцати тысячъ войска. Сначала направленіе пути этой армады было южное, но вдругъ подулъ противный вѣтеръ, который отбросилъ ее къ берегамъ Бретани. Это случайное обстоятельство рѣшило судьбу войны.

Здѣсь Эдуардъ, склонясь на убѣдительныя просьбы норманскаго эмигранта, графа Гаркура (12 іюля), высадилъ войско и нечаянно вступилъ въ Нормандію. Передъ нимъ открылась роскошная долина Нижней Сены. Онъ шелъ быстро впередъ, минуя укрѣпленныя мѣста (въ томъ числѣ и Руанъ), тѣмъ воиновъ легкою добычей богатаго края: награбленное имущество и плѣнные отосланы немедленно на корабляхъ въ Англію. Продолжая путь южнымъ берегомъ Сены, Эдуардъ прибылъ въ Пуасси (Poissy), резиденцію Капетовъ, въ тридцати верстахъ отъ Парижа, и отпраздновалъ здѣсь свѣтлый день Успенія Богородицы (1 августа), заявляя о себѣ Парижанамъ опустошеніемъ и пожарами, весело распивая вина королевскія и пр. Филиппъ глубоко чувствовалъ свое безсиліе: его армія находилась въ 600 верстахъ отъ него, подъ Эгильйономъ. Пока собирали новую рать и знатное рыцарство, Эдуардъ, не дожидаясь грозы, построилъ мостъ чрезъ Сену и двинулся къ сѣверу, въ Пикардію. Поспѣшность удобопонятная: Филиппъ шелъ уже вслѣдъ ему съ двойною силой, а впереди глубокая рѣка Сомма, безъ мостовъ, заграждала путь отступленію. Эдуардъ встревожился: бѣда была большая. Нашелся, однакоже, человекъ, который указалъ мѣсто называемое „бѣлый бродъ“, недалеко отъ устья рѣки, гдѣ можно

было перейти ее, въ часы морекаго отлива. Ночью выступили изъ лагеря и къ разсвѣту (24 августа) были у брода. Здѣсь явился на встрѣчу, за рѣкою, посланный Филиппомъ десяти-тысячный отрядъ, и сѣча загорѣлась въ самыхъ водахъ Соммы. Подоспѣвъ Филиппъ съ тыла, торжество его было бы несомнѣнно. Но онъ не успѣлъ. Англичане бились отчаянно и пробились сквозь ряды непріятели. Когда Филиппъ подошелъ съ войскомъ, часъ прилива уже наступилъ, и переправы не было. Пришлось отойти къ Аббевилю, гдѣ мостъ чрезъ Сомму былъ цѣлъ, благодаря французской стражѣ и укрѣпленіямъ. Между тѣмъ Эдуардъ, приостановясь, расположился въ 20 верстахъ отъ Аббевиля по опушкѣ лѣса, въ мѣстѣ называемомъ Креси (Crècy). Сраженіе было неизбѣжно.

Эдуардъ выбралъ самую выгодную позицію, далъ отдыхъ и довольствіе войску. Поутру, на зарѣ (26 августа) отслужили обѣдню, причастились Св. Таинъ, изготовились. Авангардомъ командовалъ наслѣдникъ, арріергардомъ—самъ король. Кавалерія спѣшилась и примкнула къ пѣхотѣ и стрѣлкамъ. Всего войска у Англичанъ было тысячъ до двадцати пяти. Эдуардъ на лошади, съ бѣлой тростью въ рукѣ, объѣхалъ ряды. Веселое лицо его, привѣтливая рѣчь всѣхъ одушевили. Спокойно и удобно, не выходя изъ строя, воины пристали покуда на землю, въ ожиданіи гостей. Наконецъ, показалась нестройная масса французской арміи. Филиппъ велъ семьдесятъ тысячъ войска, въ томъ числѣ десять тысячъ рыцарства (конницы), отрядъ генуезскихъ стрѣлковъ, да сборное ополченіе. Шли въ разбросъ. Король хотѣлъ было приостановиться и построиться; но когда завидѣлъ Англичанъ, сердце его дрогнуло отъ гнѣва и злости, и онъ вскричалъ: „стрѣлки впередъ!“ Стрѣлки, наемные генуезскіе горцы, были, какъ и вся пѣхота, утомлены двадцативерстнымъ переходомъ, который сдѣлали однимъ духомъ, съ тяжелымъ арбалетомъ на плечѣ, при страшномъ грозѣ, подъ сильнымъ проливнымъ дождемъ. Тетивы ихъ намокли въ пути. Англичане, напротивъ того, тетивы свои укрыли отъ дождя въ шапкахъ. Ряды ихъ были стройны, свѣжи, хладнокровны. Мѣткія стрѣлы ихъ валяли какъ густой снѣгъ на непріятели. Бой былъ сашкомъ неровель. Филиппъ, видя, что стрѣлки его шарахнулись назадъ, до того забылся, что скомандовалъ: „рубить эту сволочь, чтобы не заслоняла дорогу!“ Тогда произошелъ ужасная путаница,

рѣзня безъ толку и пощады. Мечи и копыя французской жандармеріи обрушились на бѣгущихъ. Среди этой усобицы, Англичане, не цѣлая, попадали въ цѣль и разили врага не только стрѣлами, но и новымъ еще тогда оружіемъ, бросая изъ бомбардъ желѣзные пули, особенно вредившія конницы. Французское рыцарство сѣяло смерть и язвы вокругъ себя, не вѣдая что творить, и гибло само безславною смертію. Самые удалые, высвободясь изъ яростной схватки съ своими, бросались на Англичанъ съ отвагою необыкновенною, но безъ порядка и согласія, слѣдовательно, безъ успѣха. Словомъ, сраженіе было проиграно. Множество знатныхъ витязей и тридцать тысячъ войска легко на мѣстѣ. Приближенные спасли Филиппа, увлекши его насильно съ поля битвы, гдѣ онъ оставался до ночи. Его запальчивость, отсутствіе всякой дисциплины въ войскѣ, были главною причиною пораженія, чему не мало, впрочемъ, содѣйствовала происшедшая въ ту пору перемѣна въ военномъ искусствѣ.

Регулярная пѣхота преобладала въ войскѣ Эдуарда. Отнынѣ она беретъ верхъ надъ кавалеріей (надъ благороднымъ рыцарствомъ). Механизмъ сплошнаго строя, автоматическія движенія массы удачно замѣняютъ собою личную храбрость, силу и ловкость рыцарей, дѣйствующихъ вольно и одиноко, по вдохновенію страсти, въ тяжелыхъ доспѣхахъ, на пугливомъ конѣ-товарицѣ. Систематическая тактика распределяетъ роли различныхъ вооруженій слѣдующимъ образомъ: артиллерія разстраиваетъ, пѣхота занимаетъ поле или сдерживаетъ непріятеля, кавалерія его преслѣдуетъ. Такъ и было въ сраженіи при Креси. Здѣсь видимъ впервые употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ въ чистомъ полѣ. Англійская пѣхота мечомъ, копьемъ, стрѣльбой изъ арбалета, дружно отражаетъ феодалныхъ всадниковъ и удерживаетъ позицію. Войско Эдуарда не увлекается преслѣдованіемъ пораженныхъ; слѣдовательно, почти не нуждается въ конницѣ, которой у него мало. Хорошо обдуманый планъ исполненъ какъ нельзя лучше. Все было ладино, и побѣда осталась на сторонѣ Эдуарда. Но онъ чувствовалъ, что результатъ похода, не доставившаго ему никакихъ выгодъ, чисто отрицательный, и потому рѣшился взять Калѣ (Calais). Онъ осадилъ этотъ важный, укрѣпленный портъ на проливѣ, соединяющемъ Сѣверное Море съ океаномъ. Всѣмъ

извѣстная продолжительная героическая защита Калё, который сдѣлся, наконецъ, вытерпѣвъ всѣ ужасы мукъ голода.

Филиппъ былъ въ такомъ уныніи, что, ничего не сдѣлавъ, распустилъ даже свою южную армию. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, графъ Дерби съ малымъ отрядомъ прошелъ побѣдосоно отъ Бордо до Луары, взялъ Пуатье и разрушилъ множество городовъ. Въ самой Англіи, воинственная супруга Эдуарда отразила нападенія Шотландцевъ и взяла въ плѣнъ изъ короля.

Слабымъ вознагражденіемъ понесенныхъ Франціей утратъ было приобритеніе Дофинё и Монпелье, путемъ мирныхъ сдѣлокъ съ владѣльцами этихъ странъ. Филиппъ умеръ въ 1350 году.

Сынъ и преемникъ его, Іоаннъ, былъ государь ума ограниченаго, нрава шаткаго, ненадежнаго, вовсе не подѣ-стать такимъ обстоятельствамъ, при которыхъ принялъ державу. Онъ не понималъ ни духа времени, ни собственнаго своего положенія. Быть первымъ въ мірѣ рыцаремъ,—казалось ему верхомъ славы и достоинства. Жестокій безъ дальновидности и разчета, ничего не смысля въ военномъ дѣлѣ, онъ любилъ ратоборство для потѣхи личной удали, какъ игрокъ любитъ игру для игры. Съ пустою казною, съ обнищавшимъ народомъ, хотѣлъ онъ быть щедрымъ, расточительнымъ, великодушнымъ, и проводилъ время въ праздничныхъ пирахъ, турнирахъ и безумныхъ предпріятіяхъ. Въ послѣдствіи ко всему этому присоединилось еще нѣчто худшее.

Съ Англіей было ни мирно, ни бранно. Перемиріе нѣсколько разъ возобновлялось; но враждебные наѣзды, военныя прогуки продолжали тревожить и терзать Францію. На сценѣ является снова принцъ Валлійскій, по прозванію Черный Принцъ, сынъ Эдуарда III, уже отаичившійся при Креси, гдѣ онъ командовалъ авангардомъ. Онъ разоряетъ Лангедокъ (1355), и возвращается въ Бордо, таща за собой тысячу возовъ награбленной добычи, да пять тысячъ плѣнныхъ. Безденежье не позволяло Іоанну начать рѣшительную войну, а значительные имъ военачальники отличались лишь своею неспособностію и своими неудачами. Домашніе враги, изъ родни королевской и изъ знатныхъ бароновъ, дѣйствовали заодно съ Англичанами. Наконецъ, пополнивъ казну, благодаря усердію Земской Думы, установившей новый налогъ ради войны, король съ значительною смелою двинулся къ Шартру, въ августѣ 1356 года, и

отряды его арміи перешли Луару въ разныхъ мѣстахъ. Извѣстіе о томъ нѣсколько остановило Чернаго Принца, который, испепеливъ южную и центральную часть королевства, собирался уже чрезъ Турскую область пройти въ Нормандію. Онъ отступилъ къ Пуатье и сталъ лагеремъ въ 8 верстахъ отъ города, на плоской возвышенности, которой скаты прикрывались частою изгородью, кустарниковъ и виноградными садами: мѣсто неприступное, но въ нѣсколько дней можно было взять его безъ боя, голодомъ. У короля было до пятидесяти тысячъ войска, у принца около восьми тысячъ. Послѣдній готовъ было въ этой крайности на всякій миръ, и предложилъ возвратитъ все забранное въ послѣднемъ пути его: города, замки, полонъ и добычу, обязываясь семь лѣтъ не воевать Франціи. Королю всего этого было мало. Онъ требовалъ, чтобы принцъ отдался въ плѣнъ съ сотнею лучшихъ рыцарей. Англичане укрѣпились какъ могли, и скрыли засаду за ближнею горой.

Войско Іоанна отличалось не только числомъ, но также знатностію и убранствомъ. Тутъ былъ цвѣтъ рыцарства, тутъ были четыре сына, братъ короля и самъ король. Рано утромъ, 19 сентября, онъ далъ знакъ къ началію битвы.

Распоряженія были неаппны. Впередъ высланы 300 тяжело вооруженныхъ всадниковъ: конница шла брать приступомъ крутую гору! Разсыпанные по кустамъ непріятельскіе стрѣлки пустили острыя, мохнатыя стрѣлы свои въ людей и лошадей: лошади, бросаясь взадъ и въ стороны, валили сѣдоковъ. Ускакавшіе отъ смерти французскіе всадники кинулись къ сильному отряду, которымъ командовалъ старшій сынъ короля, Карлъ, и произвели въ немъ разстройство и замѣшательство. Въ то же время засада Англичанъ ударила ему во флагъ, а изъ главнаго стана ихъ неслась, во весь опоръ, подъ гору, англо-гасконская жандармерія съ крикомъ: „Св. Георгій за насъ!“ Все побѣжало, и три сына королевскіе (старшему было двадцать лѣтъ) увлечены общею бѣдой. Остался Іоаннъ съ большимъ полкомъ, все еще вдвое сильнѣе Англичанъ. Можно было бы поправиться, еслибы король и бароны сѣли на коней. Въмѣсто того, они, въ отрытомъ полѣ, встрѣтили пѣшіе лѣтѣвшую на нихъ конницу, не имѣя при себѣ ни артиллеріи, ни ловкихъ стрѣлковъ. Съ увѣсистою сѣкирой въ рукахъ, Іоаннъ работалъ усердно съ запаломъ истаго рыцаря. Молодой тринадцатилѣтній королевичъ, Филиппъ (прозванный

„Сильнымъ“), былъ при немъ, и раздѣлялъ его опасности. Великодушно, не щадя себя, бились благородные его рыцари. Много легло ихъ на мѣстѣ, много взято въ плѣны. Тѣ, которые, ища спасенія, бросились было къ стѣнамъ Пуатье, нашли тамъ ворота замкнутыми и пали отъ меча преслѣдующихъ. Иоаннъ съ своими не уступалъ: вокругъ него кипѣла мая сѣча, топились враги. Ему кричали: „сдайся государь!“ Наконецъ, покоряясь необходимости, окъ отдалъ перчатку съ правой руки французскому рыцарю, служившему въ рядахъ Англичанъ, и плѣнный былъ представленъ Черному Принцу, который принялъ его съ честью, самъ препроводилъ въ Бордо, а оттуда весною отвезъ въ Англiю. Здѣсь его встрѣтилъ великолѣпно, величали королемъ, тѣшили турнирами, охотой, празднествами, золотили его неволю романтическимъ, льстивымъ обращеніемъ сообразно обычаямъ любезнаго ему рыцарства. Знатныхъ господъ столько взято было въ плѣны, что Англичане, не зная что съ ними дѣлать, распустили ихъ по домамъ, взявъ съ нихъ слово, что заплатятъ за себя выкупъ къ Рождеству, и слово было сдержано ими честно. Въ лагерѣ и на полѣ битвы богатая добыча досталась побѣдителямъ.

Враги безгосударной Франціи ликовали. Чада ея, народъ и граждане, съ негодованіемъ смотрѣли на поведеніе войска. Простой поработенный людъ толковалъ по своему, какъ кичливые господа его, щеголяя въ мирное время на кровныхъ его деньги, малодушно бѣжали отъ вражьяго ополченія, набраннаго изъ простыхъ же. Въ послѣдствіе времени, изъ нестерпимаго ропота толпы развились отважныя притязанія горожанъ (особенно въ Парижѣ) и возстаніе угнетенныхъ поселянъ. Чтобы выкупиться изъ плѣна, господа до тла раззорили этихъ несчастныхъ и, обезумѣвъ съ отчаянія, они, въ неистовомъ числѣ, коломъ и топоромъ пустились мстить благороднымъ, не различая ни пола, ни возраста. Все это кончилось ничѣмъ, если можно назвать *ничѣмъ* пламя мятежей, потухшее въ потокахъ крови.

Уже два съ половиною года, королевичъ Карлъ правилъ разстроеннымъ государствомъ, среди народныхъ смуть и волепей, когда прибыли въ Парижъ послы изъ Лондона и привезли копiю мирнаго трактата, заключающаго плѣннымъ королемъ съ Эдуардомъ III. Правитель прочелъ условія, и ужаснулся. Безтолковый Иоаннъ, отдавалъ за свою ненужную

свободу почти все наслѣдіе предковъ, и однимъ почеркомъ пера низводилъ Францію на степень ничтожества, тѣсноты и немощи, съ которой сдвинули ее упорныя усилія Лудовика Дюжого и его преемниковъ. Сверхъ того, Иоаннъ обязывался заплатить четыре милліона золотыхъ эку выкупа, когда въ казнѣ было пусто и народъ доведенъ былъ до крайней нищеты! Въ одно мгновеніе ока Карлъ созрѣлъ и переродился; онъ созналъ себя, познавъ отца изъ дѣлъ его, и положилъ въ сердцѣ своемъ отвергнуть условія трактата. Но осторожный въ своей рѣшимости, онъ созвалъ сперва въ столицу чины государственныя или земскій соборъ. Дѣло трудное! Какъ пробраться въ Парижъ? Дороги не было; шапки разбойниковъ заграждали путь. Собралось нѣкоторое число выборныхъ. Съ мраморнаго крыльца, собраннымъ на дворѣ королевскаго замка депутатамъ и народу прочтенъ трактатъ Иоанна. Ропотъ изумленія и негодованія пробѣжалъ по сонмищу, и выборные единогласно воскликнули: „лучше остается въ Англіи!“ Это происходило 25 мая 1359 года.

Потомъ, нѣсколько дружѣе прежняго взялись за общее дѣло: занялись водвореніемъ тишины и безопасности въ краѣ, прекращеніемъ въ немъ насильствъ и грабительствъ. Съ своей стороны, Эдуардъ III, несмотря на наступленіе зимы, 28 октября явился въ Кале съ сильною ратью, и вскорѣ подступилъ къ первопрестольному Реймсу, гдѣ предполагалъ возложить на себя вѣнецъ королевскій. Но городъ былъ хорошо защищенъ, и проливные дожди задержали Эдуарда цѣлыхъ шесть недѣль подъ стѣнами Реймса. Видя неудачу, онъ отошелъ 11 января 1360 года, раззорилъ Шампань, и бросился на Бургонь. Бургонскій дукъ (изъ дома Капетовъ) откупился, и особымъ договоромъ съ Англіей спасъ удѣлъ свой отъ разграбленія. Тогда Эдуардъ пошелъ прямо къ Парижу и расположилъ войско въ окрестностяхъ столицы (7 апрѣля). Начались переговоры, и 8 мая 1360 года заключенъ миръ въ селѣ Бретиньи (Bretigny, близъ Шартра). Эдуардъ отказался отъ правъ своихъ на французскій престолъ и отъ земель, расположенныхъ на сѣверъ отъ Луары, съ удержаніемъ однакоже Кале и около-лежащихъ владѣній. За то, весь южный край уступленъ ему *безусловно*, въ полную державу, мимо всякой подчиненности французской коронѣ. Сверхъ того постановлено: „Франція заплатить выкупа три милліона

золотыхъ зку, въ шесть сроковъ; Иоаннъ получить свободу по уплатѣ первой доли, обезпечивъ вѣрнымъ залогомъ дальнѣйшее исполненіе обязательства. Франція не будетъ помогать Шотландіи, и взаимно Англія отрѣкается отъ союза съ Фландріей.“

Какъ ни тягостны были эти условія для Франціи, миръ принятъ народомъ съ восторгомъ и благодарностію. Гудѣли колокола, пѣли „Тебе Бога хвалимъ“. Иоаннъ занялъ въ Италіи нужныя деньги, отдалъ въ заложники брата, двухъ сыновей своихъ, множество знати, 38 именитыхъ гражданъ, и возвратился въ Парижъ 13 декабря. Нѣтъ надобности описывать здѣсь въ какомъ положеніи онъ засталъ королевство. Къ общему разворенію отъ войны присоединилась еще черная смерть. Она жестоко опустошила Францію, хотя и увеличила мѣтвѣнія короля. Бургонскій домъ вымеръ весь отъ язвы, и Иоаннъ, по праву наслѣдства, вступилъ въ обладаніе Бургонью, въ декабрѣ 1361 года. Впрочемъ не на долго. Цѣлость державы была снова нарушена отдачею этого края въ удѣлъ Филиппу Смѣлому, младшему сыну Иоанна. Этимъ не ограничились ошибки короля. Среди всеобщаго изнеможенія народа и новыхъ жертвъ его для уплаты выкупа, Иоаннъ затѣялъ крестовый походъ и далъ слово папѣ склонить къ тому же Эдуарда. 3 января 1364 года онъ сѣлъ на корабль и прибылъ въ Лондонъ. Тамъ, среди турнировъ и пировъ, смерть застигла его, 8 апрѣля. Бывшій регентъ сталъ королемъ подъ именемъ Карла V. Онъ носитъ въ исторіи прозваніе *Мудраго*. Умудрили его безразсудныя дѣла Иоаннова правленія, народныя смуты, возбужденныя, неспособностію корыстолюбивъ и неправдами королевскихъ совѣтниковъ, бѣдствія и страданія общественныя, которыхъ онъ былъ очевидцемъ и, по неопытности своей, до нѣкоторой степени, виновникомъ. Хворый, слабого сложенія, онъ любилъ мирную дѣятельность и занятіе науками. Онъ не раздѣлялъ предрассудковъ вѣка, въ силу которыхъ верхомъ славы считали славу воинскую. Онъ понялъ, что судьба опредѣлила ему быть государемъ, гениемъ-хранителемъ своего народа, а не богатыремъ; что война не праздная потѣха славолубія, а крайняя, необходимая, кровавая пряза правое дѣло, рѣшеніе недоразумѣній силою и искусствомъ.

Король-политикъ нашелъ себѣ вѣрнаго слугу и сподвижника въ умномъ Дюгесклея (Duguesclin), который съ пыкимъ мужествомъ соединялъ много свѣтлости и постоянства.

былъ искуснымъ полководцемъ, любилъ стратагемы, обдуманый планъ дѣйствій, удачный выборъ ситуаций, и слѣдилъ правилу „конецъ дѣло вѣнчаетъ“, цѣнилъ положительные результаты войны выше тонкости обращенія, тщеславныхъ подвиговъ и блестока личной, поединочной удали современныхъ рыцарей. Онъ противился гордой силѣ, но былъ кротокъ и внимателенъ къ беззащитной массѣ народа, и отечески заботился о нуждахъ своей дружины. Дюгескленъ создалъ ратное дѣло въ настоящемъ значеніи этого слова. Войско его состояло большею частію изъ охотниковъ, сыновъ воцарственной Бретани, земляковъ, и изъ разноплеменной вольницы, которая билась за деньги, служила тому кто больше дастъ, а въ мирное время жила какъ понамо, грабежомъ и разбоемъ. И вотъ эту дикую пеструю смѣсь Дюгескленъ умѣлъ сдѣлать орудіемъ отечественной славы, увлекалъ ее въ безпрестанныя, почти всегда счастливые походы противъ враговъ королевства.

Наученный несчастіемъ, Карлъ V привилъ неизмѣннымъ правиломъ избѣгать открытаго боя съ англійскою арміею, не давать генеральныхъ сраженій. Онъ не велъ даже оборонительной войны, и въ случаѣ самыхъ наглыхъ нашествій непріятеля былъ приказъ ретироваться, тревожить его боковыми движеніями и малыми стычками, разорять постижаемые имъ мѣстности и охранять крѣпости, какъ зеницу ока. При такой системѣ войны, проклятія народа всѣмъ бременемъ своимъ падали на Англичанъ, и владычество ихъ нигдѣ не могло утвердиться. Даже залуарскія области, всегда строптивыя и непостоянныя, тянули къ Франціи, не признавая уступки, сдѣланной ею по неволѣ въ Бретанью: толпы Гасконцевъ и южанъ стекались подъ ея знамена. Въ случаяхъ къ ратоборству недостатка не было: безпрестанно то тамъ, то здѣсь загоралась мѣстная борьба партій, народностей, династическихъ притязаній. Король принималъ въ этой борьбѣ лишь косвенное участіе, согласное съ интересомъ его державы, и почти всегда достигалъ предполагаемыхъ цѣлей, благоразумно уступая препятствіямъ, когда не въ силахъ былъ устранить ихъ. Только разъ, подъ конецъ жизни, объявивъ Бретань присоединенною, за вины ея дюка, къ королевскимъ землямъ, онъ не хотѣлъ сознать свое посягательство на независимость народа, оказавшаго безсмертныя услуги Франціи, и упорствомъ своимъ вызвалъ не менѣе упорное, со

стороны его, сопротивленіе, которое не такъ-то легко было преодолѣть. Но возвратимся къ Англіи.

Въ 1368 году, Черный Принцъ, болѣе воинъ нежели политикъ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе южныхъ провинцій, наложивъ на жителей подать въ полъ-дизра съ дыма. Никто не хотѣлъ покориться нововведенію. Знатнѣйшіе изъ бароновъ и прелатовъ Гасконіи явились съ жалобою къ французскому королю, „какъ къ законному своему, говорили они, государю, который не можетъ отречься отъ верховныхъ правъ, и лишить людей своихъ правосудной власти своего парламента.“ Карлъ V принялъ ихъ милостиво, и готовясь къ разрыву съ Англіей, въ тайнѣ заключилъ союзъ съ Геврихомъ, королемъ Кастиліи. Съ свойственною ему осмотрительностію онъ собиралъ между тѣмъ мнѣнія своихъ и иностранныхъ юристовъ о томъ, въ какой мѣрѣ трактатъ, заключенный въ Бретиньи, его обязываетъ. Эти господа рѣшили, что хотя обоюдныя отреченія французскаго короля и короля англійскаго и выражены въ трактатѣ, но что на основаніи этой статьи надлежало составить особые акты и обмѣняться ими; а какъ такого обмѣна въ орокъ не послѣдовало, въ чемъ виновенъ, по увѣренію Карла V, король Эдуардъ, то и отреченіе французскаго короля отъ правъ на южныя провинціи не имѣетъ силы.

По соблюденіи такимъ образомъ вѣшной юридической формальности, Карлъ потребовалъ принца къ отъѣзду на судъ перовъ. Этого было достаточно. Заревъ возстанія противъ Англіи охватило весь южный край и нѣкоторыя другія мѣстности. Борьба приняла вполне національный характеръ. Генеральные чины во Франціи и парламентъ въ Англіи одобрили политику своихъ государей.

Странное зрѣлище представляетъ война въ этотъ періодъ; еще болѣе страненъ результатъ ея. Роли подъ конецъ переменялись: слабость восторжествовала надъ силою, бездѣйствіе побѣдило самую задорную дѣятельность. Третій сынъ Эдуарда, дукъ Ланкастерскій, выступилъ съ войскомъ изъ Кале, на встрѣчу Филиппу Бургонскому, имѣвшему подъ начальствомъ своимъ сильную рать. Можно было ожидать важныхъ событій: французское рыцарство горѣло желаніемъ сразиться. Но по волѣ короля сраженія не было, и англійское войско, „свершивъ опустошительный набѣгъ,“ воротилось въ Кале.

Живѣ пло на югѣ. Города, одинъ за другимъ, признавали власть французскаго правительства, которое, присоединяя ихъ къ короннымъ владѣніямъ, награждало жителей долгосрочными льготами и привилегіями. Дюгескленъ творилъ чудеса. Принцы крови содѣйствовали ему съ своими отрядами. Духовенство тоже помогало. Такъ, между прочимъ, по соглашенію съ мѣстнымъ епископомъ, сдался Французамъ укрѣпленный Лиможъ. Извѣстія о томъ приводили въ бѣшенство Чернаго Принца. Большой и разслабленный, онъ всталъ съ одра своего, осадилъ, взявъ обратно Лиможъ, отдалъ его на разграбленіе войску и потомъ удалился въ Англію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Начальство надъ сухопутными силами поручено дюку Ланкастерскому.

Въ то же время, весною 1372 года, зять англійскаго короля, графъ Пемброкъ, отправился съ сильнымъ флотомъ къ юго-западнымъ берегамъ Франціи. Но подойдя къ пристани Ла-Рошель, онъ встрѣтилъ тамъ превосходно вооруженную эскадру кастильскаго короля, союзника Франціи. Сразились: англійская сила была истреблена въ конецъ. Нанесенный ей ударъ отозвался немедленно всюду. Вездѣ народъ и гражданство, духовные и міряне спѣшили свергнуть съ себя чужеземное иго. Дюгескленъ принятъ въ Пуатье какъ избавитель. Ла-Рошель и множество другихъ городовъ подали руку Франціи.

Сухопутный походъ дюка Ланкастерскаго направлень былъ изъ Кале (въ іюль 1373) въ Гюьенну. Въ походъ выступило отличное войско, обильно снабженное запасами всякаго рода; но когда совершило оно свой путь чрезъ пустынную Францію, минуя крѣпости, гдѣ укрывалось населеніе съ своимъ имуществомъ, то силы истощились, лошади пали, и едва треть людей достигли Бордо. Знатные рыцари скитались пѣшіе и безоружные, и кормились по дорогѣ рѣдкою на чужбинѣ милостыней.

Карлъ V одолевъ врага безъ сраженій. Эдуардъ III принужденъ былъ заключить въ 1375 году двухлѣтнее перемиріе. Онъ умеръ 21 іюня 1377 года.

Тогда же вышелъ срокъ перемирію, и не теряя времени, соединенные флоты, французскій и кастильскій, опустошили южные берега Англіи. Войска Карла V грозили взять Кале. Открылись одновременно наступательныя дѣйствія въ Бретани и на берегахъ Дордони. Здѣсь Англичане, кромѣ Бордо и Байоны, сохранили лишь нѣсколько мѣстечекъ. Въ 1380 году

они возобновили несчастный походъ 1378 года, и слѣдуя своей обычной политикѣ, французское войско разступилось и пропустило ихъ въ Бретань, куда стремились они на помощь своимъ союзникамъ. Въ сентябрѣ 1380 года умеръ Карлъ V.

Наслѣднику его, Карлу VI, было въ это время двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Смуты регентства и возстаніе фламскихъ городовъ ознаменовали начало его правленія. Дяди короля то ссорились между собою, то тиранили безъ милосердія народъ въ своихъ удѣлахъ, и сообща губили королевство поборами и растратою казны государственной. То же самое происходило въ Англіи, гдѣ юный сынъ Чернаго Принца, Ричардъ II, исчезая, такъ оказавъ, предъ самоволіемъ дяди своего, дюка Ланкастерскаго, и его братьевъ.

По усмиреніи мятежной Фландріи, которая спаслась отъ кощелаго раззоренія лишь присоединеніемъ ея, по праву наследства, къ владѣніямъ вліятельнаго дюка Бургонскаго, первою миссію французскаго правительства была война съ Англіей: предположено завоевать ее и уничтожить. Были сдѣланы огромныя приготовленія. Не жалѣя денегъ, закупили и наняли множество кораблей въ Голландіи, въ Испаніи; нарубили изрядное число деревянныхъ домовъ, которые разбирались на части, и могли быть собраны въ одинъ мигъ на землѣ непріятельской: семьдесятъ два транспортныхъ судна были нагружены этимъ запасомъ, не говоря уже о прочихъ предметахъ провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомствъ. Отвсюду сводили войска, которыхъ содержаніе стоило дорого казнѣ, а своеволіе тяжело обходилось народу. Усилены налоги, знатныя суммы взяты въ займы у прелатовъ и изъ сокровищницъ церквей. Но все это не послужило ни къ чему. Сборы протянулись до поздней осени, и предпріятіе, по безвременности, оставлено. Войско распустило безъ жалованья, запасы распродало за безцвѣнокъ: важныя лица поживились казною; говорили даже, что самая проволочка, погубившая дѣло, была слѣдствіемъ подкупа. Перемиріе съ Англіей продолжено до 1392 года.

Внутреннія неустройства Франціи возрастали. Дядя короля, дюкъ Беррійскій, угнеталъ удѣльный Лангедокъ до такой степени, что надо было отнять у него власть надъ краемъ. Съ другой стороны, младшій братъ Карла VI, Лудовикъ, увеличивалъ удѣлъ свой, и пользуясь расположеніемъ короля, получалъ во владѣніе дукать Орлеанскій, несмотря на протестъ жителей, которымъ покойный государь далъ слово

не отлучать ихъ отъ короны и не отдавать въ частныя руки. Самъ Карлъ VI нимало не походилъ на отца: вмѣсто бережливости, предавался мотовству и роскоши. Умственные занятія, разчетливая политика, степенная жизнь смѣнились дворскими потѣхами, площадными зрѣлищами, разгуломъ страстей и чувственныхъ наслажденій. Хотя, стараніемъ Филиппа Бургонскаго, короля женили въ молодости, когда ему было едва семнадцать лѣтъ, но и это не имѣло чаемыхъ благихъ послѣдствій: юная королева, Изабелла Баварская, рождена была на гибель и соромъ Франціи.

Въ 1392 году, Карлъ заболѣлъ горячкою, и хотя потомъ вывѣчился отъ нея, но оправлялся медленно. Вскорѣ стеченіе мрачныхъ обстоятельствъ, слѣды недавней болѣзни и слѣдствія неправильной жизни, кабалы и злодѣйства приближенныхъ, походъ въ Бретань, предпринятый имъ лично въ порывѣ гнѣвной запальчивости, 5-го августа, въ самый знойный день года, наконецъ случайный испугъ: все это вмѣстѣ подѣйствовало разрушительно на умственные способности короля. Онъ впалъ въ безуміе, въ которомъ и пробылъ тридцать лѣтъ жизни, не сходя впрочемъ съ престола и не отказываясь отъ правъ самодержавія. Филиппъ Бургонскій захватилъ неограниченную власть въ свои руки.

Среди этихъ скорбныхъ событій, нельзя было не радоваться миролюбивому расположенію духа англійскаго короля Ричарда II, который, будучи занятъ у себя внутренними дѣлами королевства, искалъ лишь покоя и мира съ Франціей, и въ 1395 году не только согласился на продолженіе перемирія, но еще просилъ руки семилѣтней королевны Изабеллы, съ которою и былъ обрученъ, причемъ получилъ богатое приданое: 800 тысячъ франковъ золотомъ. Въ томъ же 1395 году фортуна еще разъ улыбнулась Франціи. Генуезская республика, тѣснимая своими врагами, отдалась ей добровольно, и приняла королевскаго намѣстника.

Что происходило между тѣмъ въ Англій? Тамъ возмужавшій уже Ричардъ II самовластвовалъ. Опасаясь честолюбія двоюроднаго брата своего, Генриха Ланкастерскаго, онъ выслалъ его изъ королевства, и присвоилъ себѣ его наслѣдство. Однакожь Генрихъ, съ помощію Филиппа Бургонскаго, не только возвратилъ себѣ похищенное, но былъ встрѣченъ народомъ какъ избавитель; схватилъ Ричарда, и принудилъ его отречься отъ престола и уступить ему корону. Ричардъ умеръ

въ заточеніи (какъ говорятъ, уморенъ голодомъ) въ февралѣ 1400 года, а королевская власть перешла къ другой (данк-стерской) линіи Эдуардова потомства, въ лицѣ Генриха IV. Новый король остался другомъ дюка Бургонскаго. Фландрія, связанная интересами съ Англіей, была истинною причиною ихъ союза.

За то, дюкъ Орлеанскій, братъ короля, могъ дать личному недружелюбію своему къ Генриху видъ національной вражды къ Англіи, являясь представителемъ общей къ ней антипатіи. Но въ то же время онъ самъ былъ всѣми ненавидимъ: его считали злымъ чародѣемъ, винили въ разгульной жизни, въ мотовствѣ на счетъ государственной казны, въ непозволительныхъ связяхъ съ королевой; громко порицали за обремененіе народа и духовенства поборами, хотя безъ этого нельзя было противостоять Англичанамъ. Бургонскій дюкъ, Филиппъ, миролюбивый по расчету, умѣлъ, напротивъ того, снискать расположеніе общественнаго мнѣнія оппозиціей противъ прачительственныхъ мѣръ своего соперника, и обратить въ ничто въкоторыя успѣхи его надъ Англичанами.

Умирая (въ апрѣлѣ 1404 г.), Филиппъ завѣщалъ свой удѣлъ, свои связи, чувства и убѣжденія старшему сыну своему Іоанну, прозванному „Безстрашнымъ“. Вражда партій не прекратилась, и вскорѣ достигла самыхъ плачевныхъ размѣровъ.

Бѣдный людъ стоналъ подъ бременемъ казенныхъ взысканій, тюрьмы наполнялись недоимщиками. Въ королевскомъ совѣтѣ обнаружилась разладъ. Дюкъ Орлеанскій, считая себя всемогущимъ, пренебрегалъ общимъ ропотомъ, сыпалъ деньгами на свои прихоти, не платилъ долговъ, приказывалъ уменьшать вѣсъ монеты и проч. Оставалась надежда лишь на Іоанна Бургонскаго, и король, въ одну изъ рѣдкихъ минутъ просвѣтлѣнія воли и разума, призвалъ оюяка своего засѣдать въ совѣтѣ (Іоаннъ былъ женатъ на родной сестрѣ королевы, и вскорѣ еще ближе породнился съ королевскою фамиліей бракосочетаніемъ свой дочери съ сыномъ короля). Здѣсь, первымъ дѣломъ Іоанна было обличеніе злоупотребленій, и требованіе, чтобы права народныхъ сословій были уважены. Онъ утверждалъ, что народъ не обязанъ платить взысканія съ него подати, и вмѣстѣ показывалъ притворную ревность къ войнѣ съ Англіей, такъ какъ на ту пору былъ ея недоволенъ. Совѣтъ не противился; гражданамъ Парижа возвращено забранное у нихъ оружіе; отъ платежа податей

они охотно сами себя уволаки. Дюкъ Орлеанскій, вида совершенный подрывъ свой власти, вооружился. Иоаннъ тоже обралаъ своихъ приверженцевъ. Другіе принцы крови вѣтшались въ эту ссору, и удержали враждующія стороны отъ междусобія. Миръ не былъ нарушенъ, но враги остались врагами, и слѣдовали, каждый про себя, приматому разъ направленію. Они боролись въ совѣтѣ. Вскорѣ послѣдовала развязка, каковой никто, конечно, не предвидѣлъ.

Дюкъ Орлеанскій заболѣлъ. Иоаннъ посѣтилъ его съ нѣжнымъ участіемъ. По выздоровленіи дюка, оба они, въ присутствіи прочихъ принцевъ, отслушали обѣдню, причастились св. таинъ, и братскимъ лобзаніемъ запечатѣли обѣтъ жить въ дружбѣ и согласіи. Это происходило 20 ноября 1407 года. Двадцать третьяго, поздно вечеромъ, дюкъ Орлеанскій сидѣлъ у королевы въ собственномъ дворцѣ ея: пришла сказать, что король его требуетъ. Онъ отправился къ королю верхомъ, легко одѣтый, безъ оружія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ прислуги; но въ темной гаухой улицѣ палъ подъ ударами убійць...

На другой день, послѣ похоронъ, члены совѣта сѣзжались во дворецъ дюка Беррійскаго, какъ вдругъ два слѣдственные комиссара, являсь туда, просили позволенія сдѣлать обыскъ во дворцѣ дюка Бургонскаго, по подозрѣнію на его людей. Иоаннъ поблѣднѣлъ, и неволью, сквозь слезы, вырвалось у него признаніе, что убійство совершено по его волѣ и по наущенію лукаваго. Потомъ опомнясь, онъ вышелъ изъ совѣта, и на слѣдующій день ускакалъ въ свои владѣнія. Принцы оторопѣли. Народъ, среди всеобщаго содроганія, произведеннаго убійствомъ, смѣлкалъ, что по крайней мѣрѣ подати теперъ будутъ легче. Враждебное поколюму духовенство смотрѣло на это мрачное событіе сквозь призму своихъ особенныхъ интересовъ. Только безутѣшная вдова и дѣти убитаго, припавъ къ ногамъ короля, молили о правосудіи.

Совѣтъ, стараясь соблюсти хоть видъ приличія, вошелъ въ переговоры съ Иоанномъ, убѣдительно просилъ его не возвращаться въ столицу, и требовалъ выдачи убійць. Но бодрость дюка возрасла до того, что онъ, гордо называя себя „мстителемъ неправдъ“, и возвратясь съ изрядною силою въ Парижъ, остановился у себя во дворцѣ, и въ свою очередь настаивалъ, чтобы совѣтъ назначилъ публичное собраніе „для

оправданія смерти, навесенной имъ дюку Орлеанскому.“ Дѣйствительно, 8 марта 1408 года, подъ предѣдательствомъ зятя его, шестнадцатилѣтняго королевича, собрались принцы крови, множество бароновъ, рыцарей, ректоръ университета съ учеными сословіемъ, толпа гражданъ и людей всѣхъ состояній,— и везерѣчивый проповѣдникъ доказалъ собранію, по всѣмъ правиламъ искусства, что дюкъ Орлеанскій заслужилъ смерть, которую пріялъ за вины свои, злодѣйства и измѣну королю и королевству. Общее молчаніе было знакомъ согласія. Иоаннъ торжествовалъ, но не надолго. Едва выѣхалъ онъ (въ августѣ), для усмиренія возникшаго тогда мятежа въ Люттихѣ, королева прибыла въ Парижъ, съ золовкой, вдовою убитаго, съ дѣтьми ея, съ принцами Беррійскимъ, Бретанскимъ, Бурбонскимъ, и 11 сентября, въ публичномъ же собраніи, другою проповѣдникъ оправдалъ покойнаго во всѣхъ взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Совѣтъ, признавъ его невиннымъ, постановилъ: обязать Иоанна Бургонскаго, чтобъ явился на судъ парламента. Но когда узнали потомъ о побѣдѣ, одержавшей дюкомъ въ Бельгій, то упали духомъ. Королева и дворъ спѣшили удалиться, и увезли съ собою короля. Какъ бы то ни было, послѣднія событія остались не безъ вліянія на Иоанна: они сдѣлали его вообще сговорчивѣе. Распря кончилась сдѣлкой.

Принцы крови устроили свиданіе въ Шартрѣ, 9 марта 1408 года. Иоаннъ явился въ соборъ Богоматери, гдѣ ожидали его король, королева съ фамиліей, члены совѣта, парламента, Парижской городской думы. Здѣсь, Иоаннъ, преклоня колѣни, просилъ прощенія въ томъ, что *радѣя королю и королевству*, убилъ дюка Орлеанскаго. Король простилъ. Семейство убитаго, сквозь слезы и рыданія, скрѣпя сердце, промолвило, что, покорное королевской волѣ, прощаетъ; и снова клятвы мира и взаимной любви произнесены надъ Евангеліемъ. Иоаннъ занялъ попрежнему свое мѣсто въ совѣтѣ. Стараясь угодить гражданамъ Парижа, онъ настоялъ на томъ, чтобъ имъ возвращено было право избирать градскаго голову, имѣть свою милицію и владѣть дворянскими имѣніями со всѣми ихъ преимуществами. Онъ сдружился также съ принцами, пѣняя ихъ ласкою, гостепріимствомъ, великодушіемъ, веселя роскошными пирами и потѣхами. Все, казалось, было забыто....

Но девятнадцатилѣтній сынъ дюка Орлеанскаго, Карлъ

держался одадь, и вокругъ его собирались тѣ изъ вельможныхъ лицъ, которыя недовольны были честолюбіемъ Іоанна. Число и энергія ихъ увеличились, когда молодой дюкъ Карлъ сочетался бракомъ съ дочерью графа Бернара Арманьяка, котораго имя стало отнынѣ знаменемъ орлеанской партіи. Съ нею дюки Беррійскій и Бурбонскій, дюкъ Бретанскій, рыцарство южныхъ провинцій и Нормандіи соединили силы свои въ Шартрѣ, чтобъ идти къ столицѣ. 2 сентября 1410 года огласили манифестъ о намѣреніи „союза“ возстановить правду, честь и законную власть его величества. Іоаннъ съ своей стороны также собралъ значительное войско въ подвластныхъ ему сѣверовосточныхъ областяхъ. Опустошенія и грабежи начались съ обѣихъ сторонъ.

Междусобная брань закипѣла съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. *Арманьяки* жгли, насиловали, увѣчили всѣхъ, кто имъ ни попадался, приговаривая: „поди, жалуйся своему юридическому королю!“ Въ новомъ манифестѣ своемъ отъ 14 іюля 1411 года, орлеанскіе принцы уже безъ обиняковъ объявляли „ничтожнымъ“ дѣло шартрскихъ миротворцевъ, сѣдовательно шли противъ короля, называя себя „мстителями своего отца.“ Съ своей стороны, Іоаннъ хвалился „правосудною казнію“ дюка Орлеанскаго. Онъ имѣлъ большое преимущество предъ врагами: за него была столица, то-есть народная сила, въ его рукахъ былъ король, сѣдовательно законная власть. Арманьяки являлись представителями мятежной аристократіи.

Бургиньоны одолѣли. Противники ихъ были вездѣ отражены, отброшены за Луару и утратили даже Лангедокъ, Пуату и Гюенну. Бретань колебалась. Тогда отчаяніе заставило ихъ прибѣгнуть къ послѣдней крайности. 18 мая 1412 года, они, въ свою очередь, заключили союзъ съ Англіей. Генрихъ IV обязался дать имъ восемь тысячъ вспомогательнаго войска, и удержать Фландрію отъ участія въ войнѣ противъ нихъ. Они же съ своей стороны признали Генриха своимъ господиномъ, и взялись возвратить подъ высокую его руку всю Гюенну и прочее наслѣдіе его короны въ Южной Франціи.

Правительство (Бургонская партія) узнало съ яростію объ этомъ договорѣ. Король, чувствуя временное облегченіе отъ болѣзни, принялъ немедленно начальство надъ стотысячною арміей, и осадилъ Буржъ, гдѣ затворился дюкъ Беррійскій.

Много жертвъ пало при этой осадѣ. Общее изнеможеніе привудило враждующія стороны помириться. Договоромъ 14-го іюля 1412 г., орлеанская партія обязалась разорвать союзъ съ Англіей. Но заморскіе друзья и союзники разумѣли иначе: они не медлили, и уже высадились на берега Франціи, объявивъ о рѣшительномъ намѣреніи своемъ завоевать всю Гюьенну. Но смерть Генриха IV, послѣдовавшая 20 марта 1413 г., избавила Францію отъ войны.

Въ августѣ того же года произошла реакція въ Парижѣ. Наскучивъ диктатурой необузданной черни, предводимой столичными мясниками, лучшие граждане соединились, и помогли правительству возстановить спокойствіе въ городѣ и повиновеніе закону. Тогда, утративъ свое вліяніе, съ ослабленіемъ партіи, которая его поддерживала, Іоаннъ выѣхавъ въ свои владѣнія, куда, спасая головы свои отъ плахи и висѣлицы, бѣжали всѣ тѣ кому онъ доселѣ поблажалъ. Принцы Орлеанскіе прибыли въ столицу, и овладѣвъ королемъ, употребили власть его на отміну всѣхъ противныхъ имъ мѣръ и постановленій. Потомъ выступили съ нимъ въ поле противъ Іоанна, взяли Суассонъ, осадили Аррасъ. Тамъ, послѣ кровавыхъ сценъ, кончилась, какъ и въ Буржѣ, непрочнымъ миромъ 4 сентября 1414 года.

Недовольный этимъ миромъ, Іоаннъ вошелъ въ сношенія съ нововѣщаннымъ англійскимъ королемъ Генрихомъ V.

Здѣсь открывается новый рядъ событій.

III.

Разстроенное положеніе Франціи естественно должно было воскресить надежды и притязанія англійскаго короля. Генрихъ V рѣшился идти по стопамъ Эдуарда III, и готовясь къ войнѣ, началъ переговоры, въ которыхъ требовалъ сперва полного признанія своихъ правъ на французскій престолъ, потомъ одного лишь исполненія условія, заключеннаго въ Бретани, съ придачею Нормандіи и руки королевны Екатерины. Франція соглашалась возвратитъ *нужныя* провинціи, отдать вмѣсто Нормандіи, Лимузенъ, и выдать королевну съ 850 тысячъ золотыхъ эку приданаго. Тщетаая уступчивость! Генрихъ, ища лишь предлога къ войнѣ, махнулъ

французскихъ пословъ затѣйливыми обѣщаніями, и напоследокъ возобновилъ требованіе о возвращеніи ему владѣнъ его наслѣдія. 14 августа 1415 года, войско его высадилось въ томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ стоитъ Гавръ-де-Грасъ. Къ несчастію, Франція была безоружна, казна пуста, и власть находилась въ рукахъ бездарной партіи арманьяковъ. Англичане взяли Гарфлеръ, важный пунктъ при самомъ устьѣ Сены. Но позднее время года и болѣзни, открывшіяся въ войскѣ, побудили Генриха прекратить на этотъ разъ военныя дѣйствія. Онъ рѣшился стать на зимнія квартиры въ Кале. Продолжая путь вдоль моря, онъ благополучно достигъ рѣки Соммы, и перешелъ ее 19 октября. Непріятельскія силы, собранныя по эту сторону рѣки, не препятствовали переправѣ. Эти силы были значительнѣе англійскихъ, но онѣ оставались въ наблюдательномъ положеніи. Начальниковъ было много, и мнѣнія ихъ были различны. Дряхлый уже дюкъ Беррійскій, помня Пуатье, совѣтовалъ избѣгать битвы, и удержалъ короля и королевича отъ участія въ походѣ. Прочіе принцы по долгомъ колебанію, рѣшились дѣйствовать, и расположили войска при селѣ Азенкурѣ (Asincourt), чрезъ которое пролегаетъ дорога въ Кале. Здѣсь 25 октября произошло сраженіе, въ которомъ Французы разбиты въ прахъ. Французская исторія вноситъ на свои страницы имя Азенкура рядомъ съ мрачными именами Креси и Пуатье. Причинами пораженія считаютъ: тѣсоту мѣста, не позволившую воспользоваться превосходствомъ силъ (50 тысячъ противъ 12 тысячъ Англичанъ), тонкую, размокшую отъ дождей почву, тяжелое вооруженіе французскихъ воиновъ и проч. Изъ 10 тысячъ убитыхъ, болѣе 8 тысячъ принадлежали къ благородному сословию. Дюкъ Орлеанскій поднять живой между трупами, и вмѣстѣ съ другими павшими отвезенъ въ Англію, гдѣ содержался въ неволѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ, почти до конца своихъ дней. Иоаннъ Бургонскій во все это время оставался дома, охотился на оленя въ обширныхъ своихъ лѣсахъ, и не позволилъ даже сыну своему, Филиппу, примкнуть съ войскомъ къ рати королевской. Онъ радѣлъ Англичанамъ. За то управлявшій вмѣсто отца королевичъ, зять Иоанна, обошелъ его, и вручилъ мечъ коннетабля а слѣдовательно и главное начальство надъ войскомъ графу Арманьяку, который впрочемъ также не былъ въ сраженіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принцамъ крови запрещенъ пріѣздъ въ столицу,

безъ особаго приглашенія. Но Іоаннъ, пренебрегая запреты, отправился туда съ десятью тысячами конницы. Энергическія мѣры коннетабля принудили его однакоже воротиться съ пути.

Тираниство арманьяковъ лежало тяжелымъ бременемъ надъ Франціей. Ссылки, казни и взысканія сыпались на приверженцевъ бургонской и народной партіи. Налоги давили народъ, казна церковная была заграблена. Іоаннъ еще болѣе сблизился съ англійскимъ королемъ.

Около этого времени (1416 г.) умерли дюкъ Беррійскій и два старшіе сына короля. Остался въ живыхъ послѣдній сынъ, четырнадцати-лѣтній принцъ, Карлъ, воспитанный въ чувствахъ ненависти къ дюку Бургонскому. Арманьякъ омадѣлъ всею душою юности и доставилъ ему предсѣдательство въ совѣтъ, составленномъ имъ же изъ людей своей партіи. За то, все недовольное примкнуло къ партіи Іоанна. Въ числѣ недовольныхъ была королева. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго обжорства, она до того отяжелѣла, что стала не способна къ занятіямъ, и была обречена неспособному для нея бездѣйствію. Случайно замѣченная королею, невѣрность ея имѣла для нея еще худшія послѣдствія: она была заточена въ Туръ (Tours), подъ строгимъ надзоромъ трехъ королевскихъ совѣтниковъ. Скучая тамъ неволю, она тайно искала помощи Іоанна, когда онъ, въ августѣ 1417 года, съ сильнымъ войскомъ возсталъ „на темныхъ людей, злодѣевъ короля, угнетающихъ королевство“, уводящая всѣхъ и каждого, именемъ короля, дофина и своею властію, отъ обязанности платить незаконно-установленныя подати. Легко понять какъ пріятно было народу такое освобожденіе отъ податей. Іоаннъ посвѣшилъ (2 ноября) освободить королеву и потомъ разослалъ во всѣ города грамоты за ея подписомъ, объявляя, что ей одной должно повиноваться какъ заступающей мѣсто короля, и никакихъ иныхъ указовъ, издаваемыхъ именемъ короля и дофина, слушаться не слѣдуетъ. За сѣмъ учрежденъ былъ особый совѣтъ дюка и королевы, особый парламентъ. Указы противопоставлялись указамъ, и мечу мечъ. Франція дѣлилась между бургиньйонами и арманьяками; несогласія и раздоры проникли всюду: сынъ посягалъ на отца, братъ на брата. Арманьяки угнетали народъ поборами и кровавыми насиліемъ. Бургиньйоны, отбивши всѣ подати, и вудаясь въ деньги, вознаграждали себя конфискаціей имѣній богатѣйшихъ гражданъ, которыхъ казнили подъ предлогомъ

что они радѣютъ „злѣдѣйской шайкѣ.“ Разворованные до тла поселяне шли на разбой, покидали родину или умирали голодною смертію. Горожанамъ было не лучше: они терпѣли во всемъ нужду, по причинѣ запустѣнія и разворованія селеній. Пльвннхъ не щадили ни съ той, ни съ другой стороны.

Георихъ V, вступивъ (1 августа 1417 г.) съ большою силою въ Нормандію, бралъ города, милуя въ нихъ лишь тѣхъ, кто не слишкомъ противился ему, „государю Англій и Франціи“. Бретань смирилась. Нормандія тщетно вопіяла о помощи. Георихъ невозбранно шелъ впередъ и къ концу мая 1418 г. приступилъ къ осадѣ Руана. Мужественная защита гарнизона и гражданъ задержали его успѣхи на дѣлѣ полгода. Посмотримъ что дѣлалось между тѣмъ въ Парижѣ.

Чапа народнаго долготерпѣнія переполнилась. Неистовства арманьяковъ противъ безоружныхъ гражданъ, ихъ женъ и дочерей, посягательства на ихъ имущества, вызвали горожанъ на отчаянное дѣло. Ночью на 30-е мая они отворили городскія ворота и пустили отрядъ (800 всадниковъ) бургиньоновъ. Миліція и народъ единодушно возстали и овладѣли королевемъ. Но градскій голова, Танги Дюшатель (Tanneguy Duchatel), успѣлъ захватить въ постели дофина; закутаннаго въ одѣяла вывезъ изъ дворца и потомъ вывезъ за городъ. Графъ Арманьякъ спрятался въ сосѣднемъ домѣ у одного бѣднаго ремесленника, но на другой день былъ выданъ и заключенъ въ тюрьму съ тѣми изъ его приверженцевъ, которые остались въ живыхъ. И тюрьма не спасла ихъ отъ мщенія разъяренной толпы, подстрекаемой ихъ кровожадными врагами, которымъ торжество бургиньоновъ дало возможность воротиться изъ изгнанія. Они распускали ложные слухи о приближеніи Арманьяковъ, о намѣреніи совѣта выпустить виновныхъ за денежный выкупъ и т. п. Среди тревогъ и безнаказанной дерзости, страсти разгарались и, наконецъ, дѣло дошло до того, что въ ночь на 12-е іюня чернь, ринувшись на тюрьмы, безъ разбору растерзала содержавшихся въ нихъ; другіе сгорѣли за крѣпкими замками. Никакая власть не могла остановить потока. Убивали и грабили всѣхъ, кого подозрѣвали въ связяхъ съ арманьяками. Убитыхъ изъ партіи арманьяковъ не хоронили; дѣтей ихъ священники отказывались крестить; повивальныя бабки не шли къ ихъ родильницамъ. Подобныя сцены возобновились въ столицѣ еще разъ въ августѣ. Голодъ свѣдалъ ея жителей: подвозъ привасовъ по

Севъ прекратилса,—снизу, потому что Нормандія была въ рукахъ Англичанъ,—сверху, потому что противники засѣли въ Мелѣвѣ (Melun). Партія ихъ, имѣя у себя и за себя дофина, усвоила себѣ теперь прозваніе *дофинцевъ* (dauphinois) и собралась на новую борьбу въ провинціяхъ.

Любимецъ народа и слова представитель законной власти, Іоаннъ, не могъ усмирить и обезопасить Францію. Безъ податей, откуда взять денегъ? Безъ денегъ, что можно было предпринять? Попытка прекратить междуусобія миромъ не удалась. Окружавшіе дофина убѣдили его объявить себя главнымъ наместникомъ (lieutenant général) королевства и собрать парламентъ въ резиденціи своей Пуатье.

Домашнія ссоры и волеянія открывали нашествію иноземнаго завоевателя удобный путь въ самое сердце Франціи. Всѣ ужасы голода и дикаго опустошенія терзали осажденный Руанъ и его окрестности. На вопль несчастныхъ жителей о помощи, королевскій совѣтъ отзывался глухо и неопредѣленно. Учрежденъ, однакоже, особый денежный сборъ „на освобожденіе Руана“. Мало и нехотя началъ Іоаннъ собирать войско, пробуя въ то же время склонить Генриха къ миру съ Франціей и вмѣстѣ къ союзу противъ личнаго врага своего. Такіе же переговоры съ Генрихомъ велъ, съ своей стороны, дофинъ и съ тою же цѣлю. Англійскій король махнулъ обѣ стороны предложеніями и несбыточными требованіями, доказывая, впрочемъ, каждой изъ нихъ, что она не можетъ заключить съ нимъ окончательнаго мира; дофинъ—потому что еще не имѣетъ власти; Іоаннъ—потому что живъ король, хотя и немощный, и нѣтъ въ виду законнаго правоувернаго полномочія. Доведенные до крайности граждане Руана положили ждать до Рождества. Когда же прошелъ и этотъ послѣдній срокъ и вмѣсто полковъ королевскихъ прибылъ посланецъ отъ Іоанна съ совѣтомъ, чтобы „промышляли, какъ могутъ, сами о своемъ спасеніи“, тогда отчаяніе овладѣло жителями. Они положили зажечь городъ и пробиться сквозь непріятеля. Благоразумный Генрихъ успокоилъ ихъ обещаніемъ милости и пощады всѣмъ жителямъ, кромѣ пятавшихъ, обреченныхъ неминуемой казни за бунтъ противъ законнаго государя. Руанъ сдался, 19-го января 1419 года, на слѣдующихъ условіяхъ: граждане заплатятъ 300 тысячъ золотыхъ экю и дадутъ клятву на вѣрность королю, который, королевскимъ словомъ своимъ, утверждаетъ на будущія времена всѣ

давнія ихъ права и вольности. Гарнизонъ выйдетъ изъ города безъ оружія, давъ обязательство не воевать противъ Англичанъ въ продолженіе одного года. Генрихъ вступилъ торжественно въ столицу своихъ предковъ, и принялъ присягу жителей въ соборномъ храмѣ Богородицы. Руанъ возвращенъ Англіи, пробывъ всего 215 лѣтъ подъ скипетромъ французскихъ королей. По примѣру его, покорились Генриху другіе меньшіе города Нормандіи.

Бѣдствія отечества какъ бы пристыдили враждующія партіи: онѣ заговорили о сближеніи. Но напередъ Іоаннъ, уже ославленный своимъ малодушіемъ, которое предало Руанъ въ руки непріятеля, пытался еще разъ сойтись съ Генригомъ. Тщетное усиліе! Счастіе возгордило сердце этого короля, и онъ принялъ Іоанна съ такою надменностію, что дюкъ Бургонскій, разставшись съ нимъ (30-го іюня), возжелалъ всею душою примиренія съ дофиномъ. Они свидѣлись, обнялись въ присутствіи папскаго легата, и обязались клятвою „выгнать изъ Франціи англійскаго короля.“

Среди всеобщаго ликованія, Танги Дюшатель съ братіей таили въ душѣ своей мрачную думу, Они не могли простить минувшаго Іоанну, не вѣрили настоящей его искренности, и предвидѣли въ будущемъ утрату своей власти и своего вліянія на дѣла. Замышляя не доброе, они отъ имени дофина назначили второе свиданіе съ Іоанномъ. Онъ вынужденъ былъ согласиться и прибылъ 10-го сентября (1419 г.) въ Монтро (Montreuil), городокъ, лежащій при впаденіи Іоны въ Сену. Для свиданія Іоанна съ дофиномъ, на мосту чрезъ Іону построенъ былъ павильонъ. Здѣсь они встрѣтились, имѣя каждый при себѣ небольшую свиту. Іоаннъ подошелъ съ обнаженнымъ челомъ, и прекаоня колѣни привѣтствовалъ дофина; но въ тотъ же мигъ, вставая, получилъ въ лице ударъ сѣкирою. Говорятъ, Танги Дюшатель началъ, другіе заговорщики довершили. Изъ свиты Іоанна спасся одинъ Монтегю. Дофина увели при самомъ началѣ смятенія.

Такъ отомщена была смерть дюка Орлеанскаго! Но Франція дорого заплатила за кровь, пролитую въ Монтро.

Напрасно совѣтники дофина разсылали всюду грамоты, въ которыхъ старались увѣрить народъ, что Іоаннъ, при свиданіи, первый оскорбилъ дофина, и даже готовился поднять на него мечъ, когда его угомонили. Никто этому не вѣрилъ: вѣрили показаніямъ Монтегю. Въ Парижѣ, собраніе

мѣстамъ властей, мѣстныхъ гражданъ и народа рѣшило противиться злодѣямъ, нарушителямъ мира, и отмстить имъ за кровь убитого. Месть по праву принадлежала двадцати-двухлѣтнему сыну его, дюку Филиппу. Слѣдуя преданіямъ своего дома, онъ обратился къ помощи англійскаго короля, который продолжалъ межъ тѣмъ путь своихъ завоеваній. 17-го октября собрался конгрессъ въ Аррасъ. 2-го декабря состоялся трактатъ между Генрихомъ и Филиппомъ Бургонскимъ, на слѣдующихъ условіяхъ: „наслѣдство французскаго престола, по кончинѣ Карла VI, должно принадлежать Генриху, который вынѣ вступить въ бракъ съ Екатериной, дочерью короля Карла, и приметъ управленіе государствомъ, при содѣйстви совѣта, составленнаго изъ мужей благородныхъ и слѣдующихъ.“ Такъ, однимъ взмахомъ пера Филиппъ выдалъ Англій не какую-либо часть Франціи, а всю Францію, лишавъ дофина и прочую родню королевскую всякаго права на престолъ! Положено: представить условія мира на утвержденіе Карла VI.

21-го марта 1420 года, Филиппъ въ сопровожденіи англійскихъ пословъ прибылъ въ Труа (Troyes), резиденцію французскаго короля, и предложилъ ему условія мирнаго договора и союзъ съ Генрихомъ. Несчастный Карлъ VI былъ въ такомъ положеніи, что ему было все равно. Съ своей стороны, королева Изабелла, ненавидя сына, сама охотно согласилась, и склонила короля лишить его наслѣдства въ пользу дочери. Между тѣмъ подошелъ Генрихъ съ своею арміею. 21-го мая, Карлъ VI, подписалъ знаменитый трактатъ въ Труа. Генрихъ, принявъ титулъ „регента и наслѣдника королевства“, обязался: соблюдать права и вольности парламента, перовъ, дворянства, общинъ, всѣхъ и каждаго, сообразно законамъ и обычаямъ края, а также заботиться о приведеніи въ послушаніе королю сопротивныхъ ему мѣстъ, замковъ и городовъ, держащихъ сторону дофина. Нормандія и другія завоеванія Англичанъ имѣютъ быть присоединены къ французской монархіи, когда она, волею Божіею, достанется Генриху. Тогда же приложить онъ стараніе и о томъ, чтобы въ избѣжаніе впредь раздоровъ между обѣими державами, и съ общаго согласія государственныхъ чиновъ, обѣ короны соединены были вѣчно на главѣ Генриха и его преемниковъ, съ соблюденіемъ впрочемъ правъ, законовъ и обычаевъ, существующихъ въ каждомъ королевствѣ, и безъ подчиненія

одного другому. Наконецъ, „принимая въ соображеніе несмысленныя злодѣянія Карла, называющаго себя дофиномъ,“ Карль VI, Генрихъ V и дюкъ Бургонскій взаимно облыжаются трактатомъ не входить съ означеннымъ Карломъ ни въ какія связи и сношенія, безъ общаго ихъ совѣта и безъ согласія на то государственныхъ чиновъ Франціи и Англіи.

Всѣ статьи этого договора были противны кореннымъ законамъ государства. Но трактатъ облеченъ былъ въ законныя формы и подписанъ королемъ: имя монарха стало надгробіемъ монархіи. Филиппъ Бургонскій былъ утѣшенъ: знамена его и знамена Франціи развивались рядомъ съ англійскими знаменами! Противникъ его удалился за Луару.

Не многіе города и крѣпости въ сѣверной Франціи остались во власти дофина и его партіи. Но въ южной — въ Ліонѣ, въ Тулузѣ, въ Лангедокѣ, въ Дофинѣ, въ томъ краѣ, откуда вышли арманьяки, гдѣ жители не имѣли сочувствія къ бургиньонамъ, дофину легко было привлечь города и народъ на свою сторону, утвержденіемъ ихъ мѣстныхъ правъ и привилегій.

Странная превратность судьбы! Проданная Англичанамъ, Франція исчезаетъ, и является тамъ, гдѣ ея никогда не было. Представителями ея являются, чуть не бѣглець, дофинъ и грѣшныя друзья его!...

2-го іюня, Генрихъ сочетался бракомъ съ Екатериной въ Труа, а 4-го съ супругою, тестемъ, тещею и дюкомъ Бургонскимъ уже выступилъ въ походъ противу непокорныхъ ему городовъ. Многіе изъ нихъ явили примѣръ великодушнаго сопротивленія, отвергая сердцемъ и устами то что считали измѣною отечеству, и послѣ отчаянной обороны заплатили позорною смертію за искренность и силу своихъ убѣжденій.

1-го декабря, короли Французскій и Англійскій, дюкъ Бургонскій и всѣ принцы крови съ величавою пышностію вступили въ Парижъ, и были съ почестями встрѣчены гражданами, въ праздничныхъ одеждахъ. Духовенство вышло крестнымъ ходомъ, въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и святынею; пѣли: „благословенъ грядый во имя Господне!“ Утомленный бѣдствіемъ, народъ чего-то ожидалъ. 6-го декабря собранные на скорочины государственные признали силу договора, заключеннаго въ Труа, и предоставили „регенту“ право сдѣлать обязательный заемъ, „ради войны съ арманьяками.“ Потомъ дюкъ Бургонскій публично обратился къ королю съ формальною жалобой на

Карла, нарицаемаго дофиномъ, и на его сообщниковъ, убійцъ отца его Иоанна Безстрашнаго, и просилъ примѣрнаго правосудія. Парламентъ звалъ обвиненныхъ, чтобъ явились въ трехдневный срокъ, и потомъ приговорилъ ихъ всѣхъ заочно къ смерти.

Генрихъ V, проживъ около мѣсяца въ Парижѣ, гдѣ пышность его, среди народнаго разворенія и голода, казалась для націи тѣмъ оскорбительнѣе, что старый король жилъ тутъ же, въ общемъ у всѣхъ забвеніи и въ крайней скудости, отправился съ супругою въ Англію. Тамъ, возвращеніе его было свѣтлымъ, триумфальнымъ шествіемъ, при кликахъ восторженной толпы.

Между тѣмъ дѣла дофина нѣсколько поправились. При содѣйствіи кастильскаго флота, онъ вывезъ изъ Шотландіи до пяти тысячъ отличнаго войска подъ предводительствомъ храбрыхъ военачальниковъ, и этотъ отрядъ, въ соединеніи съ его силами, доставилъ ему немаловажный успѣхъ надъ Англичанами.

Генрихъ успѣшилъ возвратиться въ Францію, куда и прибылъ 12 іюня 1421 года, имѣя съ собою около 30 тысячъ бодрого войска; взялъ, послѣ долгой осады, и разорилъ городъ Мо (Меаух) на Марнѣ, главное гнѣздо непріателя, крайне безпокоившее столицу; потомъ завоевалъ много другихъ мѣстъ.

Весною 1423 года, повеселясь въ Парижѣ, Генрихъ готовился идти на дофина (который боролся съ Филиппомъ въ самой Бургони), какъ вдругъ заболѣлъ, и 22 августа умеръ, поручивъ брату своему, дюку Бедфорду, мааденца сына и управленіе Франціей, въ случаѣ если Филиппъ не приметъ этой чести и обязанности на себя. Въ самомъ дѣлѣ Филиппъ отказался; объ Изабеллѣ не было и помину.

Вскорѣ потомъ 21 октября умеръ Карлъ VI. По преданіи тѣла его землѣ, герольдъ провозгласилъ: „да здравствуетъ государь нашъ Генрихъ, король Франціи и Англій!“

Вѣсть о смерти короля скоро достигла Оверни, гдѣ находился тогда дофинъ. И тамъ совершенъ печальный обрядъ: панахида и наложеніе траура. Дофинъ объявленъ королемъ.

Изчезъ обманчивый призракъ, изъ-за котораго дѣйствовала страсти! Доселѣ, партіи прикрывались именемъ короля. Отнынѣ два господина во Франціи. Одинъ—чужеплеменникъ растеть и воспитывается за моремъ. Другой, прямой наследникъ по праву и по народности, живетъ въ краѣ. Ему двадцать

лѣтъ отъ роду; но прошедшее его омрачено тяжелыми воспоминаніями. Никто не знаетъ способенъ ли онъ править государствомъ; всѣ помнятъ злодѣяства партіи, съ которою онъ связанъ неразрывными узами. При всемъ томъ, первое движеніе народной мысли, въ его пользу: примиреніе у всѣхъ и каждаго на устахъ.

Хитрый Бедфордъ, нареченный регентъ Франціи, помыслъ какъ необходимо ему сдѣйствіе Филиппа Бургонскаго, и спѣшилъ честію и угодаивостію привязать его къ интересамъ Генриха VI, своего питомца. Онъ женился на сестрѣ Филиппа. Другая сестра вышла за графа Ричмона, роднаго брата дюка Бретанскаго, которой также, по личному недовольствію къ Карлу, призналъ Генриха VI королемъ Франціи и Англіи, и заключилъ съ нѣстуванами его дружественный союзъ.

Съ своей стороны, Карлъ, отъ природы безпечный, легкомысленный, избалованный нѣгою, но подстрекаемый своими совѣтниками, являлся необыкновенно дѣятельнымъ, объѣзжая южныя свои владѣнія, заботясь о ихъ потребностяхъ, оказывая всѣмъ рѣдкое правосудіе, раздавая милости и привилегіи. Онъ вѣнчался въ Пуатье, но безъ муропомазанія, которое, по общепринятому мнѣнію, могло совершиться лишь въ Реймсѣ, а Реймсъ находился тогда въ рукахъ непріятеля. Въ Буржѣ и Каркассонѣ собранія чиновъ узаконили чрезвычайный денежный сборъ, для нуждъ его управленія.

На сѣверѣ, за Луарой, отдѣльныя шайки дофинцевъ, разбѣланные, съ своими атаманами, по провинціямъ, держались болѣе въ крѣпостяхъ, захваченныхъ хитростію, защищаемыхъ упорствомъ. Оттуда дѣлали они набѣги во всѣ стороны, особенно на земли и города, принадлежавшіе дюку Бургонскому, не щадя впрочемъ ни своихъ, ни чужихъ. Стычки ихъ съ непріятелемъ были жестоки и кровопролитны. Хотя въ этихъ побоищахъ наиболѣе участвовали и губили другъ друга иноземцы-наемники, однакоже страданія народа были вообще тяжки, и вездѣ царствовало глубокое уныніе. Парижъ пустѣлъ, улицы порастали травой. Шотландскіе горцы толпами прибывали во Францію, для принятія службы у короля Карла, а болѣе для собственной своей наживы. Правительство осыпало ихъ щедрыми дарами, такъ что французскіе воеводы съ завистію спрашивали: „уже ли въ правду Франція раздѣлена между Англіею и Шотландіею.“ Была еще

помощь: дюкъ Миланскій прислалъ Карлу подкрѣпленіе. Война казалась неугасимою.

Среди безчисленныхъ битвъ, сопровождавшихся неравнымъ для обѣихъ сторонъ успѣхомъ, исторія невольно останавливается предъ сраженіемъ 17-го августа 1424 года, подъ стѣнами Вернёля въ Нормандіи. Съ одной стороны командовалъ Бедфордъ; съ другой, начальство надъ войскомъ раздѣлено было между шотландскими и французскими воеводами. Здѣсь повторилось то что было при Азенкурѣ. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ и ошибокъ, тяжелая кавалерія пала подъ ударами англійскихъ стрѣлковъ. Побѣжденные лишились лучшихъ вождей своихъ. Бедфордъ спѣшилъ воспользоваться побѣдою, бралъ города и цѣлыя области. Вдругъ встрѣтилась ему нечаянная помѣха.

Филиппъ Бургонскій поссорился съ братомъ Бедфорда, дюкомъ Глостерскимъ, за голландскія земли, на которыя оба предъявляли самыя неумѣренные притязанія. Бедфордъ всего больше опасался, чтобы Филиппъ, въ минуту раздраженія, не измѣнилъ ему, и не облизился съ Карломъ. Опасенія эти были не безъ основанія.

Многія знатныя и сильныя особы, между прочимъ, дюкъ Савойскій, старались о примиреніи Филиппа съ королемъ. Филиппъ противился ихъ усиліямъ потому только, что убійцы его отца оставались попрежнему друзьями и наперсниками Карла. Это препятствіе могло быть устранено. Король понималъ, казалось, благонамѣренную цѣль миротворцевъ, и былъ расположенъ войти въ ихъ виды, сколько отъ него зависѣло. 7 марта 1425 года, онъ призвалъ изъ Бретани графа Ршмона въ Шинонскій замокъ, свою резиденцію, и вручилъ ему, съ полнымъ довѣріемъ своимъ, мечъ и санъ коннетабля. Замѣчательно, что Ршмонъ принялъ эту важную должность съ согласія свояка своего, Филиппа Бургонскаго, и пригрозилъ своимъ увлечь за собою и брата своего, дюка Бретанскаго, который, покинувъ Англичанъ, вступилъ въ союзъ съ Карломъ, поставляя единственнымъ условіемъ своей дружбы удаленіе виновниковъ преступленія, содѣяннаго въ Монтро.

Карлъ обѣщалъ, но малодушіе его тутъ же взяло верхъ надъ умомъ и волей. Онъ не въ силахъ былъ разстаться съ тѣми, которые сами рѣшались пожертвовать своимъ положеніемъ для столь благой цѣли. Новый коннетабль не вытерпѣлъ,

и смѣлою выходкой заставилъ слабого короля сдержать данное слово. Танги получилъ видное мѣсто; Дуве, самый упорный, также удался. Послѣ того всѣ ожидали и надѣялись, что грядущій миръ съ Филиппомъ не замедлитъ положить основаніе общей безопасности и возрожденію отечества. Но эти надежды сокрушились о неспособность короля. Онъ не могъ жить безъ любимцевъ, и выборъ его падалъ всегда на людей недостойныхъ, искусныхъ лишь въ пронырствѣ и въ изобрѣтеніи ничтожныхъ потѣхъ. Эти „потѣшные“, самаго низкаго разряда, расточали на пустыя увеселенія казну королевскую. Войско, не получая платы, терпя нужду, разбѣгалось, и храбрый Ришмонъ не могъ ничего сдѣлать Англичанамъ, которые разоряли Нормандію. Не разъ, купя негодованіемъ, являлся онъ ко двору, ловилъ и уничтожалъ временщиковъ. Король былъ равнодушенъ къ смерти своихъ любимцевъ; но онъ замѣнялъ ихъ новыми, которые были не лучше прежнихъ. Наконецъ одинъ изъ нихъ, Ла-Тремудъ (La Trémouille), пересилилъ Ришмона. Горячій патриотъ подвергся опалѣ, и принужденъ былъ удалиться въ свои имѣнія. Въ то же время дюкъ Бретанскій, тѣснимый Англичанами, считая Францію погибшею безвозвратно, покорился видимой необходимости, и ссыва призналъ силу трактата, заключеннаго въ Труа. Бедфорду удалось, наконецъ, помирить брата съ Филиппомъ, и обезпечить себя со всѣхъ сторонъ.

Въ юнѣ 1428 года искусный полководецъ, графъ Салисбери, привелъ регенту изъ Англіи шесть тысячъ отборнаго войска; Тогда же сдѣлавъ наборъ въ Нормандію и въ другихъ провинціяхъ, и рѣшено открытъ немедленно военныя дѣйствія, на основаніи общаго обдуманнаго плана. Теченіе Луары принято главною операціонною линіей: положено овладѣть ею и проникнуть потомъ въ южныя провинціи, послѣднее достояніе и убѣжище Карла. На берегахъ Луары стоитъ укрѣпленный городъ Орлеанъ, центральнѣйшій пунктъ, ключъ позиціи. Здѣсь должна была рѣшиться судьба двухъ націй.

Англійскіе воеводы требовали въ одинъ голосъ осады Орлеана. Бедфордъ, постигая всю важность и вмѣстѣ трудность предпріятія, былъ въ большемъ раздумьи. Наконецъ, увлеченный порывомъ войска, уступилъ его желанію, и 12 октября 1428 года Салисбери, переправясь черезъ Луару, сталъ шатромъ подъ стѣнами Орлеана съ южной стороны. Городъ собственно расположенъ на правомъ, сѣверномъ берегу; на

львомъ же, за рѣкою, находилось обширное предмѣстіе. Жители города, считая оборону предмѣстья невозможною, уничтожили его, орыли и сожгли дома и сады и укрѣпили наилучшимъ образомъ башни, защищавшія мостъ на Луарѣ. Пока Англичане занимались очищеніемъ окрестностей отъ непріятельскихъ силъ, которыя могли бы вредить имъ при осадѣ, и брали крѣпость за крѣпостью, Орлеанцы готовились къ отвору. Для снабженія города продовольствіемъ и военнымъ снабдѣемъ, установленъ денежный сборъ съ жителей. Богатые граждане и духовенство пожертвовали большія суммы. Опасное положеніе Орлеана возбуждало общее участіе. Жители Буржа саали туда съѣстные припасы и оружіе; Ла-Рошель, Пуатье и другіе города—денежную помощь. Защита мѣста поручена извѣстѣйшимъ своею храбростію атаманамъ. Ла-Гиръ, Дюнуа и другіе, подобные имъ, молодцы вошли туда съ 800 человекъ отборнаго войска.

Первый приступъ Англичанъ со стороны разореннаго предмѣстья отраженъ съ необыкновенною силою. Женщины содѣйствовали оборонѣ, бросая въ Англичанъ камни, раскаленное желѣзо, обдавая ихъ кипяткомъ и т. п. Однакоже три дня спустя, Англичане взяли башни, прикрывавшія южный конецъ моста. Тогда осажденные разрушили часть моста и укрѣпили островъ, о который опирается его середина. Новый отрядъ въ 800 человекъ вступилъ въ Орлеанъ въ подкрѣпленіе гарнизону. Это обстоятельство убѣдило графа Салисбери въ необходимости обложить городъ со всѣхъ сторонъ, и онъ отдалъ всѣ нужныя для того распоряженія, какъ вдругъ былъ убитъ на мѣстѣ каменнымъ ядромъ, пуценнымъ съ городскихъ укрѣпленій. Мѣсто его заступилъ графъ Соффокъ.

Съ новыми силами (англійскій воевода Таальботъ привелъ свѣжій отрядъ, а Филиппъ прислалъ своихъ бургииньоновъ) Соффокъ вершелъ на правый берегъ. Жители уничтожили и здѣсь богатые предмѣстья, храмы Божіи, загородные дома свои. Непріятель, съ своей стороны, занялся усердно построениемъ бойницъ, редутовъ и траншей, несмотря на вылазки осажденныхъ, которые, тревожа Англичанъ частыми нападеніями, мѣшали ихъ работамъ, и безъ того уже труднымъ среди декабрскихъ непогодъ, и удачно снабжали себя припасами, обмладеживая другъ друга радостною вѣстію о близкой помощи. Дѣйствительно, значительное войско подъ начальствомъ

графа Клермонскаго шло на спасеніе Орлеана; но узнавъ, что Бедфордъ выслалъ туда же изъ Парижа большой обозъ съ припасами, графъ Клермонскій рѣшился перехватить этотъ секурсъ осадному войску, и пригласилъ къ содѣйствию орлеанскихъ воителей, которые и вышли изъ города съ пушками и конницей въ изрядномъ числѣ. Къ несчастію, завидя близъ Руврэ англійскій конвой, они увлеклись отвагою, сразились (12 февраля 1429 года), и были разбиты, прежде нежели графъ Клермонскій могъ подкрѣпить ихъ главными своими силами. Послѣ этой неудачи, собственное войско его разошлось.

Тогда жители Орлеана поняли свое положеніе. На королевскую помощь надѣяться было нечего; пособія патриотовъ могли только временно продлить ихъ мучительное существованіе, не болѣе. Непріятель грозилъ не оставить живой души, камня на камнѣ; осадныя работы все болѣе и болѣе сжимали городъ извнѣ. Жители Орлеана рѣшились испытать еще одно средство. Они отправили пословъ къ Филиппу Бургонскому, предлагая сдаться ему, въ случаѣ если регентъ согласится даровать имъ миръ. Два мѣсяца прошло въ тревожномъ ожиданіи: Филиппъ былъ далеко, во Фландріи. Онъ принялъ ласково орлеанскихъ пословъ и взялъ ихъ съ собою въ Парижъ, чтобы ходатайствовать по ихъ дѣлу. Но совѣтъ регента не хотѣлъ и слышать о такомъ предложеніи. Внимательство Филиппа было крайне непріятно Англичанамъ. Они держали добычу въ рукахъ и, конечно, не желали уступить ее кому бы то ни было. „Нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ Бедфордъ, Орлеанъ мое добро; чтѣ хочу то и сдѣлаю: онъ заплатитъ мнѣ то, чего стоилъ. Я лазилъ по кустамъ, а птички достанутся другому? Какъ бы не такъ!“ Они разошлись съ неудовольствіемъ. Филиппъ отозвалъ своихъ воиновъ изъ союзной арміи.

Съ примѣрною твердостію узнали граждане Орлеана (17 апрѣля) о неудачѣ посольства, объ утратѣ послѣдней своей надежды, и положили—умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Въ ночь на 18-е апрѣля, они еще разъ напали на англійскій лагерь, и произвели въ немъ страшное кровопролитіе. Но то были послѣднія искры безотчетнаго самопожертвованія. Англичане поняли это, и уже не сомнѣваясь въ окончательномъ успѣхѣ, дѣлали соображенія о дальнѣйшихъ операціяхъ своихъ за Луарой. Разчетъ ихъ, казалось, былъ вполне

вѣренъ. Покореніе южныхъ провинцій: Берри, Пуату и др. не можетъ быть труднымъ. Народъ въ уничи; знать и рыцарство частью погибли въ сѣчахъ, частью измѣнили королю, или готовы были измѣнить и войти въ условія съ побѣдителемъ. Король, безъ войска и безъ денегъ, совершенно упалъ духомъ. Совѣтники шепчуть ему, что ничего не осталось болѣе, какъ удалиться въ затишье Овернскихъ горъ, даже за Рону, въ Дофинъ, „если Богъ дастъ сохранить эту провинцію.“

Карлу и то казалось лишнимъ. Онъ считалъ себя виновникомъ этой длинной, бесплодной, кровопролитной борьбы, предметомъ особеннаго гнѣва Божія. Онъ дошелъ до того, что сталъ сомнѣваться во всемъ: въ себѣ, въ своемъ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, и помышлялъ о спасеніи бѣгствомъ въ чужіе края.....

Такимъ образомъ * все, снизу доверху, колебалось во Франціи: жизнь и самая любовь къ жизни оскудѣли въ ней. Отовсюду слышалось роковое „да будетъ тьма!“

Но народъ не умеръ еще: онъ только почиваетъ. Великія силы духа сосредоточены въ тайникахъ его чувства. Онъ вѣруетъ въ свое будущее, и вѣра его чаеетъ спасенія свыше. Помимо духовенства, въ то время уже низко упавшаго, раставнаго, доведеннаго до ничтожества, въ народѣ развивается предчувствіе божественной правды, ожиданіе неземной, сверхъестественной помощи. Въ немъ носятя странныя, но благія вѣсти: изъ устъ въ уста переходитъ преданіе о видѣніяхъ, чудныхъ, знаменательныхъ, обновляется ветхое предсказаніе, которое гласитъ, что „дѣва чистая избавитъ отъ врага родимую землю“.

V.

Въ той мѣстности Франціи, гдѣ струится рѣка, которую мы, въ школахъ, зовемъ, по-голландски, Маасъ, и которую Французы называютъ Мёзъ (Meuse), (по-латыни Моза), смыкаются своими границами двѣ страны: Шампань и Лорренъ.

* Мы кратко изложили здѣсь превратности борьбы двухъ народовъ, потому что иначе подвигъ Жакки д'Аркъ не могъ бы быть понятъ въ истинномъ его значеніи. Впрочемъ, кто знаетъ какъ сильна волею національная вражда между Французами и Англичанами, тотъ не безъ интереса прочтетъ исторію ихъ борьбы, оставившей по себѣ такіе незабываемые слѣды на ивогіе вѣка.

Послѣдняя, связанная происхожденіемъ жителей, языкомъ, обычаями, узамъ вассальства съ Нѣмедкою имперіей, имѣла однакоже дюковъ французской крови, и въ то время, къ которому относится наше повѣствованіе, должна была поступить подъ власть Рената (René), сводка короля Карла VII, сына его тещи, Голанды Анжуйской.

Въ народѣ умы были раздѣлены, какъ и вездѣ, между партіями бургиньоновъ и арманьяковъ, и антагонизмъ ихъ въ этомъ краѣ могъ быть сильнѣе нежели гдѣ-либо. Небольшой городокъ, Вокуаёръ принадлежалъ непосредственно королю Франціи; но въ округѣ его находились между прочимъ и владѣнія дюка. Такъ было въ близкомъ къ городу селеніи Домремѣ (Domrémy): ручей отдѣлялъ дукать отъ королевства въ самой слободѣ.

Въ той части Домремѣ, которая по гражданскому управленію „танула“ къ Шампани (слѣдовательно къ королевству), жилъ небогатый земледѣлецъ, Яковъ Даркъ, съ женою и дѣтьми, въ числѣ которыхъ было три сына и двѣ дочери, Жанна и Катерина. Село было владѣльческое. Имя владѣльца — Пьеръ де-Бурлемонъ. Семейство Даркъ, подобно и прочимъ жителямъ селенія, принадлежало, по всей вѣроятности, къ состоянію несвободному. Яковъ имѣлъ свою усадьбу и поля, за которыя служилъ службу землевадѣльцу и отчасти сельскому обществу, посылая въ очередь дѣтей своихъ пасту общественное стадо.

Жанна родилась 6 января 1412 года. Дѣта ея дѣтства протекали безмятежно, подъ сѣнію родительскаго крова и сельской простоты. Бывали, правда, и тутъ своего рода заботы и приключенія. Въ это безпокойное время нерѣдко случалось, что въ селеніе являлись ватаги грабителей; надо было скрываться отъ нихъ, спасать пожитки и скоть. Разъ, сильный отрядъ бургиньоновъ напалъ на селеніе. Жители бѣжали въ близкій городъ Нѣшатѣ, и когда воротились, то наши дома свои разграбленными и пепелище на мѣстѣ храма Божія. Печальныя слѣды опустошенія въ послѣдствіи времени были изглажены ихъ заботливостію и трудолюбіемъ, но чувство обиды осталось въ сердцахъ навсегда. Ненависть къ бургиньонамъ влекла ихъ бессознательно къ противоположной національной партіи. Дѣти въ играхъ своихъ были живымъ отголоскомъ этихъ стремленій, и частыя драки ихъ съ дѣтьми сосѣднаго

села, гдѣ жители стояли за бургиньоновъ, изображали въ маломъ видѣ то что происходило на сценѣ большого свѣта. Таковы были первыя впечатлѣнія Жанны, начатки, если можно такъ выразиться, политическихъ ея убѣжденій. Прибавьте къ тому слухи о дальнихъ событіяхъ, вечерніе разказы о прошломъ и настоящемъ, о бѣдствіяхъ королевства, о кровавыхъ сѣчахъ, о немощи и соблазнахъ двора, о любовныхъ похожденияхъ королевы Изабеллы и проч. Дофинъ (такъ звалъ народъ Карла, такъ какъ онъ не былъ еще помазанъ на царство) казался издали воображенію этихъ простодушныхъ людей существомъ идеальнымъ, невинно страдающимъ, избраннымъ свыше для судебъ великихъ.

„Блаженны чистые сердцемъ!“ Жанна росла силою и здоровьемъ, среди простыхъ, укрѣпляющихъ тѣло, сельскихъ трудовъ, развивалась нравственно, подъ надзоромъ доброй матери, которая научила ее молиться Богу, любить его созданія, помогать бѣднымъ, блюсти чистоту сердца и цѣломудріе. Она была отъ природы набожна, скромна, задумчива. Садикъ ихъ примыкалъ къ церковной оградѣ. Жанна, пользуясь близкимъ сосѣдствомъ, часто уходила въ церковь и долго оставалась тамъ на молитвѣ. Она любила также навѣщать, вмѣстѣ съ другими дѣтьми, находившуюся за селомъ часовню посвященную Богоматери. Тамъ же, на нагорномъ берегу рѣки, была густая дубрава, куда обыкновенно ходили гулять поселяне, старшій и малый. Эта дубрава имѣетъ особое значеніе въ исторіи Жанны. Среди ея красовался между прочимъ вѣковой развѣсистый букъ, чудо-дерево: его называли „деревомъ чаровницъ“, l'arbre des dames, des fées, которыя какъ гласитъ преданіе, витали въ шумящей обители его листьевъ. Разказывали втихомолку, что владѣлецъ села смѣлъ здѣсь когда-то сзиданія съ одною изъ фей (конечно, какое-нибудь романическое приключеніе послужило поводомъ къ этому повѣрью). По давнему обычаю, каждый годъ, въ половинѣ великаго поста, въ воскресенье, сами господа пріѣзжали сюда изъ замка всѣмъ семействомъ встрѣчать весну, собирали вкругъ себя сельскую молодежь, и цѣлый день веселились общимъ съ ней веселіемъ. Дѣти плели вѣнки, пѣли пѣсни, плясали, лакомились пирожнымъ, черпали воды источника, которому приписывалась цѣлебная сила, привлекавшая туда больныхъ и ослабленныхъ. Жанна бывала тамъ

съ подругами, пѣла съ ними пѣсни: плясать не любила. Вѣнокъ свой обыкновенно относала въ часовню.

Однажды среди лѣта, среди бѣлаго дня, въ полдень,—Жаннѣ было тогда тринадцать лѣтъ отъ роду,—работая въ саду своего дома, она услышала со стороны церкви голосъ и увидѣла необыкновенно свѣтлое сіяніе. Ужасъ овладѣлъ ею, глаза наполнились слезами. Голосъ впрочемъ былъ приятенъ и величественъ. Онъ говорилъ о благочестіи, внушалъ покорность волѣ Божіей: онъ открылъ ей въ какомъ жалкомъ положеніи находилась тогда Франція; сказалъ, что Богъ повелѣваетъ ей идти туда, да избавить дофина отъ враговъ и проводить его въ Реймсъ, гдѣ онъ будетъ помазанъ на царство.

Тяжело было Жаннѣ въ первый разъ слышать о такомъ призваніи. Бѣдное дитя, откуда возьметъ она силы на подобное дѣло? Она колеблется. Явленія повторяются, и голосъ твердить ей неумолчно: „иди, иди во Францію!“ Ей велѣно „явиться въ Вокулёръ, къ капитану Бодрикуру (Robert-Baudricourt), который дастъ ей помощниковъ. Ее избралъ на то самъ Богъ.“ Страшныя и вмѣстѣ сладостныя рѣчи!

Она рѣшилась: дала обѣдъ посвятить Богу себя, свою дѣвственность. И тѣсный міръ ея кажется ей тѣснѣе прежняго: тѣмъ пламеннѣе становятся ея молитвы. Никто не знаетъ о томъ что происходитъ внутри ея. Она таится отъ всѣхъ, даже отъ родителей и отъ духовнаго отца, боится, чтобъ ей не помѣшали. Въ этой борьбѣ прошло около трехъ лѣтъ. Наконецъ наступила пора открыться.

Она идетъ гостить къ дядѣ (Dugand Laxart), въ сосѣднее мѣстечко. Пробывъ у него съ недѣлю, она проситъ его отправиться съ нею въ Вокулёръ, откуда предстоитъ ей путь къ дофину и въ первопрестольный Реймсъ. Видя его изумленіе и нерѣшимость, „развѣ ты не знаешь, говоритъ она ему, что сказано: *Жена погубитъ Францію, дѣва спасетъ ее?*“

На Вознесенье (13-го мая 1428) они у Бодрикура. Жанна держитъ такую рѣчь: „Владыка (son Seigneur) велѣлъ сказать дофину, чтобъ онъ избѣгалъ теперь рѣшительной битвы съ непріателемъ; что въ половинѣ поста (1429) ему дастся великая помощь; онъ будетъ въ Реймсѣ; ей суждено вести его туда.“ Королевскій капитанъ спросилъ: „Кто твой Владыка?“ „Царь небесный,“ отвѣчала она. Тогда Бодрикуръ называлъ ее дурой, сумасшедшею, и обратясь къ дядѣ, примолвилъ: „знаешь что? Отдуй-ка ее хорошенько по щекамъ, да отведи обратно

къ отцу". Они ушли ни съ чѣмъ. Жанна возвратилась домой къ обычнымъ занятіямъ. Она знала, что всему этому такъ быть должно.

Въ селѣ стали поговаривать о ней. Разъ, отцу ея приснилось, что она бѣжала съ какими-то военными людьми. Этотъ сонъ встревожилъ семью, и Яковъ между прочимъ сказалъ сыновьямъ: „если въ самомъ дѣлѣ этому быть суждено, то лучше бы ей теперь же камень на шею да въ воду.“ Для собственнаго успокоенія, отецъ и мать положили выдать ее скорѣе замужъ. Нашелся человекъ, который, по ихъ же вѣроту и наущенію, сталъ увѣрять, что Жанна обѣщала за него выйти. Она возразила, что это обѣщаніе его выдумка. Дѣло дошло до консисторіи. Жанна явилась въ консисторію, и доказала тамъ свою правду. Затѣя не удалась.

Наступилъ роковой 1429 годъ. Жанна снова обратилась къ дядѣ. Дядя упросилъ ея родителей отпустить ее къ нему, для присмотра за его женой, которая только-что родила. Жанна оставила родительскій домъ и село, не простась ни съ кѣмъ, и даже не повидавшись съ любимыми подругами. Ей было тяжело, она боялась измѣнить себя, проговориться. Позже она сѣтовала о томъ, и однакожь сознавалась, что „еслибы у нея было сто отцовъ и сто матерей, и всѣ они были бы короли да королевы, она все-таки ушла бы отъ нихъ.“

Снова явилась она къ Бодрикуру, въ своемъ крестьянскомъ уборѣ, въ красной юбкѣ, и принята не лучше прежняго. Но этотъ разъ она осталась въ городѣ, въ домѣ одного тамошняго обывателя, честнаго колесника, помогала женѣ его въ хозяйствѣ, ходила въ церковь, говѣя, усердно молилась. Здѣсь она открыто говорила о своемъ посланіи. „Пойду, повторяла она, пойду, хотя бы пришлось мнѣ ползти на колѣняхъ.“ Она мучалась бездѣйствіемъ, „какъ жена мучится родами.“

Одинъ изъ подчиненныхъ Бодрикура, видя ея твердость и постоянство, спросилъ ее однажды: „Что, голубушка, знать Англичанамъ-то вѣкъ вѣковать во Франціи?“—„Самъ видишь, отвѣчала она: я пришла сюда для свиданія съ Бодрикуромъ, чтобъ онъ далъ мнѣ помощниковъ; но онъ меня не слушаетъ. А вотъ, въ половинѣ поста мнѣ непременно надо быть у дофина, потому что безъ меня никто на свѣтѣ не спасетъ королевства. Конечно, мнѣ лучше было бы сидѣть за пряхой дома, у матушки: не мое здѣсь мѣсто, но надо, надо,

потому что такъ угодно Владыкѣ.“—„Кто жь твой Владыка?“—„Господь Богъ.“ Эти слова Жанны и увѣренность ея въ себя убѣдили вопрошавшаго. Онъ взялъ ее за руку и сказалъ: „ну, если такъ, то я вѣрный твой спутникъ и слуга. Когда хочешь отправиться?“—„Сегодня, завтра; чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.“ Другой воинъ, товарищъ перваго, услышавъ это, присоединился къ нимъ.

Сила народной молвы заставила самого Бодрикура призадуматься. Кто она? Не колдунья ли? Онъ явился съ священникомъ въ домъ колесника, и священникъ, обратясь къ Жаннѣ, заклиналъ ее: „если глаголемое ею отъ лукаваго есть, да отыдетъ она отъ нихъ прочь.“ Жанна подошла къ нему, и стала на колѣни. Пасторъ въ этомъ случаѣ поступилъ неосновательно, вѣроятно по волѣ начальника, такъ какъ Жанна только-что исповѣдывалась у него. Потомъ обратясь къ Бодрикуру, она напомнила ему народное повѣрье о дѣвственницѣ, грядущей отъ границъ Лоррена*, и многіе изъ предстоявшихъ утвердились въ мысляхъ своихъ, и увѣровали.

Отселѣ все пошло удачно. Начались приготовленія. Спутники Жанны приняла на себя путевые расходы. Жители Вокулёра сложились и достали ей мужской уборъ, шпоры, шлемъ, копье. Жанна остригла въ кружокъ свои длинные черные волосы и одѣлась какъ воины ходили въ то время. Дядя, при пособіи другихъ, купилъ ей коня, заплативъ за него 16, по-нынѣшнему 168 франковъ (около 42 рублей на наши деньги.)

На ту пору владѣтельный дукъ страдалъ тяжкою, неисцѣлимую болѣзнію. Ища облегченія, онъ послалъ за Жанною, и велѣлъ дать ей опасныя грамоты на проѣздъ въ столицу его, Нанси. Она явилась на зовъ дюка, но сказала ему рѣшительно, что Богъ не открылъ ей этой науки, что впрочемъ никто уже не спасетъ его; но онъ можетъ спасти Францію, если поддержитъ юную воевательницу и дастъ ей нужныя средства

* Основною этому предсказанію служила ииенческая теорія Галловъ о преставленіи и возобновленіи міра. Древніе барды ихъ пѣли о дѣвяти знакахъ зодіака, что они „подъ исходъ дней“ поколеблются и „дѣва явится попирающею стрѣльца.“ Стрѣлецъ въ позднѣйшихъ преданіяхъ прообразуетъ Англичанъ, которые славились искусствомъ стрѣлать изъ лука. Народная фантазія добавила, что „дѣва, воспитанная феями, иридеть отъ дубравы, отъ лѣса дубоваго, а тотъ лѣсъ—на границахъ Лоррена.“ Мечта стала былью. Таково лепостижное творчество воли и воображенія.

и войско. Дюкъ пожаловалъ ей, говорятъ, четыре франка и вороняго кося. Жанна посѣтила въ осьми верстахъ отъ Нанси погостъ Св. Николая Чудотворца, и спѣшно воротилась въ Вокулёръ. Здѣсь Бодрикуръ уже не протавилъ ея просьбъ: быть-можетъ, онъ получилъ разрѣшеніе отъ двора. Онъ далъ ей мечъ и письмо къ королю, приговоря: „счастливаго пути! Была-не-была!“

13 февраля въ воскресенье, на первой недѣлѣ великаго поста, Жанна, въ сопровожденіи шести челоѣкъ, пустилась въ путь. Народъ тревожно провожалъ ее. „Не бойтесь за меня, добрые люди, говорила она; я уповаю на помощь Божию. Вѣрите: ивъ такъ на роду написано!“

Первый шагъ сдѣланъ. Но сколько препятствій впереди! Если для поѣздки въ Нанси нужны были охраняемыя грамоты,—что жъ сказать о такомъ дальнемъ странствіи?

Путь лежалъ черезъ край непріязненный, разоренный, гдѣ бродили толпы Англичанъ и бургуньоновъ и всякая сволочь живущая грабежомъ. Ъхали больше ночью, минуя города, избѣгая встрѣчь. Когда останавливались для отдыха, Жанна, сильная чистотою своихъ помысловъ, засыпала чуткимъ сномъ, въ воинской своей одеждѣ, посреди спутниковъ, хранившихъ невольно должное уваженіе къ ней. Какъ утомительна была ей конная ѣзда, на разстояніи какихъ-нибудь шести сотъ верстъ, по дорогамъ неслыханнымъ! Какъ трудна и опасна переправа чрезъ рѣки, въ самую водополь, послѣ зимнихъ дождей! Жанна ободряла всѣхъ своимъ мужествомъ. Она жалѣла только о томъ, что чрезмѣрная осторожность ея товарищей не давала ей хорошенько помолиться въ храмахъ Божіихъ. Она говорила имъ, что безпокойство ихъ напрасно, что невидимыя силы охраняютъ ихъ, и что она исполняетъ лишь волю небеснаго промысла.

За Луарой, путники увидѣли себя уже въ королевскихъ лѣдвнѣяхъ: имъ стало легче на душѣ. Жанна послала письмо къ королю, прося позволенія представиться ему. 6-го марта прибыли въ Шивонъ, резиденцію Карла. Но уже всюду разнеслась, дошла и до жителей Орлеана молва, что молодая пастушка отъ дубравы, отъ лѣса дубоваго (bois chesnu), какъ говорится въ преданіи, спѣшитъ на избавленіе осажденнаго города. Орлеанцы отправили немедленно пословъ заявить королю, что эта помощь—послѣдняя ихъ надежда.

Дворъ былъ въ недоумѣніи какъ поступить въ этомъ страшномъ случаѣ. Любимецъ короля, Ла-Тремудъ, болелъ всякой

новизны. Онъ терпѣть не могъ, чтобы другой, кто бы то ни былъ, обращалъ на себя вниманіе короля, въ ущербъ собственному его вліянію: таковы всѣ временщики! Думая лишь о личныхъ выгодахъ, онъ не заботился о томъ, что будетъ послѣ него: было бы ему хорошо. Впрочемъ, близкая родня его пользовалась милостію Бургонскаго дюка, и эти многостороннія связи обезпечивали, на всякій случай, положеніе его въ государствѣ. Другіе царедворцы находили неприличнымъ допустить къ его величеству дѣвчонку, которая, можетъ-быть, подослана и кажется не въ своемъ умѣ, и выдаетъ себя за пророчицу. Напротивъ того, королева и теща короля полагали, что не сдѣдуетъ пренебрегать такою нечаянною помощію, чтобы не довести до крайняго отчаянія несчастный Орлеанъ, отъ судьбы котораго зависитъ судьба Франціи. Ссылались на официальное предоставленіе Бодрикура, на препятствія, которыя Жанна удивительнымъ образомъ превозмогла въ пути, наконецъ, на живое свидѣтельство о ней ея спутниковъ. По двухдневномъ совѣщаніи, положено принять ее, подвергнувъ напередъ нѣкоторымъ испытаніямъ.

8-го марта, Жанна явилась въ богато-убранный, ярко освѣщенный дворецъ, въ блистательное общество королевскаго двора, куда собралось все что было знатнаго, изящнаго, чопорнаго во Франціи. Золотые чертоги, пышные наряды, многочисленная прислуга, строгій этикетъ, ничто не смутило Жанну. Она вела себя прилично, скромно, безъ лишней застенчивости. Карлъ, одѣтый запросто, вѣшался нарочно въ толпу придворныхъ. Несмотря на то, Жанна прямо подошла къ нему, и поклонясь сказала: „Здравствуй, честной государь!“—„Я не государь“, отвѣчалъ онъ, и прибавилъ, указывая на одного богато-убраннаго господина: „вотъ государь!“ Жанна возразила:—„Нѣтъ, нѣтъ, во истину ты государь, а не иной кто“. Потомъ изложивъ причину своего пріѣзда, просила дать ей людей.—„Богу угодно, говорила она, чтобъ Англичане вышли изъ королевства: иначе имъ будетъ худо.“

Когда король подвелъ ее къ молодому дюку Аламозокому, который только что возвратился изъ англійскаго пѣна, и кипѣлъ желаніемъ биться съ Англичанами, она сказала: „Милости просимъ! Чѣмъ больше съ нами родни королевской, тѣмъ лучше.“

На другой день, она слушала обѣдню въ дворцовой

церкви. Здѣсь она повторила королю, что если онъ предастъ державу свою Богу, то Царь небесный возвратитъ ее въ прежнее блескъ и величіе.

Впечатлѣніе, какое Жанна производила на окружающихъ, было различно. Многіе удивлялись ей, нѣкоторые надъ нею глумились. Разказываютъ, что разъ, когда она шла во дворецъ, одинъ кавалеристъ сказалъ товарищу: „Это-то дѣвственница!“ и грубо шутилъ надъ нею въ богохульныхъ выраженіяхъ. „Несчастный!“ возразила она: „ты гнѣвишь Бога, а конецъ твой такъ близокъ!“ Въ самомъ дѣлѣ, не прошло часу, какъ этотъ человекъ утонулъ.

Правительство медлило. Оно отправило двухъ монаховъ на родину Жанны развѣдать втайнѣ о прежнеемъ ея житіи-бытіи.

Оставаясь покуда при дворѣ, Жанна свободно говорила о своемъ посланничествѣ, и безъ смущенія отвѣчала на дѣлаемые ей безчисленные вопросы. Когда король выѣзжалъ на гулянье, она сопровождала его на конѣ, съ копьемъ въ рукахъ, какъ самый ловкій и искусный всадникъ. Дома, наединѣ, она молилась и плакала.

Однажды, подойдя къ королю, она молвила: „Отчего, государь, ты не вѣришь мнѣ? Знай, что Богъ сжался надъ тобою, надъ всею державою, и надъ твоимъ народомъ. Святые молятъ Его за тебя. Повели, и я скажу тебѣ тайное, и ты увѣруешь.“ Потомъ она въ самомъ дѣлѣ открыла ему что-то очень важное, чего никто, кромѣ короля, не могъ знать. Стоявшіе одадь не могли слышать рѣчей Жанны. Только послѣднія слова ея: „Именемъ Господа увѣряю тебя: ты сынъ короля и прямой наследникъ престола,“—эти слова достигли ихъ слуха. Они притомъ замѣтили, что лицо короля озарилось вдругъ лучомъ неизъяснимой радости. Въ чемъ состояло откровеніе Жанны, убѣдившее короля? Тайна остается тайною. Въ послѣдствіи времени, одинъ изъ придворныхъ (*chambellan*, у насъ въ старину „постельничій“) разказывалъ со словъ самого государя, какъ однажды, доведенный неудачами своими до крайности, Карлъ вошелъ въ образную, и безмолвно просилъ Бога о слѣдующемъ: если онъ прямой наследникъ и законный сынъ короля, то пособить ему и утвердить его на престолѣ; въ противномъ же случаѣ, спасти его по крайней мѣрѣ отъ плѣна и позорной смерти. Эту-ту тайную молитву Жанна напомила королю, и слова

ея были отвѣдью самого неба. Слыша ихъ, король долженъ былъ увѣровать не только въ истину ея посланія, но и въ самого себя, въ собственное право свое на державу.

Этого мало. Надо было, чтобы никто не могъ усомниться въ томъ, что обѣтованіе ея исходитъ отъ добраго начала. Ее послали на испытаніе въ Пуатье, гдѣ засѣдалъ парламентъ и собрались многіе члены Парижскаго университета, державшіе сторону Карла. Здѣсь отвели ей приличное помѣщеніе въ домъ главнаго адвоката. Реймскій архіепископъ, канцлеръ Франціи, составилъ комиссію изъ епископовъ и знатнѣйшихъ ученыхъ того времени. Въ числѣ ихъ былъ Сегенъ (Séguin), доминиканскій монахъ, сохранившій намъ память о томъ что тамъ происходило. Когда комиссія явилась въ квартиру Жанны, она, присѣвъ на край скамьи, спросила: что имъ нужно? Члены комиссіи объявили ей, что присланы королемъ, такъ какъ она выдаетъ себя за вдохновенную свыше, въ чемъ многіе однакоже сомнѣваются, и потому краснорѣчиво доказывали ей всю невѣроятность подобнаго, со стороны ея, разглашенія. Удовлетворивъ ихъ разспросамъ о своемъ происхожденіи и о прочемъ, она открыла имъ, что вѣщій голосъ съ неба наказалъ ей сдѣлать то что она уже сдѣлала и что впредь имѣеть совершить.

— Жанна, замѣтилъ ей одинъ изъ присутствовавшихъ,—ты замышляешь идти подъ Орлеанъ, и требуешь себѣ войска, увѣряя притомъ, что Богъ хочетъ удалить Англичанъ изъ Франціи. Если въ самомъ дѣлѣ Богъ того хочетъ, то къ чему тебѣ войны?

— Войны, отвѣчала она,—сразятся съ непріателемъ, а Богъ Всемогущій даруетъ имъ побѣду.

Ученый богословъ сознался, что отвѣтъ ея вовсе не дуренъ. За симъ Сегенъ, человекъ желчный, говорившій лимузинскимъ нарѣчіемъ, спросилъ ее:—На какомъ языкѣ бесѣдовали съ тобою голоса?

— Чище вашего, отвѣчала она.

— Вѣруешь ли ты въ Бога? продолжалъ онъ съ нѣкоторою досадою.

— Вѣруйте вы, какъ я вѣрую, былъ отвѣтъ ея.

— Ну такъ знай же, заключилъ онъ,—что Богъ запрещаетъ вѣрить тебѣ, пока не явишь знаменія въ доказательство того, что Онъ послалъ тебя. Я ни за что не посоветую королю, чтобы онъ вѣрилъ тебѣ войско, полагаясь только на одно твое слово.

— Ей, ей! восклицнула Жанна:— я здѣсь (въ Пуатье) не для того чтобы творить чудеса и знаменія. Но пустите меня въ Орлеанъ: тамъ докажу я, для чего послалъ меня Господь!

Сеговъ добросовѣстно записалъ ея отвѣты на вопросы комиссіи.

Въ продолженіе трехъ недѣль, Жанну испытывали въ догматахъ вѣры, имѣя въ виду, что ежели она окажется не твердою въ вѣрѣ, то и видѣніе ея, значить, не отъ Бога. „Дивное зрѣлище! восклицаетъ одинъ изъ современниковъ: эта дѣвушка среди мужей степенныхъ, простота въ борьбѣ съ ученостію, одна противъ множества совопросниковъ! Отвѣты ея были столько же безыскусственны, сколько ловки и благо-разумны. Разъ, опутанная вопросами ученыхъ и ссылками ихъ на текстъ Св. Писанія, она сказала имъ съ кротостію: „въ вашихъ книжкахъ нѣтъ того, что у Бога въ книгѣ написано.“ Съ своей стороны, они не могли отказать ей въ полномъ одобреніи. Докладъ ихъ дошелъ до насъ (протоколы застѣданий, къ сожалѣнію, утрачены). Комиссіа признаетъ, что король поступилъ мудро и осмотрительно, требуя удостовѣреній въ истинѣ ея посланія. Комиссіа, впрочемъ, не находитъ въ Жаннѣ ничего предосудительнаго, а напротивъ того, свидѣлствуетъ о ея благодушіи, цѣломудріи, богобоязненности. Относительно рожденія и прежней жизни ея, комиссіа сообщено много удивительнаго, необыкновеннаго. Король можетъ, не обинуясь, принять усердныя ея предложенія. Касательно же знаменія, котораго требовали отъ нея, по волѣ его величества, она показала, что явить знаменіе подъ Орлеаномъ, а не въ иномъ мѣстѣ, потому что такъ заповѣдано ей самимъ Богомъ.

Оставалось еще удостовѣриться: нѣтъ ли въ замыслахъ Жанны какого-нибудь хоть малаго участія нечистой силы? Узнать это было не трудно: по тогдашнимъ понятіямъ, диаволь не можетъ имѣть ничего общаго съ дѣвою. Вдовствующая королева съ двумя дамами взяли на себя трудъ освидѣтельствовать Жанну, и признали ее „дѣвственницею.“

Въ народѣ колебанія не было. Съ самаго начала, всѣ единодушно вѣрили Жаннѣ, ея посланничеству и обѣтованіямъ. Всѣ, видѣвшіе ее, отзывались о ней съ похвалою. Духовныя лица славили ея благочестіе, военныя—ея смѣлость и знаніе ратнаго дѣла; женщины не могли ладиться ея скромности и кроткому обращенію, находя въ

ней, сверхъ чаянiя, добрую, простую дѣвushку, которая вдохновенiемъ своимъ и прiвлекательною рѣчью патнiла и приводила ихъ въ слезы. Она между прочимъ извинялась предъ ними въ томъ, что принуждена была носить мужское платье. Ея положенiе среди мушiанъ необходимо того требовало.

Наконецъ король рѣшился принять услуги Жанны. Около 20-го апрѣля состоялось повелѣнiе о назначенiи ей военнаго штата, въ который поступила: два брата Жанны, два воина, сопутствовавшiе ей изъ Вокулѣра, оруженосецъ (Jean D'Aulon), два пажа, два герольда и нѣсколько слугъ. Августинскiй инокъ (J. Pasquerel) данъ ей въ духовники (aumonier). Король пожаловалъ ей полное вооруженiе и нужное число коней. Откуда взяли мечъ для нея? По особому ея указанiю, посланы люди въ одно село (Fierbois): тамъ, въ церкви Св. Екатерины, близъ алтаря, выкопали изъ земли старыи клинокъ съ пятью крестами, о которомъ никто не зналъ и не помнилъ. Этотъ клинокъ, очищенный отъ покрывавшей его ржавчины, поднесенъ ей въ двухъ чехлахъ, бархатномъ и парчевомъ: усердное приложенiе мѣстнаго духовенства. Но она заказала для похода простыя кожаныя ножны. По ея указанiю, сдѣлана была хоругвь изъ бѣлаго полотна съ шелковою бахромой. На ней кисть живописца изобразила Бога Отца, съ державою въ рукѣ, на облакахъ; предъ нимъ двухъ ангеловъ съ надписью: „Iesus Maria“. На другой сторонѣ, Благовѣщенiе: Пречистая Дѣва и ангелъ держащiй лилю.

Между тѣмъ положенiе Орлеана становилось все хуже и хуже. Англичане обвели городъ съ сѣверной стороны своими редутами и куртинами. Снабженiе осажденныхъ продовольствiемъ стало крайне затруднительно. Жаннѣ поручено провести въ городъ большой транспортъ съѣстныхъ припасовъ, который, по приказанiю короля, готовился выступить изъ Блуа. При прощанiи съ королемъ, она сказала ему, что будетъ равна (это сбылось 7 мая). Идя отважно на врага, Жанна выдала манифестъ слѣдующаго содержания:

„Iesus Maria. Вы, король англiйскiй и дюкъ Бедфордъ, нарицающiйся регентомъ королевства, и вы прочiе камѣстники Бедфорда! Послушайте воли Бога Всемогущаго, возвратите посланной отъ него Дѣвственницѣ ключи захваченныхъ вами городовъ, удалитесь отъ стѣнъ Орлеана, и съ миромъ идите восвояси. Иначе, узрите Дѣвственницу грядущую на васъ

съ мечомъ и грозою. Я, воевода Царя Небеснаго, изгояю васъ отсюда, и поражу и паѣню сопротивныхъ. Силою Вышняго, Карль, истинный король Франціи, войдетъ въ Парижъ и сядетъ тамъ на престолъ отцовъ и дѣдовъ, и васъ тамъ не будетъ, и держава его не дастся вамъ во вѣки вѣковъ. Не держайте на Господа! Дюкъ Бедфордъ! Дѣвственница молитъ васъ, не губите себя напрасно, и памятуйте слова ея, вѣщанія мира и братской любви во Христвъ!“

Эта грамота, писана отъ имени и со словъ Жанны, и была отправлена съ герольдомъ на имя Бедфорда. Англичане встрѣтили посла ругательствами, и задержали его, грозя ему и Жаннѣ лютою казнію.

Жанна приступила къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Подъ хоругвию ея было отъ 10 до 12 тысячъ войска. Дѣвственница старалась всѣми мѣрами поднять духъ воиновъ и облагородить ихъ сердца. Запрещены были божба и сквернословіе; развратныя женщины изгнаны изъ стана, и въ немъ водворенъ строгій порядокъ. Посреди лагеря водружено знамя съ изображеніемъ Распятія. Здѣсь каждое утро и каждый вечеръ, священники читали молитвы, и воины вмѣстѣ съ Дѣвственницею, преклоня колѣни, молились, очистивъ исповѣдью свою совѣсть. Стройно, при звукахъ священнаго пѣснопѣнія, выступилъ (28 апрѣля) транспортъ съ конвоемъ изъ Блуа къ Орлеану.

Блуа, значительный городъ, ниже Орлеана, находится на томъ же правомъ берегу Луары; на рѣкѣ каменный мостъ. Жанна предполагала идти въ Орлеанъ прямымъ, кратчайшимъ путемъ (правымъ берегомъ). Но воеводы судили иначе. Она знала, что, на этомъ (сѣверномъ) берегу рѣки, Англичане особенно крѣпки, и потому, перейдя мостъ, повели войско южнымъ берегомъ, гдѣ укрѣпленія непріятеля казались менѣе опасными. Обманутая своими, не зная хорошо мѣстоположенія города, Жанна съ прискорбіемъ увидѣла на слѣдующій день, что широкая рѣка отдѣляетъ ее отъ Орлеана, что сдѣлать большой обходъ, и потеряно понапрасну драгоценное время. Она упрекала маловѣрныхъ, которые не хотѣли положиться на ея слово и увѣреніе, что конвой пройдетъ невредимо мимо сѣверныхъ бастіоновъ Англичанъ. „Военный совѣтъ, замѣтилъ ей Дюуа, принялъ настоящій планъ дѣйствій въ видахъ осторожности.“— „Что вашъ совѣтъ, возразила она съ живостію, предъ совѣтомъ Всебѣдаущаго

Бога! Онъ показываетъ вамъ помощь свою, а вы сомнѣваетесь. Обманывая меня, вы самихъ себя обманули.“ И подавно, чрезмѣрная осторожность воеводъ породила лишь большія затрудненія. Надо было подняться восемь верстъ выше города, чтобы найдти удобное мѣсто для переправы, да и тутъ вода была малая, судовъ не имѣлось. Столько препятствій и лишнихъ хлопотъ! Къ счастью, вѣтеръ подулъ вдругъ снизу; воды прибыло. Орлеанъ выслаалъ суда; на нихъ поставили возы съ волами, и переправились. Потомъ, обозъ двинулся по правому берегу, обходя непріятельскій укрѣпленный постъ, который причинилъ бы здѣсь чувствительный вредъ транспорту, еслибъ Орлеанцы не сдѣлали въ то же время вылазки, и не отвлекли вниманія Англичанъ въ другую сторону. При всемъ томъ, конвоирующее войско не могло помѣститься на судахъ, и чтобы перейти за Луару, оно должно было воротиться назадъ въ Блуа. Дюнуа и другіе начальники убѣдительно просили Жанну, чтобы она немедленно отправилась въ Орлеанъ, гдѣ народъ нетерпѣливо желалъ ее видѣть. Недоумѣніе терзало ее. Ей жаль было, ничего не сдѣлавъ, отпустить назадъ войско, настроенное къ великимъ подвигамъ благодаря ея благочестивому примѣру. Но воеводы дали ей слово, что войдутъ съ войскомъ въ Орлеанъ съ противоположной стороны. Въ этой надеждѣ, она оставила при нихъ знамя, своего духовника и священниковъ, для сохраненія въ войскѣ нравственной дисциплины, и въ сопровожденіи 200 человекъ переправились за Луару. Жанна вошла въ Орлеанъ, въ пятницу (29 апрѣля), въ 8 часовъ вечера, сидя на бѣломъ конѣ, во всеоружіи. Передъ нею несли хоругвь. Подлѣ нея, ѣхалъ Дюнуа въ богатомъ рыцарскомъ убранствѣ: въ ея свитѣ было множество благородныхъ витязей и знатныхъ гражданъ. Народъ встрѣтилъ ее съ неописаннымъ восторгомъ, густою толпой, при свѣтѣ пылающихъ факеловъ: въ тѣнотѣ, чуть не сожгли священную хоругвь Дѣвственницы. Всѣ, мужчины и женщины, старый и малый, хотѣли видѣть ее, прикоснуться къ ней или, по крайней мѣрѣ, къ коню ея, называя ее своею надеждою, своимъ ангеломъ-избавителемъ. Клики радости, слезы умиленія провожали ее до собора, гдѣ она съ благоговѣніемъ преклонила колѣни, и потомъ вплоть до назначеннаго ей жилища.....

Присутствіе Жанны одушевило гражданъ новымъ мужествомъ.

Они не сомнѣвались уже въ превосходствѣ своемъ надъ Англичанами, и на другой день, въ числѣ 400 человекъ, безъ вѣдома Жанны, атаковали ближайшій редутъ, однакоже не могли взять его. Съ своей стороны, Жанна нетерпѣливо желала открыть военныя дѣйствія, не дожидаясь даже прибытія войска изъ Бауа, но воеводы были на то не согласны. Она захотѣла испытать вторично дѣйствіе мирныхъ предложеній. Такія предложенія сдѣланы Англичанамъ на письмѣ, съ присовокупленіемъ просьбы чтобъ отпустили посланнаго съ первымъ письмомъ гонца. Они отвѣчали, что сожгутъ ее самое, если попадется имъ въ руки, называя ее бродягой, скотницей и т. п. Еще разъ выѣхала она на средину моста и убѣждала ихъ удалиться. Англійскій воевода Гласдаъ (Франдузы по обыкновенію своему, передѣлали его имя въ Glasdas или Glacidas) кричалъ ей: „прочь, прочь, блудница океанная!“ Она удалилась, предсказавъ ему конечное пораженіе Англичанъ, до котораго самъ онъ не доживетъ. Подобное воззваніе къ миру сдѣлано ею и предъ сѣверными укрѣпленіями и также безуспѣшно.

Для ускоренія ожидаемой помощи, Дювуа отправился 1 мая въ Бауа. Онъ прибылъ туда очень кстати, потому что правительство (канцлеръ и его совѣтники) уже переимѣнило мысли и предполагало, какъ Жанна и предвидѣла, разослать собранное войско по гарнизонамъ. Только воеводы, помня давнее слово, стояли на томъ чтобъ идти къ Орлеану. Дювуа доказалъ совѣту, что городъ погибнетъ неминуемо, если не дадутъ ему помощи. Слова его подѣйствовали. Положено: войско и новый транспортъ припасовъ выслать правымъ берегомъ.

Между тѣмъ, Дѣвстваида была въ городѣ предметомъ общаго, пламеннаго сочувствія. Жители Орлеана не могли наглядѣться на нее, пѣвлясь ея воинственнымъ видомъ, ловкою посадкой на конѣ, ея живостію и благочестіемъ. Народъ садовалъ за нею всюду, когда она объѣзжала городскія стѣны или осматривала вблизи непріятельскія укрѣпленія. Толпа ходила за нею, безъ всякой боязни: казалось, съ нею вездѣ хорошо и безопасно. Въ самомъ дѣлѣ, Англичане не показывались. 3 мая совершены молебствіе и крестный ходъ, для выщого укрѣпленія духа осажденныхъ. Жанна была тутъ со всѣми воеводами. Когда люди разсудительные говорили ей съ озабоченнымъ видомъ: „силень врагъ, трудно

будеть отразить его“, она отвѣчала: „для Бога нѣтъ ничего невозможнаго“.

4 мая, она вышла съ хоругвию на встрѣчу идущему изъ Блуа войску, и ввела его съ транспортомъ въ городъ, безъ малѣйшаго безпокойства со стороны Англичанъ, хотя шли мимо ихъ бастионовъ, оглашая воздухъ священными пѣснями. Новое доказательство того, что и первый транспортъ прошелъ бы безпрепятственно этимъ путемъ, какъ она хотѣла. Англичане ожидали себѣ также подкрѣпленія.

Но Орлеанцы дѣлались часъ отъ часу смѣлѣе и предприимчивѣе. Вечеромъ того же дня, когда Дѣвственница, измученная усталостію, собиралась отдохнуть, на улицѣ послышался шумъ и топотъ. Одѣвшись и наскоро вооружась, она въ мигъ очутилась на конѣ. Вооруженныя толпы народа стремились, вѣкъмъ незваная, своею охотою, къ восточному укрѣпленію, гдѣ находилось 300 человекъ отборнаго англійскаго войска. Жанна видя неудержимую силу потока, примкнула съ своими людьми къ нападающимъ, и съ хоругвию въ рукахъ управляла ихъ дѣйствіями. Непріятельскій воевода, Таальботъ, покушался было выслать своимъ помощь изъ другихъ укрѣпленій. Но, по распоряженію Дѣвственницы, за нимъ уже наблюдали съ городскихъ стѣнъ, и колокола давъ знать объ этомъ движеніи непріятеля. Немедленно толпа гражданъ вышла изъ Орлеана, и принудила этотъ вспомогательный отрядъ воротиться вспять. Осажденные въ свою очередь, Англичане храбро защищались въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, однакоже устоять не могли. Французы овладѣли укрѣпленіемъ, и нашли въ немъ богатые запасы, которые увезли съ собой, а укрѣпленіе сожгли. Зарево пожара и звонъ колоколовъ возвѣстили о торжествѣ побѣдителей. 5 мая, въ день Вознесенія, они, слѣдуя примѣру Жанны, возсылали молитвы благодаренія Богу и общему исповѣдью готовились къ подвигамъ слѣдующаго дня.

Въ третій и послѣдній разъ Жанна послала, посредствомъ пущенной въ непріятельскій станъ стрѣлы, письмо, въ которомъ просила Англичанъ удалиться и возвратитъ взятыхъ ими герольдовъ. Они подняли письмо, и стали злобно голосить: „вотъ еще писулька отъ блудницы арманьяковъ!“ Эта брань и эта загрублость сердца тронули Жанну до глубины души, и она не могла удержаться отъ слезъ.

Надо было спѣшить воспользоваться наведеннымъ на

Англичанъ страхомъ. Всѣ были въ томъ согласны. Но какому слѣдовать плану? Насчетъ этого между воеводами и Жанною было разногласіе, лучше сказать разномысліе, потому что воеводы, въ кичливомъ недовѣрїи къ Дѣвственницѣ, тащя отъ нея дальнѣйшіе виды свои и не высказывали вполнѣ своихъ намѣреній. Существенная разница между ихъ и ея видами заключалась въ томъ, что они желали только облегчить положеніе осажденнаго города; Жанна, напротивъ того, рѣшилась совсѣмъ избавить Орлеанъ отъ осады и прогнать Англичанъ. Воеводы полагали атаковать лишь для вида сѣверныя укрѣпленія, въ надеждѣ, что непріятель при видѣ опасности, переведетъ туда вся силы свои съ южнаго берега, которымъ тогда легко будетъ овладѣть, и очистивъ его отъ вражскихъ остроговъ, возстановить сообщеніе съ окрестнымъ краемъ: тогда, снабженный всѣмъ нужнымъ, городъ въ состояніи будетъ обороняться и выдержать самую продолжительную осаду. Они знали о намѣренїи Жанны идти прямо противъ главной сѣверной линїи и не отступать, пока эта цѣпь укрѣпленій не будетъ уничтожена, и потому открыли ей только планъ атаки на сѣверномъ берегу, утаивъ окончательную цѣль этой атаки. Но она проникла ихъ скрытность и въ душевномъ волненїи воскликнула: „досказывайте, это не все!“ Дюнуа, стараясь ее успокоить, объяснилъ, что ей сообщили лишь главную часть дѣла; что, впрочемъ, въ случаѣ если непріятель ослабитъ защиту южнаго берега, можно перейти за рѣку и дѣйствовать тамъ согласно съ обстоятельствами. Тогда, немного подумавъ, она молвила: „пусть такъ; посмотримъ, каково будетъ исполненіе“. Исполненіе показало, какъ шатки были мысли воеводъ. Когда началось дѣло, то не пытаясь даже атаковать сѣверную линїю, они перенесли всѣ дѣйствія за рѣку. Здѣсь, какъ уже выше замѣчено, южный конецъ моста и защищавшія его башни находились въ рукахъ Англичанъ; далѣе возвышались, напротивъ моста, Августиновскій редутъ (*la bastille des Augustins*), далѣе—укрѣпленный постъ Св. Іоанна (*St. Jean le Blanc*).

Въ этомъ мѣстѣ небольшой островъ на Дуарѣ представлялъ особенное удобство для переправы на другую сторону. Нападающіе удачно воспользовались этимъ путемъ; но когда достигли англійскаго поста, то не нашли тамъ непріятеля, который отретировался въ ближайшія къ мосту

укрѣпленія. Жанна поспѣшила за нимъ, и водрузивъ знамя на крѣпостномъ валу Августиновскаго редута, призвала своихъ къ смѣлому нападенію. Завязалась кровопролитная сѣча. Сначала, встрѣтя сильный отпоръ, французское войско побѣжало; но геройскимъ усиліемъ Дѣвственницы возвращено къ бою и снова ударило на врага. Тогда Англичане, въ свою очередь, отступили: редутъ былъ взятъ приступомъ. Защищавшіе его частію убиты, частію удалились къ башнямъ. Много имущества нашлось въ оставленномъ редутѣ. Но Жанна сожгла добычу, чтобы не было повода къ дѣлежу и несогласіямъ въ войскѣ. Оставалось взять укрѣпленія, служившія защитой башнямъ, и самыя башни, возвышавшіяся надъ частію рѣки, чрезъ которую наведенъ былъ деревянный мостъ. Но уже наступилъ вечеръ (6-го мая). Жанна, оставя войско подъ башнями, возвратилась на ночь въ Орлеанъ.

Новое противодѣйствіе со стороны военныхъ начальниковъ. Они собрались въ тотъ же вечеръ и, послѣ совѣта, послали сказать Жаннѣ, что теперь, слава Богу, уже довольно сдѣлано; при превосходствѣ силъ непріятеля, благоразуміе велитъ приостановиться, въ ожиданіи королевской помощи, и потому вывести болѣе войска изъ Орлеана не слѣдуетъ. Такое заключеніе воеводъ было, можетъ статься, не лишено основанія. Англичане, потерявъ часть своихъ укрѣпленій на южной сторонѣ, перевели свои силы на правый берегъ и, сосредоточивъ ихъ здѣсь, угрожали атакой самому городу. Не мѣшало выждать въ наблюдательномъ положеніи что они предпримутъ. Но не такъ судилъ народъ въ своемъ усердіи; не то думала Жанна, символъ народнаго увлеченія. Она отвѣтила посланному. „этому не бывать; пойдемъ: на то воля Божія“. И, обратясь къ духовнику своему, прибавила: „встаньте рано, отецъ мой, и будьте при мнѣ; завтра предстоитъ намъ многое совершить; завтра кровь польется изъ груди моей“.

Рано утромъ отслужена литургія, и Жанна спѣшила въ лагерь, но наша городскія ворота замкнутыми по приказанію воеводъ. Съ нею были народъ и ратные люди. Комендантъ (bailli) Гокуръ не посмѣлъ противиться ей. Ворота распахнулись: отрядъ переправился за Луару. Воеводы, видя что планъ ихъ не удался, присоединились къ Дѣвственницѣ. Отчаянная битва началась въ 6 часовъ утра. Обѣ стороны дрались съ ожесточеніемъ: одни сражались за избавленіе

города, другіе—за собственное свое спасеніе, потому что отступить было нельзя и некуда.

Подъ огнемъ орудій, подъ градомъ стрѣлъ, Французы лѣзли на крутой валъ, „какъ будто бы, замѣчаетъ лѣтописецъ, считали себя безсмертными“. Но сверху встрѣчали ихъ топорами, копьями, свинцовыми молотами. Дѣвственница ободрала ихъ словомъ и дѣломъ. Въ половинѣ дня, она сама сошла въ ровъ и приставила лѣстницу къ крѣпостной стѣнѣ. Вдругъ стрѣла, пущенная изъ арбалета, глубоко ранила ее выше груди. Испугъ овладѣлъ ею на нѣсколько секундъ: слезы брызнули изъ глазъ. Но она опомнилась, сама вырвала острое желѣзо изъ открытой раны и равнодушно смотрѣла какъ струилась изъ нея кровь... Она молилась и тутъ же исповѣдалась.

Англичане торжествовали; нападающіе приуныли. Воеводы рѣшили отложить наступательныя дѣйствія до завтра, и съ войскомъ воротиться въ городъ. Жанна убѣдила ихъ остаться, дать вздохнуть войску, не сходя съ поля битвы; и когда воины подкрѣпились пищею, сказала имъ: „ну, теперь съ Богомъ, на приступъ! Все будетъ наше!“ Приступъ возобновленъ съ неслыханнымъ рвеніемъ. Въ то же время изъ Орлеана вышли охотники и по мосту зашли въ тылъ неприятелю. Подступить съ этой стороны къ башнямъ казалось невозможнымъ, такъ какъ примыкавшая къ нимъ часть моста была, разрушена. Но удалые Орлеанцы привезли съ собою жердей и досокъ, кое-какъ набросали все это на каменные быки моста и очутились внезапно подъ башнями. Окруженные отовсюду, Англичане оцѣнѣвали отъ нечаянности, особенно когда увидѣли Дѣвственницу, которую они уже считали убитою, во главѣ воителей. Паническій, суевѣрный страхъ напалъ на нихъ. Покинувъ передовыя укрѣпленія, они бросились назадъ къ башнямъ, чрезъ деревянный мостъ. Но Орлеанцы предвидѣли это движеніе и подвели подъ самый мостъ зажженную барку. Когда Англичане ступили на подгорѣлый снизу мостъ, онъ обрушился и несчастные попадали въ воду. Преслѣдуя бѣгущихъ, Жанна кричала: „Гласидась, Гласидась! Сдайся на милость Божию. Ты ругалъ меня. Прости ему, Господи!“ Но Гласдааль погибъ вмѣстѣ съ прочими, и Жанна оплакала жалкую смерть своихъ храбрыхъ противниковъ.

Къ вечеру (7 мая) все было кончено. Башни взяты, лѣвый

берегъ очищенъ, непріятели не стало. Поздно ночью, по исправленному мосту, Дѣвственница вошла въ Орлеанъ, встрѣченная восторженнымъ народомъ. Сняты доспѣхи, перевязана рана. Жанна подкрѣпила себя пищей (кускомъ хлѣба и виномъ съ водою) и успокоилась. Радостно гудѣли колокола.

Англичане уже не медлили богами. Они рѣшились снять осаду и удалиться. На другой день (въ воскресенье) главнокомандующій Тальботъ, прикрывая отступление, построилъ полки свои предъ городомъ. Французы вышли изъ Орлеана и стали также въ боевой порядокъ. Но Жанна остановила ихъ движеніе, сказавъ: „не троньте ихъ; если они нападутъ на насъ, мы побѣдимъ“. Между тѣмъ, по мановенію ея, воздвигнуть на полѣ алтарь и совершенно молебствіе, въ виду всего войска. Потомъ, не прерывая молитвы и не взводя очей, Жанна спросила: „какъ стоитъ непріятель, лицомъ или тыломъ къ Орлеану?“—„Тыломъ.“—„Ну, пусть идетъ себѣ. Богъ предастъ его другой разъ въ наши руки.“

Слова Жанны, конечно, не могли удержать нѣкоторыхъ удалцовъ отъ легкой и вмѣстѣ прибылой погони за отступающимъ непріателемъ. Но цѣль ея—остановить не нужное кровопролитіе, достигнута. И какъ знать? Можетъ-статься, челоуѣколюбивою умѣренностію своею въ этомъ случаѣ она спасла Францію отъ новаго пораженія въ чистомъ полѣ.

Въ покинутыхъ Англичанами укрѣпленіяхъ Орлеанцы нашли много боевыхъ снарядовъ и разнаго имущества, которое раздѣлили между собою. Потомъ всенародно обошли храмы Божіи, хвала и слава Того, Кто даровалъ имъ побѣду, избавленіе и прочный миръ. Таково происхожденіе крестнаго хода, который понынѣ ежегодно совершается въ Орлеанѣ, 8 мая, съ особенными обрядами.

Къ этому времени (май 1429 года) относится появленіе нѣсколькихъ ученыхъ трактатовъ о Дѣвственницѣ, писанныхъ лицами высшаго духовенства. Знаменитый Жерсонъ (Jean Gerson), разсматривая современныя событія, видѣлъ въ нихъ перстъ Божій, и отдавая справедливость рѣдкимъ качествамъ Жанны Даркъ, заключалъ свое сочиненіе о ней слѣдующими словами: „еслибы даже предпріятіе ея не удалось (чего Боже сохрани!), то и тогда не слѣдовало бы сомнѣваться въ видимомъ надъ нею благословеніи Промысла: неблагодарность наша и правый судъ Его надъ нами были бы достаточнымъ объясненіемъ такого несчастія.“ Другой епископъ (Jacques Gelu, évêque

d'Embrun), не бывшій членомъ комиссiи въ Пуатье, но, какъ кажется, подерживавшій при дворѣ ея заключенiя, въ запискѣ своей королю старался разрѣшить слѣдующiе вопросы: 1) Прилично ли Божеству вмѣшиваться въ дѣла человѣческiя? Отвѣтъ: Богъ, сотворившій вселенную, милостиво о всемъ и о всѣхъ печется, но безконечной любви къ своимъ созданiямъ. „Мною, сказано въ Писанiи, цари царствуютъ и сильные пишутъ правду.“ 2) Свойственно ли Богу, имѣя ангеловъ для исполненiя судебъ своихъ, обращаться къ содѣйствию человѣка? Отвѣтъ: Всевышнiй, творя чудеса, кромѣ ангеловъ, употреблялъ не разъ людей, каковы Моисей, Самуилъ, Елисей; иногда даже безсловесныхъ тварей, какъ видно изъ преданiй о пророкѣ Илии, о Св. Антонiи, Св. Павлѣ и пр. 3) Можно ли допустить, чтобы Богъ поручилъ мужское дѣло женщинѣ? Отвѣтъ: въ Ветхомъ Заветѣ (Второзаконiе) запрещается, правда, лицамъ одного пола носить одежду другого пола; но бывали случаи, когда Богу угодно было открывать непорочнымъ дѣвамъ тайны недоступныя мужчинамъ. Онъ могъ дозволить, чтобы Дѣвственница предводительствовала войскомъ. Призванная жить и дѣйствовать среди мужчинъ, она умно одѣлала, что защитила себя ихъ одеждой. 4) Нѣтъ ли въ предположенiяхъ Жанны тайнаго участiя демона? Отвѣтъ: Есть средство распознать и это, конечно, не свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ, а соображенiемъ о дѣлахъ и поведенiи цѣлой жизни и звѣстаго лица. 5) Не слѣдуетъ ли, во всякомъ случаѣ, принимая услуги ея, поступать осмотрительно? Отвѣтъ: осторожность въ дѣлахъ мiра сего не противорѣчатъ вѣрѣ въ помощь Божию.

Избавленiемъ Орлеана отъ тяжкой осады исполнена была лишь часть того, что Дѣвственницѣ предстояло совершить. Она спѣшила къ королю съ просьбою отправиться немедленно въ Реймсъ. Она вѣрила, заодно съ народомъ, что соблюденiемъ священнаго обряда верховная власть короля получить бѣольшую силу и святость, какъ утвержденная самимъ Богомъ на вѣки нерушимо. „Время не терпитъ, говорила она: мнѣ не вѣковать съ вами. Еще годъ проживу на свѣтѣ, но въ этотъ годъ многое надо мнѣ исполнить: послѣ муропомазанiя изгнать Англичанъ изъ королевства, освободить дюка Орлеанскаго изъ неволи.“ Но современники не раздѣляли ея нетерпѣнiя, и главное, король обнаруживалъ во всемъ обычную сухость сердца и вялость

своего характера. Онъ принялъ Жанну съ честью; но совѣтники его успѣли внушить ему какое-то недовѣріе къ дальновиднымъ ея замысламъ.

Разъ, когда онъ, сидя въ кабинетѣ, совѣщался съ приближенными, Жанна постучалась въ дверь, и войдя сказала: „Честной дофизъ, (*gentil dauphin*), не держите долгихъ и лишнихъ совѣтовъ, а пойдемъ лучше въ Реймсъ, гдѣ ждетъ васъ вѣнецъ королевскій.“ Одинъ изъ совѣтниковъ спросилъ: „не голоса ли ей это повѣдали?“ — „Да, отвѣчала она, — голоса.“ — „Нельзя ли сказать намъ здѣсь, въ присутствіи короля, какъ это происходитъ?“ Жанна простодушно разказала, какъ встрѣчая вездѣ препятствія и недовѣріе, она часто молится наединѣ, и какъ послѣ такой горячей молитвы, ей слышится голосъ: *дщерь Божія, иди, иди, иди. Я тебя помощники!* „Эти слова, прибавила она, проливаютъ въ душу мою надежду и утѣшеніе.“

Но совѣтъ продолжалъ свое. Говорили: „Англичане съ бургундьянами сильны; для похода въ Реймсъ нужно королю войско, а содержать его нечѣмъ. Опасно идти къ сѣверу, оставляя югъ безъ защиты, тѣмъ болѣе что Англичане сохраняютъ еще крѣпкія позиціи на Луарѣ. Не лучше ли заваться очищеніемъ этихъ мѣстъ отъ непріятеля?“

Въ этихъ видахъ, изъ отрядовъ, бывшихъ подъ Орлеаномъ, сформированъ небольшой корпусъ, начальство надъ которымъ король поручилъ дюку Алансонскому, вмѣнивъ ему въ обязанность дѣйствовать по указаніямъ Жанны. Она возбуждала всеобщій энтузіазмъ. Всѣ добивались чести служить при ней. Видя бездешевье казны, знатная благородная молодежь закладывала и продавала свои вотчины, для содержанія себя на войнѣ. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ Орлеанъ.

11 іюня, восемь тысячъ человекъ выступили оттуда къ мѣсту, называемому Жаржо, гдѣ затворилася графъ Соффокъ, имѣя при себѣ 700 человекъ лучшаго войска съ артиллеріей. Бедфордъ выслалъ ему пять тысячъ человекъ подкрѣпленія, подъ командою Фальстафа. Извѣстіе объ этомъ движеніи Англичанъ, которые все еще были страшны, удержало многихъ отъ участія въ походѣ. Но Жанна увлекла большинство охотниковъ обещаніемъ Божіей помощи.

Подойдя къ городу, Дѣвственница послала сказать сидѣвшимъ въ немъ Англичанамъ, чтобы шли оттуда съ миромъ, иначе будутъ взяты на щитъ. Они просили, съ попятною

дѣлю, перемерія на двѣ недѣли. На другой день при сильной канонадѣ, начался приступъ. Жанна вела впередъ войско, съ хоругвию въ рукахъ, какъ вдругъ камень, пущенный съ крѣпости, опрокинулъ ее на земь. Но она тотчасъ вскочила, и громко восклицая: „за мной, за мной, не робѣйте, друзья; Богъ предастъ ихъ въ наши руки!“ взшла на стѣну. Городъ былъ взятъ. Софпокъ и часть гарнизона сдались. Жанна отправила плѣнныхъ водою въ Орлеанъ, чтобы спасти ихъ отъ ярости побѣдителей. За этою побѣдой сѣдовали другія.

При осадѣ Божанси замѣчательно сѣдующее обстоятельство. Бывшій коннетабль, Ришмонъ, подвергшись, какъ выше сказано, опалѣ королевской, жилъ дома въ веселомъ для него бездѣйствіи. Вѣсть о возобновленіи войны на Луарѣ не давала ему покоя. Собравъ 1500 человекъ войска, онъ рѣшился принять участіе въ этой войнѣ, и послалъ оказать о томъ Дѣвственницѣ. Но воеводы не смѣли войти съ нимъ въ сношенія, чтобы не прогнѣвить короля. Дюкъ Аляксонскій объявилъ Жаннѣ, что намѣренъ сложить съ себя команду, если прибудетъ къ нимъ Ришмонъ. Дѣвственница, дорожа общимъ согласіемъ и вмѣстѣ дарованіями и помощію такого военачальника какъ Ришмонъ, взялась уладить дѣло и умолила короля. По ея совѣту, Ришмонъ далъ клятву служить своему государю вѣрой и правдой; дюкъ Аляксонскій и другіе воеводы поручились за него. Сдѣйствие коннетабля и его отряда было на ту пору не лишнимъ. Фальстафъ приближался.

Французы, прежде прибытія его, взяли Божанси. Гарнизонъ отпущенъ съ честію и съ оружіемъ, давъ слово не воевать въ продолженіе десяти дней.

Узнавъ о паденіи Божанси, Фальстафъ и Тальботъ отступили, стараясь заманить за собою непріятеля, чтобы дать сраженіе, какъ скоро встрѣтится на пути выгодная позиція. Вскорѣ представился имъ желаемый случай, и сдѣланы сѣдующія распоряженія. Главный корпусъ долженъ былъ занять урочище, называемое Пате (Patau), и стать подъ прикрытіемъ небольшого гѣса. Тальботъ, съ 500 отличныхъ стрѣлковъ, остался назади, и расположился въ тѣсномъ проходѣ, для удержанія непріятеля, пока отставшій арріергардъ не соединится съ главнымъ корпусомъ. Это раздѣленіе силъ обратилось въ пагубу Англичанамъ. Продолжая свой путь въ строгомъ порядкѣ, французское войско напало на арріергардъ, предводимый Фальстафомъ, и разсѣяло его. Авангардъ, не дожидаясь Фальстафа,

поспѣшно двинулся впередъ. Тальботъ въ своей засадѣ окруженъ Французами и взятъ въ плѣнъ. Англичане потеряли убитыми до двухъ тысячъ человекъ. Пораженіе 18 іюня (при Патѣ) имѣло важныя послѣдствія. Народъ уже не скрывалъ своей ненависти къ иноплеменикамъ. Гарнизоны ихъ спѣшили очистить занимаемыя ими мѣстности.

Возвращеніе Дѣвственницы въ Орлеанъ, послѣ столькихъ удачъ, было свѣтлымъ для нея и для жителей праздника. Носился слухъ, что самъ король посѣтитъ городъ, много пострадавшій за вѣрность и преданность свою престолу. Сдѣланы большія приготовленія для его приѣма. Но король не прибылъ въ Орлеанъ, потому что это было не согласно съ особыми интересами нѣкоторыхъ лицъ. Жанна отправилась къ королю съ дюкомъ Алансонскимъ и съ другими вельможами, для исходатайствованія милости Ричмону. Король простилъ его, но никакъ не хотѣлъ разрѣшить ему приѣздъ ко двору, такъ какъ это не нравилось королевскому любимцу, который самъ былъ, однакоже, креатурою Ричмона. Словомъ, во всемъ было замѣтно пагубное вліяніе этого малодушнаго наперсника, который, изъ личныхъ выгодъ, старался удалить отъ короля и случаи къ благородной, приличной саму его дѣятельности, и людей, которые могли затмить собою ничтожную особу фаворита. Ему съ самаго начала противно было вмѣшательство Жанны въ дѣла королевскія, и вотъ она, мимо его, вопреки ему, вводитъ въ славу принца крови, дюка Алансонскаго, даетъ ходъ личному врагу фаворита, Ричмону, увлекаетъ короля въ Реймсъ, все дальше и дальше отъ празднои нѣги тѣснаго кружка придворныхъ.

Она настаивала и казалось убѣдила короля въ необходимости принять муропомазаніе, по обычаю предковъ, въ Реймсѣ. Сказанъ походъ. Но въ совѣтѣ, вопросъ: „куда идти?“ подавалъ еще поводъ къ различнымъ толкамъ и преніямъ. Не лучше ли взять прежде Руанъ? По самой Луарѣ, нѣкоторыя крепкія мѣста оставались еще въ рукахъ Англичанъ и бургиньоновъ. Какъ полезно было бы овладѣть этими мѣстами! Дѣвственница, не видя конца предположеніямъ, отказалась участвовать въ ихъ исполненіи. Наконецъ, 29 іюня, выступили по дорогѣ къ Реймсу: король съ дворомъ и воеводами, и двѣнадцатъ тысячъ войска. Посланною впередъ грамотой король объявлялъ гражданамъ Реймса о скоромъ своемъ прибытіи, приглашая ихъ встрѣтить его, какъ встрѣчали его

предшественниковъ, и обнадеживая ихъ своею королевскою милостию.

Первый на пути значительный городъ, Оксеръ (Auxerre), не рѣшился, однакоже, изъ страха Англичанъ, принять въ свои стѣны короля и войско. Дѣвственница хотѣла взять городъ силою, но по совѣту (подкупленнаго?) любимца, король удовольствовался изъявленіемъ условной покорности гражданъ, которые доставили только, за ничныя деньги, нужное войску продовольствіе. Такое же препятствіе встрѣчено подъ стѣнами Труа. Здѣсь гарнизонъ, состоявшій изъ Англичанъ и бургиньоновъ, не позволялъ поступить иначе, и граждане, по приближеніи королевскаго войска, писали немедленно къ регенту, писали и въ Реймсъ о присылкѣ имъ помощи. На воззваніе же короля отвѣчали, что давъ клятву дюку Бургонскому, они уже не могутъ подчиняться иной власти. Пять дней потеряно въ переговорахъ, и совѣтъ королевскій рѣшилъ, что долѣе стоять подъ городомъ опасно, невозможно. Но Жанна оказала: „честной государь, потерпите еще два дня,“ и взялась покончить дѣло въ этотъ краткій срокъ. Одушевленное ею войско живо изготовилось. Заутра, когда Жанна дала знакъ начинать приступъ, граждане вышли навстрѣчу съ епископомъ, и предложили сдать городъ. Карлъ вступилъ торжественно въ Труа, позволявъ гарнизону удалиться съ добромъ и оружіемъ. Другой городъ, Шалонъ, сдался на тѣхъ же условіяхъ.

Успѣхи короля объясняются отчасти переполохомъ, въ какомъ находились Англичане, послѣ неудачи своей подъ Орлеаномъ. Бедфордъ находился въ постоянной тревогѣ. Онъ возобновляетъ дружбу свою съ бургиньонами; онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ прибытія изъ Англіи отборнаго войска, назначеннаго противъ гуссовъ и которое, на перепутьи, должно очистить Францію отъ дѣвольскаго навожденія „Дѣвственницы“. Между тѣмъ вѣрность городовъ колеблется, и сбродъ людей, служащихъ въ англійскомъ войскѣ, постигнутый суетными страхомъ начинаетъ сомнѣваться въ счастливомъ окончаніи дѣла, то-есть покоренія французской монархіи. Какъ удержать, по крайней мѣрѣ, Реймсъ отъ измѣны? Бедфордъ и его союзникъ Филиппъ сильно стараются о томъ; они предлагаютъ городу усилить оберегающій его гарнизонъ. Граждане отвѣчаютъ уклончиво, что останутся вѣрными, но лишняго войска имѣть не желаютъ.

16 июля Карлъ подошелъ къ Реймсу, и сталъ лагеремъ въ двадцати верстахъ отъ города. Немедленно явились къ нему депутаты съ поклономъ и приглашеніемъ войти въ городъ. Съ радостію встрѣтилъ народъ своего государя. Но взоры всѣхъ устремлены были на сопровождавшую его Дѣвственницу. На другой день, въ воскресенье (17 июля), архіепископъ совершилъ обрядъ миропомазанія и вѣнчанія, по уставу. Жанна стояла все время близъ короля, съ хоругвюю. Виновница всей этой славы и торжества, она, по окончаніи божественной службы, преклоня колѣни, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, говорила: „Нынѣ, государь, исполнилась надъ тобою воля Божія; нынѣ ты, по глаголу Всевышняго, прославленъ и превознесенъ, какъ истинный король Франціи и самодержецъ!“ Многіе изъ присутствовавшихъ плакали отъ умиленія. Въ этотъ день совершилось великое, въ исторію французскаго народа, событіе.

Слава Дѣвственницы достигла своего апогея. Ее честили знатные и народъ. Граждане Орлеана прислали ей богатая одежды, докъ Бретанскій—дорогихъ коней. Король увеличилъ ее почетную свиту и, по просьбѣ ея, грамотою данною въ Шато-Тьерри 31 июля, уволилъ отъ платежа повинностей и податей жителей села, въ которомъ она родилась. Отецъ и дядя Жанны прибыли въ Реймсъ для свиданія съ нею, и возвратились въ Домреми съ вѣстію о королевской милости, дарованной, ради заслугъ Жанны, всѣмъ ея односельцамъ. Къ совѣту ея обращались сильные вѣка. Ее воспѣвали поэты, уподобая Гедену, Есеири и проч. Народъ ублажалъ ее, тѣснился къ ней, ища прикоснуться къ ея одеждѣ или къ ея коню, облобызывать ея руки и ноги. Многіе носили на себѣ ея медаль; изображеніе ея приносили въ церковь; служили за нее молебны. Фантазія еще преувеличивала и украшала быль: сложились преданія, легенды. Разказывали, что подъ Орлеаномъ, когда Дѣвственница шла на приступъ, надъ нею въ небесахъ вилась бѣлоснѣжная голубица. Въ Труа видѣли надъ хоругвюю ея стаи бѣлыхъ мотыльковъ; въ воздухѣ слышались голоса, рѣяли вооруженные всадники и т. п. Особенно изукрашены были преданіемъ личность Жанны и событія первой ея юности. Говорили, что въ ту ночь когда она родилась, жители села ощутили вдругъ неизъяснимую радость; никто не спалъ, всѣ бѣгали и суетились, спрашивая „что случилось.“ Пѣтухи пѣли необычайнымъ голосомъ, и сряду два

часа трепетали крыльями. Позже, когда Жанна, будучи ребенкомъ, пасла овецъ въ полѣ, птички слетались къ ней, и клевали зерна изъ ея рукъ. Ни разу волкъ не подходилъ къ ея стаду.

Иностранцы въ письмахъ своихъ, разказывая дѣла Жанны, которыхъ были свидѣтелями, отчетливо описывали ее заграничнымъ друзьямъ своимъ. Письма эти отчасти сохранились. „Дѣвственница, сказано въ одномъ изъ нихъ, соединяетъ въ себѣ женскую грацію съ мужественнымъ благородствомъ. Говорить мало, разсудительно и осторожно. Голосъ ея—голосъ кроткой женщины. Она умѣренна въ пищѣ, почти не пьетъ вина, любитъ конную ѣзду и блестящее оружіе. Странно въ ней противорѣчіе: веселое лицо и всегда готовый запасъ горячихъ слезъ!.. Въ трудахъ неутомима, и можетъ пробыть дѣлая шесть сутокъ, не раздѣваясь, въ полномъ вооруженіи.“

• Такъ слава ея росла и разносилась всюду.

VI.

Послѣ коронаціи слѣдовало, по настоянію Дѣвственницы, идти немедленно впередъ, къ Парижу, довершить начатое. Но придворные, въ особенности Ла-Тремюль, скучали продолжительностію похода. Ни счастье, ни слава народная, ни обидное письмо Бедфорда написанное къ королю около этого времени, ничто не могло исправить и вразумить ихъ. Слѣдую примеру Реймса, сдались города: Суассонъ, Лаонъ, Шато-Тьерри. При всемъ томъ, дальнѣйшее направленіе похода болѣе къ югу нежели къ сѣверу, обличало намѣреніе двора воротиться за Луару, и въ мирной пристани, въ облаченіи порфиры, опочить тамъ на мнимыхъ лаврахъ. Люди малодушные предпочитаютъ наружные знаки власти дѣйствительному обладанію и господству. Жанна не хотѣла довольствоваться внѣшнимъ обрядомъ, хотя первая поняла относительную важность этого обряда, по моральному вліянію его на народъ. Въ этомъ Бедфордъ былъ одинакъ мыслей съ Жанною. Извѣстіе о происшедшемъ въ Реймсѣ выводило его изъ себя. „Еслибы меня послушали, писалъ онъ въ Англію, то этого не случилось бы. Давнымъ давно слѣдовало вѣнчать юнаго короля нашего (Генриха VI) въ Реймсѣ. Пусть, по крайней мѣрѣ, поспѣшитъ онъ прибыть сюда, и принять вѣнецъ во храмѣ

Парижской Богоматери.“ Бедфордъ чувствовалъ, что предлагаемое имъ неравносильно тому что уже совершилось; подобныя вещи не повторяются, утраченное время невозвратно. Тѣмъ не менѣе онъ торопился и торопился встрѣтить вспомогательное войско, которое только что прибыло изъ Англіи на континентъ. Бедфордъ не сомнѣвался въ томъ, что Карлъ скоро будетъ въ Парижѣ. Онъ ухаживалъ за дюкомъ Бургонскимъ, къ которому Жанна, съ своей стороны, писала письмо, умоляя чтобы прибылъ въ Реймсъ, чтобы пожалѣвъ христіанской крови, крови своихъ единоплеменцевъ, и заключилъ благодатный миръ. Филиппъ подавалъ надежду на примиреніе съ королемъ, но только тянулъ время обѣщаніями. Между тѣмъ, подвластные дюку города: Компьень, Бове и другіе добровольно сдавались королю. Дѣвственница, не ограничиваясь этими приобрѣтеніями, стремилась далѣе, и подговоря дюка Алансонскаго, съ дружиною, вошла 26 августа въ Сень-Дени. Сень-Дени—одна изъ святынь Франціи, обитель, основанная, какъ вѣкогда полагали, Св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, священный некрополь французскихъ королей. Этимъ смѣлымъ подвигомъ Жанна, можно сказать, принудила короля выйдти изъ бездѣйствія и прибыть въ слѣдъ за нею изъ Компьеня въ Сень-Дени, отстоящій на 8 версты отъ Парижа. Здѣсь еще разъ совершена надъ Карломъ церемонія „возведенія на престолъ“ (intronisation). Но съ его стороны церемоніей все и кончилось. Между тѣмъ Бедфордъ выѣхалъ изъ Парижа въ Нормандію, гдѣ умы волновались и присутствіе Рашмона грозило Англичанамъ опасностію. Военачальники, оставленные регентомъ въ столицѣ, дѣлали всевозможныя усилія для укрѣпленія городскихъ стѣнъ и заставъ, для исправленія окоповъ, стараясь притомъ настроить умы жителей противъ Карла и Дѣвственницы, и требуя отъ нихъ новой присяги на вѣрность Генриху VI.

Знамена Карла VII развѣвались уже предъ Парижемъ, но ворота Парижа не отмыкались. 8-го сентября, Жанна съ передовымъ отрядомъ бросилась въ крѣпостной ровъ и перешла его, несмотря на сильную стрѣльбу непріятеля. За этимъ ровомъ встрѣтилось новое неожиданное препятствіе: широкая канава, наполненная водою. Жанна велѣла поскорѣе натаскать фашинаику. Внезапно выстрѣлъ изъ арбалета ранилъ ее въ ногу. Она не сошла однакоже съ поля битвы; ободряла воиновъ, увѣряя ихъ, что еще нѣсколько усилій,

и она возьмутъ городъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ господствовало общее смятеніе. Но уже вечерѣло. Начальники, видя усталость войска, отступили и почти насильно увели съ собою Дѣвственницу. На другой день, вставши рано, она убѣдила дюка Алансонскаго возобновить приступъ. Войско раздѣляло ея бодрость и предприимчивость. Несмотря на присутствіе гарнизона, въ Парижанахъ не замѣчалось большой охоты къ сопротивленію. Появленіе Дѣвственницы произвело свое дѣйствіе: отрядъ (60 человекъ) благородныхъ рыцарей, выйдя изъ города, передался ей и примкнулъ къ королевскому войску. Оно устремилось къ битвѣ съ новымъ рвеніемъ. Горсть храбрыхъ, предводимая Дѣвственницей, была уже подъ стѣнами города, какъ вдругъ пришелъ приказъ короля воротиться въ Сень-Дени. Воины, скрѣпя сердце, воротились. Жанна и дюкъ Алансонскій полагали, что распоряженіе это послѣдовало въ видахъ осторожности, и надѣялись, что, по наведенію чрезъ Сену мосту, позволено будетъ сдѣлать поискъ съ другой слабѣйшей стороны города. Но вскорѣ и эти надежды рушились. Ночью король велѣлъ уничтожить мостъ, и рѣшительно объявилъ, что братъ Парижа не намеренъ. 13 сентября онъ пустился въ обратный путь: войско прикрывало его отступление. Дворъ очевидно торжествовалъ. Ближайшіе совѣтники Карла успѣли внушить ему, что Парижъ достанется ему безъ всякихъ тратъ, содѣйствіемъ дюка Бургонскаго, который показывалъ видъ, что самъ желаетъ сближенія. Наперсники короля боялись уступить военнымъ людямъ перевѣсъ власти или часть своего вліянія на дѣла. Они знали, что если король, ободренный успѣхомъ, захочетъ быть самостоятельнымъ въ мирѣ и войнѣ, то другіе непременно займутъ ихъ мѣсто. Наконецъ маловѣрамъ надо было, изъ тѣхъ же расчетовъ, уничтожить въ народѣ вѣру въ чудесную силу Дѣвственницы, доказавъ, что предвѣщанія ея не сбылись. Сколько мнимыхъ побѣдъ одержала тогда придворная партія однимъ разомъ, и какъ искусно достигла она своихъ цѣлей, поблажая свойственной Карлу лѣни и безпечности!...

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, въ скорбномъ предчувствіи, во исполненная благочестивой покорности, Жанна повѣсила доспѣхи свои на стѣнахъ собора Сень-Дени, предъ иконою Богоматери, и послѣдовала за королемъ. Она видѣла напрасную утрату приобрѣтенныхъ уже выгодъ, тщету надеждъ,

которыми обольщали слабаго государя. Двѣ недѣли спустя, послѣ его отъѣзда (29 сентября), дукъ Бургонскій прибылъ въ Парижъ, и сильнѣе прежняго скрѣпилъ дружбу свою съ Бедфордомъ, который одѣлаъ его намотникомъ королевства и поручилъ ему высшую власть надъ Шампаньей; обязалъ его блюсти Парижъ и возвратить Реймсъ подъ власть Англии. Такимъ образомъ города, которые болѣе или менѣе увлеклись симпатіей къ Карлу и покорились ему, теперь, покинутые имъ, должны были ожидать себя наигоршеи участи. Англичане нещадно грабили Семъ-Дени, разоряли села и города во всемъ краѣ.

Оставшаяся во власти ихъ столица страдала отъ этого опустошенія окрестностей, терпя недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ для жизни вещахъ.

Отнынѣ, дѣятельность Жанны теряетъ видимый характеръ единства и опредѣленности. Король продолжаетъ занимать ее мелкими походами противъ мѣстностей, удерживаемыхъ Англичанами, по теченію Луары. Любя самъ почести и наружный блескъ, онъ и ее съ семействомъ возводитъ въ дворянское званіе. Но не то было цѣлю ея стремленій.

Незамѣтно прошла зима. Жанна не оставалась безъ дѣла; однако же мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что она дѣйствовала безъ опредѣленной цѣли и плана: такъ дѣйствовали атаманы того времени, въ видахъ своихъ партій, съ усердіемъ и отвагою, но безъ общихъ соображеній, безъ связи и зрѣло-обдуманнаго плана. Плана впрочемъ не было и у самого правительства.

Весною (въ апрѣль 1430 года) Дѣвственница снова явилась въ сѣверной Франціи. Срокъ перемирія съ дюкомъ Бургонскимъ кончился, и онъ совершенно срывъ съ себя личину. Ему хотѣлось прежде всего возвратить подъ власть свою города, которые прошлаго осенью покорились Карлу VII. Суассонъ взятъ безъ затрудненія, измѣною коменданта, который выдалъ этотъ городъ Филиппу. Затѣмъ Компьень, важная позиція города, защищаемый природою и искусствомъ, сталъ мѣстою бургиньоновъ и Англичанъ. Силы ихъ сосредоточились около Компьена.

Пробившись сквозь цѣпь непріятели, Жанна вошла въ городъ съ малымъ отрядомъ, 23 мая. Того же дня вечеромъ сдѣлана вылазка съ цѣлю отбить и разсѣять осаждающихъ. Сначала отрядъ Дѣвственницы имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но

внезапно овладѣлъ имъ паническій страхъ. Ему показалось, что Англичане боковымъ движеніемъ хотятъ отрѣзать его отъ города, и воины Жанны, не внимая словамъ ея, бросились вспять къ стѣнамъ и городскимъ воротамъ. Непріятель преслѣдовалъ. Жанна оставалась позади, прикрывая отступление своихъ. Комендантъ крѣпости, опасаясь вѣроятно, чтобы непріятель не вошелъ въ городъ по слѣдамъ преслѣдуемыхъ, велѣлъ затворить ворота и снять подъемный мостъ. Такимъ образомъ Жанна осталась въ полѣ съ малымъ числомъ воиновъ, была взята въ плѣнъ и отведена къ начальствовавшему надъ бургуньйонами, Иоанну Люксамбургскому. Онъ отправилъ ее въ свой замокъ (Beaune).

VII.

Бургуньйонамъ Жанна была не нужна. Считая ее чародѣйкою, они даже не надѣялись долго удержать ее въ своихъ рукахъ. Опасенія ихъ были не безъ основанія. Жанна чуть не спаслась бѣгствомъ, выйдя украдкою изъ замка: привратникъ задержалъ ее. Ее отвезли въ другой дальній замокъ (Beaunevoig). Она и тамъ выскочила изъ окна высокой, девяти-саженной башни, лишилась чувствъ, взята и вновь заключена въ башню.

Карлъ VII, какъ кажется, ничего не дѣлалъ для избавленія ея изъ плѣна. Придворные его были даже довольны тѣмъ, что избавились отъ нея. Давній недоброжелатель Дѣвственницы, реймскій архіепископъ, будучи тогда въ Бовѣ, писалъ къ гражданамъ Реймса, что она въ рукахъ непріятеля, что Богъ предалъ ее „за ея невыносимую гордыню, самонадѣяемость и самоволіе.“ Вотъ каковы были чувства и мысли этихъ государственныхъ людей!

Англичане были въ восхищеніи. Они и ободрились. Повеселеныя ими пораженія, паническій страхъ, наводимый Дѣвственницею на войско, увѣренное въ ея чародѣйствѣ, народное увлеченіе во Франціи: все это вдругъ миновало. Они торгуются о выкупѣ, и охотно отсчитываютъ Иоанну Люксамбургскому 10 тысячъ ливровъ (73.500 франковъ, около 20 тысячъ рублей на наши деньги), въ увѣренности, конечно,

что эта сумма взыщется потомъ, повелѣниемъ короля Англіи и Франціи, съ подвластной ему Нормандіи.

Въ то же время, иной, особый интересъ выступаетъ на сцену. Духовный судъ, во имя латинскаго православія, заявляетъ свои права на пѣваницу. 23-го мая, Дѣвственница взята въ пѣвнѣ: уже 26-го, инквизиторъ и Парижскій университетъ пишутъ къ дюку Бургонскому, ходатайствуя, чтобы виновная въ идольскихъ заблужденіяхъ, въ бѣсовскихъ ересьяхъ и преступленіяхъ, была предана законному каноническому суду. Какое подспорье для Англичанъ!

Университетъ въ то время состоялъ изъ богословскаго факультета (съ приготовительнымъ отдѣленіемъ вольныхъ искусствъ, то-есть словесности и философіи) и факультета декреталовъ или каноническаго права. Многочисленное сословіе ученыхъ, докторовъ и магистровъ, старыхъ и молодыхъ, умовъ пытливыхъ, изощренныхъ діалектикой, искусныхъ въ отвлеченныхъ преніяхъ; людей, преданныхъ своимъ убѣжденіямъ, но убѣжденіямъ слѣпымъ, основою которыхъ была мертвая буква, ея затѣшливыя толкованія и одностороннее знаніе, безвыходно опутанное схоластическимъ формализмомъ. Не забудемъ притомъ, что университетъ былъ преданъ дюку Бургонскому. Блюстителемъ привилегій (попечителемъ) университета былъ въ то время Пьеръ Кошонъ (Pierre Cauchon), епископъ Бовесскій (évêque de Beauvais), докторъ богословія, лиценціатъ каноническаго права. Когда граждане Бовѣ признали власть Карла VII, строптивый епископъ бѣжалъ въ Руанъ, къ Англичанамъ, которые обѣщались доставить ему архіерейскую кафедру въ самомъ Руанѣ. Такъ какъ Дѣвственница взята въ предѣлахъ его епархіи, то власть надъ нею принадлежала, повидимому, Кошону, и вотъ онъ, 14-го іюля, неся подтвердительныя письма Парижскаго университета къ дюку Бургонскому и Иоанну Люксамбургскому, ѣдетъ въ комьпенскій лагерь, предлагая выкупъ отъ имени англійскаго правительства и требуя выдачи, по повинной его суду, грѣшницы.

Дюкъ Бургонскій, дорожа союзомъ съ Англичанами, ради честолюбивыхъ видовъ своихъ на Голландію, согласился сдѣлать имъ пріятное. 20-го октября заплаченъ выкупъ. Въ ноябрѣ, Жанна, распоряженіемъ дюка, выдана англійской стражѣ, и отведена не въ Парижъ, какъ желалъ того и надѣялся

университетъ, а въ Руанъ, гдѣ учрежденъ надъ нею судъ, подъ предсѣдательствомъ Кошона.

Дальновидная политика англійскаго правительства предположила доказать свѣту, что Дѣвственница — орудіе дѣла, что дѣла и сообщники ея отвержены Богомъ, что слѣдовательно и Карлъ не король, и вѣчаніе его въ Реймсъ ничего не значить, а законный король все-таки Генрихъ VI. Вотъ что требовалось доказать, и цѣль могла быть достигнута не иначе какъ осужденіемъ и казню Жанны, при содѣйствіи Кошона. Особенное вниманіе обращено на томъ на соответствующій цѣли составъ суда. Прокуроромъ (promoteur) назначенъ бывшій въ Бовѣ намѣстникъ Кошона (J. d'Estivet), каноникъ, бѣжавшій съ епископомъ, раздѣлявшій съ нимъ горечь изгнанія, преданный его видамъ. Ассесоры (числомъ 95) взяты изъ членовъ университета и изъ мѣстнаго (руанскаго) духовенства. Нѣкоторые изъ нихъ приняли это порученіе охотно, частью по убѣжденію, изъ фанатизма или тщеславія; другіе невольно, подъ вліяніемъ настояній и угрозъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ самъ субинквизиторъ, Ле-Метръ, человекъ слабый и нерѣшительный, который, ища какъ бы уклониться отъ дѣла, отговаривался тѣмъ, что ему подвѣдома собственно Руанская епархія, а Жанна взята въ Бовесской. Для разрѣшенія этихъ сомнѣній писано къ главному инквизитору. Впрочемъ никто не смѣлъ явно противорѣчить епископу-президенту.

Англчане держали Жанну въ замкѣ, подъ тремя ключами, въ нарочно-сдѣланной для нея желѣзной клѣткѣ. Когда начался судъ, ее выпустили изъ клѣтки, но оставили въ кандалахъ и цѣпяхъ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Въ замкѣ ее подвергли тайному осмотру, для удостовѣренія въ томъ, точно ли она Дѣвственница. Этотъ трудъ приняла на себя дюшесса Бедфордъ съ двумя дамами. Говорятъ, что дюкъ Бедфордъ былъ тутъ же, въ сосѣдней комнатѣ, тайнымъ свидѣтелемъ дѣлаемаго Жанны осмотра. Къ чести ея оказалось не то, чего искали, и потому это обстоятельство, какъ не благопріятствующее видамъ враговъ ея, оставлено подъ спудомъ, и вовсе не вошло въ акты слѣдствія и суда.

Сдѣлано подъ рукою предварительное разысканіе, собраны справки о подсудимой. Предъ судомъ ей пришлось обороняться самой (адвоката ей не было дано) отъ затѣдливыхъ уловокъ президента, прокурора и слѣдственнаго судьи (Juge-commissaire,

J. de La Fontaine). Къ допросу, въ судебную палату, ее водили почти голодную, по случаю великаго поста, и держали тамъ по нѣскольку часовъ. Послѣ шести первыхъ засѣданій епископъ объявилъ ассессораѣ, что общее ихъ присутствіе болѣе утомительно для нихъ нежели полезно для дѣла, и потому, ради собственнаго ихъ облегченія, онъ впредь будетъ назначать по нѣскольку ученыхъ благонадежныхъ членовъ, для снятія показаній. Такъ и сдѣлано. Допросъ сталъ производиться въ тюрьмѣ, иногда по два раза въ день: утромъ и вечеромъ. Эти собранія были не такъ шумны какъ первыя, когда Жанну до того огушала, со всѣхъ сторонъ, вопросами, что она разъ сказала: „честные господа, ради Бога, говорите въ очередь!“ (Beaux sires, faites l'un après l'autre). Но духъ сѣдства не измѣнился: та же тяжелая пытливость, отвѣченныя схоластическія тонкости, и тутъ же рядомъ грубый матеріализмъ представленій о мирѣ заочномъ. Задачи, не разрѣшимыя для ученыхъ въ свѣтлыя минуты, въ спокойномъ состояніи души и тѣла, предлагались на разрѣшеніе ей, простой многострадальной женщины, въ душной тюрьмѣ, подъ звукъ оружія и цѣпей....

Въ этомъ мучительномъ положеніи, среди истязаній нравственныхъ и физическихъ, въ этой неравной борьбѣ съ коварствомъ и насиліемъ, несчастная являла обычную силу воли, природную свою смѣтливость и ясность ума: „мудрость змія, чистоту голубицы.“ Она не измѣнила ни глубинъ своихъ убѣжденій, ни вѣрѣ въ свое предназначеніе, ни преданности законному государю, ни пользѣ и тайнѣ государственной. Она была тутъ, какъ всегда и вездѣ, проста, чистосердечна, даже откровенна во всемъ что касалось ея лично; непоколебима и удивительно-осторожна, какъ скоро сознаніе ея могло повредить другимъ; отказывалась отвѣчать, порою давала рѣчамъ своимъ косвенный или насмѣшливый смыслъ.

Таковы общія черты этого процесса! Сообщимъ нѣкоторыя подробности самаго сѣдства, суда и его результатовъ.

21-го февраля 1431 года (въ среду), былъ первый допросъ. По полученіи формальнаго вызова отъ суда, Жанна просила впервыхъ, чтобы въ составъ суда призваны были члены не одной, а обѣихъ партій, на которыя дѣлилась въ то время нація; вовторыхъ, чтобы ей дозволено было отслушать напередъ божественную литургію. Обѣ просьбы, объявляемыя суду чрезъ пристава, оставлены безъ вниманія.

Когда ее привели въ собраніе, епископъ потребовалъ отъ нея присяги въ томъ, что она на допросѣ будетъ говорить истинную правду. „Не знаю, отвѣчала она, о чѣмъ вы намѣрены меня спрашивать: можетъ-быть много я не могу сказать,“ — Послѣ долгихъ объясненій и настояній, она поклялась на Евангеліи открыть суду то, что „касается вѣры и настоящаго процесса.“ И въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, когда отъ нея многократно требовали, чтобы дала присягу отвѣчать на всѣ вопросы, она не хотѣла выйдти изъ назначенныхъ себѣ границъ, и обязывалась сказать то что можно и что „голосъ“ позволить.

На обычные вопросы объ имени, прозваніи, происхожденіи и лѣтахъ объявила, что отъ роду ей лѣтъ двадцать, зовутъ ее на родинѣ Жаннетою, а во Франціи Жанною; поименовала своихъ родителей, приходскаго священника, который крестилъ ее, восприемниковъ, восприемницъ и т. д. Молитвамъ: *Отче нашъ, Богородице Дѣво и Виргину*—выучила ее мать. Епископъ велѣлъ ей прочесть *Отче нашъ*. „Извольте, отвѣчала она, прочту, если вы спросите меня на исповѣди.“ Ей хотѣлось, при этомъ случаѣ, исполнить долгъ христіанскій, но желаніе ея оставлено безъ уваженія.

Ее заставили потомъ разказать отъ начала всѣ свои похождения, и она откровенно изложила подробности своего домашняго быта, нападеніе вооруженныхъ шаякъ на село, бѣгство свое съ родителями въ Нѣшато, гдѣ они пребыли около двухъ недѣль, въ домѣ одной женщины, прозывавшейся la Rousse (рыжая); припомнила, какъ будучи тринадцати лѣтъ, впервые услышала голосъ, повелѣвавшій ей итти въ Вокуаеръ и оттуда въ Шивонъ; какъ она исполнила это повелѣніе, явилась къ королю, узнала его по наущенію своего голоса и т. д. „Какое видѣніе, спрашивали Жанну, имѣлъ король твой, предъ тѣмъ какъ рѣшился принять тебя въ службу!“ Она отвѣчала: „этого не скажу вамъ сегодня; но если нужно знать, пошлите спросить его самого.“

Эта статья была самая деликатная во всемъ процессѣ. Объявить предъ судомъ, во всеуслышаніе, что тамъ (въ Шивонѣ) дано было Карлу увѣреніе въ законности его рожденія и права на престолъ, значило бы выдать короля и тайну его сошнѣній относительно своего права. Сказать, что она открыла Карлу то чего никто не могъ знать, и повѣдала о

чемъ онъ молился наединѣ: это повело бы только къ обвиненію ея въ *чародѣйствѣ*. Того и желали предубѣжденные судьи. Они знали о происшествіяхъ въ Шинонскомъ замкѣ по слухамъ разсѣяннымъ въ народѣ и собраннымъ при первоначальномъ розысканіи. Народная фантазія прибавила многое, чего тамъ не было. Подъ вліяніемъ этихъ басней, слѣдователи неоднократно, спрашивали Жанну въ продолженіе процесса: „Какой знакъ дала она королю о небесномъ своемъ посланіи?“ и еще: „былъ ли виденъ ангелъ надъ головою короля, когда она представлялась ему въ Шинонѣ?“ Жанна сперва уклонялась отъ отвѣта, говоря: „безъ грѣха не могу сказать,“ или „этого не сорвете у меня съ языка“ и т. п. Объяснила только, что когда она собиралась къ королю, голосъ вѣщалъ ей: „иди смѣло; какъ будешь тамъ, ему дано будетъ знать (благое знаменіе, bon signe), чтобы принялъ тебя и вѣрилъ;“ что послѣ знаменія, когда король ей повѣрилъ, ей стало легче, такъ какъ мнительные люди смущавшіе ее своими вопросами и сомнѣніями, оставили ее въ покоѣ. Объ ангелѣ отвѣчала: „былъ или не былъ, не знаю; я его не видала.“

— А сіяніе?

— Свѣтло было: въ тотъ вечеръ пятьдесятъ факеловъ освѣщали дворецъ, кромѣ свѣта небснаго. Мои видѣнія всегда сопровождаются озареніемъ свыше.

Въ послѣдствіи, когда ее мучили тѣми же вопросами, крѣпко допытываясь, видѣла ли она ангела съ короною, испосланною королю, она стала говорить, что видѣла.

— Былъ ли вѣнецъ на главѣ короля въ Реймсѣ?

— Да, король возложилъ на себя тотъ вѣнецъ, что въ Реймсѣ. Но послѣ ему былъ принесенъ другой, гораздо богаче этого.

— Видѣла ли ты этотъ богатый вѣнецъ?

— Безъ грѣха (sans раіііе) не могу сказать. Если и не видала, то слышала, что вѣнецъ роскошный.

— Изъ чего онъ сдѣланъ: изъ золота, серебра или камней самоцвѣтныхъ?

— Нечего и говорить, и выразить трудно какое великолѣпное было знаменіе. Впрочемъ, вамъ не то нужно. Когда бы Богъ избавилъ меня отъ вашихъ рукъ, вотъ это было бы для васъ самымъ явнымъ знаменемъ его воли.

Хотѣли знать кто возложилъ вѣнецъ на короля. Жанна сказала (имѣя, повидимому, въ мысляхъ своихъ реймскую

короляцію), что „вѣнецъ подавъ архіепископу, кажется реймскому; архіепископъ тутъ же поднесъ его королю; потомъ вѣнецъ отвесилъ въ казну королевскую.“

— Куда отнесемъ вѣнецъ?

— Въ чертоги Шинонскаго замка.

Опять спросили: „изъ чего сдѣланъ былъ вѣнецъ.“ Этотъ разъ она отвѣтила: „Разумѣется изъ золота, изъ чистѣйшаго золота.“ Жанна прибавила, что вѣнецъ, по объясненію ангела, означалъ державное право короля на всю Францію, право, которое возвратитъ ему, при помощи Божіей, ея стараніе.

— Чтò говорилъ ангелъ?

— Чтобы дали мнѣ просимую помощь, и положеніе королевства облегчится.

— Какъ пришелъ ангелъ: по землѣ или сверху?

— Сверху.—И Жанна объяснила, что это значитъ „отъ Бога.“ Ангелъ вошелъ въ дверь, и отъ двери къ королю шелъ по землѣ.

— Какъ далеко отъ двери стоялъ король?

— На длину копья.

Спрашивали, гдѣ она была и чтò между тѣмъ дѣлала? Жанна отвѣчала: „была съ ангеломъ, и въ одно съ нимъ время вошла въ покои королевскіе. Ангелу сопутствовали несмѣтные силы небесныя: Св. Екатерина и Св. Маргарита были тутъ же.“

— Откуда ангелъ взялъ вѣнецъ?

— Онъ принесъ его произволеніемъ Божиимъ; откуда, про то вѣдаетъ одинъ Богъ.

— Не издавалъ ли вѣнецъ пріятнаго запаха?

— Не помню, и подумавъ немного, прибавила:—да, вѣнецъ былъ благоухающій, и благоуханіе пребудетъ въ немъ; пока онъ достойно будетъ хранимъ, какъ подобаетъ.

Другою статью вопроса были видѣнія Жанны, начавшіяся въ дѣтствѣ, и постоянно продолжавшіяся даже въ тюрьмѣ. На вопросъ: „давно ли слышала голосъ,“ она отвѣчала: „вчера, когда звонили къ утрени, голосъ разбудилъ меня.“

— Чтò сказалъ голосъ?

— Чтобы я не робѣла предъ вами; что Богъ мнѣ поможетъ.

— Чей это голосъ: Божій или кого-либо изъ святыхъ Его?

— Это голосъ отъ Бога. Безъ Божіей благодати, я не знала бы какъ и быть.

Схоластики ухватились за слово „благодать,“ хорошо

извѣстное имъ изъ школьныхъ преиій, и спросили: „полагаетъ ли она о себѣ, что находится въ состояннн благодати?“ Задача была такова, что одинъ изъ ассесоровъ счелъ долгомъ замѣтить ея неумѣстность. „Тайны Божии неисповѣдимы, сказалъ онъ: подсудимая не можетъ и не обязана отвѣчать на подобный вопросъ.“—„Лучше бы молчалъ!“ прервалъ съ досадою епископъ, любопытствуя знать какъ выпутается Жанна скажетъ *нѣтъ*, значитъ недостойна быть орудиемъ Вышняго; скажетъ *да*, значитъ въ ней гордость окаанная, погубившая духа тмы.

Съ простосердечною глубиной отвѣтила Жанна:—Если нѣтъ во мнѣ благодати, да ниспошлетъ мнѣ ее Господь, если благодать Его во мнѣ, да пребываетъ во вѣки.

Такой отвѣтъ изумилъ допросчика.

Далѣе, развивая дилемму въ свою пользу, Жанна прибавила:—Подъ неволю смертнаго грѣха не посѣщалъ бы меня голосъ, просвѣтитель души.

Другой разъ ее спрашивали:—Кто явился тебѣ въ первый разъ?

— Св. архангелъ Михаилъ, и съ нимъ сонмы ангеловъ. Я видѣла ихъ своими глазами, какъ васъ вижу.

— Какой видъ имѣлъ архангелъ Михаилъ?

— Не могу сказать.

— Какъ одѣтъ?

— Не знаю.

— Можетъ-быть, онъ являлся нагимъ?

— Почему бы такъ? Развѣ Богу не чѣмъ приодѣть его?

— Имѣлъ ли волосы на головѣ?

— Разумѣется, за что жъ бы его остригли?

— Какъ узнала, что являвшійся былъ архангелъ Михаилъ?

— По ангельской его рѣчи.

— Почему думаешь ты, что его рѣчь была ангельская.

— Потому что я издавна вѣрила, хотѣла и хочу такъ вѣрить. (*Qu'elle le crut, et eut cette volonté de le croire.*)

— Кто являлся еще?

— Св. Екатерина и Св. Маргарита.

— Какъ распознать ихъ?

— По привѣтствню.

— Всегда ли онѣ являютъ въ одномъ и томъ же одѣяннн?

— Образъ ихъ никогда не измѣняется.

— Въ какомъ платьн?

- Переходите къ другой статьѣ.
 - Что у нихъ на годовѣ?
 - Вѣнцы драгоцѣнные.
 - Какъ носить волосы: длинные и распущенные?
 - Не знаю.
 - Прикасалась ли ты къ этимъ явленіямъ?
 - Прикасалась.
 - Чѣмъ пахнутъ?
 - Благоуханіе дивное исходитъ отъ нихъ.
 - Являлись ли онѣ (какъ феѣ) подъ букомъ въ Домреми?
 - Не могу знать.
 - А тамъ же, у источника?
 - Иногда являлись, но что говорили не помню.
 - Не обѣщали ли чего?
 - Обѣщали не разъ, что государь нашъ, на зло врагамъ, соберетъ всю свою землю. Обѣщали также, что я буду въ раю.
 - Что еще?
 - До прочаго вамъ нѣтъ дѣла.
 - Не предсказывали ли избавленія отъ темницы?
 - Узнаете позже, черезъ три мѣсяца.
- Замѣтимъ, что это сказано 1-го марта. Другой разъ (3-го марта) на тотъ же вопросъ она отвѣчала:
- Да, онѣ говорили мнѣ, что избавленіе будетъ, но день и часъ его неизвѣстны; говорили чтобъ я не унывала.
 - А что, эти святые ненавидятъ Англичанъ?
 - Онѣ любятъ тѣхъ, кого любить Богъ, и не любятъ, кого Богъ не жалуетъ.
 - А Богъ ненавидитъ Англичанъ?
 - О любви или нелюбви Божіей къ Англичанамъ я не свѣдома. Знаю только, что они будутъ изгнаны изъ Франціи, и уйдутъ всѣ до одного, кромѣ тѣхъ, которые лягутъ зась крестомъ, не доживутъ до того! Да, помяните мое слово. Не пройдетъ и семи лѣтъ, у нихъ отыметса болѣе чѣмъ Орлеанъ, и ваше цѣлкомъ достанется нашимъ!
 - Поклонялась ли ты святымъ твоимъ, когда они являлись тебѣ?
 - Почтительно кланялась имъ какъ слѣдуетъ.
 - Не ставила ли свѣчъ?
 - Въ церкви ставила свѣчи предъ иконою Св. Екатерины.
 - Кому ставила: той ли именно, которая являлась?

— Свѣчи ставила во славу Бога Вседержителя, въ честь Пречистой Дѣвы и Св. Екатерины, витающей на небесахъ: вѣдь она же и являлась.

— Стало-быть той, которая являлась?

— Да; она одна и есть.

— Когда плела вѣнки, не посвящала ли ихъ тѣмъ же святымъ?

— Вѣнки плела, и полагала ихъ предъ иконами святыхъ въ церкви.

— Не призывала ли ихъ, когда вѣшала вѣнки на вѣтвики волшебнаго бука?

— Никогда этого не дѣлала.

— Ангелы на твоей хоругви изображены съ руками и съ ногами: такими ли ты ихъ видѣла?

— Они изображены такъ какъ пишутся на иконахъ.

— Но являлись ли тебѣ такъ какъ пишутся?

— Чтò сказано, то сказано.

Всѣ эти вопросы дѣлались съ цѣлью узнать: не было ли тугъ идолослуженія, не отъ лукаваго ли исходятъ ея видѣнія и сверхъестественный голосъ.

Далѣе перебирая разные обстоятельства ея жизни, слѣдствие искало въ нихъ вообще признаковъ суевѣрія и суевѣрныхъ дѣйствій. Жанна довѣрчиво разказывала все чтò могла припомнить о дѣтскихъ сборищахъ, играхъ и гуляньяхъ, о цѣлебныхъ водахъ источника, о „Деревѣ чаровницъ,“ прибавила, что крестная мать говорила ей, какъ феи (чаровницы) прежде являлись подъ этимъ деревомъ, но что она не знаетъ правда ли это, такъ какъ сама никогда не видала ихъ, и не знаетъ даже точно ли феи—порожденіе діавола. Допрашивали о хоругви, о приписываемой ей чудотворной силѣ.

— Зачѣмъ ты была съ нею въ Реймекомъ соборѣ при коронаціи?

— Моя хоругвь, гордо отвѣчала Жанна,—была со мной въ огнѣ и бѣдѣ; почему не быть ей и при свѣтломъ празднествѣ?

Притомъ объявила, что хоругвь эта была сдѣлана по указанію свыше, безъ суевѣрныхъ обрядовъ, о которыхъ болтали въ народѣ и упоминалось въ допросѣ.

— Чтò дороже тебѣ, хоругвь или мечъ?

— Хоругвь въ сорокъ разъ милѣе. Она вела меня къ безкровной побѣдѣ. Впрочемъ и мечъ мой не стубилъ ни одной души христіанской.

Была еще рѣчь о мандрагорѣ. * Допрашивали, имѣла ли Жанна при себѣ это зелье, и что о немъ знаетъ. Жанна знала о немъ лишь по слухамъ, никогда ничего подобнаго не имѣла при себѣ и даже не видывала.

— Зачѣмъ употребляла ты слова „Jesus Maria?“ Зачѣмъ дерзала говорить, что голосъ звалъ тебѣ „дщерію Божіею?“ Знаешь ли, что многіе изъ народа служили въ честь тебѣ молебны?

— Если служили, то конечно безъ моего вѣдома и наказа. Во всякомъ случаѣ, молитвы ихъ за меня не лишнія.

— Считали ли тебя эти люди посланницею Божіею?

— Это дѣло ихъ совѣсти. Знаю только, что я творила волю Бога небеснаго.

— Правда ли, что иные лобызали тебѣ руки?

— Случались и такіе. Одинъ Богъ могъ,— я не могла воздержатъ ихъ отъ этого. Бѣдные люди увлекались усердіемъ и любовію ко мнѣ, потому что и я взаимно ихъ любила.

Итакъ ослабленіе толпы, дѣла суевѣрія и разныя выдумки, къ которымъ она была не причастна, хотѣли вмѣнить ей въ вину. Но платье, мужское платье, носимое ею вопреки церковному запрещенію, развѣ это не грѣхъ? Насчетъ платья, допросъ былъ неистощимъ, и многократно возвращался къ этой статьѣ. Она отвѣчала: „Я ношу это платье, потому, что Богу такъ угодно. Иначе мнѣ нельзя быть. Впрочемъ, само по себѣ платье вещь переходящая, неважная.“

Такъ какъ она усиленно просила, чтобъ ее пустили къ обѣдѣ, то слѣдователь, въ видѣ испытанія, обѣщаль исполнить ея желаніе, если она переодѣнется.

— Въ правду ли?

— Ручаюсь за то.

— Ну такъ пусть дадутъ мнѣ женскую одежду подлиннѣе, чтобъ я могла сходить въ церковь.

— Надо совѣмъ снять мужскую, и болѣе не надѣвать ее.

* „Мандрагора“ травянистое, широколиственное растеніе, темнаго цвѣта, неприятнаго запаха. Встрѣчается въ лѣсныхъ мѣстахъ, по теченію рѣкъ, на Востокѣ, въ Италіи въ Испаніи и проч. Имѣетъ усыпляющее свойство. Еще древніе приписывали этому растенію таинственному силу дѣлать богатыхъ и счастливыхъ того, кто носитъ его при себѣ; махидали, что корни его имѣютъ сходство съ внутренностями челоуѣка, уверали, что оно имѣетъ жалобныя стоны когда его срываютъ, и тому подобныя нечѣпости.

— Да я не могу. Я королю каялась, что не скину этой одежды пока не исполню всей воли пославшаго меня. И уже на платьѣ должно быть помѣнкою въ дѣлѣ молитвы?

Другой разъ она сказала:—Если мнѣ суждено умереть отъ суда вашего, отцы духовные, въ такомъ случаѣ молю васъ пожаловать мнѣ женскую сорочку и чепецъ, на исходъ живота моего.

— Какъ такъ? Богъ указалъ ходить въ мужскомъ платьѣ, а умирать нужна женская сорочка?

— Ничего; была бы только длинная.

На многіе вопросы Жанна вовсе не отвѣчала, или отзывалась такъ: „не знаю, не могу сказать, переходите къ другой статьѣ, больше ничего отъ меня не услышите“ и т. п. Искусные обвинители могли, конечно, это недовѣріе къ свидателямъ легко перетолковать какъ сопротивленіе духовной власти и самой церкви. Отсюда не трудно было вывести обвиненіе въ *ереси*.

Давая новый оборотъ процессу, слѣдственный комиссаръ (15 марта) спросилъ подсудимую:

— Полагаешься ли ты на рѣшеніе церкви, въ случаѣ если погрѣшала противъ вѣры?

— Пусть люди церковные (*les clercs*) разсмотрятъ мои отвѣты и укажутъ мнѣ, что въ нихъ противно вѣрѣ христіанской. „Голосъ“ рѣшить такъ ли это или не такъ (*je saurai bien dire par ton conseil ce qu'il en sera*). Впрочемъ я ни въ какомъ случаѣ не желала бы идти противъ истинны откровенія и утверждать что-либо противное вѣрѣ.

Тотъ же вопросъ сдѣланъ ей 17 марта, и она повторила то же.

— Церковь люблю и предана ей душой и тѣломъ. Что жъ касается дѣлъ моихъ и моего посланія, уповаю на Царя Небеснаго, который послалъ меня.

— А на церковь полагаешься ли?

— Полагаюсь на пославшаго меня Господа, на Матерь Божию и на всѣхъ святыхъ, витающихъ на небеси. По мнѣ, Господь и церковь одно и то же. Развѣ не такъ по вашему?

Ей объяснили, что есть церковь *торжествующая* (Богъ, Его святые, ангелы, души праведныхъ) и церковь *подвизающаяся* на землѣ (его святѣйшество папа, кардиналы, прелаты, духовенство и всѣ исповѣдующіе истинную католическую

вѣру). Собраніе вѣрующихъ, управляемое Св. Духомъ, не-
преложно въ своемъ совѣтѣ.

— Полагаешься ли ты на рѣшеніе церкви подвизающейся?

— Меня послалъ къ королю Богъ и небесная его церковь.
Этой церкви подчиняюсь во всемъ что сдѣлала добраго, и
что впредь сдѣлаю.

— А подвизающейся церкви?

— На это не скажу вамъ сегодня ничего.

Такое уклоненіе отъ рѣшительнаго отвѣта признано подозри-
тельными. Рѣшено: повторить вопросъ при другомъ случаѣ.

Слѣдствіе уже отвѣтило слѣдующіе отзывы Жанны: „Я при-
шла отъ Бога, и здѣсь (предъ судомъ) мнѣ дѣлать нечего...
Все что я сдѣлала, совершенно по откровенію свыше... Я ско-
рѣе соглашусь умереть нежели отречься отъ того что за-
повѣдалъ мнѣ Богъ.... Голосъ сказалъ мнѣ, что побѣда ве-
ликая избавитъ и спасетъ меня: *„Не бойся, Жанна, вѣщаль-
оу мнѣ, сноси мученія, будешь въ Царствіи Небесномъ!...
Богъ даруетъ мнѣ вѣчное блаженство, ежели только сохраню
до конца жизни цѣломудріе души и тѣла.“*

Все это давало нѣкоторый поводъ думать, что подсудимая,
проникнутая вѣрою въ непосредственное общеніе свое съ
Небомъ, была болѣе или менѣе равнодушна къ уставамъ и
представителямъ видимой церкви. Не слѣдовало бы забывать
однакожь, что Жанна при допросѣ ссылалась на испытаніе,
которое выдержала въ Пуатье, гдѣ она была одобрена „со-
браніемъ духовныхъ“, что король повѣрилъ обѣтованіямъ ея,
знавъ совѣту „ученѣйшихъ изъ духовенства.“ И потому про-
творѣча и самой себѣ въ настоящемъ случаѣ, не смѣшивала
ли она въ умѣ своемъ понятія „видимой церкви“ съ сомни-
щемъ духовныхъ, которые явнымъ предубѣжденіемъ своимъ
противъ нея возбудили къ себѣ ея недовѣріе? Для приведенія
этого предмета въ ясность, Кошонъ спросилъ ее въ вечер-
немъ засѣданіи того же дня:

— Есаибы папа, намѣстникъ Христа, вопрошалъ тебя о
дѣлахъ вѣры и совѣсти, сочла ли бы ты долгомъ своимъ от-
вѣчать ему безъ утайки?

— Ведите меня къ папѣ: я отвѣчу ему, и скажу все что
слѣдуетъ ему знать.

Допросъ конченъ 17-го марта.

Въ вербное воскресенье (25-го марта), епископъ съ членами
суда посѣтилъ заключенную въ тюрьмѣ, и ради великаго

праздника обѣщала отпустить ее къ обѣдѣ, требуя только чтобъ она одѣлась въ женское платье. Но она на этотъ разъ осталась непреклонною, и съ своей стороны умоляла, чтобъ ей позволили быть у обѣдни и допустили къ причастию съ чѣмъ есть, говоря, что не видитъ въ томъ грѣха: грѣшно и мнѣ лишать ее даровъ Божіихъ, ради такой малости.

Составленъ обвинительный актъ въ семидесяти пунктахъ.

Настоящій судъ начался 27-го марта. Кошомъ обратился къ подсудимой съ приглашеніемъ, чтобы выбрала себѣ защитникомъ кого-либо изъ присутствующихъ членовъ. Но она отблагодарила его, сказавъ: „Богъ мой совѣтъ и защитникъ.“ Цѣлыхъ два дня (27 и 28 марта) посвящено чтенію обвинительнаго акта. Здѣсь противъ каждой статьи выведены на справку показанія Жанны при допросахъ, отмѣчены возраженія, сдѣланныя ею при самомъ этомъ чтеніи. Возраженій немного. И какъ было возражать?

Въ обвинительномъ актѣ подобраны самые недѣльные слухи и толки; изъ ложныхъ фактовъ выведены рѣзкія, немилосердыя заключенія. Вышла исторія жизни, какой не бывало; чудовищное изображеніе злобѣщей, раставной, кровожадной женщины, извергнутой адомъ на соблазнъ роду человѣческому.

„Съ юныхъ лѣтъ она изучена всѣмъ художествамъ сатаны; посѣщаетъ въ лѣсу мѣста, ославленные присутствіемъ фей, носить вѣнки заколдованному дереву, и вѣнки эти за ночь исчезаютъ; хранить за пазухой мадрагору. Будучи двадцати лѣтъ (?) ушла, безъ позволенія родителей, въ Нѣшато, къ женщинѣ, называемой La Rousse, содержавшей постоялый дворъ, гдѣ собиралась всякая сволочь, солдаты и зазорныя женщины. Тамъ, являясь съ этимъ народомъ, она пасла хозяйскихъ овецъ и лошадей, выучилась верховой ѣздѣ, военному ремеслу и проч... Она хвасталась предъ Бодрикуромъ, что у нея будутъ три сына: одинъ папа, другой кесарь, третій король; выдаетъ себя за пророчицу, призываетъ духовъ невидимыхъ, смущаетъ народъ суевѣріями, и въ то же время носитъ оружіе и самодѣльную хоругвь, одѣвается въ мужское платье, живетъ съ мушкетерами, проливаетъ кровь человѣческую, употребляетъ всегда имя Іисуса и Пречистой Дѣвы, богохульствуетъ... Въ присутствіи суда не хотѣла открыть правду, подчиниться видимой церкви, вопреки члену символа вѣры „во единую, святую, соборную“ и проч... Словомъ, все ея поведеніе обличаетъ въ ней посягательство на величество

Божіе, на святость Его церкви, на добрую нравственность; и все вышесказанное подтверждено общею молвою и собственнымъ ея сознаниємъ.“

Клеветѣ Жанна могла противопоставить одно лишь слово: „неправда!“ Но какое дѣйствіе могло имѣть это слово на ея судей? Самыя справки противорѣчили большею частію тексту обвиненія. Жанна въ возраженіяхъ своихъ указываетъ на это разногласіе, и мѣтко отражаетъ явную ложь. Ей оставалось одно упованіе — на Бога. Всѣ оставили ее; Въ тюрьмѣ ее посѣщали люди непріязненные; чаще всѣхъ одинъ руанскій каноникъ, принявшій на себя роль ппюна. Назвавшись землякомъ Жанны, онъ вкрался въ ея довѣріе, вывѣдывалъ задушевныя ея мысли, давалъ совѣты, говорилъ, между прочимъ: „не стѣрь и мѣ (судьямъ), не то посебнешь.“

„Я знаю, говорила Жанна, возражая на обвинительныя пункты, знаю, что папа, епископы и прочее духовенство поставлены для сохраненія въ чистотѣ вѣры Христовой; но я не нарушала вѣры, не хочу нарушать ее, и предаю себя въ томъ на судъ церкви небесной.“ О платьѣ замѣтила она: „Платья не пережмю на за что на свѣтѣ. Еще не пора его одѣнуть. Ежели ради платья не допустите меня къ слушанію службы Божіей, то Богъ допуститъ мимо васъ и безъ вашей воли.“ О войнѣ: „Я желала мира, умоляла дюка Бургонскаго, чтобы помирился съ королемъ. Къ Англичанамъ послала впередъ мирныя грамоты. Впрочемъ, съ ними одинъ миръ: чтобы вышли изъ Франціи. Умно бы сдѣлала, еслибы послушались меня.... И умрутъ они совсѣмъ ранѣе семи лѣтъ!... Оружіе носила для отраженія враговъ. Жила среди мушкетъ, потому что предводительствовала ими; но для ночлега всегда останавливалась тамъ гдѣ могла найти себѣ женскую компанію; не то, спала не раздѣтая и при оружіи.“ О подчиненіи церкви: „Въ субботу вечеромъ получите отвѣтъ.“

Въ страстную субботу (31 марта) епископъ, придя въ тюрьму, повторилъ при assessорахъ вопросъ.

— Хочешь ли подчиниться въ словахъ и дѣлахъ своихъ земной церкви?

— Готова подчиниться земной церкви во всемъ, кромѣ невозможнаго. Отъ того что открылъ мнѣ Богъ отказаться не могу и не откажусь.

— Но если церковь признаетъ видѣнія твои пустымъ призракомъ или дѣломъ сатаны, повѣришь ли церкви?

— Вѣрую въ Господа и въ то что Онъ заповѣдалъ мнѣ, какъ объявлено мною на судѣ. Еслибы мнѣ указывали сдѣлать что-либо иное, противное этому, я не повѣрила бы никому на свѣтѣ, кромѣ Бога.

— Развѣ не обязана ты повиновеніемъ церкви?

— Да, послѣ Бога, наипаче ей обязана повиноваться.

Положено: обвинительный актъ пересмотрѣвъ, привести къ 12 пунктамъ, и послать на консультацію благонадежнымъ лицамъ, Парижскому университету и проч. Отъ передѣлки обвиненіе стало не легче. Новосоставленные двѣнадцать пунктовъ разосланы куда сѣдовало, при циркулярѣ Кошона. Въ этомъ прошелъ весь апрѣль мѣсяцъ.

Скорбны были дни свѣтлаго праздника, проведенные Жанною въ тѣсномъ заключеніи, въ цѣпяхъ, подъ стражею!.. Какая мука для нея, выросшей на свободѣ, привыкшей радостно встрѣчать Христова Воскресенье, съ домашними, подъ благовѣсть роднаго колокола!

Она захворала, отвѣдавъ рыбнаго кушанья, присланнаго ей съ кухни епископа. Открылась рвота, и ей сдѣлалось очень дурно. Графъ Варвикъ послалъ къ ней бывшихъ между ассессорами медиковъ. „Смотрите же, говорилъ онъ имъ, не дайте ей умереть. Она дорого обошлась казнѣ королевской. Казнь ея нужна королю.“ Врачи спросили больную что съ нею. „Вѣроятно отъ рыбы, отвѣчала она, которую привесли отъ епископа.“ „Врешь ты, шлюха; вѣрно обѣдась сельдей и какой-нибудь дрянью,“ вскричалъ намѣстникъ Кошона, лютый врагъ ея. Пустили кровь, стало легче. Но суровое обращеніе причиняло ей жаръ и бредъ. Опасаясь невыгодныхъ послѣдствій, графъ Варвикъ просилъ почтеннаго каноника быть впередъ осторожнѣе и помягче въ выраженіяхъ.

Слабость Жанны не позволяла медлить. Епископъ пришелъ къ ней самъ, 18 апрѣля, и, по обряду инквизиціи, сдѣлалъ ей первое келейное „краткое“ увѣщаніе. Онъ говорилъ, что желаетъ ей добра и заботится о спасеніи души ея; что она должна покаяться и покориться властямъ церковнымъ.

— Кажется, мнѣ не долго уже жить на свѣтѣ, сказала она:—да будетъ воля Божія! Прошу васъ объ одномъ, не лишите меня исповѣди, причастія да христіанскаго погребенія.

— Церковь католическая отказывается въ таинствахъ своихъ тѣмъ, которые не хотятъ безусловно ей подчиниться.

— Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что если я умру здѣсь въ

зачоченіи, то вы охороните меня вмѣстѣ съ прочими христіанами. Если не охороните, Богъ вамъ судья!

Однимъ изъ присутствующихъ привелъ текстъ изъ Евангелія: „если братъ твой не послушаетъ церкви, да будетъ тебѣ въ мытаря и язычника“.

— Я христіанка, воскликнула Жанна, — я крещена, и умру въ исповѣданіи вѣры Христовой!

Поступавшія, между тѣмъ, отъ разныхъ лицъ консультаціи были не одинаковы. Бóльшая часть ихъ согласовались, однакоже, съ мнѣніемъ обвинителей. Собственно, въ формальномъ отношеніи, выводы консультантовъ могли быть правильны; о подлинности фактовъ, на которыхъ основывалось обвиненіе, они не могли судить заочно, а дѣла не было имъ сообщено. Вѣра въ сверхъестественныя явленія была сильна въ то время, но эта вѣра вела къ умозаключеніямъ противоположнымъ, смотря потому, изъ какого источника выводились самыя явленія. Содержаніе разосланной записки располагало вообще къ мнѣніямъ невыгоднымъ для подсудимой. При всемъ томъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ прелатовъ того времени (évêque d'Avranches) въ отвѣтъ своемъ объявилъ, что по убѣжденію его совѣсти и по ученію Св. Фомы Аквината, показанія Дѣвственницы не имѣютъ въ себѣ ничего невозможнаго и въ поведеніи ея нѣтъ ничего предосудительнаго. Напротивъ того, другой прелатъ (évêque de Lisieux) утверждалъ рѣшительно лживость ея показаній, основываясь, между прочимъ, на томъ, что женщина „подлаго состоянія“ не могла слышать гласа Божія.

По заведенному порядку, надлежало обвинительные пункты объявить напередъ подсудимой. Опасаясь возраженій съ ея стороны, Кошомъ придумалъ слѣдующее средство: смягчить томъ акта, сократить его на половину и прочесть ей въ видѣ (второго) „гласнаго“ увѣщанія. Такъ и было сдѣлано.

2 мая Жанну призвали въ палату. Здѣсь, въ присутствіи 63 ассессоровъ, проповѣдникъ по наряду, архидіаконъ Шатильонъ увѣщивалъ ее привести рѣчи и дѣла свои въ соотвѣтствіе съ тѣмъ что положили мнѣніемъ ученые мужи. Намысливъ данное ею обѣщаніе исправить немедленно то чего они не одобряютъ, проповѣдникъ указалъ въ числѣ неправильностей: а) сдѣланный ею отказъ подчиниться, насчетъ своихъ таинственныхъ видѣній, суду церкви или кого бы то ни было; б) ея упорство въ ношеніи мужскаго платья; в) дерзновеніе,

съ какими она утверждаетъ, что явленія, не достойныя Божества, отъ Бога суть; г) суевѣрія, разсѣвасящая ея въ народъ, и увлекшія ее самою къ дѣламъ тщоты и самонадѣянности, къ лжепророчествамъ и гаданіямъ о судьбахъ Божіихъ. Она отвѣчала какъ и прежде:

— Въ святость церкви вѣрую; въ словага и дѣлаха моихъ воленъ Богъ.

— Развѣ нѣтъ для тебя судьи въ здѣшнемъ мірѣ?

— Судья мой—Богъ, Царь неба и земли; на него полагаюсь.

— Не уважающій церковь впадаетъ въ ересь, и подлежитъ огненной казни.

— Я не могу иначе. Хотя бы огонь пылаа здѣсь передо мной, я говорила бы то же самое.

— Еслибы вселенскій соборъ, его святѣйшество папа, кардиналы и прочіе члены церкви были здѣсь на лицо, покорилась ли бы она ихъ власти?

— Нечего спрашивать меня объ этомъ.

Еще разъ спросили:—Покоряешься ли папѣ?

— Ведите меня къ нему, а ему отвѣчу.

Перешли къ перемѣнѣ платья.

— Перемѣню когда исполю все то, для чего послалъ меня Богъ.

Касательно знаменія въ Шинонѣ, спросили:

— Хочешь ли положиться на свидѣтельство вельможъ Карла, бывшихъ тогда при немъ.

— Дайте мнѣ гонца: я напишу имъ о настоящемъ дѣлѣ подробно.

— Желаетъ ли, чтобы савелось о тебѣ съ тѣми, которые испытывали тебѣ въ Пуатье?

— Все это одинъ ваши уловки, чтобы только поймать меня.

— Развѣ не знаешь, что если не покориться церкви, то душа твоя будетъ предана гееннѣ, а тѣло костру и огню?

— Если вы это сдѣлаете, то погубите себя на вѣки: погубнута души ваши и тѣла.

Оставалось еще одно средство: пытка. Она была приведена въ главную башню замка, гдѣ разгнѣваны были орудія пытки и собраны палачи. Епископъ явился въ сопровожденіи ассессоровъ, и объявляя ей, что такъ какъ она подозрѣвается въ сокрытіи правды, то употреблены будутъ сильныя мѣры для обращенія ея на путь совѣстнаго, «во спасеніе души и тѣла»

— Во истину, отвѣчала она:—хотя бы растерзали здѣсь плоть мою на части и душу вымучили изъ тѣла, я не могу говорить иначе; а еслибы въ мукахъ молила что иное, то послѣ объявлю, что говорила такъ съ боли и отчаянія.

Она подтвердила тутъ, что голосъ былъ отъ Бога, не отъ лукаваго; что на вопросъ ея: „буду ли сожжена“?—онъ отвѣчалъ ей: „уновой на Господа“!

Снова доиздывались о вѣдѣ, поданномъ будто бы реймскому архіепископу, и по этому поводу допрашивали: хочетъ ли Жанна, чтобы спросили о томъ архіепископа? Твердо и рѣшительно отвѣтила она: „пусть придетъ сюда, и скажетъ что знаетъ, при васъ и при мнѣ. Пусть опровергнетъ слова мои!“

Видя ея стойкость, большинство членовъ положило: устроить пытку, какъ вещь немужную. Быть-можетъ боялись, что не выдержитъ.

Заключеніе Парижскаго университета по дѣлу Жанны соотвѣтствовало поведенію этого сословія при началѣ дѣла. Университетъ одобрялъ вполнѣ дѣйствія своего благодѣтеля, усердіе ученыхъ членовъ суда, и не сомнѣвался въ томъ, что оскорбленіе величества Божія будетъ наказано примѣрными образцы. Подсудимая признана виновною въ суевѣрныхъ вымыслахъ, въ чародѣйствѣ, въ пролитіи крови человѣческой, въ покушеніи на самоубійство; она же уличена въ возмущеніи противъ „единой святой католической церкви“ и въ богоотступничествѣ, „поелику остригла волосы данныя ей Богомъ въ видѣ покрова, и носить мужское платье, что намекаетъ на все подозрѣніе въ идолосаженіи“ и т. д.

23 мая сдѣлано „послѣднее“ увѣщаніе, обвиняемой. Въ присутствіи судей ей повторено что содержится въ 12 пунктахъ съ заключеніями университета. Проповѣдникъ, Пьеръ Морисъ, доказывалъ ей обязательную силу этихъ мѣстныхъ ученыхъ сословія, которое, принявъ въ соображеніе цѣль и образъ (modus) явленій, свойство бывшихъ ей откровеній и самую личность ея, рѣшило, что тутъ скрывается или собственный ея вымыселъ или навожденіе діавола. Потомъ онъ кротко увѣщевалъ ее не вѣрить вражьей прелести, такъ какъ видѣнія ея не утверждаются ни на словахъ Писанія, ни на асомъ знаменіи свыше. Она увѣровала опрометчиво, не обратившись напередъ съ усердною молитвою къ Богу, чтобы просвѣтилъ ее, не испросивъ даже наставленія у кого-либо

изъ свѣдущихъ духовныхъ лицъ, какъ слѣдовало бы поступить ей, ради простоты ея и крайняго ея невѣдѣнія. Спаситель нашъ, отходя на небо, и поручая церковь свою святому апостолу Петру и его преемникамъ, завѣщалъ имъ не принимать никого изъ грядущихъ яко бы во имя Его, если не будетъ особаго свидѣтельства о нихъ съ небеси. Христосъ сказалъ ученикамъ своимъ, пастырямъ церкви: „слушающійся васъ, Мене слушается, и пренебрегающій вами, Мною пренебрегаетъ.“

Жанна осталась тверда въ своихъ показаніяхъ. Ни просьбы, ни угрозы, ничто не могло поколебать ее.

Казнь была неизбежна. Но въ видахъ политическихъ желательнаго было сокрушить силу убѣжденій Жанны или по крайней мѣрѣ достигъ того, чтобы народъ не вѣрилъ имъ. Въ этихъ видахъ продолжалъ дѣйствовать Кошоль. Агентъ его, Луазелёръ, будучи наединѣ съ Жанною, настоятельно убѣждалъ уступить необходимости, снять мужское платье, покориться во всемъ мнѣнію суда, и увѣрять, что въ такомъ случаѣ судьи велѣтъ передать ее въ церковную тюрьму, гдѣ ей будетъ лучше и покойнѣе. Въ то же время была приготовлена сцена, которая мрачною торжественностію своею должна была поразить ея чувства, поработить ея твердую волю. На кладбищѣ Сент-Уэнскаго аббатства устроены были два помоста. 24 мая (въ четвергъ) на одномъ изъ нихъ помѣстился кардиналъ, дядя Генриха VI, епископъ Бовесскій и прочіе члены суда, на другой взошли протоколисты, Жанна, бывшій при ней приставъ и знаменитый проповѣдникъ Гильомъ Эраръ. При большомъ стеченіи народа загремѣла обличительная рѣчь оратора, который укорялъ несчастную за богомерзкія дѣла ея, и возносась все выше и выше въ полетѣ своего краснорѣчія, воскликнулъ: „о, Франція, приближище истинной вѣры, какъ безсовѣстно тебя обманываютъ! Тотъ, кого зовешь ты королемъ своимъ, — соумышленникъ этой пустой, ославленной, зазорной женщины! И не только оны, но и весь подвластный ему клиръ церковный, который испытывалъ ее, и не позналъ ея окаянства!“ Потомъ, сдѣлавъ ризкій жестъ рукою: „Тебѣ, тебѣ я говорю, Жанна: твой король еретикъ и раскольникъ!“— „Не троньте короля моего! возразила Жанна: оны добрый истинный христіанинъ.“— „Заставьте ее молчать!“ сказалъ Эраръ приставу, и переѣхивъ тѣмъ продолжалъ: „Здѣсь судьи твои, Жанна;

они убѣждаютъ тебя покориться святой матери нашей, церкви.“— „Я уже объявила имъ, отвѣчала Жанна, желаніе свое, чтобы дѣло поступило на судъ святаго отца, папы римскаго: на него, послѣ Бога, полагаюсь. Впрочемъ я во всемъ поступала по указанію воли Божіей.“ Тутъ ей объяснили, что „до Рима далеко; что епархіальное начальство имѣетъ достаточную власть и полномочіе для рѣшенія подобныхъ дѣлъ! Эраръ настаивалъ, чтобы она произнесла немедленно формальное отреченіе. Она спросила что значитъ „формальное отреченіе.“ Приставу поручено было растолковать ей наскоро, значеніе такого отреченія. Выслушавъ, она сказала громкимъ голосомъ: „Пусть рѣшитъ церковь вселенская, обязана ли я произнести подобное отреченіе.“ — „Нѣтъ, отрекись сейчасъ, вскричалъ взбѣшенный проповѣдникъ; не то, сгоришь на кострѣ!“ Жанна повторила снова, что соблюдла заповѣди Божіи, исповѣдуетъ символъ вѣры, и ссылается на правосудіе папы римскаго.

Наступила рѣшительная минута. Епископъ сталъ читать приговоръ. Она посмотрѣла вокругъ себя: одна! Всѣ какъ будто бы отъ нея отступились. На площади воцарилось страшное безмолвіе; настала могильная тишина. А за мигъ предъ тѣмъ все шумѣло, все суетилось вокругъ нея: ее оглушали угрозы, совѣты, убѣжденія. Ей говорили знакомые и незнакомые: „покорись церкви, тебя переведутъ въ острогъ церковный, избавишься отъ Англичанъ!“ Можетъ-быть, эта послѣдняя надежда превозмогая ея твердость или ея изнеможеніе. Спасенія не видно было ни откуда, а палачъ стоялъ внизу у помоста....

— Покоряюсь церкви! сказала она наконецъ, и сила ее оставила. Котомъ велѣлъ приставу читать ей формулу отреченія. Она повторяла за нимъ эти чуждыя слова, безотчетно и разсѣянно, съ неизъяснимою улыбкою на устахъ. Ее заставляли признать, что она „грѣшила, когда разглашала о явленныхъ ей отъ Бога знаменіяхъ, когда смущала другихъ суевѣріемъ и чародѣйствомъ, когда произносила хулу на Бога и святыхъ Его, когда нарушала Его заповѣди, противилась Св. Писанію и праву кановическому, когда носила нечестивое, неприличное полу ея платье и остриженные въ кружокъ волосы, а также смертоносное оружіе для пролитія крови человѣческой, приписывая все это Божію приказанію, въ самомъ же дѣлѣ идолопоклонствуя и призывая

нечистаго духа.“ Такъ же неволью признавааась она, „что во многомъ отступала отъ догматовъ вѣры и дерзновенно презирала уставы католической церкви.“ Она клялась, что „отнынѣ будетъ повиноваться ей во всемъ, обѣщая Св. Петру и папѣ, епископу и судьямъ своимъ не впадать въ означенные грѣхи и преступленія. Потомъ ей подали письменный актъ отреченія и перо. Не зная грамоты, она начертила кружокъ или крестъ; но одинъ бывшій тутъ Англичанинъ схватилъ ее за руку, и вывелъ на письмѣ цѣликомъ ея имя „Jehanne“.

За симъ, епископъ прочелъ другую сентенцію. Въ ней исчислены тѣ вины, въ которыхъ она всенародно покалась. „Нынѣ разрѣшается клятва церковнаго отлученія: церковь принимаетъ ее снова въ свои нѣдра. Но для очищенія души ея опасительнымъ покаянiемъ, присуждаетъ ее къ вѣчному заключенію, обрекая, по выраженію св. инквизиціи, *на алтарь печали и воду сокрушенія*.“ Жанна выслушала эту милостивую сентенцію. Она надѣялась, что по крайней мѣрѣ теперь ее переведутъ въ церковную тюрьму, и первая слова ея были: „Ну, господа духовные, ведите меня въ вашу тюрьму, чтобы мнѣ не быть въ рукахъ Англичанъ.“ Но Котонъ сказалъ стражѣ: „ведите ее обратно, откуда взяли.“ Орудіе Англичанъ, онъ самъ былъ не властенъ въ дѣлахъ своихъ. Надо замѣтить, что при всемъ желаніи угодить, судъ формализмомъ своимъ навлекалъ на себя негодованіе этихъ чужеземцевъ и особенно войска. Немногіе изъ высшихъ сановниковъ понимали, что отреченіе подсудимой важнѣе смертнаго приговора и самой казни. Солдаты роптали, толпа волновалась, неистово требуя, чтобы „скорѣе покончили съ нею“. И когда судьи, достигнувъ того чего добивались, сошли съ помоста, въ нихъ же, со всѣхъ сторонъ, бросали камнями, крича: „измѣнники!“

Вечеромъ судьи посѣтили Жанну въ замкѣ, напомнили ей данное обязательство и требовали, чтобы она переодѣлась. Она надѣла женское платье. Они ушли.

Три дня спустя (въ воскресенье, 27 мая) узнали, что Жанна возвратилась къ прежней своей одеждѣ. Епископъ, субинквизиторъ, съ протоколистомъ и восемью членами суда явились въ тюрьму. На вопросъ ихъ: „зачѣмъ она опять въ мужскомъ платьѣ?“ Жанна отвѣчала: „затѣмъ, что посреди муцины такъ лучше“. Ей напомнили отреченіе и данный ей

обить не надѣвать этого платья. „Мнѣ также обѣщали, возразила она, что снимутъ оковы, допустятъ къ причастію и проч. Нѣтъ, нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ оставаться здѣсь въ цѣпяхъ! Переведите меня въ узницъ милосердія (prison gracieuse, то-есть въ церковную тюрьму) и приставьте ко мнѣ честную женщину, я исполню тогда съ покорностію волю церкви.“ Но судьямъ было не до того: она пришла изобличить ее въ нарушеніи клятвы. Любопытствуя знать въ какой мѣрѣ она уклонилась отъ пути, на который возвращена была ихъ попеченіемъ, они спросили:

— Слышала ли ты „голоса“ послѣ четверга?

— Слышала.

— Чтò говорили?

— Богъ, чрезъ Св. Екатерину и Св. Маргариту, объявилъ мнѣ гдѣсь свой за то, что я, спасая жизнь отреченіемъ, гублю свою душу.

Она присовокупила, что онѣ давно предсказывали ей то чтò случилось съ нею на кладбищѣ; что въ самый четвергъ, когда она была на эшафотѣ, онѣ совѣтовали ей отвѣчать смѣло же-оратору, который обвинилъ ее въ томъ чего никогда не было.

— Никѣ онѣ слова журили меня за то, что я отреклась отъ содѣяннаго изволеніемъ Божиимъ. Страхъ казни, страхъ огня смутилъ меня, я согрѣшила!

— Такъ это говорили сами святые Екатерина и Маргарита?

— Онѣ сами; онѣ послали мнѣ отъ Бога.

Этого было достаточно. Судьи убѣдились, что она истинно впала въ мечты суевѣрія, въ идольскія заблужденія и богохульство.

На другой день судьи обратились и, съ общаго совѣта, рѣшили такъ: повтореніемъ преступленія Жанна утратила безвозвратно всякое право на милосердіе и должна быть предана въ руки свѣтской власти.

Въ среду (30 мая) рано утромъ, духовникъ Жанны, доминиканскій монахъ, Мартинъ, съ другимъ монахомъ пришли объявить ей, чтобы готовилась немедленно къ смерти. Хотя она знала, что смерть неминуема, однакожь вѣсть эта поразила ее.

— Страшно, страшно! говорила она съ воплемъ отчаянія: — они сожгутъ меня, эту плоть, которую хранила я въ

цѣломудренной чистотѣ, они сожгутъ ее, жестокие! Ахъ, лучше бы семь смертей отъ топора... Боже праведный! суди имъ, моимъ обидчикамъ!

Увидѣвъ Кошова, она вкривчала:

— Епископъ, ты погубилъ меня!

— Помилуй, Жанна, опомнись, ты сама тому причиной. Не ты ли нарушила данное слово?

— Ахъ, возразила она, — ничего бы не было, еслибы вы отвели мнѣ тюрьму церковную, подѣ стражею честныхъ, порядочныхъ людей! Богъ вамъ судья!

Въ 9 часовъ утра она надѣла женское платье. Ей позволили исповѣдаться и причаститься. Потомъ, въ сопровожденіи духовника и пристава, повезли на площадь Старого Рыака. На высокой стѣнкѣ прописаны были вины ея: (hérétique, rélarpe, apostate, idolâtre). Вооруженный конвой прикрывалъ шествіе. Она плакала. Говорятъ, что терзаемый совѣстію, Луазелѣръ бросился къ ногамъ ея, прося прощенія. Англичане отогнали его, называя измѣнникомъ, и чуть было не изрубили самого въ мелкие куски.

На лобномъ мѣстѣ приготовленъ былъ амвонъ для почетныхъ зрителей: для кардинала, епископовъ и прелатовъ. На другомъ помостѣ расположились судьи, балы (свѣтскій уголовный судья) и подсудимая. Спротивъ возвышался каменный эшафотъ, обложенный дровами. Обрядъ начался ученою проповѣдью краснорѣчиваго магистра богословія, ассессора суда Николая Миди (Nicole Midi), который слово свое заключалъ такъ: „Гряди съ миромъ, Жанна; церковь уже не можетъ спасти тебя. Она предаетъ тебя въ руки свѣтской власти!“ За симъ слѣдовало увѣщаніе епископа, чтобы помыслила о спасеніи души своей и покалась, и извѣстная формула отлученія отъ церкви гнаемаго члена, съ передачею погибшей грѣшницы во власть свѣтскаго судьи, при лицемѣрномъ ходатайствѣ (таковъ обычай инквизиціи), „чтобъ онъ, наказывая, наказалъ ее безъ увѣчья и безъ опасности живота ея“. Костеръ былъ тутъ же передъ говорящимъ.

Жанна стала на колѣни, и призывая прощеніе Божіе на враговъ своихъ, просила предстоящихъ, чтобы молились за нее. Народъ рыдалъ, даже судьи прослезились. Она просила, чтобъ ей дали крестъ. Одинъ Англичанинъ, переломивъ трость и скрестивъ обломки, подаль ей. Она приняла съ благоговѣніемъ.

Между тѣмъ, изъ ближайшей церкви привесли Распятіе. Заплакала слезами, она облобызала знакъ вѣчнаго спасенія, изълила желаніе имѣть его передъ глазами до послѣдняго своего издыханія.

Около полудня метернѣніе овладѣло англійскими солдатами. — Что жъ вы, церковники? Не объѣдать же намъ здѣсь! горюла она въ бѣшенствѣ. Двое изъ нихъ влѣзли на помостъ и схватили несчастную. Бальи едва успѣлъ вымолвить палачу: „дѣлай свое дѣло!“

Въ одно мгловеніе ока Жанна была на верху эшафота. Пламя зажглось костеръ снизу. Увидѣвъ пламя, она вскрикнула, и просила бывшего при ней исповѣдника сойти внизъ, удалиться.

Не сводя глазъ съ Распятія, которое держалъ предъ нею въ высотѣ сердобоальный цюкъ, она молилась, „громко исповѣдуя вѣру свою въ Бога; пославшаго ее въ міръ. Онъ открылъ ей волю свою; отъ Него былъ голосъ, руководившій ее въ жизни; и голосъ не обманулъ ея, когда предсказывалъ избавленіе!“... Она поняла въ эту минуту, что избавленіе значило не отъ смерти, а смертію, въ жизнь лучшую, блаженную, вѣчную.

Душа ея отлетѣла на небо, когда замолкли уста, произнесъ въ послѣдній разъ имя Іисуса Христа!

VIII.

Вскорѣ все измѣнилось во Франціи.

Пезорная казнь Дѣвственницы не поправила дѣла Англичанъ, какъ они того ожидали. Прахъ ея развѣялъ и брошенъ въ Сену, но ея предсказанія сбылись во всемъ. Карлъ VII вдругъ какъ будто прозрѣлъ: онъ явилъ способности и дѣятельность небывалыя. Эту счастливую перемену приписываютъ вліянію его тещи, Іоанны Анжуйской, женщины умной и энергической. Она одержала, наконецъ, верхъ надъ недостойными любимцами. Ла-Тремуть утратилъ милость короля и удаленъ отъ двора. Дѣловые люди, совѣтники благонамѣренныя, истинные патріоты заступили его мѣсто. Мало-по-малу, въ государствѣ водворилась внутренняя безопасность и благочіе, оживъ торговая, возникло довѣріе въ народѣ. Земскіе чины доставили казнѣ нужныя на расходы средства;

учреждено регулярное войско; въ составъ его особенно важно устройство пѣхоты и артиллеріи. Парижъ скучалъ владичествомъ Англичанъ. Въ Нормандіи народъ возсталъ противъ нихъ. Филиппъ Бургонскій разорвалъ союзъ съ ними, уже разстроенный смертію Бедфорда, посадовавшаго въ 1435 году, и, что всего удивительнѣе, не на шутку помирился съ Карломъ VII. Въ то же время Римомъ вступилъ въ оголодавый, сѣдлаемый болѣзнями Парижъ. Единство Франціи видимо становилось.

Въ Англій, напротивъ того, все шло на разладъ. Въ малолѣтство Генриха, старшіе члены Ланкастерскаго дома спорили вокругъ престола о первенствѣ. Когда король выросъ, его женили, для поправленія дѣлъ, на французской принцессѣ. Но это было также бесполезно, какъ и вѣнчаніе его на царство въ Парижѣ. При внутреннемъ ослабленіи государства, война съ Франціей была сущою язвой для Англій. Ея полководцы не въ силахъ были противостоять напору непріятеля, который выросталъ будто изъ земли, нападалъ отовсюду, и вездѣ преуспѣвалъ. Руанъ взялъ Карломъ въ 1449 году. Всягда за тѣмъ покорилась Нормандія. Исчезло народное предубѣжденіе о непобѣдимости Англичанъ! Оставалось завоевать Гюьенну. Сразились подъ Костильбономъ, въ 30 верстахъ отъ Бордо. Англичанами командовалъ тотъ же мужественный старецъ Таальботъ, который предводительствовалъ подъ Орлеаномъ. Онъ убитъ, и съ нимъ легао на мѣстѣ четыре тысячи его воиновъ. Городъ Бордо, осажденный Французами съ моря и съ сухаго пути, принужденъ былъ, несмотря на сильный гарнизонъ, сдать на милость въ 1453 году. Такъ изгладились во Франціи, рядомъ блестящихъ побѣдъ, слѣды непріятеля, который удержалъ за собою, до времени, однакъ лишь важный пунктъ, Калѣ.

•Возвращена независимость, сохранены національная цѣлость и жизнь французскаго народа, разсѣяны тучи, заслонявшія его будущность. Правда, все это совершилось уже послѣ паденія и смерти орлеанской Дѣвственницы. И однакоже все упоминаемое здѣсь было, въ собственномъ смыслѣ, дѣломъ рукъ ея. Въ этомъ ея мировое значеніе! Жанна Даркъ явилась въ великую минуту кризиса. Она одушевила всѣхъ: короля, дворъ войско и унылый народъ, возбудила ихъ дремающія силы, внушила имъ вѣру въ себя самихъ, въ успѣхъ оружія на полѣ брани, въ Бога Всемогущаго. Вотъ сѣмя, изъ котораго развилось

все послѣдующее, все что видится мнѣ славнаго и великаго, что узрѣть со временемъ грядуща за нами поколѣнія! Этимъ разрѣшается безплодный, суетный, по нашему мнѣнію, споръ нѣкоторыхъ ученыхъ о томъ: гдѣ предѣлъ ея посланія, и какъ разумѣть несбывшееся, повидимому, предсказаніе, что она выгонитъ Англичанъ изъ всего королевства? Она одѣлала изгнаніе ихъ возможнымъ и необходимымъ. Этимъ достаточно оправдывается ея посланничество, опредѣляется историческій ея подвигъ.

Когда ея не стало, нѣкоторые изъ оудей сознались, что Жанна пострадала невинно, какъ мученица. Нашлись и между Англичанами люди, которые говорили: „Горе намъ, горе! мы содѣлали святую!“ Позднее раскаяніе! Оно не могло уже вернуть ее къ жизни.

По народному замѣчанію, главные виновники ея смерти все гую кончили. Кошомъ внезапно умеръ отъ апоплектического удара; намѣстникъ его найденъ мертвымъ въ канавѣ; Луазеръ погибъ въ изгнаніи скоропостижно; проповѣдникъ Николь Миддъ скончался отъ проказы.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, ученый Лаверди (l'Averdy) пытался снять съ Карла VII всякую отвѣтственность за гибель Жанны и слѣдующими соображеніями доказывалъ, что Баръ не могъ спасти ея. Она взята была въ плѣнъ вассаломъ англійскаго короля, которому этотъ вассалъ, по обычаю того времени, обязанъ былъ выдать ее по востребованію, какъ и всякаго военнопленнаго, за опредѣленный выкупъ (не свыше 10 тыс. ливровъ). Отдать ее постороннему, было противно феодальному праву и имѣло бы значеніе измѣны. Выручить ее изъ рукъ Англичанъ не было возможности. Они не отдали бы ее ни за какія деньги, а для того чтобъ отнять ее силою, нужно было большее войско и большая касса: надлежало завоевать Нормандію, взять Руанъ. Притупить неприятеля къ милостивому съ нею обращенію угрозою, что за нее, по праву возмездія, каменны будутъ мѣшныя Англичане? Дико и бессовѣстно было бы дѣлать мѣшными жертвами мщенія и убивать военнопленныхъ, тѣмъ болѣе, что Жанну оудили и казнили не въ качествѣ военнопленной, а за ересь и другія вѣны. Да притомъ и странно было бы карать Англичанъ за то, что Жанну осудили Французамъ, союзникамъ съ братіей. Во всякомъ случаѣ, Англичане могли бы отвѣтить: тѣмъ же; умертвить маэпримъ; дѣла

Орлеанскаго, котораго держали у себя въ плѣну, несчастную Жанну увести дальше, въ Англію. Наконецъ, заключаетъ Давидъ, не надо забывать, что въ пятнадцатомъ вѣкѣ сильное господствовало суевѣріе, и что вступясь опрометчиво за Дѣвственницу, которую судятъ, какъ ни долженъ былъ приговорить его, признавъ лихою вѣдьмой, — Карлъ VII рисковалъ бы славою своего благочестія, довѣріемъ народа и короной.

Признаться сказать, послѣдній доводъ самый слабый. Король, по замѣчанію одного историка, обязанъ былъ всѣмъ рискнуть для спасенія той, которая не пощадила себя за него. Прочіе доводы сильны въ такомъ только случаѣ, если трактовать дѣло по правиламъ холоднаго разсудка. Въ сущности, Карлъ не могъ, потому что *не хотѣлъ* ничего сдѣлать. Извѣстна слабость его характера, неблагонамѣренность его наперсниковъ. Содѣйствіе Дѣвственницы считалось уже не нужнымъ, когда ее взяли въ плѣнъ, да и прежде, въ самое тяжкое время, не слишкомъ умѣли дорожить этимъ содѣйствіемъ. На плѣнъ ея смотрѣли равнодушно. До выдачи ея Англичанамъ прошло шесть безъ малаго мѣсяцевъ. Положимъ, что феодаальный обычай не допускалъ выкупа ея постороннимъ лицомъ. Но развѣ въ ту пору такъ свято соблюдались обычаи? Развѣ не нарушали, изъ мелкихъ видовъ, самыхъ законовъ естества, заповѣдей религіи, клятвъ, данныхъ надъ чашею причащенія? Признавая силу феодаальнаго, мало впрочемъ извѣстнаго, обычая, не слѣдуетъ ли разумѣть право выкупа сообразно съ прямою его цѣлію, которая вообще состоитъ въ облегченіи участи, въ освобожденіи плѣннаго, а не въ приобрѣтеніи его за деньги въ свое распоряженіе для большихъ изысканій? Благородное рыцарство, обязанное по обѣту, защищать невинность и слабый волею отъ притѣснителей, могло, на первыхъ порахъ, снѣвшимъ подвигомъ освободить Дѣвственницу. Оно не тронулось и раздѣляло безучастіе короля. Пока судьба Жанны зависѣла еще отъ дюка Бургонскаго, чего нельзя было сдѣлать путемъ дипломатическимъ? Еще недавно велось съ дюкомъ переговоры о выдачѣ королю Парижа; а она стояла Парижа: Англичане въ этомъ отношеніи, были правы. По случаю этихъ переговоровъ, реймскій архіепископъ ѣздилъ къ дюку, и много около него суетился, безъ большаго, правда, успѣха. Онъ же не ходилъ тамъ на мѣсто, въ самое время ея плѣненія. Но архіепископъ былъ однимъ изъ недруговъ Дѣвственницы. Онъ

и подобныя ему пренебрегали ею, опасались ея, и старались во всемъ ей поперечить. Они радовались ея несчастію и тому, что избавились отъ „безвокайного“ ума ея. Лучшимъ доказательствомъ такого ихъ расположенія служить извѣстное письмо архіепископа. А не забудьте, что бовескій епископъ, во мѣсту и званію, былъ подъ началомъ архіепископа реймскаго, и что такимъ образомъ Дѣвственница, получившая одобреніе этого послѣдняго въ Пуатье, сожжена въ Руанѣ его суффраганомъ! Сколько несообразностей! Какое преступное поущеніе! Этотъ грѣхъ архіепископа (въ то же время канцлера Франціи), слуги королевскаго, падаетъ также на короля. Карлу хорошо была извѣстна суцная правда о Дѣвственницѣ, и возстановленная ею, власть этого короля была тогда уже значительна! Онъ, слѣдовательно, не лишился бы возможности дать иной оборотъ дѣлу, и обязываясь къ тому сколько долгомъ справедливости, столько же чувствомъ собственнаго достоинства. Развѣ не понималъ онъ, что тамъ, на кострѣ, горѣла честь его; что Жанна гибла въ Руанѣ не въ угожденіе слѣпому фанатизму, а скорѣе жертвою дальновидной политики враговъ, поставившихъ себя цѣлю уничтожить разомъ моральное и политическое его значеніе, и самую коронацію въ Реймсѣ выставить какимъ-то вздоромъ, занымъ чародѣйствомъ? Пусть не имѣлъ онъ физической силъ для одоумленія Англичанъ, но во всякомъ случаѣ онъ могъ сдѣлать по крайней мѣрѣ то что они дѣлали: *опереться на духовенство*; склонить его, пока еще не поздно было, къ оглашенію своего безпристрастнаго мнѣнія о Дѣвственницѣ, именно того что заявила о ней коммиссія въ Пуатье и скрѣпилъ собственноручною подписью реймскій архіепископъ; дать ходъ и большую гласность отзывать ученыхъ прелатовъ, не напечатаннымъ, потому что книгопечатаніа, въ то время, еще не было, но ходившимъ въ рѣдкихъ спискахъ по рукамъ; подтвердить торжественно и военародно то что о похвальныхъ дѣлахъ ея было извѣстно его правительству. Онъ могъ наконецъ употребить въ ея пользу вѣліе и власть папы, или вызвать его вопиющее дѣло на судъ Базельскаго собора. Половина указанныхъ нами мѣръ спасла бы несчастную отъ ужасной смерти. Но — грубость вѣка, малодушіе и ничтожество съ одной, а также завѣрство и коварство съ другой стороны, были въ общемъ заговорѣ противъ Жанны. Она погибла.

Прошло двадцать безъ малаго лѣтъ. По взятіи Руана, взглядъ на минувшее прояснился. Въ самомъ королѣ, какъ уже выше замѣчено, произошла рѣшительная перемена. Руководимый совѣтами другихъ людей, Карлъ VII заблаговременно возвратилъ Дѣвственницѣ утраченное ею право на честную память между людьми. Съ этою цѣлю, король поручилъ (въ 1450 году) одному изъ членовъ своего совѣта, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ парижскаго университета, доктору богословія, Гильйому Булле (Bouillé) собрать относящіяся къ дѣлу Жанны документы и свидѣнія, и о результатахъ своего разысканія доложить совѣту. Булле снялъ показанія участвовавшихъ въ дѣлѣ: отца Изомбара, отца Мартина, протоколиста, пристава и др., и составилъ записку, рассмотрѣнную потомъ юрисконсультами, признавшими, что осужденіе Жанны Даркъ послѣдовало неправильно и незаконно. Но какъ рѣшеніе церковнаго суда не могло быть отмѣнено иначе какъ самою же церковью, то король (въ 1452 году) пригласилъ для обсужденія этого дѣла папскаго легата (руанскаго архіепископа), и главнаго инквизитора (Jean Bréhal). Они произвели настоящее слѣдствіе, все еще безъ прямого приказанія папы. Потомъ для устраненія всякаго повода считать это дѣло политическимъ, что не позволяло бы папѣ изъ уваженія къ Англіи, вѣнчаться въ пересмотръ его, положено: ходатайство о пересмотрѣ предоставить ближайшимъ сродникамъ Дѣвственницы. Еще живы были ея мать Изабелла и два брата. Они подали прошеніе папѣ, и Калакстъ III, рескриптомъ отъ 11 іюня 1455 года на имя руанскаго архіепископа, назначилъ его, двухъ епископовъ и главнаго инквизитора членами суда, который и былъ открытъ въ Руанѣ 7 ноября того же года.

Выслушаны были жалобы престарѣлой Изабеллы и рѣчь ея адвоката, который объявилъ искъ на Котона, на бывшего прокуроромъ его намѣстника и на суб-инквизитора. Ассесооры, участники смертнаго приговора, не привлечены къ дѣлу, чтобы не дать ему слишкомъ большихъ размѣровъ. 20 декабря повѣренный наследниковъ Котона доложилъ суду, отъ имени ихъ, что они въ дѣлѣ Дѣвственницы не участвовали, не одобряютъ поведенія епископа, но просятъ уволить ихъ отъ всякой отвѣтственности, ссылаясь при томъ на объявленную Карломъ VII, при завоеваніи Нормандіи, амнистію: Далѣе, прокуроръ указалъ на главныя неправильности процесса: 1431

годъ. Опредѣлено: произвести формальное свидѣствіе на родинѣ Жанны Даркъ, въ Орлеанѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Между тѣмъ, въ послѣдующихъ засѣданіяхъ суда, читаны оправдательныя статьи поданныя письменно адвокатомъ фамиліи Даркъ.

Свидѣствіе кончено, и протоколы его получены въ судѣ 13 мая 1456 года. Судьи занялись внимательнымъ разсмотрѣніемъ обоихъ дѣлъ: актовъ перваго процесса и вновь-собранныхъ свидѣній. Они должны были убѣдиться, что Жанна была вовсе не такова, какъ изобразили ее пристрастные обвинители. Добрыя качества, признанныя въ ней вѣрною комиссіей въ Пуатье, были подтверждены положительными фактами и неопровержимыми свидѣтельствами.

Собрано слишкомъ сто сорокъ отдѣльныхъ показаній разныхъ лицъ, между которыми встрѣчаемъ жителей Домреми, приходскаго священника того же села, многихъ поселянъ, сосѣдей и сосѣдокъ Жанны, подругъ ея дѣтства, ея дядю, ея воспитанницъ отъ купели; колесника и жену его—изъ Вокулёра, первыхъ спутниковъ Дѣвственницы на пути въ Шиноль; Сегена, испытывавшаго ее въ Пуатье; ея оружейосца и сподвижниковъ ея въ войнѣ и походахъ: Дюнуа, дюка Алансонскаго; многихъ ассессоровъ перваго суда, Изомбара, Мартына (исповѣдника), протоколиста Маншона, пристава Массюэ, Пакереля (духовника ея) и другихъ, бывшихъ свидѣтелями ея подвиговъ, суда или казни. Предъ согласными ихъ отзывами исчезаютъ введеныныя на Жанну клеветы. Обстоятельства ея дѣтства, подавшія поводъ къ обвиненію ея въ колдовствѣ, оказались сплетеніемъ вымысловъ или мѣстныхъ повѣрій и обычаевъ, не имѣющихъ и тѣни той важности, какую приписала имъ злоба гонителей. Та, которую выдавали за раззорительницу вѣры, бунтующую противъ церкви, постоянно соблюдала всѣ ея заповѣди, была исполнена благочестія, покорности волѣ Божіей, человеколюбія! Въ станѣ воиновъ она являлась свѣтымъ ангеломъ-хранителемъ, направляя умы къ воздержанію и молитвѣ, водворяя благочиміе и отгоняя соблазнъ. Строгое цѣломудріе хранило ее на всѣхъ путяхъ жизни. Дрожа кровію людей, она неоднократно предлагала миръ непріятелю, и не обнажала меча, безъ предварительнаго объявленія войны. Она забывала личныя обиды, спасая бѣгущихъ, плѣнныхъ, раненыхъ. Удивительные успѣхи свои въ предаріятіяхъ она приписывала единому промыслу Божію.

Служившіе при ней не могли надвинуться тому, до какой степени она способна была переносить усталость и лишения, не сходя съ кова по цѣлымъ днямъ, питаюсь какимъ-нибудь ломтемъ хлѣба, омоченнымъ въ кружку вина съ водою, и т. п. Говорятъ, она во всю жизнь свою не подвергалась немощамъ свойственнымъ ея подлу.

Прежде нежели укажемъ юридическія несообразности обвиненія Жанны, упомянемъ объ одномъ обстоятельстве, которое, принадлежа къ числу этихъ несообразностей, вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ яркій, неожиданный свѣтъ на самую психологію Жанны.

Къ дѣлу приложенъ одинъ актъ, писанный тѣмъ же почеркомъ, какъ и все дѣло, но никѣмъ не подписанный: протоколисты отказались скрѣпить его своею подписью, потому что двое изъ нихъ не были свидѣтелями того что значится въ этомъ актѣ. Это родъ дознанія (informatio), сдѣланнаго 7 юна 1431 года, то-есть спустя недѣлю послѣ смерти Дѣвственницы. Здѣсь записаны показанія лицъ, посѣтившихъ ее въ тюрьмѣ, въ послѣдній день утроемъ, предъ самою ея казнію. Кромѣ епископа и субъ-инквизитора, тутъ были: духовникъ ея, отецъ Мартинъ, и другой монахъ (Toutmouillé), посланные для объявленія ей казни, и еще четыре ассессора суда (Vendèrès, Maurice, Le Camus, Th. Courcelles, N. Loiseleur). Сущность ихъ показаній состоитъ въ слѣдующемъ:

„Жанна созналась при нихъ, что духовъ видѣла и голосъ ихъ слышала; она сказала: *будь то добрые или недобрые души, они являлись мнѣ* (soient bons, soient mauvais esprits, ils m'ont arragés), но не обозначивъ, впрочемъ, ихъ внѣшности и настоящаго вида. Созналась, что она считаетъ ихъ злыми (нечистыми) духами, такъ какъ они обѣщали ей избавленіе—и обманули; что при шимовскомъ свиданіи ни ангела, ни короны не было. Ангелъ—она сама. Она обѣщала королю своему, что увѣнчаетъ его въ Реймсѣ; собственно короны тамъ не было, а дано лишь обѣтованіе короны и коронаціи. Жанна сказала еще (Морису): *духи являлись мнѣ; какіе — они, въ томъ полагаюсь на заключеніе церкви, и если отцы духовные признаютъ ихъ злыми духами, то не хочу въ нихъ вѣровать*. Дѣлая эти признанія, Жанна была въ здоровомъ умѣ и совершенной памяти. Николай Лаузелеръ совѣтовалъ ей объявить публично, предъ народомъ, о своихъ

заблужденіяхъ. Она не противилась этому и просила духовника своего напомнить ей о томъ въ свое время.“

Это письменное приложение къ протоколамъ процесса, не облеченное въ законныя формы, естественнымъ образомъ возбуждаетъ подозрѣніе. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ, съ большою, конечно, осмотрительностію, извлечь въ некоторую пользу изъ этого не совсѣмъ формальнаго документа. Спрашивается: достигли ли составители его предположенной ими цѣли? А также почему ее, отлучаемую отъ церкви, допустили къ исповѣди и причастію?

Г. Миселе, отвергающій посмертный актъ безусловно, не обязывается отвѣчать на первый вопросъ. Касательно же причастія, оное ограничивается такими предположеніями. „Можетъ-быть, говоритъ онъ, послѣдній отголосокъ человѣческаго чувства проснулся въ сердцѣ несправедливаго судьи, и ему показалось, что предавая несчастную жертву огненной казни, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, надобности, губить ея душу. Можетъ-быть, самъ ни во что не вѣруя, онъ равнодушно смотрѣлъ на таинство причащенія, и потому разрѣшилъ, и проч.

Другіе историки даютъ болѣе или менѣе значенія упомянутому акту. „Онъ не лишень основанія, пишетъ г. Мартевъ, хотя подробности его сомнительны“. Г. Валлонъ того же мнѣнія.

Судьи могли, какъ имъ кажется, руководствоваться слѣдующими соображеніями: Публичное отреченіе 24 мая уничтожило морально Дѣвственницу; новое обращеніе ея послужило поводомъ къ ея казни, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно поколебало силу перваго отреченія. Нельзя ли вынудить у нея отреченіе теперь, когда ничто уже не можетъ спасти ее, когда казнь ея неминуема? Сильное желаніе ее приобщиться овладеть указываетъ ближайшее къ тому средство. Для народа допущеніе ея къ причастію будетъ несомнѣннымъ знакомъ, что она покалась, слѣдовательно отреклась отъ своихъ суетнѣрій. Но чтобы допустить ее къ таинству, надо заявить о покаяніи, какого требуетъ инквизиція въ подобныхъ случаяхъ. Съ этою цѣлію, и въ такомъ смыслѣ составленъ приведенный актъ. Судьи пришли, въ послѣдній разъ, безъ дѣлопроизводителей (съ однимъ изъ трехъ протоколистозъ), потому что сами не были увѣрены въ томъ, успѣютъ ли въ своемъ предпріятіи. Вѣроятно, успѣхъ былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Вотъ почему актъ сочиненъ ими позже, келейно, безъ всякихъ

формальностей. Но каковъ ни есть, онъ былъ нуженъ имъ для собственнаго ихъ оправданія, предъ инквизиціей.

Все это складно, хорошо обдуманно, даже правдоподобно. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Мы не сомнѣваемся въ томъ, что настойчивые судьи употребили разрѣшеніе таинства какъ послѣднее средство вынудить сознаніе. Предъ инквизиціей они были правы уже потому, что главное препятствіе (какъ видно изъ допросовъ), мужское платье, теперь исчезло: приготовленіе къ смерти состояло въ перемѣнѣ платья. Что же касается причастія, они, конечно, вѣрили въ могучую силу этого средства, многого отъ него ожидали, и потому разрѣшили, а разрѣшивъ, не могли уже взять назадъ данное слово. Но оправдалась ли ихъ надежда? Здѣсь историкъ, какъ кажется, черезчуръ довѣряетъ акту, искусству судей и собственнымъ своимъ предположеніямъ: „Епископъ торжествуетъ“, говоритъ г. Валлонъ. „Онъ ловко дѣйствуетъ“, замѣчаетъ г. Мартенъ. Эти писатели раздѣляютъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, мнѣніе г. Мишеле, и основываясь „на знаніи человѣческаго сердца“, полагаютъ, что при видѣ зяющей смерти, Жанна должна была, если не сказать, то подумать, что голосъ, обѣщавшій ей избавленіе, обманулъ ее. Но устранимъ разныя вѣроятныя предположенія и ограничимся актомъ.

Правда, сомнѣніе Жанны выражено въ актѣ, такъ какъ судьямъ такое показаніе было нужно. Вникая въ дѣло, находимъ, что изъ двухъ положеній, въ актѣ заключающихся, одно („были видѣнія“) не можетъ быть заподозрѣно. Оно согласуется съ предыдущими и послѣдующими фактами, со всемъ что намъ извѣстно о Дѣвственницѣ. Судьи собственно для себя должны были внести въ актъ это положеніе. Иначе, напиши они, что видѣній не было и все сказанное выдуманно Жанною, что стало бы тогда съ процессомъ? Мы не замѣчаемъ у нихъ, въ этомъ случаѣ, ни отменной добросовѣстности, ни же особаго искусства или ловкости, какія находить г. Валлонъ, говоря: „Поведеніе судей очень хитро. Они не уличаютъ Жанну во лжи насчетъ ея видѣній; они допускаютъ ихъ бытіе, только—признаютъ ихъ лживыми.“ Признаютъ, но признавала ли Жанна? Вотъ вопросъ! Второе положеніе (голосъ исходитъ отъ духа лжи, онъ обманулъ), влагаемое ей въ уста, есть, конечно, выдумка судей (*is fecit sui prodest*). Съ этою единственно мыслию писалъ актъ

Выставить ее сообщницей дѣла—другой цѣли сочинителя акта не могли имѣть. Но она противъ этого всегда, вездѣ и всѣми силами протестовала. Въ рѣшительную минуту, на кострѣ, она явилась еще разъ въ сіяніи правды, исповѣдницею завѣтныхъ вѣрованій своей жизни, обличительницею судей своихъ. Послѣднія слова умирающей, сказанныя публично, свидѣлствуютъ противъ нихъ. Гдѣ жь торжество ихъ? Чтѣ они выиграли?... Осталось въ дѣлѣ нѣсколько строкъ подозрительной редакціи, и только. Мы полагаемъ, что неожиданное для нихъ поведеніе Жанны во время казни, было главнымъ побужденіемъ къ составленію акта, если въ самомъ дѣлѣ судьи считали нужнымъ оправдываться въ томъ, что допустили къ причастію такую нераскаянную грѣшницу. На письмѣ они сдѣлали изъ нея чтѣ хотѣли. Такъ правда мѣшается съ лжию въ этомъ актѣ.

Но въ актѣ содержатся еще показанія, о которыхъ нельзя сказать, чтобы въ нихъ заключался особый интересъ для судей и политиковъ того времени, и которыя по тому самому вѣроятны и тѣмъ замѣчательны, что тутъ и въ тускломъ отблескѣ чужаго зночнаго свидѣтельства, видна типическая личность Дѣвственницы. Видѣніе „ангела и короны“, какъ касающееся лично короля (государево дѣло) отдѣляется ею отъ прочихъ видѣній. Здѣсь всякое чудо или обольщеніе исчезаетъ. Ангелъ—она, вѣстница коронаціи; корона—иносказаніе. Она прибѣгла къ иносказанію, чтобы не выдать тайны королевской. Тѣснямая пытливостію судей, гоняющихся за тѣнью какого-то вымысла, она идетъ ихъ слѣдомъ, вдается въ вымыслы, поэтизируетъ. Жанна оборонялась отъ ученыхъ противниковъ чѣмъ могла и какъ умѣла, и напоследокъ открыла имъ свой способъ дѣйствій. Нѣтъ никакой причины въ этомъ ей не вѣрить. Г. Мишеле, для объясненія того что говорится въ дѣлѣ о шпионскомъ видѣніи считаетъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее предположеніе: „Судя по отвѣтамъ Дѣвственницы, довольно впрочемъ сбивчивымъ, есть поводъ думать, что хитрый дворъ (Карла VII) обманулъ ее простодушие, и для утвержденія ея вѣры въ сверхъестественныя явленія, разыгралъ предъ нею родъ мистеріи, въ которой ангелъ приносилъ вѣнецъ королю.“ Это предположеніе, по справедливому замѣчанію г. Валлона, не сообразно ни съ характеромъ Жанны (одаренной рѣдкой проицательностію ума), ни

съ политикою двора. Если нужно было кого-либо подстрекать и возбуждать къ дѣятельности, то, конечно, не ее, а этотъ слабодушный дворъ. Остроуміе историка придумываетъ разныя хитрости для достиженія небывалыхъ цѣлей, тогда какъ то что здѣсь происходило, очень естественно объясняется дополнительнымъ актомъ. „Ангель съ короной“ есть очевидно произведеніе народной молвы. Процессъ данъ этому слуху лишь большее значеніе и развитіе. Спрашивается: что служило основаніемъ молвы? То что Дѣвственница открыла тайну Карлу VII, сказавъ ему: „Ты сынъ короля и законный государь Франціи“. Эти слова имѣли тогда политическую важность, въ нихъ выразилось убѣжденіе не одной Жанны, а всей національной партіи. Нескромная жизнь королевы - матери (Изабеллы) бросала тѣнь сомнѣнія на происхожденіе ея сына. Вездѣ, даже въ глуши селеній, судили и ржали о томъ по своему. Утвердительный отзывъ Жанны имѣлъ силу признанія со стороны тѣхъ, которые не раздѣляли этихъ сомнѣній. Слова ея произвели пріятное впечатлѣніе на короля, замѣченное посторонними на лицѣ его. Онъ въ то же время могъ быть изумленъ согласіемъ этой рѣчи съ сокровенною его мыслию и одинокою молитвою: согласіе, вѣроятно, *случайное*, но казавшееся современникамъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Чуда тутъ конечно не было, какъ можно судить по заключенію комиссія (въ Пуатье): „касательно же знаменія, котораго требовали отъ нея по волѣ короля, она показала, что явить знаменіе подѣ Орлеаномъ, а не въ иномъ мѣстѣ, потому что такъ заповѣдано ей самимъ Богомъ.“ Значить, она, до освобожденія Орлеана, ничего чудеснаго не сотворила; иначе, еслибы было что-либо подобное въ Шинонѣ, она конечно сослалась бы на совершившееся тамъ, какъ на дѣло уже извѣстное. Народная фантазія сложила свою легенду, за которую ухватилась судъ.

Въ разсужденіи прочихъ видѣній Жанны, слѣдуетъ также отличать основаніе ихъ отъ формы, приданной имъ въ процессѣ. Сказанное выше можетъ вести къ объясненію и этой статьи. Замѣтимъ, что до 1431 года въ житіи Дѣвственницы о посвѣщеніи святыхъ и ангеловъ не упоминается. Сама она ихъ не именуетъ. Королю, войску, народу она говорить, что ей предназначено совершить то и то, что ее послалъ Богъ, что такъ рѣшено въ Его совѣтѣ. Иногда

она просто называетъ „своимъ совѣтомъ“ (son conseil) внутренній голосъ, которому повинуются. И когда Лимузиецъ Сегенъ, спрашиваетъ ее въ Пуатье: „на какомъ языкѣ бесѣдуетъ съ нею голосъ?“—она отвѣчаетъ ему насмѣшкою. При свидѣствіи, въ Руанѣ, она противится сколько можетъ пылливому матеріализму судей. *Во второлмъ* засѣданіи она говоритъ только, что слышала голосъ, и по троекратномъ посѣщеніи убѣдилась, что голосъ былъ ангельскій. „Какой видъ у этого ангела?“—„Не могу сказать.“ Въ *четвертолмъ* засѣданіи опять: „Имѣлъ ли говорившій голосъ видимый обликъ?“—„Не ждите отвѣта“. Наконецъ, въ *пятолмъ* уже засѣданіи (27 февраля), на вопросъ: „Чей голосъ слышала?“ отвѣчала: „Св. Екатерины и Св. Маргариты.“ И вотъ посыпались вопросы о наружности ихъ, о волосахъ, уборѣ, о запахахъ, прикосновеніи и проч. Надо было найдти отвѣты на все, и она находила ихъ болѣе или менѣе удачныя, если не тотчасъ, то при слѣдующихъ допросахъ, потому что судьи были неотвязчивы. *Благоуханіе* святыни, *вѣнцы* славы, *крылія* ангеловъ: всѣ эти признаки духовности и блаженства — соблюдены ею какъ нельзя лучше. Она ни на волосъ не отступила отъ принятой, освященной церковью образности. Св. Михаилъ—небесный воитель и побѣдоносецъ; Св. Екатерина—покровительница дѣвическаго цѣломудрія; о Св. Маргаритѣ,—въ легендѣ говорится, что она надѣвала мужское платье, и проч. Кому извѣстна живая впечатлительность и набожность Жанны, ее усердіе въ посѣщеніи святыни Божіей, тотъ легко пойметъ, какъ самыя заветныя мысли и намѣренія ея облекались въ тѣ формы христіянскаго благочестія, которыя поражали чувства ея въ церкви, на молитвѣ, предъ иконами святыхъ мученицъ. И замѣтьте, что эти чтимыя всѣми имена и образы должны были защитить Жанну отъ опаснаго, смертельнаго, можетъ-быть, подозрѣнія. Невидимый, неизвѣстный, безымянный голосъ сочли бы непременно наводженіемъ діавола, признали бы уликою въ связяхъ ея съ геенной. И потому она беретъ святыя, знакомыя ей и довроцику личности, точно такъ же какъ и на хоругви ея представлены высшія существа, по самымъ строгимъ правиламъ современнаго иконописанія. Наконецъ, ближе къ смерти, на прагѣ вѣчности, Жанна возвращается, къ простотѣ своего спиритуализма, и свидѣтельствуя (въ актѣ) о своихъ видѣніяхъ, не опредѣляетъ ихъ „вѣщности и настоящаго вида“ (alias

figuram et speciem non declarando). Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что если вдохновеніе осыпало Дѣвственницу свыше, если природный геній достигъ въ ней могучаго развитія, возвысился на степень просвѣтаенія необыкновеннаго, то собственно чудотворныя явленія, о которыхъ судъ требовалъ подробнаго отчета у ея воображенія, вынужденны и, можно сказать, созданы допросомъ. Дополнительный актъ служить ключомъ къ раскрытію внутренней исторіи этихъ чудесъ. То что въ немъ положительно сказано объ „ангелѣ и коровѣ“, слѣдуетъ разумѣть и о прочихъ ея видѣніяхъ. Не отвергаемъ впрочемъ и того, что возбужденный въ ней мистицизмъ могъ увлечь ее иной разъ далѣе нежели она сама предполагала...

Остается объяснить слова: „Епископъ, ты погубилъ меня! Еслибы меня отвели въ честную тюрьму, этого не случилось бы“,—и упорство ея въ ношеніи мужскаго платья.

Быть-можетъ не одинъ изъ нашихъ читателей уже осудилъ Жанну за странное упорство, предпочитающее спасенію и всѣмъ благамъ въ мірѣ—пустой нарядъ.

Этотъ нарядъ былъ щитомъ ея цѣломудрія, а известно какъ твердо вѣрила она въ истину своего опасенія, „если только сохранить цѣломудріе души и тѣла.“ Въ походкахъ, между людьми (и какіе это люди, Боже праведный!), она не раздѣвалась, ни днемъ, ни ночью не снимала съ себя *ногавицы* крѣпко-на-крѣпко пристегнутыхъ къ верхней части ея одежды. Въ тюрьмѣ... Вотъ что открыло слѣдствіе, при пересмотрѣ дѣла.

Маншонъ, одинъ изъ трехъ дѣлопроизводителей, который велъ всѣ протоколы процесса, показалъ, что своими ушами слышалъ, какъ, на приказаніе епископа и графа Варвика, чтобъ одѣлась въ женское платье, Жанна отвѣчала: „не смѣю, потому что, вы сами знаете, сторожа пытались не разъ изнасиловать меня, и однажды, на крикъ мой, пришелъ самъ графъ, и еслибы не пришелъ, то меня непременно бы обезчестили.“ Массё, приставъ, водившій ее въ судъ, объявилъ, что въ тюрьмѣ „ее сторожили день и ночь пять англійскихъ солдатъ самаго низшаго разбора; изъ нихъ трое внутри, двое снаружи.“ Эти люди тѣшились ея мученіями, по ночамъ будили ее, говоря „сбирайся на эшафотъ!“, или уверяя, что скоро выпустятъ и т. п. Массё описывалъ ея положеніе въ тюрьмѣ слѣдующимъ образомъ: „На ночь, ес, закованана

и жезла, прикрѣпляли къ кровати короткою цѣпью, которая однимъ концомъ ввинчивалась въ толстое бревно и запералась на ключъ, такъ что несчастная едва могла пошевелиться. Послѣ отреченія 24-го мая (въ четвергъ) она, какъ извѣстно, надѣла женское платье, а мужское, вложивъ въ мѣшокъ, оставила тутъ же при ней. Въ воскресенье, Троицынъ день (27 мая), проснувшись рано утромъ, она сказала сторожамъ: „Отвяжите меня!“ Они отцѣпили ее, и вынудъ изъ мѣшка мужское платье, бросили на постель, а женское унесли. Она говорила имъ, что ей запрещено носить мужской парадъ, но они только смѣялись надъ ней. Это продлилось до полудня: нужда заставляла ее встать и одѣться во что попало. Ее осудили на смерть за *posterioris* преступленія (*relapse*).—Изомбаръ де-ла-Пьеръ, августинскій монахъ, посѣщавшій ее въ тюрьмѣ, слышалъ отъ нея жалобы на дѣлаемые ей Англичанами оскорбленія и насилія, и въ подтвержденіе этихъ жалобъ сказалъ: „И подлинно, я засталъ ее въ самомъ горестномъ положеніи, встревоженную, разобиженную, въ слезахъ и безпорядкѣ (*et de fait la vit éplorée, son visage plein de larmes, défiguré, outragé*), такъ что больно было смотрѣть.“ По показанію исповѣдника ея (*Martin Ladvenu*), она признавалась ему, что „въ тюрьмѣ ее крайне беспокоили и даже били; что разъ одинъ знатный господинъ, милордъ, войдя къ ней, покушался ее изнасиловать.“

Если большая часть этихъ оцѣнокъ относится къ тому времени, когда она, по требованію суда, уже надѣла женское платье, то съ другой стороны нельзя сомнѣваться, что нечестивое поведеніе окружающихъ давало ей и прежде знаніе или предчувствованіе чего можетъ она ожидать отъ нихъ, и заставляло ее принимать зависящія мѣры. Судьи слышали ея жалобы, но оставались къ нимъ глухи. Они какъ будто не слѣдили ни глазъ, ни ушей, а заняты были и ее занимали теологическими тонкостями.

„Покорится ли она церкви?“ Вотъ основной вопросъ процесса Дѣвственницы! Какъ отвѣчала она на него, мы видѣли изъ протоколовъ суда. Дополнимъ ея отвѣты подробностями, отнрившимися при ревизіи. Манионъ объявлялъ, что некоторые члены суда не безъ участія смотрѣли на отчаянное положеніе Жанны. Самъ слѣдователь, де-Ла-Фонтенъ, пріѣхавъ тайно въ тюрьму, въ сопровожденіи двухъ монаховъ (Изомбара и Мартина), благонамѣренно совѣтовалъ ей подчиняться

суду папы и собора; вслѣдствіе чего она, при допросѣ, сослалась на ихъ судъ; и слыша это, епископъ освѣдомился у сторожей, кто былъ у нея въ тюрьмѣ. Когда ему сказали кто, онъ страшно разсердился не только на совѣтника, но и на покровительствовавшего ему субъ-инквизитора, Ле-Метра, такъ что де-Ла-Фонтенъ, боясь себя худа, скрылся изъ Руана и въ дѣлѣ болѣе не участвовалъ. Г. Валлонъ полагаетъ, что разказанный Машономъ случай могъ имѣть мѣсто 17 марта.

Другое извѣстіе сообщилъ при ревизіи Шомбаръ, бывшій ассессоромъ суда въ 1431 году. Онъ, по собственному его показанію, въ полномъ присутствіи суда совѣтовалъ Жаннѣ вѣрить судьбу свою суду вселенскаго собора, созваннаго въ Базель, и на вопросъ ея: что значить вселенскій соборъ, объяснилъ ей, что соборъ есть собраніе духовныхъ представителей всего христіанства, и что тамъ присутствуютъ люди всѣхъ безъ различія партій или мнѣній. „О! когда такъ, воскликнула она, если тамъ есть и наши, то я охотно предаю себя правосудію Базельскаго собора!“ Котонъ взбѣсился, и закричалъ на монаха: „ну тебя къ чорту, замолчишь ли!“ Протоколистъ спросилъ: „записывать ли отзывъ Жанны о соборѣ?“ — „Не нужно“, отвѣчалъ епископъ. — „Ахъ, возразила Жанна, вы пишете то, что противъ меня, а что въ мою пользу, того не пишете.“ Г. Мартенъ полагаетъ, что это происходило 2 мая.

Изъ этихъ фактовъ и изъ отзывовъ Жанны при допросѣ, нѣкоторые историки выводятъ заключеніе, что она вовсе не противилась церкви, и что обвиненіе (12 пунктъ) и приговоръ суда, по этой статьѣ, содержитъ въ себѣ явную ложь и несправедливость. Г. Валлонъ старается доказать, что если Дѣвственница обнаруживала нѣкоторое недовѣріе, то только потому, что видимою церковью считала собраніе судей своихъ. Изъ многихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что она не признавала правъ этого собранія надъ собою, по причинѣ личной вражды его членовъ къ ней и къ дѣлу Карла VII. Когда же ей объяснили, что помянутой земной церкви гораздо обширнѣе, она сказала: „ведите меня къ папѣ!“ и потомъ требовала, чтобы дѣло о ней было отослано на рѣшеніе папы и вселенскаго собора. „Что отвѣтили ей на это? Что подобныя дѣла рѣшаются безъ папы. Значитъ, она не ошибалась въ первомъ своемъ предположеніи, что церковь, въ этомъ случаѣ, вся въ стѣнахъ Руанскаго замка. Непокорность Дѣвственницы

освояется къ ея гонителямъ, орудіямъ чужой воли, а не къ церкви, которой догматически правильное опредѣленіе гораздо шире, но къ дѣлу ея было непримѣнимо. Двусмысленность въ понятіи о церкви,—вотъ западная, погубившая Дѣвственницу, по мнѣнію г. Валлона.

Такое объясненіе г. Мартенъ находитъ неудовлетворительнымъ. Недоразумѣнія насчетъ видимой церкви, по его мнѣнію, вовсе нѣтъ. Мстительность однихъ, угодность другихъ, причины второстепенныя. Главное,—борьба между самороднымъ *внутреннимъ* призваніемъ и правиломъ *внѣшнимъ*, во имя котораго установленная власть *требуетъ* безусловной покорности. Кроткая, во всемъ прочемъ, натура Жанны *не можетъ* однакоже покориться. О томъ что открылъ ей Богъ не въ правѣ судить другіе. Въ этомъ она дастъ отвѣтъ лишь пославшему ее. Отсюда роковая, непримиримая вражда двухъ началъ: одинокаго личнаго убѣжденія и официальнаго догматизма господствующей церкви: противоположность, которая могла разрѣшиться не иначе какъ конечнымъ пораженіемъ одного изъ этихъ началъ, то-есть смертію Жанны. Что же касается собственныхъ ея отзвонъ, то легко, по мнѣнію историка, объяснить себѣ кажущееся между ними противорѣчіе. Когда она говорила: „пусть люди церковные разсмотрятъ мои отвѣты, и скажутъ мнѣ что въ нихъ противно вѣрѣ христіанской; голосъ мой рѣшитъ такъ ли это или не такъ,“ она, по видимому, подчинялась ихъ приговору; но въ сущности окончательное рѣшеніе дѣла предоставляла своему голосу. Точно также и въ отношеніи къ церкви и къ ея первосвященнику: „ведите меня къ папѣ, я отвѣчу ему.“ Требуя неоднократно переноса дѣла въ Римъ, она признавала свою подсудность папѣ; но нисколько ни отступалась отъ своихъ вѣрованій. „Въ святость церкви вѣрую; въ словахъ и дѣлахъ моихъ волея Богъ.“ И еще: „готова подчиниться церкви во всемъ, кромѣ невозможнаго. Еслибы церковь указывала мнѣ что-либо противное (убѣженію), я не повѣрила бы *никому на свѣтѣ*, кромѣ Бога... *Послѣ Бога*, обязана повиноваться церкви“ и т. п. Противопологая, такимъ образомъ, волю Божию заповѣдямъ церкви, признавая личное откровеніе свое, какъ что независимое отъ церкви, она очевидно умалала ея достоинство, и подавала руки къ собственному своему осужденію. Таково мнѣніе г. Мартена, высказанное прежде еще другимъ историкомъ (Мишеле).

Доказавъ историческую необходимость такого исхода, при данныхъ условіяхъ, историкъ исполнилъ долгъ свой. Взглядъ его выше взгляда тѣхъ, которые выводятъ все изъ мелкихъ причинъ и побужденій, останавливаясь на одной лишь поверхности словъ и вещей. Съ другой стороны, объясненіе г. Мартена не заключаетъ ли въ себѣ, безнамеренно, оправданія судей въ содѣянной ими несправедливости? Такъ, судя *отвлеченно*, они правы. Они явились блюстителями церкви и божественнаго откровенія, служащаго ей основой. Но вникните въ сущность дѣла: развѣ церковь въ опасности? Покорная дочь церкви, Жанна исполняетъ богобоязненно ея заветы, не презираетъ ея догматовъ, не исповѣдуетъ и не оглашаетъ противныхъ ей ученій. Созерцаніе, проповѣдь не ея дѣло. Созданная для практической, дѣятельной жизни, она пришла для совершенія указаннаго ей земнаго подвига, и совершила его. „Я соблюдаю десять заповѣдей закона Божія, говоритъ она, исповѣдую символъ вѣры, свято чту все то что принимается церковью.“ И это сущая правда. Приемля общее для всѣхъ вѣрующихъ откровеніе, она могла быть убѣждена въ особые данные ей свыше указанія. Чтѣ жъ тутъ несогласнаго съ покорностію церкви? Также непорочны и дѣла ея. Главное обвиненіе состоитъ въ ношеніи мужскаго платья. Но если это противно буквѣ закона, то не противно его духу. Крайняя необходимость и чистота намереній оправдываютъ Жанну. Ужели можно видѣть въ этомъ сопротивленіе церкви и члену символа вѣры „во единую, святую“ и проч.?.. Что касается посѣщенія духовъ, то судья не смѣлъ отвергнуть это безусловно, какъ нѣчто само по себѣ нелѣпное, невозможное. Жанна могла бы указать имъ на первый членъ символа вѣры: „вѣрую во единого Бога, Творца небу и земли, видимыхъ же всѣмъ и невидимыхъ.“ Происхожденіе и свойство таинственныхъ видѣній вѣдомо одному Создателю. Считаая ихъ дѣломъ совѣсти, церковь осуждаетъ ихъ лишь тогда, когда сверхъестественное служитъ средствомъ для своекорыстныхъ видовъ, противныхъ истинамъ вѣры и благочестію. Дѣвственница, не зная за собой ничего подобнаго, преданная вѣрѣ, отечеству и добродѣтели, не рѣшалась, однакоже, предоставить лучшія свои убѣжденія на произволь судъ человеческого. Да, она противилась суду духовныхъ, но въ дѣлѣ не имѣла прямого отношенія къ церкви; следовательно, не церкви противилась, какъ можно бы до бы заключить изъ

нѣкоторыхъ ея отзыовъ. Заслуга г. Мартена состоитъ въ точномъ уразумѣннн смысла тѣхъ выраженій, въ которыхъ подсудимая взывала къ высшему суду папы и собора. Эти выраженія имѣли лишь формальное значеніе, и не относились къ существу дѣла. Но онъ видимо ошлбаεται, думая найдти объясненіе процесса въ логической антиноміи полатій объ откровеніи или двухъ независимыхъ сферъ религіозности, а именно ученія церкви и одлаочнаго убѣжденія. Не ревность къ вѣрѣ, а коварная политика, страсть къ отмеченнымъ вопросамъ и преніямъ, самонадвѣянность судей, все это вмѣстѣ было причиною осужденія и гибели Жанны Даркъ.

Спрашивается: правильно ли отказано ей въ апеллаціи? г. Кншера (Quicherat) доказалъ, что по правиламъ инквизиціи, дѣла о вольнодумцахъ и еретикахъ подлежали окончательво суду и рѣшенію инквизитора и мѣстаго епископа. Значитъ, судьи, по закону, были правы въ своемъ отказѣ, и если спрашивали ее, какъ поступила бы она предъ папою, то единственно для дознанія ея вѣры и послушанія духовной власти, точно также какъ спрашивала, хочеть ли она положиться на свидѣтельство реймскаго архіепископа и на протоколы комиссіи бывшей въ Пуатье. Природный гевій или инстинктъ руководилъ ею, когда она, уразумѣвъ ихъ коварную цѣль, отвѣчала: „Архіепископъ? призовите его сюда: пусть свидѣтельствуеть противъ меня, если можетъ!... Протоколы комиссіи? Вы думаете только какъ бы поймать меня!“ Неограиченная власть предоставлена была судилищу: пусть такъ. Тѣмъ плачевнѣе его заблужденія, тѣмъ преступнѣе запыльчивое раболѣпствѣ Кошона!

При внимательномъ разсмотрѣннн дѣла, ревизіонный судъ открылъ въ немъ множество упущеній, несообразностей и неправдъ. Жалоба просителей, изложенная въ 101 пунктѣ, рѣчи адвоката и прокурора привели въ совершенную ясность сѣдущія обстоятельства. „Судьи въ 1431 году были орудіемъ Англичанъ. Они дѣйствовали пристрастно, поставивъ себѣ цѣлю осужденіе Жанны, и не совѣстились прибѣгать для того къ самымъ неопозволительнымъ средствамъ. Страхъ заставилъ самого сущь-инквизитора и другихъ членовъ (ассессоровъ) принять противъ воли участіе въ дѣлѣ. Угрозы, ругательства и тюремное заключеніе были удѣломъ тѣхъ изъ ассессоровъ, которые не раздвѣляли видовъ бовесскаго епископа и английскихъ

воеводъ. Справедливое требованіе подсудимой, чтобы въ составъ суда допущены были члены не одной англійской партіи, отвергнуто. Хотя она съ самаго начала объявила подозрѣніе на епископа, какъ на отъявленнаго врага своего, онъ остался ея судьей. Ей, несовершеннолѣтней, не дано попечителя и защитника предъ судомъ. Судимую церковнымъ правомъ слѣдовало передать въ духовное вѣдомство, заключить въ церковную тюрьму: таково было мнѣніе многихъ изъ ассессоровъ. Въмѣсто того, ее держали въ свѣтской тюрьмѣ, подъ военнымъ карауломъ, скованную, подвергая тяжкимъ, ненужнымъ истязаніямъ. Допросъ производили не въ судебной палатѣ, а въ той же тюрьмѣ, въ присутствіи малаго числа членовъ. Сдѣланное о ней предварительное разысканіе скрыто отъ суда, равно какъ и результаты тѣлеснаго осмотра утаены, такъ какъ все это свидѣтельствовало бы въ ея пользу. Въ тюрьму подсылали къ ней шпионовъ и предателей, которые внашали ей непокорность суду. Ее осудили и сожгли, несмотря на объявленную ею аппелляцію. И на чемъ основанъ приговоръ? На неполныхъ, невѣрно составленныхъ документахъ. Нѣкоторые отзывы Жанны даже не записаны въ протоколъ! Можно ли поручиться за точное воспроизведеніе прочихъ? Обвинительный актъ (70 пунктовъ) исполненъ неблагицею, грубой лжи, ненавистныхъ извѣтовъ. Извлеченіе въ 12 пунктахъ сдѣлано съ большимъ произволомъ: искаженъ настоящій смыслъ показаній, опущены существенныя подробности; въ сопоставленіи другихъ замѣчается недобрый умыселъ. Члены суда признали сами необходимость нѣкоторыхъ исправленій въ изложеніи 12 пунктовъ, и указали, въ чемъ они должны состоять, но этихъ исправленій не было сдѣлано. Наконецъ, документъ этотъ не былъ объявленъ подсудимой. Онъ въ первоначальномъ, несовершенномъ видѣ своемъ разосланъ къ консультантамъ, и сообщенъ университету. Ассессоры справедливо полагали, что для произнесенія основательнаго мнѣнія консультанты должны видѣть самое дѣло. Однакоже мнѣнія даны ими слѣпо, безъ справки съ актами, на основаніи 12 пунктовъ. Отреченіе на Сентъ-Уэнскомъ кладбищѣ исторгнуто силою страха, прознесено Жанною невнятно и торопливо, подписано ею невольно: она не понимала того что заставили ее повторить по писанному. Притомъ есть сильныя причины предполагать здѣсь важный подлогъ. Приставъ (Массье), которому поручено было

читать ей формулу отреченія, объявилъ при ревизіи, что находящееся въ дѣлѣ отреченіе не то, которое произнесено и подписано Жанною на эшафотѣ. Другіе свидѣтели показали, что настоящая формула было коротенькая, не болѣе восьми строкъ, и не содержала въ себѣ тѣхъ заклятій, которыя значатся въ наличномъ документѣ. Послѣ отреченія, когда разрѣшена была клятва отлученія Дѣвственницы отъ церкви, ее, вопреки всякой справедливости, осудили на „вѣчное“ заключеніе, передали Англичанамъ, довели умышленно до перемены платья, и приговорили къ смерти за повтореніе преступленія. Произведенное ревизорами слѣдствіе доказало несомнѣнно ея благонравіе, усердное соблюденіе христіанскихъ обязанностей, котораго она требовала и отъ другихъ, непоколебимую вѣру въ Провидѣніе и въ истину ниспосланныхъ ей знаменій Его воли. Эти явленія не могли исходить отъ духа тьмы, ибо воспринимались чистымъ сердцемъ, душою исполненною правды и цѣломудрія, внушенія же ихъ были честны, явственно и вели къ прославленію имени Божія спасенію роднаго края. Жанна защищала то во что вѣровала, но безъ строптивости, и когда ей объяснили истинное значеніе церкви, она объявила о своей покорности папѣ и собору. Она не исповѣдовала ереси, какъ заставили ее сказать въ „отреченіи“. Причастіе, къ которому ее допустили духовные отцы, и христіанская ея кончина служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Въ довершеніе всѣхъ неправильностей процедуры, ее казнили безъ законнаго приговора свѣтскаго судьи, который не произнесъ приговора, потому что не судилъ ея, какъ слѣдовало бы по формѣ и учрежденію.“

Никто не явился предъ судомъ для опроверженія этихъ обвиненій. 7 іюля 1456 года послѣдовало рѣшеніе ревизионнаго суда. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ.

„Находя, что основаніемъ процессу служили означенные 12 пунктовъ; что существо дѣла изложено въ нихъ превратно, въ духѣ пристрастія, злобы и клеветы, судъ опредѣлялъ исключить эти пункты изъ дѣла, порвать и формально уничтожить. За симъ принимая въ уваженіе, что такъ-называемый „актъ отреченія“ есть документъ подложный, что самое отреченіе исторгнуто насиліемъ и страхомъ смерти, что оно не могло быть обдуманно, ниже понято, въ настоящемъ смыслѣ своемъ, подсудимую, судъ призналъ все производство дѣла, отреченіе и оба приговора (24 и 30 мая) ничтожными, не

имѣющими законной силы и дѣйствія, и постановилъ, что ни Жанна Даркъ, ни просители, ни родня ихъ, не могли по-лести ущерба въ честномъ имени и въ гражданскихъ правахъ своихъ, вслѣдствіе незаконнаго процесса и неправильно состоявшихся приговоровъ. Опредѣлено: настоящее рѣшеніе публиковать въ городѣ Руанѣ, совершить два крестные хода на Сентъ-Уэлское кладбище и на то мѣсто гдѣ Жанна Даркъ невинно пострадала и протерпѣла лютую смерть, и водрузить тамъ святой, животворящій крестъ, для сохраненія вѣчной о происшедшемъ скорбной памяти*.

Рѣшеніе суда было исполнено.

Память Дѣвственницы пережить и осужденіе ея, и самое оправданіе. Она не нуждалась въ оправданіи инквизитора. Исторія хранить дѣла ея на своихъ скрижаляхъ и сухимъ многозначительнымъ слогомъ надгробій пишетъ: „Орлеанъ—Реймсъ—Руанъ“ то есть *подвигъ, слава, казнь...* По сей день Дѣвственница не имѣетъ достойнаго ея монумента во Франціи. Но, благодаря наукѣ, * съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе становится невещественный ея образъ.

В. ПОРОШИНЪ.

* Подлинное дѣло Жанны сохранилось. Вѣрные списки его находятся во многихъ бібліотекахъ. Ученый Лаврда посвятилъ особое вниманіе изученію и анализу этихъ драгоценныхъ рукописей. Другіе писатели пользовались ими болѣе или менѣе удачно въ своихъ изысканіяхъ. Новую, редкѣвшую услугу наукъ оказалъ г. Кисера, издавіемъ въ свѣтъ подлинныхъ документовъ осужденія и оправданія Жанны Даркъ, напечатавъ ихъ очень тщательно, подъ заглавіемъ: *Procès de Jeanne d'Arc*, 5 vols in 8° 1850. Какъ недавно! Все производство дѣла изложено на латинскомъ языкѣ того времени, съ присоединеніемъ большей части журналовъ вѣданий, веденныхъ по-французски, и содержащихъ въ себѣ отвѣты Жанны на допросы свидѣателей и судей. Для надлежащей полноты, собраны въ этомъ изданіи записки, сочиненія современниковъ и сказанія лѣтописей, въ которыхъ встрѣчаются какія-либо о ней свѣдѣнія. Но главное—самые акты процесса. Безъ нихъ мы не много бы знали достовѣрнаго о Дѣвственницѣ. Въ этомъ монументальномъ трудѣ г-на Кисера, лучшіе изъ новѣйшихъ историковъ, гг. Мишеле, Гаяри Мартенъ, Валлонъ и др. приобрѣли важное пособіе для начертанія незабвеннаго образа Жанны Даркъ и тѣхъ событій, которыхъ она была не только участницей, но и первою или единственною виновницею и героиней. Самъ г. Кисера высказалъ о ней, въ особомъ сочиненіи, (*Aperçus nouveaux* etc.) нѣсколько дѣльныхъ мыслей.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

II.

Эта часть нашей статьи состоитъ изъ отрывковъ собственныхъ записокъ Ермолова, полученныхъ мною отъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, изъ разказовъ Д. В. Давыдова, изъ писемъ князя Багратіона, Платога и пр., помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, изъ собственныхъ отиѣтокъ и замѣчаній полученныхъ отъ другихъ свидѣтелей. Читатели, даже и не военные, найдутъ здѣсь много свѣдѣній, неизвѣстныхъ, кажется, по описаніямъ отечественной войны.

1812 годъ.

Насталъ 1812 годъ! Годъ, памятный каждому Россіянину, тяжкій несчастіями, знаменитый блистательною славой въ роды родовъ.

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 8.

Въ началѣ года выступила гвардія изъ Петербурга, и я вышелъ марта 5 числа. Въ городѣ Опочкѣ получено назначеніе меня дивизіоннымъ гвардіи начальникомъ. Долго не рѣшаюсь я вѣрить чудесному обороту положенія моего. Къ чему, однакоже, не приучаетъ счастье?... Дивизіоннымъ командиромъ прихожу я съ гвардіей на маневры въ Вильну. Кто не хвалитъ гвардіи и какъ не хвалитъ ея по справедливости?... И послѣ короткаго въ Вильнѣ пребыванія возвращаюсь въ Свенцяны, дивизіонную квартиру гвардіи.... Черезъ два дня прѣзжаетъ государь въ Свенцяны.... Мою, самую вихрей быстраѣйшую, въсколькими часами прежде разгласила о переходѣ Французовъ чрезъ Нѣманъ іюня 12 числа....

Первой западной арміи, сильнѣйшей числомъ войскъ, начальство поручено было генералу-отъ-инфантеріи Барклаю де-Толли, военному министру, коего главная квартира была въ Вильнѣ.

Вторая западная армія состояла въ командѣ генерала-отъ-инфантеріи князя Багратіона и главная его квартира была въ Пружанахъ.

....Единственное къ соединенію войскъ нашихъ средство— было отступленіе.

Наконецъ, вошли мы въ знаменитый лагерь (при Дриссѣ).

Во время пребыванія 1-й арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, непріятель собрался на лѣвомъ флангѣ по направленію на Дисну. Маршалъ Даву поспѣшалъ къ Минску.... Къ соединенію обѣихъ армій отягаты были всѣ надежды.

Опредѣлено отступленіе 1-й арміи изъ укрѣпленнаго лагеря. Іюля 1-го дня возложена на меня должность начальника главнаго штаба сей арміи. Итакъ, въ званіи семъ находясь при главнокомандующемъ, который въ то же время былъ и военнымъ министромъ, имѣлъ я случай знать о многихъ обстоятельствахъ, не до одного управленія арміи касающихся....

Отъ назначенія моего употребилъ я всѣ средства уклониться, просилъ могущественнаго графа Аракчеева, самому представляяъ государю, что я не приготавливалъ себя къ многотрудной сей должности, что достаточныхъ для того свѣдѣній не имѣю, и что по обстоятельствамъ, въ коихъ находится

армія, которыхъ отъ самаго наименѣе проникательнаго чловѣка скрыть было уже невозможно, полезенъ былъ выборъ чиновника съ большею опытностію и болѣе въ арміи извѣстнаго. Графа Аракчеева намѣреніе было въ должность сію опредѣлить генераль-лейтенанта Тучкова 1-го, въ которомъ думалъ онъ найти особенныя способности, но не знаю почему государь приказалъ мнѣ вступить въ оную.* Думаю, однакоже, что людей, несравненно меня способнѣйшихъ, не хотѣли отдавать отъ войскъ, или они сами, видя худое дѣль состояніе и на каждомъ шагу умножавшіяся трудности, должности сей принять не соглашались. Я ожидалъ, что, испытавъ меня въ короткое время, освободятъ отъ должности, если не выгонятъ, и просилъ только одной милости, чтобы возвратили попрежнему къ командованію гвардейскою дивизіей, ибо лествѣе не могъ я желать ничего. Мнѣ обѣцано сіе, и отъ дивизіи показывался я въ откомандировкѣ. Государь вскорѣ отѣхалъ отъ арміи, и сіе легко могло продожить пребываніе мое въ новой моей должности. Первый помощникъ мнѣ по дѣламъ дежурный генераль арміи, флигель-адъютантъ Кикинъ, бывшій при введеніи новаго образа управленія, по издавному не за долго предъ тѣмъ положенію о дѣйствующихъ арміяхъ, не желая служить съ предметникомъ моимъ, генераль-лейтенантомъ маркизомъ Паулуччи, оказался больнымъ, и должность его отправлялъ комендантъ главной квартиры полковникъ Ставраковъ. Если возможно понимать смыслъ словъ: *сіе судьбѣ преисполненное имя* **, то, кажется, никому болѣе приличествовать онѣ не могутъ, какъ ему, ибо судьба имъ преслѣдовала всѣхъ бывшихъ главнокомандующихъ. Суворовъ, вышедшій изъ среды людей обыкновенныхъ, одинъ смѣлъ взять его по доброй своей волѣ, прочіе же, кажется, не могли отъ него отдѣлаться. Онъ находился при немъ въ Италиі. При

* Давыдовъ замѣчаетъ при семъ вообще, что государь былъ очень доволень распорядительностію Ермолова при командованіи гвардейскою дивизіей. Графъ Аракчеевъ, узнавъ о назначеніи, сказалъ Ермолову: «намъ, какъ чловѣку молодому, предстоитъ много хлопотъ; Михаилъ Богдановичъ весьма дурно изъясняется и многаго не досказываетъ, а потому намъ надо стараться понимать его и дополнять его распоряженія своими собственными.»

** *Исторія Суворова*, соч. г. Фука.

графъ Буксгевденъ и потомъ при баронѣ Беннигсенѣ былъ въ Пруссіи. Перенесся въ Финляндію ко всѣмъ переименовавшимся главнокомандующимъ, и теперь не избѣгъ отъ него генералъ Барклай де-Толли! За что же, по крайней мѣрѣ, терпять его въ должности дежурнаго генерала? Свидѣтельствуюсь имъ самимъ, что онъ исправлять оной не въ состояніи. Я прошу переименить его, но генералъ Барклай де-Толли увѣряетъ, что трудно найдти способнѣйшаго! Сколько ни старался я уговорить Кикина, но онъ не соглашался избавить меня отъ Ставракова.

Въ три дня армія прибыла къ Полоцку. Непріятель противъ корпуса графа Витгенштейна показалъ небольшую часть легкихъ войскъ, занялъ отрядомъ мѣстечко Друи и малозначущими силами приблизился къ Динабургу. Графъ Витгенштейнъ донесъ главнокомандующему, что онъ намѣренъ усилить отрядъ противъ Друи, на правомъ берегу Двины расположенный, и удерживать Динабургъ. Генералъ-майоръ Довре (начальникъ корпуснаго штаба) увѣдомилъ меня, что подкрѣпленіе сіе должно состоять изъ десяти батальоновъ пѣхоты съ соразмѣрнымъ числомъ артиллеріи и конницы, которой и безъ того было весьма недостаточно. Я возразилъ противъ сего раздробленія силъ, и главнокомандующій согласился со мною. Пречудное намѣреніе, зная движеніе непріятеля на лѣвый флангъ и не имѣя возможности маневрировать впередъ, защищать Динабургъ, и отдаленный, и къ оборонѣ неспособный.

Изъ Полоцка Государь отправился въ Москву. *

Въ Полоцкѣ хотѣлъ я заковать въ желѣза комиссіонера 7-го класса, Ю.....каго, который отправлялся съ

* Давыдовъ свидѣствуетъ: „Чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ была въ то время поставлена Россія, несогласія между главнокомандующими, вынуждали Государя имѣть подробныя и по возможности частыя извѣстія о всемъ томъ, что происходило въ арміи. Уѣзжая изъ Полоцка, Государь приказалъ Ермолову извѣщать его письмами о важнѣйшихъ происшествіяхъ арміи. Ермоловъ отправлялъ свои письма съ отъѣзжающими изъ арміи генералъ-адъютантами; Кутузову, графу Шувалову и другимъ были передаваемы письма на имя Его Величества.“

деньгами въ уплату за провіантъ, купленный у Евреевъ въ мѣстечкѣ Бѣшенковичахъ, который оставленъ былъ на томъ берегу, гдѣ идетъ непріятель, и откуда никто не помышлялъ перевезти его на нашу сторону, хотя въ арміи чувствуемъ уже былъ недостатокъ.

Въ Полоцкѣ, по отъѣздѣ государя, случилось мнѣ обѣдать съ оставшимся его штатомъ. Какую примѣтилъ я разность въ тонѣ, какую перемену въ обращеніи. Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждого при собственныхъ средствахъ.

Армія прибыла къ переправѣ при Будиловѣ.....

Борьбу маршала Даву между тѣмъ... овладѣлъ Могилевомъ.

Атаманъ генераль Платовъ наказалъ польскую кавалерію 27 іюня при мѣстечкѣ Мирѣ и 14 іюля при мѣстечкѣ Ромавовѣ, дерзнувшую сразиться.

Судьба сохранила намъ врожденную поверхность надъ Поляками: казакамъ первымъ предоставила честь возобновить въ сердцахъ ихъ сіе чувство. Со времени уничтоженія Польши, съ 1794 года, изгладившаго имя ея съ лица земли, по 1807 годъ, примѣчательный заключеннымъ съ Франціей миромъ въ Тильзитѣ, не существовало Поляковъ. Миръ сей произвелъ на свѣтъ герцогство Варшавское, вмѣстѣ съ надеждою распространить его на счетъ несогласія сосѣдственныхъ ему державъ. Наполеонъ исчислилъ мѣру страха, коимъ господствовалъ онъ надъ сердцами царствующихъ его современниковъ, помесенныя каждымъ изъ нихъ въ войнахъ потери, бластательныя и постоянныя оружія его успѣхи, страхъ тотъ болѣе и болѣе распространившіе, и далъ надежду на возрожденіе Польши. Воспламенились умы, и въ короткое время всѣ усилія были употреблены надеждѣ сей дать видъ правдоподобія! Въ 1809 году Варшава уже союзница наша противъ Австрійцевъ, и мы въ пользу ея, вопреки пользы нашей, исторгаемъ у нихъ знатную часть Галиціи. Уже въ заключенной войнѣ она противъ насъ въ общемъ союзѣ Европы. Мы умножили ея силы и вооружили противъ себя. Австрійцы между прочими ея союзники. Для пользы ея попеременно возаемъ мы мечъ въ сердце одинъ другаго, и судьба къ ослабленію нашему прибавляетъ сѣтованіе, что недовольно

глубоки раны! Неужели не исполнится мѣра наказанія Бога мстителя?*

Въ Будиловѣ предложилъ я главнокомандующему перейти на лѣвый берегъ Двины и расчетъ сей основывалъ я на томъ, что непріятель проходилъ труднѣйшею по тому берегу дорогою, что только кавалерія его была у Полоцка, но главныя силы и вся тяжелая артиллерія были далеко казави, и не менѣе трехъ маршей было между нами и непріятелемъ. Перейдя въ Будиловѣ, должно было поспѣшно слѣдовать на Оршу и Давуста, имѣющаго въ предметъ армію князя Багратіона, на которую должны были быть обращены и вниманіе его и силы, около Могилева расположенныя, заставить развлечь оныя, способствовать тѣмъ князю Багратіону идти безпрепятственно въ соединеніе съ 1-ю арміею, а самой ей, истребивъ части войскъ, занимающія Оршу и Дубровну, и перейдя немедленно на лѣвый берегъ Днѣпра, закрыть Смоленскъ, куда всѣ тягости и обозы арміи должны были идти изъ Витебска прямою дорогою, дабы не дѣлать препятствія арміи въ быстромъ ея движеніи. Все сіе можно было успѣть сдѣлать, ни малѣйшимъ, по отдаленію непріятеля, не подвергаясь опасностямъ. Главнокомандующій, внявъ предложенію моему, на оное согласился, уже приказано мнѣ было возвратить къ переправѣ прошедшіе два кавалерійскіе корпуса. Полковникъ Манфреди отправленъ былъ съ двумя погонными ротами для устроенія переправы. Все было готово и пришедшимъ намъ успѣхъ предлежалъ вѣрный! Черезъ полчаса послѣ отданныхъ приказаній главнокомандующій перемѣнилъ намѣреніе. Я примѣчалъ, кто могъ отклонить его, и кромѣ флигель-адъютанта Вольцогена никого не подозреваю. Сей тяжелый нѣмецкій педантъ пользовался большимъ его уваженіемъ. Я, видя, что теряются выгоды, которыя не всегда даруетъ счастье, и за упущеніе которыхъ часто платится весьма дорого, зная, что по недостатку опытности не могъ я имѣть права на полную ко мнѣ главнокомандующаго довѣренность, склонилъ я нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ командировъ сдѣлать о томъ ему представленіе съ ихъ стороны, но все было безуспѣшно, главнокомандующій остался непреклоненъ, и армія продолжала путь къ Витебску. **

* Обращаю вниманіе на эти пророческія слова государственнаго челоѣка!

** Давыдовъ въ письмѣ къ Валтеръ-Скотту такъ говоритъ объ этомъ

Въ ночи на третью сутки (въ Витебскѣ) главнокомандующій согласился послать корпусъ пѣхоты и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ на встрѣчу неприятелю по лѣвому берегу Двины. Я предложилъ генераль-лейтенанта графа Остермана, блестящую репутацію въ прошедшую войну сдѣлавшаго.... надобно было генераль, который бы дождался силъ неприятельскихъ, и онъ его не устранила. Таковъ былъ Остерманъ, и онъ пошелъ съ 4-мъ корпусомъ! Въ двѣнадцати верстахъ встрѣтилъ онъ небольшую часть неприятельскихъ передовыхъ войскъ и преслѣдовалъ ихъ до мѣстечка Островно. Здѣсь предстали ему силы неприятельскія превосходныя, и дѣло началось жарчайшее..... Ночь прекратила сраженіе.... Утромъ съ обѣихъ сторонъ былъ весьма значущій ...

событіи: „Ермоловъ предложилъ Барклаю, переправившись черезъ Двину у Будаловой переправы на лѣвый берегъ рѣки, который выше и ровнѣе праваго, слѣдовать черезъ Сенно, Оршу на Смоленскъ, куда мы могли прибыть по крайней мѣрѣ двумя сутками ранѣе; мы могли встрѣтить у Сенно головныя французскія войска, и легко разбить ихъ (что не мало возвысило бы нравственный духъ войскъ), двинуться далѣе. Барклай согласился; уже были наведены повтоны, но вдругъ онъ по неизвѣстнымъ причинамъ отиѣнилъ переправу. Ермоловъ упомянулъ объ этомъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 16-го іюля.“

Кстати привесть здѣсь два письма князя Багратиона къ Ермолову, коими поясняются тогдашнія отношенія.

I.

„На маршѣ, 8 іюля.

„Я вамъ скажу, любезный мой тѣска, что я бы давно съ вами соединился, еслибы оставилъ меня въ покоѣ. Вамъ неизвѣстно, какія я имѣлъ предписанія отъ М***.

„Я рѣшилъ марши мои такъ, что 23 іюля главная моя квартира должна была быть въ Минскѣ, авангардъ далѣе, а партію уже сколо Свенцянъ. Но меня повернули на Новогрудекъ, и велѣли идти или на Бѣлицу, или на Николаевъ, перейти Нѣманъ и тлнуться къ Вилейкѣ, къ Сморгони, для соединенія. Я и пошелъ, хотя и написалъ, что невозможно, ибо тамъ три корпуса уже были на дорогѣ къ Минску и мѣста непроходимыя. Перешелъ въ Николаевѣ Нѣманъ. Насилу спасся Платовъ, а мнѣ пробиваться невозможно было, ибо въ Воложинѣ и въ Вишневѣ была ужъ главная квартира Даву, и я рисковалъ все потерять и обозы. Я принужденъ назадъ бѣжать на минскую дорогу, но онъ успѣлъ и ее захватить. Потомъ началъ показываться король Вестфальскій съ Понатовскимъ; перешли въ Бѣлицу и пошли на Новогрудекъ. Вотъ и пошла вѣсть! Куда вы сукусъ, вездѣ неприятель. Получилъ извѣстіе, что Минскъ

Генералъ-лейтенантъ Кововницынъ посланъ съ 3-ю дивизіею въ подкрѣпленіе графу Остерману.... Графъ Остерманъ составлялъ его резервъ.... Ни храбрость войскъ, ни самого Кововницына безстрашіе, не могли удержать стремленія, и оны отступили. Гренадерская дивизія пришла подкрѣпить его, и часть кавалеріи съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ присла для умноженія тѣсноты и беспорядка. Я пріѣхалъ въ самое то время, какъ стрѣлки наши толпами и быстро отступали, и генералъ Кововницынъ, отзываясь, что есть старшій генералъ-лейтенантъ Тучковъ 1-й, не заботился ввести между ими порядка, а сего послѣдняго не замѣтилъ я

заявлять, и пошла сильная колонна на Борисовъ и по дорогѣ Бобруйска.

„Я далъ всѣ способы и наставленія Игнатьеву и началъ самъ спѣшить, но на хвостъ мой началъ нападать король Вестфальскій..... Вдругъ получаю рапортъ Игнатьева, что непріятель приблизился къ Свислочу, отъ Бобруйска въ 40 верстахъ, тогда когда я былъ еще въ Саудкѣ и все въ дракѣ. Чтò дѣлать? съади непріятель, съ боку непріятель, и вчера получилъ извѣстіе, что и Минскъ занятъ. Я никакой здѣсь позиціи не имѣю, кромѣ болотъ, лѣсовъ, гребли и пески. Надобно мнѣ выдраться, но Могилевъ въ опасности, и мнѣ надобно бѣжать. Куда? въ Смоленскъ, дабы прикрыть Россію несчастную. И кѣмъ? Господиномъ Фулемъ. Я имѣю войска до 45 тысячъ. Правда, пойду съаю на 50 тысячъ и болѣе, но тогда, когда бы я былъ свободенъ, а какъ теперь, и на 10 тысячъ не могу. Что день опоздаю, то я окруженъ.

„Спасъ Дорохова; detachmentъ и Платовъ примкнулъ! Какъ ретироваться изъ Свѣдьякъ въ Дрессу? Бойтесь Бога, стыдитесь. Россію жалко! Войско ихъ шапками бы закидало. Писалъ я, слезно просилъ: наступайте, я помогу. Нѣтъ! Куда вы бѣжите? Ей-Богу непріятель мѣста не найдетъ, куда ретироваться. Они боятся насъ, войско ропщеть и всѣ недовольны. У васъ задъ былъ чистъ и флаяги. Зачѣмъ побѣжали? надобно наступать; у васъ 100 тысячъ. А я бы тогда помогъ. А то вы побѣжали, гдѣ я васъ найду. Нѣтъ, мой милый, я служилъ моему природному государю, а не Бонапарте. Уже истинно, еле дышу отъ досады, огорченія и смущенія. Я, ежели выдержусь отсюда, тогда ни за чтò не останусь командовать арміею и служить. Стыдно носить мундиръ. Ей-Богу, белезь! А ежели наступать будете съ первою арміею, тогда я здоровъ. А то, чтò за дуракъ? Министръ самъ бѣжить, а мнѣ приказываетъ всю Россію защищать, и бить флаягъ и тылъ какой-то непріятельскій. Есaubъ оны былъ здѣсь, ногъ бы своихъ не выдралъ, а я выду съ честію и буду ходить въ сюртукѣ..... Охъ жаль, больно жаль Россію! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не сауга; выведу войска на Могилевъ и basta! Признаюсь, мнѣ все омерзѣло, такъ что съ ума схожу. Несмотря ни на чтò, ради Бога ступайте и наступайте!

находящимъ въ важность обстоятельствъ и дѣятельнымъ, сколько они того требовали. Я сдѣлалъ имъ представленіе о необходимости иъкотораго устройства, и они, отдаливъ извѣстія войска, производившія тѣсноту, сдѣлали то по крайней мѣрѣ, что отступленіе могло быть не бѣгствомъ..... Съ окончаніемъ дѣла кончилось сраженіе. 6-й корпусъ и арріергардъ присоединились къ арміи, мостъ сожженъ и повтоны сняты.

Того же дня поутру объѣхалъ я занимаемую для арміи полковникомъ Толемъ позицію, и нашелъ въ ней всѣ заключающіеся возможные недостатки. Квартирмейстеры, не видя въ дѣсу одинъ другаго, скакали по голосамъ, такъ частымъ кустарникомъ покрыта была большая часть позиціи. Позади всей оной былъ глубокій ровъ, съ трудомъ проходимый. Спусковъ дѣлать не доставало времени, отступить надлежало

„Ей-Богу, оживимъ войска и шанками ихъ закидаемъ. Иначе будетъ революція.....“

II.

„Наша выпуталась изъ аду. Дураки меня выпустили. Теперь побѣгу къ Могилеву, авось ихъ въ клячи поставлю. Платовъ къ вамъ бѣжить. Ради Бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундиръ носить, право скину его. Они революцію дѣлаютъ въ Несвижѣ; хотѣли въ Гродно начать, но не удалось; въ Вильнѣ тожъ хотѣли, и въ Минскѣ. Изъ все уластся, если мы трусовъ трусимъ. Мнѣ одному ихъ бить невозможно, ибо кругомъ былъ окруженъ и все бы потерялъ. Ежели хотятъ, чтобъ я былъ жертвою, пусть дадутъ именное повелѣніе драться до послѣдней капли. Вотъ и стану. Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человекъ духу, субординаціи и все въ разстройку. Армія была прекрасная; все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескамъ, въ жары на маршѣ, лошади артиллерійскія и полковыя стали и кругомъ неприятели. И вездѣ бью. Ежели впередъ не пойдете, я не понимаю вашихъ мудрыхъ маневровъ. Мой маневръ—искать и бить! Вотъ одна тактическая лазокадія, какія бы сабствія привнесла намъ. А ежели бы стояли купнѣ, того бы не было! Съ начала не должно было вамъ бѣжать изъ Вильны тотчасъ, а мнѣ бы приказать спѣшить къ вамъ, тогда бы иначе! А те побѣжали и бѣжите, и все ко мнѣ обратилось! Теперь я спасъ все, и вѣдлу только съ тѣмъ, чтобъ и вы шли. Иначе пришлите командовать другаго, а я не понимаю ничего, ибо я не учекъ и гаупъ.“

„Жаль мнѣ смотрѣть на войско и на всѣхъ на нашихъ. Въ Россіи нынче хуже Австрійцевъ и Прусаковъ стали.“

„Прощай, любезный! Христосъ съ вами“

„Я всегда вашъ вѣрный Багратионъ.“

„7-го дня Іюля.“

большей части арміи чрезъ городъ, остальной необходимо чрезъ ровъ. Главнѣйшею цѣлю предназначалось закрытіе города. Въ присутствіи многихъ генераловъ возразилъ я противъ сей позиціи, представая, что генеральнаго сраженія здѣсь давать не долженствовало, будучи удаленными отъ способовъ пополнить потери; что еще не уничтожена совершенно надежда соединиться со 2-ю арміей, единственнымъ предметомъ съ котораго времени нашего отступленія; что если сраженіе необходимо, то по крайней мѣрѣ должно устроить войска по другую сторону города на Смоленской дорогѣ и владѣя дорогою на Бабиновичи; что сохранять Витебскъ, теряя другія существеннѣйшія выгоды, опасно; что при неудачѣ отступленіе чрезъ городъ пагубно; что, уступивъ Витебскъ, мы прибавимъ одинъ городъ болѣе ко множеству цѣлыхъ потерянныхъ губерній, и что лучше пожертвовать имъ нежели другими удобствами, которыхъ соблюденіе гораздо важнѣе. Главнокомандующій согласился, но не могъ отнѣнить занятіе позиціи для генеральнаго сраженія, и приказалъ избрать мѣсто за городомъ на Смоленской дорогѣ. Я осмотрѣлъ ее тогда уже, какъ войска вступали въ назначенныя имъ въ оной мѣста, и нашелъ, что она также лѣсистая, также трудная между войскъ сообщенія, чрезвычайно обширная и гораздо бѣльшее число войскъ требующая. Два корпуса праваго фланга 2-й и 4-й отрѣзаны отъ прочихъ войскъ глубокимъ весьма ровомъ, чрезъ который и безъ присутствія непріятеля едва можно было перевезть артиллерию. Еслибы непріятель атаковалъ лѣвый флангъ (въ чемъ онъ и не могъ обмануться), имѣлъ онъ для дѣйствія батарей высоты на продолженіи линій и могъ чрезвычайно затруднять отступленіе. Переимѣнить же боевое войскъ устроеніе отнюдь было невозможно. Если же бы непріятель сдѣлалъ нападеніе на правое крыло наше, подкрѣпить его чрезвычайно было затруднительно, а въ скорости и совсѣмъ невозможно, развѣ безъ артиллерию.

Съ началомъ дня войска были уже устроены въ позиціи. Графъ Палевъ составленнымъ особенно авангардомъ... началъ дѣло.... отступилъ за рѣку Лучесу и искусно воспользовался крутыми ея берегами, защищая находящіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ броды. Армія непріятельская, занявъ всѣ противъ лежащія горы, казалось, для того развернулась, чтобы каждому изъ воиновъ своихъ дать зрѣлище искуснаго

созрѣваніи графа Палена, съ силами неоравненно меньшими сражающагося..... Не съ меньшимъ чувствомъ удивленія смотрѣлъ и наша армія, въ начальникахъ дѣйствовало соревнованіе, каждый изъ воиновъ мнилъ открывать въ себѣ новую и долготѣ неизвѣдаемую силу.

Осмотрѣвъ обстоятельно невыгодное арміи нашей расположеніе, неудобство по свойству мѣста пользоваться успѣхомъ и въ случаѣ неудачи на (не?) возможность отступленія, оставался я предложить главнокомандующему объ оставленіи немедленно позиціи. Предложеніе всеконечно дерзкое, рѣшительность молодого человѣка; расчетъ однакоже былъ съ моей стороны, ибо лучше предпринять отступленіе съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, совершить его безпрепятственно, нежели дать сраженіе, и конечно безъ всякаго сомнѣнія не имѣть успѣха, а можетъ-быть не избѣжать и совершеннѣйшаго разбитія. Въ одномъ случаѣ, по мнѣнію моему, можно было рѣшиться на сраженіе, есaubы другая армія могла послѣ остановить успѣхи торжествующаго непріятеля и преодолѣть его, потерей обезсильнаго. Мы были совсѣмъ въ другомъ положеніи. Позади насъ ближайшія войска въ Калугѣ, малыя числомъ, слабыя составомъ. Они послѣ прибыли къ арміи, и если единообразное одѣяніе ручается за способность война, то генералъ отъ инфантеріи Милорадовичъ прибылъ изъ Калуги съ войскомъ!

Есaubы дождались мы непріятеля въ позиціи, съ нѣкоторою основательностію заключить возможно, что непріятель не атаковалъ бы насъ съ фронта позиціи, но оставя небольшую часть войскъ, дабы занимать насъ, перешелъ бы рѣку Лучесу со всѣми силами гораздо выше, и движеніемъ симъ поставя себя въ сношеніе съ лѣвымъ флангомъ корпуса Даву, въ Оршѣ и Дубровнѣ расположеннымъ, напалъ на насъ по направленію отъ Бабиновичъ, точно съ самой слабѣйшей стороны позиціи, о которой упомянулъ я выше. Непріятель по неудачномъ сраженіи имѣлъ тогда лучшую несравненно и прямѣйшую на Минскъ дорогу, и тотчасъ усиливалъ себя всѣмъ корпусомъ маршала Даву, что опять предоставляло ему средства къ дѣйствіямъ наступательнымъ.

Сей дель сдѣлалъ я первый надъ собою опытъ и удостовѣрился, что крайность лучшее побужденіе къ рѣшительности, и что самая трудность предпріятія въ глазахъ исчеза-

еть. Испыталъ также, что въ подобныхъ случаяхъ надобны исполнители, тою же дерзостію руководимые, тѣмъ же пламенемъ оживленные. Нѣтъ время разсужденіямъ, гдѣ одному дѣйствию мѣсто рѣшить часто одна минута!

Главнокомандующій колебался согласиться на мое предложеніе, простительно было заняться нѣкоторымъ размышленіемъ о положеніи нашемъ, и оно требовало всего со стороны начальника вниманія! Полковникъ Толя, вопреки мнѣнію многихъ, утверждалъ, что позиція соединяетъ все выгоды, что должно дать сраженіе. Генералъ-лейтенантъ Тучковъ видѣлъ необходимость отступленія, но боялся помыслить о исполненіи. Рѣшительность не была его свойствомъ. Онъ предлагалъ дожидаться вечера и отступить ночью. Ему надобна была та же нерѣшительность и въ непріятель. Генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ былъ моего мнѣнія, утверждать его не осмѣливаясь..... Я боялся и непреклонности главнокомандующаго, боялся и его согласія. Наконецъ, приказываетъ дать объ отступленіи повелѣніе. Палъ жребій и судьба изъ рукъ непріятели покинула лавръ побѣды!

Былъ первый часъ пополудни, авангардъ въ жесточайшемъ огнѣ, между арміи близкое разстояніе, и о присутствіи Наполеона извѣстили насъ пѣвныя. О дерзость, божество, предъ жертвенникомъ коего военный человекъ не разъ въ жизни своей долженъ преклонить колѣна, ты нерѣдко спутница благоразумія, нерѣдко, оставляя его въ удѣлъ робкому, провождаешь смѣлаго къ великимъ предпріятіямъ, тебѣ въ сей день приносъ я достойную жертву! Въ мгновеніе ока въ лагерьъ всеобщее движеніе. Войска стѣсняются въ походное устроеніе, тремя путями совершается отступленіе арміи.... Непріятель, какъ потомъ объявили намъ пѣвныя чиновники, принялъ его за перемѣну боеваго порядка арміи. Черезъ полчаса лѣсистое мѣстоположеніе скрыло все войска отъ глазъ непріятели. Я оставался до выступленія послѣдняго человека и войска понуждалъ выходить рысью.....

Глаза мои не отрывались отъ авангарда, все вниманіе обращено было на храбраго и достойнаго графа Палена. Отдающаяся армія, ввѣривъ ему свое спокойствіе, не могла, однакоже, оградить его силами непріятели соразмѣрными. Но поколебать мужества его ничто не было въ состояніи. Я окажу съ Горациемъ: „если разрушится вселенная, въ развалинахъ своихъ погребетъ его неустрашена“. До пяти часовъ

вечера сраженіе продолжалось съ равною жестокостію, и аррьергардъ отступилъ на другую сторону города, оставя неприятеля удивленнаго порядкомъ.*

Давыдовъ такъ разказываетъ объ этомъ славномъ подвигѣ Ермолова:

„Барклая, имѣя въ виду задержать неприятеля, дабы дать тѣмъ время князю Багратіону спѣшить чрезъ Могилевъ на соединеніе съ первою арміею, рѣшился принять сраженіе сперва впереди города, а поточъ позади его. Оно было отмѣнено по слѣдующимъ причинамъ: обѣ позиціи, весьма пересѣченныя, были крайне невыгодны для принятія сраженія съ превосходнымъ въ силахъ неприятелемъ, а потому гибельный исходъ битвы не могъ быть сомнителенъ, тѣмъ болѣе что части арміи были разобщены между собою оврагами и лѣсами. Рѣзкія возраженія начальника главнаго штаба 1-й арміи, Ермолова, настойчиво требовавшаго отступления арміи, спасли ее отъ гибели и значительной потери людей, тѣмъ болѣе бесполезной, что прибывшій на первомъ переходѣ изъ города Витебска адъютантъ князя Багратіона князь Меньшиковъ привезъ извѣстіе о занятіи Могилева войсками маршала Даву.

„Вотъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому и сообщенныя мнѣ очевидцами этого событія. Ермоловъ, которому уже удалось убѣдить главнокомандующаго не принимать сраженія впереди города, гдѣ по причинѣ пересѣченности и лѣсистости мѣстности наши полки, не видя одинъ другаго, могли лишь перекликаться, отправился изъ Витебска къ Острово, гдѣ мы потерпѣли поражение; возвратясь поздно въ городъ, онъ не засталъ уже здѣсь Барклая, который находился въ лагерѣ и возымѣлъ вновь намѣреніе сразиться съ неприятелемъ. Ермоловъ, выѣхавъ на разсвѣтъ изъ города, прибылъ къ правому флангу арміи, состоявшему изъ войскъ 2-го корпуса и управшемуся въ Двину; онъ былъ отдѣленъ отъ прочихъ частей арміи глубокимъ оврагомъ. Полковнику Никитину стоило величайшихъ трудовъ, чтобы перевести свою конную роту чрезъ этотъ оврагъ; позиціи прочихъ частей арміи были столь же невыгодны для принятія боя. Ермоловъ, знавшій эту мѣстность съ первыхъ дѣтъ своего

* Отъ многихъ современныхъ свидѣтелей я слышалъ, что Ермолову обазана была наша армія спасеніемъ подъ Витебскомъ. digitized by Google

служебнаго поприща, поспѣшнѣ къ Барклаю, и въ сильныхъ выраженіяхъ предсказывалъ ему бѣдственный исходъ сраженія, которое намѣревались здѣсь принять. „Насъ спасаетъ одно обстоятельство“, говоритъ онъ: „фронтъ позиціи нашей прикрытъ рѣчкою Лучесой, которую трудно перейти въ бродъ, но можно отыскать его гораздо выше; пока непріятель будетъ занятъ отыскиваніемъ удобныхъ бродовъ, мы должны поспѣшно начать отступленіе; иначе наша армія подвергнется разбитію по частямъ.“ Между тѣмъ графъ Паленъ уже вступилъ въ ожесточенный бой съ непріятелемъ. На собранномъ военномъ совѣтѣ всѣ единогласно согласились съ мнѣніемъ Ермолова; когда старшій изъ генералъ-лейтенантовъ арміи Николай Алексѣевичъ Тучковъ предложилъ удержать позицію до вечера, Ермоловъ съ величайшею запальчивостію возразилъ ему: „Кто же вамъ поручится въ томъ, что наша армія будетъ существовать до вечера? Можетъ-быть, вашимъ превосходительствомъ заключено условіе, по которому Наполеонъ обязывается не тревожить насъ до ночи?“ Результатомъ этого было то, что Барклай приказалъ войскамъ начать отступленіе. Барклай, предполагая, что Могилевъ занятъ войсками 1-й арміи, думалъ принять сраженіе близъ Витебска затѣмъ чтобы, задержавъ здѣсь Наполеона, облегчить тѣмъ соединеніе свое съ княземъ Багратиономъ. Но на 1-мъ переходѣ отъ Витебска прибылъ адъютантъ князя Багратиона князь Меньшиковъ, съ извѣстіемъ о занятіи Могилева маршаломъ Даву, а потому сраженіе близъ Витебска на крайне невыгодной мѣстности съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, предводимымъ самимъ Наполеономъ, неминуемо подвергало 1-ю армію жестокому и бесполезному пораженію, которое могло имѣть для нашего отечества самыя бѣдственные послѣдствія.“

Возвращаемся къ запискамъ Ермолова.

Въ самый день отступленія отъ Витебска (къ Порѣчью и Смоленску) прибылъ отъ князя Багратиона адъютантъ князь Меньшиковъ съ извѣстіемъ о происшедшемъ при Дашковѣ сраженіи, и что армія его безпрепятственно идетъ въ соединеніе. Атаманъ генералъ Платовъ съ войскомъ своимъ былъ уже на маршѣ къ арміи, и по разчету времени долженъ былъ уже съ нею соединиться, ибо князь Багратионъ, отправляя его, приказалъ ускорить движеніе. Я послалъ изъ конвоя

кого одного офицера и урядника Бугокаго казачьяго полка съ письмомъ къ атаману, и они, проѣхавъ среди непріятеля, на второмъ отъ Витебска переходѣ доставили мнѣ отвѣтъ его, изъ коего видно было, что онъ находится близко насъ, и флагъ арміи нашей закрываетъ.

Главнокомандующій былъ чрезвычайно доволенъ, офицера наградила двумя чинами и уряднику далъ одинъ.

Изъ Витебска главнокомандующій далъ порученіе великому князю отправиться въ Москву къ государю.
Я замѣтилъ многихъ сожалѣвшихъ о его отъѣздѣ, и, что болѣе гласитъ ему чести, людей непосредственно ему подчиненныхъ. Я не говорю о себѣ, ибо я обязанъ былъ многими милостями и самымъ благосклоннѣйшимъ обращеніемъ, которыхъ никогда не забуду. Со времени выхода изъ Петербурга и въ продолженіи компаніи, каждый шагъ его поведенія умножалъ привязанность къ нему служащихъ подъ нимъ. Я, командуя гвардейскою пѣхотною дивизіей и непосредственно завися отъ него, былъ свидѣтелемъ, что ни съ кѣмъ не случилось ни малѣйшаго неудовольствія, ниже тѣни непріятности. *

* Къ этому времени принадлежитъ письмо Ермолова къ Милорадовичу, которое служитъ намъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его тогдашнихъ чувствъ.

„Милостивый Государь,

„Михаилъ Андреевичъ!

„Если обстоятельства удерживали ваше высокопревосходительство въ которое время далеко отъ насъ, то судьба насъ нынѣ съ вами сблизила. Въ подобномъ положеніи можно было бы и не желать съ вами видѣться. Вотъ случаи, которыхъ ни предвидѣть невозможно, ни вѣрить ихъ событію нельзя. Спѣшите, почтеннѣйшій Михаилъ Андреевичъ, къ намъ, и ежели войска ваши не приспѣютъ раздѣлить славу нашу, пріѣзжайте вы одни. Я знаю, что вы здѣсь нужны. Пріѣзжайте всѣми любимыи начальникъ; будьте свидѣтелемъ сраженія, которому конечно равнаго долго не будетъ. Мы будемъ драться какъ львы, ибо знаемъ, что въ насъ — награда, въ насъ — защита любезнаго отечества. Мы можемъ быть несчастными, но мы Русскіе, мы будемъ умѣть умереть и побѣда достанется врагамъ нашимъ плачевною. Солдаты наши остережены ужасно. Надо показаться впереди и ничто конечно устоять не можетъ. Здѣсь вѣтъ почти полка, который бы не служилъ подъ начальствомъ вашимъ. Впереди насъ никто не бываетъ, покажитесь — и все противостоящее намъ останется истребленнымъ.“

Армія выступила въ Порѣчье, 5-й и 6-й корпусъ прибыли въ Смоленскъ.

Въ Порѣчьи генералъ-провіантмейстеръ Д. докладывалъ военному министру, что въ Велижѣ сожжены магазинъ, изъ нѣсколькихъ тысячъ четвертей овса и 64 т. пудовъ сѣна состоявшій.

На первомъ отъ Порѣчья переходѣ великій князь возвратился изъ Москвы и вступилъ въ командованіе 5-мъ корпусомъ. Отъ князя Багратіона получено извѣстіе, что онъ приближается безпрепятственно къ Смоленску, и если нужно, то однимъ днемъ послѣ насъ вступить въ городъ. Не знаю, съ какимъ намѣреніемъ предложилъ мнѣ главнокомандующій (но всеконечно не для испытанія образа моихъ мыслей, ибо не имѣлъ онъ въ томъ нужды), что какъ уже соединеніе армій не подвержено ни малѣйшимъ затрудненіямъ, то полковникъ полагаетъ онъ дѣйствовать по особому направленію, предоставивъ 2-й арміи операціонную линію на Москву, что обѣихъ армій продовольствіе затруднительно и можетъ даже быть недостаточнымъ, что въ Торонцѣ и на Волгѣ большіе заготовлены запасы, и Псковская и Тверская губерніи сдѣлали въ провіантѣ важныя пожертвованія, готовыя обратиться въ пользу арміи, и что для того предпочитаетъ онъ съ 1-ю арміею дѣйствовать по направленію на Бѣлой и вверхъ по рѣкѣ Двинѣ. Подобное намѣреніе подвержено многимъ возраженіямъ, и я долженъ былъ опроверженіе мое предложить не иначе какъ съ покорностію, но сродная мнѣ порывчивость, вѣрный признакъ недостатка во мнѣ благоразумія, которому многія въ жизни непріятности должны были научить меня, и которому, во сто разъ умноженные, знаю я, что не покорять, заставила меня горячо объясниться съ главнокомандующимъ. „Государь, говорилъ я ему, видя необходимость соединенія армій, многія для достиженія того сдѣлалъ жертвы. Отъ него ожидаетъ онъ счастливаго успѣха и возстановленія дѣла нашихъ. Къ тому устремлены его желанія, приуготовлены умы солдатъ и имъ обѣцано оное. Къ чему послужили 2-й арміи труды, перенесенныя ею, преодоляемыя ею опасности? Вы навсегда повергаете ее въ то положеніе, изъ котораго вырвалась она сверхъ всякаго ожиданія. Ошибки служатъ наставленіемъ, свои собственныя болѣе

учають. Разъ обманутый, непріятель въ другой разъ легко обмануть не будетъ!* Движеніе ваше къ Двинаѣ есть самое для непріятеля выгоднѣйшее, онъ, соединя свои силы, истребить слабую 2-ю армию, и васъ навсегда отдалить отъ полученныхъ областей, отъ содѣйствія прочихъ армій. Вы не смѣете сего сдѣлать, должны соединиться съ княземъ Багратиономъ, составить общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю государя. Россія не будетъ имѣть права упрекать васъ, и вы успокоите ее насчетъ участи армій.“ Я говорилъ съ жаромъ, но проникъ я наконецъ цѣль главнокомандующаго, и порывчивость моя могла казаться нѣсколько простибельною. Я видѣлъ, что соединеніе съ княземъ Багратиономъ было не пріятнымъ. Главнокомандующій, какъ военный министръ, могъ имѣть надъ нимъ нѣкоторую власть; князь Багратионъ, какъ старшій въ чинѣ, могъ не покоряться. Кажется, министръ не имѣлъ довольно твердости, надобно было именемъ государя объявить, что ему поручено начальство, но и князю Багратиону надлежало дождаться сего объявленія. О власть, даръ божества безцѣннѣйшій! кто изъ смертныхъ не вкушалъ сладостнаго твоего упоенія, кто недостойный не почитаетъ тебя участкомъ могущества Божія, его благостію удѣляемаго; кто во образѣ ея не признаетъ совершенства твоего, Непостижимый?

. О власть! трудны пути ведущіе къ тебѣ, велика мзда достигающимъ! Но для чего не однихъ украшаешь идущихъ путемъ правымъ? Для чего увѣнчываешь ты исторгающихъ тебя беззаконіемъ? и симъ расточаешь могущественныя твои очарованія! Твоими обольщеніями, твоею таинственною силою подвизается дерзковенный и...

Главнокомандующій, терпѣливо выслушавшій мое возраженіе, простилъ горячность незнанію моему обращаться съ людьми, и я замѣтилъ, что онъ часто удивлялся, какъ я, доживъ лѣтъ моихъ, не пересталъ быть Кандидомъ! Я почитаю себя простотѣ своей обязаннымъ, что онъ не перемѣнилъ ко мнѣ своего расположенія, или примѣтитъ того нельзя

* Маршалъ Даву, послѣ сраженія съ корпусомъ генерала Раевского, считая оный за авангардъ и вслѣдъ за нимъ ожидая всѣхъ войскъ арміи, отступилъ, въ ожиданіи генеральнаго сраженія, къ главнымъ своимъ силамъ въ Могилевъ, приготовляясь къ оборонѣ, и такимъ образомъ медленному за корпусомъ Раевского Багратиону данъ возможность пробрѣсти къ соединенію съ 1-ю арміею.

было, ибо ни холодите, ни менѣ обязательнымъ въ обращеніи быть никакъ невозможно.

....Я въ Смоленскѣ, тамъ, гдѣ въ ребячествѣ моемъ жила я съ моими родными, гдѣ служилъ въ молодости моей, гдѣ знакомъ со всѣми вообще, по брату моему, имѣющему тамъ родственныя связи; гдѣ, могу я сказать, жила въ удовольствіи, ибо безопасность и свобода, размножая къ тому причины, отдаляли всякое противное ощущеніе. Теперь я въ дѣтахъ прешедшихъ время пылкой молодости, и если не по собственному убѣжденію, то по мнѣнію многихъ, человѣкомъ порядочнымъ и уже занимающимъ важное въ арміи мѣсто. Какіе удивительные и едва ли для самого меня постижимые перевероты! Невольно вырываются у меня пріятнѣйшія воспоминанія, что я нѣкогда платилъ дань любви красотамъ, которыхъ Смоленскъ бывалъ отечествомъ. Здѣсь многіе предметы обновляютъ въ памяти многія происшествія, которыми одна счастливая молодость можетъ давать мѣсто, и которыя не повторяются въ жизни!

На другой день прибытія арміи къ Смоленску, 2-я армія была отъ города въ 12 верстахъ. Князь Багратионъ пріѣхалъ къ главнокомандующему съ нѣсколькими генералами, большою свитой, пышнымъ конвоемъ.

Они встрѣтились съ возможнымъ изъявленіемъ вѣжливости, со всѣми наружностями пріязни, съ холодностію и отдаленіемъ въ сердцѣ одинъ отъ другого.

Въ Смоленскѣ по званію моему имѣлъ я частое сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ, барономъ Ашемъ.... Положеніе арміи въ лицѣ его требовало человѣка дѣятельнаго, мо я могу сказать примѣръ его безопасности: когда армія наша прибыла изъ Витебска въ Порѣчье, онъ отправлялъ транспортъ съ провіантомъ въ армію изъ Порѣчья въ Витебскъ. Я долженъ былъ сдѣлать ему замѣчаніе, что опасность, грозящая губерніи, могла бы допустить со стороны его болѣе любопытства насчетъ арміи.

Въ Смоленскѣ нашли мы начало составленія земскаго ополченія, нашли нѣкоторое число собранныхъ мужиковъ безъ всякаго на возрастъ ихъ вниманія, худо снабженныхъ одеждою, совсѣмъ не вооруженныхъ *....

* Здѣсь (подъ Смоленскомъ) несогласія, существовавшія между Барклаемъ и княземъ Багратиономъ, достигли наибольшаго размѣровъ; благо-

Въ Смоленскѣ армія пробыла четыре дня, чтобы запастись хлѣбомъ. Главнокомандующій пригласилъ великаго князя и некоторыхъ изъ отличнѣйшихъ начальниковъ, и по долгомъ разсужденіи общее всѣхъ мнѣніе было атаковать непріятеля. Я въ первый разъ въ случаѣ столько важномъ видѣлъ великаго князя, и не могу довольно сказать похвалы, какъ о разсужденіи его чрезвычайно основательномъ, такъ и о скромности, съ каковою предложилъ онъ его. Я съ сего времени удвоилъ мое къ нему почтеніе. Главнокомандующій былъ одинъ, не весьма охотно давшій согласіе на атаку; онъ ожидалъ точнѣйшихъ о непріятелѣ свѣдѣній, и ожидалъ ихъ отъ передовыхъ постовъ, которые никакихъ не имѣли.... Все благоприятствовало предпринимаемой нами атакѣ. Разсѣянные на большомъ пространствѣ (въ Порѣчьѣ, Велижѣ, Суражѣ,

въ посредничествѣ Ермолова, воспользовавшагося болѣзною храброго, багродолаго, но медальювиднаго графа Сепри, сношенія между главнокомандующими, изъ которыхъ князь Багратионъ былъ гораздо старѣе въ чинѣ, и, какъ питомецъ Суворова, заклятой врагъ всякаго отступленія, сдѣлались гораздо дружеслюбвѣ: Ермоловъ, передавая приказанія Барклаю князю и доносенія его Барклаю, смягчалъ по возможности ихъ выраженія; онъ писалъ рядъ писемъ князю Багратиону, убѣждая его именемъ *Бога и отечества* не подавать новыхъ поводовъ къ несогласіямъ, не отказываться отъ командованія арміей и исполнять приказанія Барклая, ожидая терпѣливо назначенія новаго главнокомандующаго, какого требовали современныя обстоятельства.

Между тѣмъ Барклаю, выслушивая доносенія князя Багратиона, передаваемые ему Ермоловымъ, и глядя, по своему обыкновенію, раненую руку свою, говорилъ ему: „съ вашимъ княземъ можно еще служить вмѣстѣ“, князь Багратионъ говорилъ ему въ свою очередь: „съ твоимъ методикомъ Даву можно еще ладить.“ Къ несчастію, выздоровленіе графа Сепри, востановившее чрезъ дѣйствія, совершенно измѣнило весь ходъ дѣлъ....

....Близъ Смоленска Барклаю возмѣталъ мысль идти съ 1-ю арміей къ городу Бѣлому, направивъ вторую по Московской дорогѣ, гдѣ она, будучи предоставлена самой себѣ, не могла избѣжать полнаго пораженія. Ермоловъ, который, по своему пылкому и рѣшительному характеру, не могъ сочувствовать осторожному и методическому Барклаю, рѣзко возразилъ ему: „вы не осмѣлитесь, ваше высокопрез—ство, этого сдѣлать и тѣмъ отказаться отъ выгодъ, приобрѣтенныхъ нами чудеснымъ соединеніемъ арій.“ Барклаю, убѣдившись въ губельныхъ послѣдствіяхъ этого движенія, отказался отъ своего намѣренія. (Д. Давид.)

Оршѣ, Ладахъ, Витебокѣ) непріятельскія войска, бездѣйствиємъ нашимъ обезпеченныя, и въ надеждѣ продолжительнѣйшаго отдохновенія нашего покоящіяся, въ успѣхѣхъ удостоившяся.... Сто двадцать тысячъ Россіянъ съ любовью къ отечеству, съ отищеніемъ въ груди, и Богъ споборникъ правого! Кто могъ противустать? Дамъ приказъ къ наступленію! Воспрянула бодрость въ сердцахъ начальниковъ, разошлось веселіе между воинами. Уже слышенъ гласъ трубы, призывающей къ брани. Уже вѣютъ побѣдосносныя знамена! Съ изумленіемъзираетъ Смоленскъ на силы ополченій, и взоромъ ихъ объять не можетъ. Твердыя стѣны его сотрясаются отъ радостныхъ восклицаній воинства. Днѣпръ шумитъ, гордясъ согласнымъ пути его теченіемъ! Какъ вихрь летятъ поаки и въ мигъ разстояніе между нами исчезаетъ. Еще шагъ—и уже предъ лицомъ ихъ! Пресѣкаетъ путь вашъ, храбрые воины, величіе начальствующаго!

.....

Армія, не доходя на разстояніе небольшого марша отъ Рудми, остановились. Главнокомандующій колебался идти далѣе, князь Багратіонъ настоятельно того требовалъ. Высто быстро движенія, въ положеніи нашемъ единственнаго средства къ успѣху, дамъ арміямъ день отдохновенія. Дамъ непріятелю лишній день для соединенія силъ. Онъ могъ узнать о нашемъ предпріятіи...

.....

Взятый въ плѣнъ (Платовымъ при Лешаѣ) полковникъ утверждалъ, что они не знали о приближеніи арміи нашей, и никакихъ на то особенныхъ распоряженій не сдѣлано....

....Еще обстоятельства благоприятствовали намъ, еще ничто потеряно не было, есабы главнокомандующій твердъ былъ въ намѣреніи.... Главнокомандующій не только отклонился отъ исполненія предначертаннаго плана, но и перемѣнилъ его совершенно.

.....

Черезъ день вторая армія по причинѣ худой воды, произволившей болѣзнь, и не менѣе даже отъ недостатка оной, возвратилась въ Смоленскъ.....

Первая армія четыре дня безъ дѣйствія пребывала въ Мошанкѣ.....

.....

Главнокомандующій предпочиталъ дѣйствовать со стороны Поръбья, и нельзя постигнуть причинъ сего намѣренія. Отдѣлить ни одного изъ корпусовъ непріятельскихъ было невозможно.....

Никогда не забуду я страннаго намѣренія твоего, Барклай-де-Толли, и никогда не прощу тебѣ отъѣзду атаки на Рудню! За что терпѣлъ я отъ тебя упреки, Багратионъ, благодѣтель мой? Не я ли при первой мысли о нападеніи на Рудню настаивалъ на исполненіи, не я ли требовалъ скорости оного? Я всѣ средства употреблялъ удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласіе, боясь и малѣйшаго между вами охлажденія. Скажу и то, что въ сношеніяхъ вашихъ, въ объясненіяхъ одного съ другимъ, чрезъ меня происходившихъ, я холодность, грубость Барклая-де-Толли представлялъ предъ тебя во всѣхъ тѣхъ видахъ, какіе могли тебѣ казаться пріятными. Твои отзывы дерзкіе и колкіе передавалъ ему въ выраженіяхъ самыхъ обязательныхъ. Ты часто говаривалъ мнѣ, что не ожидалъ найти въ Барклаѣ столько хорошаго, какъ нашелъ въ немъ. Не разъ онъ мнѣ повторялъ, что онъ не думалъ чтобы можно было служить вмѣстѣ съ тобою съ такою пріятностію. Благодаря довѣренности обоихъ васъ ко мнѣ, я долго бы удерживалъ васъ въ семъ мнѣніи, но причиною вражды между вами помощникъ твой графъ Сен-При. Онъ съ завистью смотрѣлъ на то, что я болѣе его употребленъ былъ и твоею пользовался дружбою. Начальство Барклая-де-Толли, званіе его военного министра, мнѣ, какъ чиновнику къ нему близкому, давали надъ Сен-При нѣкое первенство и занятіямъ моимъ бѣольшую наружность. Онъ пользу общую заставлялъ молчать предъ собственною. Хотѣлъ значить болѣе нежели должно, болѣе нежели могъ, и тѣмъ хуже для тебя, что молодому сему и счастьемъ и дворомъ избалованному человѣку далъ ты слишкомъ много свободы!

Потерявъ много времени, потерявъ время безцѣнное, 1-я армія изъ Моцивки пошла тою же дорогою обратно къ Руднѣ. Точнаго намѣренія не было ни искать непріятеля, чтобы съ нимъ сразиться, ни дожидаться его прибытія, но довольно чати впередъ, чтобы князь Багратионъ присоединился. Лишь армія прибыла къ селенію Гаврику, гдѣ стоялъ авангардъ

генералъ-адъютанта Васильчикова, войска 2-й арміи были уже на второмъ отъ Смоленска маршѣ и приближались, чтобы занять лѣвое крыло позиціи.....

Въ сіе самое время князь Багратионъ получилъ рапортъ генералъ-майора Невѣровскаго, что 3-го числа іюля непріятель въ большихъ силахъ весьма напалъ на него въ Красномъ, гдѣ упорно защищаясь, былъ онъ вытѣсненъ, стремительно преслѣдуемъ, потерпѣлъ значимый уронъ, потерялъ нѣсколько пушекъ и отступаетъ къ Смоленску. Нерасторопный курьеръ былъ сутки въ дорогѣ, и непріятеля можно уже было полагать въ движеніи на Смоленскъ. Во время чтенія рапорта слышенъ былъ глухой звукъ выстрѣловъ, и передовые посты извѣстили о сильной канонадѣ.

Корпусу генералъ-лейтенанта Раевского приказано тотчасъ идти послѣднимъ къ генералъ-майору Невѣровскому въ подкрѣпленіе. 2-я армія немедленно пошла къ Смоленску, вслѣдъ за нею отправилась и 1-я армія. Атаману Платову велѣно, собравъ партіи, отойти къ селенію Приказъ-Выдра и тамъ расположиться..... Въ Смоленскѣ было величайшее смятеніе. Губернаторъ баронъ Ашъ уѣхалъ первый, не сдѣлавъ ни о чемъ распоряженія, не давъ никакихъ подчиненнымъ наставленій. Все побѣжало! Исчезли власти, не стало порядка!

Возвращаясь отъ селенія Гаврики, склонилъ я флигель-адъютанта полковника Кикина вступить въ должность дежурнаго генерала, которую оставилъ онъ за болѣзнію, не принималъ за упрямствомъ. Особенная сродная ему склонность къ порядку, необыкновенная дѣятельность и знаменіе новаго порядка дѣла, при введеніи коего онъ находился и самъ способствовалъ образованію дежурства арміи, заставили меня искать его, а паче сближеніе его со мною, когда ни я не привлекателенъ, ни онъ не привязчивъ, давало мнѣ подозрѣніе, что онъ собственно для меня въ томъ не откажетъ. Помню даже, что разъ упрекалъ ему равнодушіемъ къ безпорядкамъ, нечувствительностію къ общей пользѣ. Я ничѣмъ не тратилъ его; сыскалъ его дружбу, и онъ согласился!

Ты, преупрямѣшее существо, Кикинъ, котораго въ послѣдствіи любилъ я какъ брата, котораго почитаю честностію правилъ и прекрасное свойство души, поздно началъ ты смѣяться надъ моимъ обращеніемъ, поздно странными нашелъ употребляемые мною въ обхожденіи способы, столько по

нужности одинаковые, столько разнообразны по дѣйствию. Они и надъ тобой самымъ имѣли дѣйствіе. Ты не примѣтилъ, что впечатаніе ихъ зависитъ отъ различнаго образа чувствъ, и если можно мнѣ доказать, что и ты, и Ставраковъ одинаково понимаеи вещи, то соглашусь я, что любезный другъ, старый товарищъ и почтенный сослуживецъ одинаково всѣмъ принимаемы и одинаковую цѣну въ чувствахъ каждаго имѣютъ. Чѣмъ сблизилъ я тебя съ собою? Обыкновеннымъ умомъ непривлекаютъ! Конечно, не очаровалъ пріятностію: взгляни мнѣ въ рожу, или послѣ собственной твоей кажусь я еще хорошимъ? Итакъ успѣлъ я моимъ обращеніемъ, обыкновенными моими средствами, и Кикинъ мнѣ братъ, а Ставраковъ сослуживецъ!

Прощай, Ставраковъ, любезный сослуживецъ, несчастный дежурный генералъ, комендантъ несравненный! Уже не входилъ ты ко мнѣ съ представленіями и не требуешь разрѣшенія, накладывать ли на подводы твоихъ раненыхъ, кои идти не могутъ? Уже не вижу тебя углубленнаго въ размышленіе, столько наряжать людей на похороны умирающимъ чиновникамъ, и въ сомнѣніи бѣгущаго ко мнѣ за разрѣшеніемъ. Прощай, но прими благодареніе мое за упражненіе дѣятельности моей, за удержаніе меня въ трудахъ непрерывныхъ. Ты прервалъ связь мою съ лѣвостію, ты утвердилъ въ неутомимости, и благодаря тебѣ, я и твою отправлялъ должности! О лѣвость, всегда мною чтимая! прими меня возвращающагося къ тебѣ, клянусь вѣчнымъ постоянствомъ. Распрости вѣжливя твои объятія, и я почию въ нихъ своимъ праздности. Ксенофонты! неси соломы, стели роскошную постелью. Адъютанты! Кикинъ, дежурный генералъ, добра ночь!

4 числа іюля весь день генералъ-лейтенантъ Раевскій драгса одинъ съ своимъ корпусомъ и 27 дивизіей. 2 армія прибыла поздно въ вечеру; 1 армія ночью. Онъ не только не пустилъ непріятели въ городъ, но занявъ предмѣстія, и силами овладѣть не допустилъ...

5 числа сраженіе продолжалось съ жестокостію, уронъ нашъ былъ чувствителенъ, но стѣны, насъ ограждавшія, укрывая отъ дѣйствія артиллеріи, сдѣлали его ничтожнымъ въ сравненіи съ потерей непріятели, которая была ужасна. Въ семь случаевъ Намозеомъ не пощадилъ Поляковъ, и они, рабственно

прихотамъ его служащія, понесли на себя всю почти потерю. За часъ до вечера непріятель приблизился весьма къ стѣнѣ и стрѣлки наши должны были войти въ городъ. Часть предметовъ, лежащая по Днѣпру съ лѣвой стороны, была во власти его, мостъ осыпаемъ былъ ядрами приблизившихся его батарей, городъ во многихъ мѣстахъ объятъ пламенемъ...

....Князь Багратионъ склонялъ главнокомандующаго непрерывно на слѣдующій день защищать городъ и атаковать непріятеля, предлагая съ своею арміею переправиться на лѣвый берегъ, и чтобъ онъ то же сдѣлалъ съ своей стороны. Главнокомандующій спросилъ о томъ при мнѣ полковника Толя мѣвнѣ, который отвѣчалъ, что надобно атаковать непріятеля двумя колоннами изъ города. Я возразилъ противъ сего предложенія, и удивился, что человекъ съ его понятіями могъ допустить столько неосновательныя мысли и въ случаѣ столько важномъ. Какъ предложить атаковать изъ города, когда въ немъ малое число весьма воротъ (замѣтить должно, что ворота не прямыя, но имѣютъ повороты)? Какое продолжительное надобно время, чтобы не большое число войскъ могло пройти ихъ, и какъ развернуть ихъ подъ огнемъ артиллеріи, къ самымъ почти стѣнамъ города придвинутой, дабы дать мѣсто второй линіи и резервамъ, и когда приспѣть можетъ сопровождающая атаки артиллерія? Какъ собрать войска въ улицахъ города, гдѣ не осталось дома не разрушеннаго артиллеріею, и требовать отъ нихъ порядка и устройства? Я присоединилъ къ возраженію моему случай отступленія, при которомъ всѣ упомянутыя неудобства возрасти должны въ большей степени. Главнокомандующій согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Я представилъ, что если необходимо нужно атаковать непріятеля, то переправиться на ту сторону Днѣпра мимо города и съ правой его стороны; ибо тогда весь форштатъ принадлежалъ еще намъ, и усилія его оборону, можно было удержать оный за собою. Устраиваемые чрезъ Днѣпръ мосты могли быть сильно защищены батареями праваго фланга крѣпости..... Въ случаѣ отступленія близки были каменные церкви и большіе монастыри съ оградами, которые успѣхамъ непріятеля не дали бы распространиться. 2-я армія никакъ не должна была переправиться выше и атаковать правое непріятеля крыло, какъ то предполагалъ князь Багратионъ, ибо непріятель или бы воспрепятствовалъ ея переправѣ по близости оной, а еслибы

исправлялась она даѣе, то по разстоянію ея отъ 1-й арміи могъ совершенно ее уничтожить. Трудно было въ такомъ случаѣ удержать согласіе въ дѣйстви, соблюсти взаимное подкрѣпленіе, имѣя единственное сообщеніе чрезъ городъ, мнѣчайшей медленности подверженное, которое могъ непріятель нарушать, весьма малыми силами не выпуская войскъ нашихъ изъ города, тогда какъ безпрепятственно сосредоточивать могъ свои войска по произволу. Возражая такимъ образомъ противъ неосновательнаго мнѣнія князя Багратиона и полковника Толя, я въ свою очередь сдѣлалъ также неблагоразумный поступокъ, поддерживая предложеніе гг. корпусныхъ командировъ, которме чрезъ генералъ-майора графа Кутайсова представляли главнокомандующему, чтобъ еще одинъ день защищать Смоленскъ. Его необходимо было защищать въ одномъ только случаѣ, есаибы положено было атаковать непріятеля непремѣнно. Если главнокомандующій съ перваго дня не имѣлъ того намѣренія, то и защищать его не должно было, ибо даже и удержать за собою бесполезно.... Наполеонъ искалъ случая вступитъ въ сраженіе, ибо дальній путь и быстрый ходъ чрезвычайно измуряли его войско, которое отъ продолженія времени ослабѣвало ощутительно, и въ сихъ только причинахъ надобно искать начало безпомыслия его при Смоленскѣ усилій.

Главнокомандующій приказалъ ночью оставить городъ, и войскамъ, перейдя на правый берегъ, истребить мостъ. До вечера продолжившееся сраженіе не допустило войска рано оставить городъ и послѣдніе полки вышли предъ разсвѣтомъ безпрепятственно, за коими вскорѣ непріятель занялъ городъ.

Я приказалъ вынести изъ города образъ Смоленской Богородицы, укрывая его отъ безчестія, дѣлаемыхъ непріятелемъ со святынею. Принялъ его, отслужилъ молебень и видѣлъ съ радостію, что надъ солдатами произвело сіе хорошее дѣйствіе....

6 числа сдѣлано распоряженіе объ отступленіи. Того же числа армія князя Багратиона пошла къ селенію Плева слобода, дабы переправиться за Днѣпръ благовременно.

Итакъ оставилъ мы тебя, Смоленскъ! Судьба претала намъ защищать тебя долѣе. Привлекли на тебя всѣ роды бѣдствій, наполнили отчаяніемъ и страхомъ, превратили въ жилище ужаса и смерти. Собственными руками ускорилъ твое

разрушеніе, разнеси пожирающій тебя пламень, и ты, озаря насъ сіяніемъ сѣдлающихъ тебя пожаровъ, казалось, уврекаешь намъ твоимъ бѣдствіемъ, и въ стыдъ намъ расточаешь мракъ, скрывающій намъ отступленіе.

Разрушеніе Смоленска познакомило меня совсѣмъ съ новымъ для меня чувствомъ, котораго войны, вѣдь предѣловъ отечества выносимыя, не сообщаютъ.

Не видѣлъ я опустошенія земли собственной, не видѣлъ пылающихъ городовъ своего отечества. Въ первый разъ въ жизни колуся ушей моихъ стонъ соотчичей, впервые раскрылись глаза мои на ужасъ бѣдственнаго ихъ состоянія, и конечно на всю жизнь останутся въ сердцѣ воспоминанія. Незнакомо было мнѣ сіе чувство, судьба и оному научила. По занятіи непріятелемъ Смоленска приказано было бросать бомбы въ городъ, и Французы не малый потерпѣли уронъ....

Началось седьмое число, происшествіями достопамятное. Главнокомандующій, поѣхавъ въ полночь отъ Смоленска, полагалъ, что войска, отступившіе съ вечера, прошли уже большое разстояніе, но весьма былъ удивленъ, найдя на лагерѣ весь корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута. Трудный путь, худыя переправы, ночь необычайно темная, останавливали на каждомъ шагу движеніе артиллеріи, и войска едва подвигались впередъ. Уже оставалось ночи весьма короткое время и до разсвѣта почти невозможно было удалиться изъ виду непріятельскихъ армій. Почувствовалъ главнокомандующій непріятность нашего положенія, и сколько въ подобномъ случаѣ опасно, если будутъ насъ преслѣдовать Французы, въ чемъ нельзя было впрочемъ усомниться! Онъ приказалъ мнѣ ѣхать и употребить всѣ средства къ скорѣйшему войскъ ходу, употребилъ даже просьбы, чтобъ я старался о томъ сколько возможно *. Отъѣзжая, пожелалъ я ему, чтобы въ сей день ничего съ нами не случилось, но оба мы въ томъ сомнѣвались. Проѣхавъ не болѣе трехъ верстъ, прогоняя впередъ артиллерію, нашелъ я среди пѣхотной колонны два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, начальникъ коней доносилъ мнѣ, что онъ, не болѣе двухъ-сотъ шаговъ оттуда стоя на посту, былъ прогнанъ непріятелемъ, залавшимъ его мѣсто, при чемъ

* Я рѣдко видѣлъ его столько любезнымъ и даже на французскомъ языкѣ, на которомъ онъ не былъ чужеземцемъ.

равно у него два гусара. Отъ него узналъ я, что вѣсть съ нимъ на посту были егеря отъ авангарда князя Горчакова, которые отошли прежде нежели отрядъ г.-м. Тучкова прошелъ сіе мѣсто, но тогда непріятель еще не появлялся. Поправить сего было невозможно, ибо ни положенія непріятеля, ни силъ его по темнотѣ нельзя было рассмотретьъ, и оставалось только желать, чтобы войска успѣли пройти безъ препятствія сіе мѣсто, гдѣ между прочимъ переправа около мельницы не мало была затруднительна. Я извѣстилъ главнокомандующаго о семъ обстоятельстве и поспѣшилъ далѣе. Строгость, угрозы и шумъ моихъ адъютантовъ прогоняли артиллерію, что одно и надобно было, ибо войска могли идти скоро. Начиная разсвѣтать немного, и войска, одѣлавъ около десяти верстъ пути, остановились нѣкоторое время, и я знаю причину, что идущій въ головѣ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ генераль-адъютантъ Уваровъ расположился фуражировать въ деревнѣ и выучить на лошадей сѣно. Еслибъ Уваровъ и былъ для арміи человѣкомъ необходимымъ, то въ сію минуту конечно былъ ей въ тягость. Какъ начальникъ главнаго штаба, имѣющій власть приказывать именемъ главнокомандующаго, пишу я къ нему записку и.... не пишу комплиментовъ,—корпусу назначаю, не дожидаясь пѣхоты, идти занять то мѣсто, гдѣ проселочная дорога, по коей мы идемъ, соединяется съ почтовою. Вскорѣ услышаны пушечные выстрѣлы изрѣдка, и спустя мало времени потомъ, гораздо чаще; я приказалъ пѣхотѣ идти сколько можно поспѣшнѣе. Начальствующій всею колонною ген.-лейт. Тучковъ (Николай Алексѣевичъ) оставался ночевать въ деревнѣ и его ѣхать было невозможно, но я, увидѣвшись съ ген.-лейт. Коновницынымъ и переговора съ нимъ, былъ увѣренъ, что сей въ трудахъ неутомимый человѣкъ все исполнитъ наилучшимъ образомъ. Я посылаю къ главнокомандующему адъютанта и прошу извѣдомить меня, что происходитъ въ арріергардѣ? Пишу къ нему записку, что если противъ него каювада, то нѣтъ ничего опаснаго, и если даже можетъ быть потеря, но не будетъ слѣдствій; ежели же дѣйствуетъ отрядъ г.-м. Тучкова (впереди), то легко можетъ быть отрѣзана большая дорога и мы атакованы на маршѣ, и тогда трудно даже будетъ соединиться съ другою колонною арміи, которая пошла прямо на переправу черезъ Днѣпръ у Пяевой слободы. Для ускоренія движенія приказалъ я посадить

людей на орудія и идти рысью. Вскорѣ получаю извѣстіе отъ главнокомандующаго, что арріергардъ сильно пресѣдваемъ непріателемъ, который, по занятіи предмѣстія на правомъ берегу, захватилъ высоты, мимо коихъ проходила колонна *, и движеніемъ симъ отрѣзалъ арріергардъ такъ, что часть кавалеріи онаго должна была проекакивать подъ выстрѣлами и что для покрѣпленія онаго возвратилъ онъ весь 2-й корпусъ генераль-лейтенанта Багговута, который, вытѣснивъ непріателя изъ его положенія, открылъ арріергарду путь къ отступленію, но что однакоже сраженіе, продолжалось весьма сильно, требуетъ его тамъ присутствія. Между тѣмъ выходитъ генераль-адъютантъ Уваровъ съ кавалерійскимъ корпусомъ на почтовую дорогу, за нимъ вслѣдъ 1-я гренадерская и 3-я пѣхотная дивизіи. На самомъ соединеніи дорогъ расположенъ былъ Елисаветградскій гусарскій полкъ, принадлежащій отряду генераль-майора Тучкова, котораго полагали въ 7 верстахъ впереди къ городу, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ авангардъ 2-й арміи генераль-лейтенанта князя Горчакова. Командиръ полка донесъ, что и самъ генераль-майоръ Тучковъ не болѣе одной версты впереди. Отъ него узнали мы, что генераль-лейтенантъ князь Горчаковъ, не дождавшись его, отошелъ съ авангардомъ ко 2-й арміи, снявъ вообще всѣ посты, и только оставилъ три полка Донскіе въ командѣ генераль-майора Карпова, которымъ также приказано слѣдовать къ арміи. Я останавливалъ сіи полки, чтобы сколько можно удерживали они непріателя, который имѣлъ съ нами весьма слабую перестрѣлку и впередъ не подавался. Генераль-майоръ Тучковъ могъ еще подвинуться около двухъ верстъ, но далѣе расположенъ былъ непріатель въ силахъ. Я предложилъ генераль-лейтенанту Тучкову 1-му подкрѣпить отрядъ генераль-майора Тучкова гренадерскими лейбъ- и графа Аракчеева полками подъ командою полковника Желтухина 2-го и полуротою батарейной артиллеріи. Всѣ прочіе войска отошли на ночь въ 6 верстъ далѣе къ сторонѣ Дорогобужа. Было десять часовъ утра и довольно спокойно со стороны Смоленска, но слишкомъ рано было, чтобы до конца дня надѣяться на продолженіе сего спокойствія, и слишкомъ близко позади соединеніе

* Мѣсто, о которомъ сказалъ я выше и гдѣ наряды были мною два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка.

обѣихъ дорогъ. Еще не прибылъ 4-й корпусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, много артиллеріи разбросано было по дорогѣ, 2-й корпусъ былъ въ далекомъ разстояніи, и арріергардъ, которому служилъ онъ подкрѣпленіемъ, удерживалъ ходъ его. Позади соединенія дорогъ въ двухъ верстахъ была весьма выгодная позиція, которой фронтъ, нѣль окрестными мѣстами возвышенный, прикрывался болотистою чрезвычайно рѣчкой, но нельзя было занять оную, ибо надлежало уступить дорогу непріятелю. Итакъ необходимость заставила расположиться въ позицію самой невыгодной. Правый флангъ ея простирался по холму, коего защищеніе было существенно для насъ важностию, ибо онъ закрывалъ у подошвы его сходящіяся позади дороги, и его не имѣя, не можно было ни отступить, ниже усилить какую-либо часть войскъ всего боеваго устройства, ибо по всему распростертію линіи, съ одного сего фланга можно было проходить войскамъ. Центръ позиціи покрывался частымъ кустарникомъ по низкому и частию болотистому мѣсту. Къ лѣвому крылу нѣсколько впередъ выдавался лѣсъ, густой, но необширный; на конечности оного пространное поле, для дѣйствія конницы удобное, склонялось назадъ къ ручью весьма тучистому. Необходимо было занять поле сіе и даже отдѣлать на то значущую часть артиллеріи, ибо непріятель, устроив на немъ свои батареи, охватывалъ тылъ всѣхъ прочихъ частей линіи нашей и дорогу къ нимъ ведущую.

Генералъ-майоръ Тучковъ далъ знать, что примѣчено умноженіе непріятельскихъ силъ, и препроводилъ схваченныхъ двухъ виртембергскихъ гусаръ, которые сказали, что 16 полковъ непріятельской кавалеріи ожидаютъ прибытія пѣхоты въ большомъ количествѣ и тогда сдѣлаютъ на насъ нападеніе. Генералъ-майоръ Карповъ увѣдомилъ, что разѣзды его открыли переправу французской арміи на правый берегъ Давпра по нѣсколькимъ наведеннымъ мостамъ. Я предложилъ генералъ-лейтенанту Тучкову 1-му возвратитъ войска, отошедшія на ночлегъ, и донесъ о извѣстіяхъ главнокомандующему. Онъ прислалъ мнѣ приказаніе вступить въ сраженіе, и увѣдомилъ, что онъ придетъ самъ, устроивъ дѣла арріергарда. Обстоятельства сраженія видны изъ реляціи ниже сего, которую подалъ я главнокомандующему отъ 22 сентября, за № 501, и которую приказалъ онъ мнѣ прямо отъ себя представить его свѣтлости фельдмаршалу князю Кутузову.

Важныя происшествія, сопровождавшія сіе сраженіе, затруднительное положеніе, изъ коего съ выгодою вышли войска наши, и особенная довѣренность, возложенная на меня въ сей день главнокомандующимъ, позволяютъ мнѣ съ пріятностію распространиться о такомъ дѣлѣ, въ которомъ главнокомандующій большую часть успѣха обратилъ собственно на счетъ мой.

Реляція о сраженіи 7-го числа августа при селеніи Заболотье.

По трехсуточномъ защищеніи города Смоленска определено было отступленіе арміи. 2-я армія прикрывала переправу чрезъ Дняпръ, большими непріятельскими силами угрожаемую. Авангардъ ея былъ въ 6 верстахъ отъ Смоленска на Московской дорогѣ. 1-я армія слѣдовала двумя колоннами. Первая подъ командою генерала Дохтурова, изъ 5-го и 6-го корпусовъ и арріергарда генерала отъ кавалеріи Платова, слѣдовала дорогою, отъ непріятеля отклонившеюся и безопасною. 2-й, 3-й и 4-й корпуса и арріергардъ генераль-адъютанта барона Корфа должны были сдѣлать фланговой маршъ для достиженія большой Московской дороги, путями трудными и гористыми, ходъ ихъ умедливающимъ. Въ продолженіи сего авангардъ 2-й арміи отошелъ и на смѣну его заблаговременно посланный отрядъ генераль-майора Тучкова 3-го, состоящій изъ 20-го и 21-го егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и гусарскаго Елисаветградскаго полковъ, встрѣтилъ уже непріятеля на одиннадцатой верстѣ отъ города.

Арріергардъ генераль-адъютанта барона Корфа въ близкомъ отъ Смоленска разстояніи былъ атакованъ большими непріятеля силами. Ваше высокопревосходительство, свидѣтель сего упornaго сраженія, должны были ввести въ дѣло 2-й корпусъ генераль-лейтенанта Багговута, прочіе корпуса продолжали путь свой. Я получилъ повелѣніе вашего высокопревосходительства ускорить ихъ движеніе. Важность обстоятельствъ того требовала: надобно было захватить соединеніе дорогъ. Невозможно было употребить дозволено поспѣшности. Соединеніе было близко отъ Смоленска, отрядъ генераль-майора Тучкова 3-го слабъ противъ непріятеля. Именемъ вашего высокопревосходительства приказалъ и 1-му кавалерійскому корпусу генераль-адъютанта Уварова

поспѣшно занять соединеніе дорогъ, что было исполнено безъ замедленія. 3-й корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го, горавшій желаніемъ встрѣтить непріятеля, пришелъ по свѣдѣніямъ кавалеріи. Генералъ-майору Пасоєку поручилъ проводить артиллерію рысью. 4-й корпусъ генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстаго пришелъ мало времени спустя. Я нашелъ отрядъ генералъ-майора Тучкова 3-го въ двухъ только верстахъ отъ соединенія дорогъ. Приказалъ часть пѣхоты подвинуть впередъ, подкрѣпилъ [его бригадою полковника Желтухина изъ лейбъ-гренадерскаго и графа Аракчеева полковъ и 6-ю батареями орудіями. Передовые посты были въ перестрѣлкѣ, но непріятель былъ слабъ. 3-й и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлеги въ 6-ти верстахъ разстоянія. Въ два часа по полудни усилился огонь на передовыхъ постахъ, и два дезертира объявили, что непріятель въ числѣ двѣнадцати полковъ пѣхоты и кавалеріи готовъ сдѣлать нападеніе, коль скоро большія силы, переправляющіеся съ лѣваго берега Днѣпра, къ нимъ присоединятся. Командующій передовыми постами войска Донскаго генералъ-майоръ Карповъ далъ извѣстіе, что непріятель со многими силами переходитъ рѣку. Я извѣстилъ о семъ генералъ-лейтенанта Тучкова и 3-му корпусу приказалъ придти поспѣше. Передовые посты уступили силамъ непріятеля и къ пятому часу долженъ былъ уже и 4-й корпусъ приблизиться. Я довелъ вашему высокопревосходительству и вамъ угодно было приказать мнѣ расположить войско въ боевое устройство въ ожиданіи вашего прибытія изъ арріергарда. Вскорѣ началось дѣло во всей силѣ. Непріятель употребилъ всѣ усилія по большой почтовой дорогѣ. Но выгодное положеніе съ нашей стороны и не приспѣвшая еще дотолѣ непріятельская артиллерія дала возможность удержаться. Непріятель умножилъ стрѣлковъ на лѣвомъ флангѣ отряда генералъ-майора Тучкова 3-го, но по распоряженію его употребленный 20-й егерскій полкъ съ генералъ-майоромъ княземъ Шаховскимъ удержалъ его и далъ время 3-й дивизіи полкамъ Черниговскому, Муромскому и Селегинскому приспѣть и утвердиться.

Вскорѣ прибыла непріятельская артиллерія и канонада съ обѣихъ сторонъ усилилась чрезвычайно. Ваше высокопревосходительство изволили прибыть къ сражающимся войскамъ. Появилась непріятельская кавалерія и какъ туча возлегаа на правомъ крылѣ своемъ. Всю бывшую при корпусахъ кавалерію,

кромѣ 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Силы непріятеля были превосходны, мѣстоположеніе въ его пользу. Позади нашей кавалеріи болотистый ручей, трудная переправа артиллеріи. Но бригада подъ командою генералъ-майора князя Гуріаза, быстро вытѣсняящая непріятельскую пѣхоту изъ лѣса, къ которому прилежала его кавалерія, сдѣлала атаки ея вѣрнѣйшими, робкими, паче же Перновскій полкъ съ генералъ-майоромъ Чоголковымъ, выстроенный въ колонны среди самого непріятеля, подкрѣпляя нашу кавалерію, удвоилъ ея силу. 24 орудія сдѣлали ее непреодолимою! По силамъ непріятельской кавалеріи, казалось, должно было одной лишь быть атакѣ и вмѣстѣ съ нею истребленію лѣваго нашего крыла. По храбрости войскъ нашихъ, каждая атака обращена была въ бѣгство какъ съ потерей, равно и со стыдомъ непріятеля. Кавалеріей и казаками приказалъ я командовать генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову. Съ обѣихъ сторонъ повторенныя равнымъ образомъ атаки и отраженіе продолжались довольно долго. Въ сіе время прибыла 17-я дивизія генералъ-лейтенанта Олсуфьева и утомленные въ дѣлѣ съ арріергардомъ генералъ-адъютанта барона Корфа полки употреблены были въ подкрѣпленіе праваго крыла, какъ пункта отъ главныхъ непріятеля атакъ удаленнаго. На центрѣ усилились батареи непріятеля, но противостояшія неустрашимо 3-й дивизіи полки Черниговскій, Муромскій и Селевгискій, удержавъ мѣсто, отразили непріятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привелъ въ замѣшательство часть войскъ, оную прикрывавшихъ. Въ должности дежурнаго генерала-флигель-адъютантъ полковникъ Кикинъ, адъютантъ мой лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Граббе и состоявшій при мнѣ штабъ-ротмистръ Деюнкеръ, адъютантъ генерала Милорадовича, собравъ разсыянныхъ людей, бросались съ барабаннымъ боемъ въ штыки, и въ короткое время очистили дорогу, возстановивъ тѣмъ связь между частями войскъ. Не успѣвшій въ намѣреніи непріятель отклонилъ атаку и послѣднія усилія на правое наше крыло. Батарея наша изъ четырехъ орудій была сбита, и я, не вѣряя утомленнымъ полкамъ 17-й дивизіи возстановленіе прерываемаго порядка, лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ въ присутствіи вашего высоконпревосходительства повелъ самъ на батарею непріятельскую. Полковникъ Желтухинъ, дѣйствуя отличо храбро,

опрокинулъ все, что ему встрѣтилось на пути. Я достигалъ уже батареи, но сильный каретный огонь, храброму сему полку пресѣкшій путь, привелъ его въ разстройство. Атаки непріятели однакоже прекратились. Полкъ занялъ прежнее свое мѣсто, и съ обѣихъ сторонъ возгорѣлся сильный ружейный огонь. Екатеринославскій гренадерскій полкъ пришелъ къ помощи и полки 17-й дивизіи участвовали, а болѣе стрѣлками. Генераль-майоръ Тучковъ 3-й, опрокинувшій сильную непріятельскую колонну, и увлеченный успѣхомъ, во время, къ ночи уже клонящееся, взять въ плѣнъ. Генераль-лейтенантъ Коновницынъ, не взирая на сильный повсюду непріятельскій огонь, оттѣснилъ непріятели на всѣхъ пунктахъ праваго крыла на большое разстояніе. Мѣсто сраженія и даже далѣе удержалъ за нами. Онъ учредилъ посты, отпустилъ артиллерію, снялъ войска съ позиціи въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, и армія безпрепятственно отступила къ Дорогобужу и соединилась со 2-ю арміею.

Списки объ отличившихся... имѣю честь представить, съ моей стороны довѣренность вашего высокопревосходительства стараюсь заслужить справедливостію моего донесенія.

.

Д. В. Давыдовъ такъ описываетъ это дѣло:

„Распорядившись насчетъ отступленія арміи изъ-подъ Смоленска, Барклай и Ермоловъ ночевали въ арріергардѣ близъ самаго города. Барклай, предполагая, что прочіе корпуса арміи стануть, между тѣмъ, выдвигаться по дорогѣ къ Соловьевой переправѣ, приказалъ разбудить себя въ полночь, на того чтобы лично приказать арріергарду начать отступленіе. Когда наступила полночь, онъ съ ужасомъ увидалъ, что 2-й корпусъ еще вовсе не трогался съ мѣста; онъ сказалъ Ермолову: „nous sommes en grand danger comment cela a-t-il-pu arriver?“ Къ этому онъ присовокупилъ: „повъжайте впередъ, ускоряйте маршъ войскъ, а я пока здѣсь останусь“. Дурныя дороги задержали корпусъ Остермана, который слѣдовалъ потому весьма медленно. Прибывъ на разсвѣтъ въ мѣсто, гдѣ корпуса Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлегъ, Ермоловъ, имѣвъ Барклая, приказалъ имъ слѣдовать далѣе. Князь Багратионъ, Ермоловъ и Толь утверждаютъ, что Тучкову 3-му

надлежало не только занять перекрестокъ дорогъ, но и придвинуться ближе къ Смоленску на подкрѣпленіе Карпова и смѣну князя Горчакова. Услыхавъ пушечные выстрѣлы, Ермоловъ писалъ отсюда Барклаю: „если выстрѣлы, мною слышанные—съ вашей стороны, мы можемъ много потерять; если же они со стороны Тучкова 3-го, бѣлая часть нашей артиллеріи можетъ сдѣлаться добычею непріятеля; во всякомъ случаѣ прошу ваше высокопревосходительство не беспокоиться, я приму всѣ необходимыя мѣры“. Въ самомъ дѣлѣ 180 орудій, слѣдуя медленно и по дурнымъ дорогамъ, находились еще въ далекомъ разстояніи отъ Соловьевой переправы. Къ величайшему благополучію нашему, Жюно, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, не трогался съ мѣста; Ермоловъ обнаружилъ здѣсь рѣдкую дѣятельность и замѣчательную предусмотрительность. По его распоряженію, графъ Кутайсовъ и генералъ Пассекъ поспѣшили къ артиллеріи, которой приказано было слѣдовать какъ можно скорѣе; здѣсь въ первый разъ употреблена была команда: *на орудіа садись*. Ермоловъ, достигнувъ перекрестка, поѣхалъ далѣе по направленію къ Соловьевой переправѣ и возвращалъ назадъ встречаемыя имъ войска. Принцъ Александръ Виртембергскій, ве имѣвшій команды, просилъ Ермолова поручить ему что-нибудь; придавъ принцу свѣдущаго штабъ-офицера съ солдатами, онъ просилъ его заняться улучшеніемъ дорогъ. Возвратившись къ перекрестку, Ермоловъ узналъ здѣсь отъ генерала Всеволожскаго, что Тучковъ 3-й находится лишь въ 300 саженьяхъ отсюда. Князь Багратионъ въ письмѣ своемъ Ермолову, отъ 8-го августа, между прочимъ, пишетъ: „надо примѣрно наказать офицера квартирмейстерской части, который велъ Тучкова 3-го; вообрази, что за 8 верстъ вывелъ далѣе, а Горчаковъ дожидался до тѣхъ поръ, пока армія ваша пришла“. Взявъ въ паѣвъ двухъ Вестфальцевъ корпуса Жюно, Тучковъ 3-й препроводилъ ихъ къ Ермолову, которому они объявили, что у нихъ 16 полковъ одной кавалеріи. Ермоловъ писалъ отсюда съ капитаномъ квартирмейстерской части Ховеномъ (въ послѣдствіи тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ) великому князю Константину Павловичу, слѣдовавшему въ колоннѣ Дохтурова, что надо поспѣшить къ Соловьевой переправѣ, перейти тамъ рѣку, и расположившись на позиціи, покровительствовать переправѣ прочихъ войскъ. Приказавъ, именовъ Барклая, Остерману и Тучкову 1-му

подкрѣпить Тучкова 3-го, Ермоловъ направилъ графа Орлова-Дависова къ Заболотью, гдѣ онъ, однако, не могъ бы выдержать натиска непріятели, еслибы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не велѣно было командиру Екатеринбургскаго полка князю Гуріелю занять рошу; во время нападеній непріятели на графа Орлова-Дависова, Гуріель поддерживалъ его батальнымъ огнемъ изъ роши. Получивъ записку Ермолова, Барклай отвѣчалъ: „съ Богомъ, начинайте, а я, между тѣмъ, подѣвду“. Прибывъ вскорѣ къ колоннѣ Тучкова 3-го, и найдя, что здѣсь уже были приняты всѣ необходимыя мѣры, Барклай дозволилъ Ермолову распорядиться войсками. Между тѣмъ, непріятель, занявъ одну высоту нѣсколькими орудіями, наносилъ намъ большой вредъ; Ермоловъ приказалъ Желтухину съ своими лейбъ-гренадерами овладѣть этою высотой. Желтухинъ, не замѣтивъ, что высота весьма крута, повелъ слишкомъ быстро своихъ гренадеръ, которые, будучи весьма утомлены во время подъема, были опрокинуты непріятелемъ. Непріятель, замѣтивъ, что этотъ храбрый полкъ, здѣсь сильно потерпѣвшій, намѣревается вновь атаковать высоту, свезъ свои орудія. Между тѣмъ, Наполеонъ навелъ 5 понтонозъ, чрезъ которые Французы могли атаковать наши войска съ фланга и тыла; еслибы Тучковъ 3-й придвинулся ближе къ Смоленску, онъ бы могъ быть отрѣзанъ. Всѣ наши войска и артиллерія, благодаря неутомимой дѣятельности, энергіи и распорядительности Ермолова, но въ особенности бездѣйствию Жюно, достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оцѣнивъ вполнѣ заслуги Ермолова, поручилъ ему представить отъ своего имени рапортъ о томъ князю Кутузову.“ *

* Алексѣй Петровичъ, будучи 410-мъ генералъ-майоромъ по старшинству, былъ произведенъ за сраженіе при Заболотѣ въ генералъ-лейтенанты. По этому поводу Давыдовъ разказываетъ слѣдующее:

Хотя Ермоловъ былъ представляемъ за сраженіе при Заболотѣ въ генералъ-лейтенанты, но, видя себя всеми обойденнымъ, потому что въ приказахъ не было объявлено о его производствѣ, онъ вошелъ о томъ съ рапортомъ къ кн. Кутузову, который оставилъ это безъ всякаго вниманія. Во время вступленія нашихъ войскъ въ прусскія владѣнія, государь былъ столь милостивъ къ Ермолову, что приказалъ графу Аракчееву узнать: не почитаетъ ли себя Алексѣй Петровичъ чѣмъ-нибудь оскорбленнымъ; когда найденъ былъ рапортъ его князю Кутузову, послѣдовалъ высочайшій приказъ о его производствѣ со старшинствомъ

Возвратимся къ разказу самого Ермолова.

На другой день рано армія перешла за Дятлвръ.

9-го числа первая армія вся вмѣстѣ прибыла къ селенію Усвяты. Днемъ прежде, 2 армія расположилась неподалеку отъ Дорогобужа.

16-го числа былъ войскамъ растахъ....

....На другой день войска перешли къ Дорогобужу. Полковнику Толю приказано расположить ихъ подлѣ города. Между тѣмъ, пѣхота арріергарда (атамана Платова) пришла къ селу Усвяты и заняла оное.....

1-я армія осталась у Дорогобужа только до вечера, 2-я тотчасъ начала выступать и потянулась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Осьмы, дабы занять идущую отъ стороны Ельвы дорогу, которою могъ воспользоваться непріятель, и, между тѣмъ, для того, чтобъ обѣимъ арміямъ раздѣлиться для удобнѣйшаго движенія войскъ.....

....Армія была уже въ селеніи Семлево.... Предположено было остановиться два дни, ибо утомленные продолжительнымъ отступленіемъ войска имѣли нужду въ отдохновеніи..... Въ первый день отдохновенія атаманъ Платовъ прислалъ занимать лагерь для арріергарда, донося, что непріятель сильно тѣснить его и онъ, не въ состояніи будучи удержать его стремительности, находится только въ 8 верстахъ и ночью прибудетъ въ селеніе Семлево.... 1-я армія должна была оставить Семлево, 2-я армія, всегда на одной высотѣ на лѣвомъ ея флангѣ находящаяся, послѣдовала также далѣе (къ Вазьмѣ), вмѣсто предполагаемаго отдохновенія.....

Отъ генерала отъ инфантеріи Милорадовича получено извѣстіе, что онъ съ войсками, сформированными имъ въ городѣ Калугѣ, въ числѣ 16 тыс. человекъ, большею частію пѣхоты, спѣшитъ соединиться съ арміей.....

со дня сраженія при Заболотѣ, и по этому поводу состоялось высочайшее постановленіе о томъ, что старшинство въ чинѣ должно полагаться со дня оказаннаго отлччія.

Здѣсь приводимъ нѣсколько писемъ изъ военной переписки относящейся ко времени, о которомъ идетъ рѣчь. Желательно, чтобы военные люди размѣстили эти письма возможно точно.

Письма Багратиона къ Ермолову.

I.

Любезный Алексѣй Петровичъ!

Я писалъ бумагу министру: вы, я думаю, читали. Буде же вѣтъ, должны прочесть по званію вашему, я ожидаю отвѣта. Покорно прошу отослать сего подносителя, царевича Грузинскаго, въ гвардію егерскій полкъ.

Весь вашъ князь Багратионъ.

29-го іюля.

Выдра.

II.

Отношеніе обширное министра я получилъ; оно не заслуживаетъ никакого вниманія, ибо невозможно дѣлать лучше и полезнѣе для непріятеля, какъ онъ. Я пишу къ нему единственно для очистки себя и отвязаться отъ него. Завтра отпущу дивизію гренадерскую въ Смоленскъ, а потомъ и остальные мои бѣдныя войска послѣдуютъ туда же. Авангардъ останется по прежнему сутки, а потомъ постепенно будетъ подвигаться къ Смоленску, дабы точно занять мнѣ дорогу въ Дорогобужъ. А здѣсь, въ бологахъ и лѣсахъ, а особливо по теперешней погодѣ, дѣлать совершенно ничего. Министру надобно обратить весьма дѣятельное вниманіе о заготовленіи новаго хлѣба, дать способъ уздамъ жать, сушить и молоть. Министру надобно настоятельно просить главнокомандующаго въ Москвѣ о поспѣшномъ ополченіи, дабы въ теченіи десяти дней хотя бы имѣть намъ въ прибавокъ до десяти тысячъ (50 т.). Я не вѣдаю, какъ расписаны по губерніямъ изъ Калуги, Тулы, Ярославля и Нижняго Новгорода, куда должны ратники поступать? Ежели въ Москву надобно ихъ везти, то вѣчно и скоро, ибо, по мнѣнію моему, ежели въ теченіе одного мѣсяца им очутились за Смоленскомъ, то какъ же непріятель не воспользуется пробѣжать 300 верстъ въ десять дней, а мы все будемъ переписываться о Порѣчьи и Мстиславичахъ? Истинно, я самъ не знаю, что мнѣ дѣлать съ мичъ? И о чемъ онъ думаетъ? Голова его къ плахѣ, точно такъ и должно! Странно и то, что отъ Государя нѣтъ никакого извѣстія, а до столицы не далеко! Узнай, ради самого Бога, гдѣ Тормасовъ, что онъ дѣлаетъ, куда онъ направилъ свой путь; также, гдѣ графъ Витгенштейнъ? Безъ толку и связи не только операций, но и ничего сдѣлать невозможно

Отъ моего авангарда, то-есть, Васильчикова, получилъ рапортъ, что непріятель въ Рудяѣ и довольно силенъ. Видно, онъ насъ ожидаетъ третьяго дня; а какъ мы не пошли, онъ къ намъ, по моему, долженъ пожаловать, развѣ дурныя дороги ему помѣшаютъ.

Сейчасъ получилъ отъ исправника рапортъ, что въ Чаусахъ и въ Рясѣ, яко бы, ожидаютъ и вступили 10.000 Поляковъ. Я не вѣрю и послалъ къ Невѣровскому узвать поточнѣе. Порядокъ марша арміи я теперь послалъ министру, вы увидите.

Прощай. Весь вашъ князь Багратионъ.

30-го іюля.

Письма Ермолова къ Багратиону.

I.

(Получено 30-го іюля.)

Милостивый государь,

Князь Петръ Ивановичъ.

Я читалъ бумагу всемаго министра къ вашему сіятельству; все оправданіе вашей перѣшительности, медленности, предпринимаемыхъ не у мѣста мѣръ, есть намѣреніе продолжать, какъ думаетъ онъ, войну, дабы дать время составить новыя ополченія; намѣреніе, наиболѣе къ обстоятельствамъ приличествующее и спасительное; но я спрошу сядо каждаго: отяжаты ли способы у непріятели между тѣмъ атаковать насъ? кажется, выгода его не терять время.

Я дрожу за посѣдствіе. А ваше сіятельство не должно молчать о томъ. Вы можете говорить и далѣе. Славнѣйшая, столькими дѣлами приобрѣтенная, репутація, надежда, возложенная на довѣріе и любовь къ вамъ войскъ, извѣстность всей Россіи, даютъ вамъ право, которыхъ никто другой не имѣетъ, все сіе должно заставить говорить и быть услышану.

Мы не знаемъ, что мы дѣлаемъ, а, кажется, дѣлаемъ не то что надобно: дали непріятели собрать свои силы, которыя онъ по тому даже одному употребить въ дѣйствіе, что, держа ихъ вѣтѣтъ, нечемъ кормить, кромя что движеніями насъ запутаетъ, и я боюсь, чтобы опять насъ не бросили въ разныя стороны. Сдержите ваше слово, благодѣтель мой, не отговаривайте отъ насъ, чтобы насъ не разрѣзали. А насъ не опасайтесь; мы съ своимъ молодечествомъ и искусствомъ не далеко уйдемъ отъ васъ. Дай Богъ попасть на Духовщину, а вамъ не худо помышлять о Дорогобужѣ. Къ намъ безпреставно доходятъ слухи, что у непріятели немалыя силы въ Порѣчѣ, и что вчера, въ 40 верстахъ оттуда, было очень много пѣхоты и артиллеріи; въ минуту привели камердинера одного дивизіоннаго командира, въ 6 верстахъ отъ Порѣчья полмаллаго, который говоритъ, что ихъ тамъ много, и Мирять тамъ же. Что мы будемъ дѣлать, обо всемъ васъ, благодѣтель мой, уведомлю.

Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

II.

Почтенный благодѣтель!

Я говорилъ министру о вашемъ желаніи, что армія, имѣющей честь служить подъ вашими повелѣніями, угрожаетъ несчастіе, что вы хотите сдѣлать команду; это ему очень не понравилось; подобное происшествіе трудно было бы ему растолковать въ свою пользу. Нельзя скрыть, что вы не оставили бы армію, еслибы не было несогласія, но каждый долженъ вразумиться, что частныя неудовольствія не должны имѣть мѣста въ дѣлѣ, которое требуетъ усилій и стараній общихъ. Я замѣтилъ, что это даже его испугало, ибо въ послѣдствіи надо будетъ дать отчетъ Россіи въ своемъ поведеніи. Конечно, мы счастливы подъ кроткимъ правленіемъ Государя милосердаго; но квыѣшнія обстоятельства и состояніе Россіи, выходя изъ порядка обыкновеннаго, налагаютъ на всѣхъ насъ обязанность и соотношенія необыкновенныя. Не одному Государю надо будетъ дать отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ отечеству, но также людямъ каковы вы, ваше сіятельство, и военный министръ. Вамъ, какъ человеку боготворимому подчиненными, тому, на коего возложена надежда многая и всей Россіи, я обязалъ говорить истину: да будетъ стыдно вамъ принимать частныя неудовольствія къ сердцу, когда стремленія всѣхъ должны быть къ пользѣ общей, что одно можетъ спасти погибающее наше отечество. Пишите обо всемъ Государю; если мой голосъ не достигнетъ до его престола, вашъ не можетъ быть не услышанъ.

III.

4-го августа.

Ваше сіятельство!

Ничего не знаетъ, даже и то, куда завтра идетъ, ждетъ извѣстія о неприятелѣ отъ Платова, а тотъ не туда послалъ, куда надобно. Неприятель отъ насъ такъ далеко, что дойти до него два марша. Одинъ корпусъ отослалъ было назадъ, предполагая, что вы не успѣете къ Смоленску; насаму удержалъ, нѣсколько часовъ работая, чтобы подвинуть впередъ: какъ кланъ не дается! Что скажетъ Платовъ? Обманулъ моего маршала: вотъ Поръчье! Бога ради, чтобы только не перешли въ Смоленскъ чрезъ Дѣлвръ. Можно что-нибудь успѣть сдѣлать здѣсь. Но два марша отъ неприятеля, пока дойдутъ, надобно держать его у Смоленска, а потомъ надобно и на драку время; дай Богъ вамъ терпѣніе! Батюшка князь Петръ Ивановичъ, чрезъ Дѣлвръ не пускайте, а быть можетъ здѣсь успедемъ.

А. Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

IV.

Ваше сіятельство,
Милостивый государь!

Вчера поутру Рудня пуста; непріятель поспѣшно оставилъ и пошелъ на Любавицы. Авангарда вашего передовые посты не знали. Вамъ же зачѣмъ было идти сюда, но изъ Смоленска на Красное со всею арміею, а мы, выступя сутки прежде, были бы въ Руднѣ, и непріятель поспѣшилъ бы перейти къ Добровкѣ и Лядамъ: много разницы. Богъ знаетъ, что бы было. Мое мнѣніе, что они для сокращенія пути переправляются у устья рѣки Березины. Желалъ бы обмануться. Жаль, мы поздно узнали о ихъ движеніи; много они выиграли пути. Мы готовы идти впередъ. Готовы чистымъ сердцемъ, движеніемъ нашимъ дать вамъ помощь и самыми силами помогать вамъ. Ради Бога, мостъ у Катаи. Я посылаю портонны въ Катаю, надобны намъ будутъ, мы въ тылъ можемъ перейти. Если вы отступите, смоленскіе гавань, ворота, можно дерзкому начальнику ихъ удерживать, чрезъ мостъ въ Смоленскѣ можно пускать. Бродовъ отыскать трудно. Пушки переправятъ. Нужно выиграть время для, мы будемъ дѣйствовать изъ Навы и на Любоватъ. Много потеряю времени.

Ермоловъ.

(Съ оригинала.)

Письма Багратиона къ Ермолову.

I.

Получивъ вашу записку, сію минуту и спѣшу вамъ отвѣчать.—О Смоленскѣ поздно говорить, а теперь надобно знать, какъ твердо стать. Я никакъ не думаю, чтобы-онъ сунулся всею арміею на насъ тотчасъ; имъ также нужно отдохнуть. Преслѣдовать можетъ какой ни на есть корпусъ ихъ. Гдѣ вы теперь остановились, мнѣ кажется, мѣста открыты и вѣрно съ поля не подойдутъ. Но если серьезно, я тотчасъ вашъ всѣмъ сердцемъ и душой. Я радъ драться и единодушно. Но позвольте сказать, что вы измѣняете мнѣ, ибо въ одну минуту двадцать перемѣнъ. Далѣе намъ не должно идти, пусть люди отдохнутъ и надобно накормить. Берегите вашъ правый флангъ на Духовщину, чтобы туда не пробрался. Не теряйте ни минуты, собирайте ратниковъ, они намъ на разныя услуги пригодятся, а строевыхъ нашихъ возьмемъ въ строй. Пишите въ Калугу, у Милорадовича много войска, надобно ихъ присоединить сюда къ намъ. Пишите Растопчину, чтобы готовился. Я теперь стою здѣсь, хотѣлъ отойти за 8 верстъ, вѣрно, дать вамъ здѣсь мѣсто. Но какъ вы тамъ остановились, то и я уже здѣсь ближе стоять не могу, какъ теперь 12 верстъ отъ васъ. Я самъ буду у васъ послѣ обѣда непременно. Ради Бога, не переимѣняйте похиутно, надобно какую-нибудь шить систему. Я все той

ары, что противъ васъ мѣста открытыя, они не посмѣютъ идти ни-
какъ, чтобы себя обнаружить. Теперь дѣло Платова съ боковъ ихъ осмо-
тритъ и даже хвостъ, ибо изъ лѣсовъ какъ они выдуть, тогда и видно
Впрочемъ, надобно всѣмъ мужикамъ приказать, чтобы давали знать, гдѣ
непріятель. Я послалъ графа Сенъ-При къ вамъ и самъ уже буду вѣрно.

II.

Проси государя наступать, иначе я не слуга никакъ!

Вчера скакалъ 24 версты къ Платову, думалъ застать стычку, но опоз-
далъ. Петръ Давыдовъ * лихо атаковалъ и славно отащился. Васильчи-
ковъ генералъ-адъютантъ—славно. Я волосы деру на себѣ, что не могу
бѣгана дать, ибо окружаютъ меня. Ради Бога Христа, наступайте! Какъ
хочешь, разбирай мою руку. Меня не вопиошь сдѣлали, а подъячимъ*
Столько писемъ! Вчерашній день, бѣдный мой адъютантъ Мухановъ ра-
некъ никою въ бокъ почти смертельно.

Прощай, Христосъ съ вами, а я зипукъ надѣну.

III.

Ну, братъ, и ты пустился дипломатическимъ стилемъ писать.—Какой
отчетъ я дамъ Россіи? Я субальтеръ и не властенъ, и не министръ, и
не членъ совѣта. Слѣдовательно, требовать отчета никто не осмѣлится.
Я еще лучше скажу: годъ уже тому, что я министру писалъ и самому го-
сударю и предвѣщалъ, что значить оборона и въ какую пагубу насъ ве-
детъ. Точно такъ и случилось. Однако, шутка на сторону. Распущена
надобно предупредить, ополченія также. Изъ Смоленска нужно взять
нѣтъ ратниковъ во фронтъ и смѣшать съ нашими. Я все дѣлаю, что
должно истинно-христіанину и Русскому, а болѣе бы сдѣлалъ, если бы
нашъ министръ отказался отъ команды. Мы бы вчера были въ Витебскѣ,
тыскали бы Витгенштейна и пошли бы распашнымъ маршемъ и сказали
бы въ приказъ: „Поражай, наступай. Пей, ѣшь, живи и веселись!“

А на мѣсто Витебска, вашими какими-то демонстраціями, я думаю, бу-
детъ, можетъ, посабъ завтра въ Дорогобужѣ. Не дай Богъ, а такъ будетъ
точно отъ мудрыхъ распоряженій вашихъ. Впрочемъ, вы болѣе подъ от-
ѣтокъ, нежели я, несчастный. Главнокомандующій по новому регламен-
ту ничего не можетъ дѣлать безъ совѣта генералъ-штаба. Если же главно-
командующій не послушаетъ, вы должны оставить документъ за подпи-
саніемъ вашимъ. И тогда, какъ скоро непріятель подошелъ такъ близко,

Петръ Львовичъ Давыдовъ, отецъ графа В. П. Орлова-Давыдова, про-
званный товарищами *capitaine-tempséte*. Отказавшись въ 1812 году отъ
званія тайнаго совѣтника и камергера, онъ поступилъ въ армію майоромъ,
гозора: „Я не имѣю обыкновенія выторговывать себѣ чины.“ Въ теченіе
кампанія получилъ генеральскій чинъ; умеръ въ сороковыхъ годахъ.

непростительно, что передовые посты пропустили. Надобно их непремѣнно выгнать. Стыдно намъ терпѣть, а стыднѣе генералу передовому объ нихъ не знать. Сію минуту получилъ себѣ рапортъ. Это старая сказка. На что туда посылать пѣхоту, тамъ пусть остаются казаки, а батальоны обратить ко мнѣ. Если хотите занять Красной, тогда надобно уже послать по крайней мѣрѣ пять тысячъ пѣхоты и козлацки, но и то тогда, когда мы наступательно начнемъ. Олекимъ пустое говорить. Неприятель не его испугался, а узналъ, что я пришелъ; вотъ зачѣмъ онъ приостановился. Впрочемъ, я васъ увѣряю, что завтра мой Сысоевъ перейдетъ Днѣпръ и потревожитъ ихъ очень съ тылу, а Платову пошлите сказать, чтобы онъ шелъ къ нимъ въ лицо, тогда четыре полка будутъ наши.

(Продолженіе писъма потеряно.)

Отвѣтъ Ермолова къ Багратиону.

(Получ. 2 августа.)

Несправедливо видите вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго не безъ основанія отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы соглашаетесь на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣняхъ умоляю васъ ради Бога, ради отечества, писать государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно е. в. и оправдаете себя передъ Россіей. Я молодъ, мнѣ не стану вѣрить; если же буду писать—не заслужу вниманія, буду говорить—почтутъ недовольнымъ и оуждающимъ все, но вѣрьте, ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгоды личнаго, я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ, но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служить уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почтается мнѣніемъ молодого человѣка. Однако я не робѣю, буду еще писать, изображу все, что вы слышали и въ чемъ встрѣчены вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо, вы всегда благодѣтельствовали мнѣ, а потому я спрошу у е. в., писали-ли вы къ нему или хранили виновное молчаніе; въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты.

Если вы уже не хотите, какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміею, я, при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ. Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему

отчеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначится чепуха, какого требуютъ обстоятельства.

Пишите ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять мѣ.

Письмо Багратиона къ Ермолову.

Эхъ, братъ, взяли! Вотъ вамъ правый фаянгъ, вотъ Порѣчьел! Мало поѣсите! А ты, мой милый, очень на меня напалъ и крѣпко ворчишь! Право, не хорошо! Я знаю, что любишь меня, и за то крѣпко нападаешь. Я самъ, мой другъ, тебя люблю такъ, какъ болѣе не могу. Но что мнѣ писать государю, самъ не вѣдаю. Я писалъ, что соединился, просилъ, чтобъ одному быть начальникомъ, а не двумъ. Посылаю ему всѣ мои отношенія, равно и министра ко мнѣ въ копію, чтобъ онъ вѣдалъ, но ни на что отвѣта не имѣю, а болѣе писать я не вѣдаю что. Если написать мнѣ прямо, чтобы далъ обѣими арміями мнѣ командовать, тогда государь подумаетъ, что я сего ищю не по моимъ заслугамъ, или талантамъ, а по одному тщеславію. А вы теперь берегитесь, чтобы Бонапарте не сдѣлалъ съ вами штуку данцигскую. Имѣйте ежедневно извѣстія отъ графа Витгенштейна. Не идуть ли на него и на Торماسова? Посылайте теперь, какъ можно, въ Ивлю и Рудню, хотя большую часть кавалеріи прогнать пѣхоту изъ Рудни. Тамъ есть еще десять полковъ кавалеріи и пѣхоты. Зачѣмъ Платова бросаете такъ далеко вправо? Его посылайте съ нашею кавалеріей на Рудню и Бабиновичи. Тамъ ихъ, говорятъ, дозволено очень. Тамъ надобно ихъ хорошенько пощупать. Ради Бога, думайте о продовольствіи настоящемъ и будущемъ, и рекомендую вамъ главную вещь: вы должны всѣ бумаги министра ввиду подписывать, яко главнаго штаба начальникъ. Вы должны всю переписку знать министра съ нами, по части военной; иначе, будете отвѣчать; и поздно будетъ сказать: „Я не зналъ, мнѣ не сказали!“

(Окончаніе письма потеряно.)

Письмо Ермолова Багратиону.

(Получено 6 августа на маршѣ отъ Смоленска къ Дорогобужу).

Ваше сіятельство!

Имѣете все право насъ бранить, но только не за оставленіе Смоленска. Послѣ мы вели себя героями, правда не совсемъ благоразумно, однакоже геройски. Когда буду имѣть счастье васъ видѣть, расскажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ надо было защищать; но замѣтите, что непріятель нѣтъ доселѣ въ Ельнѣ, следовательно всѣ силы его были у Смоленска, а мы не были такъ сильны послѣ сѣточной города обороны.

Наконецъ, благодаря Бога, хотя разъ мы предупредили ваше желаніе. Вамъ угодно было, чтобы мы остановились и дрались; прежде полученія

письма вашего, я получилъ уже о томъ приказаніе. Теперь, почтеннѣйшій благодѣтель, надлежитъ вамъ оказать намъ помощь. Пусть доброе согласіе будетъ залогомъ успѣха; если Богъ защищаетъ правую сторону, то онъ благословитъ наше предпріятіе и будетъ намъ помощникомъ. Представьте себѣ, ваше сіятельство, что два дѣла рѣшатъ участь сильнѣйшей въ Европѣ имперіи, и вамъ судьба представляетъ эту славу. Самая неудача не должна отнять у насъ надежды; надо противостоять до послѣдней минуты страшнымъ усиліямъ могущественнаго соперника; одно продолженіе войны представляетъ вѣрнѣйшій способъ восторжествовать надъ злодѣями нашего отечества. Боюсь, чтобъ опасность, угрожая древней нашей столицѣ, не заставила бы прибѣгнуть къ миру, но это мѣра малодушныхъ и робкихъ. Все надо съ радостью принести въ жертву, когда подъ дымящимися развалинами жилищъ нашихъ можно погребсти враговъ, ищущихъ гибели нашего отечества. Благословитъ Богъ. Умереть долженъ Россіянинъ со славой.

Письма Багратиона Ермолову.

I.

Любезный другъ Алексѣй Петровичъ!

Министръ пишетъ мнѣ, какъ измѣннику. Это истинно больно, но я не могу служить никакъ. Дѣла мои и всѣ движенія не ему отдамъ въ судъ, но цѣлому свѣту, и сколько онъ меня ни путаетъ и двулично ни пишетъ, я все вышелъ и выйду съ честью. Армія въ три дѣла у Смоленска не отъ меня. А кому должна благодарить Россія, то министръ долженъ вѣдать. Я не только огорченъ и взбѣшенъ, но болѣе. Итакъ армія моя, наполненная единомудріемъ, вѣрою, и пробравшись весьма безтолковыми направленіями отъ министра, дошла однако до цѣли. Но какъ бы то ни было, я не слуга Барклаю; ибо я до сихъ поръ думалъ: я служу государю и отечеству, а по его отношенію вижу, что ему. Итакъ я въ три дѣла въ Смоленскъ и армію ему отдаю. А я очень нездоровъ и съ ума сошелъ точно по милости Б. Слѣдовательно, сумасшедшій не токмо защитить отечества, но и капральствомъ не можетъ командовать. Министръ болѣе не могъ меня уже огорчить, какъ огорчилъ, и пошло! Прощайте. Вамъ всѣмъ Богъ поможетъ, и дай вамъ Богъ все, и мнѣ пора въ чужой хижинѣ оплакивать отечество, по мудрымъ распоряженіямъ и повѣрченіямъ. Дайте знать, что у васъ дѣлается по извѣстіямъ. На Ельню неприятеля не слышно. Я отъ васъ два дѣла ничего не имѣю. Что дѣлается въ Смоленскѣ? Куда они идутъ, за вами, или оставовились? Гдѣ Платовъ и какое его направленіе? Нужно намъ собрать людей. Усталыхъ много; отдохнуть надобно. Подумайте укомплектовать въ Дорогобужѣ. Пора отсылать въ Москву и дать знать, чтобы готовили людей. Равно въ Калугѣ, въ Ярославѣ, въ Твери и гдѣ еще въ другихъ мѣстахъ. Скажите, ради Бога, зачѣмъ оставили Смоленскъ и какое намѣреніе министра? Куда мы пойдемъ, по крайней мѣрѣ знаете ли, что неприятель дѣлаетъ

куда онъ пошлетъ? Прому дружески, дайте мнѣ знать обо всемъ. На-
добно примѣрно наказать того офицера квартирмейстерской части, кто
мнѣ Тучкова. Вообрази, что 8 верстъ вывелъ дайте и Горчаковъ дожи-
маетъ до тѣхъ поръ, пока почти армія ваша пришла. Ради Бога, дай
знать! Ей-Богу съ ума надобно сойти отъ безтолковоуны.

Весь вашъ Багратионъ.

8 августа.

II.

Я къ вамъ писалъ два раза, нѣтъ отвѣта; прому доложить министру,
туда онъ дѣлаетъ направленіе арміи? Я писалъ къ нему, нѣтъ отвѣта. Я
не понимаю, что все значить, зачѣмъ вы бѣжите такъ, и куда вы спѣ-
шите? Бойтесь Бога, что съ вами дѣлается, за что вы мою пренебре-
гаете? Право, шутить не время. Ежели я пишу, надобно отвѣчать! Здѣсь
лазавела бездна обозовъ и всякой мелочи, равно милиціи. Что вы не дѣ-
лаете никакихъ распоряженій? Если вы хотите прийдти сюда завтра, это
напрасно. Что вамъ стоило мнѣ отвѣчать вчера о вашихъ намѣреніяхъ?
Бойтесь Бога! Устыдитесь Россіи, дайте людямъ отдохнуть! Вы ихъ за-
нучали. Ежели непріятель за вами слѣдуетъ, можно видѣть. Мѣста от-
крытыя и далеко видны. У Ельни стоятъ мои казаки и на дорогѣ къ
Рославлю. Тамъ нѣтъ ничего. Воля ваша, отсюда ни шагу назадъ, а
ежели вы прочь, то я вамъ оставляю армію и поѣду тотчасъ къ государю,
ахвесеу, что это нарочно дѣлають, для гибели Россіи.

Князь Багратионъ.

Прому ваше превосходительство доложить начальнику и дать мнѣ от-
вѣтъ.

9-го дня августа.

Дорогобужъ.

Письма Платова къ Ермолову.

I.

Милостивый государь,
Алексѣй Петровичъ!

Я бы три раза могъ соединиться съ первою арміею, хотя бы боемъ.
Первый разъ еще черезъ Вилейку, другой разъ черезъ Минскъ, и третій
отъ Бобруйска могъ бы правѣе черезъ Могилевъ, Шкловъ, Оршу, когда
еще непріятель не занималъ сихъ мѣстъ. Но мнѣ въ началѣ отъ Гродно
еще вѣдѣно дѣйствовать на непріятели во флангъ, что я исполнялъ отъ
16 іюля по 23 число, не довольное во флангъ, даже другія части мои были
въ тылу, когда былъ маршалъ Даву при Вишневцахъ. А потомъ я
получилъ повелѣніе непосредственно состоять мнѣ подъ командою князя
Багратиона; тогда я, по повелѣнію его, прикрывалъ вторую армію отъ
Наполеона черезъ мѣстечки: Миръ, Несвижъ, Слуцкъ и Глуцкъ до Бо-
бруйска ежедневно, если не формальною битвою, то переплакою. Сохра-

шли въ обозы и всю дрянь тащащуюся, а армія покойно дѣлала одни форсированные марши до Бобруйска. Тутъ я получалъ повелѣніе отъ Михаила Богдановича слѣдовать мнѣ непремѣнно къ первой арміи. (томъ же было предписано и князю Багратиону. Тогда онъ меня отпустилъ весьма неохотно и оставилъ у себя десять полковъ: Довскихъ девять и Бугскій одинъ, хотя сказано ему только восемь оставить.) Я не оспаривалъ о двухъ оставленныхъ полкахъ, пошелъ поспѣшно къ Старому Быхову, мня въ ночь армію, по пути идущую къ Могилеву, ибо я съ войскомъ, еще не доходя до Бобруйска за двадцать верстъ находился въ арріергардѣ. Князь Багратионъ, нагнавъ меня почтою въ самомъ Старомъ Быховѣ 11 числа, объявилъ мнѣ, что будетъ имѣть генеральное дѣло съ арміей Даву при Могилевѣ, и что я долженъ остаться на два дня, ибо до сихъ резонъ, за отдаленностію, главному начальству неизвѣстно было, что онъ меня оправдаетъ предъ начальствомъ и дастъ на то мнѣ повелѣнія. Тогда я и самъ, посудя, принявъ въ резонъ и остался. Вотъ два дня уже и упущено. Въместо того, генеральнаго дѣла не было, а была 11 числа битва, и довольно порядочная. Съ обѣихъ сторонъ есаи не десять, то девять, съ убитыми и ранеными пало, что мнѣ точно извѣстно. Въ нашихъ войскахъ былъ я очевидецъ, а непріятельскій уронъ на другой день узналъ я чрезъ взятаго офицера подъ Могилевомъ. Итакъ я, переправясь Двѣпръ на лѣвую сторону монастыря Верколабова, 12-го слѣдовалъ на Дубровну, а потомъ распорядился пробраться чрезъ Бабиновичи къ Витебску. Бабиновичи непріятелемъ уже заняты, какъ открыли мои передовые, посему судите, какъ было мнѣ скоро соединиться. А между тѣмъ получалъ я повелѣніе слѣдовать мнѣ къ Портьчю, потому я и слѣдую направо уже отъ Бабиновичъ чрезъ Любавичи, Иаково и Маташки. На лѣвомъ моемъ флангѣ отъ стороны Бабиновичъ, непріятель ведетъ меня на глазахъ. Угадываютъ о семъ его бестіи, наши дворяне бѣлорусскіе, и часто встрѣчаются съ моими партіями, дѣлаютъ препятствія, что два часа только тому назадъ было вблизи Любавичъ. Однакоже, всюду моими молодцами прогоняются; пораженіемъ при Любавичахъ взято пѣнныхъ шесть, при разбитіи эскадрона ихъ дерзкаго. Оставляю о сихъ мелочныхъ дѣлахъ продолжать. Это было почти всякой день, а я скажу только то, что съ 16 іюня по сіе время безъ роздыха и всякій день форсированные марши; лошади въ полкахъ притупѣли, а многихъ раненыхъ и усталыхъ брошено. Писалъ бы я вамъ болѣе, но вѣтъ уже на сей бумагѣ мѣста, и пора ѣхать вслѣдъ за полками.

Покорнѣйшій слуга

Матвѣй Павловъ.

Я служу сорокъ второй годъ, а такого колоратства, которое я вижу, не видывалъ и не ожидаю.

7 числа іюля.

Любавичи.

II.

Я письмо къ вамъ писалъ на песокъ, сидя на козлахъ, какъ другу. Прошу его довести до свиданія главнокомандующаго; оны увидятъ, что нѣ было невозможно успѣть скоро соединиться съ первою арміею. А теперь уже есть надежда соединиться чрезъ два дня, развѣ отретурируется до Москвы, тогда уже не скоро лаголю. Боже милостивый, что съ русскими арміями дѣлается? Не побиты, а бѣжимъ! Одна со страхомъ отступаетъ, а другихъ отдаленными дорогами отводить безъ бою. Спасая ее три недѣли удачно; прошу Бога, чтобы благословилъ меня и другую защитить.

III.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Петровичъ!

Я извѣстился, будто генералъ-майоръ графъ Паленъ за 27-го числа сраженіе подавъ реляцію прямо отъ себя къ главнокомандующему арміею. Если это правда, то на что это похоже, и можно ли быть чему-либо доброму въ русской арміи? Впервыхъ, не можетъ быть правды, кромѣ непростительнаго неповиновенія, и я могу изобличить. А восторыхъ, выведу большую исторію и неприятно будетъ для Михаила Богдановича, ежели оны приметъ отъ него, минуя меня, похожею потачкой неповиному разврату по службѣ.

Есть и булу всегда непремѣннымъ и покорнѣйшимъ слугою.
Матвѣй Платовъ.

20 іюля, 1812 года.
На маршѣ. Николаевъ.

IV.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Петровичъ!

Увѣдомленіе вашего превосходительства, за № 466, я получилъ, что зрніа остановилась въ Семлевѣ и располагаетъ тамъ пробыть въ завтрашній день: сіе меня удивило, ибо неприятеля веду я перестрѣлкою на плацахъ, который авангардомъ своимъ прошелъ уже Славново, откуда я послалъ сего утра къ вамъ увѣдомленіе. Я теперь ретируюсь перестрѣлкою и буду примѣрно отъ Славнова въ 8 верстахъ, у моста и находящагося болота по обѣимъ сторонамъ, удерживать неприятеля всячески, ежели оны не собьютъ меня своими орудіями и не навалится большими колоннами пѣхоты. Въ случаѣ же его усиленія, принужденъ буду отступить еще 8 верстъ, чтобы сблизиться къ генералу-лейтенанту Уварову верстъ за 5-ть, и тутъ, быть-можетъ, не удержу ли неприятеля, тѣмъ болѣе что приходить будетъ къ тому времени и вечеръ. Но ежели вы сего вечера

съ арміей изъ Семлева не выступите, то я не отвѣчаю за завтрашнее утро, чтобы не привести къ вамъ непріятеля весьма близко, ибо мнѣ нечего будетъ дѣлать, потому что непріятель идетъ одною большою дорогою съ великими силами. И потому я и прошу доложить главнокомандующему, чтобы весьма нужно было арміи выступить сего вечера, дабы прибыть утромъ къ Вязьмѣ.

Я, по долгу моему, обязанъ доложить. Надобно вѣдь мѣсто смотрѣть и нужно распорядиться, гдѣ войско построить, а на это остается только время на одинъ завтрашній день, а много посаѣ завтра утро, въ разсужденіе скораго саѣдованія непріятеля по сей дорогѣ.

Съ лѣваго фланга моего до арміи князя Багратіона есть у меня связь и непріятель тамъ не саѣдуетъ вблизи. На правомъ же моемъ флангѣ, за корпусомъ генералъ-лейтенанта Багговута, офицеръ Наумовъ, возвратясь, домысь, что и тамъ непріятель вблизи не саѣдуетъ, а по дорогѣ, по которой я саѣдую, непріятель идетъ въ большомъ количествѣ.

На сіе мое домысеніе я буду ожидать скорѣйшаго отъ васъ увѣдомленія.

Честь имѣю быть съ отаичными почтеніемъ

вашего превосходительства покорный слуга
Матвѣй Платовъ.

Четверть четвертаго часа пополудни.

14 августа, 1812 г.

V.

Я вашему превосходительству настояще и подробно объяснить не могу о случившемся жестокомъ вынѣшній день сраженіи, у селенія Рыбки, при рѣчкѣ Осма, съ 11-го часу по утру до шестаго часу по полудни, при самомъ вечерѣ окончившемся, а скажу только то, что оно уступаетъ одной только баталіи кровопролитной.

Божескою милостію и храбростію російскихъ воиновъ удержалъ сильный корпусъ непріятельскій, о которомъ подтверждать и пѣвныя, взятые нами, кони я не считаю, но есть довольное число. Съ нашей стороны убитыхъ и раненыхъ также довольное число всѣхъ полковъ; артиллерія вся была отъ меня употреблена; въ другихъ орудіяхъ и зарядовъ уже не достало, ибо непріятельскихъ орудій больше гораздо было въ дѣйствиіи противъ насъ. Перескажетъ о семъ сей податель, господинъ полковникъ Шнербергъ, который былъ повсюду очевидецъ. Я поспѣшаю только о томъ дать знать, что непріятель силенъ, и не знаю, что будетъ завтра съ моимъ авангардомъ. Но скажу и то, что я буду дѣлать то противъ его, что знаю. А ваше дѣло распорядиться арміей, какъ его принять. Это не реалція, а поспѣшное мое увѣдомленіе о жестокомъ непріятельскомъ на меня нападении, и за свѣдѣніе даю вамъ знать, что я во всѣхъ сраженіяхъ, прошедшихъ отъ 16-го іюня по сіе число, столько не потерялъ убитыми и ранеными доискихъ офицеровъ и казаковъ, сколько сего дня, ибо шесть разъ на сильную кавалерію непріятельскую ходили въ атаку

и самыхъ пушекъ и съ регулярными полками, находящимися съ Розена. Егеря всѣ были въ сильномъ огнѣ, словомъ сказать, дрались отчаянно, и участь авангарда была на волоскѣ. Я много довелось храбрости и неутомимыми трудами генералъ-майоровъ Розена и Шлобайскаго много.

Вашего превосходительства покорнѣйшій салуга
Матвѣй Платовъ.

15 августа 1812 г.
Селеніе Семлево.

VI.

Дислокаціи на сей 16-й день я уведомленіе ваше объ отступленіи я получилъ, и по оному исполняться будетъ. А вчерашній выговоръ мнѣ, что я сблизяюсь къ арміи будто отъ одного авангарда малаго неприятельскаго, чуть было не сразилъ до болѣзни. Теперь видите, что я правъ. Еслибъ я не бралъ своихъ мѣръ, давно бы егеря и орудія были въ неприятельскихъ рукахъ. Гдѣ было можно, не довадно удерживалъ, даже скрутя голову, дралися отчаянно.

Покорнѣйшій салуга
Матвѣй Платовъ.

16 августа 1812 г.
Село Полѣново.

Послѣ сдѣланнаго отступленія, возвратимся опять къ запискамъ Ермолова.

Отступая отъ Смоленска, сдѣлалъ я распоряженіе, чтобы всѣ раненые, въ Вязьмѣ находившіеся, препровождены были далѣе и, по настоящему требованію главнаго по медицинской части инспектора Вилліе, долженъ я былъ давать направленіе и 2-й арміи раненымъ, дабы бесполезно не стѣснялись они на одной дорогѣ, и такъ для 1-й арміи раненыхъ назначена дорога на Волоколамскъ и по обстоятельствамъ далѣе въ Тверь, для 2-й арміи на Мещовскъ, Масальскъ, Калугу и далѣе въ Рязань. Москвѣ, столицѣ устрашенной и уже трепещущей, не долженъ я былъ дать неприятное зрѣлище въ-сколькихъ тысячъ страдающихъ.

Въ селеніе Царево Займище прибылъ князь Кутузовъ и принялъ начальство надъ 1-ю и 2-ю западными арміями. Конечно несогласіе командующихъ оными, водворилось единоначаліе.....

Здѣсь, кажется, мѣсто напомнить читателямъ разказъ Давыдова о письмахъ Ермолова къ государю, о которыхъ выше было упомянуто.

„Письма, писанныя имъ государю въ началѣ отечественной войны, вслѣдствіе особаго повелѣнія его величества и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находилось въ то время наше отечество, послужили, какъ извѣстно, поводомъ его врагамъ къ изобрѣтенію всевозможныхъ на него клеветъ; его обвиняли въ томъ, что онъ писалъ государю письма, въ коихъ будто бы старался поколебать довѣріе его величества къ лицамъ, казавшимся для него опасными. Я, по крайней мѣрѣ, не встрѣчалъ таковыхъ; но, сколько мнѣ извѣстно, письма его, большую часть которыхъ я имѣлъ возможность прочесть, заключаютъ въ себѣ лишь довольно рѣзкія указанія на нѣкоторыя ошибки Барклая, на малое довѣріе, внушенное имъ къ себѣ войскамъ, на необходимость въ единоначаліи и на дѣйствія генерала Эртеля. Эти письма были даны въ оригиналахъ государемъ Кутузову, при отправленіи сего послѣдняго въ армію. Кутузовъ, всегда любившій, особенно во время отступленія своего изъ Баваріи, Ермолова, называемаго потому *l'enfant gâté du général*, сталъ съ этого времени обнаруживать къ нему холодность и недовѣрчивость, которыя еще болѣе усилились во время отечественной войны, благодаря окружающимъ свѣтлѣйшаго; извѣстны старанія сихъ послѣднихъ не допускать Ермолова, коему они завидовали, дѣйствовать самостоятельно и умалчивать, по возможности, о немъ въ реляціяхъ. По смерти Кутузова, эти письма перешли къ Барклаю; его окружающіе, принадлежавшіе большею частью къ партіи, которую Ермоловъ жестоко преслѣдовалъ своими насмѣшками, и потому ненавидѣвшіе его, воспользовались этими письмами, чтобъ окончателно возстановить противъ него Михаила Богдановича, который не упустилъ въ послѣдствіи случая ему, по возможности, вредить. * Вотъ истинная причина, почему

* Послѣ Кульмскаго сраженія, Барклаю, старавшійся приписать всю славу побѣды, одержанной въ первый день боя, поручику Діесту, имѣлъ въ виду сдѣлать непріятность не столько графу Остерману, сколько Ермолову, который былъ обязанъ лишь ходатайству его высочества цесаревича тѣмъ, что его не обходили наградами во время войны 1813 и 1814 годовъ.

Кстати помѣстимъ здѣсь еще разказъ Давыдова, показывающій ясно, съ

Барклая невыгодно отзывался въ своемъ изображеніи военныхъ дѣйствій 1-й арміи о Ермоловѣ, который, будучи глубоко преданъ кн. Багратиону, никогда, впрочемъ, не выказывалъ большаго сочувствія Михаилу Богдановичу. Такимъ образомъ, обязанность, возложенная государемъ на Ермолова, обязанность трудная, опасная, на которую отваживались не многія историческія лица, потому что она никогда не оканчивалась въ пользу тѣхъ, на которыхъ возлагалась, была выполнена Ермоловымъ съ рѣдкою добросовѣстностью. Самые ожесточенные недоброжелатели его не могли сказать, чтобъ Ермоловъ написалъ что-нибудь другое государю, кромѣ какъ о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая, всему свѣту извѣстныхъ и давно уже оцѣненныхъ, о вредѣ, который происходилъ отъ отсутствія единства въ командованіи арміями, и о маломъ довѣрціи, питаемомъ войсками къ главнокомандующему, что было, къ сожалѣнію, вполнѣ справедливо. Изъ участниковъ же современной эпохи Ермоловъ отзывался невыгодно лишь объ одномъ Эртелѣ. Представляю на судъ каждаго, у кого есть капля здраваго смысла, оказать самому себѣ: много ли было на свѣтѣ людей, которые бы, взявъ на себя такую трудную роль предъ государемъ и отечествомъ, исполнили ее болѣе честно и болѣе скромно?

какою рѣшительностію Ермоловъ дѣйствовалъ, и какое поселилъ о себѣ мнѣніе въ главныхъ генералахъ:

„Однажды Барклая приказалъ Ермолову образовать легкій отрядъ. Шевичъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, въ составъ котораго вошли и казаки, подъ начальствомъ генерала Красова. Хотя атаманъ Платовъ былъ всегда большимъ пріятелемъ Ермолова, съ которымъ онъ находился вмѣстѣ въ ссылкѣ въ Костромѣ въ 1800 году, но онъ написалъ ему официальную бумагу, въ которой спрашивалъ, давно ли старшаго отдадутъ подъ команду младшаго, какъ напримѣръ Красова относительно Шевича, и притомъ въ чужія войска? Ермоловъ отвѣчалъ ему официальною бумагой, въ которой находимось между прочимъ слѣдующее: „о старшинствѣ Красова я знаю не болѣе вашего, потому что въ вашей канцеляріи не доставалось еще формулярный списокъ этого генерала, недавно къ намъ переведеннаго изъ Черноморскаго войска; я, вмѣстѣ съ тѣмъ, смущаюсь заключить изъ словъ вашихъ, что вы почитаете себя лишь союзниками Русскаго государя, но никакъ не подданными его.“ Правитель дѣлъ атамана Смирной предлагалъ ему возражать Ермолову, но Платовъ отвѣчалъ: „Оставь Ермолова въ покоѣ, ты его не знаешь, онъ въ состояніи одѣвать съ нами то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ крушеніе, а меня въ размышленіе.“

Между тѣмъ, это подаало поводъ многочисленнымъ и сильнымъ врагамъ Ермолова, людямъ, большею частію, бездарнымъ и завистливымъ, упрекать его въ тожъ, что онъ интриганъ, обязанный своимъ возвышеніемъ проискамъ и искательству у начальниковъ; весьма трудно согласить подобнаго рода обвиненія съ смѣлыми, рѣзкими и никому не безызвѣстными возраженіями Ермолова своимъ начальникамъ и старшимъ генераламъ, коимъ онъ часто, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, высказывалъ горькія истины. Возбудивъ этимъ противъ себя многихъ генераловъ, въ числѣ коихъ находилось не мало бездарныхъ, корыстолюбивыхъ и амчущихъ власти лицъ, онъ приобрѣлъ тѣмъ весьма сильныхъ враговъ, которые, распространяя о немъ самые неблагопріятные слухи, могли значительно повредить ему, если не въ понятіяхъ прозорливаго правительства, то въ общественномъ мнѣніи. Вообще, если достоинства человѣка измѣряются числомъ его враговъ, никто болѣе Ермолова не имѣлъ столь большого количества ожесточенныхъ недоброжелателей въ старшихъ и равныхъ себѣ, но безгранично преданныхъ почитателей въ своихъ подчиненныхъ.“

„Во все время отступленія арміи отъ Дриссы до Царева Займища, Ермоловъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Барклая, отдавалъ по цѣлымъ недѣлямъ приказы по арміи. Когда Барклаю хотѣлось внести что-нибудь въ приказъ, онъ увѣдомлялъ его записками.“

„Ермоловъ, оцѣнившій способности Толя, съ которымъ онъ находился въ послѣдствіи далеко не въ пріятельскихъ отношеніяхъ, ходатайствовалъ о немъ не разъ у Барклая, который, какъ извѣстно, выслалъ его однако изъ арміи въ Москву. Ермоловъ подавалъ даже Барклаю записку, въ которой онъ свидѣтельствовалъ объ усердіи и дарованіяхъ Толя, приобретшаго въ послѣдствіи огромное вліяніе на Кутузова, который привезъ его съ собою въ армію.“

Приближался великій день Бородинскаго сраженія.

Въ Гжати, говоритъ Ермоловъ, прибыли войски генерала Милорадовича въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ и раздѣлены по полкамъ.

.....Назначена для обѣихъ армій позиція при селеніи Бородино.....

.....

(26 числа) носатъ князь Багратиона (получившаго тяжелую рану) принялъ команду надъ 2-ю арміей и вѣдѣть надъ войсками, на лѣвомъ флангѣ бывшими, генераль Дохтуровъ. Холодность и равнодушіе къ опасности, свойственныя сему генералу, не замѣнили однакоже Багратиона..... Въ то самое время какъ на лѣвомъ флангѣ Дохтуровъ боролся съ превосходящими силами непріятеля, высота, важная по положенію своему и лично защищаемая генераль-лейтенантомъ Раевскимъ, испытывала сильнѣйшія наряденія. 18 стальныхъ орудій съ трудомъ уже противились почти вчерашею превосходящей артиллеріи. Уже дерзнулъ непріятель приблизиться на картечный выстрѣлъ. Безтрепетный Раевскій не взиралъ на слабое батареи прикрытіе, на грозящую ей опасность, но истощавали наконецъ снаряды его артиллеріи, и хотя стояція по сторонамъ батареи еще ее охраняли, но долго не могли продолиться таковое ее состояніе. Въ сіе время находился я на правомъ флангѣ при князѣ Кутузовѣ на батареѣ, совершенно отъ опасности удаленной, которую непріятель до самаго почти вечера не почиталъ ни однимъ выстрѣломъ. Онъ запретилъ мнѣ отъ него отлучаться, равно какъ и начальнику артиллеріи 1-й арміи генераль-майору графу Кутайсову, котораго отличная храбрость увлекла уже въ средину опасности, и онъ за то на него досадовалъ. Уже время клонилось къ полудню; атаки на высоту, генераль-лейтенантомъ Раевскимъ защищаемую, усилась, охватывали и часть войскъ 6-го корпуса, справа къ ней прилежащаго. Военный министръ, всегда въ опаснѣйшихъ мѣстахъ присутствующій, былъ свидѣтелемъ упорнаго сопротивленія генераль-лейтенанта Раевского. Въ сіе самое время пріѣхалъ отъ лѣваго фланга полковникъ князь Кудашевъ съ донесеніемъ, что непріятель чрезвычайно умножилъ свои батареи, и войска наши должны были отойти на нѣкоторое разстояніе по той причинѣ, что артиллерія наша въ необходимости нашлась уступить превосходному огню непріятеля. Князь Кутузовъ далъ повелѣніе 2-му и 4-му корпусамъ идти послѣднѣе на вспоможеніе лѣвому крылу. Мнѣ препоручилъ отправиться къ артиллеріи того фланга и привести ее въ надлежащее устройство. Начальникъ главнаго штаба 2-й арміи генераль-адъютантъ графъ Сенъ-При былъ раненъ, и потому въ званіи моемъ могъ я удобнѣе войти

въ распоряженіе. Графу Кутайсову объявилъ я, чтобъ изъ резерва приказалъ онъ тремъ коннымъ артиллерійскимъ ротамъ слѣдовать за мною на лѣвой флангъ. Графъ Кутайсовъ непремѣнно хотѣлъ со мною вѣзть и никакія со стороны моей убѣжденія не могли отклонить его отъ намѣренія. Проѣзжая не подалеку высоты генералъ-лейтенанта Раевского, увидѣлъ я, что уже она была во власти непріятеля, батарея на оной взята имъ, бѣгущая вѣхота наша сильно преслѣдуема!

Важность пункта сего была ошутительна для каждаго и мыѣ нѣтвердили объ оной; * я бросился къ 6-му корпусу, самому ближайшему къ высотѣ, 3-му батальону Уфимскаго пѣхотнаго полка приказалъ идти быстро впередъ, оставивъ имъ бѣгущихъ стрѣлковъ нашихъ, и отступающіе въ разстройствѣ егерскіе 18-й, 19-й и 40-й полки. Непріятель не могъ употребить захваченной артиллеріи, ибо при оной не было зарядовъ, но во обѣихъ сторонахъ взятой имъ батареи подвезены были орудія, и командуемые мною полки осыпавы были картечью. Три конныя роты, меня сопровождавшія, остановились на лѣвомъ моемъ флангѣ, и отвлекая на себя огонь непріятеля, облегчили намъ доступъ къ высотѣ, которую взялъ я не болѣе какъ въ десять минутъ. Тѣлами непріятеля покрылась батарея и отлогость холма до вершины. Всѣ сопротивлявшіеся заплатили жизнью, однимъ только взятъ въ плѣнъ бригадный генералъ *Бонами*, получившій двѣнадцать ранъ штыками. Потерянные нами орудія всѣ возвращены, но уронъ со стороны моей по числу людей былъ ужасный. Слабые полки мои заставляли меня опасаться, чтобы непріятель не похитилъ пріобрѣтеннаго нами успѣха, но главнокомандующій генералъ Барклай де-Толли, видя собственными глазами близкую опасность, немедленно прислалъ два полка вѣхоты, помощію которыхъ я могъ удержаться, и между тѣмъ собрать разсѣянныхъ людей. Графъ Кутайсовъ, бывшій со мною вмѣстѣ, подходя къ батареѣ, отдѣлился вправо, гдѣ встрѣтивъ часть нашей пѣхоты, повелъ ее на непріятеля, но пѣхота сія обращена и онъ не возвратился. Вскорѣ приближала лошадь и окровавленное сѣдло давало подозрѣніе о его смерти. Могло оставаться

* Генералъ баронъ Беннигсенъ называлъ пунктъ сей ключомъ позиціи и требовалъ, чтобъ онъ укрѣпленъ былъ.

горестное утѣшеніе, что онъ раменъ и въ рукахъ непріятеля. Погасаа жизнь твоя, достойный молодой человекъ! Не однимъ ближнимъ твоимъ оставлено сѣтованіе, отечество терять величайшія въ тебѣ надежды! Судьбою предоставляема мнѣ была честь познакомиться тебя съ первыми войнами опасностями; * мнѣ оставлена судьбою и горестъ видѣть тебя жертвою оныхъ.

Около трехъ часовъ по полудни получа картечью въ шею рану, долженъ я былъ удалиться отъ батареи, сдавъ команду генералъ-майору Духачеву, котораго полки были не подальку, и я зналъ его храбрость.

Въ пять часовъ по полудни непріятельская кавалерія, воспользовавшись отдаленіемъ нашей, овладѣла батареей генералъ-майора Духачева, которую малое число нашей пѣхоты защитить не могло, и самъ онъ достался въ пѣнь, при чемъ взято также нѣсколько пушекъ. Не взирая на потерю сей высоты, господствующей надъ всею окрестностью, войска наши остались весьма близко оной, и непріятель, опасаясь со стороны нашей усилій къ возвращенію ея, не рѣшился поставить на ней артиллерію, которая, конечно, много бы наносила намъ вреда.

Д. В. Давыдокъ такъ описываетъ участіе Ермолова въ Бородинскомъ сраженіи:

„Нѣкоторые военные писатели привали въ настоящее время за правило искажать событія, въ которыхъ принималъ участіе генералъ Ермоловъ; они умаличиваютъ о заслугахъ сего генерала, коего мужество, способности, безкорыстіе и скромность въ донесеніяхъ слишкомъ всемъ извѣстны. Такъ какъ подобныя описанія не могутъ внушить никакаго довѣрія, я рѣшился либо опровергать вымыслы этихъ господъ, либо сообщать моимъ читателямъ все то, о чемъ имъ неугодно было говорить. Такъ напримѣръ, въ описаніи Бородинскаго сраженія никто не далъ себѣ труда собрать всѣ свѣдѣнія о вѣсти нами редута Раевского, уже занятаго непріятелемъ. Почтенный Николай Николаевичъ Раевскій, имевемъ кото-

* Въ 1807 г., въ первый разъ употребленъ будучи противъ непріятеля, находился онъ на командуемой мною батарее въ сраженіи при Преисамъ-Влаву. (Ерм.)

раго названъ этотъ редутъ, описывая это событіе, упоминаетъ слегка о Ермоловѣ, выставляя лишь подвиги Васильичкова и Паскевича. Отдавая должную справедливость благотельному мужеству этихъ двухъ генераловъ, и основываясь на рапортѣ Баркаая и на разказахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, всѣ непристрастные свидѣтели этого побоища громко признаютъ Ермолова главнымъ героемъ этого дѣла; ему принадлежить въ этомъ случаѣ мысль и исполненіе.

„Получивъ извѣстіе о рапѣ князя Багратиона и о томъ, что 2-я армія въ замѣшательствѣ, Кутузовъ посмалъ туда Ермолова, съ тѣмъ чтобъ, ободривъ войско, привести его въ порядокъ. Ермоловъ приказалъ храброму полковнику Никитину (нынѣ генералъ отъ кавалеріи) взять съ собой три конныя роты и не терять его изъ виду, когда онъ отправится во 2-ю армію. Бывшій начальникъ артиллеріи 1-й арміи графъ Кутайсовъ рѣшился сопроводить его, несмотря на всѣ представленія Ермолова, говорившаго ему: „ты всегда бросаешь ся туда, куда тебѣ не слѣдуетъ: давно ли тебѣ былъ выговоръ отъ главнокомандующаго, за то что тебя нигдѣ отмыскать не могли. Я ѣду во 2-ю армію, мнѣ совершенно незнакому, приказывать тамъ имеемъ главнокомандующаго, а ты что тамъ дѣлать будешь?“ Они слѣдовали волею, какъ вдругъ замѣтили вправо на редутѣ Раевского большое смятеніе: редутомъ овладѣли Французы, которые, не найдя на немъ зарядовъ, не могли обратить противу насъ взятыхъ орудій; Ермоловъ разсудилъ весьма основательно: вмѣсто того чтобъ ѣхать во 2-ю армію, гдѣ ему, можетъ-быть, съ незнакомыми войсками не удастся исправить ходъ дѣла, не лучше ли возстановить здѣсь сраженіе и выбить непріателя изъ редута, господствующаго надъ всѣмъ полемъ сраженія, и справедливо названнаго Беннигсеномъ ключомъ позиціи. Онъ потому приказалъ Никитину поворотить вправо къ редуту, гдѣ они нашли уже не Паскевича, а прострѣленнаго полковника 26-й дивизіи Савоина съ разнородною массою войскъ. Приказавъ ударить оборъ, Ермоловъ мужественно повелъ ихъ на редутъ. Найдя здѣсь батальонъ Уфимскаго полка, послѣдній съ края 1-й арміи, Ермоловъ приказалъ ему идти въ атаку развернутымъ фронтомъ, чтобы линія казалась длиннѣе и ей легче было бы захватить большее число бѣгущихъ. Для большаго воодушевленія войскъ, Ермоловъ сталъ бросать по направленію къ редуту георгиевскіе кресты, случайно нахо-

дѣшеса у него въ карманѣ; вся свита Барклая мужественно пристроилась къ нимъ, и въ четверть часа редутъ былъ взятъ. Наши обрасывали съ вала выѣстъ съ непріятелемъ и пушки; пощадъ не было никому; взятъ былъ въ плѣнъ одинъ генералъ Богами, получившій 12 ранъ. (Этотъ генералъ жилъ послѣ долго въ Орлѣ; полюбивъ весьма Ермолова, онъ далъ ему письмо въ южную Францію къ своему семейству, которое онъ просилъ посѣтить. При полученіи извѣстій о побѣдахъ Французовъ, раны его закрывались и онъ былъ добръ и спокоенъ; при малѣйшемъ извѣстіи о неудачѣ ихъ, раны раскрывались и онъ приходилъ въ ярость.) Такъ какъ вся масса нашихъ войскъ не могла взойти на редутъ, многіе, въ пылу преслѣдованія, устремившись по глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ и находящемуся впереди, были встрѣчены войсками Нея. Но Ермоловъ приказалъ кавалеріи, заскакавъ впередъ, гнать нашихъ обратно на редутъ. Мужественный и хладнокровный до невѣроятія Барклай, на высокомъ челѣ котораго изображалась глубокая скорбь, прибилъ лично сюда, подкрѣплялъ Ермолова войсками и артиллеріей. Въ это время мчелъ графъ Кутайсовъ, который былъ убитъ близъ редута; одна лошадь его возвратилась. Одинъ офицеръ, не будучи въ состояніи вынести тѣла, снялъ съ него знакъ Св. Георгія 3 класса и золотую саблю. (Этотъ молодой генералъ, будучи полковникомъ гвардіи—15-ти лѣтъ и генераломъ—24-хъ лѣтъ, былъ одаренъ блестящими и разнообразными способностями. Проведя вечеръ 25 августа съ Ермоловымъ и Кикинымъ, онъ былъ пораженъ словами Ермолова, случайно оказавшаго ему: „мнѣ кажется, что завтра тебя убьютъ“. Будучи чрезвычайно впечатлительнъ отъ природы, ему въ этихъ словахъ неизвѣстно почему послышался голосъ судьбы.) Ермоловъ оставался на редутѣ около 3 часовъ, пока усилившаяся боль, вслѣдствіе сильной контузій картечью въ шею, не вынудила его удалиться. Барклай написалъ Кутайзову слѣдующій рапортъ о Бородинскомъ сраженіи: „Вокорѣ послѣ овладѣнія непріятелемъ всеми укрѣпленіями лѣваго фланга, сдѣлавъ онъ, подъ прикрытіемъ сильнѣйшей канонады и перекрестнаго огня многочисленной его артиллеріи, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизіей. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизію; но начальникъ главнаго штаба генералъ-майоръ Ермоловъ, съ свойственною ему рѣшительностью, взявъ одинъ

только 3-й батальонъ Уфимскаго полка, остановилъ бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріатель защищался жестоко; батареи его дѣлали странное опустошеніе; но ничто не устояло... 3-й батальонъ Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе полки по лѣвую сторону оной и въ четверть часа наказана дерзость непріателя; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты тѣлами непріательскими. Бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ снискавшихъ пощадку, а непріатель пресѣдованъ былъ гораздо дѣше батареи. Генералъ-майоръ Ермоловъ удержалъ оную съ малыми силами до прибытія 24-й дивизіи, которой я велѣлъ снѣжить разстроенную атакой 26-ю дивизію.“ Барклаю написалъ собственноручное представленіе, въ которомъ просилъ князя Бутузова удостоить Ермолова орденомъ Св. Георгія 2-го класса; но такъ какъ этотъ орденъ былъ пожалованъ самому Барклаю, то Ермоловъ былъ награжденъ лишь знаками Св. Анны 1-го класса.

„Въ Бородинскомъ сраженіи принималъ участіе и графъ Федоръ Ивановичъ Толстой, замѣчательный по своему необыкновенному уму и извѣстный подъ именемъ Американца; находясь въ отставкѣ въ чинѣ подполковника, онъ поступилъ рядовымъ въ московское ополченіе. Находясь въ этотъ день въ числѣ отряженныхъ при 26-й дивизіи, онъ былъ сильно раненъ въ ногу. Ермоловъ, проѣзжая послѣ сраженія мимо раненыхъ, коихъ везли въ большомъ числѣ на подводахъ, услышалъ знакомый голосъ и свое имя. Обернувшись, онъ, въ груди раненыхъ, съ трудомъ могъ узнать графа Толстого, который, желая убѣдить его въ полученной имъ ранѣ, сорвалъ бинтъ съ ноги, откуда струями потекла кровь. Ермоловъ исходатайствовалъ ему чинъ полковника.“

Въ другомъ мѣстѣ Давыдовъ говоритъ еще:

„...На Бородинскомъ полѣ... Ермоловъ... блистательно исторгнулъ изъ рукъ непріателя (редутъ Раевского).

„...Этотъ знаменитый подвигъ Ермолова... не былъ оцененъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ онъ того вполне заслуживалъ. По причинамъ, для меня непонятнымъ, Раевскій, упоминая о немъ слегка, приписываетъ всю славу этого подвига Паскевичу и Васильчикову; онъ повидимому желаетъ убѣдить всѣхъ, что честь защиты этого редута и изгнанія изъ него непріателя принадлежитъ лишь подчиненнымъ ему гене-

радамъ и войскамъ. Изложивъ уже весь этотъ эпизодъ Бородинскаго побоища, я почитаю обязанностью сказать, что все мною сказанное объ этомъ основано на словахъ очевидцевъ и участниковъ этого дѣла, изъ которыхъ многіе доселѣ живы, какъ напримѣръ, мужественный А. П. Накитинъ. Самъ фельдмаршалъ князь Барклай-де-Толли, весьма неблаговолившій въ послѣдствіи къ Ермолову, относилъ весь успѣхъ этого дѣла его рѣшительности и мужеству. Это же самое подтверждаетъ почтенный и благородный графъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, сказавшій не одному мнѣ слѣдующія замѣчательныя слова о Ермоловѣ: „quoique je n'aie jamais été l'ami de coeur du général Ermoloff, je ne puis ne pas convenir, que notre armée lui doit son salut à Witebak, Borodino et Culm; dans une foule d'autres occasions ce général a fait preuve de beaucoup de talent, de courage, de présence d'esprit et d'un rare déintéressement.“ Высокое мужество и самоотверженіе Ржевскаго и его сподвижниковъ... не нуждаются въ присвоеніи чужихъ заслугъ.

.....

„Послѣ Бородинскаго сраженія, Ермоловъ отправился съ Толмакомъ и полковникомъ (русскимъ, австрійскимъ и испанскимъ) Кроссаромъ съ Поклонной горы къ Москвѣ отыскивать позицію, удобную для принятія сраженія. Войска были оушевлены желаніемъ вновь сразиться съ непріятелемъ; когда послѣ Бородинскаго сраженія, адъютантъ Ермолова Граббе объявилъ войскамъ отъ имени свѣтлѣйшаго о новой битвѣ, это извѣстіе было принято всеми съ неописаннымъ восторгомъ. Отступленіе нашихъ войскъ началось лишь по полученіи извѣстія съ нашего праваго фланга, котораго непріятель сталъ сильно тѣснить и обходить. Князь Кутузовъ, не желая однако оставить столицу безъ обороны, имѣлъ одно время въ виду вѣрнуть защиту ея со стороны Воробьевыхъ горъ—Дохтурову, а со стороны Драгомиловской заставы—принцу Евгенію Вуртембергскому. Графъ Ростопчинъ, встрѣтившій Кутузова на Поклонной горѣ, увидавъ возвращающагося съ рекогносцировки Ермолова, оказалъ ему: „Алексій Петровичъ, зачѣмъ усиливаетесь вы убѣждать князя защищать Москву, изъ которой уже все вывезено? Лишь только вы ее оставите, она по моему распоряженію замыкаетъ позади васъ.“ Ермоловъ отвѣчалъ ему, что это есть воля князя, приказавшаго отыскивать позицію для новаго

сраженія. Кутузовъ, узнавъ, что посланные не нашли хорошей позиціи, приостановилъ движеніе корпуса Дохтурова къ Воробьевымъ горамъ. На Поклонной горѣ видны доселѣ сѣды укрѣпленій, кои надлежало защищать приходу Виртембергскому. Кутузовъ отправилъ въ другой разъ къ Москвѣ Ермолова, съ приданемъ Александромъ Виртембергскимъ, Толемъ и Кроссаромъ; приездъ, отличавшійся большою ученостью, сказалъ: „en faisant creneler les murs des couvents, on aurait pu y tenir plusieurs jours.“ Возвратившись въ главную квартиру, Ермоловъ доложилъ князю, что можно было бы, не заходя въ отолуцу, совершить, въ виду непріятельской арміи, фланговое движеніе на Тульскую дорогу, что было бы однако не совсемъ безопасно. Когда онъ сталъ съ жаромъ доказывать, что невозможно было принять новаго сраженія, князь, пощупавъ у него пульсъ, сказалъ ему: „здоровъ ли ты, голубчикъ.“ „Настолько здоровъ, отвѣчалъ онъ, чтобы видѣть невозможность новаго сраженія.“ Хотя на знамени томъ военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, Ермоловъ, какъ видно изъ предыдущаго, былъ убѣжденъ, что новое сраженіе бесполезно и невозможно, но, будучи вынужденъ подать свой голосъ однимъ изъ первыхъ, дорежа популярностію, пріобрѣтенною имъ въ арміи, которая приходила въ отчаяніе при мысли о сдачѣ Москвы, и не сомнѣваясь въ томъ, что его мнѣніе будетъ отвергнуто большинствомъ, онъ подавъ голосъ въ пользу новой битвы. Беннигсенъ, находившійся въ весьма дурныхъ сношеніяхъ съ Кутузовымъ, постоянно предпочитавшамъ мнѣнія протівоположныя тѣмъ, кои были предложены этимъ генераломъ, требовалъ того же самаго; неустрашимый и благородный Коповицынъ поддерживалъ ихъ. Доблестный и величественный Барклай, превосходно изложивъ въ краткихъ словахъ матеріальныя средства Россіи, кои были ему лучше всѣхъ извѣстны, требовалъ, чтобы Москва была отдана безъ боя; съ нимъ согласились графъ Остерманъ, Раевскій и Дохтуровъ. По мнѣнію сего послѣдняго, армія, за недостаткомъ генераловъ и офицеровъ, не была въ состояніи вновь сразиться съ непріятелемъ. Графъ Остерманъ, питавшій большую неприязнь къ Беннигсену съ самаго 1807 года, спросилъ его: „Кто вамъ поручится въ успѣхъ боя?“ На это Беннигсенъ, не обращая на него вниманія, отвѣчалъ: „Еслибы въ этомъ сомнѣвались, не состоялся бы военный совѣтъ, и мы не были бы приглашены сюда.“ Вернувшись послѣ совѣта на

свою квартиру, Ермоловъ нашелъ ожидавшаго его артиллеріи поручика Фиглера, столь знаменитаго въ послѣдствіи по своимъ вполне блистательнымъ подвигамъ. Этотъ офицеръ, уже украшенный знаками Св. Георгія 4-го класса за смѣлость, съ которою онъ измѣрялъ ширину рва Рущукской крѣпости, просилъ о дозволеніи остаться въ Москвѣ для собранія свѣдѣній о непріятелѣ, вызываясь даже убить самого Наполеона, если только представится къ тому возможность. Онъ былъ прикомандированъ къ штабу и снабженъ на Боровскомъ перевозѣ подорожною въ Казань. Это было сдѣлано затѣмъ, чтобы слухъ о его намѣреніяхъ не разгласился въ армію.

Возвращаемся къ повѣствованію самого Алексѣя Петровича о событіяхъ, слѣдовавшихъ за Бородинскою битвой:

1 числа сентября армія наша непримѣтно приблизилась къ самымъ стѣнамъ Москвы. Мѣсто, на которомъ расположилась армія, простиралось отъ урочища, называемаго Фили, чрезъ рѣчку Карповку, Воробьевы горы, почти до самой Калужской дороги..... Князь Кутузовъ показывалъ видъ, что непремѣнно хочетъ дать сраженіе....

.....

Всѣмъ очевиднымъ недостаткамъ мѣстоположенія никто не хотѣлъ противостать. Господа генералы молчали и конечно не отъ того, чтобы многіе могли разумѣть, что князь Кутузовъ обманываетъ обѣщаніемъ защищать Москву. Онъ спросилъ меня по прибытіи на мѣсто, каковою нахожу я позицію? Я отвѣчала, что о мѣстѣ, назначаемомъ для 60 или 70 тысячъ человѣкъ, по одному взгляду рѣшить не можно, что однакоже примѣтны въ немъ такого рода недостатки, что усомниться должно въ возможности на немъ удержаться. Онъ взялъ меня за руку, оцупалъ пульсъ и сказалъ, здоровъ ли я? Подобный вопросъ не вызвалъ меня на скромный отвѣтъ, и я съ нѣкоторою живостію возразилъ, что мѣсто таково, что на немъ драться онъ не будетъ, или въ короткое время разбитъ будетъ совершенно. Кутузовъ не хотѣлъ даље раздражать меня оскорбленіями, ласково приказалъ мнѣ, взявъ съ собою генераль-квартирмейстера Толя, осмотрѣть ту же самую позицію и довести ему о ея недостаткахъ, а потомъ, буде найдется другая, предложить объ оной. Со мною также обѣщавъ позицію г. Кроссаръ, принятый въ службу нашу

полковникъ, служившій прежде долго въ Австріи и Гиспаніи, человекъ съ дарованіями. Я самъ сдѣлалъ рисунокъ позиціи и объяснилъ ея порочность. Кутузову доложилъ я, что тутъ же есть другая позиція, хотя также съ большими недостатками, но то важное имѣющая преимущество, что отступление безопасно и не чрезъ весь городъ, но чрезъ нѣкоторую только часть Замоскворѣчья и не переправляясь рѣки, прямо на Тульскую дорогу (и проч. и проч.)..... Кутузовъ, все выслушавъ благосклонно, ничего однакоже не сказалъ..... Я нашелъ Кутузова съ графомъ Растончинымъ, съ коимъ онъ объяснялся весьма долго. Графъ говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ, почему Кутузовъ усиливается непременно защищать Москву... что вывезены всѣ сокровища..... Нѣсколько передъ тѣмъ дней клялся Кутузовъ сѣдыми своими волосами, что непріятель путь къ Москвѣ долженъ проложить чрезъ его тѣло... Онъ не зналъ, какъ сложить съ себя вину оставленія Москвы.... Онъ подробно пересказалъ мнѣ разговоръ свой съ Растончинымъ и со всею невинностію увѣрялъ меня, что до того времени не зналъ онъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы никакихъ не снщетъ выгодъ, что подлинно оставить ее можно, и спросилъ у меня на то мнѣнія. Я боялся повторенія испытаній моего пульса, замолчалъ, но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, я отвѣчалъ ему, что если отступать, то для соблюденія наружности приказалъ бы въ честь древней столицы арріергарду нашему дать сраженіе.

День клонился уже къ вечеру, и объ оставленіи Москвы еще неизвѣстно было. Военный министръ, призвавъ меня къ себѣ, объяснилъ мнѣ причины, по которымъ отступление полагаетъ онъ необходимымъ, причины самыя ясныя и основательныя, противъ которыхъ возразить было невозможно. Никогда не слышалъ я его столь благоразумно разсуждающаго. Онъ пошелъ къ Кутузову и мнѣ приказалъ идти за собою. Барклаю-де-Толли болѣе нежели кому-либо извѣстны были обстоятельства. Въ восхищеніи былъ Кутузовъ отъ сего предложенія, ибо не первый онъ его сдѣлалъ и имѣлъ на кого возложить вину, а дабы болѣе отклонить отъ себя упреки, приказалъ созвать совѣтъ, и въ восемь часовъ вечера назначено для сего время.

(На совѣтѣ) Барклаю-де-Толли предлагалъ взять направленіе на Владимиръ, дабы сохранить сообщеніе съ Петербур-

гомъ и особенно царскою фамиліею. Кутузовъ приказалъ мнѣ, или по званію моему, или потому что я младшій, объявить мое мнѣніе. Я убѣжденъ былъ основательнымъ предложеніемъ военнаго министра, которому можно было противорѣчить въ одномъ направленіи на Владимиръ въ единственномъ намѣреніи сохранить сообщеніе съ Петербургомъ, ибо оно отдавало во власть непріятеля всѣ полуденныя наши области и знатныя готовые уже для арміи запасы. Гораздо важнѣе было не потерять сообщенія съ ними и арміями генерала Тормасова и адмирала Чичагова, потому что царская фамилія могла, при малѣйшей грозящей ей опасности, выѣхать въ Казань или сѣверныя губернія, не порабощая армію невыгодному направленію. Не смѣлъ я, какъ офицеръ, весьма мало извѣстный, дать согласіе мое на оставленіе столицы. Не хочу, однакоже, защищать мнѣнія моего, ибо оно было неосновательно, но страшась упрека соотечественниковъ, далъ я голосъ атаковать непріятеля. Девятьсотъ верстъ непрерывнаго отступленія, говорилъ я, не приучили непріятеля къ подобнымъ со стороны нашей движеніямъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ распоряженіи войскъ его произойдетъ большое замѣшательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться, и что, конечно, сіе произведетъ оборотъ въ дѣлахъ нашихъ *. Князь Кутузовъ съ непріятностію отвѣчалъ мнѣ, что потому дамъ я такое мнѣніе, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Генералъ Беннигсенъ, извѣстный знаніемъ военнаго искусства и опытностію своею, хотя удивилъ меня, давъ мнѣніе, съ моимъ согласующееся, но я не могъ усомниться, что онъ основываетъ его на вѣрнѣйшихъ нежели я расчетахъ.

.....Пріѣхавшему послѣ всѣхъ генераль-лейтенанту Раевскому приказано мнѣ было пересказать предложеніе военнаго министра и каждаго особенно мнѣніе, и онъ отвѣчалъ, что обстоятельства, военнымъ министромъ объясняемая, достаточно склонить его къ мнѣнію оставить Москву.... Приказано сдѣлать диспозицію къ отступленію.... къ Рязанской заставѣ...

* Мнѣніе мое атаковать непріятеля основано было на необходимости дать сраженіе, ибо Кутузовъ не переставалъ утверждать того; итакъ, взявъ се за основаніе, я только избралъ способъ и всеконечно лучше было не смѣлать нападенія въ порочной позиціи. (Ерм.)

....Неприятель въ положенное по условію время вошелъ безъ боя, не препятствовалъ выходить обозамъ арміи и даже самимъ жителямъ, занялъ тотчасъ всѣ заставы, и Москву оставилъ мы въ рукахъ его.

Тщательно наблюдалъ я дѣйствіе, которое произвело надъ войсками оставленіе Москвы, и сверхъ чаянія замѣтилъ, что солдаты не теряли духа и далеко былъ ропотъ....

Въ городѣ Гжатскѣ перемѣнилъ Кутузовъ распоряженіе мое о больныхъ и раненыхъ, и разосланнымъ отъ себя офицерамъ приказалъ отовсюду свозить ихъ въ Москву. Ихъ было до 26 тыс. человекъ. Въ послѣднюю ночь послалъ я къ коменданту, чтобъ объявилъ онъ имъ, что оставляемъ мы Москву, и чтобы тѣ, кои въ силахъ, удалились.

...Около вечера слышны были въ Москвѣ два взрыва пороха и пожаръ ужаснѣйшій далеко освѣщалъ окрестности. Исполнилъ обѣщаніе свое графъ Растропчинъ!..

Неприятель покореніемъ столицы мнитъ, поколебавъ твердость Россіянъ, достигнуть славнаго для себя мира. Онъ не находитъ столицы и вмѣсто мира видитъ народную войну, подъ ужасающими его признаками возгорающуюся. Мнитъ стяжать сокровища, награду воиновъ за понесенные труды,— ихъ не обрѣтаетъ.... За что отнимать у себя славу жертвованія столицей? Справедливый неприятель у насъ ея не похищаетъ! Всѣ доселѣ народы, счастію Наполеона двадцать лѣтъ покорствующіе, не явили подобнаго примѣра. Судьба берегла его для славы Россіянъ! Двадцать лѣтъ побѣждая всѣ противоборствующіе народы, въ торжествѣ неоднократно проходилъ Наполеонъ столицы ихъ. Черезъ Москву единую лежалъ ему путь къ вѣчному стыду и сраму! Въ первый разъ устрешенная Европа осмѣлилась увидѣть въ немъ человека!

Армія, 3-го числа сентября имѣвъ растахъ, пошла по Рязанской дорогѣ къ Боровскому перевозу черезъ Москву рѣку.*

* Давыдовъ разсказываетъ здѣсь слѣдующій случай:

„На второмъ переходѣ послѣ выступленія изъ Москвы, армія наша достигла такъ-называемаго Боровскаго перевоза. Здѣсь арріергардъ былъ задержанъ столпившимися на мосту, въ страшномъ безпорядкѣ, обозами и экипажами частныхъ лицъ; тщетны были просьбы и приказанія начальниковъ, которые, слыша со стороны Москвы пушечные выстрѣлы

.....
 Армія расположилась у города Подольска.... Растахъ....

.....
 Армія спокойно прибыла къ селу Красная Пахра (на Калужской дорогѣ).... отошла къ селу Воронову и наконецъ въ Тарутино....

.....
 Въ Тарутинѣ возвратился артиллеріи капитанъ Фигнеръ, отправленный мною изъ Подольска въ Москву. Предпріимчивый и храбрый сей офицеръ взялся развѣдать о непріятелѣ, и буде бы возможность была, хотѣлъ вкрасться въ свиту Наполеона. Онъ, бывши въ Москвѣ, возвратился къ переловымъ войскамъ, подъ командою генераль-лейтенанта

и не зная о истинномъ направленіи непріятеля, торопились продвинуть арріергардъ; но обозы и экипажи, занимая мосты и не пропуская войскъ, нѣсколько сами не подвигались. Въ это время подѣхалъ къ войскамъ Ермоловъ; онъ тотчасъ приказалъ командиру артиллерійской роты, здѣсь находившейся, сняться съ передковъ и обратить дула орудій на мостъ, при чемъ имъ было громко приказано зарядить орудія картечью и открыть по его командѣ огонь по обозамъ. Ермоловъ, сказавъ на ухо командиру, чтобы не заряжалъ орудій, скомандовалъ: *пальба первая*. Хотя это приказаніе не было приведено въ исполненіе, но испуганные обозы, бросившись частію въ рѣку, частію на берегъ змигъ очистили мостъ, и арріергардъ благополучно присоединился къ главной арміи, *Jeûb-jeûdakъ* Виаше, бывшій свидѣтелемъ всего этого, назвалъ Ермолова: „*homme aux grands coups*“.

Бывшій дежурный генералъ 2-й арміи Маринъ, авторъ весьма многихъ комическихъ стихотвореній, часто посѣщалъ Ермолова, о которомъ онъ говорилъ: „я люблю сего Ахилла въ гявѣ, изъ устъ котораго никогда не вырывается ничего оскорбительнаго для провинившагося подчиненнаго“.

Приводимъ здѣсь еще слѣдующую записку самого Ермолова. „Направленіе на Владимиръ, военнымъ министромъ предложенное, отглаго, и опредѣлено перейти на Тульскую дорогу. Для сего надежало предпринять фланговой маршъ, вблизи отъ непріятеля не безопасный. Въ продолженіи кампаніи 1812 года движеніе сіе было рѣшительнѣйшее и наиболѣе приличествующее обстоятельствамъ, а потому весьма многіе несправедливо приписываютъ себѣ честь сего предложенія, хотя еще доль Москвою было разсуждаемо о томъ, можно ли съ Воробьевыхъ горъ перейти на Тульскую и даже на самую Калужскую дорогу, а въ теперешнемъ случаѣ мысль сія принадлежитъ генералу барону Беннигсену, и я свидѣтелемъ былъ, что онъ говорилъ о томъ князю Кутузову“.

Раевского, и объявилъ, что посланъ отъ меня. Генералъ-лейтенантъ Раевскій, зная его въ Молдавіи, далъ ему небольшую команду кавалеріи, съ которою онъ отправился на дорогу между Можайскомъ и Москвою. Скрывъ отрядъ свой и осмотрѣвъ идущія непріятельскія шесть орудій съ небольшимъ прикрытіемъ, напалъ на нихъ при селеніи Вязьмѣ и взялъ въ плѣнъ, гдѣ по близости расположенный непріятель. Увѣдомленъ будучи о происшествіи, не успѣлъ прійти на изъясненіе. Фигнеръ * былъ первый изъ партизановъ, употреб-

* Приводимъ два документа, касающіеся этого храбраго офицера.

I.

Его свѣтлости высокопочтенному г. генералъ-фельдмаршалу, главнокомандующему всѣми арміями, князю Голицыну-Кутузову

Начальника главнаго штаба 1-й арміи генералъ-майора Ермолова рапортъ.

Вчерашній день я имѣлъ честь предупредить г. дежурнаго генерала всѣхъ армій для доклада вашей свѣтлости о дѣйствіяхъ отряженной съ артиллеріи штабъ-капитаномъ Фигнеромъ партіи; клятвѣ рапортъ его въ подлинникъ имѣю честь представить вашей свѣтлости.

Сей офицеръ, извѣстный своею предприимчивостью и прежними отличными дѣйствіями, былъ употребленъ мною въ полной увѣренности, что онъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы доказать свое рвеніе къ пользамъ службы. Дѣйствіе его, но лучше свидѣтельство самыхъ плѣнныхъ, вполне оправдали сдѣланный мною выборъ и выказали все его способности.

Благovolите, ваша свѣтлость, вознаградить труды сего офицера, имѣющаго единымъ предметомъ пользу службы своего государя, и обратить благосклонное вниманіе свое на его усердіе, заслуживающее величайшихъ похвалъ. Простите также смѣлость моего предложенія о томъ, что надлежитъ отрядить сего отличнаго офицера съ большею партіей, избравъ ему предприимчивыхъ офицеровъ, дабы малочисленность конницы его не ослабила его дѣятельности и не вынудила его часто по необходимости скрываться въ лесахъ.

Генералъ-майоръ Ермоловъ.

№ 490.

сентября 25, 1812.

II.

Г. начальнику главнаго штаба 1-й западной арміи генералъ-майору кавалеру Ермолову

Артиллеріи штабъ-капитана Фигнера рапортъ

Вѣрнымъ мнѣ отрядомъ о причиненіи непріятелю вреда довести честь имѣю слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблены все проше-

ленный при большой арміи. Успѣхи его, въ которыхъ много способствовали ему вооруженные имъ поселяне, дали мысль Кутузову умножить число партизановъ.....

Въ Подольскѣ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Кутузовѣ. Генералъ сей,

по новому званію своему, входилъ въ мою должность и обязанности, непосредственно на мнѣ лежащія, которыя прежде сблизжали меня съ Кутузовымъ

. Князь Кутузовъ произведенъ былъ послѣ Бородинскаго сраженія въ фельдмаршала, и вмѣстѣ съ возвышеніемъ симъ почелъ необходимымъ создать дежурнаго при себѣ генерала, дабы управленіе арміями не оставить въ рукахъ генерала Беннигсена, который состоялъ при немъ въ званіи начальника главнаго штаба всѣхъ дѣйствующихъ армій. По полученіи извѣстія о смерти достойнѣйшаго генерала князя Баграціона, 2-я армія хотя и существовала по имени, но штабъ оной былъ уничтоженъ и присоединенъ къ штабу 1-й западной арміи, и я наименованъ начальникомъ главнаго штаба обѣихъ армій.

22-го числа сентября военный министръ Барклай-де-Толли оставилъ армію и поѣхалъ въ Калугу и далѣе. Я зналъ намереніе его и для того не задолго предъ его отъѣздомъ подалъ рапортъ, что чувствую себя къ отправленію моей должности неспособнымъ и прошу возвратить меня въ армію.

юльствія; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульскою и Звенигородскою дорогами, побито до 400 человекъ; 3) на Можайской дорогѣ взорваны паркъ, шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а 18 ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащихъ, взорваны. При орудіяхъ взяты: полковникъ, 4 офицера и рядовыхъ 58, убито офицеровъ три и малое число рядовыхъ.

Не смотря на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ. Отъ чего въ самыя мрачныя ночи въ лѣсахъ, едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ непріятелю губельны. Переноса равнодушно холодъ и стужу, презирая опасность среди многочислѣннѣйшаго непріятеля, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ. Урокъ, повеселенный симъ отрядомъ, состоитъ въ одномъ убитомъ и двухъ легко раненыхъ

Артиллеріи штабъ-капитанъ Фигнеръ.

(*) для 1812 года.

Онъ представленъ былъ въ подлинникъ фельдмаршалу, но никакого не послѣдовало отвѣта. Вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли уѣхалъ и правитель собственной канцеляріи его, флигель-адъютантъ гвардіи полковникъ Закревскій, офицеръ отличныхъ и благороднѣйшихъ свойствъ, съ которыми былъ я пріятель, и вмѣстѣ раздѣляли и горести неудачной войны и пріятныя въ оной минуты, и я, кромѣ достойнаго дежурнаго генерала 1-й арміи флигель-адъютанта Кикина, не видалъ никого желающаго мнѣ добра, и положеніе мое часть отъ часу дѣлалось болѣе непріятнымъ. Генераль-лейтенантъ Коновницынъ возмечталъ, что я долженъ обрабатывать часть дѣлъ, собственно до него относящихся. Я нѣкоторое время дѣлалъ то съ терпѣніемъ

Онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Толемъ вредили мнѣ у Кутузова, и расположеніе ко мнѣ и вниманіе, всѣми замѣченное, уничтожали. Онъ охладѣлъ ко мнѣ, я не искалъ его милостей и старался отдалиться отъ главной квартиры, въ которой я не жилъ во все время пребыванія арміи въ Тарутинѣ и не иначе появлялся, развѣ приказано мнѣ бывало. Я посѣщалъ Коновницына, и въ то же время имѣлъ съ нимъ переписку, въ которой онъ ничего у меня не выигрывалъ.

Въ такихъ отношеніяхъ съ Коновницынымъ и Толемъ, могущественными людьми настоящаго времени, я былъ совершенно празднымъ, и мнѣ оставалось быть свидѣтелемъ разныхъ интригъ главной квартиры, вражды между Кутузовымъ и генераломъ Беннигсеномъ, которую возбуждалъ полковникъ Толь единственно въ намѣреніи, отдавая его вліяніе на Кутузова, сохранить надъ нимъ власть свою. Званіе начальника главнаго штаба оставалось еще при мнѣ, и не смотря на повторенный мною о неспособности рапортъ, я не могъ получить увольненія отъ онаго *.

Сраженія Тарутинское и Малоарославецкое описаны у Давыдова съ бѣльшими подробностями чѣмъ у Ермолова, и мы считаемъ цѣлесообразнѣе представить прежде его разказъ:

* Давыдовъ разказываетъ объ этомъ такъ: „Извѣстно, что въ Тарутинѣ Коновницынъ, назначенный дежурнымъ генераломъ всѣхъ арій, отказывался отъ своей новой должности подъ предлогомъ, что она была выше его силъ; Кутузовъ думалъ дать ему въ помощники Ермолова, который, не желая служить секретаремъ Коновницыну, настоятельно

„Главная квартира Кутузова находилась, какъ извѣстно, въ Леташевкѣ, а Ермоловъ съ Платовымъ квартировалъ въ разстояніи одной версты отъ этого села. Генераль Шепелевъ далъ 4 числа большой обѣдъ, всѣ присутствовавшіе были очень веселы, и Николай Ивановичъ Денрерадовичъ пустился даже плясать. Возвращаясь въ 9-мъ часу вечера въ свою деревушку, Ермоловъ получилъ чрезъ ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардскаго полка, письменное приказаніе собрать къ слѣдующему утру всю армию для наступленія противъ непріятели. Ермоловъ спросилъ ординарца, почему это приказаніе доставлено ему такъ поздно, на что онъ отозвался незнаемъ, гдѣ находится начальникъ главнаго штаба. Ермоловъ, прибывъ тотчасъ въ Леташевку, доложилъ князю, что, по случаю поздняго доставленія приказанія его свѣтлости, армию невозможно собрать въ столь короткое время. Князь очень разсердился и приказалъ собрать всѣ войска къ 6-му числу вечеромъ; вопреки увѣреніямъ генерала Михайловскаго-Данилевскаго, князь до того времени и не выѣзжалъ изъ Леташевки. Въ назначенный вечеръ, когда уже стало смеркаться, князь прибылъ въ Тарутино. Беннигсену, предложившему весь планъ атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена въ обходъ; въ этой колоннѣ находилась и 2-й корпусъ. Кутузовъ съ свитой, въ числѣ которой находились Раевскій и Ермоловъ, оставался близъ гвардіи; князь говорилъ при этомъ: „вотъ просятъ наступленія, предлагаютъ разные проекты, а чуть приступишь къ дѣлу, ничего не готово, и предупрежденный непріятель, принявъ свои мѣры, заблаговременно отступаетъ.“ Ермоловъ, понимая, что эти слова относятся къ нему, толкнулъ колѣномъ Раевскаго, которому сказалъ: „овъ на мой счетъ забавляется.“ Когда стали раздаваться пушечные выстрѣлы, Ермоловъ сказалъ князю: „время не

вросилъ перевода своего во фронтъ. Фельдмаршалъ потребовалъ ихъ обоихъ къ себѣ; передразнивая ихъ, онъ сказалъ имъ: „Однѣ увѣряютъ что не можетъ, а другой все можетъ, да не хочетъ, я о васъ обоихъ нашему государю“. Ермоловъ, не пользовавшійся въ то время довѣріемъ Кутузова, будучи нѣкогда самъ начальникомъ главнаго штаба армии и знаясь сознававшій свое значительное превосходство надъ Козовицынымъ, возымѣлъ твердое намѣреніе перейти во фронтъ, что, какъ извѣстно, не состоялось, ибо для этого необходимъ былъ въ то время указъ сената.“

упущено, непріятель не ушелъ; теперь, ваша свѣтлость, намъ надлежитъ съ своей стороны дружно наступать, потому что гвардія отсюда и дыма не увидитъ.“ Кутузовъ скомандовалъ наступленіе, но чрезъ каждые сто шаговъ войска останавливались почти на три четверти часа; князь видимо избѣгалъ участія въ сраженіи. Мѣсто убитаго ядромъ Багговута заступилъ мужественный принцъ Евгенийъ Вуртембергскій, который сталъ у головного полка. Ермоловъ послалъ сказать чрезъ капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтобъ онъ слѣдовалъ съ своимъ корпусомъ быстрѣе. Остерманъ высадилъ къ назначенному мѣсту лишь полковыя знамена при ста рядовыхъ. Беннигсенъ, выведя войска къ мѣсту боя, вернулся назадъ; еслибы князь Кутузовъ сдѣлалъ съ своей стороны рѣшительное наступленіе, отрядъ Мюрата былъ бы весь истребленъ. Фельдмаршалъ, окруженный многими генералами, вѣзавшими верхомъ, возвратился вечеромъ въ коляскѣ въ Леташевку. Онъ сказалъ въ это время Ермолову: „голубчикъ, непріятель понесъ большую потерю, имъ оставлено много орудій въ дѣсу.“ Кутузовъ, не распросивъ о ходѣ дѣла у главнаго виновника побѣды Беннигсена, послалъ государю донесеніе, въ которомъ вмѣсто 19 орудій, взятыхъ у непріятеля, показано было 38. Съ этого времени вражда между Беннигсеномъ и Кутузовымъ достигла крайнихъ размѣровъ и уже никогда не прекращалась.“

О сраженіи при Малоарославцѣ Давыдовъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Князь Кутузовъ, получивъ извѣстіе чрезъ Дорохова о приближеніи сильной непріятельской колонны, отправилъ изъ Тарутина къ Оминскому корпусу Доктурова съ начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловымъ. Передъ выступленіемъ своимъ, Ермоловъ приказалъ Фигьеру и Сеславицу слѣдовать по направленію къ Оминскому, съ тѣмъ чтобы собрать свѣдѣнія о непріятель. Фигьеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую непріятельскими пикетами. Сеславинъ успѣлъ перейти рѣку и приблизиться къ Боровской дорогѣ; здѣсь оставивъ назади свою партію, онъ пѣшкомъ пробрался до Боровской дороги сквозь дѣсъ, на которомъ еще было немного листьевъ. Достигнувъ дороги, онъ увидалъ глубокія непріятельскія колонны, слѣдовавшія одна за другою къ Боровску; онъ замѣтилъ самого Напо-

леона, окруженнаго своими маршалами и гвардіей. Неутомимый и безстрашный Сеславинъ, выхвативъ изъ колонны старой гвардіи увтеръ-офицера, связалъ его, перекинулъ чрезъ сѣдло, и быстро направился къ корпусу Дохтурова. Между тѣмъ Дохтуровъ съ Ермоловымъ, не подозрѣвая выступленія Наполеона изъ Москвы, слѣдовали на Аристово и Оминское. Продолжительный осенній дождь совершенно испортилъ дорогу; большое количество батарейной артиллеріи, слѣдовавшей съ корпусомъ, замедляло его движеніе. Ермоловъ предложилъ Дохтурову оставить здѣсь эту артиллерію не доходя версты 15 до Аристова; отсюда, находясь въ близкомъ разстояніи отъ Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспѣть къ пункту, гдѣ въ ея дѣйствиіи могла встрѣтиться надобность, а между тѣмъ успѣла бы отдохнуть. Дохтуровъ не замедлилъ изъявить свое на то согласіе, и корпусъ его къ вечеру прибылъ въ Аристово; самъ Дохтуровъ расположился на ночлегъ въ деревнѣ, а Ермоловъ съ прочими генералами остался на бивакахъ. Уже наступила полночь, и чрезъ нѣсколько часовъ весь отрядъ, исполняя предписаніе Кутузова, долженъ былъ выступить къ Оминскому. Вдругъ послышался конскій топотъ и раздались слова Сеславина: „гдѣ Алексѣй Петровичъ?“ Явившись къ Ермолову, Сеславинъ, въ сопровожденіи своего пѣвника, разказалъ все имъ видѣнное; пѣвникъ подтвердилъ, что Наполеонъ, выступивъ со всею арміей изъ Москвы, долженъ находиться въ довольно близкомъ разстояніи отъ нашего отряда. Это извѣстіе было столь важно, что Ермоловъ, приказавъ тотчасъ отряду подыматься и становиться въ ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этотъ безстрашный, но далеко не рѣшительный генералъ, извѣстясь обо всемъ этомъ, пришелъ въ крайнее замѣшательство. Онъ не рѣшился продолжать движеніе къ Оминскому, изъ опасенія наткнуться на всю непріятельскую армію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся отступленіемъ изъ Аристова навлечь на себя гнѣвъ Кутузова за неисполненіе его предписанія. Въ этотъ рѣшительный моментъ Ермоловъ, какъ и во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, является ангеломъ-хранителемъ русскихъ войскъ. Орлиный взглядъ его превосходно оцѣнилъ всѣ обстоятельства, и онъ, именемъ главнокомандующаго и въ качествѣ начальника главнаго штаба арміи, приказалъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу. Принявъ на себя всю

отвѣтственность за неисполненіе предписаній Кутузова, онъ послалъ къ нему дежурнаго штабъ-офицера корпуса Болховскаго *, которому было поручено лично объяснить фельд-маршалу причины, побудившія измѣнить направленіе войскъ, и убѣдительно просить его поспѣшить прибытіемъ съ арміею къ Малоярославцу. Ермоловъ совѣтовалъ Доктурову захватить съ собою, во время движенія своего на Малоярославецъ, всю оставленную баттарейную артиллерію; самъ Ермоловъ съ 1 кавалерійскимъ корпусомъ барона Меллера-Закомельскаго и съ конною ротой полковника Никитина, желая лично удостовѣриться въ справедливости показаній Сеславина, двинулся по направленію къ селу Катову, гдѣ былъ расположенъ отрядъ генерала Дорохова. Услыхавъ перестрѣлку, которую Дороховъ завязалъ съ непріятельскими пикетами, Ермоловъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ тотчасъ ее прекратилъ. На это Дороховъ отвѣчалъ: „Еслибъ Алексѣй Петровичъ находился самъ здѣсь, онъ бы поступилъ точно такъ же, какъ и я.“ Опрокинувъ непріятельскіе пикеты, Дороховъ наткнулся на сильныя резервы; Ермоловъ, увидавъ это и боясь быть разбитымъ сильнымъ непріятелемъ, придвинулъ конную роту Никитина. Подтвердивъ свое приказаніе Дорохову, онъ, слѣдуя чрезъ небольшой лѣсъ, достигъ обширной поляны, которая простирается отъ Боровска до самаго Малоярославца. Здѣсь онъ увидѣлъ обширный лагерь италіанской арміи и узналъ отъ плѣнныхъ, что Наполеонъ долженъ былъ обѣдать въ тотъ день въ Боровскѣ. Рѣшившись быстро спѣшить къ Малоярославцу, Ермоловъ приказалъ одному отважному офицеру Сысоева казачьяго полка, слѣдуя по прямому пути къ Малоярославцу, хотя бы въ самомъ близкомъ соседствѣ съ непріятелемъ, достигнуть города и собрать всѣ возможныя свѣдѣнія какъ о немъ, такъ и о непріятелѣ; ему было приказано, по исполненіи порученія, отыскать начальника главнаго штаба по направленію къ Малоярославцу. Этотъ смѣлый офицеръ донесъ вскорѣ Ермолову, что передъ городомъ находились уже три батальона Италіанцевъ, которые были задерживаемы жителями, успѣвшими разобрать мостъ; власти городскія выѣхали весьма недавно изъ города, куда пріѣзжалъ атаманъ Платовъ, который, по отъѣздѣ своемъ оттуда, оставилъ тамъ казаковъ. Ермоловъ

* Онъ умеръ сенаторомъ.

прибыль на разсвѣтъ къ Малоюрославцу, предъ которымъ уже находилась вся армія вице-короля; Дохтуровъ, расположившись лагеремъ позади города, поручилъ защиту его Ермолову, котораго подкрѣпилъ своею пѣхотой. Войска наши были два раза выбиты изъ города, хотя рота храбраго полковника Никитина, дѣйствіями которой руководилъ сидѣвшій на колокольнѣ адъютантъ Ермолова Поздѣевъ, жестоко поражала непріятеля. Между тѣмъ фельдмаршалъ, придя съ арміей въ село Спасское, не въ далекомъ разстояніи отъ Малоюрославца, приказалъ войскамъ отдохнуть. Ермоловъ отправилъ въ Спасское генераль-адъютанта графа Орлова-Делисова съ убѣдительною просьбой спѣшить къ городу; не получивъ никакого отвѣта, онъ отправилъ туда одного германскаго принца, находившагося въ то время при нашихъ войскахъ, съ настоятельною просьбой о скорѣйшемъ прибытіи арміи. Фельдмаршалъ, недовольный этою настойчивостью, паюнулъ. Тогда корпусъ Раевскаго выступилъ къ Малоюрославцу, и за нимъ тронулась вся армія. Самъ Раевскій, въ качествѣ зрителя, уже давно находился близъ Малоюрославца, гдѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Выбитый въ послѣдній разъ изъ города превосходнымъ непріателемъ, Ермоловъ расположилъ противъ главныхъ его воротъ 40 батареинныхъ орудій; онъ намѣревался, за неимѣніемъ войска, встрѣтивъ непріятеля жестокою канонадой, начать отступленіе, но прибытіе арміи измѣнило весь ходъ дѣла. Неустрашимый Коноваловъ выбилъ непріятеля изъ города. Князь Кутузовъ, пріобрѣтшій большую опытность въ войнѣ съ Турками, прибѣгнулъ къ весьма странному средству для удержанія непріятеля, еслибъ онъ рѣшился продолжать наступленіе. Онъ приказалъ приступитъ къ возведенію нѣсколькихъ редутовъ въ разстояніи выстрѣла отъ города; но, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятеля изъ города, 1.500 человекъ рабочихъ, бросивъ здѣсь весь свой инструментъ, разсѣялись. Городъ былъ однако оставленъ нашими и занятъ непріятельскими войсками. Послѣ битвы князь Кутузовъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ съ Ермоловымъ, который я здѣсь лишь вкратцѣ могу передать. Князь: „Голубчикъ, гдѣ надо идти?“ Ермоловъ: „Конечно, но только на Мемель“. Князь: „Какъ можно двигаться въ виду непріятельской арміи?“ Ермоловъ: „Опасности нѣтъ никакой: атаманъ Платовъ захватилъ на той сторонѣ рѣчки нѣсколько орудій,

не встрѣтивъ большаго сопротивленія. Послѣ этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить всѣ покушенія непріятеля, намъ его нечего бояться.“ Когда князь объявилъ о намѣреніи своемъ отступить къ Полотаянымъ заводамъ, Ермоловъ убѣждалъ его остаться у Малоярославца по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ должны были обнаружиться намѣренія непріятеля *. Но князь остался непреклоннымъ и отступилъ.

„Еслибы Наполеонъ, дойдя до Боровска, поспѣшилъ направить всю армію къ Малоярославцу, онъ неминуемо и весьма легко овладѣлъ бы этимъ городомъ; предупредивъ здѣсь нашу армію, онъ безъ сомнѣнія, не встрѣчая большихъ затрудненій, дошелъ бы до Юхнова, откуда безостановочно продолжалъ бы свое обратное шествіе по краю изобильному и не разоренному. Ермолову выпалъ завидный жребій оказать своему отечеству величайшую услугу. Къ несчастію, этотъ высокій подвигъ, искаженный историками, почти вовсе неизвѣстенъ.

„Въ это самое время партизанъ, князь Кудашевъ, находившійся между Лопаснею и Вороновымъ, сталъ преслѣдовать непріятельскій авангардъ, заслонившій движеніе главной его арміи и двинувшійся уже отъ береговъ Мочи для присоединенія къ его хвосту.

„Всякій военный человѣкъ, знающій свое дѣло, ясно увидитъ, что непріятельская армія, окруженная, такъ сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сдѣлать шагу скрытымъ образомъ, хотя бы спасеніе ея и зависѣло отъ быстрого и нѣкимъ не замѣчennaго движенія мимо лѣваго фланга нашей арміи и внезапнаго появленія ея въ Малоярославцѣ. Черезъ это Наполеонъ, выпутавшись изъ сѣтей, разставленныхъ ему фельдмаршаломъ при Тарутинѣ, открылъ бы себѣ безпрепятственный путь къ Даньпру, въ богатый и неистощенный еще край; онъ могъ бы, соединясь съ Викторомъ Жюно и Эверсомъ, возобновить наступательное дѣйствіе безъ малѣйшей опасности, имѣя свои флаги и тылъ обезпеченными. Если перейдемъ отъ сабства къ причинѣ, то удостовѣримся, что извѣщеніемъ Сеславина рѣшилась участь Россіи, но для сего

* Весь этотъ разговоръ былъ тотчасъ доведенъ до свѣдѣнія государя находившима въ то время при нашей арміи барона Амштегена.

нуженъ былъ провицательный и энергическій Ермоловъ, принявшій на себя отвѣтственность за своевольное измѣненіе въ направленіи корпуса Дохтурова, прозорливый главнокомандующій, оцѣнившій представленіе начальника штаба 1-й арміи и прибывшій съ войсками къ Малоярославуцъ.“

Вотъ другой разказъ Давыдова о сраженіи подъ Малымъ-Ярославцемъ:

„Кутузовъ не зналъ и не могъ знать о выступленіи всей непріятельской арміи изъ Москвы 7 числа октября, т.-е. на другой день по разбитіи имъ Мюрата на рѣчкѣ Чернишатъ, а слѣдственно, и о направленіи этой арміи на Оминское. Генералъ Дороховъ, занимавшій легкимъ отрядомъ село Катово на новой Калужской дорогѣ, открылъ въ Оминскомъ передовыя войска непріятеля (кавалерію Ормано и пѣхотную дивизію Брусье, принадлежавшія корпусу Евгенія); не подозревая, что за ними слѣдуетъ вся непріятельская армія, онъ уведомилъ о томъ Кутузова съ изложеніемъ мнѣнія своего насчетъ цѣли ихъ прибытія. Онъ полагалъ, что они явились на этомъ пунктѣ, или для связи непріятельскаго авангарда съ большою Смоленской дорогю, или это доказываетъ, что вся Наполеоновская армія двигается къ Калугѣ. Кутузовъ немедленно послалъ по направленію къ Катову, гдѣ находилась Дороховъ, сильный отрядъ, подъ начальствомъ Дохтурова, составленный изъ одного пѣхотнаго корпуса и гвардейской легкой кавалерійской дивизіи; при этомъ отрядѣ находилась начальникъ главнаго штаба 1-й арміи Ермоловъ. Ермоловъ, предъ самымъ выступленіемъ изъ Тарутинскаго лагеря, послалъ партизана Сеславина къ Оминскому для вѣрнѣйшаго осмотра прибывшихъ туда непріятельскихъ войскъ; корпусъ же двинулся къ Катову и остановился на половинѣ дороги въ деревнѣ Аристовѣ; Сеславиному удалось захватить унтеръ-офицера старой гвардіи Наполеона и доставить его Ермолову. Завѣса спала. Узнали, что въ Оминскомъ не одни войска Ормано и Брусье, а вся непріятельская армія, и что самъ Наполеонъ находился въ Боровскѣ. Ермоловъ и начальникъ отряда дали о томъ знать въ главную квартиру; но столь же строгій исполнитель приказаній начальства, сколь храбрый генералъ, Дохтуровъ не могъ рѣшиться принять на свою отвѣтственность измѣненіе въ направленіи, тѣмъ болѣе что было строго приказано главно-

командующимъ идти противъ войскъ Орнано и Брусье къ Катову. Ермоловъ, пользуясь правомъ начальника главнаго штаба, принявъ на себя всю отвѣтственность за самовольное измѣненіе въ направленіи войскъ, именемъ Кутузова предписалъ Дохтурову слѣдовать съ пѣхотой къ Малоарославцу; желая лично удостовѣриться въ истинномъ направленіи непріятельской арміи, онъ съ кавалеріей направился къ Боровску; открывъ здѣсь многочисленнаго непріятеля, онъ также быстро обратился къ Малоарославцу. Такимъ образомъ таинственное выступленіе Наполеона изъ Москвы было обнаружено. Вскорѣ горизонтъ, по направленію къ Боровску, зачернѣлъ непріятельскими войсками. Ермоловъ съ главными войсками бросился въ городъ Малоарославецъ, гдѣ вступилъ въ ожесточенный бой съ дивизіей Дельзона, но онъ былъ два раза выбитъ изъ него арміей вице-короля. Хотя князь Кутузовъ прибылъ съ арміей въ село Спасское (находящееся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Малоарославца), но приказавъ войскамъ отдыхать, онъ не трогался съ мѣста. Ермоловъ, сражаясь съ многочисленнымъ непріателемъ, не переставалъ посылать записки за записками фельдмаршалу, съ убѣдительною просьбой спѣшить на защиту города. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго колебанія, Кутузовъ подкрѣпилъ сражающихся корпусами Раевского и Бородинна; хотя городъ остался за непріателемъ, но путь на Юхновъ и Калугу былъ прегражденъ непріателю. Еслибы Наполеонъ, по выступленіи изъ Москвы, быстро направился на Малоарославецъ, онъ овладѣлъ бы имъ весьма скоро и безъ всякой потери. Не встрѣтивъ здѣсь нашей арміи, онъ бы направился на Юхновъ, а оттуда далѣе къ Польшѣ, двигаясь по хлѣбороднымъ и богатымъ губерніямъ нашимъ. Я распространялся въ описаніи малоизвѣстныхъ подробностей этого важнѣйшаго изъ всѣхъ событій, потому что это есть зародышъ всѣхъ излоучій Наполеона и переворота въ судьбѣ государствъ и народовъ. Будь Сеславиль менѣе предприимчивъ и рѣшителемъ, будь Ермоловъ одаренъ не столь замѣчательною прозорливостію и высокою рѣшительностію, и Кутузовъ меньшею проницательностію, указавшею ему на Тарутино, какъ на точку спасенія для отечества; замедли онъ нѣсколькими часами въ прибытіи къ Малоарославцу, — весь плодъ превосходнаго движенія изъ Москвы по Рязань-

ской дорогѣ, переходъ на Калужскую для занятія Тарутина и всѣ выгоды вслѣдствіе боковаго направленія нашего до Березины, которыя сами по себѣ были лишь слѣдствіемъ или лучше сказать продолженіемъ направленія отъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!“

Теперь предлагаемъ собственное описаніе Ермолова.

9-го числа октября генералъ-майоръ Дороховъ донесъ, что непріятель занимаетъ село Оминское, деревню Катово, и небольшая часть силъ его расположена около города Боровска, что повсюду его не болѣе восьми тысячъ человекъ, просилъ къ отряду, имъ командуемому, дать два полка пѣхоты, и что тогда онъ непременно разобьетъ непріятеля. Фельдмаршалъ разсудилъ отправить 6-й корпусъ генерала Дохтурова, 1-й кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго и пять казачьихъ полковъ. Благоразумное сіе распоряженіе давало вѣрнѣйшія средства къ успѣху. Кутузовъ, осыпавъ меня тысячею привѣтствій, приказалъ отправиться съ генераломъ Дохтуровымъ, увѣряя меня, что онъ надѣется на меня и будетъ спокоенъ. Надобно знать Кутузова, чтобы не давать тому никакой цѣны. Партизаны Фигнеръ и Сеславинъ, вверхъ по лѣвому берегу Нары пошли съ партіями открыть, не имѣетъ ли непріятель, кромѣ войскъ въ селѣ Оминскомъ, другихъ близко-расположенныхъ, которыя бы могли придти въ помощь, также вѣтъ ли какихъ движеній между Оминскимъ и Москвою. Къ 11 часу обѣщали они мнѣ дать непременно обстоятельное извѣстіе.

Генералъ Дохтуровъ 10-го числа остановился въ пяти верстахъ отъ деревни Катово, съ тѣмъ чтобы, пройдя сіе разстояніе ночью, напасть на разсвѣтѣ на непріятеля. Генералъ-майоръ Дороховъ, являсь къ нему въ команду, донесъ, что непріятель въ 2 тысячи пѣхоты преслѣдуетъ отъ Боровска подполковника Власова съ тремя казачьими полками. Около деревни Катово расположено не болѣе 4 тысячъ человекъ. Близъ села Оминскаго лагерь скрытъ въ лѣсу, и силъ потому опредѣлить невозможно, ночью примѣчены большіе по лѣсамъ огни и у моста чрезъ рѣру Нару стоитъ батарея. Я предло-

жилъ всю тяжелую артиллерію обратить за шесть верстъ назадъ, гдѣ весьма тѣсное дефиле съ трудомъ мы проходили. Была уже полночь, приближалось время идти впередъ, и отъ Фигнера или Сеславина никакихъ не было извѣстій; дано уже было приказаніе о приуготовленіи къ движенію. Ночью на полѣ сталкиваюсь я съ Сеславинымъ, который меня отыскивалъ. Онъ, скрывъ въ лѣсу свою партію, въ четырехъ верстахъ отъ села Томинскаго, осматривалъ идущія непріятельскія войска, которыя состояли изъ всей пѣшей и конной гвардіи Наполеона и всего корпуса маршала Нея. Взятые имъ нѣсколько человекъ показали, что самъ Наполеонъ при войскахъ, которые пятый уже день выступили изъ Москвы, гдѣ не болѣе оставлено 4 тысячъ человекъ для подрыванія стѣнъ кремлевскихъ. Тягости и артиллерія тяжелая прежде отправлены на Можайскъ и вмѣстѣ съ ними вся кавалерія, потерявшая лошадей, и для прикрытія всего 5-й корпусъ польскихъ войскъ. Въ войскахъ большой недостатокъ въ продовольствіи, который за долго до выступленія весьма былъ чувствуемъ. По слухамъ, Наполеонъ идетъ чрезъ Малоярославецъ въ Калугу. Фельдмаршалъ не имѣлъ извѣстія о Москвѣ, и стоящій близъ оной генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде не успѣлъ дать о томъ извѣдомленія. Оказанная Сеславинымъ услуга спасла отъ пораженія корпусъ генерала Дохтурова, и то могло зависѣть отъ нѣсколькихъ часовъ разницы. На разсвѣтѣ генералъ Дохтуровъ отступилъ, и присоединя отосланную артиллерію, переправился при селѣ Спасскомъ чрезъ рѣку Протву и пошелъ на Малоярославецъ. Вся кавалерія пошла къ сторонѣ Боровска примѣчать за движеніемъ непріятеля, и я остался при ней, дабы извѣщать Дохтурова. Поутру въ нѣкоторомъ разстояніи прошли мы мимо Боровска, увидѣли, что непріятель проходилъ оный. По полудни замѣтили его идущаго въ большихъ силахъ къ Малоярославицу и насъ раздѣляла съ нимъ одна рѣка Протва. Бѣжавшій отъ непріятеля слуга одного генерала извѣдомилъ, что Наполеонъ въ 10 часовъ утра прибылъ въ Боровскъ, гдѣ гвардія его имѣетъ ночлеги, что на завтра 12 числа октября идетъ далѣе. Спускаясь по лѣвому берегу Протвы, часа за два до вечера переправились мы за рѣку, сбили форпосты наблюдавшіе насъ, преслѣдовали конницу, которая ихъ подкрѣпляла, и проскакавъ небольшой лѣсъ, увидѣли близъ почтовой дороги обширный лагерь корпусовъ вице-короля Итали-

ласкаго и маршала Даву. Мы отошли къ переправѣ, но не перешли за рѣку, дабы сохранить кратчайшую дорогу къ Малоарославцу. Непріятель за позднимъ временемъ насъ не преслѣдовалъ. Развѣздъ, отправленный къ Малоарославцу, далъ знать, что у самаго города также стоитъ непріятельскій лагерь. Въ городѣ есть нѣсколько казаковъ, присланныхъ отъ атамана Платова, жителями разобраны мосты и они не дпускаютъ въ городъ непріятели. Въ ночи присоединились мы къ генералу Дохтурову, который за часъ до начала дня прибылъ къ Малоарославцу. Впередѣ корпуса присланъ былъ 33-й егерскій полкъ, который хотя и занялъ городъ, но не могъ выгнать непріятели, удерживающаго одинъ кварталъ, къ рѣкѣ прилежащій. Во власти его были мосты, и два орудія артиллеріи переправлены въ городъ. Наставшій день открылъ на противоположномъ берегу рѣки Лужи силы непріятельскія весьма превосходныя, 33-й егерскій полкъ былъ утѣсняемъ, исправлялись мосты, и колонны непріятели двинулись въ городъ. Удерживать городъ надобно было во что бы-то ни стало, ибо армія слѣдовала уже изъ Тарутина, и дорогу Калужскую уступить было невозможно. Генералъ Дохтуровъ подкрѣпилъ 33-й полкъ 6-мъ и 19-мъ егерскими полками и команду надъ ними поручилъ полковнику Вучу. Всѣ войска наши расположились въ верстѣ отъ города на Калужской дорогѣ, на правой сторонѣ 1-й кавалерійскій корпусъ и отрядъ генералъ-майора Дорохова. Въ городѣ загорѣлся ружейный огонь очень сильный и атаки непріятели сдѣлались гораздо упорнѣе. На лѣвомъ нашемъ флангѣ устроилась батарея гвардейской конной артиллеріи, которая препятствовала исправленію мостовъ и останавливала идущія въ городъ подкрѣпленія. Храбрый полковникъ Никитинъ былъ съ своими орудіями въ срединѣ города и непріятель уважалъ его присутствіе. Егерскіе полки наши принуждены были къ отступленію, съ трудомъ могли мы вывезти изъ города артиллерію, и стрѣлки непріятельскіе, пройдя стрѣлительно городъ, появились на правомъ крылѣ нашемъ. Генералъ Дохтуровъ возложилъ на меня защиту города, и къ полкамъ, прежде въ ономъ бывшихъ, прибыли въ распоряженіе мое 11-й егерскій полкъ и пѣхотные — Софійскій, Либавскій и Вильманстрандскій съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи. Не взирая на то, четыре раза выгнавъ я былъ изъ города и не разъ терялъ совѣтъ

надежду возвратиться въ оный. Храбрая атака въ штыки Либавскаго полка подъ начальствомъ генераль-майора Талызина и Софійскаго подъ командою полковника Халяпина, которые, не сдѣлавъ выстрѣла, вошли въ городъ и все противоставшее имъ истребили, удержали во власти нашей городъ. Артиллерию полковнику Никитину, офицеру неустрашимому, много обязанъ я успѣхомъ; храбрые адъютанты мои, гвардіи поручикъ Фонтъ-Визинъ и артиллерию поручикъ Поздѣвъ, чрезвычайно мнѣ способствовали. Всюду, куда посылалъ я ихъ, не менѣе вѣрилъ я имъ, какъ самому себѣ. На прочія войска генерала Дохтурова непріятель сдѣлавъ одну изъ города сильную вылазку, но дѣйствиємъ батарей былъ отраженъ съ большимъ весьма урономъ. На короткое весьма время пріѣзжалъ изъ арміи дежурный генералъ Коновницынъ; сіе появленіе было для одной реляціи. Съ нетерпѣніемъ ожидали мы прибытія арміи, но Кутузовъ поздно выступилъ изъ Тарутина, шелъ чрезмѣрно тихо и безъ нужды медлил у переправы чрезъ Протву въ селѣ Спасскомъ. Первый прибывшій корпусъ былъ генералъ-лейтенантъ Раевского и въ три часа пополудни частію войскъ своихъ занялъ городъ вмѣстѣ съ моими полками; я, какъ старшему, сдалъ командованіе правымъ флангомъ, но вскорѣ прибыла вся наша армія и мы превосходили непріятеля силами; пріѣхалъ и фельдмаршалъ. Ночью пошли полки въ городъ на смѣну нѣкоторыхъ утомленныхъ, но непріятель вытѣснилъ ихъ * и городъ за нимъ остался, не смотря на всѣ со стороны нашей усилія возвратить его. Не знаю почему фельдмаршалъ тотчасъ по прибытіи арміи не приказалъ оставить городъ, ибо съ того времени потеря людей была бесполезна, и даже желать можно было, чтобы непріятель осмѣлился выйти на поле, гдѣ безъ сомнѣнія нашелъ бы онь гибель.

На другой день, 13 октября, армія осталась въ позиціи въ двухъ верстахъ отъ города. Непріятель вывелъ нѣсколько войскъ изъ города, протянулъ правое крыло свое по дорогѣ на Медынь на разстояніе почти трехъ верстъ и дѣйствовалъ изъ орудій противъ цѣпи казаковъ и кавалеріи, составившей резервъ ихъ, болѣе же во весь день ничего не предпринялъ. Атаманъ Платовъ, съ большими силами Донскихъ войскъ занимавшій конечность лѣваго крыла, перешедши за рѣку

* Ими командовалъ генералъ-лейтенантъ Бороздинъ 1-й.

Лужу, ударилъ на непріятельскую конницу, взялъ много пленныхъ и 13 пушекъ. Въ лагерь непріятеля замѣчено было великое безпокойство и тотчасъ большіе отряды войскъ на него обратились. При семъ случаѣ много потерпѣлъ уланскій полкъ польской гвардіи Наполеона. Атаманъ Платовъ возвратился, оставивъ часть казаковъ, дабы безпокоить тылъ непріятеля. Фельдмаршалъ, призвавъ меня, сказалъ, что армію привести надобно въ движеніе. Я отвѣчалъ, что надобно взять направленіе на Медынь, представляя къ убѣжденію, что мы въ силахъ превосходныхъ, непріятель свои главнѣйшія удерживаетъ за рѣкою, и противъ насъ только авангардъ его; особливо извѣстны будучи объ отправленіи части войскъ и артилеріи на Можайскъ, видимъ, что невозможно ему рѣшиться на генеральное сраженіе, которому и самое мѣсто-положеніе противится, ибо надобно переправиться чрезъ рѣку самую неудобную, спускъ къ оной и взѣздъ въ городъ только одинъ и имѣетъ не менѣ десяти саженой отвѣсной высоты, что при малѣйшей неудачѣ могло быть причиною важнѣйшей потери. Кутузовъ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ говорить со мною, ибо никогда обстоятельства не представляются мнѣ въ худомъ видѣ. Однакоже сколько ни старался уговорить я его остаться одинъ сутки и даже менѣ, не могъ никакъ согласить на то, и онъ въ ночи на 14 число отошелъ къ селенію Дичинъ 20 верстъ ближе къ Калугѣ. Въ арріергардѣ генерала Милорадовича оставлены 4-й корпусъ, 2-й корпусъ генералъ-лейтенанта князя Долгорукаго, бывшаго министромъ въ Неаполѣ, кавалерійскій корпусъ генералъ-аютавта барона Корфа и пять Донскихъ полковъ съ генералъ-майоромъ Карповымъ. Я оставался у генерала Милорадовича.

14 числа въ десять часовъ утра началась канонада, и два часа продолжаясь, не имѣла никакихъ слѣдствій, войска съ обѣихъ сторонъ были неподвижны и тѣмъ кончился день. Тотъ же день лично донесъ я обо всемъ фельдмаршалу и просилъ позволенія возвратиться въ авангардъ, но мнѣ сіе не позволено. По обстоятельствамъ нужно было послать отрядъ въ Медынь; я просилъ, чтобы меня отправить съ онымъ, онъ никакъ не согласился, говоря, что удерживаетъ меня на важнѣйшее употребленіе.

Въ ночи на 15 число непріятель отступилъ отъ Малоярославца и остановился въ пяти верстахъ за рѣкою. Атаманъ

Платовъ со всѣми казаками съ лѣваго фланга, генераль-адъютантъ баронъ Корфъ, командующій передовыми постами, весьма долго того не примѣтили. Генераль Милорадовичъ приказалъ генераль-майору Карнову переправиться съ казаками и пресѣдовать непріятеля; регулярной конницѣ и конной артиллеріи идти успѣшно вслѣдъ, какъ скоро мосты готовы будутъ. Фельдмаршалъ приказалъ мнѣ тотчасъ отправиться въ авангардъ, и какъ генераль Милорадовичъ донесъ, что онъ оба корпуса пѣхоты оставилъ по сей сторонѣ рѣки, поручилъ мнѣ, по извѣданію обстоятельствъ, сдѣлать имъ назначеніе и ему тотчасъ довести, говоря при томъ, что дастъ онъ согласно оному всей арміи направленіе. Я засталъ генерала Милорадовича и даже генераль-адъютанта барона Корфа въ Малоярославцѣ. Непріятель стоялъ въ пяти верстахъ на дорогѣ отъ Боровска на Медынь, для того, вѣроятно, чтобъ отдѣленнымъ отъ него войскамъ дать время отойти и собою закрыть ихъ движеніе. Жители окрестностей дали знать, что между Медынью и Вереєю находятся войска непріятельскія, и что туда сходятся всѣ силы. Извѣстіе сіе было однакоже неосновательно и ввело меня въ нѣкоторую погрѣшность въ разсужденіи даннаго мною корпусамъ направленія. Не доходя Медыни по полученному свѣдѣнію, что непріятель самымъ поснѣжнѣйшимъ образомъ отступаетъ на Верею, атаманъ Платовъ идетъ вслѣдъ за нимъ и что взялъ уже флагъ его,.... генераль Милорадовичъ ускореннымъ маршемъ чрезъ село Кременское, Егорьевское, и перейдя въ селѣ Никольскомъ идущую отъ Гжатска на Юхновъ дорогу, прибылъ въ окрестность Гжатска, тогда какъ атаманъ Платовъ занималъ самый городъ и съ того времени были они между собою въ непрерывномъ сношеніи.

Изъ села Егорьевскаго доносилъ я фельдмаршалу, что арміи полезно, сколько возможно, сократить путь и прямо идти на Вязьму, что ходъ ея совершенно закрываетъ авангардъ своимъ движеніемъ. Сіе удобно было сдѣлать потому, что непріятелю почтовою дорогою было идти гораздо далѣе. Фельдмаршалъ взялъ предложенное мною направленіе, но шелъ чрезмѣрно тихо, ничего не отвѣчалъ и оставилъ въ неувѣдѣніи насчетъ движенія своего, ибо до того знали мы только, что армія чрезъ Полотняные заводы пошла на Медынь. Авангардъ сблизился съ селеніемъ Царево-Займище, гдѣ генераль Баркалай-де-Толли, отступая отъ Смоленска, намѣреалъ

былъ дать сраженіе. Мѣстоположеніе было мнѣ весьма знакомо, и я, объяснивъ генералу Милорадовичу выгоды оного, легко согласилъ его упредить непріятеля и занять трудное дефиле, у самаго селенія лежащее. Опасно было по слабости авангарда отрѣзать путь всѣми силами непріятеля, ибо гвардія Наполеона была въ хорошемъ состояніи и многочисленна, но изъ показанія плѣнныхъ и извѣстій отъ атамана Платова знали мы достовѣрно, что Наполеонъ съ гвардіей идетъ цѣлыми сутками впереди, и всѣ прочія войска по частямъ и въ безпорядкѣ. Четыре марша сдѣлалъ авангардъ съ тѣмъ, чтобы воспользоваться выгодами дефиле и труды марша вознаградить вѣрнымъ успѣхомъ. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы сближающіеся къ Цареву-Займищу корпуса, на послѣднемъ ночлегѣ своемъ, скрыли свое присутствіе и запрещено было имѣть огни въ лагерѣ. Генераль-адъютанту барону Корфу приказано было имѣть кавалерію въ готовности, но даже не выставлять постовъ. Генералу Милорадовичу надлежало быть въ семь случаевъ самому съ первыми войсками, но онъ долго оставался казая обѣдать, войска мимо его проходили съ музыкою, по обыкновенію много было разказовъ и онъ опоздалъ. Войска между тѣмъ прибыли на ночлегъ. Командиръ 4-й дивизіи генераль-майоръ принцъ Евгений Виртембергскій, увлеченный храбростію своею, не внявъ благоразумному начальству распоряженію, обнаружилъ прибытіе свое и такъ близко подошелъ къ дорогѣ, по которой безопасно проходилъ непріятель, что онъ началъ собираться въ силахъ и выслалъ стрѣлковъ закрыть движеніе свое, тогда какъ уже располагался онъ на ночлегъ. Прочія войска авангарда, видя принца Евгенія далеко впереди и опасаясь, чтобы непріятель не атаковалъ его, должны были необходимо идти ему въ подкрѣпленіе. Непріятель, отъ самаго Малоярославца преслѣдуемъ будучи одними казаками съ самою малою частію регулярной конницы, вдругъ увидя нѣсколько тысячъ пѣхоты на флангѣ и на выстрѣлъ отъ дороги, гдѣ проходилъ, ускорилъ движеніе свое, и не останавливаясь на ночь, со всѣми силами прошелъ извѣстное дефиле. Поспѣшность и безпорядокъ въ движеніи такъ велики были, что не будучи ни тѣснымъ войсками авангарда, ни преслѣдуемъ казаками, непріятель оставилъ не мало орудій тяжелой артиллеріи и бросилъ множество обоза, такъ что на другой день

надобно было расчищать дорогу для войскъ нашихъ. Изъ сего можно заключить, что бы послѣдовало, еслибы, по предположенію, выходъ изъ дефіле занять былъ войсками авангарда и 50-ю орудіями артиллеріи, при немъ состоявшими. Принцъ Евгенийъ сдѣлалъ грубую ошибку и молодому человѣку непростительную.

21 числа октября генералъ Милорадовичъ получилъ приказаніе 26-ю дивизію съ генералъ-майоромъ Паскевичемъ отрядить къ атаману Платову, у котораго не было ни человѣка пѣхоты, съ нею пошли также и три полка кавалеріи.

Не успѣвъ въ намѣреніи напасть на непріятеля при Царевѣ-Займищѣ, не оставалось ничего другаго, какъ атаковать у города Вязьмы. Въ другой разъ писалъ я рапортъ къ фельдмаршалу: если армія придетъ къ Вязьмѣ, то можно отбросить непріятеля отъ большой дороги по направленію на Духовщину, гдѣ по причинѣ трудныхъ осенью дорогъ долженъ онъ будетъ оставить тяжелую артиллерію и обозы, и, сверхъ того, приобрѣтемъ мы ту выгоду, что кратчайшею на Смоленскъ дорогою повсюду предупредимъ его. Фельдмаршалъ чрезъ полковника Толя отвѣчалъ мнѣ, что онъ прибудетъ съ арміей 21-го числа въ окрестности Вязьмы. Я представилъ ему, что можно ярибыть однимъ днемъ поздиѣ, то есть 22-го числа, но вмѣсто окрестностей нужно придти къ самому городу Вязьмѣ. Я думаю, что послѣ перваго его предложенія было уже сіе сдѣлать не трудно. 21-го числа отправился я къ войскамъ атамана Платова, дѣйствующимъ по большой дорогѣ. Того же дня присоединилась къ нему 26-я дивизія и три кавалерійскихъ полка съ генералъ-майоромъ Паскевичемъ. Непріятель во весь день отсутствовалъ послѣшно, слабо защищался. Атаманъ Платовъ имѣлъ ночлегъ въ 27 верстахъ отъ Вязьмы. Увидясь съ нимъ, генералъ Милорадовичъ сдѣлалъ условіе на будущій день дѣйствовать совмѣстно. Авангардъ долженъ былъ проселочною дорогою ускорить движеніе, и обогнавъ непріятеля, атаковать въ тылъ у селенія Федоровскаго, десять верстъ не доходя Вязьмы. Атаманъ Платовъ началъ тотъ день преслѣдованіе гораздо позже обыкновеннаго, дабы дать время генералу Милорадовичу успѣть въ своемъ предположеніи. По разчету времени, авангардъ не прежде одиннадцатаго часа могъ вступить въ дѣло. Въ семь часовъ утра войска атамана Платова вышли

съ ночлега, непріятель показалъ арріергардъ весьма слабый. Въ началѣ девятаго часа услышали мы на лѣвомъ нашемъ флангѣ канонаду, думая, что она происходитъ противъ отрядовъ генералъ-майоровъ Иловайскаго 5-го и Кутейникова, находившихся въ той сторонѣ. Наконецъ, получили извѣстіе, что авангардъ нашъ вступилъ въ дѣло, и непріятель въ большихъ противъ него силахъ, и вмѣсто того, чтобъ атаковать непріятели у села Федоровскаго, самъ онъ, верстъ семь не доходя онаго, имъ атакованъ. Я сей день начальствовалъ надъ 26-ю дивизіей, полками кавалеріи и нѣсколькими казачьими. Пѣхота была еще далеко, и потому атаманъ Платовъ приказалъ триста егерей 5-го полка подвезти на казачьихъ лошадяхъ. Вмѣстѣ приспѣла казачья конная артиллерія, полковникъ князь Вадбольскій съ полками кавалеріи и нѣсколько донскихъ полковъ. Непріятель обратилъ на насъ значущую часть силъ, и генералъ Милорадовичъ могъ подвигнуться, правый флангъ его сомкнулся съ войсками, мною командуемыми. Канонада на всѣхъ пунктахъ началась жестокая, непріятель съ упорностію защищалъ одну весьма выгодную высоту, и не только отгнѣсшилъ меня, но едва не взялъ было батареи. Рѣшительная атака Курляндскаго драгунскаго полка приближавшуюся часть пѣхоты истребила, не взирая на картечный огонь. Прибывшіе въ сіе время полки 26-й дивизіи, возстановили порядокъ, и усилившагося непріятели отразили. Полки донскіе съ частію артиллеріи отправлены съ праваго фланга обходить непріятельскую небольшую кавалерію. Пришла 11-я дивизія генералъ-майора Чоголова, и способствовала сбить непріятели съ сильной его позиціи. Каргопольскій драгунскій полкъ храбро ударилъ на пѣхоту. Непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ, къ чему не мало побудило его движеніе отрядовъ Фигнера и Сеславина, переправившихся на правомъ его крылѣ, которое непріятель, почитая непреодолимымъ по причинѣ болота, оставилъ весьма слабымъ. Занятая непріятелемъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, возвышенія составляли позицію лучше прежней. Казалось всѣмъ намъ по времени, къ вечеру клонящемуся, по силамъ непріятели, что, вспомоствуемый твердымъ положеніемъ мѣста, удержится онъ до ночи и защититъ городъ, чтобъ имѣть свободное отступленіе. Совершенно удивлены мы были, увидѣвъ, что при нашемъ приближеніи непріятель ее оста-

виль. Быстро взошли войска наши на возвышенія и умножая на каждомъ шагѣ замѣшательство въ полкахъ неприятельскихъ, вмѣстѣ съ нимъ ворвались въ городъ. Изъ числа мѣхъ подчиненныхъ войскъ, первый вошелъ генералъ-майоръ Паскевичъ, встрѣтилъ неприятеля въ улицѣ, проложилъ штыками путь по тѣламъ его, и ни на мгновение не остановленный въ теченіи своемъ, перешелъ рѣку и на вѣвншей чертѣ города остановился. Со стороны генерала Милорадовича первые вошли въ городъ полки Перновскій и Кексгольмскій и съ ними генералъ-майоръ Чогаковъ; встрѣтившая ихъ неприятельская колонна гренадеръ истреблена. Адъютантъ мой, поручикъ Граббе, находившійся при генералѣ Милорадовичѣ, съ двумя орудіями конной артиллеріи и со стрѣлками, вошелъ впереди сихъ полковъ. Партизаны Фигнеръ и Сеславинъ въ то же время ворвались въ городъ съ другой стороны. Войска наши расположились въ городѣ и кругомъ, атаманъ Платовъ перешелъ за рѣку, дабы на завтра преслѣдовать равнѣ. Въ сей день взято въ плѣнъ: одинъ генералъ, много офицеровъ и болѣе двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ, два знамя и нѣсколько пушекъ. Неприятель имѣлъ три корпуса: вице-короля италіянскаго, маршаловъ Даву и Нея, всего, по словамъ плѣнныхъ, 40 тыс. человекъ.... Гвардія Наполеона была за одинъ маршъ отъ Вязмы въ селѣ Семлевѣ. Самъ Наполеонъ былъ еще въ городѣ, но при началѣ дѣйствія поѣхалъ къ гвардіи.... Фельдмаршалъ, обѣщавшій прибыть 21-го числа въ окрестности Вязмы, пришелъ сутками позже и такъ рано, что могъ бы участвовать въ дѣлѣ, но остановился за восемь верстъ по дорогѣ, на Юхновъ идущей. Въ семъ распоряженіи можно повяты то, что дежурному генералу Коновницыну и полковнику Толю больно было, что мною сдѣлаано предложеніе придти арміи къ Вязмѣ.

.
 Вся армія двинулась по направленію на Ельню.

Въ Вязмѣ въ послѣдній разъ видѣли мы войска неприятельскія, въ послѣдній встрѣтили сопротивленіе, каковое ожидать могли отъ войскъ, побѣдами вселившихъ ужасъ повсюду.... На другой день не было войскъ.... исчезло повиновеніе солдаты.... каждый изъ нихъ болѣе или менѣе былъ жертвою голода, истощенія и жестокости погоды.

.

Въ Дорогобужѣ я, по приказанію фельдмаршала, отправился въ главную квартиру. *

Давыдовъ сообщаетъ здѣсь опять много любопытныхъ подробностей:

„Ермоловъ, слѣдуя послѣ малоярославскаго сраженія съ войсками Милорадовича, отдавалъ именемъ Кутузова приказы по отряду; отправляя его, Кутузовъ сказалъ ему: „Голубчикъ, не все можно писать въ рапортахъ, извѣщай меня о важнѣйшемъ записками“. Милорадовичъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ 2 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ корпуса, могъ легко отрѣзать арріергардъ или другую часть французской арміи. Ермоловъ приказалъ потому, именемъ Кутузова, на-

* Приводимъ здѣсь слѣдующія письма:

Письмо Давыдова къ А. П. Ермолову.

Почтеннѣйшій братъ

Алексѣй Петровичъ!

Ради Бога употребите стараніе ваше къ умноженію партій въ окрестностяхъ Вязьмы и Дорогобужа или къ усиленію моего отряда. Орда казачья, прибывшая къ арміи, боате затрудняетъ ее, нежели приноситъ ей пользу. Дабы не изурить нашихъ регулярныхъ такъ-сказать *легкихъ войскъ*, довольно будетъ оставить нѣсколько казачьихъ полковъ на аванпостяхъ, прочіе же должно употребить на большую Смоленскую дорогу къ Вязьмѣ и Дорогобужу.

Я не о себѣ хлопочу, теперь о себѣ хлопотать не время, но, ей-ей, я ходатайствую о томъ, имѣя лишь въ виду общую пользу. Если не находятъ меня способнымъ къ исполненію всего мною предлагаемаго, то пусть пришлютъ партизана съ лучшими способностями и съ сильнѣйшимъ отрядомъ, и я съ удовольствіемъ пойду къ нему подъ начальство, хотя бы онъ былъ моложе меня по службѣ.

Денисъ Давыдовъ.

Письмо А. П. Ермолова къ Давыдову.

Любезнѣйшій братъ!

Ты не худо дѣлаешь, что иногда пишешь ко мнѣ, ибо я о заслугахъ другихъ всегда кричать умѣю... Мы ожидаемъ непріятеля; войска будутъ драться съ ожесточеніемъ и будутъ умѣть мстить за взятіе Москвы. Озабоченіе ужасное! если непріятель будетъ маневрировать, то мы его непремѣнно атакуемъ, такъ по крайней мѣрѣ говорятъ старшіе! Партизаны ваши открыли партію пламенныхъ нашихъ, слѣдующую по Смоленской

блюдаютъ головнымъ войскамъ возможную тишину и порядокъ, дабы не встревожить непріятеля, который могъ бы расположиться вблизи на ночлегъ. Однажды, главныя силы Французовъ оставались для ночлега близъ корпуса принца Евгенія Виртембергскаго, у самой дороги, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, представляла какъ бы дефиле, чрезъ которое непріятелю и намъ надлежало сдѣлать. Войска безстрашнаго принца Виртембергскаго, всегда находившагося при головныхъ своихъ полкахъ, открыли сильный огонь противъ непріятеля, который, снявшись съ позиціи, двинулся поспѣшно далѣе въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ; это лишило насъ возможности, атаковать, въ числѣ 1500 человекъ, ихъ прикрываютъ два орудія и 200 человекъ несчастныхъ Вестфальцевъ; надѣмся, что ты ее не пропустишь. Дерзкий, любезный братъ: въ этомъ случаѣ пѣвныя помогутъ тебѣ! Партизаны распространили ужасъ по Смоленской дорогѣ, непріятель дрожитъ за свои сообщенія. Прощай!

Твой вѣрный братъ Алексій Ермоловъ.

Письмо Платова къ Ермолову.

Милостивый гусударь мой

Алексій Петровичъ!

Представленіе ваше и оригинальное г-на генералъ-майора Паскевича къ вамъ я получилъ. Отдавая онымъ и съ моей стороны должную справедливость, еще и болѣе, и какое сдѣлаю представленіе къ его свѣтлости, вы увидите, и васъ, сколь возможно, къ достоинству вашему, въ ономъ поблажу.

По дружбѣ вашей, извѣщаю васъ: вчерашняго числа Богъ даровалъ намъ побѣду надъ вице-королемъ италійскимъ Евгеніемъ, на дорогѣ, идущей отъ Дорогобужа на Духовщину, при деревнѣ Марковой, побито и въ пѣнѣ взято довольно, въ сію пору еще не сдѣлаю, въ разсужденіи дурной погоды и разсѣяности оныхъ, вѣрнаго счета. Орудій артиллеріи взято точно болѣе десяти съ ящиками, но полагаю гораздо болѣе; ибо какъ сіе было въ разныхъ мѣстахъ, то вѣрнаго и опредѣлительнаго числа неизвѣстно по сіе время. Самъ вице-король чуть-чуть два раза не попался, какъ пѣвныя офицеры показываютъ, которыхъ взяли близъ самого его.

Пребываю къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію навсегда и непремѣнно

Вашего превосходительства иокорнѣйшій слуга

Матвѣй Платовъ.

Октября 27, 1812 года.

Д. Манторово.

завъ его на разсвѣтъ, отрѣзать какую-либо колонну. Французы, побросавъ на дорогѣ много орудій, значительно задержали тѣмъ наши войска, которыя были вынуждены заняться на другой день въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ разчищеніемъ пути, по коему имъ надлежало продолжать свое дальнѣйшее движеніе. Милорадовичъ ограничился лишь весьма легкимъ замѣчаніемъ принцу, но Ермоловъ объявилъ ему именемъ Кутузова весьма строгій выговоръ. Ермоловъ просилъ не разъ Кутузова спѣшить съ главною арміею къ Вязьмѣ и вступить въ этотъ городъ не позже 22-го ноября; я видѣлъ у него записку, писанную рукою Толя, слѣдующаго содержанія: „Мы бы давно явились въ Вязьму, еслибы получили отъ васъ болѣе частыя увѣдомленія и съ казаками болѣе исправными; мы будемъ 21-го близъ Вязьмы“. Князь, разчитывавшій, что онъ можетъ довершить гибель Французовъ, не подвергая пораженію собственныхъ войскъ, подвигался весьма медленно; хотя онъ 21-го находился близъ Вязьмы, но остановившись за 8 верстъ до города, онъ не рѣшился приблизиться къ нему.

. . . . онъ выслалъ къ этому городу гвардейскую кавалерію съ генералъ-адъютантомъ Уваровымъ, который, чтобы не подвергать батарею Козена напрасной потерѣ, отвелъ ее назадъ, ограничившись ничтожною канонадою по городу черезъ рѣчку.

„Федоръ Петровичъ Уваровъ, отличавшійся рыцарскимъ благородствомъ и мужествомъ, пользовался всегда полнымъ благоволеніемъ государя, которому онъ не разъ говаривалъ: „выслушайте, ваше величество, со вниманіемъ все то, что я вамъ скажу; это принадлежитъ не мнѣ, а людямъ, несравненно меня умнѣйшимъ.“ Ермоловъ, потерявъ весьма много по службѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Павла, былъ даже нѣсколько старѣе въ чинѣ Уварова и князя Багратиона во время штурма Праги въ 1794 году; они были потому въ близкихъ между собою сношеніяхъ, и во время отечественной войны Уваровъ не разъ говаривалъ Ермолову: „мнѣ скучно, ты меня сегодня еще не приласкалъ“.

Прибывъ изъ отряда Милорадовича въ главную квартиру, находившуюся въ Ельнѣ, Ермоловъ засталъ Кутузова и Беннигсена за завтракомъ; онъ долго и тщетно убѣждалъ князя преслѣдовать непріятеля съ большею настойчивостію. При извѣстіи о томъ, что, по донесеніямъ партизановъ, Наполеонъ

съ гвардіей уже близъ Краснаго, лицо Кутузова просіяло отъ удовольствія и онъ сказалъ ему: „голубчикъ, не хочешь ли позавтракать?“ Во время завтрака, Ермоловъ просилъ Беннигсена, на колѣняхъ котораго онъ не разъ въ дѣтствѣ сидѣлъ, поддержать его, но этотъ генералъ упорно молчалъ. Когда князь вышелъ изъ комнаты, Беннигсенъ сказалъ ему: „любезный Ермоловъ, еслибъ я тебя не зналъ съ дѣтства, я бы имѣлъ полное право думать, что ты не желаешь наступленія; мои отношенія къ фельдмаршалу таковы, что мнѣ достаточно одобрить твой совѣтъ, чтобы князь никогда ему не послѣдовалъ“.

Обратимся снова къ разказу Ермолова.

Фельдмаршалъ Кутузовъ представилъ государю сраженіе при *Красномъ* генеральною баталіей, продолжавшеюся нѣсколько дней, уничтожившею силы непріятеля.... Онъ не отвергалъ возможности (при Березинѣ) взять и самого Наполеона. Баталія при Красномъ состоитъ изъ частныхъ сраженій нѣсколькихъ корпусовъ, раздѣленными силами дѣйствовавшихъ, сраженій, не въ одно время происшедшихъ, и тогда какъ весьма многія части арміи не имѣли ни малѣйшаго въ дѣлѣ участія.

7-го числа фельдмаршалъ, къ отряду генералъ-майора барона Розена присоединивъ нѣсколько батальоновъ пѣхоты, поручилъ мнѣ его въ команду и приказалъ изъ мѣстечка Ляды идти впередъ, но отнюдь не далѣе Днѣпра; если же бы атаманъ Платовъ (близъ Дубровны и Орши) имѣлъ надобность въ пѣхотѣ, то отправить ему часть оной. Не выходя изъ комнаты фельдмаршала, рѣшился я, выискавъ пристойный предлогъ, перейти Днѣпръ.

Армія для удобства продовольствія пошла изъ Краснаго на Копысь. Отрядъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго отправленъ въ Могилевъ. Подполковникъ Давыдовъ съ партией слѣдовалъ къ Днѣпру по направленію на Александрію. Отряды генералъ-майора Бороздина и капитана Сеславина шли впереди меня къ Оршѣ. Я прибылъ въ Дубровну и съ досадою увидѣлъ, что, пробывши тамъ сутки, генералъ-майоръ Бороздинъ не помыслилъ исправить сожженный непріателемъ мостъ, но лучше хотѣлъ гнаться до Орши за

нѣсколькими усталыми и полузамерзшими людьми слабого неприятельскаго аррьергарда. Я пришелъ въ Дубровну въ самое то время, когда на другомъ берегу Днѣпра, въ виду моемъ, атаманъ Платовъ преслѣдовалъ маршала Нея. Онъ требовалъ отъ меня одного батальона пѣхоты, но не было ни одной лодки, чтобы его переправить, а между тѣмъ приходъ изъ Орши въ подкрѣпленіе войска и маршалъ Ней соединился съ арміею. Полторы сутки непрерывно строилъ я мостъ, быстрое Днѣпра теченіе и сильный ледъ мѣшали его сдѣлать порядочно, и я съ величайшимъ затрудненіемъ переправилъ войска, наконецъ разорвало его льдомъ и всѣ обозы мои и часть патронныхъ ящиковъ долженъ я былъ оставить. Въ первый разъ въ жизни моей случилась мнѣ столько чудесная переправа, и конечно одни русскія войска могутъ дѣлать подобныя! За Днѣпромъ въ 15-ти верстахъ имѣлъ я ночлеги въ селеніи Погостъ, гдѣ распечаталъ депеши, * посланныя отъ генерала графа Витгенштейна къ фельдмаршалу. Онъ доносилъ, что маршалъ Викторъ стоитъ въ прежней позиціи при Черее, и что, превосходя его числомъ кавалеріи, много препятствуетъ наблюдать за нимъ. Я осмѣлился написать фельдмаршалу, что маршалъ Викторъ въ сей позиціи легко можетъ выиграть одинъ или два марша у графа Витгенштейна и соединиться съ Наполеономъ.....

При арміи составился авангардъ подъ начальствомъ генерала Милорадовича, и ему велѣно перейти за Днѣпръ при Копысѣ, мнѣ же предписано, буде еще не перешелъ я мѣстечко Толочинъ, дожидаться въ немъ прибытія авангарда и съ нимъ соединиться. Я имѣлъ въ предметѣ догнать неприятеля, имѣлъ хорошіе въ отрядѣ полки и одно всѣмъ общее желаніе драться! Непріятно повелѣніе остановиться . . .

. Я рѣшился не повиноваться. Удержавъ сутки присланнаго съ повелѣніемъ, между тѣмъ перешелъ мѣстечко Толочинъ и рапортовалъ, что остановиться потому не могу, что атаману Платову нельзя безъ пѣхоты преслѣдовать неприятеля, которому мѣста лѣсистыя много способствуютъ. Дежурный генералъ Коновницынъ и полковникъ Толь, желая лишить меня случая сдѣлать что-либо полезное, именемъ фельдмаршала прислали мнѣ вторичное предписаніе остановиться. Вторично дерзнулъ

* Мнѣ дана была сія довѣренность. (Ерм.)

я послушаться, и намѣренъ былъ продолжать поступать такимъ образомъ, ибо увѣренъ былъ, что рапорты мои не доходятъ до фельдмаршала, и что въ случаѣ оправданія моего онъ вникнетъ въ истину.

Неприятель отступалъ съ необычайною поспѣшностію, атаманъ Платовъ тѣснилъ его на каждомъ шагу и малѣйшаго не давалъ отдохновенія. Дорога покрыта была тысячами замерзшихъ и умирающихъ людей.....

Между тѣмъ отрядъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго занялъ Могилевъ и взялъ тамъ пѣвныя и гошпитали. Партизанъ подполковникъ Давыдовъ, переправясь вплавь черезъ Днѣпръ, схватилъ кирасирское депо, приготавливаемое для гвардіи. Капитанъ Сеславинъ шелъ по правую сторону атамана Платова, иногда по обстоятельствамъ переходя на другую сторону. Генералъ-майоръ Бороздинъ съ отрядомъ наблюдалъ дороги, изъ Могилева идущія. Но столько осторожно выдавался онъ впередъ, столько мало онъ развѣдывалъ о неприятелѣ, что едва около мѣстечка Бебръ не былъ я атакованъ въ тылъ четырьмя тысячами овѣжихъ польскихъ войскъ, проходящихъ изъ Могилева, что въ тогдѣшнемъ положеніи войскъ моихъ не могло быть выгоднымъ, и сіе потому только не случилось, что я остановился для исправленія сожженнаго моста, и отрядъ неприятельскій успѣлъ пройти между тѣмъ.

Такимъ образомъ, борясь съ затрудненіями, недостаткомъ продовольствія и ощутительнымъ отъ скорости марша изнуреніемъ, умножаемымъ жестокостію холода, достигъ я рѣки Березины, пункта по обстоятельствамъ чрезвычайно важнаго, гдѣ по предположенію фельдмаршала долженъ былъ Наполеонъ погибнуть, въ чемъ увѣрить если не успѣлъ государя, то утвердилъ въ сей мысли столицу и народъ.

Во время пребыванія арміи въ селеніи Красная Пахра, по окончаніи фланговаго на Калужскую дорогу марша... изъ С.-Петербурга флигель-адъютантъ Чернышевъ привезъ... планъ кампаніи, по которому армія адмирала Чичагова, оставивъ нѣкоторую часть войскъ въ сторовѣ Бреста-Литовскаго..... должна была идти къ рѣкѣ Березинѣ и открытъ сообщеніе съ корпусомъ генерала графа Витгенштейна, который къ тому времени.... долженъ былъ овладѣть Полоцкомъ и оттѣснить неприятеля къ Березинѣ.... Такимъ образомъ 3-я западная армія выстѣ съ корпусомъ графа

Витгенштейна составила бы сильную армию въ тылу непріятеля... прежде нежели могъ онъ помышлять объ отступленіи изъ Москвы. Планъ сей принадлежитъ собственному императора соображенію и безпрекословно съ большимъ познаниемъ составленный!

Адмиралъ Чичаговъ... пришелъ къ Березинѣ, имѣя подъ ружьемъ только 22 тысячи человекъ. Онъ... будучи совершенно одинъ, и ни съ которыми изъ войскъ нашихъ не имѣя сношенія... встрѣчается съ польскимъ генераломъ Домбровскимъ, который изъ Могилева привелъ съ собою войска, во всю кампанію видѣвъ не употребленныя и свѣжія, и занялъ противъ Борисова укрѣпленія, на правомъ берегу Березины нами прежде устроенныя...

Командующій авангардомъ адмирала Чичагова, генераль-адъютантъ графъ Ламбертъ атаковалъ укрѣпленія, предъ Борисовымъ лежащія, и столько рѣшительно, что, несмотря на упорную оборону непріятеля, въ короткое время, съ большимъ его урономъ, взяты оми штурмомъ и притомъ шесть пушекъ и до двухъ тысячъ плѣнныхъ. Къ сожалѣнію, самъ графъ Ламбертъ раненъ при семъ случаѣ. Генералъ Домбровскій переправился на лѣвый берегъ и въ Борисовѣ не остановился.... Генералъ-майоръ графъ Паленъ (Павелъ) заступившій мѣсто графа Ламберта, посланъ вслѣдъ за непріателемъ....

Генералъ Домбровскій, отошедши 15 верстъ отъ Борисова, получалъ подкрѣпленіе, въ то самое время, какъ авангардъ генералъ-майора графа Палена начиналъ появляться предъ его передовыми постами.... Онъ атаковалъ графа Палена, который... не въ состояніи будучи удержаться, привелъ съ собою непріятеля къ Борисову. Адмиралъ Чичаговъ, обо всемъ предупрежденный, не разсудилъ за благо усилить графа Палена, что необходимо было для того, чтобы самому имѣть время отойти въ порядкъ. Непріятель былъ уже въ виду Борисова, но... адмиралъ готовился покойно обѣдать въ своей квартирѣ... Между войсками въ городѣ большое сдѣлалось замѣшательство, все стѣснилось на мосту, едва успѣли вывезти артиллерію. Обозы чиновниковъ главной квартиры, нѣкоторые казенные, нѣсколько артиллерійскихъ ящиковъ и множество лошадей доставились непріятелю. Войска, перебѣжавъ мостъ, зажгли его за

собою. Непрiятель занялъ городъ, и адмиралъ съ дѣвнымъ бѣгомъ потерялъ всякое сношенiе.

Атаманъ Платовъ съ доносими войсками и я съ моимъ отрядомъ, имѣя случаи * (узнать) о прiобрѣтенныхъ прежде генераль-адъютантомъ графомъ Ламбертомъ успѣхахъ и ничего не зная о послѣднемъ происшествiи, идемъ ускоренными маршами къ Борисову, прогояя предъ собою непрiятеля. На послѣдней почтовой станции не доходя Борисова, атаманъ Платовъ получилъ отъ генерала графа Витгенштейна извѣщенiе, что непрiятель ниже Борисова переправляется у селенiя Ухолодь, и что корпусъ, имѣ командующимъ, находится не въ большомъ уже отъ почтовой дороги разстоянiи, имѣя противъ себя корпуса маршаловъ Гувiонъ-Сенъ-Сира и Виктора. Онъ предлагалъ атаману идти къ означенной имъ переправѣ. Я, обязавъ будучи идти въ подкрѣпленiе атаману, представлялъ ему, что увѣдомленiе о направленiи непрiятеля подвержено сомнѣнiю, и успѣлъ согласить его идти на Борисовъ, куда и отправился онъ тотъ же день. Я далъ отдохновенiе пѣхотѣ у селенiя Лошницы, съ тѣмъ чтобы за нѣсколько часовъ до свѣта выступить туда же и атаковать непрiятеля при переправѣ.

15-го числа ноября въ ночи атаманъ Платовъ пришелъ съ доносимымъ войскомъ къ Борисову.... городъ остался за нами.... Ночью атаманъ Платовъ далъ знать адмиралу о своемъ прiбытiи и моего отряда....

Показавшаяся въ 28 верстахъ ниже Борисова часть непрiятельской кавалерiи, и полученныя извѣстiя, что тамъ учреждается переправа, отвлекли адмирала Чичагова къ тому пункту.... Настоящая переправа предназначена была непрiателемъ у селенiя Бытча.... Маршалы Гувiонъ-Сенъ-Сиръ и Викторъ соединились съ Наполеономъ 14 числа. Аррьергардъ ихъ удерживалъ генерала графа Витгенштейна въ далекомъ еще отъ рѣки разстоянiи.... Графъ Витгенштейнъ думалъ, что онъ гонитъ всѣ ихъ силы предъ собою. Онъ не зналъ, что отъ самой позиции у Черей непрiятель выигралъ у него два марша и прiбылъ очень покойно къ переправѣ. Я смѣю предполагать, что графъ Витгенштейнъ съ намѣренiемъ не тѣшилъ непрiятеля, дабы дать время Наполеону

* Отъ жителей, спасшихся отъ непрiятеля. digitized by Google

пройти съ войсками и дѣло имѣть съ однимъ арріергардомъ маршала Виктора.*

Адмиралъ Чичаговъ, примѣтя сдѣланную имъ важную ошибку отдаленіемъ войскъ своихъ отъ селенія Бытча, возвратился поспѣшно въ прежнюю позицію, но уже нашелъ непріятеля въ такихъ силахъ, которыя достаточны были обезпечить его переправу, и которыя сверхъ того овладѣли и Зембинскимъ мостомъ и дефиле....

16-го числа вмѣстѣ съ разсвѣтомъ началась горячая перестрѣлка.... Отрядъ мой въ 9 часовъ утра былъ уже въ Борисовѣ, но сдѣлавъ 18 верстъ марша и имѣя еще 12 верстъ до мѣста сраженія, дѣлалъ небольшой привалъ. Четыре адъютанта адмирала Чичагова присланы были, чтобы я шелъ сколько можно поспѣшнѣе, и я пришелъ на занимаемую имъ позицію прежде прибытія многихъ его войскъ.

Въ Борисовѣ нашелъ я генерала графа Витгенштейна со всею его главною квартирою. Нигдѣ не видѣлъ я столько вустого и ни на что не надобнаго народа, такихъ дерзкихъ и глупыхъ вралей!... Рѣдкій изъ нихъ не былъ причиною выигранной баталіи....

16-го числа въ десять часовъ утра передовыя войска генерала графа Витгенштейна показали предъ позиціей, удерживаемою непріятелемъ на лѣвомъ берегу рѣки; прибывшій авангардъ его началъ канонаду, мало весьма вредную для непріятеля, весь же его корпусъ не прежде собрался, какъ къ первому часу по полудни.

Между тѣмъ со стороны адмирала Чичагова сраженіе продолжалось съ жестокостію.... Немовѣрная храбрость войскъ нашихъ могла удержать мѣсто, но переправа была закрыта, и не только препятствовать ей, но видѣть ея было невозможно.

По собственному плѣннымъ признанію, потеря непріятеля простирается до 20 тысячъ человѣкъ убитыми, утонувшими и отдавшимися въ плѣнъ....

Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, что генералъ графъ Витгенштейнъ мало весьма участвовалъ въ сраженіи при Березинѣ.... служатъ самыя плѣнные, взятые.... адмираломъ Чичаговымъ на правомъ берегу Березины.

* Въ запискахъ своихъ Е. видитъ Витгенштейна въ другихъ оупущеніяхъ.

Князь Кутузовъ старался обратить вину на адмирала, что армія Наполеона не истреблена при Березинѣ; обвиняла его и вся армія, потому перешло въ столицу, гдѣ въ преступленіе поставлено и то, что Наполеонъ не попался.

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ съ арміей принялъ направленіе между Борисовымъ и Минскомъ, но былъ еще въ далекомъ весьма разстояніи...

Въ мѣстечкѣ Сморгони утомленному отряду моему далъ я одинъ день отдохновенія. Передовыя войска адмирала Чичагова перешли Ошмяны, главная его квартара была одинъ маршъ впереди отъ меня. Фельдмаршалъ, желая войти въ Вильну съ первыми войсками, оставилъ армію и пріѣхалъ на ночлегъ въ Сморгонь. Мнѣ приказалъ выступить на завтра и слѣдовать поспѣшнѣе въ Вильну.

Имѣвъ съ фельдмаршаломъ продолжительный разговоръ о сраженіи при Березинѣ, успѣлъ я объяснить ему о всѣхъ происшествіяхъ, при томъ бывшихъ, и что адмиралъ Чичаговъ не столь виноватъ, какъ многіе его представляютъ желаютъ. Не извинилъ я сдѣланныхъ имъ ошибокъ, не скрылъ однакоже и графу Витгенштейну принадлежавшихъ. . . .

...Ноября 29 дня прибылъ командуемый мною отрядъ и занялъ караулы въ городѣ....

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ былъ въ Вильнѣ, покоился на пріобрѣтенныхъ имъ лаврахъ и достигшихъ той степени славы, которой онъ конечно не ожидалъ

. и потому, предавшись бездѣйствию, готовъ онъ былъ продолжать его, но получилъ извѣстіе, что скоро прибудетъ императоръ. Между тѣмъ собрались генералы наши въ главную квартиру, и послѣ трудовъ каждый искалъ отдохновенія и наслажденій, въ которыхъ обстоятельства отказывали долгое время. Все вдругъ покороено праздности, забыто, что есть непріятель, хотя не опасный на то время, но могущій возстать. О войнѣ воспоминалъ намъ господствующій самовластно безпорядокъ. Воспоминали

сотнями ежедневно умирающіе пѣхотные, тѣми которыхъ завалены были цѣлые дома и покрыты самыя улицы. . . .

Продолжая званіе начальника главнаго штаба, нѣкоторые изъ подобныя дѣяній не укрылись отъ моего свидѣнія, хотя приближенные къ Кутузову и управляющіе имъ, сколько можно, старались отдалить меня.

Между тѣмъ вышли для арміи награжденія за нѣкоторыя дѣла. Между прочими и мнѣ за сраженіе при Заболотьѣ 7 августа объявленъ чинъ генералъ-лейтенанта, и хотя прежде многихъ произведенъ я въ оный, но вѣстѣ вообще предоставляемо надо мною старшинство. Бывшій главнокомандующій, генералъ Барклай-де-Толли за сраженіе при Бородинѣ представилъ меня къ ордену Св. Георгія 2-го класса. Я былъ увѣренъ, что оного не получу по многимъ причинамъ, и не трудно мнѣ признаться, что подобное награжденіе принадлежитъ бѣльшимъ заслугамъ, нежели каковую оказать мнѣ случилось, но всеконечно не явненскую аяту долженъ я былъ ожидать, которую дали мнѣ наравнѣ со многими, весьма мало имѣвшими заслугъ или никакіихъ совершенно.

Тотчасъ по прибытіи государя къ войскамъ рѣшено переходить за Нѣманъ.

.... Должность начальника главнаго штаба при 1-й арміи найдена ненужною, и я наименованъ былъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій. Вмѣстѣ съ звучнымъ сими именемъ получилъ я часть обширную, разстроенную и запуганную, тѣмъ болѣе что въ каждой изъ армій были особенные начальники артиллеріи и не было общаго. Я видѣлъ, что устроить ее было трудно, что продолжительною кампаніей средства всѣ истощены и способы исправленія сопряжены съ неизбѣжною медленностію. Послѣ виднаго мѣста, которое я занималъ, и въ такое время, когда, по несчастнымъ обстоятельствамъ дѣлъ нашихъ, никому другому не хотѣли предложить его, и которое, благодаря предмѣстникамъ моимъ, не занималъ я хуже ихъ, въ новомъ званіи моемъ предстояли мнѣ безплодные и невидные труды, безконечныя хлопоты и неминуемыя неприятели и неудовольствія. Я просилъ фельдмаршала и съ согласія его объяснился съ государемъ, чтобъ избавиться сего назначенія, признавая себя не

довольно знающимъ внутреннее управленіе артиллеріи. Государь въ облегченіе мнѣ приказалъ въ случаяхъ затруднительныхъ относиться къ графу Аракчееву, и мнѣ оставалась обязанность повиновенія.

Итакъ былъ я въ званіи начальника главнаго штаба 1-й западной арміи со вступленія оной въ лагерь при Дриссѣ и до возвращенія въ Литву и на границы наши, то-есть въ продолженіи всей отечественной войны. Со времени отъѣзда изъ арміи генерала Барклая-де-Толли занимался я должностію повременно и находилъ выгоду не быть въ главной квартирѣ.

.....
 Послѣднія войска наши перешли за рѣку Неманъ 1 числа января 1813 года, и государь отправился.

.....
Прекращаю я описаніе. Пріятно мнѣ будетъ въ послѣдствіи времени привести на память, отъ какихъ опасностей, съ какою славой возстало любезное отечество. Не буду я равнодушень въ воспоминаніяхъ о тѣхъ людяхъ, коихъ пользовался я просвѣщенною опытностію, или съ которыми раздѣлялъ труды и опасности того времени. Не забуду о непріятеляхъ моихъ не по злобѣ или желанію мщенія, которыхъ чужда душа моя. Вѣчно буду помнить о людяхъ благотворившихъ мнѣ или желавшихъ добра, и сладостно сообщить чувство уваженія къ нимъ, тѣмъ, кому прочту я замѣчанія мои. Не знаю, въ чемъ винить себя болѣе: въ той ли кокости, съ каковою иногда описывалъ незначущихъ людей, или въ той рѣдкой истинѣ, которую говорилъ насчетъ многихъ почитаемыхъ отличными? Людямъ превосходныхъ дарованій, необычайныхъ способностей, нельзя отказать въ почтеніи, ихъ познавать легко, съ ними сравниться невозможно. И такимъ завидовать я не умѣю.

(До слѣд. №.)

ЛУИ БЛАНЪ

Парижскимъ фланерамъ сороковыхъ годовъ былъ хорошо извѣстенъ этотъ маленькій человекъ съ круглыми, милыми чертами лица, съ густыми и мягкими волосами, большими глазами, нѣсколько-широкимъ носомъ и маленькимъ, круглымъ подбородкомъ. Дамы и дѣвушки, въ Парижѣ и въ провинціи, находили его очень хорошенькимъ. Пухлыя губы его постоянно сохраняли нескромное выраженіе, а вся наружность его, несмотря на дѣтскую миниатюрность, носила отпечатокъ гордости и самоуваженія.

Этому маленькому человеку суждено было, хотя на короткое время, сдѣлаться самымъ популярнымъ лицомъ во Франціи.

Луи Бланъ родился въ 1813 году въ Мадридѣ. Онъ былъ хорошаго происхожденія, имѣлъ большія связи. Въ жилахъ его текла корсиканская кровь; знаменитый Поццо ди-Борго приходился ему дядею по матерѣ. Къ корсиканской крови примѣшивались испанскія симпатіи и воспоминанія: отецъ Луи Блана долго жилъ въ Мадридѣ, самъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Аррасѣ, городѣ чисто испанскомъ.

По рожденію, по связямъ, по богатству, Луи Бланъ, повидному, предназначенъ былъ играть большую роль въ свѣтѣ и безъ труда достигнуть высокихъ должностей и почестей. Но судьба рѣшила иначе. Іюльская революція разрушила

госостояніе его отца. Громадная певсія, которую платилъ ему Бурбоны, была потеряна, высокое соціальное положеніе испровергнуто; приходилось трудиться, хлопотать, заискивать. Молодаго Луи Блана привезли въ Парижъ доканчивать образованіе и начинать служебную карьеру. Тамъ сдалъ его на попеченіе дяди, Ферри Пизани, бывшаго члена государственнаго совѣта. На семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что молодой человекъ пойдетъ по дипломатическому поприщу.

Въ Парижѣ существовалъ въ то время (это было въ началѣ царствованія Луи-Филиппа) салонъ герцогини Дино, которой стоустая молва разошла тысячу скандальныхъ слуховъ. Говорили, что она провела очень весело, но и очень нравственно, свою молодость; говорили между прочимъ, что она находилась въ связи съ Талейраномъ. Последніе слухъ имѣлъ мало вѣроятія; можетъ-быть, когда-нибудь и существовала интрига между вѣтреною герцогиней и хитрымъ министромъ Наполеона, но въ тридцатыхъ годахъ, когда начинается нашъ разказъ, Талейранъ былъ уже дряхлый старикъ и не годился для роли *jeune premier*. Справедливо было, что онъ пользовался большою дружбой герцогини и игралъ первенствующую роль въ ея дипломатическомъ салонѣ. Этотъ салонъ представлялъ любопытное зрѣлище. Это былъ осколокъ до-революціонной Франціи, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшій среди всеобщаго крушенія. Здѣсь вы могли бы встрѣтить нравы, идеи, понятія, разговоры XVIII столѣтія. Въ огромныхъ залахъ, меблированныхъ во время первой имперіи и неизмѣнно сохранившихъ весь наружный отпечатокъ той эпохи, собирались по вечерамъ старики и старики, герои и героини давно миновавшаго времени. Въ ихъ странномъ кружкѣ благоговѣнно сохранялись преданія XVII вѣка. Это былъ міръ давно похороненный исторіей и снова возставшій изъ могилъ, міръ придворно-политическихъ интригъ, Кондильяковской философіи и утонченнаго, элегантно-го разврата. Здѣсь царственная власть полюбовно раздѣлялась между герцогиней Дино, съ ея воспоминаніями о легкомысленно прожитой молодости, и княземъ Талейраномъ, этимъ Макиавелли новаго времени, которому ничѣмъ нельзя было такъ польститься, какъ назвавъ его гениальнымъ плутомъ. Этотъ салонъ герцогини и Талейрана пользовался огромнымъ авторитетомъ въ правительственныхъ кружкахъ. Здѣсь подъ двойственнымъ вліяніемъ герцогини и Талейрана:

молодые люди знатныхъ фамилій учились первымъ приёмамъ дипломатическаго искусства, здѣсь получали они извѣстную поправку, необходимую для успѣховъ въ дипломатическомъ мѣрѣ.

Въ этотъ-то салонъ, на одинъ изъ вечернихъ раутовъ, Пизани привезъ своего молодого племянника. Къ несчастію, герцогиня Диво въ этотъ вечеръ была не въ духѣ. Откинувшись въ креслѣ, съ выраженіемъ изыщной томности въ лицѣ, разсѣянно слушала она Пизани, когда тотъ представлялъ ей Луи Блана, и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ своего новаго гостя, монотонно повторяла: „гдѣ же онъ, гдѣ вашъ племянникъ?“ Злые языки, разнося этотъ анекдотъ по городу, прибавляли, что въ выходкѣ герцогини заключалась острота насчетъ маленькаго роста Луи Блана...

Луи Бланъ, одаренный безграничнымъ самолюбіемъ, былъ раздраженъ, оскорбленъ до глубины души. Грубая выходка герцогини спутала всѣ его планы. Онъ рѣшился круто повернуть на другую дорогу, оставить всякія искательства и возложить всю надежду на себя и свои дарованія.

Съ этого времени наступили трудные годы для Луи Блана. Ему пришлось самому прокладывать себѣ дорогу въ жизни. Безъ средствъ, безъ покровительства, въ ежеминутной борьбѣ съ нуждою, провелъ онъ нѣсколько лѣтъ, тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ снискивая себѣ насущныя средства жизни. Сначала онъ служилъ писцомъ у нотариуса, потомъ перебивался нѣкоторое время уроками математики, и наконецъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному богатому промышленнику, Галле, въ Аррасѣ. Въ свободное отъ занятій время, онъ писалъ стихи, изъ которыхъ нѣкоторые были увѣнчаны Аррасскою академіей, тою самою, которая, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, увѣнчала поэтическіе опыты Робеспьера. Въ то же время, онъ участвовалъ въ мѣстной газетѣ *Progrès du Pas-de-Calais*, во главѣ которой стоялъ тогда даровитый Фредерикъ Джорджъ. Мало-по-малу, Луи Бланъ до того втянулся въ журнальную жизнь, что промѣнялъ на нее обязанности домашняго учителя, и въ 1834 году перешелъ въ Парижъ, гдѣ тотчасъ получилъ мѣсто главнаго редактора газеты *Bon Sens*. Но онъ не долго стоялъ во главѣ этой газеты; социалистическій оттѣнокъ, который Луи Бланъ не замедлилъ придать своему изданію, смѣшномъ противорѣчалъ интересамъ капиталистовъ, собственниковъ журнала.

Между вами и редакціей произошелъ разрывъ, вслѣдствіе котораго Луи Бланъ отказался отъ должности главнаго редактора.

Въ 1839 году, онъ основалъ свой собственный журналъ, подъ названіемъ *Revue de Progrès*. Это изданіе скоро сдѣлалось органомъ социалистической пропаганды. Молодой публицистъ привнесъ съ жаромъ высказывать тѣ коммунистическія идеи объ организаціи національнаго труда, которыя вскорѣ были приведены имъ въ систему, въ извѣстной книгѣ: *Organisation du travail*. На страницахъ его газеты появился цѣлый рядъ литературныхъ опытовъ социалистическаго содержанія, принадлежавшихъ парижскимъ ремесленникамъ: Луи Бланъ и словомъ, и дѣломъ помогалъ тому что онъ называлъ возрожденіемъ рабочаго класса. Все это, естественно, вооружало противъ него капиталистовъ и надѣлало ему немало враговъ рѣшившихся даже проучить дерзкаго публициста. Средства къ тому были выбраны самыя неблаговидныя. Однажды, когда Луи Бланъ проходилъ по одной изъ парижскихъ улицъ, чья-то тяжелая трость обрушилась на его плеча. Удары посыпались за ударами... Полумертвымъ отнесли его домой.

Такъ какъ литературная извѣстность Луи Блана основывается преимущественно на его книгѣ объ организаціи труда, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть первый по времени серьезный трудъ нашего публициста, то мы постараемся разсмотреть ее здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Идеи, высказанныя Луи Бланомъ въ этой книгѣ, вовсе не новы. Если коммунисты, съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія, суть явленіе поздняѣйшее, то коммунизмъ, по крайней мѣрѣ въ первоначальной своей формѣ, такъ же старъ, какъ Божій міръ. Всѣ народы въ доисторическомъ быту признавали собственность рода, клана, иногда собственность племени, волости, общины, но собственности личной, единичной, они не имѣли. Въ древле-греческихъ государствахъ, въ Спартѣ и на островѣ Критѣ, законы Ликурга и Миноса отрицали личную собственность; но Ликургъ, если вѣрить преданію, достовѣрность котораго заподозрѣна, впрочемъ, Гротомъ, закрѣпилъ раздѣленіе земли между Спартавцами, слѣдовательно, призналъ земельную собственность. Въ *Республикѣ* Платона принципъ собственности отрицается безусловно.

Собственность изгнана изъ идеальной республики Платона, по той причинѣ, что изъ нея изгнанъ трудъ. У Платона весь производительный трудъ отданъ въ руки рабовъ принадлежащихъ государству и удовлетворяющихъ всѣмъ матеріальнымъ потребностямъ гражданъ; въ такомъ случаѣ, откуда и зачѣмъ явилась бы собственность въ его идеальномъ государствѣ? Въ вѣка христіанства, встрѣчаемъ, въ весьма разнообразныхъ формахъ, примѣненіе коммунистическихъ идей на практикѣ. Несмотря на то, что ученіе Евангелія торжественно признало и освятило принципъ собственности, съ наступленіемъ новой эры коммунистическія идеи стараются стать подъ покровительство религіи. Монастырское общежитіе первыхъ вѣковъ христіанства, коммунизмъ моравскихъ братьевъ, амабаптистовъ, іезуитскихъ миссіонеровъ въ Парагваѣ, коммунистическія идеи средневѣковыхъ сектантовъ: пелагианцевъ, альбигойцевъ, лоллардовъ, даже стремленія политическихъ мятежниковъ, какъ напримѣръ жакеристовъ, таборитовъ, конрадинцевъ—все это, такъ или иначе, посредственно или непосредственно, становилось подъ знамя христіанства. Въ то же время коммунизмъ, опрокинутый въ дѣйствительной жизни, проникъ въ литературу, въ теорію. Отправляясь отъ Томаса Мора, извѣстнаго дѣятеля возрожденія въ Англіи, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ писателей, предавшихъ коммунистической пропагандѣ. Послѣ Платона, Томасъ Моръ первый представилъ цѣльную и обстоятельную картину коммунистическаго государства. Его *Utopia*—chef d'oeuvre коммунизма; всѣ послѣдующіе писатели полною горстью черпали изъ нея матеріалъ для коммунистическихъ построеній. Томасъ Моръ не отрицаетъ принципа труда въ своемъ фантастическомъ государствѣ: онъ не присуждаетъ къ нему однихъ рабовъ, подобно Платону. Всѣ граждане обязаны у него трудиться извѣстное число часовъ въ сутки. Земля состоитъ у него въ общемъ владѣніи, или, лучше сказать, составляетъ собственность государства; точно также и земледѣльческіе продукты, произведенія труда ремесленнаго, не признаются собственностью производителей, а раздѣляются поровну между гражданами. За Томасомъ Моромъ, въ область коммунистическихъ системъ послѣдовали: Кампанелла съ своимъ *Солнечнымъ государствомъ*, Фенелонъ съ своимъ *Салентомъ*, Морелли, Мабли, Бриссо

Бабѣвъ, Робертъ Оуемъ, Севъ-Симонъ, Фурье, Кабе, Прудонъ, Леру... Луи Бланъ представляетъ только одно изъ многочисленныхъ звеньевъ этой длинной цѣпи. Съ философской точки зрѣнія, онъ не глава какой-нибудь школы, не провозвѣстникъ какихъ-либо новыхъ истинъ: онъ послѣдователь довольно безличнаго направленія, коммунистъ извѣстнаго закала. У коммунистовъ и социалистовъ вообще также мало индивидуальной самобытности, какъ и у гражданъ ихъ идеальныхъ республикъ. Какъ послѣдніе представляютъ собою не что иное, какъ колеса огромной государственной машины, такъ и первые, за исключеніемъ развѣ Прудона и Оуэна, суть безличныя единицы одного громаднаго цѣлаго, называемаго социализмомъ. Социализмъ, по самой природѣ своей, врагъ всякаго индивидуальнаго развитія; какъ *система*, онъ исключаетъ всякую оригинальность, самобытность, своеобразность. Писатели социалистической школы въ несравненно большей степени поработочены доктринамъ чѣмъ такъ-называемые доктринеры. Имъ кажется, что они ратуютъ за свободу, за жизнь, между тѣмъ какъ они проповѣдуютъ самое тягостное рабство. Они преслѣдуютъ свободу всюду, во всѣхъ сферахъ: свободу экономическую, политическую, умственную, религиозную, свободу гражданина, отца, мужа. Они хотятъ аранжировать родъ человѣческой, такъ точно, какъ аранжируютъ звуки для музыки, инструменты для оркестра. Въ ихъ теоріи кроется идея страшнаго, дерзкаго деспотизма. Социалистъ, предполагая устроить государство по своей идеѣ, ставитъ себя въ такое же отношеніе къ роду человѣческому, въ какомъ механикъ стоитъ къ машинѣ, композиторъ къ музыкальнымъ звукамъ, полководецъ къ солдатамъ: на одной сторонѣ свободный, вольный художникъ, на другой неодушевленный, покорный матеріалъ. Если въ наше время существуютъ еще идеи деспотизма, тирании, рабства, то этихъ идей ближе всего слѣдуетъ искать у социалистовъ.

Разсмотримъ содержаніе книги Луи Блана *Объ организаціи труда*.

Луи Бланъ, подобно всѣмъ социалистамъ, полагаетъ, что человѣкъ выходитъ изъ рукъ Творца чистымъ и непорочнымъ, съ зачатками добра и въ полномъ невѣдѣніи зла. Человѣкъ, по мнѣнію Луи Блана, не погрѣшаетъ по собственной волѣ, въ его поступкахъ и преступленіяхъ виновато общество.

Вотъ основная идея, точка отправленія социалистовъ. Признавъ безответственность человѣка, Луи Бланъ слагаетъ всю вину на общество. Онъ находитъ, что общество устроено неправильно, преступно; что при существующемъ порядкѣ человѣкъ, будучи по природѣ добрымъ и непорочнымъ, нерѣдко бываетъ поставленъ среди такихъ условій, при которыхъ пороки или преступленіе становятся необходимостью. Мы не споримъ, что въ этихъ словахъ есть доля правды; мы не споримъ, что человѣкъ уклоняется иногда на путь порока силою нищеты, несчастья или общественной неправды; но что даетъ намъ право возводить это частное явленіе въ общее правило? Развивая далѣе свою идею, Луи Бланъ находитъ, что все зло въ экономическомъ и социальномъ быту современнаго общества происходитъ отъ конкуренціи. Онъ полагаетъ, что конкуренція, доставляя преимущество капиталисту надъ бѣднымъ работникомъ, нарушаетъ законъ справедливости. Почему, разсуждаетъ Луи Бланъ, какой-нибудь богатый буржуа долженъ пользоваться правами и преимуществами, которыхъ лишены простой ремесленникъ? Почему онъ можетъ предпринимать разныя коммерческія операціи, увеличивать свой капиталъ, эксплуатировать рабочія силы пролетаріевъ, между тѣмъ, какъ простой работникъ долженъ всю жизнь находиться въ самой тягостной экономической зависимости? Конкуренція, по понятіямъ Луи Блана, есть экономическая война, похищающая много кровавыхъ жертвъ. Свобода труда и торговли уподобляется Сатурну, пожирающему собственныхъ дѣтей своихъ. Сильные, при помощи конкуренціи, подавляютъ слабыхъ. Конкуренція обогащаетъ богатыхъ и повергаетъ въ нищету бѣдныхъ; она усиливаетъ социальныя неравенства и старается создать, на мѣсто отживающей аристократіи рода, аристократію капитала. Буржуазію она разорветъ періодическими кризисами, а бѣдные классы—закрывая имъ доступъ на экономической рынокъ. Она даже не содѣйствуетъ дешезизнѣ предметовъ потребленія, потому что временное пониженіе цѣнъ ведетъ только къ внезапной и страшной дороговизнѣ. Чтобы устранить эти пагубные результаты конкуренціи, этотъ ненормальный, противозаконный порядокъ вещей, Луи Бланъ предлагаетъ очень рѣшительное средство. Пусть, говоритъ онъ, капиталисты будутъ устранены съ экономической сцены, и мѣсто ихъ займетъ государство. Пусть государство сдѣлаетъ громадный

заемъ и раздѣлитъ его между ремесленниками, ассоціаціями, изъ которыхъ должны организоваться національныя мастерскія. При помощи этой безкорыстной, безпроцентной государственной ссуды, работники приобрѣтутъ всѣ необходимыя машины, инструменты, закупятъ суровье и захватятъ въ свои руки всю мануфактурную промышленность страны. Такимъ образомъ, они будутъ имѣть работу и средства къ жизни, безъ всякой зависимости отъ капиталистовъ. Национальныя мастерскія, располагая государственнымъ капиталомъ, дѣйствуя сообща, единодушно, произведутъ страшный подрывъ частной промышленности и въ скоромъ времени совсѣмъ ее поглотятъ. Такъ, въ непродолжительномъ времени, конкуренція будетъ подавлена самою же конкуренціей. Земледѣльческая промышленность, мало-по-малу, потерпитъ такое же преобразование, какъ и промышленность мануфактурная: ею также завладѣютъ національныя мастерскія. Въ верховному надзору за этими учрежденіями будетъ уполномочено государство. Каждая мастерская въ частности будетъ управляться старшиною, выбраннымъ членами ассоціаціи; всѣ работники, раздѣляемые на группы, будутъ жить вмѣстѣ и обѣдать за общимъ столомъ. Что касается до задѣльной платы работникамъ, то Луи Бланъ разсуждаетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

„Можно выбирать между двумя системами: равной или неравной задѣльной платы. Мы будемъ сторонниками равенства, потому что равенство есть принципъ порядка, исключяющій зависть и ненависть.

„Намъ могутъ возразить: равенство не принимаетъ въ расчетъ различія способностей; но, по нашему мнѣнію, если способности могутъ создавать іерархію должностей, то они не могутъ опредѣлять различіе въ распредѣленіи вознагражденія. Умственное превосходство столь же мало даетъ намъ какія-либо права, какъ и превосходство мускуловъ; оно создаетъ только обязанности. Кто болѣе можетъ, тотъ болѣе и обязанъ сдѣлать: вотъ его привилегія!

„Намъ могутъ возразить еще: равенство убиваетъ соревнованіе.

„Нѣтъ ничего справедливѣе по отношенію къ такой системѣ, гдѣ каждый руководится личными побужденіями, гдѣ работники набраны какъ ни попало, гдѣ они дѣйствуютъ только съ точки зрѣнія чисто индивидуальной и не имѣютъ

какакой причины установить между собою то что я называю point d'honneur du travail; но кто не знаетъ, что между работниками, составившими артель, лѣность тотчасъ принимаетъ характеръ безчестія, въ родѣ того, какъ между солдатами трусость? Пусть въ каждой мастерской поставятъ столбикъ съ надписью: „въ ассоціаціи братьевъ работниковъ, каждый лѣнливецъ есть воръ.“

Такова, въ общемъ очеркѣ, система Луи Блана. Укажемъ, прежде всего, на ея экономическое значеніе словами одного французскаго писателя: „Не будемъ останавливаться, говорить Сюдръ, надъ указаніемъ всего, что этотъ взглядъ заключаетъ въ себѣ несправедливаго и непрактичнаго. Заставить старое общество нести бремя займа, предназначеннаго для дароваго снабженія капиталами нѣсколькихъ работниковъ, не значитъ ли это установить въ пользу послѣднихъ чудовищную привилегію, ограбить массу въ пользу нѣсколькихъ лицъ? Раззорительная конкуренція, противопоставленная частной промышленности съ помощію даровыхъ капиталовъ, и насильственный расчетъ съ этою промышленностью на условіяхъ, какія угодно будетъ назначить правительству, не есть ли это самый ненавистный грабегъ? Такимъ образомъ, насиліе лежитъ въ основаніи этой системы, какъ бы искусно ни старался авторъ замаскировать его, какъ бы легкимъ на усиливался онъ представитъ переходъ отъ прежняго общественнаго быта къ новому. Но положимъ, что національныя мастерскія выполняютъ цѣль, для которой онѣ созданы, и вмѣсто того чтобъ быть подавленными частною промышленностью, разрушаютъ и поглощаютъ ее. Минуемъ все это и придемъ къ тому окончательному соціальному быту, къ которому ведетъ насъ Луи Бланъ.

„Не трудно вообразить его себѣ. Этотъ новый соціальныя порядокъ долженъ быть не что иное какъ всеобъемлющая національная мастерская.

„Частная промышленность будетъ уничтожена; всѣ ея орудія труда, всѣ ея капиталы будутъ поглощены національными мастерскими, на условіи уплаты нѣкотораго процента нѣкоторой части прежнихъ владѣльцевъ (если только государство, пользуясь вѣрною ему громадною властью, не уничтожило этого обязательства). Всѣ земли, перешедшія въ общинае владѣніе, будутъ обрабатываемы національными мастерскими. И такъ какъ всѣ національныя мастерскія, промышленныя

и земледѣльческія, будутъ находиться въ союзности, въ солидарности между собою, то можно сказать, что всѣ земли, всѣ капиталы сдѣлаются владѣніемъ одной обширной народной общины.

„Всѣ граждане будутъ членами огромной національной мастерской, будутъ подчинены равенству задѣльной платы и общежитію. Но и самое равенство платы будетъ вскорѣ замѣнено новымъ принципомъ, который провозвѣстили намъ, какъ одинъ изъ законовъ, предназначенныхъ управлять окончательно сложившимся обществомъ: каждый будетъ работать сообразно своимъ силамъ и вознаграждаться сообразно своимъ нуждамъ. Эта формула означаетъ, безъ сомнѣнія, что раздача вещей въ натурѣ замѣнитъ денежную плату. Каждый будетъ ѣсть, сообразно своему аппетиту, за общимъ столомъ. Это будетъ равенство пропорціональное, усовершенствованное.

„Правительство, государство, чѣмъ оно будетъ, какъ не властью, завѣдывающимъ управленіемъ національной общины? Государство можетъ быть мыслимо внѣ этой общины, пока старое общество существуетъ еще рядомъ съ національными мастерскими, пока дается еще переходное состояніе. Но какъ скоро старое общество уничтожено, поглощено, тогда, очевидно, эта община, образовавшаяся изъ соединенія національных мастерскихъ, и есть само государство, а управленіе этой общины и есть само правительство. Такимъ образомъ:

„Поглощеніе земель и капиталовъ народною общиной,

„Порабощеніе всѣхъ абсолютному равенству и общежитію,

„Сосредоточенная въ рукахъ верховныхъ администраторовъ общины власть управлять работами, располагать лицами и вещами, вотъ послѣднее слово системы.“

Можно было бы написать цѣлую книгу, есабы мы приняли разобрать во всѣхъ подробностяхъ доктрину организаціи труда, предложенную Луи Бланомъ. Но въ наше время, кажется намъ, подобный трудъ былъ бы слѣшкомъ несовремененъ. Въ настоящее время вѣтъ болѣе партизановъ Луи Блана; февральская революція произнесла приговоръ надъ социализмомъ: онъ похороненъ въ могилахъ несчастныхъ, обagrившихъ своею кровью улицы Парижа въ 1848 году. Не будемъ, поэтому, подробно разбирать книгу Луи Блана, а ограничимся только двумя-тремя общими замѣчаніями.

Съ перваго взгляда, система Луи Блана поражаетъ своимъ

деспотическимъ отношеніемъ къ обществу, составляющимъ, какъ мы уже сказали, характеристическую черту всѣхъ вообще социалистовъ. Для Луи Блана не существуетъ исторіи, онъ не хочетъ знать законовъ историческаго развитія. Нынѣшній общественный строй, сложившійся вѣками, является въ его рукахъ гибкимъ и мягкимъ, какъ воскъ; онъ можетъ растопить его и перелить въ совершенно иную форму; онъ какъ будто не понимаетъ, что народная жизнь есть жизнь органическая, и что всякое посягательство на нее есть неслѣпость съ точки зрѣнія исторіи. Соціалисты думаютъ, что не составитъ никакого труда перекроить общество по новой мѣркѣ; по ихъ мнѣнію, для этого достаточно только убѣдить общество въ превосходствѣ новой соціальной системы. Они полагаютъ, что общественный порядокъ есть нѣчто абсолютное, независимое ни отъ національныхъ, ни отъ историческихъ условій страны; они, по выраженію Лабуде, уподобляютъ соціальную доктрину математической истинѣ, которую можно перенести изъ Парижа въ Китай, безъ всякаго ущерба въ ея силѣ, истинности и приложимости. Но если такъ, если общественный бытъ есть нѣчто самостоятельное, абсолютное въ пространствѣ и времени, если онъ не зависитъ ни отъ прошедшаго, ни отъ настоящаго, то почему же соціалистическія доктрины не осуществлялись до сихъ поръ даже среди тѣхъ ассоціацій, которыя формировались именно и исключительно во имя этой доктрины? Почему такая печальная развязка увѣчала опыты Сенъ-Симона и Анфантена, или попытки іезуитскихъ миссіонеровъ въ Парагваѣ? Почему не имѣли продолжительнаго успѣха даже опыты Роберта Оуэна, производившіеся на несравненно болѣе рациональныхъ началахъ? Не потому ли, что никакими теоріями, никакими доктринами, никакими человѣческими усиліями невозможно сдвинуть народный бытъ съ исторической почвы, съ которою онъ связанъ вѣковыми, жизненными, кровными узами? Попробуйте перерубить эти узы, попробуйте перенести народную жизнь на другую, чуждую ей почву, и эта жизнь замретъ, зачахнетъ, какъ жизнь растенія пересаженнаго въ несвойственный ему грунтъ. Дайте народу чуждья, несвойственныя ему формы быта—и онъ или упорно отречется отъ этихъ новыхъ формъ и еще глубже будетъ косятъ въ старыхъ, исторически-сложившихся бытовыхъ формахъ, или зачахнетъ среди несвойственныхъ ему условій

жизни. Вообще только одаренный необычайными жизненными силами народъ способенъ перенести невредимо усвоеніе чуждаго быта. Политическая свобода, безъ сомнѣнія, есть бытовая форма, наиболее космополитическая, наиболее свойственная, повидимому, каждой странѣ, каждому народу, и однакоже, еслибъ мы стали утверждать это положительно, противъ насъ возстала бы каждая страница, каждая строка исторіи. Три тысячи лѣтъ уже, на всемъ пространствѣ историческаго міра, человечество ведетъ кровавую борьбу за свободу, за право; и какими тяжелымъ трудомъ, какими невозможными усиліями, цѣною сколькокихъ благородныхъ жертвъ завоевываетъ оно каждый успѣхъ въ своемъ политическомъ устройствѣ. Замѣтимъ притомъ, что трудность борьбы происходитъ не отъ вѣшнихъ препятствій: вѣшная сила, какъ бы глубоко ни укоренилась она въ извѣстной странѣ, не можетъ сама по себѣ бороться противъ народной воли; трудность борьбы происходитъ оттого что въ самой природѣ общества существуетъ могущественное консервативное начало. Если же въ подобной степени трудно прививается къ народамъ такой общечеловѣческой и всѣмъ понятный элементъ, какъ политическая свобода, то что же было бы, еслибы мы вздумали прививать къ нимъ насильственнымъ образомъ социализмъ и коммунизмъ, запечатлѣнные характеромъ крайней исключительности? Подобную попытку затопила бы потоки человеческой крови, какъ это и случилось въ 1848 году.

Иначе разсуждаютъ социалисты. Они не хотятъ справиться съ исторіей, они вѣрятъ въ неотразимую силу доктрины, теоріи. Подобно схоластикамъ среднихъ вѣковъ, они надѣются достигнуть всего однимъ энергическимъ напряженіемъ мысли, одною силою умозаключенія. Они не хотятъ понять, что народный организмъ есть организмъ живой; что его нельзя насиловать, потому что каждая рапа, нанесенная ему, отзывается мучительною болью. Въ своихъ смѣлыхъ утопіяхъ, они тасуютъ, какъ колоду картъ, условія народнаго быта. Отрицаая всякую автономію общества, они навязываютъ ему свою собственную, произвольную регламентацію. Повсюду, во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни, они тщательно преслѣдуютъ независимость, самостоятельность, не только индивидуальную, но даже общественную, народную, государственную. Одни изъ нихъ, какъ на примѣръ Томасъ

Моръ, публицистъ XVI столѣтія, воспитанный на теоріяхъ древности, рисуетъ свою „Утопію“ въ видѣ огромнаго воспитательнаго заведенія, въ которомъ совершеннѣйшія дѣти вьютъ, ѣдятъ, спятъ, работаютъ, веселятся по звонку невидимаго гувернера. Другіе, какъ Луи Бланъ, публицистъ нашего времени, воспитанный на экономическихъ интересахъ, превращаютъ Францію въ огромную мастерскую, въ которой все движется силою могущественной пружины, находящейся въ рукахъ правительства. Всмотритесь въ сущность системы Луи Блана: она не только отрицаетъ законы историческаго развитія, она насилуетъ личную, частную самостоятельность и независимость. У Луи Блана, въ его проектируемомъ обществѣ, всѣмъ управляетъ, всѣмъ завѣдуетъ государство. Государство снабжаетъ работниковъ капиталомъ и орудіями, государство устраиваетъ ассоціаціи, распределяетъ занятія и вознагражденіе, опредѣляетъ отношенія національныхъ мастерскихъ къ старому обществу и частной промышленности, регулируетъ ликвидацію посабвостей; это такая абсолютная централизація, передъ которою въ ужасѣ отступитъ всякій неотуманенный умъ. Луи Бланъ требуетъ отъ государства всего, кромѣ одной усауги, которой именно и сѣдуетъ желать: чтобъ оно поступало по принципу *laissez faire*. Луи Бланъ самъ сознаетъ практическую несостоятельность своей системы, самъ отступаетъ передъ страшнымъ призракомъ государственнаго деспотизма, возникающимъ передъ глазами читателя на послѣднихъ страницахъ его книги. Онъ видитъ, что, съ одной стороны, необходимо замаскировать отчаянный механизмъ его всеобъемлющей мастерской, въ которой государство управляетъ самыми мелочными, ускользающими даже отъ исчисленія, общественными отправлениями, а съ другой стороны, необходимо найти гдѣ-нибудь опору для этого государства, потому что оно, еслибы даже воплощало въ себѣ милліоны стоголазыхъ аргусовъ, не въ силахъ выполнить само колоссально-сложную задачу, называемую ему нашимъ публицистомъ. Чтобы замаскировать этотъ двойной недостатокъ своей системы, Луи Бланъ прибѣгаетъ къ уловкѣ, столь же не новой, какъ и несостоятельной. Онъ возобновляетъ попытку Морелли устанавить принципъ человѣческой непогрѣшимости, силы доброй воли въ человѣкѣ, укореняющей въ немъ самое стремленіе къ

порядку и справедливости, и облегчающей контроль верховной государственной власти. Вѣсть съ Морелли онъ принимаетъ, что человекъ выходитъ изъ рукъ Творца чистымъ и непорочнымъ, стремящимся, по самому свойству своей природы, къ правдѣ, добру, справедливости; онъ утверждаетъ, что порочныя склонности развиваются въ человекѣ лишь вслѣдствіе беззаконій существующаго порядка; что если этотъ порядокъ будетъ разрушенъ, если вмѣсто него водворится иной, основанный на началѣ строгой правды, тогда у людей исчезнетъ всякій поводъ, всякое искушеніе къ уклоненію отъ пути добродѣтели. Человекъ, освобожденный отъ грустной необходимости причинять зло, будетъ предоставленъ влеченію своихъ добрыхъ инстинктовъ и, безъ сомнѣнія, отдастся ему вполне. Такова гипотеза социалистовъ. Въ ней, дѣйствительно, есть нѣчто обольстительное. Вѣра въ совершенство человѣческой природы въ силу добра, прирожденнаго человеку, очаровываетъ насъ. Намъ нравится ученіе льстящее нашему самолюбію, слагающее вину нашихъ пороковъ и недостатковъ на коллективную единицу, общество, или, что еще пріятнѣе, на предметы отвлеченныя—соціальный порядокъ, обстоятельства, и т. п. Но обаяніе исчезаетъ, если мы взглянемъ на дѣло строгимъ, практическимъ взглядомъ. Какъ ни возвышенна, какъ ни гуманна гипотеза Морелли и его послѣдователей, она все таки есть не болѣе, какъ гипотеза. Мы не можемъ обманывать себя насчетъ того, что далеко не одни лишь трудныя обстоятельства создаютъ преступниковъ; что въ современномъ обществѣ пороки находятъ своихъ жертвъ и въ кругу тѣхъ людей, которые съ дѣтства окружены самыми завидными условіями существованія. Разбойника или вора, разумѣется, легче найти въ средѣ бѣдняковъ, чѣмъ между достаточными людьми; но за то есть и пороки, свойственные исключительно классамъ поставленнымъ ереди наиболѣе выгодныхъ условій. Что же касается до новаго общественнаго порядка, проектированнаго Луи Бланомъ, то никакъ нельзя сказать, чтобы онъ исключалъ возможность искушеній. Представители верховной государственной власти, облеченные такимъ неограниченнымъ авторитетомъ, естественно должны быть подвержены искушенію злоупотреблять этою властью; второстепенныя начальствующія лица у Луи Блана также не могутъ быть свободны отъ искушенія, каждый въ своей сферѣ; наконецъ, въ самой массѣ

населенія, отсутствіе пролетаріата далеко еще не исключаетъ возможности преступленія и порока. При такихъ соображеніяхъ, идеальный работникъ Луи Блана, для исправленія котораго отъ дѣлности достаточно надписи: „дѣлонецъ есть воръ“, вывѣшенной въ его мастерской, является существомъ воображаемымъ, плодомъ фантазіи автора.

При поверхностномъ взглядѣ на книгу Луи Блана, можетъ показаться, что мы не имѣемъ никакого права говорить о солидарности Луи Блана съ коммунистами; что Луи Бланъ въ своихъ экономическихъ гипотезахъ вовсе не исходитъ отъ принципа общиннаго владѣнія: что онъ не отрицаетъ ни собственности, ни брака, ни другихъ условій нынѣшняго гражданскаго быта. Но это заблужденіе. Въ системѣ Луи Блана дѣйствительно есть попытка къ примиренію коммунистическихъ идей съ основными началами современнаго общежитія; онъ допускаетъ право собственности, даже собственности наследственной; онъ одобряетъ бракъ, семейное начало; онъ дѣлаетъ видъ, будто его система предназначена только закрѣпить болѣе прочнымъ образомъ существующія нынѣ гражданскія и экономическія связи. И однакожь, при всемъ томъ, мы будемъ правы, если назовемъ Луи Блана коммунистомъ. Дѣло въ томъ, что всѣ уступки автора существующему порядку вещей—не болѣе какъ хитрость. Луи Бланъ боится высказаться прямо и играетъ словами. Не прикасаясь повидимому къ принципу собственности, онъ нападаетъ на какой то индивидуализмъ, служащій источникомъ вражды въ современномъ обществѣ, и который нельзя иначе объяснить, какъ замѣнивъ его выраженіемъ: „право личной собственности.“ Съ другой стороны, чѣмъ могутъ быть объяснены его нападки на конкуренцію, какъ не стремленіемъ уничтожить могуществѣннѣйшее орудіе личнаго приобрѣтенія? Наконецъ, допущеніе наследственной собственности для работниковъ національныхъ мастерскихъ походитъ у Луи Блана на иронию. Если правительство покупаетъ для нихъ инструменты и другія орудія труда, то они, слѣдовательно, поступаютъ въ мастерскую, не имѣя никакой собственности; что же приобрѣтутъ они въ этой мастерской, при равенствѣ платы, выдаваемой притомъ въ видѣ състныхъ припасовъ, сообразно съ аппетитомъ каждаго? Что касается до капиталистовъ и собственниковъ, то Луи Бланъ вооружаетъ противъ нихъ могущественную конкуренцію правительства, которая, съ

теченіемъ времени, должна низвести ихъ на степень простыхъ работниковъ въ національныхъ мастерскихъ. Наконецъ, бракъ, допускаемый Луи Бланомъ при условіи строгаго общежитія, т.-е. когда работники вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми будутъ жить всѣ вмѣстѣ, въ однихъ помѣщеніяхъ, долженъ сдѣлаться источникомъ разврата, гораздо болѣе пагубнаго чѣмъ тотъ, которымъ заражены нынѣ рабочіе классы. Такимъ образомъ, при сколько-нибудь внимательномъ анализѣ системы Луи Блана, исчезаетъ всякое сомнѣніе въ солидарности ея съ общими началами коммунизма.

Но если экономическій трудъ нашего публициста мало отличается отъ подобныхъ трудовъ его предшественниковъ и современниковъ, за то положеніе Луи Блана, какъ политическаго реформатора, было вполнѣ исключительно. Тогда какъ другіе могли только мечтать о новыхъ идеяхъ общественнаго быта или осуществлять ихъ въ самыхъ жалкихъ микроскопическихъ формахъ, Луи Бланъ, силою внезапной и страшной революціи, былъ призванъ къ могущественной диктатурѣ. Парижъ, которому повиновалась вся Франція, добровольно отдавалъ себя въ руки Луи Блана, требуя отъ него осуществленія „организациі труда“. То была торжественная и страшная минута въ жизни Луи Блана. Французскій народъ, испровергнувъ старый порядокъ вещей, явился къ молодому публицисту, громко требуя, чтобъ онъ, на этой расчищенной почвѣ, приступилъ къ практическому построению своей системы. Идолъ черни, могущественный, почти всесильный демагогъ, онъ видѣлъ кругомъ себя стотысячныя толпы, готовые сдѣлаться послушными орудіями его воли. Ему не только было дозволено, отъ него требовали, съ угрозой смерти, чтобъ онъ осуществилъ на дѣлѣ организацию національныхъ мастерскихъ, проектированную въ его книгѣ. Среди такихъ счастливыхъ условій не былъ еще поставленъ ни одинъ философъ, ни одинъ реформаторъ, ни одинъ изобрѣтатель; это было явленіе неслыханное, безпримѣрное въ исторіи. И какъ же поступилъ Луи Бланъ въ такомъ исключительномъ положеніи? Съ нимъ случилась страшная вещь. Онъ усомнился въ самомъ себѣ, онъ первый отказался отъ всякой вѣры въ свою систему. Онъ сталъ хитрить, затягивать время, дразнить народъ приманкой и прятать эту приманку, какъ скоро кто-нибудь подходилъ къ ней слишкомъ близко; кончилось тѣмъ,

что Франція, накануне готовая облечь Луи Блана диктаторскою властью, позвала его къ суду и подвергла изгнанію.

Это необычайное явленіе представляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ февральской революціи. Въ событіяхъ 1848 года Луи Бланъ играетъ важную роль. Такъ-называемому „люксамбургскому курсу“ Луи Блана, подготовившему столько кровавыхъ эпизодовъ, февральская революція обязана тѣмъ звѣрскимъ характеромъ, который она нѣсколько разъ пыталась принять. Страшная, безчеловѣчная бойня, обогрившая кровью парижскія улицы въ іюнѣ 1848 года, лежитъ, по уставу, на совѣсти Луи Блана. Въ этихъ событіяхъ—верховный, самую исторіей произнесенный приговоръ надъ авторомъ *Организаціи труда*. Это отвѣтъ на вопросъ, на сколько коммунистическая система Луи Блана была практически осуществима; насколько творецъ ея имѣетъ право на признательность человечества.

Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ подробное объясненіе причинъ, произведшихъ февральскую революцію. Довольно будетъ сказать, что переворотъ 1848 года былъ подготовленъ издаека, путемъ очень сложныхъ явленій, и что въ этомъ подготовительномъ процессѣ Луи Бланъ игралъ не послѣднюю роль. Его *Организація труда*, вмѣстѣ съ его газетными статьями, заронила въ умы рабочаго класса смутное, невзбродившееся понятіе о незаконности существующаго порядка и о какомъ-то новомъ, лучшемъ общественномъ строѣ; его *Исторія десяти лѣтъ* и *Исторія французской революціи*, о которыхъ мы скажемъ ниже, прочтенныя и изученныя наизусть, порождали въ обществѣ отчаянное недовольство настоящимъ, возбуждали въ немъ жажду политической новизны; пламенные, восторженныя рѣчи, разсѣяныя въ этихъ книгахъ, электризовали молодежь и превращали каждаго Парижанина въ революціонера. Смутное броженіе, овладѣвшее всѣми умами, питалось и поддерживалось въ то же время событіями политической жизни. Владычество буржуазіи, все болѣе и болѣе становившееся тягостнымъ для народа, мизерная политика правительства, непростительныя ошибки Гизо и Дюшателя, бюрократическіе скандалы, все чаще и чаще появлявшіеся въ послѣднее время, неловкая исторія съ Абдель-Кадеромъ, въ которой правительство уронило себя безполезнымъ вѣроломствомъ, — все это питало народное неудовольствіе и

подготавливало взрывъ. Многие симптомы предвѣщали уже неизбежный кризисъ. Возрастающее упорство парламентской оппозиціи, страстные, запальчивыя пренія при обсужденіи адреса, волненія рабочихъ въ большихъ мануфактурныхъ центрахъ страны, дѣятельность тайныхъ обществъ, покрывавшихъ сътыю всю Францію, зажигательныя проповѣди Мишеле, Кине и Мицкевича, шумные политическіе банкеты въ Парижѣ, вмѣстѣ съ репрессивными мѣрами противъ нихъ со стороны правительства, наконецъ, отчаянный языкъ, какимъ заговорили вдругъ парижскія газеты всѣхъ партій и отѣнковъ—всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы держать общество въ сильнѣйшемъ напряженіи, въ готовности къ самому рискованному предпріятію. Гроза носилась въ воздухѣ и ждала только перваго повода, чтобы разразиться огулительнымъ взрывомъ.

Поводъ этотъ не замедлилъ представиться. Извѣстясь, что либеральная партія назначила на 22-ое февраля колоссальный политическій банкетъ на площади Магдалины, министерство пришло на всѣхъ перекресткахъ плакарды, которыми строжайше воспрещало банкетъ, призывало парижскихъ гражданъ воздержаться отъ всякихъ манифестацій, и грозило употребить военную силу, если народъ станетъ толпаться на улицахъ.

Эти плакарды были искрой, брошенной въ приготовленную мину; взрывъ послѣдовалъ мгновенно.

Рано утромъ, 22-го февраля, густыя толпы народа высыпали на улицы и потянулись по направленію къ церкви Св. Магдалины, предъ которою долженъ былъ происходить банкетъ. Толпа стремилась туда съ самыми мирными намѣреніями. То не была революція; никто не былъ вооруженъ; женщины и дѣти толпились по улицамъ вмѣстѣ съ мужчинами. Народъ бѣжалъ къ мѣсту банкета, побуждаемый простымъ любопытствомъ. Всѣ знали, что на этотъ день была назначена торжественная манифестація, и что правительство запретило ее; всѣмъ хотѣлось посмотрѣть что изъ этого выйдетъ, и послушаются ли учредители предписанія министра. Но около полудня, дѣла начали принимать другой оборотъ. Передъ пятидесятитысячною толпой, собравшеюся со всѣхъ концовъ Парижа, выставили въ боевомъ порядкѣ войска; отданъ былъ приказъ уничтожить на площади всѣ приготовленія къ банкету и разогнать толпу. Пока народъ стоялъ еще

въ нервѣшимости, не зная, уступить ли ему военной силѣ или завязать съ нимъ отчаянную борьбу, неожиданно появилось на площади нѣсколько сотъ студентовъ, которые, распѣвая марсельезу, торжественно обошли два раза вокругъ церкви Св. Магдалины. Стройный видъ этой молодежи, знакомыя звуки революціонной пѣсни, могущественно подѣйствовали на толпу. Безотчетно, словно повинуясь вдохновенію, народъ заколыхался и двинулся впередъ. Безпрепятственно прошелъ онъ площадь Согласія; но тутъ, при входѣ на мостъ, муниципальная гвардія, скрестивъ штыки, загороживаетъ ему дорогу. Толпа колеблется, останавливается. Разказываютъ что какой-то молодой человѣкъ смѣло подходитъ къ солдатамъ, рветъ на себѣ одежду, и, ударя въ обнаженную грудь, говоритъ имъ: „стрѣляйте!“ Солдаты, смущенные, нервѣшительные, разступаются; народъ вступаетъ на мостъ и стремится далѣе, по направленію къ зданію парламента. Кремьё и Мари обращаются къ нему съ увѣщаніями и стараются остановить его; онъ ничего не слушаетъ и напираетъ впередъ. Тогда на встрѣчу волнующейся толпы былъ посланъ, на полныхъ рысяхъ, эскадронъ драгунъ. Начальникъ отряда, подскочивъ къ толпѣ и видя, что она безоружна, остановился въ недоумѣніи и скомандовалъ: „сабли въ ножны.“—„Да здравствуютъ драгуны!“ заревѣла, въ отвѣтъ на это, обрадованная толпа. Но драгуны, хотя со всевозможною осторожностью, принялись разгонять народъ; на помощь къ нимъ подоспѣла муниципальная гвардія. Толпа была тотчасъ рассѣяна; но смертельная рана, поразившая одного работника, и бездыханный трупъ убитой старухи, безжалостно брошенный на мостовой, произвели на народъ зловѣщее впечатлѣніе. Кровь была пролита, и толпа бѣжала, произнося крики мести и проклятія. Призывъ къ оружію провесся по всему Парижу; народъ разграбилъ одинъ оружейный магазинъ, разобралъ желѣзную рѣшетку передъ домомъ морскаго министерства и въ другихъ мѣстахъ. Въ улицѣ Севтъ-Оноре наскоро устроили баррикаду: опрокинули посреди дороги какой-то омнибусъ и загородили остальное пространство камнями, взятыми изъ разрытой мостовой. Взводъ кавалеріи, наткнувшійся на эту скороспѣную баррикаду, мигомъ разнесъ ее; омнибусъ подняли и увезли, мостовую поправили, народъ разогнали. Подобныя попытки, столь же мало успѣшныя, происходили и въ другихъ мѣстахъ. Народъ, не имѣя руководителей и чувствуя

себя безопаснымъ въ центральныхъ кварталахъ города, гдѣ укрѣпленныя казармы держали въ повиновеніи прямыя и широкія улицы, удобныя для дѣйствія регулярныхъ войскъ, — народъ сталъ удаляться въ отдаленныя части столицы, въ предмѣстья, обитаемыя по преимуществу ремесленными населеніемъ. Здѣсь, въ этихъ мрачныхъ кварталахъ, съ узкими и кривыми переулками, парижская чернь чувствовала себя какъ дома. Здѣсь ничтожная баррикада могла остановить цѣлый эскадронъ; здѣсь стоило только испортить въ нѣсколькихъ мѣстахъ мостовую, чтобы воспрепятствовать дѣйствію артиллеріи; здѣсь изъ каждаго окна, изъ каждаго отверстія въ домѣ, могли посыпаться пули и камни на защитниковъ короля и министерства.

Ночь уже наступила, когда парижская чернь окончила постройку баррикадъ въ отдаленныхъ кварталахъ столицы. Судьба монархіи зависѣла уже отъ слѣдующаго дня.

Правительство воспользовалось ночнымъ перемиріемъ, чтобы укрѣпить свои силы. Значительные отряды привезены были отовсюду по желѣзнымъ дорогамъ; на всѣхъ площадяхъ построены были батареи; войска, въ полномъ вооруженіи, расположены были на бивуакахъ посреди улицъ; передъ дворцомъ стоялъ сильный караулъ; въ городѣ произведены были многочисленныя аресты. Правительство чувствовало свою силу и съ увѣренностью ожидало завтрашняго дня.

Этотъ день наконецъ наступилъ. Съ утра, многочисленныя толпы народа хлынули съ окраинъ города на улицы и площади, занятыя войсками. Странно было видѣть эту нестройную толпу, изъ которой лишь немногіе имѣли кое-какое оружіе, отважно вызывавшую на бой могущественную военную силу, чувствовавшую себя почти въ безопасности подъ прикрытіемъ цѣлаго ряда батарей. Въ правительственныхъ кружкахъ никто не сомнѣвался во исходѣ борьбы; всѣ были спокойны, и король спокойнѣе всѣхъ. Скоро, однакожь, въ положеніи дѣлъ произошла опасная перемена. Национальная гвардія, призванная къ оружію на помощь линейнымъ войскамъ, отвѣчала на этотъ призывъ криками: „да здравствуетъ реформа! долой Гизо!“ Войска были смущены этими восклицаніями. Они привыкли, при подавленіи народныхъ волненій, дѣйствовать заодно съ національною гвардіей: теперь, въ первый разъ, они видѣли своихъ воегдшнихъ

союзниковъ на сторонѣ враговъ. Опасное сомнѣніе зародилось въ умахъ солдатъ; они приняли инстинктивное, но твердое рѣшеніе щадить народъ и дѣйствовать примирительно. „Не стрѣляйте, не предваривъ насъ“, говорила парижская червь солдатамъ.—„Будьте спокойны, намъ не дано приказа стрѣлять“, отвѣчали солдаты. Между войсками и народомъ установился родъ инстинктивной сдѣлки; войска стояли неподвижно на назначенныхъ имъ постахъ, народъ также спокойно занялъ свои баррикады.

Между тѣмъ, министерство, которое съ самаго начала безпорядковъ чувствовало себя въ неловкомъ положеніи, предвидя что оно можетъ послужить поводомъ къ отчаянному кровопролитію, рѣшилось наконецъ просить объ отставкѣ. Король далъ свое согласіе.

Скоро послѣ полудня, вѣсть объ отставкѣ Гизо съ быстротою молніи распространилась по всему Парижу. Городъ мгновенно принялъ иной видъ. Непріязненные дѣйствія всюду прекратились. Шумныя, радостныя толпы народа волевались взадъ и впередъ по улицамъ; знакомые и незнакомые привѣтствовали другъ друга; объятіямъ, поцѣлуямъ не было числа. Передъ вечеромъ, городъ освѣтился бластательною иллюминаціей; къ девяти часамъ, ни одного темнаго окна не оставалось въ Парижѣ. Лукующая толпа стремилась по широкимъ бульварамъ, подъ звуки марсельбѣзы, среди радостныхъ восклицаній. Она направлялась къ зданію павшаго министерства, съ намѣреніемъ, повидимому, произвести подъ его окнами какую-нибудь демонстрацію. Отрядъ изъ пятидесяти человекъ, съ заряженными ружьями, охранялъ подъѣздъ министерства; онъ оставался спокойнымъ въ виду стотысячной толпы, приливавшей отовсюду. Народъ не обнаруживалъ никакихъ враждебныхъ намѣреній; по временамъ, какой-нибудь голосъ изъ толпы глухо произносилъ имя Гизо, сопровождая его проклятіями; но эти отдѣльные восклицанія терлись въ гулъ радостныхъ криковъ и веселыхъ шутокъ, до которыхъ Французы такіе охотники. Вдругъ, среди этой лукующей толпы, раздался выстрѣлъ.... Мгновенное оцѣпенѣніе охватило всѣхъ. Никто не зналъ, никто не знаетъ до сихъ поръ, кто былъ виновникомъ этого несчастнаго выстрѣла; говорятъ, что онъ былъ дѣломъ одного закоренѣлаго республиканца, Лагранжа, который хотѣлъ вызвать кровопролитіе и уничтожить согласіе,

установившееся между правительствомъ и народомъ. Какъ бы то ни было, послѣдствія этого выстрѣла были прискорбны. Отрядъ, охранявшій зданіе министерства, принявъ его за сигналъ народной атаки. Повинуясь инстинктивному чувству самосохраненія, не слушая команды начальника, солдаты прицѣлываются. Проходитъ одно мучительное мгновеніе, и пятьдесятъ пуль врѣзаются въ сплошную массу народа... Когда дымъ разсѣялся, пятьдесятъ труповъ, поверженныхъ въ предсмертныя судорги, представились взорамъ изумленной, оцѣпенѣвшей толпы *. „Измѣна! предательство!“ крикнули стоявшіе впереди. „Къ оружію! на баррикады!“ подхватили остальные. Черезъ нѣсколько минутъ, передъ домомъ министерства было уже пусто. Толпа бѣжала, разнося по всему Парижу зловѣщіе клики: „къ оружію! смерть убійцамъ!“ Городъ встаетъ на ноги. Топоръ и заступъ стучать во всѣхъ направленіяхъ; баррикады съ неимоверною быстротою возникаютъ на самыхъ близкихъ разстояніяхъ. Тревожное ожиданіе волнуетъ всѣхъ; всѣ ждутъ чего-то страшнаго, чего-то рѣшительнаго. Ужь за полночь. По направленію къ площади Бастиліи подвигается странная процессія. Нѣсколько тѣлѣвъ, окруженныхъ густою толпой, медленно катятся по улицѣ. Эти тѣлѣвы наполнены трупами; мужчины и женщины перемѣшаны здѣсь въ какой-то чудовищной симметріи. На передней повозкѣ молодой человекъ освѣщаетъ факеломъ бездыханное тѣло молодой женщины, шея и грудь которой покрыты запекшеюся кровью. Кто-то сзади поддерживаетъ этотъ трупъ, какъ бы показывая его толпѣ, и по временамъ глухо вскрикиваетъ: „мщеніе! мщеніе! братья, свѣщите отмстить убійцамъ!“ Толпа, объятая ужасомъ, тѣснится около окровавленныхъ тѣлѣвъ. Мрачная процессія, поровнявшись съ зданіемъ, гдѣ помѣщалась редакція газеты *National*, останавливается. Одинъ изъ членовъ редакціи, Гарнье-Пажесъ, показывается у открытаго окна и старается успокоить толпу словами. Ему отвѣчаютъ криками: „мщеніе!“ Затѣмъ пр процессія, въ такомъ же порядкѣ, останавливается передъ конторой газеты *La Réforme*.

* По другимъ извѣстіямъ, отрядъ, охранявшій зданіе министерства, состоялъ изъ двухъ-сотъ человекъ, и число убитыхъ въ народѣ было многимъ больше пятидесяти. Наши цифры заимствованы у Рохау (*Geschichte Frankreichs seit 1814 bis 1852*), какъ у самаго хладнокровнаго и безпристрастнаго очевидца событій.

Усотрудниковъ этого демократическаго журнала она надѣется найти болѣе сочувствія. Но редакторъ, Луи Бланъ, не рискуетъ показаться толпѣ; изъ сотрудииковъ одни были арестованы въ прошлую ночь, другіе были заняты приготовленіемъ завтрашняго нумера, третьихъ не было дома. Послѣ непродолжительной остановки, толпа подвигается впередъ и вступаетъ на площадь Бастиліи. Здѣсь, у подножія колонны, воздвигнутой въ память іюльской революціи, она слагаетъ своихъ мертвецовъ и расходится въ различныхъ направленіяхъ.

Приближался послѣдній актъ революціонной драмы. Утреннее солнце освѣтило ряды баррикадъ, усѣянныхъ вооруженнымъ народомъ. Толпы работниковъ продолжаютъ возводить новыя укрѣпленія, придвигая ихъ со всѣхъ сторонъ къ Тюльерійскому дворцу. Работы производятся съ такою правильностью, что можно разчитать, черезъ сколько часовъ между дворцомъ и баррикадами не останется пустаго пространства. На стѣнахъ домовъ появляется прокламація празительства, возвышающая, что король запретилъ войскамъ стрѣлять въ народъ, и поручилъ Тьеру и Одилону Барро составить новое министерство. Барро появляется передъ толпою и убѣждаетъ ее разойтись; толпа его не слушаетъ и стремится въ Пале-Рояль, оставленный безъ защиты. Ворвавшись въ великолѣпныя залы дворца, чернь бьетъ и ломаетъ все что попадаетъ ей подъ руку. Драгоцѣнныя произведенія искусствъ, которыми было украшено это великолѣпное зданіе, гибнутъ жертвою яростной толпы. Король, извѣщенный о событіяхъ дня, пытается овладѣть довѣріемъ войскъ; онъ выѣзжаетъ къ нимъ на Карусельную площадь: они встрѣчаютъ его холодно, а изъ рядовъ національной гвардіи вылетаютъ крики: „за здравствуетъ реформа“! Смущенный, озабоченный, возвращается Луи-Филиппъ къ своему семейству. Тамъ царствуетъ дерзшительность, отчаяніе. Прицѣпы крови, министры, генералы, перешептываются между собою, не зная что предпринять. Тьеръ молча подаетъ королю прошеніе объ отставкѣ; король назначаетъ на его мѣсто Одилона Барро. Вдругъ дверь отворяется, и входитъ Эмиль Жирарденъ, главный редакторъ газеты *Presse*. Лицо его блѣдно, встревожено.

— Что скажете? обратился къ нему король.

— Нельзя терять ни минуты, ваше величество, отвѣчалъ Жирарденъ.—Если не будутъ приняты тотчасъ же рѣшительныя мѣры, все погибнетъ, и король, и монархія.

Всѣобщее оцѣпенѣніе служитъ отвѣтомъ на слова Эмиля де-Жирардена. Послѣдній, замѣтивъ возгъ короля редактора газеты *Constitutionnel* и указывая на него, прибавляетъ:

— Спросите г. Меррию, какъ безуспѣшна осталась прокламація о новомъ министерствѣ.

Всѣ молчатъ.

— Чтò же намъ дѣлать? спрашиваетъ наконецъ король.

— Отречься, государь, отвѣчаетъ Жирарденъ.

— Отречься? машинально переспросилъ король.

Всѣобщее молчаніе продолжается.

— Лучше намъ умереть здѣсь! съ отчаяніемъ въ голосѣ восклицаетъ король.

Черезъ нѣсколько минутъ король подписалъ отреченіе...

Но этимъ съ революціей не было еще покончено. Король отрекаясь отъ престола, завѣщалъ его своему внуку, малолѣтнему графу Парижскому; народъ, межау тѣмъ, хотѣлъ республики. Завязалась борьба между республиканскою и роялистскою партіями; и той, и другой приходилось, сверхъ того, бороться съ партіей террора, изъ среды которой раздавались злобшіе крики: „смерть Гизо! смерть Луи-Филиппу!“

Послѣ короткой, но упорной борьбы республиканская партія одержала верхъ. Составилось временное правительство изъ лицъ, пользовавшихся наибольшою популярностью въ народѣ. То были, по большей части, журналисты, сотрудники *la Reforme* и *National*. Въ числѣ ихъ находилась и Луи Бланъ, который съ этого времени выдвигается на первый планъ въ новорожденной республикѣ.

Ему пришлось почти съ бою занять свое мѣсто въ рядахъ временнаго правительства. Ламартинъ и другіе члены этого правительства относились къ нему недоброжелательно и страшились его радикальныхъ идей: но Луи Бланъ мало обращалъ на то вниманія. Вечеромъ 24-го февраля, когда Ледрю-Ролленъ, Дюпонъ (Dupont de l'Еure), Араго, Гарнье-Пажесъ, Кремьё, Марра, Ламартинъ и другіе собрались вмѣстѣ, чтобъ обсудить положеніе дѣлъ и согласиться о самыхъ безотлагательныхъ мѣрахъ, двери отворились, и въ залу вошли Луи Бланъ и Флоконъ. Между министрами послышался ропотъ. „Чтò имъ надо?“ спрашивали они другъ друга въ полголоса.

— Ну, господа, откроемъ совѣщаніе, спокойно произнесъ Луи Бланъ, садясь за столъ.

Араго насмѣшливо осмотрѣлъ его съ головы до ногъ.

— Конечно, возразилъ онъ, мы откроемъ совѣщаніе, но не раньше, какъ когда вы выйдете отсюда.

Луи Бланъ вспыхнулъ. Между нимъ и министрами завязался крупный разговоръ, который могъ бы окончиться ссорой, еслибы Ламартинъ не послѣдовалъ выступить примирителемъ. Рѣшено было, что Луи Бланъ, Флоконъ и Марра раздѣляютъ труды временнаго правительства въ качествѣ секретарей. Луи Бланъ, повидимому, готовъ былъ довольствоваться этою скромною ролью; но первый же шагъ его на новомъ поприщѣ заставилъ всѣхъ подозрѣвать, что въ головѣ его тѣснились честолюбивые замыслы. Луи Бланъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы въ члены временнаго правительства былъ принятъ Альберъ простой ремесленникъ, личность темная, ограниченная, но заслужившая вниманіе толпы храбростью на баррикадахъ. Это предложеніе было со стороны Луи Блана дѣломъ чистаго разчета. Введя Альбера въ среду правительства, онъ, вопервыхъ, выигрывалъ чрезвычайно много въ глазахъ рабочаго населенія столицы; вовторыхъ, въ самомъ Альберѣ онъ пріобрѣталъ драгоцѣннаго союзника, который не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Луи Блана, и при помощи котораго нашъ публицистъ надѣялся скрѣпить свою связь съ парижскимъ пролетаріатомъ.

Республиканское министерство составилось изъ слѣдующихъ лицъ:

Дюпонъ (de l'Encre), безъ портфеля, назначенъ былъ президентомъ.

Ламартинъ получилъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ.

Араго—морскаго министерства.

Ледрю-Ролленъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Кремьё—министромъ юстиціи.

Карно—министромъ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій.

Мари—министромъ публичныхъ работъ.

Бетманъ—министромъ торговли.

Сюберви—военнымъ министромъ.

Гарнье-Пажесъ—парижскимъ меромъ.

Лагранжъ—начальникомъ національной гвардіи.

Генералъ Казеньякъ—губернаторомъ Алжира.

Генералъ Ламорисьеръ—главнокомандующимъ войсками на восточной границѣ.

Луи Бланъ, Флоконъ и Марра—секретарями правительства.

Альберъ не получилъ никакого опредѣленнаго назначенія. Управление полицейскимъ и почтовымъ вѣдомствами самовольно захватили въ свои руки Коссидьеръ и Этьенъ Араго. Временное правительство не оспаривало у нихъ этого захвата, такъ какъ оба оказались людьми дѣльными. Араго въ особенности возбудилъ всеобщій энтузіазмъ: онъ объявилъ, что вечеромъ 24 февраля почтовое сообщеніе будетъ совершаться обычнымъ порядкомъ, и сдержалъ свое слово, хотя мальпостамъ пришлось для этого перескочить болѣе двухсотъ баррикадъ.

Среди названныхъ нами лицъ, принявшихъ въ свои руки управленіе Франціей, положеніе Луи Блана было довольно изолировано. Правда, нѣкоторые изъ нихъ находились съ нимъ въ близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ; таковы были Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Коссидьеръ, принадлежавшіе къ редакціи газеты *La Réforme*, которую скорѣе можно было назвать организованнымъ тайнымъ обществомъ чѣмъ литературною ассоціаціей. Но самые вліятельные члены правительства, Ламартинъ, Дюпонъ, Мари, Араго, боялись въ одинаковой степени и соціалистическихъ идей, и честолюбивыхъ замысловъ Луи Блана. Гарнье-Пажесъ, какъ сотрудникъ *National*, постоянно конкурировавшаго съ газетою *La Réforme*, также недоброжелательно относился къ Луи Блану. Опасѣе всѣхъ былъ для нашего публициста Ламартинъ, человекъ съ громадными дарованіями, энтузіазтъ по природѣ и по расчету, пылкій, честолюбивый, отважный, стремившійся къ всемірной славѣ и не допускавшій соперниковъ. Ламартинъ и Луи Бланъ сразу разгадали другъ друга, сразу поняли, что они стоятъ на одной дорогѣ и стремятся къ одной и той же цѣли. Между ними возгорѣлась вражда, сначала затаенная, потомъ явная, за которую дорого поплатилась Франція. И тотъ, и другой искали кругомъ себя опоры для своего честолюбія. Ламартинъ, аристократъ по рожденію и по воспитанію, искалъ для себя авторитета законности, старался дѣйствовать путемъ самой строгой легальности. Не раздражая черни, онъ силлся защитить интересы достаточныхъ классовъ, надѣясь стать со временемъ подъ ихъ покровительство. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался приобрѣсть расположеніе иностранныхъ дворовъ, въ особенности императора Николая, дѣлая видъ, будто онъ

одна въ всей Франціи противостоятъ анархическимъ стремленіемъ революціонеровъ. Луи Бланъ, демократъ и радикалъ, старался, напротивъ того, найдти себѣ опору въ самомъ многочисленномъ, буйномъ и неуговорномъ классѣ народа,—въ на- рѣжекомъ пролетаріатѣ. Пользуясь безграничною популярностью у столичной черни, которая прежде довѣряла только однимъ журналистамъ, а теперь стала довѣрять одному Луи Блану, нашъ публицистъ рѣшился быть демагогомъ. Онъ въ одно и то же время и ласкалъ чернь, чтобы сдѣлать ее своимъ орудіемъ, и дѣйствовалъ въ ея пользу въ совѣтѣ министровъ, чтобы дать этому орудію достаточную силу. Еще вечеромъ 24 февраля, за нѣсколько минутъ до печальнаго появленія своего въ залѣ засѣданій. Луи Бланъ говорилъ восторженную рѣчь къ толпѣ, собравшейся въ Ратушѣ, поздравлялъ ее съ совершившимся переворотомъ и ловко намекнулъ на то, что теперь надо требовать осуществленія „организациіи труда.“ Чернь рукоплескала оратору и заявляла о своей рѣшительной склонности къ коммунистическому порядку.

Намеки Луи Блана не пропали даромъ. На третій день послѣ переворота, когда временное правительство, въ полномъ своемъ составѣ, засѣдало въ Ратушѣ, въ залу неожиданно вошелъ молодой ремесленникъ, Маршъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Нѣсколько блузниковъ, также вооруженныхъ, слѣдовали за нимъ. Маршъ сѣло подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли министры, и объяснилъ, что народъ упомо- мичилъ его требовать отъ правительства, чтобы оно тотчасъ же признало и декретировало *право труда*. Подъ этимъ стран- нымъ терминомъ парижская чернь разумѣла такое дѣйствіе правительства, которымъ обезпечивалось бы матеріально для каждаго работника „существованіе своимъ трудомъ“; дру- гими словами, народъ возлагалъ на правительство обязан- ность дать ему работу и платить жалованье. Маршъ при- бавлялъ, что народъ не разоидется, пока правительство не исполнитъ его требованія. Министры растерялись. Ламар- тинъ пытался подѣйствовать на Марша убѣжденіемъ, но едва только началъ онъ говорить, какъ тотъ прервалъ его прощескимъ восклицаніемъ: „не надо такихъ фразъ, не надо; народъ не хочетъ поэзіи; онъ приказываетъ вамъ тотчасъ же утвердить право труда.“ Ламартинъ, раздражен- ный до неслышанна, гордо отвѣчалъ ему: „мои товарищи сдѣла- ютъ все что сочтутъ полезнымъ; что до меня, то пусть

грозятъ мнѣ тысячью смертей, я никогда не подпишу декрета, котораго я не могу даже помять." Но въ то время какъ Ламартина съ уполномоченнымъ отъ парижскаго пролетаріата, Луи Бланъ, уединившись въ амбразуру окна, выводилъ на листъ бумаги слѣдующія строки:

„Временное правительство Французской республики обязывается обезпечить для каждаго работника существованіе своимъ трудомъ.

„Оно обязывается дать работу всѣмъ гражданамъ.

„Оно признаетъ, что работники должны вступить между собою въ ассоціацію, для пользованія законнымъ вознагражденіемъ за труды.

„Временное правительство даетъ работникамъ миллионъ франковъ.“

Министры подписали этотъ декретъ, который тотчасъ же появился въ *Монитеръ* и возстановилъ въ некоторое спокойствіе между рабочими классами.

Къ несчастію, это минутное спокойствіе было приготовленіемъ къ новой бурѣ, долженствовавшей исподоволь, мало-помалу, потрясти всю Францію и повергнуть ее на край гибели.

Первый рѣшительный симптомъ этой бури обнаружился на другой же день, 27 февраля. Вечеромъ этого числа, сорокъ ремесленниковъ представились правительству съ прошеніемъ отъ парижскаго пролетаріата. Этимъ прошеніемъ требовалось, чтобы Луи Блану былъ данъ портфель „министерства прогресса“, задачей котораго было бы водвореніе въ государствѣ новаго соціальнаго порядка. Сообщивъ правительству это странное требованіе, ремесленники удалились, прибавляя, что завтра утромъ народъ придетъ за отвѣтомъ. Замѣшательство овладѣло правительствомъ; между членами его завязались жаркія пренія. Луи Бланъ настойчиво требовалъ, чтобы прошеніе ремесленниковъ было немедленно приведено въ исполненіе. Ламартинъ такъ же настойчиво возражалъ ему. Вскорѣ всѣ члены правительства оказались на сторонѣ Ламартина; даже Ледрю-Роменъ и Флокомъ, обыкновенно державшіе сторону Луи Блана, на этотъ разъ высказались противъ него. Всѣ были раздражены притязаніями молодаго публициста, очевиднымъ образомъ стремившагося къ диктатурѣ.

Но Луи Бланъ рѣшился не уступать ни шагу. Видя себя

всѣми оставленнымъ, онъ прибѣгнулъ къ отчаянной мѣрѣ. Зная, что чернь стоитъ за него, что она довѣряетъ только ему одному, онъ объявилъ, что выходитъ въ отставку. Правительство, запуганное этою угрозою, исполненіе которой повлекло бы за собою потоки крови, пошло на сдѣлку. Рѣшено было, по предложенію Гарнье-Пажеса, составить изъ парижскихъ ремесленниковъ особую комиссію, которая за-сѣдала бы подъ предсѣдательствомъ Луи Блана въ залахъ Люксембургскаго дворца, и задачей которой было бы устройство участи рабочаго класса. Послѣ долгихъ споровъ и колебаній, Луи Бланъ согласился на предложеніе правительства.

Таково было происхожденіе „люксембургскихъ конференцій“, долгое время служившихъ очагомъ всѣхъ бѣзпорядковъ, волновавшихъ Францію 1848 года.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что масса французскихъ писателей, воспитанныхъ на событіяхъ 1848 года, приложила свое стараніе, чтобъ оправдать Луи Блана отъ возводимыхъ на него обвиненій. Въ произведеніяхъ этихъ писателей, Луи Бланъ является идеальнo-честнымъ, безкорыстнымъ холматемъ за народныя интересы; его дѣятельность объясняется самыми благородными побужденіями гуманной, великодушной природы; ему приписывается безпредѣльная, безграничная любовь къ народу, къ меньшей братіи, идеальнo-возвышенное стремленіе улучшить ея страдальческую участь. Мы не отрицаемъ возможности честныхъ стремленій въ Луи Бланъ; мы не отрицаемъ, что въ душѣ его могла существовать пламенная любовь къ народу, возвышенное желаніе улучшить его участь; но нельзя не согласиться, по крайней мѣрѣ, что всѣ эти качества стояли у Луи Блана на второмъ планѣ. На первомъ стояло честолюбіе, безграничное, всепожирающее честолюбіе. По нашему возрѣвію, Луи Бланъ, прежде всего, представляется безпокойнымъ агитаторомъ, опаснымъ честолюбцемъ, а извѣстно, что даже маленькое честолюбіе заключаетъ въ себѣ зародышъ громаднаго эгоизма. Для своихъ плановъ и замысловъ, источникъ которыхъ заключался въ этомъ ненасытномъ честолюбіи, Луи Бланъ готовъ былъ привести въ жертву самыя священныя интересы Франціи. Нѣсколько разъ, во время своего люксембургскаго курса, дерзко ставилъ онъ на карту судьбу государства, нѣсколько разъ готовъ онъ былъ выбросить на правительство сотни-сачныя топы пролетаріевъ, возжечь междуусобную борьбу,

затопить въ крови отечество, и все это только для того, чтобы поддержать этими отчаянными мѣрами свою непризнанную диктатуру! Не можетъ быть никакого сомнѣнiя, что „министерство прогресса“ было собственнымъ изобрѣтенiемъ Луи Блана. Возможно ли предположить, чтобы такая странная и туманная мысль могла придти въ голову черни? Луи Бланъ, конечно, имѣлъ дѣятельныя сношенiя съ рабочимъ населенiемъ Парижа: посредникомъ служилъ Альберъ. Подозрѣнiе наше подкрѣпляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Альберъ былъ механикъ, а сорокъ ремесленниковъ, представившихъ требованiе объ учрежденiи министерства прогресса, были также механики; очевидно, что Луи Бланъ передалъ свою мысль Альберу, а тотъ сообщалъ ее своимъ товарищамъ по ремеслу. Извѣстно, кромѣ того, что Луи Бланъ сильно укорялъ ремесленниковъ за то, что они такъ скоро согласились на превращенiе министерства прогресса въ люксамбургскiя конференци.

Надо сознаться, что роль, созданная временнымъ правительствомъ для Луи Блана въ такъ-называемыхъ люксамбургскихъ конференцiяхъ, была въ высшей степени комическая. Мы не знаемъ, много ли хорошаго сдѣлалъ бы Луи Бланъ, еслибы ему дали портфель министерства прогресса, но несомнѣнно, что въ должности президента ремесленной комисси онъ не могъ сдѣлать ровно ничего. Онъ желалъ дѣйствовать, а ему предлагали говорить. Это было похоже на прокъ. „Меня призываютъ голодные люди, чтобы я накормилъ ихъ, а вы предлагаете мнѣ читать имъ лекци о голодѣ“, говорилъ Луи Бланъ министрамъ, и въ этомъ случаѣ онъ былъ правъ. Правительство поставило Луи Блана въ ложное и неовкое положенiе; оно не думало скрывать, что люксамбургскiя конференци не что иное, какъ комедiя, которою хотѣли развлечь и занять парижскую чернь, пока не придумають для нея чего-нибудь болѣе существаемаго. Поручивъ Луи Блану многотрудную задачу организацiи новаго промышленнаго порядка, временное правительство не дало ему никакихъ средствъ для совершенiя этого подвига; оно не только не дало ему возможности самому приводить въ исполненiе какiя-либо мѣры, но отказалось даже наблюдать, чтобы его декреты имѣли силу закона. Такимъ образомъ, Луи Бланъ, облеченный какою-то выдуманною для него, фантастическою должностью, былъ поставленъ въ самое ложное

положеніе. Нельзя было ожидать, чтобъ онъ согласился долго играть комедію, въ которой самъ онъ былъ лицомъ высокаго комизма; надо было, чтобъ онъ нашелъ выходъ изъ этой неестественной комбинаціи. Этимъ объясняются ближайшія причины побудившія Луи Блана окончательно связать свою участь съ участью пролетаріата и внушившія ему мысль дѣйствовать на правительство, пугая его могуществомъ черни.

Человѣкъ стремящійся къ власти долженъ имѣть какую-нибудь цѣль; какую же цѣль задавалъ себѣ Луи Бланъ? Осуществить организацію труда? Но онъ самъ торжественно признавалъ, что считаетъ невозможнымъ практическое осуществленіе своей системы; онъ зналъ, что какую бы неограниченною диктатурой ни облачь его, онъ не создастъ во Франціи организаціи труда. На второй или на третій день послѣ февральскаго переворота, когда одинъ работникъ (можетъ-быть тотъ самый Маршъ, о которомъ упомянуто было выше), явился къ правительству съ настойчивымъ требованіемъ организаціи труда, Луи Бланъ отвелъ его въ сторону и посадилъ къ столу. „Возьмите перо, и сообщите намъ ваши мысли по этому предмету“, пригласилъ онъ его. „Я не умѣю писать“, отвѣчалъ работникъ. „Ну, такъ я буду вашимъ секретаремъ; диктуйте мнѣ.“ Работникъ продиктовалъ слова „организація труда“, и остановился; сколько ни ждалъ Луи Бланъ, тотъ не могъ прибавить ни слова. „Ну то-то же, наставительно замѣтилъ ему Луи Бланъ, вы видите, что организація труда вовсе не такая простая вещь, какъ вы думали.“ Этотъ аргументъ подѣйствовалъ на работника и заставилъ его отказаться отъ своего требованія. Но очевидно, что работникъ, могъ бы въ свою очередь поднять на смѣхъ Луи Блана и обратить урокъ противъ самого учителя. Вѣдь работникъ не сочинялъ „организаціи труда“, даже не читалъ этой брошюры; онъ знаетъ только, что Луи Бланъ, авторъ книги, въ которой предлагается придуманное имъ средство противъ всѣхъ недуговъ современнаго общественнаго порядка. Безграмотный блузникъ вовсе не обязанъ составлять собственныхъ проектовъ объ общественной организаціи; за этимъ онъ обращается къ Луи Блану, учителю народа. Онъ даже не требуетъ отъ него чего-нибудь новаго; онъ проситъ только того что уже придумано Луи Бланомъ дѣлать дѣть назадъ. Но Луи Бланъ признается, что его организація труда не осуществима... Въ такомъ случаѣ, чего же онъ хочетъ, къ чему стремится? Чего ради придумываетъ

онъ это фантастическое „министерство прогресса“, угрожающее Франціи новою революціей? Для чего принимаетъ онъ назначеніе предсѣдателя на люксамбургскихъ конференціяхъ, когда онъ знаетъ, что эти конференціи—чистѣйшая комедія? Для чего, наконецъ, стремится онъ къ власти, добивается диктатуры, интригуетъ, агитируетъ, когда онъ знаетъ, что передъ нимъ нѣтъ никакой практической цѣли, никакой задачи, никакого плана? Для чего распаляетъ онъ народныя страсти, волнуетъ чернь, пускается въ отчаянныя манифестаціи, во время которыхъ одинъ нечаянный жестъ, одно неосторожное слово, могутъ вызвать страшное кровопролитіе? Для чего держитъ онъ въ напряженіи, въ мучительномъ страхѣ, всѣхъ и cadaго? Неужели для того только, чтобъ этими безчестными средствами потрясти авторитетъ правительства, къ которому онъ самъ принадлежитъ, и потѣшить собственное властолюбіе?

Первое марта назначено было днемъ открытія люксамбургскихъ конференцій. Декретъ временнаго правительства, извѣщавшій объ этой мѣрѣ, былъ оставленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Принимая во вниманіе, что революція, совершенная народомъ, должна служить для народа же; что пора положить пределъ долгимъ и несправедливымъ страданіямъ работниковъ; что вопросъ о трудѣ есть вопросъ величайшей важности; что даже нѣтъ вопроса болѣе высокаго, болѣе достойнаго заботъ республиканскаго правительства; что преимущественно Франція предназначено ревностно изучить и рѣшить проблему, намѣченную нынѣ всѣми промышленными народами Европы; что надо, безъ малѣйшаго замедленія, стремиться обезпечить народу плоды его труда,

„Временное правительство республики опредѣляетъ:

„Постоянная комиссія, подъ названіемъ: „Правительственная комиссія для рабочихъ“, учреждена будетъ съ точнымъ назначеніемъ заняться участію работниковъ.

„Чтобы показать, какую важность придаетъ этой великой проблемѣ правительство республики, оно назначаетъ президентомъ комиссіи одного изъ своихъ членовъ, Луи Блана, а вице-президентомъ другаго своего члена, ремесленника Альбера.

„Работники будутъ призваны къ участію въ комиссіи. Засѣданія комиссіи будутъ происходить въ Люксамбургѣ.

дворецъ. Подписали: Луи Бланъ, Арманъ Марра, Гарнье-Пажесъ.“

Люксамбургскій дворецъ, построенный въ XVII вѣкѣ для Маріи Медичи и украшенный великолѣпными произведеніями италіянскаго искусства, служилъ во времена июльской монархіи палатою перовъ. Теперь, въ залахъ его, совершилась поражающая метаморфоза. Въ роскошныхъ покояхъ его, привыкшихъ видѣть въ своихъ стѣнахъ цвѣтъ французской аристократіи, тѣснилась парижская чернь; въ старинныхъ креслахъ, къ которымъ, можетъ-быть, не безъ нѣкотораго благоговѣнія подходили французскіе перы, теперь, небрежно развалившись, сидѣли блазники Сентъ-Антуанскаго предместья.

Со дня открытія люксамбургскихъ конференцій, для Луи Блана наступаетъ періодъ постоянныхъ, иногда жестокихъ, неудачъ. Уже самый характеръ этихъ конференцій служилъ для Луи Блана источникомъ сильныхъ непріятностей. Безъ всякихъ средствъ къ дѣятельности, съ однимъ юмористическимъ полномочіемъ развлекать чернь разказами, Луи Бланъ скоро дошелъ до печальнаго сознанія, что ораторскій матеріалъ его съ каждымъ днемъ быстро истощается. Онъ долженъ былъ говорить ежедневно, говорить все объ одномъ и томъ же предметѣ,—а какая же изобрѣтательность, хотя бы самая необыкновенная, въ силахъ овладеть съ такою задачей? Въ первые дни, Луи Бланъ могъ излагать, съ нѣкоторыми подробностями и варіаціями, свою книгу объ „организациіи труда“; затѣмъ, истощивъ этотъ матеріалъ, онъ принялся разказывать своимъ слушателямъ нѣкоторые драматическіе эпизоды изъ февральскихъ событій. При удобномъ случаѣ, онъ подмѣшивалъ къ этимъ разказамъ выдержки изъ своей *Истории десяти лѣтъ*. Луи Блана слушали съ восторгомъ, съ увлеченіемъ; ему аплодировали, онъ становился героемъ многочисленныхъ овацій. Онъ говорилъ, дѣйствительно, хорошо, краснорѣчиво, выразительно, эффектно. Но что дѣлать, когда истощится и этотъ нероскошный матеріалъ и говорить будетъ не о чемъ?

Къ непріятностямъ этого роковаго вопроса присоединялись еще и другія. Временное правительство, предоставивъ Луи Блану полную свободу говорить, твердо, повидимому, рѣшилось не допускать его ни къ какой практической дѣятельности. По крайней мѣрѣ, оно и не думало приводить въ исполненіе декретовъ, которые, на первыхъ порахъ, пытался

издавать Луи Бланъ. На первой конференціи въ Люксамбургѣ работники жаловались Луи Блану, что фабриканты заставляютъ ихъ слишкомъ долго работать, и что второстепенные антрепренеры, служащіе посредниками между мастеровыми и главными содержателями заведеній, будучи лицами совершенно излишними, эксплуатируютъ однакожь работниковъ, безъ всякой выгоды для капиталистовъ. Луи Бланъ, принявъ къ свѣдѣнію эти жалобы, издалъ два декрета, изъ которыхъ одинъ уменьшалъ число рабочихъ часовъ въ сутки, а другой воспрещалъ эксплуатацію ремесленниковъ посредствомъ второстепенныхъ антрепренеровъ. Оба эти декрета остались безъ исполненія, а въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ центрахъ они породили только безпорядки. Тогда Луи Бланъ издалъ третій декретъ, которымъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи, учреждались двѣнадцать статистическихъ комитетовъ для составленія сравнительныхъ таблицъ спроса и предложенія; но и это распоряженіе осталось безъ всякаго исполненія. Раздраженный этими неудачами, Луи Бланъ сдѣлалъ наконецъ послѣднюю попытку къ практической дѣятельности: онъ составилъ особый комитетъ изъ лицъ, пользовавшихся его довѣріемъ, для составленія новаго промышленнаго устава. Комитетъ этотъ трудился съ большимъ усердіемъ, и вскорѣ представилъ Луи Блану проектъ устава. Но этого проекта, не знаемъ почему, Луи Бланъ не рѣшился никому показать.

Единственнымъ экономическимъ предпріятіемъ Луи Блана, которое увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ, была, основанная на принципѣ промышленныхъ товариществъ, организація портняжныхъ и сѣдельныхъ мастерскихъ, выполненная при участіи государства. При помощи промышленныхъ товариществъ, нѣсколько человекъ, соединившихся для какого-нибудь промышленнаго предпріятія, сносятъ въ общую кассу свои скромные капиталы, и полученную сумму затрачиваютъ на предпринятую промышленную операцію. Этимъ путемъ они устраняютъ посредство капиталиста-предпринимателя, и раздѣляютъ между собою ту часть выгодъ, которая иначе пошла бы на вознагражденіе капиталиста. Само собою разумѣется, такой промышленный порядокъ можетъ прилагаться только къ весьма ограниченному числу предпріятій. Ассоціаціи, устроенныя Луи Бланомъ, не могли существовать безъ помощи государства. Луи Бланъ долженъ былъ испросить у правительства

ссуду основнаго капитала, да и съ этою ссудою его ассоціаціи не могли бы держаться, еслибы правительство не сдѣлало портнымъ громаднаго заказа для обмундированія арміи, и не поручило шорникамъ ремонта кавалерійскихъ сѣделъ. И однакоже, при всѣхъ этихъ пособіяхъ со стороны государства, Луи-Блановскія ассоціаціи не могли достигнуть тѣхъ результатовъ, какихъ достигала частная промышленность. Издержки производства оказались значительнѣе, а цѣны произведеній—выше чѣмъ въ частныхъ мастерскихъ.

Такой сомнительный успѣхъ одного изъ предпріятій Луи Блана, конечно, не могъ служить для него большимъ поощреніемъ: Луи Бланъ долженъ былъ знать, что правительству не всегда будутъ нужны мундиры и сѣдла; съ другой стороны, даже блестящій успѣхъ двухъ промышленныхъ ассоціаций не могъ бы искупить бѣдственныхъ неудачъ, завершившихъ другія предпріятія Луи Блана. Широкія надежды, съ которыми Луи Бланъ вступалъ въ залы Люксамбургскаго дворца, начинали суживаться; вмѣстѣ съ тѣмъ, раздраженіе, овладѣвшее нашимъ реформаторомъ, побуждало его бросаться въ отчаянныя предпріятія. Въ головѣ его родился планъ колоссальной манифестаціи. Весь парижскій пролетаріатъ долженъ былъ принять въ ней участіе. Она должна была запугать временное правительство, показавъ ему, какая необъятная власть находится въ рукахъ Луи Блана. Она должна была, вмѣстѣ съ тѣмъ, запугать буржуазію, консервативныя стремленія которой начали обнаруживаться, хотя еще нерѣшительно, тотчасъ послѣ февральскаго переворота.

Семнадцатое марта назначено было днемъ этого любопытнаго политическаго спектакля. Наканунъ происходила неудачная манифестація національной гвардіи, раздраженной упраздненіемъ такъ-называемыхъ образцовыхъ ротъ (*compagnies d'élite*), составившихся изъ отборныхъ парижскихъ гражданъ. Манифестація 17-го марта должна была служить какъ бы отвѣтомъ на заявленія буржуазіи.

Скоро послѣ полудня, Гревская площадь, расположенная передъ Ратушей, начала наполняться народомъ. Шествіе открывали нѣсколько сотъ клубистовъ, между которыми можно было замѣтить и женщинъ; за ними шли цехи, въ стройномъ порядкѣ, съ распущенными знаменами. Все это медленно подвигалось къ городской Ратушѣ и чинно строилось въ ряды передъ ея окнами. Когда площадь наполнилась

народомъ, пятьдесятъ депутатовъ, предводимые учредителями клубовъ, вступили за ограду Ратуши, требуя, чтобы ихъ допустили переговорить съ правительствомъ; толпа, между тѣмъ, зашла марсельйезу. „Что вамъ надо, граждане?“ обратился къ депутатамъ престарѣлый Дюпонъ. Одинъ изъ депутатовъ прочелъ прошеніе отъ имени народа, въ которомъ требовалось удаленіе войскъ изъ Парижа и отсрочка выборовъ въ національное собраніе и національную гвардію. Едва окончилось чтеніе этого прошенія, какъ выступилъ Бланки, братъ извѣстнаго экономиста, личность мрачная, созданная для заговоровъ и революцій. Повторивъ, съ незначительными вариациями, все то что было сказано въ прошеніи, онъ потребовалъ, чтобы правительство приступило къ обсужденію вопроса тотчасъ же, не медля ни минуты, и что народъ не разоидется, пока не получитъ удовлетворительнаго отвѣта. Луи Бланъ пытался успокоить депутатовъ и заставить ихъ удалиться; но каубисты рѣшительно отвѣчали ему: „народъ не хочетъ фразъ, онъ требуетъ положительнаго отвѣта; мы не выйдемъ отсюда, пока правительство не постановитъ своего рѣшенія.“ Ледрю-Ролленъ и Дамартинъ были счастливы Луи Блана. Имъ удалось успокоить депутатовъ обѣщаніями и завѣреніями. Когда депутація удалась, и министры вышли на эстраду передъ Ратушей, народъ привѣтствовалъ ихъ радостными рукоплесканіями.

Что касается до Луи Блана, то эта неудачная манифестація повергла его въ мрачныя мысли. Онъ былъ удивленъ, пораженъ. Его изумляло прошеніе депутатовъ; его изумляла еще болѣе смѣлая самоувѣренность Бланки, свидѣтельствовавшая, что этотъ человекъ обладалъ значительными силами, источникъ которыхъ оставался тайною для нашего агитатора. Луи Бланъ думалъ, что ему, и ему одному, принадлежитъ власть надъ парижскимъ пролетаріатомъ; теперь неожиданно оказывалось, что эта власть принадлежитъ не Луи Блану, а учредителямъ различныхъ революціонныхъ клубовъ—Бланки, Барбе, Кабе, Распайю и другимъ. Когда Луи Бланъ сходилъ съ эстаціи Ратуши, провожая депутатовъ, одинъ изъ нихъ схватилъ его за руку и сказалъ тономъ укора: „и ты, ты также — измѣнникъ?“ Эти слова заставили Луи Блана задуматься насчетъ истинныхъ стремленій черни....

Съ этого времени, дурные дни наступили для Луи Блана. Пораженіе, косвеннымъ образомъ понесенное имъ 17-го марта,

повторилось черезъ мѣсяць въ болѣе грозныхъ размѣрахъ. Манифестація пролетаріата, 16-го апрѣля, доказала Луи Блану, что французское общество начинаетъ оживать и грозить паденіемъ демократамъ. Когда 16-го апрѣля толпы пролетаріевъ стеклись на площадь передъ Ратушей съ распущенными знаменами, на которыхъ крупными буквами красовались слова: *organisation du travail*, изъ рядовъ національной гвардіи раздались крики: „долой Луи Блана! въ воду коммунистовъ!“ Офицеры гвардіи настоятельно требовали отъ временнаго правительства арестовать Луи Блана; общественное мнѣніе громко высказывалось въ томъ же смыслѣ. Изъ провинцій доносили, что предстоящіе выборы въ національное собраніе обѣщаютъ дать странѣ консервативное правительство. Луи Бланъ, запуганный неожиданнымъ поворотомъ общественнаго мнѣнія, страшась утратить свою популярность, предложилъ произвести слѣдствіе надъ руководителями апрѣльской манифестаціи; но это слѣдствіе, обратившись въ пустую формальность, не привело ни къ какимъ результатамъ, кромѣ арестованія Бланки и нѣкоторыхъ другихъ заговорщиковъ. Луи Бланъ все это время находился въ крайне-затруднительномъ положеніи: съ одной стороны, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вооружалъ противъ себя общественное мнѣніе страны, съ другой, онъ терлся въ догадкахъ насчетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Клубисты, въ родѣ Бланки, Распайя, Кабе, руководили парижскою чернью, злоупотребляя именемъ Луи Блана. Безсильные сами по себѣ, они волновали рабочіе классы, распуская нелѣпные слухи объ опасностяхъ, грозившихъ будто бы Луи Блану со стороны временнаго правительства. Луи Бланъ, ничего не зная объ этомъ, видѣлъ только, что чернь повинуетъя какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ, и эта загадочность въ положеніи дѣлъ наводила страхъ на нашего публициста. Два раза, 17 марта и 16 апрѣля, Луи Бланъ однимъ словомъ, однимъ жестомъ могъ достигнуть всего: два раза могущественныя силы парижскаго пролетаріата находились въ его рукахъ; два раза онъ могъ низвергнуть временное правительство, сдѣлаться диктаторомъ, достигнуть осуществленія самыхъ смѣлыхъ своихъ плановъ, и оба раза отступилъ передъ тою высотой, на какую готова была вознести его столичная чернь. Что же было причиной этой робости, столь несвойственной нашему агитатору? Была ли она слѣдствіемъ

недовѣрія къ своимъ силамъ, къ своей идеѣ, или простекала изъ невозможанія истиннаго положенія дѣлъ, изъ страха передъ загадочною силой Бланки и другихъ каубистовъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ можетъ только самъ Луи Бланъ, хотя едва ли мы дождемся отъ него отвѣта; во всякомъ случаѣ, поведеніе его въ мартѣ и апрѣлѣ 1848 года было рядомъ ошибокъ и промаховъ, непростительныхъ въ политическомъ дѣятель.

Громадною ошибкой со стороны Луи Блана было уже то обстоятельство, что онъ вовсе упустилъ изъ виду организацію національныхъ мастерскихъ, предпріятыю и выполненною временнымъ правительствомъ по плану Мари, совершенно устранившаго при этой операціи участіе Луи Блана. Въ первые дни послѣ февральскаго переворота, когда правительство было до крайности запугано криками: „droit au travail!“ раздававшимися изъ конца въ конецъ въ рядахъ парижскихъ пролетаріевъ, когда, съ другой стороны, его страшили таинственные планы Луи Блана, министръ публичныхъ работъ предложилъ проектъ національныхъ мастерскихъ, долженствовавшихъ занять чернь, и вмѣстѣ съ тѣмъ создать для правительства могущественный оплотъ противъ коммунистовъ. По этому проекту, за исполненіе котораго взялся Эмиль Томасъ, всѣ ремесленники, не находившіе себѣ работы, записывались у парижскихъ меровъ, и затѣмъ употреблялись правительствомъ для публичныхъ работъ. Ихъ раздѣлили на равные отряды, дали имъ начальниковъ, знамена, и опредѣлили жалованье, отъ 2 до 3 франковъ въ день. Число записавшихся такимъ образомъ въ національныя мастерскія быстро возрасло и достигло наконецъ громадной цифры 50 тысячъ. Для одной раздачи жалованья потребовалось 800 человѣкъ. Чтобы занять чѣмъ-нибудь эту громадную массу свободныхъ рукъ, дали предписаніе инженерамъ немедленно придумать планъ обширныхъ государственныхъ сооружений; но инженеры не могли или не хотѣли ничего придумать, и правительству пришлось занять національныя мастерскія выравниваніемъ парижскихъ бульваровъ или перекоской молодыхъ деревьевъ изъ окрестностей. Когда и эти работы приведены были къ окончанію, пролетаріевъ заставляли рыть землю, выкапывать ямы, потомъ зарывать ихъ, и снова рыть. Работники смѣялись надъ этимъ нелѣпнымъ трудомъ, а лучшіе изъ нихъ, привыкшіе къ полезной дѣятельности, злобились, и грозили. Такимъ образомъ, временное правительство,

думая посредствомъ національныхъ мастерскихъ создать для себя могущественную, правильно-организованную силу, воспытаю въ этихъ мастерскихъ лишь опаснаго врага, столкновение съ которымъ, въ июнѣ 1848 года, повело къ безчеловѣчной бойнѣ. Проектъ Мари, конечно, былъ безразсуденъ, но для Луи Блана онъ имѣлъ громадное значеніе. Луи Бланъ, во первыхъ, могъ воспользоваться организаціей національныхъ мастерскихъ, какъ могущественныхъ орудіемъ, овладѣть которымъ было бы ему не трудно; во вторыхъ, онъ могъ бы дать проекту Мари совершенно другое направленіе, могъ бы осуществить, въ громадныхъ, для перваго опыта, размѣрахъ свою экономическую систему. Если правительство платило по 2 и по 3 франка за безсмысленный трудъ, если оно выплачивало по 1½ франка ремесленникамъ, не имѣвшимъ и не желавшимъ имѣть работы, то, конечно, оно не отказалось бы ссудить въ распоряженіе Луи Блана значительную сумму, достаточную для осуществленія „организаціи труда“ на практикѣ. Но Луи Бланъ видимо не желалъ приступать къ осуществленію своей системы; онъ какъ будто умышленно допустилъ ускользнуть изъ своихъ рукъ учрежденію національныхъ мастерскихъ, и такимъ образомъ самъ могущественно содѣйствовалъ паденію своихъ доктринъ и добровольно лишилъ себя оплота, на который, въ случаѣ надобности, онъ могъ бы съ увѣренностью опереться.

Поставивъ себя во враждебное отношеніе къ общественному мнѣнію, лишенный друзей и союзниковъ, безъ трезваго взгляда на окружающее, безъ точныхъ, опредѣленныхъ цѣлей, Луи Бланъ не могъ долго держаться на своей невѣрной, колеблющейся почвѣ. Онъ держался только до тѣхъ поръ, пока находилось въ силѣ февральское правительство; съ паденіемъ его, онъ терялъ единственный оплотъ, связь съ которымъ, хотя и механическая, поддерживала его собственное политическое существованіе. Пятнадцатое мая нанесло ему послѣдній, рѣшительный ударъ. Въ этотъ день повторилось одно изъ тѣхъ судорожныхъ революціонныхъ движеній, которыя періодически волновали Парижъ въ 1848 году. Осадакъ парижскаго населенія, руководимый демагогами, наводнилъ національное собраніе для подачи петиціи о немедленномъ вооруженномъ вышательствѣ въ дѣла Польши. Отъ собранія волнующаяся толпа направилась къ Ратушѣ.

Национальное собраніе было объявлено распущеннымъ; провозглашено новое правительство изъ Луи Блана, Ледрю-Роулена, Альбера, Гюбера, Коссидьера, Распайя и другихъ. Прямого участія въ этомъ движеніи Луи Бланъ, повидимому, не принималъ, и назначенное надъ нимъ слѣдствіе кончилось его оправданіемъ.

Франція была огушена этою безумною, безчеловѣчному попыткой уничтожить самую тѣнь государственнаго порядка. Общественное мнѣніе было поражено ледянымъ ужасомъ, когда узнало, что число убитыхъ и раненыхъ, павшихъ въ эти дни, доходило до десятковъ тысячъ. Всюду обнаружилось энергическое противодѣйствіе революціи, требовали немедленнаго возстановленія порядка, во что бы то ни стало. Правительство, считая необходимымъ отдѣлаться отъ неисправимыхъ агитаторовъ, рѣшилось предать ихъ формальному суду. Луи Бланъ былъ осужденъ въ числѣ первыхъ. Предупрежденный объ опасности, онъ бѣжалъ по желѣзной дорогѣ въ Гентъ, а оттуда въ Англію, которой и не покидалъ съ тѣхъ поръ.

Такъ печально завершилось политическое поприще чловека, одареннаго, безъ сомнѣнія, замѣчательными дарованіями, но не рожденнаго для роли революціоннаго дѣятеля. Можно вѣрить добрымъ качествамъ его природы, но нельзя не признать, что его политическая жизнь была рядомъ ошибокъ, неудачъ и преступленій.

Разсмотрѣвъ социалистическій трудъ Луи Блана и его дѣятельность, какъ политическаго агитатора, прибавимъ еще нѣсколько словъ объ историческихъ трудахъ нашего публициста. Странно встрѣтить въ одномъ лицѣ социалиста, не признающаго ни исторической почвы, ни законовъ историческаго развитія, и историка, старающагося уловить и прослѣдить законы органическаго развитія народной жизни. Отвергнувъ историческіе законы въ памфлетѣ *Объ организаціи труда*, Луи Бланъ самымъ рѣшительнымъ образомъ призналъ ихъ въ *Исторіи Революціи*. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ онъ является такимъ же строгимъ послѣдователемъ историческаго прагматизма, какъ и записные историки. Онъ ищетъ исходнаго пункта революціи не въ XVIII, а въ XVI вѣкѣ; онъ думаетъ, что источникъ революціоннаго движенія скрывается въ событіяхъ реформаціонной эпохи, что такіе перевороты, какъ революція 1789 года, не могутъ быть дѣломъ одного

событія... Не странно ли слышать это отъ челоѣка, который думалъ однимъ взмахомъ мѣра пересоздать весь современный порядокъ?

Историческіе труды Луи Блана возбуждали неописанный энтузіазмъ, ихъ покупали на расхватъ, читали съ увлеченіемъ, заучивали наизусть—и при всемъ томъ, съ научной точки зрѣнія, они не выдерживаютъ критики. Его *Исторія десяти лѣтъ*, изданная имъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, едва ли даже можетъ быть названа историческою книгою. Хотя въ ней разказываются, въ прагматическомъ порядкѣ, событія первыхъ десяти лѣтъ царствованія Луи-Филиппа, но это скорѣе политическій памфлетъ нежели историческое изслѣдованіе. Человѣкъ партіи, адвокатъ извѣстной стороны, обнаруживается здѣсь на каждой страницѣ и не позволяетъ видѣть историка. Историческаго безпристрастія, критики, анализа, здѣсь нѣтъ и слѣда; это не исторія, а длинная, риторическая рѣчь адвоката, изворотливая и живая. Въ этомъ трудѣ царствованіе Луи-Филиппа является предметомъ политической тяжбы, въ которой истцами выступаютъ легитимисты и демократы, а обвиненнымъ — буржуазія; авторъ, само собою разумѣется, поддерживаетъ истцовъ. Замѣчательно, что Луи Бланъ такъ умекся ненавистью къ Лудовику Филиппу и его политикѣ, что забылъ даже свою вражду къ легитимистамъ. Въ *Исторіи десяти лѣтъ* онъ становится на ихъ сторону и говорить ихъ языкомъ. Онъ становится другомъ и посѣдователемъ каждаго кто можетъ хотя что-нибудь сказать противъ принциповъ июльской монархіи; справедливо было замѣчено однимъ французскимъ публицистомъ, что *Исторія десяти лѣтъ* Луи Блана есть трудъ коллективный, въ которомъ собраны всѣ тѣ возраженія и обвиненія, какими забрасывали Лудовика Филиппа и демократы, и легитимисты. Замѣтимъ притомъ, что Луи Бланъ не только почерпаетъ иногда свои обвиненія изъ сомнительныхъ источниковъ, но нерѣдко даже просто выдумываетъ ихъ: его книга наполнена темными, двусмысленными намеками, отъ которыхъ при случаѣ легко можно отпереться, но которые, однакожь, производятъ желаемое впечатлѣніе; въ ней на каждой страницѣ встрѣчаются полувывсказанныя клеветы, начинаемыя всегда неопредѣленнымъ выраженіемъ „говорятъ...“, подъ которымъ авторъ старался скрыть невозможность указать источникъ взводимаго обвиненія. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы книга Луи Блана появилась въ болѣе

спокойное время, среди читателей, способныхъ разсуждать и мыслить хладнокровно, публика встрѣтила бы ее всеобщимъ, энергическимъ негодованіемъ; но, къ счастью для автора, трудъ его былъ брошенъ въ массу читателей, находившихся въ возбужденномъ до крайности состояніи и готовыхъ съ восторгомъ встрѣтить всякую поблажку своему минутному настроенію. Въ сороковыхъ годахъ, бранить правительство, издѣваться надъ его политикой и взводить личные клеветы на людей, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что имъ вручено было высокое правительственное полномочіе, было модою во Франціи. Правительство Лудовика Филиппа имѣло множество враговъ между людьми всѣхъ партій и всѣхъ отгѣнковъ; на него негодовали и легитимисты, сохранившіе привязанность къ павшей династіи, и демократы, мечтавшіе о новомъ соціальномъ порядкѣ, и патриоты, скорбѣвшіе объ утратѣ прежняго политическаго значенія Франціи, и армія, негодовавшая на политику мира, которой неизмѣнно держались министры Лудовика Филиппа. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ, историческій трудъ Луи Блана, снабженный при томъ риторическимъ пафосомъ, до котораго Французы такіе охотники, имѣлъ колоссальный успѣхъ; но едва ли этотъ успѣхъ можетъ служить къ чести историка.

Несравненно выше въ научномъ отношеніи другой трудъ Луи Блана—его *Исторія французской революціи*, два первые тома которой вышли до 1848 года, а остальные написаны въ пятидесятыхъ годахъ, во время пребыванія Луи Блана въ Англіи. Хотя авторъ и въ этомъ трудѣ является тѣмъ же человѣкомъ партіи, адвокатомъ демократизма, но здѣсь у него замѣтно болѣе учености, болѣе серьезности и солидности, обнаруживается болѣе знакомства съ приемами исторической науки. Это трудъ, хотя и пристрастный, но къ которому можно однакоже приложить названіе историческаго. Планъ сочиненія и основная мысль его весьма оригинальны. Три великія начала, по мнѣнію Луи Блана, владычествуютъ надъ міромъ и исторіей: власть, индивидуализмъ и братство. Принципъ власти полагаетъ основою народной жизни сѣвную вѣру, суевѣрное уваженіе къ преданію, начало неравенства; оны употребляетъ своимъ органомъ принужденіе и насиліе. Индивидуализмъ, разсматривающій человека внѣ всякихъ общественныхъ связей, дѣлаетъ его единственнымъ судьей самого себя и всего окружающаго,

внушаетъ ему восторженное сознаніе своихъ правъ и пренебреженіе къ своимъ обязанностямъ; вмѣсто всякаго правитель-ства, онъ требуетъ безусловнаго невмѣшательства. Принципъ братства стремится организовать общества, созданія человѣческія, по образцу человѣческаго тѣла, созданія Божьяго; онъ управляетъ посредствомъ убѣжденія, добровольнаго согласія сердець. Принципъ власти царствовалъ надъ міромъ въ средніе вѣка и поколебленъ Лютеромъ; индивидуализмъ, зачатый Лютеромъ, развился съ чрезмѣрною силой и неограниченно властвуетъ надо всемъ въ настоящее время. Братство, возвыщенное монтаньярами, существуетъ только какъ отдаленный идеалъ; но всѣ великія сердца уже призываютъ его. Изъ этихъ трехъ принциповъ, первый создаетъ притѣсенія, угнетая личность; второй, путемъ анархій, также ведетъ къ притѣсенію; только третій, принципъ братства, создаетъ гармонию и свободу. Въ переворотѣ XVIII вѣка Луи Бланъ различаетъ двѣ послѣдовательныя революціи: первая, относящаяся къ 1789 году, совершилась въ интересѣ индивидуализма; вторая, окончившаяся 9-го термидора, смутно, но торжественно провозгласила принципъ братства. Сообразно этимъ основнымъ положеніямъ, трудъ Луи Блана раздѣляется на двѣ части: первая, нѣчто въ родѣ введенія, заключающаяся въ одномъ большомъ томѣ, рассматриваетъ причины и происхожденіе революціи, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала изображается переворотъ, произведенный въ общественномъ мнѣніи Европы ученіями Гуса, Лютера, Кальвина, изображаются коммунистическія попытки вальденцевъ, анабаптистовъ, моравскихъ братьевъ, падающія въ борьбѣ съ Лютеромъ, творцомъ индивидуализма; затѣмъ авторъ слѣдитъ за дальнѣйшимъ развитіемъ индивидуализма, олицетвореніемъ котораго онъ считаетъ буржуазію; наконецъ, онъ присутствуетъ при борьбѣ индивидуализма съ XVIII вѣкомъ, и мрачными красками описываетъ его побѣду. Мыслителей XVIII вѣка Луи Бланъ дѣлитъ на двѣ категоріи: одни изъ нихъ, какъ напримѣръ Руссо, Мабли, Неккеръ, ратуютъ у него за начало братства, другіе, каковы Вольтеръ, Монтескье, Тюрго, суть сторонники эгоистическихъ интересовъ tiers-état. Въ лицѣ послѣднихъ, индивидуализмъ одерживаетъ побѣду надъ коммунизмомъ и торжествуетъ окончательно въ 1789 году. Таково содержаніе первой части труда Луи Блана. Въ слѣдующихъ томахъ онъ рассказываетъ исторію революціи.

Нужно ли говорить, что этотъ обширный трудъ Луи Блана, хотя и свидѣтельствуетъ о разносторонней начитанности автора, не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики? Нужно ли говорить, что этотъ трудъ есть не что иное, какъ та же *Организація труда*, разбавленная нѣсколькими томами историческаго повѣствованія? Соціализмъ, наряженный въ историческій костюмъ, сказывается у Луи Блана на каждой страницѣ. Черезъ всѣ томы *Исторіи Революціи* Луи Бланъ провелъ свою задушевную мысль, будто положеніе, какимъ пользуется въ настоящее время буржуазія, есть грабежъ, захватъ, что только торжество коммунизма можетъ возстановить равновѣсіе, нарушенное насиліемъ. Съ этою цѣлью, Луи Бланъ искажилъ, оболгалъ исторію буржуазіи и обвинилъ въ неспособности Огюстена Тьерри, изслѣдованіе котораго объ исторіи средняго сословія до сихъ поръ считается однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ французской исторической литературы. Понятно при этомъ само собою, что въ книгѣ Луи Блана мы напрасно стали бы искать трезваго и безпристрастнаго изображенія событій французской революціи: недобросовѣстность Луи Блана, какъ историка, вошла въ пословицу, и можно только удивляться смѣлости, съ какою авторъ расточаетъ историческимъ дѣятелямъ бездоказательныя похвалы или ни на чемъ неоснованныя обвиненія. Читая Луи Блана, иногда приходится невольно красѣть за автора: такъ много въ его книгѣ незрѣлаго, дѣтскаго, такъ много въ ней ребяческой злобы и школьныхъ, напускныхъ восторговъ. Смѣшно видѣть, напримѣръ, какъ всюду старается авторъ описать самыми непривлекательными красками наружность какого-нибудь аристократа, и какъ, говоря о простолюдинѣ, онъ старается не забыть прибавить, что лицо его сіяло олимпійскою красотой; смѣшно и грустно видѣть, какъ наивно и беззастѣнчиво придумываетъ Луи Бланъ, гдѣ надо, черты и подробности, источникъ которыхъ можно найти только въ фантазіи автора. Трудъ Луи Блана не прибавляетъ ничего къ исторической наукѣ, потому что новыми, необработанными матеріалами авторъ не пользовался, а взгляды и объясненія, предложенныя Луи Бланомъ, не могутъ быть приняты наукой. Луи Бланъ только пересказываетъ по своему то, что было уже разказано до него, и гораздо лучше его; такимъ образомъ, необычайный успѣхъ, какимъ пользовалась *Исторія французской революціи* Луи Блана, надо приписать тѣмъ же причинамъ,

какими объясняли мы успѣхъ его *Исторіи десяти лѣтъ*. Бываютъ эпохи, когда всякое печатное произведеніе, если только оно принадлежитъ перу такъ-называемаго либеральнаго писателя, возбуждаетъ неописанный восторгъ въ читателяхъ; когда всякая книга оцѣнивается не по ея литературнымъ или ученымъ достоинствамъ, а по большей или меньшей рѣзкости сужденій; когда отчаянный радикализмъ считается лучшею заслугой автора. Въ такую именно эпоху появился историческій трудъ Луи Блана, и общество, готовое радостно приветствовать всякое произведеніе радикальной прессы, встрѣтило *Исторію французской революціи* восторженными рукоплесканіями. Успѣху Луи-Блана содѣйствовали, сверхъ того, и нѣкоторыя несомнѣнные достоинства его книги. Хотя риторическія разглагольствованія, которыя любитъ Луи Бланъ, вредятъ простотѣ и безыскусственности его произведеній, нельзя однакоже сказать, чтобъ историческіе труды его были вовсе лишены художественности. Луи Бланъ мастеръ описывать грозныя народныя движенія, шумныя сцены на площади; все трагическое въ исторіи находитъ въ немъ искуснаго, хотя и не всегда вѣрнаго, живописца. Его паеосъ утомляетъ, потому что онъ очень легко воспламеняется и слишкомъ долго поддерживается; но по временамъ, онъ способенъ тронуть и увлечь.

Кіевъ.

В. АВСѢНКО.

НЕУДАВШИЙСЯ РОМАНЪ

I.

Разказъ мой относится къ 1820 годамъ. Въ одной изъ петербургскихъ, аристократическихъ гостиныхъ, возлѣ потухшаго камина, погружены были въ пріятную дремоту господинъ и дама. Господинъ, положительно можно сказать, спалъ; а дама по временамъ открывала глаза и уставяла на своего собесѣдника насмѣшливый взглядъ. Время клонилось къ вечеру, и на дворѣ стояла прескверная, сентябрская погода. Смѣшанный съ грязью свѣтъ лѣпился хлопьями къ стекламъ и оконницамъ. Лучъ угасавшаго дня слабо проникалъ въ комнату. Черныя тѣни ложились полосами по угламъ комнаты, и наконецъ все исчезло въ охватившей все мглѣ: только отъ тлѣвшихъ въ каминѣ угольевъ обрисовывался еще красноватымъ свѣтомъ тонкій силуэтъ женщины и болѣе рѣзко очерченный профиль мужчины. Часы надъ каминомъ пробили восемь. Протяжный звонъ прервалъ дремоту господина. Онъ сдѣлалъ движеніе.

— Вечеръ этотъ останется навсегда для меня памятнымъ, сказалъ онъ, скрывая зѣвоту.

Дама засмѣялась.

— Вѣроятно, произнесла она,—потому что вы спали очень покойно.

- Я не спалъ, а только думалъ.
 — О чемъ это?
 — О томъ, что вы престранная женщина.
 — И только?
 — Что вамъ еще болѣе?

Собесѣдница была стройна и высока ростомъ; у ней было маленькое, прелестное личико, съ оживленными, почти неуловимыми чертами, отъ котораго вѣяло умомъ и свѣжестью утраченной молодости. Во всѣхъ ея движеніяхъ проявлялась неподдѣльная грація. Она носила зачесанные назадъ волосы, что очень шло къ ея вздернутому слегка носику, и придавало всей ея фигурѣ видъ нѣсколько mauvais sujet.

Она была княгиня, богата и имѣла стараго мужа въ звѣздахъ.

Сидѣвшему возлѣ княгини мушкетѣ могло быть лѣтъ за тридцать пять. Онъ отличался стройностію, былъ средняго роста, и преждевременно клонился къ старости. Правильное, съ римскимъ носомъ и оживленными черными глазами лицо его было выразительно. Одѣтъ онъ былъ изящно и со вкусомъ; у него было хорошее состояніе, назывался онъ Николаемъ Васильевичемъ Халонскимъ.

Испросивъ церемонно позволеніе курить, въ чемъ ему никогда не отказывали, Халонскій закурилъ сигару.

— Вы знаете, я уѣзжаю, произнесъ онъ нѣсколько грустными голосомъ.

— Куда?

— Хочу служить.

Молодая дама засмѣялась свѣжимъ, звучнымъ смѣхомъ.

— Не въ уланахъ ли? спросила она проницески.

— Министръ нашелъ мнѣ назначеніе при Вѣнскомъ дворѣ, отвѣчалъ господинъ, не обращая вниманія на ея веселость.

— Что жъ васъ заставляетъ прибѣгать къ такимъ крайностямъ? Польза, или желаніе попасть въ извѣстность?

— Ни то, ни другое. Причина — вы!

— Я? Я не воображала входить такъ глубоко въ ваши интересы...—И на дѣтскомъ ея личикѣ выразилась гримаска, обратившаяся ей въ привычку съ раннихъ лѣтъ.

— И это мнѣ извѣстно, но по несчастію въ отношеніи къ себѣ я не могу сказать того же. Оставаться здѣсь при ильминившихся условіяхъ, видѣть васъ, это свыше силъ моихъ.

Княгиня обернулась къ нему лицомъ.

— Вы мнѣ ставите въ упрекъ мою откровенность?

— Совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, я вижу въ ней нѣкоторую степень уваженія къ себѣ: измѣнять обстоятельства не въ вашей власти, а испрашивать вашей милости, хотя бы въ томъ была и польза, я не могу и не хочу. Поэтому-то я и увѣжаю.

— Отчего же вы не говорили прежде о вашемъ намѣреніи?

— Къ чему? Притомъ я не могъ предвидѣть исходъ дѣла, а вы, быть-можетъ, придали бы словамъ моимъ превратное значеніе; но этого именно я и не хотѣлъ.

Она пожала плечама.

— Опять мелкое самолюбіе! сказала она съ гримасой. — Никогда и ни въ чемъ нѣтъ откровенности, а еще васъ, женщинъ, укоряютъ въ лицемеріи.

— Что же, по вашему, любить, быть любимой, и въ одинъ прекрасный день сказать: „Кончено! Съ нынѣшняго дня я больше не люблю васъ; вы мнѣ надоѣли...“ въ этомъ, что ли, вы полагаете откровенность? спросилъ печально Халонскій.

— Я васъ не понимаю! Объяснитесь! сказала, съ нѣкоторою уже запальчивостію, княгиня.—Для меня вѣчно сдержанные упреки хуже откровенной злобы. Какъ я поступаю и зачѣмъ? Про это я знаю; потворствовать же вамъ я не хочу и не стану.

— Вамъ нечего опасаться, вы и прежде такъ поступали. Вы уступили чувству. Свѣтъ его могъ порицать; но оно больше чѣмъ извиняется вашимъ ложнымъ положеніемъ. Теперь же, когда вы самовластно разрываете связь съ прошедшимъ, вы сами даете поводъ сомнѣваться въ чистотѣ вашихъ первыхъ побужденій.

— Побужденія мои, какъ вы ихъ называете, были предосудительны или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ, отказываясь отъ нихъ, я поступаю благоразумно, въ другомъ—сама развязка доказываетъ непрочность ихъ.

— И вы тѣшите себя подобными софизмами или, что еще хуже, навязываете ихъ другимъ! Полноте, княгиня, и женская совѣсть имѣетъ свою серьезную сторону. Рожденіе и смерть ребенка, котораго вы носили подъ сердцемъ, не доска, исписанная мѣломъ, по которой стѣбитъ только мокрой губкой провести—и нѣтъ ничего. Слова стираются, но не изглаживается память прошедшаго. Оно въ связи съ

настоящимъ; а это вы забыли.—И Халонскій въ сердцахъ бросилъ въ огонь недокурившую сигару.

— Почему вы не хотите, чтобы прошедшее послужило урокомъ настоящему?

— Какой тутъ урокъ!.. Просто дѣло въ отсутствіи всякаго чувства.

— Однако я васъ люблю же.

— Никогда! воскликнулъ Халонскій:—вы всегда были княгиня Бранская:—давать балы, быть лучше всѣхъ, вотъ все, что было нужно вамъ.

— Добьюсь ли я, наконецъ, изъ чего вы ко мнѣ придираетесь? Что вамъ угодно? возобновлять наши отношенія, повторяю, невозможно. Вы упрекаете меня въ равнодушія, эгоизма, въ забвеніи того что было! но тогда бы я потребовала отъ васъ письма мои, а этого я не дѣлаю.

Халонскій вынулъ изъ боковаго кармана бумажникъ, досталъ изъ него завернутый въ бумагу пакетъ и равнодушно подалъ княгинѣ.

— Вотъ вамъ всѣ ваши тридцать шесть писемъ! сказалъ онъ.

Княгиня развернула пакетъ, бросила взглядъ на ипписанные страницы и отдала ихъ обратно Халонскому.

— Что жь? спросилъ онъ.

— Я у васъ ихъ не спрашивала.

— Вы, можетъ-быть, сомнѣваетесь въ подлинности или въ счетѣ. Письма эти ваши, они писаны съ чувствомъ, икоторыя даже съ увлеченіемъ. Возьмемъ любое на выдержку.

И изъ связки онъ вытащилъ одно письмо и принялся про себя читать.

— Очень интересно, сказалъ онъ:—стоитъ послушать: „Si jet'écris, c'est pour te dire, que je t'aime...“ Что за чепуха! и Халонскій горько улыбнулся. — Давайте считать: первое, сказалъ онъ, бросая письмо въ огонь,—второе, третье, четвертое....—продолжалъ онъ, нагнувшись всѣмъ тѣломъ къ камину и кидая письма одно за другимъ въ огонь.

Тонкая бумага, тихонько шелестя, ярко вспыхивала и сжигалась, словно отъ боли. На тридцать шестомъ письмѣ запыль истощилась.

— Вот! сказалъ Халонскій, и скомкавъ въ рукѣ бумагу, въ которой письма были завернуты, бросилъ и ее въ каминъ

— Мы теперь съ вами разошлись. Наши воспоминашя, упреки, любовь, все вылетѣло въ трубу.

Въ предожженіе всего этого времени, княгиня неподвижно лежала въ креслахъ и, повидимому, не принимала никакого участія въ томъ что вокругъ нея дѣлалось. Полуоткрытые глаза ея, устремленные на пылающій огонь камина, бауждали по пламени, слѣдя за черною золотистою тканью судорожно пробѣгавшею огненными змѣйками по знакомымъ ей нѣкогда листамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ пережитыхъ радостей, тоски и утраченныхъ надеждъ. Когда послѣдній оставшій листъ, легко колыхался, поднялся вверхъ и исчезъ въ трубу, на душѣ княгини стало легче; равнодушіе смѣнилось тревогою и разомъ убило существованіе былаго. Но ничто, повидимому, не возмущало, между тѣмъ, искусственнаго ея спокойствія; изрѣдка и украдкой она бросала бѣглымъ взглядъ на занятого сожженіемъ писемъ Халовскаго, но каждый разъ, когда глаза ея устремлялись на княгиню, онъ находилъ ее все въ томъ же неподвижномъ положеніи, равнодушную и холодную.

— Что жъ вы этимъ хотѣли доказать? спросила она:— согласитесь, вы сами не знаете?

— Я желалъ доставить вамъ удовольствіе, княгиня.

— Грубою и неумѣстной выходкой? Вы поступили не только невѣжливо, но дозволили себѣ дерзость.

— При всемъ томъ вы очень этимъ довольны!

— Узнавъ васъ, какъ я теперь узнала, мнѣ, конечно, пріятнѣе видѣть письма мои въ каминѣ чѣмъ въ вашихъ рукахъ.

— У меня хранится еще залогъ вашего вниманія, продолжалъ Халовскій,—свидѣтель хуже писемъ. Но я слѣшкомъ дорожу вашимъ спокойствіемъ, и вотъ почему je rends à César ce qui est du à César. Съ этими словами Халовскій вынулъ изъ кармана небольшой медальонъ въ золотой оправѣ и подалъ его княгинѣ.

— Мой портретъ! воскликнула она.—Вы не хотите его оставить у себя?

— Не хочу!

— Ну такъ бросьте и его въ огонь!

— Въ огонь! Сжечь вашъ портретъ! Нѣтъ, у меня на это не хватитъ духа.

— Отчего жъ? У васъ достало же храбрости сжечь письма.

— Когда я возвращу его вамъ, вы можете распорядиться имъ какъ сами найдете лучшимъ.

— Такъ дайте!

Княгиня взяла его, стала разсматривать, потомъ закрыла и спокойно положила въ карманъ.

— Только-то? сказалъ Халонскій:— а вѣдь я полагаю, что вы ему готовите auto-da-fe!

— Напротивъ, я его спасаю.

Разговоръ, на вѣкоторое время, прекратился. Княгиня, какъ бы собравшись съ мыслями, заговорила первая.

— Вы сами говорили, начала она укоризненнымъ тономъ,— что вашимъ счастьемъ обязаны мнѣ, а между тѣмъ спросили ли себя хоть разъ, какою цѣною я его искупила. Сколько слезъ, сколько горечи, отчаянія принесло оно мнѣ! Теперь я послѣдовала внушенію совѣсти, а вы надъ этимъ смѣетесь. Чувства стыдливости и боязни ваша грубая натура не познала. Изъ того что я перестала быть преступною, я, по вашимъ словамъ, обратилась въ легкомысленное существо, которое посягнуло на неприкосновенность своего достоинства. Неужели это такое страшное преступленіе не любить васъ какъ вамъ хочется, и изъ-за этого вы собираетесь мстить мнѣ всю жизнь?

— Я и не думаю вамъ мстить, Богъ съ вами! возразилъ насмѣшливо Халонскій: — то короткое время, которое я былъ съ вами счастливъ, неизгладимо изъ моей памяти, но во всякомъ случаѣ считаю себя въ правѣ напоминать вамъ, что если вы надо мною торжествуете, то передъ вами стоитъ другой судья, грозный: вотъ съ нимъ какъ-то вы справитесь? Года пройдутъ, наступятъ темныя ночи, безъ сна, ночи скуки и отчаянія, вы разстанетесь съ свѣтомъ, не по убѣжденію, а по необходимости, потому что будете стары; вы по неволѣ войдете въ самое себѣ и ужаснетесь собственной пустоты. Сердце будетъ искать сочувствія и встрѣтитъ одно равнодушіе, чтобы не сказать презрѣніе.

— Можетъ, все это и такъ; но что жь мнѣ дѣлать, когда мнѣ все представляется иначе?

Халонскій пожалъ плечами.

— А вы все-таки увѣжаете? спросила княгиня.

— Прощайте человека; онъ васъ увѣдомитъ о моемъ отвѣдѣ.

— И надоело?

— Какъ случится; но сюда, во всякомъ случаѣ, скоро на вернусь.

— Вы мнѣ писать будете?

— Не думаю. Вы не станете читать моихъ писемъ.

Княгиня сначала усмѣхнулась, а потомъ задумалась. Наступило молчаніе.

— Охъ... умеръ?... спросила она вдругъ.

На лицѣ Халонскаго выразилось удивленіе.

— Что у васъ за странные переходы!... Родился мертвымъ, отвѣчалъ охъ.

— Такъ это неправда, что вы отдали его на воспитаніе?

— Вздоръ.

— Зачѣмъ вы не хотите назвать мнѣ имя....

— Оно ни къ чему не поведетъ; впрочемъ, въ послѣдствіи я вамъ напишу.

Въ это время дверь тихо отворилась, и показался человекъ.

— Его сіятельство приказали просить къ себѣ Никанора Васильевича.

— Скажи, что буду, отвѣчалъ Халонскій.

Черезъ нѣсколько минутъ охъ сталъ раскланываться. Съ его стороны прощаніе было грустное, а со стороны княгини принужденное, хотя она весьма развязно подставила ему свои нѣжныя щечки.

Выйдя отъ нея, Халонскій отправился на половину князя: тамъ его встрѣтилъ камердинеръ.

— Его сіятельство извиняются, что не могутъ принять васъ иначе какъ въ плафрокъ; они себя чувствуютъ не такъ здоровыми.

Халонскій махнулъ рукой и вошелъ въ кабинетъ.

По серединѣ дивана, занимавшаго всю крайнюю часть комнаты, въ богатомъ персидскомъ халатѣ, съ огромнымъ, опущеннымъ на лицо зеленымъ тафтянымъ зонтомъ, обложенный вышитыми подушками, сидѣлъ князь Аполонъ Иліодоровичъ Брянскій. Передъ нимъ стоялъ столъ, заваленный книгами, и лампа, яркій свѣтъ которой умѣрялся желтымъ абажуромъ. Остманскій фуляръ, обсыпанный табакомъ, лежалъ по правую сторону отъ князя, вѣсть съ великолѣпною овальной табакеркой украшенной портретомъ бабки князя.

Шумъ шаговъ Халонскаго заставилъ князя немного приподнять и потомъ опустить зонтъ.

— Это вы, Никаноръ Васильевичъ, сказалъ охъ. — Извините

нева, что я васъ такъ принимаю; мнѣ не здоровится: звонъ въ ухахъ, и во рту дурной вкусъ. Пододвинь кресло, чело-вѣкъ! Полагаю, что при выходѣ простудился; погода сырая; карету долго не подавали. Ну, какъ вы можете?

— Не хорошо тоже, отвѣчалъ уныло Халонскій.

— Вамъ бы не сѣдовало, возразилъ князь.—Вы молоды, здоровы, вы, нѣкоторымъ образомъ, фаворитъ судьбы.

— Я увѣжаю!

— Точно увѣжаете? Мнѣ объ этомъ говорили. Гм!... Вы здѣсь оставляете много воспоминаній!—И тонкая усмѣшка показала на блѣдныхъ губахъ князя.—Ну-съ, а какъ же вы уладили съ княгиней? Она, вѣроятно, не совсѣмъ довольна вашимъ отъѣздомъ, промолвилъ онъ, играя табакеркой.

— Напротивъ, я, кажется, угодилъ отъѣздомъ своимъ княгинѣ, отвѣчалъ сухо Халонскій.

— Гм! усмѣхнулся опять князь.—Княгиня, по врожденной добротѣ своей, готовитъ вамъ сюрпризъ. Она, кажется, о какомъ-то мѣстѣ хлопотала для васъ.

— Да я и получилъ его. Впрочемъ, въ моемъ назначеніи княгиня нисколько не причастна; она даже и не знала о немъ.

Снова что-то въ родѣ насмѣшливой улыбки показалось на физиономіи князя.

— Я помню, въ дни шаловливой моей юности, началъ онъ,—мой пріятель аббатъ встрѣчалъ меня вѣчнымъ поздравленіемъ: *Causa cessante cessat effectus*. Но вы чело-вѣкъ разсудительный, кукушку не промѣняете на ястреба. Иной, пожалуй, остался бы доволенъ одною кукушкой, *mais la jeunesse a son fléau*,—*Ambition*. Она раздражительна. Вѣдь вы на одномъ, въ ваши лѣта, не остановитесь! Чело-вѣкъ безъ амбиціи все равно, что ракъ безъ клещей.... Подложи мнѣ подъ ноги подушку, Прокофій! Чтò вы на это скажете? Охъ, спину заломилъ.

— Скажу, что съ успѣхами я покончилъ, а искать ихъ въ другой разъ не стоить.

Князь засмѣялся и досталъ щепотку табаку.—*C'est joli ce que vous dites-là*; но пѣшка мать не даетъ! Свѣтъ—бѣлка, бѣгающая въ колесѣ. Неудача одного, успѣхъ другого.

Изъ-подъ своего зонта князь насмѣшливо глядѣлъ на Халонскаго, мюхнулъ съ тцаніемъ табаку, и прибавилъ:—Вамъ остается утѣшать себя словами великаго короля: *Nous ne sommes pas peureux à notre âge*; но только тотъ былъ старъ.

— Да вѣдь и вы не молоды, князь, замѣтилъ выведенный изъ терпѣнія Халонскій.

— Молодость ваша прерогатива передъ нами. Мы жнемъ что вы посѣяли. Но только вы оказываете намъ окверную услугу: après tout ce n'est que l'emballage du choix. Не тотъ другой: безъ маятника часы не идутъ.

— Oui, quand la montre est ratraque, возразилъ взбѣшеный Халонскій, но неволь тогда обращаешься къ часовщику.

— Oui, произнесъ протѣжно князь.

Халонскій въ это время брался уже за шляпу.

— Я не полагаю, чтобъ это было послѣднее наше свиданіе. Надѣюсь съ вами въ скоромъ времени увидѣться, проговорилъ князь.

— Не думаю; я по крайней мѣрѣ, прощаюсь съ вами надолго.

— Э!!! воскликнулъ князь и позвонилъ. — Проводи, сказалъ онъ вошедшему человеку.

Халонскій раскланялся и вышелъ.

Безсильная злоба князя отозвалась въ груди Халонскаго презрѣніемъ и ненавистью. Вернувшись домой, онъ увидалъ у себя полковника Ворковскаго, друга и товарища по какому-то спеціальному учебному заведенію. При немъ онъ излил свою злобу.

— Отвратительный старикашка, говорилъ онъ, — забавляется жалкими каламбурами, утѣшается въ своихъ неудачахъ — неудачами другихъ. Не жалокъ, не смѣшонъ, а гадокъ!

— Общая участь, рѣшилъ съ важностью полковникъ. — Какъ бы насъ фортуна ни баловала, все-таки она не усѣветъ во всемъ. Ежели я богатъ, да знатенъ; и къ тому еще у меня жена красавица, то своего рода деликатность требуетъ, чтобъ я хоть въ послѣднемъ случаѣ проигралъ немного.

— Ну, мой милый, по твоей теоріи, въ генеральскомъ чинѣ и ты добьешься этой деликатности.

— Во избѣжаніе того я и женюсь прежде.

На другой день Халонскій уѣхалъ въ Москву.

II.

Лѣтъ черезъ десять послѣ отъѣзда Халонскаго, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, утромъ, въ своемъ кабинетѣ стоялъ передъ большимъ зеркаломъ только что вылупившійся изъ янца прапорщикъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи егерскаго полка. Лицо

его сіяло самодовольствомъ и увѣренностью въ самое себя, и не безъ причины: онъ былъ картинно хорошъ. Хотя переходъ отъ ребяческихъ лѣтъ къ болѣе возмужалому возрасту въ немъ еще не вполне совершился, и гибкіе члены его не окончательно еще сформировались, однако уже показывали въ юности будущаго молодца. Онъ былъ большаго роста, строемъ какъ статуя Аполлона, голова у него было маленькая, съ русыми вьющимися волосами, за которые предстояло ему попадать нерѣдко на гауптвахту, маленькая стройная нога, и аристократическая мускулезная рука, показывали, что онъ былъ очень силенъ, но едва пробившійся пушокъ надъ маленькимъ ртомъ, смягчалъ все это, и молодой человекъ видимо печалился о томъ, что ему нѣтъ еще и двадцати лѣтъ.

Онъ былъ единственный сынъ столбоваго дворянина, владѣльца пятисотъ душъ, Николая Николаевича Олышева; матери молодой человекъ лишился давно.

Отецъ выслалъ сыну на обмундировку денегъ, поздравилъ съ производствомъ въ офицеры и обѣщался побывать въ Петербургѣ по окончаніи неизбѣжныхъ хлопотъ по деревнѣ.

Въ ожиданіи отца, Левъ Николаевичъ исключительно занялся эполетами. Безъ особенныхъ усилій онъ дошелъ до той истины, что въ свѣтѣ хорошо живется только офицерамъ въ мундирѣ лейбъ-гвардіи егерскаго полка.

— Что жь, Савельичъ, самъ онъ тебѣ отдалъ? опросилъ Олышевъ лакея, усердно ухаживавшаго вокругъ него во время переодѣванія.

— А то какъ же? отвѣчалъ Савельичъ:—сама написала, сама и отдавала.

— Сама не могла писать; почеркъ мужской, непременно есть секретарь.

— Можетъ и секретарь, а отдавала сама, лакей такъ и сказалъ: „Отъ кого вы, моль?“ спросилъ я. „Отъ самое, говоритъ, княгиня!“

Читатель позволить мнѣ познакомить его съ Савельичемъ, крѣпостнымъ человекомъ Льва Николаевича, деревенскимъ уроженцемъ, сопровождавшимъ своего барина въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и оставшимся ему вѣрнымъ при новомъ назначеніи.

Савельичъ былъ солидныхъ лѣтъ лакей, съ просѣдою, широкоплечій, кривомогій, съ головой смахивающею на гарнизонный киверъ. Лицо имѣлъ открытое, со вздутыми ноздрями, и

постоянно съ однимъ изъ двухъ выраженій: угрюмо-кислою брюзгливості или безсмысленной веселости. Онъ носилъ коротко стриженные волосы и щетинистые усы. Барина, какъ видно, онъ несовсѣмъ уважалъ и считалъ себя въ правѣ дѣлать ему наставленія. Молодаго Оляшева между тѣмъ, кромѣ одѣванья, занимало еще одно постороннее обстоятельство: глаза его безпрестанно останавливались на столѣ, на которомъ лежалъ конвертъ съ княжескою печатью. Онъ въ пятый разъ вынималъ изъ него сложенный листъ бумаги, и принимался перечитывать написанныя на немъ многозначительныя для него слова: „Князь Аполлонъ Иліодоровичъ и княгиня Лидія Александровна Брянскіе во всякое время очень рады видѣть у себя Льва Николаевича Оляшева.“

Затѣмъ слѣдовала подпись и больше ничего.

— Ну что жь, разсуждалъ онъ:—не можетъ же она сама мнѣ писать; она меня и не видала. Жалко, что не прибавлено прапорщику лейбъ-гвардіи егерскаго полка; но, можетъ-быть, тамъ это не водится, подумалъ онъ.

Ему льстило еще и то, что письмо принесено было придворнымъ лакеемъ.

— Ты, Савельичъ, можетъ, чортъ знаетъ что нагородилъ ему.

— Чего тутъ городить! Сказалъ, положите, молъ. Какъ встанеть, такъ отдамъ.

— Ну а онъ что жь?

— Ничего, повернулся и ушелъ.

— Ну а ты?

— Ну и я ничего.

— Ну а онъ?

— Ну вотъ пристаи! возразилъ ужь сердито Савельичъ.

— Большаго разговору впрочемъ и быть не могло между вами. Придворный лакей кумоваться съ тобой не станетъ.

Савельичъ надулся, а баринъ возвратился къ первымъ восторгамъ. На конвертѣ написано: „отъ князя и княгини, стало-быть она обо мнѣ думаетъ!“ соображалъ онъ.

Приглашеніе это впрочемъ имѣло маленькую исторію.

У Льва Николаевича была тетка Олимпиада Семеновна Ростиславская, очень древняго рода, которая зимою постоянно жила въ Пензѣ, а лѣтомъ на дачѣ и только изрѣдка уѣзжала на одинъ мѣсяцъ въ деревню. Она между прочимъ, вѣсть съ деньгами, вручила отцу Оляшева рекомендательное

письмо къ княгинѣ Брянской, съ которою считалась въ родствѣ.

Ольгашевъ, опасаясь, что уборка галба задержитъ еще на неопредѣленное время предполагаемую поѣздку его въ Петербургъ, предпочелъ отправить деньги и письмо впередъ къ сыну.

Этимъ онъ приготовилъ молодому человѣку пріятнѣйшій сюрпризъ. Еще въ школѣ Левъ Николаевичъ мечталъ спасать въ большой петербургскій свѣтъ. Воображеніе рисовало ему дѣтый фантастическій міръ, за тяжелыми занавѣсами, окрылявшими отъ него сокровища волшебныхъ чертоговъ. Призракъ женской любви не возникалъ еще покуда въ его умѣ въ опредѣленныхъ чертахъ, но что-то неясное и тревожащее, а инстинктъ сладкое и обязательное пробуждалось въ немъ каждый разъ, когда онъ проходилъ мимо этихъ великолѣпныхъ палатъ.

„Столовой дворянинъ, ношу приличное имя, средства есть, хотя и не большія; съ такими данными я вотрюсь въ свѣтъ,“ такъ рассуждалъ Ольгашевъ, будучи подпрапорщикомъ.

Существованіе дальней родственницы было для него неизвестно. Онъ узналъ, что у княгини Брянской свой домъ на Сергіевской, что мужъ ея занимаетъ значительное положеніе при дворѣ, что княгиня даетъ два бала, что у нея своя ложа въ театрахъ, а по середамъ званые обѣды. Все это представлялось Ольгашеву въ видѣ баррикадъ, черезъ которыя онъ надѣялся перескочить съ помощью своего рода тактики, ловкости и терпѣнія.

Напрашиваться подпрапорщикомъ въ домъ, хоть и родственницы, ему казалось неудобнымъ. Навязчивость можетъ испортить ему успѣхъ; княгиня приметъ его изъ свѣтскаго состраданія и не будетъ знать что съ нимъ дѣлать. Князь будетъ смотрѣть на него какъ на ребенка и въ тайнѣ проклинаать родию жены. „Сдѣлаю имъ визитъ офицеромъ: примутъ—хорошо; не примутъ—отложу знакомство до удобнаго случая,“ рѣшилъ мысленно молодой человѣкъ.

Полученное письмо, окончательно утвердивъ его въ этомъ намереніи; не откладывая въ долгій ящикъ, онъ отправился на Сергіевскую къ князю Брянскому.

Какъ сильно забило у него сердце, когда экипажъ его подъѣхалъ къ великолѣпному фасаду дома.

Онъ вышелъ изъ фаятона, взомелъ на ступени, отворилъ

богато выложенную бронзою дверь и вступилъ на парадное крыльцо.

Глазамъ его представились двѣ мраморныя коринскія колонны и между ними широкая лѣстница, убранная цвѣтами, устланная ковромъ, и съ перилами изъ краснаго дерева. Толстый швейцаръ, въ разряженномъ кафтанѣ, съ булавой въ рукѣ, важно сѣдѣлъ на дубовомъ диванѣ, занимавшемъ двѣ стороны стѣны. Полъ выложенъ гранитными плитами лоснящимися какъ зеркало.

При появленіи офицера, швейцаръ медленно приподнялся, — Кого вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Княгиню Лидію Александровну!

— Княгиня не принимаетъ, сухо отвѣтилъ швейцаръ.

— Я пріѣхалъ съ порученіемъ отъ родственницы ея Ростиславской, продолжалъ Левъ Николаевичъ и подалъ письмо.

Швейцаръ взялъ въ руки письмо, не торопясь надѣлъ огромныя въ серебряной оправѣ очки и важно принялся разбирать надпись.

Оляшевъ съ нетерпѣнія переминалъ ногами.

Затѣмъ швейцаръ дернулъ за шнурокъ.

На звонъ спустился челоуѣкъ въ ливрѣ.

— Отъ нихъ письмо къ княгинѣ, сказалъ швейцаръ, указавъ на офицера.

Лакей недоувѣрчиво взглянулъ на вошедшаго.

Оляшевъ, въ щегольской шимели съ бобровымъ воротничкомъ, въ недоумѣніи и не зная на что рѣшиться, продолжалъ переминать ногами по скользкимъ плитамъ.

Возлѣ него, не обращая болѣе вниманія на него, стоялъ толстый швейцаръ. Прошло пять безконечныхъ минутъ, когда тотъ же лакей вернулся.

— Княгиня приказала извиниться и просить записать адресъ.

Швейцаръ, указавъ на книгу, лежавшую на высокомъ столѣ обмакнулъ перо и подалъ его офицеру.

Оляшевъ записалъ свое жительство и уѣхалъ.

Первая неудача сильно озадачила его. Онъ готовился все бросить къ чорту, и въ душѣ проклиналъ княгиню и наказанное чванство ея круга, со всеми его щепетильностями.

Полученное приглашеніе однакожь примирило его со всемъ этимъ, и онъ находилъ, что съ нимъ поступили очень естественно при первомъ посѣщеніи.

Собираясь на второй приступъ, Оляшевъ былъ неприятно пораженъ ворвавшимся въ его комнату преображенскимъ офицеромъ, Леонтовичемъ.

— На смѣхъ къ тебѣ попалъ, mon cher, отъ этихъ баловъ и вечеринокъ я какъ въ чадѣ! День за днемъ проходитъ въ тревоженіи; не успеешь очнуться. Ты куда?

— Къ княгинѣ Брянской.

— Pestel! Будто ты съ нею знакомъ! воскликнулъ съ недоумчивостью Леонтовичъ! Окажи дружбу, представь меня.

— Я самъ ѣду представляться; ни князя, ни княгини еще въ глаза не видалъ.

— И ѣдешь представляться! Да ты съ ума сошелъ: cela ne se fait pas, mon cher, ты рискуешь, что швейцаръ te rige au nez.

— Ну вотъ, посмотрю я на такую чучелу!

— Да что жь ты штурмомъ, что ли, знакомиться будешь?

— Вовсе не штурмомъ! Принимаютъ же другихъ. Только ты меня, извини, не задерживай, а то будетъ поздно.

Леонтовичъ остановился съ разинутымъ ртомъ.

— Мнѣ эта тактика самому известна, какъ „по первому звуду справа въ колонну стройся,“ но до такой бойкости я еще не дошелъ. Предостерегаю тебя, mon cher, ты на первыхъ же порахъ оборвешься.

И оба они спустились съ лестницы.

III.

Кабинетъ княгини занималъ угловую часть дома и помещался въ большомъ параллелограмѣ обѣ одномъ огромномъ окнѣ изъ цѣльнаго стекла, обращенномъ на улицу; къ нему велъ рядъ великолѣпныхъ гостиныхъ, занимавшихъ передній фасадъ дома и оканчивавшіяся дверями, выложенными рѣзбою превосходной работы. Каменные стѣны скрывались подъ тяжелымъ штофомъ сѣропурпуроваго цвѣта съ вытѣсенными по немъ нестрими букетами. Картины известнаго художника были развѣшены на приличныхъ мѣстахъ, хотя княгиня ровно ничего не понимала въ живописи. Весь лѣвый отъ дверей уголъ занималъ широкій мраморный каминъ съ колоссальнымъ зеркаломъ, доходящимъ до карниза. На каминѣ стоялъ Буль и двѣ севрскія вазы. Передъ каминомъ дугеобразно

размѣщались низенькія, длинныя, весьма покойныя кресла, огражденныя по бокамъ маленькими ширмами, по которымъ разрисованы были китайскія безсмыслицы. Часть комнаты передъ окномъ была убрана экзотическими растеніями, всегда въ полномъ цвѣту, такъ какъ ихъ безпрестанно возобновляли. *Интимные* и *фидели* называли уголокъ этотъ райокомъ. За тѣмъ противъ дверей, немного къ сторонѣ, стоялъ низенькій весьма широкій и соотвѣтственно длинный диванъ, созданный по вдохновенію самой княгини. Въ два часа по полудни княгиня выслушивала на этомъ самомъ диванѣ замысловатую рѣчь камеръ-юнкера Ильи Васильевича Бохревскаго, сидѣвшаго противъ нея съ приподнятою ногою, щиколотка которой покоилась на колѣнѣ другой ноги.

Онъ рисовался въ креслахъ.

Лицо Бохревскаго, выражавшее смѣсь смѣха и чванства, отличалось на диво воздѣянными и расчесанными бакенбардами. Смотрѣлъ онъ не иначе какъ прищурясь, и этотъ маневръ, обратившійся у него въ привычку, сопровождался обыкновенно несмѣтнымъ числомъ морщинъ около глаза. Камеръ-юнкеръ владалъ челюстью парижской отдѣлки, а потому безпрестанно выставлялъ ее безъ всякой надобности. Этотъ изящный господинъ носилъ черный сюртукъ и пальея перчатки, на шеѣ висѣло стеклышко въ золотой оправѣ на муаровой лентѣ. Онъ былъ въ башмакахъ и въ черныхъ шаковыхъ чулкахъ. Камеръ-юнкеръ былъ, какъ казалось, въ паеосѣ и продолжалъ прерванный разговоръ:

— Во всякомъ случаѣ c'est une anomalie des plus hétérocytes.

— Почему? спросила княгиня.

— Потому что чувства не изнашиваются какъ перчатки. Вотрѣчать сегодня кого-нибудь домашнимъ другомъ, завтра его чуждаться, неапно.

— Можетъ-быть, но оно висколько не относится ко мнѣ.

— Я, вы знаете, продолжалъ камеръ-юнкеръ,—съ того дня какъ имѣлъ честь вамъ быть представленнымъ, не знаю покоя ни днемъ ни ночью.

— Vous avez la gastrite! сказала княгиня.

— Я совершенно здоровъ, но если вы не хотите понимать, такъ не стоить и говорить.

— Однако!

— Я влюбленъ.

Княгиня засмѣялась.

— Quelle fatalité.

— Вамъ смѣшно, злобно возразилъ камеръ-юнкеръ.

— Не смѣшно, а дѣйствительно трудно что-нибудь вамъ посоветовать.

— Я не прошу у васъ совѣтовъ; но позвольте мнѣ замѣтить, что съ вашей стороны это не великодушно.

Княгиня продолжала смѣяться.

— Vous me cherchez noise!

Камеръ-юнкеръ пожалъ плечами. Въ это время портьера приподнялась и въ дверяхъ показался лакей.

— Левъ Николаевичъ Оляшевъ!

— Проси!

— О комъ это вамъ докладывали? спросилъ Бохревскій.

— Вы слышали Николаевичъ Оляшевъ.

— А кто такой Николаевичъ Оляшевъ?

— Вѣроятно онъ сейчасъ войдетъ.

— Такъ-съ. Но вы видѣли его прежде?

— Никогда!

— И принимаете?

— Какъ видите.

— Это на васъ совершенно не похоже.

— Почему такъ?

— Домъ вашъ пользуется репутаціей неприступности.

— Значитъ, тѣ, которые такъ думаютъ, ошибаются.

Портьера зашевелилась; человекъ отворилъ дверь, въ комнату вошелъ Оляшевъ и прежде всего увидѣлъ хозяйку. На княгинѣ въ этотъ разъ было простое черное пу-де-суа платье съ высокимъ воротомъ. Зачесанные, по обыкновенію, назадъ волосы открывали ея прелестное, хоть немного и памятое личико.

Княгиня чрезвычайно понравилась Оляшеву. Съ своей стороны она, окинувъ быстрымъ взглядомъ стройнаго, красиваго офицера, внутренно улыбнулась отъ удовольствія.

При его появленіи, она встала и пошла къ нему на встрѣчу.

Удивленный приемомъ камеръ-юнкеръ спустилъ ногу и вставилъ въ глазъ стеклышко.

— Хотя и невѣжливо, но я васъ встрѣчаю съ упрекомъ, cousin, сказала княгиня, протягивая Оляшеву свою маленькую ручку. — Вы воспитывались, кажется, въ юнкерской школѣ, и не могли быть раньше у вашей родственницы.

Привѣтъ княгини сразу озадачилъ Оляшева.

Онъ готовился представиться пышною французскою фразой, а вмѣстѣ того услышалъ княгиню, превосходно говорящую по-русски. А потому, затаивъ свой французскій порывъ, онъ отвѣчалъ на отечественномъ языкѣ:

— Мнѣ очень жаль, княгиня, что я не сумѣлъ угадать ваше желаніе и черезъ то, въ продолженіе двухъ лѣтъ, лишалъ себя счастья васъ видѣть....

— За то постарайтесь теперь вознаградить потерянное, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, перестаньте считать себя гостемъ.

И княгиня сѣла на свой диванъ, указавъ движеніемъ руки Оляшеву мѣсто рядомъ съ собой на креслѣ.

— Вы еще мало знаете Петербургъ?

— Я совсѣмъ его не знаю; но если по вашему дому судить о прочихъ, это земной рай.

— Такъ можно судить по первому разу. Вникнувъ поглубже, дойдешь до убѣжденія, что это несноснѣйшій въ мірѣ городъ, замѣтилъ камеръ-юнкеръ.

— Не подражайте этому господину, сказала, смѣясь, княгиня:—ему все представляется въ черномъ цвѣтѣ, таковъ ужъ характеръ его болѣзни.

— Вы сами, вѣдь, отчасти страдаете этою? болѣзнію, возразилъ еѣ съ ироніей камеръ-юнкеръ; но только дѣло въ томъ, что у васъ очень странное и переменчивое настроеніе ума: вамъ случается при одинаковыхъ обстоятельствахъ и при одной и той же обстановкѣ поступать совершенно противоположно.

— Безъ сомнѣнія, снисходительность княгини причиною тому, сказалъ Оляшевъ, которому вострое вниманіе велико-свѣтской барыни развязало языкъ.

— Этой снисходительности вы также не вѣряйтесь; она-то и составляетъ одну изъ странностей характера княгини; кого милуетъ сегодня, того завтра она казнить.

— При такомъ опредѣленіи моего характера вы непременно выигрываете, замѣтила княгиня,—съ вами я встрѣчаюсь только въ дни амнистіи.

— Кромѣ нынѣшняго! проворчалъ камеръ юнкеръ.

— Почему же нынѣшній день хуже другаго?

— Я вамъ окажу это послѣ.

— Скажите сейчасъ.

— Биржевая сдѣлка: фонды мои упали.

Такое притязаніе камеръ-юнкера и развязность его съ княгиней тяготили Ольшеша. Онъ обрадовался, когда княгиня обратилась къ нему съ вопросомъ, касавшимся его семейныхъ отношеній.

— Кузина не собирается сюда? спросила княгиня.

— Кажется она навсегда останется въ Пензѣ.

Тотъ же лакей показанъ въ дверяхъ.

— Степанъ Михайловичъ Обронскій, доложилъ онъ.

Княгиня отказала.

Камеръ-юнкеръ разсмѣялся.

— Дома ли князь? спросила княгиня лакея.

— Только что изволили вернуться.

— Проси сюда.

Лакей вышелъ.

— Чтò васъ радуеть? обратилась она къ Бохревскому.

— Вы отказываете Обронскому? сказалъ онъ.

— Я могу отказывать Обронскому, и вамъ, и всѣмъ, кому я только захочу, отвѣчала, пожимая плечами, княгиня.

Бохревскому въ первый разъ стало не ловко. Самоувѣренность княгини, а пуще язвительность ея тона показались ему необычайными.

Онъ надулся, опустил стеклышко, погрузился въ самозерпаніе и предоставилъ болѣе удобному случаю разъясненіе непонятнаго.

Но дверь въ третій разъ растворилась, и въ ней показалась величаво вытянутая фигура князя.

Онъ важно поклонился княгинѣ, освѣдомился о ея здоровьи и приложился къ протянутой ему рукѣ.

Княгиня встала. Всталъ и Ольшешъ; одинъ Бохревскій сидѣлъ.

— Союзъ Ольшешъ. Письмо отъ кузины Ростиславской... поминишь... представляла княгиня Ольшеша.

— Мой мужъ Аполлонъ Иліодоровичъ.

Ольшешъ низко поклонился.

Князь устремилъ на молодого офицера испытующій взоръ.

— Очень радъ васъ видѣть!.. Будьте знакомы,— и угождайте княгинѣ, вотъ вамъ кодексъ ея дома, сказалъ князь, и блѣдныя его губы сложились въ самодовольную улыбку; онъ закашлялъ и съ чувствомъ достоинства протянулъ руку Ольшешу. Ольшешъ не совсѣмъ рѣшительно взялъ подавную ему руку и вторично поклонился.

За тѣмъ князь Брянскій опустился въ кресла.

— Здравствуйте, Илья Васильевичъ. Чтò новаго?

— Ежели у васъ при дворѣ нѣтъ ничего новаго, то гдѣ же и быть, возразилъ тотъ, все еще продолжая дуться.

— Ну такъ я вамъ разкажу une grande nouvelle et qui va interessер madame; въ родѣ загадочнаго сфинкса, ça joue dans les contes de fées.

— Voyons la nouvelle.

Князь вынулъ изъ кармана золотую табатерку, открылъ ее медленно, поднесъ къ носу и сталъ осторожно понюхивать.

— Потрудитесь позвонить, возлѣ васъ колокольчикъ, обратился онъ къ Оляшеву.

Оляшевъ позвонилъ.

— Сохнетъ!.. сказалъ князь, переминая табакъ костлявыми пальцами:—надо будетъ смочить, а то какъ пыль.... букетъ теряется.—Потомъ онъ обратился къ Бохревскому:—Oui..... une grande nouvelle, genre Magazin, и онъ засмѣялся сухимъ одержаннымъ кашлемъ.

Въ ожиданіи возвыщенной княземъ новости, присутствующіе молчали. На лицѣ княгини выразились нетерпѣніе и маленькая досада.

— Много толковъ носилось насчетъ Сатольской, началъ князь:—вчерашнимъ листкомъ пожалована она во фрейлины.

— Сатольская фрейлина! воскликнулъ камеръ-юнкеръ и выпрямился. Князь смотрѣлъ на всѣхъ съ торжествующимъ видомъ.

— Cela vous étonne!

Княгиня сдѣлала гримасу; камеръ-юнкеръ закатился смѣхомъ; Оляшеву было все равно: онъ никакой не зналъ Сатольской.

— Фрейлиной ко двору, продолжалъ князь:—et à propos de ça savez vous le bon mot?...

— Смочить табакъ князю, сказала княгиня стоявшему давно у дверей лакею.

Человѣкъ подошелъ съ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ съ водою, и везлѣ маленькая ложечка.

Князь покропилъ табакъ нѣсколькими каплями воды, закрылъ табатерку и сталъ ее поколачивать о ладонь.

— Будетъ, сказалъ онъ, поднявъ голову на стоявшаго возлѣ

лакея...—Очень удачное bon mot Михайлаа.... ах! Степана Михайловича Обронскаго.

— Я не охотница до его остроумь, сухо замѣтила княгиня.

Камеръ-юнкеръ презрительно улыбулся.

— Celui-là est joli cependant, продолжалъ князь:—demoi, selle! d'honneur, elle ne l'est—раз... Очень мило! Что вы на это скажете? И князь продолжалъ смѣяться сухимъ кашлемъ. —А вотъ вамъ другая новость: qui vaut son pesant d'or. Рутину дали Александра Невскаго.

Камеръ-юнкеръ пожалъ плечами.

— И съ радости, узнавъ о такой милости, онъ далъ курьеру тысячу рублей, продолжалъ князь тономъ удивленія и насмѣшки.

Камеръ-юнкеръ, окончательно пораженный, склонилъ голову.

— Вы, cousin, въ егерскій полкъ вышли по своему желанію, пережѣвала разговоръ, обратившись къ Оляшеву, княгиня.

— По желанію отца, такъ какъ онъ самъ началъ службу въ этомъ полку.

— Такому молодцу, какъ вы, слѣдовало бы поступить въ кавалергарды. На балѣ въ красномъ мундирѣ вы произведете впечатлѣніе, замѣтилъ князь, вперивъ свои оловянные глаза въ Оляшева.

Отъ такой откровенности Оляшевъ смутился. Камеръ-юнкеръ едва замѣтно улыбулся, но тутъ же сознался, что себя повредилъ.

— Et vous! Vous n'avez jamais été militaire? спросила его княгиня?

— Je hais le militaire en général et le général en particulier, поправился Бокревскій.

— Ого! засмѣялся князь:—le mot n'est pas orthodoxe.

— Каламбуръ въ родѣ Обронскаго, произнесла княгиня.

— Вы думаете? спросилъ ее съ неудовольствіемъ Бокревскій.

Оляшевъ въ это время всталъ и началъ раскланываться. Княгиня сдѣлала очаровательную гримаску и протянула ему руку.

— Надѣюсь, мы расстаемся не надолго, сказала она.

— Вы такъ любезны, княгиня, что послѣ вашего приема

мнѣ вездѣ покажется скучно, отвѣчалъ Ольяшевъ и расклялся съ княземъ.

— Княгиня даетъ балъ на сѣдующей недѣлѣ, сказалъ князь.

— Вы сейчасъ потеряете пуговицу, замѣтилъ ему камеръ-юнкеръ, и рукою показалъ на мундиръ.

Ольяшевъ немного смутился, впрочемъ сейчасъ же поспѣшилъ улыбнуться и окончательно расклялся. По уходѣ его князь обратился къ присутствующимъ.

— Il est parfaitement bien, ce petit monsieur, un peu embarrassé de sa personne; ну да обойдется.

— Ce petit monsieur головой выше меня замѣтила княгиня, гордившаяся великовѣрнымъ ставомъ и дѣйствительно бывшая выше Бохревскаго.

— Да, сказалъ Бохревскій, — ce petit grand. Не поймай его за фалды, убѣжитъ далеко.

— А что вы думаете, Илья Васильевичъ? Вы мнѣ дали прекрасную мысль. Вотъ бы вамъ пуститься съ нимъ въ запуски, кто кого обгонитъ, насмѣшливо сказалъ князь камеръ-юнкеру.

— Тщетное стараніе, отвѣчалъ Бохревскій, — такого Аполлона не обгонитъ; ему дано много впередъ.

Князь опѣшился, но для поддержанія своего достоинства улыбнулся; княгиня отъ досады покрасѣла.

Бохревскій послѣ своей остроты всталъ шляпу и уѣхалъ.

— Quel sottisse dorée, воскликнула съ неудовольствіемъ княгиня и стала смотрѣть на мужа.

— Молодость, княгиня, ему и двадцати нѣтъ.

— О комъ вы говорите? съ нетерпѣніемъ спросила она.

— О вашемъ кузенѣ, княгиня, которымъ мы всѣ восхищались.

— Я вамъ про Бохревскаго толкую.

— Отвѣтый дуракъ! отвѣчалъ князь, уставая оловянныя глаза на супругу.

Княгиня молчала.

IV.

Ольяшевъ пріѣхалъ домой въ положеніи человека, выпившаго бутылки двѣ шампанскаго, и крѣпко прижалъ къ груди попавшагося ему на встрѣчу Савельича.

— Едабы ты зналъ, Савельичъ, какой ты уродъ, у тебя бы сердце съежилось отъ блаженства!

Савельичъ изподлобья взглянулъ на барина и покачалъ головой.

Тотъ между тѣмъ принялся поспѣшно обрасывать съ себя мундиръ, гадстукъ, подтяжки, и пустился по комнатѣ въ присаку.

— Хватилъ, видно! произнесъ про себя Савельичъ.

— Посмотрѣть на тебя, Савельичъ, продолжалъ Оляшевъ, — мевка не стоишь, только развѣ что усы есть, а вѣдь поди-ка тоже ходишь, разсуждаешь, руками машешь, точно какъ и съ разума.

— Такъ скотина что ли я? Известно дѣло, на то и человекъ, что разумъ Богъ далъ.

— Да тебѣ на кой чортъ эта дрань?

— Какъ на кой чортъ? По то и есть, что разумъ. Безъ него въ свѣтѣ человекъ не живетъ.

— Да ты бы его промѣнялъ на красную рубаху съ оторочкой, шелковою подолаекой и пуговкой со стеклышкомъ.

— Кого?

— Разумъ.

— Да нешто его въ руку возьмешь? А вотъ какъ подгуляете, и онъ загуляетъ.

— Да ты, Савельичъ, думаешь, что я пьянъ?

— Пьянъ не пьянъ, а есть около того, произнесъ лакей.

— Ахъ, ты дѣсной амуръ! Пьянъ-то я пьянъ, да только не съ вина.

— Съ шампанскаго, небось?

— Съ любви, Савельичъ. Ты знаешь, что такое любовь?

Савельичъ усмѣхнулся.

— Что такое любовь? повторялъ Оляшевъ.

Савельичъ пошелъ было въ другую комнату.

— Нѣтъ, ты скажи, что такое любовь? присталъ къ нему баринъ, и, схвативъ стараго сагу, пустился съ нимъ вертѣться по комнатѣ.

— Ну что, пустите, Левъ Николаичъ, кричалъ тотъ семеня ногами и не посадивая за баринкомъ.

— Нѣтъ, ты скажи!

— Чего тутъ сказать-то! Известно, что такое. Пустите! Оляшевъ остановился, и приподнявъ Савельевича, поставилъ его на столъ.

— Вѣдь дажъ же Господь сидицу такую, говорилъ тотъ, спускаясь со стола на полъ.

Съ Савельича отъ упражненія катился потъ. Оляшевъ смѣялся.

— Да ты былъ ли когда влюбленъ, старый сатиръ?

— Вамъ весело, такъ вы вотъ и говорите все про глупости эта, оказалъ Савельичъ.

— Нѣтъ, душенька, Савельичъ, ты объяви на прямикъ, былъ ли ты влюбленъ?

— Дяча не быть? Аль я не человѣкъ что ль!

— Въ Ѳекла, а? продолжалъ его допрашивать Оляшевъ. Савельичъ покраснѣлъ.

Ѳекла, толстая, краснощекая дѣвка, была деревенскій предметъ страсти Савельича.

— Вы какъ повѣнчаетесь, такъ заводъ заведите, оказалъ Оляшевъ.

— Какой заводъ? спросилъ его мрачно Савельичъ.

— Сальный.... Ѳекла-то жирна, какъ борозъ. Изъ нея и вытапливай.

Савельичъ обидѣлся.

— Какъ папенька прѣдетъ, безвременно доложу: вмѣсто чтобы на ученье-то ходить, только глупости говорите, произнесъ онъ.

Оляшевъ торжествовалъ. Для него однимъ изъ величайшихъ наслажденій было дразнить Савельича. Натѣшившись въ этотъ разъ вдоволь, онъ переодѣлся и поѣхалъ обѣдать къ Ляграну, увѣривъ напередъ Савельича, что поидеть кутить на всю ночь.

Вошедши въ рестораъ, онъ увидалъ Леонтовича.

Поручикъ обѣдалъ вмѣстѣ съ какимъ-то маленькимъ статскимъ.

— Здорово, топ шер, кричалъ Леонтовичъ, завидѣвъ Оляшева, — а мы только кончаемъ.

Оляшевъ спросилъ обѣдъ.

— Рекомендую тебѣ господина Валькова, одного изъ нашихъ литературныхъ свѣталъ; онъ пишетъ великосвѣтскія повѣсти, ну-съ, и пришелъ клюнуть кой-какихъ свѣдѣній.... Левъ Николаичъ Оляшевъ, товарищъ по школь, докончилъ онъ, представляя другъ другу своихъ пріятелей.

Вальковъ, охорашиваясь, самодовольно улыбался. Онъ былъ по поясъ Оляшеву и представлялся маленькимъ, гаделькимъ

существомъ, съ головою въ мелкихъ завиткахъ какъ у барашка. Когда поднималъ онъ руку, чтобы взять со стола рюмку или достать изъ кармана носовой платокъ, то своимъ движеніемъ напоминалъ осторожность, какую употребляютъ при выкладываніи хрупкихъ или хрустальныхъ вещей. Отъ него нестерпимо несло пачулей, и ко всему этому онъ еще безпрестанно улыбался.

Ольгашевъ отвернулся отъ него.

— Ты спроси себѣ *filet de boeuf au vin de Madère*, продолжалъ неутомимый Леонтовичъ. — Что же ты, былъ у князя Бряскаго?

— Былъ, отвѣчалъ разрѣзывая котлету, Ольгашевъ.

— Ой, братъ! Не вѣрю.... высоко вспорхнулъ, низко сядешь.

Статскій опять улыбался.

— Ты знакомъ со всеми доцентами паркетовъ, сказалъ, немного спустя, Ольгашевъ, оставивъ безъ вниманія замѣчаніе Леонтовича.

— Со всеми титанами большого свѣта. Кто жь ихъ не знаетъ, отвѣчалъ небрежно Леонтовичъ.

Статскій улыбался.

— Ну, и Бохревскаго знаешь?

— Камеръ-юнкера, Илью Васильича? Еще бы нѣтъ!

— Что онъ за человекъ?

— Солидный малый; у него пять сотъ душъ въ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда.

— Я не о томъ спрашиваю. Чѣмъ онъ здѣсь занимается?

— У него блестящая перспектива; хлопочеть о назначеніи своемъ въ секретари при посольствѣ, и, кажется, получить.

— Да здѣсь онъ зачѣмъ....

— Ты хочешь знать настоящее положеніе его въ свѣтѣ?

— Ну да!

— *Parbleu! c'est l'amant en titre* княгини Бряскаго.

У Ольгашева выпала изъ рукъ вила.

— Съ тобою страшно коснуться до кого-нибудь.

Статскій снова улыбался.

— Да ты откуда? Изъ Камчатки что ль? Точно я тебѣ рассказываю о томъ что на лунѣ творится.

— Но ты такъ рассказываешь, какъ будто бы Бохревскій извошника взялъ.

— Чтѣ тутъ предосудительнаго? Всякое великосвѣтское существо, какъ женскаго, такъ и мужскаго пола, пользуется

неотъемлемымъ правомъ, *brevet sans garantie*, изъ равныхъ себя, замѣть ты это, избрать—одна сторона аманъ, другая—аманшу, и потомъ ихъ мѣнять по мѣрѣ надобности и охоты.

— Чтò за чепуха, отозвался Ольяшевъ.

Статскій продолжалъ улыбаться.

— Вотъ ежели бы она избрала себѣ армейскаго гусара или какого-нибудь губернскаго чиновника *племъ мнѣ съ руту*, *elle dérogerait*, а Бохревскій—ничего!

— Неужели ты не замѣчаешь, какія ты пакости говоришь? произнесъ съ неудовольствіемъ Ольяшевъ;—допустимъ даже что это правда но такія тайны порядочные люди держатъ про себя и не повѣряютъ ихъ даже друзьямъ, а ты заославь почти на улицѣ...

— Зачѣмъ же ты меня спрашивалъ? Человѣкъ! трубку! закричалъ Леонтовичъ:—засловить я, впервыкъ, не заославою, продолжалъ онъ,—а говорю обыкновеннымъ свѣтскимъ языкомъ и Бохревскому доставляю тѣмъ славу, княгинѣ пользу.

Статскій все улыбался.

Въ это время вошелъ въ ресторанаъ господинъ въ усахъ, похожій на тетерева. Онъ былъ очень доволенъ своими шахматными панталонами и кромѣ ихъ ничего не замѣчалъ. Со всѣмъ тѣмъ Ольяшевъ обрадовался его приходу, „Авось съ приходомъ посторонняго лица Леонтовичъ уймется“, думалъ онъ.

Но тотъ не унимался.

— Эй, человѣкъ, затопи каминъ, да дай намъ кофе, командовалъ онъ.—Не спросить ли намъ *rouisse café*, продолжалъ онъ, обращаясь къ Валькову, — оно освѣжаетъ мысли послѣ обѣда, да притомъ *c'est bon genre*.

— Хорошо, сказалъ тотъ.

— Чтò ты пашешь теперь? продолжалъ Леонтовичъ, пододвигаясь къ камину, куда перетачивалъ и Валькова.

— Да такъ, пустячка кое-какіе, отвѣчалъ тотъ, потягивая дымъ изъ трубки.

— Избѣгай, *mon cher*: *c'est ridicule* заставить своихъ героинь валяться по куметкамъ и въ такомъ положеніи выслаушивать любовныя объясненія Блесткиныхъ. Возьми что-нибудь изъ всендневной жизни, за фактами дѣла не станеть...

Ольяшевъ, занятый обѣдомъ, издалека видѣлъ только движенія разговаривавшихъ, но слова не доходили до него. Авторъ, послѣ дѣлко-быть сильныхъ доводовъ, вынулъ изъ

карманъ бумажникъ, долго что-то считалъ и, наконецъ, передалъ пучокъ ассигнацій Леонтовичу, который проворно и не считая опустилъ его въ карманъ.

Ольшешъ, котораго сначала занимало видѣнное, скоро соскучился и собрался уйти; но онъ не совсѣмъ еще отдѣлился отъ своего товарища по школѣ.

— Ты куда, mon cher, такъ рано собираешься?

— А что?

— Посиди съ нами, побесѣдуемъ, покуримъ, потолкуемъ.... А пророзъ, ты вечеромъ вѣрно будешь въ Большомъ театрѣ?

— Нѣтъ, не буду.

— Нельзя, mon cher, весь beau monde тамъ будетъ. Вотъ и мы съ Валяковыми: прощальный бенефисъ Дрюма....

— Ну его къ чорту! Стану я за Дрюмомъ таскаться.

Ольшешъ, впрочемъ, обрадовался, узнавъ гдѣ проводить вечеръ Леонтовичъ.

Въ это время на горизонтѣ Михайловскаго театра появилась новая лучезарная звѣзда, затмившая своимъ блескомъ все предшествовавшія. Никакое наслажденіе нельзя было сравнить съ доставляемымъ неподражаемою игрой madame Allan. Давали въ этотъ вечеръ *Marie ou l'Épave*.

Ольшешъ отправился смотрѣть „бѣгланку“.

Въ антрактъ къ нему подошелъ высокій конно-гвардейскій офицеръ.

— Здравствуй, Léon, поздравляю съ производствомъ; я тебя не видалъ еще въ мундирѣ...—И статный офицеръ окинулъ его съ головы до ногъ бѣглымъ взглядомъ.

— Кто сидитъ возлѣ тебя! спросилъ его Ольшешъ.

— Справа, адъютантъ Сатольскій.

— Братъ новой фрейлины.

— А ты знаешь?

— Самшалъ; ну, а съ другой?

— Съ другой—Бохревскій, камеръ-юнкеръ.

— Скажи, Nicolas, только, пожалуйста, правду скажи, что онъ точно у княгини Брянской занимаетъ?...

— Quelle blague! сказалъ конно-гвардеецъ, выставляя прекрасный рядъ зубовъ.

— Какъ же все утѣряютъ?

— А tout prendre je n'ai pas tenu la chandelle, но держу это противъ одного что вздоръ. Взгляни на эту обезьяну,

неужели княгиня не найдетъ лучше. Да тебѣ не все ли равно?

— Я отъ Леонтовича слышалаъ.

— Нашелъ у кого спрашивать! Да онъ князя живаго бы съѣлъ.

— Что жь у нихъ могло быть общаго.

— Развѣ ты не знаешь? Его вызвали во время бала.

— Ничего не знаю.

— Какъ же челоуѣкъ подошелъ. Les mauvaises langues prétendent будто этакъ княгиня потѣшила Обреничаго.

— А Обренискій кто такой?

— Фангель-адъютантъ. „Кулекъ съ начинкой“ его кланка; прорывается въ извѣстность неудачными каламбурами, — противоположное созданіе.

— Однако онъ имѣетъ вліяніе на княгиню?

— Да, у него больше шансовъ чѣмъ у Бокренскаго.

— И ты вѣришь этому!

— Я, мой милый, не возьму на себя труда проверять чужіе экстазы. Не будучи въ дѣлѣ, какое мнѣ дѣло? По теоріи вѣроятностей оно скорѣе „да“ чѣмъ „нѣтъ“.

— Что жь послѣ того вашъ свѣтъ, что ваше общество, когда вы со смѣхомъ посягаете на неприкосновенность всякаго нравственнаго чувства, когда?.....

— Вотъ нашелся проповѣдникъ?... Мы съ тобой свѣтъ не передѣлаемъ. On le prend comme on le trouve. Лучше взгляни на верхъ въ бель-этажъ въ третью ложу съ правой стороны. Видишь?

— Оляшевъ навелъ бисокль.

— Вижу двѣ дамы и сзади господинъ во фракѣ.

— Его ты брось, а вотъ поближе къ сценѣ, замѣчаешь даму enragée et fleurs?

— Блондинка! Ахъ какія у ней бѣлая плечи! Что это благопріобрѣтенныя?

— Натураальныя по родовому наслѣдству. У ней по правдѣ сказать, своего только и есть, что плечи. Впрочемъ и носъ не дуренъ. Вблизи она не теряетъ. Ну, что жь, ничего.

— Да тебѣ что надо?

— Чтобъ она тебѣ понравилась.

— Да, она не дурна.

— Слава Богу, больше мнѣ ничего не нужно.

— Кто она такая?

— Баронесса Дангофъ. Теперь ты долженъ помнить еще то что сказано о дружбѣ въ правотворныхъ книжкахъ.

— Что такое тамъ сказано?

— Сказано, что истинные друзья узнаются въ несчастіи. Ну я въ страшной опасности.

— Хочешь денегъ?

— Нѣтъ, окажи мнѣ другую услугу, и вмѣстѣ съ тѣмъ одоли баронессу...

— О какой дряни хлопчешь! Ты бы прямо объявлял.

Въ это время всталася заавѣсь, и пріятель разошлись по мѣстамъ.

V.

Послѣ представленія Ольяшевъ уѣхалъ домой. Онъ засталъ Савельича за чаемъ.

— Попотчуй Савельичъ!

— Вотъ я сначала разуваться подамъ, отвѣчалъ тотъ, съ недоувѣрчивостью поглядывая на барина.

Напившись наскоро чаю, Ольяшевъ досталъ откуда-то толстую тетрадь и выслалъ Савельича.

— Ступай себѣ, мнѣ ничего не нужно, дверь притвори.

Часъ спустя, собираясь въ свое логовище, Савельичъ подошелъ и посмотрѣлъ въ скважину дверей.

Баринъ, сидя въ рубашкѣ, что-то усердно писалъ.

Савельичъ покачалъ головой и отправился спать.

Когда же луна взошла высоко, Савельичъ, обезпокоенный блохами, проснулся, подошелъ опять къ дверямъ и сталъ смотрѣть.

Баринъ все писалъ съ большимъ рвеніемъ.

— Пьянъ! рѣшилъ Савельичъ и махнулъ рукой.

Ольяшевъ писалъ свои дневныя впечатлѣнія. Разумѣется, болѣе всего о княгинѣ. Въ его глазахъ она становилась небожительницей. Разыгравшаяся фантазія заставила его уподобить княгиню одной изъ трехъ грацій Кановы. У княгини въ самомъ дѣлѣ была маленькая артистическая головка, но для пропорциональности ей бы сѣдовало быть больше.

Глаза княгини Ольяшевъ примѣнилъ къ звѣздамъ, при лунномъ свѣтѣ, да еще въ майскую ночь.

Говора провой, у княгини глаза были сѣрые и отличались

страннымъ свѣтловомъ: чѣмъ больше въ нихъ владычались, тѣмъ болѣе выражали они что-то невыказанное, задуманное, что впрочемъ нисколько не согласовалось съ пустотой ея характера.

Таина прелести клягми заключалась въ безпрестанно-мѣняющемся выраженіи лица. Бывали минуты, когда она была совершенно не похожа на самое себя. Она была очень перемѣлива, то что по-французски называется *journalière*.

У клягицы были мягкіе, какъ шелкъ, волосы свѣтло-русого цвѣта. Будучи ребенкомъ, она вратала длинныя ихъ концы въ ротъ, за что получала часто выговоры отъ своей гувернантки маркизы d'Augemont. Забавя ребенка обратившаяся въ привычку взрослой, составляла теперь неотъемлемую принадлежность ея граціи. Несмотря на то что клягина родилась, выросла и вышла замужъ въ Петербургѣ, она сохранила лучшее украшеніе женщины: ни камятъ, ни мевская вода, ни столичное паразитство не смогли испортить ея волосы: въ тридцать два года они у ней были также густы, какъ и въ семнадцать.

Часовъ въ восемь утра Савельичъ вошелъ въ спальню барина.

Онъ нашелъ его въ шафрокѣ спящимъ на постелѣ. На придвинутомъ стулѣ лежала тетрадь, величиною въ листъ съ исписанною кругомъ страницей.

Савельичъ заглянулъ туда и увидалъ на одной изъ страницъ эскизъ женской головки.

Онъ отвернулся и плюнулъ.

— Левъ Николаичъ, а! Левъ Николаичъ!

Отвѣта не послѣдовало.

Савельичъ занялся приготовленіемъ барскаго туалета; потомъ бокомъ подошелъ къ спящему.

— Савельичъ, пошелъ прочь! послышался голосъ съ кровати.

— Девятый часъ!.. пора на ученье.

— Я нынче на ученіе не иду, кракнулъ баринъ мягкимъ толпьякимъ голосомъ.

— Какъ не идете! А съ вечера приказъ приносили....

— Знаю; но потомъ отгѣнили, сказалъ Оляшевъ, зная по опыту, что отъ Савельича легко не отдѣлаешься.

— А вотъ неправда. Просто лѣзнитеся.

— Ну да, лѣнь! Не пойду на ученье, и все тутъ.

— А я старому барину жаловаться буду.

— Его нѣтъ!

— А вотъ какъ прійдетъ.

— Ну что жь на здоровье.

— Да какъ же это, Левъ Николаичъ!

— Да такъ, плавать мнѣ на все.

— Ну на гауптвахту возьмутъ.

— Ну и пускай! Помежь прочь; я спать хочу!

Савельичъ почесалъ затылокъ.

— Съ полкового двора два раза присылали, солгалъ онъ.

— Пусть пришлютъ въ третій.

— Кабы вы вчера не того, сегодня бы молодцомъ встали, чаю накушались бы, да и на учеье давно бы ушли.

Разговоръ на эту тему долго бы еще продолжался, есибы не былъ прерванъ звонкомъ у подъезда.

— Вотъ никакъ съ полкового двора опять присылаютъ, пригрозилъ Савельичъ и пошелъ отпирать дверь.

Онъ скоро вернулся съ торжествующимъ лицомъ.

— Опять тотъ же лакей приходилъ,

— Какой?

— А вотъ, что въ первый разъ письмо принесилъ.

— Онъ опять съ письмомъ?

Тутъ Савельичъ подалъ Оляшеву записочку, запечатанную облаткой съ княжескимъ гербомъ.

На оборотѣ прежнимъ красивымъ почеркомъ написаны были имя и фамилія Оляшева.

Оляшевъ снялъ осторожно облатку, и глазамъ его представилось литографированное приглашеніе на балъ къ Брянскимъ.

Прочитавъ его, Оляшевъ щелкнулъ пальцами, и сказалъ:

— Ну теперь давай одѣваться.

VI.

Въ назначенный день безконечные ряды налетѣвшихъ со всѣхъ концовъ столицы каретъ загромоздили Сергіевскую улицу. ♪

Одна за другой подъѣзжали онѣ къ великолѣпно освѣщенному фасаду дома князя Брянскаго.

Дебелый швейцарь, въ пудрѣ, держа булаву вытянутою рукой, гремѣлъ имена пріѣзжавшихъ. Великосвѣтскую звать встрѣ-

чалъ рядъ лакеевъ въ княжеской ливреѣ, разставленныхъ по обѣ стороны лѣстницы, убранной цвѣтами и деревьями. Трое настежь отворенныхъ дверей вели въ огромный залъ, предназначенный для танцевъ. Свѣтъ тысячи огней, отражавшійся въ граняхъ хрустала, разливался непрерывными потоками на шумныя волны головъ, пораженныхъ разнообразіемъ и чопорностію лицъ, туалета, кружевъ, лентъ, камельевъ, звѣздъ, діамантовъ. Группы дамъ были окружены блестящими мундирами гвардіи, знаменитостями дипломатіи и двора. Глазъ уставалъ смотрѣть на эти движущіяся массы, поражающія богатствомъ, пышностію нарядовъ, или изяществомъ формъ.

Заигралъ оркестръ и поехали пары: за кавалергардскимъ офицеромъ съ Сильфидой въ воздушномъ газѣ летѣлъ чопорный фракъ дипломата. Здѣсь лейбъ-гусаръ уносилъ въ вихрѣ вальса княжну З....., приводившую Петербургъ въ удивленіе граціозностію своей фигуры. Тамъ колоссальный кирасиръ вертелъ баронессу Даугофъ, отличавшуюся близкою плечъ, хорошенькимъ носикомъ и уступчивымъ мужемъ съ ключомъ назадъ. Вотъ взгляните на этотъ едва распустившійся подъ петербургскимъ небомъ экзотическій цвѣтокъ: какъ граціозно носится онъ по паркету, едва касаясь руки случайнаго кавалера! Не пройдетъ года, онъ увянетъ, улетучится его запахъ, вѣтеръ разнесетъ лепестки, останется онъ изсохшимъ, обезображеннымъ стебелькомъ, а все будетъ кружиться.

— La jeunesse dansante s'est comme le pain qui n'est mou qu'un jour, замѣтилъ съ завистью толстый сановникъ, вспоминая о своей минувшей молодости.

— Для княгини нужно придумать новое прилагательное!.. Сказать, что она прелестна—с'est commin отозвался худощавый мущина, носившій на себѣ признаки дряхлости, несмотря на свои молодые лѣта.

— Гдѣ вы ее видите? спросилъ дипломатъ.

— Parbleu! la voilà! и худощавый движеніемъ головы указалъ на танцующихъ.

Княгиня вальсировала съ маленькимъ господиномъ, вытянувшимся въ стружку, чтобы какъ-нибудь поддѣлаться подъ стать своей великолѣпной дамы. Поемъ вальса онъ проводилъ княгиню къ мѣсту и раскланялся. Она была въ черномъ бархатномъ платьѣ съ бертой изъ chantilly, волосы у ней были въ цвѣтахъ и жемчугъ; кругомъ шеи жемчужная нить; плечи

я были не слишкомъ обаятельны, но на столько, чтобъ уличать въ вларадки тѣхъ, которые утверди будто она слишкомъ худоцава.

— Вы себя несколько не бережете, сказалъ важный пожилой господинъ съ двумя взглядами, давно собиравшійся помѣстать свое словечко.—Вы советны измучились, княгиня!

— У меня до васъ есть дѣло и просьба.—И княгиня принимаясь съ большимъ жаромъ что-то разказывать важному господину.

— А какъ зовутъ вашихъ protégés?

— Постойте, одного Свильковъ, такъ кажется; другаго... Садочкинъ... mais non.

— Это все равно, не беспокойтесь.

— C'est que cela m'intrigue... un nom si drôle... Monsieur Остановъ! подозвала она высокаго молодого человѣка въ очкахъ.—Какъ вы говорили: Салькинъ и Пачкукинъ?

— Свильковъ и Пovyшкинъ, княгиня.

— C'est ça, Пovyшкинъ, c'est très gentil ça.

— Это все равно, княгиня; du moment que c'est votre bon plaisir, все сказано. Владимиръ Михайловичъ, объявите Вартонову, что они на второмъ кладѣ, и къ его столу.

Г. Остановъ молча поклонился.

Между тѣмъ князь Аполлонъ Илюдоровичъ, съ свойственною ему важностию, подходилъ попеременно къ величавымъ гостямъ, не участвовавшимъ въ танцахъ, и поблекшія его губы находили для каждаго приличныи привѣтъ.

Къ нему подошла пожилая дама въ муаръ-антиковомъ платьѣ. Она бросала кругомъ беспокойные взгляды, тщетно отыскивая княгиню.

— Je vous présente ma fille, mon prince.

Семнадцатилѣтняя дочь, свѣжая, какъ распускавшійся розанъ, съ тонкими привлекательными чертами, присѣла князю.

— Гдѣ находятъ такихъ красокъ въ нашемъ гилломъ Петербургѣ? отозвался голосъ, очевидно, насчетъ милостиваго свиданья.

Опоздавшій Оляшевъ раскланиваясь въ это время съ княземъ:

— Voilà qui arrive comme par enchantement; un mien cousin, recommandovalъ его князь муаръ-антиковой дамѣ:—un parfait danseur.

Въ большомъ залѣ составила кадрили monster при участии

самоѣ княгини. Она дружески кивнула головой Ольгешеву, а теперь съ удивленіемъ смотрѣла на его даму поражающую свѣжестью.

— *Qui est jeune homme qui danse avec votre fille?* спросила муарь-антиковую даму другая приземистая дама, руки которой разукрашались огромными браслетами, что придавало ей видъ торговца съ бубликами.

Маменька нагнулась къ бубликамъ и удовлетворила ихъ любопытство.

Княгиня танцевала съ чернымъ фракомъ отчаяннаго выраженія и непомятаго роста.

— Что за страсть у княгини, танцевать съ разною архитектурой, замѣтилъ жолчный худощавый господинъ другому господину съ двумя звѣздами.

Тотъ благосклонно ему на это улыбнулся.

По окончаніи кадрили, баронесса Дамгофъ, въ сопровожденіи своего кавалера, направилась въ ту сторону, гдѣ стоялъ Ольгешевъ.

— Представь мнѣ твоего cheri, сказала она.

Конногвардеецъ улыбнулся и исполнилъ желаніе.

— Я надѣюсь видѣть васъ у себя, сказала баронесса.

Ольгешевъ поклонился и пригласилъ ее на сѣдующій кадрили.

Баронесса очень, повидимому, обрадовалась этому.

— Княгиня желаетъ васъ видѣть, сказалъ Ольгешеву, подошедшій къ нему длинный господинъ.

Ольгешевъ направился въ ту сторону.

— Вы вѣроятно не забыли, что танцуете эту кадрили со мною?

Молодой человекъ растерялся. Княгиня засмѣялась.

— Вы такъ озадачены, будто вамъ сообщили несприятную новость?

— Совсѣмъ нѣтъ, я радъ оказанной чести.

А между тѣмъ издалека баронесса наводила на него лорнетъ, и потомъ, наклонившись къ своему кавалеру, что-то ему сказала.

Ольгешеву стало невыносимо, онъ отправился къ баронессѣ.

— Я только-что имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ, а уже успѣлъ сдѣлать непростительную неловкость.

— Что такое? спросила съ участіемъ баронесса.

— Я долженъ былъ просить васъ на пятую кадрили.

— Вы танцуете четвертую съ княгиней?

Ольгашевъ сконфузился.

— *Desoléé!* пятую отдала. Какъ жалко однако, что вы не обладаете такою же счастливою памятью какъ и наружностію. Поросите княгиню отъ меня, чтобъ она подѣлилась съ вами своею памятью.

Когда Ольгашевъ въ кадрили стоялъ возлѣ сидѣвшей княгини, она вдругъ сказала.

— Сознайтесь, *cousin*, что я съ вами безсовѣстно поступила.

— Почему вы это думаете?

— Потому что лишила васъ удовольствія танцовать съ баронессой.

— Если пойдетъ на откровенность, княгиня, я не вромѣлю васъ на баронессу.

— Очень неразчетливо.

— Почему?

— *Vous avez toutes les chances pour arriver au triomphe d'elle*, засмѣялась княгиня и посмотрѣла ему въ глаза.

— *Une victoire facile n'est plus un triomphe.*

— А вы тщеславны?

— Я разборчивъ.

— А все же вамъ за меня достанется.

— Хорошо, ежели бы вы за меня заступились.

— Я тутъ вамъ ни въ чемъ не помогу. *C'est votre affaire!*

— *Princesse quelle distraction*, сказалъ вдругъ очутившійся передъ нею кавалеръ.

Княгиня встала. По окончаніи кадрили, баронесса въ одной изъ гостиныхъ встрѣтилась съ своимъ мужемъ. Онъ выходитъ изъ портретной въ сильномъ негодованіи на то, что не рашелъ себѣ партіи. Увидавъ свою блѣдную, томную баронессу съ ослабительными псчами, онъ звѣнулъ.

— Какъ жаль, что рано, проговорилъ онъ.

— Чтò же? будетъ поздно.

— Уѣду спать.

— *Avoir une margotte pour mari!* сказала она, пожимая съ досадою своими красивыми плечами. На глаза ей попался Бокревскій.

— Ахъ, это вы, очень рада! прошептала она.

— Все къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ тотъ.

— Приглашайте ко мнѣ на этой недѣлѣ на балъ. Приглашайте и Ольяшева.

Камеръ-юнкеръ многозначительно ей улыбнулся, и пошелъ исполнять ея порученіе.

На другой день послѣ бала, передъ выходящимъ каминомъ, вечеромъ, часу въ восьмомъ, сидѣла княгиня, и съ нею Никаноръ Васильевичъ Халонскій. Десять лѣтъ во многомъ измѣнили его; онъ сдѣлался почти пожилымъ мужчиной.

— Зачѣмъ вы не были на балѣ? спросила она его между прочимъ.

— Я недавно вернулся и усталъ съ дорога. Да притомъ прошла моя пора для баловъ.

— Вы, кажется, привали на себя личину стараго человѣка.

— Я никогда ни въ чемъ не притворялся.

— Не знаю, отличаетесь ли вы притворствомъ, но забывчивостію точно отличаетесь.

— Я писалъ вамъ два раза, но не получалъ отвѣта.

— Вы мнѣ писали вздоръ, а я васъ просила о дѣлѣ.

Халонскій закинулъ назадъ голову въ положеніи человѣка, который что-то напоминаетъ.

— Вы очень настойчивы. Я полагалъ, что вы давно его и забыли.

— Вы меньше предполагайте и исполняйте то, о чемъ васъ просятъ.

Халонскій потупилъ голову.

— Прежде надобно узнать адресъ, проговорилъ онъ.

— Такъ и узнайте же! сказала почти строго княгиня.

Халонскій не поднималъ головы.

— Отчего вы меня утромъ не приняли? спросилъ онъ.

— Я всѣмъ отказывала послѣ бала.

— Неправда; у васъ былъ Ольяшевъ, и вы его приняли.

Едва замѣтная краешка набѣжала на бѣлѣныя щеки княгини.

— Celui la c'est un parent.

— Хорошо еслибы всегда такъ уважали родственныя связи.

Впрочемъ во всякомъ случаѣ я съ Ольяшевымъ васъ поздравляю.

Княгиня посмотрѣла на Халонскаго.

— Vous êtes un impertinent! Вы взяли обманомъ и научили меня быть осторожною, проговорила она.

— Нищему бросили кусокъ хлѣба, и потомъ сожалеете. Десять лѣтъ какъ вы меня отвергли, а я васъ все-таки не

могъ забыть. Неизгнанный, испытанный другъ лучше забывчиваго красавца.

— Что жъ я съ вами буду дѣлать? спросила насмѣшливо княгиня.

— Что вы сделаете съ Ольгашевою?

VII.

А время шло. Разъ Ольгашевъ былъ приглашенъ къ семейному столу княгини. Князь тотчасъ послѣ обѣда отправился къ себѣ, madame Flozque увела Лидю. Ольгашевъ остался ввосьмѣ съ княгинею въ гостиной на маленькомъ диванѣ. Прерванный между ними разговоръ продолжался.

— Сколько разъ я проходилъ подрапорщникомъ мимо вашего дома и не воображалъ тогда осуществить такъ скоро возможность сидѣть здѣсь съ вами рядомъ! Разъ мнѣ удалось васъ увидѣть à la Repommes. Я вошелъ вслѣдъ за вами. Было очень холодно. Вы были вся въ мѣхахъ и въ бархатѣ; у меня билось сердце такъ сильно, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ вы этого не слышали. La dame du comptoir, послѣ какъ вы уѣхали, сказала мнѣ: „Il paraît, que la princesse a produit un immense effet sur vous.“

— Почему же вы не подошли ко мнѣ?

— Я не смѣлъ.

— Что за ребячество! Къ вашей родственницѣ?

— Я не зналъ, впервыхъ, уважаете ли вы въ такой мѣрѣ родство; потому, отъ васъ вѣдало такую холодную неприступностию, вы были такъ хороши, что я васъ боялся.... Мнѣ казалось, что смотрѣть на васъ, удивляться вамъ, и то уже дерзость.

— Хорошее же вы имѣли обо мнѣ понятіе!

— Вы не поймете этого чувства! Оно не женское. Въ васъ столько величавости, граціи, что я бы скорѣе отправился къ бѣлому медвѣдю въ клетку чѣмъ къ вамъ. И еслибы вы знали, сколько мнѣ нужно было храбрости въ первый разъ вамъ представиться. Я показывалъ видъ, что будто ничего, а у меня зубы постукивали.

Княгиня засмѣялась.

— Что же васъ такъ смущало?

— Одно ужъ то, когда я услышала, что вы говорите порусски. Этимъ вы совершенно обили меня съ тоаку.

— Я по рожденію Русская; почему же мнѣ не знать своего языка?

— Оттого что кругъ, къ которому вы принадлежите, пренебрегаетъ имъ.

— Это негѣпность, созданная воображеніемъ тѣхъ, которые никогда не бывали въ свѣтѣ.

— Вы очень снисходительны ко мнѣ, кузина, проговорилъ вдругъ Оляшевъ.

— Это на какомъ основаніи?

— Вашъ приемъ вокружилъ мнѣ голову. И какъ мнѣ не бояться?—Увидѣвъ рай, разотаться съ нимъ больно.

— Чтѣ это опять за предположеніе? Ежели васъ, какъ вы говорите, въ рай держать, зачѣмъ же думать о другомъ?

— Нѣтъ, княгиня, тутъ одно великодушіе, чтобы не сказать хуже. Въ тотъ день, когда я выйду изъ вашей палаты, я перестану понимать жизнь.

— Я вовсе не желаю васъ забыть, а потому пока и не надобно допускать этой возможности.

Оляшевъ предавался княгинѣ со всею безграничною вѣрой молодости. Онъ присвоилъ ее себѣ со всеми недостатками. Ея смѣхъ и движенія порождали въ немъ непонятное блаженство, а, между тѣмъ, ея слезы шевелили ему душу сладострастіемъ. Онъ завидовалъ каждой вещицѣ, носимой княгинею, тогда какъ усталый взгладъ ея вызывалъ въ немъ трепеть чувственности. Онъ любилъ садиться на оставленномъ только что княгинею мѣстѣ, упивался восторгами приписываемыхъ ей обожателей, и до того проникся образомъ княгини, что инстинктивно чувствовалъ ея приближеніе.

Съ своей стороны княгиня продолжала смотрѣть на него, какъ на игрушку, искусный механизмъ которой приводилъ ее къ неожиданнымъ, прелестнымъ открытіямъ.

Ей нравилось самоотверженіе этой первой молодости, стыдливое предчувствіе чего-то неопредѣленного, не оказаннаго самому себѣ, необъяснимаго. Ей нравилось располагать и управлять порывами развивающейся страсти, носившейся по неизмѣримымъ предѣламъ. Ей было весело видѣть Оляшева, наивно принимающаго мечту за дѣйствительность, ищущаго цѣломудренныхъ началъ въ чувствахъ, давно утратившихъ свою чистоту.

Она восхищалась идеальной красотой юноши, готоваго безумно истратить свои сокровища за жалкій остатокъ уводящей молодости.

Княгиня ошиблась только въ одномъ: Оляшевъ любилъ ее чувственно; другой любви онъ не понималъ.

Однажды, сидя возлѣ княгини, онъ ее спросилъ:

— Правда ли, что у васъ есть и были любовники?

Легкая краска набѣжала на ея блѣдныя щеки.

— Какое вы имѣете право дѣлать мнѣ подобный вопросъ?

— То право, что ежели слухи основательны, я благодарю судьбу, я счастливъ!

— Неужели вы такъ безумны, что воображаете найдти женщину, готовую отвѣчать вамъ на подобный вопросъ?

— А почему нѣтъ, когда худшій случай обращается для нея въ лучшій.

— Вы незнакомы ни съ свѣтомъ, ни съ людьми. Про кого много говорятъ, тотъ рѣдко оправдываетъ молву.

— Поэтому Бохревскій—вздоръ?

— *Escoutez, monsieur Leon*, произнесла княгиня, стараясь принять строгій видъ,—я вамъ повторяю, чтобы вы перестало.

— И Обронскій также неправда? продолжалъ Оляшевъ.

— За кого вы меня принимаете? съ чувствомъ достоинства спросила княгиня.

— Я? Я васъ люблю!!!

Оляшевъ облокотился на столъ, закрылъ лицо руками и ничего не отвѣтилъ. Такъ прошла минута.

— Что съ вами? спросила княгиня.

Она нагнулась къ нему, приподняла его голову и этимъ движеніемъ коснулась лицомъ его волосъ.

Оляшевъ плакалъ.

Слезы катились по щекамъ и падали на мундиръ.

— Какой вы ребенокъ, сказала княгиня голосомъ исполненнымъ чувства состраданія,—утирая его слезы руками. Зачѣмъ вы плачете? Что васъ огорчаетъ?

Судорожный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Оляшева при прикосновеніи этихъ мягкихъ рукъ. Онъ взглянулъ на нее со всѣмъ блаженствомъ страсти, хотѣлъ встать и припалъ прямо къ ея коѣткамъ. Княгиня крѣпко прижала къ себѣ эту голову, покрытую русыми кудрями, она стиснула ее въ своихъ

рукахъ, но то было мгновеніе; ей тутъ же представилась сѣвн-ная сторона набѣжавшаго чувства.

— Вы съ ума сошли! Что вы дѣлаете? Опомнитесь! Лицо княгини вспыхнуло надменностію.

Другое было съ Ольяшевымъ. Онъ безжалостно цѣловалъ платье, колѣни княгини.

Минуты двѣ спутя, княгиня садѣла за пианиномъ; пальцы безъ вниманія скользили по клавишамъ.

Лицо ея приняло насмѣшливое выраженіе.

Ольяшевъ только начиналъ понимать свое неловкое положеніе.

— Между нами все кончено, проговорилъ онъ нервѣтительно княгинѣ.

— Почему вы думаете?

— Я забылся передъ вами.

— Что жъ вы сдѣлали? Упали! Это бываетъ со всякимъ.

Она насмѣшливо улыбалась.

Ольяшевъ молчалъ.

— Знаете, что я вамъ скажу, cousin, продолжала княгиня. — Вамъ нуженъ дядька, безъ совѣтовъ вы пропадете. Садитесь сюда возлѣ меня, послушайте меня со вниманіемъ; я дамъ вамъ первый урокъ.

— Вы надо мной смѣетесь, княгиня.

— Зачѣмъ вы неглажируете службой? Вчера я долго толковала о васъ съ вашимъ командиромъ.

— Ну вотъ о какомъ вздорѣ вы говорили!

— Это вздоръ, а увѣжать изъ маскарада съ баронессой Дангофъ, это не вздоръ!

— Почему вы знаете? спросилъ покраснѣвъ Ольяшевъ, вспомнивъ недавнее приключеніе, бывшее у него съ баронессой на маскарадѣ въ Благородномъ Собраніи.

— Я ужъ знаю и удивляюсь, какъ не стыдно вамъ влюбиться въ женщину, которая вамъ въ матери годится.

— А развѣ я влюбленъ въ нее?

— Полагаю, а то вы бы ее не увозили.

— Баронесса откровенна, вотъ за что я ее уважаю.

Княгиня сдѣлала свою гримаску, что означало у нея нѣкоторую степень неудовольствія.

— А вамъ нравятся откровенность тѣхъ, которая съ вами гадятъ по ротамъ Имамидовскаго полка?

Онъ образумился. „Былъ бы я ей ничего, или такъ себѣ,

кой чертъ заставлялъ бы ее заниматься моимъ маскараднымъ походомъ,“ думалъ онъ про себя.—Я знаю одно, княгиня, сказалъ онъ мрачно.—Я несчастливъ тѣмъ, что безъ памяти люблю васъ, а съ вашей стороны встрѣчаю одну суровую холодность.

Княгиня засмѣялась.

— На васъ нельзя сердиться, вы слишкомъ молоды.

— На основаніи вѣчной моей молодости а когда-нибудь чертъ знаетъ что надѣлаю.

— За вами нужно смотрѣть, и потомъ внушить вамъ прайма, а безъ того вы по баронессѣ оставите себѣ понятіе обо всѣхъ прочихъ женщинахъ и будете восторгаться тѣми, которыя сами вѣшаются вамъ на шею.

— Я золь на тѣхъ, которыя далеки отъ этого.

— Поэтому вы и на меня заитесь.

— На васъ я не смѣю!

— А очень хочется позлиться? спросила княгиня, выставивъ богѣ чѣмъ нужно на шене камина кончикъ ноги въ ажурномъ чулкѣ.

— Вы мнѣ позволили васъ видѣть, быть у васъ, дышать однимъ съ вами воздухомъ—и не потерять разсудка, это выше силъ человѣка, и это вы не хотите понять.

— Чѣмъ же я тутъ виновата, и что мнѣ остается дѣлать? Отказать вамъ отъ дому было бы жаль. Притомъ я старѣе васъ; вамъ нельзя меня любить.

— Ваши лѣта мнѣ неизвѣстны, да и вѣтъ мнѣ до нихъ дѣла. Для себя собственно я желалъ бы васъ видѣть постарше и похуже, тогда вы были бы снисходительнѣе!

— Какой вы вздоръ говорите! Для вашего удовольствія я должна быть уродъ?

— Я выразилъ только свое желаніе; оно васъ не измѣнитъ, и понятво, что тогда вы позволили бы мнѣ цѣловать васъ сколько душѣ угодно.

Княгиня покраснѣла.

— Постарѣй, такъ сейчасъ же разлюбите, произнесла она какъ бы про себя.

— Княгиня! воскликнулъ вдругъ Оляшевъ.

— Зачѣмъ вы меня называете княгиней? Я вамъ кузина? это гораздо лучше.

— У меня до васъ просьба.

— Что вамъ угодно?

— Но впередъ дайте мнѣ слово, что перестанете сердиться.

— Вотъ вамъ рука.

Ольгашевъ взялъ руку.

— Чтò жь вы ея не цѣлуете? Вѣдь вы сами увѣрили, что только изъ этого желали видѣть меня старушкой.

Ольгашевъ цѣловалъ ея блѣдые пальцы.

— Въ чемъ же я могу вамъ помочь?

— Позвольте мнѣ написать къ вамъ любовное письмо.

— И мнѣ тоже отвѣчать вамъ письмомъ? спросила она, смѣясь.

— Нѣтъ, этого не нужно. Вотъ въ чемъ дѣло. Вы сейчасъ оказали, что я забуду васъ; позвольте мнѣ написать объ этомъ.

— Пишите, вотъ письменный столъ; тамъ вы все найдете.

Ольгашевъ подошелъ къ столу, досталъ изъ бювара листъ бумаги съ княжескимъ гербомъ и написалъ:

„Я понимаю, что писать глупо, но у меня не достаетъ духа сказать вамъ то чтò могу повѣрить бумагѣ. Я васъ обожаю, и ежели когда-нибудь измѣню своему божеству, пусть надо мной разразятся всѣ несчастья. Ольгашевъ.“

Онъ сложилъ записку и началъ осматриваться кругомъ.

— Чтò вы ищете? спросила княгиня.

— Удобное мѣстечко спрятать мою записку.

— Дайте мнѣ ее.

— Вы прочтете и разсердитесь.

— Ничего; я только прочту.

Какъ школьникъ, нервнительно, Ольгашевъ подавъ свое письмо княгинѣ.

Она прочла.

— Чтò же вы хотите сдѣлать съ вашею запиской? спросила она, возвращая ему бумажку.

.. Я ее спрячу въ рамку вотъ этой картины. Ежели обстоятельства когда-нибудь измѣнятся, мое призваніе послужить мнѣ укоромъ совѣсти.

И въ то же время онъ подошелъ къ картинѣ, висѣвшей противъ камина, возлѣ огромной порфировой вазы, и пропустилъ въ щель рамки сложенную бумажку.

Едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ приподнялась портьера, и человекъ доложилъ: „Никаноръ Васильевичъ Халонскій.“

Ольгашевъ взялся за шапку.

— Оставайтесь, зачѣмъ вы уходите?

— Я не хочу мѣшать вашему свиданію. Послѣдній разъ вы страшно разсердились за Вохревскаго; можетъ, и это въ такомъ же родѣ.

Княгиня вспыхнула.

— Вы опять за старое. Ужасно избалованный ребенокъ!

— Зачѣмъ меня дразнить? Вы знаете, что смертельно обижаете меня, называя ребенкомъ.

Въ дверяхъ показался Халонскій. Оляшевъ, несмотря на настаиваніе княгини, уѣхалъ.

— Лидія Александровна, началъ Халонскій,—когда-то я управлялъ вашими интересами, и по праву вами мнѣ дарованному, позвольте мнѣ и теперь отъ нихъ не отказаться!

— Неужели же мнѣ вѣкъ суждено оставаться у васъ подъ опекой? спросила насмѣшливо княгиня.

— Это не опека, а только предупрежденіе. Выслушайте меня; къ вопросу этому я болѣе не возвращусь. Этимъ по крайней мѣрѣ вы выиграете...

— Чтѣ же вамъ угодно?

— Не возмущайтесь моею откровенностію, прошу васъ: можетъ быть, я преждевременно сужу; но мнѣ кажется, что если вы еще не увлеклись, то непременно увлечетесь.

— Вы заранѣе произносите приговоръ надъ тѣмъ чтѣ создано вашимъ воображеніемъ, и рѣшительно отказываете мнѣ въ какихъ-нибудь нравственныхъ побужденіяхъ.

— Такъ неужели вы, десять лѣтъ назадъ, отправили меня изъ Петербурга изъ нравственныхъ побужденій! воскликнулъ съ комическимъ отчаяніемъ Халонскій.

— *C'est révoltant ce que vous dites!* Вы себѣ замужнюю женщину не иначе представляете, какъ непременно съ другимъ!

— Я утверждалъ и теперь утверждаю, что есть случаи, когда женщина, преступая нѣкоторыя условія принятыхъ правилъ, не утрачиваетъ оттого своего достоинства.

— О томъ предоставьте заботиться ей самой. Ваша заботливость о чужихъ интересахъ заставляетъ васъ проходить молчаніемъ мою просьбу. Вы получили послѣднее мое письмо?

— И лично явилася съ отвѣтомъ. Вы напрасно тревожитесь. На дняхъ все будетъ вамъ доставлено.

— Секреты ваши невыносимы! Но ваши предположенія—челуха. Останемся лучше друзьями. Вотъ вамъ рука. *L'amitié d'une femme vaut bien ses écarts.*

И она протянула къ нему свою руку. Халонскій прило-

жилъ ее къ губамъ съ отчаяніемъ игрока, поставившаго все состояніе на карту и напередъ ожидавшаго проиграть.

Спустя нѣсколько дней, княгиня получила отъ Халонскаго письмо, въ которомъ ярко характеризовалась ложность ихъ обоюднаго положенія. Въ письмѣ была особая приписка: „Троицкій переулокъ, домъ Каштановцова, Е. О. Дасоненкая“.

Княгиня письма Халонскаго не дочитала, за то она глубоко задумалась при чтеніи написаннаго въ немъ адреса.

VIII.

Однажды Оляшевъ, вернувшись домой, увидалъ у себя отца. Онъ ему обрадовался, они обнялись.

Николай Николаевичъ Оляшевъ былъ мужчиной въ пятидесяти трехъ, съ сильною просвѣдою и съ обѣими усами, которые онъ носилъ въ память лихой корнетской службы въ гусарскомъ полку. Ростомъ онъ былъ гораздо ниже сына, но лицомъ очень похожъ на него. Натура симпатичная, лѣнивая, какъ и у сына, устававшая отъ малѣйшаго труда, съ жаромъ хватавшаяся за все и также скоро ко всему охлаждавшаяся, Николай Николаевичъ давно уже жилъ въ деревнѣ, промѣнялъ ментикъ на халатъ, объѣдался, обляблился, отучивалъ и былъ по своему хорошимъ хозяиномъ. О сынѣ, котораго онъ нѣжно любилъ, Оляшевъ такъ выражался: „Пуокай его въ Петербургъ побалуется съ мамзельками; потомъ возьми его къ себѣ“. Отношенія отца и сына были самыя искреннія, полныя довѣрія. Сынъ никогда ничего не скрывалъ отъ отца. Отецъ никогда не оказывалъ серьезнаго сопротивленія наклонностямъ сына, на томъ основаніи, что натура того была тождественна съ его собственною натурой, и только лѣта и нѣкоторый опытъ жизни полагали между ними небольшую разницу.

— Ну что, спрашивалъ отецъ, укладываясь на диванъ и закуривая трубку послѣ привеселнаго Савельичемъ изъ соседняго трактира объѣда:—какъ ты себѣ въ Петербургѣ поживаешь, что тебя особенно занимаетъ? Театры, женщины?... А пронос насчетъ женщинъ. Ты всегда отыскивалъ ихъ въ верхнемъ словѣ. Выгода несомнѣнная!

— Я такъ и дѣлаю.

— Ну, а въ картшки играешь?

— Нѣтъ, не играю; охоты нѣтъ, скучно.

— И прекрасно дѣлаешь. Ты не такъ бѣдешь, чтобы нуждаться въ выигрышѣ, и не на стоамко бѣгать, чтобы безъ толку проигрывать. Ну а служба каково идетъ?

— Служба идетъ плохо!

— Э!!! Что жь такъ? Самолюбія нѣтъ?

— Признаться, лѣнь и надоѣло.

— Надоѣть она тебѣ не могла, потому что ты всего служилъ безъ году недѣлю; а въ мирное время конечно скучновато. Ученіе наводитъ омерзѣніе. Послужишь еще годикъ, другой, выходи въ отставку.

— Ну, а тамъ что?

— Тамъ въ деревню поѣдемъ. Ты на все не плай: поприкнешь, разстаться не захочешь.

— А тебѣ развѣ не надоѣло?

— Скучновато иногда, ну да вдвоемъ мы славно проживемъ. Кстати ты можешь полюбить псовую охоту; у меня отличныя борзны; въ цѣлой губерніи подобныхъ нѣтъ.

— Развѣ ты охотишься?

— Случается, дурачусь!

— Отчего же ты такъ округлился, спросилъ Левъ Николаевичъ, поглядывая на отца.

— А тебѣ завидно?

— Чего завидовать? Ты бы верхомъ почаще ѣздилъ.

Въ это время въ комнату вошелъ Савельичъ.

— Безпремѣнно на вечеръ васъ просятъ, проговорилъ онъ своимъ, по обыкновенію, нѣскольکو могильнымъ голосомъ.

— Отъ баронессы Дангофъ? спросилъ Оляшевъ.

— Да-съ.

— Вотъ неугомонная-то!... Надоѣла до смерти.

— А который ей годъ? спросилъ отецъ.

— Ужь не маленькая, на сорокъ бьетъ.

— Ну, сорокъ еще ничего, если не дурна. Съ косметиками, значить, десять долой, да три ты прибавилъ, выйдетъ въ самой порѣ. Надобно имѣть правиломъ не отказывать никому и никогда въ добромъ дѣлѣ.

— Отъ службы-то больво эти дѣла васъ отбиваютъ, вмѣсто карауловъ-то все мы туда, вмѣшался въ разговоръ Савельичъ.

— Разважи меня съ Савельичемъ, все съ Ѳеклой приста-еть, сказалъ молодой Оляшевъ отцу.

— Съ какою Ѳеклой?

— Съ Показиловской купидоншей, ночью не даетъ спать.

— Грѣшно, Левъ Николаичъ, грѣшно такъ говорить, возразилъ, покраснѣвъ, Савельичъ;—сами-то ночи по княгинѣ не спите, а Феклой вамъ меня клепать нечего.

— Совершенный, вѣдь, амуръ; придѣлай только крылья, навѣсь колчанъ и дай стрѣлы въ руки, говорилъ Левъ Николаевичъ, и съежившись, окривилъ ноги, вытянулъ лицо и сталъ представлять Савельича.

Отецъ смѣялся.

— Что жь, я готовъ хоть сейчасъ устроить свадьбу.

Савельичъ махнулъ рукой и ушелъ изъ комнаты.

На другой день вечеромъ у княгини на мягкомъ патѣ, попирая ногами богатый коверъ, отецъ Ольшова любовался великолѣпною гостиниою.

Въ глазахъ у него рябило отъ венеціанскихъ стеколъ, отъ вызолоченнаго карниза, отъ картинъ, отъ японскихъ вазъ, гобеленовыхъ обоевъ, антиковъ, бронзъ, фарфора, а между тѣмъ весь этотъ сборъ рѣдкостей дѣйствовалъ успокоительно на его нервы. Онъ незамѣтно поддавался вкрадчивымъ обольщеніямъ и переставалъ видѣть передъ собой княгиню съ усталымъ личикомъ и блѣдыми щеками; мягкій свѣтъ разливаемый карселевою лампою бросалъ на нее розовый оттѣнокъ; глаза княгини блестяи, лицо ея при вечернемъ освѣщеніи казалось еще молодымъ и почти свѣжимъ. Словомъ, какою являлась она Ольшеву сыну въ свѣтлый майскій день, такою она представлялась отцу въ суровый, ноябрскій вечеръ. Ему было хорошо, и онъ сожалѣлъ только о томъ, что такое положеніе не продолжится вѣчно.

— Вамъ извѣстно, что я влюблена въ вашего сына, сказала княгиня, играя лорнеткой и доставая тѣмъ Николаю Николаевичу удобный случай восхищаться ея будто бы выточеными изъ слоновой кости пальцами.

— Я воображалъ наоборотъ, отвѣчалъ отецъ.

— Да, онъ влюбляется слишкомъ ужь во многихъ. Вы, какъ отецъ, скажите ему, что вѣдь это развращаетъ сердце, умъ и весь организмъ.

Отецъ улыбулся и преклонился передъ обширными познаніями княгини, приобретенными, по мнѣнію его, на практикѣ и основанными на долговременномъ опытѣ.

„Да, подумалъ онъ, азбука эта знакома тебѣ какъ обѣдня пошу.“ — Сказать вамъ правду, добавилъ онъ въ смухъ,—ни одинъ отецъ въ мірѣ не пожелаетъ видѣть своего сына въ лучшихъ рукахъ.

Впрочемъ оба они, и Оляшевъ отецъ и княгиня, заблуждались: одинъ слишкомъ много приписывалъ великодушнѣю княгини, другая совершенно ошибалась, relying на маинность и неопытность Льва Оляшева.

— И сынъ таковъ оттого, что отецъ всю жизнь бѣгаетъ за женщинами, продолжала княгиня.

— Развѣ бѣгалъ, перебилъ старикъ Оляшевъ:—въ настоящее время я могу только показать какъ женщины отъ меня бѣгаютъ.

— Будто въ васъ влюбиться нельзя?

— Попробуйте, вы на дѣлѣ убѣдитесь въ невозможности.

— Лишняя скромность. Я бы сейчасъ рискнула, но что жь выйдетъ, когда вы откажетесь.

Оляшевъ усмѣхнулся.

— Я сто разъ скорѣй влюблюсь въ васъ чѣмъ вы въ меня, къ тому же мнѣ не нужно вовсе и начинать.

— Какъ вы уже влюблены?

— Пользуюсь вашимъ дозволеніемъ.

— Ну-съ, что же дальше?

— Надо мнѣ сдѣлать формальное объясненіе, очень короткое, разумеется, а потомъ.....

— Потомъ?

— И съ вашей стороны нужны авансы.

— Что вамъ надо?

— Ручку вашу.....

— Вотъ вамъ обѣ, я не прочь!

Оляшевъ съ ловкостью бывалаго фрейта взялъ поданныя княгиней руки въ свои и началъ поочередно и не торопясь цѣловать сперва одну, потомъ другую.

Любезничая такимъ образомъ съ отцомъ, княгиня, съ молодымъ Оляшевымъ, продолжала прежнюю игру. Его торопливости она противопоставляла желаніе отдалить развязку или вовсе не доводить до нея. Въ глазахъ княгини вульгарность конца убивала значеніе поэтического начала. Вниманіе къ молодому человѣку простиралось въ ней до любви, но она всачески избѣгала подтвердить ее доказательствомъ. Льготы,

давши Оляшеву, не пренебри даромъ; онъ узналъ, что прежде никакъ не подозрѣвалъ, что княгиня держала журналъ самыхъ окрокровенныхъ своихъ мыслей, въ увѣренности, что никто не прочтетъ его. Въ этомъ случаѣ Оляшевъ показалъ себя не только не окровленнымъ, но и безсовѣстнымъ. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что приманка была слишкомъ лакома. Бумаги княгини лежали въ ея письменномъ столѣ; Оляшевъ это зналъ, потому что княгиня употребляла все старанія, чтобы скрыть отъ него. Онъ подыскалъ ключъ, и занимался чтеніемъ журнала въ тѣ часы, когда оставался одинъ въ ея кабинетѣ. Изъ всѣхъ афоризмовъ и наставленій, которые говаривалъ Николай Николаевичъ сыну, сему послѣднему болѣе всего нравилось слѣдующее: „Съ женщинами не говори ни о чемъ, кромѣ какъ о пустякахъ. Женщина все равно что игрушка, играй пока не надоѣтъ, а надоѣтъ, такъ брось, а потомъ примись опять за нее же.“ Такъ рассуждалъ отецъ. „Играй пока не испортится, тогда начинай играть другою.“ Таковъ былъ взглядъ сына.

Въ журналѣ княгини Оляшевъ увидалъ, что кто-то онъ часто занималъ наполненныя болтовней страницы, но что его нѣтъ или его забыли.

Любопытство подстрекало Оляшева узнать, кто этотъ онъ.

Онъ былъ ни Бокревскій, ни Оброскоя, ни даже самъ Оляшевъ. Княгиня боялась чернаго юдея и никогда не выѣзжала на вороныхъ лошадяхъ, но она вслѣдствіи старалась держать въ секретѣ свою слабость. Княгиня называла маленькую Лидію своею совѣстью; онъ игралъ ею, онъ ее соиздавалъ, онъ былъ тутъ главнымъ лицомъ....

Княгиня обнаруживала несравненно болѣе чувства и возвышенности души на письмѣ чѣмъ въ разговорѣ. Оляшевъ приходилъ въ восторгъ отъ княгинина почерка, напоминавшаго ему ланки насѣкомыхъ, безобразныя и тонкія.

Однажды зимою, княгиня, возвращаясь домой, застава Оляшева возаъ камня.

Въ этотъ разъ, при появленіи ея, онъ не всталъ. Она подошла къ пылавшему камину, и стала отогрѣвать свои оковѣвшіе члены. Блѣдныя ея щеки подрумянились морозомъ и окрѣпли; все это превращало ее въ прежнюю девятнадцатилѣтнюю женщину.

Но Оляшевъ этого не замѣтилъ.

— Comment vous n'arrivez pas à mon approuche?

— Самы виноваты, избаловали меня, а теперь ладьте съ мои-ми причудами.

— Изъ чего онъ у васъ являються?

— Отгадайте, вы всевѣдущая.

— Vous êtes un mal appris, вотъ вамъ вся разгадка.

Ольгашевъ засмѣялся.

— У меня до васъ дѣло, и дѣло серьезное.

Она сняла свою шляпу наскоро, поправила волосы, сѣла возлѣ Ольгашева, положила ноги на шене камина и позвонила.

Явилась щегольски одѣтая мамзель съ передничкомъ на ма-шеръ такихъ, какъ носятъ Француженки.

— Даша, принеси мнѣ...—И княгиня указала на кончикъ своей ноги.

Дѣвуха скоро вернулась съ парю миниатюрныхъ туфель, очаровательныхъ, какъ изящная игрушка.

Она нагнулась передъ княгиней, чтобъ ихъ надѣть.

— Не нужно, Даша, оставь.

И они опять остались вдвоемъ.

— Какое же ваше серьезное дѣло, спросилъ Ольгашевъ.

— Chaussez moi! насмѣшливо сказала княгиня.

Ольгашевъ бросился къ ногамъ княгини, и не торопясь сталъ снимать ботинку. Въ рукахъ его покоилась маленькая тонкая ножка, къ верху темного полнѣе, обутая въ черныя шелковый чулокъ.

— Чулки изъ Англійскаго магазина, оказалъ онъ не твердымъ голосомъ.

— Можетъ-быть, разсѣянно молвила княгиня.

— Непременно! двойной шелкъ и насквозь не видно. У васъ ноги озябли...—И онъ своимъ дыханіемъ сталъ отогрѣвать ихъ.—Вы очень худо дѣлаете, что сидите возлѣ камина, можете простудиться, проговорилъ онъ уже дрожащимъ голосомъ:—Какія у васъ маленькія ноги. Ихъ можно въ ротъ взять.

Сказавъ это, онъ точно положилъ себѣ въ ротъ конецъ ноги княгини.

— Voulez-vous bien finir, сказала княгиня.

Ольгашевъ началъ дышать на озябшую ногу, приложилъ ее къ горячему лицу своему и крѣпко стиснулъ.

— Vous me faites mal, cousin, вскрикнула княгиня.

— Чтò вы безъ толку кричите? я чуть дотронулся.

— Мерси, сказала она, взглянувъ сперва на ногу, а потомъ на Оляшевца.—Вы съ некоторымъ поръ ужасный человекъ; съ вами оставаться опасно!

— Вамъ во всякомъ случаѣ опасаться нечего, недотрога!

— Къ вамъ бросаются на шею... Вы такъ хороши.

— Ну, вы не бросаетесь!

— Васъ столько хорошенькихъ любить.

— Вы меня не любите, а на мое несчастіе вы лучше всѣхъ на свѣтѣ.

Княгиня разсмѣялась.

Оляшеву надулся.

— Вы ребенокъ!

— А вы опытная женщина.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила она, принявъ строгій видъ.

Онъ засмѣялся.

— Говорите, продолжала она:—je parle sérieusement, monsieur Оляшевъ.

— Что вамъ тутъ непонятно? Вы надо мной смѣетесь, потому что знаете, что я безъ васъ жить не могу.

— Чѣмъ я могу вамъ помочь?

— Не приказывайте мнѣ снимать ботинокъ.

— Я не думала быть этимъ вамъ въ тягость.

— Вы меня дразните!

— Такъ я поэтому-то опытная женщина?

— Да, потому что вы смѣетесь надо мной.

— А вы мнѣ ногу стиснули такъ, что до сихъ поръ больно.

— Удивляюсь, какъ я вамъ ее не переломилъ.

— Хорошо что предупредили; въ другой разъ я обращусь къ Дашѣ.

— Даша недостойна видѣть вашихъ ногъ.

— А вы ломать собираетесь.

— Нечаянно. (Онъ такія тонкія; рукой вездѣ охватить).

— Тѣмъ болѣе нужна осторожность, а вы въ ротъ берете....

— Совсѣмъ мѣть, я только поцѣловать ихъ хотѣлъ!

— А меня хотите поцѣловать?

— Нѣтъ, не хочу!

— Вотъ прекрасно! Ну такъ я вамъ приказываю. Цѣлуйте!

— Что это вы со мною дѣлаете?! воскликнулъ Оляшевъ.

— Скажите! я вамъ дѣлаю честь, а вы отказываетесь!

— Чуть я дотронуся, вы опять приметесь увѣрять, что больно.

— Непременно, ежели вы съ моимъ лицомъ будете поступать также безцеремонно.

— Вамъ смѣшно, но ежели бы вы были въ состояніи чувствовать то, что я чувствую, вы тоже бы дрожали.

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то и не могъ. Княгиня смущала его своимъ насмѣшливымъ видомъ.

Ольгашевъ стоялъ передъ ней, потупя голову, опустивъ глаза, словно обвиняемый передъ судьей. А между тѣмъ княгиня подставляла ему свое блѣдное, измятое личико, съ котораго жаръ камина согналъ вызванный утреннимъ морозомъ румянецъ.

Не устоявъ Ольгашевъ, взглянулъ, и сердце въ немъ забилось подъ обаяніемъ неотразимой прелести.

Онъ обвилъ [руками шею княгини, схватилъ ее голову, и съ бѣшеною радостью прильнулъ къ ее насмѣшливымъ тонкимъ губамъ.

Онъ цѣловалъ ее долго и медленно, онъ не могъ оторваться отъ этого наслажденія.

Княгиня, стараясь защищаться отъ бѣшенаго порыва, ею самою вызваннаго, закинула голову назадъ, оградила себя руками и послѣ долгихъ усилій высвободилась изъ неистовыхъ объятій не помнящаго себя Ольгашева. У нея горѣли щеки, дыханіе сперлось въ груди, она закашлялась.

— Вы надолго, cousin, отучили меня подвергать себя такому испытанію... Вы звѣрь! сказала она, поправляя смятые волосы.

Ольгашевъ ничего не отвѣчалъ. Онъ тяжело и медленно приходилъ въ себя; онъ не вѣрилъ, что можно дойти до такого блаженства.

Три удара въ дверь прекратили эту сцену; явилась Даша. — Князь прислалъ узнать, можете ли вы ихъ принять? сказала Даша.

— Во всякое время, когда угодно, отвѣчала княгиня.

По удаленіи дѣвушки, она бросила бѣглый взглядъ на Ольгашева, который не примѣтилъ его или притворился будто не примѣчаетъ.

Потомъ княгиня подошла къ зеркалу и поправила [складки измятаго платья. Переставила за тѣмъ на каминѣ китайскаго урода, взглянула на Буля и ужаснулась, что поздно.

Вскорѣ партъера дверей опять приподнялось, показался впереди лакей, а за нимъ, со всею важностью своихъ трехъ звѣздъ, князь Аполлонъ Иллѣодоровичъ Брянскій.

Онъ подошелъ къ рукѣ своей супруги.

— Извините меня, княгиня, что я васъ беспокою, сказалъ онъ, бросивъ косвенный взглядъ на Ольяшева, — но я сейчасъ занимаюсь разстановкою вашихъ цвѣтовъ и приводилъ ихъ въ порядокъ.

— Цвѣты присланы? спросила съ живостью княгиня.

— Только сію минуту. Я первый желалъ сообщить вамъ эту пріятную новость.

— *Mais c'est extremement galant de votre part*, сказала княгиня, и взявъ за руку князя, поцѣловала его въ лобъ. Князь со всею ловкостью поднесъ къ губамъ пальцы супруги, и усѣлся на диванъ.

— Здравствуйте, *cousin*, обратился онъ наконецъ къ Ольяшеву: — *vous allez bien et vous irez loin. Умѣніе держаться въ свѣтѣ c'est la quintessence de toutes les sciences.*

Ольяшевъ ничего не помялъ, и на привѣтъ князя только поклонился, но помяла слова мужа княгиня.

— У *cousin* и безъ того много самонадѣянности, сказала она, — а ваша похвала въ конецъ вскружить ему голову.

— Похвала моя нисколько не касается Льва Николаевича: — его умѣнію я противопоставляю неумѣніе другихъ; тѣмъ лучше для него, если оно ему обращается въ пользу.

Княгиня слегка одвинула брови.

— Я осорюсь съ нимъ за нерадѣніе къ службѣ.

— Поблагодарите за это княгиню: — кромѣ добра она вамъ ничего не желаетъ, отвѣчалъ князь обращаясь къ Ольяшеву.

— *Tous les chemins ne sont pas egaux.* Вы знакомы съ Обронскимъ Степаномъ Михайловичемъ? Онъ васъ не стѣбитъ и фамиліи вашей не носитъ, а, подите, флигель-адъютантъ. Не остановись онъ на половинномъ успѣхѣ, онъ далеко бы ушелъ.

— А что жь его побудило остановится не во время? спросила княгиня.

— *C'est son manque de savoir vivre*, сказалъ князь. — Рекомендую вамъ книгу, обратился онъ опять къ Ольяшеву: — *Le moyen de parvenir.* Она у меня есть. *Cet opuscule* долженъ составлять настоящую книгу для всякаго молодого человѣка

въ свѣтъ. Изъ нея вы узнаете, что средства къ повышенію въ обществѣ бываютъ различны; но всё между собою взаимно связаны, такъ что, упуская изъ виду одно, непременно теряешь другое. Книга эта научить васъ пускать въ ходъ всё средства разомъ и между тѣмъ наблюдать между ними должное равновѣсіе.

Совѣты князя, какъ казалось, не очень нравились княгинѣ; кровь бросилась ей въ голову, и щеки покраснѣли, что служило въ ней признакомъ досады.

— А достигнувъ всего, сдѣлаться ни на что неспособнымъ, подхватила она:— у такихъ людей обыкновенно чувства обращаются въ жажду почестей; сознавая свою ничтожность, они наружными отаціями стараются ослѣпить другихъ. Вся тайна ихъ состоитъ въ маскированіи своего ничтожества передъ другими.

— Качество свойственное и женщинамъ, возразилъ ей на это князь:— многое, что намъ кажется въ нихъ такъ прелестно, въ дѣйствительности далеко не то... А кстати, баронесса Дангофъ сошла съ ума!! Всего интереснѣе пунктъ ея помѣшательства. Она несчастна, потому что была оставлена свитой, которою она себя окружала. Вы ничего не слышали? обратился онъ къ Ольяшеву.

— Я тамъ давно не былъ, отвѣчалъ Ольяшевъ пораженный неожиданныю вѣстью.

— Напрасно, оказалъ князь.—*On garde toujours un souvenir à ses amies.*— При этомъ онъ вынулъ свою овальную табакерку, открылъ ее, приложилъ къ носу и сталъ нюхать.

Княгиня, выведенная сарказмами князя изъ терпѣнія, остановилась пораженная неожиданнымъ несчастіемъ, постигшимъ баронессу, которой давно не видала, хотя она и несомнѣнно вѣрила слуху изъ устъ своего мужа.

А князь не уходилъ; онъ хотѣлъ воспользоваться всѣми выгодами своего макиавеллизма.

— Однакоже, это ужасно!... Сойдти съ ума въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, и притомъ *c'était une jolie femme!*... Вы не знаете, который ей годъ? спросилъ князь.

— За сорокъ, отвѣчалъ сухо Ольяшевъ.

— Неужели? На видъ ей казалось гораздо меньше. Съзрите къ ней; ваше присутствіе ее успокоитъ, бывали примѣры...

— *En voilà assez*, вы прожужжали маѣ уши; вашей баронессой

произнесла повелительно княгиня. — Если она и въ самомъ дѣлѣ съ ума сошла, то у нея навѣрно найдется и докторъ.

Выходки князя, его тонкая иронія, удары, довольно мѣтко направленные противъ супруги, невольное смущеніе послѣдней, которое высказывалось въ ея раздраженіи, непріятно подѣйствовали на Ольшешеву. Онъ уловилъ удобный случай, и уѣхалъ.

По отъѣздѣ его ушелъ и князь: проявленіе въ мужѣ оскорбленнаго самолюбія нисколько не обезпечило княгиню: отношенія ихъ, не приводимыя въ окончательную ясность, тѣмъ не менѣе давно уже опредѣлялись взаимными уступками. Князь содержалъ тавцовщицу единственно *pour la forme*. Въ этомъ случаѣ вѣжливость его шла даже молчаливаго невѣдѣнія причудъ супруги.

IX.

Спустя нѣсколько дней княгиня дала порученіе Ольшешеву съѣздить въ Троицкій переулокъ, отыскать тамъ въ домѣ Каштановдова г-жу Дасонекскую и спросить ее, когда она можетъ принять княгиню.

Ольшешевъ поѣхалъ. На вопросъ его, дворникъ дома Каштановдова отвѣчалъ:

— Взойдите по лѣстницѣ, ваше благородіе, двери направо, дерните за колокольчикъ, она самая тутъ и живетъ.

— А кто она такая? спросилъ Ольшешевъ.

— Кто ее знаетъ? Не то бабушка, не то ворожея; почитай дня не проходитъ, чтобы къ ней не таскались. Вотъ и теперь карета стоитъ. Это къ ней!

И онъ указалъ на двухмѣстную карету, стоявшую у воротъ.

Ольшешевымъ овладѣло любопытство, онъ взошелъ на лѣстницу, отыскалъ дверь и позвонилъ. Ему послышались визгливый учащенный лай собаченки и шумъ шаговъ, подходившихъ къ дверямъ.

Ключъ щелкнулъ два раза въ замкѣ, дверь отворилась, и Ольшешевъ увидалъ передъ собою рябую, довольно опрятно одѣтую дѣвушку, повидимому, горничную.

— Здѣсь живетъ госпожа Дасонеккая?

Какъ о васъ доложить? спросила рябая и покраснѣла,

вѣроятно, отъ удовольствія видѣть передъ собою такого прекраснаго молодаго человѣка.

— Скажите, что ее спрашиваетъ офицеръ по очень важному дѣлу.

— Матап теперь занята, отвѣчала рябая и совсѣмъ сконфузилась.

— Нужды нѣтъ; мнѣ ее очень нужно.

Рябой очень хотѣлось поразспросить красиваго офицера, но не встрѣчая въ немъ готовности, она ушла доложить.

— Васъ просятъ, сказала она, воротившись очень скоро, и опять стала всматриваться въ стройную фигуру Оляшева.

Онъ вошелъ въ довольно просторную комнату, оклеенную простыми, на манеръ французскихъ, обоями.

Три окна, выходившія на улицу, были завѣшены гардинами изъ плотной шерстяной матеріи.

Въ простѣвкахъ красовались два плохія зеркала въ тоненькихъ рамкахъ. Подъ каждымъ изъ нихъ стоялъ подзеркальничекъ, и на немъ ваза съ восковыми цвѣтами. Несмотря на тщательное охраненіе подъ стеклянными колпаками, краска этихъ цвѣтовъ отъ времени полиняла и смѣшалась съ пылью. Вдоль по стѣнѣ симметрически разставлена была мягкая мебель, спрятанная подъ коленкоровыми чехлами.

Въ одномъ углу Оляшевъ увидалъ сѣраго попугая въ большой проволочной клеткѣ. Въ другомъ, на мягкомъ диванѣ, съ надвинутымъ на глаза зонтикомъ, сидѣла старушка въ грязномъ, шелковомъ, кофейнаго цвѣта, капотѣ. Возлѣ дивана стоялъ столъ, накрытый гарусною салфеткой домашняго производства; на немъ была лампа съ абажуромъ изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, а подъ лампой вышитый по канвѣ кружокъ, окаймленный шерстяными цвѣтами грубой работы; за тѣмъ нѣсколько колодъ картъ въ кардонныхъ футлярахъ. Окна украшались нѣсколькими горшками съ пыльною и чахлою зеленью. Когда Оляшевъ показался въ гостиной, маленькая собачка, польской породы, бурой шерсти съ пятнами, съ неистовою злостью и лаемъ бросилась ему подъ ноги. Попугай поднялъ крикъ. Провожавшая Оляшева рябая привалась унимать собачку:

— Амиска, тибо! тибо, амиска! у! злой какой! на кого еще лаешь!

Но увѣщанія рябой разжигали пуще гнѣвъ свирѣпаго звѣрка; лай не давалъ никакой возможности говорить. Оглушен-

ному Оляшеву хотѣлось поподчивать своего рода привѣтомъ неотвязчивую Амашку, такъ чтобъ она умолкла навсегда; но онъ принялъ въ соображеніе привязанность старушекъ къ собачкамъ и боялся испортить дѣло въ самомъ началѣ.

— Амашка, иси, куже, тибо! послышался хрипый голосъ съ дивана,—куше, тибо!

Лай унялся, попугай пересталъ кричать. Рябая подошла къ столу и глупо продолжала восхищаться Оляшевымъ.

Старушка приподняла зонтъ, и прищурившись, стала пристально разсматривать подошедшаго къ ней гостя.

— Не угодно ли вамъ сѣсть, сказала она сиповатымъ голосомъ,—и позвольте узнать, что доставляетъ мнѣ честь вашего знакомства? И костлявою рукой она указала ему на кресло возлѣ себя.

Оляшевъ сѣлъ; то же самое сдѣлала рябая.

— Мнѣ желательно переговорить съ вами наединѣ, сказалъ онъ старушкѣ.

— Зиночка, але данъ котръ апартаманъ куже.

— Зиночка, але куже.... повторилъ попугай.

Оляшевъ засмѣялся.

Рябая встала, сдѣлала книксенъ и ушла, затворивъ за собою дверь.

— Фамилія моя Оляшевъ, Левъ Николаевичъ, сказалъ онъ:—меня прислала къ вамъ княгиня Брянская, по одному важному дѣлу.

— Очень лестно съ вами познакомиться, сказала старуха, привставъ съ своего мѣста.

— Вы знаете княгиню? спросилъ Оляшевъ.

— Я болѣе или менѣе знаю всѣхъ знатныхъ особъ въ Петербургѣ; про ихъ фамилію я тоже слышала, отвѣчала съ важностію Дасонецкая.

„Зачѣмъ княгиня собирается къ этой отвратительной старухѣ,“ подумалъ Оляшевъ.

— Позвольте узнать, въ чемъ состоитъ собственно ваша профессія?

— Я предсказываю будущее и узнаю также прошедшее, кто какъ пожелаетъ, отвѣчала нѣсколько жеманно Дасонецкая.

— Я полагаю, что это не совсѣмъ легко, замѣтилъ, улыбувшись, Оляшевъ.

— Нужно знаніе и опытность, сказала старуха какъ бы

нѣсколько даже и обидѣвшись, а затѣмъ полѣзла въ карманъ, достала изъ него небольшую черепаховую табакерку, понюхала табакъ и положила табакерку на столъ передъ собой, завернувъ ее въ запечатанный табакомъ платокъ.

— Позвольте говорить съ вами откровенно, сказалъ Ольяшевъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Зачѣмъ меня къ вамъ послала княгиня?

Дасолецкая разинула ротъ и тѣмъ представила видъ деревни послѣ пожара.

— Я полагаю, оно вамъ лучше извѣстно, проговорила она.

— Отъ вашей откровенности все зависитъ, замѣтилъ Ольяшевъ, — скажите, между вами было дѣло?

— Можетъ и было, насмѣшливо возразила Дасолецкая: — всѣхъ не упоминай.

Ольяшевъ нѣсколько времени подумалъ.

— Вы говорите, что вы гадаете,

— Да, я гадаю, отвѣтила старуха.

— Ну, а княгини, признайтесь, вамъ не случалось видѣть.

— Почему вы такъ думаете? Ко мнѣ генералы ѣздятъ и генеральскія дочки.

Дасолецкая опять полѣзла за табакомъ и выразительно вздохнула.

— Я привезу къ вамъ княгиню, она богата и при дворѣ, если вы хорошо ей отгадаете, весь Петербургъ огласится вашимъ знаніемъ, къ вамъ со всѣхъ концовъ начнутъ стекаться, и вы разомъ разбогачаете.

— Оно конечно лестно, но зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

— Потому что никто лучше меня не можетъ вамъ дать вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о княгинѣ.

— Мнѣ ихъ не нужно, я не дѣйствую посредствомъ обмана, какъ вотъ на Лиговкѣ какая-нибудь Марья Антоновна Тачкина.....

— Оно такъ; а все жь узнать нѣкоторыя подробности не мѣшаетъ.

— А кто мнѣ ручается, что вы со мной не шутку шутите.

— Въ тотъ то и дѣло, что мы связаны общими интересами... Я влюбленъ въ княгиню!.. проговорилъ Ольяшевъ, и ему самому показалась гадка его откровенность: — я разкажу вамъ кое-что про княгиню, вы это ей разкажете, а подъ конецъ и меня представите ей въ выгодномъ свѣтѣ — поняли?

И съ этими словами онъ сунулъ старухѣ пятидесяти-рублевую ассигнацію въ руки.

— О, полноте, вы награждаете меня, ничего еще не видя! произнесла она стыдливо:—одно меня удивляетъ, неужели же княгиня такая причудливая.... Чего ей лучше такого красавца.

Ольгашеву опять стало гадко. Но онъ превозмогъ себя, и какъ больной, убѣжденный въ цѣлебности отвратительнаго лѣкарства, сталъ раскрывать передъ Дасонойкой задушевные страницы княгининого журнала.

Нужно отдать справедливость смѣтливости коллежской со-вѣтницы. Къ концу исповѣди она знала насквозь княгиню.

— Еще позвольте одно сказать, молвилъ Ольгашевъ,—чтобы княгиня ни изъ малѣйшаго намека не догадалась, что я говорилъ съ вами...

— О, помилуйте! Положитесь на меня, и будьте спокойны, воскликнула старуха.

Затѣмъ Ольгашевъ всталъ.

— Позвольте мнѣ представить вамъ мою дочь, сказала Дасонойкая и принялась кланяться:

→ Зиночка, вене иси, данъ ля самогъ!

— Зиночка, вене куше иси, повторилъ опять попугай.

На зовъ этотъ явилась рябая.

— Фэтъ ля реверансъ а мусью.

Рябая повторила свой книксемъ. Ольгашевъ поклонился.

— Дурр....акъ! кричалъ попугай.

Ольгашевъ пріѣхалъ домой въ весьма веселомъ расположеніи духа.

— Хочешь ли сосватаю невѣсту тебѣ? оказалъ онъ Савельичу:—чертова перечница, правда, за то по-французски знаетъ; я было ее за дѣвку принялъ, а она барышня.

— Баря ужъ пускай на такихъ женятся, отвѣчалъ ему дерзко Савельичъ.

Х.

Солнце, пробиваясь окъзовъ сѣрыхъ тучи, разливало сіяніе на дома и на гуляющихъ. Вѣтеръ какъ будто отлучился куда-то изъ Петербурга. Какъ тараканы изъ-за печки, выползали изъ-за каменныхъ стѣнъ петербургскіе жители, и плавно и чинно разсыпались по всѣмъ направленіямъ

Невскаго. Отъ часу до четырехъ пополудни привилегированная сторона Проспекта покрывалась beau-mond-омъ: шли гусарскіе ментики, красовались кирасирскіе кометы, гвардейскіе сюртуки, сюртуки штатокіе на ватъ, на мѣху, съ бобровыми воротниками и просто шубы; съ ними вывѣтъ, какъ цвѣты въ теплицѣ, нестрѣли великолѣпныя дамскія шляпки и бархатныя манто, опушенныя мѣхомъ.

Словомъ, Проспектъ находился въ хорошемъ состояніи; хорошо было и гуляющимъ.

— Ну что твои успѣхи? спросилъ конногвардеецъ Оляшева.

— Какіе? спросилъ тотъ; но въ это время, какъ нарочно, возлѣ нихъ остановилась щегольская пара въ саняхъ; на запяткахъ стоялъ человекъ въ диврѣ князей Бряпскихъ.

Увидавъ въ саняхъ княгиню, пріятели раскланялись.

Княгиня подозвала Оляшева.

— Что же вы исполнили мое порученіе? спросила она.

— На половину.

— Какъ такъ?

— Знаете ли къ кому вы меня посылали?

— Нѣтъ, не знаю.

— Къ ворожеѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнула княгиня и засмѣялась.

— Что жъ вы къ ней собираетесь?

— Непремѣнно.

— И вамъ не совѣстно?

— Ни чуть. Вы что вечеромъ дѣлаете? Пріѣзжайте къ намъ. Будете?

— Буду.

— Au revoir. И она подала ему теплую вынутую изъ муфты руку.

Сани помчались. Оляшевъ взомелъ опять на тротуаръ. Конногвардеецъ смѣялся.

— Чему ты радуешься? спросилъ взбѣшенный Оляшевъ.

— En plein midi и на Невскомъ!

Оляшевъ пожалъ плечами, но ему готовился новый сюрпризъ.

— Поздравляю тебя, mon cher, кричалъ подходившій въ это время Леонтовичъ, Fichtrel! c'est cranement adroit. Однимъ разомъ убить двухъ мухъ, да какихъ еще? cantharides!

Съ нимъ, какъ всегда, былъ и Вальковъ.

— Избавь меня, пожалуйста, отъ твоихъ поздравленій. Они къ дѣлу идутъ какъ бараній рогъ къ обѣду; тутъ тѣмъ нѣтъ ничего подобнаго.

— *Modestie vaut vertu!* кричалъ опять Леонтовичъ:—но къ чему жь она? *Tout le monde connait l'histoire.*

— Какую *histoire*? спросилъ съ нетерпѣніемъ Оляшевъ.

— Какъ какую? Баронесса Дангофъ отравилась изъ любви къ тебѣ.

— Чтò ты говоришь! проговорилъ съ невольнымъ ужасомъ Оляшевъ.

— Ну вотъ, притворяйся, точно не знаешь. Въ Знаменской отпѣвать будутъ.

И они пошли дальше съ Вальковыми.

— Чтò это такое вретъ Леонтовичъ? спросилъ Оляшевъ конногвардейца.

— Нѣтъ, это можетъ-быть; я дней пять назадъ былъ тамъ; она была опасно больна.

— Я давно не былъ у нея, упрекнулъ себя Оляшевъ.—Пойдемъ къ ней.

И точно, баронесса не стало! Когда пріятели вошли въ залъ, она лежала уже на столѣ. Пустая жизнь ея прошла безсѣдно, какъ дымъ вылетѣвшій изъ трубы. Нѣсколько воспоминаній о довольно мелкихъ, грязноватыхъ, не всегда удовлетворенныхъ страстишкахъ, вотъ все чтò отъ нея осталось. Не унесла она съ собой ни любви, ни печали, ни уваженія близкихъ. Да и къ чему? Иной играетъ жизнью, другой смотритъ на нее серіознѣе, третій добивается до таинъ Апокалипсиса. Баронесса смотрѣла на жизнь не глубоко, она беззаботно тѣшила всѣмъ позволительнымъ и непозволительнымъ. У нея были восхитительныя плечи и хорошенькое личико. Цѣною ихъ она приобрѣла уступчиваго мужа съ ключомъ казны и возможность жить въ Петербургѣ. Чего ей было болѣе желать?

Теперь бранные ея остатки покоились въ розовой оболочкѣ, украшенной цвѣтами и золотымъ крестомъ. Баронессу съ парадомъ провожаютъ къ вѣчному жилищу. Свѣздъ великолѣпный! Тутъ и княгиня, на балѣ которой она приводила кирасира въ восхищеніе, и графиня Бораль, преподавательница полезныхъ совѣтовъ, и ея пріятельница З....., удивлявшая Петербургъ въ продолженіи цѣлой зимы, и вереница Оляшевыхъ, провожавшихъ ее по третьимъ ротамъ,

а теперь провожающихъ на Смоленское кладбище. Наконецъ, сѣлъ здѣсь и камергерскій мундиръ, а въ немъ мужъ, навострившій уныніе на баронессу во время земнаго ея поприща, и много звѣздъ и блеску слѣдовало за ней.

Ольгашевъ съ конногвардейцемъ въ каретѣ тащились шагомъ къ Смоленскому.

— Нѣтъ, Николай, говорилъ Ольгашевъ,—гауше свѣта ничего еще не придумаю. Двѣ крайности имъ управляютъ: скука и праздность. Послѣдней я обязанъ, что сталъ невиною причиною смерти баронессы. Жить для этого не стоить здѣсь.

— Такъ что жь ты намѣренъ дѣлать?

— Выйду въ отставку и заживу въ деревнѣ.

— А тамъ что?

— Да хоть псовою охотою заведусь; станемъ съ отцомъ лисицъ травить.

— Ну, а княгиня?

— До княгини далеко, а бѣгать я не привыкъ.

— А къ ворожеѣ поѣдешь?

— Не поѣду, серьезно, Николай, не поѣду, надоѣло мнѣ все. Еслибы ты могъ прочитать что во мнѣ происходитъ теперь, ты, конечно, повѣрилъ бы.

Въ эту минуту къ каретѣ подъѣхалъ ѣздовой въ придворной ливреѣ, онъ нагнулся къ дверцамъ и подавъ записку отъ княгини Брянской.

Конногвардеецъ взглянулъ насмѣшливо на Ольгашева.

— Скажи, что хорошо, буду, сказалъ Ольгашевъ.

— Ну что? спросилъ пріятель.

— Зоветъ на вечеръ, уѣхала домой!—И Ольгашевъ подавъ записку сосѣду.

— Ну, а какъ же лисицъ-то травить?

— Дай мнѣ эту поймать. Она одна всѣхъ прочихъ стоить.

— Правда! подхватилъ конногвардеецъ.

ГРАФЪ Е. ТОЛСТОЙ.

(До слѣд. №.)

СПЕЦИАЛИСТЪ

П О В Ъ С Т Ъ .

ХІІ.

Погуляевъ совершилъ свое путешествіе и пріѣхалъ въ Прилучи (усадыбу матери) совершенно обыкновеннымъ образомъ. Катерина Алексѣевна первое время позабыла всѣ свои невзгоды, плохое, разоренное состояніе, и выгнаннаго изъ полка сына обнимала и цѣловала отъ всей души. А Феденька? — Ничего, давался! конечно не совсѣмъ охотно, приговаривая иногда: „Довольно маменька, вы волосы спутали,“ или: „вы воротникъ сомнете“ — но повторяю, сносилъ терпѣливо родительскія лѣзности и ласки. Ему на первый разъ какъ-то даже пріятно было, что вотъ онъ у себя въ деревнѣ; его самолюбію льстило, когда деревенскіе жители засматривались на месьятыи еще имъ красивый, гусарскій мундиръ; нравилось ему также какъ устраивалъ онъ себѣ комнату и какъ ему въ этомъ всѣ старательно помогали; наконецъ, необыкновенно благотворно и успокоительно дѣйствовало на него то, что ни рано утромъ, когда онъ еще поваживался на постелѣ, ни вечеромъ, когда онъ не выходилъ еще гулять, — нигдѣ не ловили, не встрѣчали, не надобѣдали ему неотвязчивые кредиторы съ ихъ вѣчными просьбами

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, № 8.

объ уплатѣ. На свободѣ выбираалъ онъ разные свои сувениры, подклаамывалъ ихъ въ порядкѣ, письма къ письмамъ, портреты къ портретамъ, волосы къ волосамъ, а тамъ всякая всячина: перчатки, платки, башмаки, бантики, булавки, даже какой-то простой, бѣлый шнурокъ, все это собиралось, складывалось въ одно мѣсто; и задумывался подолгу Феденька то надъ тѣмъ, то надъ другимъ предметомъ, и проходили въ его воображеніи разные женскія личики; вздрагивалъ онъ, припоминая гдѣ онъ теперь, что за глушь кругомъ, и открывалъ онъ дрожащею рукой висѣвшій еще на жилетѣ вмѣсто часовъ медальйонъ, прижималъ его къ губамъ, и драматически шепталъ: „Моя, вѣчно, вѣчно моя!“

Катерина Алексѣевна, на радостяхъ, думала было попрежнему оставаться неразлучно съ сыномъ, сидѣть, разговаривать съ нимъ, но онъ скоро положилъ этому конецъ; онъ объяснилъ ей, что къ муцианѣ во всякое время входить нельзя, чтобъ она предупредила его или даже вообще въ комнату къ нему лучше бы не входила, что времени и безъ того много, и что онъ будетъ самъ приходить къ ней.

Дѣйствительно, на тѣ разнообразныя разговоры, которые бывали у Катерины Алексѣевны съ Феденькой, времени было даже слишкомъ много: по желанію сына, она постоянно почти разказывала ему про Лаврова, про Салтимова, про Леночку; Феденька въ особенности любилъ слушать разказы о Леночкѣ. Онъ по нѣсколькоку разъ спрашивалъ: Что она? Какъ вышла замужъ? Какъ живетъ? Гдѣ? Спрашивалъ и про Флору, и въ томъ вопросовъ его всегда замѣтно было, что онъ будте смѣялся надъ собою, и надъ своимъ увлеченіемъ, смѣялся и надъ всеми тогдашними знакомыми, исключая Лаврова, который представлялся ему и до сихъ поръ тѣмъ чѣмъ такъ недавно еще представлялось ему военное начальство.

О себѣ же Феденька, несмотря на всѣ разпросы Катерины Алексѣевны, ничего не разказывалъ; у него не было замашки, свойственной большей части военныхъ, привѣжающихъ на побывку изъ какого-нибудь новаго края, сейчасъ же похвастаться какимъ-нибудь словомъ: „Эльбрусъ“ „Джигитъ“, выставить слушателямъ коротко и ясно всю его прелесть и привлекательность. Феденька, погруженный въ свои таинственныя обдумыванія и страданія душевныя, даже на

вопросъ матери о причинѣ его выхода изъ поакъ, отвѣчая, махнувъ рукою и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ:

— Ну что вы, маленька спрашиваете? Вѣдь вы этого дѣла не знаете. Развѣ поймете вы, что значить благородная интрига? Вѣдь, нѣтъ? Ну такъ что же и говорить.

Установившаяся такимъ образомъ жизнь въ Приаучахъ, потекла своимъ порядкомъ. Катерина Алексѣевна продолжала видаться съ своими знакомыми, которые пріѣзжали къ ней, къ которымъ и она ѣздила; но Феденька не принималъ въ этомъ никакого участія.

Сидя по большей части одинъ въ своей комнатѣ, онъ перемещался воображеніемъ то въ Москву, въ собственный домъ, въ домъ Сактимова; то въ Дубровицы, въ Одессу, въ ту аллею, въ которой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ; вотъ и она сама, ея портретъ; вотъ и башмачокъ ея, который она сняла и подарила тамъ-то, вотъ ея длинныя волосы, сохранившіе еще букетъ помады à la renaissance; а вотъ ея платокъ, вышитый вензелемъ... И начнетъ ходить Феденька по своей комнатѣ, и разные планы составляются въ головѣ его: то, какъ подѣдетъ онъ къ Дубровицамъ, когда умретъ мать и онъ продастъ имѣніе, и что она ему скажетъ, увидавъ его? то вотъ онъ повсюду каждый мѣсяцъ откладываетъ изъ жалованія, которое положила ему мать, составляетъ маленькая сумма, и дернетъ онъ туда... Всѣ эти мечты, говорю я, съ одной стороны наполняли и оживляли его деревенскую жизнь, а съ другой,—у него появилось и новое развлеченіе. Въ дѣвичьей давно уже запримѣченъ были имъ двѣ, три головки, которыя, являясь на зовъ Катерины Алексѣевны въ гостиную, не совсѣмъ внимательно выслушивали ея приказанія, взглядывая украдкой на молодого барина, улыбаюсь, и выходя, оборачивались въ дверяхъ, чтобъ еще разъ посмотреть на Феденьку.

Катерина Алексѣевна не знала, конечно, первой половины занятій сына; она не имѣла понятія о способности его мечтать въ уединеніи,—но за то вторая половина смущала ее давно.

Еще лѣтомъ, въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ Феденьки, доходили до нея слухи о прогулкахъ его по лѣсу и полямъ; она тогда же, думая отвести эту впасть чѣмъ-нибудь, предложила было Феденькѣ заняться хозяйствомъ, такъ

какъ она женщина, а онъ мужчина. Феденька соглашался сначала, но когда Катерина Алексѣевна привнесла всѣ хозяйственныя книги и счета, разложила ихъ на столѣ и пресерьозно начала объяснять, какъ и въ какомъ положеніи находилось ихъ хозяйство, Феденька, сперва говорившій все: „да, да, я знаю!“ вдругъ замолчалъ; и когда Катерина Алексѣевна, послѣ длиннѣйшаго объясненія, вся погруженная въ цифры, раскрывала то ту, то другую книгу, краснѣя отъ волненія, взглянула на сына,—то увидала, что онъ хотя и очень серьезно, но смотрѣлъ совершенно въ другую сторону. Она окликнула его, онъ обернулся и улыбнулся.

— Феденька, ты ничего не слушаешь? спросила съ грустію Катерина Алексѣевна.

— Нѣтъ, я слышалъ, я знаю, повторялъ онъ:—только теперь зачѣмъ же все это начинать? Ужь вы оканчивайте нынѣшній годъ, а я начну съ будущаго, проговорилъ онъ.

Все это, какъ мы говорили, было лѣтомъ, но зимою, когда наступили длинные вечера, когда и Катерина Алексѣевна, и сосѣди, да и вся деревня закупорились, когда занесло всѣхъ снѣгомъ, когда по цѣлымъ недѣлямъ пришлось сидѣть безвыходно въ комнатахъ,—тогда только Катерина Алексѣевна поняла до какой степени подозрѣнія и опасенія ея были справедливы. Она ежедневно стала слышать какіе-то смѣшки на женской половинѣ, слышала какъ иногда стремглавъ, пробѣгали по залѣ женскіе шаги; съ ужасомъ припоминалось ей все прежнее, давно прошедшее, и задумывалась она надъ своею работою.

Сколько разъ пыталась Катерина Алексѣевна заговорить съ Феденькой откровенно, постараться задѣть его самолюбіе, представить ему разные примѣры другихъ молодыхъ людей, идущихъ такъ хорошо,—сколько разъ она ласкала его, хвалила, говорила даже, что она благодаритъ Бога за всѣ данныя ему достоинства, и видитъ въ немъ только одинъ недостатокъ; но чѣмъ больше она говорила, тѣмъ, какъ будто бы нарочно Феденька становился все хуже и хуже. Разъ онъ даже испугалъ Катерину Алексѣевну. Въ двѣичей вдругъ послышался неистовый крикъ; она побѣжала туда; за крикомъ послѣдовалъ общій смѣхъ, но когда Катерина Алексѣевна подошла къ двери, то всѣ, оказалось, сидѣли на мѣстахъ, прилежно наклонясь надъ работою, а на встрѣчу

ей вышелъ Феденька, и довольно сердито и обиженно спросилъ:

— Что вы маменька? подсматриваете, кажется?

— Я, другъ мой? испугалась, — окромѣ зашѣтила Катерина Алексѣевна: — вкрикнулъ кто-то, я думала....

— Что жь вы думали? рѣжутъ что ли? Просто за руку взялъ, ну и закричала.

— Феденька, Феденька, съ упрекомъ въ лицѣ говорила Катерина Алексѣевна, смотря на сына, — какъ тебѣ не стыдно! Хоть бы старость-то мою уважилъ; вѣдь я старуха, мать твоя.

— Ну, пошло. Точно я не знаю, что вы мать! — Же не пѣ на самъ са доакъ говорилъ Феденька, саѣдуя за уходившею Катериною Алексѣевною.

Катерина Алексѣевна ничего уже не возражала. Она махала руками и просила только перестать. Они думали: „Одно только и осталось средство, жемить его поскорѣе, еслибы была какая-нибудь на это возможность, еслибы и тутъ не жѣшала дикость и несообщительность его, еслибы хоть кого-нибудь онъ могъ увидать, съ кѣмъ-нибудь поговорить. Что же это такая за жизнь наконецъ? что это за человекъ?“

Отъ мрачныхъ и грустныхъ мыслей Катерина Алексѣевна даже занемогла, и сначала было она перемогалась, лечилась горчичниками и другими домашними средствами; потомъ каждый день ей становилось хуже и хуже, такъ что наконецъ Феденька, по совѣту старой барыниной горничной, послалъ, впервыхъ, за докторомъ, а восторыхъ, къ сосѣдямъ Михайловымъ, которые были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Катериною Алексѣевною.

XIII.

Михайловы въ самомъ дѣлѣ прѣехали навѣстить больную и даже остались у ней погостить. Феденька очень скоро съ ними сблизился: съ матерью и дочерью.

Оказалось, что Катерина Алексѣевна была вовсе не такъ больна, какъ думали въ началѣ; тѣмъ не менѣе ей запрещено было сходить съ постели, и потому съ самаго ранняго утра къ изголовью ея садилась ея сосѣдка и пріа-

тельница Софья Петровна, а по другую сторону перегородки помѣщались на маленькомъ диванѣ дочка ея, Машенька, и Федеяка.

Родительницы говорили между собою, а молодые люди между собою и такъ проходили цѣлые дни. Иногда родительницы кликали кого-нибудь изъ дѣтей по имени, и на зовъ ихъ выходили или раскрасѣвшаяся Машенька, дородная, съ весьма развитыми формами, дѣвушка, лѣтъ двадцати четырехъ, или Федеяка съ тѣмъ же, казалось, еще взглядомъ, съ которымъ онъ только что обращался къ Машенькѣ. Потомъ снова размѣщались всѣ по своимъ мѣстамъ. По временамъ молодые люди и сами выходили къ своимъ маменькамъ, чтобы посмѣшить ихъ или сказать что-нибудь, но и тутъ Софья Петровна скоро выгоняла ихъ за перегородку, говоря, что они утомляютъ боольшую или что слишкомъ громко говорятъ, много смѣются.

Все это однако была одна сторона медали; обратная же сторона ея представляла совершенно другое. Софья Петровна и Катерина Алексѣевна были давно знакомы между собою, давно уже переговаривали и передали другъ другу все что могло ихъ обихъ интересовать; можетъ-быть Софья Петровна, видя, что здоровье милой Катерины Алексѣевны слава Богу поправляется, давно бы уже оставила ее выздоравливать одну, не сидѣла бы у ея изголовья, давно бы обратилась къ своимъ домашнимъ дѣламъ, тѣмъ болѣе что хозяйство ея было самое бѣдное и требовало постоянного наблюденія, — все это давно бы случилось, еслибы съ первыхъ же дней не мелькнула у нея счастливая мысль познакомить хорошенько молодыхъ людей, а потомъ, можетъ-быть, и сочетать ихъ бракомъ, тѣмъ болѣе что Машенькѣ давно было пора, а жениховъ въ округѣ, кромѣ Федеяки, никого не было.

Катерина Алексѣевна, съ своей стороны, тоже скоро поняла мысль своей пріятельницы, и мысль эта ей нравилась. Одно только ее пугало, что, пожалуй, Федеяка зартачится, но она тутъ же и успокоивалась, глядя на тонкія губы Софьи Петровны, на ея строгія, сдвинутыя брови, и на постоянно моргающее лицо...

„Нѣтъ отъ нея не отвертись, думала она, Софья Петровна не л.“ И вслѣдъ за тѣмъ обѣ маменьки начинали обык-

новенно высватывать дѣтей. Софья Петровна искусно выпрашивала у Катерины Алексѣевны что за человекъ Феденька? какъ онъ служилъ? гдѣ? отчего вышелъ въ отставку? какъ думаетъ жить? какое надѣется имѣть состояніе? Катерина Алексѣевна не съ меньшимъ тоже искусствомъ узнавала, какаа такая была дѣвушка, Машенька? не было ли за ней какихъ капризовъ?... представлялись съ той и другой стороны примѣры счастливыхъ и несчастныхъ браковъ при разныхъ условіяхъ, разказывались цѣлыя біографіи знакомыхъ, и чего было больше во всемъ этомъ, правды или неправды, мы не будемъ говорить, но одно только было дѣйствительно правда: когда онѣ переставали говорить, то обѣ съ какимъ-то страхомъ навастривали уши въ ту сторону, откуда слышны были голоса ихъ дѣтей, и если при этихъ паузахъ и тамъ тоже смолкали, то Катерина Алексѣевна съ улыбкою говорила въ полголоса Софьѣ Петровнѣ: „Они тамъ кажется умерли?“ А Софья Петровна, заморгавъ сильнѣе обыкновеннаго говорила уже во весь голосъ: „Катерина Алексѣевна говоритъ про васъ, что вы умерли.“ Тогда или Машенька, подумываясь, отвѣчала: „Нѣтъ-съ,“—или Феденька кричалъ: „Марья Михайловнѣ почивать хочется-съ,“ и тутъ же, когда, послѣ этихъ успокоительныхъ словъ, снова заговаривали старухи, онъ прибавлялъ шепотомъ:

— Вамъ баиньки хочется? баиньки? хотите я васъ убаюкаю? Жаль только глазки закроются, не увижу я ихъ тогда...

— Какія глупости! Изъ чего вы заключили, что мнѣ спать хочется? отвѣчала на это Машенька, стараясь еще больше открыть свои глаза.

Машенька, окончивъ курсъ дѣтъ пять тому назадъ въ частномъ пансіонѣ губернскаго города, и съ тѣхъ поръ живя безвыѣздно въ деревнѣ, весьма мало имѣла понятія, о томъ какъ говорить съ мущинами, а Феденькину манеру говорить съ барышнями мы уже знаемъ. Онъ началъ прямо съ выразительнаго молчанія, въ которомъ былъ такъ искусенъ, потомъ скоро и круто перешелъ къ похваламъ глазкамъ, ручкамъ и кончилъ невнятнымъ шепотомъ. Долго билась сначала Машенька, чтобъ отгадать, глядя пристально въ ротъ Погуляеву, первое слово: слово это было „ангельчикъ“; она засмѣялась и покраснѣла; потомъ она распознавала

слова: „дружочекъ“ и „голубчикъ“ и наконецъ дѣлая фразы: „Дайте ручку поцѣловать, дайте мизинчикъ.“ Машенька дѣлала иногда видъ, что не угадываетъ ничего, заговаривала о другомъ, вдругъ скажетъ: „Покажите мнѣ какой у васъ портретъ виситъ на цѣпочкѣ.“ Феденька ломался, не показывалъ медальйона, опять вытягивалъ губы, и шепталъ свои слова и фразы.

На всѣ разспросы матери, Машенька не говорила конечно всего что дѣлали они съ Феденькой за перегородкой, однако сообщала ей, что она ужасно въ него влюблена и что по всему надо полагать и онъ въ нее не меньше. Разспрашивая такимъ образомъ дочь, Софья Петровна смотрѣла однако довольно строго на Феденьку, брови ея не раздвигались, а морганіе глазами казалось даже неприятнымъ Погуляеву: онъ не то чтобы боялся ее, но чувствовалъ, что женщина эта не добрая, и что строгое выраженіе лица ея не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Катерина Алексѣевна, какъ ни допытывалась у сына вездѣ, Феденька только отсмѣивался.

— Она ничего, говорилъ онъ,—пышная такая!—И въ самомъ дѣлѣ, когда онъ ходилъ по своей комнатѣ, воображеніе рисовало ему въ довольно привлекательномъ свѣтѣ сильно развитыя формы Михайловой. О лицѣ ея онъ собственно не думалъ. Машенька не была хороша собою, и лицо ея въ представленіяхъ Феденьки ступшеывалось; онъ повторялъ только мысленно, что она очень пышная, забывая за этимъ все и придумывая какъ бы завтра зазвать Машеньку чѣмъ-нибудь новелькимъ. Жениться на Машенькѣ онъ тоже не думалъ; но для чего и для какой же дѣли онъ мечталъ такимъ образомъ? Для чего? — покажите вы игроку зеленый столъ, посмотрите какъ загорятся у него глаза, какъ задрожитъ онъ весь: развѣ ему хочется играть чтобы выиграть? Нисколько, ему хочется просто играть. Феденькѣ точно также; съ тою только разницей, что его игра была безпроигрышная, онъ зналъ, что Машенька краснѣетъ, когда онъ входитъ въ комнату и взглядываетъ на нее, а ему что? До будущаго ему было мало дѣла, онъ и не думалъ объ немъ! А какъ приятно сказать: „Я васъ люблю“ (ужь онъ и это сталъ говорить шепотомъ), и замѣчать какъ отъ этихъ словъ отворачиваются въ другую

сторону, конфузятся. А какъ пріятно сидѣть близко съ такою пышною барышней! Вѣдь тутъ куда можетъ занести воображеніе, тѣмъ болѣе, когда человѣкъ знаетъ, что вотъ поцѣлуй оны у Машеньки ручку,—она только и скажетъ: „Какія вы гаупости дѣлаете?“ Поцѣлуй въ губки,—опять тоже скажетъ: „Перестаньте, какія вы гаупости дѣлаете!“

Въ дѣвичьей между тѣмъ ворчали, называли Машеньку старую дѣвкой, а про Софью Петровну говорили, что она приживалка, рада чужаго хлѣба поѣсть, и таскается каждый день по гостямъ: было ли это нѣкоторымъ образомъ дѣломъ ревности, или просто происходило отъ того, что дворовые люди вообще не любятъ, когда къ господамъ ихъ станетъ часто ходить или ѣздить бѣдный человѣкъ, представляю судить читателю.

XIV.

Катерина Алексѣевна встала наконецъ съ постели, но Михайловы продолжали ѣздить каждый день, какъ будто не желая разомъ оставить привычку проводить вмѣстѣ время; дѣло ладилось.

— Ну что намъ другъ передъ дружкой скрывать? начала разъ Софья Петровна со свойственною ей твердостью, — моя-то ужъ совсѣмъ влюбилась: „Какъ хотите, говорить, маменька, оны такой этакой.“ Я говорю: „Дурочка, посмотри хорошенько, любитъ ли еще оны тебя? Да и съ Катериной-то Алексѣвной надо прежде поговорить...“

— Подождите, подождите немножко, отвѣчала Катерина Алексѣевна въ полголоса,—я поговорю сначала съ Феденькой, а потомъ и увидимъ, какъ и что надо будетъ дѣлать; подождите немножко.

Софья Петровна зачистала морганьемъ при этихъ словахъ. Ей показалось страннымъ это „подождите.“ Впрочемъ мыслей своихъ она Катеринѣ Алексѣвнѣ не сообщила и только цѣлый день была какъ-то неразговорчива и чаще обыкновеннаго звала Машеньку къ себѣ; то, казалось, надо было ей юбку обдернуть, то просто говорила она: „посидите съ нами старухами, что вы все одни?“

Катерина Алексѣевна на другой же день, хотя и не съ

совѣтъ покойнымъ сердцемъ, однако рѣшилась поговорить съ сыномъ.

— Вотъ еще къ Михайловымъ надо намъ съ тобою съѣздить когда-нибудь, сказала она для начала, — онѣ такія добрыя, такіе прекрасные люди, и Софья Петровна и Машенька; въ нынѣшній вѣкъ кто бы это такъ ухаживалъ за больною?

— А который годъ Машенькѣ? спросилъ вдругъ Феденька.

Катерина Алексѣевна, совершенно не ожидавшая этого, отвѣтила машинально:

— Двадцать лѣтъ, и въ свою очередь принуждена была спросить: За что? зачѣмъ ты спрашиваешь?

— Такъ я спросилъ, сказалъ довольно равнодушнымъ голосомъ Феденька: — она очень хорошо сформировалась.

— Феденька, вотъ я давно хотѣла у тебя спросить, заговорила Катерина Алексѣевна, обрадовавшись тому, что рѣчь прямо зашла о наружности Машеньки: — вѣдь, на мой взглядъ она очень недурна, а?

Феденька молчалъ.

— И дѣвушка прекрасная, продолжала Катерина Алексѣевна, очень серьезнымъ тономъ: — какъ теперь она съ матерью, любоваться надо... Въ нынѣшній вѣкъ, я опять повторю, такихъ мало. Я вотъ все думаю... чтобы тебѣ, Феденька, вкрадчиво и улыбаясь продолжала старуха, — чтобы тебѣ на ней жениться...

Феденька молчалъ. Катерина Алексѣевна смотрѣла ему прямо въ глаза, и замѣтивъ нѣкоторую нерѣшительность въ лицѣ сына, вдругъ встрепенулась, и полились цѣлые потоки разныхъ соблазнительныхъ представлений о томъ счастьи, которое будто бы воспослѣдуетъ для Феденьки, Машеньки и для ихъ двухъ старухъ, представляла даже и себя бабушкой, и игры дѣтей въ домѣ, и оживленная комнаты, и добрую, хорошенькую жену.

— Очень можно сказать, не дурную, хорошенькую жену, которая тебя любить... Вѣдь какъ она тебя любитъ!.. Влюблена по уши, говорила Катерина Алексѣевна, показывая ошибочно на горло.

Феденька улыбался и молчалъ.

— Что вы мнѣ рассказываете, сказалъ онъ наконецъ, прерывая мать, — я знаю что влюблена, да вы-то точно маленькія, право! Въ такихъ вещахъ развѣ можно такъ, — тацъ-ляцъ, да и клятка? Въ такихъ вещахъ, да и во всемъ

надо подумать, понимаете, подумать!.. вразумительно говорилъ Фединька:—а у васъ,—такъ, фю!

Катерина Алексѣевна прижалась на стулъ и замолчала, а Фединька долго еще втолковывалъ ей какая это важная вещь и какъ требуется надъ этимъ думать, и натѣшившись надъ неразумностью матери, ушелъ наконецъ въ свою комнату; но тамъ впрочемъ мысли его приняли новый оборотъ: „А что коли и впрямь жениться? что тогда?“ Ему не случалось еще въ жизни ухаживать такъ, чтобъ ухаживанію этому не видѣть конца. „Здѣсь что жь изъ этого могло выйдти? кромѣ какъ жениться, ничего не выйдетъ, а жениться? какъ вдругъ жениться?“ спрашивалъ онъ самъ себя: „въ двадцать лѣтъ можно было такъ не думавши, а теперь? Она, пожалуй, не дура, да какъ это вдругъ жениться?“ Странное дѣло! Фединька совсѣмъ не былъ, что называется, поэтическая натура; казалось, поэзія отъ него также далека была, какъ Китай отъ Петербурга; но отчего же вдругъ представлялось ему, что вотъ онъ идетъ съ Машенькой,—идетъ по саду; большой ему видѣлся садъ; вонъ тамъ вдали бесѣдка; у нея растрепаны волосы; онъ, блѣдный, прижимаетъ ея холодную руку къ своему сердцу, говоритъ ей, какъ онъ ее любитъ, она кидается къ нему на шею, а тутъ внезапно выглядываетъ изъ-за облака луна и освѣщаетъ моргающее лицо Софьи Петровны; онъ прямо бросается къ ней, говоритъ ей: „Вы думаете что? Вы что-нибудь думаете?—нѣтъ, нѣтъ,—завтра мы вѣнчаемся“ И завтра они вѣнчаются, и всѣ такіе веселые, и онъ стоитъ подъ вѣдомъ...И она, и откуда бы къ нему, казалось, могли зайдти такіе въ своемъ родѣ поэгическіе и драматическіе образы? Зачѣмъ этотъ садъ, луна, бесѣдка? А между тѣмъ все это происходило въ головѣ Фединьки, и еслибы людямъ данъ былъ даръ предвидѣнія, то Софья Петровна сѣдовало бы устроить все такъ или почти такъ, какъ воображалось Фединькѣ, и вышло бы тогда, пожалуй, то чего ей хотѣлось; но дара предвидѣнія у нея не было, и вышло совсѣмъ иначе.

XV.

Катерина Алексѣевна однакоже осталась довольна результатомъ своего разговора съ сыномъ, такъ что, не дождавшись прїѣзда Софьи Петровны, сама отправилась къ ней объявить обо всемъ.

Машенька радовалась, слушая разказъ Катерины Алексѣевны; но Софья Петровна далеко вѣтъ.

— Все это какъ-то нерѣшительно, не основательно, говорила она.

Напрасно Катерина Алексѣевна, зная хорошо своего сына, убѣждала ее, что съ нимъ нельзя спѣшить, что его надо оставить дѣйствовать самого, что вотъ она даже хотѣла написать еще къ одному прїятелю его, котораго онъ очень уважаетъ, къ Лаврову, чтобъ и тотъ посоветовалъ ему; но Софья Петровна все какъ-то обижалась, говорила, что не навязываетъ ему дочери, что онъ самъ зашелъ слишкомъ далеко, что ему уже тридцать лѣтъ, а слѣдовательно совѣтовъ ничьихъ ему не нужно, что ей даже странно это упирательство съ его стороны, что и тогда, когда въ первый разъ Катерина Алексѣевна просила ее подождать, она только такъ промолчала; но что теперь наконецъ какъ только она будетъ у нихъ и увидитъ что со стороны Феденьки все-таки ничего нѣтъ, она съ нимъ поговоритъ сама и если ужъ такъ боится его Катерина Алексѣевна, то она его нисколько, ибо не она у него, а онъ у нея въ долгу.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Прошло два дня, Михайловы прїѣхали на цѣлый день къ Погуляевымъ.

Феденька сейчасъ же началъ таять съ Машенькой. Она хотѣла предупредить объясненіе его съ Софьей Петровной, и несмотря на запрещеніе не слишкомъ далеко заходить съ Погуляевымъ, всячески старалась намекнуть ему на то, какъ жалко, что молодой дѣвушкѣ нельзя всегда быть съ молодымъ мужчиной, что сейчасъ объ этомъ узнаютъ, заговарятъ и проч.

Феденька на всѣ намеки Машеньки отвѣчалъ совсѣмъ въ сторону, и когда та серьезно говорила ему:

— Грустно, что жизнь требуетъ такихъ вещей..

Онъ отвѣчалъ:

— Отцево нельзя зить? Ну оставьте селозное, дайте глазки сюда, дусенька, голубчикъ.—Феденька, для большой прелести картавилъ.

Машенька, между тѣмъ, красная, улыбалась, дѣлала глазки и никакъ не хватало у нея духа,—да у кого же бы и хватило?—сказать ему, что „вотъ, молъ, женитесь на мнѣ поскорѣ; я васъ люблю, вы меня,—женимся!“

Такъ проходилъ день; Софья Петровна, разчитывая на признаніе Феденьки, съ часу на часъ ожидала объявленія ей о томъ дочерью, но вотъ уже кончился вечерній чай, вотъ убрали со стола самоваръ, взошла луна, скоро и домой ѣхать, а все еще нѣтъ ничего! Софья Петровна, сильно заморгавъ, приподнялась съ мѣста.

— Федоръ Никандровичъ, сказала она.

Феденька развязно, какъ услужливый кавалеръ, вскочилъ съ дивана.

— Мнѣ бы съ вами на пару словъ надо, продолжала Софья Петровна, подставивъ свою руку Феденькѣ.

Смущенный и озадаченный Погуляевъ повелъ машинально Софью Петровну въ другую комнату. Машенька и Катерина Алексѣевна какъ сидѣли въ разныхъ углахъ гостиной, такъ и остались. Обѣ онѣ знали въ чемъ дѣло, но обѣимъ имъ сдѣлалось страшно. Машенька даже закрыла лицо платкомъ. Катерина Алексѣевна посмотрѣла въ тотъ уголъ, гдѣ висѣлъ образъ, и покачала головой.

Софья Петровна привела Феденьку въ угольную комнату, посадила его въ уголъ на диванъ, сама подсѣла на креслѣ; у Феденьки вдругъ мелькнула мысль о женитьбѣ, и разомъ, вмѣстѣ съ этимъ, точно вылетѣли изъ его головы и памяти образъ Машеньки, ея фигура, голосъ, глазки, самъ онъ какъ-то похолодѣлъ, и лицо его приняло сухое выраженіе.

— Догадались, сказала, смотря ему въ глаза, Софья Петровна, — къ чему я васъ призвала сюда? Надо это дѣло, голубчикъ мой кончить. Машенька ваша конечно мнѣ говорила, но я думала что и вы скажете, и такъ какъ этого не слышу, то рѣшилась сама: ну, думаю, что за важность.

Феденька молчалъ.

Софья Петровна посмотрѣла на него; молнія забѣгала

по ея лицу; она не знала, молчаніе это знакъ ли согласія, или,—что же наконецъ онъ думаетъ?

— Вы что жь молчите, мой годубчикъ? спросила она болѣе уже рѣзкимъ тономъ, откашливаясь и стараясь улыбнуться.

Өеденька втянулъ въ себя носомъ воздухъ въ нѣсколько пріемовъ и молчалъ.

— Мнѣ кажется, заговорила снова Софья Петровна,—что человекъ съ благородными намѣреніями, имѣющій виды на дѣвушку, долженъ знать... что жь вы молчите?

Өеденька на этотъ разъ высморкался, поправилъ усы свои къверху и продолжалъ молчать.

Лицо его выражало какую-то рѣшимость и настойчивость, которую, не знаю, видалъ ли читатель въ лошади съ коровомъ? Она бѣжала такъ бодро и весело, глаза ея смотрѣли съ такимъ огнемъ направо и надѣво, такъ легко, казалось, было ей тащить своими плечами довольно тяжелый экипажъ, такъ любовался ею хозяинъ сидѣвшій въ немъ, и кучеръ едва удерживавшій туго натянутыми вожжами порывы бодрого коня; но вдругъ: стой! Что такое? Конь перевернулся нѣсколько разъ на одномъ мѣстѣ, дико посмотрѣлъ вокругъ себя и остановился... Вылѣзаетъ грустно изъ экипажа хозяинъ, сѣзаетъ и кучеръ. Онъ ласково начинаетъ гладить морду животнаго, треплетъ его по шеѣ, беретъ наконецъ за поводъ, хочетъ повесить, нѣтъ, ни съ мѣста! Опять ласки, опять взялся за поводъ кучеръ, нѣтъ, ничего! Онъ начинаетъ сердиться, онъ бранится и ворчитъ прямо въ наостренныя уши лошади. Лошадь точно слышитъ, точно понимаетъ эту брань; какое дикое выраженіе глазъ у нея сдѣлалось! „Дьяволъ!“ произноситъ громко кучеръ, ткнувъ лошадь ногою во что попало, но еще угрюмѣе, кажется, сдѣлалась она отъ этого удара и даже ухомъ не повела! Вотъ кучеръ сѣлъ на козлы, вотъ онъ ударилъ одинъ, два, безчисленное число разъ кнутомъ по бѣдному животному; бѣлыя полосы такъ и отпечатались на его спинѣ, но ни съ мѣста! Вотъ бѣгутъ всѣ проложіе, останавливаются проѣзжіе, всѣ хотятъ принять участіе въ несчастномъ ѣздокѣ, бьющемся съ этимъ тупымъ упрямомъ; начинаютъ истязать въ два кнута, кто-то тащитъ ее за поводъ, тащатъ руками экипажъ, но трещитъ только обручъ, и точно въ землю вращается, съ

каждымъ ударомъ кнута все глубже и глубже, упрямое животное лошадь. „Дьяволъ! чортъ! амаема!“ раздается со всѣхъ сторонъ, и съ какимъ-то остервененіемъ отходить отъ тупосмотрящей кругомъ, дрожащей всѣмъ тѣломъ несчастной лошади!

Норовъ, именно норовъ какой-то вышелъ на Феденьку. Хуже плетей и кнутовъ сыпались на него упреки, угрозы, даже просто брань; молниеносное лицо Софьи Петровны такъ къ нему приближалось, что можно было даже опасаться, что она его сейчасъ укуситъ. Прибѣгавшія нѣсколько разъ изъ гостиной къ дверямъ угольной Машенька и Катерина Алексѣевна не рѣшались войти, до того тамъ было грозно и страшно; но неподвижно сидѣлъ Феденька, вдыхая въ себя тѣ и дѣло носомъ воздухъ; тихо блуждали его глаза по всѣмъ сторонамъ, и точно вросъ онъ въ этотъ проклятый диванъ, на который еще такъ недавно, такъ любезно, посадила его Софья Петровна.

— Волъ какой-то! стѣна! закричала вдругъ Софья Петровна, плюнувъ подъ конецъ въ сторону:—Господи! Господи! кричала она,—благодарю Тебя, что Ты избавилъ дочь мою отъ этого вола!... Какое счастье, Господи, какое счастье!

И Софья Петровна возложила на себя крестное знаменье и опрометью вылетѣла изъ комнаты, и тамъ слышенъ былъ ея голосъ, обращенный уже къ Катеринѣ Алексѣевнѣ, слышна была брань, слышались чьи-то слезы, а Феденька все сидѣлъ и все втягивалъ носомъ воздухъ, а когда, поднявшись, вдругъ пошелъ онъ и закричалъ почти во весь голосъ: „Насильно этихъ вещей не дѣлаютъ!“ то Михайловы уже были на крыльцѣ и словъ этихъ не слышали. „Насильно этихъ вещей не дѣлаютъ!!!“ повторилъ Феденька еще разъ.

XVI.

Катерина Алексѣевна какъ только проводила разгнѣванную гостью, такъ прямо прошла въ свою комнату, и заперла за собою на задвижку дверь, а Феденька, часа черезъ два, почувствовавъ потребность, послѣ своего норова, поговорить съ кѣмъ-нибудь, и въ особенности съ Катериной

Алексеевной, которая, по его помятіямъ, была, какъ и всегда, одна всему виною, отправился ее искать.

— *Уре же су при!*... Мнѣ надо серьезно съ вами поговорить! произнесъ онъ громко, постучавъ въ запертую дверь спальни.

Посадышавъ за дверью скрипъ. Катерина Алексеевна встала съ кровати, задвижка щелкнула, дверь отворилась и Феденька вошелъ довольно растрепанный и блѣдный.

— Что ты пришелъ сюда еще меня мучить? сказала она въскользь трагическимъ голосомъ:—мало тебѣ тамъ, ты и здѣсь еще хочешь меня терзать!

— Извините меня, что я васъ обезпокоилъ, началъ Феденька,—только я именно и пришелъ сказать вамъ, что я, можетъ-быть, въ послѣдній разъ васъ безпокою; оставаться мнѣ здѣсь нельзя, и жить намъ вмѣстѣ невозможно.

— Да куда же ты пойдешь? заговорила Катерина Алексеевна, гдѣ у тебя деньги, чтобы жить одному? ты знаешь, у тебя развѣ что-нибудь есть?—Ничего у тебя нѣтъ.... Что и осталось, то мое, а твое все пролетѣло. Куда пойдешь?

— Ужь это не ваша забота куда я поѣду! Къ Лаврову поѣду; онъ меня не выгонитъ; я не воръ, не пьяница, не картежникъ какой-нибудь; меня всякій возьметъ; напрасно вы такъ думаете.

— Хуже пьяницы, хуже картежника! Ступай себѣ съ Богомъ, Богъ съ тобой, говорила вся въ слезахъ Катерина Алексеевна,—ты несчастный человѣкъ!

— Да я знаю, что вамъ меня не жалко!.. Что меня жалѣть, что я въ такомъ положеніи, что долженъ куска хлѣба просить? перемѣнивъ вдругъ тонъ и приниживаясь, заговорилъ Феденька:—что меня жалѣть, повторялъ онъ,—вы развѣ когда-нибудь жалѣли меня? Вамъ развѣ въ первый разъ меня бросать... Когда я еще мальчишкой былъ, такъ вы меня бросили, а теперь что вамъ? Ужь мнѣ тридцать лѣтъ, — я и не прошу вашего сожалѣнія; только одно мнѣ сдѣлайте одолженіе, — это я васъ не какъ сынъ просить мать, сынъ и мать, повторилъ онъ съ важностью,—а какъ Федоръ Никандровичъ Погуляевъ просить постороннюю женщину,—денегъ мнѣ дайте на дорогу, чтобы мнѣ отсюда выѣхать, и оставайтесь вы съ своимъ сахаромъ, съ этимъ ангеломъ доброты, прекрасною женщиной, съ этою Софьей...

Господи! вдругъ вскочилъ Ѳеденька, на ноги, принявъ грозный и величавый видъ, — я въ жизни своей того не слышалъ ни отъ кого, что я долженъ былъ перенести отъ этого, съ позволенія сказать, шлюхи подлой!..

— Ѳеденька! вступилась было Катерина Алексѣевна.

— Позвольте-съ, я окончу. Что благородному человѣку сдѣловало сдѣлать послѣ всего, что она мнѣ тутъ пѣла? Я молчалъ. А вы думаете мнѣ легко было молчать? И за что, спрашивается, она на меня напустилась? За что, скажите? Что, соблазнилъ я ее дочь, что ли? Что, она молоденькая, сублильненькая дѣвчочка, что ли? насмѣшливо говорилъ Ѳеденька.—Дѣвкѣ двадцать лѣтъ. Наконецъ, что же я ей сдѣлалъ? Ручку поцѣловалъ?.. Что жь? остался у нее знакъ, что ли? было ей неприятно? Подлецъ я послѣ этого буду, если онъ просто-на-просто не хотѣли меня понять, а вы имъ помогали; и мнѣ поддаваться на это! дуракомъ такъ голову и подставить? На те, молъ, бейте, меня, дурака, того я и стою. Зачѣмъ вы сказали имъ, что я будто хотѣлъ ей предложеніе сдѣлать? Когда я этого хотѣлъ? Когда я это вамъ говорилъ? Когда?..

— Ѳеденька, прервала его серьезно Катерина Алексѣевна, приподнимая свою голову съ подушки,—я прошу тебя, выйди изъ моей комнаты,—ты меня утомилъ, я нездорова.

— Что жь, я уйду, отвѣчалъ Ѳеденька нѣсколько сконфузившись,—я уйду, повторилъ онъ еще разъ не трогаясь съ мѣста и смотря прямо въ глаза матери.

— То-то же, пожалуста, уйди. Когда ты въ своей комнатѣ, а къ тебѣ не вхожу, тебѣ не мѣшаю, а здѣсь не только комната моя, и домъ весь мой, и все здѣсь мое, ты понимаешь? Я тебя прошу выйти.

Ѳеденька приподнялся съ мѣста, какъ точно что колынуло его; онъ не посмотрѣлъ даже на мать въ самомъ дѣлѣ жалкую, всю въ слезахъ, измученную и огорченную, — вышелъ, ни слова не сказавъ, и такъ хлопнулъ дверью, что все стеклянное въ комнатѣ зазвенѣло; а Катерина Алексѣевна, на которую, казалось бы, какое физическое явленіе не могло подѣйствовать,—до такой степени болѣло у нея сердце,—даже вздрогнула.

Давровъ былъ правъ, говоря Катеринѣ Алексѣевнѣ про ея сына, что онъ никогда и никого не любилъ, что сердце у него самое жесткое, несмотря на тѣ слова любви, которыя онъ

всегда рсточалъ направо и налѣво; Лавровъ былъ правъ, говоря что влюбчивость у Феденьки была не что иное какъ болѣзнь, которую надо было лѣчить со вниманіемъ и осторожностію, такая же болѣзнь, какъ болѣзнь пьяницы; что, какъ у пьяницы или сумашедшаго есть всегда кто-нибудь кого онъ въ минуту бѣшенства боится, кого посылають его унимать, и передъ кѣмъ эти больные теряются и дѣлаются послушными дѣтьми, такъ и у Феденьки дядькой этимъ, пугаломъ былъ онъ, Лавровъ, и что, наконецъ, Катерина Алексѣевна напрасно думаетъ, что Федеяка только ее не любитъ,—онъ не любить никого,—и разница была только та, что съ нею онъ былъ сухъ, желченъ, жестокъ, потому что она ему вина никогда не давала; а кто давалъ ему вина, съ тѣмъ онъ былъ гораздо лучше,—онъ все-таки и этихъ не любилъ, но по крайней мѣрѣ воображалъ себѣ что любить.

Все это было дѣйствительно справедливо, и еслибы посмотреть на Феденьку съ какимъ равнодушіемъ онъ укладывалъ опять свои сувениры, какъ аккуратно завертывалъ онъ собственноручно всѣ свои туалетныя принадлежности, какъ мало тронуло его то, что послѣ разговора съ матерью, та все-таки прислала ему денегъ, какъ хладнокровно, наконецъ, простился онъ съ Катериной Алексѣевной, какъ даже весело сѣлъ въ поданный экипажъ, какъ поклонился съ улыбкою вышедшимъ его провожать прежнимъ друзьямъ своимъ, горничнымъ,—еслибы посмотреть на все это, то дѣйствительно можно было бы согласиться съ Лавровымъ въ томъ, что и самая безчувственность у Феденьки была въ самомъ дѣлѣ какая-то болѣзненная.

XVII.

Лавровъ былъ долгое время наставникомъ у братьевъ С...ихъ, и приготовивъ ихъ куда слѣдуетъ, въ казенное заведеніе, женился на оставшейся сироткою по смерти матери, сестрицѣ ихъ.

Анна Павловна пошла за Лаврова, конечно, не по желанію своихъ родственниковъ, гордившихся своею старою дворянскою фамиліею и весьма невыгодно представлявшихъ бракъ съ учителемъ,—но ей было тогда девятнадцать лѣтъ: выйти за него замужъ, пойдти противъ своихъ родныхъ,

сдѣлаться учительшей, казалось ей даже молодецкою штукой, своего рода современностью, о которой начали тогда поговаривать, и она вышла, не задумавшись.

Лавровъ, на сколько знаетъ его читатель, былъ хорошій малый. Онъ полюбилъ Анну Павловну горячо, Анна Павловна полюбила его, и оба были совершенно счастливы.

Въ самомъ скоромъ времени, изъ учителя Лавровъ, въ рукахъ котораго было теперь цѣлое имѣнiе и хозяйство, сталъ хорошій помѣщикъ, а жена его изъ простой, дюжинной барышни, сдѣлалась, по возможности, довольно образованною женщиной. Тутъ развилась въ ней любовь къ чтенiю. Она скоро привыкла разсуждать и говорить обо всемъ, можетъ-быть нѣсколько высокопарно и не такъ какъ говорятъ обыкновенныя женщины, но ни онъ, ни она этого не замѣчали, и, повторяю, оба были совершенно довольны и счастливы.

Вкусы и образъ мыслей обоихъ супруговъ были совершенно одинаковы: одинаково они лѣбили деревню, чтенiе; одинаково питали отвращенiе къ окружающимъ ихъ законнымъ помѣщикамъ; оба любили тихую жизнь; оба равно сочувствовали современнымъ интересамъ.

Поголяевъ повятiя не имѣлъ, да и не думалъ о томъ, кто и что такое была жена у Лаврова, къ тому же переездъ отъ матери въ имѣнiе Лавровыхъ оказался такъ коротокъ, что впечатлѣнiя, вывезенныя имъ изъ дому, не успѣли еще въ немъ успокоиться. Въ домъ къ прiателю онъ вошелъ грустнымъ, сердитымъ и забытымъ; какое-то сухое, обиженное, было у него лицо; не ласково смотрѣлъ онъ на все окружающее. Лаврову онъ, впрочемъ, все разказалъ. Лавровъ, ни разу не прервавъ его, позволялъ ему восхищаться Одессой, не останавливалъ его, когда онъ съ увлеченiемъ разказывалъ свои сердечныя исторiи, не напоминалъ ему ни про Лемочку, ни про то впечатлѣнiе, подъ которымъ они разстались тогда въ Москвѣ, и только когда Феденька, перейдя къ послѣднимъ годамъ, проведеннымъ имъ въ полку и съ матерью, перемѣнилъ тонъ съ веселаго на грустный, и заговорилъ Лаврову о томъ, что онъ вполнѣ несчастный человекъ, что ему мать родная попрекнула кускомъ хлѣба, что онъ не знаетъ за что его такая обидная судьба, что теперь уже онъ совершенно

перемѣнилася, совершенно будетъ другимъ челоуѣкомъ,—тогда только Лавровъ спросилъ его:

— И ты твердо на это рѣшился?

— Клянусь честью! отвѣтилъ ему Фединька:—ты видишь, а къ тебѣ явилася теперь какъ нищій, — мнѣ дѣваться некуда, а потому я совершенно въ твоей волѣ... Хлѣба ты мнѣ кусокъ дашь? прибавилъ онъ.

— Что за пустяки! сказалъ Лавровъ.

Пріятели крѣпко обнялись и поцѣловались.

— Жизнь тебѣ я постараюсь устроить... началъ было Лавровъ.

— Какую хочешь, прервалъ его растроганнымъ голосомъ Фединька:—какую хочешь, голубчикъ мой. Надо тебѣ управляющаго? Я буду управляющимъ!.. Надо лѣсника,—посылай меня и въ лѣсъ.

— Ну да, говорилъ Лавровъ,—книги будемъ вмѣстѣ читать....

— Читать, повторилъ за нимъ Фединька.

— Ты мнѣ будешь помогать...

— Да, помогать, повторилъ послѣднія слова Фединька.

— Жена моя... ахъ! я тебя еще и не познакомилъ съ нею, хватилася вдругъ Лавровъ.

Погуляевъ обдернулъ сюртукъ, и оба пріятели, наигравъ себя нѣсколько на пріятную, совмѣстную жизнь, вышли изъ кабинета въ то самое время, когда въ залѣ, на совсѣмъ уже закрытомъ столѣ стояла миока, и Анна Павловна держа въ рукахъ большую ложку, разливала въ тарелки горячій супъ.

— Анята, вотъ мой другъ и пріятель Погуляевъ, прошу любить и жаловать, сказалъ Лавровъ, подводя Фединьку къ женѣ.

Анна Павловна поспѣшила поставить налитую тарелку на мѣсто, и высвободивъ такимъ образомъ руку, подала ее гостю. Гость расшаркался, посмотрѣлъ на Анну Павловну, и вдругъ покраснѣлъ до ушей, точно кольнуло его что-то: „Какая миленькая... какая ручка ангельская... глаза... ротикъ,“ подумалъ онъ! и, цѣпляясь за стулья, недовольно усѣлся по лѣвую сторону хозяйки.

Говорилъ во все время обѣда Лавровъ: онъ смѣялся надъ Погуляевымъ, рассказывалъ женѣ, что теперь Фединька не тотъ, какимъ его прежде представлялъ онъ Анятѣ, что

теперь онъ другой человѣкъ, что забралъ онъ другія ламѣ-ренія себѣ въ голову, прѣхалъ къ нимъ пожить....

Анна Павловна говорила болѣе только вопросительное „Да?“ А Феденька, посматривая по временамъ искоса на хозяйку, въ продолженіи всего обѣда думалъ: „Вотъ хорошенькая, вотъ миленькая женщина.“ Какъ пьяница, рѣшив-шійся не пить, вздрагиваетъ, завидѣвъ рюмку, такъ вздрагивалъ и Феденька, посматривая на Анну Павловну; когда же выйдя изъ-за стола, мушкетеры удалились опять къ себѣ, Феденька вдругъ сказалъ: „Ну, Сережа, у тебя жена хороша!“ и эти слова были добрымъ знакомъ. Въ другое время Погуляевъ этого бы не сказалъ; онъ бы подумалъ непремѣнно и погрѣшилъ бы противъ десятой заповѣди; но признавшись теперь въ впечатлѣніи произведенномъ на него Анною Павловной, онъ тѣмъ самымъ положилъ какъ бы предѣлъ всѣмъ тайнымъ помысламъ.

Вечеромъ, когда разошлись всѣ по своимъ комнатамъ, Лавровъ объявилъ женѣ, что она очень поправилась его пріятелю.

— Много чести, конечно, что я удостоилась поправиться твоему другу, отвѣчала, улыбаясь, Анна Павловна, — но откровенно говоря, это будетъ очень скучно, если онъ поселится у насъ навсегда... Быть вѣчно на сторожѣ...

— Для чего же на сторожѣ?

— Да для того, что онъ теперь ужъ кидаетъ на меня какіе-то странные, косые взгляды.

Лавровъ усмѣхнулся.

— Ну, ничего, потерпи немножко, сказалъ онъ: — для этого несчастливаго мы можемъ-быть одни только и можемъ еще что-нибудь сдѣлать. Чѣмъ онъ будетъ тебѣ мѣшать? Я возьму его на свое попеченіе, буду его таскать по хозяйству, заставляя читать, онъ не будетъ намъ надоедать; ты только не смѣйся, прости ему его странности. Чтѣ за бѣда? Вспомни, онъ бѣдный, и несчастный! повторялъ Лавровъ.

Анна Павловна ничего не отвѣчала и молча пожимала плечами.

XVIII.

Легко было Лаврову дѣлать въ своей головѣ предположенія о томъ, какъ они будутъ жить съ Феденькой, и хозяйничать вмѣстѣ, и заниматься. Легко было и Погуляеву, сгоряча, повторять послѣднія слова товарища и обѣщать быть и тѣмъ, и другимъ, но не такъ-то легко оказалось это на дѣлѣ, хотя Лавровъ и очень усердно взялся за это, да и Погуляевъ, съ своей стороны, казалось, тоже чего-то желалъ.

— Пойдемъ, я покажу тебѣ все мое хозяйство, говорилъ Лавровъ въ первые дни, и водилъ Погуляева въ поле, въ лѣсъ, въ ригу и всюду, гдѣ ему самому надо было присутствовать.

Погуляевъ былъ очень бодръ и веселъ въ первомъ мѣстѣ куда они заходили. На всѣ вопросы и объясненія Лаврова онъ отвѣчалъ: „Да, хорошо, понимаю“. Въ слѣдующемъ мѣстѣ, онъ начиналъ уже спрашивать, можно ли курить, не опасно ли это будетъ въ видахъ пожара, развлекался самыми обыкновенными предметами: голубемъ, который влетѣвъ въ строеніе, забирался подъ стропила, мышью, пробѣжавшею мимо. Потомъ, онъ не слушалъ уже почти Лаврова, разсуждалъ съ кѣмъ-нибудь изъ слѣдовавшихъ всегда за ними должностныхъ лицъ, подбираалъ съ земли соломенки или, сломивъ вѣтку, обдиравалъ съ нея кору и мастерилъ себѣ хлыстикъ.

— Да брось папку-то и слушай! говорилъ ему съ досадою Лавровъ.

— Я слушаю, отвѣчалъ Феденька, не выпуская, однако, папки изъ рукъ.

„Чѣмъ же, наконецъ, занята у него голова?“ говорилъ самъ себѣ Лавровъ. И въ самомъ дѣлѣ чѣмъ же занята была голова Феденьки?

Хозяйствомъ?—Оно положительно не только не занимало его, но, при всемъ желаніи, не могло бы его занять; онъ ничего въ немъ не понималъ.

Чтеніемъ?—Сколько Лавровъ ни давалъ Феденькѣ книгъ,

тотъ ничего не читалъ; онъ развертывалъ книги, смотрѣлъ въ повѣстяхъ и романахъ разговоры, но до содержанія, до смысла ему не было ни малѣйшаго дѣла; ему скучно было вдумываться въ какое-нибудь описаніе характера, природы, мѣстности; у него не хватало воображенія на столько, чтобы воспроизвести у себя въ головѣ все описываемое, и когда попадалъ онъ на мѣсто, гдѣ строчки шли въ печати не прерываясь, онъ просто пропускалъ ихъ и даже не понималъ, какъ другимъ могутъ доставлять удовольствіе эти описанія.

— Такъ вотъ ты чѣмъ занимаешься, сказалъ Лавровъ, войдя разъ къ Феденькѣ и заставъ его со столярнымъ инструментомъ, что-то преусердно подтачивающимъ и просверливающимъ,—что это ты дѣлаешь?

Феденька сконфузился изъ рукъ его выпала даже какая-то веревочка, но онъ молчалъ какъ школьникъ, застигнутый на шалости учителемъ.

— Чтò ты дѣлаешь? повторилъ свой вопросъ Лавровъ.

— Я вотъ, началъ, смѣясь, Погулаевъ,—хотѣлъ колокольчикъ устроить, провести вотъ тутъ наверхъ.... проволоку.... Отъ скуки, голубчикъ.... отъ скуки.

Лавровъ посмотрѣлъ на потолокъ, гдѣ, на панели, уже прибиты были искусно загнутые гвоздики.

— Посмотри, пожалуйста, какую штуку сочинилъ! Да зачѣмъ тебѣ это? спросилъ онъ, смотря съ улыбкой на Феденьку.

Феденька, до того времени смотрѣвшій заискивающими глазами въ лицо товарища, теперь, при видѣ его улыбки, совсѣмъ засмѣялся.

— Да такъ, отъ скуки, повторилъ онъ:—а хорошо? Какъ ты скажешь? Хорошо? Вотъ она сюда пойдетъ, нитка-то, сюда, вотъ, посмотри.—Феденька взялъ за руку Лаврова и повелъ его къ двери:—А отсюда въ корридоръ, говорилъ онъ,—вовъ, видишь, во-о-въ туда, тамъ поверну....

Лавровъ смотрѣлъ машинально вѣсть съ Феденькой наверхъ.

— Да на чтò тебѣ?

Феденька смѣялся.

— Отъ скуки, право.

— Какъ отъ скуки? ты бы читалъ.

— Я все прочелъ, скороговоркой и увѣренно отвѣтилъ

Феденька,—книги, вотъ что ты мнѣ давалъ, вотъ о Берсеевъ, Бульбѣ, тутъ еще о Чичиковѣ, все прочелъ, смѣшные такіе эти Сидоръ тамъ съ Петрушкой... я все прочелъ, какъ же? Ты, сдѣлай милость, дай мнѣ еще что-нибудь, а это ужъ я кончилъ... Не сердись, Лавровъ?

— За что, помилуй, батюшка?

— За колокольчикъ-то, что я устроилъ?

— Помилуй, братецъ, за что же сердиться, говорилъ серьезно Лавровъ,—твое дѣло, самъ знаешь, мнѣ-то что жь? Ты совершенно какъ маленькій, заключилъ онъ, уходя изъ комнаты.

— Да это я такъ только, отъ скуки, кричалъ ему вслѣдъ Феденька,—пожалуй, брошу, а то.... Ты пришел же книги-то мнѣ, а эти я всё прочелъ... повторялъ онъ, и какъ только не стало слышно шаговъ Лаврова, снова извѣзъ на стулъ и съ бѣльшимъ еще, казалось, удовольствіемъ принялся прилаживать свою веревочку....

„Тридцать лѣтъ человѣку,“ думалъ между тѣмъ Лавровъ, „и.... веревочками занимается! Вѣдь и кричатъ-то на него, убѣждать-то жалко! Ужели и въ самомъ дѣлѣ правду говорить про него жена, что и фонду-то въ немъ никакого никогда не было, что онъ просто глупъ!“ И сердился Лавровъ, и жаль ему было Погуляева, и не зналъ онъ что ему дѣлать, съ какой стороны подойти къ нему, чѣмъ заинтересовать....

„Колокольчикъ устраиваетъ!“ повторялъ только онъ.

Но если Лавровъ, желая отыскать въ Феденькѣ что-то особенное, каждый день все болѣе и болѣе убѣждался, что въ немъ ничего не было, нѣтъ и не будетъ, то съ другой стороны Анна Павловна, отвергавшая въ немъ, вначалѣ, все хорошее, начала привыкать къ нему.

Послѣ одного какого-то разговора, въ которомъ Анна Павловна объяснила ему, что она самая простая, вислолько не ученая и не особенно образованная женщина, что она очень даже рада съ нимъ познакомиться, какъ съ родней и другомъ ея мужа,—онъ позволилъ себѣ немного расходиться, и Анна Павловна скоро пришла къ тому убѣжденію, что онъ совсѣмъ не глупый человѣкъ, а ужъ такой добрый и мягкосердечный, какихъ мало.

Въ этомъ мнѣніи о Феденькѣ, Анна Павловна еще болѣе

утвердилась когда вызвала разъ Погуляева на откровенный разговоръ. Феденька разказалъ ей всю свою прошедшую жизнь, представивъ себя въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ и не щада себя до такой степени, что Анна Павловна даже за него заступалась.

— Вы, мнѣ кажется, ужь слишкомъ себя бравите, говорила Анна Павловна, когда Феденька усиливалъ порицанія именно тамъ, гдѣ, скользя по подробностямъ или не договаривая чего-либо, былъ въ самомъ дѣлѣ не очень виноватъ.

— Мало-съ, Анна Павловна, клянусь честію мало-съ, говорилъ Феденька.—Развѣ я человѣкъ? У всякаго человѣка есть хоть одинъ другъ, ну хоть собака, которая его любить,—а у меня нѣтъ никого, я несчастное животное какое-то, а не человѣкъ....

— Почему вы такъ думаете? спрашивала Анна Павловна.

— Развѣ я не понимаю, Анна Павловна, напримѣръ Сережу? Что я такое передъ нимъ? ничего не значу: я изъ куска хлѣба живу у васъ, я это понимаю,—и, значить, я ли на что не способенъ: къ хозяйству?—Нѣтъ!.. Къ чему другому? Нѣтъ...

— Отчего это, почему же, продолжала спрашивать Анна Павловна, смотря на полныя слезъ глаза Погуляева:—вы очень ужь себя затираете; вѣдь ваша жизнь еще ничѣмъ не доказываетъ.. ну, что были тамъ уклоненія разныя, да развѣ этого съ другими не бываетъ....

— Я знаю, что бываетъ, сбивался Феденька на прежній, знакомый тонъ:—О! какъ я знаю, что бываетъ! Клянусь честію, теперь въ полку у насъ сколько человѣкъ! Э! да что говорить!.. вы, Анна Павловна, не повѣрите! Это развѣ то? прибавилъ, онъ улыбаясь проницески:—тамъ состояніе—вотъ что съ; графъ, князь—вотъ что-съ... А я просто Погуляевъ. Можетъ-быть, въ тысячу разъ Погуляева не стоить.. Мое несчастіе, я бѣдный человѣкъ. Будь я богатый человѣкъ, развѣ бы я такъ сидѣлъ? Я свое положеніе очень хорошо понимаю, вѣрьте мнѣ, Анна Павловна; можетъ, здѣсь у меня (Феденька показалъ на сердце) не одинъ разъ...

— Чѣмъ вы несчастны? Что вы такъ ужь несчастнымъ себя дѣлаете? спрашивала Анна Павловна.

— Да развѣ я самъ себя дѣлаю несчастнымъ? подумаите,

продолжалъ проницески улыбаться Феденька: — Кто несчастью радъ? оно само ползеть. Какое ужь это счастье, когда человѣкомъ такъ вертять, что онъ установиться ни гдѣ не можетъ? А развѣ я ужь такъ виноватъ? Я по крайней мѣрѣ могу сказать, — я не пьяница какой-нибудь, не игрокъ... Я, вѣдь очень хорошо понимаю, что живу здѣсь безъ всякаго дѣла, по вашей добротѣ только, а вы говорите чѣмъ несчастенъ? Безъ куска хлѣба, безъ пріюта, мать родная выгнала, — чѣмъ несчастенъ?! И за что? — за то, что я не имѣю денегъ, вотъ за что, повѣрьте... Будь только у Погуляева деньги, посмотрѣли бы какъ на рукахъ воспал!...

— Мнѣ кажется, прервала его Анна Павловна, — вы ошибаетесь, думая что деньгами можно уже все такъ... вѣдь кромѣ денегъ человѣку надо....

— Вы хотите сказать, что я не образованный? прервала ее въ свою очередь Феденька. — Положимъ, я необразованный, дуракъ если хотите, — да развѣ мало дураковъ-то? Позвольте васъ спросить? Положимъ, я необразованный, повторилъ онъ, — да по крайней мѣрѣ я ужь самъ знаю, что необразованный, съ своимъ умомъ и не лѣзу, не суюсь... Я нашелъ бы безъ этого себѣ дорогу... Развѣ я ея не находилъ когда средства были, возможность? Развѣ я такимъ былъ-то? Для жизни, вѣрьте мнѣ, не этого совсѣмъ нужно; вы посмотрите-ка, какъ коснется дѣло чего, — тутъ и умный, и глупый, — всѣ равны; всѣ вѣдь къ одному идутъ, — цной и глупъ, да съ деньгами счастливѣе всякаго — другой уменъ, а хуже глупаго; въ этомъ случаѣ все счастье!...

— Въ какомъ случаѣ, то-есть? спросила Анна Павловна.

Феденька вдругъ засмѣялся, и на лицѣ его изобразился вопросъ: „Ну зачѣмъ вы спрашиваете? Вѣдь извѣстно въ какомъ, вѣдь вы знаете! Эка любить женщина, чтобъ ей непременно назвать все по имени.“

— Да на чемъ вся жизнь-то вертится? спросилъ онъ, продолжая улыбаться.

— То-есть, какъ вертится? спросила Анна Павловна.

— Ну я вамъ скажу, Анна Павловна.... однимъ словомъ.... все вѣдь къ одному идеть.... любить, жениться, или тамъ... вы сами знаете, вы замужня женщина.... Сережу любите..

— Погуляевъ странный человекъ, говорила Анна Павловна послѣ этого разговора своему мужу:— онъ совсѣмъ не глупый, но онъ, какъ самъ говорить, дѣйствительно несчастный человекъ... Ты напрасно, Сережа, съ нимъ такъ....

— Что я съ нимъ? спросилъ, улыбаясь, Лавровъ.

— Да, ты думаешь, онъ не замѣтилъ? Онъ замѣтилъ, что ты съ нимъ вѣрно холоднѣе сталъ, или какъ-нибудь выразилъ ему свое презрѣніе....

Лавровъ сконфузился.

— А мнѣ его, продолжала Анна Павловна,— теперь только жалко; мое неприятное чувство къ нему совершенно прошло; онъ такой забитый, такой смиренный и такъ мало виноватъ въ томъ, что у него странно сложились въ головѣ понятія... Его надо приласкать, ты съ нимъ не такъ взялся... Какое тутъ хозяйство, книги, надо, братья за то, за что можно!

— Что же, ты исправлять его хочешь? спросилъ Лавровъ.

— Не исправлять, а мнѣ его жалко, онъ, мнѣ кажется, не можетъ такъ жить, какъ у насъ живетъ... Ты его не муштруй, его лаской надо брать... За что его муштровать? Чѣмъ онъ виноватъ?

XIX.

Прошелъ еще мѣсяць. Лавровъ не бралъ уже Феденьку съ собою по хозяйству, отложивъ всякое попеченіе насчетъ приученія его къ занятіямъ и тѣмъ менѣе насчетъ того, чтобы приготовить себѣ изъ него хорошаго помощника, и Феденька потому валялся долго на своей кровати; но отчего, спросили бы мы у него, когда приходили ему сказать, что Анна Павловна вышла и дожидается его кофе пить, отчего Феденька такъ торопился? Отчего, передъ тѣмъ какъ совсѣмъ уже идти, сидя передъ зеркаломъ и давая двойною щеткой наилучшее положеніе своимъ волосамъ, отчего въ головѣ его мелькало вдругъ: „А въ какомъ Анна Павловна будетъ сегодня капотѣ, съ розовыми лентами или съ синими?“ Анна Павловна, въ розовомъ капотѣ, ласково протягиваетъ руку Феденькѣ, наливаетъ ему кофею, и все идетъ заведеннымъ, обыкновеннымъ порядкомъ. Пришелъ Лавровъ, поговорилъ кой о чемъ, а

тамъ скоро обѣдъ, потомъ всѣ уходили, какъ будто отдохнуть и почитать, уходилъ и Феденька къ себѣ, но отчего опять въ шесть часовъ, когда зналъ онъ, что скоро долженъ быть чай, тянуло его зайти въ гостиную, гдѣ оставалась обыкновенно съ книгою Анна Павловна, и гдѣ, подъ часъ, выпуская ее изъ рукъ, прислонясь къ подушкѣ дремала, отчего тихо подкрадывался онъ къ двери, и каждый разъ, не то чтобы желалъ, но думалъ: „Спать или не спать она“, и какъ-то особенно любилъ, когда, услышавъ шаги, Анна Павловна немного заспаннымъ голосомъ окликала его: „Это вы Федоръ Никандровичъ?“ Отчего, далѣе, когда вечеромъ собирались всѣ къ чтенію вслухъ, Погуляевъ усаживался всегда противъ Анны Павловны? Отчего, иногда, какое-нибудь замѣчаніе Анны Павловны или смѣхъ ея заставляли его совершенно врасплохъ, ибо онъ какъ-то въ это время ничего изъ читаемаго не слышалъ и не понималъ? Отчего, иногда, взглянувъ на него, Анна Павловна вдругъ останавливала чтеніе простымъ вопросомъ: „Что вы на меня смотрите, Погуляевъ?“ на который Феденька точно также просто отвѣчалъ: „Ничего-съ; я думалъ вы ищете чего на столъ, или хотите что-то сказать“ и въ самомъ дѣлѣ въ эту минуту онъ убѣжденъ былъ, что смотрѣлъ на нее только за этимъ.

Феденька, придя къ себѣ въ комнату и раздѣвшись, долго лежалъ на постели съ открытыми глазами, съ дымящеюся папирской и мечталъ.

Сначала, разбуженная и встревоженная Лавровымъ лѣнь, заставила Феденьку жалѣть о счастливомъ прошедшемъ, въ которомъ онъ такъ невозмутимо наслаждался удовольствіями жизни, сѣтовать на Лаврова, который, не уважая старинной ихъ пріязни, веделікатно заставлялъ его рано вставать, слушать и насильно понимать то, чего понимать ему не хотѣлось; потомъ, съ теченіемъ времени, ласки Анны Павловны начали понемногу сглаживать это непріятное впечатлѣніе, и мысли его бродили на томъ преимуществѣ, которое всегда и вездѣ имѣютъ женщины передъ мужчинами, будь онъ даже такія холодныя какъ Анна Павловна; потомъ, ему стало представляться, что Анна Павловна вовсе не такая холодная женщина, какъ ему показалось при первомъ знакомствѣ. Онъ сталъ примѣчать за нею, и каждый день открывалъ въ ней новыя доказательства того,

что она вовсе не холодная женщина; онъ мысленно говоритъ себѣ, что она играетъ въ холодность. Съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ онъ, что и учелость ея есть ни болѣе, ни менѣе какъ пылъ пускаемая въ глаза, что она даже съ нимъ, совершеннымъ неучемъ, не скучаетъ и находитъ предметы для разговора.... Потомъ, по временамъ, Анна Павловна стала ему вдругъ представляться такою красивою женщиной, какихъ онъ въ жизни рѣдко встрѣчалъ; а вслѣдствіе этого, началъ разглядывать и изучать ея лицо, движенія, манеры, онъ скоро узналъ, какъ она ходитъ когда торопится и какъ когда не торопится, какъ сжимаются у нея брови когда она сердится, и какая складка дѣлается на щекѣ когда она смѣется; потомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, Феденькѣ показалось разъ, что Анна Павловна на него особенно какъ-то взглянула. Феденька, не спросилъ, конечно, объясненія этого взгляда у Анны Павловны; но вечеромъ, по этому поводу, послѣдовалъ цѣлый рядъ совершенно новыхъ мечтаній.

„Но что же Лавровъ-то скажетъ? Вѣдь онъ мнѣ другъ! Привыкъ меня!“ говорилъ почти вслухъ Погуляевъ, затушивъ свѣчку и перевертываясь къ стѣнѣ. „Что Лавровъ-то? Ты посмотри хорошенько на Лаврова, что онъ?“ шепталъ неугомонный соблазнитель.

Феденька засыпалъ подъ эти нашептыванія, а на другой день онъ какъ-то странно смотрѣлъ на Лаврова и какъ-то стыдно было ему, и точно виноватъ онъ въ чемъ-нибудь былъ передъ нимъ, и будто вина его была написана на лбу.

— Что ты ежишься все? спрашивалъ его въ эти дни Лавровъ, — точно кошка, которая цыплатъ украла.

— Я ничего, отвѣчалъ Погуляевъ; и въ самомъ дѣлѣ былъ ничего, но вечеромъ, къ другимъ обыкновеннымъ его мыслямъ присоединилась и та, что глупо было и не деликатно со стороны Лаврова, вдругъ, при всѣхъ, при женѣ, сравнивать его съ кошкой-воровкой, и опять соблазнитель шепталъ ему: „Ты посмотри-ка хорошенько на Лаврова, ты думаешь онъ съ тобой однимъ такъ-то? Онъ и со всѣми такъ; онъ и женѣ спуску не даетъ; не очень она у него разгуляется... Опять чепуха полѣзла“, думалъ Погуляевъ засыпая, а на другой день, какъ нарочно, Лавровъ о чемъ-то горячо поспорилъ съ Анной Павловной. Феденьку это возмутило. „Фу, ты!“ подумалъ онъ. „Экше мужлай!

Мужина, женщина, для него все равно! Ну, за что онъ на нее кричитъ? Бѣдная, вѣдь она одна! За нее кому заступиться? Некому!....“ И вечеромъ снова представлялось ему, какъ смотрѣли на него милые, нѣжные глаза, какъ обвивала его бѣлая ручка. „Ну, что этакому человѣку потерять женщину? Право ничего,“ сливался тогда шепотъ соблазнителя съ его собственными думами.

Мало-по-малу воображеніе Феденьки начало создавать изъ всего казавшагося доселѣ простымъ и обыкновеннымъ—драму, и такъ ярко обрисовывало ему всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы, такъ послѣдовательно стало выводить заключенія, что фантазію свою Феденька началъ принимать за дѣйствительность и лица вымышленныя за лица живыя.

Въ этой драмѣ, разумѣется, Анна Павловна была героиней, Лавровъ—злодѣемъ; героя же еще пока не было.

Анна Павловна въ иные дни была, казалось ему, очень добра, въ другіе—капризна, потомъ нѣжна, потомъ несчастлива, и вотъ онъ приискивалъ причины этимъ переменамъ.

Вчера ей не понравилось, будто бы, что онъ не показывалъ большаго участія къ ея разказу; сегодня, она будто бы особенно нѣжно встрѣтила его, когда онъ пришелъ къ ней поутру, потомъ будто бы она особенно ворчала на Лаврова, и будто бы ей хотѣлось, чтобы Феденька слышалъ ея ворчанье.

Ничего этого не было въ дѣйствительности, но въ головахъ Феденьки такъ было все положительно, что онъ даже началъ, играя самъ съ собою, пробовать разными способами вызывать то или другое чувство въ Аннѣ Павловнѣ, и тогда Лавровъ являлся ему то въ видѣ сухаго человѣка, безъ сердца, то въ видѣ ревниваго мужа, то въ видѣ грубѣлаго хозяина-помѣщика; онъ сердился, негодовалъ на него самъ въ себѣ, и порою изъ этихъ соображеній его фантазіи выходили и въ самомъ дѣлѣ сцены, которыя понималъ только онъ одинъ и которыя для него одного были сценами.

— Что ты рехнулся, Погуляевъ? говорилъ ему тогда Лавровъ,—что ты мнѣ отвѣчаешь какимъ-то обиженнымъ голосомъ, что съ тобой?

— Я братъ, значительно отвѣчалъ Феденька,—не рех-

нудся, а обижать, можетъ-быть, ты кого другаго имѣешь право обидѣть и обидишь, а меня нѣтъ.

— У васъ, кажется, исторія! вмѣшивалась Анна Павловна.— Сereжа, пожалуста, друга моего не обижать.

— Да чѣмъ? Помилуй, матушка, онъ самъ, посмотри-ка, ни съ того, ни съ сего взялся. Я только сказалъ....

Феденька смотрѣлъ въ это время съ какимъ-то торжествующимъ лицомъ то на Анну Павловну, то на Лаврова, а вечеромъ, въ головѣ своей рѣшалъ, что положительно онъ спуску Лаврову не дастъ ни въ чемъ, тѣмъ болѣе что теперь очевидно, до какой степени онъ и Аннѣ Павловнѣ надобѣлъ.

ХХ.

Всѣ лица моего разказа такъ мало любили природу и такъ мало имъ до нея было дѣла, что, занявшись ими, и я ничего не сказалъ о ней, не сказалъ даже, что давно прошла зима, что быстро пролетѣла за нею дружная весна, и что вотъ уже цѣлые два мѣсяца на дворѣ стояло жаркое и сухое лѣто.

Деревенскіе жители болѣе чѣмъ кто-либо чувствуютъ эти переходы отъ морозовъ и снѣговъ, заносящихъ ихъ чуть не совсѣмъ съ домами, къ веснѣ со всѣми ея красотоми, вблизи лѣсовъ, озеръ, полей и рѣкъ, и потому къ лѣту, съ которымъ является возможность, открывъ окно, впустить свѣжую ароматную струю воздуха, отдохнуть гдѣ-нибудь подъ тѣнью стараго дерева, пройтись или проѣхать такъ, куда глаза глядятъ, не боясь замерзнуть и заблудиться.

Но все это относится къ деревенскимъ жителямъ вообще, къ лицамъ же моего разказа не относится.

Жизнь ихъ перемѣнилась только въ томъ, что Лаврова не стало видно по цѣлымъ днямъ; онъ пропадалъ вѣчно гдѣ-то по хозяйству. Анна Павловна работу свою изъ гостиной перенесла на террасу. Феденька, вмѣсто черной своей венгерки (онъ не покинулъ еще военного платья), надѣлъ бѣлый китель. За обѣдомъ подавали свѣжія ягоды и наконецъ, вмѣсто того чтобы жаловаться на холодъ, жаловались на жаръ.

Анна Павловна не любила ходить. Ей было даже неприятно въ другихъ видѣть эту подвижность, являющуюся съ теплыми днями. Нежеланіе оставаться ни минуты въ душныхъ комнатахъ, опротивѣвшихъ въ продолженіи зимы, она называла аффектаціей

Ей не трудно было, конечно, очень скоро заставить и Феденьку говорить и даже ощущать то же самое. Когда Лавровъ, урвавшись отъ своихъ трудовъ, заходилъ къ нимъ и стыдилъ Анну Павловну тѣмъ, что она не только не старается исправиться отъ своей лѣви, но какъ будто даже гордится ею, Анна Павловна тихо смѣялась, ей вторилъ во весь голосъ Погуляевъ.

— Ты думаешь, что это очень мило? Нисколько, гадко даже; какъ тебѣ эта терраса-то не надоѣла? Жарко, душно, скверно! То ли бы дѣло, пошли мы куда-нибудь въ лѣсъ... Пойдемъ, соблазнялъ Лавровъ.

— Ахъ, Господи, да иди, кто тебѣ мѣшаетъ? отвѣчала Анна Павловна:—всякій дѣлаетъ какъ ему лучше; я нахожу, что здѣсь гораздо лучше чѣмъ въ твоемъ лѣсу, по которому и ходить нельзя, да въ которомъ и цвѣтовъ-то ужъ, конечно, нѣтъ такихъ, какіе у меня. Ну, и иди. А мы съ Федоромъ Никандровичемъ здѣсь останемся. Правда, вѣдь? обращалась она къ Феденькѣ.

— Лѣсъ?! повторялъ Феденька за Анной Павловной, смѣясь:—лѣсъ!! лягушекъ смотрѣть? въ травѣ ноги мочить?

— Эхъ вы! махнувъ рукою на обоихъ, говорилъ Лавровъ и уходилъ одинъ, а Феденька ближе подсаживался къ Аннѣ Павловнѣ, точно будто оказалъ онъ ей какую услугу, и въ головѣ его проходили мысли: „Мы одни теперь! какъ вѣдь славно! одни! его-то она услала, провалился теперь до самаго вечера!“

— Вѣдь вы мнѣ подержите компанію? говорила, между тѣмъ, Анна Павловна французскую фразу по-русски:—вамъ не скучно? да?

— Какое скучно? удивлялся Феденька.

— Да я знаю, говорила Анна Павловна, вы вѣдь мой другъ, собесѣдникъ; вотъ мы съ вами тутъ посидимъ; я поработаю, а вы мнѣ разкажете что-нибудь, ну хоть изъ прошлаго что-нибудь, лукаво подмигивала она:—вѣдь вѣрно еще осталось кое-что, чего вы мнѣ не говорили, ну!...

Феденька принимался говорить: разказывалъ то что было

дѣйствительно въ перемежку съ тѣмъ чего никогда не было; ставилъ себя въ разныя, частію скандалезныя, частію страшныя положенія, говорилъ, какъ всегда, плохо, далеко не краснорѣчиво, но тѣмъ не менѣе разказы его смѣшили Анну Павловну, и когда вечеромъ Лавровъ спрашивалъ ее что они подѣлывали? о чемъ говорили? что Погуляевъ? то Анна Павловна разказывая ему вкратцѣ все что говорилъ Феденька, продолжала еще смѣяться и прибавляла.

— Право онъ пресмѣшной! Такой наивный, такъ у него чувства просто складываются. Я понять не могу отчего въ самомъ дѣлѣ къ нему никто не привязался? Такая доброта, такая простота!...

А Феденька между тѣмъ иначе разсуждалъ, лежа одинъ въ своей комнатѣ. Онъ самодовольно улыбался, сильно что-то придумывалъ и невольно говорилъ въ слухъ:

— То-то, всякую вещь надо обдумать! Какъ обдумаешь, такъ оно и выходитъ что-нибудь. Рѣшительно.... рѣшительно она.... а онъ?... ну что, колпакъ колпаковичъ!.. не пара ей, нѣтъ, не пара! и доставая папироску, съ какимъ-то особеннымъ вкусомъ начиналъ сосать ее и все повторялъ:—рѣшительно она.. она рѣшительно того....

XXI.

Разъ, день былъ самый обыкновенный, — не праздникъ, и никто никого и ничего не ждалъ. У Лаврова шла уборка ржи; онъ съ самаго утра былъ на ногахъ, то въ полѣ, то на гумнѣ, то въ ригѣ, и домой возвращался только затѣмъ, чтобы вытереть запыленное лицо или закусить.

Феденька съ Анной Павловной сидѣли, какъ всегда, на террасѣ. Жара стояла невыносимая. Анна Павловна, безпрестанно оставляя свою иголку, откидывалась на кресло и жаловалась на духоту. Феденька не могъ даже курить. Все что можно было сдѣлать для освѣженія, было сдѣлано. Маркизы спущены были такъ, что свѣтъ на террасу входилъ только черезъ натянутую парусину; принесена была кожаная мебель; уготованъ былъ путь и сквозному вѣтру на случай еслибы таковой могъ подуть; бѣлый капотъ Анны Павловны былъ до того прозраченъ, что казалось трудно было придумать одежду болѣе легкой; она стояла

стояла тарелка со льдомъ, въ которой находились, окруженные со всѣхъ сторонъ какъ скалами, стаканы въ испарившійся, наполненные какимъ-то питьемъ, холоднѣе котораго былъ только самый ледъ. Анна Павловна обмахивалась то платкомъ простымъ ситцевымъ опахаломъ; Феденька дѣлалъ то же самое, устроивъ себѣ опахало изъ бумаги; запахъ цвѣтовъ, которымъ такъ наслаждались вечеромъ, дѣйствовалъ теперь какъ запахъ потухшей лампы на человека страдающаго головою болью; въ равной степени неспособно щекотали слухъ жужжавшія мухи, точно нарочно забивавшіяся подъ холщевую покрывку террасы и какъ-то особенно настойчиво пристававшія къ Аннѣ Павловнѣ и Феденькѣ; воркованіе лѣснаго голубя, въ другое время пріятное, теперь надоѣдало не меньше сверчка; стояцій, душный воздухъ производилъ такой же дурманъ, какой производитъ безсонница въ теплой комнатѣ.

— Ужасъ, ужасъ! какая радость въ этомъ лѣтѣ? говорила Анна Павловна, качая головою и точно сваливая съ себя какой-то страшный гнетъ.

Феденька молчалъ.

— Какъ это живутъ на югѣ, Господи?! я понять не могу, продолжала Анна Павловна, несмотря на Погуляева, который все-таки молчалъ.

— Федоръ Никандровичъ! окликнула она, наконецъ его: — что жъ вы молчите? Примите участіе въ моемъ горѣ; я просто умираю, прибавила она, положивъ голову на пальцы, — умираю....

— Я и самъ давно умираю, сказалъ Феденька очень тихо.

— Что вы тамъ? Ничего не слышу, спросила Анна Павловна, не перемѣняя позы.

Феденька не повторилъ своихъ словъ.

— Что вы сказали? не сердите меня, пожалуста, право ужасъ что такое!

Погуляевъ мрачно глядѣлъ на нее.

— Нѣтъ, точно разсердившись, какъ капризное дитя сказала Анна Павловна: — не могу работать; давайте шерсть мотать; по крайней мѣрѣ тутъ не нужно нагибаться; держите... Ну, оживитесь, Погуляевъ, возьмите, — вотъ....

Феденька обратилъ свой стулъ ближе къ Аннѣ Павловнѣ и растопырилъ руки.

Анна Павловна надѣла на нихъ пасму шерсти, и развѣлясь въ креслѣ, начала мотать.

Вдругъ какая-то мысль пробѣжала въ головѣ Феденьки. Онъ придержалъ нитку. Анна Павловна, остановивъ свое равномерное движеніе, дернула крѣпче. Минуты черезъ двѣ, Феденька сдѣлалъ то же; Анна Павловна дернула, но нитка не слушалась.

— Отцѣпите! произнесла капризнымъ голосомъ Анна Павловна.

Отвѣта не послѣдовало. Анна Павловна подняла глаза, но въ то же время Погуляевъ опустил свои. Анна Павловна внимательно посмотрѣла на него, дернула,—и опять побѣжала нитка.

— Что это вы, Федоръ Никандровичъ? вѣрно нарочно задерживаете, сказала она опять минуты черезъ двѣ, когда Феденька опять повторилъ свой маневръ:—перестаньте, отцѣпите!

Отвѣта опять не было.

— Пожалуста, распутайте, я не могу.... право, я несчастная.... совсѣмъ разварилась.... говорила соннымъ голосомъ Анна Павловна.

Феденька держалъ нитку и молчалъ.

— Федоръ Никандровичъ, вы право нарочно, продолжала плаксиво Анна Павловна:—я не могу.... я умираю, фу! я не могу, заключила она, опустивъ на колѣна обѣ руки, едва придерживая клубокъ шерсти, и запрокинувшись совсѣмъ на кресло, закрыла глаза.

Послышался стукъ отодвигающагося стула, что-то упало съ палецъ.... Анна Павловна открыла глаза....

Передъ самымъ лицомъ ея оказалось вдругъ лицо Погуляева, какъ-то особенно искривившееся, съ улыбкой и сладкимъ выраженіемъ въ глазахъ; одною рукой онъ оперался перевѣсившись на ручку кресла, другая торчала на воздухъ съ надѣтою еще шерстью на пальцахъ.

Лицо это произвело на Анну Павловну впечатлѣніе коммара которому не хочешь вѣрить и отъ котораго не знаешь какъ отдѣлаться; она сначала отодвинулась на сколько было можно, назадъ; потомъ своею рукой отодвинула немного Феденьку.

— Не буду, не буду, ангельчикъ, едва слышно прошептала Погуляевъ.

Анна Павловна внимательно осмотрѣла его, выпрямилась,

встала... сладкое выраженіе все еще не покидало лица Феденьки. Анна Павловна сдѣлала шагъ впередъ; Феденька смотрѣлъ попрежнему. Она оглянулась на него еще разъ,—онъ не измѣнялся; она махнула рукой и быстрыми шагами ушла съ террасы, черезъ заду, въ свою комнату,—кошмаръ преслѣдовалъ ее... Она сѣла на диванъ, закрыла лицо руками, но и тутъ все видѣлись ей эти возмутительно-сладкіе глаза и эта улыбка.

Феденька долго ходилъ одинъ по террасѣ, ожидая возвращенія Анны Павловны, но ея не было. Онъ уходилъ къ себѣ въ комнату, нѣсколько разъ возвращался: Анны Павловны все не было. „Надо было остановить, дуракъ я, не остановилъ,“ думалъ онъ, и снова уходилъ къ себѣ, и снова возвращался: Анны Павловны все не было.

Вотъ и жаръ началъ понемногу спадать. Феденька уже въ десятый разъ явился на террасу; онъ поднималъ всѣ маркизы, поставилъ на мѣсто отодвинутые въ безпорядкѣ стулья; прикрылъ салфеткой работу; нѣсколько разъ прошелся по дорожкѣ, съ которой видны были окна комнаты Анны Павловны; приостанавливаясь передъ ними, онъ поднимался на цыпочки, старался всячески разсмотрѣть что тамъ дѣлается,—но ничего не было видно. „Дуракъ я, дуракъ, непременно надо было удержать“ повторялъ онъ съ досадой: „Когда теперь еще такого случая дождешься? Сейчасъ явится *этотъ*... Ахъ дуракъ, дуракъ!“

Дѣйствительно черезъ какіе-нибудь четверть часа явился *этотъ*, то-есть, Лавровъ. Пришедши съ работъ пить чай, онъ удивился немного не найдя жены на террасѣ, но когда Погуляевъ сказалъ ему что Анна Павловна уже часа четыре какъ ушла къ себѣ и не выходила, то Лавровъ даже испугался и скорыми шагами пошелъ прямо въ спальню.

„Кончено теперь,“ говорилъ самъ себѣ Погуляевъ, оставшись опять одинъ: потерялъ цѣлый день по моей глупой милости! Разумѣется, не могла она сама рѣшиться на призваніе, надо было остановить, сказать... эхъ я, эхъ! повторялъ онъ, взявъ съ дорожки, по которой ходилъ, въ стору и направившись, отъ нечего-дѣлать, къ пруду и къ фруктовому саду.

Бездна самыхъ разнородныхъ мыслей тѣснилась у него въ головѣ; картина мотанія шерсти представлялась ему въ тысячу самыхъ разнообразныхъ и соблазнительныхъ

видовъ; цѣлые потоки краснорѣчивѣйшихъ, какъ ему казалось, словъ были готовы вылиться теперь, когда ихъ уже было не нужно, когда уже онъ пропустилъ удобное время и случай; но еще пафвительнѣе казались ему тѣ рѣчи, которыя слышало его раздраженное воображеніе со стороны Анны Павловны. Цѣлыя сцены въ отвѣтахъ и вопросахъ, въ задушевныхъ разговорахъ, проходили у него въ головѣ; въ самыя заманчивыя положенія ставилъ онъ себя и Анну Павловну, въ разныхъ комнатахъ дома и въ разныхъ углахъ тѣнистаго сада; бѣднымъ и глупымъ во всемъ этомъ представлялся ему Лавровъ... Не совѣсть егѣ мучила, вѣтъ! но какъ-то жалко ему было этого человѣка, который до того возгордился, что могъ вѣрить, хоть мину-ту, любви женщины во сто разъ выше его! Самъ себя Феденька представлялъ въ видѣ какой-то судьбы, которая послана Богомъ, чтобы наказать эту гордость. „Хорошо еще, думалъ онъ что на его мѣстѣ не другой кто, а онъ, человѣкъ все-таки честный, не пьяница, который на другой день могъ бы все разболтать, или подлецъ какой-нибудь, который, можетъ-быть, сталъ бы пользоваться чѣмъ, а потомъ бы фю!... удралъ бы на чужія денежки нашенывать то же самое въ другомъ мѣстѣ.“

Женскіе голоса, послышавшіеся гдѣ-то близко, прервали однако его мечтанія. Феденька нагнулся, посмотрѣлъ, прислушался: оказалось, что это были голоса дворовыхъ дѣвокъ, сбравшихъ крыжовникъ и черную смородину.

Феденька былъ въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, что ему хотѣлось перекинуть съ кѣмъ-нибудь слово, другое... Послѣ какой-нибудь особенно обрадовавшей насъ встрѣчи, и неожиданной и пріятной новости, не говоря объ этой новости, не разказывая ея, съ особеннымъ какимъ-то удовольствіемъ хочется говорить о совершенно незначительныхъ постороннихъ предметахъ, и думать въ это время: „Вы вотъ не знаете, какъ у меня на душѣ-то хорошо!“

— Эй, красавицы, гдѣ вы тамъ забились, крикнулъ Феденька мягкимъ голосомъ, пригибаясь на колѣни, чтобы рассмотреть скрывавшихся за кустами дѣвокъ.

— Вамъ на что? посылались оттуда голоса съ носовымъ смѣхомъ.

— Покажите себя, голубушки, покажитесь! повторилъ

онъ, между тѣмъ какъ то тамъ, то сямъ высовывались изъ-за кустовъ женскія головы: — Славныя какія, право, славныя! говорилъ Феденька.

Послышался опять смѣхъ; кто-то пропищалъ: „Сами вы красавчикъ“; Феденьку при этомъ пріятно передернуло, но еще пріятнѣе того мелькнула мысль: „Я знаю, что красавчикъ! И почище васъ то же говорятъ.“

— Кто сказалъ красавчикъ? выходи, шутиливо спрашивалъ Феденька:— выходи! А то самъ найду, закричалъ онъ, разгулявшись и бросившись къ кустамъ.

Послышался визгъ, смѣхъ; зашуршали кусты, поднялись съ разныхъ мѣстъ, какъ стая воронъ, некрасивыя, растрепавшыя, въ грязныхъ ситцевыхъ платьяхъ, босыя и безъшпочныя дѣвки. — Не балуйте! закричали онѣ.

Феденька взглянулъ на нихъ, сравнилъ мысленно эту уродливую ватагу съ своею прелестною Annette, и ни слова не сказавъ болѣе, пошелъ скорымъ шагомъ мимо, и скрылся за деревьями.

XXII.

Лавровъ засталъ жену всю въ слезахъ. Ему едва удалось успокоить ее и порядкомъ разспросить.

Не было тѣхъ оскорбительныхъ словъ, которыми бы Анна Павловна, забывъ свою благовоспитанность, не называла Погуляева во время своего разказа. Онъ былъ и подлець, и неблагодарное животное, и змѣя, и дуракъ, и кахаль, и негодяй.

Лавровъ просилъ ее не сердиться, не горячиться, говорилъ ей, что все это не стоить такихъ слезъ и брани; но несмотря на это, чѣмъ болѣе онъ вдумывался, чѣмъ болѣе слушалъ жену, тѣмъ становился самъ грустнѣе и мрачнѣе. Не ревность, не оскорбленное самолюбіе, говорило въ немъ, а въ немъ говорило глубокое чувство состраданія къ Феденькѣ, и оставивъ жену, онъ прямо отправился въ комнату Погуляева. „Несчастный ты человекъ, несчастный,“ твердилъ онъ идя по корридору, „лучше бы тебѣ быть пьяницей, картежникомъ.“

— Что жена? встрѣтилъ его Погуляевъ, вставая скоро съ кровати, на которой валялся послѣ своей прогулки.

— Ничего жена, отвѣтилъ Лавровъ, медленно входя въ дверь.

Погуляевъ, не обращая на него никакого вниманія, обдергивая свою вѣнгерку и съ нетерпѣніемъ дожидаяся, когда войдетъ и освободитъ дверь Лавровъ.

— Надо ее посмотреть, я пойду, говорилъ онъ.

— Постой, братецъ, не ходи.

— Что, развѣ нельзя? остановилась Феденька.

— Нѣтъ, нельзя, проговорилъ Лавровъ:— вѣроятно ты и никогда ее уже больше не увидишь.

Феденька отступилъ шагъ назадъ.

Принявъ позу любовника, которому предстоитъ имѣть дѣло съ ревнивымъ мужемъ и который рѣшается въ силу любви бороться, онъ усмѣхнулся и довольно драматически спросилъ:— Отчего?

— И не стыдно тебѣ меня спрашивать отчего? сказалъ Лавровъ.

У Погуляева мелькнула сначала мысль: „Онъ видѣлъ!“ Потомъ: „Она ему призналась!“ Затѣмъ: „Онъ только подозрѣваетъ“,— и остановившись на этой послѣдней,— Я полагаю, сказалъ онъ,— что мнѣ съ вами, Сергій Ивановичъ, по долгу честнаго человѣка... нечего....

— Сергій Ивановичъ... честнаго человѣка, прервалъ его Лавровъ,— что такое честный человѣкъ? Ты знаешь ли?

Лавровъ разсердился.

Погуляева точно ударили по головѣ; онъ ничего въ это время не думалъ, слышалъ только слова: честный человѣкъ, и машинально опустился на стулъ.

— Эхъ братъ, Погуляевъ, началъ Лавровъ,— жаль мнѣ тебя.

Феденька, сидѣвшій до этого времени прямо,— согнулся.

— Вѣдь ты до самаго конца никуда не годишься, продолжалъ Лавровъ, глядя прямо въ лицо Феденьки:— вѣдь я, одинъ знаю то, что ты въ сущности несчастный, больной человѣкъ, и только. А другіе вѣдь этого не знаютъ, какъ же тебѣ жить-то? Вотъ и отсюда слетѣлъ... Жена моя духу, вѣдь, слышать твоего не можетъ теперь.

Феденьку передернуло отъ этихъ словъ.

— Куда ты дѣнешься? Ну, куда? спрашивалъ Лавровъ, глядя на Феденьку. — Думаю, думаю, и ничего придумать не могу. Бываютъ люди, ну хоть что-нибудь; мужикъ всякій— выйдеть все-таки изъ него пахарь, работникъ, — изъ

тебя что вышло? Посмотри ты на себя: хлѣбъ, что ли, даровой такъ ядовито дѣйствуетъ, гуси ли эти да куры мерзлые, которыми тебя кормили въ молодости, дѣлають людей ни на что неспособными? Чешуя какая-то на тебѣ, ничѣмъ ее не пробьешь.

Өеденька кашлянулъ сухимъ, груднымъ голосомъ.

— Отчего ты не на службу? отчего никогда ничему не учился?.. Оттого что съ мущинами ты быть не можешь; ты сейчасъ чувствуешь, что эти, молъ, мнѣ спуску не дадутъ; а силишки вѣтъ чтобы поддержать самолюбіе-то чертовское... чтобы сдѣлать-то что-нибудь.

— Сережа, заговорилъ вдругъ дрожащимъ голосомъ Өеденька, — прости меня! Прости меня, повторилъ онъ вставая и подходя къ Лаврову.

— Въ чемъ мнѣ тебя прощать, помилуй? спросилъ Лавровъ, разведя руками.

Өеденька оживился.

— Ты думаешь что я не чувствую, что я дрянъ такая, на которую глядѣть не хочется; мнѣ самому на себя глядѣть не хочется; ты выговни меня, убей меня, клянусь, — для меня все равно. Я вѣдь чисто люблю Аяну Павловну, ей Богу чисто.... Только ты прости меня, Сережа! Я, ты и самъ говорилъ, я несчастный человѣкъ, я не могу такъ, никакъ не могу.... зачѣмъ ты меня пустилъ? Прости же, голубчикъ, будь...

— Да что ты у меня просишь, братецъ, прощенья? Ну что ты просишь?

Өеденька опять сѣлъ.

— Могу ли я тебѣ простить или не прощать, — не обо мнѣ рѣчь, а о тебѣ: Что ты съ собой-то сдѣлаешь? Что?

Өеденька опять быстро вскочилъ со стула.

— Со мной? спросилъ онъ?.. со мной: Что толковать, — выговни меня, пожаауста, выговни, и разговаривать нечего: я гдѣ-нибудь сгнию подъ заборомъ!

Лавровъ тоже всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Өеденька вертѣлся около него.

— Погуляеву развѣ это въ первый разъ? Мать родная выгнала изъ дома, съ удареніемъ и горечью произнесъ онъ, начиная приходить въ умиленіе отъ собственной, злосчастной судьбы своей: — Погуляеву это ничего... Онъ что? Бить

его, колотить, гнать какъ заразу какую надо, — вотъ что!.. За то что онъ не пьяница, не распутникъ, не картежникъ какой...

— Постои, ради Бога! прервалъ его Лавровъ:—выкинь ты, пожалуста, изъ своей головы, что ты не пьяница и не картежникъ,—ты хуже, слышишь? хуже...

Өеденька опять насупился; въ головѣ его, наконецъ, все перепуталось; онъ уже ничего не думалъ и не понималъ.

— Не сердись на меня? Сережа, а?.. Не сердись? спросилъ онъ ласковымъ голосомъ. Не сердись? повторялъ тысячу разъ свое Погуляевъ: — Сереженька, скажи, голубчикъ...

— Не сержусь, отвѣтилъ наконецъ Лавровъ, махнулъ рукою и вышелъ изъ комнаты.

— Ну, значитъ, побѣжалъ за нимъ Погуляевъ:—и Анна Павловна также? Попроси у нея, голубчикъ, прощенья; ей Богу, я... ну что же дѣлать, влюбился,—тѣмъ я виноватъ? попроси, Сережа, голубчикъ... А я завтра же... дай мнѣ лошадей... я несчастный, туда мнѣ и дорога...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ остановясь Лавровъ:—только ты за мною не ходи, пожалуста!.. Желу встрѣтишь, не ходи.

Лаврову не хотѣлось еще разъ повторять Погуляеву, что Анна Павловна не могла его терпѣть; ему было жалко его, а Өеденька, какъ послушная собака, тотчасъ же повернулась и скорыми шагами возвратился къ себѣ, повторивъ еще разъ Лаврову: „Не сердись,--а?“

На другой день, рано утромъ, тройка запряженная въ тарантасъ была у подъезда; тощiе пожитки Өеденьки были уложены. Лавровъ вышелъ провожать Погуляева на крыльцо, а онъ, весь въ слезахъ, бросался, не помня себя, изъ угла въ уголъ, точно искалъ чего-то, горячо цѣловалъ Лаврова, обнималъ его, все повторяя: „Ты не сердись? попроси, чтобъ и Анна Павловна простила меня; я-дрянь, ты самъ знаешь какая дрянь.“ У Лаврова были тоже слезы на глазахъ. Напрасно Анна Павловна пробовала уговаривать его, представляя дѣло совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, обижаясь даже тѣмъ, что сожалѣнiя Лаврова какъ будто становились упрекомъ ей, какъ будто она виновница того что Өеденьку принуждены были выгнать, — Лавровъ не пере-

ставалъ жалѣть обо всемъ случившемся, и бранить себя за то что онъ распустилъ вожжи и позабылъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

XXIII.

Извѣстно было, что Феденька отправился въ Москву, но зачѣмъ, гдѣ тамъ поселится, на чтѣ будетъ жить?—никто не зналъ. Денегъ предлагаемыхъ ему Лавровымъ взаймы, онъ не взялъ, кромѣ разчитанной имъ суммы на проѣздъ.

По дальнѣйшимъ слухамъ, Феденька нашелъ себѣ мѣсто, не казенное, но съ отличнымъ содержаніемъ: славная квартира, экипажъ, карманныя деньги и полнѣйшая свобода. Онъ могъ бывать каждый день въ театрѣ, разѣзжаться на рысакахъ, лѣтомъ имѣлъ особое помѣщеніе въ большой дачѣ. Надъ всемъ этимъ была невидимая рука благодѣтельница, которая, казалось, только о томъ и заботилась, чтобъ онъ ни въ чемъ не чувствовалъ недостатка.

Но скоро невинное личико какой-то барышни вкружило ему голову. Невинное личико готово было отвѣчать на пламенную любовь такую же любовью; но въ это самое время невидимая рука, въ расчеты которой нисколько не входили увлеченія Феденьки, отступилась отъ него, и онъ остался какъ та собака, которая погналась за двумя зайцами.

Такъ и пропалъ Погуляевъ въ Москвѣ, и три года о немъ не было ни слуху, ни духу.

Судьбѣ впрочемъ угодно было еще разъ свести товарищей дѣтства. Будучи въ Москвѣ, Лавровъ получилъ письмо отъ Погуляева, въ которомъ тотъ, объяснивъ что узналъ стараго товарища на улицѣ и замѣтилъ изъ какой гостиницы онъ вышелъ, просилъ въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ помощи, какъ бѣдняку, умирающему съ голода.

Переулокъ и указанный Погуляевымъ въ письмѣ домъ скоро были отысканы. Остановившись у воротъ, Лавровъ пошелъ пѣшкомъ.

Небольшіе деревянные дома, располагаясь полукругомъ около небольшого двора, свидѣтельствовали своею ветхостію, что обитатели ихъ были народъ небогатый. Снѣгъ, держась морозами, чистый и бѣлый еще на улицахъ, имѣлъ здѣсь видъ какой-то бурой коры на седины,

а по окраинамъ и у самыхъ оконъ подвальныхъ этажей, представляяся скорѣе сажей чѣмъ свѣгомъ; каретные сараи и конюшни, стоявшіе, вѣроятно, еще съ того времени, какъ въ домахъ, къ которымъ они принадлежали, жили господа,—теперь заваленные свѣгомъ, доказывали, что ворота ихъ никогда не отворялись; прислонясь гдѣ-то въ углу, безъ дверей и безъ цѣлаго бока, стоялъ шкафъ, тоже занесенный въ половину свѣгомъ, съ протоптанною собачьей тропинкою внутрь; на одной изъ дверей дома висѣла маленькая, вся затертая вывѣска бриллианщика, на другой, въ противоположной сторонѣ, торчала, на голубомъ фонѣ, рука, подъ которою углемъ нарисованъ былъ сапогъ; въ отворенныхъ наружныхъ дверяхъ видѣлись лѣстницы, облитыя грязью и съ вытоптанными ступеньками; по всему двору валялись вещи вышедшія изъ употребленія: башмаки безъ подошвъ, ситцевыя тряпочки, узоръ которыхъ едва можно было различить.

Отозвавшійся на голосъ Лаврова дворникъ обѣщалъ пойти спросить у съемщицы о Погуляевѣ, а минутъ черезъ пять, у одной изъ дверей куда онъ юркнулъ, послышался на лѣстницѣ шумъ точно чего-то падавшего сверху, и вслѣдъ за симъ,—въ шивели съ истасканнымъ бобровымъ воротникомъ, безъ галстука, въ фуражкѣ съ кокардой и въ сапогахъ со шпорами,—явился Погуляевъ.

Еслибы Лавровъ не ожидалъ его появленія, онъ можетъ-быть не узналъ бы Феденьку, до того видъ его показался ему жалокъ, и до того блѣдныя щеки, увядшіе глаза и какъ-то по волоску торчащія, все такіе же впрочемъ тоненькіе, но ничѣмъ не смазанные усы,—измѣнили его лицо.

Феденька, съ своей стороны, также удивился и не узналъ съ перваго раза Лаврова.

— Ахъ, это вы, Сереженька! А я думалъ... это вы? заговорилъ онъ какимъ-то жалкимъ голосомъ, улыбаясь и сильно сжимая руку, которую протянулъ ему Лавровъ. — Сереженька, пойдете ко мнѣ... войдите... ахъ Господи!... Сереженька,—я не ожидалъ... продолжалъ онъ, повидимому, сильно озадаченный, влѣзая по лѣстницѣ и таща за собою Лаврова.—Вотъ гдѣ живу! сюда, сюда, направо, вотъ порогъ, вотъ и моя дверь, вотъ она! и отворивъ какую-то дверь, Погуляевъ отошелъ немного въ сторону и впустилъ въ нее Лаврова.

Квартира Погуляева не была изъ тѣхъ, которыя въ большихъ, каменныхъ пяти-этажныхъ домахъ называются „chambres garnies“ или нумерами. Это была просто комната, отдаваемая въ наймы такъ-называемою съемщицей. Какъ былъ дворянскій домъ съ верхнимъ этажомъ, такъ онъ и остался: засадили его только, кое-гдѣ заколотили прежнія съ большими мѣдными замками двери, кое-гдѣ пробили новыя, кое-гдѣ сунули русскую печь, вотъ и всё. Комната Феденьки была въ два окна. По одной стѣнѣ стоялъ разорванный и провалившійся диванъ: передъ нимъ на одной ножкѣ круглый столъ. По другой стѣнѣ, закрывая запертую дверь ведущую въ другую комнату и упираясь въ печь, стояла кровать, около которой устроена была занавѣсь изъ толстой холстины; между окнами находилась ломберный столъ покрытый сукномъ; на запертой двери, за простыней, висѣло платье. Грязныя подушки на кровати, ситцевое, ваточное одеяло, мѣстами мокрые обои, вообще грязный видъ всей комнаты, ясно говорили о бѣдности; но въ то же время были слѣды и нѣкоторыхъ заботъ: на столикѣ передъ диваномъ лежалъ недобродный розанчикъ; на ломберномъ столѣ стояло по срединѣ полинялое съ угловъ складное зеркало и около него были въ порядкѣ разложены бритвы, щетка, маленькій гребешокъ для усовъ и большой, для головы. Кромѣ того, на столѣ лежало много какихъ-то картончиковъ, изъ-подъ кровати видѣлся чемоданъ, на стулѣ валялась желтая бумага, изъ которой выглядывали папиросы, а вонъ и жестяная коробка спичекъ безъ запаха, да и платья что-то много висѣло на двери; въ углу стояли калоши лѣтняя и зимняя.

„А рубашка на немъ грязная!“ думалъ Лавровъ, оглядываясь во всѣ стороны, между тѣмъ какъ Феденька, посадивъ его на диванъ и помѣстивъ самъ противъ него на стулѣ, все еще жалобнымъ и какимъ-то ласкательнымъ голосомъ продолжалъ говорить:

— Сереженька, какъ это вы?... Вотъ гдѣ я живу! Смотрите,—что за квартира? Сереженька!...

— Ну что же? какъ же, скажи? какъ? что? спросилъ наконецъ Лавровъ, не придумавъ съ чего начать, чтобы узнать отъ Феденьки о его жизни и положеніи.

Въ отвѣтъ на эти вопросы, Погуляевъ выпрямился; исчезло съ лица его жалкое и ласковое выраженіе.

Драматическимъ голосомъ и очень скоро, началъ онъ разказывать Лаврову, что и какъ онъ дѣлалъ съ того времени, какъ они разстались. Разказывалъ какъ онъ прѣхалъ въ Москву, какъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать къ матери, но какъ это не удалось, потому что нечѣмъ было сразу заплатить за номеръ въ гостиницѣ, гдѣ остановился; какъ потомъ принужденъ былъ за этотъ долгъ оставить нѣкоторыя вещи и съѣхать на квартиру; какъ мать писала ему недостойныя, какъ онъ выражался, письма, и вмѣсто денегъ, присылала только какія-то косыночки изъ козьяго пуха на продажу, какъ онъ потомъ сталъ искать мѣста, какъ ему вездѣ отказывали, то за большимъ саишкомъ чиномъ, то за тѣмъ, что онъ былъ военный, то за тѣмъ наконецъ, что его не знаютъ; какъ не имѣя средствъ къ жизни, онъ сталъ закладывать всѣ свои вещи: бѣлье, по его словамъ, отаичное, одесское платье, какъ онъ обращался ко всѣмъ, кто только его помнилъ и зналъ когда-нибудь, при этомъ назвалъ Héléne, про которую разказалъ, что она давно замужемъ, разказалъ также какъ онъ ее отыскалъ и какъ она ему помогла; называлъ онъ и еще много лицъ изъ прежней, давно прошедшей жизни, забытой Лавровымъ, жаловался опять горько на мать, которая, вмѣсто всякой помощи, прислала ему еще какое-то заемное письмо въ двѣ тысячи рублей, данное ей однимъ господиномъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, предоставляя ему право взыскать эти деньги въ свою пользу; разказывалъ, бранясь, про этого господина, какой онъ подлець, какъ онъ, Феденька, его ловилъ, стращалъ, но какъ тотъ водить его до сихъ поръ и даже не далъ ему трехъ рублей въ счетъ долга, — словомъ, въ разказѣ Феденьки повторились всѣ грустныя стороны жизни извѣстнаго рода людей, про которыхъ обыкновенно говорятъ: „Богъ знаетъ чѣмъ онъ жаветь“, или „Богъ знаетъ чѣмъ это кончится.“

— Что жъ ты думаешь дѣлать-то, какъ поправиться? спрашивалъ машинально Лавровъ, вполнѣ сознавая, что въ разрѣшеніи именно этого-то вопроса и заключается вся задача.

— Я и самъ не придумаю, отвѣчалъ Феденька. — Что дѣлать? я рѣшительно долженъ идти въ полицію объявить гласно, что я, по неимѣнію никакихъ средствъ, — не имѣю даже возможности найти какое-нибудь мѣсто для пропитанія,

просить довести начальству о какомъ-нибудь пособіи; соглайтесь, что же я долженъ дѣлать?

— Какое, братецъ, полиціи до тебя дѣло? отвѣтилъ Лавровъ, въ раздумьи:—какое у тебя начальство?

— Неужели я не могу имѣть какое-нибудь мѣсто? Дворникъ, кучеръ, поваръ,—всякій можетъ имѣть мѣсто,—а я не могу и долженъ терпѣть нищету?

— Мѣста, я тебѣ рѣшительно скажу, мѣста ты не найдешь, сказалъ съ грустію Лавровъ:—надо другое что-нибудь, а мѣста не будетъ тебѣ никогда, и никто тебѣ не дастъ мѣста.

— Отчего же? спрашивалъ Погуляевъ:—конечно, теперь я куда явиться не могу, на мнѣ вотъ, что видишь, только и есть, все тутъ, и то военное; а я гражданскій,—пустить меня въ переднюю никто не захочетъ, выйти не въ чемъ.... А я не пьянствовалъ, въ карты и на мотовство не имѣлъ никакихъ средствъ. — Одно только неимѣніе ничего въ жизни ни отъ родныхъ и ни отъ кого!

Въ это время дверь съ лѣстницы отворилась, вошла грязная кухарка, скорыми шагами прошла она мимо прекратившихъ на минуту разговоръ пріятелей, и вынувъ изъ-подъ висѣвшей на двери простыни лисій салопъ, быстро удалилась. Погуляевъ проводилъ ее глазами, лицо его выражало ожиданіе вопроса, но Лавровъ ничего не спросилъ, онъ былъ занятъ совсѣмъ другимъ.

— Стало-быть о мѣстѣ, заговорилъ онъ снова,—ничего и толковать, а помочь тебѣ, сколько можно, я тебѣ помогу; по моему, одно средство — ѣхать тебѣ къ матери; я дамъ тебѣ денегъ на дорогу сколько могу, только ступай поскорѣе отсюда.

— Мать живетъ у сестры, помилуйте! заговорилъ Оленька скоро:—она сама, можно сказать, подавнѣемъ сестры питается. Какъ меня могутъ принять? разсуди: вѣдь я нищій, изъ милости долженъ буду жить.

— Да что жь здѣсь-то? вѣдь ты умрешь, пропадешь тутъ, разгорачился Лавровъ, тебѣ разсуждать уже не приходится; а одно только это и вижу средство.

Строгій тонъ Лаврова, повидимому, подѣйствовалъ на него; онъ только повторялъ, что не желаетъ никому такой бѣдности, какую онъ испытываетъ, что онъ сдѣлаетъ теперь какъ захочетъ Лавровъ, его благодѣтель, что ему остается только слушать его; но что онъ все-таки не знаетъ, почему не

воръ, не мошенникъ, не картежникъ, не пьяница, и имѣющій только одинъ недостатокъ бѣдность и, кромѣ этого, ничего на совѣсти, — не можетъ никакой имѣть надежды даже въ будущемъ.

Часъ времени, что просидѣлъ у Феденьки Лавровъ, показался ему за день; тяжело ложились на душу повторенныя ему тысячу разъ слова: нищій, кусокъ хлѣба, бѣдность; ему еще все казалось, что несчастная судьба Погуляева лежала на его совѣсти, но еще больше сжалось его сердце, когда, уходя отъ него, спустился онъ съ лѣстницы, и Феденька закричалъ ему голосомъ далеко не взволнованнымъ, точно будто провожая захвачаго съ визитомъ хорошаго знакомаго: „Мое почтеніе Аннѣ Павловнѣ!“ Лаврова передернуло отъ этихъ словъ; „Какъ ни въ чемъ не бывало,“ подумалъ онъ, и вздохнулъ свободнѣе только тогда, когда вышелъ на чистый воздухъ, и свѣзъ въ сани, уѣхалъ.

Нечего говорить, что все обѣщанное было исполнено. — На другой же день Феденька получилъ деньги, столько, сколько было между ними условлено, и возвратившійся посланный Лаврова разказывалъ ему подробно, какъ Феденька его принялъ, посадилъ и обо всемъ спрашивалъ, какъ онъ заходилъ и къ съемщицѣ, которая его удостовѣрила, что постоялецъ Погуляевъ человекъ смирный, только ужъ очень бѣдствуетъ, что все у него заложено, что жить имъ трудно, потому, что доходовъ нѣтъ, а тоже жена...

— Какъ жена? вдругъ остановился Лавровъ.

— Да вѣдь они съ женой живутъ, объяснилъ посланный.

— Съ какою женой? спрашивалъ безсознательно Лавровъ, предчувствуя развязку.

— Какъ же, у нихъ жена?

— Ты ее видѣлъ, самъ видѣлъ ее? спрашивалъ онъ.

— Какъ же, жена-съ. Хозяйка говорила, продолжалъ между тѣмъ посланный, распространяясь о томъ, что еще говорила хозяйка: какъ жену эту называлъ Погуляевъ сначала сестрой, потомъ родственницей; что ей хозяйкѣ конечно все равно, лишь бы деньги исправно платили; но что и она сама тоже, вотъ какъ и Сергѣи Ивановичъ сумѣвается, чтобъ она ему была точно жена, потому что переѣхалъ онъ безъ нея, что хозяйка прежней ихъ квартиры сказывалъ, будто тамъ съ Феденькой другая жила, а

напрежь того и самъ оны жилъ хорошо, въ большомъ камь-то домѣ у госпожи, которой фамилію оны позабылъ, и которую впрочемъ называла хозяйка.

Что думалъ, что чувствовалъ Лавровъ, слушая такія рѣчи, читатель самъ пойметъ, а я прибавлю только, что съ Феденькой больше оны не видался, и дня чрезъ два послѣ того уѣхалъ къ себѣ въ деревню.

Погоуляевъ остался теперь совершенно одинъ; оны потерялъ въ Лавровѣ единственную свою поддержку, единственного человека, который могъ бы еще что-нибудь для него сдѣлать.

Оны таскался изъ квартиры въ квартиру, вездѣ крича и жалуясь на свое несчастное положеніе до тѣхъ поръ, пока не подобрала его и не увезла къ себѣ сжалившаяся наконецъ надъ нимъ, сестра. Катерина Алексѣевна, увидавшись съ сыномъ, обрадовалась ему такъ, какъ будто оны никогда и ничего въ жизни не сдѣлалъ ей непріятнаго.

Странное дѣло! Катерина Алексѣевна совершенно повинала Феденьку, знала какой оны былъ человекъ, но до самаго конца своего любила его такъ, какъ никого больше не любила на свѣтѣ, и до самаго конца видѣла въ немъ ребенка, не оставляла его никогда своими наставленіями, всегда приставала къ нему то съ тѣмъ, то съ другимъ, исправляла его; а Феденька, съ своей стороны, тоже до конца удержалъ съ нею свой покровительственный, небрежный тонъ, и Катерина Алексѣевна была для него въ жизни чуть ли не единственное лицо, передъ которымъ оны чувствовалъ и сознавалъ свое превосходство.

Въ деревнѣ, у сестры, Феденька и умеръ, переживъ немногими годами свою мать. Умеръ оны не отъ горя, не отъ грусти, не измученный жизнью, какъ казалось бы можно было ожидать, но просто простудился, заболѣлъ и умеръ.

Послѣдніе года своей жизни Погоуляевъ, можно сказать, провелъ по вкусу. Въ обществѣ сосѣдей ему удалось какъ-то поставить себя специалистомъ по части любовныхъ похожденій. При всякомъ дѣлѣ, при всякой шуткѣ, касавшейся этого предмета, — всегда относились къ нему: „Вотъ вы Федоръ Никандровичъ, человекъ опытный! вы на этотъ счетъ молодецъ!“ Феденька самодовольно умбаася, былъ по своему гордъ своимъ положеніемъ, до послѣдняго дня молодился, фабрилъ усы, подтягивался,

гладко причесывался, и до самой болѣзни своей, по секрету ходилъ и ѣздилъ ежедневно въ сосѣдную деревню, гдѣ сблизившись съ семействомъ управляющаго изъ мѣщанъ, обворожалъ все общество своимъ весельемъ, гдѣ пѣвалъ и танцовывалъ, гдѣ свободно и много разказывалъ про свою жизнь, гдѣ молоденькая семнадцатилѣтняя дочь управляющаго смотрѣла и засматривалась на все еще тонкіе, черные усы и нѣжную кожу лица Погуляева, и гдѣ родители этой дѣвочки съ восторгомъ мечтали о томъ счастьи, которое могло бы произойти, еслибы случилось имъ породниться съ дворянскою кровью.

Всѣ надежды, на этотъ счетъ, со смертію Феденьки, разумѣется, лопнули,—но въ погребальной процессіи его прибавились лишнія лица, и на гробъ его упала таки слезка молоденькой дѣвочки....

БУДКИНЪ.

К И В А Ч Ъ

Не громъ гремитъ — падувъ шумитъ.
Мѣстная поговорка.

Петрозаводскъ, по своей наружности, совсѣмъ не заслуживаетъ той величавой мѣстности, на которой онъ расположенъ. Это маленькій городокъ, съ восемью, кажется, церквями, въ числѣ которыхъ нѣсколько деревянныхъ, съ улицами снабженными тоже деревянными мостками. Невзрачные деревянные домики, пострѣвшіе и большею частію постарѣвшіе, каменные присутственные мѣста, губернаторскій домъ, ряды и наконецъ совершенная тишь на улицахъ, пыльных лѣтомъ и грязныхъ осенью—вотъ физіономія Петрозаводска, почти общая всѣмъ нашимъ небогатымъ провинціальнымъ городкамъ. Но выйдите только на набережную или, правильнѣе, на пристань, и вы сейчасъ же получите иное впечатлѣніе. Городъ стоитъ на берегу Онежскаго озера, или, лучше сказать, при одномъ изъ его заливовъ. Надѣво заливъ этотъ идетъ между лѣсистыми берегами и въ виду вашемъ, верстахъ въ десяти, кончается узкимъ проливомъ, которымъ онъ соединяется съ другимъ небольшимъ озеромъ, Логозеромъ. Возлѣ самаго этого соединенія, на довольно высокой порфировой скалѣ, стоитъ село Саломенское, бывшая пустынь, нынѣ упраздненная.

Названіе свое село получило отъ корельскаго слова *саломе*, означающаго проливъ. Сельская церковь, устроенная на берегу пролива, вся помѣщается на одномъ камнѣ. За нею высится еще скала, покрытая уже чернымъ лѣсомъ. Видъ церкви на темномъ лѣсномъ фонѣ, на берегу голубаго озера, чрезвычайно красивъ. Да и весь этотъ берегъ, противоположный Петрозаводску, съ своими высокими холмами покрытыми лѣсомъ, исполненъ какого-то спокойнаго, молчаливаго величія. Между этимъ чернымъ лѣсистымъ берегомъ и Петрозаводскомъ, вправо, разстилается веротъ на триста необъятная уже для взора ширь великаго озера, за которымъ идетъ знаменитая въ исторіи нашего раскола пустыня, — *Заонежье, Заонежскій край*. Съ какою почти-тельною любовію произноситъ Олончанинъ имя своего озера: *Онего!* Въ простой, рыбацкѣй лодкѣ пускается онъ иной разъ по озеру верстъ за сорокъ, за шестьдесятъ, несмотря на него что бури Онего угрожаютъ верѣдко и парходамъ.

Разъ въ гаубокую осень, вечеромъ, сидѣлъ у меня *сказатель* Леонтій Богдановъ, имя котораго весьма часто упоминается въ сборникѣ древнихъ былинъ г. Рыбникова *. Онъ уже лѣтъ семидесяти; наружность его савовита и исполнена достоинства и вмѣстѣ добродушія. Пѣлъ онъ намъ свои былинны про *Вольгу Буславича*, про *рѣчку Смородинку*. Былъ ужъ часъ второй ночи. Леонтій Богдановъ сталъ наконецъ прощаться. Я приглашалъ его посидѣть еще. Старикъ отказывался.

— Да куда же торопиться? спросилъ я: теперь не рабочее время.

— Какъ куда? отвѣчалъ Леонтій:—вѣдь теперь какая ужъ пора, самъ знаешь! Пожалуй, пріѣхалъ на лодкѣ, а уѣдешь на саняхъ.

Оказалось, что семидесятилѣтній старикъ, въ глухую осеннюю пору, прибылъ изъ своихъ Кижей, за сорокъ, кажется, верстъ, въ простой рыбацкѣй лодкѣ, съ тремя

* Сказателями называются здѣсь пѣвцы древнихъ русскихъ былинъ, сохранившихся отъ времени до-историческихъ. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ каалками, съ пѣвцами извѣстныхъ духовныхъ стиховъ: это ищіе, тогда какъ сказатели большею частію зажиточные крестьяне, поэты, по страсти изучающіе былинны. Таковъ и Леонтій Богдановъ.

земляками-рыбаками, и спѣшилъ уѣхать изъ опасенія, чтобъ озеро не замерло!

— Помилуй, вскричалъ я въ изумленіи:—вѣдь утонешь теперь!

— Утонемъ? заговорилъ, какъ бы удивляясь старикъ:—зачѣмъ тонуть, не надо тонуть!...

И дѣйствительно, сказатель на другое утро въ восемь часовъ отправился и прибылъ благополучно въ Кижѣ.

Берега озера, гранитные, порфиновые, мраморные, иногда дики и скалисты, но большею частію покрыты зеленою растительностію или сосновымъ лѣсомъ. Верстахъ въ десяти отъ Петрозаводска есть деревня, Сельга, которая стоитъ на небольшой каменистой возвышенности. Оттуда въ хорошую погоду озеро видно верстъ на шестьдесятъ въ окружности. Мнѣ случилось быть въ деревнѣ въ дурную, къ сожалѣнію, погоду. Шелъ дождь; но за то солнце, свѣтившее гдѣ-то очень далеко, точно играло на озерѣ. Вдругъ, верстахъ въ двадцати, на гладкой синей поверхности загорѣлась желтая полоса: это вспыхивалъ вдругъ островъ освѣщенный солнцемъ. Полоса гасла; за то въ другомъ мѣстѣ загорался дугообразный дальній берегъ озера.

Изъ всѣхъ окрестностей Петрозаводска, Кивачъ пользуется самою громкою извѣстностію.

„Видѣли ли вы Кивачъ? Какъ не стыдно до сихъ поръ не видать Кивача!“ со всѣхъ сторонъ слышите вы въ Петрозаводскѣ, если вы пріѣзжіи.

Кивачъ—тотъ знаменитый водопадъ, который Державинъ воспѣвалъ стихами:

„Алмазъ сыплется гора
Съ высотъ четырехъ скаламъ“ и т. д.

Я поѣхалъ взглянуть на этотъ любопытный водопадъ. Уже въ Сулажгорѣ, въ деревнѣ, верстахъ въ шести отъ Петрозаводска, открывается характерный олоонецкій пейзажъ. Справа еще виднѣется заливъ съ Саломенскою церковію, а передъ вами сѣвздъ съ горы и громадная лѣсистая даль. Мы спустились въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько верстъ, на лѣвой сторонѣ стало что-то просвѣчивать сквозь деревья.

— Что это такое? спросилъ я моего ямщика.

— Озеро, отвѣчалъ тотъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ пригорка, по которому мы ѣхали, открылось озеро, окруженное красивымъ лѣсомъ. Пустынная свѣтлая вода отражала прибрежныя лѣсныя группы деревьевъ и бѣлое небо. Лѣсъ скрылъ озеро. Въ семнадцать верстахъ отъ Петрозаводска надо было переправиться черезъ рѣку Шую на поромѣ.

Здѣшнія рѣчки носятъ тоже особенный характеръ: дно ихъ каменисто. А потому большія, суходонныя рѣчки обилуютъ порогами и водопадами, а маленькія устланы черными, разныхъ величинъ, камнями, которыхъ вершины выставляются надъ поверхностью рѣки. Вода, пробираясь между ними, должна брать, такъ-сказать, съ бою каждый шагъ; она бросается на каждый камень, разбивается въ бѣлые брызги и идетъ далѣе. Эти бѣлые брызги посреди черныхъ камней даютъ Олоонецкимъ рѣчкамъ неспокойный, сердитый видъ. Шуя не такова. Она глубока и ея теченіе спокойно, по крайней мѣрѣ, тамъ гдѣ я ее видѣлъ; но черные камни, торчащіе изъ воды, и здѣсь не рѣдки. Тутъ же, къ удивленію моему, мнѣ встрѣтилась лошадь, запряженная въ зимнія дровни.

— Чтò это значитъ? спросилъ я опять ямщика.

— Снопъ возять, отвѣтилъ равнодушно мужикъ.

— Да какъ же на саняхъ-то?

— А какъ же иначе? вѣдь видишь здѣсь все каменья, сказалъ ямщикъ, указывая въ поле.

Дѣйствительно, когда я взглянулъ на полевую дорогу, то повѣрилъ, что по ней, если можно чтò провезти, такъ только въ подобномъ экипажѣ. Вся дорога представляла сплошную массу набросанныхъ камней, выросшихъ въ землю.

— А вонъ тамъ въ лѣсу, продолжалъ ямщикъ, — такъ и на саняхъ не проѣдешь.

— Такъ какъ же ѣздить?

— Верхомъ, либо на смычкахъ.

— Чтò же это за смычки?

— А такъ, положить двѣ жерди, переплетуть веревками, а на переплетъ прикрѣпить тебѣ доски, либо рогожу. Одно-то концы жердей привяжутъ къ лошади а другіе-то, значить, волокомъ пойдутъ. Вотъ-те и смычки. Этта везли такъ лѣсничаго, верстъ двадцать. Какъ ругаеся! Бока-то всѣ растолкало по каменьямъ, рожу сучьями выхлестало — плохая ѣзда!

Чѣмъ дальше тѣмъ лѣсъ становился все больше и больше загроможденъ огромными черными камнями, мѣстами покрытыми бѣлымъ мохомъ. Точно сторбившіеся окаменѣлые старики, они прижимаются къ деревьямъ. Иногда вы вдругъ видите, что во мглѣ лѣса стоитъ что-то черное, исползское: это каменная скала, обожженная солнцемъ и молніями. Скалы эти подвигаются къ самой дорогѣ. Изъ трещинъ ихъ и разсѣлинъ растетъ лѣсъ. Вы дивитесь, какимъ образомъ могутъ держаться эти громады сосны на такой скудной каменной почвѣ, а между тѣмъ онѣ держатся тутъ вѣка.

Какъ часто, въ моихъ скитаніяхъ по Олонецкой губерніи, приходили мнѣ на мысль наши живописцы, туристы, ученые. Посѣтите наши художественныя выставки! Какихъ видовъ Германіи, Швейцаріи, Италіи вы не увидите! А русскіе гдѣ? Да вѣтъ ихъ. Природа, говорятъ, бѣдна. Какихъ вы путешествій не читали, а путевыхъ записокъ о русской землѣ много ли? Попробуйте-ка заикнуться объ Олонецкой губерніи, объ Онеге; о Заонежьѣ, о Выгѣ! „О, какая дичь, кто туда поѣдетъ!“ отвѣтятъ вамъ.

Дичь! дѣйствительно дичь! но какая грандіозная, могучая дичь! Грозно смотрятъ на васъ эти каменные громады. Черная сосны тяжело качаютъ надъ вами свои не легко двигающіяся массы; плакучая береза ласково треплетъ ихъ суровыя плечи своими зелеными вѣтвями, розовый шиповникъ весело взбирается вверхъ по щелямъ и какъ гирлянда обгибаетъ кусты деревьевъ; брусника усыпаетъ, какъ бирюзеръ, почву; крушина и волчьи ягоды ярко выставляются изъ черной лѣсной тѣни. Наши колокольчики, кашки, астры и т. п. тамъ крупнѣе, оттого ли, что природа, сокращая время лѣта, даетъ имъ болѣе роскоши, или на этой черной почвѣ среди темнаго лѣсу они виднѣе? И все лѣсъ! Вправо онъ какъ будто проваливается въ огромную необо-вращаемую пропасть и только вдали на горизонтѣ поднимается уже голубоватою безразличною массой. Слѣва безмолвно лежитъ озеро, и надъ нимъ, въ черную тучу, погружается солнце. Лѣсное море облекается мало-по-малу въ молчаливый сумракъ.

Здѣсь же удивило меня одно оригинальное явленіе. Ямщикъ остановилъ тройку, чтобы поправить упряжь.

Коллокольчикъ и стукъ экипажа смокли, и меня поразила страннѣйшій шумъ, подобный отдаленному гулу морскихъ валовъ, несмотря на то что вѣтру совсѣмъ не было.

— Что это такое? спросилъ я.

— Осина, отвѣтилъ ямщикъ.

Тутъ только я вспомнилъ народную поговорку что *осина и безъ вѣтру шумитъ*.

Часа въ три по полудни мы прибыли въ Кончезерскій чугуноплавильный заводъ. Выдѣлка желѣза изъ рудъ составляла исконный промыселъ жителей этого края. При Иоаннѣ Грозномъ отправлялся уже въ Англію посолъ, Іосифъ Непѣя, съ цѣлю привезти оттуда рудокоповъ для Олонецкаго края. Потомъ русское правительство старалось добыть ихъ отъ Шведовъ, но прочно устроено рудокопное дѣло въ олоонецкомъ краѣ тою же хозяйственною рукою, которая видна всюду въ русскомъ мирѣ, куда ни погляди, рукою Петра. Въ 1701 году построенъ былъ на Олоонецкихъ горахъ мѣдноплавильный Петровскій заводъ; потомъ въ томъ же году, при впаденіи рѣки Лососинки въ Онегу, основанъ былъ чугуноплавильный и пущечный заводъ. При немъ сперва образовалась заводская слобода, а въ послѣдствіи губернской городъ, Петрозаводскъ. Въ 1707 году построенъ заводъ при озерѣ Кончезерѣ, отъ котораго и получилъ названіе. Заводы эти дѣйствуютъ и до сихъ поръ.

Видъ, представляющійся путнику съ возвышенности Кончезерскаго завода, прекрасенъ и характеризуетъ олоонецкую природу съ другой стороны. Передъ вами огромное плоское пространство. На этомъ пространствѣ лежатъ три озера, изъ которыхъ Кончезеро довольно велико. Всѣ эти озера, несмотря на близость, находятся совершенно на разныхъ высотахъ. Такъ, Пертноволоцкое озеро находится отъ Кончезерскаго всего шагахъ въ шестидесяти, а между тѣмъ уровень его выше на десять сажень. Такое расположеніе озеръ идетъ и далѣе къ сѣверу. Каменные бассейны удерживаютъ озерныя воды въ своихъ предѣлахъ, не допуская ихъ сливаться. Все пространство представляетъ унылую сѣверную картину, освѣщенную робкимъ, ослабѣвшимъ свѣтомъ сѣвернаго солнца. Вдали по окраинамъ тоже лѣсъ. Глубое молчаніе облакаетъ всю эту даль какимъ-то особенно унылымъ покровомъ. Все пространство будто замерло или спитъ волшебнымъ сномъ.

Пообѣдавъ, мы двинулись далѣе. Намъ уже немного оставалось сдѣлать сухимъ путемъ: только до деревни Вороново. Отсюда уже до мѣста назначенія добираются водою вверхъ по рѣкѣ Суннѣ. Въ Вороновѣ ожидала насъ лодка съ шестью гребцами, крестьянами этой деревни. Рѣка Сунна шириною отъ 20 до 60 сажень; каменные берега ея, покрытые большею частію почвой, зелены и красивы, особенно правый, который, сколько я припоминаю, болѣе гористъ. На среднѣи пути есть пороги, которые пугаютъ нѣкоторыхъ боязливыхъ дамъ; но прежде чѣмъ онѣ успѣютъ ахнуть, лодка переѣзжаетъ черезъ порогъ съ едва замѣтнымъ колебаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ позволяютъ берега, лодку тянутъ бечевою: напоръ воды такъ силенъ, что на веслахъ, противъ теченія, плыть чрезвычайно тяжело. За нѣсколько верстъ до водопада рѣка уже покрыта пѣною, плывущею отъ кипучей бездны. Версты за три до мѣста лодка начинаетъ дрожать. Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что повидимому къ тому нѣтъ никакой причины. Въ лѣву тишина мертвая; вѣтеръ не шелухнется шума водопада за поворотомъ рѣки да за лѣсомъ не слышно; а лодка дрожитъ. Значитъ, вода и самая почва, сотрясаются отъ паденія громадной массы воды. Но вотъ вы слышите дикій шумъ. Шумъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивается; хотя водопада все еще не видно. Наконецъ, круто повернувъ по рѣкѣ мы очутились почти передъ самымъ жерломъ его. Здѣсь, на самой водѣ, устроена платформа, на которую выходятъ изъ лодки—и предъ вами Кивачъ! Сначала, въ недоумѣніи, вы какъ будто не знаете, куда себя дѣвать. Прямо на васъ несется съ высоты шести или семи сажень водяная гора. Гора эта съ четырьмя уступами, изъ которыхъ послѣдній, самый большой и совершенно отвѣсный, падаетъ возлѣ васъ въ бездну. Огромнѣйшія деревья окружающаго дремучаго лѣса, сброшенныя сверху водопада, стоймя низвергаются въ эту бездну и совершенно скрываются въ ней; далеко отъ нея они снова поднимаются на поверхность воды. Бездна эта реветъ, клокочетъ, пѣнится и брызжетъ вверхъ, такъ что брызги взлетаютъ не только выше черныхъ скалъ, стоящихъ по бокамъ водопада, но даже выше растущаго на нихъ лѣса, а скалы эти возвышаются сажень на восемь надъ поверх-

ностию воды. Растрескавшіяся мѣстами, онѣ чрезвычайно красивы; правая имѣетъ чрезвычайное сходство съ головой слона. Съ нижней площадки вы поднимаетесь вверхъ по чрезвычайно-удобной лѣстницѣ, идущей прямо по обрыву скалы, и входите въ прекрасный двухэтажный лѣтній домъ, устроенный по случаю посѣщенія водопада Государемъ Императоромъ. Въ немъ нѣсколько комнатъ, оклеенныхъ красивыми обоями, даже кухня. Изъ этого павильона выходите вы на балконъ. Передъ глазами вашими верхняя часть водопада, а нижняя подъ ногами. Это второй видъ водопада. Рѣка съ самаго верхняго уступа несется передъ вами и у вашихъ ногъ рассыпается въ безднѣ, орошая окрестныя скалы милліонами брызгъ. *

Къ крайнему сожалѣнію, погода совершенно испортилась, когда мы прибыли на Кивачъ. Небо покрылось тучами; пошелъ дождь. Наступила темная ночь. Видъ Кивача изменился. Между черными скалами, посреди чернаго соснового лѣса, подъ тьмою ночи мчалась бѣлая снѣговая масса и рассыпалась внизу: это была уже не вода, а снѣговая рѣка, вся бѣлая отъ пѣны. Несмотря на дождь, я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и не безъ ужаса смотрѣлъ на эту грозную природу. Ночная тьма висѣла надъ лѣсомъ, и грохотъ воды гремѣлъ въ тиши дикой природы.

Олончане вѣрятъ, что въ лѣсу живутъ лѣсовики, лѣшіе—лѣсь. Главный начальникъ надъ русскими лѣсовиками, по ихъ словамъ, *Мусаилъ-лѣсь*.

— Ну а заѣсь водятся они? спросилъ я одного изъ гребцовъ, старика, который вмѣстѣ со мною стоялъ на балконѣ.

— Есть, отвѣтилъ онъ лаконически.

— Тебѣ не случилось видѣть ихъ?

— Нѣтъ, не случилось.

Старикъ опять замолчалъ, но немного погодя началъ: — Онъ, вѣдь, синеобразный. Вотъ на Шуньгѣ есть старичокъ-охотникъ. Идетъ онъ разъ изъ городу; птицу ходилъ продавать. Вдругъ подходитъ къ нему молодецъ, хорошій такой. Ипатьичъ-то поглядѣлъ на него, а онъ синеобразный. Ну, думаетъ, быть бѣдѣ: не передъ добромъ вѣдь они появляются. И подымись вдругъ гроза — Боже ты мой.

* Водопадъ или *падукъ*, какъ называетъ народъ здѣсь всѣ водопады, будто *киваетъ* ванъ своими четырьмя склонами, отчего, вѣроятно, и получилъ названіе *Кивача*.

Смотритъ старикъ, а онъ и проспалъ. Старикъ съѣлъ отъ дождя подъ ель. Какъ дождь-то прошелъ, онъ и отправился домой. Приходить въ деревню, а изба-то его и горитъ—отъ воды Божией.

Другіе же раказываютъ, что лѣсъ не только бѣды людямъ не дѣлаетъ, но что онъ даже и не синеобразный, а такой же какъ и всякій человекъ „*Омичаки*—то ужь совсѣмъ нечистая сила,“ полагаютъ они.

Воды Олонецкой губерніи, ея великія озера, ея шумяція пѣнистыя рѣчки, ея знаменитыя падуны, породили въ воображеніи Олончанъ другихъ существъ, которыхъ называютъ *водяниками*. Эти не такъ благосклонны какъ лѣсъ. Они уносятъ людей въ подводное царство. Водяникъ силенъ; это высокій здоровенный мужикъ; голова у него какъ сѣнная копна. Подъ водой у нихъ цѣлые города, села и деревни. Они часто хватаютъ людей и топятъ ихъ, особенно дѣвокъ. Вотъ что слышалъ на Шуй-наволоцкѣ г. Рыбниковъ: „Въ деревнѣ Середкѣ, по заврошлымъ лѣтомъ поѣхали въ лодкѣ двѣ дѣвки: одна-то на выданьи, а другая-то еще не *человико-сытая*.“ Начала дѣвочка сказки сказывать, какъ подъ водой живутъ водяники въ хрустальныхъ палатахъ. А старшая и говоритъ: „ишь какъ у нихъ хорошо, хоть бы однимъ глазкомъ посмотрѣлъ на подводное царство.“ И не было ни вѣтра, ни волны, вдругъ заколебалась вода и поднялся черный мужикъ. Волосы у него взъерошенные; ухватилъ дѣвку за руку, какъ та ни билась—стащилъ ее подъ воду, только ее и видѣли. И все это дѣвочка видѣла своими глазами.

„По вѣрованію Заонежанъ, говоритъ г. Рыбниковъ въ своихъ *Замѣткахъ съ дороги* (День за 1862 г., № 52) земля, кромѣ людей, населена несметнымъ числомъ видимыхъ и невидимыхъ существъ, которыхъ нельзя причислить къ благимъ духамъ. Трудно приискать для нихъ общее народное названіе. Замѣчу только, что у нихъ нѣтъ никакой связи съ библейскимъ дьяволомъ. Въ представленіи Заонежанъ человеконенавистникъ-дьяволъ самъ по себѣ. Это совершенно отвѣченное существо, о которомъ, въ кругу религіозныхъ вѣрованій, они знаютъ лишь изъ особаго рода сказаній. Въ жизни же они имѣютъ дѣло съ духами совершенно иного порядка, которые и по природѣ, и по

* Т.-е. еще не такого возраста, въ которомъ можно идти замужъ.

наклонностямъ близки къ человѣку, но только сильнѣе его. Это домовики, лѣсовики, лѣсные старики, водяники, водяныя женщины и т. п. Когда-то эти духи были языческими геніями, иныя изъ нихъ принадлежали къ лику боговъ, но, во введеніи христіанства, потеряли свои престолы. Впрочемъ, отнявъ у нихъ значеніе, христіанство не лишило ихъ совсѣмъ власти, потому, вѣроятно, что культъ ихъ былъ не общественный, а семейный.

„Чтобы какъ-нибудь согласить существованіе своихъ пѣнатовъ съ христіанскими понятіями, народъ сложилъ слѣдующую легенду: „по досюльскому окіанъ-морю плавало два гоголя: первый бѣлъ-гоголь, а другой черенъ-гоголь. И тими двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и Сатана. По Божію повелѣнію, по Богородицыному благословенію, Сатана выдѣнулъ со дна синя моря горсть земли. Изъ той горсти Господь-то сотворилъ ровныя мѣста и пустыя поля, а Сатана понаѣмалъ непроходимыхъ пропастей, щельевъ и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ въ камень и создалъ свое воинство. И пошла между ними великая война: по-началу одолевала было рать Сатаны; но подъ-конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла Архангелъ съ небеси Сатанино воинство, и попадало оно на землю въ разныя мѣста: которые пали въ лѣса, стали лѣсовиками, которые въ воду—водяниками, которые въ домъ—домовиками; иныя упали въ баки и сѣмались бавниками, иныя во дворахъ—дворовиками, а иныя въ ригахъ—ригачниками.“

Долго я любовался дикою ночью среди дремучаго лѣса. Наконецъ, мы легли спать, съ тѣмъ чтобы завтра утромъ отправиться назадъ; но я не могъ сомкнуть глазъ по совершенной непривычности положенія. Отъ паденія воды, скала и стоящее на ней зданіе сотрясались. Непомѣрный шумъ, который отъ движенія воздуха, или отъ большаго или меньшаго напора воды нѣсколько измѣнялся; наконецъ, этотъ подземный гулъ, этотъ ужасающій голосъ бездны, не давали покоя. Проворочавшись почти всю ночь, я очень озрадовался, когда на вершинахъ деревьевъ замѣтилъ первые лучи солнца. Я немедленно вышелъ на балконъ. День былъ чудный, свѣжій, послѣ вчерашняго дождя. Я слѣдилъ, какъ солнце, вставая, кралось съ вершинъ деревьевъ все ниже и ниже; наконецъ, освѣтило верхнюю

часть водопада и заиграло радугами въ брызгахъ, которые извергала бездна. Радуги эти переходили съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ солнечнаго движенія. Напившись чаю, мы перѣехали на ту сторону, то-есть на скалу, которая похожа на слоновую голову. На ея вершинѣ построены бѣльведеръ, изъ котораго третій видъ на водопадъ. Когда я взглянулъ внизъ, сердце у меня замерло. Вся рѣка была ниже насъ, а kloкочущая бездна подъ ногами, реветъ, крутится и высылаетъ прямо въ лицо столбъ водяной пыли. Съ ужасомъ я смотрѣлъ на эти мчащіяся массы воды, а между тѣмъ мои гребцы карабкались по отвѣсному берегу прямо надъ первымъ уступомъ водопада, и сбрасывали туда огромныя деревья.

— Это составляетъ первое удовольствіе всякаго прїѣзжаго на Кивачъ.

— Лопись (то-есть лѣтось, въ прошломъ году), замѣтилъ мнѣ одинъ изъ гребцовъ,—три мужичка свалились въ падунъ-то.

— Какъ! Какимъ образомъ?

— Справаяли лѣсъ, да какъ-то и свернулись.

— Ну, и утонули?

— Нѣтъ, двое остались живы, выкинуло тамъ вонъ, возлѣ бугра, только о камень сильно ободрало. Третій утонулъ.

У Державина прекрасно и чрезвычайно вѣрно описанъ вѣшній видъ водопада.

.. Жемчугу цѣлые холмы.

Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми,

Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ

Далече ревъ въ лѣсу шумитъ."

Обратное путешествіе наше совершилось благополучно. Въ Кончезерѣ ко мнѣ подошелъ кто-то и предложилъ рябчиковъ. Я отказался, такъ какъ рябчиковъ и въ Петрозаводскѣ было достаточно. Предлагавшій, однакожь, объявилъ, что вѣдь это рябчики живые; противъ такого чисто мѣстнаго сюрприза нельзя было устоять, и мы привезли въ Петрозаводскъ пару живыхъ рябчиковъ.

Да, угрюмъ, темень, дикъ этотъ край. Человѣку здѣсь непріютно; климатъ суровъ, почва непродуцательна. Оттого и народонаселеніе здѣсь рѣдко, хотя и сохранило въ

себѣ здоровую, простодушную натуру древняго человека. Селенія разбросаны на дальнія разстоянія.

Въ безконечномъ отдаленіи вѣковъ вулканическія силы выдвинули эти каменныя громады: онѣ такъ и замерли. На нихъ поросъ дремучій лѣсъ. Въ немъ бродитъ медвѣдь, спасается отъ охотника олень, порхаетъ рябчикъ, кроется въ бѣлый мохъ черный мошникъ, что-то въ родѣ тетерева— и на безлюдья, по ночамъ, гайгайкаетъ съ своимъ воинствомъ *Мусаилъ-лѣсъ*.

Н. ДМИТРИЕВЪ.

20 августа 1863 г.

САМОЗВАНЦЫ

ЦАРЕВИЧИ

АЛЕКСѢЙ И ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧИ

Въ декабрь мѣсяцъ 1731 года былъ обнародованъ манифестъ (подписанъ 17 декабря; П. С. З. т. VIII ст. 5909) „объ учиненіи присяги. въ вѣрности наследнику всероссійскаго престола, *который отъ Ея Императорскаго Величества назначенъ будетъ.*“

Манифестъ этотъ, какъ извѣстно, былъ изданъ, по внушенію Остермана, для устраненія замысловъ партіи царевны Елисаветы Петровны и былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія Остермана при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы. Но цѣль эта извѣстна была только въ высшихъ слояхъ русскаго общества; народъ же совершенно не понималъ кому требовалась по манифесту присяга. Въ ней было сказано: „*хочу и долженъ съ настоящими и будущими наследниками моими не токмо Ея Величеству, своей истинной государынѣ, императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, но и по ней Ея Величества высокимъ наследникамъ, которые по изволенію и самодержавной ей отъ Бога данной императорской власти опредѣлены и впродъ*

опредѣляемы и къ воспріятію самодержавнаго всероссійскаго престола удостоены будутъ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ работъ и подданнымъ быть и пр. и пр.“ Такое требованіе присяги будущему, какому-то неизвѣстному наслѣднику, смущало народъ. Много было безсмысленныхъ толковъ въ народѣ, и наконецъ манифестъ этотъ породилъ двухъ самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевичей Алексѣя Петровича и Петра Петровича. Заимствуемъ изъ подлиннаго дѣла болѣе или менѣе любопытныя подробности этого страннаго эпизода, порожденнаго недовѣрчивостью манифеста и дикостью повѣстій и нравовъ того времени.

Бѣгство въ казачьи городки и въ южныя наши губерніи въ первые годы царствованія Петра приняло большіе размѣры. Въ 1715 году посланъ былъ въ Азовскую губернію стольникъ Ѳвдоръ Алексѣевичъ Татищевъ для описанія новопоселенныхъ деревень послѣ переписи 1710 г. и для открытія бѣглыхъ. Онъ открылъ цѣлыя деревни поселившіяся на *государевой дикой порожней землѣ*, какъ называли эту землю поселившіеся на ней крестьяне. Таковы были, напримѣръ, въ Тамбовскомъ уѣздѣ деревни: Гольская, Петрова Поляна, Русимово, Бротки. Бѣглыхъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ отыскано было мужскаго пола до 600 душъ и женскаго до 500. Любопытно, что въ томъ числѣ было боярскихъ дѣтей 84 души. Двѣ трети изъ общаго числа были крестьяне и дворовые люди. Татищевъ, между прочимъ, доносилъ, что мимо новоселидѣбныхъ селъ бѣгутъ изъ разныхъ городовъ и изъ селъ разночинцы, всякихъ чиновъ люди, разными дорогами на Хоперь, на Донъ, на Медвѣдицу и на Бузулукъ въ казачьи городки. (*Донесеніе Татищева сенату*, въ архивныхъ дѣлахъ Москов. Архива м. ив. д.) Крестьяне бѣгали отъ крѣпостнаго права, отъ денежныхъ поборовъ, отъ жестокихъ правей за недоимки, отъ переселенія въ Петербургъ, отъ высылки на работы въ Кіевъ, въ Воронежъ, въ Азовъ; дѣти боярскіе и посадскіе, драгуны и солдаты бѣгали отъ службы.

Въ числѣ прочихъ убѣжалъ со службы драгунъ Нарвскаго полка Ларіонъ Стародубцевъ и поселился съ женою и падчерицей въ казачьей Яменской станицѣ на рѣкѣ Бузулукѣ. Казаки приняли его въ свое общество, какъ и прочихъ ему подобныхъ, очень охотно и дозволили жить своимъ *курениемъ*, только бы исправлялъ станичныя работы.

Стародубцевъ былъ не изъ ретивыхъ и трудолюбивыхъ и

все мечталъ гдѣ бы пожить *вольнымъ*, безъ работы и тягости отъ начальства. „Нѣтъ, говоривалъ онъ женѣ своей, уйдти бы куда подальше, гдѣ повольнѣе: здѣсь все работать заставляютъ.“

Лѣтность и послушаніе не проходили безнаказанно и въ 1732 году, въ іюль мѣсяцѣ, Стародубцева на сходкѣ, по приказу станичнаго атамана, наказали батогами. Въ сторонѣ на улицѣ стоялъ въ это время какой-то оборванный нищій. Онъ недавно появился въ станицѣ, называлъ себя Тимоѣемъ-Труженникомъ, ходилъ по казакамъ просить милостыни и говорилъ имъ какія-то загадочныя рѣчи объ *Открытомъ-городѣ*, о чудахъ, о богатствахъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ наказанія Стародубцева, пришелъ къ нему Тимоѣй-Труженникъ.

— Откуда Богъ принесъ? спросилъ Стародубцевъ.

— Съ облака, съ воздуха... тружусь Богу на дѣло сокрытое.

— А куда же идешь?

— Пойдемъ со мною, узнаешь, отвѣчалъ старикъ.— Пойдемъ со мною въ *Открытомъ-градѣ*, тамъ святыхъ много и стоитъ образъ Зламенія Пресвятыя Богородицы, и мы ее вынесемъ, такъ я царь буду и Богъ, и многое множество казны будетъ, и которые люди будутъ при мнѣ и тѣхъ стану дарить заатомъ и серебромъ, и золотыми каретами, и хлѣба столько не будетъ, сколько золота и серебра...

— А гдѣ же тотъ *Открытомъ-городъ*? спросилъ Стародубцевъ, которому по душѣ была бѣгая жизнь, и воля, и богатство.

— Пойдемъ—увидишь, а теперь не скажу, отвѣчалъ старикъ, всматриваясь въ легковѣрнаго казака.

— Такъ не пойду, мнѣ и здѣсь привольно, хорошо...

— Не привольно, не хорошо тебѣ, отвѣчалъ старикъ.— Не правду говоришь.

Стародубцевъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да, не привольно тебѣ.. не себѣ ты господинъ. Тяжка бываетъ отъ старшины посылака на работу; а отъ того, что самъ себя не знаешь...

Старикъ отгадалъ большую струну Стародубцеву: у него еще свѣжо было въ памяти наказаніе на сходкѣ.

— Какъ я себя не знаю? спросилъ Стародубцевъ.

— Имени своего не знаешь! отвѣчалъ старикъ.— Ну какъ тебѣ зовутъ?

— Ларіономъ.

— Не Ларіонъ ты, закричалъ въ изступленіи старикъ и бросился обнимать Стародубцева.—Ты царевичъ Петръ Петровичъ, а я братъ твой, царевичъ Алексѣй Петровичъ.

У Стародубцева закружилась голова.

— Что ты старикъ? Экую дурь замесь! Какой я Петръ? Какой я царевичъ?

Труженникъ сѣлъ на лавку, взялъ Стародубцева за руку и твердымъ голосомъ сказалъ ему:

— Дѣлай по моему... называйся старикаго царя сыномъ, царевичемъ Петромъ Петровичемъ. Сдѣлаемъ дѣло, къ намъ пристануть.. пойдёмъ къ Москвѣ. Сядемъ съ императрицей на престолъ. Она ужъ и присягу велѣла принять по всей Россіи.. Читалъ ты присягу?

— Нѣтъ.

— Прочти ее, и старикъ показавъ Стародубцеву засаленный печатный листокъ указа о присягѣ 17 декабря 1731 года.

Стародубцевъ задумался.

— А не по моему будешь дѣлать, говорилъ старикъ:—я тебя въ котлѣ сварю. Придетъ мое время.. Покаешься, что не слушалъ меня.. Я иду теперь въ Тамбовъ, а потомъ къ Москвѣ, на отцовское и дѣдовское пепелище...

— Страшно, проговорилъ Стародубцевъ.

— Вѣруй и молись... я обогащу тебя...

Съ этими словами старикъ вышелъ изъ дому Стародубцева. Въ дверяхъ встрѣтился казакъ.

— Кланяйся царевичу Петру Петровичу, закричалъ старикъ входящему казаку, указывая на Стародубцева....

— Что онъ говоритъ такое? спросилъ пришедшій къ Стародубцеву казакъ.

— Больно голова у меня болитъ; пойду спать, отвѣчалъ Стародубцевъ, у котораго въ головѣ толпились мысли несбыточныя.

По станицѣ скоро разнеслось слово нищаго о Стародубцевѣ, и казаки надъ нимъ тѣшились.

Разъ, на улицѣ казаки гуляли въ кружкахъ по станицѣ. Падчерица Стародубцева, Федосья, стояла у воротъ дома.

— Глядь-ка, говорили смѣясь казаки.—Вышла дочь царевича.. Вѣдь бончарь Ларіонъ называется Петромъ Петровичемъ—ну а ужъ теперь и жена его царица, и Федосья царица.

II.

Осенью 1732 г. въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чуевѣ разнесся въ народѣ слухъ, что въ селѣ скрывается царевичъ Алексѣй Петровичъ, что онъ идетъ къ Москвѣ царствовать съ императрицей на отцовскомъ престолѣ, и что присяга наследнику недавно обнаруженная для него сдѣлана....

Говорили, что онъ бываетъ въ домахъ у крестьянъ Бровкина и Жилева.

Одинъ разъ, вечеромъ, однодворецъ Семень Брюзгинъ, проживавшій своимъ домомъ въ Чуевѣ, зашелъ въ гости къ крестьянину Бровкину.

Въ избѣ въ переднемъ углу сидѣлъ какой-то сгорбленный мужичокъ, похожій на нищаго. Брюзгинъ, помолившись образамъ, поздоровавшись съ хозяиномъ, сѣлъ на лавку и довольно громко спросилъ:

— Это что за мужикъ?

Нищій приподнялся съ своего мѣста, взглянулъ грозно на однодворца и закричалъ ему:

— Я не мужикъ и не мужичій сынъ: я орелъ, орловъ сынъ, мнѣ орлу и быть. Я царевичъ Алексѣй Петровичъ.... есть у меня на спинѣ крестъ и на ладвѣхъ родимая *шпага*....

Брюзгинъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и обратился къ хозяину.

— Что онъ говоритъ, Семень?

— Онъ все такъ говоритъ, надо мнѣ страшно становится, и вѣрится, и не вѣрится. Теперь говоритъ, я Тимошею Труженикъ, а сяду на престолъ, буду царевичъ Алексѣй Петровичъ. Давно хотѣлъ тебя позвать, чтобы ты послушалъ его.

— Что тутъ слушать? закричалъ разсерженный старикъ:— буде вы не вѣрите, такъ найдите такого человѣка, который бы смотря на землю узналъ, какъ подлинно меня зовутъ. Есть у васъ такой человѣкъ? Онъ вамъ покажетъ о мнѣ подлинно.

Съ этими словами нищій досталъ изъ-за пазухи узелокъ, развернулъ его, вынулъ щепоть земли и подалъ ее хозяину.

Хозяйка стояла у печи и слушала все со вниманіемъ.

— Я те найду такого человѣка, заговорила она.

— Ну, такъ! И твое тутъ дѣло! закричалъ ей хозяинъ.— Чай знахаря какого укажешь. Вамъ бабамъ всѣ они извѣстны.

— И ты его знаешь, отвѣчала хозяйка мужу.— Чай, что не знахарь деверь Мартынъ: и бобами разводить, и пропажу отыскиваетъ смотря на воду.

— Ступай, ступай, баба. Подавай его, отвѣчалъ нищій.— Когда мое дѣло откроется, то ладъ-милищевъ и подушныхъ денегъ не будетъ, и орлы всѣ преклонятся къ бѣлому царю.

На другой день отыскали Мартына. Бровкинъ пригласилъ къ себѣ однодворца Брюзгина на испытаніе.

Нищій передалъ знахарю цепоть земли.

Знахарь Мартынъ спросилъ нищаго:

— Какъ тебя зовутъ?

— Тимошей Труженикъ.

— Не Тимошеемъ тебя зовутъ, не Труженикъ ты! Ты царевицъ Алексѣй Петровичъ, и съ этими словами Мартынъ поклонился ему въ землю*.

Хозяинъ и Брюзгинъ поклонились въ поясъ.

Труженикъ съ торжествомъ смотрѣлъ на окружающихъ.

— Коли ты знаешь, то молчи, отвѣчалъ Труженикъ.

Хозяинъ отвелъ однодворца Брюзгина въ сторону и сказалъ ему на ухо: „страшное дѣло! Не вѣрится, знаешь; надо еще спросить Татарина Ишейку.“

— Чтò вы шепчете? спросилъ Труженикъ.— Не вѣрите что ли?

— Надо съѣздить въ Керенскъ, въ деревню Шайданъ къ Ишейкѣ, спросить его, отвѣчали въ одинъ голосъ хозяинъ и однодворецъ.

Черезъ нѣсколько дней поѣхали къ Ишейкѣ.

Труженикъ взялъ съ собою товарища своего, бѣглаго крестьянина Ивана Назарова. Пріѣхали.

Труженикъ задалъ Татарину трудный вопросъ:

— Сыскалъ я въ погребу поклажу, изъ той поклажи у меня и земля есть, и ты посмотри на воду, возьму ли я ту поклажу или нѣтъ.

— А зачѣмъ мнѣ смотрѣть на воду, отвѣчалъ Татаринъ,— я узнаю смотря и на копѣйку.

* Приводимъ эти подробности въ точности изъ дѣла. Весьма вѣроятно, что Труженикъ и прежде этого официальнаго свиданія видѣлся съ знахаремъ Мартыномъ и сговорился съ нимъ, обѣщая различныя милости.

— Дай копѣйку, сказалъ Труженникъ, обращаясь къ Назарову.

Назаровъ подалъ Татарину копѣйку.

Татаринъ взглянулъ вверхъ, потомъ зажмурилъ глаза и началъ бормотать какія-то непонятныя слова, вертя монету въ рукахъ; потомъ вдругъ вскрикнулъ, бросилъ, открывши глаза, копѣйку вверхъ, и принялъ ее на ладонь. Это повторилъ онъ три раза, потомъ посмотрѣлъ на монету и положилъ ее себѣ въ карманъ.

— Поклажу возьмешь, отвѣчалъ онъ Труженнику.

— Только-то.... А ужь ты взялъ копѣйку. Нѣтъ, посмотри на воду, больше получишь, говорилъ Труженникъ.

— Посмотримъ, бачка на воду.... Изволь....

Ишейка взялъ деревянный стаканъ, налилъ въ него воду и поставилъ на столъ.

Труженникъ насыпалъ въ воду земли изъ своего узелка.

Ишейка наклонился и началъ смотрѣть въ воду.

— Ну? спросилъ Труженникъ.

— Ты поклажу возьмешь....

— А больше ничего не видишь? Приставовъ не видишь.

— Постой, постой.... вижу....

— А много приставовъ у той поклажи видишь?

— Вижу, трое.

— А четвертаго не видишь?

— Постой, вижу.... вижу....

— Есть и четвертый, да. Надобно бы мнѣ такого человѣка, чтобы тѣхъ приставовъ изъ погреба вызвалъ, а отвезти домой поклажу я и самъ могу.... Не возьмешься, Ишейка, вызвать приставовъ?

— Нѣтъ не возьмусь, бачка....

Труженникъ началъ шептаться съ Ишейкой.

— Ну, спросите его сами, говорилъ Труженникъ. А я пойду изъ избы.

Брюзгинъ, Назаровъ, Бровкинъ, Ермолаевъ приступили къ Татарину.

— Чтò Ишейка? Чтò за человѣкъ Труженникъ?

— Не простаго онъ роду человѣкъ и быть ему такому человѣку, что потрясется вся земля.

Крестьяне, не зная чтò и думать о Труженникѣ, отправились съ нимъ опять въ Чуево.

На возвратномъ пути заѣхали въ село Тезиково. Тутъ у

Назарова была тетка. Племянникъ просилъ ее отыскать человѣка, который выльчилъ бы его отъ порчи, а Труженникъ спрашивалъ, нѣтъ ли знахаря, чтобы погадалъ на воду.

— Есть у насъ такой человѣкъ, Евсевьемъ зовутъ.

— Гдѣ же достать его? спросилъ племянникъ.

— А въ домѣ зятя моего Савелья Васильева. Онъ тебя къ Евсевью привезетъ.... А лучше привезите его ко мнѣ.

Евсевія привезли. Это былъ бродящій нищій. Онъ слылъ за знахаря и кормился подаяніемъ отъ крестьянъ за наговоръ на воду. Особенно онъ умѣлъ умывать младенцевъ отъ порчи, читая молитву: „избави Господи раба сего младенца, отъ скорби, болѣзни, отъ глазъ и отъ переговоровъ“. Племяннику онъ задалъ двѣ чарки *сима*, наговоривъ на него какія-то слова, а для Труженника смотрѣлъ въ воду, въ которую опять Труженникъ всыпалъ своей земли.

Опять тѣ же вопросы.

— Возьму ли поклажу изъ погреба?

— Ты поклажу свою возьмешь, отвѣчалъ колдунъ.

— Да трудно вѣдь! У той поклажи есть трое приставовъ мертвые, да четвертый живой, сказалъ Труженникъ.

— Да, да.... есть... есть. Трое приставовъ мертвые и четвертый живъ у той поклажи.... только вотъ не разберу кто четвертый приставъ живой, говорилъ Евсевій, смотря въ воду. Не разберу... не знаю....

— А я такъ знаю, отвѣчалъ Труженникъ: Это старый императоръ Петръ Алексѣевичъ и обросъ бородами.... Ну да, полно смотрѣть.... я по тебя пришло коли пора будетъ.

— Воля твоя, отвѣчалъ съ покорностію Евсевій. Какъ пришьешь, я готовъ къ тебѣ ѣхать.

Зять хозяйки Савелій Васильевъ не вытерпѣлъ и обратился къ Труженнику съ вопросомъ:

— Да какъ же тебя зовутъ, кто ты?

— На чтѣ тебѣ мое имя? Отецъ мой костыль, а сума матушка.

Колдунъ ушелъ. Мужики вышли изъ избы. Труженникъ остался съ дочерью хозяйки, а старуха хозяйка лежала на печи.

— Чтѣ за поклажа, о которой ты гадалъ? спросила дочь хозяйки.

— А такая поклажа, возьму въ ней деньги... Станутъ деньги возить возами и буду я деньгами тѣми одѣлать нищихъ, на перекресткахъ посыплю деньги, буду царевичемъ на земѣ!

— Гдѣ тебѣ быть царемъ! закричала хозяйка:—у васъ есть царица матушка Анна Ивановна....

Труженникъ мионулъ и вышелъ изъ избы.

Возвратились опять въ Чуево.

Труженникъ продолжалъ говорить загадочныя рѣчи: „Въ погребѣ у казны приставовъ три духа умершихъ: Кудеяръ, да царь Иванъ, да царь Александръ Македонскій, да живой старый императоръ. И я бы стараго императора выпустилъ; да какъ де я его выпущу, тогда вся колесница повернется, и земля потрясется, и будетъ отъ него въ правдѣ всѣмъ судъ.

Онъ говорилъ свое, а крестьяне все добивались, нѣтъ ли еще знахаря, отъ котораго узнать бы, точно ли онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Нашелся на селѣ еще одинъ знахарь Чирка. Къ нему обратился крестьянинъ Назаровъ.

— Поворожи мнѣ, Чирка, говорилъ Назаровъ.

— А на кого ворожить прикажешь?

— А вотъ на селѣ у насъ самъ царь... такъ на него.

— Не вѣрю, отвѣчалъ Чирка:—Коли цари по селамъ ходятъ?

— А будетъ хочешь его поглядѣть, я его къ тебѣ приведу.

Труженникъ у Чирки проповѣдывалъ загадочно.

— Какъ де это сдѣлается, и боярамъ де не житье будетъ, а которые и будутъ, и тѣ де хуже мужика находятся, и буду ихъ судить съ протазанами, воткня въ ногу, какъ было при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. И старый императоръ меня благословить внукою своею, и хотя гдѣ я и не буду, а она станетъ у меня заразъ на мѣстѣ. Да и присяги были не кому что не мнѣ, и на монетахъ пишется моя персона, да и по господамъ по всѣмъ моя персона разослана, а кромѣ меня посланы двое....

Наконецъ въ послѣдній разъ въ домѣ крестьянина Петра Жидяева, Труженникъ вступилъ въ таинственный разговоръ съ хозяйкою Ириной.

— Чтò у васъ вѣстей? спросилъ онъ.

— Нѣтъ ничего... все добро да хорошо.

— А чтò у васъ къ присягѣ пригоняли или нѣтъ?

Должно замѣтить, что присяга Аннѣ Ивановнѣ продолжалась по Россіи довольно долго, до 1735 года.

— Пригоняли.

— А кому присягали?

— А Богъ знаетъ кому, отвѣчала баба,—только съ насъ старосты брали по восьми копѣекъ съ души...

— Чтò имъ въ этихъ деньгахъ? замѣтилъ Труженникъ:—чортъ ихъ знаетъ! Горло ли что ли заить ими!... А къ присягѣ-то приговали вѣдь не къ кому какъ ко мнѣ...

Между тѣмъ болтовня Труженника начала приводить въ смущеніе его слушателей...

Одинъ разъ у Жилаева въ домѣ, когда Труженникъ повторялъ свои загадочныя рѣчи, окончивавшіяся обыкновенно тѣмъ, что онъ царевичъ, Иванъ Назаровъ шепнулъ хозяину: „вишь онъ чтò говоритъ: какъ доведутъ на него и тебѣ будетъ худо.“

Жена Жилаева услышала эти слова, и не стѣсняясь присутствіемъ Труженника, пристала съ просьбою къ мужу объявить о Труженникѣ старостѣ.

— Знай ты баба гребень, да кривое веретено свое, закричалъ мужъ. Чортъ тебя спрашиваетъ! и оттолкнулъ жеу.

Труженникъ нисколько не смутился и обратился къ хозяину.

— А чтò? Идѣ ты меня и объяви! Я не солдатъ и не драгунъ бѣглый! Я такой же отъ Бога человекъ! А коли не вѣрите кто я, пошлите въ Яменскую станицу донскихъ казаковъ къ брату моему казаку Стародубцеву, привезите его, онъ вамъ скажетъ обо мнѣ... Не вѣрите, такъ услышите... Самъ о себѣ объявлю всенародно...

Послѣ этихъ словъ, какъ изступленный, Труженникъ выбѣжалъ изъ избы. Думали, подумали крестьяне и отправили крестьянъ дворцовой Сосновской волости, Василья Плъшиваго и бурлака Фаддеева, въ Яменскую станицу къ Стародубцеву. Посланные объяснились съ нимъ самымъ откровеннымъ образомъ.

— Здравствуй царевичъ Петръ Петровичъ, привѣтствовали они его, войдя къ нему въ избу и поклонились въ землю.

— Для чего вы такъ меня величаете? Я не Петръ Петровичъ! отвѣчалъ смущенный казакъ.

— Не скрывайся, родимый! Мы знаемъ все. Приказалъ намъ такъ тебя величать батюшка нашъ Алексѣй Петровичъ.

Какіе дальнѣйшіе разговоры и совѣщанія были у Стародубцева съ крестьянами, изъ слѣдственнаго дѣла не видно. Известно только, что Стародубцевъ отправился съ посланными въ село Чуево на свиданіе съ Труженникомъ и взялъ съ собою своихъ сотоварищей: Логина, Каланчикова и Ивана

Шолупкина. Но прїѣхавъ въ Чуево, они не нашли тутъ Труженника. Онъ сидѣлъ уже въ острогѣ въ Тамбовѣ, за объявленіе слова и дѣла, что де онъ, Труженникъ, знаетъ, гдѣ нынѣ старый царь,—а почему знаетъ, о томъ донесетъ самъ Ея Императорскому Величеству.

Всѣ повѣренныя тайны Труженника были въ страхѣ. Стародубцевъ утѣшалъ ихъ, что Труженникъ дѣйствительно царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Рѣшили послать въ Тамбовъ выручить изъ острога Труженника, а есть ли не удастся, то попросить у него *благословенія*. Поѣхали: крестьянинъ Сергѣй Стромоуховъ и Иванъ Сычовъ. Но всѣ ихъ старанія освободить Труженника оказались безуспѣшны. Подкупивъ часоваго, они добились только дозволенія поговорить съ Труженникомъ въ дверяхъ тюрьмы.

— Въ село Чуево прїѣхалъ Стародубцевъ и прислалъ къ тебѣ насъ за благословеніемъ, говорили посланные Труженнику.

— Скажите ему, отвѣчалъ Труженникъ,—за чѣмъ онъ прїѣхалъ, то бы и дѣлалъ! а это дѣло безъ меня не сдѣлается, и за чѣмъ онъ самъ ко мнѣ не прїѣхалъ? Боже ему помогай вскрыть сокровище. Скажите ему: если ты не можешь открывать градъ, то не станеть у тебя глазъ и рукъ и устъ глаголющихъ.

Часовой прогналъ посланныхъ и захлопнулъ дверь.

Посланные передали Стародубцеву слова Труженника. Стародубцевъ имъ отвѣчалъ:

— Готовьте съ собою свѣчи, и надобны намъ книги и дьячки, и пойдемъ на мѣсто, откроемъ городище, и на томъ городищѣ есть знаменіе Пресвятыя Богородицы, и Евангеліе, и крестъ, и знамена царя Александра Македонскаго, и тѣ знамена мнѣ надо отдать Тимоею Труженнику...

Крестьяне ничего не понимали изъ этихъ загадочныхъ рѣчей.

— Для чего же Труженнику отдавать знамена? спросили они.

— Онъ, Труженникъ, будетъ по тѣмъ знаменамъ царствовать..

Но по пословицѣ: утро вечера мудренѣе, Стародубцевъ одумался, и понялъ что дѣло не ладно. На другой день заговорилъ крестьянамъ другую рѣчь.

— Не пошто намъ, братцы, ѣхать вскрывать городище. Тамо мы всѣ пропадемъ и возьмутъ насъ всѣхъ въ адъ, а Тимоею Труженникъ насъ всѣхъ прельщаетъ, что называется царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ—въ немъ есть духъ нечистый, и вы къ нему не ѣздите, и оное городище надо

проклясть, а ежели бы оный Труженникъ здѣсь былъ, я бы ему оказалъ и руки, и ноги.

Послѣ этой рѣчи Стародубцевъ отправился съ своими товарищами домой къ себѣ въ станицу.

Труженникъ черезъ нѣсколько времени былъ отосланъ въ московскую контору тайной канцеляріи.

III.

Стародубцевъ возвратился домой. Жизнь пошла попрежнему; но только послѣ поѣздки въ Чуево мысли о сбыточности вредположеній Труженника не оставляли бѣлаго драгуна. Особенно смущало его то, что Труженникъ самъ на себя сказалъ слово и дѣло и велѣлъ ему съ угрозами *дѣлать свое дѣло*. Пришло лѣто, начались работы. Стародубцевъ лѣниво исполнялъ ихъ; станичный старшина былъ имъ недоволенъ, потребовалъ или представленія паспорта или строгаго исполненія приказаній... Онъ посоветовался съ своими друзьями, бурлаками Иваномъ Полушкинымъ и Герасимомъ Полубоярковымъ, сообщилъ имъ свои планы и выѣхалъ на степь кочевать и собирать вольницу.

Онъ рѣшился выдавать себя за царевича Петра Петровича.

Не подалеку отъ юрта, гдѣ кочевалъ Стародубцевъ, казакъ Бочаровъ сторожилъ свою скотину. Бурлаки Ефремъ Худяковъ и Герасимъ Полубоярковъ, посланные Стародубцевымъ, явились къ Бочарову.

Слово за слово, бурлаки сообщили Бочарову, что вонъ тамъ, вондѣ него, по сосѣдству кочуетъ царевичъ Петръ Петровичъ; что они служатъ ему уже съ годъ, берегутъ его; что у него есть еще братъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, въ Тамбовѣ, уѣхавшій теперь въ Москву. „Пойдемъ къ нему, заглянись у него“, прибавили бурлаки.

Бочаровъ отправился подъ высокую дуброву. Бурлаки представили его Стародубцеву.

— Я царевичъ Петръ Петровичъ, объявилъ безъ обиняковъ Стародубцевъ Бочарову. Ты будь при мнѣ и служи вѣрно, и въ томъ мнѣ подпишись. Уже годы мои вышли; жилъ я тайно, а нынѣ буду явель. Пора мнѣ на отцовское пепелище, скудному жалъ кошеля, а богатому короля. А вотъ батюшкино царство службами растащили, а какъ я сяду на царство, то служба уймется на десять лѣтъ. Теперь я васъ призываю волею,

а вы ко мнѣ не идете, а то буду я васъ брать и неволю, и которые придуть ко мнѣ волею, тѣ будутъ при мнѣ пожалованы, а которыхъ возьму неволю, тѣ будутъ поса́дніе. Теперь я иду въ Москву къ ея императорскому величеству: она меня узнаеть, и буду я на батюшкиномъ царствѣ.

Заманчивы были рѣчи Стародубцева. Бочаровъ поклонился ему въ ноги и отвѣчалъ: „запиши меня, инде я отъ тебя не прочь.“

При Стародубцевѣ уже устроена была канцелярія: два грамотныхъ бурлака записывали на листы приходящихъ въ шайку казаковъ и бурлаковъ. Грамотные подписывались сами, за безграмотныхъ товарищи прикладывали руки.

Казакъ Бочаровъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотоварищей Стародубцева. Теперь главное было собрать побольше подданныхъ царевичу и Бочаровъ хлопоталъ объ этомъ изо всѣхъ силъ.

— Вотъ подлинный царевичъ, говорилъ Бочаровъ бурлакамъ бродившимъ по степи.—На груди у него звѣзда и на спинѣ мѣсяцъ, и былъ въ Москвѣ на царствѣ, и на царство посаженъ двѣнадцати лѣтъ.

— Да какъ же, говорили бурлаки,—мы слышали, что царевичъ умеръ?

— Обманули... вотъ какъ обманули... У боярина былъ сынъ и тому царевичу пришелъ ликъ въ ликъ. У боярина сынъ умре, онъ бояринъ взялъ и подмѣнилъ царевича своимъ сыномъ и сказалъ, что царевичъ умеръ, а этого царевича увезъ.

— Вотъ оно! отвѣчали покачивая головою бурлаки:—подлинно ли такъ и онъ царевичъ?

— Подлинно онъ царевичъ... Мы о томъ подлинно знаемъ. У него есть братъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, и былъ у насъ въ Ямской ставицѣ, и мы его видѣли; а изъ той ставицы пошелъ въ Москву, и велѣлъ брату своему туда прѣхать.

Число подданныхъ увеличивалось различными способами.

Казакъ Гроховъ отправился въ лѣсъ по лыки. Навстрѣчу ему два бурлака.

— Куда казакъ?

— Въ лѣсъ по лыки.

— Пойдемъ въ пустые юрты, подъ высокую дуброву. Тамъ царевичъ Петръ Петровичъ; запишись: отъ службы уволить.

Привели Грохова къ Стародубцеву.

— Кто ты? спросилъ Стародубцевъ.— Какъ тебя зовутъ, и чей сынъ и прозвище?

— Павломъ меня зовутъ, Трифоновъ сынъ Гроховъ.

— Оставайся при мнѣ: я царевичъ Петръ Петровичъ; служи вѣрно и въ томъ мнѣ подпишися.

Гроховъ подписался, и его отпустили домой въ Дурновскую станицу подговаривать другихъ со товарищей и приготовляться къ Москвѣ.

Пришелъ въ пустыне юрты крестьянинъ Бирючковъ (изъ Лебедянскаго уѣзда) наниматься къ казакамъ сажать табакъ. Бурлаки привели его къ Стародубцеву.

— Откуда? спросилъ самозванецъ.

— Изъ Лебедянскаго уѣзда.

— Что? слыхалъ обо мнѣ?

— Слыхалъ, батюшка, отвѣчалъ крестьянинъ,—на дорогѣ къ пустымъ юртамъ баяли мнѣ прохожіе, и другіе, и проѣзжіе, что въ пустыхъ юртахъ схороняется царевичъ Петръ Петровичъ.....

— Да! я царевичъ Петръ Петровичъ, отвѣчалъ Стародубцевъ:—и пришелъ я со восточу... служи мнѣ вѣрно, *подпишися* и останься при мнѣ...

Крестьянинъ поклонился въ ноги.

Стародубцевъ уже задумывалъ съ своею шайкой двинуться впередъ къ Москвѣ и на дорогѣ набирать новыхъ подданныхъ.

— Проводи меня, говорилъ онъ крестьянину:—проводи до Черкасска, а тамъ проводятъ меня въ Москву старшины, а ужъ тамъ я буду на отцовскомъ и дѣдовскомъ тронѣ и стричь у себя волосъ не стану... Есть у меня бабка и въ Кіевѣ.

Крестьянинъ Бирючковъ еще поклонился въ ноги, и его отвели къ бурлаку Попову, исправлявшему должность секретаря. Бирючковъ поступилъ въ списокъ подданныхъ.

Списокъ этотъ въ весьма непродолжительномъ времени наполнился тридцатью подписями. Тутъ были бѣглые крестьяне, бурлаки и нѣсколько казаковъ изъ Дурновской и Березовской станицъ.

Списокъ начинался такъ: „Благословенъ еси Господи нашъ, сотворены оія книги отъ Петра Петровича его величества, подымая старыи законъ отца своего и дѣда“.. Потомъ слѣдовали подписи. Каждый писалъ: „подписуеися служить вѣрно его величеству Петру Петровичу.“

Желая узнать что случилось съ Труженникомъ, Стародубцевъ рѣшился послать въ Тамбовъ нарочнаго. Посланый, бѣглый крестьянинъ Худяковъ, скоро возвратился и привезъ такіа вѣсти:

„Царевичъ Алексѣй Петровичъ, который въ Тамбовѣ былъ подъ карауломъ и назывался Труженникомъ, живетъ нынѣ въ Москвѣ при государынѣ императрицѣ (онъ въ это время содержался въ тайной канцеляріи), и прислалъ де отъ него въ Тамбовскій уѣздъ къ попу указъ. Слышалъ я это отъ одного дворца села Зрибановки. Да слышалъ еще, говорилъ Худяковъ Стародубцеву, отъ одного прохожащаго челоѣка, что отъ помянутаго Труженника есть указы, въ которыхъ оный Труженникъ пишетъ: здравствуйте казаки мои великодонскіе. А самъ онъ Труженникъ къ Троицыну дню не будетъ къ намъ, а будетъ къ Петрову дню, мнѣ де вездѣ повольно, а что де оный Труженникъ въ Москвѣ, и былъ де въ С.-Петербургѣ раза съ три, и казаковъ де, которые нынѣ при немъ, Труженникъ жалуетъ и набралъ де себѣ голутбы ста съ два.“

Насталъ и іюнь мѣсяцъ, но Труженникъ все не давалъ о себѣ вѣсти.

— Пишемъ нѣтъ отъ брата моего, царевича Алексѣя Петровича, говорилъ Стародубцевъ своимъ сотоварищамъ,—вѣрно не будетъ, а ждетъ меня... Надо отправиться въ Москву собою... Только надо написать ярлыки и подкидывать къ казачьимъ станицамъ, чтобы народу больше пристало... Братъ мой въ Москвѣ при ея императорскомъ величествѣ въ милости... Пойдемъ въ Москву къ брату царевичу, дорогою станемъ набирать еще охочихъ людей, кто къ намъ приставать будетъ, а кто не будетъ приставать, тѣхъ бить будемъ... Придемъ къ Москвѣ, и я съ братомъ будемъ царствовать съ императрицею, а ежели намъ станутъ противиться, учинимъ въ Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ бунтъ.

— Какъ же бунтъ будемъ чинить? спрашивали его товарищи.

— То не ваше дѣло, отвѣчалъ Стародубцевъ:—какъ хочу такъ и дѣлаю, для того что я подлинный царевичъ.

— Въ Москву не пройдешь, говорили ему товарищи,—вездѣ караулы.

— Не ваше дѣло. Я васъ съ собой возьму и доведу какъ знаю, а теперъ надо писать ярлыки и подкидывать по казачьимъ станицамъ, о томъ, что я подлинный царевичъ и

чтобъ они казаки о томъ вѣдали и читали бы тѣ письма все-народно... А потомъ пойдемъ въ Москву, государыня отъ меня не отступится, она сестра мнѣ двоюродная.

Итакъ приступили къ сочиненію ярлыковъ.

Бурлакъ Иванъ Поповъ подѣ диктовку Стародубцева написалъ два подметныхъ письма, одно къ казакамъ донскимъ, другое вообще ко всему народу и казакамъ.

Вотъ одно изъ подметныхъ писемъ:

„Благословенъ еси Боже дашь! Проявился Петръ Петровичъ стараго царя и не императорскій, пошелъ свои законы искать отцовскіе и дѣдовскіе, и также отцовскіе и дѣдовскіе законы были; при законѣ ихъ были стрѣльцы московскіе и рейторы, и копѣйчики, и потѣшные, и были любимые казаки, вѣрные слуги жалованные, и тако же цари государи наши покладались на нихъ якобы на каменную стѣну, тако и мы Петръ Петровичъ покладаемъ на казаковъ, дабы постояли за старую вѣру и за чернь, какъ бывало при отцѣ нашемъ и при дѣду нашемъ, и вы голотвенныя люди безпріютныя бурлаки, гдѣ вашъ глазь не засышитя, идитя до стараго закону денно и ночно. Яко я Петръ Петровичъ въ новомъ законѣ не поступалъ, много жъ и страданія о старыхъ книгахъ принималъ, отъ императора въ темницѣ за старую вѣру сидѣлъ два раза, и о ево законѣ не пошелъ, понеже онъ поступалъ своими законами, много часовни поломалъ, церкви опоко свѣщаль, камению вѣрвать пригонялъ, красу съ человекъ снималъ, волею и неволею по своему закону на колѣна ставилъ и плачя обрѣзывалъ, излюбилъ свою вѣру, набралъ себѣ синихъ куръ, женскіе власы, змѣиные жады, да излюбилъ себѣ властниковъ, кормныхъ боровьевъ, а у нашего отца и дѣда такихъ законовъ не бывало, и такіе я законы спрогледѣлъ; мы, Петръ Петровичъ, спрогледѣвши, я отъ такихъ законовъ окрылся и шелъ я на Черниговъ, а съ Чернигова на Кіевъ и въ Кіевѣ градѣ кинулъ ерлыкъ, а въ ерлыку подписано: слетѣлъ орелъ съ тепла гвѣзда; тогда же отъ императорскихъ законовъ пошелъ на вольную рѣку, и теперя я хощу умышленіемъ своимъ вступить на отцовское и дѣдовское пепелище, и вамъ бы всему нашему государству всею чернію сему нашему ерлыку вѣрить и поступать смѣло не опасая себя ничего читать по ярмакамъ и по торгамъ во всенародное извѣстіе и давать списывать и посылать списки во все государство, дабы о томъ вся чернь вѣдала, а

казакамъ по вѣсімъ станицамъ отъ насъ, Петра Петровича, ерлыки посланы.“

Еще было написано письмо къ казакамъ, съ незначительными варіантами. Такъ напримѣръ, въ немъ было прибавлено: „и вы казаки, сей ерлыкъ посмотрите и вы голотва оглядите сего ярлыка повѣритя и не повѣритя, а буде вы казаки не повѣрите и не положитесь на сей ерлыкъ и съ сего ерлыка не поставитя отповѣдь и вы мнѣ противъ сего ерлыка учините отповѣдь и чтобъ волхвамъ не волшаты и своему брату въ указъ не указывать и посылать сей ерлыкъ станица до станицы и отдавать съ росписками и вездѣ списывать, дабы о томъ всякъ вѣдалъ и отъ Дубовцовъ бы не таулись, читать бы во всенародно, и противъ сего ерлыка такой же слово въ слово посланъ въ Русь по черни во все государство, дабы о томъ всякъ вѣдалъ отъ стара и до млада.“

Слухъ о кочующемъ царевичѣ Петрѣ Петровичѣ распространился по станицамъ, но казаки не давались въ обманъ. Стародубцевъ сперва собиралъ волею, а потомъ началъ ловить къ себѣ подданныхъ неволею.

Въ одинъ день проѣзжалъ мимо пустыхъ юртовъ казачій мельникъ Антипъ Агапьевъ. На него налетѣли два бурлака и потащили его къ самозванцу. Мельникъ какъ-то удачно вырвался изъ ихъ рукъ и ускакалъ. Отвѣхавъ верстѣ пятнадцать, онъ встрѣтилъ старшину станицаго, который вѣхалъ съ казаками въ степь, дѣлать дуга. Мельникъ разказалъ ему о самозванцѣ. Старшина съ казаками поскакалъ въ пустые юрты и захватилъ самозванца, со вѣсімъ его семействомъ и канцеляріей. Изъ товарищей его успѣли схватить только одиннадцать человекъ; прочіе ускакали.

Старшина препроводилъ самозванца въ Черкасскъ а оттуда его отправили въ Москву въ контору тайной канцеляріи.

IV.

Труженникъ приведенъ былъ скованный въ Москву, въ контору тайной канцеляріи, 27 декабря 1732 г.

При первомъ допросѣ онъ объявилъ, что арестованъ въ Тамбовѣ, въ сказываніи за собою слова и дѣла, что онъ знаетъ, гдѣ нынѣ старый царь и имѣеть довести

самое тайное дѣло, а какое, и гдѣ нынѣ старый царь, и почему знаетъ и о томъ о всемъ онъ объявить и *докажетъ* молочно предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, а кромя Ея Величества никому о томъ не скажетъ, и требовалъ чтобы представила его императрицѣ.

Весьма часто арестованные по слову и долгу предъявляли подобныя требованія, но имъ былъ всегда одинъ отвѣтъ: *застынокъ*. Такъ случилось и съ Труженикомъ: Когда подняли его на дыбу, онъ попросилъ чтобы его спустили, обѣщая, что онъ все разкажетъ. Просьба его была исполнена, и вотъ тайна, которую онъ хотѣлъ передать одной только императрицѣ:

У одного однодворца въ домѣ, одинъ крестьянинъ говорилъ ему наединѣ: Старый-де царь Петръ Алексѣевичъ сидитъ въ сокровищѣ, но гдѣ не выговорилъ.

Вотъ вся эта тайна!

Отъ называнія себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ Труженикъ отпирался.

Началась обыкновенная процедура тайной канцеляріи. Изъ Тамбовскаго уѣзда привезли всѣхъ однодворцевъ, крестьянъ села Чуева гдѣ проповѣдывалъ Труженикъ. Открылись всѣ гаданья, поѣздки за Стародубцевымъ и пр. и пр. Все это уже извѣстно читателямъ изъ предыдущаго разказа.

Прислали наконецъ и Стародубцева. Это было уже въ концѣ іюля 1733 года.

Дѣло приняло извѣстный ходъ: очныя ставки, допросы, пытки.

Стародубцевъ во всемъ сознался откровенно; только и въ пыткахъ говорилъ, что собирался идти въ Москву не для бунта и не для соцарствования съ императрицей, а чтобы просить у Ея Величества прощенія въ томъ, что онъ бѣглый драгунъ и назывался царевичемъ, а товарищи его будто шли съ нимъ къ Москвѣ тоже просить прощенія, что они—иные бѣжали изъ солдатъ, а другіе изъ крестьянства и однодворцевъ, а „злаго никакого въ томъ между ими намѣренія къ возмущенію бунта у нихъ не было.“

При очныхъ ставкахъ, какъ ни уличалъ Стародубцевъ Труженика, что онъ научилъ его быть самозванцемъ, Труженикъ отпирался отъ всего и утверждалъ, что онъ Стародубцева совершенно не знаетъ.

Сотоварищи Стародубцева сознались и винулись, что они признавали его за царевича Петра Петровича; что *клялись*

ему и подписывались, чтобы служить ему вѣрно, *спроста*; а къ Москвѣ съ нимъ хотѣли идти не для бугату, а только для „*провожданья*“.

Любопытно показаніе крестьянина Скопина, одного изъ товарищей Стародубцева. Онъ разказывалъ, что когда ихъ переловили и везли въ Черкасскъ, то въ Куадрюшевской станичной избѣ, будучи подъ карауломъ, бурлаки спрашивали Стародубцева: „Подлинно ли ты царевичъ? не обманываешь ли насъ?“ Стародубцевъ плюнувъ отвѣчалъ имъ: „Этакіе вы! не вѣрите! У меня есть и братъ, царевичъ же Алексѣй Петровичъ, и въ Москвѣ о Крещеньи у заутрени въ церкви явился государынѣ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, и о себѣ ей государынѣ объявилъ, что де онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и бояре его брата спрашивали, что онъ за человекъ, и онъ имъ сказалъ, что онъ царевичъ, и тѣ бояре того его брата посадили въ темницу, а изъ темницы караульный солдатъ выпустилъ къ обѣднѣ, и братъ его пришедъ къ обѣднѣ тѣмъ боярамъ насмѣялся: это-де ваша темница хороша! А потомъ изъ церкви пошли на воду со кресты, а у него-де въ то время за поясомъ былъ топорикъ маленькій, а бояре-де топорикъ у него изъ-за пояса вынули и бросили въ Иорданъ, и братъ его за тѣмъ топорикомъ пошелъ въ Иорданъ и сидѣлъ въ Иорданѣ по тѣхъ поръ какъ воду освятили и пошли въ церковь, и братъ его вышедъ изъ Иордана пошелъ за кресты же въ церковь, и государыня императрица увидя того его брата въ церкви мокраго, говорила князьямъ и боярамъ: этотъ-де человекъ не простой, и велѣла тѣмъ князьямъ и боярамъ приходить во дворецъ, а она-де государыня подыметъ старыя книги.“

Насколько Стародубцевъ, при допросахъ въ тайной канцеляріи былъ откровененъ и выился во всемъ, также какъ и его товарищи, настолько Труженникъ, виновникъ его несчастія, былъ упоренъ, и несмотря на жестокия пытки, которымъ его подвергали, запирался во всемъ и не сознавался въ своемъ знакомствѣ съ Стародубцевымъ.

Рѣшеніе тайной канцеляріи (27 октября 1733 г.), последовало очень строгое:

• 1. Самозванца крестьянина, Тимоѣя Труженника, который называлъ себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и произносилъ злодѣйственныя непристойныя слова, яко бы у Ея Императорскаго Величества присяга была будущему наследнику

ему Тимоеею, и будто на монетахъ персона пишется его и пр. и пр.—велѣть за вышеозначенныя важныя злодѣйственныя онаго самозванца Тимоеея вины въ пристойномъ мѣстѣ, гдѣ отъ него вышепоказанное злодѣйство болѣе произносимо было при публикѣ казнить смертію: отсѣчь голову и сдѣлавъ деревянный столбъ взоткнуть онаго самозванца Тимоеея голову на желѣзный коль, а тѣло его сжечь, дабы въ ономъ мѣстѣ, смотря на то, другіе означеннаго злодѣйства чинить не дерзали.

2. Самозванцу Стародубцеву, который по повелѣнію означеннаго самозванца Тимоеея Труженика назывался царевичемъ Петромъ Петровичемъ и объявленнаго самозванца Тимоеея признавалъ за подлиннаго царевича и называлъ его братомъ и пр. и пр.—учинить ему смертную казнь и прочее противу того, какъ и о вышеупомянутомъ самозванцѣ Тимоееѣ Труженикѣ учинить велѣно.

3. Девять человекъ его товарищей казнить смертію: отсѣчь головы.

4. Крестьянъ, которые ѣздили изъ Чуева къ Стародубцеву и которые ѣздили въ Тамбовъ на свиданіе въ тюрьмѣ съ Труженикомъ, бить нещадно кнутомъ, и „дабы впредь отъ нихъ о вышеозначенномъ злодѣйствѣ не могло быть произнесено, то урѣзать у нихъ языки и послать въ дальніе сибирскіе города, и велѣть тамъ опредѣлять ихъ въ работы вѣчно.“

Стародубцеву отрубили голову въ казачьей Яменской станицѣ; Труженику въ селѣ Чуевѣ.

Г. ЕСИПОВЪ.

ВИЛЕНСКІЯ СОБЫТІЯ

Пашуцій эти строки былъ свидѣтелемъ всѣхъ событій происходившихъ въ Вильнѣ въ послѣднія пять лѣтъ и желалъ бы, безъ вражды и самообольщенія, безъ прикрасъ и утайки, провести краткую и общую нить важнѣйшихъ событій этой эпохи. Когда общество прозрѣло, такой безпристрастный перечень можетъ быть полезенъ, открывая возможность точнѣе уяснить себѣ настоящее и проложить путь къ будущему.

Послѣ событій 1794 года въ литовскихъ губерніяхъ все было спокойно до 1812 года. Нашествіе Наполеона, съ его полчищами, съ его всемірною славой, увлекло и здѣшнее дворянство. Все здѣсь преклонилось предъ Наполеономъ.

Послѣ бѣгства Французовъ, манифестъ императора Александра I (12 декабря 1812 года) изрекшіи достопамятныя слова: „забвеніе прошлаго, всеобщее прощеніе“, положилъ конецъ увлеченіямъ и безпорядкамъ. Съ 1812 года по 1822 годъ ничто не возмущало спокойствія края. Въ 1822 году начались волненія между студентами, впрочемъ, не имѣвшія опредѣленнаго политическаго направленія. Это были отпрыски масонскихъ ложъ, которыхъ въ Вильнѣ было очень много, и которыя имѣли сношенія со всею Европой.

Во главѣ юношей находились громкія имена Лелевеля, Милкевича, Зана, Чечота и др. Однако агитація существо-

валя только въ средѣ университетской молодежи. Изъ общества, весьма немногіе были скомпрометтированы, и то преимущественно изъ руководителей масонскихъ ложъ.

Но вотъ наступилъ 1831 годъ, и грозный ураганъ охватилъ всю Литву.

По усмирениіи мятежа, весьма значительное число здѣшнихъ дворянъ переселились за границу, и образовали тамъ глубокой кратеръ будущихъ воледей.

Съ этого времени, до самаго вступленія на престолъ нынѣ царствующаго Государя, сильное броженіе умовъ въ край не утихло ни на минуту. Больше сильныя революціонныя проявленія обнаруживались въ 1837, въ 1840, въ 1846 и въ особенности въ 1848 г. Въ этомъ году были даже попытки организовать формальное возстаніе.

Льготы, которыми, съ самаго начала, ознаменовано нынѣшнее царствованіе, — измѣнили на нѣкоторое время общественное настроеніе умовъ. И не могло быть иначе. Льготы эти были ощутительны для всѣхъ и проникали во всѣ слои гражданскаго общества. Отмена для здѣшнихъ дворянъ прежняго порядка опредѣленія и увольненія, какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ; дозволеніе вступать въ службу участвовавшимъ въ возмущеніи 1831 года; возвращеніе правъ потомственнаго дворянства дѣтямъ родителей осужденныхъ за политическія преступленія; прекращеніе нѣкоторыхъ стѣсненій прежде существовавшихъ при дворянскихъ выборахъ; дозволеніе лицамъ отданнымъ въ военную службу за политическія преступленія, вступать въ гражданскую службу; прекращеніе всѣхъ дѣлъ по политическимъ преступленіямъ и конфискаціи, увеличеніе числа учебныхъ заведеній и введеніе въ оныхъ преподаванія польскаго языка; наконецъ множество лицъ возвратившихся изъ ссылки, а также выходцевъ изъ-за границы; значительныя денежныя пособія оказанныя имъ отъ правительства, и многія другія милости, естественнымъ образомъ, водворяя миръ въ настоящемъ, судили еще большее въ будущемъ. Броженіе умовъ временно утихло, проявлялось даже выраженіе преданности къ правительству; но все это было не прочно по свойственному польскому населенію легкомысленному характеру. Никакія льготы, никакое ослабленіе правительственныхъ мѣръ, не могли вести къ успокоенію и умиротворенію края. Хотя литовское

дворянство и принимало съ видимымъ восторгомъ Государя въ 1858 году, но зародышъ крамола таился подъ пепломъ. Революціонная пропаганда въ Лондонѣ и въ Парижѣ воспользовалась этимъ и начала дѣйствовать, стараясь распространить превратныя понятія, ко вреду дѣлаемыхъ правительствомъ распоряженій для устройства края.

Въ Парижѣ и Лондонѣ появились манифесты, осуждавшіе литовское дворянство за радушный приѣмъ Государя. Повременныя польскія изданія въ Парижѣ стали наводняться статьями, въ которыхъ угрозы, обѣщанія, проклятія, сыпались градомъ. Употреблены были невѣроятныя усилія чтобы поднять энтузіазмъ и пробудить несбыточныя надежды. Брошюры и газеты свободно проникали въ край и расходились во множествѣ экземпляровъ. Каждый путешественникъ, и въ особенности путешественница, по возвращеніи въ край, дѣлались обыкновенно самыми яркими пропагандистами ученія заграничныхъ польскихъ революціонеровъ. Усилія ихъ стали приносить плоды. А никто не позаботился о томъ, чтобы вовремя остановить раждающуюся и постоянно возрастающую крамолу. Правда, были частые люди, которые предвидѣли гибельныя послѣдствія. Но революціонеры умѣли отлично взяться за дѣло: они повели пропаганду черезъ ксендзовъ, женщинъ и юношей. Людей умѣренныхъ осмѣивали и называли ретроградями.

Ожидаемый приѣздъ Государя Императора въ 1860 году въ Вильно заставилъ революціонеровъ усилить дѣйствія. Имъ не нравилось предположеніе дать балъ. Однако было еще довольно людей здравомыслящихъ и преданныхъ долгу; и еслибы распорядители обнаружили больше практичности и взялись за дѣло безъ неумѣстной торопливости, то балъ былъ бы бластательный, были бы и дамы, и революціонная пропаганда лишилась бы возможности торжествовать и глубже пускать свои корни.

Съ этой поры произошелъ совершенный разрывъ въ обществѣ и положено начало успѣшному дѣйствию пропаганды.

Между тѣмъ извѣстная событія въ Варшавѣ въ 1861 году, разумѣется, нашли отголосокъ и сочувствіе въ Литвѣ, преимущественно въ Вильнѣ.

Въ февралѣ 1861 года послѣдовала первая явная демон-

страція въ Вильнѣ. Это — паннихида торжественно совершенная въ костелѣ Св. Іоанна по убитымъ въ Варшавѣ. Костелъ былъ напомаень преимущественно дворянствомъ. Разо-сланы были депутаціи къ крестьянамъ сосѣднихъ деревень и ремесленникамъ; но изъ первыхъ не явилася ни одинъ, а изъ ремесленниковъ было очень мало.

Одновременно начался всеобщій трауръ у дамъ, изгнаніе фраковъ и шляпъ у мужчинъ. Стали носить чамарки и конфедератки.

Паннихиды совершались почти ежедневно, поочередно, во всѣхъ костелахъ.

Однако ремесленное и вообще низшее сословіе въ Вильнѣ все еще мало принимало участія въ этихъ демонстраціяхъ. Тогда нѣкоторые лица изъ аристократіи начали заискивать у ремесленниковъ и привлекать ихъ на свою сторону. Одному юношѣ, графу Т., лицу должностному, очень понравилась роль графа Андрея Замойскаго въ Варшавѣ, и онъ рѣшился визойти съ графскаго пьедестала даже до того, что сталъ развѣзжать съ визитами къ портнымъ и сапожникамъ, знакомиться съ ними и осыпать ихъ въ свой великолѣпный барскій домъ. Разказываютъ, изъ числа многихъ, слѣдующій анекдотъ. Юноша графъ отправился съ визитомъ къ одному портному, потомъ посадилъ его съ собою въ карету и привезъ въ свой палаццо, чтобъ отрекомендовать графинѣ. Когда вошли въ широкія приемыя сѣни, гдѣ сидѣли ливрейные лакеи, послѣдніе бросились къ графу свистать съ него шубу; но графъ грозно взглянулъ на нихъ и повелительно указалъ на своего дорогаго гостя. Тѣ оторопѣли и не знали что дѣлать. Графъ вынужденъ былъ дать рѣшительное приказаніе снять прежде шубу съ гостя. Тогда лакеи ужъ не выдержали. „Какъ, воскликнулъ одинъ изъ нихъ: — мы станемъ свистать шубу съ такого же какъ и мы холопа, когда онъ нѣтъ еще недѣли сидѣлъ тутъ съ нами цѣлый часъ въ ожиданіи пока ваше сіятельство изволите проскуться!“

На помощь графу подоспѣла одна богомолка-дама, г-жа Б..., изъ высшаго круга. По случаю приближавшагося Свѣтлаго Христова Воскресенья, рѣшено было угостить всѣхъ ремесленниковъ и вообще низшее сословіе *свенцоннымъ*, то-есть обѣдомъ въ первый день правника. Сдѣланы

были большія приготовленія. Разумѣется, тутъ предполагались рѣчи, слезы, объятія, и дѣло должно было окончиться совершеннымъ сляніемъ дотоѣ враждебныхъ между собою сословіи. Но прошедшее графа и барыни не внушало настолько довѣрія, чтобы задуманный планъ могъ вполне осуществиться. Къ тому же они должны были уѣхать на праздники въ свои помѣстья и *свенцою* было съѣдено тихонько, безъ всякой торжественности.

Не слишкомъ полагаясь на практическія способности здѣшнихъ аристократовъ, революціонеры прибѣгали и къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ, мѣрамъ. Стали распространять въ народѣ нарочно для него приготовленные прокламаціи, всюду разсылали агентовъ, людей болѣею частію безъ состоянія и даже безъ средствъ къ жизни, и потому, за деньги, усердно хлопотавшихъ въ пользу революціонеровъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ дальше, ремесленное сословіе скоро начало принимать рѣшительное участіе въ демонстраціяхъ.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Демонстраціи пока ограничивались только панихидами, трауромъ и чамарками.

Но, вотъ, 8 мая (1861 года), въ день Св. Станислава, въ храмовой праздникъ здѣшняго римско-католическаго собора, тысячи народа наполнили храмъ. Среди обѣдни, которую служилъ епископъ, вдругъ раздалось пѣніе въ народѣ. Это была извѣстная пѣснь: „*Boże coś Polskę!*“ Пѣли пять юношей. На органѣ имъ вторилъ товарищъ. Пропѣли нѣсколько разъ. При выходѣ изъ церкви, ихъ всѣхъ арестовали.

Обращаемъ вниманіе на этотъ фактъ. Пять человекъ арестованныхъ дали поводъ къ открытымъ, уже уличнымъ, демонстраціямъ.

Вотъ какъ это было.

Тотчасъ по арестованіи, двадцать или болѣе женщинъ сдѣлали нападеніе на дворецъ: онѣ требовали свиданія съ генералъ-губернаторомъ и настойчиво домогались освобожденія арестованныхъ. Получивъ отказъ, онѣ удалились, условившись собраться въ большемъ числѣ на другой день.

Пять арестованныхъ юношей, почти всѣ студенты университетовъ, были присланы, чтобы ввести въ обычай пѣніе гимна, уже прославляемаго въ Варшавѣ. Объ этомъ

было много совѣщаній въ разныхъ домахъ, и надобно сказать правду, что люди положительныя всѣми силами противодействовали этому. Многие тогда уже предузнавали губительныя послѣдствія подобныхъ замятеній. Бывали случаи, что старики со слезами умоляли юношей оставить это намѣреніе и не называться на явный разрывъ съ властями; но юноши нашли сильную поддержку у косацковъ и женщинъ, и конечно одолѣли консерваторовъ.

На слѣдующій день послѣ арестованія первыхъ кошоводовъ пѣнія, утромъ, толпы народа стали собираться въ Остробрамской улицѣ. Здѣсь было уже нѣсколько сотенъ или болѣе.

Демонстраціонный легіонъ состоялъ изъ женщинъ, гимназистовъ и вообще молодежи. Толпа эта пала на колѣни и торжественно пропѣла гимнъ. Потомъ женщины церемониальнымъ маршемъ, всѣ въ черномъ, парама отправились по Остробрамской и другимъ улицамъ во дворецъ. Мушны сопровождали ихъ по сторонамъ, не принимая прямого участія въ процессіи. Эта черная туча нахлынула на дворецъ. Около сотни вошло внутрь, прочія стояли на улицѣ и площади. Образовались группы не только участниковъ, но и любопытныхъ. Во дворецъ главная зала была заперта. Дамы усадились на лѣстницѣ и въ передней. Собраніе состояло большею частію изъ трактирщицъ, учительницъ, гувернантокъ и т. п.; было нѣсколько помѣщицъ; была одна графиня, дѣвица П. Такъ просидѣли онѣ довольно долго; потомъ многихъ изъ нихъ поочередно впускали въ залу и послѣ объясненія выводили боковою лѣстницей. Предлогомъ нашествія была опять просьба объ освобожденіи арестованныхъ, но въ сущности это была первая попытка произвести уличную демонстрацію. Чтобы освободить дворецъ отъ вторженія большаго числа черныхъ дамъ, а можетъ-быть и уличной толпы, приведенъ былъ отрядъ войска и пожарныя трубы съ водою. Исторія эта длилась часа два или болѣе; потомъ всѣ спокойно разошлись по домамъ. Но на слѣдующій день вновь была попытка, однако безуспѣшная: на улицѣ были уже патрули, ворота отъ дворца были заперты и стояли часовые.

Съ этого времени начинается эпоха пѣнія. Пѣли уже постоянно въ костелахъ, преимущественно у Св. Іоанна и Францискамовъ, въ Острой Брамѣ, за Зеленымъ мостомъ, передъ статуей Спасителя; пѣли утромъ, вечеромъ и даже

иногда ночью. Изъ Вильны пѣніе перешло въ города и мѣстечки, и скоро охватило всю литовскія губерніи. Вскорѣ гаманъ былъ переведенъ на жидокій языкъ и распространенъ въ народѣ. Сначала, по приходскимъ костеламъ, разѣзжали молодые люди, большею частію студенты университетовъ, и учили дамъ; потомъ въ приходѣ назначался день, когда всѣ должны были съѣхаться въ известный костелъ и тамъ совершалось вѣщо въ родѣ репетиціи. Затѣмъ учителя отаравлялись даѣе. Пѣніе принимало большіе размѣры, въ особенности, во время храмовыхъ праздниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Духовъ день въ Каальваріи и вблизи Вильны, куда стекается въ это время нѣсколько тысячъ народа. Въ самой же Вильнѣ, по пятницамъ, тысячи народа собирались на Свиншки за Зеленымъ мостомъ, и здѣсь происходило пѣніе передъ статуей Спасителя. Гора, на которой находится статуя, площадка за мостомъ и даже бульваръ надъ Виліей, на всемъ протяженіи до Антоколя, обыкновенно были наполнены народомъ. Кромѣ того, въ разные дни, особенно по субботамъ, утромъ и вечеромъ, пѣли передъ иконой въ Острой Брамѣ, а также передъ статуей Богородицы на обширномъ дворѣ Францисканскаго монастыря.

Одновременно со введеніемъ пѣнія и траура, музыка и танцы вышли изъ употребленія. Даже на свадьбахъ никто не смѣлъ танцовать. Нарушителямъ дѣлали тысячи неприятностей, и выбивали у нихъ стекла въ окнахъ. Въ то же время никто безнаказанно не смѣлъ уже проигрывать много къ карты, пить шампанское. Вообще всякія излишества были изгнаны. Деньги нужны были для революціоннаго комитета.

Наступило 31 іюля (1861 г.), день празднованія Люблинской уніи (1569), или соединенія Литвы съ Польшей. Известно, какъ праздновали этотъ день въ Царствѣ Польскомъ и какъ, въ мѣстностяхъ пограничныхъ съ Царствомъ, Поляки съ хоругвями и крестами, предводимые духовенствомъ, тысячами выходили на встрѣчу другъ другу. Въ Вильнѣ, въ этотъ день, всѣ костелы съ раннего утра наполнились народомъ. Трауръ былъ сброшенъ. Дамы нарядились въ цвѣтныя платья, преимущественно народныхъ цвѣтовъ. Пестрота была необыкновенная. На женщинахъ появились

кудугуши, жупаны, конфедератки. Торжественное служеніе съ пѣніемъ гимна происходило въ костелѣ Св. Іоанна. Съ пяти часовъ вечера болѣе десяти тысячъ народа наполнили Остробрамскую улицу, и здѣсь пѣніе продолжалось почти два часа. Программа праздника была приготовлена заранее. Всѣ знали, что изъ Острой Браны отправятся куда-то за городъ; но куда,—это знали только распорядители. Распорядители медаши, поджидая свѣдѣній гдѣ находятся казаки. Наконецъ получено извѣстіе, что казаки засѣли гдѣ-то на Погулянкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Магическое слово „Бельмонтъ“ было наконецъ произнесено. Массы народа хлынули въ это предмѣстіе, въ двухъ верстахъ отъ города, и тамъ расположились въ роцѣ, на берегу Вилейки. Какой-то ремесленникъ взявъ за приготовленное возвышеніе и сказавъ рѣчь о братствѣ, о близкомъ возстановленіи Польши, о самоотверженіи и т. п. Объятіямъ, пѣснямъ, возгласамъ: „да здравствуетъ Польша!“ не было конца. Поздно вечеромъ съ пѣніемъ гимна возвратились въ городъ и разошлись по домамъ.

Вскорѣ послѣ этого распространилось извѣстіе, что десять, а по другимъ пятнадцать тысячъ Поляковъ изъ Царства Польскаго перешли Нѣманъ и направляются къ Вильнѣ, куда должны были вступить церемоніальною процессіей 6-го августа (1861 г.). Всѣ этому вѣрили, даже люди не принимавшіе никакого участія въ демонстраціяхъ. Какія-то никому неизвѣстныя личности расхаживали по городу и таинственно приказывали заготовлять хлѣбъ, провизію, постели и т. п. для ожидаемыхъ гостей. Рассказывали — не знаемъ на сколько это справедливо,—будто бы даже полицейскіе чиновники ходили по домамъ и наказывали готовить все нужное для приѣма гостей. Какъ бы то ни было общество не сомнѣвалось въ дѣйствительности процессіи, и утромъ, 6-го августа, многочисленныя толпы отправились сначала въ Острую Брану, а потомъ на Погулянку. Здѣсь уже были войска и полиція. Переходъ за заставу былъ воспрещенъ. Сплошныя массы народа постоянно увеличивались и оставались на мѣстѣ не двигаясь. Такъ прошелъ почти весь день. Наконецъ къ вечеру вздумали силой пробраться за заставу. Войска загородили дорогу, и казаки бросились разгонять народъ нагайками.

Демонстрація 6-го августа была принята какъ сумасброд-

ство пьяной и буйной толпы; но въ сущности она имѣла характеръ чисто политическій.

Многочисленныя толпы народа возвращались съ Погулявки, распѣвая гимнъ, и шли ко двору. Но на Доминиканской улицѣ были встрѣчены войскомъ. Народъ воротился и пошелъ къ Острой Брамѣ, гдѣ до самой ночи продолжалось пѣніе; потомъ опять огромнымъ скопищемъ отправился къ костелу Св. Іоанна, и отсюда уже всѣ разошлись по домамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, 8-го августа (1861 г.), опубликовано было воспрещеніе пѣть гимны въ костелахъ и на улицахъ, а равно запрещены были всякія сходбища. Потомъ, 22-го (1861 г.) объявлено военное положеніе.

Послѣ происшествія 6 го августа, распространились слухи объ убитыхъ на Погулявкѣ. Увѣрили, что множество тѣлъ брошено въ Вилію. Въ дѣйствительности, убитыхъ не было; хотя, конечно, при такомъ напорѣ народа, иныя могли наткнуться на штыки, многіе были избиты нагайками. Несмотря на то, слухи объ убитыхъ принимались за несомнѣнный фактъ. Въ Варшавѣ, митрополитъ Физакъ служилъ торжественную панихиду *по вилеискимъ мученикамъ*. То же происходило въ Краковѣ, Познанѣ, Львовѣ, даже въ Парижѣ. Въ Вильнѣ, и вообще во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ здѣшняго края, панихиды совершались почти ежедневно.

По случаю удаленія отъ должности вилеискаго уѣзднаго предводителя дворянства, графа Ивана Тышкевича, назначены были выборы. Съѣхавшіеся дворяне отправились въ Остробрамскій костелъ, и тамъ привели присягу; но когда они вышли изъ костела, ихъ окружила цѣлая туча черныхъ дамъ, которыя загородили имъ дорогу, пали на колѣни и начали пѣть гимнъ. Немногіе успѣли пробраться; всѣ остальные, въ мундирахъ, должны были выслушать пѣніе до конца. По окончаніи выборовъ составленъ былъ адресъ графу Тышкевичу, съ изъявленіемъ благодарности за время его предводительства, и врученъ ему лично дворянами въ имѣніи его, Ванъ.

Уличныя демонстраціи прекратились, но въ костелахъ продолжали пѣть гимнъ и заубойныя молитвы. Трауръ, чамарки, такъ называемыя *сърмяжки* (изъ толстаго сѣраго

сука), конфедератки, были всепрежнему въ общемъ употребленіи.

Къ болѣе публичнымъ демонстраціямъ надобно отнести еще панихиду по варшавскомъ митрополитѣ Фіаковскомъ, совершенную съ разрѣшенія начальства въ кафедральномъ соборѣ, 7-го октября (1861 г.). Въ то же время отслужена была панихида для воспитанниковъ гимназіи въ костелѣ Св. Іоанна.

По всему краю начали образовываться тайные комитеты. Агенты варшавскаго комитета разъѣзжали по городамъ и имѣніямъ, возбуждали, стращали, сулили золотыя горы и устраивали революціонную организацію. Начался процентный сборъ со всехъ доходовъ. Агенты пріѣзжали, объявляли о количествѣ сабадующей суммы и, гдѣ можно, немедленно взыскивали ее. Однако сначала сборъ этотъ шелъ неудовлетворительно. Революціонеры, по крайней мѣрѣ послѣдователи и поклонники Мѣрославскаго, долго еще не доверяли дворянству. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить распространеніе известной крестьянской правды, которой тенденція не слѣшкомъ благоприятна для дворянства. Вообще, крайняя революціонная партія тогда только прильнула къ дворянству, когда потеряла всякую надежду на сочувствіе и помощь крестьянскаго сословія.

Между тѣмъ, 2 октября 1862 года, военное положеніе было снято съ города Вильны и его уѣзда.

Впрочемъ, военное положеніе не имѣло никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Революціонная организація была сильнѣе полицейской предусмотрительности. И при военномъ положеніи, полиція наша, заботившаяся преимущественно о вѣшной сторонѣ, не могла воспрепятствовать развитію пропаганды и ея смѣлымъ дѣйствіямъ.

Пѣніе совершенно прекратилось. Трауръ еще продолжался; но поемагоу стали исчезать болѣе очевидные революціонные атрибуты: символическіе кресты, кольца, пояса съ гербами и т. п. Наружные признаки уже не были нужны. Дѣло созрѣло. Въ дѣлѣ Литвѣ уже клокоталъ революціонный вулканъ. Ожидалась только минута изверженія. Однако справедливость требуетъ сказать, что хотя духъ и направленіе отлично были подготовлены, никто здѣсь не предполагивалъ такой скорой развязки. Возстаніе въ Царствѣ Польскомъ было здѣсь совершенною неожиданностію. За то

агитаторы удвоили свою дѣятельность, и хотя, 4-го февраля 1863 года, вновь было объявлено военное положеніе, возстаніе началось сейчасъ же послѣ этого и продолжалась непрерывно до самаго мая.

Революціонныя власти, комитеты, трибуналы, начальники городовъ, господствовали съ полною силою. Формировка и наборъ людей въ тайки производились безпрепятственно. Замѣчательно, что наружныхъ стѣсненій въ то время было гораздо больше чѣмъ теперь. Тогда фонарики играли важную роль, и каждую ночь случались аресты за то, что фонарикъ погасъ. Патрули, обходы, день и ночь разъѣзжали и рассказывали по городу и окрестностямъ. Нельзя было сдѣлать десяти шаговъ, чтобы не встрѣтить обхода. А между тѣмъ, въ то самое время, сотни повстанцевъ постоянно выходили въ дѣсъ, съ оружіемъ и припасами.

Евреи были также подъ гнетомъ пропаганды, и если недѣйствовали съ оружіемъ въ рукахъ, то по крайней мѣрѣ, во многихъ мѣстностяхъ, служили главными проводниками смоненій мятежниковъ съ жителями. Разказываютъ, что въ мѣстечкѣ Эйтшишкахъ (въ Лидскомъ уѣздѣ) была открытая школа для повстанцевъ. Въ мѣстечкѣ Вороновѣ (тоже въ Лидскомъ уѣздѣ), Евреи были главными провинатскими комиссіонерами извѣстнаго предводителя Л. Нарбута. Увѣряютъ, что въ Вороновѣ бывали, въ одно и то же время, отряды войскъ и мятежническія тайки Нарбута, а Евреи всегда умѣли скрыть послѣднихъ.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, во время кратковременнаго господства тайки Коззела, Евреи, говорятъ, были и поставщиками и курьерами. Вообще, почти не было примѣра, чтобъ Евреи гдѣ-нибудь фактически заявили свое сочувствіе законному правительству.

Разказываютъ, что въ одной губерніи губернаторъ, при перемѣщеніи его на другую должность, предложилъ еврейскому обществу представить всеподданнѣйшее писмо Евреи тотчасъ же согласились, и чрезъ нѣсколько дней явились къ нему съ представленіемъ адреса на имя губернатора, съ изъявленіемъ благодарности, за снисхожденіе и милости, оказанныя имъ во время управленія губерніей.

Въ Вильнѣ еще въ 1862 году стали появляться разные революціонныя плакаты, газетныя листки, воззванія и т. п. Они разбрасывались по городу, разсылались по почтѣ.

Изъ Варшавы постоянно прѣзжали агенты и привозили тысячи экземпляровъ произведеній тамошней тайной печати. Все уже повиновалось революціоннымъ властямъ. Повиновались даже Евреи. Конечно были еще люди, которые предвидѣли будущее; но они не смѣли произнести слова, даже въ кругу собственныхъ семействъ. Впрочемъ, станемъ ли удивляться, что и самые благоразумные усомнились, когда газеты каждую почту приносили имъ столько надеждъ, обѣщаній, знаковъ сочувствія изъ Франціи, Англіи, Італіи, даже Австріи!

Съ мая мѣсяца (1863 г.) начинается новая эпоха. Нужно ли и здѣсь указывать на факты? Они на глазахъ у всѣхъ. Ихъ уже оцѣнили современники. Съ магической силой, дѣями возстановилось то что было разрушаемо годами. Тяжело взглянуть на эту мрачную картину владычества революціоннаго террора! Страшно подумать какіе плоды принесли усилія революціонеровъ!

Потоки крови обогрившей родную землю, тысячи жертвъ, лишившихъ край будущихъ дѣятелей на поприщѣ мирнаго преуспѣянія!.. Сколько семействъ оплакивающихъ свои заблужденія и потерявшихъ своихъ сочленовъ! Сколько нужно времени чтобы вознаградить потерянное, заживить раны нанесенныя самообольщеніемъ и легкомысленнымъ увлеченіемъ, кознями и ухищреніями эмиграціонной пропаганды!..

Въ настоящее время уже всѣ сословія торжественно отрелись отъ недавняго прошлаго.

Духовенство и дворяне преимущественно были въ главѣ революціоннаго движенія. Евреи имъ содѣйствовали.

Теперь дворянское сословіе открыто и гласно заявило, что оно отвергаетъ дѣйствія революціонной пропаганды, что составляя одно цѣлое и нераздѣльное съ Россіей встрѣяетъ судьбу свою неограниченному милосердію благодушнаго монарха.

Римско-католическіе прелаты, въ своихъ увѣщаніяхъ, заявили то же самое.

Все крестьянское населеніе, безъ различія исповѣданій, какъ православное, такъ и католическое, вполне предано правительству, и отъ всѣхъ сельскихъ обществъ представлены адреса, съ выраженіемъ вѣрноподаданническихъ чувствъ

и готовности жертвовать жизнью и достояніемъ за Государя и Россію.

Всѣ болѣе значительныя еврейскія общества тоже представили адреса съ выраженіемъ ихъ вѣроподданническихъ чувствъ.

Кто знаетъ здѣшній край, кто слѣдилъ за ходомъ событій и наконецъ кто знаетъ, какъ велико было господство революціоннаго террора и какое сильное вліяніе имѣла на умы жителей, какъ иностранная, такъ и мѣстная тайная печать, тотъ долженъ согласиться, что такія торжественныя отреченія отъ прошлаго и ясныя заявленія настоящихъ чувствъ имѣютъ важное значеніе. Извѣстно, что дворяне Минской губерніи, въ ноябрѣ прошлаго года, во время дворянскихъ выборовъ составили протоколъ объ отчужденіи отъ Россіи и присоединеніи ихъ къ Царству Польскому. Нынѣ же почувствовавъ все безумство такого заявленія, они торжественно отрекаются отъ него и просятъ помилованія. Число дворянъ подписавшихся въ Вилевской, Ковенской, Минской, Гродненской и Витебской губерніяхъ простирается уже до 14 тысячъ.

О Евреяхъ и говорить нечего. Они теперь съ особеннымъ усердіемъ повсемѣстно стараются вознаградить потерянное и пользуются каждымъ случаемъ, чтобы заявить свою преданность. Извѣстно, что почти во всѣхъ синагогахъ Евреи дали *херимъ* (клятвенное обѣщаніе) ни въ чемъ не помогать революціонерамъ, а напротивъ стараться обнаруживать всякое ихъ покушеніе или злонамѣренное дѣйствіе.

ВИЛЕНСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

ЗАМѢТКИ

I.

ОДНОМУ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Напрасно мыслишь ты, прекрасный либералъ,
Что отъ толпы впередъ далеко ты удралъ,
Что ты опередилъ свой вѣкъ столѣтьемъ цѣлымъ,
Что разумомъ своимъ всегьдуцимъ и сгьлымъ,
Порядка новаго предтеча и пророкъ,
Народамъ и царямъ преподаешь урокъ.
Не вѣренъ твой расчетъ, и ложь въ твоей посылкѣ!
Ты не впередъ ушелъ: съ глазами на затылѣ,
Ты за-семьдесятъ лѣтъ перескочилъ назадъ.
Стара я рѣчь твоя, и старъ твой весь нарядъ,
И съ новизной своей ты только что заплата
Въ кровавомъ рубищѣ Дантона и Марата.

II.

О НАШИХЪ НИГИЛИСТАХЪ.

(Avec circonstances atténuantes.)

Грѣхъ ихъ преслѣдовать упрекомъ или снотомъ.
 На вѣтъ вѣтъ и суда: плодъ дастъ ли пустоцвѣтъ?
 Ума въ нихъ вѣтъ, души въ нихъ вѣтъ,
 Тутъ позволѣть будетъ нигилистомъ.

III.

ФРАНЦУЗСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

(Sans circonstances atténuantes.)

Французамъ крикунамъ молчанье хуже пытки.
 Изъ дома велѣно чиннѣховько сидѣть,
 На привази держать языкъ свой слиткомъ пряткій
 И къ старшимъ должное почтеніе имѣть.

Ихъ дядька разгадавъ и вышколавъ ихъ толкомъ;
 И школьники, предъ нимъ съ исюга присмирѣвъ,
 Съ досадою на душѣ, глотають тихомолкомъ
 Свой обезьянскій смѣхъ и дикій львиный ревъ.

Но иногда, чтобъ ихъ потѣшить хоть немножко,
 Изъ разрѣшается, съ горячкой прежнихъ лѣтъ,

Ругаться и кричать на улицу въ окошко,
И ужь тогда чужимъ прохожимъ спуску вѣтъ.

Всю злость и весь задоръ что накопила дома
Имъ любо выкинуть и желчи волю дать:
Заносчивая брань издавна имъ знакома
И старый ихъ букварь опять идетъ въ печать.

Журнальные враги въ своей казенной школѣ
По даннымъ прописамъ даютъ размѣръ перу:
Но дома трезвые, постыся поневолѣ,
Ужасно пьянствуютъ они въ чужомъ пару.

Теперь они ордой на насъ востали дружно.
Имъ вѣрить—пробудилъ въ нихъ жасть Польша стожь;
Нѣтъ власть законную поколебать имъ нужно:
Имъ вравится мятежъ, какой бы ни былъ онъ.

Средь бѣшенства страстей бѣсуются ихъ перья.
На Польшей, ни дѣтми ея не дорожа,
Играютъ жертвами сѣпнаго легковѣрья
И лакомы они до крови мятежа.

Имъ весело, таясь подъ безопаснымъ кровомъ,
Вести дневникъ убіійствъ, пожаровъ, грабежей,
И раздражительнымъ и ядовитымъ словомъ
Растравливать вражду двухъ родственныхъ семей.

Въ невѣжествѣ своемъ предаи ихъ не зная,
Толкуютъ вкривь и вкосъ смыслъ древней ихъ борьбы,
И Промысла пути въ миновшемъ исправая
Кроятъ по своему народныя судьбы.

Чѣмъ басмъ безсовестнѣй, чѣмъ клевета нечестнѣй,
Чѣмъ больше гнусной лжи въ доносахъ, тѣмъ вѣрнѣй,
Тѣмъ лучше имъ приемъ въ журнальномъ ихъ вертепѣ,
Въ бумажной фабрикѣ поддѣланыхъ вѣстей.

Красяѣшь за печать, за гласность, за журналы;
Призванье ихъ людей мирить и просвѣщать;
Но вы, ханжи любви, а въ дваѣ за пахалы,
Вы опозорили и гласность, и печать.

Орудье мирныхъ благъ, страстямъ своимъ въ угоду,
Преобразили вы въ губительный снарядъ:
Въ честь, въ добросовѣтность и въ самую свободу
Окъ мечеть пламень свой и свой таетворный адъ....

Къ П. ВЯЗЕМСКИЙ.

ИНТЕРЕСЫ

РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

Мысль о необходимости полного водворенія въ нашемъ западномъ краѣ *русской народности* вызвала, какъ и слѣдовало конечно ожидать, общее сочувствіе русскихъ людей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вся Русская земля горячо желаетъ осуществленія этой мысли. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что отъ первой мысли еще далеко до самаго дѣла. Враги наши не дремали. Они дружно и не слышно работали, и къ сожалѣнію, не мало успѣли сдѣлать. Благодаря тому, что наше общественное мнѣніе не имѣетъ никакой организаціи, въ Россіи почти и не подозрѣвали, что творилось въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Только по временамъ, и по слухамъ отъ заѣзжихъ людей, узнавали немногіе, въ какомъ состояніи нахо-

дѣлась въ западномъ краѣ православная церковь и духовенство, какъ жилъ тамъ русскій народъ, въ какихъ отношеніяхъ къ мѣстному управленію находилось русское населеніе и Поляки. Теперь уже, по поводу восстанія польской шляхты, возмущавшаго цѣлый край, мы узнали, наконецъ что это за страна называемая западными губерніями Россіи.

Теперь въ западныхъ губерніяхъ устанавлилась, или готова установиться, администрація изъ русскихъ чиновниковъ. Этотъ первый шагъ, разумѣется, необходимъ для утвержденія въ краѣ законнаго правительства, и бесспорно имѣетъ важное значеніе для настоящихъ и будущихъ интересовъ русскаго населенія.

Но мы не должны обольщать себя легкомысленными надеждами, что водвореніе русской администраціи, или правительствѣ, русскихъ чиновниковъ, можетъ вывести этотъ край и его забитую и искаженную враждебнымъ вліяніемъ цивилизаціи на широкій путь естественнаго національнаго развитія. Условіе это далеко еще не достаточно. Одно, безъ содѣйствія и постояннаго присутствія другихъ, болѣе органическихъ, силъ, это условіе не можетъ послужить ни исходнымъ пунктомъ, ни основой для дальнѣйшаго движенія въ этомъ смыслѣ.

Администрація, къ какой бы національности она ни принадлежала, по натурѣ своей, всегда носитъ характеръ нѣкотораго космополитизма. Было бы несправедливо и смѣшно обвинять самихъ чиновниковъ, вслѣдствіе такого свойства администраціи, въ недостатокъ патріотизма или національнаго чувства. Честное и добросовѣстное исполненіе долга, въ предѣлахъ данной инструкціи или регламента, за опредѣленное по закону жалованье, не можетъ быть исключительною принадлежностію извѣстной національности. Петру Великому удавалось же вводить въ Россію разные заморскіе, нѣмецкіе, шведскіе и голландскіе регламенты чрезъ выписныхъ офицеровъ и чиновниковъ. Вообще, когда дѣло касается исполненія административныхъ обязанностей, то при извѣстныхъ гарантіяхъ въ вѣрности присягѣ, національный, исключительно русскій составъ администраціи, не имѣетъ того безусловно-важнаго значенія, которое готовы иные приписывать этой мѣрѣ, въ настоящемъ положеніи западнаго края. Скажемъ болѣе: излишняя довѣрчивость къ такому способу искоренить преобладаніе польщизны въ нашемъ западномъ

краѣ, можетъ привести даже къ результатамъ противоположнымъ тѣмъ, какіе ожидаются.

Понятіе о русской народности не заключаетъ въ себѣ ничего смутнаго, и не можетъ подвергаться никакимъ двусмысленнымъ толкамъ. Здѣсь разумѣются, во первыхъ, интересы православной церкви, ея предавія, и связанныя съ ними нравственныя силы и вліяніе духовенства, равно какъ и необходимое для того матеріальное обезпеченіе церкви и ея служителей. Далѣе—распространеніе и упроченіе въ народѣ общерусскаго языка, какъ орудія образованія и общественнаго развитія.

Въ то время, когда Петръ Великій и Екатерина II сносились съ польскими властями объ обезпеченіи интересовъ православія, уцѣлѣвшаго въ западномъ краѣ, наше духовенство находилось въ такомъ положеніи, въ которомъ оно принуждено было оставаться равнодушнымъ къ интересамъ православной церкви на западѣ и должно было предоставить свѣтской власти попеченіе объ этихъ интересахъ. Если мы хотимъ возстановить и утвердить нашу народность на западѣ, то намъ необходимо прежде всего распространить и укрѣпить *связь народныхъ* интересовъ между Россіей и западнымъ краемъ; ибо только эта связь служить основаніемъ всѣхъ нашихъ симпатій къ судьбамъ русскаго населенія западнаго края.

Какъ отзывается или какъ отзовется наше духовенство, и особенно высшее, монашеское, на потребности нашей церкви въ западномъ краѣ? Гдѣ его голосъ къ своимъ пасовамъ въ пользу единовѣрныхъ народонаселеній, которымъ постоянно грозила участь совершеннаго отпаденія отъ роднаго корня? Если осуществится мысль о „братствахъ“,—какое мѣсто займетъ въ нихъ наше духовенство? Не зачѣмъ обманывать себя. Не одно духовенство бѣдствуетъ въ западномъ краѣ; бѣдствуетъ вмѣстѣ съ нимъ и православная церковь. Храмы ея нищенствуютъ; въ нихъ мерзость запустѣнія; въ числѣ сыновъ своихъ она считаетъ почти исключительно крестьянъ, классъ бывшій въ вѣковомъ угнетеніи, бѣдный, отупѣвшій, разворонный. Не въ Палестинѣ, не на Аевѣ, но въ предѣлахъ самой Россіи, есть край, гдѣ люди почти потеряли всякое религіозное сознаніе, и между которыми почти исчезла нить всякихъ преданій. Пусть же раздастся слово духовенства, и обойдетъ всю православную Россію, и не оставитъ безъ вѣсти ни одного въ ней угла, ни одного прихода. Пусть же обнаружится народная связь, и

прилечетъ къ западному краю всѣ наши симпатіи, въ какихъ бы формахъ онѣ ни выражались.

Потребность охранить и защитить православную церковь въ западной Россіи отъ напиравшихъ на нее со всѣхъ сторонъ притязаній католицизма, соединяла издавна духовенство и вліятельныхъ людей православной вѣры въ „братства.“ Но эти общества не могли достигнуть своей цѣли; они оказались бессильными предъ тѣми сокрушающими средствами, какими обладала партія польскихъ католиковъ: *братства западной Руси не имѣли никакого общенія съ Великою Россіей*, и братства уже были готовы обратиться въ историческое преданіе, въ печальный памятникъ неудавшейся и тщетной борьбы.

Когда православіе и русская народность замирали на нашемъ западѣ, католицизмъ и польщина не останавливались, но шли впередъ и проникали все глубже и глубже. И теперь, когда наступило время возстановить и оживить эти братства, эту угасающую общественную силу, необходимымъ условіемъ этого возрожденія является единеніе народныхъ интересовъ всей Россіи. Безъ дѣятельнаго участія нашего духовенства, особенно высшаго, братства не достигнутъ своей цѣли. Нашему духовенству могъ бы предстоить здѣсь рядъ подвиговъ, которые послужили бы главнѣйшею связью между центральною Россіей и нашимъ западнымъ краемъ.

Кромѣ мѣстнаго духовенства западныхъ губерній, коренными, такъ - сказать природными членами братства, должны быть *русскіе помѣщики* западныхъ губерній. Ихъ имѣнія могли бы съ большимъ удобствомъ служить естественными центрами, около которыхъ группировались бы общественныя силы братствъ, распространяя свое благодѣтельное вліяніе на отдаленнѣйшія части нашего запада. И это тѣмъ удобнѣе, что между русскими помѣщиками въ западныхъ губерніяхъ есть не мало и такихъ, которые, по своему богатству, обширности владѣній и общественному положенію, могли бы образовать самыя могущественныя звенья, связывающія народные интересы ихъ края съ Великою Россіей. Для будущихъ дѣятелей братствъ было бы очень интересно узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло нашей народности, на примѣръ, въ имѣніяхъ князя Варшавскаго? Нужно ли объяснять дальше, какое значеніе приобрѣли бы братства для западной Россіи, еслибы съ

привлеченіемъ въ свою среду значительныхъ лицъ, эти общества пріобрѣли возможность расширять свои матеріальныя средства, право пріобрѣтать и наследовать движимыя и недвижимыя имущества, имѣть свои журналы, своихъ агентовъ и миссіонеровъ, устраивать церкви, свѣтскія и духовныя школы, благотворительныя заведенія и распространять религіозное, нравственное и умственное образованіе въ краѣ?

Главное препятствіе къ подъему народнаго духа въ западномъ краѣ, къ возбужденію въ немъ сознанія общихъ съ цѣлою Россією народныхъ интересовъ, заключается безъ сомнѣнія въ томъ, что какъ населеніе большей части городовъ, такъ и землевладѣльческое, состоитъ преимущественно изъ католиковъ и Поляковъ, что на сторонѣ послѣднихъ, если не число, то матеріальное богатство и всѣ орудія образованія. Понятно, каково должно быть положеніе православнаго прихода брошеннаго въ эту среду, и предоставленнаго собственнымъ силамъ.

Польское населеніе западныхъ губерній довольно уже тѣшилось снисходительностію къ нему русскаго правительства. Паны теперь вновь присягаютъ ему, и обѣщаютъ быть вѣрнопопавшими гражданами Россіи. Но они должно знать, что этимъ обѣщаніямъ никто уже не повѣритъ до тѣхъ поръ, пока паны западныхъ губерній не докажутъ на самомъ дѣлѣ, что для нихъ интересы нравственнаго образованія западнаго края *тождественны* съ интересами Россіи.

Если католическіе землевладѣльцы западнаго края дѣйствительно и искренно хотятъ загладить свою вину предъ русскою народностію и соединиться съ нами въ общихъ интересахъ, то пусть они участвуютъ наравнѣ со всеми обывателями русскаго населенія, соразмѣрно своимъ средствамъ, въ устройствѣ и содержаніи, если не церквей православныхъ, то русскихъ народныхъ училищъ. Этимъ они докажутъ свою преданность не одной администраціи и полиціи, но и Русской землѣ, на которой они живутъ и которой обязаны своимъ существованіемъ и богатствомъ.

Но какъ бы ни были, по нашему мнѣнію, дѣйствительны всѣ вышеизложенныя средства, для того чтобъ укрѣпить и развить начала русскою народности въ нашемъ западномъ краѣ, всѣ эти средства еще недостаточны, коль скоро рѣчь

идеть о соединеніи различныхъ частей государства живою и сильною связью.

Когда общественыя и экономическія интересы различныхъ частей государства весьма еще слабы и не развиты: тогда единство областей можетъ достаточно сдерживаться силою административной централизаціи. Учрежденія имѣющія преимущественно въ виду обезпеченіе внѣшней и внутренней безопасности государства, легко управляются съ элементами не окрѣпшей и не развившейся общественной жизни. Но съ распространеніемъ образованія, съ развитіемъ потребностей, начинаютъ, въ общей средѣ государственной жизни, выступать областныя особенности.

Такія особенности могутъ возникать, во первыхъ, вслѣдствіе весьма разнообразныхъ климатическихъ и этнографическихъ различій; во вторыхъ, онѣ зависятъ отъ условій историческихъ, подъ которыми слагалась послѣдовательно общественная жизнь въ различныхъ частяхъ государства. Административное единство никогда не можетъ изгладить, или подвести подъ одинъ уровень, все богатство и разнообразіе вышеприведенныхъ условій и элементовъ обширнаго края. Рано ли, поздно ли, эти послѣднія должны обнаружить свои особенности, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ долѣе встрѣчали они противодѣйствіе своему свободному развитію. Не минуемо наступаетъ время, когда начинаютъ обнаруживаться стремленія ко внутреннему обособленію въ различныхъ областяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ выносятся на свѣтъ полузабытыя преданія, полуразрушенныя памятники отжившаго времени; мѣстное нарѣчіе, народный говоръ, сказка и легенда начинаютъ приобрѣтать значеніе, какъ символъ своеобразнаго мѣстнаго развитія. Экономическія потребности, съ усиленіемъ земледѣльческаго и фабричнаго производства, также выступаютъ съ большою силою и предъявляютъ свои могущественныя права въ общемъ движеніи интересовъ.

Здравая политика всегда оцѣнитъ то что есть законнаго по своей природѣ, въ этихъ стремленіяхъ къ самостоятельной жизни частей въ общемъ строѣ государственной жизни. Но та же здравая политика приметъ всегда во вниманіе и то, что стремленія къ обособленію, могутъ легко выражаться во взаимный антагонизмъ различ-

ныхъ частей государства. Являются попытки къ разнымъ автономіямъ, развивается наклонность къ сепаратизму, безъ всякихъ соображеній съ существенными интересами. При такомъ порядкѣ вещей, одна вѣдшая сила административной централизаціи можетъ оказаться недостаточною и безсильною для уравновѣшенія разнообразныхъ и другъ другу противурѣчающихъ интересовъ. Тогда наступаетъ самый благоприятный моментъ для того чтобы всѣ областныя интересы обратить къ общимъ дѣламъ благосостоянія цѣлой страны. Области должны узнать другъ друга въ лицо; между ними должна возникнуть связь болѣе сильная нежели та, которая выражается лишь въ общихъ административныхъ повинностяхъ. Различныя области одного государства должны достигнуть сознанія всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя могутъ извлечь онѣ изъ своего политическаго единенія, соответственно особенностямъ каждой изъ нихъ. Разнообразіе климатовъ, произведеній природы, религій, обычаевъ, мѣстныхъ преданій, въ одномъ и томъ же государствѣ, никогда ни можетъ быть само по себѣ причиною разложенія, также какъ богатство и разнообразіе экономическихъ и мѣстныхъ интересовъ никогда не могутъ быть источникомъ политической слабости государства. Областныя потребности тогда только найдутъ наивыгоднѣйшее для себя удовлетвореніе, когда области убѣдятся, что удовлетвореніе общимъ интересамъ государства есть вѣрнѣйшее средство для обезпеченія и развитія каждаго мѣстнаго интереса. Но такое убѣжденіе не можетъ проникнуть въ различныя области до тѣхъ поръ пока онѣ не будутъ принимать дѣйствительнаго участія въ общихъ дѣлахъ и интересахъ. Когда люди живутъ въ одномъ домѣ и не имѣютъ никакого общаго дѣла, то они легко могутъ прожить такимъ образомъ очень долго, не узнавая другъ друга и своихъ взаимныхъ потребностей. Удивительно ли, что граждане одной и той же народности, во различныхъ частяхъ государства, не связанные между собою участіемъ въ общихъ интересахъ, не знаютъ другъ друга, и вслѣдствіе того совершенно равнодушны къ судьбамъ своихъ соотѣдей, единовѣрныхъ имъ земляковъ?

Образованіе именно этой-то связи и есть коренное условіе для единенія западнаго края съ остальною Россіей, и ихъ народныхъ интересовъ.

Всѣ мѣры, самыя энергическія и добросовѣстныя, которыя можетъ предпринять администрація въ управленіи западнымъ краемъ, чтобъ укоренить русскую народность, останутся всегда, не болѣе какъ палліативами, которые могутъ быть умѣстны и полезны для достиженія предполагаемой цѣли тогда только, когда будутъ дѣйствовать живыя силы Русской Земли.

В. Н.

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ПОДПИСКѢ НА 1864 ГОДЪ.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ П. М. ЦЕЙДЛЕРА.

Начнетъ выходить съ 1-го января 1864 г. съѣмъ съ книжками отъ 160—200 строкъ печати въ 8 д. листа.

Цѣль этого изданія доставить русскому человѣку возможность сѣдѣть за гласными явленіями современной иностранной литературы. Къ достиженію этой цѣли въ нашихъ рукахъ находится всѣ возможные матеріалы, изъ которыхъ будемъ извлекать: 1) Разказы, повѣсти и романы, характеризующіе направленіе изящной литературы извѣстной страны. 2) Биографіи, мемуары и т. п. матеріалы для русской или важнѣйшихъ эпохъ всеобщей исторіи. 3) Вопросы политическіе, административные, юридическіе и финансовыя, въ ихъ историческомъ развитіи. 4) Статистическія и политико-экономическія изслѣдованія. 5) Путешествія. 6) Обзоръ современнаго состоянія естественныхъ наукъ. 7) Замѣчательнѣйшія извѣстія о промышленныхъ сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. 8) Библиографическій указатель. 9) Смѣсь.

Цѣна въ годъ 7 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою 9 р. с.

КАРТИННЫЯ ГАЛЛЕРИИ ЕВРОПЫ.

Собраніе замѣчательныхъ произведеній живописи въ гравюрахъ на стали съ объяснительнымъ текстомъ и биографіями замѣчательныхъ художниковъ. Издаваемый подъ редакціею А. АНДРЕЕВА. 12 выпусковъ въ годъ, каждый 2—4 листа печати, съ приложеніемъ 4-хъ гравюръ на стали, портрета художника и одной копіи съ его лучшей картины, гравированныхъ на деревѣ.

Цѣль журнала доставить прекрасное чтеніе и служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для развитія вкуса и любви къ прекрасному, лучшую настольную книгу, необходимою принадлежностью въ библиотекѣ каждаго воспитательнаго учрежденія, каждаго дома, въ который истинное образованіе успѣло проложить путь изящному искусству.

Цѣна въ годъ 6 р. съ доставкою и пересылкою 8 р. с.

ВСЕОБЩЕЕ ЗЕМЛЕОПИСАНІЕ.

Географія для чтенія и справокъ по плану *Бланка*, передѣлана и дополнена *Дистервегомъ*. Переводъ съ 7 изданія, съ измѣненіями по *Кледу*, *Штедлеру* и другимъ новѣйшимъ писателямъ. А. РАЗИНА, П. УСОВА, П. ОЛЬХИНА и П. ЦЕЙДЛЕРА. Digitized by Google

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА

ДУХОВЕНСТВА

Вопросъ о необходимости обезпечить духовенству достаточныя средства существованія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія и вывъ поставлень, наконецъ, предметомъ заботъ всего православнаго общества.

По Высочайшему повелѣнію было первоначально образовано въ Петербургѣ изъ членовъ Святѣйшаго Синода и нѣсколькихъ государственныхъ сановниковъ особое присутствіе, которому поручено было изысканіе способовъ къ расширенію средствъ матеріальнаго быта духовенства. Послѣ того, въ вывъшнемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, найдено было необходимымъ учредить въ губерніяхъ мѣстныя присутствія, изъ епархіальныхъ архіереевъ, начальниковъ губерній и управляющихъ палатами государственныхъ имуществъ, для ближайшаго попеченія объ улучшеніи быта духовенства; при этомъ преосвященнымъ предоставлено, по усмотрѣнію ихъ, приглашать къ участию въ занятіяхъ присутствій, на правахъ членовъ, губернскихъ предводителей дворянства и городскихъ головъ губернскихъ городовъ. Въ іюнь, поручено этимъ присутствіямъ обсужденіе вопроса объ отнесеніи содержанія духовенства на мѣстныя средства губерній, и указано имъ войти по этому предмету въ соглашеніе со всеми тѣми въ-

домствами въ губерніи, отъ которыхъ могутъ быть доставлены мѣстные средства. Въмѣстѣ съ тѣмъ предоставлено пресвященнымъ приглашать къ участію въ дѣлахъ присутствій, на правахъ членовъ, всѣхъ вообще мѣстныхъ начальниковъ разныхъ управленій, имѣющихъ въ вѣдѣніи своемъ значительные хозяйственные способы или учрежденія. Наконецъ, въ іюлѣ, разрѣшено присутствіямъ приглашать для обсужденія дѣлъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которые по своему образованію и опытности могутъ принять полезное участіе въ занятіяхъ присутствій.

Такое постепенное перенесеніе вопроса о содержаніи духовенства изъ малочисленнаго собранія нѣсколькихъ офиціальныхъ лицъ, въ кругъ дѣятельности всего православнаго общества, даетъ этому дѣлу правильный ходъ и должно содѣйствовать къ его разрѣшенію. Это распоряженіе правильно, ибо положеніе служителей церкви непосредственно обуславливается духовными потребностями самого христіанскаго общества и отношеніями его къ своимъ духовнымъ пастырямъ. Содержаніе церковнаго клира никакъ не можетъ быть сравниваемо съ содержаніемъ чиновниковъ, находящихся въ государственной службѣ, такъ какъ клирики служатъ алтарю Божію, а не государственной власти, и назначеніе ихъ состоитъ въ удовлетвореніи религиознымъ потребностямъ христіанскаго общества, а не въ содѣйствіи политическимъ распоряженіямъ правительства. Потому и самыя средства своего существованія церковный клиръ долженъ получать отъ общества, а не отъ правительства. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, свѣдущіе по церковнымъ вопросамъ члены общества не могли быть оставлены въ сторонѣ и должны были получить приглашеніе принять участіе въ обсужденіи дѣла, котораго осуществленіе зависитъ ближайшимъ образомъ отъ доброй воли и усердія самого православнаго народа.

Приисканіе достаточнаго количества новыхъ источниковъ дохода на обезпеченіе быта духовенства, конечно, составляетъ весьма трудную и сложную задачу. И хотя, со времени возбужденія вопроса о матеріальномъ положеніи служителей церкви, не мало говорено было объ этомъ предметѣ въ нашихъ духовныхъ и политическихъ журналахъ, и нѣкоторыя статьи весьма основательно выяснили различные недостатки

и неудобства нынѣ существующихъ способовъ содержанія нашего духовенства, однако нигдѣ не было указано правильныхъ, практическихъ и общихъ мѣръ къ успѣшному разрѣшенію вопроса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательно, что при обсужденіи средствъ къ обезпеченію быта духовенства, можно сказать, постоянно было упускаемо изъ вида то основное условіе, что въ разрѣшеніи церковныхъ вопросовъ не дозволяется произвольное распоряженіе; но требуется, чтобы принимаемая мѣры были согласны съ правилами и преданіями церкви, которыя установлены столь мудро и въ такой неразрывной между собою стройности, что съ уклоненіемъ отъ нихъ теряется самая возможность устроить что-нибудь основательнымъ и прочнымъ образомъ. Это упущеніе въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе удивительно, что въ изданномъ Высочайшемъ повелѣніи, относящемся изысканія способовъ къ обезпеченію быта духовенства, отстраняется всякое произвольное дѣйствіе по этому предмету и предписывается именно, чтобы *„при развитіи вышеуказанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій святой церкви, дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ святыхъ отецъ“*.

Попытаемся обсудить разбираемый нами вопросъ съ канонической точки зрѣнія, и посмотримъ, не откроется ли этимъ путемъ возможность къ удовлетворительному его разрѣшенію? Для ясности и послѣдовательности такого рода обзорѣнія, слѣдуетъ сперва изложить церковныя правила относительно способовъ содержанія клира; даѣе, разобрать средства существованія, которыми пользуются въ настоящее время наши служители церкви; а въ заключеніе сообразить мѣры къ установленію ихъ матеріальнаго быта на прочномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ каноническомъ основаніи.

I. О каноническомъ содержаніи церковнаго клира.

Св. апостоль Павелъ сказалъ, что священнослужители должны жить отъ алтаря: *„Развѣ вы не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища, что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдающимъ Евангеліе жить отъ благоговѣванія“* (1 Кор., IX, 13 и 14). Въ другомъ мѣстѣ онъ гово-

рить: „наставляемый словомъ *дѣлись всякими добромъ съ настаивающими*“ (Гал., VI, 6). По примѣру апостоловъ, священнослужители могутъ еще приобретать себѣ средства жизни различными руководѣніями, въ свободное время отъ исполненія своихъ церковныхъ обязанностей. Алтарь и трудолюбіе составляютъ два единственные источника ихъ существованія.

Содержаніе отъ алтара можетъ состоять изъ денежныхъ приношеній, изъ доходовъ и произведеній, получаемыхъ съ церковныхъ имуществъ, изъ различнаго рода пособій *всякими добромъ*, которымъ, по ученію апостола, прихожане обязаны дѣлиться съ своими пастырями. Четвертое апостольское правило подтверждаетъ и предписываетъ это положеніе: „Всякаго плода начатки да посылаются въ домъ епископа и пресвитерамъ. Разумѣется, что епископы и пресвитеры раздѣляютъ съ діаконами и прочими клириками.“

Но при этомъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что означенныя приношенія предназначались на удовлетвореніе существенныхъ нуждъ служителей церкви, а не на обогащеніе ихъ. Тотъ же Св. Павелъ называетъ чуждыми истины тѣхъ, „которые думаютъ, будто бы благочестіе служитъ для прибытка. Имъ пропитаніе и одежду, присовокупляетъ онъ, *будемъ довольны тѣмъ*“ (1 Тим., VI, 5 и 8).

Это послѣднее условіе перешло въ церковное законоположеніе. Со времени апостольскихъ вѣрующіе приносили въ даръ церкви деньги и разные предметы, изъ которыхъ потребная часть удѣлялась на содержаніе служителей церкви и на бѣдныхъ „*смотря по нуждѣ каждаго*“ (Дѣян., II, 46). Вотъ что сказано въ 41-мъ апостольскомъ правилѣ объ употребленіи церковнаго имущества: „Подобаеть епископу имѣти власть надъ церковнымъ имѣніемъ. Аще бо драгоценныя челоувѣческія души ему вѣрены быть должны, то колыми паче о деньгахъ заповѣдать должно, чтобъ онъ всѣмъ распоряжалъ по своей власти и требующимъ чрезъ пресвитеровъ и діаконовъ подавалъ со страхомъ Божиимъ и со всякимъ благоговѣніемъ; также (*аще нужно*) и самъ заимствовалъ на необходимыя нужды свои и страннопримныхъ братій, да не терпятъ недостатка ни въ какомъ отношеніи. Ибо законъ Божій поставилъ, да служащіе алтарю, отъ алтара питаются.“ Подтверждая это апостольское правило, отцы Антиохійскаго собора именно напоминаютъ, чтобы служители алтара „ни въ

честъ не терпѣли лишенія, по слову божественнаго апостола: *имѣюще пищу и одежіа, силы довольни будемъ*“ (пр. 25).

О дозволеніи клирикамъ приобретать средства жизни трудами рукъ своихъ, упомянуто въ постановленіяхъ VII Вселевскаго собора (пр. 15). Они получали также содержаніе изъ церковнаго имущества за служеніе при благотворительныхъ заведеніяхъ (IV Всел., пр. 10).

Изъ древнихъ церковныхъ памятниковъ видно, что бѣдные клирики пользовались полнымъ содержаніемъ изъ имущества церкви и помѣщались въ церковныхъ домахъ; но считалось предосудительнымъ чтобы тотъ изъ нихъ, кто имѣлъ достаточную личную собствениость, пользовался отъ церковнаго достоянія. Св. Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуетъ, что въ бѣдныхъ епископіяхъ избирали иногда въ епископы людей богатыхъ, чтобы не употреблять на ихъ содержаніе церковные доходы. На возведеніе храмовъ, ихъ поддержку и на содержаніе клира благочестивые жертвователи отводили имъ въ собственность земли или назначали опредѣленные доходы.

При разсмотрѣніи всѣхъ приведенныхъ правилъ должно обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что съ перваго же времени учрежденія церкви, главное и основное средство къ удовлетворенію многообразныхъ ея нуждъ заключалось въ церковномъ имуществѣ, *принадлежавшемъ всей епископіи* и которымъ распоряжался епископъ. Онъ раздавалъ изъ него пособіе не всѣмъ клирикамъ, а только нуждающимся между ними, и не въ опредѣленномъ размѣрѣ, не всегда въ одинаковомъ количествѣ, а различно, по мѣрѣ дѣйствительной нужды каждаго, на точномъ основаніи апостольскаго изреченія: *еще потребно*. Поменія на церковь въ началѣ ея существованія не позволяли ей владѣть безопасно недвижимыми имѣніями, и приносимыя ей въ даръ имущества обращались въ деньги, какъ это видно даже изъ книги *Дѣяній Апостольскихъ*. Съ конца II вѣка Церковь владѣла уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недвижимостями, и число ихъ стало быстро умножаться въ IV вѣкѣ, съ царствованія перваго императора, принявшаго христіанскую вѣру, — Св. Константина.

Здѣсь нужно замѣтить, что хотя распоряженіе церковнымъ имуществомъ было предоставлено епископу, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы онъ имѣлъ право распоряжаться имъ полною властью и безотчетно. Напротивъ того,

на основаніи древняго обычая, соборъ Антиохійскій (въ 341 г.) подтвердилъ, что хотя распоряженіе церковнымъ достояніемъ принадлежитъ епископу, но „да будетъ явно принадлежащее церкви и открыто окружающимъ его пресвитерамъ и діаконамъ, такъ чтобъ они знали и не оставались въ невѣдѣніи о томъ что собственно принадлежитъ церкви, и ничто отъ нихъ не было сокрыто“ (пр. 24). А въ послѣдующемъ 25-мъ правилѣ, предоставляется принести жалобы въ епархіальные соборы на епископовъ и окружающихъ ихъ помощниковъ за неправоуое употребленіе церковнаго достоянія. Четвертый Вселенскій соборъ подтверждаетъ въ обязанность епископамъ имѣть законома для распоряженія церковнымъ имуществомъ подъ главнымъ завѣдываніемъ своего епископа, „дабы домостроительство церковное не безъ свидѣтелей было, дабы отъ сего не рсточалось ея имущество, и дабы не падало нареканія на священство“ (пр. 26). Сверхъ того, съ первобытныхъ временъ христіанства, состояли всегда при епископѣ почетные и благочестивые міряне, исправлявшіе разныя церковныя должности и которые, вмѣстѣ съ пресвитерами и діаконами, составляли при каждомъ епископѣ совѣтъ, для содѣйствія ему въ управленіи всѣми дѣлами епископіи. Эти міряне именовались первоначально *старузами*, а въ послѣдствіи они называются въ соборныхъ правилахъ *каноническими саюовниками церкви*, сопричисленными къ клиру. Они избирались обществомъ, но утверждались по благоусмотрѣнію и архиепископскою властію епископа, который ставилъ ихъ на эти должности съ молитвою и благословеніемъ во храмѣ. Участіе этихъ помощниковъ и свидѣтелей въ управленіи церковными дѣлами, доставляло гласность во всемъ распоряженіямъ, располагало епископа къ правильному веденію дѣлъ, а съ другой стороны служило ему защитою отъ несправедливыхъ подозрѣній или неправоуменныхъ обвиненій въ злоупотребленіяхъ. Существованіе этихъ каноническихъ саюовниковъ изъ мірянъ, при епископскихъ управленіяхъ, сохранилось до сего времени у православныхъ народовъ на Востокѣ.

Изъ твореній древнихъ отцовъ видно еще, что въ IV вѣкѣ обычай приносить начатки плодовъ саужителямъ алтара, превратился во многихъ церквахъ въ сборъ *десятины*, или десятой части съ новаго хлѣба, въ пользу церкви на содержаніе ея клира и бѣдныхъ. Но приношеніе десятинъ не было

вынужденное, а дѣлалось добровольно, но убѣжденію пастырей и соглашенію между собою прихожанъ, какъ это обнаруживается изъ нѣкоторыхъ поученій Св. Златоуста, блаженнаго Иеронима и другихъ учителей церкви.

Священнослужители получали также добротными отношеніями прихожанъ за исправленіе для нихъ различныхъ христіанскихъ требъ; но въ послѣдствіи, нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились требовать воздаянія даже за преподаваніе святыхъ таинствъ. Свидѣтельства объ этомъ злоупотребленіи встрѣчаются у святыхъ отцовъ IV вѣка, которые осуждали и воспрещали такія вымогательства. Наконецъ VI Вселенскій соборъ строго запретилъ требованіе благодарности за преподаваніе святаго причастія: „Никто изъ епископовъ, или пресвитеровъ, или діаконъ, преподавая пречистое причастіе, да не требуетъ отъ причащающагося за таковое причащеніе денегъ, или чего подобнаго. Ибо *благодать не продаваема; и мы не за деньги преподаемъ освященіе Духа*, но не ухищренно должно преподавать оное достойнымъ сего дара. Аще же кто изъ клира усмотрѣвъ будетъ требующимъ какого-либо воздаянія отъ того кому преподаетъ пречистое причастіе, да будетъ изверженъ, яко ревнитель Симонова заблужденія и коварства“ (пр. 33). Очевидно, что это запрещеніе должно быть относимо не къ одному только таинству святаго причащенія, но и ко всѣмъ другимъ святымъ таинствамъ, потому что всѣ они преподаютъ одинаково *непродаваемую благодать Св. Духа*, и Симонъ Волхвъ, на преступный примѣръ котораго здѣсь указали отцы собора, хотѣвъ получить за деньги не святое причащеніе, а благодать сообщаемую черезъ возложеніе рукъ. Божественный нашъ Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ о всѣхъ вообще дарахъ благодати Божіей, сообщаемыхъ при совершеніи святыхъ таинствъ: „даромъ получили, даромъ и давайте“ (Матѣ. X, 8).

О средствахъ содержанія клириковъ, извѣстно еще, что Константинъ Великій началъ выдавать денежныя пособія на этотъ вредметъ; но это не было постоянное, опредѣленное и общее для всѣхъ клириковъ содержаніе, отпускаемое изъ государственной казны. Благочестивый императоръ дѣлалъ усердныя привошенія изъ своихъ собственныхъ доходовъ и вручалъ ихъ въ распоряженіе епископовъ, которые раздавали изъ нихъ пособія по своему усмотрѣнію и по вышеприведенному апостоальскому постановленію „*аще потребно*“.

Накопецъ, изъ Номоканона константинопольскаго патріарха Фотія (въ IX вѣкѣ) и Золотой Буллы императора Исаака Комнина (въ XI вѣкѣ) видно, что въ православныхъ церквахъ на Востокѣ установился съ давняго времени обычай умѣренного сбора деньгами и хлѣбомъ на содержаніе приходскихъ клириковъ. Сборъ этотъ производится съ каждаго дома и семейства, принадлежащаго къ приходу, и распределялся самими прихожанами по количеству земли или по числу дымовъ (домовъ). Святѣйшій патріархъ называетъ этотъ сборъ *каноническимъ*. На Востокѣ до сего времени производится этотъ умѣренный сборъ между прихожанами на содержаніе ихъ клириковъ, независимо отъ добротныхъ подаваній за совершеніе требъ.

Такимъ образомъ приведенные нами каноны и преданія показываютъ, что содержаніе церковнаго клира должно обезпечиваться законными и дозвольтельными средствами слѣдующаго рода:

- а) Церковные дома для помѣщенія клириковъ.
 - б) Земли и другаго рода угодья, приписанныя къ приходскому храму.
 - в) Определенный сборъ съ прихожанъ, деньгами и различными предметами, въ количествѣ установленномъ и распределенномъ между собою самими прихожанами.
 - г) Добротныя приношенія прихожанъ за совершеніе христіанскихъ требъ, но отнюдь не за преподаніе святыхъ таинствъ.
 - д) Руководѣемый трудъ самихъ клириковъ, въ свободное время отъ ихъ церковныхъ обязанностей.
 - е) Полное содержаніе или пособіе изъ церковныхъ имуществъ за исполненіе должностей при разныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и училищахъ, при епископскихъ управленіяхъ, духовныхъ миссіяхъ и т. п.
 - ж) Накопецъ, пособіе, раздаваемое епископомъ изъ церковнаго имущества, принадлежащаго епископіи, тѣмъ изъ приходскихъ клириковъ, которые не получаютъ отъ своего прихода достаточныхъ средствъ существованія.
- Уяснивъ себѣ, изъ какихъ источниковъ и на какихъ условіяхъ дозволяется церковному клиру пріобрѣтать средства своего существованія, обратимся теперь къ разсмотрѣнію способовъ содержанія русскаго духовенства.

II. О способахъ содержанія клира въ русской церкви.

Положеніе приходскаго клира на Руси было искони мало обезпечено и весьма бѣдно. Это произошло по слѣдующимъ причинамъ: съ самаго введенія христіанства въ русское народѣ, все духовное образованіе сосредоточилось исключительно образомъ въ монастыряхъ, а на образованіе приходскихъ священнослужителей не было обращено должнаго вниманія. Все вліяніе въ Церкви находилось въ рукахъ монаховъ; приходское духовенство не имѣло въ этомъ отношеніи никакого значенія. Лица высшихъ сословій, желавшіе принести покаяніе передъ Богомъ въ своихъ грѣхахъ, удалялись въ монашеское житіе, которое не возлагаетъ никакихъ церковныхъ обязанностей въ отношеніи къ обществу; а для исполненія трудной должности приходскаго священнослуженія избирались люди изъ простаго народа. Въслѣдствіе всего этого, богатыя пожертвованія и приношенія народнаго благочестія обращались преимущественно на монастыри, въ ущербъ обезпеченію существенныхъ и первыхъ потребностей Церкви, то-есть содержанію народныхъ пастырей. Сверхъ того, рѣдкіе между епископами раздавали пособіе своимъ клирикамъ изъ церковныхъ имуществъ, завѣщанныхъ въ распоряженіе епископа на общія нужды епархіальной церкви, и носившихъ странное названіе *имѣній*, принадлежащихъ архіерейскимъ домамъ. Напротивъ того, вопреки канонамъ и непонятно по какой причинѣ, вошло въ обычай, что еще сами епископы собирали въ свою пользу подати съ подвластныхъ имъ бѣдныхъ приходскихъ священнослужителей.

Источники существованія, которыми съ древнихъ временъ пользовались наши приходскіе клирики, были въ совершенномъ согласіи съ церковными канонами. Главный ихъ доходъ состоялъ изъ dobroхотныхъ приношеній прихожанъ за совершеніе требъ. Къ этому общему способу ихъ содержанія присоединялись еще другіе, мѣстные способы, а именно: *десятинный сборъ*, опредѣленный въ уставѣ святаго великаго князя Владиміра; *роковщина*, ежегодный сборъ со всѣхъ дворовъ прихода деньгами, хлѣбомъ и другими предметами; *пуга*,

денежное или хлѣбное пособіе отъ щедротъ государей; земля, предоставляемая въ пользованіе клириковъ. Нѣкоторые изъ приходскихъ храмовъ владѣли вотчинами, но ихъ число было весьма не велико; другіе были приписаны къ монастырямъ и получали отъ нихъ пособіе на свое содержаніе. Всѣ эти послѣдніе способы содержанія клириковъ не были повсемѣстными и существовали не всегда, такъ что общее положеніе священнослужителей было бѣдно и не обезпечено. Если они могли существовать при такихъ условіяхъ не ложась тяжкимъ бременемъ на народъ, то это единственно потому, что большею частію избирались самими прихожанами изъ мѣстныхъ жителей, принадлежавшихъ къ малымъ городскимъ собственникамъ, или поселянамъ, имѣвшимъ свое земледѣльческое домохозяйство, то-есть изъ такихъ людей, которые были обезпечены въ отношеніи первѣйшихъ потребностей жизни, а слѣдовательно могли довольствоваться умѣреннымъ пособіемъ отъ своихъ прихожанъ.

Эти условія избранія и быта приходскихъ клириковъ сохранялись еще у насъ въ эпоху замѣненія патриаршаго управленія синодальнымъ, какъ это обнаруживается изъ самыхъ правилъ составленнаго по сему случаю духовнаго регламента. Такъ, напримѣръ, избраніе священниковъ самими прихожанами изъ людей благочестивой жизни и притомъ собственниковъ, которые имѣли свое домохозяйство, и могли довольствоваться умѣреннымъ вознагражденіемъ за труды своего духовнаго служенія, доказывается двумя слѣдующими постановленіями: „Приходящій ставленникъ да имѣетъ въ доношеніи *известное отъ прихожанъ своихъ свидѣтельство*, что его знаютъ быть добраго человѣка, а именно не пьяницу, *въ доностроеніи своемъ не лживаго* и пр.“ (Прибава. пункт. 2). „Въ томъ же самомъ доношеніи да будетъ именно написана руга или земля священнику омаго прихода опредѣленная за руками (подписами) прихожанъ и за рукою ставленника, что онъ хочетъ быть доволенъ руга омыя, или земли“ (пункт. 3). Этыхъ избранныхъ людей отправляли въ архіерейскій домъ, гдѣ въ продолженіи необходимаго времени ихъ испытывали и обучали ученію вѣры и церковному богослуженію (пункт. 4 и 5).

Изъ духовнаго регламента обнаруживается также, что положеніе приходскаго клира было скудно и требовало улучшенія; что вслѣдствіе этой бѣдности священнослужители брали

воспрещенные имъ платежи за преподаваніе святыхъ таинствъ. Къ исправленію этихъ недостатковъ составлено было слѣдующее предположеніе: „Полезно есть сдѣлать (святѣйшему синоду) совѣтъ съ епископами, какъ много дворовъ къ одному приходу опредѣлать, съ которыхъ всякій бы давалъ такую-то именно подать священству и прочимъ причетникамъ церкви своей, дабы они совершенное во мѣрѣ своей имѣли довольство, и впродъ бы не домогались платежа за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе и прочая. Обаче сіе опредѣленіе не возбуждаетъ добродѣтели челоуѣкамъ подать священнику, сколько много кто по щедрости своей вокощеть“ (ч. 3, пункт. 13). Это предположеніе содержало въ себѣ превосходныя основанія къ обезпеченію быта и возвышенію нравственнаго положенія приходскихъ служителей церкви; неизвѣстно почему оно не было приведено въ исполненіе, и намъ остается только глубоко о томъ сожалѣть.

Такое было матеріальное положеніе нашего духовенства въ теченіи восьми вѣковъ, до начала нынѣшняго столѣтія; но въ эту эпоху оно рѣзко измѣнилось, вслѣдствіе возникшаго въ Русской церкви потомственнаго духовнаго сословія. Разсмотримъ теперь способы существованія нашего духовенства въ новѣйшій періодъ времени.

Оно живетъ различными сборами съ прихожанъ, доходами съ церковной земли, и денежнымъ жалованьемъ изъ казны. Эти три источника содержанія подлежатъ обсужденію.

Вопреки заповѣди божественнаго Главы церкви, вопреки примѣру святыхъ апостоловъ, вопреки приведенному опредѣленію VI Вселенскаго собора, вопреки неоднократнымъ напоминаніямъ со стороны русскихъ архипастырей, — наше духовенство беретъ деньги за преподаваніе святыхъ таинствъ, а за исполненіе другихъ требъ не всегда довольствуется полученіемъ добродѣтельныхъ подаяній отъ прихожанъ, но производитъ съ ними торги, причемъ главнѣйшій изъ сборовъ извлекается при совершеніи таинства брака. Слишкомъ грустно и тяжело было бы говорить о впечатлѣніи, которое производятъ на каждаго искренняго и просвѣщеннаго христіанина эти отступленія и сопровождающая ихъ обстановка. Ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что относительно этого источника своего дохода наше духовенство нарушаетъ уставы церкви.

Надѣтъ и пользованіе сельскаго каира церковною землей,

въ томъ видѣ, какъ это установилось у насъ, послужили поводомъ къ злоупотребленіямъ, поставили клириковъ въ умнительную зависимость отъ прихожанъ, и обратились въ ущербъ исполненію священниками ихъ пастырскихъ обязанностей. Еслибы наши сельскіе священники обрабатывали одну часть предоставленной въ ихъ пользованіе земли собственными руками, въ свободное время отъ исполненія ихъ пастырскихъ обязанностей, а остальное количество посредствомъ вольнонаемнаго труда или отдачею его въ аренду, то противъ такого рода пользованія землей ничего нельзя было бы сказать. Но, къ сожалѣнію, доходы съ церковной земли извлекаются ими совершенно другимъ образомъ. Въ рабочую пору наемъ работниковъ обходится слишкомъ дорого; потому сельское духовенство приглашаетъ обыкновенно поселямъ своего прихода на такъ-называемыя *ялочи* въ воскресные и праздничные дни, и не за денежную плату, а ради угощенія и попойки, въ которой принимаютъ участіе сами хозяева. Большею частію въ эти дни священники не совершаютъ божественной литургіи, чтобы раньше начать свою работу. Итакъ въ этомъ случаѣ, для удовлетворенія своихъ личныхъ нуждъ, самъ пастырь поставленъ въ печальную необходимость пренебрегать своими священнѣйшими обязанностями и вводить въ грѣхъ свою паству. Бываетъ также, что священникъ, занявшись самъ полевою работою, которую въ рабочее время часто нельзя бросить недоконченную, отказывается идти на совершеніе требъ, когда за нимъ приходятъ, а нужно помнить, что въ деревняхъ эти поспѣшныя приглашенія бывають только въ крайнихъ случаяхъ, для напутствованія умирающихъ и при опасныхъ родахъ.

Изъ всѣхъ руководяій трудъ земледѣльческій есть именно самый несовмѣстимый съ обязанностями священника, такъ какъ онъ требуетъ слишкомъ утомительной, продолжительной и часто неотрывочной работы. Земледѣлецъ есть рабъ своего занятія, а священникъ есть слуга своихъ святыхъ обязанностей; соединить эти двѣ противоположныя зависимости—невозможно. Каноны дозволяютъ священнослужителю заниматься руководяіемъ только въ свободное время отъ его обязанностей, а не въ ущербъ имъ. Утомительный и грубый физическій трудъ убиваетъ силы и дѣятельность духа, и полевой работникъ поглощаетъ духовнаго пастыря. Чтò нужно человѣку послѣ десятичасовой полевой работы? Рюмка водки,

кусокъ сытной пищи и соизъ! Кромѣ того, необходимость прибѣгать къ бесплатному пособію крестьянъ для обработки земли ставить священника въ тяжелую зависимость отъ его прихожанъ и вредить его вліянію на нихъ; съ другой стороны, постоянное занятіе довольно обширнымъ для бѣднаго чело-вѣка земледѣльческимъ хозяйствомъ обращаетъ священника въ агронома, ни о чемъ больше не думающаго, какъ объ умноженіи дохода съ своихъ полей и о приисканіи прибыльнѣйшаго способа ихъ обработки. Вообще можно сказать, что установленное количество 33 десятинъ земли, приписанной къ сельскимъ церквамъ, слишкомъ велико или слишкомъ мало: оно слишкомъ велико, чтобы быть обработано руками самихъ клириковъ, а слишкомъ мало, чтобы принести имъ достаточную выгоду посредствомъ отдачи въ аренду, или обработки вольнонаемнымъ трудомъ.

Что должно сказать о содержаніи нашего клира жалованьемъ изъ государственнаго казначейства, объ этомъ недавнемъ нововведеніи въ православной церкви? Оно не согласнo съ ученіемъ Св. апостола Павла и противно духу, правиламъ и преданіямъ Вселенской церкви. Служеніе алтарю не есть ни ремесло, исполняемое по найму, ни служба государственная, за которую дается жалованье отъ государя. Служеніе алтарю есть дѣло святое, совершаемое для спасенія души, для блага ближняго, для пользы церкви. Это—жертва Богу, а не выгода; это—безкорыстная обязанность любви, а не доходная должность; это—добровольный трудъ достойнѣйшаго члена прихода, довольствующагося *иждь пропитаніе и одеждоу*, и возведеннаго на свою должность уваженіемъ къ нему всѣхъ его прихожанъ, а не служба за плату. Между выдачею опредѣленнаго жалованья священнику, независимо отъ того, хорошо ли, худо ли онъ будетъ исполнять свою обязанность, и добротнымъ приношеніемъ прихожанъ своему пастырю въ благодарность за его достойные труды и попеченіе о паствѣ,—нѣтъ никакого сходства.

Служитель церкви есть чело-вѣкъ народный, а не чиновникъ правительства; онъ избирается народомъ, онъ служить народу, а не правительству; онъ долженъ получать вознагражденіе за свое усердіе отъ усердія народа, а не изъ казны. По ученію апостола, Господь повелѣлъ служащимъ алтарю получать пособіе на ихъ потребности жизни отъ

спруцилихъ и притомъ удѣляемыхъ или добродѣтельно; а не жалованье въ опредѣленномъ количествѣ.

Производство духовенству жалованья изъ казны представляетъ еще неудобства другаго рода. Оно ослабляетъ связь и взаимное доброе расположеніе между клиромъ и народомъ, тогда какъ эта связь и это довѣріе должны быть постоянно поддерживаемы и скрѣплены усердіемъ перваго и благодарностью послѣдняго. Далѣе, если жалованье недостаточно, то его назначеніе вредитъ клиру, такъ какъ прихожане перестаютъ заботиться о нуждахъ служителей церкви, находящихся на казенномъ содержаніи; если же оно обезпечиваетъ вполнѣ всѣ нужды клириковъ, то вредитъ прихожанамъ, ибо, при такомъ условіи, въ пастыряхъ легко можетъ охладиться усердіе къ прихожанамъ, въ пособіи которыхъ они не имѣютъ болѣе нужды.

Заключимъ эти разсужденія о производствѣ жалованья духовенству важнымъ свидѣтельствомъ. Вопросъ о назначеніи жалованья православному духовенству въ Турецкой имперіи былъ возбужденъ Портою въ гатти-гумаюнѣ 1856 года, и это было сдѣлано не въ видахъ пользы православнаго вѣроисповѣданія, а съ цѣлю разрушить его силу на Востокъ, чтобъ ослабить тамъ вліяніе Россіи. Въ засѣданіи, 13-го марта 1859 года, церковно-народнаго собранія, учрежденнаго при константинопольскомъ патріархатѣ, святѣйшій патріархъ Кириллъ объявилъ торжественно, отъ лица всѣхъ своихъ епископовъ, что они считаютъ назначеніе жалованья клиру *жърою противною каноническому праву, правиламъ святыхъ апостоловъ, преданіямъ и вѣковымъ привилегіямъ церкви, и самою унижительною для духовенства.*

Необходимо объяснить, какимъ образомъ вселось у насъ производство казеннаго жалованья духовенству. Для прекращенія неправильнаго употребленія огромныхъ доходовъ, получавшихся съ церковныхъ имуществъ, въ особенности монастырскихъ, управленіе ими было передано, въ 1701 году, въ руки свѣтскихъ членовъ монастырскаго приказа, съ назначеніемъ выдачи опредѣльнаго содержанія епископамъ и монашествующимъ. Въ послѣдствіи начали также производить содержаніе изъ этихъ доходовъ нѣкоторымъ священникамъ. Очевидно, что эти выдачи изъ доходовъ съ имѣній, принадлежавшихъ церкви, не составляли казеннаго жалованья; но когда церковныя имущества были переданы въ казну, съ 1764 года, то

съ тѣхъ поръ суммы на содержаніе архіереевъ и монашескую часть стали отпускаться изъ общей государственной казны; а съ 1829 года, приходское духовенство начало мало по малу получать свое содержаніе также изъ казны.

Итакъ оказывается, что при обсужденіи съ канонической точки зрѣнія вышнихъ способовъ содержанія нашего духовенства, всѣ три источника оного выходятъ неправильными. Посему сборы за преподаваніе святыхъ таинствъ и торги за совершеніе требъ должны быть окончательно и безвозвратно прекращены; пользованіе церковною землею, въ томъ видѣ, какъ оно теперь производится, должно быть измѣнено; выдача казеннаго жалованья также должна быть отмѣнена.

Чѣмъ же, спросятъ, будетъ содержаться клиръ? Онъ долженъ содержаться тѣми средствами, которыя указаны канонами и преданіями церкви, которыя не унижаютъ въ глазахъ православныхъ христіанъ ни вѣры, ни духовенства, которыя не отягощаютъ прихожанъ разными произвольными вымогательствами и нисколько не обременяютъ государственную казну. Средства эти просты:

1) Помѣщеніе въ церковномъ домѣ и небольшое количество земли подъ садъ и огородъ, которое клирики будутъ въ состояніи воздѣлывать собственными руками, не жертвуя для сего исполненіемъ своихъ духовныхъ обязанностей.

2) Церковная земля, въ количествѣ увеличенномъ противъ существующаго 33-хъ-десятинаго размѣра; эта земля должна отдаваться либо въ пользованіе приходской общины, съ платою за это клирикамъ хлѣбомъ, либо кому-нибудь въ аренду.

3) Ежегодный сборъ деньгами и хлѣбомъ съ каждаго семейства, принадлежащаго къ приходу, въ размѣрѣ, положенномъ самими прихожанами.

4) Добродетельныя приношенія за исправленіе требъ.

5) Сборъ съ прихожанъ за обученіе ихъ дѣтей въ приходской школѣ.

6) Посobie нуждающимся клирикамъ отъ епископа изъ доходовъ съ церковныхъ имуществъ, принадлежащихъ епархіи. Изъ этого послѣдняго источника производится также содержаніе всѣмъ клирикамъ, не служащимъ при приходскихъ храмахъ.

Указать и перечислить эти каноническіе способы содержанія клириковъ, было не трудно; но для примѣненія ихъ къ дѣлу нужно предварительно сообразить, какъ можетъ быть

велика сумма, необходимая ежегодно на обезпеченіе быта всего нашего духовенства, и обсудить далѣе, какую общую сумму доходовъ можно бы извлекать изъ указанныхъ источниковъ, при существующихъ нынѣ условіяхъ.

Примѣрное исчисленіе общей цифры ежегоднаго дохода, необходимаго на содержаніе клира, можетъ быть сдѣлано довольно вѣрно. Нужно положить въ общей средней сложности на каждаго клирика содержаніе не слишкомъ великое, но и не малое, а добросовѣстное. Примемъ основаніями разчета слѣдующія данныя: 1) Во всѣхъ приходкахъ должны существовать церковныя дома для помѣщенія священниковъ и діаконровъ; гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ нужно ихъ выстроить: казны, помѣщикамъ и купечеству ничего не составляетъ пожертвовать лѣсъ и матеріалы на постройку этихъ скромныхъ жилищъ; а если каждый изъ приходскихъ поселянъ подвезетъ по одному бревну, или возу кирпичей, и посвятитъ два дня работы на постройку, то дѣло будетъ быстро окончено. 2) Семейство священника и діакона состоитъ въ средней сложности изъ четырехъ лицъ: родителей и двоихъ дѣтей. 3) Чтецы и пѣвцы должны преимущественно избираться изъ мѣстныхъ приходскихъ жителей, преимущественно молодые и неженатые, которые могли бы имѣть помѣщеніе у родителей или родственниковъ; семейные же должны имѣть свое собственное домохозяйство. 4) Главная масса клириковъ живетъ въ селеніяхъ и малыхъ городахъ, гдѣ жизнь не слишкомъ дорога.

На этихъ основаніяхъ можно положить, что на обезпеченіе всѣхъ потребностей жизни семейства священника или діакона, нужно въ средней сложности, считая въ томъ числѣ доходъ съ церковной земли и сборъ за совершеніе требъ, 500 р. въ годъ; а чтецу 150 р. По общему числу положенныхъ у насъ по штату священниковъ 37.473, діаконровъ 12.528 и церковнослужителей 66.631, общая сумма ихъ годоваго содержанія опредѣляется, безъ нѣсколькихъ тысячъ, въ 35 миліоновъ рублей.

Сообразимъ теперь, могутъ ли прихожане удѣлать ежегодно 35 миліоновъ рублей на содержаніе своего духовенства? Такъ какъ $\frac{9}{10}$ всего населенія государства принадлежитъ къ простому народу, то для вѣрности нашихъ соображеній мы должны въ этомъ случаѣ принять все населеніе государства за простой народъ; излишекъ средствъ находящійся въ рукахъ зажиточныхъ сословій, поступитъ на удовлетвореніе нуждъ город-

скаго духовенства, требующаго болѣе значительныхъ средствъ существованія. Православное населеніе всей земли русской простирается до 52 милліоновъ душъ *; такъ какъ женщины не считаются производительною силою, то остается 26 милліоновъ мужскихъ душъ, изъ числа которыхъ болѣе половины состоитъ изъ дѣтей и стариковъ не могущихъ принимать участіе въ платежѣ какихъ-либо общественныхъ сборовъ. Полагая, что въ усердныхъ приношеніяхъ на потребности церкви должны участвовать не одни только отцы семействъ, но и всѣ молодые люди, могущіе что-нибудь зарабатывать своимъ трудомъ, наберется не болѣе 12 милліоновъ людей, и на долю каждаго изъ нихъ пришлось бы вносить ежегодно 2 р. 93 к. для составленія требуемыхъ 35 милліоновъ рублей. Положимъ еще, что приписанныя къ сельскимъ церквамъ земли приносятъ около 3 милліоновъ рублей дохода; за вычетомъ этой суммы останется платить на долю каждаго 2 р. 70 к.

Спрашивается, въ состояніи ли наши крестьяне и мелкіе мѣщане дѣлать ежегодно такую плату на содержаніе своихъ приходскихъ клировъ? Очевидно, что нѣтъ. Нашъ православный народъ дѣлаетъ деньгами и хлѣбомъ не малое приношеніе духовенству, и *болѣе того, что онъ теперь даетъ, давать рѣшительно не можетъ*. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить въ точности цифру этихъ приношеній, но различныя мѣстные свѣдѣнія даютъ поводъ предполагать, что она простирается въ общей сложности по всему государству до 15 милліоновъ рублей. Этимъ не ограничивается усердіе народа къ церкви. Онъ дѣлаетъ значительныя подаянія на храмы Божіи, на свѣчи, въ кошелевый сборъ, въ кружки на бѣдныхъ, на монастыри.

Вотъ слѣдовательно положеніе разсматриваемаго дѣла: на содержаніе духовенства нужно 35 милліоновъ рублей; съ церковныхъ земель получается 3 милліона и отъ народнаго приношенія 15 милліоновъ, за тѣмъ необходимо имѣть еще 17 милліоновъ рублей ежегоднаго дохода.

* Хотя въ томъ числѣ считаются и раскольники, но въ этомъ случаѣ ихъ нельзя исключать изъ общаго соображенія, такъ какъ они участвуютъ въ содержаніи православныхъ церквей, находящихся въ ихъ селеніяхъ; если же пришлось бы ихъ исключить, то съ тѣмъ вмѣстѣ лужно бы пропорціонально сократить самое число церквей и причтовъ, а въ такомъ случаѣ основанія расчета не измѣнятся.

На основаніи церковныхъ каноновъ, эти 17 милліоновъ рублей на содержаніе клириковъ должны бы выдаваться епископами изъ церковныхъ имуществъ, *принадлежащихъ епархіямъ*. Здѣсь-то встрѣчается главное и единственное затрудненіе къ успѣшному разрѣшенію всего дѣла, потому что со времени отобранія церковныхъ имѣній въ государственное имущество, наши епархіи не имѣютъ болѣе въ своемъ владѣніи никакой церковной собственности. Слѣдовательно разрѣшеніе вопроса приводится къ такому заключенію: доставить во владѣніе епархій такое количество церковныхъ имуществъ, которое приносило бы имъ 17 милліоновъ рублей дохода.

Откуда взять эти имущества? Положительно, что народъ не можетъ удѣлить на церковь ничего болѣе сверхъ того, что онъ теперь даетъ; вынуждать же его къ увеличенію этого пожертвованія было бы противно духу православія, и такая мѣра возбудила бы въ немъ справедливое чувство негодованія.

Не сдѣлать ли воззваніе ко всему православному населенію русской земли о совершеніи чрезвычайнаго приношенія на церковь! Но такая мѣра не достигнетъ [предположенной] цѣли, потому что столь огромная масса частныхъ приношеній, которая приносила бы 17 милліоновъ рублей дохода, не можетъ быть пожертвована вдругъ, ни даже въ скоромъ времени, но можетъ накопляться только вѣками. Такая масса имуществъ существовала, даже въ гораздо большемъ размѣрѣ, но это былъ плодъ восьмивѣковыхъ пожертвованій на церковь, которыхъ она была лишена, въ 1764 году, при передачѣ церковныхъ имуществъ въ государственное владѣніе.

Такъ что же дѣлать? Раздумывать нечего: если народъ не имѣетъ возможности обезпечить нужды церкви изъ своего *частнаго* имущества, то исполненіе этого долга падаетъ на государство, то-есть на *общее* достояніе всего народа.

Само правительство давно сознало эту обязанность и положило начало ея исполненію назначеніемъ, съ 1829 года, выдачи приходскимъ клирамъ денежнаго жалованья изъ суммъ государственнаго казначейства. Въ настоящее время уже половина церковныхъ причтовъ, а именно 16.826 причтовъ, получаютъ 3.516.741 рубль казеннаго жалованья. Предполагается назначить постепенно выдачу жалованья остальнымъ причтамъ, что возвыситъ эту сумму до 7.000.000 рублей. Притомъ въ *нѣкоторыхъ мѣстностяхъ*, гдѣ православное населеніе бѣдно, имѣется въ виду увеличить самую цифру жалованья, и на

одно духовенство въ западныхъ епархіяхъ вычислена сумма въ 3.200.000 рублей. Изъ этого легко усматривается, что съ приведеніемъ въ исполненіе этихъ благихъ и правосудныхъ намѣреній правительства, сумма жалованья, отпускаемаго изъ казны приходскому духовенству, возрастетъ до 10 милліоновъ рублей. Цифра огромная! Отпускать такую сумму деньгами изъ государственнаго дохода было бы чрезвычайно затруднительно, тѣмъ болѣе что изъ государственнаго казначейства отпускается сверхъ того на церковныя потребности 1.700.000 рублей, а именно на жалованье епископамъ, штатному монашеству и чиновникамъ, служащимъ въ духовномъ вѣдомствѣ; кромѣ этого собирается съ государственныхъ крестьянъ болѣе 300.000 рублей, такъ-называемыхъ [служительскихъ окладовъ, на наемъ прислуги при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ. Очевидно, что правительство желаетъ обезпечить нужды церкви, но сознаетъ, что достиженіе этой цѣли останется невозможнымъ, если оно будетъ основано на отпускѣ денегъ изъ казны; эта мысль правительства явно обнаруживается учрежденіемъ вынѣшнихъ губерскихъ присутствій, въ трудахъ которыхъ приглашены принять участіе начальники всѣхъ управленій, имѣющіе въ вѣдѣніи своею имуществу, принадлежащія государству, съ тою именно цѣлю, чтобы приискать *льстныя средства*, которыя возможно было бы обратить на увеличеніе содержанія духовенства. Правильнѣе и лучше этой мѣры нельзя было ничего придумать, такъ какъ она составляетъ единственный путь къ достиженію предположенной цѣли. Вопросъ заключается теперь только въ томъ, будетъ ли правительство имѣть возможность предоставить церкви всѣ необходимыя ей 17 милліоновъ рублей дохода, или только часть ихъ! Съ какой бы стороны ни смотрѣть на этотъ вопросъ, всячески выходить, что государству слѣдуетъ удѣлать церкви *столна* весь нужный ей доходъ. Чувство любви и преданности къ церкви говоритъ намъ: неужели между всѣми христіанскими народами, одинъ православный и благочестивый русскій народъ не въ состояніи прилично содержать свою Св. Матерь церковь? Съ политической точки зрѣнія мы приходимъ къ такому же заключенію. Не нужно далеко искать живаго доказательства тѣхъ незамѣнимыхъ духовныхъ, нравственныхъ и гражданскихъ услугъ, которыя вѣра и духовенство призваны оказывать народу:

стоитъ только бросить взоръ на событія, происходящія въ эту самую минуту въ западныхъ предѣлахъ нашей земли.

Итакъ избѣгнуть необходимости отдѣлать церкви *сполна* 17 милліоновъ рублей дохода изъ государственнаго имущества,—рѣшительно невозможно: оставить духовенство безъ достаточныхъ средствъ содержанія — нельзя; а извѣчь эти средства изъ другихъ источниковъ — также нельзя. Всякій новый денежный сборъ легъ бы новымъ налогомъ на народъ, который безъ того довольно жертвуетъ на церковь и несетъ много разныхъ податей и повинностей. Есаубы при передачѣ церковныхъ имуществъ въ государственное владѣніе, ограничились отобраніемъ недвижимой собственности у однихъ монастырей (что было совершенно необходимо и правильно, не только въ государственномъ отношеніи, но даже въ нравственномъ и каноническомъ: монастырскія имѣнія составляли болѣе двухъ третей всей массы церковныхъ владѣній) и не распространяли этой мѣры на имѣнія, принадлежащія архіерейскимъ домамъ, соборамъ и церквамъ; еслибы часть монастырскихъ имуществъ была присоединена къ этимъ послѣднимъ имѣніямъ на обезпеченіе содержанія приходскихъ храмовъ и ихъ каировъ, съ устанавленіемъ строгаго надзора за ихъ управленіемъ, то народу не пришлось бы удѣлять на будущее время *ни копѣйки* изъ своей частной собственности на этотъ предметъ: благочестивыя приношенія его предковъ обезпечили бы вполнѣ и навсегда эти нужды церкви. И теперь не пришлось бы думать о составленіи епархіальныхъ церковныхъ имуществъ: они находились бы на лицо, въ достаточномъ количествѣ.

17 милліоновъ рублей дохода—много денегъ! Но кажется, что въ настоящемъ случаѣ возможно будетъ ихъ набрать, не причиняя никакого разстройства въ государственномъ финансовомъ бюджетѣ. Это предположеніе основано на томъ счастливомъ обстоятельствѣ, что выгода государства, польза церкви и удовлетвореніе каноническимъ правиламъ сходятся всѣ вмѣстѣ на одномъ и томъ же способѣ исполненія этого дѣла: всѣ они единогласно требуютъ, чтобы эти доходы заключались не въ денежной выдачѣ изъ казны, но получались бы съ недвижимыхъ имѣній, отданныхъ во владѣніе церкви.

Уступка въ собственность церкви части государственныхъ земель и лѣсовъ, которые не привосятъ въ на-

стоящее время никакого дохода государству не причинить ни малѣйшаго измѣненія въ финансовомъ бюджетѣ. Церковь найдетъ средство извлекать изъ нихъ доходы точно также, какъ теперь получаютъ отъ нихъ пользу частныя владѣльцы, которымъ жалуются землѣ. У государства есть также множество разнородныхъ недвижныхъ оброчныхъ статей, которыя приносятъ ему чрезвычайно малый доходъ. Люди свѣдающіе по этому предмету разчитываютъ, что этотъ доходъ не составляетъ болѣе двухъ процентовъ съ цѣнности имѣній; государствомъ могло бы передать ихъ церкви, считая доходъ съ нихъ *одное* противъ того что теперь съ нихъ получается; церковь и при этомъ условіи останется въ выгодѣ, а для государства, при такомъ способѣ расчета, сумма 17 милліоновъ рублей отдѣляемыхъ доходовъ, можетъ сократиться въ значительномъ размѣрѣ. Этотъ образъ дѣйствій доставитъ въ особенности большое удобство въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ доходы съ значительнаго количества имѣній конфискованныхъ, старостинскихъ и другихъ наименованій, покроютъ вѣроятно всю сумму 3.200.000 рублей, вычисленную на содержаніе тамошняго духовенства.

Однимъ изъ простѣйшихъ способовъ къ обезпеченію содержанія приходскихъ клировъ, было бы дополненіе количества приписанной къ каждой сельской церкви земли, до размѣра 100 десятинъ, но только землѣ вполне хорошей, чтобы клирики могли легко и по хорошей цѣнѣ отдавать ее въ наймы. Въ казенныхъ имѣніяхъ это будетъ не трудно сдѣлать. Такого рода мѣра не требуетъ, чтобы земля находилась вблизи той приходской церкви, къ которой она будетъ приписана, такъ какъ клирики не станутъ обрабатывать ее собственными руками, но будутъ отдавать въ наймы; эта земля можетъ находиться, пожалуй, на разстояніи хотя бы 100 верстъ и болѣе отъ прихода. Можно бы надѣлать и бѣдныя городскія церкви такими 100-десятиновыми участками. Въ имѣніяхъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, можно бы обратиться ко всемъ прихожанамъ съ предложеніемъ не пожелаютъ ли они пожертвовать нѣсколько земли въ собственность ихъ приходскихъ церквей; а для надѣла городскихъ церквей можно равномерно прибѣгнуть къ усердію прихожанъ, въ особенности купечества, съ предложеніемъ сдѣлать сборъ на покупку нѣкотораго количества земли

во владѣніе приходскихъ храмовъ. Такимъ образомъ усердіе частное, но только совершенно добровольное и отнюдь не обязательное, придетъ въ этомъ дѣлѣ на помощь государству. Но при это мѣ каждая епархія должна бы имѣть еще свои общія имущества, находящіяся въ распоряженіи епископа, чтобъ изъ доходовъ съ нихъ дополнять средства существованія всего епархіальнаго духовенства и всѣхъ лицъ, служащихъ при церковномъ управленіи, выдавая необходимое пособіе каждому „*еще потребно.*“ Не нужно, чтобъ имущества епархіальной церкви находились въ предѣлахъ самой епархіи; это условіе не составляетъ безусловной необходимости въ частномъ владѣніи, и мы знаемъ, напримѣръ, что Палестинскіе монастыри владѣютъ имѣніями [въ Молдавіи и Валахіи. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы найти имѣнія для передачи во владѣніе церкви, и не приходится стѣсняться разстояніемъ ихъ отъ епархіальнаго города; въ послѣдствіи можно будетъ промѣнять ихъ на другія, по договору съ частными владѣльцами.

Къ увеличенію епархіальныхъ доходовъ могли бы много содѣйствовать слѣдующія мѣры:

1) Установленіе для лицъ всѣхъ сословій и обоого пола *обязательнаго* полученія метрическихъ свидѣтельствъ о крещеніи и бракѣ, со взиманіемъ за нихъ опредѣленной платы въ общій сборъ епархіи. За свидѣтельство о крещеніи можно бы установить взносъ въ 50 коп., а за брачное, выдаваемое въ двухъ экземплярахъ, по одному для каждого изъ супруговъ, за оба 1 рубль; за выдачу копій съ утраченныхъ свидѣтельствъ положить 5 коп. Эти свидѣтельства должны быть писаны на печатныхъ бланкахъ, съ епархіальною штемпелевою печатью. {Установленіе этой новой общей подати въ пользу церкви будетъ совершенно нечувствительно для народа, потому что въ семействахъ дѣти не ежегодно рождаются, а браки бываютъ еще рѣже; между тѣмъ при каждомъ изъ этихъ радостныхъ случаевъ бесполезно тратится на ихъ отпразднованіе несравненно больше денегъ чѣмъ сколько потребуетъ это скромное приношеніе церкви за свидѣтельство. А главное, нужно помнить, что съ отмѣненіемъ платъ за совершеніе святыхъ таинствъ, прихожане не будутъ впередъ ничего давать священнослужителямъ за крестины и браки; а всѣмъ извѣстно что эти платы значительно превышаютъ цифру, предлагаемаго сбора за свидѣтельства. Введеніе такой мѣры

прислало бы каждой епархіи значительный доходъ: по статистическимъ изслѣдованіямъ, число рождающихся составляетъ 5 процентовъ населенія, а вступающихъ въ бракъ 1 процентъ; въ общей средней сложности у насъ находится 900.000 православныхъ жителей въ каждой епархіи, следовательно, сборъ за свидѣтельства этихъ двухъ родовъ доставить ежегодно епархіи 31.500 рублей, а по всему государству 1.800.000 рублей. Такимъ доходомъ нельзя пренебрегать.

2) Мы имѣемъ великое число монастырей (554), изъ которыхъ бѣольшая часть пользуются значительными денежными сборами, имѣютъ капиталы и владѣютъ не малымъ количествомъ ненаселенныхъ недвижимыхъ имѣній. Богатые монастыри могли бы принести въ даръ часть своего достоянія на увеличеніе епархіальныхъ имуществъ, и притомъ преимущественно изъ принадлежащихъ имъ недвижимыхъ имѣній, управленіе которыми даже не совсѣмъ удобно для монашествующихъ, такъ какъ отшельникамъ отъ міра воспрещено, безъ крайней необходимости, заниматься житейскими дѣлами. Можно быть увѣреннымъ, что наше монашество приметъ благодушно предложеніе подобнаго рода отъ своихъ архимонаховъ и окажетъ свое содѣйствіе церкви съ полною христіанскою готовностію.

3) Одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ вѣрнѣйшему обезпеченію церковныхъ нуждъ, было бы распространеніе мысли о повсемѣстномъ учрежденіи „приходскихъ братствъ“, принимающихъ на себя попеченіе о содержаніи своихъ приходскихъ храмовъ и кляриковъ. Но, очевидно, что такое чувство усердія можетъ развиться въ прихожаныхъ только въ томъ случаѣ, если имъ будетъ предоставлено право имѣть голосъ во всѣхъ дѣлахъ ихъ приходскаго храма, если опредѣленіе къ нимъ священниковъ и діаконовъ никогда не будетъ производиться безъ испрошенія ихъ согласія, а назначеніе чтецовъ и пѣвцовъ будетъ предоставлено ихъ собственному выбору и преимущественно изъ жителей прихода. Человѣку свойственно только тогда полюбить какое-нибудь дѣло и горячо привязаться къ нему, когда онъ принимаетъ личное, близкое, дѣятельное въ немъ участіе, имѣетъ право заботиться о его пользѣ, какъ о собственномъ своемъ дѣлѣ, и связанъ съ нимъ условіями своего быта. А давать и только давать деньги на какое бы то ни было дѣло, оставаясь постороннимъ и безгласнымъ зрителемъ ихъ употребленія

это такого свойства добродѣтель, которая не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго и не разовьется никогда въ разумныхъ людяхъ.

Всѣ государственныя имущества передаваемы во владѣніе церкви слѣдуетъ признать на будущее время неотъемлемымъ достояніемъ ея. Съ предоставленіемъ во владѣніе церкви такого количества имѣній, которое можетъ приносить ей 17 милліоновъ рублей дохода, государство прекращаетъ всѣ денежные выдачи на церковныя потребности, и церковь не должна уже *никогда* и *ничего* просить у правительства, потому что она обязана существовать единственно усердными приношеніями своихъ чадъ. Отпускъ изъ казны 1.700.000 рублей на жалованье епископамъ, монашествующимъ и чиновникамъ консисторій, равно какъ сборъ 300 т. рубл. съ государственныхъ крестьянъ на служительскіе оклады архіерейскимъ домамъ и монастырямъ, слѣдуетъ также прекратить. Эта сумма замѣнится вышепредложеннымъ сборомъ за свидетельства о крещеніи и бракѣ. Кромѣ того, когда будетъ предоставлено епархіальнымъ епископамъ обсудить, дѣйствиительно ли нужно выдавать монашествующимъ жалованье и служительскіе оклады, съ назначеніемъ ихъ выдачи изъ общихъ епархіальныхъ доходовъ, то, безъ сомнѣнія, тотчасъ откроется, что монастыри, за исключеніемъ самаго незначительнаго числа, вовсе не нуждаются въ такомъ пособіи.

Въ Русскомъ народѣ есть много усердія и любви къ церкви, и онъ постоянно дѣлаетъ ей значительныя приношенія; но только эти приношенія не всегда дѣлаются на существенныя потребности церкви и обращаются въ большомъ количествѣ на предметы, безъ которыхъ можно бы обойтись, или на такого рода вклады, которые совершенно бесполезны. Отъ просвѣщеннаго и заботливаго руководствованія архипастырей будетъ завѣсть дать болѣе разумное и полезное направленіе благочестивому усердію народа, разъяснивъ ему въ чемъ именно заключаются нужды церкви. Тогда, безъ сомнѣнія, епархіальныя средства быстро увеличатся новыми окладами и приношеніями, въ особенности, если православный народъ увидитъ на дѣлѣ полезное употребленіе церковныхъ доходовъ.

Предоставленіе значительнаго количества имущества въ собственность каждой епархіальной церкви влечетъ за собою, вопервыхъ, расширеніе круга и объема епископскихъ

занятій; въ вторыхъ, необходимость учредить правильное и добросовѣстное управленіе церковными имѣніями. Эти новыя условія поставляютъ въ необходимость преобразовать нынѣ существующія епархіальныя управленія: консисторіи, съ ихъ чиновничествомъ и бюрократическимъ управленіемъ должны быть упразднены. По древнему обычаю, епископское управленіе могло бы состоять изъ совѣта, членами котораго должны быть отчасти духовныя лица по назначенію самого епископа, отчасти міряне, избираемые обществомъ, но утверждаемые согласіемъ и благословеніемъ архипастыря. Опредѣленіе къ этимъ должностямъ мірянъ должно служить для нихъ почетомъ и наградою за ихъ любовь къ церкви и благочестіе жизни; достаточные между ними должны служить безвозмездно; никакихъ чиновъ, классовыхъ разрядовъ, гражданскихъ мундировъ и сословныхъ отличій не можетъ быть присвоено службѣ Божіему дѣлу. Производство дѣлъ въ совѣтѣ бываетъ, по возможности, словесное, скорое и гласное. Кругъ епископской власти долженъ быть расширенъ на точномъ основаніи каноновъ, чтобы доставить архіереямъ возможность управлять успѣшно и безпрепятственно ихъ епархіями, избавивъ ихъ отъ лишняго труда и траты времени на переписку съ вышею инстанціей по множеству незначительныхъ дѣлъ, которыхъ разрѣшеніе принадлежитъ, по опредѣленію каноновъ, самимъ епархіальнымъ владыкамъ. Главное распоряженіе всеми церковными имуществами въ епархіи должно принадлежать епископу; но ближайшее завѣдываніе ими должно быть возложено на членовъ совѣта, и отчеты по этому предмету слѣдуетъ ежегодно публиковать.

III. О потомственномъ духовномъ сословіи.

Обозрѣніе вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства осталось бы не полнымъ, если при этомъ не сказать нѣсколько словъ объ устраненіи главной, существенной причины общей бѣдности, въ которой находится русское духовенство. Эта причина состоитъ въ учрежденіи отдѣльнаго *потомственнаго духовнаго сословія*.

Образованіе этого сословія произошло въслѣдствіе нѣкоторыхъ односторонне-обдуманыхъ мѣръ, которыя вводились съ добрыми цѣлями, но имѣли дурныя послѣдствія. Въ 1808—1814 годахъ, учреждены были на новыхъ

основаніяхъ духовныя училища для приѣма въ нихъ дѣтей клириковъ съ цѣлю доставить имъ возможность получать воспитаніе самымъ дешевымъ способомъ; чрезъ это надѣялись имѣть всѣхъ священнослужителей изъ ученыхъ. Всѣхъ дѣтей клириковъ приказано зачислять въ духовно-училищное вѣдомство первоначально отъ шести-лѣтняго возраста (Положеніе о дух. учил. высочайше утвержденное 26-го іюня 1808 года), а послѣ отъ восьми лѣтъ (указъ 27 августа 1814 года). Приготовленные къ занятію церковныхъ должностей, воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, по окончаніи курса, были опредѣляемы на эти мѣста, тогда какъ переходъ на другія поприща жизни былъ для нихъ чрезвычайно затрудненъ. Такъ, еще въ 1800 году посѣдowało запрещеніе увольнять семинаристовъ изъ духовнаго званія безъ высочайшаго повелѣнія (указъ 27 мая), а въ 1801 году, запрещено увольнять изъ духовныхъ училищъ студентовъ философіи и богословія въ свѣтское званіе безъ вѣдома синода (указъ 30 мая). Въ 1818 году, не велѣно даже принимать дѣтей клириковъ изъ дворянъ въ государственную службу безъ сношенія съ духовнымъ начальствомъ (указъ 27-го мая). Эти ограниченія и бѣдственное состояніе духовныхъ училищъ, по недостатку средствъ, отпускаемыхъ на ихъ содержаніе, отвлекали лицъ свѣтскихъ сословій отъ желанія отдавать своихъ сыновей въ духовныя училища. Съ другой стороны, доступъ къ священнослуженію для благочестивыхъ людей зрѣлыхъ лѣтъ, изъ необучавшихся въ семинаріяхъ, былъ закрытъ; даже самое производство въ священники діаконовъ достойной жизни, но неученыхъ, допускалось только въ видѣ временной мѣры. Этого требовало быстро размножавшееся число окончившихъ курсъ семинаристовъ, которое росло несоразмѣрно числу вакансій на приходскія мѣста; а однажды привудивъ всѣхъ клириковъ отдавать ихъ сыновей на служеніе церкви, нельзя же было не принять мѣръ къ размѣщенію этихъ послѣднихъ. Воспитанные и опредѣленные на мѣста такимъ дешевымъ и легкимъ способомъ, священнослужители, не имѣвшіе никакого собственнаго состоянія, конечно, охотно воспользовались тѣмъ же удобнымъ и выгоднымъ средствомъ для обезпеченія существованія своихъ сыновей. Со времени введенія этихъ порядковъ прошло только полстолѣтія, срокъ времени весьма короткій, но его было достаточно, чтобы создать и укоренить отдѣльное сословіе

потомственнаго духовенства; теперь начинаетъ служить только третье его поколѣніе, а уже лица всѣхъ прочихъ сословій окончательно перестали поступать на служеніе церкви. Дѣло сдѣлано.

Это безпримѣрное явленіе въ исторіи христіанства, породило значительныя неудобства.

Я уже сказалъ, что въ прежнія времена приходскіе клирики избирались у насъ большею частію самими прихожанами изъ мѣстныхъ благочестивыхъ жителей, которые почти всегда имѣли собственныя умѣренныя средства къ жизни, а иногда встрѣчались между ними даже люди достаточные. Когда въ царствованіе Петра I открылись новыя духовныя училища при архіерейскихъ домахъ и въ послѣдствіи учредились семинаріи, то въ эти заведенія поступали молодые люди всѣхъ сословій и притомъ, какъ бѣдные, такъ и достаточные. Всѣ эти разносословныя лица, передъ рукоположеніемъ ихъ на священство, вступали въ бракъ съ дѣвцами также разныхъ сословій, и между которыми находились равномерно и достаточныя и бѣдныя. Эти клирики приготовляли сыновей своихъ къ разнымъ ремесламъ, занятіямъ и службамъ, выбирая между ними то поприще жизни, которое по собственному ихъ усмотрѣнію казалось имъ выгоднѣе. Однимъ словомъ, въ отношеніи условій ихъ матеріальнаго быта, клирики и ихъ семейства находились въ положеніи общемъ для всѣхъ жителей государства, а потому не могло быть особенной и общей бѣдности между ними. Они не лежали тяжкимъ бременемъ на прихожанахъ; не требовали и не получали никакого пособія отъ государства.

Съ установленіемъ потомственнаго духовнаго сословія, матеріальное положеніе клириковъ немедленно и совершенно измѣнилось, и всѣ они впали въ общую, безвыходную бѣдность. Этотъ быстрый переворотъ, совершившійся въ продолженіи двухъ поколѣній, такъ какъ теперь только что третье вступаетъ на служеніе, доказываетъ на дѣлѣ и неопровержимымъ образомъ весь вредъ потомственнаго духовнаго сословія, какъ для государства, такъ и для самого себя. Причины этого бѣдственнаго положенія очевидны и осязательны. Доходы нашихъ служителей церкви такъ скудны, что накопить изъ нихъ ничего невозможно; если же съ помощію усиленной бережливости, нѣкоторые изъ нихъ успѣвають приберечь что-нибудь, то эти скромные остатки уходятъ

обыкновенно на воспитаніе и браки ихъ дѣтей. Женятся они на дѣвцахъ также изъ своего сословія, никогда не привозящихъ за собою ничего въ приданое; взять жену изъ другихъ сословій они не могутъ, потому что дѣвушка изъ простонародія не имѣетъ никакого образованія, а дѣвушка съ состояніемъ и принадлежащая къ одному изъ высшихъ сословій, не захочетъ раздѣлить ту трудную жизнь и то непривлекательное положеніе, на которыя обречены члены потомственного духовенства. На повѣрку выходитъ, что семейство каждаго вновь поставленнаго клирика начинаетъ всегда жизнь ни съ чѣмъ, въ надеждѣ получить все нужное со временемъ и постепенно отъ своихъ прихожанъ; оно перебивается въ продолженіи всего своего существованія какъ-нибудь, и въ свою очередь передаетъ дѣтямъ ту же бѣдность, или, вѣрнѣе сказать, ту же нищету. Послѣ смерти отца семейства, семья его неминуемо остается безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, на произволъ судьбы, съ однимъ упованіемъ на состраданіе людей и милосердіе Отца небеснаго. Исключенія изъ этого общаго положенія нашего духовенства такъ рѣдки, что о нихъ нечего и упоминать. Это положеніе сдѣлалось *безвыходнымъ*, оно логически выработалось изъ особенностей и исключительныхъ условій, нераздѣльныхъ съ существованіемъ потомственного духовенства; оно никогда не измѣнится, пока будетъ существовать потомственное духовенство, на вѣки обреченное нищетѣ.

Матеріальный вредъ, происходящій отъ этого учрежденія для государства, очевиденъ: до настоящаго времени, русская земля не несла на своихъ плечахъ 600 тысячъ людей, не имѣющихъ ничего ни впереди, ни позади себя, но которые хотятъ жить и просятъ насущнаго хлѣба. „Дайте намъ кровъ и клочокъ земли, кричатъ они, дайте намъ денегъ, дайте воспитаніе нашимъ дѣтямъ, приданое дочерямъ, примутъ престарѣлымъ, убожище вдовамъ и сиротамъ; не допускайте людей изъ другихъ сословій отбивать церковныя должности у нашихъ сыновей, укрѣпите приходскія мѣста въ наследственную собственность нашихъ семействъ; обезпечьте всѣ наши матеріальныя нужды жизни, дабы въ этомъ отношеніи мы не были въ тяжелой зависимости отъ прихожанъ; сравните насъ съ чиновниками правительства, выдачею намъ казеннаго жалованья,—это одно наше спасеніе! Мы „ли не заслуживаемъ

всѣхъ этихъ вознагражденій, мы, которые обрекаемъ себя изъ рода въ родъ нашей трудной жизни, нашему горькому положенію, не спрашивая на то желанія у нашихъ дѣтей, не испытывая есть ли въ нихъ призваніе и необходимыя душевныя силы для исполненія высокой пастырской обязанности, подвергающей ихъ великой отвѣтственности передъ людьми и еще строжайшей передъ небеснымъ Судьею?"

Между печальными послѣдствіями, какія влечетъ за собой существованіе потомственнаго духовенства, въ особенности изумляетъ закрѣпленіе приходскихъ мѣстъ служителей церкви за дѣвцами ихъ семействъ, закрѣпленіе, которое считается у насъ, можно сказать, главнымъ способомъ къ доставленію потомственному духовенству необходимыхъ средствъ къ жизни. Служеніе алтарю Божию и духовное руководительство паствою Христовою обращено въ арендную статью, право пользованія которою покупается цѣною вступленія въ брачный союзъ по расчету и принятіемъ на свое содержаніе цѣлаго семейства своего предмѣстника. Какъ согласить такой обычай назначенія священнослужителей съ тѣми наставленіями, которыя Св. апостолъ Павелъ давалъ Тимоѳею и Титу, и съ тѣми правилами, которыя читаются въ церковныхъ канонахъ относительно выбора пастырей? Въ оправданіе говорятъ, что это дѣлается по чувству состраданія къ семейству, лишившемуся своего кормильца, и которое иначе можетъ погибнуть съ голода. Но, спрашивается, развѣ не бываетъ подобныхъ случаевъ съ семействами принадлежащими къ другимъ сословіямъ? Развѣ послѣ смерти не выслужившихъ пенсіи чиновника и офицера, или, жившихъ единственно своими насущными трудами, ученаго, литератора, художника, купеческаго прикащика, ремесленника, безземельнаго крестьянина—семейство каждаго изъ нихъ остается не точно также безъ средствъ къ своему пропитанію? На какомъ же основаніи потомственное духовное сословіе требуетъ себѣ даже и въ этомъ случаѣ исключительныхъ преимуществъ? На основаніи каноническихъ и вѣковыхъ преданій церкви, такія семейства имѣютъ лишь право получать пособіе изъ церковнаго имущества, принадлежащаго епархіи, маравѣ съ другими убогими и сирыми.

Существованіе бездомнаго потомственнаго духовенства тягостно для народа, потому что ему часто приходится слишкомъ много жертвовать на содержаніе своихъ приходскихъ

клириковъ; еслибы на эти должности поступали люди изъ всѣхъ сословій, то между ними не было бы общей, безусловной бѣдности, и въ такомъ случаѣ на ихъ содержаніе требовалось бы меньше пособія отъ прихожанъ. Церковь имѣла бы также возможность сократить свои издержки на этотъ предметъ и обратить сохраненную часть церковныхъ доходовъ на другія нужды.

Итакъ, основательное обсужденіе матеріальныхъ невыгодъ, происходящихъ для государства, прихожанъ, церкви и самихъ клириковъ, отъ установленія сословія потомственного духовенства, указываетъ на необходимость отмены этого учрежденія.

Къ исполненію сего побуждаетъ еще другая причина, которая въ глазахъ правослаиваго народа выше и обязательнѣе всѣхъ матеріальныхъ соображеній,—это святыи долгъ хранить въ неприкосновенности праваа христіанскаго ученія и церкви: существованіе особаго сословія потомственного духовенства не согласно съ ученіемъ Св. Писанія и съ сорбными постановленіями.

Въ посланіяхъ апостольскихъ ясно сказано, что желаніе посвятить себя на служеніе алтарю Божию возбуждается въ каждомъ христіанинѣ дѣйствіемъ благодати Святаго Духа, которая удѣляется въ даръ *каждому особо*, и не въ равной степени, но по мѣрѣ вѣры и по ряду служенія, по которому каждый призывается, *какъ Духу Святому угодно* (1-е Кор., XII, 5—11). Въ книгѣ *Дѣяній Апостольскихъ* мы читаемъ, что это призваніе къ служенію алтарю есть „*жребій, который указываетъ Господь сердцевѣдцуъ испъхъ*“ (I, 24). Вотъ почему греческая церковь наименовала своихъ служителей выраженіемъ „клирики“, означющимъ *избранные по жребію*, въ смыслѣ жребія, указываемаго самимъ Господомъ. Достаточно этого краткаго объясненія, чтобы получить несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что благодатный даръ призванія къ служенію алтарю не можетъ быть удѣляемъ *поголовно цѣлому привилегированному сословію*, и что это святое призваніе совершается свыше, по волѣ и назначенію самого Господа Іисуса Христа, который одинъ вѣдаетъ, кто изъ насъ чего достоинъ и къ чему способенъ. Потому право служенія алтарю должно принадлежать въ церкви Божіей *всѣмъ ея членамъ*, и не можетъ быть отдаваемо человѣческимъ произволомъ какому-нибудь одному семейству или одному сословію

предпочтительно передъ всѣми прочими. Такъ повелѣлъ Господь, такъ и должно быть.

Св. отцы VI Вселенскаго собора имѣли случай обсуждать этотъ вопросъ и осудили слѣдующимъ приговоромъ всякое посягательство подобнаго рода на святую свободу и самое высокое право всѣхъ чадъ церкви Христовой: „Понеже мы увѣдали, что въ армянской странѣ *пріемлются въ клиръ токмо тѣ, кои суть изъ священническаго рода*, въ чемъ тако творить предпріемлющіе іудейскимъ обычаямъ послѣдуютъ, то опредѣляемъ: да не будетъ отъ нынѣ позволено желающимъ возвеста нѣкоторыхъ въ клиръ, *спредъ взирати на родъ проручительствуемаго*; но испытывая, *достойны ли они*, по изложеннымъ въ священныхъ правилахъ опредѣленіямъ, быти сопрічисаенными къ клиру, да проручествуютъ ихъ въ церковники, *хотя бы они происходили отъ предковъ іевреевъ, хотя бы нѣтъ*. Аще же кто усмотрѣвъ будетъ творящимъ вопреки предписанному, *да будетъ отлученъ*“ (пр. 33). Можно бы сказать, что приведенное правило не относится къ разсматриваемому вопросу, такъ какъ у насъ ни у кого не отнято право на служеніе церкви и путь къ алтарю открытъ для всѣхъ желающихъ. Но самое уже существованіе отдѣльнаго потомственнаго духовенства противно этому правилу, въ которомъ именно осуждается установленіе въ христіанскомъ обществѣ особаго сословія въ родѣ Левитовъ у Іудейскаго народа.

Итакъ, существованіе потомственнаго духовнаго сословія должно быть у насъ прекращено. Остается изыскать мѣры къ исполненію этого святаго дѣла. Въ избѣжаніе ошибочныхъ и произвольныхъ дѣйствій обратимся и въ этомъ случаѣ къ разсмотрѣнію каноническихъ условій, въ которыхъ должны находиться лица, желающія удостоиться полученія священнаго сана.

Отцы Сардикійскаго собора изрѣкли: „Для каждой степени клира должно быть предоставлено *не слишкомъ малое время*, въ продолженіи котораго могли бы усмотрѣны быти его вѣра, благонравіе, постоянство и крѣпость, и онъ, бывъ признанъ достойнымъ божественнаго священства, получилъ бы величайшую честь. Ибо *неприлично, дерзновенно и легкомысленно* приступати къ тому, чтобы поспѣшно поставляти епископа, или пресвитера, или діакона; и *ни знаніе, ни поведеніе не даетъ на сіе право*“ (пр. 10). А св. отцы VI Вселенскаго собора произвели: „Во епископа, или въ какую бы то ни было

степень клира поставляемыхъ,не по испытанію и избранію за образъ жизни: *повелѣваемъ извергати, также и тѣхъ, коими они поставлены*" (пр. 22). Отцы этого же собора подтвердили другое древнее законоположеніе относительно поставленія священнослужителей: „Правило святыхъ носныхъ отцевъ нашихъ да соблюдается и въ семь: дабы во пресвитера прежде тридесати лѣтъ не рукополагати, *аще бы человекъ и весьма достоинъ былъ, но отлагати до учрежденныхъ лѣтъ. Ибо Господь Іисусъ Христосъ въ тридесатое лѣто крестился и началъ учить. Подобно и діаконъ прежде двадесати пяти лѣтъ да не поставляется* (пр. 14). Иподіаконъ да поставляется не прежде двадесати лѣтъ возраста. Аще же кто, въ какую бы то ни было священную степень, поставленъ будетъ прежде опредѣленныхъ лѣтъ: *да будетъ изверженъ*" (пр. 15).

Св. апостолы совершили первое избраніе въ церкви апостола Матеія на мѣсто предателя Іуды, въ присутствіи всего собранія вѣрующихъ, которыхъ было „человѣкъ около ста двадцати“, и съ общою всѣхъ молитвою къ Господу (Дѣян. I, 15 и 24); равномерно, когда апостолы нашли нужнымъ учредить діаконовъ, то для избранія ихъ, они созвали всѣхъ братій и сказали имъ: „*выберите изъ среды себя семь человекъ извѣданныхъ, ихъ поставимъ на сію службу*" (Дѣян. VI, 2—3). По этимъ примѣрамъ установилось въ церкви правило, чтобъ избраніе священнослужителей совершалось всегда самими прихожанами, или, по крайней мѣрѣ, съ ихъ одобренія и согласія. Это святое право народа подавать свой голосъ при избраніи его пастырей засвидѣтельствовано во многихъ церковныхъ памятникахъ и даже выражено въ каноническихъ правилахъ Теофила Александрійскаго, который говоритъ, что рукоположеніе должно совершаться „среди церкви, въ присутствіи народа и при возгашеніи епископа, *дабы могъ народъ свидѣтельствовать*" (пр. 17). Живой отголосокъ этого основнаго церковнаго обычая сохранился у насъ въ обрядѣ посвященія священнослужителей: діаконъ, приводящій новопоставляемаго къ вратамъ царскимъ, возгашаютъ: „повели, повелите, повели, преосвященнѣйшій владыко“. Второе „повелите“ относится къ народу, безъ свидѣтельства и согласія котораго не должны рукополагаться ихъ приходскіе служители алтаря.

Изъ приведенныхъ каноническихъ вытекаютъ слѣдующія условія относительно постановленія священнослужителей:

1) Право на получение священства приобретается исключительно испытаніемъ въ вѣрѣ, благочестіи и чистотѣ жизни.

2) Одно научное знаніе не даетъ этого права, и возведеніе въ священство за научныя познанія, а не за образъ жизни, есть распоряженіе неприличное, дерзновенное и легкомысленное.

3) Испытаніе должно продолжаться не малое время и послѣдовательно въ каждой степени клира.

4) Запрещается ставить молодыхъ людей духовными руководителями христіанскаго общества, хотя бы они „весьма достойны были“, потому что они признаются не довольно еще зрѣлыми, опытными и не достаточно испытанными для исполненія высокихъ и трудныхъ пастырскихъ обязанностей. Посему въ огражденіе ненарушимости сего важнаго условія, опредѣлены возрасты для каждой степени священства, для священника тридцати, а для діакона двадцати-пяти-лѣтній.

5) Прихожане имѣютъ право избирать сами своихъ священнослужителей и просить епископа объ испытаніи и посвященіи избранныхъ ими людей; безъ одобренія и согласія прихожанъ никто не можетъ быть опредѣленъ на служеніе въ ихъ приходскомъ храмѣ.

Эти выводы указываютъ намъ безошибочно, какія мѣры должны быть употреблены при отысканіи потомственнаго духовнаго сословія.

Такъ какъ при избраніи священнослужителей должно быть обращено главное вниманіе на вѣру и образъ жизни желающаго получить священство, и отсюда не на объемъ его богословскихъ познаній, слѣдовательно, не нужно требовать изученія нынѣ принятаго обширнаго семинарскаго курса отъ благочестивыхъ пожилыхъ людей, которые почувствовали бы въ себѣ святое призваніе посвятить остатокъ дней своихъ служенію Богу. Очевидно, что требованіе отъ нихъ обширныхъ познаній, воспрепятствуетъ этимъ людямъ исполнить ихъ призваніе, потому что имъ будетъ уже поздно приниматься за долговременное и трудное ученіе. Но такъ какъ никто не можетъ быть проповѣдникомъ и наставникомъ слова Божія, не получивъ основательнаго и достаточнаго знанія всѣхъ главныхъ предметовъ, относящихся до вѣры, исторіи церкви, ея законовъ и замѣчательнѣйшихъ твореній ея великихъ учителей, то открывается необходимость учредить церковныя училища, гдѣ будутъ преподаваться эти богословскія науки, но въ объемъ, соотвѣтствующемъ дѣйствительной потребности

дѣла. Поступленіе въ эти училища должно быть открыто слушателямъ всѣхъ званій и возрастовъ, начиная съ 18-ти лѣтъ, и подъ условіемъ предварительнаго экзамена въ необходимѣйшихъ свѣтскихъ наукахъ, которыя здѣсь преподаваться уже не будутъ. Полный курсъ не долженъ продолжаться болѣе трехъ лѣтъ. Изученіе языковъ греческаго и латинскаго должно сдѣлать обязательнымъ только для тѣхъ слушателей, которые будутъ имѣть въ виду продолжать вышій богословскій курсъ въ духовныхъ академіяхъ; для приготовления такихъ слушателей къ поступленію въ академию, можно имѣть въ этихъ училищахъ дополнительные высшіе классы.

Остановимся здѣсь, чтобы предложить себѣ слѣдующій вопросъ: кто полезнѣе церкви, священникъ многоученый, но не имѣющій призванія и усердія къ своей должности и приготовленный къ ней съ юныхъ лѣтъ, какъ къ какому-нибудь ремеслу; или священникъ умѣренноученый, но проникнутый истиннымъ чувствомъ любви къ своимъ святымъ обязанностямъ, и достигшій такого настроенія духа и мыслей въ зрѣлыя лѣта, опытомъ жизни и силою развившагося въ немъ религіознаго убѣжденія? Неоспоримо, что для многихъ церковныхъ должностей, въ особенности на высшихъ степеняхъ іерархіи, необходимо имѣть пастырей ученыхъ, даже обширно ученыхъ; но тѣмъ не менѣе нѣтъ никакой надобности, чтобы всѣ священники были аттестованные богословы. Вѣрность этого заключенія подтверждается на дѣлѣ и опытомъ. Въ продолженіи минувшаго полу столѣтія мы достигли, наконецъ, до того, что имѣемъ нынѣ почти всѣхъ священниковъ изъ воспитанниковъ, окончившихъ семинарскій курсъ; спрашивается: какими фактами можно доказать, что служеніе этихъ ученыхъ священниковъ принесло болѣе пользы церкви чѣмъ служеніе ихъ малоученыхъ предшественниковъ? Возвысились ли въ теченіи послѣдняго полу столѣтія, нравственныя силы самого духовенства, благочестіе его жизни, ваіаніе его въ обществѣ и народѣ? Укрѣпилась и уяснилась ли вѣра въ народѣ? Усовершенствовалась ли его религіозная нравственность? Почему именно въ этотъ періодъ времени въ народѣ наиболѣе распространились заблужденія раскола, а въ образованномъ обществѣ равнодушіе къ вѣрѣ и мысли, враждебныя христіанскому ученію? Отвѣты на эти вопросы покажутъ убѣдительнымъ образомъ глубокую, истинно Богомъ

вдохновенную мудрость святыхъ отцовъ, постановившихъ, что не научное знаніе, а испытаніе вѣры, душевныхъ качествъ человѣка и добродѣтели его жизни обуславливаетъ право на полученіе священства.

Съ прекращеніемъ существованія потомственного духовенства долженъ быть открытъ сыновьямъ клириковъ путь къ полученію воспитанія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ достиженію этой цѣли не представляется затрудненія. У насъ принято говорить, что духовному сословію доставлена возможность воспитывать сыновей своихъ безвозмездно; но это мнѣніе ошибочно. Изъ 54.000 воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, только около 6.000 состоятъ на полномъ содержаніи отъ церкви; 11.000 получаютъ ежегодное денежное пособіе, простирающееся отъ 6 до 20 рублей; остальные 37.000 пользуются только льготой бесплатнаго слушанія уроковъ въ заведеніяхъ.

Всѣ существующія 185 уѣздныхъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ воспитывается 37.670 малолѣтнихъ мальчиковъ, нужно упразднить. Дѣти клириковъ должны воспитываться въ народныхъ уѣздныхъ училищахъ; а чтобы не лишитъ священнослужителей тѣхъ выгодъ, которыми они пользовались до сего времени относительно первоначальнаго воспитанія ихъ сыновей, можно продолжать выдачу въ некоторой части изъ нихъ прежнихъ денежныхъ пособій отъ церкви, всѣмъ же остальнымъ дѣтямъ оставить льготу бесплатнаго слушанія уроковъ въ народныхъ уѣздныхъ училищахъ. Клирики ровно ничего не потеряютъ отъ такого распоряженія; но самое дѣло выиграетъ чрезвычайно много, такъ какъ этою мѣрой прекратится предназначеніе мальчиковъ съ ихъ малолѣтства къ церковному служенію, то-есть искоренится самая причина существованія потомственного духовенства. Духовное вѣдомство приобрѣтетъ въ этомъ случаѣ значительную выгоду, ибо продолжая выдавать прежнія денежные пособія сыновьямъ бѣдныхъ клириковъ и сиротамъ, оно сохранитъ самые главные свои расходы, заключающіеся въ суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе 185 училищныхъ зданій и 1.085 наставниковъ. Эти суммы будутъ употреблены на учрежденіе и содержаніе новыхъ церковныхъ училищъ, которыхъ достаточно имѣть по одному на три епархіи и непремѣнно въ каждаго изъ городовъ; продажа зданій 185 училищъ составитъ капиталъ на сооруженіе церквей въ западныхъ губерніяхъ.

Относительно существующихъ 50-ти семинарій приходится поступить другимъ образомъ. Всегда найдутся нѣкоторые особенно благочестивые священнослужители и родители изъ мірянъ, которые сумѣютъ развить въ своихъ сыновьяхъ съ раннихъ лѣтъ чувство любви къ церкви и желаніе посвятить себя служенію ей; на христіанскомъ обществѣ лежитъ обязанность доставить возможность своимъ членамъ исполнить это доброе ихъ намѣреніе. Такихъ мальчиковъ сдѣдуетъ избавить отъ необходимости поступать въ гимназіи или другія среднія общественныя заведенія и для нихъ должны существовать семинаріи, въ которыя они будутъ поступать прямо по окончаніи курса въ народныхъ уѣздныхъ училищахъ. Сдѣдовательно, невозможно упразднить всѣ семинаріи, а нужно только сократить ихъ число. Это сокращеніе должно быть значительное, потому что даже при настоящемъ порядкѣ вещей излишество ихъ высказывается ясно: болѣе трети семинаристовъ выходятъ не кончивъ курса наукъ, и довольно значительное число изъ окончившихъ курса, либо не поступаютъ на церковное служеніе, либо остаются безъ мѣста за недостаткомъ вакансій; излишнее количество семинарій сдѣлается еще виднѣе съ открытіемъ новыхъ церковныхъ училищъ для взрослыхъ и пожилыхъ людей всѣхъ сословій, которые станутъ поступать на священнослужительскія должности. Изъ 50-ти семинарій можно будетъ около 20-ти въ обратить церковныя училища для взрослыхъ слушателей и около 15-ти для молодыхъ воспитанниковъ. Воспитаніе въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ должно быть закрытое и поставлено во всѣхъ отношеніяхъ въ самыхъ удовлетворительныхъ условіяхъ.

Разсуждая о преобразованіи церковныхъ училищъ, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, которыя необходимо будетъ сдѣлать въ программѣ народнаго преподаванія. Въ настоящее время приготовленіе чтецовъ и пѣвцовъ производится въ уѣздныхъ церковныхъ училищахъ. Съ упраздненіемъ послѣднихъ не останется школъ для спеціальнаго приготовленія нижнихъ чиновъ каира; а потому образованіе въ уѣздныхъ народныхъ училищахъ должно получить болѣе религіозное направленіе. Въ программу ихъ должны войти: славянское чтеніе, ученіе о догматахъ вѣры и св. таинствахъ, толкованіе духовныхъ службъ и обрядовъ, краткое понятіе объ исторіи церкви и, наконецъ, церковное пѣніе. Эти познанія принесутъ огромную пользу всему народу и введеніе ихъ въ школы

встрѣтитъ полное его сочувствіе. Мы не должны терять изъ вида, что съ прекращеніемъ потомственнаго духовенства необходимо позаботиться о томъ, чтобы привлечь людей изъ всѣхъ сословіи къ поступленію на церковное служеніе; но, очевидно, что развитіе подобнаго чувства въ народѣ и обществѣ можетъ быть достигнуто только путемъ болѣе религіознаго воспитанія юношества. Это замѣчаніе относится не до однихъ низшихъ народныхъ училищъ, но вообще до всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеній. Въ настоящее время во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа ощущается и сознается значительный недостатокъ въ удовлетворительныхъ религіозныхъ познаніяхъ, и общественное мнѣніе желаетъ исправленія этого упущенія. Пусть спросятъ у родителей всѣхъ сословіи: желаютъ ли они, чтобы дѣти ихъ прежде и лучше всего знали Бога и святой законъ Его? Отвѣтъ будетъ утвердительный. Слѣдовательно, нужно принять мѣры къ удовлетворенію этой потребности народа.

Насчетъ нашихъ духовныхъ академій слѣдуетъ замѣтить, что необходимо прибавить пятую академію въ юго-восточной части Россіи, ибо, какъ извѣстно, число семинаристовъ, желающихъ продолжать богословскій курсъ въ академіяхъ, многимъ превышаетъ положенный въ нихъ штатъ воспитанниковъ; слѣдовало бы также допустить вольныхъ слушателей на академическія лекціи.

Безъ сомнѣнія, найдутся люди, которые возстанутъ противъ мысли объ уничтоженіи потомственнаго духовнаго сословія, закрытіи уѣздныхъ духовныхъ училищъ, сокращеніи числа семинарій, и которые скажутъ въ защиту своего мнѣнія, что съ введеніемъ въ русскую церковь этихъ мѣръ, ей будетъ угрожать опасность остаться вдругъ безъ священниковъ. Спѣшимъ отстранить напередъ такого рода возраженія, нѣсколькими замѣчаніями.

1) Предлагаемыя преобразованія должны приводиться въ исполненіе не вдругъ, но постепенно, осторожно, обдуманно и въ связи съ общимъ ходомъ всего дѣла*;

* Какъ ни важно это замѣчаніе почтеннаго автора, и какъ ни смягчаетъ оно предлагаемыя имъ мѣры кореннаго преобразованія духовныхъ училищъ, мы, однакоже, не можемъ, даже въ виду этого замѣчанія, освободиться отъ многихъ сомнѣній вызванныхъ въ насъ смѣлостію предлагаемыхъ авторомъ мѣръ. Мы совершенно входимъ въ мысль автора, что при теперешнемъ устройствѣ духовныхъ уѣздныхъ училищъ трудно ослабить ихъ сословный характеръ, а при сословномъ ихъ характерѣ

этого времени, вновь открываемыя церковныя училища для людей взрослых лѣтъ всѣхъ сословій, покажутъ плодъ, который можно ожидать отъ нихъ.

2) У насъ рукополагается ежегодно около 1.300 священниковъ; многія тысячи окончившихъ курсъ семинаристовъ, которые въ настоящее время ожидаютъ открытія вакансій на приходскія мѣста, обезпечиваютъ на продолжительное время пополненіе священническаго штата.

3) Съ самаго основанія церкви Христовой и до нашего времени, въ продолженіи 18 вѣковъ, у всѣхъ христіанскихъ народовъ, у православныхъ, латинянъ, протестантовъ, и у насъ самихъ, до установленія, 50 лѣтъ назадъ, потомственного духовенства, никогда и нигдѣ не было недостатка въ служителяхъ церкви. Спрашиваю: передъ этимъ свидѣтельствомъ, позволительно ли утверждать, что безъ особаго потомственного духовнаго сословія, церковь останется безъ пастырей? Та-

трудно совершить съ успѣхомъ необходимѣйшую изъ предстоящихъ намъ реформъ—освобожденіе нашего духовенства отъ лезитскаго характера, реформу важную не только для Церкви, но и для государства, потому что она освободила бы его отъ единственнаго существующаго у насъ разладника озлобленныхъ на общество пролетаріевъ. Точно также мы нисколько не скрываемъ отъ себя многочисленныхъ недостатковъ теперешняго устройства духовныхъ уѣздныхъ училищъ. Но съ другой стороны, мы считаемъ дѣломъ неопредѣленной важности, чтобы въ Россіи продолжали существовать и получили возможность развиваться и совершенствоваться общеобразовательныя училища, не находящіяся въ рукахъ свѣтской государственной власти, которая, по дѣлу народнаго воспитанія, представляетъ мало гарантій, обезпечивающихъ естественный ходъ и спокойное развитіе общественной жизни. Передать духовныя уѣздныя училища въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, или просто уничтожить эти училища, и тѣмъ поставить церковь въ совершенную невозможность охранять умы и сердца будущихъ священнослужителей отъ вліянія измѣнчивыхъ направленій центральной и мѣстной бюрократіи, значило бы рѣшиться на мѣру, послѣдствія которой могутъ быть неисчислимы. Прежде нежели рѣшиться на такую рискованную мѣру, слѣдовало бы, кажется, попытаться другія средства, и тутъ, повидимому, заслуживалъ бы рассмотрѣнія вопросъ—не оказалось ли бы полезнымъ оставить безплатнымъ посященіе только начальныхъ или, такъ-называемыхъ, приходскихъ классовъ въ духовныхъ уѣздныхъ училищахъ, и постепенно вводить и мало-по-малу увеличивать сборъ съ учащихся въ высшихъ или, такъ-называемыхъ, уѣздныхъ классахъ, употребляя его на увеличеніе жалованья учителямъ, на улучшеніе училищнаго помыщенія и на награды лучшимъ воспитанникамъ всѣхъ сословій. Чѣмъ лучше будутъ становиться духовныя училища, тѣмъ скорѣе они потеряютъ сословный характеръ; къ этому результату поведетъ и устраненіе теперешняго правила, что всякій мальчикъ духовнаго званія непременно поступаетъ въ духовное уѣздное училище. — Не безъ сомнѣнія смотримъ мы и на проектъ особенныхъ церковныхъ училищъ для взрослыхъ людей, желающихъ поступать на священнослужительскія должности. *Ред.*

кое утверженіе будетъ не только произвольно, голословно, противно очевидности, но даже преступленіемъ передъ самимъ Господомъ нашимъ, потому что оно обнаруживаетъ отсутствіе вѣры въ Его всемогущество и попеченіе о церкви. Вспомните, что святые отцы VI Вселенскаго собора опредѣлили отлучать отъ церкви тѣхъ людей, которые подражая іудейскому обычаю, будутъ покушаться установить въ христіанскомъ обществѣ особое сословіе потомственныхъ клириковъ. Церковь Христова избираетъ своихъ пастырей, а не набираетъ ихъ поголовно изъ какой-нибудь отдѣльной части народа. Обратимъ вниманіе еще на одно каноническое правило, которое непосредственно можетъ послужить къ облегченію возможности многимъ благочестивымъ людямъ посвятить себя на служеніе алтарю. Это правило заключаетъ въ возстановленіи права безбрачія священниковъ.

Требованіе брака для поступленія на священнослуженіе отъ человека, не женившася до пожилыхъ лѣтъ, преграждаетъ ему возможность къ исполненію его святаго намѣренія; для вдовца же оно составляетъ рѣшительное препятствіе, такъ какъ женатый на второй жевѣ не можетъ получить священство. Между тѣмъ, здравый смыслъ говоритъ, что благочестивые и пожилые люди, которые пожелали бы посвятить остатокъ дней своихъ служенію Богу, скорѣе всего могутъ встрѣтиться между неженатыми, или между бездѣтными вдовцами, не связанными семейными узами, которые именно потому и пошли бы служить церкви, что на нихъ не лежитъ никакихъ семейныхъ обязанностей и что они могутъ совершенно свободно располагать собою. Сколь несправедливо и неблагоразумно было бы принуждать священника къ безбрачной жизни, столько же произвольно и неосновательно налагать на него насильственно узы брака. Священникъ свободный отъ бремени семейныхъ заботъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, гораздо больше возможности заниматься исполненіемъ своихъ пастырскихъ обязанностей; съ другой стороны, апостоль Павелъ почиталъ цѣломудріе и воздержаніе подвигомъ святымъ, пріятнымъ Богу и поощрялъ къ нему своимъ примѣромъ; наконецъ, церковныя правила разрѣшаютъ безъ малѣйшаго различія поступленіе въ священство, какъ брачными, такъ и безбрачными лицамъ. Привожу въ доказательство этого одно изъ соборныхъ опредѣленій по сему предмету: „Понеже речена въ апостольскихъ правилахъ (16), яко

изъ производимыхъ въ клиръ безбрачныхъ, токмо чтецы и пѣвцы могутъ вступать въ бракъ, то и мы соблюдая сіе, о-предѣляемъ: да отнынѣ ни иподіакоузъ, ни діакоузъ, ни пресвитеръ не имѣютъ позволенія, по совершеніи надъ ними рукоположенія, вступати въ брачное сожителство; аще же дерзнетъ сіе учинить, да будетъ изверженъ. Но аще кто изъ поступающихъ въ клиръ *восхоцетъ* сочетаться съ женою, по закону брака, таковой да творитъ сіе прежде рукоположенія въ иподіакона, или въ діакона, или въ пресвитера“ (VI Всел., пр. 6). Почему же, спрашивается, не соблюдаютъ у насъ этотъ коренной апостольскій и вселенскій законъ? Никто не станетъ оспаривать благоразумія общеправославнаго и древняго обычая, назначать на мѣста *приходскихъ* священниковъ *предпочтительно* людей женатыхъ: въ этой мѣрѣ есть положительный залогъ нравственной пользы, но изъ того что вообще лучше имѣть женатыхъ приходскихъ священниковъ, не слѣдуетъ еще, чтобы всѣ священники необходимо были женаты. Есть даже такія священническія должности, на которыя, въ свою очередь, нужно *предпочтительно* назначать людей безбрачныхъ, напримѣръ: во флотъ, въ армію, миссіонерами внутри и внѣ государства, проповѣдниками при епископахъ, обходящими постоянно епархію. Слѣдовательно и каноны, и польза самого дѣла, и свобода христіанской совѣсти единогласно говорятъ, что въ этомъ отношеніи никакъ не должно руководствоваться *исключительными* правилами. Мірянъ пожилыхъ лѣтъ и извѣстныхъ нравственностью ихъ жизни, которые пожелали бы поступить на служеніе въ приходской церкви, нѣтъ никакой причины обязывать къ вступленію въ бракъ. Для нихъ можно бы только назначить опредѣленный возрастъ, напримѣръ не моложе 40 лѣтъ. Вѣдь оставляютъ же на приходскихъ мѣстахъ овдовѣвшихъ священниковъ, изъ которыхъ иные бываютъ *очень, очень молоды*. Какую можно придумать разумную причину, чтобъ отказать въ томъ же самомъ дозволеніи благочестивому и засвидѣтельствованной нравственности пожилому мірянину, который представляетъ положительное ручательство въ соблюденіи имъ долга цѣломудрія; тогда какъ молодой овдовѣвшій священникъ, посвященный прямо по выпускъ его изъ семинаріи, *безъ всякаго предварительнаго испытанія его правилъ нравственности и чистоты жизни*, не представляетъ за себя *рѣшительно никакого ручательства*

въ соблюденіи имъ долга воздержанія *послѣ смерти его жены*. У насъ ввели даже обычай не рукополагать въ священники вдовыхъ діаконъ; это послѣднее отступленіе отъ канонъ просто уже ничѣмъ не объяснимо. Припомнимъ кстатѣ, что у единовѣрцевъ нашихъ Грековъ и Славянъ существуютъ священнослужители брачные и безбрачные.

Зачѣмъ прибѣгать къ этимъ произвольнымъ и неправильнымъ регламентаціямъ, для полученія ручательства въ нравственности людей, опредѣляемыхъ на служеніе алтаря, когда правила церкви указываютъ мѣры предосторожности, которыя сѣдуетъ соблюдать въ этомъ случаѣ? Каноны говорятъ прямо: не посвящайте молодыхъ людей ранѣ установленнаго возраста, испытывайте ихъ строго и не малое время въ каждой степени клира. Здравомысліе и основательность этихъ правилъ очевидны. Соблюденіе ихъ доставляетъ еще другія важныя выгоды: молодой человекъ, поступившій на нѣскольکو лѣтъ въ чтецы, не вынужденъ бросаться въ поспѣшавый и неосмотрительный бракъ, но имѣетъ возможность выбрать себѣ жену по сердцу; въ случаѣ же, что онъ не найдетъ въ себѣ нужныхъ силъ къ исполненію трудныхъ пастырскихъ обязанностей, онъ можетъ оставить должность чтеца и избрать другое поприще жизни; тогда какъ выходъ изъ священства считается у всѣхъ православныхъ народовъ поступкомъ чрезвычайно постыднымъ. Несоблюденіе у насъ правилъ относительно возраста и испытанія клириковъ есть также одно изъ послѣдствій введенія потомственного духовнаго сословія. Бѣдность вынуждаетъ родителей спѣшить помыщеніемъ ихъ сыновей въ духовно-учебныя заведенія; они рано кончаютъ тамъ курсъ и выходятъ очень молодыми; между тѣмъ, та же бѣдность препятствуетъ этимъ послѣднимъ оставаться нѣскольکو лѣтъ безъ мѣста. Опасаясь, чтобъ они не бросились на другую дорогу жизни, духовное начальство спѣшить посвященіемъ и опредѣленіемъ ихъ на должности. Указомъ 6 декабря 1829 года, повелѣно опредѣлять священниками не ранѣ тридцатилѣтняго возраста только не окончившихъ семинарскаго курса; а для студентовъ богословія отиѣвлено соблюденіе этого правила. При этомъ хуже всего то, что эти юноши гнушаются поступленіемъ на должность чтецовъ, не хотятъ даже быть діаконами, но требуютъ, чтобъ ихъ рукополагали прямо въ священники, какъ только они разстанутся съ школьною скамейкой. Какое довѣріе и уваженіе могутъ

внушать къ себѣ эти двадцати двухъ-трехлѣтніе пастыри? Гдѣ имъ руководить совѣстью и нравственностью общества, которое смотритъ на нихъ, какъ на мальчиковъ? Что обѣщаютъ они церкви, когда при самомъ поступленіи своемъ на служеніе ей, они требуютъ нарушенія ея основныхъ законовъ, въ угожденіе ихъ личнымъ выгодамъ?

Въ заключеніе нашего очерка сдѣлаемъ краткій перечень достигнутыхъ нами выводовъ.

Въ ряду всѣхъ перечисленныхъ нами мѣръ, двѣ являются основными началами всего дѣла, и безъ совершенія ихъ всѣ остальные не дадутъ никакого положительнаго плода. Первая изъ этихъ мѣръ заключается въ прекращеніи потомственнаго духовнаго сословія, потому что оно есть корень безусловной, общей и ничѣмъ неисправимой бѣдности клириковъ. Вторая заключается въ предоставленіи отъ государства достаточнаго количества имуществъ въ собственность церкви, потому что безъ источника доходовъ, нельзя производить никакихъ расходовъ.

Прекращеніе потомственнаго духовнаго сословія влечетъ за собою слѣдующія преобразованія:

Вопервыхъ, открытіе доступа къ священнослуженію всѣмъ благочестивымъ христіанамъ и для того: учрежденіе новыхъ церковныхъ училищъ, гдѣ люди всѣхъ возрастовъ могли бы получать необходимыя богословскія познанія, и притомъ въ такомъ ограниченномъ объемѣ, чтобъ изученіе ихъ было доступно для пожилыхъ людей. вмѣстѣ съ тѣмъ, возвращеніе права полученія священства, не связывая никого насильственными узами брака, но въ замѣнъ этой мѣло дѣйствительной и ошибочной мѣры предосторожности, строгое соблюденіе правилъ относительно возраста и времени испытанія въ каждой степени клира.

Вовторыхъ, открытіе сыновьямъ клириковъ возможности избирать себѣ другія поприща жизни; для сего: облегченіе для нихъ средствъ къ полученію воспитанія въ свѣтскихъ училищахъ. Упраздненіе низшихъ духовно-учебныхъ заведеній и сокращеніе числа семинарій. Въ послѣдствіи этихъ мѣръ, измѣненіе программы преподаванія въ народныхъ уѣздныхъ училищахъ, потому что отнынѣ они будутъ доставлять первоначальное образованіе не однимъ только мальчикамъ, готовящимся къ мірскимъ занятіямъ, но и тѣмъ изъ

нихъ, которые въ послѣдствіи пожелаютъ посвятить себя церковному служенію.

Предоставленіе въ собственность епархій значительнаго количества церковныхъ имуществъ, на обезпеченіе всѣхъ нуждъ церкви, влечетъ за собою слѣдующія преобразованія:

Вопервыхъ, установленіе правильнаго и гласнаго управленія церковными имуществами; для сего: упраздненіе консисторій и возстановленіе древнихъ епископскихъ совѣтовъ, составленныхъ изъ достойнѣйшихъ клириковъ и мирянъ, избранныхъ довѣріемъ къ нимъ всего общества; прекращеніе всѣхъ бюрократическихъ приемовъ и формъ въ производствѣ дѣлъ, а равномѣрно стѣснительнаго ограниченія власти епископовъ въ распоряженіи мѣстными дѣлами.

Вовторыхъ, правильное и разчетливое употребленіе доходовъ, получаемыхъ съ церковныхъ имуществъ; для сего: прекращеніе выдачи опредѣленнаго и общаго всѣмъ служащимъ церкви жалованья, но раздача пособій дѣйствительно нуждающимся въ количествѣ соотвѣтственномъ ихъ нуждамъ.

Всѣ эти мѣры неразрывно связаны между собою и вытекаютъ одна изъ другой въ строгой послѣдовательности. Совокупное ихъ примѣненіе къ дѣлу должно имѣть полный успѣхъ. Если же дозволить себѣ привести въ исполненіе однѣ изъ нихъ и откинуть другія, то напередъ и достовѣрно можно поручиться, что изъ такого произвольнаго раздѣленія мѣръ тѣсно связанныхъ между собою не можетъ выйдти ничего добраго и основательнаго. Кромѣ того, всѣ эти мѣры основаны на канонахъ церкви, и отмѣненіе каждой изъ нихъ составитъ отступленіе отъ канонѣвъ.

Можно ли надѣяться, что изложенныя въ этомъ обзорѣ мысли будутъ приняты во вниманіе и приведутся въ исполненіе? Очевидно, что главная трудность всего дѣла заключается въ пріисканіи значительныхъ матеріальныхъ средствъ. Но будемъ уповать, что, съ помощью Божіею, въ православной и обширной землѣ Русской эта трудность не обратится въ препятствіе; что любовь и преданность къ церкви создадутъ средства на совершеніе столь добраго и святаго дѣла, и что правосудная заботливость правительства пріищетъ возможность сократить государственныя расходы на нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, менѣе нужныхъ, чтобъ обезпечить существованіе церкви—этой души государственнаго тѣла.

ПОСЛѢДНЕЕ АУТО-ДА-ФЕ ВЪ СЕВИЛЬѢ *

Начало инквизиціоннаго трибунала въ Испаніи принадлежитъ Севильѣ, поэтическому городу Андалусіи, столицѣ красавицъ, и относится къ 1480 году, къ славному времени царствованія въ Испаніи Фердинанда и Исабеллы Католическихъ **. Къ 1781 году это чудовище уже состарѣлось: въ

* Свѣдѣнія объ этомъ происшествіи основанныя на современныхъ запискахъ и на официальныхъ документахъ, были изданы на испанскомъ языкѣ въ видѣ отдѣльнаго разказа, въ 1820 году. Послѣ того еще было обнародовано письмо одного очевидца, монаха, къ знаменитому министру Карла III, Ховелланосу, писанное изъ Севильи, отъ 25 августа 1781 года, то-есть на утро послѣ ауто-да-фе. Нашъ разказъ основывается на этихъ данныхъ.

** Известно, что инквизиція появилась въ началѣ XIII вѣка въ южныхъ провинціяхъ Франціи. Въ 1242 году она была введена въ Аррагонъ. Но здѣсь она не имѣла характера особаго судебного трибунала со всеми судебными прерогативами, и дѣйствія ея ограничивались преслѣдованіемъ Альбигенцевъ. Настоящій свой видъ и всю обширность своей юрисдикціи она получила по буллѣ папы Сикста IV, отъ 1479 года, данной „королямъ католическимъ“, по которой эти послѣдніе, 17 сентября 1480 года, назначили Доминиканцевъ инквизиторами, приказавъ имъ основаться въ Севильѣ и тотчасъ же начать свои дѣйствія. Недавно намъ случилось быть на лекціи краснорѣчиваго профессора Мадридскаго университета, по имени Испаніи, г. Кастелара. Лекція была объ учрежденіи инквизиціи въ Испаніи при Фердинандѣ и Исабеллѣ Католическихъ. Профессоръ, какъ истинный патриотъ, благоговѣющій передъ „королями католическими“, и очень

это время въ Испаніи царствовалъ Карлъ III, знаменитый гражданскій реформаторъ и гонитель іезуитовъ. Но инквизиція, несмотря ни на что, и во время своей старости сохраняла свой характеръ. Случай, который хотимъ мы разказать и который характеризуетъ какъ инквизицію, такъ и прежніе нравы испанскаго духовенства, служить яснымъ тому доказательствомъ.

Севилья расположена на лѣвомъ берегу Гвадалкивира. Правый берегъ его занимаетъ предмѣстіемъ, населеннымъ странствующимъ племенемъ Цыганъ, пришедшихъ сюда еще съ Арабами, но до сего времени сохраняющихъ свой особенный характеръ. Это предмѣстіе носитъ имя славнаго императора Траяна (въ искаженіи Триана), бывшаго родомъ изъ древняго города Италики, развалины котораго остаются и доселѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Трианы. Въ настоящее время Триана соединяется съ Севильей прекраснымъ чугуннымъ мостомъ, гордостію Севильянцева, на который они указываютъ путешественнику какъ на одно изъ чудесъ своего города. Но въ то время, къ которому относится нашъ разказъ, изъ Трианы проходили въ Севилью по мосту, составлявшемуся изъ барокъ.

24 августа 1781 года съ самаго ранняго утра толпы народа пробирались изъ Севильи въ Триану. Барочный мостъ тонулъ подъ тяжестью проходящихъ. Скоро улицы Трианы переполнились народомъ. Въ этотъ день одна осужденная—это была женщина—должна была выйдти изъ темницы, помѣщавшейся вмѣстѣ съ инквизиціонныхъ трибуналомъ въ Трианѣ, въ старомъ замкѣ, отданномъ инквизиціи со времени ея учреж-

осторожный въ сужденіяхъ о нихъ, дозволилъ себѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ сообщить характеристику главнаго учредителя инквизиціи, имени павы Сикста IV. Уважаемый профессоръ, всегда в больше всего заботящійся о хорошемъ томѣ своихъ лекцій, на этотъ разъ извѣдался, что ему приходится сказать нѣсколько непріятныхъ замѣчаній, потому что личность, о которой идетъ дѣло, слишкомъ уже грязна. Онъ сопоставилъ Сикста IV съ другимъ папой, Александромъ VI, человекомъ беззавѣстнымъ, какого только можно вообразить, который въ позорныхъ страстяхъ своихъ не щадилъ собственныхъ дочерей. „Но Александръ VI, говорилъ г. Кастелларъ, еще святой человекъ въ сравненіи съ Сикстомъ IV, извѣстнымъ содержателемъ разбойническихъ шаекъ, человекомъ, въ пользу котораго только и можно сказать, что онъ не имѣлъ позорныхъ смешеній можетъ-быть только съ своими сыновьями.“

деня, и отсюда отправиться въ инквизиціонной процессіи на другую сторону Гвадалкивира, въ Севилью, прежде въ монастырь Доминиканцевъ, а потомъ на костеръ. Любопытная толпа хотѣла встрѣтить несчастную жертву при выходѣ изъ темницы, чтобы потомъ сопровождать ее до самаго костра.

Марія Долоресъ Лоресъ—такъ звали осужденную—родилась въ Севильѣ отъ родителей, „превосходныхъ христіанъ“, которые ничего не щадили, чтобы дать своимъ дѣтямъ благочестивое воспитаніе. Братъ Маріи Долоресъ былъ священникомъ и капелланомъ церкви одной духовной коллегіи въ Севильѣ, а сестра была монахиней въ монастырѣ кармелитокъ. Но эти добрые примѣры, какъ сказано въ источникахъ изъ которыхъ заимствуемъ мы нашъ разказъ, не произвели никакаго дѣйствія на юную Марію: съ шестилѣтняго возраста она показывала въ себѣ высокоумный характеръ и какую-то преждевременную испорченность. Имѣя двѣнадцать лѣтъ, она оставила родительскій домъ и поселилась въ домѣ священника, своего духовника, гдѣ жила цѣлые четыре года. Нечего говорить о томъ, какъ она жила эти четыре года: сама она говорила, что она здѣсь исполняла роль Ависаги, согрѣвавшей престарѣлаго Давида (3 кн. Царствъ, I гл.). Въ это время она имѣла нечастіе ослѣпнуть. Несчастный обольститель Маріи Долоресъ, священникъ, находясь на смертномъ ложѣ, умолялъ окружавшихъ его постель, чтобы не допускали къ нему *маленькую слѣпую*, „ибо говорилъ онъ: она возмущаетъ мою совѣсть“.

По смерти перваго своего духовника она возвратилась въ родительскій домъ. Но спустя немного времени оставила его снова, чтобы поступить въ монастырь кармелитокъ, носившій имя La Nuestra Senora de Belen (Видеемской Божіей Матери) и отъ котораго въ настоящее время остается только одна капелла. Она хотѣла сдѣлаться здѣсь органисткой, но почему-то оставалась здѣсь очень не долго, успѣвъ только повѣрить тайны своей жизни одной монахинѣ, которая въ послѣдствіи была въ числѣ ея обвинительницъ. Оставивъ монастырь кармелитокъ, Долоресъ отправилась въ Марчену, городъ лежащій въ пятидесяти верстахъ отъ Севильи, на пути въ Гранаду. Преждевременное ея развитіе и вмѣстѣ съ тѣмъ истощеніе, которыми она была обязана своему первому духовнику, имѣли, кромѣ слѣпоты, и другія слѣдствія. Въ Марченѣ у ней обна-

ружились явственныя признаки органическаго и умственнаго растройства; она ходила въ полумонашескомъ платьѣ, говорила, что обладаетъ божественными тайнами. Народъ сталъ считать ее *блаженною* (beata) и называлъ не иначе, какъ Беатой. Здѣсь она выбрала себѣ другаго духовника, которому, по словамъ ея, считала достойнымъ повѣрять Богомъ сообщаемыя ей тайны. Она начала обращать на себя общее вниманіе своими постами и молитвами. Говорила о сношеніяхъ, какія имѣла съ своимъ ангеломъ-хранителемъ, котораго называла своимъ *маленькимъ братомъ*; относясь къ младенцу Іисусу, называла его своимъ маленькимъ *tinosiso* (имя фамиліарно употребляемое матерями о своихъ маленькихъ дѣтяхъ и въ переводѣ значащее *паршиленъкій*). Духовникъ, повидимому, убѣдился въ высотѣ ея святости: въ удивленіи простирался онъ предъ нею на землю. Но дѣло тѣмъ ограничилось. Беата была еще молода, и она повторила свою прежнюю жизнь, какую вела съ первымъ духовникомъ. Такой исходъ дѣла не могъ укрыться ни отъ кого. Духовникъ ея принужденъ былъ удалиться въ Люсену, андалусійскій городъ, лежащій въ провинціи Кордовы. Беата посѣдовала за нимъ. Здѣсь вела они прежнюю жизнь, и Долоресъ не переставала въ то же время разказывать о разныхъ святыхъ видѣніяхъ. Въ добавокъ ко всему, они посѣдъ каждого своего паденія бичевали себя кнутами. Такимъ образомъ Беата жила со вторымъ своимъ духовникомъ въ Люсенѣ четыре года, пока наконецъ начальство не отправило послѣдняго въ одинъ пустынный монастырь.

Между тѣмъ какъ духовникъ Беаты принужденъ былъ въ пустынѣ оплакивать свою преступную жизнь, сама Беата возвратилась въ Севилью, гдѣ и оставалась въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ. Въ эти двѣнадцать лѣтъ она имѣла нѣсколько духовниковъ, и послѣдній изъ нихъ предалъ ее. Дѣло было такъ. Беата жила въ домѣ, гдѣ было много другихъ постояльцевъ. Духовникъ ходилъ къ ней ежедневно. Это не могло не обращать вниманія сосѣдей. Шумъ отъ бичеванія еще болѣе заставлялъ ихъ подозрѣвать, что въ комнатѣ Беаты происходитъ нѣчто необыкновенное. Изъ любопытства они собирались около двери Беаты и въ щели двери старались подсмотреть что дѣлается въ комнатѣ.

Замѣтивъ, что дѣло становится гласнымъ, духовникъ поспѣшилъ предупредить ожидавшее его наказаніе, тѣмъ болѣе

что онъ, хотя и носилъ санъ священника, не имѣлъ права быть духовникомъ *. Онъ сдѣлалъ доносъ на Беату въ инквизиціонное судилище.

Беата имѣла несомнѣнные признаки умственного расстройства, и если кого должно было судить въ ея дѣлѣ, такъ это тѣ духовныя лица, которыя пользовались ея сумашествіемъ, чтобъ удовлетворять своему сладострастію. Но инквизиція не сочла нужнымъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла; она взглянула на Беату какъ на еретичку и въ іюль 1779 года, заключивъ ее въ инквизиторскую темницу, начала надъ нею религіозный процессъ. Этотъ процессъ продолжался почти два года.

При первыхъ допросахъ Беата увѣряла, что разумный возрастъ для нея начался съ четырехъ лѣтъ, что она выучилась читать и писать безъ всякой посторонней помощи; что она потеряла зрѣніе на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ потому, что Богу угодно было просвѣтить ее душу другимъ, болѣе живымъ свѣтомъ; что она находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Христомъ и съ его святою Матерью, что восхитенная на небо, она тамъ повѣчалась съ Іисусомъ, имѣла свидѣтелями святаго Іосифа и святаго Августина, что, наконецъ, милліоны душъ, освобожденныхъ ею изъ чистилища, приходятъ къ ней каждый день благодарить ее.

Эти великія милости, говорила Беата, получила она за бичеванія, которымъ подвергала свое тѣло. На этотъ счетъ она входила въ величайшія подробности и путалась въ нелѣпностяхъ и противорѣчіяхъ. Въ несвязныхъ рѣчахъ своихъ утверждала, что претерпѣла больше страданій чѣмъ самъ Іисусъ Христосъ, что недовольна его милостями, потому что купила ихъ слишкомъ дорого, что хотя святые и почитаются на алтаряхъ, но, какъ говорилъ ей ея *маленькій братъ*, души ихъ горятъ въ аду и т. п.

Фискалъ инквизиціи допросилъ всѣхъ свидѣтелей противъ обвиняемой и собралъ противъ нея всѣ свидѣтельства, изъ которыхъ вывелъ заключеніе, что Беата виновна во лжи ереси, приверженности къ ученію *Молины и Бичующихся*, и что поэтому инквизиціонный трибуналъ, осудивъ, долженъ

* Известно, что въ западной церкви недостаточно быть священникомъ, чтобы быть вѣстѣ и духовникомъ; на послѣднее нужно еще получить особое право.

предать ее власти гражданской, для совершенія надъ ней уголовной казни.

Въ такомъ видѣ дѣло о Беатѣ вышло изъ первой судебной инстанціи, сѣдственной *, и перешло во вторую собственно судебную.

* Замѣчательно, что въ настоящее время уголовный судъ Испаніи сохраняетъ вполнѣ форму суда инквизиціоннаго. Нынѣ уголовныя дѣла проходятъ чрезъ три инстанціи: первая инстанція—это инстанція сѣдственная, которую завѣдываетъ фискалъ ея величества. Всѣ данныя для фискала собираетъ судья того округа, въ которомъ случилось уголовное преступленіе; Самъ фискалъ приводитъ всѣ эти данныя въ порядокъ и ясность и выводитъ свое заключеніе. Съ этимъ заключеніемъ онъ вноситъ дѣло во вторую инстанцію, гдѣ выступаютъ на сцену адвокаты подсудимыхъ. Согласно обычаю, фискалъ считаетъ уже нѣкоторую обязанностію поддерживать противъ адвокатовъ однажды сдѣланное имъ заключеніе. Дѣло судей второй инстанціи—рѣшить дѣло въ пользу доводовъ фискала или въ пользу адвокатовъ подсудимаго. Во всякомъ случаѣ фискалъ съ однажды сдѣланнымъ заключеніемъ переходитъ въ третью и послѣднюю инстанцію, гдѣ производится окончательное рѣшеніе, которое вполнѣ зависитъ отъ президента послѣдняго трибунала съ нѣсколькими его ассистентами. Роль фискала особенно напоминаетъ собою инквизиціонныя суды. Намъ случилось наблюдать ее въ знаменитомъ процессѣ, извѣстномъ въ Испаніи подъ именемъ *Causa celebre en la calle de la Justa*, кончившемся въ нынѣшнемъ году 28 февраля (12 марта) смертною казнью одного изъ обвиняемыхъ. Дѣло это было такого рода. 29 іюля 1861 года, на улицѣ Хусты въ Мадридѣ, въ 9 часовъ вечера, была убита г-жа Карлота Перейра, жена г-на Хелера, жившаго въ разводѣ съ своею женой и бывшаго въ это время чинovníкомъ въ Альмеріи. Въ ближайшей другой улицѣ схваченъ былъ человекъ, въ которомъ толпа подозрѣвала убійцу. Этотъ человекъ, нѣкто Монтеро, оказался недавно прибывшимъ изъ Америкіи въ Мадридъ въ сообществѣ съ другимъ Америкѣцемъ Гранадосомъ, для присканія себѣ мѣста. Ни тотъ, ни другой совершенно не знали Карлоты Перейры и не имѣли никакихъ причинъ убивать ее. Что касается до Хелера, то онъ по закону развелся съ своею женой, потому что была открыта ея связь съ другимъ. Народная молва, прежде вѣроятно осуждавшая поведеніе жены Хелера, теперь, послѣ ея смерти, обратилась противъ ея мужа. Распространилось подозрѣніе, что Гранадосъ и Монтеро подкуплены Хелеромъ, чтобъ убить его жену. Подъ вліяніемъ этой народной молвы фискалъ привелъ въ порядокъ всѣ собранныя показанія и вывелъ заключеніе, что Хелеръ подкупилъ Гранадоса и Монтеро и что всѣ они: первый какъ главный виновникъ убійства, другіе какъ орудія этого преступленія, подлежатъ смертной казни. Свое заключеніе онъ передалъ во вторую инстанцію. Здѣсь адвокаты обвиняемыхъ вполнѣ

По обычаю, обвиняемую прежде всего три раза призывали передъ судьей, которые каждый разъ спрашивали ее: почему она держится тѣхъ еретическихъ мнѣній, въ которыхъ ее обвиняетъ фискаль инквизиціи? Беата отвѣчала, что ея совѣсть не укоряетъ ее ни въ чемъ противорелигіозномъ. Послѣ третьяго раза одинъ изъ судей началъ исчислять ей всѣ обвиненія, которыя ввоздигъ на нее фискаль. Ужасныя обвиненія, угрожавшія ей смертію, заставили ее нѣсколько очнуться отъ помѣшательства: чтобъ отвратить грозу, она начала признаваться, что обманомъ хотѣла прослыть за святую, что откровенія, которыми она хвадилась, суть воображаемыя. Судьи думали видѣть въ этомъ серьезное раскаяніе преступницы въ ея еретическихъ мнѣніяхъ. Но помѣшательство ея скоро возвратилось снова. Она просила, чтобъ ее выслушали еще разъ, и объявила, что ей являлся самъ Іисусъ Христосъ и укорялъ въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ за

ясно доказали всю нелогичность и неосновательность заключеній фискаля, доказали, что нѣтъ ни одного факта, который бы уполномочивалъ судъ произнести надъ обвиняемыми столь страшный приговоръ. Фискаль самъ чувствовалъ неосновательность своихъ выводовъ, но уперто поддерживалъ ихъ во все время, пока дѣло шло во второй инстанціи и перенесъ свое заключеніе въ третью высшую инстанцію, гдѣ должно было состояться окончательное рѣшеніе. Здѣсь лишь только самыя ясныя доказательства адвокатовъ въ неоправданности заключеній фискаля избавили Хелера и Гравадоса отъ смерти, хотя и не избавили ихъ отъ вѣчнаго заключенія. Монтеро былъ казненъ смертію. Мы видѣли эту казнь. Самая церемонія казни напоминаетъ тѣ же инквизиціонныя суды. На обширномъ полѣ за городомъ былъ поставленъ эшафотъ. Несчастный обвиняемый вѣшалъ изъ темницы на ослѣ, окруженный нѣсколькими священниками. Его ввели на эшафотъ, въ сопровожденіи тѣхъ же священниковъ, посадили на стулъ, надѣли на шею душительный воротникъ (gargote), одинъ изъ священниковъ началъ читать символъ вѣры, и лишь только онъ произнесъ первое слово втораго члена, палачъ затянулъ воротникъ, и символъ дочитывался уже по смерти несчастнаго. „Вотъ ты, еретикъ, умираешь, а вѣра и послѣ твоей смерти живетъ,“ говорила инквизиція. По окончаніи символа вѣры, другой священникъ съ эшафота местово громкимъ голосомъ произнесъ проповѣдь больше чѣмъ къ двухсотъ-тысячной толпѣ, собравшейся на это зрѣлище, и кажется вовсе не нуждавшейся ни въ какой проповѣди, когда самое дѣло говорило сильнѣе всякаго слова. Мы забыли сказать, что лишь только былъ составленъ и объявленъ окончательный приговоръ суда, Монтеро былъ переведенъ въ темничную церковь, гдѣ и оставался до самаго времени казни.

ея слабыя уступки. Опять начала она подтверждать дѣйствительность и святость всѣхъ своихъ видѣній, чистоту всѣхъ своихъ дѣйствій, будто бы направляемыхъ Святымъ Духомъ, и старалась указать чистѣйшія побужденія къ дѣйствіямъ самымъ безчестнымъ и грязнымъ. Противъ нея выступилъ фискаль и легко уловилъ ее въ противорѣчіяхъ. Беата соглашалась, что она противорѣчила сама себя, но говорила что эти противорѣчія происходили отъ ея неумѣнья объясниться и что, вѣроятно, самъ Богъ хотѣлъ этого, чтобы показать свою бѣольшую славу; что ни мученія, ни смерть, ничто не заставитъ ее отказаться отъ сказаннаго, не вынудитъ чего-либо противнаго ея совѣсти.

Ей дали адвоката. Но не должно забывать, что адвокаты инквизиціи обыкновенно такіе же агенты самой инквизиціи, какъ и прочіе члены трибунала. Въмѣсто того чтобы обратить вниманіе судей на умственное разстройство несчастной, онъ обратился къ ней съ увѣщаніями, началъ убѣждать ее отказаться отъ своихъ вѣрованій, и когда не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, отказался защищать ея дѣло. Послѣ этого ее окружили мудрыми теологами, и благочестивыми монахами, которые должны были навести ее на путь истинный. Знаменитый въ то время миссіонеръ Діего Кадисскій, канувшій въ монахъ, котораго Испанцы называютъ „апостоломъ Андалусіи,“ увѣщевалъ ее въ продолженіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, но ни сила его доводовъ, ни обиліе его слезъ не произвели на нее никакого впечатлѣнія. О Діего вообще говорили, что его могущественному краснорѣчію ничто не можетъ противиться; но и краснорѣчивый Діего признавалъ свое безсиліе предъ „демономъ-молинистомъ“, который скрывался въ душѣ и тѣлѣ Беаты Долоресъ. Онъ, наконецъ, отказался отъ продолженія своихъ увѣщаній, говоря, что онъ съ удивленіемъ отступаетъ предъ непонятною твердостью этой женщины и не только далекъ отъ того, чтобы обратить ее, но боится даже, чтобы она не обратила его самого.

Что же могли сдѣлать другіе тамъ, гдѣ ни въ чемъ не успѣлъ самъ „братъ“ Діего? * Въ продолженіи цѣлыхъ девяти

* Не доходя до знаменитаго моста черезъ Гвадалквивиръ въ Триану, путешественникъ встрѣчаетъ колонну — triumpho, коронованную группою Св. Троицы. Эта колонна поставлена въ память Діего Кадис-

мѣсяцевъ наиболѣе „ученыя,“ наиболѣе „святыя“ личности Севильи напрасно трудились надъ обращеніемъ Беаты. Наконецъ всѣ они одинъ за другимъ должны были согласиться, что никогда не встрѣчали женщины такого „прозорливаго“ духа, съ такимъ крѣпкимъ сердцемъ и съ такимъ плодотворнымъ воображеніемъ. Ее нѣсколько разъ приводили предъ инквизиціонный трибуналъ, дѣлали ей самыя настоятельныя увѣщанія, но бесполезно. Ей, наконецъ, сказали, что ее осудятъ на сожженіе живою. Она съ нѣкоторымъ самоудовольствіемъ отвѣчала на это: „терпѣніе, а тамъ что угодно, (расіенсіа, у sucede que podга!“ Ей представляли страшныя мученія, ожидающія ее въ аду за ея заблужденія и упорство. Она отвѣчала, что ее уже давнымъ давно ждутъ хоры ангельскіе и что самъ Іисусъ Христосъ открылъ ей, какъ будетъ она взята инквизиціей, какъ ей придется бороться противъ людей „мудрѣйшихъ,“ и какъ она погибнетъ мученицей. Но не пройдетъ, предсказывала она, трехъ дней, и Богъ, страшнымъ наказаніемъ всему городу покажетъ ея невинность.

Упорство, которое обнаружилла Беата противъ всѣхъ увѣщаній, заставило инквизиторовъ нѣсколько призадуматься. Между ними поднялся вопросъ: не имѣетъ ли она въ себѣ демона? Инквизиціи нерѣдко приходилось производить свой судъ надъ, такъ-называемыми, бѣсноватыми. Справились съ этими опытами и пришли къ заключенію, что Беату нельзя считать бѣсноватою. И въ подтвержденіе этого приводили одно обстоятельство въ особенности обратившее на себя вниманіе: въ продолженіе двухъ лѣтъ, когда Беата содержалась въ темницѣ, никто не замѣчалъ, чтобъ она предавалась молитвѣ или какимъ-нибудь другимъ благочестивымъ упражненіямъ, что, будто бы, всегда дѣлали бѣсноватые въ минуты, когда были свободны отъ дѣйствія демона.

окаго, пріобрѣтшаго чрезъ свои проповѣди особенную популярность въ Севильѣ. Его краснорѣчію приписывали неотразимую силу, и народное уваженіе къ нему было столь велико, что онъ вынужденъ былъ ходить по улицамъ и сидѣть въ церкви окруженный солдатами, такъ какъ народъ не дозволялся слушаніемъ его проповѣдей, но всегда старался рѣзать и рвать клочки отъ его одежды, чтобы хранить ихъ какъ „святыя останки.“ Діего умеръ въ 1805 году; испанское духовенство уже давно хлопотало предъ римскимъ дворомъ о его канонизаціи. Наконецъ, въ январѣ нынѣшняго года папа причислилъ его къ лику святыхъ.

Инквизиторы признали, что Беата настоящая еретичка. Медлить больше было нечего. 22 августа, 1781 года, инквизиціонный трибуналъ произнесъ окончательное рѣшеніе: обвиненная осуждалась на отлученіе отъ церкви и на конфискацію ея имѣній въ пользу короля и государства.

Вечеромъ 22 августа четверо инквизиторовъ: Донъ Хосе де-Кеведо-и-Кинтана, лисенсіатъ Донъ-Хуліанъ де-Амертой, лисенсіатъ Донъ-Франсиско Марко де-Ларіо и докторъ, (разумѣется, теологіи и каноническаго права) Донъ Антоніо де-Лара-и-Сунига, сопровождаемые секретарями, вышли изъ залы трибунала и направились въ отдѣленіе темницы, гдѣ находилась Беата. Старшій изъ инквизиторовъ объявилъ ей, что ея дѣло кончено и что не пройдетъ трехъ дней, какъ она должна будетъ умереть.

Выслушавъ это рѣшеніе, Беата не показала на своемъ лицѣ никакой перемены; она даже благодарила трибуналъ, и при инквизиторахъ же обратилась съ громкою молитвою къ Nuestra Señora del Carmen, заклиная эту послѣднюю не допустить ее открыть то, о чемъ совѣсть приказывала ей умолчать.

По обычаю, тотчасъ же послѣ объявленія приговора, Беату отравили въ темничную капеллу. Въ продолженіи трехъ дней, которые она провела тамъ, она ѣла и спала съ совершеннымъ спокойствіемъ, вовсе не заботясь о предстоящей ей казни. Въ это время приходили къ ней монахи и другія лица и старались возбудить въ ней чувство раскаянія; но она все съ спокойно отвѣчала, чтобъ они оставили напрасные труды. Самъ епископъ, управлявшій въ то время севильскимъ діоцезомъ за смертію архіепископа Севильи, приходилъ къ ней; но и онъ ничего не могъ добиться.

Въ день казни, толпы народа, собравшіяся съ ранняго утра въ Трианъ, тѣснились на площади и около воротъ инквизиціонной темницы. Народъ повималъ и объяснялъ дѣло Беаты и даже чѣмъ инквизиція. Въ это время идеи, которыми былъ проникнутъ Карлъ III, его министры и его дворъ, уже проникали въ народъ. И если еще были фанатическіе голоса, раздававшіеся противъ короля и его министровъ и видѣвшіе ереси въ ихъ либеральныхъ тенденціяхъ и предвзятіяхъ, то уже это самое приучало толпу смотрѣть равнодушнѣе на преступленіе ереси. Народу казалось невозмож-

вымъ, чтобы теперь, когда сами благодѣтели правды и суда—король и его министры—считаются еретиками, чтобы теперь кто-нибудь наказывался за ересь. Толпы, тѣснившіяся теперь въ Трианъ, больше вѣрили чародѣйствамъ чѣмъ еретическимъ мѣвнїямъ и въ Беатъ хотѣли видѣть скорѣе чародѣйку чѣмъ молинистку.

Въ толпѣ разказывали исторїю Беаты совершенно своеобразно. „Ее предали инквизициі, говорили тамъ, чтобы не предавать обыкновенному судебному трибуналу какъ воронку.“ Другіе толковали, что, несмотря на свою сѣпноту, Беата обладала способностью, благодаря которой исчезали всѣ драгоценные предметы, которыхъ только она касалась своими руками; что объ этомъ, наконецъ, узнало правительство, начало обыскивать ея домъ и нашло у ней множество дорогихъ вещей, въ которыхъ многіе севильскіе горожане признали свои собственныя, нѣкогда пропавшія вещи. Не мало передавалось изъ устъ въ уста разказовъ о чародѣйствѣ несчастной сѣпной. Беата нѣкогда торговала яцами. Теперь въ народѣ говорили, что она всегда имѣла для продажи яца, но что никому никогда не случалось видѣть у ней ни одной курицы. Народная молва заключала отсюда ни больше ни меньше какъ то, что она сама несла яца; поэтому и называла ее *Beata à los huevos* (Беата на яцахъ). Къ этому присоединяли даже разказъ о томъ, какъ однажды какой-то прислужникъ пришедшій къ Беатѣ за яцами, видѣлъ, что она сначала отворила шкафъ, взяла стоявшую здѣсь бутылку и проглотила нѣсколько капель содержавшейся въ ней жидкости, а потомъ вышла въ другую комнату. Оставшійся наединѣ прислужникъ тоже взялъ бутылку и изъ любопытства проглотилъ нѣсколько капель бывшей въ ней жидкости. Беата вышла къ нему изъ другой комнаты съ яцами, какъ будто только что сънесенными. Прислужникъ, возвратившись домой, почувствовалъ колику въ животѣ: худая репутация Беаты заставила его подумать, что выпитая имъ жидкость была ядъ. Но колика скоро начала проходить, и онъ, къ удивленію, замѣтилъ, что съелъ яцо, потомъ другое и третье.

Вдругъ смолкъ народный шумъ и говоръ на пространствѣ всей площади предъ инквизиціонною темницей: отворились ея ворота и двинулась инквизиціонная процессія. На сосѣдней башнѣ Святой Анны часы прозвонили восемь. Во главѣ

процессіи шелъ приходскій клиръ Трианы, впереди котораго одинъ изъ клириковъ несъ крестъ въ траурѣ; за клиромъ шла братство Св. мученика Петра, состоявшее изъ низшихъ служителей *de Santo Oficio* (инквизиціи), съ своимъ знаменемъ впереди. За нимъ шла группа, состоявшая изъ старшаго агасила трибунала, которымъ тогда былъ нѣкто Домъ-Руй Диасъ де-Рохаъ, смотрителя темницы, нѣсколькихъ монаховъ, принадлежавшихъ различнымъ орденамъ, наконецъ, двухъ кавалеровъ Святаго Іакова, несшихъ ящичекъ въ которомъ находилась приговоръ. Но то, на чемъ съ жадностью останавливались взоры любопытной толпы,—это виновница настоящей процессіи, маленькое и худенькое созданье, бывшее посреда послѣдней группы. Беата была одѣта въ обыкновенное *zambenito* (длинная сѣраго цвѣта туника, въ которую обыкновенно одѣвали приговоренныхъ къ казни инквизиціей); на плечахъ у нея былъ родъ бѣлаго капишона, а на головѣ бумажная шляпка, на которой были нарисованы демоны горящіе въ пламени. Глаза ея были совершенно тусклы, лицо нѣсколько рябоватое, ротъ большой и нѣсколько дугообразный, подбородокъ острый, цвѣтъ лица мѣдный, каштановые волосы ея были въ беспорядкѣ.

Лишь только показалась осужденная, одинъ изъ сопровождавшихъ ее монаховъ, отецъ Теодомиро Игнасіо Диасъ Вега, о которомъ еще теперь вспоминаютъ въ Севильѣ какъ о знаменитомъ ораторѣ, обращаясь къ толпѣ, спросилъ: всѣ ли думаютъ и вѣрують, что Богъ имѣлъ основаніе осудить все то что запрещаетъ вторая заповѣдь? Народъ въ одинъ голосъ отвѣчалъ: да. Тогда отецъ обратился къ грѣшницѣ и спрашивалъ ее: ужели она думаетъ, что весь народъ обманывается, а что она одна права противъ всѣхъ?

Беата отвѣчала на это, свидѣтельствуясь всеми присутствующими, что трибуналъ былъ съ нею несправедливъ и жестокъ, что онъ не хотѣлъ ни понять ее, ни дать ей времени исповѣдаться.

Она говорила это такъ громко и такъ смѣло, что бывший около нея францисканскій монахъ отецъ Франсиско Хавьеръ Гонсалесъ испугался, чтобъ ея крики не соблазнили толпу: онъ приказалъ положить ей въ ротъ деревяшку (*mordasa*), что и было тотчасъ же исполнено. Увѣщанія продолжались, но еще съ меньшимъ успѣхомъ чѣмъ прежде. Не имѣя возможности произнести слога, Беата только покачивала головой на все

что ей говорили объ ожидавшей ее смерти и вѣчномъ мученіи.

Лишь только процессія переправилась черезъ мостъ, двинулись сами инквизиторы въ своихъ каретахъ. Впрочемъ, черезъ мостъ они принуждены были идти пѣшкомъ, потому что подъ тяжестью массъ народа переломилась одна изъ барокъ, составлявшихъ мостъ, и проѣздъ въ каретахъ былъ не безопасенъ. На другой сторонѣ рѣки инквизиторы сѣли опять въ кареты, и чтобъ обогнать процессію, другими улицами отправились въ монастырь Св. Павла, куда вели осужденную. Этотъ монастырь въ которомъ торжественно произносились приговоры инквизиціоннаго суда, издавна принадлежалъ доминиканцамъ. Въ настоящее время жилия зданія монастыря частію полуразрушены, а частію заняты канцеляріей губернатора севильской провинціи, но церковь по обширности и красотѣ, считается доселѣ одною изъ лучшихъ церквей Севильи.

Процессія прошла черезъ ворота Трианы и отправилась по длинной улицѣ Св. Павла, прямо къ монастырю этого имени. Она должна была войти въ монастырскую церковь *воротами Іудеевъ*, La Puerta de los Judos, называвшимися такъ, вѣроятно, потому что инквизиція не разъ проводила чрезъ нихъ несчастныхъ Іудеевъ, которыхъ, какъ извѣстно, въ Испаніи и духовное, и свѣтское правительство самими жестокими мѣрами принуждало обращаться въ христіанство и которые потомъ дѣлались жертвами инквизиціи за то, что обратившись по принужденію, въ жизни своей не дѣлались истинными христіанами *.

* Извѣстно, что еще во времена готскихъ королей толедскіе соборы выдавали противъ Іудеевъ опредѣленія въ родѣ слѣдующихъ: или принимай христіанство, или тебѣ угрожаетъ жестокое тѣлесное наказаніе, конфискація имѣнія и сосяка въ Африку; или принимай христіанство, или правительство отдастъ тебя въ рабы христіанину, твоему же рабу и твоихъ дѣтей отберутъ у тебя, чтобы воспитывать ихъ въ христіанствѣ. Учредительница инквизиціи Изабелла Католическая, издала жестокий указъ объ изгнаніи Іудеевъ изъ Испаніи. Самый поводъ, по которому „короли католическіе“ привели въ дѣйствіе буллу Сикста IV объ инквизиціи, приписываютъ тому обстоятельству, что одинъ Іудей издалъ сочиненіе, въ которомъ осуждалъ отношеніе правительства къ этой несчастной націи и коснулся самой христіанской религіи. *Historia de la Civilizacion Española desde la invasion de los Arabes hasta la epoca presente*, par Don Eugenio de Tapóa, t. II p. 303.

Двери церкви монастыря Св. Павла были отворены съ пяти часовъ утра, для всѣхъ безъ различія. Въ шесть часовъ въ церкви не было пяди свободнаго мѣста: хоры, рѣшетки, каедры, самые алтари, все занято было народомъ. Лишь только процессія показалась вдали, всѣ монахи выстроились около воротъ Иудеевъ и закричали въ одинъ голосъ: *Ave Maria! Vive la fé de Jesus Christo!* Тѣмъ же крикомъ отвѣчали присутствующіе,—и онъ раздавался тысячу разъ въ церкви и въ сосѣднихъ улицахъ. На всемъ пути процессіи постоянно слышались крики: *Vive la santa fé y muerte á los que la niegan* (да живеть святая вѣра и смерть тѣмъ, которые ее отрицають)!

Когда Беата взошла на приготовленныя для нея въ самой церкви подмостки, отецъ Гонсалесъ, потребовавъ молчанія и въ слезахъ громкимъ голосомъ произнесъ: „Зло не излѣчимо, она упорствуетъ въ своемъ грѣхѣ и безчувственна ко всему; молитѣ Бога о ея обращеніи и просите Святую Дѣву смягчить ея сердце!“

Внутренности церкви дакъ былъ видѣнъ, соответствующій печальной церемоніи, которая въ ней происходила. Всѣ алтари были обнажены, кресты были вынесены, лампы потушены, святые изображенія всѣ завѣшаны, „святое тѣло“ скрыто отъ глазъ *. Въ *coro* ** на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стоитъ крестъ, было поставлено инквизиціонное знамя. На евангельской сторонѣ церкви, подъ балдахиномъ, видѣлись четыре инквизитора, тѣ самые, которые приходили въ темницу объявить приговоръ Беатѣ. Они сидѣли за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. На той же сторонѣ, только

* Какъ извѣстно, въ католическихъ церквахъ, особенно въ Испаніи, всегда на одномъ изъ престоловъ выставляется святое тѣло Христова. Религіозный Испанецъ и Испанка, при входѣ въ церковь, ищетъ обыкновенно глазами тотъ престолъ, который наиболее убранъ и освѣщенъ, и обращаясь къ нему, дѣлаетъ поклоеніе святому тѣлу.

** *Coro*—мѣсто для церковниковъ и пѣвчихъ, въ соборныхъ церквахъ Испаніи устраивается посреди церкви, такъ что между *coro* и главнымъ алтаремъ (*capilla mayor*) остается довольно значительное пространство. То мѣсто, которое соответствуетъ правому клиросу въ нашихъ церквахъ, обыкновенно занимаетъ каедрю, съ которой читается Евангеліе, и которая потому называется евангельскою, какъ и вся сторона ей соответствующая; на противоположной сторонѣ каедря для чтенія Апостола и вся эта сторона называется апостольскою.

ближе къ евангельской кафедрѣ, сидѣлъ первый лейтенантъ ассистента судьища, которымъ на этотъ разъ, согласно обычаю, былъ коррехидоръ (губернаторъ) Севильи. На апостольской сторонѣ, за столомъ, сидѣли секретари трибунала; на столѣ былъ ящикъ, заключавшій въ себѣ приговоръ. На одной линіи съ секретарями сидѣли нѣсколько служителей de Santo Oficio, во главѣ которыхъ былъ докъ Амвросіо Пересъ де-Техода, отецъ суперіоръ братства Св. мученика Петра.

На скамейкахъ, примыкавшихъ къ евангельской кафедрѣ, размѣстился каиръ; на противоположной сторонѣ, были упомянутыя нами подмости. На этихъ-то подмосткахъ, на четвероугольничкѣ, въ шесть футовъ вышины, былъ поставленъ родъ кѣтки, которая скрывала въ себѣ нижнюю часть тѣла осужденной, тогда какъ верхняя оставалась открытою и была видна отовсюду. По правую сторону этой кѣтки сидѣлъ старшій альгасилъ; а по лѣвую — смотритель инквизиціонной тюрьмы. Вокругъ подмоствъ и на самыхъ подмосткахъ были поставлены скамейки для теологовъ de Santo Oficio, а также для четверыхъ инквизиціонныхъ служителей и монаховъ, сопровождавшихъ осужденную.

Со столбовъ, къ которымъ примыкають кафедры, мрачно смотрѣли нарисованные энергическою кистью портреты знаменитыхъ доминиканцевъ, бывшихъ нѣкогда грозными инквизиторами. На стѣнахъ видѣлись оставшіяся незавѣщенными картины Луки Вальдеса, сына извѣстнаго Вальдеса, Вальдеса-Леаль, котораго картины въ севильской богадѣльнѣ de *Ciridad* до сего времени возбуждаютъ собою ужасъ *. Слѣды картинъ Луки Вальдеса до сихъ поръ еще сохранились въ церкви Св. Павла. На правой сторонѣ представлена картина процессіи Святой Дѣвы, извѣстной подъ именемъ: *Nuestra Señora de los Reyes*; а на лѣвой — процессія *auto-da-fé*; осужденный на костеръ представляемъ вѣдущимъ на ослѣ; его сопровождаетъ самъ святой Фердинандъ съ факеломъ въ рукахъ. Въ про-

* Несмотря на то что все вниманіе посѣтителя церкви богадѣльни de *Ciridad* поглощается находящеюся здѣсь знаменитою картиною Мурильо: *Изведеніе Моисея изъ воды изъ камня*, нельзя не остановиться въ смущеніи передъ картинами Вальдеса, находящимися по правую и по лѣвую сторону передъ вѣходомъ въ церковь. Одна изображаетъ трупъ архіепископа, съѣдаемаго червями, другая — трупъ короля. О первой изъ нихъ Мурильо говорилъ, что ее нужно смотреть зжавши носъ, чтобы не чувствовать зловонія отъ разложенія трупа.

шедшую испанскую революцію народъ стеръ со стѣны изображеніе несчастной жертвы инквизиціи; но въ 1781 году картина эта сохраняла весь свой грозный видъ.

Но Беата не обнаруживала никакого смущенія. Она вошла въ кѣтку съ гордымъ спокойствіемъ и попросила воды и щепоть табаку. Одинъ изъ сопровождавшихъ ее кавалеровъ святаго Іакова, хотѣлъ исполнить ея просьбу; но отецъ Гонзалесъ остановилъ его, говоря, что вовсе не нужно потворствовать хладнокровной наглости этой женщины. Чувствуя себя утомленною, она просила у монаховъ дозволенія сѣсть. Дозволеніе было дано, и она сѣла, медленно оцупавъ рукою окраины кѣтки.

Тогда началась молитвенная мисса (обыкновенная латинская литургія безъ пѣнія) на главномъ алтарѣ церкви. На лѣвой сторонѣ его горѣло шесть желтыхъ восковыхъ свѣчъ, а на правой, гдѣ, вмѣсто креста, стояло инквизиціонное знамя, не было ни одной. Совершавшій миссу священникъ былъ прерванъ на чтеніи исповѣдной молитвы и отошелъ на апостольскую сторону, гдѣ и занялъ свое мѣсто.

Въ эту минуту одинъ изъ секретарей взомель на каеэдру. Онъ надѣлъ на голову шляпу *, потомъ, потребовавъ отъ присутствующихъ молчанія, сказалъ: „Всѣ поднимайте руки! Клянетесь ли вы оказывать помощь святому трибуналу и доносить на всѣхъ тѣхъ, кто худо думаетъ о нашей святой вѣрѣ?“ Народъ поднялъ руки. Секретарь продолжалъ: „Если вы поступите такъ, то вамъ помощникъ Богъ. Если нѣтъ, то да будетъ Онъ вамъ мстителемъ!“ Всѣ присутствующіе отвѣчали: „аминь!“

Затѣмъ началось чтеніе обвинительнаго акта. Этотъ актъ заключалъ въ себѣ не меньше шестидесяти обвинительныхъ пунктовъ и обнималъ собою сто пятьдесятъ семь писанныхъ листовъ. Чтеніе продолжалось нѣсколько часовъ, такъ что одинъ доминиканецъ долженъ былъ смѣнить уставшаго секретаря и въ свою очередь передать рукопись другому секретарю для окончанія чтенія.

По окончаніи многотруднаго чтенія, отецъ Тендомиро Игнасіо-Діасъ Вега обратился къ народу съ короткою рѣчью, въ которой указывалъ на снисходительность трибунала и умолялъ всѣхъ присутствовавшихъ просить божественной

* Это обыкновенная четверугольная мазенькая шляпа, которую до сего времени священники употребляютъ въ церкви, адвокаты — въ судахъ, а профессеры университетовъ при чтеніи своихъ лекцій.

милости для несчастной, упорствовавшей въ своей нераскаянности. Бекта сама хотѣла просить за себя молитвъ у присутствующаго народа, но ей не дозволили говорить, и для этого въ другой разъ положили ей въ ротъ деревяшку. Это строгое запрещеніе было дано за то, что она не обнаружила раскаянія и отказалась просить прощенія за соблазнъ, которыми служила для общества.

Изъ церкви осужденную отправили, въ сопровожденіи старшаго альгасила и нѣсколькихъ ревностныхъ монаховъ на площадь Св. Франциска (нынѣ plaza de la Constitucion). Лишь только она вышла и церковь была такимъ образомъ какъ бы очищена отъ ея нечистаго присутствія, священникъ приступилъ къ продолженію прерванной миссы въ присутствіи инквизиторовъ, дожидавшихся здѣсь возвращенія альгасила, на котораго была возложена обязанность сдать осужденную гражданской власти. Когда альгасиль возвратился въ церковь, инквизиторы и вся инквизиціонная свита отправились назадъ въ Триану въ томъ же порядкѣ и тѣмъ же путемъ какимъ пришли.

Самъ рѣшая дѣло и опредѣляя тѣлесныя наказанія и даже самую смертную казнь, инквизиціонный трибуналъ желалъ въ то же время сохранить характеръ собственно духовнаго судилища и произносить эти приговоры заставляя гражданскую власть, поставляя ее впрочемъ въ необходимость сообразоваться съ своимъ рѣшеніемъ, которое всегда ясно говорило, что обвиненный долженъ быть удушенъ, сожженъ и пр. Но передавая обвиненнаго гражданской власти, инквизиція всегда лицемѣрно умоляла ее, какъ новаго судью, быть милостивою къ осужденному, угрожая съ другой стороны, въ случаѣ смягченія инквизиціоннаго рѣшенія, инквизиціонными пытками самимъ представителямъ гражданской власти.

Есть картина, представляющая auto-da-fé на той же самой площади Св. Франциска въ Севильѣ. Эту картину приписываютъ Веласкесу, и самое auto-da-fé относятъ къ времени Филиппа IV. Всѣ дома, окружающіе площадь, загромождены народомъ, всѣ балконы завѣшаны какъ въ дни религиозныхъ церемоній. Вся почти площадь покрыта подмостками примыкающими къ дому городского управленія (Casas Capitulares *),

* Это тоже одинъ изъ прекрасныхъ старинныхъ взяткичовъ Севильи. Зданіе это построено въ половинѣ XVI вѣка и обращаетъ особенное вниманіе путешественниковъ своимъ стилемъ.

и образующими родъ амфитеатра, который возвышается до галереи перваго этажа дома. На ступенькахъ этого амфитеатра видѣются чины гражданскіе, духовные и военные. Передъ нимъ возвышается высокая пирамида, на ступенькахъ которой размѣщены осужденные: ихъ было въ этотъ разъ девяносто пять. Тѣ, которые предназначались къ сожженію, занимали вершину пирамиды; ниже были тѣ, которые были присуждены къ меньшимъ наказаніямъ. На сторонахъ видѣются портреты осужденныхъ заочно: ихъ было тридцать четыре. Между пирамидой и амфитеатромъ, по лѣвую сторону этого послѣдняго, возвышается алтарь и кафедра, съ высоты которой секретарь читалъ обвинительный актъ; направо отъ кафедры стоитъ большой крестъ, полузавѣшенный чернымъ покрываломъ: это тотъ крестъ, который называли зеленымъ крестомъ святаго Павла. Этотъ крестъ, на самомъ дѣлѣ зеленый, выносили изъ доминиканскаго монастыря только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Тогда обыкновенно онъ сопровождалъ Santo Oficio изъ самой Трианы до площади Св. Франциска, и по окончаніи церемоніи относился обратно въ монастырь. Этотъ памятникъ инквизиціи теперь уже не существуетъ, и неизвестно какъ и куда онъ исчезъ; но и теперь есть въ Севильѣ многіе, которые видѣли его въ дѣтствѣ и вспоминаютъ о немъ съ ужасомъ.

Часъ смерти Беаты приближался; но на пути своемъ изъ церкви Св. Павла на площадь Св. Франциска она сохраняла прежнее равнодушіе. Сопровождавшая ее безчисленная толпа тѣснила ее до того, что заграждала ей путь: Беата сердилась и свою вспыльчивость выражала словами и особыми звуками, на сколько позволяла ей это бывшая у ней во рту деревяшка. Тогда, говоритъ преданіе, шедшій за нею монахъ, отецъ Тендомиро Игнасіо Діасъ Вега замахнулся на несчастную бывшимъ у него въ рукахъ металлическимъ крестомъ и грозилъ ударить ее по лицу, если она не замолчитъ тотчасъ же. Беата не видѣла взмаха, но поняла угрозу и замолчала. Впечатлѣніе, произведенное на Беату этою сценой, было столь велико, и сама она представилась теперь столь жалкою, что даже отецъ Вега, послѣ своей грубой угрозы, бросилъ на нее взоръ состраданія. Несчастная задыхалась слезами и показала признаки истиннаго раскаянія. Когда она перестала плакать, на ея лицѣ выразилось столько мягкости и тихости, что ей не могли не сострадать

даже тѣ, которые за минуту были противъ нея. Въ воспоминаніе этого отецъ Вега сохранилъ на память потомству ту деревяшку, которая была во рту несчастной,—и ее до сего времени показываютъ въ Севильѣ, въ церкви Св. Филиппа de Nevi.

Было два часа съ четвертью по полудни, когда осужденная вступила на площадь Св. Франциска. Здѣсь, по обычаю, предъ домою городского управленія были поставлены подмости, впрочемъ своимъ размѣромъ далеко уступавшія тѣмъ, которыя изображены на упомянутой картинѣ. На самомъ домѣ подъ балдахиномъ видѣлся портретъ короля Карла III; внизу подъ портретомъ сидѣлъ лейтенантъ ассистента, которому старшій альгасилъ и секретарь трибунала должны были передать осужденную. Онъ принялъ ее, давъ въ этомъ квитанцію. Служители de Santo Oficio тотчасъ же возвратились къ ожидавшимъ ихъ въ церкви инквизиторамъ.

Передавая осужденную въ руки гражданскаго правительства, инквизиція, по обычаю, просила у него милости и снисхожденія къ несчастной, не забывая, впрочемъ, въ своемъ „милостивомъ“ опредѣленіи упомянуть о сожженіи несчастной живою. Лейтенантъ счелъ нужнымъ обратиться къ осужденной съ краткою рѣчью. Въ этой рѣчи онъ прежде всего похвалилъ христіанскія чувства ея родныхъ и того города, въ которомъ она получила святое крещеніе; потомъ началъ стыдить ее за ея упорство и грубость сердца, которыя еще можно было бы понять и извинить до нѣкоторой степени, еслибъ она родилась гдѣ-нибудь въ Голландіи и отъ еретическихъ родителей. Онъ окончилъ свою рѣчь говоря, что чрезъ нѣсколько часовъ она будетъ истреблена огнемъ, преддверіемъ и образомъ того другаго огня, который будетъ, пожирать ее безпрестанно.

Мы говорили, что уже послѣ угрозы монаха, Беата показала нѣкоторое смягченіе. Теперь, когда гражданскій судья такъ категорически выразилъ ожидавшую ее участь, упорство несчастной исчезло. Она стала говорить, что хочетъ покаяться. Сжалившійся надъ нею судья сказалъ, что не въ его власти преступить законъ, но что онъ можетъ ослабить строгость казни, что если ея обращеніе серьезно, то она будетъ сожжена уже мертвою, и что она имѣетъ три часа для приготовленія къ смерти.

Ее отвезли въ гражданскую тюрьму. На пути, обращаясь къ

отцу Тендомиро Игнасио Діасъ Вега, она спросила его: „Отецъ мой, думаете ли вы, что меня Богъ проститъ?“ — „Есаубъ я былъ Богъ,“ отвѣчалъ вспылчиво монахъ: „то вѣрно нѣтъ. Но Богъ благъ, она въ состояніи оказать тебѣ и эту милость.“

Въ темницѣ Беата исповѣдалась. Она призналась во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняла ее инквизиція, даже и въ такихъ, которыхъ не знала инквизиція; всю свою жизнь разказала съ какою-то особенною точностію внутренняго ясновидѣнія. При ней постоянно были члены братства милосердія (*de Caridad*), которое и въ настоящее время существуетъ какъ въ Севильѣ, такъ и въ Мадридѣ, и которое своею обязанностию считаетъ ходить за приговоренными къ смерти и потомъ убирать трупы казненныхъ.

Послѣдняя исповѣдь Беаты слагала съ нея обвиненіе въ ереси. Сообразуясь съ этимъ, гражданскій судья приказалъ прежде казнить ее обыкновенною смертною казнію—удушить и потомъ сжечь уже трупъ.

Казнь должна была совершиться въ пять часовъ по полудни.

Эшафотъ, на которомъ должна была свершиться казнь возвышался на лугу *de San Sebastian*, на томъ самомъ лугу, гдѣ нынѣ ежегодно, въ апрѣль мѣсяцѣ, бываетъ прелестная севильская ярмарка (*feria*), куда со всей Аядагузи собираются красавицы, и куда стекаются Испанцы и воровать подопрѣть изъ дальнихъ краевъ иностранцы, чтобы полюбоваться красавицами. Эшафотъ состоялъ изъ четырехъ крѣпкихъ столбовъ, сложенныхъ изъ кирпичей, и стянутыхъ по угламъ желѣзными полосами. Каждый столбъ вверху заканчивался истуканомъ, отделаннымъ изъ обожженной глины. На одномъ изъ столбовъ, который былъ обращенъ къ замку *San Bernardo*, читалась арабская надпись: „Сынъ Магомета.“

Ровно въ пять часовъ Беату посадили на осла, чтобы вести на лугъ Св. Себастьяна. Ее окружали множество монаховъ всѣхъ орденовъ и до самаго мѣста казни провожали ее съ пѣніемъ акаѳиста. Тѣ, которые считали себя трудившимися въ обращеніи несчастной на истинный путь, не оставляли ее ни на минуту; разумѣется, отецъ Вега былъ зрѣль первый. „Они трудились,“ говоритъ корреспондентъ *Ховелланоса*, „какъ истинные апостолы по существу и по формѣ.“

Любопытные наводняли собою всѣ улицы, всѣ площади, и все это тянулось къ лугу Св. Себастьяна пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ. Лугъ превратился въ море волнобашагося народа. Осужденная, достигнувъ мѣста казни, захотѣла

примириться со всѣми: она просила у всего народа прощенья въ томъ, что была для него соблазномъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и прибавила, что идетъ на смерть съ радостію, надѣясь загладить, по крайней мѣрѣ, часть своихъ заблужденій и преступленій.

Посаженная на стулъ и прикрѣпленная душительнымъ воротникомъ къ столбу, Беата прочитала символъ вѣры: ей дозволено было это, такъ какъ съ нея было уже снято обвиненіе въ ереси: въ противномъ случаѣ, за нее прочиталъ бы священникъ, и она была бы удушена при началѣ втораго члена. По окончаніи символа, палачъ затащилъ воротникъ и жизнь несчастной отлетѣла.

Трупъ тотчасъ же былъ отцѣпленъ отъ столба и положенъ на костеръ разложенный тутъ же между столбами. Костеръ горѣлъ до девяти часовъ вечера, пока не превратилъ трупъ въ совершенный пепелъ. Пепелъ былъ развѣянъ по вѣтру.

Монахъ, корреспондентъ Ховелланоса, заканчиваетъ свое письмо объ этомъ страшномъ событіи, бывшемъ только наканунѣ, слѣдующими равнодушными словами: „въ настоящій разъ я ничего не могу прибавить къ сказанному; развѣ только то, что нынѣ въ половинѣ дня я съ пріятелями иду объѣдать въ Алькарасъ.“

Инквизиціонный трибуналъ существовалъ до 1812 года, когда онъ былъ уничтоженъ закономъ кадисскихъ кортесовъ; но описанное нами ауто-да-фе считается послѣднимъ для всей Испаніи.

Недавно намъ случилось встрѣтить въ одномъ изъ номеровъ (отъ 21 мая нынѣшняго года) газеты, *El Norte de Castilla*, издаваемой въ Вальядолидѣ, краткій разказъ о первомъ инквизиціонномъ судѣ въ Вальядолидѣ, бывшемъ въ малолѣтство Карла I (Карла V) и въ правленіе его матери Доньи Хуаны. Считаемо не лишнимъ, въ дополненіе къ описанной нами послѣдней инквизиціонной казни, привести этотъ разказъ прибавляющій нѣсколько характеристическихъ чертъ къ представленной нами картинѣ инквизиціоннаго суда.

„На площади Мауог, былъ поставленъ огромнѣйшій эшафотъ въ пятьдесятъ футовъ ширины и въ высоту балкона дома муниципальнаго совѣта (*del Consistorio*), который тогда служилъ мѣстопробываніемъ короля и примыкалъ къ главнымъ воротамъ монастыря Св. Франциска. Эшафотъ былъ выстроенъ прямо противъ королевскаго балкона. Направо отъ этого балкона былъ поставленъ амфитеатръ въ тридцать ступенекъ, на

которыхъ предназначалось сидѣть совѣту инквизиціи, государственнымъ чинамъ Испаніи, грандамъ королевства, чинамъ университета, городского управленія и проч. На самомъ верху амфитеатра, подъ балдахиномъ, были помѣщены три стула для инквизиторовъ. На лѣвой сторонѣ балкона былъ поставленъ другой амфитеатръ, тѣхъ же размѣровъ, какъ и первый, и который предназначался для инквизиціонной процессіи, сопровождающей осужденныхъ. Кромѣ того были поставлены три кафедръ для чтецовъ приговоровъ и для проповѣдника, предъ которымъ былъ поставленъ еще алтарь.

„Все это было приготовлено заранѣе. Въ назначенный часъ, — это было пять съ половиною часовъ утра, началась самая церемонія. Инквизиціонная процессія потянулась изъ монастыря Св. Павла на площадь Mayor. Ее составляли: сто человекъ королевской гвардіи, вооруженные пиками и ружьями; за ними шли доминиканцы, впереди которыхъ былъ несенъ большой бѣлый крестъ; за доминиканцами жандармъ Кастильи (это было привилегіей военного класса Кастильи) несъ инквизиціонное знамя. Это знамя было изъ красной камки: на одной сторонѣ его былъ изображенъ обнаженный мечъ, по срединѣ лавровый вѣнокъ, на другой сторонѣ испанское военное вооруженіе. За тѣмъ несли крестъ приходской церкви del Salvador и наконецъ большой зеленый крестъ на фонѣ чернаго цвѣта, бывшаго эмблематическимъ цвѣтомъ инквизиціи. На правой сторонѣ креста была нарисована одна изъ эмблемъ инквизиціи — оливковая вѣтвь; на лѣвой другая эмблема — мечъ съ девизомъ: *Exurge, Domine, et judica causam tuam*. За крестомъ шло множество грандовъ и другихъ значительныхъ лицъ, вслѣдъ за которыми служители инквизиціи, одѣтые въ бѣлые и черные капы (плащи) съ пестрѣвшими на нихъ золотомъ крестами вели преступниковъ, поражая самымъ внѣшнимъ видомъ своимъ. Процессію заключалъ отрядъ инфантеріи, которымъ командовалъ графъ Лерма, какъ наследственный покровитель инквизиціи королевства Кастильскаго.

„Когда процессія пришла на площадь, всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ. Правительница Донья Хуана и король Карлъ I вышли на балконъ и заняли свои мѣста. Инквизиціонное знамя и зеленый крестъ были поставлены на алтарѣ. Осужденные были помѣщены служителями инквизиціи на эшафотъ подъ присмотромъ военного отряда. За тѣмъ

началось чтеніе обвинительныхъ актовъ. Сначала былъ читанъ обвинительный актъ доктора, донъ-Августина Казальи, обвиненнаго въ распространеніи ереси Лютера и теперь присужденнаго къ сожженію послѣ задушенія. Потомъ читались по порядку обвинительные акты донъ-Франсиска, доньи Беатрисы и доньи Леоноры Виверовъ, — брата, сестры и жены доктора Августина Казальи, да еще, Христофора дель Кампо, бакалавра Антонія Гереруеле, Падильи, доньи Каталины де Ортега, лисенсіата Калагорры, Каталины Романъ, Исабеллы Эстрада, Хуаны Бласкесъ и Гонсала Баеса, которые всѣ были присуждены къ удушенію и сожженію, съ тою только особенностію, что донья Леонора Вивера умерла въ инквизиціонной темницѣ и для исполненія надъ нею приговора трупъ ея, давно уже разложившійся, выкопали изъ земли. Кости ея были сложены въ особый гробъ и сожжены вмѣстѣ съ представлявшею ее статуей. Кромѣ того, Франсискъ Виверо и бакалавръ Гереруеле были ведены на мѣсто казни съ деревяшками во рту, и при томъ послѣдній былъ брошенъ въ пламя живой.

„Другіе, покаявшіеся, были присуждены къ вѣчному заключенію въ темницѣ. Это были: донъ-Хуанъ и донья Констанса Виверы, братъ и сестра доктора Казальи; донья Франсиска Санига; донъ-Педро Сармиенто, кавалеръ и командоръ ордена Алькантары; донья Менсія Фигеро, донъ-Луисъ Рохасъ Энрикесъ; донья Анна Энрикесъ; донъ-Хуанъ Иллоа Пересъ, командоръ ордена Св. Іоанна; донья Марія Рохасъ, монахиня монастыря святой Клары; донья Франсиска Сиальва, дочь маркиза де-Монте-майоръ; Антоній Домингесъ, Леонаръ Сизуросъ, Марія Сааведра, Антоній Регонъ, Исабелла Родригесъ и Даниль Квадра.

„Чтеніе обвинительныхъ актовъ продолжалось чрезвычайно долго. По окончаніи его, инквизиторъ донъ-Франсиско Вака облачился въ стихарь, чтобы разрѣшить отъ анаемы покаявшихся и воссоединить ихъ съ церковію. Отверженные были преданы суду гражданскому, который отправилъ ихъ на сожженіе на большое поле (Campo Grande), гдѣ были поставлены тринадцать эшафотовъ, отдѣльно для каждаго осужденнаго, со всѣмъ необходимымъ для исполненія казни.“

К. КУСТОДІЕВЪ.

Мадридъ,

1863 г., 17 (29) октября.

ПОЛЯКИ

НА ЗАДНЬПРОВСКОЙ УКРАИНѢ

ВЪ ХVІІІ ВѢКѢ *

VI.

За нѣсколько времени до коливщины, въ лѣсахъ Украйны уже скрывались толпы Запорожцевъ и приставшихъ къ нимъ гайдамаковъ изъ украинскихъ поселянъ. Изрѣдка они дѣлали набѣги на польскія и жидовскія мѣстечки; дороги также были не безопасны. Но все это не имѣло обширныхъ размѣровъ: большаго движенія гайдамаки не предпринимали. Видно было, что еще не настало для нихъ время рѣшительныхъ дѣйствій.

Среди дремучаго и непроходимаго лѣса, на высокой горѣ стоялъ уединенно Мотронинскій монастырь. Въ началѣ 1767 года въ немъ проживали изгнанные уніатами изъ приходовъ священники: села Пруссы—Гавріиль Царилловскій, села Райгорода—Антоній и села Косарей—Іоаннъ. Въ первыхъ числахъ февраля, присоединилось къ нимъ новое лицо. Изъ Запорожья возвратился дьяконъ Мотронинскаго монастыря, Сильвестръ, вздвигшій въ Сѣчь по монастырскимъ дѣламъ. Съ нимъ пріѣхалъ и Запорожецъ Каневского куреня,

* Окончаніе. См. Русскій Вѣстникъ № 6.

по имени Иванъ. Первое время пребыванія его въ монастырѣ не ознаменовалось ничѣмъ замѣчательнымъ, но въ половинѣ великаго поста, онъ обратился къ названнымъ священникамъ съ такою рѣчью:

„Доки це ви отці будете тутъ сидіти и нужду чрезъ тѣхъ проклятихъ уніатівъ терпіти? Колибъ ви мнѣ написали листъ до Гърду, щобъ голо́та сюди прибула, то ябъ їхъ, до великодня повиганявъ и ви бъ на великдень паски святіли.“

Священники и монастырское духовенство отвѣчали:

„Нехай, лишъ, поради́мось“ (посоветуемся).

Чрезъ нѣсколько дней назначено было въ монастырѣ совѣщаніе, на которое явился и священникъ мѣстечка Жаботына, Климентъ. Послѣ совѣщанія, священникъ Гавріилъ написалъ на Запорожье письмо, а монахъ Филистеръ Самбекъ немедленно повезъ его въ Сѣчь.

Между тѣмъ, Запорожецъ Иванъ упросилъ райгородскаго священника написать воззваніе къ жителямъ Жаботына, Медвѣдовки, Черкасъ и Чигирива. Воззваніе подѣйствовало, и первые явились къ Мотронинскому монастырю прихожане священника Гавріила. Они предложили Запорожцу Ивану сдѣлать немедленно нападеніе на Жаботынъ, гдѣ находился отрядъ польскихъ войскъ и много шляхты и Жидовъ. Иванъ отвѣчалъ: „не наша сила, тільки уніатівъ повиганяймо.“

„Не товарищъ же ти намъ“, сказали недовольные этимъ рѣшеніемъ прихожане отца Гавріила и ушли изъ монастыря

Наступило Вербное Воскресенье. Со всѣхъ сторонъ хлынулъ народъ къ монастырю, назначенному средоточіемъ возстанія. Запорожецъ Иванъ обратился къ монастырскому намѣстнику съ просьбой *выкрикать на затыгъ*, то-есть, сдѣлать всенародное воззваніе къ возстанію. Намѣстникъ не согласился и велѣлъ ему уйдти изъ монастыря.

Тогда Иванъ рѣшился дѣйствовать пока только съ небольшимъ отрядомъ, въ одиннадцать человекъ, и началъ изгонять изъ ближайшихъ селъ и мѣстечекъ уніатскихъ священниковъ. Въ ночную пору являлся онъ въ мѣста, гдѣ жило уніатское духовенство, шляхта и Жиды, и производилъ надъ ними судъ и расправу. Но эти подвиги Запорожца Ивана продолжались не долго. Жаботынскій ротмистръ, Тембергскій, получивъ свѣдѣніе о движеніи Ивана, выступилъ противъ него съ войскомъ, нагналъ близъ села Бовтинки и разогналъ всю его партію. Священники, находившіеся въ монастырѣ во время

движенія, были потребованы къ суду въ консисторію, но по какимъ-то обстоятельствомъ дѣло остановилось, а между тѣмъ свѣтская власть успѣла захватить ихъ въ свои руки. Началось слѣдствіе, по которому обвинители не успѣли ничего доказать; виновные не сознались въ своемъ участіи, и тѣмъ окончилась первая вспышка народнаго возстанія *.

Въ 1768 году число гайдамаковъ, жившихъ попрежнему въ украинскихъ лѣсахъ, значительно увеличилось, они уже были предметомъ то восторженныхъ разказовъ народа, то страха людей, имѣвшихъ причину ихъ бояться. Предъ весною они начали выходить изъ лѣсовъ Каневскихъ, Мотшинскихъ Трахтемировскихъ и Чигиринскихъ и стали собираться въ лѣсу Мотровинскомъ. Въ густой чащѣ его, на полянѣ у глубокаго оврага, называемаго Холодный Яръ, подъ ключомъ, гдѣ шла дорога отъ мельницы къ монастырю, казаки устроили свой таборъ и до поры до времени не трогались **.

Въ таборѣ уже находился Запорожецъ Максимъ Желѣзнякъ, которому суждено было играть важную роль въ народномъ движеніи. Въ послѣднее время онъ жилъ въ Мотровинскомъ монастырѣ въ качествѣ послушника, ходилъ въ Сѣчь, опять возвратился въ монастырь вмѣстѣ съ Запорожцами Тыменкомъ и Бондаренкомъ, и наконецъ ушелъ къ гайдамакамъ. Прежняя жизнь его на Запорожьѣ была покрыта тайной, поведеніе его казалось для всѣхъ загадочнымъ. Онъ часто отлучался изъ Сѣчи неизвѣстно куда, пропадалъ безъ вѣсти долгое время, снова являлся въ Сѣчь и опять исчезалъ. Говорили, что онъ ходилъ въ Украину и занимался гайдамачествомъ.

Ставъ во главѣ гайдамачины, Желѣзнякъ кликнулъ кличъ къ народу и все взволновалось. Народъ началъ уходить въ лѣса и готовиться на всеобщее возстаніе. Лѣса все болѣе и болѣе наполнялись новыми защитниками народа, приходившими изъ различныхъ мѣстъ. Тутъ были люди всякихъ состояній.

Когда народное броженіе дошло до состоянія близкаго къ взрыву, началось движеніе въ Запорожской Сѣчи и на степяхъ. Изъ уединенныхъ зимовниковъ, отъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ хлынули по направленію къ Бугу небольшія партіи. На вопросы объѣздной стражи, куда идутъ они, — казаки

* *Мельхиседекъ Зачекъ-Яворскій* О. Лебединцева, стр. 85.

** *Bunt hajdam. Lipotona*, стр. 4 — 5. *Исторія Малороссіи* Маркевича т. II, стр. 660. *Исторія Новой Сѣчи* Скальковскаго, т. II, стр. 336.

отвѣчали угрозами, насмѣшками, а чаще всего давали двусмысленные отвѣты: „мабуть, въ Чуту, у Чорный лѣсъ, або що“ *. Во избѣжаніе всякаго столкновенія съ различными стражами и властями, казаки толпами и въ одиночку, переправлялись на очаковскихъ лодкахъ, на турецкую сторону рѣки Буга, откуда уже смѣло держали путь на Уманьщину. Объѣздная стража убѣдилась, что эти люди идутъ съ кровавыми цѣлями и донесла Кошу, что всѣ рыболовные пристани по днѣпровскому и бугскому лиманамъ опустѣли и что находившіеся тамъ казаки пошли въ польскую Украину, гдѣ уже началась кровавая расплата съ Поляками **.

Между тѣмъ Желѣзнякъ, не рѣшаясь еще начать дѣло возстанія съ небольшимъ числомъ гайдамаковъ и вообще незначительными средствами, бывшими въ его распоряженіи, искалъ случая ихъ усилить. Съ этой цѣлью, онъ пытался поладить съ казаками, составлявшими надворное войско князя Яблоновскаго и находившимися подъ командою полковника Кваснѣвскаго, который жилъ въ селѣ Медвѣдовкѣ, верстахъ въ десяти отъ Мотронинскаго лѣса. Сюда-то отправился однажды ночью Желѣзнякъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, съ цѣлю убѣдить самого Кваснѣвскаго, казацкихъ старшихъ и казаковъ пристать къ гайдамакамъ. Не заставъ хозяина дома, Желѣзнякъ передалъ его женѣ, испуганной этимъ посѣщеніемъ, требованіе, чтобы мужъ ея непременно принялъ участіе въ возстаніи. Но Кваснѣвскій, которому, по возвращеніи домой, рассказали о ночномъ гостѣ, во избѣжаніе мести Желѣзняка и отвѣтственности передъ правительствомъ уѣхалъ съ семействомъ въ городъ Крыловъ, лежавшій въ то время на русской границѣ, гдѣ и оставался до конца Коливщины ***.

Время шло. Таборъ безпрестанно увеличивался новыми лицами, сходившимися со всѣхъ сторонъ. Явился уроженецъ Медвѣдовки Иванъ Усачъ; изъ окрестныхъ лѣсовъ валили толпы гайдамаковъ, казачества. Въ таборъ отовсюду везли оружіе, порохъ, запасы хлѣба, приводили лошадей.

Само собой разумѣется, что большинство украинскаго духовенства, въ виду совершавшагося движенія, не могло остаться

* Чума и Черный лѣсъ остатки большихъ лѣсовъ, на вершинахъ Ягульца, въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи.

** *Исторія Новой Олчи* Скальковскаго, т. II, стр. 346.

*** *Bunt hajdat. Lippot.*, стр. 6—7. *Ист. Малор.* Маркевича, т. II, стр. 661.

къ нему равнодушнымъ. Обиды, оскорбленія, цѣлый рядъ страшныхъ гоненій, претерпѣнныхъ духовенствомъ отъ Поляковъ и католицизма, естественнымъ образомъ возбуждали въ немъ сочувствіе къ гайдамакамъ и желаніе имъ успѣха.

Между духовенствомъ на первомъ планѣ встрѣчаемъ замѣчательную личность—игумена Мотронинскаго монастыря, Мельхиседека Зачекъ-Яворскаго. Въ 1761 году, ему было поручено управленіе польско-украинскими монастырями, принадлежавшими издревле къ Переяславской епархіи, и церквами, съ состоявшими при нихъ священниками. Съ этого времени начинается для него эпоха гоненій отъ Поляковъ и его высокая дѣятельность для поддержанія православія. Благодаря его усиліямъ и вліянію, нѣсколько уніатскихъ приходоу были возвращены въ православіе. Мотронинскій монастырь, гдѣ онъ былъ игуменомъ, служилъ школой и разсадникомъ для православныхъ священниковъ и для возвращавшихся въ православіе уніатовъ. Скоро Мельхиседекъ сталъ для народа предметомъ глубокаго уваженія. Онъ соединялъ въ себѣ глубокую преданность своему дѣлу и энергическую силу противодѣйствія Полякамъ: онъ то научалъ народъ сдерживать порывы ожесточенія, то направлялъ его на мужественную устойчивость противъ Поляковъ. Въ короткое время онъ сдѣлался главою задніпровскаго духовенства. Епископъ переяславскій, Гервасій, глава задніпровской церковной іерархіи, питалъ къ Мельхиседеку и высокое уваженіе, и братскую любовь.

Съ 1765 г. начинается ожесточенная борьба уніатскаго духовенства съ Мельхиседекомъ. Инструкторъ уніатскаго митрополита Филиппа Володковича, Василій Любенскій, писалъ Гервасію, что монахи Мотронинскаго и Мошногорскаго монастырей принимаютъ людей уніатскаго вѣроисповѣданія къ исповѣди, вѣнчаютъ кого не слѣдуетъ, убѣждаютъ народъ, будто бы таинства совершаемыя уніатскимъ духовенствомъ не имѣютъ силы и погребаемые имъ не возстанутъ; что игуменъ Мотронинскаго монастыря, Мельхиседекъ Зачекъ-Яворскій, закладываетъ и освящаетъ церкви, и что священники Жаботынскаго и Чигиринскаго Ключей, привлекая къ себѣ народъ, тѣмъ самымъ удаляютъ его отъ истинныхъ его протекторовъ — уніатскихъ архіереевъ. Жалоба Любенскаго не имѣла послѣдствій. Мельхиседекъ отвѣчалъ въ

свою очередь, что уніаты обращаютъ православныхъ въ Унію—при помощи насилія, мукъ, грабежа.

1-го іюня 1765 г. Мельхиседекъ является въ Петербургъ, представляется Екатеринѣ и проситъ у ней защиты народа отъ Поляковъ. Ему объявили, что дѣло православныхъ ведется въ Варшавѣ, чрезъ бѣлорусскаго епископа Ковисскаго. Затѣмъ Мельхиседеку выдали отъ императрицы набедренникъ, палицу, а изъ синаода 15 тысячъ рублей и паспортъ на проѣздъ въ Варшаву, гдѣ онъ намѣревался ходатайствовать за народъ предъ королемъ. На дорогѣ, жизнь его подвергалась опасности отъ Поляковъ, ожесточенныхъ его поѣздкою въ Петербургъ. Въ Павлочѣ уніатскій священникъ чуть не отравилъ его, и Мельхиседекъ спасся только случайно. Въ мѣстечкѣ Бѣлополь польскіе жоанеры послѣ различныхъ оскорбленій, привели его къ коменданту. Тотъ обратился къ Мельхиседеку съ бранью, глумился надъ нимъ, но отпустилъ, такъ какъ онъ былъ гарантированъ рескриптомъ Екатерины къ Рѣпнину и паспортомъ, выданнымъ ему въ Петербургѣ. Послѣ различныхъ непріятностей Мельхиседекъ прибылъ 6 января въ Варшаву. Но дѣло его не имѣло успѣха. Ходатайство Мельхиседека присоединили къ одному общему дѣлу о диссидентахъ, за которое ратовалъ Рѣпникъ,— а Мельхиседекъ, не получивъ удовлетворенія, долженъ былъ возвратиться безуспѣшно въ свой монастырь. На обратномъ пути его ожидали новыя преслѣдованія, насилія, оскорбленія. Въ 50 верстахъ отъ монастыря, въ полѣ, близъ мѣстечка Орловецъ, напалъ на него разбойническимъ образомъ писарь латинской консисторіи Лада. Отнявъ королевскія приналегии, Лада подъ карауломъ отправилъ Мельхиседека въ мѣстечко Городище, гдѣ грозилъ предать смерти, и нѣсколько разъ обнажалъ саблю, но потомъ рѣшился его сковать и представить въ латинскую консисторію, изъ которой, впрочемъ, онъ вскорѣ былъ отпущенъ. Но этимъ преслѣдованія не кончились. 23-го іюля 1766 г. Мельхиседекъ при переправѣ чрезъ Днѣпръ, былъ схваченъ уніатами и отправленъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Корсунь, куда прибылъ на судъ оффціальъ уніатскаго митрополита, Мокрицкій. Судъ сопровождался самымъ возмутительнымъ поруганіемъ плѣнника. Затѣмъ отправили Мельхиседека въ Радомысль. На дорогѣ съ него сняли монашескую одежду, надѣли ксендзовскую и предлагали перейти на унію. Онъ отвѣчалъ: „сжели и смертію казненъ буду — уніи

не приму.* Въ Радомыслѣ передали его коменданту Каменскому. Опять бравъ, поношенія; Каменскій хотѣлъ даже высѣчь Мельхиседека, но оговорился ограбленіемъ имущества и оставилъ дѣло до прїѣзда оффиціала. Послѣ допроса на Мельхиседека надѣли кандалы и отправили его въ митрополитскій замокъ Грудокъ. Большой, измученный, въ оковахъ онъ былъ брошенъ въ тюрьму. Уніатскій митрополитъ, Володковичъ, прислалъ приказаніе замуровать Мельхиседека, то есть заложить кирпичомъ двери и окна его тюрьмы. Назначена была судная коммиссія. Въ то же время жена управителя сдѣлала попытку отравить Мельхиседека, но желѣзная натура его не поддавалась отравѣ, и онъ отдѣлался только сильною болѣзью, вслѣдствіе чего и судъ надъ нимъ приостановили. Изъ Грудка его перевезли въ Дермань, гдѣ и заключили опять въ тюрьму. Но отсюда онъ убѣжалъ ночью, явился въ Переяславль и началъ свою прежнюю дѣятельность вмѣстѣ съ Гервасіемъ. Между тѣмъ горючіе матеріалы уже скопились въ избыткѣ.

Желѣзнякъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Матронинскимъ монастыремъ и часто туда ѣздилъ. Однажды духовенство собралось въ монастырѣ и послѣ совѣта благословило народъ подняться противъ утѣснителей, не предвидя, конечно, до какихъ ужасовъ можетъ дойти разгоравшаяся месть народа.

Въ то же время появилась подложная *золотая грамота*, написанная будто бы отъ имени Екатерины II, и различныя прокламаціи, приглашавшія народъ къ возстанію: „Уже, говорилось въ нихъ, наступило, поселяне, время освободиться отъ неволи, избавиться отъ ярма, немилосердныхъ мукъ, которыя вы терпѣли до сихъ поръ отъ своихъ пановъ. Съ высокаго неба Богъ видитъ вашу недолю; видитъ ваши слезы и муки въ этой юдоли плача, и теперь посылаетъ вамъ защитниковъ, которые отмстятъ ваше несчастіе. Итакъ, приходите на помощь къ тѣмъ, которые хотятъ васъ сдѣлать свободными, возвратитъ вамъ ваши права и вольности. Теперь можете отомстить панамъ вашимъ за убійства, лютость, муки, неслыханный грабежъ, который до сихъ поръ вы терпѣли. Посылаемъ вамъ предводителей, которымъ оказывайте вѣру и за ними идите съ оружіемъ, какое кто можетъ достать. Бросайте дома, женъ, дѣтей,—вы не будете жалѣть; ибо скоро увидите, что Богъ пошлетъ вамъ побѣду и вы

будете вольными панями, когда истребите это змѣное племя, вашихъ пановъ, сосавшихъ до сихъ поръ кровь вашу. Мы давно васъ предупреждали, но вы не вѣрили; теперь же можете вѣрить, такъ какъ уже наши братья счастливо начали дѣло освобожденія изъ-подъ неволи и ярма, и на Украинѣ, и на Подолѣ. Молите Бога о спасеніи и прибывайте съ помощію.“ *

Въ Троицынъ день, когда въ монастырѣ былъ храмовой праздникъ гайдамаки покинули свой таборъ и, послѣ молебствія за успѣхъ начинаемаго дѣла, двинулись въ походъ.

Тогда-то началась кровавая драма, извѣстная въ исторіи Малороссіи подъ именемъ „Коліувщины“. Первый ударъ направленъ былъ на мѣстечко Жаботынъ. Явившись туда, Желѣзнякъ велѣлъ гайдамакамъ согнать всѣхъ Поляковъ и Жидовъ на площадь. Въ Жаботынѣ былъ управляющимъ Стемпковскій. Желѣзнякъ отдалъ его тамошнему сотнику Мартыну Бѣлугѣ. Припоминая прежнія обиды и оскорбленія, Бѣлуга водилъ управляющаго по Жаботыну и спрашивалъ: „а що, пане, не одного теперь Ляха голова зляже?“ Перерѣзавъ управляющаго и всѣхъ захваченныхъ въ Жаботынѣ Поляковъ и Жидовъ, гайдамаки немедленно отправились далѣе, захвативъ съ собой пушки, оружіе и аммуницію.

Отрядъ подъ предводительствомъ Ивана Усача явился въ Смѣлу. Найденныхъ здѣсь Поляковъ и Жидовъ Усачъ рѣшилъ ожечь живыми. Онъ велѣлъ всѣмъ православнымъ выбраться изъ города, зажегъ его со всѣхъ сторонъ и окружилъ гайдамаками. Поляки и Жидаы бросились изъ города; гайдамаки хватали ихъ и бросали въ пламя. „Три ночи зарево отражалось на синихъ дѣсахъ; три дня солнце восходило и заходило въ видѣ кроваваго круга, безъ лучей; трое сутокъ дымъ и чадъ клубились до Днѣпра и до Тясмина,“ и Смѣла обратилась въ груды развалинъ. Къ Усачу присталъ смѣлянскій сотникъ Шило, и, по раззореніи Смѣлы, они явились въ Богуславъ, гдѣ, заваливъ всѣ шанцы Поляками и Жидами, двинулись далѣе, по дорогѣ на Звенигородъ. Здѣсь силы гайдамаковъ увеличились болѣе чѣмъ на тысячу человекъ **.

* *Mater. dla confed. Barsk.*, стр. 212.

** *Materialy dla confeder. Barsk.*, стр. 146. *Исторія Малороссіи Маркевича*, т. II, стр. 661—662. *Bunt hajdam. Lippom.*, стр. 8—9.

Силы гайдамаковъ росли съ каждымъ днемъ; волненіе начало охватывать всю Украину. Въ мѣстечкѣ Тетіовѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ, гайдамаки перерѣзали Жидовъ, комиссаровъ, управителей, экономовъ и прочую шляхту. *

Въ Каневѣ и въ окрестностяхъ подвизался Неживый. Онъ былъ родомъ изъ одного села съ Желѣзнякомъ, по ремеслу горшечникъ. Разказывали, что онъ нерѣдко говаривалъ: „я хоть на одинъ день, а буду паномъ“**. Собравъ шайку гайдамаковъ, онъ явился въ Каневъ. Шляхту и Жидовъ предалъ мучительной казни; униатскаго священника, Пискумовича, разстрѣлялъ; другаго униатскаго попа, Атаназія, повѣсилъ въ жидовскомъ амбарѣ.

Убѣгавшіе отъ гайдамаковъ Поляки и Жидаы сходились въ Лисянкѣ, Бѣлой Церкви и Умани. У Желѣзняка была мысль покончить дѣло тремя ударами. Для этого, онъ отправилъ два отряда: на Бѣлую Церковь и Лисянку, а самъ двинулся по направленію къ Умани. На дорогѣ къ нему явился перебѣжчикъ козакъ Дзюба. На вопросъ Желѣзняка, можно ли надѣяться, что городовые уманскіе козаки передадутся ему, Дзюба отвѣчалъ, что „изъ Умани не тече, навѣтъ, и духъ лядукій“ ***.

Мѣстечко Лисянка принадлежало князю Яблоновскому. На крутомъ возвышеніи стоялъ замокъ, по угламъ его были башни съ пушками. Въ замкѣ помѣщался значительный гарнизонъ, съ достаточными припасами. Отрядъ гайдамаковъ явился въ Лисянку. Шляхта съ Жидами бросилась въ замокъ, подъ защиту гарнизона. Тогда гайдамаки, приближась къ замку, показали гарнизону, состоявшему изъ украинскихъ поселянъ, золотую грамоту, и ворота растворились. Началась рѣзня. Поймавъ управляющаго Кучевскаго, гайдамаки наложили на него сѣдло и вѣздили на немъ, какъ на лошади, а потомъ подняли его на копья. Францисканскіе монахи, пойманные въ Лисянкѣ, были звѣрски умерщвлены. Спаслось только незначительное число Поляковъ. Одни, переодѣвшись въ крестьянское платье, вышли изъ замка вмѣстѣ съ арестантами, которыхъ гайдамаки немедленно выпустили изъ

** *Mater. dla Confed. Barsk.*, т. I, стр. 185.

** *Записки о Южнѣй Руси* Кулиша, т. I, стр. 278.

*** *Исторія Малороссіи* Маркевича, т. II, стр. 662. *Украинскія народныя пѣсни*, собраныя Максимовичемъ, стр. 122.

заключенія; другіе, притворившись мертвыми, лежали вмѣстѣ съ трупами, а ночью, когда гайдамаки, перепившись, мертвецки спали, наши гдѣ-то веревку, и спустившись по ней, убѣжали. Въ княжескихъ погребахъ было много винъ и разныхъ напитковъ. Гайдамаки выкатили бочки и пировали цѣлую ночь. Уходя изъ Лисянки и унося съ собою княжескую казну, гайдамаки повѣсили на перекладнѣ Поляка, Жида и собаку, съ надписью: „Ляхъ, Жидъ и собака, все вѣра однака“.*

Бѣлая Церковь избѣгла участи Лисянки. Здѣсь на горѣ, надъ рѣкой Росью, стоялъ сильно укрѣпленный замокъ. Подоседшій къ нему отрядъ гайдамаковъ, былъ встрѣченъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Ядро свалило нѣсколько казаковъ; остальные, сберегая силы для Умани, отступили и пошли по уманьской дорогѣ.**

Умань была однимъ изъ лучшихъ городовъ Украины. Она составляла центръ обширныхъ*** владѣній польскаго магната, графа Потоцкаго, и была известна еще, какъ промышленный и торговый городъ. Русскіе, Жида, Армяне и Греки вели въ немъ довольно значительную торговлю. Шестьдесятъ посессоровъ содержали волость на откупъ и жили всегда въ Умани. Въ городѣ находилась школа, основанная базилианами на графскій счетъ, въ которой было до 400 учениковъ. Умань была окружена высокимъ частоколомъ; на одной сторонѣ были двѣ башни, между которыми пролегалъ путь въ городъ; на нихъ было размѣщено нѣсколько пушекъ; кромѣ того, для защиты нападений, въ различныхъ мѣстахъ города были построены бастіоны.**** Домъ, въ которомъ жилъ уманьскій управляющій, былъ укрѣпленъ на подобіе цитадели и окруженъ дубовымъ частоколомъ, съ четырьмя бастіонами. Подъ городомъ была слобода, населенная казаками, набранными изъ имѣній Потоцкаго и составлявшими его надворное войско. Число ихъ доходило до 2600 человекъ, которые по очереди, въ числѣ до 300, ходили въ Крестинополь, гдѣ жилъ Потоцкій. Независимо отъ этого еще 500 человекъ вѣхоты стояли въ Могилевѣ подъ Днѣстромъ, для храненія гра-

* *Mater. dla konfed. Barak.*, т. I, стр. 185. *Исторія Малороссіи*, т. II, стр. 663.

** *Исторія Малороссіи*, т. II, стр. 663. *Bunt hajd. Lippot.*, стр. 11.

*** Уманьская волость простиралась на 150 верстъ.

**** *Исторія Малороссіи*, т. II, стр. 664. *Rset Humanaka*, стр. 73. *Bunt Zelesnjaka i Honty*, стр. 11—12.

ницѣ Уманьщизны. Управляющимъ уманьскимъ въ то время былъ Младановичъ, а полковникомъ Уманьскаго полка Обухъ. Но ни тотъ ни другой не имѣли большого значенія между казаками. Душою ихъ былъ сотникъ Гонта.

Гонта родился въ селѣ Росомкахъ, владѣнн Поточкаго. Будучи простымъ казакомъ, онъ успѣлъ заслужить всеобщее уваженіе. Это былъ храбрый, умный казакъ; онъ выдавался между своими собратіями и большинствомъ шляхты, съ которою ему приходилось сталкиваться, и своимъ умомъ, и нѣкоторымъ образованіемъ; онъ зналъ польскій языкъ, читалъ и писалъ на немъ. Находясь однажды при дворѣ Поточкаго, въ Кристинополѣ, Гонта обратилъ на себя вниманіе магната, и скоро получилъ отъ него въ пожизненное владѣніе село Росомки. Затѣмъ онъ сдѣлался сотникомъ и женился. Значеніе его постепенно возрастало. Онъ получилъ въ пожизненное владѣніе еще село Орендаровку, и вскорѣ всѣ прочіе чины, даже полковникъ Обухъ, уступили ему дорогу. Въ той же мѣрѣ росла популярность его и между казаками и украинскими поселянами окрестныхъ мѣстъ. * Когда начался гайдамацкій бунтъ, Поточкій, зная какъ сильно было вліяніе Гонты и полагая, что Гонта останется вѣрнѣе его интересамъ, обѣщавъ отдать ему въ собственность находившіяся въ его владѣнн хутора, лишь бы только онъ охранялъ Уманьщизну отъ мятежа. ** Но надежды Поточкаго не оправдались.

Умань въ то время была переполнена бѣглецами изъ окрестныхъ мѣстъ, спасавшимися отъ гайдамаковъ; съ каждымъ днемъ являлись новыя толпы шляхты и Жидовъ. За недостаткомъ помѣщенія, бѣглецы расположились таборомъ вблизи города, у Грекова лѣса. Поляки отдавали свои имуществва на сохраненіе базиліанамъ. Всѣ надежды были обращены на уманьскихъ козаковъ, хотя въ умахъ Поляковъ уже бродило сомнѣніе въ ихъ вѣрности. Но дѣлать было нечего, и уманьская шляхта, въ своемъ безнадежномъ положеніи, отдала свою часть въ руки Уманьскаго полка. Управляющій Младановичъ призвалъ полкъ защиты для города. Собравъ всѣ чины, въ числѣ коихъ былъ и Гонта, на котораго паны воз-

* *Bunt Zelezniaka i Honty*, стр. 15. *Исторія Малороссіи* Маркевича, т. II, стр. 664.

** *Rzeź Humanska*, стр. 135.

лагали все упованіе, Младановичъ убѣждалъ ихъ остаться вѣрными Потоцкому, напоминалъ имъ о присягѣ, уговаривалъ не переходить на сторону гайдамаковъ, еслибъ они подошли къ Умані. Жиды по его приказанію, приходили къ Гонта съ просьбою постоять за Умань, и, въ числѣ прочихъ подарковъ, поднесли блюда золота. Гонта принялъ подарокъ и поблагодарилъ Жидовъ; успокоилъ ихъ насчетъ опасности и убѣждалъ не обращать вниманія на слухи.

Пѣхота была оставлена въ Умані, а конные казаки были отправлены къ обозу, недалеко отъ города, и снабжены въ достаточномъ количествѣ пулями, порохомъ и картечью. Слухъ о рѣзвѣ въ Лисякѣ заставилъ Младановича опять вызвать изъ обоза войско и привести его къ новой присягѣ. Гонта присягалъ четыре раза: одинъ разъ передъ заряженою пушкой, и трижды передъ Распятіемъ въ костелѣ. Во все это время, Гонта ничѣмъ не обнаружилъ своихъ тайныхъ намѣреній.

Уманьскій полкъ, по приказанію Младановича, снялся съ стоянки и оправился на встрѣчу Желѣзняку, по звенигородской дорогѣ. Между тѣмъ въ Умані начали поговаривать, что Гонта имѣетъ сношенія съ Желѣзнякомъ и что онъ готовъ передаться къ гайдамакамъ. Кто распустилъ этотъ слухъ, неизвѣстно. Къ Младановичу собрались поссессоры и другіе паны посовѣтоваться, что предпринять. Они упрашивали вызвать Гонту и отрубить ему голову. Младановичъ не хотѣлъ рѣшиться на такую мѣру, однако послалъ гонца за Гонтой и сотниками, который нагналъ полкъ около Виноградка. Гонта, сотники и атаманы тотчасъ же прискакали въ Умань. Младановичъ, въ сопровожденіи пановъ, ксендзовъ и множества народа, вышелъ на площадь, гдѣ стоялъ Гонта, и обратился къ нему: „Пане Гонта, мнѣ донесли, что ты ведешь переговоры съ Желѣзнякомъ, но я не хочу этому вѣрить; ты столько былъ одаренъ отъ щедротъ панскихъ, и еще больше можешь надѣяться получить, если защитишь его имѣнія и насъ отъ Желѣзняка.“ Гонта ловко выполнялъ роль невинно обвиненнаго; говорилъ о ненарушимой вѣрности и заплакалъ, когда рѣчь зашла объ обвиненіи, оскорбляющемъ его честь. Въ заключеніе, вмѣстѣ съ сотниками, пріѣхавшими съ нимъ, въ присутствіи трехъ ксендзовъ и Костецкаго, ректора базиликавъ, онъ повторилъ присягу въ вѣрности и,

вновь успокоивъ испуганныхъ пановъ, вернулся къ своему полку *.

Возвратившись къ полку, Гонта нашелъ письмо отъ Желѣзняка въ которомъ тотъ разказывалъ о предательствѣ Поляковъ и умолялъ Гонтѣ стать за вѣру и родину. Зная расположеніе казаковъ и готовность ихъ передаться гайдамакамъ, Гонта рѣшился дѣйствовать. Минувъ село Романовку, онъ скомандовалъ полку остановиться, и обратясь къ полковникамъ, сказалъ имъ грознымъ голосомъ: „Вы, господа можете отсюда убираться, мы въ васъ не нуждаемся. Пожалуй, можете взять съ собой и тѣхъ казаковъ, которые захотятъ за вами слѣдовать,—я имъ не запрещаю.“ Полковники немедленно отправились изъ лагеря, взявъ съ собой присаугу. Имъ удалось спастись отъ казаковъ, пустившихся за ними въ погоню, но присауга ихъ возвратилась съ дороги къ Гонтѣ **. По удаленіи полковниковъ, Гонта велѣлъ своему полку поспѣшно двинуться на соединеніе съ Желѣзникомъ, котораго они и встрѣтили при селѣ Понужикѣ. По соединеніи они двинулись на Умань, истребляя на дорогѣ шляхту и Жидовъ и, присоединяя къ себѣ украинскихъ поселявъ ***.

Между тѣмъ въ Умани предпринимались дѣятельныя мѣры на случай нападенія гайдамаковъ. Вокругъ города были разставлены пикеты для наблюденія за появленіемъ непріятеля. Младановичъ вооружалъ шляхту и Жидовъ саблями и пистолетами, назначивъ ихъ для защиты стѣнъ. Въ это время, въ Умани находились Прусаки, въ числѣ 100 человекъ, для покупки лошадей. Младановичъ обратился къ прусскому офицеру съ просьбою остаться на время въ Умани и, въ случаѣ нападенія, помочь имъ отбиться отъ Гайдамаковъ, обѣщая выдать за помощь сто тысячъ злотыхъ. Прусаки отвѣчали, что не имѣютъ на это королевскаго позволенія и, несмотря на всѣ просьбы и домогательства, уѣхали изъ Умани. Землемѣръ Шафранскій, служившій прежде подъ знаменами Фридриха Великаго, взялся укрѣпить городъ и таборъ. Въ таборѣ было уже до 6.000 человекъ. Гарнизону въ городѣ находи-

* *Исторія Малороссіи Маркевича*, т. II. стр. 665. *Bunt Zelezniaka i Honty* стр. 18.

** *Уманьская Бѣда*. Основа, мартъ 1862 г.

*** *Бунтъ Желѣзняка и Гонты* Н. Покровскаго, *Русскій Миръ* 1860 г. № 9.

лось человекъ до 100. Шафранскій для наблюденія за окрестностями, избралъ мѣсто на одной изъ башенъ. *

Изъ Уманьскаго казачьяго полка вѣстей никакихъ не было. Вѣроятно, были приняты всѣ нужная мѣры, чтобъ устранить возможность доставить въ Умань роковую вѣсть о соединеніи его съ гайдамаками.

Въ понедѣльникъ, 23-го іюня, наканунѣ Св. Іоанна, въ 10 часовъ утра, конный пикетъ прискакалъ къ Младановичу, съ донесеніемъ, что къ Умані подступаетъ какое-то войско. Шафранскій съ своей башни замѣтилъ то же самое. По Умані разнеслась молва, что возвращается Уманьскій полкъ. Жиды и шляхта вообразили, что гайдамаки разсыяны. Но каково же было ихъ удивленіе, когда черезъ нѣсколько времени Шафранскій объявилъ, что это не Уманьскій полкъ, а гайдамаки. По звенигородской дорогѣ подыалась страшная пыль, и даже невооруженному глазу можно было видѣть, какъ къ Умані подступала пестрая толпа конныхъ и пѣшихъ Младановичъ велѣлъ ударить тревогу. Миліція, пѣшіе казаки съ ихъ начальниками, а равно и шляхта приготовились къ защитѣ. Дорога представляла такой видъ: съ одной стороны былъ высокій валъ, съ другой госпиталь и отлогая долина, до рѣчки Уманьки. **

Гайдамаки шли прямо къ уманьскимъ воротамъ. Въ виду города попался имъ возвращавшійся изъ Умані бернардинскій монахъ, собиратель милостыни. Въ одно мгновеніе они подавали его на копья. Младановичъ велѣлъ стрѣлять. Пушкаръ приложилъ фитиль, раздался выстрѣлъ, но зарядъ пошелъ мимо, не задѣвъ ни одного гайдамака. Тогда Младановичъ оттолкнулъ пушкаря и самъ занялъ его мѣсто: послѣдовалъ рядъ выстрѣловъ, и гайдамаки, потерявъ нѣсколько убитыхъ, скрылись за валомъ. Осажденнымъ оставалась единственная надежда на прибытіе Уманьскаго полка.

И дѣйствительно, около пяти часовъ пополудни, полкъ показался возлѣ Грекова лѣса. Но радость осажденныхъ была непродолжительна. Полкъ двинулся въ направленіи къ гайдамакамъ, но не видно было, чтобъ онъ шелъ въ атаку. Впереди

* *Исторія Малороссіи*, т. II, стр., 666. *Rzeź Humańska* стр. 83. *Уманьская бѣда*, Основа 1862 г. мартъ.

** *Rzeź Humańska*, стр., 83. *Bunt Zelezniaka i Honty Lippom.* стр. 25. *Исторія Малороссіи*. т. II, стр. 667.

вхалъ Гонта. На встрѣчу ему вышелъ изъ гайдамацкаго обоза, Желѣзнякъ. Они съѣхались и подали другъ другу руки. Гайдамаки и казаки бросились цѣловаться и привѣтствовали другъ друга.

Судьба Умани была рѣшена. Костецкій, вошедши въ костель, гдѣ столпилось множество народа, объявилъ, что надѣяться на спасеніе нельзя, и что осталось только готовиться къ смерти. Тѣмъ не менѣе, Шафранскій строилъ гарнизонъ въ боевой порядокъ; даже Жиды храбро становились по городскимъ стѣнамъ. Однимъ словомъ, все показывало рѣшимость защищаться противъ гайдамаковъ.

Толпа Желѣзняка и полкъ Гонты двинулись къ табору гдѣ, какъ выше сказано, было около 6000 Жидовъ и Поляковъ, столпившихся изъ окрестныхъ мѣстъ Умани. Полилась кровь, и таборъ легъ на мѣстѣ. За тѣмъ гайдамаки обложили городъ со всѣхъ сторонъ. Наступила темная ночь; о свѣ въ Умани никто не думалъ. Къ разсвѣту 50 арестантовъ вырвались изъ тюрьмы, перескочили черезъ частоколъ и убѣжали къ гайдамакамъ; вслѣдъ за ними вышли изъ Умани къ Гонтѣ казаки, служившіе при экономіи, и милиція. Въ городѣ остались только шляхта и Жиды.

Рано утромъ раздались выстрѣлы. Казаки, подъ пулями и ядрами, съ топорами въ рукахъ, бросились рубить частоколъ, которымъ была окружена Умань. Жиды и шляхта, по указанію Шафранскаго, стрѣляли очень усердно. Это, впрочемъ, продолжалось не долго. Жиды вскорѣ бросили свой постъ, и несмотря на крики, увѣщанія и толчки капитана Ленарда, заперлись въ синагогѣ, и начали молиться. Между тѣмъ въ Умани оказался недостатокъ въ водѣ; осажденные принуждены были пить медъ, пиво, ячневку и другіе напитки. Наконецъ, истощились пушечные и ружейные снаряды. Осада продолжалась уже 30 часовъ, и страшное уманіе овладѣло осажденными. Они упали духомъ и не знали на что рѣшиться.

Гонта рѣшилъ требовать сдачи Умани и отправилъ посланныхъ къ Младановичу. Они предложили управляющему немедленно впустить казаковъ въ городъ; въ противномъ случаѣ, говорили они, осажденных ожидаетъ страшная казнь. Гонта потребовалъ къ себѣ самого Младановича, для личныхъ переговоровъ, и тотъ явился къ нему полумертвый отъ страха и отчаянія.

Казакѣ объявили, что сопротивляться имъ нельзя, такъ какъ насчетъ взятія города есть повелѣнiе самой императрицы Екатерины II. При этихъ словахъ Гонта велѣлъ развернуть хоругвь, на которой—съ одной стороны былъ вышитъ портретъ Екатерины, на другой—указъ о преслѣдованiи конфедератовъ. * Капитанъ Ленардъ спросилъ:

— Чтò вы думаете сдѣлать съ нами?

— Я нахожусь, отвѣчалъ Гонта въ рукахъ войска императрицы; спросите начальство.

Ленардъ на эти слова сказалъ: „Покоряемся и просимъ на хлѣбъ и соль.“ Но нетерпѣливый Рогошевскiй крикнулъ: „Стрѣлять въ бестiю, вретъ и обманываетъ, какъ уже не разъ обманулъ насъ.“ Младановичъ вступился въ дѣло. „Мы дали обѣщанiе сказалъ онъ: нужно его выполнить; я не позволю стрѣлять въ Гонта, когда онъ будетъ уходить. При этихъ словахъ, Младановичъ легъ на пушку. Но шляхтичи, бывшiе здѣсь, крикнули: „Плохо, что защищаете бестiю.“ Младановичъ поднялся, и обратившись къ своимъ товарищамъ, сказалъ:

— Совѣтуйтесь, а я иду въ костелъ и отдаюсь на Божью волю, ибо только Богъ будетъ теперь нашимъ защитникомъ.

Поляки не рѣшились выстрѣлить, и Младановичъ велѣлъ отворить ворота. Вскорѣ казаки ринулись въ городъ, и дѣло коливщины развернулось во всей своей страшной обстановкѣ. Ужасенъ былъ тотъ день, когда неумоляемые гайдамаки стали хозяевами Умани.

По приказанiю казацкихъ старшинъ, сильная стража окружила капеллу, костелы, синагогу и ратушу. Послѣ совѣщанiя Гонты съ Желѣзнякомъ, продолжавшагося нѣсколько минутъ, Гонта крикнулъ казакамъ: „Може, братья, часъ, распочати дѣло.“ Началась рѣзня и по улицамъ Умани ручьями полилась кровь.

Гайдамаки бросились прежде всего на находившихся на площади и улицахъ; они рѣзали, кололи, убивали, не оказывая никому ни малѣйшаго состраданiя. Страшное зрѣлище представляли обезображенные трупы, валявшiеся по улицамъ. Многiе старались укрыться въ подвалахъ, бурьянахъ, рвахъ, и другихъ потаенныхъ мѣстахъ; гайдамаки вездѣ открывали ихъ, вытаскивали на улицу и предавали мучительной

* *Rzes Humanska* 85 стр.

смерти; бросали въ ямы и погреба, гдѣ скрывались Поляки, солому и сухія бревна, зажигали все это, и такимъ образомъ душили спрятавшихся дымомъ. Вмѣстѣ съ поселянами явились женщины и дѣти съ ножами, серпами и другимъ орудіемъ и помогали гайдакама въ жестокой расплатѣ съ Поляками. Въ костелѣ и базилианской школѣ повторялись тѣ же самые ужасы. Еще съ самаго начала, когда по сигналу Гонта началась рѣзня по улицамъ, одинъ атаманъ, взойдя на кафедру, началъ поносить католическіе обряды и католическую религію, и за тѣмъ крикнулъ казакамъ: „рѣжьте!“ У алтаря стоялъ ксендзъ Водовскій; его закололи пиками; находившихся въ костелѣ разсѣкали топорами, разстрѣливали, кололи, убивали дубинами. Такая же участь постигла и людей, столпившихся въ базилианской капеллѣ. Базилианъ: Якова Левицкаго, вице-ректора, Илью Магеревича, Либерія Оговскаго и Маевского вытащили изъ капеллы и подъ пыткой спрашивали, гдѣ находятся монастырская казна и имущество, отданное помѣщиками на сохраненіе. Базилиане указали мѣсто, но гайдамаки ничего не могли найти, потому что товарищи предупредили ихъ.

Жидовъ постигла та же лютая участь. Столпившись въ синагогѣ, они молились о спасеніи. Чтобы покончить съ ними поскорѣе, гайдамаки привезли три пушки; одну поставили въ дверяхъ, двѣ по бокамъ. Выстрѣлы грянули и множество Жидовъ погибло; остальные были перерѣзаны и перебиты.

Естественно, что во все время этой рѣзни имущество погибшихъ переходило къ казакамъ. По уманьскимъ улицамъ лежали трупы погибшей шляхты. Желѣзнякъ, глядя на богатую одежду ихъ, говорилъ гайдакама: „а що хлопцы! бачьте, паны у якихъ хорошихъ жупанахъ ходять; а вы біда, часомъ и сорочки не моете!“ * И голода снимала свои лохмотья и одѣвалась въ богатые кунтуши своихъ бывшихъ пановъ.

Вечеромъ казаки заглянули изъ любопытства въ запертую башню, находившуюся въ городѣ, недалеко отъ западныхъ воротъ. Тамъ сидѣлъ землемѣръ Шафранскій съ своимъ слугою. Пистолетнымъ выстрѣломъ онъ убилъ одного гайдамака. Тогда пригнали поселянъ съ топорами и притащили пушку. Выстрѣломъ изъ нея убили слугу. Шафранскій защищался храбро, убилъ нѣсколько человекъ; но его успѣли схватить живымъ и изрубили въ куски.

* Зап. о южной Руси, т. I, стр. 286.

Но не всѣ пали подъ ножами гайдамаковъ. Инымъ удалось спастись на условіи: перейти изъ католицизма въ православіе. Тѣ, которые не соглашались, падали подъ ножами и саблями гайдамаковъ. Такимъ образомъ, при общей рѣзнѣ, было сдѣлано исключеніе для молодыхъ паней, для Жидовокъ, да для нѣкоторыхъ изъ молодыхъ пановъ, хорошо обращавшихся съ поселянами. Гайдамаки рѣшили окрестить ихъ по православному обычаю. Для этого согнали ихъ въ церковь Св. Николая; но священникъ этой церкви отказался крестить. Казаки хотѣли заставить его нагайками; онъ упорствовалъ и былъ убитъ. Тогда погнали ихъ въ церковь Св. Архангела Михаила, гдѣ священникъ охотно рѣшился исполнить требованіе толпы. Католики и Жиды были окрещены въ православную вѣру; лишь три Поляка не согласились перейти въ православіе и за это были изрублены. Восприемниками были казаки. Окрещенные шляхтянки и Жидовки были разобраны гайдамаками; большинство новокрещенныхъ вышли за нихъ замужъ.

Младановичъ также погибъ. Одинъ современникъ, польскій писатель *, говоритъ, что онъ былъ въ костелѣ въ то время, когда подали Гонтѣ найденное въ домѣ Младановича письмо отъ Потоцкаго. Магнать, разказываютъ Поляки, — писалъ Гонтѣ въ милостивыхъ выраженіяхъ; онъ обѣщалъ оставить ему въ наслѣдственную собственность свои села и хутора лишь бы Гонта защитилъ Уманьскую волость и, въ особенности, спасъ Умань. Младановичъ по какимъ-то расчетамъ задержалъ это письмо, доставленное потомъ Гонтѣ въ числѣ прочихъ вещей, найденныхъ въ домѣ управляющаго.

Къ костелу, гдѣ находился Младановичъ съ своей семьей, подѣхалъ Гонтъ и крикнулъ казакамъ:

— Берите комиссара и всю его родню.

— Ратуй насъ, пане Яремо! закричалъ Младановичъ одному сотнику.

— Нехай васъ Богъ ратуе, а я васъ теперь не обороню, отвѣчалъ сотникъ.

Младановича привели къ Гонтѣ, который гнѣвно сказалъ ему:

— Измѣнникъ, ты былъ поводомъ къ этой рѣзнѣ, ты былъ причиною этого кровопролитія (тутъ онъ указалъ на трупы).

* *Rsei Humanska*, стр. 137.

Зачѣмъ ты не отдававъ мнѣ письма воеводы? Чтѣ ты выигравъ этою утайкою? — И саблей разрубилъ ему голову, а казаки разрубили на куски его трупъ.

Жену и дѣтей его искололи пиками, исключая двухъ—Веронику и Павла, спасенныхъ однимъ старикомъ изъ села Оситной.

Умань представляла ужасную картину. Сѣды страшной рѣзни были видны на каждомъ шагу. Всего погубао на улицахъ и въ домахъ до пятнадцати тысячъ. На землѣ стояли цѣлыя лужи запекшейся крови; ею обрызганы были стѣны домовъ. Гайдамаки не заботились зарывать трупы, Но скоро сирадъ отъ гнѣвiя тѣлъ заставилъ подумать о ихъ погребенiи. Трупами забросали колодезь въ 60 саж. глубины, въ который прежде покидали живыми учениковъ базилянскои школы. Но какъ въ колодезь нельзя было вмѣстити всѣхъ, то оставшихся вывозили за городъ и бросали въ полѣ.

За городомъ, къ югу отъ Умани, гайдамаки устроили лагерь, укрѣпили его окопами, пушками и немедленно приступили къ устройству своей беспорядочнои армiи усилившейся, въ послѣднее время, новыми лицами. Гайдамаки были раздѣлены на сотни или громады, каждая по сту человекъ; для завѣдыванiя ими были выбраны особые начальники. За тѣмъ при пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ гайдамаки провозгласили Желѣзняка гетманомъ и княземъ Смиллянскимъ, а Гонтю полковникомъ и княземъ Уманскимъ. Начался дѣлежъ добычи, взятой изъ Умани. Она состояла изъ денегъ, серебра, золота, дорогихъ матерiй, сукна, мѣховъ, разнаго платья и утвари. Желѣзняку, кромѣ другихъ дорогихъ вещей, досталось три сундука съ серебромъ. Богатую добычу дали Гонтѣ. Остальныя вещи и деньги были раздѣлены между казаками.

Въ казачiй лагерь между тѣмъ навезли огромные запасы провiанта и фуража. Гайдамакамъ было доставлено нѣсколько сотъ бочекъ меду, вина и водки. Начались казачiе пиры, загремѣла музыка, загуляли гайдамаки. Съ утра до ночи бѣшено пировали они. Среди пиршествъ и общаго веселья, одинъ Гонта былъ мраченъ. Нерѣдко, въ самый разгаръ веселья, онъ говаривалъ своимъ товарищамъ: „Наварили ми доброй варени, пани-братья, да якъ-то вона випьетця!“

Между тѣмъ гайдамацкiя силы росли съ каждымъ

днемъ. Не отставало и Запорожье. Больше пятьсотъ человекъ изъ товарищества было уже у Желѣзняка, и постоянно подходили еще новые выходцы изъ Запорожья. Послѣ Уманьской рѣзни въ пасѣкъ казака Саражика собралось въ теченіи недѣли 134 казака; чрезъ урочище Гордъ прошло 60 человекъ, при нихъ были атаманы Щербина и Климъ Круть. Атаманъ Гойдой велъ ватагу изъ 64 Запорожцевъ; Миронъ Губа шелъ съ 82 Запорожцами; Василій Дейнека съ 13 товарищами. По другимъ дорогамъ также подходили Запорожцы *

Не унывалъ и Желѣзнякъ и, вмѣстѣ съ казацкими старшинами, дѣлалъ различныя распоряженія. Онъ назначалъ начальниковъ, производилъ судъ и расправу, выдавалъ билеты купцамъ и промышленникамъ на свободный проѣздъ по Украинѣ, давалъ охранную стражу различнымъ транспортамъ для защиты отъ польскихъ нападеній **, разсылалъ отряды для окончательнаго истребленія Поляковъ и Жидовъ. Отряды эти разсыпались по различнымъ мѣстамъ и довершали дѣло начатое Желѣзнякомъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ въ числѣ трехъсотъ человекъ, при двухъ пушкахъ, подъ командою сотника Шило, преслѣдуя шляхту, посесоровъ и Жидовъ, явился въ городъ Палѣво-озеро, гдѣ было укрылись преслѣдуемые. Узнавъ о приближеніи казаковъ, бѣглецы успѣли перейти въ турецкую часть города Балты, подъ защиту трехтысячнаго турецкаго гарнизона. Шило отправилъ къ турецкому пашѣ посла съ требованіемъ выдать бѣглецовъ, за что обѣщалъ ему дорогой цѣны коня. Паша не согласился. Шило отправилъ другое посольство съ предложеніемъ цуга лошадей и великолѣпной кареты; но и этотъ подарокъ не подѣйствовалъ на упорнаго пашу. Тогда Шило рѣшился повести въ атаку на Турокъ. Гайдамаки стремительно прорвались сквозь ряды турецкихъ солдатъ, убили многихъ изъ нихъ, за тѣмъ вырѣзавъ Поляковъ, Жидовъ и значительную часть жителей города и забравъ, сколько можно было, вещей, возвратились съ добычей въ лагерь, подъ Умань ***.

Замки, фольварки, корчмы и вообще мѣста, гдѣ жила

* *Извѣстіе о гайдамакахъ*, статья Максимовича, въ *Москвитинѣ* 1845 г.

** Статья Максимовича, *Русская Бесѣда* 1857 г. № 1, стр. 46. *Исторія Новой Сѣчи Скальковскаго*, II т. 345—350.

*** *Mater. dla conf. Barsk.* 185. *Исторія Малороссіи* II т. стр. 669. *Вист Zelerniaka i Honty* стр. 39.

Поляки и Жиды, обращались въ пепель и развалины. Жиды, чтобъ избѣгнуть опасности выдумывали различные средства спасенія, переодѣвались и пускались на хитрости! Но и это рѣдко помогало. Однажды идучи лѣсомъ, гайдамаки увидѣли монаховъ сидящихъ подъ деревомъ. Гайдамаки поклонились имъ и спросили:

— Куды Богъ несетъ?

— Изъ *Пауаса* до Кіева, отвѣчали монахи.

— Що жь ви тутъ робите?

— *Сидимо*, да за Хмельницкаго Бога *прохаемо*.

— Отъ якижъ ви, добри ченьци! сказали гайдамаки:—идите же Бога прохати за пана Залізняка, а ми вамъ и дорогу покажемъ на той свѣтъ.

И всѣхъ повѣсили на одномъ деревѣ. *

Между тѣмъ Польша не принимала противъ движенія никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Силы ея были парализованы усобицей. Въ ней происходило сильное движеніе, вызванное протестомъ шляхты противъ короля и лицъ, подписавшихъ трактатъ о признаніи за диссидентами гражданскихъ и политическихъ правъ. Борьба съ конфедератами, на сторону которыхъ перешла бѣольшая часть польскихъ войскъ, дѣлала польское правительство безсильнымъ погасить пожаръ на Украинѣ. Единственная надежда возлагалась на русскія войска, находившіяся уже тогда въ Польшѣ. Они были призваны на защиту интересовъ короля противъ конфедератовъ и для поддержки русскаго вліянія на польскія дѣла. Послѣднее время они осаждали Бердичевъ, гдѣ заперлись конфедераты. Польское правительство, пославъ противъ гайдамаковъ небольшой отрядъ войскъ подъ командой реймента Стемповскаго въ то же время обратилось къ русскому съ просьбой помочь ему усмирить гайдамаковъ. Генералу Кречетникову велѣно было отправиться подъ Умань, гдѣ находился лагерь Желѣзняка. Въ то же самое время дано было приказаніе генералу Воейкову послать изъ Кіева для подавленія возстанія часть войска находившагося въ его распоряженіи. Кречетниковъ съ Каргопольскимъ драгунскимъ полкомъ и полкомъ донскихъ казаковъ немедленно двинулся противъ Желѣзняка. **

* *Исторія Малороссіи* Маркевича, т. II, стр. 668.

** *Bunt Zelesniaka i Honty*, стр. 41. *Rzez Humanska* стр. 140. *Исторія*

Явившись подъ Уманью съ полкомъ кавалеріи, Кречетниковъ расположился возлѣ города. Остальныя войска сѣдовали позади. Лагерь Желѣзняка былъ въ томъ видѣ, какъ онъ устроился послѣ уманьской рѣзни. Казаки, кромѣ находившихся въ лагерь, занимали еще часть города. Въ лагерь была сложена добыча, находились стада лошадей, скота, овецъ. Казаки не знали зачѣмъ явились войска. Кречетниковъ, избѣгая кровопролитія, рѣшился захватить гайдамаковъ хитростью. Устроивъ свой обозъ, онъ послалъ просить къ себѣ Желѣзняка и старшинъ; велѣлъ сказать имъ, что у него есть до нихъ важное дѣло. Казацкіе старшины отказались ѣхать къ Кречетникову. Тогда, взявъ съ собою нѣсколькихъ офицеровъ, онъ самъ отправился въ казацкій лагерь. И генералъ, и офицеры старались быть какъ можно любезнѣе съ казаками и предлагали имъ вмѣстѣ идти противъ конфедератовъ. Послѣ этого перваго посѣщенія, Кречетниковъ ежедневно бывалъ въ казацкомъ лагерь, и скоро успѣлъ уничтожить въ казацкихъ старшинахъ всякую тѣнь подозрѣнія.

Такъ прошло нѣсколько дней. Остальныя войска уже приближались и Кречетниковъ рѣшился приступить къ развязкѣ. Однажды онъ объявилъ старшинамъ, что уже пришло время идти противъ конфедератовъ, и пожелалъ передъ походомъ обзрѣть войско въ боевомъ порядкѣ и осмотрѣть оружіе и прочія походныя принадлежности. Ничего не подозрѣвая, старшины велѣли казакамъ собраться вмѣстѣ, пригнать лошадей и сложить въ одно мѣсто для обзора сѣдла, оружіе и прочую аммуницію.

Послѣ смотра Кречетниковъ, позвалъ казаковъ на пиръ. У него было заранее приготовлено большое количество вина, меду и другихъ напитковъ. Русскіе солдаты получили приказаніе остерегаться много пить, а болѣе подчивать казаковъ. Старшины были приглашены въ ставку генерала, гдѣ Кречетниковъ не жалѣлъ для нихъ вина. Казаки загуляли, вино лилось рѣкой. Это былъ послѣдній казацкій пиръ: впереди ихъ ожидала тяжелая участь.

Ночью, когда въ казацкомъ лагерь все спало мертвецкимъ сномъ, Кречетниковъ отдалъ приказъ полку донскихъ казаковъ, еще во время пира незамѣтно приблизившагося къ лагерю и ожидавшаго условленнаго сигнала,—двинуться въ

лагерь, захватить сложное въ одномъ мѣстѣ оружіе, забирать лошадей, вязать казаковъ, но не стрѣлять, чтобы не надѣлать шума. Войска въ точности выполнили приказъ. Оружіе было взято и сонныхъ, безоружныхъ казаковъ начали вязать. Иные проснулись и съ крикомъ: „измѣна“ бросились на нападающихъ, убили нѣсколько человекъ, но должны были сдаться подоспѣвшимъ на помощь солдатамъ; другіе думали спастись отъ плѣна, проползая подъ лошадьми; это удалось, однакожъ, немногимъ; остальные были взяты. Желѣзнякъ и Гонта, были захвачены вмѣстѣ съ другими старшинами и атаманами. На слѣдующее утро плѣнники спросили Кречетникова, что значитъ этотъ плѣнъ и его поступокъ съ ними. Кречетниковъ отвѣчалъ, что по приказанію русскаго правительства, онъ долженъ былъ взять ихъ какъ разбойниковъ. Плѣнные гайдамаки были раздѣлены на части, къ каждой была приставлена сильная стража и объявлено, что если кто изъ нихъ окажетъ непослушаніе, то будетъ убитъ на мѣстѣ.

Всѣхъ плѣнныхъ оказалось болѣе двухъ тысячъ человекъ. На другой же день составили списокъ и раздѣлили плѣнныхъ на двѣ партіи: на казаковъ, вышедшихъ изъ Запорожской Сѣчи, и на поселянъ и казаковъ задніпровской Украины. Запорожцы были отправлены въ Кіевъ; поселянъ и казаковъ задніпровскихъ Кречетниковъ отдалъ польскому рейментарю, Іосифу Стемпковскому, и субалтерну его, Якову Комаровскому. Желѣзнякъ пошелъ въ Кіевъ, Гонта остался въ рукахъ Поляковъ. По различнымъ направленіямъ были посланы отряды русскихъ и польскихъ войскъ захватывать и уничтожать отдѣльныя ватаги гайдамаковъ. Полковникъ Протасъевъ достигъ въ селѣ Блошицахъ, въ 15 верстахъ отъ Бѣлой Церкви, атамана Журбу съ тремястами гайдамаковъ. Гайдамаки пытались защищаться, но были разбиты и бросались бѣжать, потерявъ 30 человекъ убитыми и до 64 попавшими въ плѣнъ. Журба погибъ въ схваткѣ. У казаковъ были взяты четыре знамени, двѣ мѣдныя пушки, одна чугунная и пять желѣзныхъ гаковницъ. Изъ Блошицевъ полковникъ Протасъевъ отправился къ Богуславию, гдѣ достигъ отрядъ Швачки. Швачка и 68 казаковъ попали въ плѣнъ; остальные ушли *. Плѣнные гайдамаки того и другаго отряда были

* „Реляція графа Румянцова отъ 15 іюля 1768 г.“ въ статьѣ Максимовича, *Русская Бестѣда* 1857 г., № 1. *Исторія Новой Сѣчи Скальковскаго*, т. II, стр. 360.

отправлены въ цѣпяхъ въ Кіевъ. Въ то же время полковникъ Чурба разбилъ отрядъ Неживаго близъ Чигирива; сотникъ Щербина взялъ атамана Бондаренка въ имѣніи Проскуринскихъ. Подобнымъ же образомъ былъ уничтоженъ отрядъ Ивана Усача. Гайдамаки бѣжали по направленію къ Запорожской степи. Ихъ перехватывали высланныя команды. Въ Елисаветградской провинціи взято было болѣе тысячи человекъ, изъ которыхъ болѣе 150 оказались бѣжавшими изъ Умани. Цѣнныхъ гайдамаковъ изъ поселятъ заднѣпровской Украйны отдавали польскому генералу, графу Браницкому; казаковъ восточной Украйны и Запорожцевъ отсылали въ Кіевъ, гдѣ была наряжена слѣдственная коммиссія.

По произведенному въ Кіевѣ слѣдствію 154 казака были разосланы во внутренніе гарнизоны; 6 человекъ пошли въ Сибирь; нѣкоторые были наказаны кнутомъ *.

Надъ гайдамаками заднѣпровской Украйны, отданными въ руки польскаго правительства, былъ учрежденъ генеральный военный судъ. Исполнителемъ приговоровъ этого суда былъ рейментарь украинской партіи, Стемпковскій.

Какъ отъ суда, такъ и отъ жестокой личности рейментаря Стемпковскаго, нельзя было ожидать гайдамакамъ ни пощады, ни милосердія. Стемпковскій хотѣлъ было казнить Гонтю тотчасъ же по взятіи его, но имѣя въ отрядѣ только 400 человекъ, онъ боялся остаться лишній день и повелъ Гонтю съ товарищами къ Могилеву на Днѣстрѣ.

Тамъ, недалеко отъ Могилева, въ селѣ Сербовѣ, остановились палачи съ своими жертвами. Гонтѣ былъ прочитанъ приговоръ, по которому казнь распредѣлялась на четырнадцать дней. Онъ выслушалъ приговоръ хладнокровно и стойчески приготовился къ смерти. Началась лютая казнь. Гонтя героически вынесъ ее, не просилъ ни пощады, ни помилованія. Отрубленную голову его воткнули на колы, а тѣло было разрублено на 14 частей и развѣшено въ различныхъ мѣстахъ на 14 висѣлицахъ **.

Подъ впечатлѣніемъ казни Гонты, задушевное чувство народа сказалось въ слѣдующей пѣснѣ ***:

* О гайдамакахъ ст. Максимовича, *Москвитянинъ*, 1845 г.; также ст. Максимовича въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 г. № 1.

** *Исторія Малороссіи* Маркевича, т. II, стр. 670. *Истор. Новой Сѣчи* Скальковск., т. II, стр. 361. *Рѣзъ Нитайска*.

*** *Украинск. народн. пѣсни* собраныя Максимовичемъ, стр. 125.

„Збутовалась Украина, поны и даки;
 Погинули на Україні Жидаы й Поляки.
 Прилетѣли на Україну изъ западу гуси,
 Погинули на Україні невинныя души.
 Погинули депутаты шляхетної вроди
 Навѣтъ тая дрібна шляхта, тиѣ хлборобы.
 О Боже мій не сконченій! Що ся теперъ стало:
 Якъ то віра, такъ то віра, а милости мало!
 О, Боже мій не сконченій! Дивитися горе,
 Що теперя, на сімъ свѣті, віра віру борє!..
 О Боже мій не сконченій! Въ насъ такъ не ведетця,
 Памятайте бутовники, намъ то не миветця!
 Мали папи на Україні добри оборонці,
 Звірилися сотнякові умальскому Гонті.
 Мали папи на Україні дуже добрый ґрунокъ:
 Папи тиѣ разумніи дадутъ собі ратунокъ.
 Папи тее зрозумівши, згоду учивили:
 Підкинувшись підъ Умань, Гонту изловили.
 Вои жь іого на самъ передъ барзо привѣтали,
 Черезъ сімъ дней зъ іого кожу на полѣ здирали.
 И голову облупили, силью насолчили,
 Потімъ ему якъ чесному назадъ положили.
 Папъ рейхентаръ похожає:—дивітєся, люде!
 Хто ся тїяку збутовавъ, то всімъ тее буде!“

Товарищей Гонты ожидала подобная же участь. Браницкій, принявъ отъ русскихъ войскъ казаковъ и поселянъ задніпровской Украины, послѣ короткаго суда надъ ними, распорядился разослать ихъ по разнымъ городамъ, селамъ и мѣстечкамъ: такъ въ Львовъ было послано 800, въ Броды 500, въ Винницу 300. По Волини, Подоліи, Украинѣ и по Галиціи начались казни надъ гайдамаками. Палачи выдумывали самыя изысканныя истязанія; казалось, они упивались мученіями казаковъ. Однихъ вѣшали, другимъ рубили головы, отрубали на-крестъ руки и ноги, залѣчивали и отпускали на свободу изуродованныхъ, чтобы народъ, глядя на нихъ, помнилъ, что значитъ возставать противъ пановъ. Инымъ связывали руки, поднятыя въ верхъ, обматывали соломой или осмодемною паклей, зажигали и водили по улицамъ. Изъ нѣкоторыхъ селъ брали десятого и казнили, не разбирая, правъ ли онъ или виноватъ. Виновныхъ или же подозрѣваемыхъ привозили въ Житомиръ, гдѣ находилась судная коммиссія, въ которой судьями были: Любецкій, Виверскій, Почептовскій и Дубровскій. Передъ казню осужденныхъ

извуряли тяжелою земляною работою, затѣмъ привозили ихъ въ мѣстечко Кодню, клали на колоду, надъ глубокою ямой, рубили головы и бросали трупы въ яму. Когда яма наполнялась трупами, то остальные осужденные засыпали своихъ братьевъ и рыли новую могилу для себя. На трехъ висѣлицахъ въ Коднѣ было повѣшено до 200 казаковъ. На западномъ углу, въ пятидесяти шагахъ отъ крѣпостнаго вала, засыпано землей 114 обезглавленныхъ казаковъ. Отряды польскихъ войскъ являлись въ села, мѣстечки и позволяли себѣ самыя возмутительныя жестокости. Стемпковскій, явсь въ Лисянку, безъ розыску повѣсилъ 600 человекъ; въ память этого дня у лисянскихъ дѣвушекъ вошло въ обычай впадать въ косу вмѣстѣ съ цвѣтными и черную ленту. Тѣ же безчеловѣчныя жестокости повторилъ онъ и въ Ольховѣ, Литвянкѣ и другихъ мѣстахъ. Мотронинскій монастырь былъ разграбленъ и опустошенъ Поляками, причемъ было убито нѣсколько монаховъ.

Предупреждая нашествіе и судъ Стемпковского, многіе рѣшались покончить свою жизнь самоубійствомъ; другіе бѣжали изъ своей родины въ Валахію, въ Крымъ, въ восточную Украину, на Дою. Села пустыли: въ иныхъ оставалось не болѣе десяти человекъ. Народъ долженъ былъ опять надѣвать крѣпостное ярмо, и видно оно было тяжело, когда, чтобы избавиться отъ него, многіе рѣшались на самоубійство. Такъ, у Рогашевского, на призывъ къ панщинѣ два ткача зарѣзались. То же повторилось и въ разныхъ другихъ мѣстахъ *.

Стемпковскій, совершивъ свой кровавый путь по украинскимъ мѣстечкамъ и селамъ, 30 августа обнародовалъ универсалъ къ украинскимъ поселянамъ, въ которомъ онъ съ откровенною наглостью пана-шляхтича и тономъ фанатика-католика высказалъ какъ понимаетъ онъ отношенія между Поляками и Украинцами. Читателямъ вѣроятно будетъ любопытно прочесть цѣликомъ этотъ замѣчательный документъ **.

„Осипъ Гавріилъ Стемпковскій, коронный полевой обозный, комиссаръ военнаго совѣта, кавалеръ ордена Св. Станислава, главнѣй региментарь украинскихъ и подольскихъ партій королевскаго и Рѣчи-Посполитой войска.

* *Rzeź Human.* стр. 117.

** *Mater. dla Konfeder. Barskiej*, т. I, стр. 226. *Основа*, августъ 1862 г.

„Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состоянiямъ, отъ монарха и до послѣдняго сословія, поставилъ ихъ на извѣстныхъ ступеняхъ, и *васъ, подданные (крестьяне), создалъ для зависимости, не оставивъ съ васъ ничего, равнаго прочимъ, кромѣ души.* Каждый, вѣрующій въ Бога, христiанинъ, Его святую волю долженъ принимать съ покорностію; притомъ, о васъ установлены законы, и если вы не въ состоянiи ихъ понимать, то должны бы научиться изъ непрерывнаго опыта вашихъ предковъ, которые, родясь съ повинностями, съ ними жили и умирали, передавая потомству свойственныя имъ сословію обязанности. Эти обязанности и вы должны были всосать съ матернимъ молокомъ, то-есть, вѣрность панамъ и вѣчное подданство владѣльцамъ.

„Между тѣмъ, вы, громады различныхъ городовъ, мѣстечекъ и деревень, въ особенности въ Киевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ и бѣжавшіе изъ Волыни, вмѣсто того чтобъ исполнять ваши обязанности, даже въ храмахъ Господнихъ надѣлали столько беззаконiя. Родившись и воспитавшись въ *римско-католической вѣрѣ* греко-унiатскаго обряда, вы осмѣлились перемѣнить *эту вѣру*, тогда какъ, давъ обѣтъ при святомъ крещенiи, вы должны были сохранить ее ненарушимо, и въ ней стать предъ судъ всевышняго Бога. Вы должны знать, что за переходъ изъ этой вѣры въ иную, не только прежнія, но и новѣйшія постановленiя назначили примѣрное наказанiе, какъ-то: отнятіе и конфискованiе имѣній и всего имуществва, или изгнанiе изъ отечества, или же смерть, отчего не изъяты даже самыя высшія въ государствѣ особы. Чего же вы заслуживаете за это преступленiе, вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ, вы, которые, кромѣ души своей, не имѣете ничего собственнаго?

„Возторыхъ, какая христiанская религія разрѣшаетъ носить, подобно вамъ, такія безчестiя Господнимъ храмамъ, костеламъ и церквамъ? Въ большей чести были у васъ корчмы, кабацкія избы и жилища вашихъ старшинъ, такихъ же, какъ и вы, безбожниковъ. Я это самъ видѣлъ въ Лисьякѣ, преслѣдуя съ войскомъ бездѣльниковъ. При видѣ костела францискановъ, съ трудомъ можно было вѣрить, что это храмъ Господень. Алтарей въ немъ не было и слѣда; вездѣ одно разрушенiе. Образа прострѣлены, изорваны, истоптаны; даже алтарь, на которомъ хранилась дароносица, и тотъ

былъ оскверненъ выбрасываніемъ даровъ изъ чашъ на землю, наливаніемъ въ чаши разныхъ напитковъ и распиваніемъ ихъ за свое здоровье. Въ крцифексы (распятія) вы стрѣляли какъ въ цѣль: на нихъ еще остались знаки отъ пуль; или, вытащивъ на улицу, вы отбивали у нихъ палками руки и ноги (они теперь у меня). Но Богъ милосердъ и на страшномъ судѣ своемъ, можетъ-быть, вамъ проститъ; однакоже насколько Онъ милосердъ, настолько же и справедливъ. Ксендзъ ордена францисканцевъ былъ повѣшенъ вами на хорахъ, въ костелѣ, вмѣстѣ съ Жидомъ и собакой; статуи святыхъ разрублены и опрокинуты. Это ли поступки христіанъ? Еслибы пришлось высчитывать всѣ способы, какими вы истязали ваши жертвы, то ихъ не соберетъ и память. Одно воспоминаніе уже наводитъ ужасъ. Такъ, напримѣръ, у беременныхъ женщинъ вы доставали изъ чрева дѣтей, которыхъ потомъ подымали на конья, а на мѣсто ихъ какали котятъ; не говорю уже о прочихъ истязаніяхъ, какими вы отличались, не обращая вниманія ни на полъ, ни на возрастъ, ни на достоинство, и изощряя свою жестокость, въ особенности, на шляхтѣ. Вы даже не хоронили умерщвленныхъ вами тѣлъ, какъ бы слѣдовало по христіанскому обряду, а напротивъ, приучали на нихъ къ жестокости мальчишковъ, совершая мечь даже надъ мертвыми единственно ради безбожной потѣхи. Передъ вашими глазами хищныя птицы и себаки пожирали внутренности умерщвленныхъ и растаскивали ихъ по улицамъ, а въ послѣдствіи бросались даже и на путешественниковъ. Гдѣ же заповѣдь Господня: не убій, да къ тому еще такъ постыдно? Сколько вы совершали насилія, сколько принужденныхъ браковъ съ вашими владѣльцами! Судите же сами, что вы за все это заслуживаете. Посмотрите, сколько сотенъ тысячъ шляхты, сколько вашихъ управителей, комиссаровъ, губернаторовъ, писарей, администраторовъ и другихъ лицъ, которыя имѣли къ вамъ отношеніе и которымъ вы, платя даны и повинности, должны были повиноваться, пало отъ такой ничтожной руки! Не считалось также у васъ за грѣхъ умерщвление Жидовъ, которые, живя по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ, содержали различныя отъ пановъ аренды, и, такимъ образомъ, вы нанесли панамъ вашимъ многоразличные убытки! Если они дѣлали вамъ какія-либо притѣсненія, обманывали васъ или грабили, то вы могли жаловаться на нихъ властямъ и тамъ искать справедливой защиты, а еслибы

вамъ трудно было найти ее здѣсь, то вы могли обращаться къ ихъ старшинамъ.

„Посмотри, разъяренное и необузданное подданство (крестьяне), на этотъ обѣтованный край: теперь онъ облитъ невинною кровью. Сколько разрушено оборонительныхъ замковъ, зданій, построенныхъ съ большими издержками, сколько городовъ, мѣстечекъ и деревень, не упоминая уже о костелахъ и церквахъ! Разсудите же сами, какой отъ этого ущербъ въ панскихъ дѣлахъ, которыя, изъ обязательной вѣрности и привязанности къ панамъ, сознавая свое подданство, вы должны были поддерживать! Поземельная плата, аренда, подати и прочіе по мѣстному обычаю налоги, вносимые и прежде небездоимочно, по причинѣ вашего сумазбродства и дерзости нынѣ совершенно прекратились. Вы даже казну его королевской милости, благополучно царствующаго Станислава Августа, во многихъ таможахъ грабили, говоря при томъ, что вы не принадлежите къ его государству, къ Рѣчи Посполитой. Мы, рожденные въ рабствѣ, благодаримъ Бога за возведеніе его на престолъ; васъ же какая-то сумашедшая голова научаетъ, будто вы народъ не этого короля и не этого края? Умный и достойный человекъ не только не станетъ говорить вамъ этого, но даже и не свяжется съ вами; подобное заблужденіе вселилъ въ васъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ простолюдиновъ, считавшій себя умнѣе васъ.

„Развѣ вы думаете, что, не говоря уже о владѣльцахъ панакъ вашихъ, начальство и милостивѣйшій король, съ цѣлымъ народомъ, не почувствовали великой потери, которую понесли во множествѣ погибшихъ васъ, бездѣльниковъ: такая гибель людей—общественное бѣдствіе; а во всемъ этомъ вы виноваты. Смотрите, подданные, на вниманіе и милость къ вамъ августѣйшаго короля и Рѣчи Посполитой, которые и на настоящемъ сеймѣ (1768) постановили, чтобы не только арендаторы и управляющіе, но даже ваши владѣльцы не смѣли лишать васъ жизни, какъ это самовольно случалось, но чтобы даже достойный смерти предаваемъ былъ суду. Но такую милость короля и Рѣчи Посполитой вы утратите, если не перестанете безчинствовать и не окажете исправленія и вѣрности. Будьте же вѣрны и послушны своимъ владѣльцамъ и панамъ, вносите надлежащія подати имъ самимъ, или арендаторамъ, или ихъ прикащикамъ; Жидамъ арендарямъ и другимъ, проживающимъ съ разрѣшенія властей по деревнямъ,

городамъ и мѣстечкамъ, не мѣшайте селиться, словомъ, всякое безчивіе, какое до сихъ горъ встрѣчалось, оставьте. Въ противномъ же случаѣ, есаибы вы отступили въ чемъ-нибудь отъ вышеизложеннаго, я, волею и повелѣніемъ его королевской милости и военной комиссіи, назначенный главнокомандующимъ здѣшняго войска, буду васъ преслѣдовать и поражать, какъ это было въ Лисянкѣ, у Ольхова и Литвяки, и такъ наказывать, какъ наказывалъ всѣхъ подобныхъ вамъ гайдамаковъ, и тѣлесно и смертию. Громадамъ же и народу вѣрному послушному, воздержному и честному обещаю всякую помощь и доступъ. Есаибы кто-нибудь хотѣлъ вамъ мстить, сдѣлаю то же, что дѣлалъ со многими. Для того же, чтобъ универсалъ этотъ всякому былъ какъ можно скорѣе извѣстенъ, вмѣняется въ обязанность всѣмъ властямъ, въ особенности же духовнымъ униатскаго обряда пересылать его изъ прихода въ приходъ. Есаи же этотъ универсалъ гдѣ-нибудь не будетъ принятъ, доносить мнѣ въ обозъ. Для большей вѣрности, съ приложеніемъ печати, подписываю собственною рукою. Данъ въ обозъ подъ Кюднею, 30 августа 1768.“

Не желая сознаться, что народное возстаніе 1768 года было слѣдствіемъ польскихъ порядковъ и вызвано притѣвленіями пановъ и шляхты, Поляки въ своихъ историческихъ монографіяхъ, то прямо, то намеками говорятъ, что рѣзня 1768 г. была главнымъ образомъ возбуждена русскимъ правительствомъ. Въ сборникѣ дипломатическихъ актовъ: *Archives diplomatiques*, par le C-te d'Angenberg помѣщенъ даже указъ Екатерины II, повелѣвающій будто бы казакамъ двинуться на истребленіе Поляковъ и Жидовъ.

Нѣтъ надобности доказывать, до какой степени ложно и недобросовѣстно такое обвиненіе. Оно прямо противорѣчитъ и здравому смыслу, и дѣйствіямъ русскаго правительства по отношенію къ возставшимъ гайдамакамъ, и обстоятельствамъ сопровождавшимъ это возстаніе. Золотая грамота, о которой мы говорили выше, была, конечно, дѣломъ или грамотѣвъ-казаковъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, или духовенства, которое было причастно этому движенію.

Когда русскія войска приняла сторону Поляковъ противъ гайдамаковъ, Запорожскій Кошъ понялъ, что дѣло возстанія проиграно, и желая показать, что онъ не участвуетъ въ этомъ движеніи, разослалъ вооруженныя команды съ прика-

заніемъ останавливать поспѣшавшихъ въ Украину, на помощь гайдамакамъ, Запорожцевъ. Этимъ командамъ велѣно было также захватывать казаковъ и представлять для суда въ Сѣчь. Въ то же время въ кошѣ была получена грозная грамота императрицы Екатерины * порицавшая участіе многихъ Запорожцевъ въ гайдамацкомъ движеніи.

„Мы съ крайнимъ удивленіемъ увѣдомиться принуждены, сказано въ грамотѣ, что партія запорожскихъ казаковъ, которыхъ предводители называютъ себя и подписываются: *Максимъ Желѣзнякъ*, *Андрей* атаманъ каневскій куренный, *Никита* атаманъ, *Швачка* журиловскій куренный и *Андрей Односумъ*, ворвавшись недавно въ польскую Украину, производятъ тамъ безчисленные грабежи, насилія и убивства, какъ то случилось съ цѣлымъ городомъ Каневымъ, и что та партія приводитъ еще въ согласіе съ собою польскихъ крестьянъ благочестиваго исповѣданія, обольщая ихъ ложнымъ и коварнымъ предъявленіемъ, будто бы они присланы по указу нашему отъ тебя кошеваго атамана и всей старшины, для освобожденія православныхъ изъ-подъ ига римскаго дворянства и отъ барскихъ конфедератовъ, ибо мы отнюдь не можемъ себѣ вообразить, чтобы ты, нашъ вѣрный кошевой атаманъ, и все наше вѣрное Запорожское войско могли пренебречь и позабыть подданныческій и присяжный къ намъ долгъ до своевольнаго и непростительнаго отпавленія нѣкоторой части войска нашего въ сосѣдственную дружественную намъ область, каковою была по сию пору и нынѣ непремѣнно есть Рѣчь Посполитая польская, на опустошеніе ея огнемъ и мечемъ, въ такое особливо время, когда мы новымъ трактатомъ цѣлостъ ея вольности, законовъ и владѣній единожды навсегда торжественнѣйше гарантировали, а потому дѣйствительно защищаемъ ее силами нашими отъ внутреннихъ ея возмутителей. Мы думаемъ, паче полагаясь надеждою на твою кошеваго атамана, войсковою старшины и всего войска испытанную вѣрность, что шатающаяся въ Польшѣ партія состоитъ изъ толпы бродягъ и нѣкоторыхъ развѣ своевольно на грабежъ отлучившихся казаковъ. Въ семъ мнѣніи повелѣли мы всѣмъ нашимъ въ Польшѣ и на границахъ войскимъ командирамъ разгонять и истреблять въ конецъ безъ

* *Исторія Новой Сѣчи Скальковского*, II т. стр. 352—56.

всякой пощадѣ помянутую толпу сущихъ разбойниковъ, убійцъ и зажигателей.

„Но какъ, однакожь, при всей справедливости сихъ мѣръ не можетъ человеколюбивое и матернее наше сердце дать онымъ мѣста безъ внутренняго оскорбленія и безъ испытанія напередъ легчайшихъ средствъ къ сокращенію заа со всевозможнымъ и самихъ виновныхъ помилованіемъ: то и восхотѣли мы чрезъ сіе поручить особливому твоему кошевого атамана, всей старшины и всего нашего вѣрнаго войска попеченію, чтобы вы съ своей стороны въ дваѣ, которое долженствуетъ такъ близко трогать подданническую вашу вѣрность и присягу, всѣ соединяя лучшее ваше уразумѣніе и всѣ силы, постарались вызвать изъ Польши вашихъ казаковъ, ибо скорое раскаяніе можетъ еще по крайней мѣрѣ уменьшить имъ къ нимъ тягость праведнаго нашего гнѣва; напротивъ чего съ тѣми, кои, упустивъ настоящее время милосердія, станутъ возвращаться въ жилища ваши отъ одной неминуемой гибели, имѣете вы тогда, памятуя долгъ вѣрности и присяги, поступить по всей строгости вашихъ обрядовъ, какъ съ истинными разбойниками, нарушителями тишины и врагами отечества.

„Равномѣрно повелѣваемъ мы вамъ отыскать первыхъ подговорщиковъ и посадя ихъ подъ крѣпкій караулъ, довести намъ о всѣхъ ихъ обстоятельствахъ. Сіи подговорщики заслуживаютъ сугубое предъ другими наказаніе, какъ для того что они причиною и орудіемъ были злодѣйства товарищей своихъ и поноснаго на все войско безславія, такъ и потому, чтобы казнь ихъ обратилась другимъ въ примѣръ и страхъ.

„Впрочемъ изъ матерняго нашего благоволенія къ вѣрному нашему низовому Запорожскому войску, повелѣваемъ мы ему, для собственной его пользы и благоденствія, жить въ покой, тишинѣ и добромъ согласіи, какъ между собою, такъ и съ окрестными народами. Повиновеніе отъ войска въ семъ случаѣ высочайшей нашей волѣ, будетъ мѣрою возрастанія къ нему нашихъ монаршихъ щедротъ, а преступленіе напротивъ вынудитъ изъ насъ непріятную крайность справедливаго наказанія, которое мы въ состояніи всегда дать чувствовать въ полной мѣрѣ.

„Мы не ожидаемъ однако никогда сей крайности и для того пребывая въ лучшей надеждѣ, на подданническое послушаніе и вѣрность всего нашего низоваго Запорожскаго

войска, а особливо на твое кошеваго атамана и всей войсковой старшины похвальное и ревностное попеченіе о содержаніи повсюду добраго порядка, пребываемъ взаимно вамъ всѣмъ императорскою нашею милостію благосклонны. Дама въ С.-Петербургѣ, 12-го іюля 1768 года.“

Запорожскій Кошъ оправдывался и отклонялъ отъ себя всякое участіе въ гайдамацкомъ дѣлѣ, и прибавлялъ, что Андрей и Швачка не были куренными атаманами, да и Журиловскаго куреня въ войскѣ никогда не было. Нѣсколько казаконъ захваченныхъ разтѣздными командами были наказаны въ самой Сѣчи. Но это возбудило неудовольствіе Запорожцевъ. 26-го декабря 1768 года на общей войсковой радѣ произошло возмущеніе. Толпа вооруженныхъ казаконъ разогнала собраніе, бросилась на дома старшинъ, разграбила или разрушила ихъ. Затѣмъ казаки ворвались въ пушкарню, то есть войсковую тюрьму, и освободили заключенныхъ въ ней за участіе въ гайдамачествѣ. Кошевой, переодѣтый въ монашескую рясу, и главные запорожскіе старшины принуждены были даже бѣжать изъ Сѣчи. Въ числѣ главныхъ причинъ, вызвавшихъ эту бурю, было преслѣдованіе кошевыми и старшинами казаконъ, за ихъ участіе въ гайдамачествѣ. *

Возстаніе въ Заднѣпровской Украинѣ было уже подавлено а паны еще не возвращались въ свои раззоренныя помѣстья. „На Украинѣ не увидишь ни Жида, ни Поляка“, говорится въ одномъ письмѣ отъ 4-го августа. ** Поселяне, при появленіи войска, толпами бѣжали въ дальнюю сторону, оставляя свое имущество на жертву Полякамъ. Села и мѣстечки опустѣли; казни все еще продолжались; висѣлицы красовались повсюду; на нихъ то и дѣло вздергивали гайдамаковъ; по всѣмъ дорогамъ видѣлись на висѣлицахъ, деревьяхъ, кольяхъ обезображенные человѣческіе трупы. Палачи работали неустанно; у нихъ даже не хватало ни времени, ни силъ, и осужденные иногда сами принуждены были вѣшать другъ друга. ***

Но не всѣмъ же гайдамакамъ суждено было попасть въ руки своихъ заклятыхъ враговъ. Еще не остыла кровь отъ

* *Исторія Новой Сѣчи Скальковскаго*, II т. стр. 357—365.

** *Mater. dla Confed. Barsk.* т. 1. стр. 193.

*** Записки Адама Мошницкаго; см. статью Н. Покровскаго въ *Русскомъ мирѣ* „Бунтъ Желѣзка и Говты“, Февраль 1860 года.

первыхъ казней, а уже въ различныхъ мѣстахъ опять появились гайдамаки.

Опять начались набѣги. Прежде всего гайдамаки появились вновь на Побережьѣ, въ Киевскомъ староствѣ и на Подольѣ. Возлѣ Балты также показался большой отрядъ, но русскія войска немедленно окружили его и взяли большую часть, остальные ушли. Одинъ отрядъ ворвался въ Павлолучь, и всѣхъ находившихся тамъ Поляковъ и Жидовъ вырѣзалъ, а затѣмъ скрылся въ лѣсахъ, гдѣ немедленно былъ атакованъ русскими войсками. Уже истекалъ и 1768 годъ, а гайдамаки не унимались и продолжали свои кровавыя поминки по братьямъ, замученнымъ Стемпковскимъ и другими Поляками. Большой отрядъ гайдамаковъ появился въ Смилоу, Жаботынѣ и другихъ мѣстахъ и вырѣзалъ всѣхъ посессоровъ, шляхту и Жидовъ, возвратившихся паковать надъ народомъ. Русскія войска разбили этотъ отрядъ и взяли около 100 челоувѣкъ въ плѣнъ. Въ 1769 г., показалась была ватага гайдамаковъ челоувѣкъ въ тысячу, подъ предводительствомъ Запорожцевъ: Тыменки, сподвижника Желѣзняка, Пиченки и Журбы, но была разсѣяна Стемпковскимъ. Это была послѣдняя вспышка. Вскорѣ гайдамайцкія ватаги, встрѣчая сильное сопротивление, стали уменьшаться; набѣги становились рѣже и потеряли свой прежній страшный характеръ. Магнаты, посессоры, шляхта и Жиды опять наводнили собой Украину и возстановили старый порядокъ отношеній, нарушенный колизивною: произволь, обманъ и насилія съ одной стороны и тяжелое крѣпостное состояніе народа — съ другой. Не научили Поляковъ ни кровавый 1768 годъ, ни стеченіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Они были и остались вѣрны своему печальному прошлому.

К. КОЗЛОВСКІЙ.

МОЯ СУДЬБА

На башенных часах пробило пять. Вслед за этим старуха кукушка, цѣлые полвѣка прятая за пожелтѣвшимъ циферблатомъ моихъ стѣнныхъ часовъ, съ хрипѣніемъ выскочила наверхъ и прежалобно прокуковала пять разъ. Розовые лучи утренняго солнца, заглянувшего въ угловую комнатку, разсыпались золотистыми кружками по бѣлому покату полу и осеребрили на стульяхъ и столикахъ пыль, которую я стирала по крайней мѣрѣ разъ шесть въ день, но при первомъ солнечномъ лучѣ назойливая гостья вновь появлялась на моей мебели. Шестъ стульевъ заводскаго издѣлія съ высокими рѣзными спинками шкафъ незатѣливой старинной работы, на верхнихъ полкахъ котораго блестѣлъ чайный приборъ, а на нижнихъ помѣщались книги; горшки съ жасминами на окнахъ; наконецъ бѣлыя, вырѣзанныя на каймахъ городками, шторы составляли все убранство моей гостиной, которая также отправляла обязанности и залы, и столовой, и чайной. Эта комната и еще другая, гдѣ я спала и одѣвалась, какъ нельзя болѣе соответствовали не прихотливымъ вкусамъ и удовлетворяли вполне потребностямъ школьной учительницы на заводѣ Бѣлоградской.

Наступала вторая половина мая. Горы въ это утро были подернуты туманомъ; но, когда я подошла къ окну изъ подъ бѣлой пелены выступали уже маленькія лачужки, двѣившіяся при подошвѣ горъ. Фиолетовый дымъ видся изъ трубъ, а свѣжій утренній паръ, пробираясь отъ горъ черезъ мой огородъ, тихо подползалъ къ самымъ окнамъ моей спальни. День обѣщалъ быть яснымъ, лучи солнца, раздирая туманъ, обливали поляны золотомъ, и трепетали на верхушкахъ темнаго ельника. Со всѣхъ трехъ церквей кесса тихій благовѣстъ заутрени. Въ угловой комнатѣ на столикѣ у меня кипѣлъ самоваръ. Въ открытыя окна жизнь вливалась со всѣхъ сторонъ: вблизи и вдали слышался крикъ пѣтуховъ, блеяніе овецъ, лай собакъ, ржаніе коней, скрипъ телегъ и гуканье мальчишекъ, гнавшихъ скотъ на пастбища. У меня на дворѣ также все оживало: котъ магкими шагами, щурясь противъ солнца, переходилъ дворъ; на открытомъ колодцѣ сидѣли какія-то сѣренькія маленькія птички; горластый пѣтухъ, хлопнувъ крыльями, прокукорекалъ во все горло; куры, кудахтая, подбѣжали къ моему окну подбирать брошенные мною крошки чернаго хлѣба; сторожъ, отворивъ ворота, подметалъ дворъ, а Лиза, подовѣвъ корову, погнала ее со двора въ большой огородъ прилегавшій къ школѣ. Этотъ огородъ мы съ Лизой, не чувствуя призванія къ земледѣльческимъ занятіямъ, запустили, и вмѣсто овощей для себя, добывали продовольствіе для своей чернухи.

Лиза была моею домоправительницей. Оставшись десяти лѣтъ послѣ отца и матери, она росла у своей родни, которой въ заводѣ было у нея такъ много, что по словамъ Лизы, плюнуть негдѣ, все ея родня. Въ заводѣ всѣ знали Лизу: со всѣми она дружилась; и со всѣми ссорилась; но ни задушевныхъ пріятелей, ни задушевныхъ пріятельницъ у нея не было. Лизѣ всего было девятнадцать лѣтъ, но многіе за нее уже сватались. На замужство у нея былъ свой взглядъ: „Падать, такъ падать ужъ въ море,“ говорила она, „а что за радость за мастерового-то идти: станетъ онъ на тебѣ воду возить, да бить каждую недѣлю.“ Я вполне сочувствовала ея благоразумію. Мы сошлись съ Лизой еще въ то время какъ я жила у Александра Сергѣевича. Она все ходила ко мнѣ продавать ягоды. Я уговорила ее жить съ собой. Правда, нравъ у Лизы былъ нѣсколько сварливый; но

такъ какъ я была поумнѣе и посылнѣе характеромъ, то и это маленькое неудобство сглаживалось.

Лиза всегда вставала раньше меня; ей надо было затопить печку, поставить самоваръ, убраться въ кухню, подоить корову и подать самоваръ. Въ это утро, также какъ всегда, проводивъ Лизу глазами, я заварила чай, и поставивъ чайникъ на самоваръ, достала изъ шкафа чашки, сахарницу и сливочникъ. Перетеревъ все это чистымъ полотенцемъ и полюбовавшись блескомъ чашекъ, я вынула наконецъ изъ коммоды одобные пирожки, присланные мнѣ наканунѣ Машею Бѣлоградской. Эти пирожки приготовлялись изъ кислаго тѣста и начинялись разнымъ сладобъемъ: айдами, грибками жареными въ маслѣ, говядиной, зеленью. Лиза о присылкѣ пирожковъ ничего не знала, а сладкобѣжка была великая, и потому, накладывая ихъ на тарелку, я съ невольною улыбкой думала о воловьихъ глазахъ, которые она соорудитъ при видѣ неожиданнаго завтрака. Сливочъ она въ этотъ разъ не успѣла налить въ сливочникъ предъ уходомъ, и мнѣ самой пришлось сходить въ маленькій погребецъ пристроенный около кухни къ хлѣвушку, въ которомъ жила наша корова. Въ ямѣ, набитой снѣгомъ, мы держали мясо, которое покупалось въ базарные дни отъ помедѣльника до помедѣльника; тамъ же держали творогъ, сметану, масло, которое у насъ всегда было свое. Лиза умѣла ходить за коровой, и сливками нашими всѣ, бывало, у насъ не могли нахвататься. Маша Бѣлоградская весьма нерѣдко посылала ко мнѣ дѣвушку съ просьбой одолжить ей къ чаю моихъ сливочъ. Даже Александръ Сергѣевичъ, не любившій смѣшивать чай съ чѣмъ-нибудь, никогда не отказывался, засидѣвшись у меня до поздняго вечера, выпить вмѣсто ужина стаканъ сливочъ съ мягкимъ хлѣбомъ. Возвращаясь въ комнаты, я была въ полной увѣренности застать тамъ Лизу. Но ея, къ моему удивленію, не было. Быстро заглянувъ въ окно моей спальни, я увидѣла въ огородѣ только чернуху, разгуливающую одну - одиноконьку въ высокой травѣ; выглянувъ на улицу, я увидѣла мужественную фигуру въ синемъ сюртукѣ, спускавшуюся подъ гору, въ этотъ часъ Александръ Сергѣевичъ имѣлъ обыкновеніе ходить на фабрики; кромѣ его, видѣлось тутъ много народа,

но Лизы между ними опять не оказалось. Въ послѣдній разъ взглянула я на дворъ,—и вотъ наконецъ желанное явленіе представилось моимъ глазамъ: Лиза бѣжала домой сломя голову. Изъ-подъ алаго платка, сдвинутого нѣсколько на бокъ, ея молоденькое личико пылало яркимъ румянцемъ, а темнорусые волосы, изъ которыхъ каждый заявлялъ притязанія на самобытность, окружали его лучистимъ ореоломъ; ротъ, сверхъ обыкновенія, былъ открытъ, и брови подняты. Эти признаки показали мнѣ уже выходящими изъ обыкновеннаго порядка вещей.

— Что съ тобой? спросила я, когда она вбѣжала въ комнату.

— Охъ, Наталья Алексѣевна! вырвался у нея изъ груди такой тяжелый вздохъ, какъ будто она бросила съ себя тяжкій грузъ:—охъ! Наталья Алексѣевна, повторила она опять, и протянувъ руки на козлыяхъ, уставила глаза уже на полъ.

„Неужели встрѣча съ Александромъ Сергѣвичемъ напугала ее такъ?“ подумала я, невольно хмурясь.

— Ты встрѣтилась съ Александромъ Сергѣвичемъ? спросила я вербшительно.

— Пострѣчалась!

Съ этимъ отвѣтомъ, неизвестно вслѣдствіе какого побужденія, она быстро собрала всю свою юпку сзади и, прижавъ ее обѣими руками къ сердцу, наклонилась грудью къ себѣ на козлыи.

— И испугалась больше чѣмъ когда-нибудь? спросила я опять послѣ минутнаго молчанія.

— Охъ, и напугалась же я до смерти! заговорила она, не отнимая рукъ отъ груди:—вотъ только теперича, значитъ, отошло маленько. Да помеси меня нечистая сила за ворота; дай-ка, думаю этакъ про себя, загаваю на улицу, амъ глады, вашъ-то баринъ...

— Александръ Сергѣвичъ! поправила я, слегка покраснѣвъ.

— Ну Александръ Сергѣвичъ, согласилась она безспорно,—и вывернись онъ изъ-за угла. Я какъ бы отъ него, а онъ этакъ прямо на меня. „Ты, говоритъ, начала Лиза уже басомъ, скажи своей хозяйкѣ, мнѣ, говоритъ, надо безпремѣнно уѣхать въ городъ, можетъ она спать, а то я захелъ бы самъ повидаться съ ней; пусть, значитъ, не

безпокоится насчетъ меня. Понимаешь?" „Понимаю," говорю: вотъ вѣдь какія страсти Божіи.

— Что же дальше? спросила я.

— Дальше? повторила она глубокомысленно:—ну вотъ онъ посмотрѣлъ на меня такъ, посмотрѣлъ, да и ушелъ. Моей-то моченьки ужъ и не стало, какъ я дошла досела не помню!

Съ послѣднимъ заключеніемъ она взглянула мнѣ въ глаза, какъ будто отыскивая въ нихъ сочувствія своимъ словамъ но мнѣ было грустно: догадалась ли она о моихъ мысляхъ, или нѣтъ, только быстро окинувъ меня еще разъ взглядомъ, она подобрала особеннымъ образомъ свои толстыя губы и вскочила.

— Мнѣ надо стряпать, пробормотала она скороговоркой, соорудивъ озабоченную гримасу и разрознивъ свои глаза такъ что одинъ смотрѣлъ на стѣну, другой на окно:—печка-то у меня, поди, совсѣмъ истопилась.

— Но чай готовъ, и ты выслушай меня.

— Не надо мнѣ и чаю вашего отозвалась она съ сердцемъ, и не оглянувшись, выбѣжала изъ комнаты.

Дрянная дѣвочка! И за что она боится Александра Сергѣевича, что онъ сдѣлалъ ей? сколько разъ я убѣждала ее, что онъ такой же человекъ, какъ мы всѣ, сотворемъ изъ плоти и костей, что онъ и помнитъ ея особу только тогда какъ встрѣчается съ ней: такъ нѣтъ! у Лизы свой взглядъ на людей. Теперь, замѣтивъ что я хочу ей пить старую вѣсню, она совсѣмъ убѣжала отъ меня, не сказавъ даже на сколько времени Александръ Сергѣевичъ уѣхалъ въ городъ. Разумѣется, объ этомъ сдѣловало бы разспросить Лизу: Александръ Сергѣевичъ всегда опредѣляетъ время своего отсутствія, но заговорить съ ней мнѣ не хотѣлось. Я знала уже по опыту, что значить ухаживанье за Лизой. Простыхъ смертныхъ ласки смирають, а у Лизы только даютъ ея сварливости разрастаться. Я почти не сомнѣвалась, что убравшись въ кухню, она ждетъ меня невременно, сидитъ предъ печкой, поджавъ руки и устремивъ глаза на огонь, а сладкія мечты рисуютъ ей: вотъ маленька спустится внизъ, подойдетъ ко мнѣ, покалится и скажетъ: „ну, Лиза, не сердись, я не стану тебѣ ничего говорить, пойдемъ пить чай, а то одной мнѣ скучно." А я, повернусь такъ бокомъ да и окажу: „Отойдите отъ меня

Наталья Алексѣевна, ужь вы вѣчно такая, просто безчувственная!" Нѣтъ, Лизавета Ивановна, покорнѣйше васъ благодарю за доброе мнѣніе обо мнѣ, но идти къ вамъ сегодня, я не пойду.

Разумѣется, мнѣ было охучо распивать чай одной, но какъ бы то ни было, кончивъ его и оставивъ самоваръ съ чашками и чайникомъ на столѣ, не убравъ также ни сливокъъ, ни пирожковъ, я сѣла къ окну рисовать свой портретъ, который наканунѣ обѣщалась подарить Машѣ Бѣлоградской.

Съ половины мая у меня начались каникулы, и цѣлые дни я была свободна какъ птичка. Не разчитывая остаться здѣсь до осени, я послѣднее время своего вольногоднничьяго существованія хотѣла прожить въ свое удовольствіе. Наслажденія, которыми я пользовалась, были очень разнообразны: прогулки по горамъ съ Машей Бѣлоградской; чтеніе книгъ, которыя я брала изъ бібліотеки Александра Сергѣевича; наслажденіе лежать въ травѣ, смотрѣть въ глубину синяго неба, слѣдить за полетомъ птичекъ, ни о чемъ не думая; наконецъ я любила рисовать: всѣ виды окрестностей завода были сняты мной и лежали у меня въ портфелѣ. Лиза не любила видѣть меня за карандашомъ, потому что тогда я не существовала для міра вещественнаго, а стало-быть и для нея. Теперь также, взявшись за карандашъ, я вся ушла въ свою работу, и съ наслажденіемъ слѣдила какъ съ кончика карандаша скользящи на бѣлую бумагу большіе глаза. Я не могла придать имъ зеленоватый отливъ, и потому мое худощавое лицо съ болѣе острымъ чѣмъ круглымъ подбородкомъ, приняло у меня задумчивое выраженіе, хотя въ лицѣ моемъ замѣчалось больше энергіи чѣмъ мечтательности. Я не была красавицей, даже хорошенькою меня нельзя было назвать. Вѣроятно наружность моя не мало содѣйствовала тому, что я могла жить подлѣ Александра Сергѣевича четыре года, прежде чѣмъ онъ почувствовалъ во мнѣ женщину. Но въ лицѣ моемъ многіе замѣчали присутствіе ума и воли. Я вѣрѣдко думала, что еслибы судьба сдѣлала меня свѣтскою женщиной и поставила бы въ необходимость украшать своею особою салоны, то навѣрное я оказалась бы самымъ несчастнымъ существомъ. Я была, худо, печальна, блѣдна; еслибы я рисовала свой портретъ

акварелью, то ни за какія блага не послала бы его Машъ. Но черныи карандашъ годился какъ нельзя болѣе для моего лица: рѣзко очерченный ротъ, очень маленькiй и съ приподнятыми углами губъ, низкiя широкiя брови, небольшой прямой носъ и большой выдавшiйся лобъ,—все это вышло довольно хорошо въ карандашъ. Бѣлая рубашка съ запойкой и кофточка дополнили мое изображенiе такъ удачно, что я даже съ нѣкоторымъ самодовольствомъ взглянула на себя.

Въ продолженiи цѣлаго лѣтняго дня я только разъ отрывалась отъ своей работы для обѣда, о которомъ Лиза съ неизмовѣрною сухостию извѣстила меня. При взглядѣ на ея разрозненные глаза, я вспомнила о нашей размолвкѣ и молча сѣла за столъ. Но Лизавета Ивановна не захотѣла кушать со мной. Это я приняла въ сображенiе и по выходѣ изъ-за стола сама стала убирать свои замаранные тарелки и блюда. Однакожь, при первомъ моемъ движенiи Лиза не выдержала, и вся вспыхнувъ, вырвала у меня изъ рукъ тарелку съ словами:

— Вы бы лучше, Наталья Алексѣевна, и не принимались не за свое дѣло; вѣдь просто стыдъ въ люди сказать, сами моете тарелки, а еще барышня.

— Если ты не хочешь ссориться со мной цѣлый мѣсяць, сказала я твердо,—то оставь тарелку.

Слова на вѣтеръ я никогда не бросала. Лиза это знала, и теперь я видѣла, какъ при моихъ словахъ губы ея открылись и судорожно задрожали. Я видѣла, какъ глаза ея покраснѣли и на нихъ навернулись слезы. Наконецъ, я видѣла, какъ, толкнувъ тарелку на столъ, она отскочила отъ меня и остановилась предо мною какъ вкопаная; я все это видѣла, но спокойно убрала свой обѣдъ, вымыла тарелки, вычистила ножи и ушла изъ кухни, не взглянувъ на Лизу, не обративъ даже вниманiя на всхлипывающiе звуки, которые раздались за мной.

Мнѣ, конечно, было жаль Лизу, но утѣшить ее я не захотѣла. „Пусть плачетъ“, думала я, усаживаясь за работу, „одумается, станетъ одерживать себя, а то въ послѣднее время я совсѣмъ избаловала ее.“

Съ этими мыслями я опять принялась за свою работу. Оканчивать осталось весьма не много, такъ что къ шести

часамъ вечера портретъ лежалъ предо мною совсѣмъ уже готовый. Сидя около окна, облокотившись на столъ, я разсматривала тушь и размышляла, какъ доставить этотъ портретъ въ большой домъ. Самой идти? Но у Маши сегодня гости. Послать Лизу? Но объ этомъ нечего было и думать... Развѣ послать сторожа? Но гдѣ его найдти теперь? Впрочемъ....

— Наталья Алексѣевна, а, Наталья Алексѣевна! — послышался за мною тихій, обиженный голосъ: — вечеръ вы хотѣли послать меня въ большой домъ съ чѣмъ-то, такъ пошлете что ли?

Не зная что подумать о неожиданномъ предложеніи, я будто засмотрѣлась въ окно и сидѣла не оглядываясь.

— Вотъ вы какія, продолжала она, и голосъ ея утрачивалъ мало-по-малу всѣ рѣзкія ноты, — сами же вы браните меня всяческимъ образомъ, да сами же послаѣ всего и сердитесь, Богъ съ вами!

И укоряющій голосъ завершился тихими всхлипываніями. Нечего дѣлать, Лизавета Ивановна сама вызвалась на вразумленія и я медленно обернулась къ ней.

— Теперь слезы, а давеча сколько глупостей надѣлала — и откуда и почему этотъ страхъ къ Александру Сергѣичу. Сколько разъ я тебѣ говорила, что онъ тебя вовсе не знаетъ и нѣтъ ему никакой нужды до тебя, а ты все свое! Какъ же ты послѣ этого хочешь жить со мной? Вѣдь тогда, волей-неволей, ты будешь встрѣчаться съ нимъ каждый день; пріятно ли мнѣ будетъ, видѣть тебя каждый день съ такими растрепанными чувствами?

— Ну да ужъ простите меня, Наталья Алексѣевна, отозвалась она, переступая съ ноги на ногу и разставивъ глаза въ разныя стороны: — вѣдь это все воязъ тутъ мелаютъ, будто вашъ баринъ, значить управляющій, поправилась она скороговоркой, — заколдовалъ такъ, что и пуля его неиметь.

— И тебѣ не стыдно повторять эти глупости? спросила я съ невольною улыбкой: — а еще считаешь себя образованною!

— Вотъ вы, Наталья Алексѣевна, и насмѣхаться стали, возразила она съ сокрушеніемъ.

— Я пошутила, поправилась я поспѣшно, слегка покраснѣвъ, — а хотѣла сказать только, что ты умѣешь читать, и вѣрять этимъ глупостямъ тебѣ стыдно.

— Да вот и я, пожалуй, то же думаю, отвѣтила она послѣ минутнаго соображенія,—а все какъ повстрѣчаешься съ нимъ, да какъ онъ взглянетъ на тебя, такъ морозъ и пробѣжитъ по тебѣ. Вотъ хоть на той недѣлѣ, продолжала она увлекаясь,—повстрѣчался онъ одинъ-одинешенекъ на пустырѣ, съ тремя мужиками. Всѣ они тащили съ собою по полосѣ желѣза, значить подъ шипунами, а шипуль-то былъ распахнутъ. Онъ, видно догадался, подошелъ этакъ прямо къ переднему, да и положи ему руку на плечо, тотъ такъ и присѣлъ; два-то другіе окаменѣли, онъ напустилъ на нихъ, значить, такой отморокъ, что они и пошевеливаться не смѣютъ. А тутъ подошѣли люди, да и перехватили всѣхъ голубчиковъ. Вотъ какой страмъ! заключила она выразительно, смотря на меня, какъ будто требуя объясненія своему чудному разказу.

— Значить, люди были не далеко, если успѣли подойти, а воры, конечно, испугались какъ воры... Чтò жь въ этомъ необыкновеннаго?

— Да ужь вы такъ! пробормотала она про себя, видимо не умѣя помирить свои понятія о чудесномъ съ моимъ естественнымъ объясненіемъ.

— Чѣмъ же кончилось это дѣло съ мужиками? спросила я.

— Извѣстно дѣло чѣмъ, передали суду да и только. А ужь какъ они ревѣли-то голубчики! Въ первый разъ грѣхъ ихъ попуталъ; мужики были работающіе, а хозяйки-то ихъ какъ плакались на вашего барина, не приведи Господи!

Но зачѣмъ я спросила о развязкѣ этого дѣла... Кажется, чтобы переменить разговоръ, я сдѣлала для себя хуже: непреклонная строгость Александра Сергѣевича опять ярко прошла передъ моими глазами и задѣла меня за сердце; можетъ ли онъ быть снисходителемъ къ кому бы то ни было?

— Говорилъ онъ тебѣ, Лиза, когда возвратится?

— Какъ же-съ, говорилъ, безпрерывно, говоритъ, возвращусь черезъ три дня.

— Прекрасно. Вотъ тебѣ портретъ, отвеси его въ большой домъ и вели кому-нибудь тамъ передать его барышнѣ.

Лиза про себя улыбулась, и осторожно взявъ изъ моихъ рукъ свертокъ, взглянула въ окно, изъ котораго видѣлся прудъ, площадь съ церковью и большой домъ Бѣлоградскихъ, окруженный дремучимъ садомъ.

— Значить, все равно, хоть кому не отдать?

— Все равно.

Она подобрала губы, помолчала и потомъ неторопливо вышла.

Я слѣдила за ней какъ она шла по лужайкѣ, раскидавшейся предъ моими окнами. Вдали покоилась свѣтлая, какъ зеркало, прудъ въ отлогихъ берегахъ. Строилась новый мостъ; стукъ топоровъ, говоръ мастеровыхъ, зыканье при подземѣ бревенъ, скрипъ телегъ, все это слышалось въ одномъ безконечномъ гулѣ. Лиза спустилась съ крутизны берега и соскочила на паромъ; всплескъ волнъ мнѣ не былъ слышенъ, но я замѣтила длинные шесты, упиравшіеся въ воду, видѣла, какъ медленно подвигалась паромъ, и вотъ уже Лиза на серединѣ быстрой рѣки... счастливый путь! Она обернула ко мнѣ свое полное румяное лицо, киваетъ мнѣ головой и что-то кричитъ... Но чу! могучій, торжественный ударъ стараго колокола прозвучалъ въ воздухъ, и густые, мѣрные звуки благовѣста ко всеобщей посыпались въ вышинъ, покрывая весь земной шумъ и гамъ. Я перекрестилась и отошла отъ окна.

II.

Завтра день рожденія Машиной тетки, и всеобщая служилась по этому случаю. Это было мнѣ извѣстно еще наканунѣ, и потому я предпочла остаться дома въ своихъ маленькихъ комнаткахъ, гдѣ все смотрѣло на меня такъ радушно и привѣтливо. Великолѣпный домъ Бѣлоградскихъ, его пышная мебельровка, блескъ серебра, бронзы, хрустала никогда не производили на меня того сладкаго впечатлѣнія, какое оставляли по себѣ мои уютныя комнаты. Пробуждаясь въ своемъ маленькомъ домикѣ, я сознавала, что нахожусь у себя и чувство довольства, смѣшанное съ тихою грустью, разливалось вокругъ меня. Изъ окна моей спальни была видна кладбищенская гора, вся покрытая темнымъ ельникомъ. Въ весеннія ночи сюда залетали соловьи, и пѣсни ихъ, полныя мучительнаго очарованія и грустно-сладкихъ грезъ, обдавали тоскою и любовью всю

окрестность. Последніе лучи заходящаго солнца окрашивали пурпуромъ и бѣлую церковь съ золотымъ крестомъ, который сіялъ какъ звѣзда въ ясной лазури, и бѣлые мраморныя памятники стариковъ-графовъ, предковъ Мамы. Маленькая тропинка вела изъ моего огорода прямо къ церкви. Здѣсь около лѣваго предѣла, подъ желтыми акаціями, была могила моей матери. Прошло ровно два года со дня ея смерти и, Боже, сколько пережилъ въ этотъ промежутокъ времени! Мать моя, умирая, говорила: „Помни, Наташа, Александръ Сергѣвичъ всѣмъ былъ для насъ.“ „Буду помнить, матушка“, отвѣчала я рыдая. „Не оставьте ея“, обращалась она къ Александру Сергѣевичу. Онъ тутъ же, передъ ея глазами, обнялъ меня и поцѣловалъ въ лобъ. Шестъ лѣтъ тому назадъ, вѣвжая въ этотъ заводъ шестнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, я боготворила Александра Сергѣевича и не смѣла думать о счастіи пройти съ нимъ цѣлую жизнь рука объ руку, а теперь? Вотъ ужъ скоро годъ, какъ я его невѣста, и гдѣ же радость, гдѣ счастіе, гдѣ блаженство, которыя сулило мнѣ это соединеніе?

Темный садъ Бѣлоградскихъ, спускавшійся къ пруду, шумѣлъ въ сторонѣ. Но теперь нѣтъ уже въ немъ для меня того таинственнаго волшебства, которымъ нѣкогда вѣла на меня эти высокіе кедры, вѣчно зеленыя сосны и узелкія тропинки, облитыя луннымъ сіяніемъ. Бѣлыя тѣни лежатъ на травѣ; чуткая тишина тянетъ въ безкомечную даль, надъ головою свищетъ соловей, а ты идешь, крадешься, остановишься, насторожишь слухъ, прислушиваешься къ темной дали: не звякнетъ ли гдѣ колокольчикъ, не раздастся ли грохотъ колеса на мосту, и не принесетъ ли тройка быстрыхъ лошадей роднаго путника изъ безотвѣтной дали. Но все молчитъ, только серебряныя трели соловья не перестаютъ обдавать дремлющій садъ и дальній прудъ, да не перестаетъ свѣтиться изъ окна спальни моей матери свѣтъ лампы. Сердце сильнѣе бьется... трепещущею рукой срываешь вѣтку акаціи, и съ словами: „прійдетъ? нѣтъ?“ листки летятъ на землю. „Нѣтъ!“ и печальная, повѣсивъ голову, идешь домой... Мать сидитъ за работой, при моемъ входѣ она снимаетъ очки и смотритъ на меня съ любопытствомъ и любовью:

— Гдѣ ты была? спрашиваетъ она.

— Въ саду ходила. И взявъ со стола книгу, забираюсь въ уголъ читать ее. Читаю, читаю и изрѣдка посмотрю на мать, не заговоритъ ли она чего-нибудь о мамѣ.

— А вѣдь, Александръ Сергѣвичъ, начинаетъ она, и сердце мое дрожить,—взяла вести нашъ процессъ съ братомъ. Вотъ, подумаешь, законы-то—вездѣ обойденъ слабый; не успѣлъ отецъ сдѣлать духовнаго завѣщанія, такъ и сиди дочка на одной четырнадцатой части; не выходи, Наташа, замужъ за вдоваго; не приведи Господь быть мачихой и имѣть пасынковъ!

Я безмолвно соглашаюсь съ ней, мнѣ хочется разспросить ее въ двадцатый разъ о томъ, какъ Александръ Сергѣвичъ поссорился съ отцомъ изъ-за своей матери, которая приходилась мнѣ двоюродною теткой, какъ моя мать взяла оскорбленную и выгнанную жену къ себѣ, какъ помогала сыну оканчивать образованіе въ университетъ, и какъ потомъ, больше чѣмъ черезъ десять лѣтъ, все это вознаградилось съ избыткомъ. Но мнѣ дѣлается стыдно, и я молчу, положивъ книгу на кофѣи и устремивъ глаза на зыбучій блескъ мѣсяца.

— А что ты читаешь, Наташа? спрашиваетъ мать тихо посабъ долгаго молчанія.

— Слово о полку Игоревѣ. Это дакъ мнѣ Александръ Сергѣвичъ и велѣлъ прочесть къ его пріѣзду.... Матушка!

— Что, Наташа?

— Вы были очень дружны съ его матерью?

— Мы съ покойною жила душа въ душу, говоритъ она, попавъ на свою любимую тему:—родныя сестры такъ не живутъ. Дай Богъ ей царства небеснаго! Она умерла на моихъ рукахъ. А мнѣ, можетъ, Богъ приведетъ умереть на рукахъ ея сына,—стара я, Наташа, и плоха стала.

И снявъ очки, мать начинаетъ протирать ихъ. Я бросаюсь къ ней на шею и утѣшаю чѣмъ могу.

— Смотрю я на тебя и думаю, какой ты ребенокъ, Наташа! Какъ ты стайешь жить безъ меня? Нанимала я для тебя и Нѣмокъ, и Француженокъ; а ты все осталась у меня ребенкомъ... Вѣдь и Александръ Сергѣвичъ также смотритъ на тебя: какая ты ему пара?...

И устремивъ глаза на клубокъ съ нитками, она задумывается, а меня начинаютъ слезы душить.

Разумѣется, я не пара Александру Сергѣевичу: кто же объ этомъ станетъ спорить? Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, потомъ жилъ пять лѣтъ въ Англіи на какихъ-то фабрикахъ, объѣхалъ всю Россію, служилъ въ Сибири на золотыхъ приискахъ, въ которыхъ онъ состоялъ главнымъ пайщикомъ, наконецъ, онъ пріѣхалъ сюда. Здѣсь его также все уважаютъ; управляющимъ въ имѣніи Бѣлоградской онъ поступилъ на условіяхъ, по которымъ онъ долженъ былъ ссудить раззорявшихся владѣльцевъ своими капиталами, а самъ, кромѣ жалованья, пользовался частію ихъ доходовъ на нѣсколько лѣтъ. Кто не знаетъ Зарятина? Его все знаютъ, и какая же теперь я пара ему?... Но все-таки слезы льются у меня изъ глазъ, и я сижу, отвернувшись къ окну.

— А его что-то сегодня долгоюко нѣтъ, начинается мать опять:—всѣмъ бы человекъ вышелъ, да суровъ съ народомъ. Это все портить.

— Суровъ! о, матушка, онъ кротокъ какъ агненокъ, онъ ходитъ на цыпочкахъ когда вы спите. Это злые люди про него говорятъ.... Чу, слышите—колокольчикъ! — это онъ!

И сердце мое бьется, уши пылаютъ. Да, колеса грохочутъ на мосту, колокольчикъ заливаается ярче, и экипажъ съ громомъ влетаетъ въ ворота. Черезъ минуту на дворѣ все оживаетъ: топотъ коней, крики ямщиковъ, лай собакъ, наконецъ и звонкіе шаги Александра Сергѣевича.

— Тетушка не спитъ? спрашиваетъ онъ, увидѣвъ огонь и останавливаясь у дверей.

— Нѣтъ, нѣтъ, заходи къ намъ на перепутье!

— А вотъ только переодѣнусь — черезъ полчаса, если не уснете.

Сердце у меня рвется изъ груди, и голова кружится; я счастлива, утопаю въ блаженствѣ. Беру книгу и забираюсь съ ней въ самый дальній уголъ комнаты. Отсюда мнѣ лучше смотрѣть на его открытый лобъ, самоувѣренную улыбку и спокойно-твердый взглядъ синихъ глазъ, отсюда мнѣ лучше слышать его полныи, но не громкій голосъ и ловить безцѣнные слова, изъ которыхъ каждое уходитъ въ самое сердце и остается тамъ навѣки.

— А вотъ мы все о тебѣ судили, Александръ Сергѣичъ, говоритъ мать, между тѣмъ какъ онъ, войдя въ комнату, останавливается предъ столомъ у свѣчи и вынимаетъ

изъ кармана сигары: — суровъ ты больно съ народомъ, они вѣдь такіа же создавья Божьи; долго ли до грѣха... Заваришь ужъ ты когда-нибудь кашу...

Онъ смотритъ на мать, и самоувѣренно-нисходящая улыбка показывается на его лицѣ.

— А расклевать не сумѣешь, хотѣли вы добавить, тетюшка... Нѣтъ, тетюшка, что мы завариваемъ, то и расклебываемъ, отступать не въ нашей натурѣ. А можно выкурить у васъ сигарку? Я сяду къ самому окну.

И получивъ согласіе, онъ садится къ окну, отворметъ его и бросивъ струю гаванскаго дыма въ синюю ночь, снова обращается къ матери.

— Мнѣ одается, тетюшка, что вы считаете меня за варвара!.. Что дѣлать, если я кажусь тѣмъ, чѣмъ создалъ меня Богъ и природа? Что мнѣ дѣлать съ этими созданными Божьими? какъ я стану примѣняться къ нимъ? ползать съ ними на четверенькахъ я не научился, да и врядъ ли когда-нибудь научусь этому искусству! Кабы я былъ цезаремъ, или притѣсняя, угнетаю народъ, а то говорю только: „Стой всякой самъ за себя, сумѣй отразить то что не по тебѣ.“ Вѣдь я, слава Богу, не звѣрь и выслушаю всякое разумное слово, да не прочь и отъ спора, отъ борьбы. Ну а коли не только бороться и сказать-то ничего не сумѣешь, да и отвѣчать-то за себя не можешь, тогда слушайся приказаній и исполняй, что тебѣ велятъ, а если и этого не хочешь дѣлать, это значить ты ужъ ни на что не годишься. Я сказалъ примѣромъ, такихъ негодныхъ людей вѣтъ на свѣтѣ; слушаться заставишь всякаго; да всякое дѣло и требуетъ, если не разума, то повиновенія. Худо ли, хорошо ли я думаю, только это мое правило.

— Пожалуй, этакъ ты и ребенка заставишь отвѣчать самого за себя, говоритъ матушка съ улыбкой.

— Ребенка? вона куда пошли! Ребенокъ внушаетъ чувство. Вы бы еще себя поставили на это мѣсто. Вѣдь всякій человекъ дѣйствуетъ на тебя въ ту или въ другую сторону и ребенокъ тоже по своему. Ребенка не возьмишь съ такою силой, какъ схватишь подъ уздцы бѣшеную лошадь. Для одного одна сила, для другаго другая, а взрослый человекъ, какъ ты не верти, все взрослый, да и стыдно съ нимъ носиться, какъ съ пеленочнымъ ребенкомъ. Вонъ Наташа ваша тоже взрослый

человѣкъ—и сидитъ себѣ въ углу, и цѣлый часъ не спускаетъ съ меня глазъ. Вѣрно не поняла что я велѣла ей прочитать и теперь не знаетъ какъ сказать мнѣ это?

— Нѣтъ, поняла.

— И задача рѣшена?

Я покраснѣла и промолчала.

Никому на свѣтѣ не хотѣла я вѣрить, чтобъ этотъ человекъ могъ быть непреклонно суровъ. Онъ не могъ быть не правымъ въ моихъ глазахъ. Стоило человеку сказать мнѣ недоброе слово объ немъ, чтобы сдѣлаться моимъ врагомъ. Я видѣла, что онъ обращается со мной какъ съ ребенкомъ, но и это принималось мною за счастье. Задумавшись, онъ имѣлъ привычку смотрѣть на что-нибудь безцѣльно, нерѣдко предметомъ этого безцѣльнаго созерцанія онъ избиралъ мою личность и, притаивъ дыханіе, счастливая и довольная, я сидѣла, не шелохнувшись. Не знаю, могъ ли онъ чѣмъ-нибудь оскорбить меня, но вѣрно то, что я всегда во всемъ считала себя предъ нимъ виноватою. Это трепетное обожаніе требовало только одного, чтобъ онъ позволялъ мнѣ изрѣдка видѣть себя и служить себѣ. Иногда матушка скажетъ мнѣ: „Поди проберись въ кабинетъ Александра Сергѣича.“ Это доставляетъ мнѣ блаженство на цѣлый день. Сдувая пылъ съ письменнаго прибора, съ бумагъ, со стола, подбирая окурки, я все думаю: вотъ здѣсь онъ сидѣлъ, здѣсь лежала его рука, вотъ къ этому мѣсту онъ прислонялся головой — милый человекъ! Однажды, убираясь, я нашла на полу старую, брошенную имъ ленточку отъ часовъ. Я утащила ее къ себѣ и цѣлые годы хранила ее, цѣлуя по утрамъ и по вечерамъ. Онъ, конечно, ничего этого не зналъ; да я умерла бы отъ стыда, еслибы моя тайна открылась. Мнѣ казалось, что узнавъ про мою любовь, онъ станетъ ненавидѣть и презирать меня. Когда однажды онъ, сию у насъ вечеромъ за чайнымъ столомъ, послѣ долгаго созерцанія моей физиономіи сказалъ: „Жаль тетушка, что у васъ нѣтъ маленькихъ дѣтей, а то Наташа ужъ не такъ забавна,“ я проплакала цѣлую ночь. Но до сихъ поръ не могу понять о чемъ я плакала; о томъ ли, что я не могу забавлять его, или о томъ, что онъ желалъ бы замѣнить меня маленькими дѣтьми.

Я постоянно думала о томъ, какъ бы угодить ему, и потому не было мнѣ отъ него такого приказанія, которое я не исполнила бы съ готовностію. Но когда онъ выразилъ желаніе учить меня, заняться нѣсколько моимъ умственнымъ развитіемъ, я чувствовала себя на верху блаженства. Я знала, что онъ за чтò принимался, то доводилъ до конца. Я считала уже себя образованною и развитою дѣвицей... Однакожь мое счастье продолжалось не долго: математическихъ способностей у меня не оказалось, числа не лѣзли мнѣ въ голову, несмотря на все его терпѣніе, уроки математики скоро превратились въ часы моего стыда и нравственныхъ пытокъ. Однимъ разъ, по окончаніи урока, онъ долго смотрѣлъ на меня и рѣшилъ, къ вѣчному моему позору, съ невозмутимымъ равнодушіемъ: „Ты тупая дѣвочка, изъ тебя ничего не выйдетъ хорошаго, никто тебя и замужъ не возьметъ.“ Слушая его, я глотала слезы; цѣлыя ночи послѣ этого возилась я съ задачами, вталкивала ихъ себѣ въ голову, но влеченія къ разрѣшенію задачъ не получила никакого, и наконецъ, покорившись своей участи, пришла къ тому убѣжденію, что я дѣйствительно „тупа.“ Оглядываясь теперь назадъ, я съ удивленіемъ спрашиваю себя: гдѣ это время? гдѣ тѣ блаженные сны, въ которыхъ онъ представлялся мнѣ такимъ идоломъ, а я держала себя въ отношеніи къ нему такую язычницею, гдѣ все это? Смерть матери произвела на меня потрясающее дѣйствіе. Я вдругъ очулась отъ своей безмятежной спячки. Не было никакихъ видимыхъ причинъ къ разрушенію моего обожанія, но оно рушилось. Я не знала за чтò любила Александра Сергѣевича и не могла понять, отчего я разлюбила его. Черезъ полгода послѣ смерти матери, я не побоялась уже идти противъ всѣхъ желаній своего бывшаго кумира. Онъ хотѣлъ заставить меня жить съ нимъ въ его домѣ, но я, не находя себѣ естественнаго положенія при немъ, поступила въ школьныя учительницы. Прошелъ годъ, и мои занятія съ дѣтьми, мой измѣнившійся образъ жизни внушили ему то чувство ко мнѣ, на которое я не смѣла надѣяться въ бывшее время. Но теперь взгляды мои на бракъ измѣнились. Я долго колебалась, не рѣшалась дать ему согласіе, несмотря на то что уважала его и чувствовала себя не способною любить кого бы то ни было такъ горячо, съ такимъ самоотверженіемъ,

какъ любила его. Но воля его, непреклонное упорство, съ которымъ онъ стремился къ достиженію своихъ цѣлей, взяли свое, и я сдѣлалась его невѣстой. Однакожь, то что составило бы въ былое время мое блаженство, теперь заставляло меня болѣе и болѣе задумываться, и я отсрочила нашу свадьбу до окончанія моего процесса съ братомъ. Между тѣмъ жизнь наша текла довольно однообразно: Александръ Сергѣевичъ вставалъ въ пять часовъ, а ложился въ двѣнадцать. Я не понимала какъ его здоровье выдерживало девятнадцать часовъ въ сутки бодрствованія, когда наконецъ онъ находитъ время обѣдать, ужинать и мирно наслаждаться у окна заходящимъ солнцемъ съ стаканомъ чая и сигарой. Суеугоности въ немъ не было ни сколько. Въ былое время онъ находилъ досугъ сидѣть по вечерамъ у насъ и даже учить меня. Теперь заходилъ ко мнѣ въ школу довольно часто и три вечера въ недѣлю регулярно проводилъ у меня. Не знаю былъ ли онъ религіозенъ въ душѣ, но ни одной праздничной обѣдни не пропускалъ; приходилъ по обыкновенію прежде всѣхъ, въ продолженіи всей обѣдни стоялъ не шелохнувшись, и получивъ отъ священника просфору, уходилъ послѣ всѣхъ. Онъ считалъ себя практическимъ человѣкомъ, и жилъ, занимаясь всѣмъ, по его словамъ, для себя, для своего удовольствія. Онъ вовсе не былъ тщеславенъ. Но за что бы онъ ни взялся, во все онъ вносилъ страсть:

„Не создана, ли жизнь для жизни?“ говорилъ онъ нерѣдко, задумавшись: „не всякій ли кто захочетъ можетъ быть счастливъ, не вѣдоръ ли всѣ эти обстановки?... Тотъ человѣкъ, который не сумѣлъ устроиться въ обществѣ и жалуется на это, значить, не сумѣлъ жить...“

Однакожь, разсуждая такимъ образомъ, самъ онъ едва ли былъ счастливъ: опредѣленной цѣли въ жизни, кажется, у него не было. Неимоვნно равнодушный ко всякому говору о себѣ и сплетнямъ, онъ требовалъ только одного: повиновенія себѣ. Мужики могли не ломать предъ нимъ шапки, бранить, повертываться къ нему спиной, онъ все это зналъ, видѣлъ, но никогда хорошему мастеровому не ставилъ въ упрекъ ложное пониманіе своей особы. Всякій могъ имѣть объ немъ какое угодно мнѣніе, на это онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; но стоило послушаться его, подавшись лѣни, пьянству; кара была неизбѣжна.

Пьянство, воровство, неисправность въ работахъ, онъ преслѣдовалъ безпощадно, за то и награды сыпалъ по царски; тамъ гдѣ на награды не доставало заводскихъ денегъ, онъ щедрою рукой бралъ изъ своей шкатулки; получая отъ Бѣлоградскихъ пятнадцать тысячъ въ годъ жалованья, онъ проживалъ его въ заводѣ все до копѣйки. Въ началѣ всѣ его возненавидѣли, и два раза мастеровые возмущались противъ него; но возмущенія не могли передѣлать его натуры; онѣ вызвали только злобное пренебреженіе съ его стороны; сегодня возмущились противъ него, онъ завтра, злобно равнодушный, спускался въ рудники почти съ тѣмъ же народомъ и, что всего удивительнѣе, оставался невредимъ. Если ему, бывало, говорили: „Вотъ тамъ тебя караулятъ, хотятъ убить“, — онъ шелъ туда. Со дня возмущеній, въ народѣ его прозвали змѣемъ-горыничемъ, и молва разнесла слухъ объ его заколдованности. Но какъ управляющій онъ былъ молодецъ. Въ шесть лѣтъ своего управленія заводомъ, полураззоренное имѣніе Маши онъ поправилъ. Введеніемъ какихъ-то новыхъ машинъ въ заводскій механизмъ, онъ на четыре часа въ сутки укоротилъ работы мастеровыхъ; пьянство при немъ уменьшилось, воровство желѣза, бывшее, однимъ изъ промысловъ мастеровыхъ, также почти прекратилось, матеріальное благосостояніе народа замѣтно поднялось. Въ послѣднее время народъ сталъ привыкать къ своему управляющему; многіе даже страстно полюбили его и служили ему съ покорностію и слѣпою преданностію; но въ его глазахъ не было людей ни преданныхъ, ни не преданныхъ; всѣ были одинаковы. Въ заводѣ было очень много раскольниковъ, онъ отстаивалъ свободу ихъ вѣры предъ администраціей и этимъ привязалъ ихъ къ себѣ; всѣ они были на его сторонѣ. Человѣкъ идеально строгихъ нравовъ, спартакаго образа жизни, безупречной честности и прямодушія, онъ не могъ не внушить уваженія къ себѣ, но расположить человѣка къ себѣ, приобрести чью-нибудь симпатію, онъ считалъ какъ будто ниже себя и никогда объ этомъ не заботился.

Смотря на его дѣятельность, эту безцѣльную лихорадочную дѣятельность, я всегда жалѣла его: онъ казался мнѣ одинокимъ человекомъ въ обществѣ, и дѣйствительно онъ

былъ одинокъ. Около него замѣчалась страшная пустота, и онъ, какъ казалось, самъ замѣчалъ эту пустоту. Нервд-ко онъ вдругъ переставалъ работать, начиналъ отдыхать и по цѣлымъ днямъ дремалъ у себя въ кабинетъ, ничего не дѣлая. Но на пустоту своей жизни онъ никогда не жаловался. Въ отношеніи къ окружающимъ онъ держалъ себя одинаково; какъ на него дѣйствовалъ человекъ, такъ и онъ относился къ человеку. Бѣлоградскій, братъ Маши, по пріѣздѣ въ заводъ хотѣлъ было сойтись съ управляющимъ: они часто видались другъ съ другомъ; Александръ Сергѣевичъ не уклонялся отъ разговоровъ съ нимъ, не отказывался отъ его приглашеній, держалъ себя съ нимъ какъ со всякимъ, но сойтись другъ съ другомъ они все-таки не могли, и Бѣлоградскій отступился отъ своего желанія. Въ пробовавшіе облизиться съ Александромъ Сергѣевичемъ, или отступались отъ него, или привязывались къ нему.

„Однако Лизанька моя что-то долго заходилась,“ подумалъ я. День ужъ свертывалъ мало-по-малу свои огнистые лучи, уходя за горы, а вотъ и вечерняя звѣзда ярко заблестала на западѣ... Я невольно засмотрѣлась на видѣвшійся вдали маленькій домикъ, въ которомъ мы прежде жили съ матерью. „Кто-то живетъ теперь тамъ?“ думалось мнѣ: „также ли зеленѣетъ лужайка предъ низенькими окнами какъ зеленѣла во время оно, облитая росой? Поддерживается ли то же хозяйство съ курами и пѣтухами на дворѣ? Есть ли въ темномъ углу около огорода ксура, а въ ней цѣпная собака? Все ли колодезь, обросшій высокою травой, даетъ свѣтлую, чистую воду? Свѣтится ли наканунѣ праздниковъ лампадка изъ углаваго окна моей комнаты и молится ли кто-нибудь тамъ, по утрамъ, предъ потемнѣвшимъ отъ времени ликомъ Спасителя? Пролетѣло время, я навсегда распростилась съ маленькимъ домикомъ, но до сихъ поръ, задумавшись, я вижу: и вечернюю звѣзду, ярко блещущую въ блѣдно-розовыхъ лучахъ заката, и тонкій блѣдный ликъ молоденькаго мѣсяца, робко поднимающійся изъ-за синихъ лѣсовъ... Воды темнѣютъ: теплымъ вѣтромъ потянуло съ востока, родники, бѣгущіе съ горъ, звенятъ громче, и грохотъ воды, рвущейся изъ *ешниковъ*, ярче разносится въ тишинѣ замирающаго дня; только изрѣдка скрипъ еле-еле ползущей тележки, отдаленный грохотъ колеса, едва слышимый

отголосокъ - безконечной пѣсни, несущейся Богъ знаетъ откода, стоятъ еще въ воздухѣ между сумерками и ночью. Поддавшись теперь, какъ и всегда, мирному впечатлѣнiю засыпающихъ сумерекъ, я не видала, какъ перешла Лиза черезъ рѣчку и какъ она вошла въ комнату; только ея звонкiй голосокъ, раздавшiйся надъ моимъ ухомъ, вывелъ меня изъ дремоты.

— А вы, Наталья Алексѣевна, поди, безъ чаю?

— Безъ чаю, Лизавета Ивановна; отдали вы мой портретъ?

— Какъ же отдала, отвѣтила она скороговоркой, — да вотъ тетка Алена, что живетъ на высекахъ, повстрѣчалась со мной, да и продержала меня. Какъ же это, право, такъ таки вы и не пили чаю-то?

— Не пила.

Лиза смутилась и провела ладонями по бокамъ своего передника.

— Я сію минуточку пойду и поставлю самоваръ, а уживать-то, значить, ужь не станемъ.

— Да скажи же мнѣ, пожалуста, остановила я ее уже въ дверяхъ:—кому ты отдала мой портретъ?

— Ой, я и забыла отправить вамъ поклонъ нижайшiй! Самъ баринъ, значить, взяли у меня портретъ и наказали вамъ кланяться. Да вотъ уже все разкажу, поставлю самоваръ только.

Съ этими словами, Лиза, махнувъ рукой, какъ будто, давая мнѣ знать что время для разговоровъ не уйдетъ, убѣжала ставить самоваръ.

„Самъ Бѣлоградскiй взялъ портретъ и велѣлъ кланяться“, мелькнуло у меня въ умѣ, и я невольно задумалась....

III.

— Нѣтъ, Лиза, сказала я, поднимая съ рукъ голову и отходя отъ окна:—сколько я ни думаю, но этому мудро вѣрить.

Глаза Лизы заблестали; но отвѣчать мнѣ она не соблаговолила, съ чувствомъ оскорбленной невинности подошла къ самовару, и подвинувъ ногой неповоротливый стулъ къ столу, безмольно стала разливать чай.

— Конечно, продолжала я, послѣ нѣкотораго молчанія, подхода къ столу, за которымъ она сидѣла;—замыслы на жизнь Александра Сергѣича были здѣсь довольно часты; но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло четыре года, а главное....

— Чего? подняла Лиза голову, и углы ея губъ опустились съ угрожающимъ видомъ.

— Убійцы и разбойники, отвѣтила я спокойно,—не станутъ разглашать о своихъ замыслахъ.

Лиза въ отвѣтъ на это насмѣшливо улыбнулась.

— Видно вы не любите вашего барина, возразила она.—Я вотъ и чужая, да у меня руки и ноги опустились какъ я услышала, а вы словно ни въ чемъ не бывали.

— Привыкла...

— Чего?

— Ничего. Неужели ты воображаешь, что любишь Александра Сергѣича больше моего?

— Известное дѣло, видно такъ!..оказала она съ самоуверенностью.—Вотъ какъ убьютъ его, такъ заговорите тогда: гдѣ еще вамъ найдти такого жениха?

И дая вящаго подтвержденія своихъ словъ, она провела кулакомъ по своимъ покраснѣвшимъ глазамъ.

Чувства Лизы, въ виду грозившей Александру Сергѣичу опасности, всегда измѣнялись; этому я не могла не сочувствовать. Ничто такъ не подкупаетъ насъ въ свою пользу какъ расположеніе къ людямъ близкимъ намъ... Теперь точно также, какъ всегда, я почувствовала какое-то теплое чувство къ Лизѣ, и подойдя къ ней, положила руку ей на плечо.

— Но, Лиза, если это правда, такъ отчего же твой дядя самъ не пошелъ къ исправнику? спросила я мягко.

— Вотъ вы какая, Наталья Алексѣевна, возразила она по свосму обыкновенію съ ожесточеніемъ: —хоть постыдился бы говорить-то это! Вамъ, поди, ничего не будетъ; а у мужика спросятъ отколѣ онъ узналъ, а коли окажется неправда, такъ и накладываютъ ему въ спину.

Все это было довольно резонно, но и.недовѣрчивость моя была въ этомъ случаѣ очень естественна: изъ десяти извѣстій, которыя приносила мнѣ Лиза о замыслахъ на жизнь Александра Сергѣевича, не оказалось ни одного достовернаго. Но какъ бы то ни было, я все-таки

считала своею обязанностию принять надлежащія мѣры. Одно меня заботило, какъ начать: написать ли письмо, или извѣстить лично, — и кого? По нѣкоторомъ соображеніи, я не признала за своею особою силъ уведомлять письменно, кого бы то ни было; къ исправнику я также не захотѣла идти, онъ былъ человекъ дурныхъ свойствъ, его боялись всѣ заводскія дѣвушки; осталась одинъ Бѣлоградскій. По своему положенію и своему воспитанію молодой Бѣлоградскій держалъ себя совершенно въ сторонѣ отъ заводской жизни и даже относился съ худо маскируемымъ презрѣніемъ ко всему русскому. При всемъ томъ въ немъ было столько врожденнаго благородства, онъ умѣлъ держать себя, не оказавъ нравственно, потому что нравственность не есть только умѣнье держать себя, нѣтъ, онъ умѣлъ держать себя съ такимъ нравственнымъ приличіемъ, что всѣ, кто знали его, невольно уважали. Я была убѣждена, что онъ не только выслушаетъ меня съ приличнымъ вниманіемъ, но и поступитъ согласно съ моею просьбой. Сообразивъ все это, я объявила, къ полнѣйшему удивленію Лизы, что иду къ Бѣлоградскому.

Она, конечно, испугалась при видѣ моей рѣшимости. День стоялъ до того жаркій, что мы даже чай въ этотъ вечеръ пили послѣ солнечнаго заката, за то послѣ полудня облака набѣжали со всѣхъ сторонъ и къ вечеру нагнали тучу, сильную-пресильную, которая грозила превратить вечеръ въ ночь. Мнѣ приходилось идти въ темнотѣ, и Лиза, предполагая до себѣ минуты, что я пошлю со сторожемъ записку, перепугалась теперь за меня до нельзя. Но я молча надѣвала мантилью, повязывала голову креповымъ платкомъ, и Лиза выходила изъ себя.

— Да вы, Наталья Алексѣевна, хоть бы одѣлись потеплѣе, заключила она, — видя, что всѣ ея настоянія пропали даромъ. Взявъ со стола принесенный Лизой фонарь, я молча, въ одной мантильѣ вышла изъ комнаты.

Въ эту непогожую темень фонарь не столько былъ мнѣ необходимъ для освѣщенія пути, очень хорошо извѣстнаго мнѣ, сколько для того чтобы обратить вниманіе поромщиковъ, которые находились по ту сторону рѣки. Моя предосторожность оказалась какъ нельзя болѣе дѣйствительною. Свѣтъ отъ фонаря былъ замѣченъ, и прежде чѣмъ я спустилась съ пригорка

неопредѣленная темная масса обозначилась на сѣрединѣ рѣки. Рѣзкій вѣтеръ дулъ мнѣ прямо въ лицо, маленькія цѣпныя дворянскія заливались со всѣхъ сторонъ завода пронзительнымъ лаемъ. По временамъ погремывалъ громъ, и нѣсколько крупныхъ капель дождя, вырвавшись изъ тучи, тяжело ударили въ землю; еще минута—и дождь хлестнетъ со всего размаха. Но вотъ порохъ присталъ къ берегу; я соскочила на него, и длинныя шесты уперлись въ темныя волны.

Не знаю долго ли мы плыли; помню только то, что я очутилась на томъ берегу подъ сильнымъ дождемъ. Въ совершенной темнотѣ едва свѣтился огонь изъ трехъ свѣтлыхъ зеркальныхъ оконъ флигеля, который соединялся съ домомъ крытою галлереей. Около крыльца съ колоннами и фронтономъ блестяли фонари. Подобравъ платье, я бросилась бѣжать прямо на огонь, а дождь колотилъ мнѣ въ голову, хлесталъ въ лицо, обливалъ шею, смочилъ всю мою мантилью, волосы, юбки, но я бѣжала, не переводя духу, и, кажется, только, благодаря этой быстротѣ, я успѣла спасти мое платье. Осмотрѣвъ себя подъ фронтономъ, я убѣдилась, что могу явиться предъ Бѣлоградскимъ состоянію довольно приличномъ, и вбѣжала въ переднюю. Эта маленькая, четырехугольная комнатка поразила меня своимъ изяществомъ. Диванчикъ, въ видѣ скамейки, покрытый желтымъ сафьяномъ, стоялъ въ одномъ углу; надъ желтымъ дубовымъ столикомъ, съ выточеными ножками, висѣло зеркало, также въ желтой дубовой рамѣ. Пожилой слуга, съ внушающею почтеною физиономіей, съ бакебардами, и въ высокихъ туго-накрахмаленныхъ воротничкахъ, сложивъ ноги одна на другую, сидѣлъ на диванчикѣ и глубокомысленно читалъ при свѣтѣ лампы газету. При моемъ входѣ, онъ положилъ газету на столъ, мелькомъ взглянулъ на меня, и осторожно вставъ, на носкахъ сапоговъ, отправился черезъ залу въ гостиную.

Я въ первый разъ входила въ квартиру Бѣлоградскаго. Одного взгляда на залу достаточно было, чтобъ убѣдиться въ утонченыхъ вкусахъ хозяина. Кругомъ рѣзная мебель чернаго дерева, около оконъ тропическія растенія, въ одномъ углу піанино, въ другомъ великолѣпныя часы, около дверей зажженные лампы, на дверяхъ темномалиновыя портьеры.

Стоя въ залѣ, я слѣдила за слугой, который, согнувшись вошелъ въ гостиную, и что-то тихо проговорилъ. Ему отвѣтили тоже тихо, послѣ чего онъ возвратился въ залу, и почтительно, приблизившись ко мнѣ, попросилъ меня въ гостиную.

Вообще въ наружности и осанкѣ этого служителя такъ мало было лакейскаго, что дѣлалось противъ воли неловко за причиненное ему безпокойство; однакожь, подавивъ смущеніе, я отважилась еще на вопросъ:

— Тамъ, кажется, кто-то есть?

— Одна старая барыня, отвѣтилъ онъ.

Имя старой барыни не могло подѣйствовать на меня пріятно, и зачѣмъ она пришла въ этотъ часъ къ племяннику? Госпожа Горская приходилась родною сестрой отцу Маши. Послѣ смерти мужа, у ней осталось довольно значительное состояніе; но въ другой разъ замужъ она не пошла и помѣстилась въ домѣ брата, который, проживъ все свое небольшое состояніе, еле-еле поддерживалъ свое положеніе въ обществѣ. Сестра помогала ему; потомъ, когда онъ овдовѣлъ, она высватала за него пожилую, но съ ожиданіями большаго наслѣдства, дѣвущку. Дѣйствительно, мать Маши въ скоромъ времени по выходѣ замужъ получила наслѣдство, и послѣ своей смерти оставила дочери огромное состояніе. Потомъ тетка и племянника женила на богатой дѣвущкѣ; къ несчастію, бракъ этотъ оказался не совсѣмъ удаченъ: Бѣлоградскій хлопоталъ о формальномъ разводѣ съ женою. Впрочемъ, эта неудача не могла поколебать авторитета старухи въ семьѣ Бѣлоградскихъ. Въ домѣ она держала себя въ отношеніи къ Машѣ какъ мать, а племянникъ всегда былъ очень почтителенъ къ теткѣ.

Но я не любила старуху. Сухая, чопорная, съ прозрачно-бѣднымъ лицомъ и тусклыми глазами, она напоминала мнѣ восковую маркизу-куклу, подаренную мнѣ матерью еще въ дѣтствѣ: играя въ куклы, я всегда заставляла эту барыню разыгрывать роль злаго рока. Платье Горская всегда носила черное, шелковое, съ длиннымъ шлейфомъ; на черныхъ гладко причесанныхъ волосахъ чернѣйшій тюлевый чепчикъ; пальцы у нея были тонкіе, маленькая рука точно восковая; въ ея тускломъ взглядѣ замѣчалось присутствіе ума, замѣтно было, что въ молодости дѣла ея были выше любовныхъ интригъ, но къ лучшему ли это,

Богъ знаетъ... Въ поклонѣ ея было что-то сухое, сжатое, въ голосѣ—беззвучность, въ складкахъ около рта—холодное презрѣніе. Самая любовь къ племянницѣ и племяннику походила больше на страсть чѣмъ на любовь. Мнѣ казалось, что она не постыдилась бы дѣйствовать на племянницу, изъ личныхъ разчетовъ, самыми низкими средствами, и точно также подчинялась бы всевозможнымъ нравственнымъ оскорбленіямъ. На дружбу мою съ Машей Горская смотрѣла недоброжелательно; малѣйшее мое слово, сказанное въ ея присутствіи громче обыкновеннаго или опрометчивый смѣхъ вызывали складки на ея ротѣ, и награждались тѣмъ гусклымъ взглядомъ, отъ котораго меня коробило. Въ особенности въ послѣднее время, когда Бѣлоградскій сталъ оказывать мнѣ особенное вниманіе, она прониклась недоброжелательствомъ ко мнѣ; это было замѣтно изъ ея поклона, взгляда, наконецъ изъ ея неохоты говорить со мною; она никогда не обращалась ко мнѣ ни съ однимъ словомъ. Разумѣется, я не скажу, чтобъ ея холодность поддѣйствовала на Машу или Бѣлоградскаго. Маша для этого была слишкомъ деликатна; а Бѣлоградскій слишкомъ гордъ и благороденъ, для того чтобы, въ угоду предразсудкамъ тетки, скрывать свои симпатіи. Какъ при теткѣ, такъ и безъ нея, онъ до сихъ поръ держалъ себя въ отношеніи ко мнѣ совершенно одинаково.

Воидя въ гостиную, я увидѣла, что Горская, прямая, какъ тычина, сидѣла на диванѣ и что-то толковала племяннику, который слушалъ ее стоя и облокотившись на спинку кресла. Судя по морщинамъ, между черными бровями Бѣлоградскаго, можно было заключить, что разговоръ не приходился ему по сердцу.

Не знаю какъ слуга доложилъ о моемъ приходѣ, но что ни старуха, ни племянникъ не были приготовлены къ моему появленію — это было ясно. По легкому румянцу, быстро покрывшему лобъ Бѣлоградскаго, замѣтно было, что мое появленіе поразило его болѣе чѣмъ неожиданностью; мнѣ показалось даже, что онъ не знаетъ какъ привѣтствовать меня. Увидѣвъ, что я стою на порогѣ, не двигаясь ни взадъ ни впередъ, онъ быстро вышелъ изъ-за кресла, и подойдя ко мнѣ, раскланялся со мною очень низко.

— А я ждалъ Машу и принялъ васъ за нее. Прошу прощенья въ своей ошибкѣ и неловкости.

Онъ говорилъ это совершенно непринужденнымъ тономъ, и голосъ его звучалъ мягкими нотами.

Изящная предупредительность Бѣлоградскаго всегда приводила меня въ смущеніе; теперь также я стояла молча, рассматривая узорчатый коверъ и отвѣчала съ свойственною мнѣ въ этихъ случаяхъ глупостью.

— Благодарю васъ, я пришла къ вамъ за дѣломъ.

Едва замѣтная улыбка блеснула на его выразительномъ лицѣ и мягкій, глубокій взглядъ его ушелъ мнѣ въ глаза.

— Я всегда радъ служить вамъ... Гдѣ вамъ угодно, чтобъ я выслушалъ васъ?

— Мнѣ все равно, отвѣчала я, взглянувъ уголкою глаза на Горскую, которая, уложивъ свои восковыя ручки одна на другую, безмолвно созерцала насъ.

Онъ слегка наморщилъ лобъ и послѣ минутнаго размышленія, мимоходомъ взглянувъ на полуотворенную дверь кабинета, обратился къ теткѣ.

— Съ вашего позволенія, ma tante, я принужденъ васъ оставить на нѣсколько минутъ.

Но Горская пристально, хотя и безъ всякаго выраженія осмотра на племянника, возразила ему что-то своимъ беззвучнымъ голосомъ.

Вслѣдъ за этимъ ея шелковое платье зашелоество, и вытянувъ шею она начала подниматься съ дивана. Бѣлоградскій одѣлалъ шагъ назадъ и, слегка наклонившись, стоялъ совсѣмъ готовый проводить почетную гостью. Но гостя предъ уходомъ еще разъ сооблаговолила отнестись къ племяннику съ какимъ-то замѣчаніемъ, по-англійски, и звала морщины на его гладкомъ лбу.

— Это не мое дѣло, сказалъ онъ и сухо отступилъ къ дверямъ. Въ томъ Бѣлоградскаго, въ его движеніи было столько достоинства, вѣжливости и вмѣствъ съ тѣмъ столько чего-то безапелляціонно-заковченнаго, что надо было явиться отъявленою дурой, чтобы настаивать на разговорѣ, прекращенномъ такъ рѣшительно. И Горская воздержалась. Опустивъ глаза, она съ величіемъ павы попавъ къ дверямъ гостиной.

Бѣлоградскій обратился ко мнѣ.

— Въ такую непогоду, вы не побоялись переправляться черезъ рѣку? спросилъ онъ меня съ легкимъ упрекомъ.

Этотъ вкрадчивый мягкій тонъ, этотъ ласкающій бархатистый взглядъ были хорошо мнѣ знакомы, и потому, разсматривая коверъ, я отвѣтила просто:

— Я пришла къ вамъ за дѣломъ очень важнымъ: нѣсколько человекъ ждутъ Александра Сергѣича въ оврагѣ на большой дорогѣ, что подъ горой, въ трехъ верстахъ отсюда.

Съ послѣдними словами я взглянула въ глаза Бѣлоградскаго и замѣтила весьма яркое удивленіе въ нихъ.

— Откуда вы это узнали? спросилъ онъ тихо, послѣ минутнаго молчанія.

— Я не считаю удобнымъ сказать вамъ это.

Морщины скользяли между его черными бровями.

— Но вы убѣждены, конечно, въ достоверности этого слуха?

— Нѣтъ, не совсѣмъ, отвѣчала я чистосердечно.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, послѣ довольно значительной паузы, но уже сухо и тѣмъ тономъ, производившимъ на меня непріятное впечатлѣніе, который скрадывая всѣ ощущенія, выставляяетъ на видъ одну свѣтскую учтивость:—вы имѣли какія-нибудь основанія передать мнѣ это?

Я смутилась и тупо промолчала.

— Я повторяю свой вопросъ, проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія съ тою же формальною учтивостью.

„Повторяй сколько хочешь, подумала я, но отвѣчать мнѣ нечего.“

Онъ устремилъ свой внимательный взглядъ на мое лицо и довольно долго разсматривалъ меня, потомъ посмотрѣлъ поверхъ моей головы въ окно; наконецъ, медленно повернулся, и придвинувъ два кресла къ столу, въ одно опустилса самъ, а въ другое попросилъ садиться меня.

Я не заставила повторять себѣ это приглашеніе, и молча усѣвшись подлѣ него, смотрѣла какъ онъ вынималъ записную книжку изъ бокового кармана своего сюртука и вырывалъ изъ нея листокъ.

— Я не удивляюсь тому, оказалъ онъ задумчиво, приготовляясь что-то писать карандашомъ и отбросивъ уже свою

формальную учтивость:—что привело васъ ко мнѣ въ эту непогоду. Зарятинъ человекъ глубоко вамъ преданный.

Бѣлоградскій ничего не зналъ изъ моихъ настоящихъ отношеній къ Александру Сергѣевичу, и потому я сочла за лучшее промолчать. Впрочемъ, онъ, какъ видно, и не дожидаясь моего отвѣта; быстро написавъ нѣсколь-ко словъ на почтовомъ листкѣ, онъ снова взглянулъ на меня и сказалъ какъ будто въ раздумьи:

— Вы жили въ одномъ домѣ съ нимъ около трехъ лѣтъ?

— Четыре года, повторила я.

Мой собесѣдникъ улыбнулся, едва замѣтно, и застучавъ по стулу пальцами, кликнувъ слугу.

— А развратное здѣсь народонаселеніе, замѣтилъ онъ мимоходомъ, и обратившись къ слугѣ, который почтительно подошелъ къ столу, прибавилъ:—вотъ тебѣ записка, отнеси ее къ исправнику, да отдай ему самому въ руки.

— Не изволите приказать дожидаться отвѣта?

— Нѣтъ, отвѣчалъ коротко Бѣлоградскій.

Замѣтивъ, что служитель взялъ записку и намѣревается уходить, я быстро вмѣшалась въ разговоръ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ.

Онъ немедленно остановилъ слугу и вопросительно взглянулъ на меня.

— Извините меня, начала я краснѣя,—но нельзя ли мнѣ знать о чемъ вы писали исправнику?

Едва замѣтное удивленіе блеснуло въ глазахъ Бѣлоградскаго. Подумавъ, онъ сказалъ спокойно:

— Я написалъ ему то что слышалъ отъ васъ.

— Вы не писали ему, чтобъ онъ послалъ людей навстрѣчу Александру Сергѣевичу?

Снисходительная и ласковая улыбка пробѣжала по лицу Бѣлоградскаго.

Я продолжала.

— Въ прошлый разъ, это было ужъ давно, также давали знать исправнику о покушеніи на жизнь Александра Сергѣевича; но онъ ничего не сдѣлалъ.

Говоря это, я не смотрѣла на своего собесѣдника; но чувствовала его глубокій взглядъ на своемъ лицѣ.

— Вы не довѣряете исправнику? спросилъ онъ, не убирая своихъ глазъ съ моего лица.

— Нѣтъ, отвѣчала я твердо, чувствуя какъ при мысли

объ угрожающей Александру Сергѣевичу опасности бѣдность разливалась у меня по лицу.

— Что же по вашему мнѣнію я долженъ сдѣлать? спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія своимъ вкрадчивымъ тономъ.

— По моему мнѣнію, отвѣчала я скороговоркой, — надо послать людей навстрѣчу Александру Сергѣевичу.

— А потомъ?

— Потомъ, продолжала я, — вы скажете исправнику, чтобы онъ самъ съ людьми осмотрѣлъ оврагъ.

Встрѣтивъ тонкую улыбку на лицѣ Бѣлоградскаго я остановилась, и въ заключеніе всего покраснѣла.

— Продолжайте! сказалъ онъ одобрительно.

Но высказавъ все что по моему убѣжденію слѣдовало высказать, я замолчала. Онъ не сводилъ глазъ съ моего лица. Мнѣ иногда нравилось смотрѣть на его узкія, красивыя руки съ длинными пальцами, нравились его небрежныя, нѣсколько даже лѣнивыя, но граціозныя движенія, нравилась его тонкій профиль, мягкіе черные волосы, маленькія уши, его стройный станъ. Онъ былъ очень хорошъ собой и, кажется, сознавалъ это; но теперь отъ взгляда Бѣлоградскаго, отъ его улыбки мнѣ дѣлалось неловко. Какое-то непріязненное, безотчетное а, стало-быть, глупое чувство охватило меня: я краснѣла, краснѣла и наконецъ встала.

— Куда вы?

— Мнѣ пора домой.

Онъ быстро разорвалъ записку и, обратившись къ слугѣ, который стоялъ на порогѣ гостиной, приказалъ ему сходить въ большой домъ за лошадью.

— Я надѣюсь, сказалъ онъ тихо, послѣ того, какъ слуга вышелъ, — вы позволите мнѣ проводить васъ. Я самъ поѣду къ исправнику... успокоить ли это васъ?

Конечно, это было даже больше того, на что я смѣла надѣяться; но при взглядѣ на мглистые глаза Бѣлоградскаго, поблагодарить его, какъ слѣдуетъ, я все-таки не сумѣла. По крайней мѣрѣ, выслушавъ мою благодарность съ легкимъ поклономъ, онъ быстро откинулся на спинку кресла, и сомкнувъ съ холодною вѣжливостью ротъ, не разжималъ его вплоть до прихода слуги.

Я также сидѣла молча, разсматривая цвѣтной коверъ и размышляя о той странности, которая ставила меня всегда въ неловкое положеніе предъ Бѣлоградскимъ. Онъ ли былъ слишкомъ щепетилевъ, или я слишкомъ рѣзка, только бѣсѣды наши всегда оканчивались этимъ сухимъ формализмомъ съ его стороны и тупымъ молчаніемъ съ моей. Теперь, напримѣръ, я съ гораздо большею охотой могла бы убраться домой одна; но, опасаясь опять задѣть его какою-нибудь неделикатностью, я молча приняла его предложеніе ѣхать съ нимъ. Мнѣ, конечно, было не совсѣмъ пріятно сидѣть въ молчаливомъ созерцаніи его особы, но еслибы ему вздумалось просидѣть цѣлый вечеръ въ этой позѣ, облокотившись на ручку креселъ и устремивъ глаза въ темное окно, то безъ настоящей необходимости, я не рискнула бы заговорить съ нимъ. Слуга, наконецъ, явилась съ докладомъ о лошади поданной къ крыльцу. Бѣлоградскій молча всталъ, и взявъ со стола фуражку и перчатки, отвесилъ ко мнѣ съ своимъ вѣжливымъ поклономъ. Я также молча встала и послѣдовала за нимъ въ залу. Моя мантилья лежала на диванчикѣ въ передней. Дотронувшись до нея, я увидѣла, что она еще не просохла, но дѣлать было нечего: я надѣла ее и повязалась своимъ креповымъ платкомъ. А Бѣлоградскій, разсматривая мой нарядъ, стоялъ на порогѣ залы въ своихъ зеленыхъ перчаткахъ и съ фуражкой въ рукѣ.

— Вы въ одномъ платьѣ? спросилъ онъ, приподнявъ свои черныя брови.

— Въ одномъ.

— И безъ калошъ?

— И безъ калошъ.

Тяжелое облако протянулось по его прекрасному лицу.

— Виноватъ, Наталья Алексѣевна, сказалъ онъ рѣшительно, съ холоднымъ достоинствомъ, которое заблистало въ его лицѣ, глазахъ, зазвучало въ тонѣ голоса,—я не могу пригласить васъ ѣхать со мной въ одномъ платьѣ.

— Вамъ угодно, чтобъ я шла одна?

О какой длинный-предлиный, леденящій душу взглядъ!

— Я желаю, сказалъ онъ, медленно, ясно и отчетливо, съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства,—чтобы вы позволили мнѣ доставить вамъ бурнусъ и калоши.

Я смотрѣла на него...

— Я хорошо понимаю, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, — что привело васъ сюда въ одномъ платьѣ, но вы оставите меня въ недоумѣніи, отказавшись отъ моего предложенія.

Я не хотѣла оставлять его въ недоумѣніи и вопросительно смотрѣла на него.

— Вамъ придется подождать здѣсь всего минутъ съ десять, объяснилъ онъ, — я возьму съ собой челоуѣка и приду вамъ бурнусъ и каалоши.

Что могла я возразить на это? Молча поклонившись ему, я сбросила съ себя мантилью. За то мое безмолвное согласіе получило, по крайней мѣрѣ, вознагражденіе; онъ протянулъ мнѣ руку и крѣпко сжавъ мою, сказалъ свое: „До свиданія“, съ самымъ дружелюбнымъ видомъ. Въ дверяхъ онъ еще оглянулся, и приподнявъ свою фуражку, улыбулся мнѣ тою привѣтливою улыбкой, которая такъ симпатично освѣщала его благородное лицо...

Оставшись одна, я скоро забыла и разговоръ съ нимъ, и мѣсто гдѣ я нахожусь, и опасность, которой подвергался Александръ Сергѣевичъ. Вокругъ меня все было такъ дивно хорошо, что заставляло забывать все на свѣтѣ. Теплая, темная ночь глядѣла изъ сада; лѣсною свѣжестью тянуло въ отворенныя окна, гроза стихала, но теплый, отвѣсный дождь ливня лилъ на землю. Изъ окна гостиной виднѣлась площадь и на ней темная, неопредѣленная масса церкви, вдали блеснулъ огонекъ, звякнулъ бубенчикъ, пробирающейся къ дому заблудившейся бѣглянки изъ стада; ярко заалася колокольчикъ какого-то запоздааго путника, и опять все смолкло. Я была одна-одинешенька въ четырехъ комнатахъ; два портрета смотрѣли на меня изъ темныхъ рамъ, изъ полуотворенной двери кабинета лился розовый свѣтъ. Одиночество и тишина всегда оказывали на меня свое вліяніе; я не родилась городскою жительницей, жизнь, шумъ и движеніе я любила только издали... можетъ-быть въ самой ранней молодости я мечтала и о шумной жизни большихъ городовъ, о великихъ интересахъ людей, о ихъ дѣлахъ... но это былъ такъ давно! Съ тѣхъ поръ я научилась цѣнить мирный уголокъ, двѣ маленькія комнаты, часы съ кукушкой, тишину, полезную жизнь и наслажденія заодно съ природой. И что могло сравниться съ этою теплою, темною ночью, глядѣвшею изъ сада, съ этою

упоительною свѣжестью лѣснаго, магорнаго воздуха нашей стороны?

Стоя у окна, я все смотрѣла на тучу, которая разорвалась на двое; одна половина ея покатилась на западъ, другая ушла на востокъ, и свѣтлая полоса ледной лазури протянулась отъ горизонта до зенита. Узорчатые края облаковъ мало-по-малу растягивались, и осеребрившись наконецъ сіяніемъ мѣсяца, врѣзались колокольями, колесницами и безчисленными стрѣлами въ синею небесь. Дождь стихалъ и гармоническій бой часовъ отсчиталъ одиннадцать разъ. Въ эту минуту я услышала за собой шумъ шаговъ и голосъ слуги.

Бурнусъ, лежавшій на рукѣ почтеннаго служителя, былъ мой собственный; калоши, которыя онъ держалъ въ другой рукѣ, также принадлежали мнѣ.

— Кто ходилъ ко мнѣ? спросила я, избѣгая слова ты.

— Баринъ посылалъ меня, отвѣтилъ онъ согнувшись; — они изволили прислать вамъ лошадь и приказали мнѣ проводить васъ.

— Значить, Іосифъ Александровичъ у исправника? спросила я мимоходомъ, надѣвая бурнусъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Они встрѣтились съ управляющимъ, какъ ѣхали сюда, и зашли къ нему; а меня послали къ вамъ.

Александръ Сергѣевичъ дома! Не знаю что я почувствовала при этомъ извѣстіи, но вѣрно то, что когда я застегивала бурнусъ, руки у меня дрожали. Я ни о чемъ не думала въ эту минуту, за то въ продолженіе всей дороги ничего и не видѣла. Кромѣ маленькаго домика съ окнами ярко освѣщенными и отворенными на мостъ; я видѣла еще профиль мужественной фигуры, которая сидѣла въ креслахъ, съ зажженной сигарой въ рукѣ, облокотившись на окно, и смотрѣла на кого-то въ глубину комнаты.

Когда я возвратилась домой, Лиза покоилась уже безмятежнымъ сномъ, несмотря на то что двери были отворены. По укороченному дыханію, по раскинувшимся на груди чернымъ волосамъ и по полуразстегнутому платью замѣтно было, что сонъ засталъ Лизу врасплохъ. Наклонившись къ ея пунцовому личику, я долго смотрѣла на ея длинныя рѣсницы, беззаботно закрывшія каріе глаза, и потомъ, въ какомъ-то непомятномъ увлеченіи, тихо поцѣловала ея чистый лобъ.

IV.

Большая церковь, построенная на площади дѣдушкою Машею, стояла огромныхъ денегъ. Богатый баринъ, возвратившись изъ-за границы на свою родину, захотѣлъ увѣковѣчить свое имя и занялся постройкой храма. Не знаю, почему народъ не любилъ ходить въ эту церковь; можетъ-быть пустота и громадность ея не соответствовали его сердечнымъ потребностямъ; но я любила молиться здѣсь. Нравилась мнѣ эти огромныя колонны, уходившія въ вышину; двери, подлѣ которыхъ взрослый человекъ казался крошкой; высокіе своды, уносившіеся Богъ знаетъ куда и верхнія окна едва достигаемая глазомъ. Въ особенности хорошо было здѣсь во время всенощнаго служенія: два, три человека около колоннъ, едва мерцающія свѣчи, коегдѣ блестящій отливъ отъ золотыхъ иконъ и дребезжащій голосъ старика-священника, раздающійся такъ торжественно въ пустомъ пространствѣ, какъ будто молитва его несется прямо къ престолу Всевышняго, и только что первые звуки ея замираютъ тамъ, гдѣ-то далеко, въ вышнѣхъ, другіе уже несутся и несутся... Прислонившись къ колоннѣ не то молишься, не то просто стоишь, не думая ни о чемъ, въ нѣмомъ созерцаніи чего-то, а звуки все льются и льются; мимо среднихъ оконъ мелькаютъ стаи галокъ, а тамъ, еще выше, сияетъ одно безпредѣльное небо, да носится серебряный мѣсяцъ въ бездонныхъ пространныхъ. Темнѣетъ лучъ мѣсяца, окользнувъ въ окно, бѣжитъ фантастическимъ сіяніемъ по темнымъ ликамъ иконъ, таинственно пробѣгаетъ по мрачной живописи иконостаса... И молиться хочется, и плакать, и забыть весь грѣшный міръ съ его скорбями и радостями...

У обѣдни здѣсь бывало довольно людно. Съ пріѣзда Машею, которая къ обѣднѣ постоянно ходила сюда, заводскія барыни полюбили эту церковь. Пестрыя платья и разноцвѣтныя шляпы наполняли верхнюю часть среднего прѣдѣла; позади ихъ становились черныя сюртуки, между которыми изрѣдка мелькали алые платки простыхъ

женщинъ и длинныя бороды мастеровыхъ. Александръ Сергѣевичъ также почти всегда приходилъ къ обѣдѣ въ эту церковь. Послѣ обѣда я всегда дожидалась его на паперти. Поздоровавшись со мной, онъ уводилъ меня къ себѣ пить чай и обѣдать. Этотъ порядокъ соблюдался уже цѣлый годъ, съ самаго того дня какъ я дала слово сдѣлаться его женой.

Одѣваясь въ это воскресенье къ обѣдѣ, я почти навѣрное разчитывала встрѣтиться здѣсь съ моимъ женихомъ. Одно меня заботило: я не знала разказама ли вчера Бѣлоградскій Александръ Сергѣевичу о моей тревогѣ, или нѣтъ. Я забогилась о немъ какъ о человѣкѣ, какъ о родственникѣ; но онъ могъ перетолковать мое безпокойство по своему и вызвать меня на неприятое объясненіе. Я боялась подать поводъ къ какимъ-нибудь важныимъ изліяніямъ съ его стороны, тѣмъ болѣе что дѣлать ему неприятности, огорчать его, мнѣ не хотѣлось. Думая и раздумывая, я припоминала себѣ прилично сдержанный характеръ Бѣлоградскаго и начинала надѣяться, что авось онъ не оцѣлъ за нужное говорить обо мнѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ. Въ этихъ мірокихъ грѣшныхъ размышленіяхъ, я направилась въ церковь: къ большому моему удивленію я не застала тамъ Александра Сергѣевича. То мѣсто, на которое онъ по обыкновенію становился, было занято Горскою. Она стояла въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ, уставивъ глаза на пунцовый бархатный молитвенникъ съ золотыми застежками. Подлѣ нея, опустившись на колѣни, преусердно молилась Маша. Предъ ними вертѣлась, въ голубомъ коротенькомъ платьицѣ, Аня, дальняя родственница и воспитанница старухи Горской. Александръ Сергѣевичъ и къ концу обѣда не пришелъ, и я осталась этимъ очень довольна. Провожденіе времени съ моимъ женихомъ не доставляло мнѣ большаго удовольствія; конечно, идти противъ него, оказывать ему невниманіе или пренебреженіе было не въ моемъ характерѣ; я всегда старалась исполнить въ точности обязанности невесты, но этимъ и ограничивались всѣ мои отношенія къ нему. При выходѣ изъ церкви я стала глядѣть на Машу. Ее всѣ любили на заводѣ, да едва ли и возможно было не любить ея. Она была хороша, умна, граціозна, прекрасно пѣла, превосходно играла на фортепiano; говорила на шести европейскихъ языкахъ, была знакома

съ англійскою, французскою, нѣмецкою литературами; я часто заставляла ее въ ученыхъ разговорахъ съ братомъ. Она ко всѣмъ въ заводѣ ходила безъ чиновъ, у себя была пріятлива, радужна, и я никогда не видала, чтобъ она какую-нибудь знатную барыню, пріѣзжую гостью отличила отъ своихъ заводскихъ посѣтительницъ; явное предпочтеніе, которое она оказывала всѣмъ смущеннымъ и стѣсненнымъ въ ея большомъ домѣ, ярко выдѣляло ее изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ женщинъ. Маша ходила по больнымъ, помогала бѣднымъ и усердно молилась. Но за этимъ, она танцевала какъ сульфиды, бѣгала по горамъ какъ горець; скакала верхомъ какъ настоящая амазонка, стрѣляла изъ пистолета, или лучше сказать, любила стрѣлять изъ пистолета, потому что всегда стрѣляла безъ цѣли, жгла пахитосы и могла выпивать шампанскаго по цѣлому стакану. Воспитываясь подъ главнымъ надзоромъ тетки, Маша привыкла уважать ее; но рамки, въ которыя старуха ставила племянницу, оказывались слишкомъ узки, и дѣвушка сама, разбивая ихъ, шла туда, куда ей хотѣлось, по крайней мѣрѣ я ничѣмъ инымъ не умѣла объяснить постоянныхъ, хотя и небольшихъ размолвокъ Маши съ теткой. Я не имѣла привычки, или можетъ-быть, смѣлости подходить къ Машѣ и здороваться съ ней при многолюдномъ обществѣ. Маша вначалѣ слегка упрекала меня за эту, какъ она называла, мою гордость; но потомъ, когда мы сошлись ближе, она нашла мои отношенія къ ней очень удобными. Дѣйствительно, я никогда не требовала отъ нея ни лишняго взгляда для себя, ни улыбки. Когда она меня не замѣчала, я проходила мимо ее съ потупленными глазами, не намекая ей ничѣмъ о моемъ присутствіи; если же она окликала меня и кивала мнѣ головкой, я подходила къ ней, и мы разговаривали. Впрочемъ, въ послѣднее время, вѣроятно снисходя къ требованію тетки, Маша выдумала для меня особенное пріѣтствіе. Увидѣвъ меня, она поднимала брови и прикладывала пальчикъ къ губамъ; это значило, что я должна была идти вслѣдъ за ней, не подавая вида, и ждать, пока она не заговоритъ со мной. Теперь замѣтивъ знаменательный знакъ, я уже знала чего хочетъ Маша, и спокойно пошла вслѣдъ за народомъ. Слѣдя за Машей, я видѣла, какъ она, увлекаемая разговоромъ съ

молодежьими женщинами, мало-по-малу отставала отъ старухи и замѣшкалась на лѣстницѣ въ ту самую минуту, какъ Горскую сажали въ карету. Я въ это время стояла на верхней лѣстницѣ и могла ясно различить и тоскую улыбку Маши, съ которою она кивнула головой тетушкѣ, сказавъ вѣроятно, что идетъ пѣшкомъ, и тусклые глаза Горской, неизвестно вслѣдствіе какого побужденія, уставившіеся на меня. Я думала было поклониться старой барынѣ, но прежде чѣмъ успѣла взвѣсить на сколько моя личность достойна этой чести, дверцы кареты захлопнулись, и прозрачный ликъ съ тусклымъ взглядомъ скрылся изъ моихъ глазъ. Маша обернулась, и черезъ минуту, смѣясь, уже сжимала мнѣ руки.

— Прежде всего, объявила она послѣ первыхъ привѣтствій,—Наташа завтракаетъ у меня; братъ тоже хотѣлъ зайти въ библіотеку; я сказала, что не вѣрю его обѣщаніямъ; онъ разсердился на меня, значить придетъ, и Наташа должна придти; она не захочетъ привести меня въ отчаяніе.

— Но...

— Point de maïs! Я хочу да, или нѣтъ.

Я смотрѣла въ ея черные глаза и молчала. Братъ придетъ, и я должна идти: что это такое? Въ послѣдніе дни языкъ Маши какъ-то удивительно странно смѣшивалъ мое имя и имя брата; конечно, мнѣ надо было бы видѣться съ Бѣлоградскимъ...

— Ты молчишь, Наташа; неужели ты хочешь опечалить меня?—Маленькая ручка очутилась у меня на плечѣ.

Но я все еще колебалась. Я предвидѣла, что Александръ Сергѣевичъ непременно зайдетъ ко мнѣ. Не было примѣра въ продолженіе года, чтобы послѣ своего трехдневнаго отсутствія, онъ не поспѣшилъ взглянуть на меня хоть мимоходомъ; это обратилось у него въ насущную потребность; что мнѣ дѣлать?

— Нѣтъ, Маша, рѣшила я, сообразивъ все это:—я не могу идти съ вами: Александръ Сергѣевичъ зайдетъ ко мнѣ.

— Онъ обѣщався? спросила она бойко, пристально взглянувъ мнѣ въ глаза.

— Нѣтъ.

— И вы обязаны ждать его милость? бѣдная! Но я успокою васъ, прибавила она съ легкимъ вздохомъ. Онъ сегодня въ маленькой церкви вмѣстѣ съ народомъ, обѣдая

тамъ кончается раньше нашей, но послѣ обѣдни у нихъ назначенъ... какъ это—сходъ?.. ou quelque chose comme ça, je n'en sais rien, заключила, она засмѣявшись и открывъ свои жемчужные зубы.—Согласны?

— Я согласилась.

Машѣ почему-то хотѣлось въ этотъ разъ пройти въ библіотеку никакъ незамѣчною, и она повела меня по одному изъ заднихъ корридоровъ. Ни на дворѣ, ни въ темномъ корридорѣ мы не встрѣтили ни одной души; но у дверей библіотеки насъ поджидалъ сауга въ бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

— Все готово? спросила Маша съ свойственною ей гордой небрежностью, проходя въ библіотеку.

— Все, былъ однозвучный отвѣтъ.

— Да, остановилась она вдругъ въ дверяхъ, повернувъ свое гордое личико къ саугѣ:— для всѣхъ, кромѣ брата, я въ саду.

И за этимъ отрывистымъ приказаніемъ, она скрылась въ библіотекѣ. Я посадовала за ней. Разумѣется, я хорошо понимала для кого собственно отдавалось это приказаніе, но намекнуть объ этомъ Машѣ я никакъ не рискнула бы. Конечно, Маша не скрывала, что у нея съ тетуской случаются маленькія, самыя крошечныя неприятели, но тетуска такая добрая, такъ любитъ Машу, и Маша такъ уважаетъ ее! Также я никогда не спрашивала Машу почему библіотека, комната самая отдаленная въ домѣ, была любимую ея резиденціей: покои тетуски были такъ далеки отъ этой комнаты! Можетъ-быть, Маша не хотѣла беспокоить тетуску, почтенную старушку, у которой свои привычки... Въ зимніе вечера мы, то-есть Александръ Сергѣевичъ, Маша, Бѣлоградскій и я часто собирались здѣсь. Мушкетеры большею частію, отдѣлившись отъ насъ съ сигарами, усаживались къ камину и толковали между собой, а мы съ Машей, забравшись въ уголокъ, читали что-нибудь, и вечеръ тянулся тихо и безмятежно. Разходясь, мы всегда оставались довольны и вечеромъ проведеннымъ въ тепломъ уголкѣ, и чтеніемъ, и бесѣдой. Теперь комната получила другой характеръ: большой зимній мѣсяцъ не глядѣлъ уже въ окно, стекла не блестяли разноцвѣтными огнями, каминъ не топился, но тѣмъ не менѣе

здѣсь было также хорошо какъ и въ зимніе вечера. Столикъ, за которымъ мы сидѣвали съ Машей, былъ выдвинутъ изъ угла къ открытому въ садъ окну и уставленъ различными блюдами. Тутъ былъ и кофеи, пирожки различнаго приготовленія, и хлѣбъ поджаренный въ маслѣ, и маринованная стерлядь, и грибки плававшіе въ сметанѣ. Но въ особенности хорошо было то, что свѣжій воздухъ вливался изъ сада черезъ открытыя окна въ комнату, душистыя сирени ползли въ окно, молоденькія деревья, страхнувъ долгій сонъ, развертывали свои пахучіе листья.

Звонъ, гулъ, щебетанье раздавались здѣсь съ утра до глубокой ночи. Птицы рѣяли воздушными стаями въ вышинѣ; коршунъ, распластавъ крылья, лѣниво купался въ синихъ волнахъ воздуха. Плавно описывая мѣрные круги, онъ то поднимался надъ землею, то замиралъ надъ ней въ грозной неподвижности, то спускался... еще мгновеніе и широкіе плавные круги понеслись къ солнцу въ синеву небесъ.

— Наташа, моя сирена, слышалась за мной увѣщательный голосокъ:—это на на чтѣ не похоже, вы пришли завтракать, а не смотрѣть въ окно.

Я оглянулась, Маша сидѣла уже въ креслахъ; шляпа лежала подлѣ нея на полу; черныя локоны ея, рассыпавшись, бѣжали, по плечамъ; широкій кружевной рукавъ былъ поднятъ, и обнаженная выше локтя античной красоты рука трудилась надъ разстановкой чашекъ. Если разбирать красоту Маши, то можно было найти много недостатковъ въ ней; носъ слишкомъ коротокъ, ротъ слишкомъ малъ, губы толсты; но все эти маленькіе недостатки въ правильности хорошо гармонировали съ общимъ выраженіемъ ея лица, хотя въ то же время для самой себя я не пожелала бы такой наружности. Этотъ мглистый, горячій взглядъ, этотъ пунцовый ротъ, эти поднятыя ноздри, маѣ казалось, всегда могли, еслибъ захотѣли, взбудоражить человѣка, привести его въ лихорадочное настроеніе. Лиза, моя пріятельница, была простая дѣвушка, и верѣдко танулась цѣловаться со мной съ сильнымъ кухоннымъ запахомъ, но я цѣловалась съ ней всегда съ теплымъ чувствомъ. Что же касается до поцѣлуевъ Маши, я съ перваго раза инстинктивно какъ будто уклонялась отъ нихъ, и не потому чтобъ я не любила Машу, или любила ее меньше Лизы. Напротивъ, съ Машей у меня было

больше общаго чѣмъ съ Лизой, но обнимать ее, цѣловать-ся съ ней—мнѣ было тяжело....

По ея первому приглашенію, я поспѣшно подошла къ столу и взяла свою чашку.

— Подождите немножечко, пробормотала она, торопливо ставя кофейникъ на столъ:—но зачѣмъ вы стоите, садитесь въ это кресло. У меня есть до васъ просьба...

Съ послѣдними словами она опустила руку за какую-то надобностью подъ столъ и взглянула на меня такъ умильно, что я въ одно мгновеніе поняла смыслъ ея просьбы.

— Я не хочу, поспѣшила я отказаться.

— Наташа! прошептала она съ легкимъ укоромъ, устремивъ на меня свой взглядъ, подернутый мглой.

Я опустила глаза въ чашку и молча начала пить кофе. Я не смотрѣла на нее въ эту минуту; но видѣла какъ она быстро встала, выбросила пачку пахитосъ на столъ, и подойдя къ моему креслу, такъ близко наклонилась ко мнѣ, что горячее дыханіе ея коснулось моего лица.

— Наташа! голосъ былъ уже отрывистъ.

Я быстро отстранилась и взглянула. Глаза моей соблазнительницы заставили меня улыбнуться.

— Чтò вамъ угодно?

— Не упрямясь! шепнула она мнѣ вдругъ съ величайшею таинственностью.

Я не могла не улыбнуться; но отвернулась, и молча принялась пить кофе.

— Послушайте Наташа, начала она слова убѣждающимъ голосомъ:—въ лѣта своей юности вы кашляли да курили со мной, а теперь начали только во вкусъ входить и бросали; на чтò это походитъ? Да слушайте же меня!

И взявъ меня за голову, она повернула обѣими руками къ себѣ мое лицо.

— Я слышу васъ и не хочу; я пролью чашку на ваше платье!

Она быстро выпустила мою голову и встала.

— Это неразумно!

— Какъ вамъ угодно.

— Наташа, мой другъ, проговорила она съ маленькой злостью,—вы когда-нибудь уморите себя въ вашемъ аскетическомъ настроеніи!

И съ послѣдними словами она опять взяла меня за

лову, заставляя взглянуть ей въ глаза. Мать въ эту минуту очень хотѣлось выплеснуть мой кофеи на ей платье; слово аскетъ всегда выводило меня изъ терпѣнія, въ особенности когда оно произносилось Машей; однакожь я воздержалась, и поставивъ чашку на столъ, схватила Машу за руки.

— Я хочу спросить у васъ позволенія, Маша, схватить васъ за голову и повертѣть вотъ такъ, взадъ и впередъ, пріятно вамъ будетъ?

Она съ гордостью посмотрѣла на меня и, отходя отъ меня, еще разъ пробормотала выразительно!

— Аскетъ!

— А вы, Маша, скоро пресытитесь жизнью, потому что не умѣете находить прелести въ томъ что у васъ подъ рукой, а говорите Богъ знаетъ зачѣмъ.

— Я не умѣю находить прелести въ жизни? спросила она мгновенно остановившись и обернувъ ко мнѣ свое надменное личико:—А капли росы? а сіяніе луны, повои и малевкой, а черная корова съ большими рогами и всегда грязнымъ хвостомъ? а мокрая куры? — я чуть было и не забыла ихъ: вѣдь это все прелести, сказала она съ комическимъ умилениемъ.—Кстати, братъ просить у меня вашъ портретъ... Къ какому разряду прелестей отнесете вы это желаніе?

И мелькомъ взглянувъ на меня, она стала зажигать пахитоску, повернувшись ко мнѣ бокомъ. Я видѣла, что послѣдній вопросъ ея предложенъ мимоходомъ, и потому послѣ вѣкотораго размышленія спросила спокойно.

— На что вашему брату мой портретъ?

— Онъ хочетъ поставить его вмѣсто образа и молиться ему, отвѣтила Маша, бросивъ струйку дыма и усаживаясь въ кресла:—и вы смѣете еще говорить, что я не нахожу прелести въ жизни! продолжала она, снова свернувъ на прежній предметъ разговора:—Я пользуюсь всѣмъ чѣмъ могу, чтобы развлечь себя. У меня былъ знакомый старичокъ, его терпѣть не могли всѣ женщины, потому что у него было слишкомъ чувствительное сердце. Вотъ онъ сталъ ухаживать и за мной, и каждое воскресенье, обыкновенно послѣ обѣда, заѣзжалъ къ намъ и просилъ у меня позволенія поцѣловать ножку, и я ему позволяла, а вы бы не позволили,—такъ? О да, я угадала, взглядъ вашъ мнѣ очевь

понятен: вы сходитесь совершенно съ братомъ. Онь также тяжело и трудно смотреть на жизнь.

— А братъ вашъ человекъ очень умный.

— О да, отвѣтила она съ комическою важностью, кланяясь мнѣ.—Братъ былъ членомъ ученаго комитета при министерствѣ.... министерствѣ... какія у насъ есть министерства? финансовъ? вотъ тутъ гдѣ-то.... потому онь былъ председателемъ какого-то большого общества, участвовалъ въ какой-то комиссiи, писалъ чудеснѣйшіе проекты, получалъ за нихъ ордена. Я увѣрена, что братъ пойдетъ далеко.... Вотъ только этотъ гадкій разводъ съ женой разстроилъ его совсѣмъ. Братъ очень благороденъ и твердъ, въ немъ есть что-то ваше: онь такой же идеалистъ. Кто на его мѣстѣ захотѣлъ бы развестись съ такою богатою женой, которая давала ему всѣ средства къ роскошной жизни? А онь развеялся. Но надѣ чѣмъ вы смѣетесь? заключила она, поднявшись и бросивъ пахитоску за окно.

— Развѣ какое бы не было богатство могло замѣнить для вашего брата любовь! проговорила я.

— А вы думаете что не могло? спросила меня Маша въ свою очередь.

Я чувствовала, что невольно покраснѣла. Неужели вся эта разсѣянность, небрежность, болтовня были притворство, и Маша хотѣла только меня выпытать. Но что же я могла сказать?...

— Вы поблѣднѣли, вы о чемъ-то задумались, Наташа? спросила она, быстро подходя ко мнѣ.

— О геральдическихъ знакахъ, которые вытѣснены на всѣхъ конвертахъ и бумагахъ вашего брата, отвѣтила я, взглянувъ ей въ лицо.

Мой отвѣтъ произвелъ желанное дѣйствіе: она открыла было ротъ, какъ будто съ намѣреніемъ оказать что-то, но потомъ опять закрыла его, покраснѣла, и усѣвшись въ кресла, безмолвно подвинула къ себѣ блюдо съ цыплятами.

Не знаю какъ Маша, но я осталась очень довольна результатомъ этого разговора. Положимъ даже, что она безъ всякой задней мысли хотѣла вывѣдать мое мнѣніе объ ея братѣ, но одно то, что мое имя и имя Бѣлоградскаго чистенько смѣшивались на ея языкѣ уже производило на меня неприятое впечатлѣніе. Какія бы мысли ни были у нея

на счетъ меча; но, разъ высказавъ ей свое мнѣніе объ ея братѣ, я могла уже спокойно выслушивать всѣ ея разговоры объ немъ.

Я смотрѣла на обезкураженную Машу съ невольнымъ участіемъ. Она уписывала дыплатъ съ аппетитомъ школьника на кавикулахъ. Только да глаза, ярко блиставшіе, говорили, что мысли ея вовсе не гармонировали съ занятіемъ ея рта.

Нѣсколько разъ она повертывала голову къ дверямъ, какъ будто прислушиваясь къ чему; но въ корридорѣ все было тихо; наконецъ она бросила салфетку на столъ и встала.

— Знаете вы Иванова, спросила она, остановившись какъ будто въ раздумьи предъ столомъ.

— Ивановыхъ много здѣсь.

— Записчика, писчика, прикащика, что-то вотъ такое. Однимъ словомъ, у него семь человѣкъ дѣтей, онъ ходитъ въ сюртукъ.

— Знаю.

Она опустила глаза и на мгновеніе сжала ротъ.

— А знаете ли вы, что вашъ Зарятинъ выгналъ его сегодня изъ службы?... И черныя глаза пылливо устремились на мое лицо изъ-подлобья. Но я тоже не опустила глазъ, и прямо смотрѣла ей въ лицо.

— У него семь человѣкъ дѣтей, продолжала Маша, не трогаясь съ мѣста:—онъ казѣка, жилъ однимъ жалованьемъ; что онъ будетъ дѣлать теперь?

Не поднимая головы, она съ послѣдними словами подошла ко мнѣ и сѣла на ручку моего кресла.

— Вотъ что, Наташа, сказала она, какъ будто нервнительно:—попросите вашего родственника скалиться надъ бѣднымъ человѣкомъ.

— Отчего же вы сами не хотите этого сдѣлать!

— Да Зарятинъ ко мнѣ не ходитъ. Второй мѣсяцъ онъ мнѣ глазъ не кажетъ.

— Пошлите за нимъ.

— Фи, формализмъ! Для васъ онъ просто сдѣлаетъ. Или вы боитесь отказа.

Я кивнула головой.

— Были примѣры? прошептала она, и на лицѣ ея сверкнулъ веселый смѣхъ.

Размысливъ, я не нашла ничего предосудительнаго разказать ей, какъ, годъ тому назадъ, я рискнула было у Александра Сергѣевича на подобную же просьбу; и хотя въ тотъ разъ онъ уважилъ ее, но сказалъ мнѣ, чтобъ я не вмѣшивалась не въ свои дѣла и что онъ дѣлаетъ это для меня въ первый и послѣдній разъ: съ тѣхъ поръ ротъ мой не открывался, да и не откроется передъ нимъ ни за одного служащаго.

— Бѣдная, бѣдная! заговорила Маша съ участіемъ, выслушавъ меня:—о, какой онъ не хорошій человекъ! А я еще просила васъ поговорить съ нимъ.. Нѣтъ, не говорите ничего. Я сама поговорю. Когда онъ къ вамъ будетъ? спросила она послѣ минутной задумчивости.

— Я право, не знаю; можетъ-быть, онъ ужъ и былъ у меня.

Приложивъ пальчикъ къ губамъ, она опять задумалась, но черезъ минуту взглянула на меня, засмѣялась и попросила меня написать записку Лизѣ, чтобы та уведомила былъ ли у меня Александръ Сергѣевичъ и если былъ, то когда хотѣлъ прійти. Я не нашла ничего неисполнимаго въ этой просьбѣ и безпрекословно, взявъ со стола листъ бумаги, написала записку.

— А если онъ васъ позоветъ къ себѣ? спросила я Машу.

— Ну такъ что же!.. отвѣчала она:—я узнаю только когда вы будете у него и зайду къ нему въ это время.

И встряхнувъ локонами, кивнувъ мнѣ головкой съ улыбкой, она скрылась изъ комнаты.

Не успѣла я еще отдать себѣ отчета въ неожиданной рѣшимости Маши идти къ управляющему, на котораго она обыкновенно смотрѣла свысока, какъ въ коридорѣ раздались звонкіе шаги, и въ отворившихся дверяхъ появился Бѣлоградскій. Нельзя было не замѣтить съ перваго взгляда, что онъ, какъ говорится, былъ не въ своей тарелкѣ. Въ поклонѣ его была сухая вѣжливость, во взглядѣ холодность, въ выраженіи лица формальность: онъ пришелъ какъ будто по обязанности. Мое намѣреніе разспросить его о вчерашнемъ разговорѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ, при первомъ взглядѣ на его джентльменскую наружность, уползло обратно въ сердце. Я сидѣла въ креслахъ, притихнувъ, и безмолвно слѣдила, какъ онъ, съ опущенными глазами, подходилъ къ столу, и не взглянувъ на меня, молча занялъ одно изъ креселъ. Смотря на него, я перестала дышать; но онъ не

замѣтилъ этого. Не разжимая сжатого рта, онъ сперва отрѣзалъ себѣ кусокъ говядины, потомъ взялъ цыпленка и началъ ѣсть. „Что съ нимъ?“ думала я, „вчера мы разстались, кажется, друзьями?...“ Но какъ бы то ни было, сидѣть противъ него неподвижно я не нашаа для себя удобнымъ и понемногу отодвинувъ стулъ отъ стола, я, наконецъ, встала. Темносерые глаза поднялись на меня съ ледянымъ равнодушіемъ.

— Вы завтракали?

— Да.

За этимъ учтиво-холоднымъ вопросомъ, глаза слова опустились на столъ, и рука протянулась за другою тарелкой. Минута эта показалась мнѣ удобною: несмотря на его непонятную вѣжливость, которую я напрасно старалась объяснить, я, вся вспыхнувъ, съ трепещущимъ сердцемъ, спросила:

— Можно сказать вамъ нѣсколько словъ?

Онъ медленно положилъ салфетку на столъ, и взглянувъ на меня вопросительно, слегка поклонился мнѣ.

— Вы сказали Александру Сергѣевичу о томъ, что я вчера была у васъ?

Я сознаюсь, вопросъ мой былъ грубъ, неудаченъ; но все же я не ожидала того замораживающаго кровь удивленія, которое выразилось въ взглядѣ Бѣлоградскаго.

— Вы не поручали мнѣ этого?

Другая на моемъ мѣстѣ, конечно, умолкла бы отъ одного его взгляда, не говоря уже о томъ его вопроса; но я, сообразивъ въ одно мгновеніе, что глупо отступать когда было начато, пошла по своему обыкновенію впередъ:

— Если вы ничего не сказали то я попрошу васъ ничего и не говорить. Можетъ-быть, моя просьба совершенно лишняя, но покрайней мѣрѣ я буду спокойна.

Говоря это, я видѣла какъ холодное удивленіе смѣнялось въ глазахъ Бѣлоградскаго простымъ недоумѣніемъ, какъ брови его поднялись и все лицо заходило... Но вошла Маша, и онъ, сжавъ ротъ, преспокойно взялся за свою вилку.

— А, Joséphe, ты здѣсь! сказала она, подходя къ столу:— я была у тети, просила у нея прощенія, какъ ты хотѣлъ; она простила меня.

Онъ быстро протянулъ ей руку, и глаза его блеснули ласковою улыбкой.

— Но и ты скажи ей, продолжала Маша съ упрямствомъ шаловативаго ребенка, надувъ губки:—чтобъ она не оскорбляла меня,—я этого хочу, Joseph. Представьте себѣ, Наташа... Можно сказать это ей? спросила она брата.

Голосъ ея былъ взволнованъ, лицо пылало; но все это можно было отнести къ воспоминанію объ оскорбленіи, нанесенномъ ей тетушкой.

— Это твое дѣло, отвѣчалъ братъ, съ чуть замѣтнымъ удивленіемъ взглянувъ на сестру.

— Тетѣ вообразилось, Наташа, будто... будто я занята Заряднымъ... Не обидно ли это? отнеслась она къ брату.

Я покраснѣла и опустила глаза, но совсѣмъ не оттого что голосъ Маши звучалъ поражающимъ презрѣніемъ. Всякое презрѣніе дурно гармонировало съ личностью Александра Сергѣевича, по крайней мѣрѣ, въ моихъ глазахъ; я задумалась о томъ, какія основанія имѣла Горская для своего предположенія.

— Такого рода подозрѣнія, вмѣшался Бѣлоградскій въ разговоръ,—очень оскорбительны; это понятно. Я поговорю тетушкѣ. Но что касается до Заряднаго, прибавилъ онъ съ холоднымъ достоинствомъ, — еслибъ Александръ Сергѣевичъ сдѣлалъ честь тебѣ...

— Честь? вскричала съ гордостью Маша, и роздари ея поднялись.

— Еслибы, продолжалъ братъ, тѣмъ же ровнымъ, тихимъ голосомъ, переждавъ вспышку сестры,—онъ сдѣлалъ честь мнѣ желаніемъ вступить со мной въ родство, мнѣ бы очень польстило это.

Невыразимое негодованіе сжало ротъ Маши на нѣскольکو минутъ; наконецъ она выговорила, не скрывая своей насмѣшки.

— Ты одемократизировалась здѣсь; je vous en fais mes compliments!

— Я не понимаю тебя, сказалъ братъ холодно, положивъ ножикъ и вилаку на столъ и слегка сморщивъ лобъ, который покрывался яркою краской: — что хочешь ты сказать этимъ и когда я былъ другихъ понятій? Наконецъ, что это за слово „одемократизировалась“?

— О, сказала Маша,—я не хотѣла тебя обидѣть, прости меня! Я говорила только о моемъ управляющемъ...

— Тсъ!... сказалъ братъ, мгновенно смягчивъ голосъ.— Самъ я не обиженъ. Но я глубоко уважаю Зарятина, и твои легкомысленные отзывы объ немъ мнѣ непріятны.

— Но если это я чувствую, возразила Маша опять съ гордостью.

Братъ не былъ, какъ видно, изъ поборниковъ свободы чувства. Во взглядѣ, брошенномъ на сестру, блеснула холодность, досада, удивленіе, и грусть.

— Человѣкъ, дѣйствующій только въ силу личныхъ ощущеній,—проговорилъ онъ, — не совсѣмъ заслуживаетъ уваженія. Но ты оставила твою гостью. Надоѣло вамъ слушать наши споры? отнеся онъ ко мнѣ съ своимъ мягкимъ взглядомъ.

Онъ нерѣдко бывалъ очень привлекателенъ, какъ, напримеръ, въ эту минуту. Я поклонилась ему. А Маша, стоя среди комнаты, о чемъ-то задумалась. Мысли ея, какъ замѣтно, были неспокойны. Мнѣ въ первый разъ пришлось высмотрѣть Машу со стороны ея барской спѣси, и не скажу чтобъ она показалась мнѣ привлекательною въ этомъ видѣ. Но вотъ спустя довольно много времени Маша тихо подошла къ брату, и положивъ руку на его плечо, ласково заглянула ему въ глаза. Онъ также ласково отвѣтилъ на этотъ взглядъ. Тогда Маша сказала, что она, пожалуй, не станетъ при братѣ ничего говорить о своемъ управляющемъ, пусть только братъ скажетъ тетѣ, что она Маша идетъ сегодня къ Зарятину пить чай. Такъ какъ эти слова вызвали удивленный взглядъ Бѣлоградскаго, то Маша въ короткихъ словахъ объяснила ему содержаніе и цѣль нашей записки къ Лизѣ. Послѣ этого не замедлилъ явиться слуга съ запиской отъ Лизы. Маша, предупредивъ меня, съ живостью развернула записку и получила за эту безцеремонность легкій ударъ по рукѣ отъ брата, который въ то же мгновеніе, поднявъ выпавшую изъ рукъ сестры записку, подаль ее мнѣ. Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ открыла письмо Лизы, которая, выучившись грамотѣ только у меня, кое-какъ, писала такъ, что я едва могла прочитать ея письма. Она увѣдомляла меня, что Александръ Сергѣевичъ заходилъ ко мнѣ два раза: въ первый разъ какъ только я ушла къ обѣднѣ, а въ другой разъ послѣ обѣдни, и наконецъ

вѣдалъ мнѣ сказать, что онъ ждетъ меня къ себѣ въ семь часовъ. Читая про себя это извѣстіе, я невольно краснѣла: онъ любилъ меня, какъ мнѣ казалось, гораздо больше чѣмъ я любила его. Мнѣ припаѣ на умъ разные романы, въ которыхъ любовь женщины описывалась нѣжнѣе, пламеннѣе, глубже чѣмъ любовь мужчины. Припоминая эту безграничную любовь женщины, я оглядывалась на себя и невольно стыдилась.

Маша желала узнать о чемъ я задумалась. Я улыбнулась и сказала ей, что думаю о томъ, какъ мы пойдемъ къ Александру Сергѣевичу.

— А вы ужъ и испугались? вскричала она съ радостною улыбкой:—трусиха! А вы обѣдаете у насъ?

— Съ удовольствіемъ! отвѣчала я.

V.

Въ былое время, когда мы жили вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ, помѣщеніе наше, если и не было роскошно, то отличалось большимъ удобствомъ. Вездѣ чисто, тепло, въ каминѣ постоянный огонь, въ гостиной, на столикахъ, какія-нибудь женскія рукодѣлья, въ кабинетѣ Александра Сергѣевича были на окнахъ цвѣты, зеленныя шторы и на полу коверъ! Все это было такъ, когда мать моя хозяйничала у Александра Сергѣевича, но съ тѣхъ поръ протекло много времени и произошло много перемѣнъ. Послѣ моего перемѣщенія въ школу, онъ не нашелъ для себя удобнымъ жить въ опустѣвшемъ флигелѣ и занялъ квартиру на берегу около моста.

Меблировка всѣхъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ состояло помѣщеніе моего жениха, носила на себѣ отпечатокъ его наклонностей и характера. Комнаты высокія, свѣтлыя, чистыя, но были убраны до-нельзя просто, и потому глядѣли пустынными. Въ залѣ двѣнадцать стульевъ съ ременными подушками, два столика и больше ровно ничего. Гостиной вовсе не было. Кабинетъ—большая четырехугольная комната, по крайней мѣрѣ вдвое больше залы, отличался тѣмъ же, если позволительно сказать, мужскимъ характеромъ. Въ одномъ углу модели различныхъ машинъ; въ другомъ, на

небольшомъ столикѣ, груды бумагъ и рисунковъ; по одной стѣнѣ черные шкафы съ книгами, по другой тянулася громадный письменный столъ. На немъ не было ни одной красивой вещицы, кромѣ фотографическаго портрета моей матери; за то тутъ было много карандашей, перьевъ, перочинныхъ ножиговъ, инструментовъ, маленькимъ машинокъ; тутъ же были брошены пистолеты и широкій ножъ, съ которыми Александръ Сергѣевичъ ѣздилъ въ дорогу. И несмотря на все это, столъ все еще казался пустымъ.

Когда на башнѣ пробило семь часовъ, я вышла изъ своихъ воротъ и направилась къ этому маленькому домику въ три окна, выходившія на мостъ. Всю дорогу я шла съ опущенною головою, размышляя объ извѣстїи, сообщенномъ мнѣ Бѣлоградскимъ. Новость, принесенная мнѣ вчера Лизой, оказалась, сверхъ всякаго ожиданія, достоверною. Нѣсколько человекъ изъ мастеровыхъ, самыхъ несправныхъ, дѣйствительно напали на управляющаго около оврага. Имъ удалось остановить лошадей, и убить ящичка, но этимъ и кончился весь ихъ успѣхъ: Александръ Сергѣевичъ выстрѣлилъ въ тѣхъ, которые держали лошадей: глазъ его былъ мѣтокъ, рука тверда, и несчастные разбѣжались. Только одинъ поспѣлѣе, задумавшій было лѣзть въ экипажъ, попался въ плѣнъ живымъ и былъ доставленъ Александромъ Сергѣевичемъ въ заводъ. Все это разказалъ мнѣ Бѣлоградскій, удивляясь въ то же время невозмутимому хладнокровію, съ которымъ Александръ Сергѣевичъ, возвратившись домой, дѣлалъ распоряженія насчетъ пойманнаго негодая. Бѣлоградскій не видалъ Александра Сергѣевича при возмущенїяхъ мастеровыхъ, и потому не мудрено, что эта бездѣлица привела его въ изумленіе. Но я не удивлялась; мнѣ думалось только, какъ мы встрѣтимся съ нимъ послѣ этого происшествія; намекнетъ ли онъ мнѣ о немъ, или пройдетъ молчаніемъ, какъ дѣло не касающееся меня. Короткость давно исчезла изъ нашихъ отношеній, давно онъ говорилъ со мной не вы, и нерѣдко случалось такъ, что весь вечеръ, пока онъ сидитъ у меня, мы не скажемъ и двухъ словъ, и разстанемся съ такою же молчаливою холодностію, съ какою встрѣтились.

На крыльцѣ съ четырьмя колоннами и довольно красивымъ фронтономъ стоялъ слугитель Александра Сергѣевича. Солнечные лучи ударили ему прямо въ лицо; но упрямый

слуга, покорный какъ собака только своему господину, намѣревался, казалось, переупрямить самое солнце: чѣмъ прямѣе били ему въ лицо лучи, тѣмъ шире онъ открывалъ глаза. Въ этомъ спорѣ съ солнцемъ, остальной миръ долженъ былъ казаться ему слишкомъ ничтожнымъ, и взбѣжавъ на лѣстницу, я принуждена была уже окликнуть его, чтобъ обратить на себя его взглядъ.

— Дома Александръ Сергѣичъ?

Услышавъ мой голосъ, онъ сильно смутился. Въ глазахъ его, опустившихся на меня, блеснуло удивленіе, и широкое лицо его, съ сильными знаками оспы, ослабилось самою сердечною улыбкой.

— Проходите, матушка, Наталья Алексѣевна, говорилъ онъ съ презрительными поклонами, — милости просимъ. Дай вамъ Богъ добраго здоровья, милости просимъ!

Не отвѣтить улыбкой, ласковымъ словомъ на его поклонъ, я считала для себя не возможнымъ; и это заставляло его еще шире открыть ротъ. Распахнувъ на двѣ половинки двери, онъ торжественно ввелъ меня въ переднюю, которая на этотъ разъ была биткомъ набита народомъ. Я увидѣла, что пришла слишкомъ рано; но дѣлать было нечего, возвращаться мнѣ не хотѣлось.

Кромѣ мастеровыхъ, стоявшихъ въ передней и занимавшихъ почти половину залы, было еще нѣсколько сюртуковъ; въ одномъ изъ нихъ я узнала члена конторы, товарища и пріятеля Александра Сергѣевича, потомъ двухъ механиковъ Нѣмцевъ. Раскалываясь со всѣми этими господами, я пробралась къ самому дальнему окну и остановилась около него.

Въ ту минуту, какъ я вошла въ залу, Александръ Сергѣевичъ, въ своемъ синемъ сюртукѣ, застегнутомъ наглухо, стоялъ, прислонившись къ косяку окна и отчетливо объяснялъ мастерамъ нѣкоторыя изъ положеній Девятнадцатаго Февраля. При моемъ входѣ голова его повернулась ко мнѣ, и темнорусыя брови приподнялись; но выраженіе лица не измѣнилось. Кивнувъ мнѣ съ невозмутимымъ равнодушіемъ головой, онъ, не останавливаясь, съ прежнимъ спокойствіемъ, продолжалъ свою рѣчь. Я была убѣждена, что онъ любитъ меня и любитъ со всею страстью своей глубокой натуры; но никогда, при встрѣчахъ со мной, я не замѣчала ни малѣйшаго смущенія на его лицѣ. Теперь точно

также напрасно старалась я поймать въ сурово-спокойныхъ чертахъ его лица что-нибудь похожее на чувство. Александръ Сергѣевичъ былъ немного выше средняго роста, но сложенъ чрезвычайно сильно: съ широкою грудью, мускулистыми руками, съ сильно развитою шеей, онъ казался съ перваго взгляда богатыремъ и дѣйствительно, поднять десять пудовъ ничего не стоило для него. Еще при жизни моей матери, онъ какъ-то за столомъ, смѣясь, говорилъ намъ, что еслибъ онъ имѣлъ малѣйшее пополозновеніе къ драчливости, то давнымъ давно прослылъ бы Ерусаламомъ Лазаревичемъ. Голосъ его былъ постоянно ровень; въ продолженіи шести лѣтъ я видѣла его не болѣе двухъ разъ вышедшимъ изъ себя, но и тогда онъ не кричалъ, а только понижалъ голосъ. Коротко обстриженные, каштановые волосы отъѣняли чистый лобъ съ замѣтнымъ углубленіемъ по серединѣ. Но въ особенноти у Александра Сергѣевича были замѣчательны глаза. Въ нихъ не столько видѣлось пронзительности, сколько упорства, не столько нападающей силы, сколько отражающей. Они всегда смотрѣли прямо и, не знаю, была ли такая сила, которая могла бы заставить ихъ онутиться. Объясняя теперь мастеровымъ ихъ обязанности въ отношеніи къ господину, онъ смотрѣлъ на нихъ прямо и твердо, во взглядѣ его видѣлся не начальникъ, но человекъ съ характеромъ и крѣпкою вѣрой въ себя. Дѣло шло, какъ я поняла, о раскладкѣ работъ, отъ которыхъ мастеравые отказывались. Лишь только голосъ управляющаго умолкъ, въ толпѣ раздались полувопросы, полуотвѣты, послѣдовало чесанье затылковъ и совѣщанія другъ съ другомъ.

— Да вишь ты къ господину тянешь, сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Вѣстимо дѣло, не за насъ стоитъ: рука руку моетъ! отозвался другой, и все смолкло.

Я быстро взглянула на Александра Сергѣевича. Я знала, что обидѣться этою недовѣрчивостію къ нему онъ не могъ; но въ то же время я знала, что толковать много съ людьми онъ не любилъ, и я ждала... Онъ пристальнѣе посмотрѣлъ на мужиковъ, и послѣ нѣкотораго молчанія проговорилъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ:

— Ну, тяну такъ тяну! Вѣдь я и служу не вамъ, а господину, отъ господина и жалованье беру. Мнѣ нужны

ваши руки, ваша работа на этотъ годъ. Я говорю: „Такъ Государь положилъ“, вы не вѣрите мнѣ—не вѣрьте. Стало-быть толковать мнѣ съ вами нечего. Ступайте къ мировому. Тотъ служитъ отъ Царя, у того и медаль царская на шеѣ. Онъ растолкуетъ вамъ все это. Выберите изъ себя грамотныхъ, и мировой вмѣстѣ съ ними прочитаетъ вамъ царскую волю.

Окончивъ свой совѣтъ, Александръ Сергѣевичъ мимоходомъ взглянулъ на меня и потомъ опять устремилъ свой упорный взглядъ на толпу. Мужички знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, знали что теперь имъ осталось только убираться, и одинъ по одному стали выходить изъ передней.

— Народъ вездѣ народъ, началъ Александръ Сергѣевичъ, проводивъ глазами послѣдняго мастерового и не обращаясь прямо ни къ кому.—Мало, разжевать, надо и въ ротъ положить. Убѣдишь—хорошо, не убѣдишь—изъ кожи лѣзетъ.

Членъ конторы, маленькій, толстенькій человекъ, съ веселою физиономіей и бойкими глазами, потирая руки, напомнилъ Александру Сергѣевичу то время какъ народъ возненавидѣлъ его за то, что онъ не любилъ много толковать съ нимъ.

Морщины пробѣжали по гладкому лбу моего жениха, и устремивъ глаза въ окно, онъ безцѣльно засмотрѣлся вдаль. Конечно, въ эту минуту онъ думалъ не о возмущеніяхъ народа, а о послѣдствіяхъ ихъ. Въ то время онъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы выгородить бунтовщиковъ предъ администраціей, но и ссылка четырехъ человекъ произвела на него глубокое впечатлѣніе. Цѣлую недѣлю онъ ходилъ какъ убитый, и то что не могли вынуть у него возмущенія, вынудила эта ссылка: онъ, передъ всякою замышляемою имъ вновь мѣрой по заводоуправленію, старался убѣждать народъ къ соглашенію.

— Мнѣ надо съ вами поговорить, сказалъ онъ члену конторы, когда тотъ взялся за фуражку, и хотѣлъ было уходить вмѣстѣ съ прочими.

Тотъ остался.

Александръ Сергѣевичъ опять пробылъ нѣкоторое время въ размышленіи.

— А вчера ко мнѣ, Иванъ Яковлевичъ, приходилъ Бѣлоградскій, началъ онъ съ разстановкой и какъ будто въ раздумьи:—и между прочимъ онъ просилъ меня остаться

здѣсь управляющимъ еще хотѣ на годъ. Я не далъ ему слова и хорошо сдѣлалъ, какъ вижу теперь. Я хочу просить васъ,—если Бѣлоградскій не представитъ своего управляющаго,—на чтѣ трудно надѣяться,—замѣнить меня. Половина моего капитала заложена въ этомъ заводѣ, и я желалъ бы чтобъ онъ процвѣталъ.

Маленькій человекъ оторопѣлъ отъ этого предложенія. Онъ сначала покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, но не переставалъ улыбаться и потирать руки.

— Обязанности... обязанности!.. бормоталъ онъ: — тутъ нуженъ умъ, нужны характеръ, сила.

— Э, полноте, чтѣ за отговорки! возразилъ Александръ Сергѣевичъ, сдвинувъ свои длинныя брови, но дружескимъ тономъ.—Вѣдь вы со мной дѣлали дѣло на половину; васъ замѣнить некъмъ. Пожалуста, подумайте хорошенько; а я тѣмъ временемъ поговорю съ Бѣлоградскимъ... Пускай подыскиваетъ управляющаго, найдетъ дряннаго—отстранимъ; ну, а хорошаго ему не найти. Я и прежде мѣтилъ на васъ, а теперь вамъ ужъ не увернуться отъ меня. Выручайте! Свой своему по неволѣ братъ. Черезъ недѣлю я буду ждать отвѣта отъ васъ.

Членъ конторы быстро возразилъ, что думать тутъ не о чемъ: если дорогой Александръ Сергѣевичъ надѣется на него, то онъ никакъ не откажется отъ жалованья въ пятнадцать тысячъ, и вслѣдъ за этимъ онъ началъ благодарить Александра Сергѣевича. Къ несчастію, дорогой Александръ Сергѣевичъ не понималъ благодарностей; по крайней мѣрѣ, по его словамъ, онъ всегда и все дѣлалъ для самого себя. Поэтому признательныя выраженія маленькаго человека заставили моего суженаго покраснѣть и нахмуриться. Тотъ замѣтилъ это, и въ одно мгновеніе перемѣнилъ разговоръ и спросилъ съ удивленіемъ:

— Почему бы самому Александру Сергѣевичу не остаться здѣсь?

— А слышали вы чтѣ тутъ толковалось сегодня? спросилъ онъ въ раздумьи:—я тяну на сторону господина, обмазываю ихъ! Интересы разрознились, вотъ чтѣ дурно...

Последнія слова онъ договаривалъ смотря уже бездѣльно въ окно и окончательно погрузясь въ размышленіе. Членъ конторы вынулъ табатерку, щелкнулъ по ней пальцемъ и повнюхалъ аппетитно табачку; наконецъ онъ взялся за

фуражку и сталъ прощаться, Александръ Сергѣевичъ проводилъ его въ переднюю. Онъ любилъ этого товарища своего по службѣ. Я тоже любила старика за его ровный, неизмѣняемый характеръ. Какія бы ни постигали его несчастія и тревоженія, никогда, по словамъ его жены, не измѣнялось доброе, веселое расположеніе его духа; онъ оживлялъ и училъ терпѣнію всю свою семью, которая обожала его. Отличительной чертой его характера было желаніе всѣмъ угодить: раскричится ли годовою ребенокъ, онъ бѣжитъ и къ нему, беретъ его на руки и подпрыгиваетъ съ нимъ по комнатамъ; сгрустнется ли кому-нибудь изъ домашнихъ, онъ успокаивался только тогда когда всѣ съ улыбкой смотрѣли на него. Да, я очень любила этого человѣка и очень довольна осталась тѣмъ, что Александръ Сергѣевичъ выбралъ его, а не кого-нибудь другаго въ управляющіе!

Александръ Сергѣевичъ скоро возвратился изъ передней и остановился на порогѣ.

— Здравствуйте, Наталья Алексѣвна, сказалъ онъ въ поголоса.

Глаза его, пристальные и твердые, долго разсматривали мою наружность, потомъ онъ подвинулъ для меня стулъ и, усѣвшись самъ, повернулся ко мнѣ лицомъ.

— Не подойдетъ, Наталья Алексѣвна, поздороваться ко мнѣ? проговорилъ онъ.

Послѣ минутнаго размышленія, я нерѣшительно приблизилась къ нему и протянувъ руку, наклонила лобъ къ его губамъ.

— Вы самое недоувѣрчивое и упрямое существо на свѣтѣ, говорилъ онъ, и въ то время какъ одна его рука горячо сжала мою руку, другая внезапно, негаданно очутилась у меня на плечѣ.

Пожалуй движеніе это, если взглянуть на него съ помощію холоднаго разсудка, было очень естественно, вѣдь онъ мой женихъ Но все-таки въ эту минуту я не приготовилась къ вѣжностямъ, и потому немудрено, что увернувшись быстро отъ готовившихся мнѣ объятій, я задрожала и, кажется, поблѣднѣла. Черезъ нѣсколько мгновеній я опомнилась; но Александръ Сергѣевичъ уже неподвижно сидѣлъ, облокотившись на столъ, и подперши щеку рукой, безцѣльно глядѣлъ въ окно.

— Когда же наступитъ конецъ всему этому? сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія, не измѣняя направленія своихъ взоровъ.

Разматривая свои ногти, я молчала.

— Рѣшенія вашего процесса съ братомъ я жду со дня на день. Неужели вы и женой станете меня встрѣчать также?

— Виновата, пробормотала я.

— Виновата! повторилъ онъ, снова облокотившись на столъ:—это я слышу ужъ не въ первый разъ и все жду когда наступитъ конецъ этой вашей винѣ. Вы смотрите на меня какъ на человѣка совсѣмъ чужаго. И чѣмъ дальше, тѣмъ холоднѣе становитесь вы ко мнѣ. Вѣдь это не можетъ продолжаться такимъ образомъ, и я васъ спрашиваю, когда же придетъ всему этому конецъ?

Съ послѣдними словами, высказанными тѣмъ же ровнымъ голосомъ, какимъ всегда отличался его разговоръ, глаза его твердые, какъ сталь, двинулись съ окна на мое лицо и тяжело остановились на немъ.

— Мое желаніе или нежеланіе выйдти за васъ замужъ, отвѣчала я немедленно, смотря ему на этотъ разъ прямо въ лицо:—мнѣ кажется, предметъ для васъ вовсе посторонній.

Разумѣется, я менѣе всего ожидала смягчить его этимъ отвѣтомъ; однакожь улыбка, къ великому моему удивленію, блеснула въ суровыхъ чертахъ моего суженаго, и взглядъ его синихъ глазъ подернулся нѣжностью.

— Что это? колкость?—И послѣ минутнаго созерцанія моей физіономіи онъ прибавилъ:—Да Наталья Алексѣевна, я не романтикъ, и разыгрывать роль жалостныхъ героевъ слезныхъ мелодрамъ я не умѣю; но скажу вамъ только одно: волей, или не волей, а намъ съ вами придется обвиняться. Еслибы всѣ дѣвушки захотѣли поступать по вашему, то... что бы вышло? Полноте, Наталья Алексѣевна: страшна неизвѣстность, невѣдѣніе, а какъ выйдете замужъ, такъ и не захотите другой жизни: это законъ природы.

— Вы напрасно убѣждаете меня, возразила я вспыхнувъ,—я добровольно согласилась сдѣлаться вашей женой.

Глаза его пристально смотрѣли на меня.

— Силой заставить меня идти замужъ никто не можетъ.

— Стало-быть вы добровольно хотите выйдти за меня замужъ?

— Хочу, сказала я твердо, глубоко задѣтая его увѣщаніями.

Я чувствовала, что руки мои дрожать, щеки пылаютъ. Не знаю замѣтилъ ли онъ мое волненіе; только, смотря на мое лицо, онъ слегка приподнял свои длинныя брови, и потомъ, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, занялся переистываніемъ бумагъ, лежавшихъ передъ нимъ на столѣ.

„Да, убѣждала я себя,—я добровольно выхожу за него замужъ. Правда, годъ тому назадъ онъ, въ продолженіи цѣлой недѣли, будто молотомъ выколачиваетъ мое согласіе; но потомъ я сама согласилась съ нимъ. Сперва онъ убѣдилъ меня въ томъ, что я ни съ кѣмъ не буду счастлива, кромѣ его, потому что, при моей гордости, первая измѣна мужа убьетъ меня; я согласилась и съ тѣмъ, что въ дѣвушкахъ оставаться неудобно, что положеніе одинокой дѣвушки у насъ—положеніе печальное...

Онъ уже давно переистывалъ бумагу, и скрестивъ на груди руки, сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла.

— Вчера ко мнѣ являлся Бѣлоградскій, началъ онъ глядя въ окно,—и просилъ меня объяснить ему смыслъ моихъ отношеній къ вамъ...

Я насторожила слухъ.

— И что же вы? спросила я, видя что онъ остановился и безмолвно созерцаетъ меня.

— Предметъ этотъ, продолжалъ онъ, не спуская съ меня глазъ — ни съ какой стороны не можетъ касаться Бѣлоградскаго, да оно потомъ и объяснилось такъ, что лично ему никакого нѣтъ дѣла до васъ; стало-быть онъ старался тутъ для сестры... Будь я на вашемъ мѣстѣ, Наталья Алексѣевна, я не сталъ бы ходить къ тѣмъ людямъ, которые справляются насчетъ меня.

— Мнѣ кажется, лучше всего объяснить мои настоящія отношенія къ вамъ, отвѣчала я, вспомнивъ непонятную холодность Бѣлоградскаго за завтракомъ.

— Зачѣмъ это?

— Зачѣмъ и скрывать?

По лбу Александра Сергѣевича пробѣжали морщины. Сколько онъ былъ равнодушенъ къ толкамъ о себѣ, столько же не любилъ подавать и поводъ къ нимъ; кажется, это больше всего заставило его настаивать на сохраненіи въ тайнѣ нашихъ отношеній.

— Свадьба все объяснить, сказалъ онъ наконецъ.

— Но слухи...

— Э, полноте, мой другъ! Дурно если человекъ самъ бросаетъ свое имя на жертву грязнымъ языкамъ, какъ кость собакамъ. Но за этимъ въ нашей волѣ поставить себя выше свиста пьяной толпы: надо знать только зачѣмъ, и въ силу чего, идешь по той, а не по этой дорогѣ.

Съ послѣдними словами онъ медленно поднялся съ мѣста и пригласилъ меня въ кабинетъ. Тутъ онъ придвинулъ мнѣ кресло, и подавъ лежавшую на столѣ бумагу, попросилъ подписать ее. Мнѣ не разъ приходилось подписывать разные бумаги послѣ смерти моей матери. Я немедленно повиновалась, безмолвно сѣла въ кресло, и взявшись за перо, перевернула листъ; но лишь только глаза мои остановились на словѣ „довѣренность“, написанномъ въ заголовкѣ большими буквами, какъ рука моего жениха протянулась черезъ мое плечо и закрыла листъ.

— Вы не довѣряете мнѣ? раздався надъ моимъ ухомъ ровный голосъ.

— Вы не приказываете мнѣ читать? обернулась я быстро къ нему.

Не отнимая руки отъ листа, онъ повторилъ съ свойственною ему невозмутимостью.

— Я прошу васъ подписать.

Само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ дѣло касалось его чести, я вѣрила ему безгранично. Немедленно подписавъ листъ, я встала съ кресла, но не могла удержаться, чтобы не кольнуть его.

— Мнѣ не хотѣлось разуверить васъ въ вашемъ самодержавіи.

Легкій румянецъ выступилъ на его щекахъ. Разсмотрѣвъ внимательно мою подпись, онъ свернулъ листъ, и положивъ его въ ящикъ, повернулся ко мнѣ.

— Я желалъ бы пить чай съ вами, но не хочу отъснать вашей свободы; вы можете и домой идти, и оставаться у меня пить чай.

Я улыбнулась.

— Улыбка хороша; и вполнѣ характеризуетъ васъ, самостоятельная особа! Я приглашаю васъ остаться пить чай со мной.

Я наклонила голову въ знакъ согласія, а онъ, посмо-

трѣвъ на меня еще нѣсколько мгновений, вынулъ сигару и принялся обрѣзывать. Лучи заходящаго солнца падали прямо на его суровый профиль и обливали его какимъ то кровавымъ блескомъ. Долго смотрѣть на моего жениха я никогда не могла: онъ былъ красивъ, но въ моемъ воображеніи рисовался всегда въ какой-нибудь драматической сценѣ. Я отвернулась отъ него, и стала разсматривать въ углу паутину, которая серебрилась и аѣла на лучахъ солнца.

— Я очень желалъ бы, началъ онъ, взявъ со стола газету и усаживаясь къ окну,—чтобы вы сами распорядились чаемъ; ключи отъ шкапулокъ вы возьмете у Василя.

Я молча встала, чтобъ идти къ Василю приказать ему ставить самоваръ; но лишь только я взялась за ручку замка, какъ за дверьми послышался звонкій голосокъ Маши.

— Можно войти? Можно?

Я обернулась къ Александру Сергѣевичу. При звукахъ Машина голоса онъ слегка сдвинулъ брови, и положивъ газету на столъ, пристально взглянулъ на меня.

— Она ждетъ...., сказала я.

Онъ наклонилъ голову, и я отворила дверь. Гостья, юная и блистательная, въ одно мгновение озарила сіяніемъ всю комнату. Александръ Сергѣевичъ поднялся съ почтительнымъ поклономъ.

— А я къ вамъ съ просьбой, Александръ Сергѣевичъ, начала Маша, смѣясь и подходя къ нему.—Наташа, знаете вы Иванова? Онъ бѣдный человекъ, очень бѣдный... Я пришла съ нимъ. Какого вы мнѣнія объ немъ, Наташа? Хорошаго... такъ?... Александръ Сергѣевичъ, вѣрно, умилосердится..

Слушая ее, Александръ Сергѣевичъ внимательно осматривалъ ее, какъ будто отдавая себѣ отчетъ въ этомъ неожиданномъ появленіи.

— Стало-быть вы за этимъ собственно и пожаловали ко мнѣ? спросилъ онъ послѣ довольно долгаго размышленія.

— Но онъ бѣдный.. бѣдный, добавила она, покраснѣвъ.

Онъ не спускалъ съ ея лица своихъ упорныхъ глазъ.

— Вы умилосердитесь надъ нимъ, сказала она умоляющимъ голоскомъ, который всегда растрогивалъ ее братца. Но Александра Сергѣевича трудно было растрогать не

только выраженіемъ глазъ и тономъ голоса, которые онъ честилъ кокетствомъ, но даже словами. Опустивъ глаза на полъ, онъ сидѣлъ неподвижно.

— Я пришла съ нимъ, продолжала Маша уже робко—онъ стоитъ тутъ... въ залѣ...

— Вѣрно вы не знаете за что онъ смѣненъ, сказалъ наконецъ Александръ Сергѣевичъ ровнымъ и такимъ голосомъ:—а то навѣрное не стали бы просить за мошенника...

— Но...

— Я слушаю васъ, сказалъ онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, мгновенно прервавъ свою рѣчь.

— Онъ очень бѣдный...

— Это ужъ говорили; я слушаю васъ.

Маша сконфузилась и умокла.

— Василий, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, возвысивъ голосъ и медленно отвертываясь отъ гостя.

Черезъ нѣсколько мгновеній сначала широкое красное лицо, а потомъ и неуклюжая фигура Василя появились въ дверяхъ.

— Тутъ въ залѣ стоитъ одинъ господинъ, который приходитъ сегодня ко мнѣ въ третій разъ. Переливать съ нимъ изъ пустаго въ порожнее мнѣ нѣтъ времени; я это говорилъ ему, и ты слышалъ. Теперь я отдаю его тебѣ на поруки. Если я еще разъ встрѣчу его у себя, ты будешь отвѣчать мнѣ. Никогда не надо, отнесся онъ снова къ Машѣ, послѣ того какъ слуга вышелъ, — просить о томъ, чего не знаемъ хорошенько. Ходатайства и просьбы такого рода, какъ ваши, показываютъ только обиду и недоувѣрчивость къ человѣку, котораго мы просимъ.

Маша закусила губку и засмотрѣлась въ окно. Мнѣ сдѣлалось неловко за нее и стало жаль Иванова. Я не выдержала.

— У Иванова большое семейство, сказала я, стараясь казаться спокойною:—надо быть не человѣкомъ, чтобы не принимать этого во вниманіе... Каждая изъ насъ можетъ быть матерью, каждый изъ мужчинъ можетъ быть отцомъ.

Онъ медленно повернулъ ко мнѣ свое холодное лицо.

— Повторите, Наталья Алексѣевна, что вы сказали.

Суровый человѣкъ! Отказъ самъ въ себѣ заключаетъ слишкомъ много горечи, и незачѣмъ приправлять его прянощами, а онъ не стѣснился надавать своему слугѣ безчеловѣчныхъ приказаній!.. Что мнѣ было отвѣчать ему?

Онъ не могъ не слышать того что я сказала, но если онъ слышалъ и не понялъ, то мои объясненія покажутъ только какъ далеки мои мысли отъ его мавнй.

— Что вы сказали? повторилъ онъ, также ровно и тихо, вложивъ только въ свой голосъ сильную ноту упорства и настойчивости.

— Ничего, отвѣчала я, взглянувъ ему въ лицо.

Глаза его потускнѣли, на лобъ набѣжали морщины, и облокотившись на окно, онъ безпокойно началъ глядѣть на мостъ.

— Всякій человекъ, началъ онъ холодно, не измѣняя своего положенія:—всякій человекъ живущій въ обществѣ пользуется то что посѣть. Одинъ живетъ во имя идеи, другой во имя животныхъ потребностей своей натуры, но въ общемъ итогъ мы все живемъ для себя. Тотъ согласить свою пользу съ пользой общества, другой не сумѣетъ этого сдѣлать и пѣннй на себя. Всякій по мѣрѣ своихъ силъ и способностей пользуется и благами жизни. Ежели отъ всѣхъ нашихъ стараній мы получимъ нуль, пѣннй не на кого: значить, не сумѣли добиться единицы. Вся вина падаетъ на насъ самихъ, никто не виноватъ въ томъ, что я не могъ устроиться такъ какъ мнѣ хотѣлось. Состраданіе— доброе качество въ человекѣ, но качество слишкомъ гибкое: стѣитъ только потянуть ему не въ ту сторону, какъ разъ причинишь вредъ не только себѣ, но и цѣлому обществу,—таковъ законъ жизни.

Хотя онъ окончилъ эту тираду также какъ говорилъ, то-есть не взглянувъ на насъ, но я поняла къ кому она относилась; кромѣ меня, онъ никому не любилъ давать объясненій, и я возразила:

— Стало-быть, всякій человекъ, который протестуетъ противъ невѣжества, виноватъ въ томъ, что не сумѣлъ согласить своей пользы съ пользой общества.

Онъ оглянувся и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Мнѣ сдается, вы отвѣчаете на свою мысль, а не на мои слова. Тотъ человекъ, который рѣшится идти противъ невѣжества, повѣрьте, найдетъ и утѣшеніе въ себѣ. Рѣчь идетъ не объ этихъ людяхъ.

— Виновата, сказала я покраснѣвъ:—я хотѣла спросить вотъ что: стало-быть женщины и дѣти устраиваютъ также сами для себя жизнь въ обществѣ?

Онъ безмолвно посмотрѣлъ на меня; отгвокъ глазъ его

перелился въ черный цвѣтъ, ноздри раздулись, рука протанулась къ фуражкѣ.

— Чтò же вамъ угодно, спросилъ онъ наконецъ, и голосъ его зазвенѣлъ,—чтобъ я сдѣлаюся соучастникомъ въ воровствѣ?

Я вспыхнула и промолчала.

— Я васъ просилъ не мѣшаться не въ свои дѣла, сказалъ онъ твердо, но поблѣднѣлъ, и поблѣвѣвшія губы его задрожали.—Повторяю вамъ еще разъ: ваши просьбы утомляютъ и бѣсятъ меня... Мы можемъ, этакъ, серьезно поспорить.

И поджавшись со стула, онъ закинулъ руки на спину, выпрямился во весь ростъ и всталъ, лицомъ къ окну, неподвижно какъ столбъ.

До сихъ поръ я не видала его въ такомъ раздраженіи и раздраженіи на меня. Онъ и прежде сердился на меня, но сердце его было сердце любящаго человѣка, оскорбленнаго холодною любовью любимаго существа. Кромѣ этихъ вспышекъ, никогда я не видала ни одного холоднаго взгляда отъ него, а теперь вдругъ ни съ того, ни съ сего... Чтò съ нимъ? не могъ ли онъ сказать и мнѣ также равнодушно какъ Машѣ, что исполнить мое ходатайство онъ не можетъ, а то вдругъ задрожалъ отъ бѣшенства...

— О чемъ вы задумались? спросила Маша заглянувъ мнѣ съ улыбкой въ глаза.

— О своей судьбѣ, отвѣчала я послѣ минутнаго молчанія.

Онъ стоялъ, не обертываясь.

— Я хочу пить чай у васъ, сказала она съ выразительнымъ движеніемъ бровей.

— Я дала слово Александру Сергѣевичу пить чай у него... Оставайтесь здѣсь; вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе.

— Какъ Александръ Сергѣевичъ...

Онъ повернулся къ намъ.

— Милости прошу, сказалъ онъ Машѣ.—Наташья Алексѣевна станетъ угощать васъ чаемъ, а я тѣмъ временемъ схожу на фабрику.

— Я васъ стѣсняя, я уйду? пропѣла Маша тоненькимъ голоскомъ.

— Пожалуста безъ церемоній, сказалъ онъ, слегка сдвигнувъ брови:—я человѣкъ простой, мнѣ необходимо побывать на

фабрикахъ... Вы сдѣлаете мнѣ одолженіе оставшись съ моею гостей.

Съ этими словами онъ поклонился Машѣ, и не посмотрѣвъ на меня, оставилъ комнату.

Лишь только онъ появился на мосту, Маша залилась дѣтскимъ хохотомъ.

— Что бы ему, Наташа, быть первымъ человѣкомъ? вскричала она.

— Адамомъ? спросила я въ недоумѣніи.

— Ну да! Онъ ни за что не откусилъ бы отъ яблока подавшаго Евои. А какъ гадко у этого Адама, прибавила она оглядываясь:—я ни за что не останусь здѣсь пить чай—очень нужно! Разсердилася онъ на васъ, Наташа? спросила она снова, засмѣявшись.

— Я тутъ ничего не вижу смѣшнаго, Маша.

— Простите меня, сказала она:—а вамъ надо будетъ извиниться?.. Какая злая улыбка у васъ, *chère amie*.

Я промочала и стала надѣвать перчатки.

— Вы извинитесь предъ нимъ? спросила она съ настойчивымъ любопытствомъ.

— Въ чемъ?

— Въ вашей просьбѣ.

— Значитъ, и вамъ надо извиниться.

Улыбка скользнула у нея по лицу.

— Вонервыхъ я ему не родственница, а восторыхъ онъ на меня, вы видѣли, не разсердилася.

— А я не считаю себя виноватою, сказала я равнодушно, отвертываясь.

— Вы думаете, онъ будетъ извиняться передъ вами?

— Если сочтеть себя виноватымъ, разумѣется.

Она опять залилась своимъ звонкимъ смѣхомъ.

— Онъ извиняться! Ха, ха, ха! Желала бы я видѣть какъ онъ станетъ извиняться.

Я не стала спорить съ ней, и молчала, пока она, закуривъ пахитоску, не подошла къ его столу и не стала разбирать бумагъ; тогда я быстро остановила ее.

— Не трогайте, Маша. Онъ разсердится и навсегда запретъ для васъ свой кабинетъ.

Она бросила бумаги какъ обожженная, и взглянувъ на меня, засмѣялась.

— А жаль Иванова, Наташа!.. Чтò я могу сдѣлать для него? Мнѣ даютъ очень мало денегъ на расходы; все долги, долги, вѣчные долги! Пойдемте ко мнѣ пить чай?

— Покорно благодарю! мнѣ ближе домой.

— Братъ будетъ радъ вамъ.

„Опять братъ! Чтò это такое?“ подумала я съ неудовольствиемъ, и молча поклонилась ей.

— Какой серьезный поклонъ! Я говорю: вы не умѣете жить. Но пойдете вы со мной или останетесь здѣсь? спросила она, выбросивъ пахитоску за окно.

Оставаться мнѣ было не зачѣмъ, и я вышла вслѣдъ за Машей. Она подсмѣивалась и надо мной, и надъ собой; величала себя и меня изгнанницами; наконецъ, выйдя на крыльцо, она протянула мнѣ руку, и еще разъ позвала меня къ себѣ.

— Благодарю васъ, сказала я еще разъ:—мнѣ нужно домой.

— Домой?

— Да.

Она взглянула въ сивѣвшую надъ нами глубину неба, улыбнулась, вздохнула, и протянувъ мнѣ руку, кивнула головой:—Au revoir!

Въ одно мгновеніе она сбѣжала по ступенямъ, а въ другое была уже за оградой. Но я, размышляя о своей судьбѣ, все еще стояла посреди двора. Александръ Сергѣевичъ не былъ вспыльчивъ; поэтому всякое слово его невольно взвѣшивалось. „Задрожалъ, поблѣднѣлъ,“ думала я: „чтò съ нимъ?“ Учить его, показывать ему несправедливость его поступковъ я была не намѣрена, хотъ и готовилась быть его женой. Онъ не ребенокъ, чуть не вдвое старше меня, и съ чего бы я приняла на себя роль ментора?... Но онъ все-таки былъ несправедливъ ко мнѣ...

Въ этихъ размышленіяхъ я вышла за ворота, но размышленія не покидали меня. Я все думала, какъ неприятно видѣть бѣшенство близкаго человѣка. Бояться его я никогда не боялась, и теперь могла бы очень спокойно возвратиться къ нему, подождать его возвращенія и сказать ему: „Мнѣ не нравится ваше обращеніе со мной; я не служанка вамъ; да и съ служанками порядочные люди такъ не обходятся. Если вы хотите, чтобъ я уважала васъ, то прошу васъ не принимать со мной

этого готтентотскаго тона.“ Это, я понимала, было бы очень эффектно; но я не чувствовала оскорбленія, и самый эффектъ придуманныхъ мной словъ разрушалъ силу ихъ истины. Да они не скатились бы у меня благополучно съ языка

Я шла по мосту, опустивъ голову, и не замѣтила какъ я перешла его и какъ очутилась на другой сторонѣ рѣки. Съ той минуты, какъ мы разстались съ Александромъ Сергѣевичемъ прошло болѣе получаса, и потому я нисколько не удивилась, увидѣвъ подъ горой его синій сюртукъ. Я шла тихо, не помышляя избѣгать встрѣчи съ нимъ, но также не держа въ мысли остановиться или взглянуть на него. Мы скоро поровнялись, и когда я проходила мимо его, опустивъ голову, онъ вдругъ остановился и спросилъ съ своею обычною простотою.

— Вы, стало-быть, не остались у меня пить чай?

— Нѣтъ, отвѣтила я также просто.

Онъ повернулся и прировнялъ свой шагъ къ моему. Вплоть до моихъ воротъ мы шли молча, но тутъ я остановилась и спросила его куда онъ идетъ.

— Къ вамъ пить чай, былъ спокойный отвѣтъ.

Я не сказала ни слова, и мы молча вошли въ комнаты.

Весь этотъ вечеръ до одиннадцати часовъ онъ просидѣлъ у меня. Я поила его чаемъ, какъ всегда. Онъ также, какъ всегда, сидѣлъ у окна, сабдилъ за мной своими синими глазами и молчалъ. Однимъ словомъ, вечеръ этотъ прошелъ такъ невозможно и тихо, какъ будто между нами ничего не происходило. Я не сочла за нужное напоминать ему объ его вспыльчивости, а онъ... онъ и не думалъ извиняться предо мною. Изъ этого я поняла, что онъ имѣлъ свои основанія рассердиться на меня за мое ходатайство, но въ чемъ состояли его основанія—я не могла доискаться... Правда, онъ предупреждалъ меня, чтобъ я никогда не просила его ни о чемъ, на вѣтеръ слова бросать онъ не любилъ. Но почему мои просьбы принимались имъ непріязненно, отчего онъ заключалъ въ себѣ свойство раздражать его,—этого, какъ я ни ломала себѣ голову, не могла понять въ то время, и узнала уже послѣ, да и то онъ высказался самъ, къ слову, мелькомъ....

М. КАМСКАЯ.

(Продол. слѣд.)

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО

ПРИ ДВОРѢ ЛУДОВИКА XIV

Въ *Древней Россійской Визлѣвкѣ*, столь богатой драгоценными матеріалами для исторіи нашего отечества помѣщено между прочимъ: *Описаніе посольства стольника и намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Потемкина во Францію* *. Мы не станемъ распространяться здѣсь о цѣли и успѣхахъ этого посольства: бѣольшая часть нашихъ главныхъ дипломатическихъ сношеній XVII вѣка ограничивалась увѣреніями въ дружбѣ и устанавленіемъ торговыхъ сношеній.

Еще въ концѣ 1653 года, царь Алексѣй Михайловичъ, передъ началомъ польской войны, посылалъ гонца Мачекана извѣстить о ней французскаго короля **. Посольство Потемкина было другаго рода. Царь послалъ его въ Испанію и во Францію и наказалъ ему объявить: „что великій государь, его царское величество, съ ихъ королевскими величествами, въ братственной дружбѣ и любви быть хочетъ; чтобы послы и посланники, безо всякаго опасенія, приходили отъ королевскихъ величествъ въ великое руссійское царствіе и чтобы Французскаго и Испанскаго

* *Др. Рос. Визл.* Н. Новикова. С.-Пб. 1774 г., ч. V., стр. 71—254.

** *Ист. Росс.* Соловьева, Т. X., стр. 351.

государствѣ торговые люди со всякими товарами прѣѣхали торговать въ Московское государство.“

7-го іюля, 1667 года, Потемкинъ съ дьякомъ Семеновъ Румянцевымъ выѣхали изъ Москвы въ Архангельскъ; отсюда 1-го октября на кораблѣ отплыли въ Испанію, куда прибыли 4-го декабря и гдѣ Потемкинъ пребылъ до конца іюня 1668 года, послѣ чего отправился во Францію.

Посламъ нашимъ, при отправленіи въ иностранныя государства, давались *наказы* и грамоты изъ посольскаго приказа. Въ этихъ *наказахъ* означалось: какъ кто долженъ дѣйствовать въ чужой землѣ и что они должны говорить на совѣщаніяхъ. Порядокъ представляемія иностранному государю также означался въ *наказѣ* и долженъ былъ строго соблюдаться послами, которымъ воспрещалось дѣйствовать и даже говорить вопреки *прямымъ*, *давнымъ* въ *наказѣ*, *предписаніямъ*. При представленіяхъ впереди пословъ должно было нести подарки, потомъ грамоты; подходя къ государю послы должны были говорить рѣчь по статьямъ, поочередно. Рѣчи также были заранее составлены и вписаны въ *наказы*. Вообще посламъ предписывалось вести себя *разумно* и *въѣжливо*, чтобы царскому величеству было *къ чести* и *повышенію*, а въ частныхъ бесѣдахъ говорить *остерегаяся*, съ *вымышленіемъ*. Послы наши строго держались даннаго имъ *наказа*. Правила, какія постановлялись въ такихъ *наказахъ* были обыкновенно весьма сходны между собою и этимъ однообразіемъ *наказовъ* объясняется самое однообразіе большей части статейныхъ списковъ, которые послы вели со всевозможною подробностію.

Оставленный Потемкинымъ статейный списокъ его посольства нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ переведенъ на французскій языкъ кн. Эммануиломъ Голицынымъ, который умеръ, не успѣвъ напечатать своего перевода. Трудъ этотъ принялъ на себя ученый Ла-Рокетъ, присоединившій къ переводу: предисловіе, краткія біографіи князя Голицына и Потемкина, примѣчанія и, кромѣ того, обзоръ политическаго и общественнаго состоянія Россіи, Испаніи и Франціи во второй половинѣ XVII вѣка, написанный переводчикомъ, и имъ же собранные въ приложеніяхъ матеріалы и любопытныя выписки изъ газетъ о пребываніи Потемкина во Франціи*.

Въ этихъ приложеніяхъ помѣщенъ между прочимъ дневникъ г. Сенто (Saintot), который въ бытность Потемкина во Франціи, обязанъ былъ представлять иностранныхъ пословъ королю. Этотъ же дневникъ вновь изданъ, года три тому назадъ, и гораздо полнѣе, княземъ Авг. Голицынымъ *; но приписанъ не Сенто, а приставу Катѣ (Catheux), что вѣроятно, такъ какъ послѣдній находился постоянно при Потемкинѣ. Въ императорской парижской библиотекѣ хранятся два списка этого дневника, изъ которыхъ одинъ полнѣе другого. Более полный изданъ княземъ Авг. Голицынымъ, и представляется здѣсь нами въ переводѣ, возможно близкомъ къ оригиналу, какъ необходимое дополненіе къ статейному списку самого Потемкина.

Пріѣздъ Потемкина въ Парижъ, его пребываніе въ этомъ городѣ и выѣздъ оттуда, описаны подробно въ стихотворной газетѣ, *La Gazette rimée du poète Lorel*, весьма распространенной въ то время. Предлагаемъ здѣсь въ подлинникѣ выпуски изъ этой газеты, заимствуя ихъ изъ приложеній къ переводу статейнаго списка Потемкина, сдѣланному княземъ Э. Голицынымъ.

I.

Извлеченіе изъ Gazette rimée отъ 8 сентября 1668 года.

A la suite de cette Entrée **,
Par nous doit être aussi narrée
Celle que les Sieurs Potemskin,
Qui rime bien à Nasokin,
Et Ramenzoff, ont fait ensemble,

du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe Occidentale. Récit du voyage de Pierre Potemkin envoyé en ambassade par le tsar Aleksois Mikhaïlovitch à Philippe IV d'Espagne et à Louis XIV en 1668; précédé d'un aperçu de l'état social et politique des trois pays à cette époque par le Prince Emmanuel Galitsin. Paris. Gide et J. Baudry éditeurs. Typographie de Ch. Lahure. 1855. 8°. XXXII et 445 p. съ портретомъ Потемкина и картою пути, по которому онъ ѣхалъ. Объ этой книгѣ см. статью Н. А. Попова въ Московскіе Вѣдомостяхъ, 1856 г., № 38 и 41.

* *Bibliothèque russe. Nouvelle série vol. III. Une ambassade russe à le cour de Louis XIV. Paris. A. Franck libr. Leipsic, impr. de Gustave Bär. 1860. VI et 32 p.*

** Описаніе торжественнаго вѣзда французскаго посла въ Лондонъ предшествовало описанію вѣзда Потемкина въ Парижъ.

Le trente d'Aout ce me semble,
 Dans la Parisienne Cité,
 En l'importante qualité
D'Ambassadeurs de Moseovie,
 Où d'aller je n'ay nule envie.

Le *Maréchal de Bellefons*
 Ayant de mérite un grand fonds,
 Sans en avoir l'ame plus vaine,
 Alla les prendre au Bourg la Reyne,
 Avec *Berlise*, Introdacteur,
 En sa charge, ancien Docteur;
 Et dedans les Royaux Carrosses,
 Où jamais on ne voit de *Rosces*,
 Les amena devers le soir
 Au magnifique et grand Manoir
 Où l'on recoit tous leurs semblables.

Ces deux Ministres ** remarquables
 Par leur air, par leurs vestemens
 Et leurs bizarres ornemens,
 Qui n'ont nul rapport à nos modes,
 Mais qui leur sont bien plus commodes,
 Ont été menéz pour certain,
 Dans le meme ordre, à *Saint-Germain*,
 Et du Grand *Sire* en l'audience,
 Avec pompe et magnificence.
 Ce *Monarque*, dont le Renom
 Passe celui de Salomon,
 Quoi qu'on en die, où qu'on en prône,
 Se trouvant assis sur un Trône,
 Avec toute la majesté
 Presque d'une Divinité,
 Et dans un Lieu plus beau qu'un Temple,
 Qu'avecque respect l'on contemple,
 Ils demeurèrent éblouis
 A l'aspect de ce *Grand-Louis*,
 Et crurent à le dire en somme,
 Voir un Dieu bien plutôt qu'un Homme.

Après leurs inclinations,
 Ou bien leurs prosternations,
 L'un d'eux fit, en leur propre Langue,
 Une plantureuse Harangue;

* Потемкинъ и дьякъ Румянцева.

Puis on apporta leurs Présens,
 Dont l'un certe, des plus luisans,
 Etoit un riche Cimeterre,
 Qui mieux que celui de Saint-Pierre
 Abatroit une Oreille net.
 Il est bien monté tout à fait,
 Et tout couvert de Pierrerie
 Sur une riche Orféverrie.
 Le reste des Présens étoient
 Des Vestes qui beaucoup valoyent,
 Avec nombre d'autres Fourures,
 Qui seront d'utiles parures
 Avant qu'il soit trois mois d'ici.
 Mais fermons cet article ci,
 Disant que l'Auguste *Monarque*
 Fit voir par mainte belle marque,
 A ces Messieurs Ambassadeurs,
 Qu'il estimoit fort leurs grandeurs,
 Qui font du mérite paraître,
 Et le *Duc Alexis*, leur Maître,
 De maintes Terres le Seigneur,
 Et soy-disant Grand Empereur
 (Dont pour moy peu je me soucie)
 De toute la triple Russie.

II.

Из того же журнала, № 29, сентября 1668 года.

Louis et l'auguste *Thérèse*,
 Lundy, partirent à leur aise,
 Avecque tout leur nombreux Train,
 Du vieux château de *Saint-Germain*
 Pour aller du beau temps qui reste
 (Cher Présent du Flambeau Céleste)
 Passer quelques jours à *Chambort*,
 Lieu, dit-on, de riant abord,
 Où le gay Printemps se retrace,
 Et, bref, où le Plaisir de Chasse,
 Se trouve un vray Plaisir de Roy.
 Aussi le Nôtre, en bonne foy,
 Prétent bien, comme il faut, l'y prendre,
 Et, surtout, le Perdreau tendre
 Ne manquera pas d'avoir l'heur
 De divertir ce grand Chasseur.

Avant qu'il partit, ce cher *Sire*,
 Digne d'un Monde pour Empire,
 Les *ambassadeurs* du Grand *Csar*,
 Gens sans artifice et sans fard,
 Avecque mainte révérançe,
 Dans une publique Audiançe,
 Prirent congé d'aller chez eux;
 Ayans, après, été tous deux
 Traitez avec grande Frairie,
 Dedans la Capitainerie,
 Par l'ordre de Sa Majesté,
 Qui fut très bien executé.

Ces Messieurs, qui de telle chère,
 Souhaiteroient fort l'ordinaire,
 Pour tenir leur Ventre en relief,
 A qui le vuide est un Grief,
 Dirent, puisqu'il plait au grand *Sire*:
 De nous donner tant de quoi frire,
 Mangeons, buvons suffisamment,
 Ce qu'ils firent très rondement.
 Depuis ce Festin d'importance,
 Ou régnoit la belle Opulance,
 Ils ont, pour les Présens du Roy,
 Qui les surprirent fort, je croy,
 Receu de superbes Tantures
 Des royales Manufactures,
 Qui se font dans les Gobelins,
 Avec des Tapis des plus fins,
 Qui leur ont montré que la *France*,
 Par les soins et la vigilance
 De son génie universel,
Colbert, ce célèbre Mortel,
 Pour son Roy se remply de zelle,
 A de tout, sans emprunt, chez elle.

Enfin, après force Cadeaux,
 Sulvis de Regales si beaux,
 En échange de leurs Hermines,
 Et de leurs Martres Zibelines,
 Ils s'en sont allez Mercredy.
 Après le Repas du Midy,
 Contans, autant qu'on le peut dire,
 Du bon accueil du susdit *Sire*,
 Qu'ils ont, mille fois admiré,
 Et presque même adoré,

Voyans tant de divines Marques.
En ce plus charmant de Monarques.

Mais je ne dois pas oublier,
(Car, certe, il les en faut louer)
Que Messieurs nos Francois Comiques,
Et, même aussi les Italiques,
Les ont, soit effectivement,
Soit intentionnellement,
Divertis et regalez meme
Avec une Liesse extrême.
Car je sçais qu'effectivement,
Et j'en fus témoin mêmeent,
La *Troupe*, où préside *Molière*,
Par une chère toute entière,
Leur donna son Amphitriion,
Avec ample Collation,
Pâs de Ballet et Symphonie,
Sans aucune Cacophonie:
Et ces Gens, aimans les Gratis,
Y furent des mieux divertis,
Ayans deux fort bons Interprètes,
Versés aux Langues, et Languêtes,
Qui leur firent entendre tout
Du commencement jusqu'au bout,
Dont l'un, qui scait, entr'autre chose,
La belle Rime et belle Prose,
A Nom terminant en io,
C'est *A Sancto Aegidio*.

Or, pour achever ce chapitre,
Et par là finir mon Epitre,
Les *Comédiens* de l'*Hotel*,
Dans un Appareil non tel quel,
Mais beau, je me le remémore,
Car j'en fus le témoin encore
Etant en Loge bien posté,
Ont trois fois dans l'attente été
Des *Moscovites Excelences*,
Avec de magnifiques Danses,
De beaux Poèmes, des Concerts,
Et mêmes de frians Desserts.
Mais ayant, à lors, des Affaires,
Plus que les Ebats, nécessaires,
Ils ne parent, dont me chaut peu,

Se rendre dans le susdit lieu.
 Mais, toujours, la Troupe Royale,
 Ayant préparé son Régale,
 Les a divertis tout de bon,
 Du moins dans son intention.

II

Дневникъ г. Катё, кавалерійскаго полковника и придворнаго дворянина, о Московитахъ; прибывшихъ во Францію въ 1668 г.

Петръ Ивановичъ Потемкинъ, стольникъ и намѣстникъ, посолъ царя Московскаго, прибылъ изъ Испаніи, въ іюль мѣсяцѣ, въ мѣстечко, находящееся въ двухъ миляхъ отъ Бордо и называемое Градивьяль (Graignan), откуда онъ писалъ черезъ посольскаго переводчика, королевскому намѣстнику въ Гаскони, маркизу Севъ-Луку, на латинскомъ языкѣ, письмо, въ которомъ вообще говорилъ о дѣлѣ своего посольства и излагалъ свои просьбы, какъ видно изъ копіи съ того письма, приложенной въ концѣ дневника. Маркизь Севъ-Лукъ отправилъ то письмо къ королю, и его величество поручило мнѣ, 5 августа 1668 года, поспѣшить отъѣздомъ, чтобъ отъ имени короля привѣтствовать посла, сопутствовать ему и принять на королевскій счетъ всѣ расходы, потому что царь Московскій такъ поступаетъ съ посланниками, которые пріѣзжаютъ въ его владѣнія.

Въ ожиданіи заключенія мира съ Франціей, Потемкинъ пробылъ семь мѣсяцевъ въ Испаніи, гдѣ ему нравилось, потому что ихъ католическія величества выдавали ему ежедневно на содержаніе 150 червонцевъ, изъ которыхъ онъ много откладывалъ, ибо Московиты предпочитаютъ хорошему столу деньги, которыя столь рѣдки въ ихъ странѣ.

9 августа, я прибылъ въ Градивьяль, гдѣ узналъ, что посолъ со всею свитой сперва расположился въ деревнѣ, въ палаткахъ, и перевозилъ всюду за собой свою кухонную посуду, но потомъ поселился у вѣскога г. Мунье, который предложилъ ему свой домъ, куда я отправился съ привѣтствіемъ. Въ комнатѣ посла находились его сынъ и дьякъ посольскій, который, по приказанію царя, былъ обязанъ заступитъ мѣсто посла, еслибы дорогою случилось какое-либо несчастіе съ Потемкинымъ; тутъ же было вѣсколько

дворянъ и Курляндецъ - переводчикъ, исправлявшій эту должность во все время пребыванія посольства во Франціи, такъ какъ посольскій толмачъ зналъ только по-русски и по-нѣмецки, а Курляндецъ былъ одинъ изъ посольства знавшій латинскій языкъ, на которомъ я долженъ былъ изъясняться, чтобы быть понятымъ.

На переданная мною отъ имени его величества привѣтствіе и предложенія Потемкину, онъ отвѣчалъ съ большимъ почтеніемъ и признательностію, посадилъ возаъ себя своего сына, дьяка и меня, велѣлъ подать стулья г. Муше и его женѣ, въ присутствіи которыхъ просилъ меня передать королю о ихъ любезности и обязательности. Въ посѣдствіи, въ разговорѣ, я передалъ послу, что его величество былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ поѣхалъ въ Испанію прежде чѣмъ во Францію, тогда какъ французскіе короли первенствуютъ передъ испанскими, на что Потемкинъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это безъ намѣренія и что море и вѣтры были тому причиною.

Одиннадцатаго числа г. Севъ-Лукъ прислалъ посольству три свои кареты, а я велѣлъ ваять еще четыре, пять телѣгъ для поклажи, десять верховыхъ лошадей для одной части прислуги, которой было тридцать восемь человекъ, кромѣ двухъ священниковъ, семи дворянъ, трехъ секретарей, переводчика и толмача. Потемкинъ сѣлъ въ первую карету съ правой стороны, а дьякъ, который съ нимъ ездилъ и считалъ себя въ правѣ ни въ чемъ ему не уступать, кромѣ правой стороны, сѣлъ съ лѣвой; я противъ нихъ, а переводчикъ въ стремени. Во вторую карету сѣлъ сынъ посла, а прочія наполнились свитой.

Дьякъ только въ этотъ разъ сѣлся въ одну карету съ посломъ во все время ихъ пребыванія во Франціи. Потемкинъ старался всегда, чтобы карета его сына предшествовала той, въ которой онъ самъ ѣхалъ, дабы этимъ показать, что его сынъ не уступаетъ дьяку, ѣхавшему вслѣдъ за каретою посла; но когда они ѣхали въ королевскихъ каретахъ, сынъ не могъ опередить дьяка.

Въ четыре часа послѣ обѣда, мы пріѣхали въ Бордо, гдѣ у воротъ были встрѣчены городскимъ карауломъ, состоявшимъ изъ 50 человекъ, которые проводили насъ до приготовленной квартиры; тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ, одинъ изъ священниковъ положилъ на столѣ въ кабинетъ посла

золоченый крестъ, приблизительно въ одинъ футъ длины, съ частицею животворящаго креста, а вокругъ разложилъ небольшія иконы Спасителя, Божіей Матери, Св. Николая и другихъ святыхъ; три большихъ молитвенника и четыре лампадки, въ которыя вставлялъ маленькія свѣтильни, зажигаемыя во время молитвы, что соблюдалось въ продолженіи всего путешествія.

Городскіе старшины явились къ послу съ подарками, состоявшими изъ вина, водки, фруктовъ и варенья и привѣтствовали его. Но лишь только говорившій рѣчь произносилъ слова: царь московскій, Потемкинъ прерывалъ его и никогда не терпѣлъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ чтобъ его государя величали иначе, какъ царское величество, что переводчикъ объяснялъ по-латыни: *Caesarea Majestas*.

Маркизь Сень-Люкъ не навѣстилъ посла, такъ какъ на предварительный спросъ: отдастъ ли ему посолъ визитъ, Потемкинъ отвѣчалъ, что подъ страхомъ смерти, его царское величество запретило ему быть у кого-либо, прежде нежели представится королю. Послѣ этого Потемкинъ отправилъ къ господину Сень-Люкъ нѣсколько мѣховъ, которыхъ тотъ не принялъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, посолъ, съ правой стороны котораго сидѣлъ его сынъ, съ лѣвой дьякъ, а я возлѣ сына, уживалъ со всею своею свитой, что случилось только въ этотъ разъ, съ этого дня дьякъ ужиналъ особо, также какъ и нѣкоторые дворяне, недовольные Потемкинымъ, и считавшіе себя независимыми отъ него, какъ назначенные въ посольство самимъ царемъ московскимъ. Капитанъ Лагардъ, пріѣхавшій на почтовыхъ, по повелѣнію короля, для уплаты издержекъ посла и его людей, угощалъ ихъ рыбой, такъ какъ они еще за два дня до того начали уже поститься, что продолжалось 15 дней сряду. Въ это время они питались только рыбою, жареною въ маслѣ, и воздерживались отъ яицъ, сливочнаго масла и молока; въ обыкновенное время они ѣдятъ мясо по субботамъ, но постятся по средамъ и пятницамъ*.

По болѣзни дьяка, посольство провело 12-ое число въ Бордо, гдѣ для отплытія въ Блей (Blaye) были приготовлены:

* У католиковъ мясо воспрещается по пятницамъ и субботамъ.

одна лодка обитая, для посла и свиты, другая для его прислуги и поклажи.

13-го числа, мы поплыли въ лодкѣ, на которой была устроена постель для дьяка, такъ какъ онъ былъ очень боленъ. Сильный вѣтеръ принудилъ насъ остановиться въ Мако (Maquau) и ожидать погоды; вечеромъ въ 8 часовъ мы снова отправились въ путь и прибыли въ полночь въ Блей, гдѣ провели 14-ое число въ приготовленіи необходимыхъ вещей для дороги.

15-го числа, мы выѣхали изъ Блея въ восьми каретахъ, заложенныхъ шестью лошадьми каждая, съ двумя телѣгами, въ которыя было заложено по четыре лошади; десять человекъ изъ свиты и проводниковъ сопровождали насъ верхомъ. Мы пріѣхали ночевать въ Малый Ниордъ (Petit Niord).

16-го числа, мы пріѣхали въ Понтъ (Pont), гдѣ посольство провело около четырехъ часовъ въ молитвахъ для празднованія Преображенія Господня на горѣ Фаворѣ.

17-го числа, мы прибыли въ Екоде (Equoueux), дьякъ же ночевалъ въ Брионѣ, потому что его карета сломалась.

18-го числа, мы пріѣхали въ Сень-Лежеръ-Мель, 19-го въ Лютиньянъ, 20-го обѣдали въ Поатье, гдѣ городскіе старшины привѣтствовали посла и поднесли ему въ подарокъ вина и водки, которыя Потемкинъ принялъ. То же самое повторилось въ Шательро (Chastelleraud), гдѣ мы ночевали.

21-го мы пріѣхали въ Монлуу.

22-го въ Амбуазь, гдѣ городскіе старшины явились съ обычными привѣтствіями и подарками.

23-го мы прибыли въ Блау, гдѣ Потемкину оказали еще больше почестей, чѣмъ въ другихъ городахъ. Кромѣ привѣтствія и подарковъ бургомистра и городскихъ старшинъ, президентъ сказалъ рѣчь послу. Впрочемъ это случалось не по моему наставленію, но члены суда, по недоразумѣнію представившіеся всѣ вмѣстѣ, послѣ небольшого совѣщанія, рѣшили, что ихъ честь требовала не уходить безъ привѣтствія и что слѣдовало воспользоваться приготовленною рѣчью.

Вечеромъ того дня, ужинъ былъ прерванъ, потому что Потемкинъ разсердился на одного изъ ужинавшихъ съ нимъ дворянъ, и желая на свободѣ наказать его палкою, всталъ изъ-за стола, попросилъ всѣхъ выйти изъ комнаты и удовлетворилъ своему желанію.

Случайно въ этомъ городѣ встрѣтился Московитъ Яко-

бинець *, говорившій по-французски. Потемкинъ, предводительствуя войсками при взятіи одного польскаго города, въ которомъ много жителей было убито по его приказанію, спасъ жизнь этому Поляку. Урбановскій припомнилъ Потемкину это обстоятельство и предложилъ ему свои услуги. Посольство рѣшилъ взять его съ собою въ Парижъ и сказалъ ему, что онъ спасъ его жизнь только для того, чтобы сдѣлать его своимъ переводчикомъ, ибо хотя, при посольствѣ и былъ переводчикъ, но онъ довольно плохо говорилъ по-латыни и не зналъ по-французски, а этотъ Полякъ могъ лучше исполнять всѣ требованія посла.

24-го числа, мы ночевали въ Сень-Лоранъ, 25-го въ Орлеанъ, гдѣ посла привѣтствовали городскіе старшины и поднесли ему въ даръ много вина, водки, варенья и дали ему караулъ, состоявшій изъ 40 человекъ.

Съ этого дня Потемкинъ сталъ ѣсть мясо, но просилъ не подавать ему зайцевъ, кроликовъ, голубей, молодыхъ телятъ, потому что, говорилъ онъ, зайцы и кролики слишкомъ обыкновенны, голуби невинны, а телята хороши только годовалые. Посольство любилъ больше всего молодыхъ гусей, утокъ и поросятъ.

Было бы не справедливо упомянуть о гнѣвѣ посла, въ Бауа, на одного изъ бывшихъ съ нимъ дворянъ и не засвидѣтельствовать о его воздержаніи, о которомъ можно судить, по словамъ сказаннымъ имъ мнѣ въ Орлеанъ, гдѣ ему представлялись нѣсколько красавиць. Я спросилъ его мнѣніе о нихъ; онъ отвѣчалъ, что у него на родинѣ есть жена и что ему не пристойно разсматривать другихъ женщинъ на столько, чтобы выражать о нихъ свое мнѣніе.

26-го числа, мы провели ночь въ Тури (Toury), 27-го въ Шатрѣ (Chastre), 28-го въ мѣстечкѣ Ла-Ренѣ. (Bourg la Reune), гдѣ скончался одинъ изъ свиты посла. Его скоровили у дѣса, за городомъ, съ обрядами похожими на наши.

29-го числа, г. Берлисъ, которому поручено было представлять къ королевскому двору посланниковъ, явился къ Потемкину съ привѣтствіемъ и спросилъ кредитивную грамоту. Посольство приняло это за оскорбленіе и сказалъ, что у него нѣтъ другой грамоты, кромѣ той которую его царское величество велѣлъ ему лично вручить королю, что содер-

* Потемкинъ называетъ его Домшиканомъ Урбановскимъ.

жаніе этой грамоты ему неизвѣстно и показалъ Берлизу свой паспортъ, въ которомъ царь московскій называетъ его посломъ, при чемъ Потемкинъ замѣтилъ, что показываетъ паспортъ только по дружбѣ, и что ни за что бы этого не сдѣлалъ, еслибы кто вздумалъ принудить его къ тому.

31-го числа, посольство обѣдало въ одномъ частномъ домѣ, который былъ чище гостиницы, гдѣ мы остановились, и куда въ тотъ день, отъ имени короля, долженъ былъ за нами пріѣхать маршалъ Бельфонъ, чтобы сопровождать посольство въ Парижъ.

Маршалъ прибылъ въ мѣстечко Ла-Ренъ, въ 4 часа по полудни, съ г. Берлизомъ, въ каретѣ короля. За ними ѣхали: карета королевы, двѣ кареты маршала, четыре взятые имъ у своихъ знакомыхъ. Каждая карета была запряжена шестью лошадьми. Маршалъ нѣсколько разъ проѣхалъ по саду, пока уговаривали посла уступить ему правую сторону и встрѣтить его на верхней ступени, на что Потемкинъ согласился нехотя, а дворяне посольскіе встрѣтили маршала ввизу на послѣдней ступени. Въ комнатѣ не сѣли и вскорѣ вышли изъ нея. Маршалъ шелъ впереди, съ правой стороны посла, до королевской кареты, въ которую Потемкинъ сѣлъ на первомъ мѣстѣ, а маршалъ по его лѣвую сторону, г. Берлизу и я противъ нихъ, переводчикъ въ стремя. Въ каретѣ королевы дьякъ сѣдѣлъ одинъ, а въ прочихъ ѣхали московскіе дворяне и г. Дюну, исполнявшій должность секретаря при сопровожденіи пословъ, вмѣсто г. Жиро, который былъ боленъ. Сынъ посла ѣхалъ въ одной изъ каретъ маршала, съ нѣкоторыми Московитами, которыми наполнились и прочія кареты; сзади ѣхали восемь нанятыхъ дорожныхъ, привезшихъ посольство и куда положили поклажу и посадили прислугу, часть которой, около 25 человекъ, ѣхала верхомъ возлѣ каретъ. Дорогою ничего не произошло особеннаго, только въ Ла-Ренѣ Потемкинъ положилъ въ карманъ на пять или на шесть су медкой монеты и дорогою раздавалъ нищимъ, при чемъ снималъ шапку. Предполагая, что многочисленная толпа выйдетъ къ нему на встрѣчу, онъ былъ очень удивленъ, видя мало народу и даже два или три раза жаловался на это. Но ему объяснили, что этого обыкновенно не дѣлается даже при вѣздѣ пословъ самыхъ значительныхъ европейскихъ державъ. Въ Парижѣ, посольство

остановилось въ домѣ чрезвычайныхъ посланниковъ, гдѣ было приготовлено для него помѣщеніе. Маршалъ проводилъ посла до его комнаты и думалъ, что Потемкинъ проводить его до кареты, но онъ не переступилъ верхней ступени. Не успѣли сказать переводчику, чтобъ онъ объяснилъ послу что ему сѣдовало сѣдять, какъ маршалъ былъ уже внизу, гдѣ стоявъ немного, вышелъ изъ терѣвна, сѣлъ въ карету и уѣхалъ, не дождавшись отвѣта посла, который, наконецъ, согласился на всѣ предложенія. Но маршалъ уже былъ далеко. Потемкинъ послалъ къ нему извиниться и при первомъ свиданіи извинился самъ.

Три дня посольство угощали королевскіе офицеры: г. Дестублонъ (Destoublons), гофмейстеръ, и г. Шамау, контролеръ; по истеченіи этихъ трехъ дней, г. Лагардъ продолжалъ платить расходы Московитовъ какъ дѣлалъ это дорогою и въ Бордо.

4-го сентября, маршалъ Бельфонъ и г. Беруизъ, по приказанію короля, явились въ 8 часовъ утра въ посольскій домъ, чтобы сопровождать Потемкина въ Сенъ-Жерменъ, на первую королевскую аудіенцію. Они были приняты посломъ также, какъ въ Ла-Ренъ. Для мѣстъ въ каретахъ и для всего поѣзда экипажей и прислуги былъ соблюденъ тотъ же порядокъ, какъ при взѣздѣ посольства въ Парижъ.

Въ Сенъ-Жерменѣ посольство было встрѣчено, съ барабаннымъ боемъ французскою и швейцарскою гвардіей, которая была выстроена подъ ружьемъ вдоль всей дороги отъ мѣста игры въ мячъ вплоть до кухоннаго двора, гдѣ посольство вышло въ комнаты графа Луда, перваго камергера и губернатора Сенъ-Жермена, и стало готовиться къ аудіенціи. Предполагалось, что всѣ пойдутъ пѣшкомъ; но такъ какъ Потемкинъ нашелъ, что ему оскорбительно не подѣхать ко дворцу въ каретѣ, то послано было за двумя каретами: въ одну изъ нихъ сѣлъ посолъ съ сыномъ, въ другую дьякъ. Передъ каретами шелъ дворянинъ, который высоко держалъ саблю въ ножнахъ, осипавшихъ драгоценными камнями, предназначенную королю въ даръ отъ посла. За дворяниномъ шли два дьяка, 20 гвардейцевъ изъ Швейцарцевъ и около 15 человекъ посольской прислуги, которые несли другіе подарки, состоявшіе изъ разныхъ мѣховъ, двухъ кусковъ камки съ

небольшими золотыми и серебряными цѣнтами, въ пять или шесть аршинъ каждая и булатный ножъ въ ножнахъ. Всѣ эти подарки были не отъ царя московскаго, а только отъ посла, отъ его сына и отъ дьяка, которые просили передать королю опись вещамъ, подносимымъ каждымъ изъ нихъ. За подарками шелъ другой дьякъ и несъ въ правой рукѣ, въ малиновой тафтѣ, царскую грамоту къ королю. За нимъ сѣдовали всѣ прочіе Московиты, прошедшіе чрезъ кухонный дворъ къ дворцу, у подъѣзда котораго остановились обѣ кареты. Здѣсь посоль, при выходѣ изъ своей, былъ встрѣченъ, противъ церкви, оберъ-церемоніймейстеромъ г. Родъ, и г. Сенто, церемоніймейстеромъ. На дворѣ было расположено 600 гвардейцевъ; при каждой бригадѣ находилась офицеръ. Сто человекъ Швейцарцевъ стояли шпалерами по ступенямъ лѣстницы, на верху которой непрерывно играли множество трубачей. Капитанъ гвардіи, маркизъ де-Жевръ стоялъ у дверей залы, чтобы принять посла и проводить его въ комнату короля, гдѣ былъ поставленъ тронъ на четырехъ ступеняхъ. На немъ сѣлъ король съ шляпою на головѣ, по правую его сторону стоялъ его сынъ, Дофинъ, а по лѣвую братъ короля, оба съ непокрытыми головами. Королева была въ комнатѣ, со многими дамами, иноккито. Потемкинъ вошелъ съ непокрытою головою и низко поклонился. Лишь только онъ показался, король всталъ, снялъ шляпу и тотчасъ послѣ надѣлъ ее и сѣлъ. Посоль подошелъ и, продолжая кланяться, подавъ королю грамоту царя московскаго, при чемъ сказалъ привѣтствіе, которое переводчикъ перевелъ по-латыни, а Урбановскій по-французски. Онъ же перевелъ послу отвѣтъ короля, который снималъ шляпу, всякій разъ, когда произносили имя царя московскаго. Послъ этого Потемкинъ подавъ свои подарки, которые принесли изъ передней комнаты Московиты и Швейцарцы; потомъ поцѣловалъ руку короля и, уходя, продолжалъ кланяться. Во все время аудіенціи онъ стоялъ съ непокрытою головою и его проводили съ обыкновенными церемоніями до послѣдней ступени, гдѣ были приготовлены три кресла на носилкахъ. Въ нихъ понесли Потемкина, его сына и дьяка къ графу Лулу. Тутъ маршалъ Бельфонъ, какъ первый гофмейстеръ короля, на обѣдѣ, приготовленномъ для посольства, показавъ Московитамъ всю роскошь королевскую. Маршалъ обѣдалъ съ

посломъ, который соблюдалъ при этомъ обрядъ, совершаемый имъ ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ. Онъ вставалъ, снималъ шапку и довольно долго говорилъ заздравную рѣчь съ желаніями, которыя переводчикъ намъ объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ. Потомъ посолъ пилъ за здоровье царскаго величества и короля, и всѣ сидѣвшіе за столомъ съ стаканами въ рукахъ отвѣчали ему тѣмъ же. Дьякъ и сынъ посла были больны и не ладили между собою; потому обѣдали въ разныхъ комнатахъ.

Утромъ Потемкину было предложено идти на королевскую аудіенцію послѣ обѣда, но онъ отвѣтилъ, что его королевское величество можетъ назначить ему какой угодно часъ, но что онъ лучше будетъ голодать до вечера, чѣмъ обѣдать до аудіенціи; что нужно съ свѣтлымъ умомъ разговаривать съ его величествомъ и что онъ не хочетъ, чтобы приписано было вину или мясу сдѣланное имъ добро или зло. Онъ очень просилъ еще, чтобы король въ тотъ день не назначалъ никакому другому послу аудіенціи. Маршалъ Бельфонъ остался въ Сель-Жерменъ до пяти часовъ, когда посольство выѣхало обратно въ Парижъ.

7-го сентября Потемкинъ возвратился въ Сель-Жерменъ по приказанію короля для частной аудіенціи и выѣхалъ для этого изъ Парижа въ 7 часовъ утра. Въ карету короля сѣли: г. Беранзъ, переводчикъ и я съ посломъ; дьякъ въ карету королевы, сынъ посла въ наемную, дворяне въ другія двѣ кареты, а для присауги было нанято 15 верховыхъ лошадей.

Въ Сель-Жерменъ мы остановились на овальномъ дворѣ орлеанскаго епископа, откуда безъ всякихъ особенныхъ церемоній пошли на королевскую аудіенцію. Король говорилъ мало и препроводилъ посольство къ гг. Вильроа, де-Лионъ и Коальберъ, назначеннымъ его величествомъ комиссарамъ для разсмотрѣнія царскихъ предложеній. Совѣтъ собрался у маршала Дюка-де-Вильроа, гдѣ конференція продолжалась два часа, послѣ чего посольство возвратилось къ орлеанскому епископу, у котораго Потемкинъ отдыхалъ до тѣхъ поръ, пока не пришли за нимъ и не повесили его на кухонный дворъ къ графу Луду, у котораго, по приказанію короля, было приготовлено угощеніе для посольства. Въ тотъ же день посольство возвратилось въ Парижъ.

11-го числа, Потемкинъ со свитой, въ шести каретахъ, изъ которыхъ каждая была запряжена парю лошадей, ѣздилъ въ Венсенъ, гдѣ осматривалъ дворецъ, садъ и мѣсто для травли дикихъ звѣрей. По возвращеніи въ Парижъ, ему показывали королевскую площадь, королевскіе покои въ Тюльери и садъ. Посоль въразилъ свое удовольствіе, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда ему что-либо показывали въ Парижѣ или внѣ города; но онъ никогда ни о чемъ особенно не отзывался и замѣчалъ, что не хочетъ говорить о Франціи, пока онъ въ ней, чтобы его не заподозрили въ лесть, а скажетъ свое мнѣніе по выѣздѣ. Сынъ его и дьякъ, по нездоровью, оставались дома.

13-го числа, въ пяти каретахъ, посольство ѣздило осматривать гобеленовскую фабрику, гдѣ г. Лебрюмъ, славный живописецъ и смотритель королевскихъ мануфактуръ, показывалъ картины, произведенія фабрики и угощалъ завтракомъ. По возвращеніи въ Парижъ, Потемкинъ посѣтилъ Лувръ, гдѣ осматривалъ комнаты покойной королевы, матери короля, и королевскія кладовыя, въ которыхъ видѣлъ весьма драгоцѣнную мебель. При этомъ кто-то спросилъ посла: есть ли такая мебель у его царскаго величества? Посоль отвѣчалъ утвердительно, но переводчикъ сказалъ вслухъ, по-латыни, чего не помялъ ни посоль, ни кто-либо изъ его свиты, что онъ нагло лжетъ.

15-го числа, Потемкинъ съ сыномъ и дьякомъ были въ Версалѣ, куда отправленъ былъ для нихъ обѣдъ, но сынъ посла и дьякъ такъ чувствовали себя нездоровыми, что могли осмотрѣть только звѣринецъ и гроты, хотя Потемкинъ съ своей стороны желалъ все осмотрѣть. По возвращеніи въ Парижъ онъ ѣздилъ въ Сенъ-Клау гдѣ, видѣлъ дворецъ, принадлежащій брату короля, и садъ, въ которомъ очень любовался фонтанами.

16-го числа, для посла, его сына, дьяка и для всей свиты, труппа Демаре представляла комедію *Удары судьбы*, съ превращеніями и танцами, что чрезвычайно забавляло всѣхъ. Потемкинъ спросилъ вина, которое было подано.

18-го числа труппа Мольера представляла *Алфитріона*, съ превращеніями и танцами, которые весьма понравились послу и его сыну. Имъ поданы были двѣ большія вазы, одна съ сухими фруктами, а другая съ свѣжими, но они

не вѣд, а пили и благодарили актеровъ. Дѣяка по болѣзни тутъ не было.

19-го числа, Потемкинъ осматривалъ церковь Вааль-де-Грасъ.

20-го г. Берлиизъ пріѣхалъ къ послу изъ Сень-Жермея, но не привезъ съ собою ожидаемаго Потемкинымъ латинскаго перевода съ королевской грамоты къ царю, написанной на французскомъ языкѣ. Объ этомъ переводѣ посолъ просилъ на бывшей конференціи съ назначенными королемъ комиссарами и онъ былъ ему обѣщанъ. Потемкинъ очень разгнѣвался и заставилъ г. Берлииза и меня вѣхать на другой день въ Сень-Жермень и сказать королю, что переводъ былъ ему обѣщанъ и что если онъ не получитъ этого перевода, то его ожидаютъ, по возвращеніи на родину, пагубныя насѣдствія. Король, который не хотѣлъ было давать перевода, послѣ словъ Потемкина, велѣлъ исполнить его желаніе и 21-го числа просимый переводъ былъ доставленъ послу. Получивъ переводъ, посолъ прикладывалъ его къ глазамъ, цѣловалъ, клалъ на голову, кланялся до земли, благодаря его королевское величество; потомъ велѣлъ переводчику передать себѣ содержаніе грамоты; наконецъ спросилъ вина, выпилъ за здоровье короля и бросилъ на полъ стаканъ, говоря, что онъ отъ души желаетъ, чтобы всѣ враги короля разбивались, какъ это стекло.

Потемкинъ просилъ, чтобы на оборотѣ грамоты къ царю были написаны тѣ же титулы, которые находятся въ началѣ грамоты, что и было исполнено.

23-го числа г. маршалъ Бельфонъ, г. Берлиизъ и я, въ 8 часовъ утра, прибыли въ посольскій домъ, чтобы сопровождать московскаго посла въ Сень-Жермень на прощальную аудіенцію. Какъ въ Парижѣ, такъ и въ Сень-Жермень соблюдается тотъ же церемоніалъ въ приемѣ, какъ и при первой аудіенціи, съ тою разницею, что посольство вѣхало въ каретахъ на овальный дворъ, гдѣ не было войскъ, и остановилось въ комнатахъ орлеанскаго епископа, у котораго пробыло съ шести до двѣнадцати часовъ, въ ожиданіи королевской аудіенціи. Король изъ собственныхъ рукъ вручилъ Потемкину грамоту царскому величеству, которую посолъ приказалъ секретарю нести также, какъ онъ несъ царскую грамоту къ королю на первой аудіенціи.

Роскошный обѣдъ былъ приготовленъ у графа Лудда. На обѣдѣ весело пили за здоровье царскаго величества, короля, королевы и многихъ другихъ. Во время обѣда, Потемкинъ просилъ маршала Бельфонъ дать ему свою шляпу, которую надѣлъ, а свою мѣховую надѣлъ на голову маршала, обозначая тѣмъ, какъ онъ говорилъ, связь и торговля сношенія, которыя должны существовать между Французами и Московитами и чтобъ еще болѣе подкрѣпить свои слова не хотѣлъ взять обратно своей шапки и увезъ въ Московію шляпу маршала, который думалъ, что этотъ знакъ вниманія окончится вмѣстѣ съ обѣдомъ, подавшимъ къ нему поводъ. Сынъ посла и дьякъ были на аудіенціи, но не присутствовали, по болѣзни, на обѣдѣ. Вечеромъ посольство возвратилось въ Парижъ.

Съ 24 по 26 число, Московиты готовились къ отъѣзду изъ Парижа и дѣлали закупки. Потемкинъ купилъ нѣсколько часовъ, золотыхъ и серебряныхъ парчей и шелковыхъ матерій, почти на тысячу червонцевъ; прочіе Московиты покупали мало. Г. Берлисъ привезъ имъ королевскіе подарки, состоявшіе изъ обоевъ, ковровъ, покрывалъ, золотыхъ и серебряныхъ парчей, шелковыхъ матерій, пудоваго сукна, разныхъ стѣнныхъ и карманныхъ часовъ, ружей, пистолетовъ, золотыхъ шпагъ и трехъ портретовъ, короля, королевы и Дюфина, въ парадныхъ платьяхъ, во весь ростъ, писанныхъ лучшими живописцами Парижа. Король прислалъ также сто пистолей, которыя Потемкинъ заплатилъ за свои пожитки на Байонской таможенѣ, но Потемкинъ требовалъ, чтобы его вознаградили и за издержки сдѣланныя имъ дорогою отъ границы Франціи до Бордо, что составляло около 5.000 ливровъ. Но въ этомъ ему было отказано, такъ какъ онъ предпринялъ свое путешествіе, не дожидаясь королевскаго приказанія.

Нѣкоторые изъ Московитовъ, которые, какъ я сказалъ, считали себя до нѣкоторой степени независимыми отъ Потемкина, говорили, что они, по возвращеніи, будутъ на него жаловаться царю, такъ какъ онъ былъ причиною, что имъ не досталось королевскихъ подарковъ. Одинъ изъ нихъ даже плакалъ съ горя.

Король велѣлъ раздать переводчикамъ 500 червонцевъ, изъ коихъ 400 ливровъ дано было Урбановскому, столько же посольскому толмачу и 700 ливровъ переводчику, ко-

тораго Потемкинъ держалъ два дня подъ арестомъ, по подозрѣнію въ измѣнѣ.

Съ прислугой Потемкинъ не слѣшкомъ расщедрился и только кой-кому подарилъ нѣсколько мѣховъ и бездѣлушекъ, которыя не стоило даже дарить. Потемкинъ и дякъ заставили меня принять по парѣ мѣховыхъ рукавицъ; кромѣ того посолъ подарилъ мнѣ небольшой ножъ въ ножнахъ и, въ знакъ своей дружбы и особеннаго уваженія, самъ отпоролъ мѣховою воротникъ съ своего платья и подарилъ его мнѣ.

26-го сентября, посольство выѣхало изъ Парижа, въ два часа по полудни, въ шести наемныхъ каретахъ, запряженныхъ шестью лошадьми каждая, съ фургономъ въ четыре лошади и на 24 верховыхъ лошадяхъ. Московиты ночевали въ Бомонѣ и продолжали путь въ Кале. Хотя Потемкинъ очень настаивалъ, чтобы получить отъ короля корабль для отплытія въ Ригу, въ Ливонію, однако ему было отказано, чтобы не придавать большой важности его посольству.

27-го числа, мы ночевали въ Бове, гдѣ старшины города привѣтствовали Потемкина и поднесли три дюжины бутылокъ вина, которыя посольство раздѣлило между собою.

28-го, всѣ члены посольства провели долгое время въ молитвѣ, по случаю какого-то праздника, и когда я доложилъ Потемкину, что, по краткости времени, надо спѣшить отъѣздомъ, онъ отвѣчалъ, что по его обрядамъ сокращать молитвы есть святотатство. Въ этотъ день онъ ѣлъ мало, ссорился со всѣми и въ каретѣ прибилъ переводчика, которому было болѣе 60 лѣтъ. Причиною такого нерасположенія духа было отчасти переданное ему распоряженіе объ уплатѣ его издержекъ только до Кале, гдѣ мнѣ приказано было съ нимъ разстаться и гдѣ, я не зналъ, найдеть ли онъ корабль, на которомъ могъ бы отплыть. Онъ просилъ меня послать кого-нибудь на почтовыхъ къ королю, который былъ въ Шамборѣ, чтобы просить его величество дозволить мнѣ проводить посольство далѣе Кале, если тутъ не найдется корабля. Онъ предлагалъ мнѣ собственноручную записку къ королю, въ которой изъяснялъ, что я долженъ былъ проводить его далѣе ради королевской чести; но, по пріѣздѣ въ Монрель, я удовольствовался тѣмъ, что написалъ господину Куртебонну, королевскому намѣстнику

въ Кале и президенту Тоссу, прося ихъ приготовить и нанять, на счетъ посла, корабль, для чего Потемкинъ въ то же время отправилъ двухъ саугъ своихъ.

Вечеромъ 28-го числа, мы ночевали въ Пуа.

29-го, прибыли въ Аббевиаль, гдѣ городскіе старшины привѣтствовали Потемкина и поднесли въ даръ вина и водки, которыя посолъ приказалъ салть въ боченки, чтобы провезти моремъ.

30-го числа прибыли, въ Монтрель, гдѣ у воротъ города Потемкинъ, увидавъ, какъ обучался пѣхотный полкъ брата короля, просилъ офицеровъ дать залпъ и пройти маршемъ мимо его. Городскіе старшины явились съ привѣтствіемъ и подарками, состоявшими изъ вина и водки, которыя посолъ приказалъ отложить для путешествія.

1-го октября, рано утромъ, мы приѣхали въ Булонь, гдѣ, по принятіи обычнаго привѣтствія и подарковъ отъ городскихъ старшинъ, посолъ отправился въ гавань, въ которой видѣлъ фрегатъ, но нашелъ его слишкомъ малымъ и дорогимъ. Узнавъ, что за другой, побольше, просили тысячу франковъ, чтобы доплыть до Амстердама, онъ успѣшно удался.

2-го октября, Потемкинъ принималъ въ Кале, куда мы прибыли въ 5 часовъ вечера, привѣтствія отъ городскихъ старшинъ и приказалъ отнести ихъ подарки на корабль, который нанялъ за 40 лудировъ, чтобы плыть со всею свитой въ Амстердамъ, потому что съ нимъ была грамота царя московскаго къ Генеральнымъ Штатамъ для свободнаго проѣзда.

3-го октября, въ 10 часовъ утра, посольство сѣло на корабль, чтобы отплыть съ попутнымъ вѣтромъ. Московиты взяли съ собою провизію: хлѣба, луку, яблоковъ, сельдей, пива, уксусу, соли и жареной рыбы.

М. ПОЛУДЕНСКІЙ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

III.

1813—1825.

Начало этой статьи состоитъ изъ разказовъ Д. В. Давыдова, съ дополненіемъ изъ моихъ отмѣтокъ, и нѣсколькихъ подлинныхъ писемъ; продолженіе, относящееся къ Кавказу, составляютъ подлинныя письма, приказы, доверенія, рескрипты, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, съ дополненіемъ изъ разныхъ замѣчаній и разказовъ.

Д. В. Давыдовъ начинаетъ описаніе дѣйствій Ермолова въ кампанію 1813 года съ сраженія при Люценѣ.

„Графъ Витгенштейнъ, не отличающійся большими способностями, потерпѣлъ здѣсь пораженіе; онъ приписалъ, какъ извѣстно, свою неудачу недостатку зарядовъ въ артиллерію. Это несправедливое обвиненіе, повторенное позднѣе нашими во главѣ историками, опровергается слѣдующимъ: во первыхъ,

положительно извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, кои нѣкоторые наши военные историки не хотѣли принять во вниманіе, что Ермоловымъ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи всѣхъ армій, было приготовлено зарядовъ несравненно болѣе чѣмъ было ихъ выпущено въ Бородинскомъ сраженіи; а восторыхъ, парки, наполненные зарядами, оставаясь нетронутыми въ теченіи боя, находились во все время лишь въ шести верстахъ отъ поля сраженія*.

Ермоловъ, лишившійся, вслѣдствіе этого вполнѣ недобросовѣстнаго обвиненія, мѣста, былъ замѣненъ мужественнымъ, дѣятельнымъ и остроумнымъ княземъ Яшвилемъ (бывшимъ начальникомъ артиллеріи Полоцкаго корпуса, къ коему особенно благоволилъ Витгенштейнъ), который, будучи старше его въ чинѣ, находился однако подъ его начальствомъ въ этомъ сраженіи. Ермолову было кромѣ того приказано главнокомандующимъ доложить нашему государю и королю прусскому о неблагопріятномъ исходѣ этого сраженія; такимъ образомъ Витгенштейнъ, желая еще болѣе повредить ему въ глазахъ его величества, избралъ его вѣстникомъ неудачи. Этотъ поступокъ Витгенштейна, столь благороднаго и великодушнаго въ другихъ случаяхъ, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что онъ и прочія лица его партіи глубоко ненавидѣли Ермолова за его язвительныя насмѣшки: не будучи въ состояніи возражать ему съ успѣхомъ, они старались вредить ему по возможности по службѣ. Они при этомъ случаѣ достигли своей цѣли, что подтвердилъ оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, сказавшій о Ермоловѣ: „ему деревня Гёршенъ“ (въ которой ночевали ихъ величества и куда прибылъ Ермоловъ съ донесеніемъ) „много „повредила въ глазахъ Государя.“

„Послѣ сраженія при Бауценѣ, Ермоловъ, находясь въ арріергардѣ, блистательно выдержалъ главные натиски Французовъ, коими близъ Рейхенбаха предводительствовалъ самъ Наполеонъ. Дойдя до знаменитой позиціи, нѣкогда занятой великимъ Фридрихомъ послѣ Гохкирхенскаго сраженія, Ермоловъ отразилъ здѣсь всѣ натиски непріятеля. Графъ Витгенштейнъ, отдавая ему здѣсь полную справедливость, доложилъ по этому случаю Государю: „я оставилъ на полѣ

* Все мною здѣсь сказанное основано на документахъ, хранящихся въ артиллерійскихъ архивахъ. *Прим. Дас.*

„сраженія на полтора часа Ермолова, но оны, удерживаясь на немъ съ свойственнымъ ему упрямствомъ гораздо долѣе, сохранили тѣмъ вашему величеству около 50 орудій.“

„Знаменитая Кульмская побѣда, въ первый день этого великаго по своимъ послѣдствіямъ боя, принадлежа преимущественно Ермолову, служить однимъ изъ украшеній военнаго поприща сего генерала. Здѣсь, какъ подъ Витебскомъ въ 1812 году, гдѣ, лишь вслѣдствіе настойчивыхъ и рѣзкихъ его представлений, Барклай не принялъ сраженія сперва предъ городомъ, а потомъ позади него, какъ и при Малоярославцѣ, суждено было Ермолову, испровергнувъ замыслы враговъ нашихъ, спасти наши арміи отъ пораженій, послѣдствія которыхъ могли бы быть неисчислимы. Хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что побѣдой при Кульмѣ Европа въ особенности обязана Ермолову, но многочисленныя и сильныя враги его силлись и силятся доказать противное; по мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ героемъ дѣла былъ графъ Остерманъ, по мнѣнію другихъ—принцъ Евгенийъ Виртембергскій, по мнѣнію Барклая, весьма не благоволившаго къ Ермолову, квартирмейстерскій офицеръ Діестъ, мужеству и совѣтамъ котораго наша гвардія была будто бы обязана своею блестящею побѣдой. Такое разнорѣчіе во мнѣніяхъ относительно одного изъ важнѣйшихъ событій войны 1813 года пристокаетъ,

* Къ этому времени относится слѣдующее письмо Фиглера къ А. П. Ермолову:

Милостивый государь,

Алексѣй Петровичъ!

Прискорбно мнѣ, что я не могу, по причинѣ болѣзни, имѣть счастье быть у вашего превосходительства и при отъѣздѣ своемъ изъ арміи приять вашего благословенія. Вы бы лучше на лицѣ моемъ усмотрѣли, что я къ вамъ чувствую, нежели изъ письма, ибо тутъ я ничего не пишу, а буду дожидаться случая доказать вамъ, что я по гробъ свой буду почитать и любить васъ.

Вашъ благодарный и чувствительный

А. Фиглеръ.

Іюля, 1813.

Г. Фридрихъ.

Р. С. Подателя письма сего просилъ я собрать съ должниковъ моихъ деньги, ибо я нахожусь въ великой крайности; сего ради прошу ваше превосходительство сдѣлать ему по сему предмету полную довѣренность.

Письмо это писано Фиглеромъ не за долго предъ смертию.

во первыхъ, изъ весьма естественнаго желанія иностранныхъ писателей выставить принца Виртембергскаго главнымъ героемъ подвига, въ коемъ этотъ мужественный и достойный генералъ принималъ дѣятельное участіе, а во вторыхъ, изъ недоброжелательства многихъ нашихъ соотечественниковъ къ Ермолову, блестяція достоинства котораго возбуждали въ нихъ лишь чувство зависти. Цѣна высоко заслуги графа Остермана и принца Виртембергскаго во всю эпоху наполеоновскихъ войнъ и въ Кульмскомъ сраженіи въ особенности, я, основываясь на свидѣтельствѣ всѣхъ непристрастныхъ очевидцевъ и участниковъ этого боя, и не опасаясь возраженій, положительно признаю Ермолова главнымъ виновникомъ побѣды, стяжавшей русской гвардіи столь оправедливую признательность и удивленіе Европы. Не входя въ подробности описаніе этого сраженія, я упоминаю лишь о нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ подробностяхъ, изъ которыхъ читатели мои ясно усмотрятъ, кому принадлежитъ главная честь одержанной побѣды. Во время сѣдованія изъ Богеміи въ Саксонію русской гвардіи, кою временно командовалъ Ермоловъ, вмѣсто заболѣвшаго Лаврова, 2-я дивизія была впереди, а 1-я, при которой находилась самъ Алексѣй Петровичъ, остановилась въ Довѣ; графъ Остерманъ, имѣвшій пребываніе въ Пирнѣ, получилъ изъ главной квартиры съ офицеромъ Новосильцовымъ предписаніе, на основаніи котораго ему надлежало со вторымъ корпусомъ и русскою гвардіей двинуться на Максень. Мужественный и хладнокровный графъ Остерманъ никогда не отличался большими умственными способностями; совѣтъ, поданный имъ въ 1812 г. въ Филяхъ о необходимости оставить Москву безъ боя, былъ причиною того, что онъ нѣсколько разъ сходилъ съ ума; ему казалось, что армія почитаетъ его послѣ того первѣйшимъ трусомъ. Но, къ счастью, здѣсь душою всѣхъ дѣйствій вновь является Ермоловъ, соединяющій въ себѣ рѣдкую провидательность и энергію съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Получивъ вышесказанное предписаніе, Остерманъ посѣщилъ извѣстить о томъ Ермолова чрезъ того же Новосильцова, бывшаго въ приятельскихъ сношеніяхъ съ благороднымъ П. Н. Ермоловымъ, состоявшимъ въ то время въ должности адъютанта при двоюродномъ братѣ своемъ Алексѣй Петровичѣ. Хотя

въ предписаніи не было положительно упомянуто объ отступленіи союзниковъ отъ Дрездена въ Богемію, но онымъ извѣщали Остермана, что они отходятъ отъ этой столицы съ намѣреніемъ расположиться на окрестныхъ высотахъ; въ случаѣ атаки Наполеона на ихъ правый флангъ (чего они напрасно ожидали отъ столь прозорливаго полководца), они, какъ было сказано, не замедлятъ, перейдя тотчасъ въ наступленіе, опрокинуть его въ Эльбу. Новосильцовъ объявилъ конфиденціально П. Н. Ермолову, что ему положительно извѣстно, что вся союзная армія въ полномъ отступленіи на Богемію. Сѣхавшись съ Остерманомъ среди дороги между Доной и Парою, и объявивъ ему о истинномъ движеніи союзниковъ, поспѣшно отступающихъ въ Богемію, Ермоловъ настоятельно требовалъ немедленнаго движенія всего отряда на Петерсвальде. Какъ бы предчувствуя, что гвардіи придется отступать въ Богемію, Ермоловъ послалъ заблаговременно адъютанта своего Фомъ-Визина и состоявшаго при немъ лейбъ-гусара Мамоева для осмотра дорогъ; эти офицеры донесли ему, что дорога отъ Кричица на Кенигштейнъ крайне неудобна, во первыхъ, по причинѣ пересѣченной мѣстности, а во вторыхъ, потому что близкое соседство съ неприступною Кенигштейнскою крѣпостью могло быть для насъ весьма опасно. Ермоловъ, основательно изучившій классическія страны: Саксонію и Богемію, и имѣвшій при себѣ всегда карту Бакембергера, объявилъ по ней Остерману всю необходимость движенія на Петерсвальде. „Прибывъ лишь наканунѣ изъ Гигсгюбеля, гдѣ я обѣдалъ у Цесаревича, а еще „короче ознакомился съ этою мѣстностью, которую ужъ хорошо знаю изъ походовъ великаго Фридриха. Если вы „правитесь на Максень, продолжалъ онъ, то весь отрядъ „нашъ будетъ неминуемо окруженъ непріятелемъ, и не изъ „бѣгаетъ совершеннаго пораженія; въ доказательство того я „предлагаю отправить по этому пути обозъ съ инструмен- „тами, который васъ такъ много затрудняетъ, и я вамъ ручаюсь, что вы его болѣе не увидите *.“

* Въ моихъ отчетахъ, со словъ А. П. записано: Остерманъ хотѣлъ идти на... Ермоловъ, основываясь на картѣ.. убѣдилъ его оставить это намѣреніе, которое погубило бы насъ, и, вообще, безъ Кульмскаго сраженія, даю бы другой видъ войнѣ. „Пошлите для пробы вотъ этотъ

Въ самомъ дѣлѣ этотъ обозъ и денежный ящикъ лейбъ-гвардіи Фимлянскаго полка, двинушіеся на Максезъ, отдѣлились добычею Французовъ; во время этого совѣщанія, на которомъ не присутствовалъ принцъ Виртембергскій, рѣшено было слѣдовать на Петерсвальде. Храбрыя войска наши, предводимыя Ермоловымъ и принцемъ Виртембергскимъ, опрокинули непріятеля у Кричвица, Котты и Кельберга; безстрашные лейбъ-егери, коими командовалъ достойный Карлъ Ивановичъ Бистромъ, выбили по приказанію Ермолова Французовъ съ высотъ близъ Цегаста. Кавалерія наша, предводимая принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, нынѣ королемъ Бельгійцевъ, Кноррингомъ и другими неустрашимыми генералами, совершила блестящія атаки на французскую пѣхоту, которая была ею опрокинута и вогнама въ дѣсь. Принцъ Леопольдъ, командовавшій кирасирскимъ ея величества полкомъ и называвшій одного Ермолова *mon commandant*, получалъ за этотъ подвигъ, по ходатайству Алексѣя Петровича, знаки Св. Георгія 3-го класса; послѣ этого ряда славныхъ дѣлъ отрядъ двинулся къ Гигсгюбелю. Когда храбрый Кноррингъ, особенно отличившійся въ послѣдствіи, прибылъ къ Остерману съ доносеніемъ объ одержанныхъ успѣхахъ, Ермоловъ, приказавъ ему въ присутствіи графа тотчасъ возвратиться къ своимъ войскамъ, сказалъ: „вы сперва додѣлаете, а потомъ уже пріѣзжайте докладывать.“ Такъ какъ петерсвальдскій путь былъ въ двухъ мѣстахъ перерѣзанъ Французами у Гигсгюбеля и Геллендорфа, то Остерманъ, вида, что весь отрядъ, имѣвшій при себѣ до 30 легкихъ орудій, значительно растянулся по извилистой дорогѣ, начиналъ уже раскаиваться въ томъ, что послѣдовалъ совѣту Ермолова. Приказавъ войскамъ идти тѣше и запретивъ имъ заряжать ружья, Ермоловъ сказалъ графу: „*je vous reponds, Mr. le comte, que „nous passerons facilement par là; я беру на себя предъ его „величествомъ всю отвѣтственность за все то, что можетъ „прикалчаться съ гвардіей.“ Широкоплечіе и усатые ветераны преображенскіе выбили Французовъ изъ гигсгюбельской позиціи, а неустрашимые Семеновцы штыками*

пелужный для насъ обозъ, оказалъ оны Остерману, и вы увидите, что оны придетъ не прежде.“ Тотъ согласился. Въ началѣ сраженія Остерману оторвало левую ногу и ово было ведено однимъ Ермоловымъ.

продолжили себѣ дорогу у Геллендорфа; сюда почти перпендикулярно къ петерсвальдской дорогѣ сходитъ другая, идущая черезъ селеніе Магербахъ на Кенигштейнъ по ущелью, образуемому рѣчкою Баръ; по этой дорогѣ могла даже удобно слѣдовать неприятельская тяжелая артиллерія. Оцѣнивъ всю важность этого пункта, занятіе котораго Французами могло имѣть для насъ самая гибельная послѣдствія, Ермоловъ, съ свойственными ему рѣшительностію и провицательностію, остановивъ слѣдовавшую къ Петерсвальде гвардейскую артиллерійскую роту Ладыгина, и лично расположивъ пушки этой роты на важнѣйшихъ пунктахъ, приказалъ тотчасъ открыть изъ нихъ огонь. Неприятель, двигавшійся по ущелью съ тяжелою артиллеріей, приведенный въ замѣшательство этимъ неожиданнымъ огнемъ, остановился. Французы, введенные въ заблужденіе фальшивыми донесеніями лазутчиковъ насчетъ численности нашихъ войскъ, еще болѣе убѣдились послѣ того, что мы ихъ значительно превосходимъ въ пѣхотѣ и артиллеріи. Такъ какъ надеяло, спустившись съ горъ, занять позицію у выхода ихъ, то Ермоловъ приказалъ оберъ-квартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру расположить отрядковъ и пѣхоту въ садахъ и виноградникахъ, находившихся на холлендорфскихъ высотахъ, и удерживать ихъ по возможности долѣе, дабы дать остальнымъ войскамъ время и возможность избрать позицію и удобно расположиться на ней. Но такъ какъ это приказаніе не было приведено въ исполненіе, а, напротивъ, Французы, овладѣвъ высотами и расположивъ на ней свою артиллерію, открыли сильный огонь по отступавшимъ войскамъ, то Ермоловъ сказалъ Гейеру въ присутствіи Остермана: „благодарите Бога, что я нѣсколько моложе графа, а то бы я васъ разстрѣлялъ здѣсь на мѣстѣ“. Остерманъ, будучи раненъ въ 10-мъ часу утра 17-го августа, сдалъ начальство надъ всѣми войсками Ермолову, принявшему на свой щитъ всѣ удары превосходнаго въ числѣ неприятеля. Когда прибылъ съ кавалеріей князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Ермоловъ поспѣшилъ явиться къ нему, но этотъ отличнѣе благородный человекъ сказалъ ему: „побѣда за вами, довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавалерія, я охотно и немедленно вышлю ее, по первому вашему

„требованію.“ * Къ вечеру прибылъ корпусъ Раевского; Ермоловъ, которому удалось уже отстоять поле сраженія, просилъ его не высылать къ нему на помощь никакихъ войскъ. Такимъ образомъ, слава этого блистательнаго подвига, имѣвшаго столь огромное значеніе на войну, есть исключительно достояніе гвардіи и ея предводителя. Императоръ Александръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію.“ ** Реляція объ этомъ сраженіи была написана самимъ Ермоловымъ; относя весь успѣхъ дѣла непоколебимому мужеству войскъ и распоряженіямъ графа Остермана, онъ почти умолчалъ о себѣ. Остерманъ, прочитавъ ее, не взирая на жестокія страданія, написалъ весьма неразборчиво слѣдующую записку, которая хранится у генерала Ермолова:

„Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, находя лишь только, что вы мало упоминали о генералѣ Ермоловѣ, которому я всю истинную справедливость отдавать привыченъ; впрочемъ

съ должнымъ имѣю честь быть...“ ***

„Когда флигель-адъютантъ князь Голицынъ привезъ графу Остерману знаки Св. Георгія 2-го класса, этотъ муже-

* Въ моихъ отиѣткахъ записано: подъ конецъ сраженія подошелъ князь Д. В. Голицынъ, и, какъ старшій, долженъ былъ принять команду, но благородно отъ нея отказался. „Вы уже рѣшили дѣло, сказалъ онъ Ермолову, я не хочу похищать вашего вѣнца, а если вамъ нужны мои войска, вы можете распоряжаться ими.“

** У меня слова эти приписаны великому князю Константину Павловичу. Сраженіе Кульмское рѣшило судьбу кампаніи и погубило Наполеона. Государь былъ въ восторгѣ. На иѣтъ битвы онъ надѣялся на побѣдителя ордена Св. Александра Невскаго, а великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ: „Ермоловъ укрѣпилъ за собою гвардію“. До Кульмскаго сраженія Ермоловъ имѣлъ гвардію только ad interim. Государь былъ на него даже въ неудовольствіи и вотъ по какому случаю (не по люцернскому ли? см. выше). Послѣ онъ далъ ему бригаду, къ которой въ досадѣ Ермоловъ не хотѣлъ являться... во время Бауценскаго сраженія... Тогда государь далъ ему аррьергардъ.

*** Въ одно изъ моихъ путешествій, кажется въ 1846 г., мнѣ случилось встрѣтиться въ Парижѣ съ женевицкимъ священникомъ Каченовскимъ, который передалъ мнѣ, что старикъ Остерманъ, жившій тогда въ Женевѣ, желалъ ему непремѣнно достать портретъ Ермолова. Я тогда же передалъ это желаніе Алексѣю Петровичу, и оно доставило ему большое удовольствіе.

ственный генералъ сказалъ ему: „этотъ орденъ долженъ бы принадлежать не мнѣ, а Ермолову, который принималъ важное участіе въ битвѣ и окончилъ ее съ такою славой.“ *

„Прибывъ въ 7-мъ часу пополудни къ Кульму въ первый день знаменитой битвы, главнокомандующій Барклай приказалъ собрать военную думу для награжденія отличившихся. Имѣя въ особенноти въ виду дать георгіевскій крестъ покровительствуемому имъ офицеру квартирмейстерской части Діесту, называемому Ермоловымъ деистомъ, онъ далъ предписаніе, въ коемъ этотъ офицеръ былъ выставленъ какъ руководитель и наставникъ графа Остермана во время боя. Одинъ изъ старшихъ членовъ думы Ермоловъ вошелъ по этому случаю къ ближайшему своему начальнику Милорадовичу съ рапортомъ, въ коемъ, заступившись за честь графа Остермана, онъ опровергъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ показанія Барклаа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ ему мнѣнія членовъ думы, весьма неблагопріятныя для Діеста. Милорадовичъ, имѣя въ виду сдѣлать удовольствіе Барклаю, затерялъ съ намѣреніемъ этотъ рапортъ; увидавъ Ермолова и объявивъ ему эту утрату, онъ приказалъ войти съ новымъ рапортомъ, прося измѣнить содержаніе и смягчить выраженія. Ермоловъ представилъ ему новый рапортъ, который былъ лишь копіей перваго. Узнавъ о томъ, Барклай сдѣлалъ строгое замѣчаніе Милорадовичу за допущеніе Ермолова входить съ подобными рапортами; онъ при этомъ повторилъ свое требованіе относительно Діеста, подтвердилъ еще разъ, что подвиги этого офицера съ самаго начала битвы и отаичные совѣты, данныя имъ графу Остерману, будто бы значительно содѣйствовали къ отраженію непріятеля. Ермоловъ нашелся вынужденнымъ войти къ Милорадовичу съ новымъ рапортомъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „Мнѣ извѣстно, что на основаніи законовъ, ни одному главнокомандующему не предоставлено права наклонять по своему желанію рѣшеніе „военной думы; это тѣмъ болѣе удивительно, что главнокомандующій, описывая подробно подвиги, совершенные

* Однажды, среди разговора, Алексѣй Петровичъ начертилъ мнѣ карандашомъ на попавшейся подъ руки желтой четверткѣ плакъ Кульмскаго сраженія. Эта четвертка съ прочими моими автографами поступила въ Петербургскую бібліотеку.

„будто бы Діестомъ съ самаго начала битвы, прибылъ самъ на поле сраженія лишь въ 7-мъ часу пополудни. Мнѣ, какъ главному начальнику сражавшихся войскъ, и прочимъ подкомандуемымъ генераламъ, совершенно неизвѣстны подвиги, оказанные Діестомъ, который, честь имѣю довести, ни когда не подавалъ никакого совѣта графу Остерману, запечатлѣвшему кровью своею славную свою побѣду подъ Кульмомъ.“ Въслѣдствіе этого рапорта Діестъ не получилъ за это сраженіе знаковъ Св. Георгія 4-го класса, которые были ему позднѣе пожалованы государемъ по ходатайству Барклая. Послѣ Кульмскаго сраженія великій князь Константинъ Павловичъ, услыхавъ, что повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояніе, предложилъ ему свой новый, шитый золотомъ, генеральскій мундиръ: „Я тебя хорошо знаю“, сказалъ ему его высочество, „ты не станешь просить вспомошествованія, хотя ты на то имѣешь полное право, тѣмъ болѣе что многія лица, ничего не потерявшія, выхлопотали себѣ денежное вознагражденіе; я теперь безъ денегъ и не могу предложить тебѣ ихъ, но возьми въ знакъ дружбы мой мундиръ“. Ермоловъ, поблагодаривъ великаго князя за его вниманіе, не принялъ предлагаемаго мундира.

„Реляція генерала Ермолова о Кульмской битвѣ помѣщена въ запискахъ графа Толя.

„Подробности о Кульмскомъ сраженіи были мнѣ переданы графомъ Остерманомъ, Милорадовичемъ, К. И. Бистромомъ, флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, Ладыганымъ и подполковникомъ Бистромомъ. Этотъ послѣдній, будучи сильно раненъ, едва не истекъ кровью; слабость его была причиною того, что онъ, послѣ рюмки вина, которую ему дали для подкрѣпленія силъ, совершенно опьянѣлъ. Императоръ Александръ, подѣзжавъ къ нему, замѣтилъ это: къ счастью, Ермоловъ, находившійся вблизи, оправдалъ Бистрома въ глазахъ государя.....

„Ермоловъ пользовался во все время особымъ расположеніемъ князя Шварценберга, рекомендовавшаго его императору и императрицѣ австрійскимъ. Слѣдуя въ 1814 году въ городъ Мо по мосту черезъ Сену, Ермоловъ не хотѣлъ пропустить впередъ гвардіи обоза генералиссимуса, сопровождаемаго однимъ изъ его адъютантовъ. Такъ какъ сей послѣдній сталъ надменно и дерзко настаивать въ своемъ намѣреніи, Ермоловъ, въ присутствіи почтеннаго и отлучно

способнаго И. В. Сабанѣва, объявилъ ему, что онъ его не пропуститъ; онъ грозилъ даже сбросить его въ воду. Эта рѣшительность Ермолова заставила адъютанта уступить, Шварценбергъ, узнавъ вскорѣ послѣ того объ этомъ обстоятельстве и увидавъ Ермолова, сказалъ ему: „J'ai appris, général, les impertinences faites par un de mes aides-de-camp en votre présence, aussijе viens de le renvoyer de chez moi à l'armée.“ Проходя съ гвардіей мимо памятника великаго Тюреня, находящагося близъ Засбаха въ Баденскомъ герцогствѣ, Ермоловъ, не взирая на то что мы въ то время были въ войнѣ съ Французами, рѣшился огдать честь памяти этого полководца; напомнивъ въ приказѣ, что права великихъ людей на уваженіе народовъ вездѣ равны, онъ приказалъ войскамъ слѣдовать мимо памятника въ полной парадной формѣ и съ музыкой. Прибывъ въ 1814 году къ городу Баръ-Сюръ-Объ, въ которомъ проживалъ Удино у престарѣлаго отца своего, Ермоловъ, знавшій, сколь много этотъ маршалъ обладалъ плѣннаго его адъютанта фонъ-Визина, рѣшился оказать ему съ своей стороны вниманіе; къ его квартирѣ былъ приставленъ почетный караулъ, что весьма тронуло Удино, отклонившаго, однако, отъ себя эту честь. Во время сраженія подъ Парижемъ, Ермоловъ, увидавъ, что солдаты дивизіи генерала Пышницкаго, коему онъ былъ нѣкогда, въ войну 1794 года, поручень, нагибаются послѣ каждаго пушечнаго выстрѣла, воодушевилъ ихъ слѣдующими словами: „стыдно, ребята, вамъ кланяться, вѣдь вы ядра рѣже видите чѣмъ сухари“. Хотя всѣ Пруссаки, поздравляя Ермолова съ успѣхомъ, говорили ему, что „сегодня вашъ Красный Орелъ почернѣетъ“; но прусскій король, оставшись недовольнымъ потерей, помесенною прусскою гвардіей, которую Ермоловъ, по его собственному выраженію, вывелъ въ расходъ, не пожаловалъ ему этого ордена.“

Манифестъ о занятіи Парижа писалъ Ермоловъ, за отсутствіемъ Шинкова, уѣхавшаго въ Прагу.

Барклаевъ приказъ къ арміи, очень неловкій, съ порицаніями Французовъ, не понравился государю. Константинъ Павловичъ указалъ на Ермолова. Ермоловъ заимствовалъ кое-что изъ Тита Ливія, и въ проектѣ приказа въ первый разъ употребилъ слово „товарищи!“ Была также

фраза: „я знаю каждаго изъ васъ; по крайней мѣрѣ мѣсто, ознаменованное его подвигами.“ Ермоловъ прочелъ государю, потомъ въ другой разъ, и тотъ подписалъ.

Въ Парижѣ государь былъ недоволенъ смотромъ и велѣлъ посадить трехъ полковниковъ подъ арестъ. Ермоловъ заступился и настаивалъ на своемъ. „Позвольте напомянуть вашему величеству, что караулъ у васъ иностранный“. Государь не убѣдился, но Ермоловъ не исполнилъ приказанія и спокойно отправился въ театръ. Тамъ нашелъ его поздно вечеромъ полковникъ Чебышевъ, посланный княземъ Волховскимъ отыскать Ермолова, гдѣ бы онъ ни былъ. Надо было повиноваться.

На другой день Ермоловъ имѣлъ горячій разговоръ объ арестованныхъ полковникахъ съ великимъ княземъ, Николаемъ Павловичемъ....

„Послѣ взятія Парижа въ 1814 году, продолжаетъ Давыдовъ, командиръ прусской гвардейской пѣхотной бригады генералъ *Альвенслебенъ*, бывшій свидѣтелемъ мужества и искусства одного русскаго артиллерійскаго офицера, принадлежавшаго къ гренадерскому корпусу генерала Раевского, близъ деревни Rautin, ходатайствовалъ чрезъ Ермолова о его награжденіи. Этотъ благородный Прусакъ оканчиваетъ письмо свое, писанное по этому поводу Ермолову, слѣдующими словами: „Es ist mir leid seinen Namen nicht angeben zu können; Euer Excelenz bekannte gütige Fürsorge—das verborgene Verdienst zu heben, wird aber diesen Offizier bald erkennen lassen.“ (Мнѣ жаль, что я не могу сказать имени этого офицера, но известная заботливость вашего превосходительства возвышать скрытыя заслуги ручается за то, что имя этого офицера будетъ скоро известно). Этотъ офицеръ, имя котораго я забылъ, было отысканъ и награжденъ.“

Во время Вѣнскаго конгресса Ермолову поручена обсервационная армія на австрійской границѣ.

Въ Парижѣ государь говорилъ Алексѣю Петровичу, что въ скоромъ времени пошлетъ его въ Прагу, но до времени приказалъ молчать о томъ.

Наконецъ, наканунѣ своего отъѣзда въ Англію, въ ночь, онъ призвалъ его къ себѣ и далъ формальное словесное приказаніе. Оно было весьма поспѣшное, потому что дѣла

были такого рода. За дальнѣйшими соображеніями государь велѣлъ ему явиться къ графу Аракчееву. На другой день Алексѣй Петровичъ является къ графу. Инструкція получена. Алексѣй Петровичъ спросилъ насчетъ прогонныхъ денегъ. Но графъ Аракчеевъ не получалъ отъ государя никакихъ распоряженій насчетъ дорожныхъ расходовъ. Таково было положеніе Алексѣя Петровича. Скорый и поспѣшный отъѣздъ, невозможность видѣть государя, потому что онъ былъ уже въ дорогѣ,—вотъ были тогдашнія его обстоятельства; онъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ, одному своему жалованью. Между тѣмъ какъ другія подобныя лица, отправляемые съ различными порученіями, сверхъ прогонныхъ, получали еще огромныя суммы на непредвидѣнные расходы, Алексѣй Петровичъ (тогда генералъ-лейтенантъ) не имѣлъ и необходимаго. Но графъ Аракчеевъ нашелъ средство помочь горю. Онъ послалъ своего адъютанта, Клейнмихеля, къ банкиру, у котораго открытъ былъ счетъ нашимъ государемъ расходамъ во время пребыванія въ Парижѣ, и занялъ на имя государя необходимую сумму. (С.)

„Командуя въ 1815 году, говоритъ Давыдовъ, авангарднымъ корпусомъ въ Краковѣ, Ермоловъ получилъ двѣ диспозиціи Барклая и князя Шварценберга для движенія войскъ къ предѣламъ Франціи, куда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы. Такъ какъ маршрутъ Барклая во многомъ различествовалъ отъ маршрута князя Шварценберга, Ермоловъ отправилъ въ Вѣну адъютанта своего Граббе, который явился къ нашему государю. На вопросъ его величества, какъ поступить въ этомъ случаѣ Алексѣй Петровичъ? Граббе отвѣчалъ: „онъ мнѣ приказалъ доложить вашему величеству, что это его нисколько не затруднитъ, но онъ будетъ лишь сообразоваться съ обстоятельствами.“ Австрійцы, желавшіе задержать наши войска по возможности долѣе, требовали, чтобы во время марша они располагались не въ городахъ, но въ приготовленныхъ лагеряхъ, куда заблаговременно долженъ былъ быть свезенъ весь фуражъ и провіантъ. Ермоловъ грозно объявилъ австрійскому комиссару, фельдмаршалъ-лейтенанту Роткирху, что онъ съ 40.000 человекъ вездѣ найдетъ себѣ провіантъ и квартиры; онъ до того устрасилъ сего послѣдняго, что комиссаръ, согласившись на все, снабдилъ его

большимъ противъ положенія количествомъ подводъ. Такимъ образомъ нашъ авангардъ прибылъ къ берегамъ Рейна гораздо ранѣе прочихъ войскъ. * Войска графа Ланжерона и Раевского, находившагося въ то время въ отпуску, расположенныя близъ Галиціи, остались далеко назади по той лишь причинѣ, что графъ подчинился требованіямъ Австрійцевъ. Ермоловъ, слѣдуя чрезъ Германію къ Рейну, поручилъ адъютанту своему Штраудману благодарить отъ своего имени жителей городовъ, кои оказывали нашимъ войскамъ радушный приѣмъ. Въ этомъ году фельдмаршалъ Барклай, находившійся съ Ермоловымъ въ весьма холодныхъ отношеніяхъ, инспектировалъ близъ Гейдельберга завѣдываемый имъ 6-й корпусъ; во время осмотра Мариупольскаго гусарскаго полка, въ коемъ числился раненый въ 1812 году ротмистръ Горичъ, не получившій, не взирая на оказанныя имъ отличія, никакой награды, Ермоловъ, не предупредивъ Барклая, вызвалъ его изъ фронта и сказалъ ему: „благодарите фельдмаршала за жалуемый вамъ слѣдующій чинъ“. Барклай, не уважившій бы, быть-можетъ, въ другое время ходатайства Ермолова, намеренъ вынужденнымъ подтвердить это въ приказѣ. **

* Точно также записано въ моихъ отиѣткахъ.

** Около этого времени Аракчеевъ писалъ Ермолову.

„Милостивый государь мой,
„Алексѣй Петровичъ!

„Вы нѣкогда позволили мнѣ адресоваться къ вашему превосходительству съ моими препорученіями: нынѣ я онымъ хочу воспользоваться. Податель сего письма, гвардіи артиллерійской бригады прапорщикъ, князь Долгорукій (покойный генералъ-адъютантъ, князь Илья Андреевичъ), находящійся при мнѣ въ должности адъютанта, молодой и хорошо воспитанный человекъ и самый усердный къ службѣ офицеръ, пожелалъ быть въ дѣйствующей арміи; почему я рѣшился просить объ немъ никого больше, какъ только васъ, моего милостиваго государя, дабы вы сдѣлали мнѣ ваше одоженіе прилятіемъ его къ себѣ въ штатъ, съ употребленіемъ на службу государя императора, но собственно при вашемъ превосходительствѣ. Вы исполненіемъ сей моей просьбы обяжете того, который съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію всегда пребудетъ

„вашего превосходительства покорный слуга

„графъ Аракчеевъ.

„С.-Петербургъ.

„Іюля 23 дня 1815 года.“

„Графъ Аракчеевъ, бывшійся съ Ермоловымъ въ 1815 г. объ закладѣ о томъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ, сказалъ въ томъ же году въ Варшавѣ государю слѣдующія замѣчательныя слова * : „армія наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается въ хорошемъ военномъ министрѣ; я могу указать вашему величеству на двухъ генераловъ, кои могли бы въ особенности занять это мѣсто съ большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначенію перваго, имѣющаго большія связи и богатства, всегда любезнаго и пріятнаго въ обществѣ и не лишеннаго дѣятельности и тонкаго ума, возрадовались бы всѣ; но ваше величество вскорѣ усмотрѣли бы въ немъ недостатокъ энергии и бережливости, какія намъ въ настоящее время необходимы. Назначеніе Ермолова было бы для многихъ весьма непріятно, потому что онъ начнетъ съ того, что перегрызется со всѣми; но его дѣятельность, умъ, твердость характера, безкорыстіе и бережливость его бы вполнѣ въ послѣдствіи оправдали.“

Когда Ермоловъ возвратился въ Петербургъ, государь объявилъ ему назначеніе въ Грузію. „Я никакъ не думалъ бы, что такое назначеніе было для тебя пріятно, сказалъ онъ, но такимъ свидѣтелямъ, какъ графъ Алексѣй Андреевичъ и князь Петръ Михайловичъ, я долженъ повѣрять.“

Надо было повиноваться. Вѣроятно, графу Аракчееву не хотѣлось, чтобы при государѣ оставался человекъ, къ которому онъ сталъ сильно привыкать.

Дневникъ А. П. Ермолова. **

1815 г. апрѣля 4. Покинулъ Краковъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ. Краковъ для него безцвѣненъ воспоминаніями и для нѣкоторыхъ другихъ, адъютанта Граббе, генералъ-майора Полторацкаго.

* Этотъ разговоръ былъ передавъ знаменитымъ нашимъ гр. М. И. Платовымъ, въ присутствіи котораго онъ происходилъ. *Приж. Дав.*

Точно также записано въ моихъ отиѣткахъ.

** Мѣстами сокращаемый г-номъ С. Такія сокращаемыя мѣста поставлены въ скобкахъ.

5. Перешелъ границу.

(Австрійцы дурно доставляли провіантъ и проч. Многія войска должны были оставаться. Ермоловъ настаивалъ на противоположномъ и у Австрійцевъ, и у своего государя, и несмотря на 30 тысячъ войскъ, бывшихъ у него, онъ сдѣлалъ ускореннымъ маршемъ. С.)

20. Трудный переходъ черезъ гору Шенгенгетъ.

26. Прага. Начальникъ города фельдмаршалъ Коловратъ; пріѣхали фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и г.-а. Закревскій.

(Мая 5. Австрійскій генералъ баронъ Роткирхъ съ восхищеніемъ разстался съ Ермоловымъ, потому что Ермоловъ простосердечно разсуждалъ объ гофъ-кригсъ-ратѣ. С.)

(Ермоловъ австрійскимъ комиссарамъ давалъ похвальные листы и они были въ восторгѣ. С.)

Нюренбергъ. Ничего въ Германіи не видалъ еще я скучнѣе Нюренберга. Рѣдко два или три человѣка встрѣчаешь въ безконечныхъ его улицахъ; городъ кажется опустошеннымъ моровою язвой. Любопытенъ я былъ видѣть забавы жителей. Въ собраніяхъ ихъ не менѣе важности, какъ въ засѣданіяхъ инквизиціи; многихъ лица не веселѣе приговоренныхъ къ смерти. Я думалъ отдохнуть за городомъ, но окрестности несносныя, пески какъ въ степяхъ Ливійскихъ.

Ласковаго хозяина моего услужливый садовникъ умѣлъ сдѣлать полезное употребленіе: изъ задней двери сада являлись красавицы за цвѣтами, которыхъ конечно никогда не продавалъ онъ выгоды.

(У Ермолова новый начальникъ графъ Ланжеронъ. С.)

Князю Мадатову поютъ стихи, какъ побѣдителя, хотя еще мы не сдѣлали выстрѣла, и даже не знаемъ, какъ далеко непріятель по ту сторону Рейна.

(Юня 7. Въ Некеръ-Гемюнде. Ермоловъ видѣлся съ Государемъ, который осыпалъ его ласками. С.)

(8. Первый переходъ войскъ Ермолова черезъ Рейль, въ Мангеймъ. С.)

Гейдельбергъ. Возвратился генералъ-лейтенантъ Толь изъ арміи фельдмаршала Блюхера съ извѣстіемъ, что Наполеонъ атаквалъ его, не собравшагося въ полныхъ силахъ, пріобрѣлъ большіе надъ нимъ успѣхи, и разбивъ два его корпуса, ихъ пресѣдуетъ. Пруссаки потеряли боѣе 30 орудій.

Извѣстіе сіе произвело сильное дѣйствіе на Австрій-

цевъ, которые уже не спѣшили переходить Рейвъ, вѣроятно выжидая послѣдствій сраженія.—Прискакалъ баварскій фельдмаршалъ князь Вреде, прося подкрѣпить войска его, расположенныя за Рейвомъ. И меня даже осыпалъ онъ привѣтствіями, какъ перваго изъ Русскихъ, переходящаго за Рейвъ. Какихъ же выслушалъ я похвалъ!

(9. Пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ Веллингтона и Блюхера и совершенномъ разбитіи Наполеона. С.)

15. Франкфуртъ. Проходила гвардія короля прусскаго, которую онъ осматривалъ. Я командовалъ ею при взятіи въ прошедшемъ году Парижа. Офицеры и солдаты увидѣли меня съ удовольствіемъ. Каждый взводъ, прошедши короля, такъ громко меня привѣтствовалъ, что я долженъ былъ отойти далѣе, чтобы король не слышалъ того. Я не замѣчалъ въ немъ ко мнѣ благоволенія.

26. Получено извѣстіе о занятіи Парижа, Веллингтономъ и Блюхеромъ. Государь поспѣшно туда отправился. Радость о преодѣлѣніи гордаго непріятеля не менѣе сожалѣнія, что Русскіе не были участниками побѣды.

Юля 4. Намси. Я пріѣхалъ осмотрѣть присоединяющуюся къ корпусу 2-ю гренадерскую дивизію подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Паскевича.

Торжество о возвращеніи Лудовика XVIII въ Парижъ. Не примѣтно ни малѣйшей радости въ народѣ.

(8. Получено извѣстіе, что Наполеонъ предалъ себя англійскому правительству. Ермоловъ усмарилъ коменданта крѣпости Голе, не признававшаго Лудовика XVIII. С.)

20. Пріѣхалъ по почтѣ въ Парижъ. Остановился у Закревскаго. Квартира мнѣ назначена въ St.-Нопге.

Представлялся Государю. Приказано носить фракъ и въ немъ величкость моя была замѣчена.

28. Назначенъ парадъ, и дивизія проходила городъ. Состояніе войскъ превосходно! Три взвода сбились съ ноги отъ неправильности музыки, государь приказалъ арестовать 3 полковыхъ командировъ, и они посажены подъ иностранный караулъ. Я просилъ о прощеніи отличныхъ офицеровъ, мнѣ отвѣтствовано со гнѣвомъ. Я вспомнилъ объ иностранномъ караулѣ. Подтверждено о исполненіи повелѣнія.

(Августа 11. Государь хвалилъ Ермолову англійскія войска. Ермоловъ возражалъ. Государь разсердился. С.)

(16. Послѣ ученья англійской кавалеріи былъ обѣдъ. С.)

За обѣдомъ Государь, превознося ученье, обратилася ко мнѣ. Я представилъ, что превосходство конницы не опредѣляется кампаніей, продолжавшеюся двѣ недѣли, однимъ сраженіемъ и переходомъ отъ границъ Бельгіи. Я указалъ на одинъ изъ нашихъ драгунскихъ полковъ, въ которомъ много еще было людей и даже лошадей, которые провожали въ Китай посла графа Головкина. Въ прошломъ году изъ арміи генерала барона Бенингсена полкъ сей, возвратясь въ отечество, имѣлъ квартиры въ Малороссіи, гдѣ не болѣе пробывши четырехъ мѣсяцевъ, пришелъ сюда, и теперь находится близъ Парижа, ни мало не уступая въ исправности англійской кавалеріи. Я сослался на генералъ-адъютанта Винценгероде, у коего онъ состоялъ въ командѣ. Онъ не возразилъ противъ моего разсужденія, хотя въ понятіи его не было ничего совершеннѣе конницы австрійской, но онъ сомнѣвался, чтобы могла она вытерпѣть подобное испытаніе.

(На одномъ изъ обѣдовъ, на коихъ былъ Ермоловъ, многіе изъ офицеровъ, находившихся въ сраженіи при Ватерлоо, отбросивъ всякое хвастовство, даже не скрывая собственныхъ ошибокъ, разсуждали о семъ сраженіи, и легко видно было, что Веллингтонъ былъ въ затруднительномъ положеніи. С.)

Я осматривалъ все любопытное въ Парижѣ, посѣщалъ театры, почти неразлучно былъ съ Вельяминовымъ, начальникомъ штаба моего корпуса, офицеромъ рѣдкихъ достоинствъ, котораго называю я тескою. Подражая ему, я обходилъ по вечерамъ Италіянскій бульваръ, но не избѣжалъ искушеній въ Variétés. Встрѣтилась красавица въ тѣснотѣ. Забыты осторожности, и ты, любезный теска, долго будешь ждать меня изъ улицы Св. Амвросіа! Можетъ-быть, завтра новый случай Пикуну оказать искусство врачеванія. Не такъ я жилъ въ прошломъ году....

Было странное ученье нашего гренадерскаго полка имени короля прусскаго вмѣстѣ съ прусскимъ полкомъ имени императора. Команда на разныхъ языкахъ производила довольно несвязное дѣйствіе. Веллингтонъ былъ свидѣтелемъ и желаніе сдѣлать угодное государю вложило въ уста его непростительную лесть. Онъ даже старался казаться удивленнымъ!

20. Дивизія гренадеръ выступила. Я остался по приказанію государя, дабы осмотрѣть устройство англійской артиллеріи. Герцогъ Веллингтонъ далъ повелѣніе показать мнѣ двѣ батареи, и мой офицеръ допущенъ былъ снять чертежъ лафета и описать укладку зарядовъ.

(25. Государь догналъ всю русскую армію на возвратномъ пути въ Россію. С.)

26. Былъ маневръ или пріуготовленіе къ настоящему маневру. Государь былъ весьма доволенъ. Корпусные командиры приглашены къ обѣду.

28. Прибыли императоръ австрійскій, король прусскій, ихъ сыновья, фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, герцогъ Веллингтонъ, князь Вреде и множество иностранныхъ генераловъ и другихъ особъ.

29. Настоящій маневръ въ присутствіи государей. Армія около 150 тысячъ человекъ предстала въ удивительномъ блескѣ, въ одеждѣ по большей части новой, лошади были въ наилучшемъ состояніи. Не только иностранцевъ, но и самихъ насъ удивлялъ величественный и красивый видъ войскъ! Не для каждаго былъ онъ пріятнымъ зрѣлищемъ; многіе конечно вспомнили о ссѣдствѣ! Такія превосходныя войска и столько страшныя силы заслуживаютъ вниманіе, соединенныя вмѣстѣ, тогда какъ союзники, слабѣйшіе числомъ, разсыяны по большому пространству. Какого не успѣешь подписать трактата при такомъ числѣ negociаторовъ, и какой министръ не покажется краснорѣчивымъ!

Сентября 7. Метцъ. Переодѣвшись во фракъ, я ѣздилъ въ Метцъ, куда приглашенъ былъ полковникомъ Маріон, бывшимъ въ плѣну въ Россіи. Какъ близкій, я принятью молодую и любезную его женою и семействомъ. Входъ въ крѣпость запрещенъ иностранцамъ, для того чтобы не впускать Прусаковъ.

23. Франкфуртъ. Корпусъ мой проходилъ бригадами, изъ которыхъ каждую смотрѣла великая княгиня (Екатерина Павловна), и я почти каждый день приглашаемъ былъ обѣдать съ генералами. Она оказывала самое милостивое вниманіе. Я не видывалъ женщины болѣе очаровательной!

Октября 9. Веймаръ. Я былъ у великой княгини Маріи Павловны. Никто не отходитъ отъ нея безъ особеннаго

чувства почтенія и привязанности. Нельзя не удивляться безподобной сей женщиной, образцу добродѣтели, кротости и скромности.

21. Lieberose. Одинъ Саксонецъ справедливо оказалъ мнѣ, что отъ Парижа до Тоб. конечно нѣтъ такой гауской стороны.

Ноября. Познань. Здѣсь командованіе корпусомъ сдалъ я генераль-лейтенанту Паскевичу и отправился въ Россію.

Декабря. Вильно. Подъ глазами брата своего провелъ я часть молодости моей, началъ первую противъ непріятеля службу. Здѣсь проводилъ я нѣсколько пріятѣйшихъ лѣтъ моей жизни, и случились происшествія, которыхъ я никогда не забуду.

14. Смоленскъ. Я вѣхалъ со стороны города, наиболѣе потерпѣвшей отъ непріятеля. Такъ свѣжи опустошенія, какъ будто непріятель только что оставилъ городъ. На прекраснѣйшей нѣкогда площади поправлены только два дома. Сердце сжалось отъ горести, увидя ужасы разоренія. Повсемѣстная бѣдность отъземлетъ надежду, чтобы городъ когда-нибудь возвратится въ первобытное состояніе. Судьба въ сихъ развалинахъ назначала мнѣ пребываніе. Здѣсь квартира гренадерскаго корпуса.

20. По неспосной дорогѣ, испытывая ужасные морозы, доѣхалъ я до Ораа къ моимъ родителямъ.

Здѣсь, по долговременномъ отсутствіи, послѣ войны продолжительной и трудной, предался я совершенному бездѣйствію, которое у военныхъ людей нерѣдко замѣняетъ спокойствіе. Я имѣлъ нужду въ отдохновеніи, и уже началъ скучать службою, которая не представляла впереди никакихъ пріятныхъ занятій, особенно въ гренадерскомъ корпусѣ.

(Государь неоднократно звалъ Ермолова *захватить* въ С.-Петербургъ. С.)

1816. Апрѣля 22. Въ Смоленскѣ прочелъ въ газетахъ назначеніе мое въ Грузію.

(29?) 24. Петербургъ. Я представленъ Государю, который, объявивъ мнѣ о назначеніи въ Грузію, прибавилъ: „Я бы не повѣрилъ, что ты можешь желать сего назначенія, еслибы не предстаи свидѣтели графъ Аракчеевъ и князь Волконскій, ручавшіеся, что оно согласно съ твоими

намѣреніемъ.“ Государь былъ чрезвычайно милостивъ, предузналъ, что я пожелаю имѣть начальникомъ корпуснаго штаба служившаго со мною полковника Вельяминова (теску), и потому не приказалъ до того занимать этого мѣста.

Іюнь. Сообщено мнѣ назначеніе чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Персію и на достоинство сіе пріялъ я присягу въ иностранной коллегіи. Страннымъ я казался самому себѣ, и всего болѣе страшился я репрезентациі, которая необходима между азіатскими народами, особенно же у двора, который славился пышностію.

Составляется многочисленный для посольства штатъ, я представляю о совершенной переѣвѣ онаго, которая высочайше утверждена. Я отказался отъ положеннаго жалованья послу, и потому ежемѣсячно положена сумма на содержаніе посольства, которою буду я пользоваться равно какъ и каждый изъ чиновниковъ. Я не искалъ особенныхъ выгодъ.

По части гражданскаго управленія въ Грузіи я представилъ о необходимости распространенія власти. Разсуждаемо о томъ въ комитетъ министровъ. Мнѣ дѣлавы возраженія, я дѣлалъ ихъ съ своей стороны, и наконецъ въ пользу мою, кромѣ двухъ, всѣ голоса и даже могущественнаго графа Аракчеева. Государю представлено дѣло въ превратномъ видѣ и какъ будто о намѣреніи разрушить существующій порядокъ. Комитетъ получаетъ замѣчаніе, мнѣ предписано входить съ представленіями, когда обстоятельства потребуютъ какихъ-либо измѣненій. Легко замѣтилъ я досаду графа Аракчеева, что оспаривали его мнѣніе и даже могли имѣть успѣхи противъ него.

Я познакомился съ персидскимъ посломъ Мирзою-Абдуль-Гассанъ-ханомъ, человѣкомъ довольно хитрымъ, который, долго живши съ Англичанами и бывши въ Лондонѣ, къ чрезвычайной гибкости персидской присоединилъ вѣжливость европейскую. Онъ отправляется прежде меня съ полною увѣренностію, что мнѣ приказано стараться одѣлать шаху всевозможныя угожденія. Въ понятіи его угожденіе не что иное, какъ уступка провинцій.

Откланиваюсь императорской фамиліи; Государь приказалъ ожидать въ Москвѣ его прибытія. Милости его обращаютъ на меня вниманіе всего двора и я дѣлаюсь извѣстнымъ людямъ, которые едва подозрѣвали

бытіи. Ни одинъ не смѣетъ сказать, чтобы не зналъ меня давно и не съ лучшей стороны. Но вмѣстѣ съ успѣхами моими приобрѣтаю я и сильныхъ непріятелей.

Москва, 15 августа. Пріѣзжаетъ Государь въ первый разъ послѣ отечественной войны. Народъ встрѣчаетъ его съ восторгомъ, изъявляетъ привязанность къ нему въ высочайшей степени. Онъ не дѣлалъ шагу, не будучи окруженъ толпами. Мысль о немъ казалась единственнымъ занятіемъ каждаго. Забыто разрушеніе Москвы, забыты бѣдствія! Государь оказываетъ всѣмъ благоволеніе, каждому доступъ къ нему свободный. И моя незнакомая фигура является посреди окружающихъ его и между прочими обращаетъ на себя вниманіе.

16. Большой обѣдъ у государя. Казалось, посадили за оный всю галлерей дровностей. Государь разсуждалъ о происшествіяхъ войны. Вдругъ встаетъ со стула и пьетъ здоровье мое, какъ главнаго виновника побѣды при Кульмѣ, объясняетъ, какъ важны были слѣдствія сего сраженія. Всѣ, угождая ему, пьютъ мое здоровье, и весьма многіе не знаютъ, кто я. Я смѣшался, не зналъ ничего сказать и готовъ бы былъ лучше выдержать порядочную перестрѣлку. Это былъ день перваго сраженія при Кульмѣ.

26. День Бородинскаго сраженія. Парадъ войскъ. Я получаю позволеніе отправиться къ своему мѣсту.

Сентября 17. Ново-Черкасскъ. По каамыцкому порядку въ Донскомъ войскѣ я во многихъ мѣстахъ уложу пѣшкомъ отъ почтовыхъ лошадей. Узнаю, что для войсковаго атамана графа Платова выставлены отъ дворянства лошади, я отправляюсь самъ въ степь верхомъ на почтовой лошади, отгоняю табунъ и въ добычу достаю прекрасныхъ лошадей *. Казаки, бывшіе при табунѣ, поражены были удивленіемъ, видя хищника, украшеннаго разными знаками. Я поѣхалъ покойно до самаго Черкаска.

20. Пріѣзжаю на границу Кавказской губерніи. Ступилъ на землю, ввѣренную моему управленію. Не радуюсь встрѣченному на первомъ шагу порядку. Нахожу выставленные для меня конвои линейныхъ казаковъ, составленные по большей части изъ малолѣтнихъ, къ службѣ неспособ-

* Онъ тутъ поколотивъ урядника коломъ, но уѣзжал, давъ ему три червонца.

выхъ, ибо предвѣстникъ мой отпустилъ шесть донскихъ полковъ, служившихъ на линіи, и ихъ замѣнили старыми и малыми.

22. Георгіевскъ. Крѣпость для насъ смѣшная, для неприятелей нашихъ страшная! Я избѣгалъ обыкновенной встрѣчи, и отослалъ (?) ожидавшихъ меня и пріѣхалъ на перекладной перевозкѣ, вѣкъ не будучи узнавъ.

Первое сдѣланное мною распоряженіе состояло въ томъ, чтобы остановить шесть донскихъ полковъ, отправленныхъ на Донъ, и приказать имъ вступить на посты, которые занимали они прежде. Линейные казаки обращены въ свои дома.

Все было въ состояніи совершеннаго разрушенія!

Октября 5. Дарьялъ. Мѣсто ужасной наружности.

Кашаръ. Переѣзжая Крестовую гору, мы пили здоровье императора въ воспоминаніе вступленія въ Лейпцигъ послѣ пораженія французской арміи.

На Кавказѣ. Другая казалась земля, другое небо!

Тифлисъ. 10. Переправившись у селенія Мехешъ (черезъ Арагу, я поѣхалъ лѣвымъ берегомъ Куры, приказавъ дорожнымъ товарищамъ моимъ слѣдовать по обыкновенной дорогѣ. Я прибылъ предъ самымъ вечеромъ, и какъ ожидали меня съ другой стороны, то и избѣгалъ встрѣчи. Проводникомъ моимъ былъ мой адъютантъ князь Бебутовъ, уроженецъ тифлисскій. Никто не узналъ меня, принимая меня за посланнаго впередъ чиновника. Я тотчасъ явился у генерала отъ инфантеріи Ртищева. Добрый старикъ сей давно ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, ибо желалъ возвратиться въ Россію послѣ шести-лѣтяго пребыванія его на линіи и въ Грузіи.

Тутъ нашелъ я возвращающагося посла персидскаго, который нарочно отложилъ отъѣздъ свой, чтобъ видѣться со мною.

18. Генералъ Ртищевъ отправился въ Россію, и я вступилъ въ командованіе корпусомъ и Грузіей. Повидимому долговременное назначено мнѣ здѣсь пребываніе!

Получилъ курьера объ открывшейся чумѣ на кавказской линіи и что проходившіе пять донскихъ полковъ заразились. Полки оставлены въ двадцати семи верстахъ отъ Тифлиса. Конвой отъ сихъ полковъ сопровождалъ меня въ пути черезъ горы, и люди изъ онаго имѣли свободное

обращеніе въ городѣ, слѣдовательно предосторожности были уже невозможны. Съ робостію ожидалъ я послѣдствій, но мнѣ покровительствовало счастье.

Приготавливаясь къ отъезду въ Персію, зная желаніе и домогательство шаха персидскаго, чтобы возвращена была ему часть Карабахскаго ханства, я долженъ былъ осмотрѣть ту часть границъ, дабы удостовѣриться, можно ли безъ нарушенія прочности оныхъ сдѣлать какую-либо уступку, если не найду я другихъ средствъ сдѣлать шаху угожденіе въ пользу дружественныхъ связей, недавно утвержденныхъ, которыхъ сохраненіе поставлено мнѣ было главнѣйшею цѣлью и обязанностію.

Декабря 4. Зардобъ, селеніе Ширванскаго ханства. Г.—а. Мустафа, ханъ Ширванскій, дожидаясь моего пріѣзда. Я увидѣлъ челоуѣка полуидикаго, зная недоувѣрчивыя его свойства. Онъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ, и я посѣтилъ его. На другой день угощалъ меня безконечнымъ обѣдомъ.

Со мною были три генераль-майора, два адъютанта и двадцать казаковъ конвою. Мустафа-ханъ замѣтилъ мнѣ, сколько неосторожно имѣть такъ малую конвою. Онъ говорилъ: „Ко мнѣ пришли вы шесть челоуѣкъ, а конечно не предприиму ничево противъ васъ, но могу ли я быть увѣренъ, чтобы между окружающими меня не было людей дерзкихъ. Точно также предостерегалъ я покойнаго князя Циціанова, когда онъ проходилъ съ войсками къ крѣпости Баку. Мнѣ извѣстны были вѣроломныя свойства бакскаго хана. Здѣсь не должно быть доувѣрчивымъ.“ Я поблагодарилъ за пріязненный совѣтъ и мы продолжали обѣдать весьма покойно. Ему странною казалась наша безпечность.

7. Миншчауръ. Здѣсь встрѣтилъ меня г.—м. Измаиль, ханъ Шекинскій. Множество поступило уже жалобъ на жестокіе и безчелоуѣчныя его поступки съ подданными, на корыстолюбіе необузданное и тягостныя налоги разнаго рода. Толпы народа окружили меня, любопытствуя видѣть, какъ я приму хана, и не менѣе, вѣроятно, — какъ приму приготовленные подарки. Я отвергъ сіи послѣдніе, хану сказалъ я, что я внимательно буду наблюдать за его поведеніемъ, что, перемѣнивъ прежнее, онъ можетъ надѣяться на пріязненное расположеніе начальства. Поручилъ имѣть попеченіе о благосостояніи народа.

12. Тифлисъ. Между прочими занятіями по службѣ дѣлаются приготовленія къ отъѣзду въ Персію.

1817. Января. Вл. С. Мазаровичъ отправленъ въ Персію съ письмами къ Аббасу-Мирзѣ въ Таврисъ и въ Тегеранъ къ шаху. Умный и ловкій сей чиновникъ способенъ собрать всё нужныя свѣдѣнія къ моему пріѣзду.

Отправленъ курьеръ въ Константинополь къ посланнику нашему барону Строганову, дабы узнать, въ какихъ Порты къ намъ отношенія.

Февраля. Донесеніе государю о примѣченныхъ движеніяхъ, о заготовленіяхъ въ большомъ количествѣ продовольствія въ сосѣднихъ областяхъ Анатолиі. Я изложилъ мнѣніе, что, въ случаѣ непріязненныхъ намѣреній Порты, отсутствіе мое въ Персію можетъ быть вреднымъ. Думать надобно, что замѣчанія мои были не безъ основанія, ибо я получалъ изъ Петербурга бланкетъ кредитива къ шаху персидскому, и государю угодно было предоставить мнѣ усмотрѣніе, отправиться ли мнѣ самому или по избранію моему назначить посломъ одного изъ подчиненныхъ мнѣ генераловъ.

Мартъ. Отъ принца Аббаса-Мирзы приславъ чиновникъ узнать, когда я намѣреваюсь выѣхать и что по первому извѣщенію моему сдѣланы будутъ всё приготовленія.

Получивъ изъ Анатолиі извѣстія, которыя не давали причины къ большимъ беспокойствамъ, удостовѣривъ изъ сообщенія посланника барона Строганова, что Porta принимаетъ мѣры къ усмиренію одного изъ возмущившихся нашихъ, я рѣшился отправиться въ Персію.

Я послалъ къ Аббасу-Мирзѣ курьера съ извѣстіемъ о моемъ выѣздѣ. Къ сардарю эриванскому отправилъ а квартирмейстерской части поручика Бобарыкина, дабы сообщить ему о всѣхъ необходимыхъ приуготовленіяхъ для удобнѣйшаго слѣдованія посольства. *

О посольствѣ въ Персію Алексѣй Петровичъ велъ особый дневникъ, извѣстный по многимъ спискамъ. Мы выбираемъ здѣсь изъ этого дневника черты, наиболѣе

* Здѣсь оканчивается сокращеніе дневника Алексѣя Петровича Ермолова, сдѣланное г-мъ С. Увидимъ ли мы когда-нибудь этотъ драгоценный дневникъ сполна?

характеристическія. Варіанты приложены по списку, напечатанному въ *Чтеніяхъ*.

...Заключенный съ Персіею миръ въ исходѣ 1813 года положилъ конецъ продолжительной войнѣ, которая хотя и не была для Россіи опасною, могла однакоже во время вторженія непріятеля въ отечество наше и занятія Москвою имѣть худыя слѣдствія; паче сопровождаема будучи внутренними въ Грузіи безпокойствами. Счастливый оборотъ дѣлъ нашихъ, изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи, ужасное понесенное имъ пораженіе и войска наши, путемъ побѣдъ прошедшія до сердца Германіи, вразумили Персіанъ, что для спокойствія ихъ надлежало искать мира съ Россіею, отложивъ тщетную надежду пріобрѣсти его оружіемъ. Персія отреклась отъ правъ своихъ на покоренныя оружіемъ нашимъ и присоединенныя по трактатамъ провинціи; но отправивъ чрезвычайнаго посла въ Петербургъ, вознамѣрилась просьбами и убѣжденіями склонить великодушнаго государя императора на возвращеніе сихъ провинцій. Посолъ прибылъ въ отсутствіе государя, который, начальствуя арміями, находился внѣ предѣловъ Россіи, озачиненный успокоеніемъ Европы, которую воззвалъ отъ замѣшательства къ устройству, освободилъ отъ ига Наполеона и возвратилъ къ первобытнымъ властямъ и порядку. По прибытіи императора въ С.-Петербургъ, посолъ персидскій представилъ просьбу шаха, и получилъ въ отвѣтъ, что во взаимство дружбы отправлюсь я * воемомъ къ его величеству шаху, имѣя порученіе сообщить по сему предмету мысли императора, и сколько пріятно ему во всемъ соответствовать желанію шаха. Посолъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга, а вскорѣ послѣ него и я отправилась. Въ Грузіи пробылъ я нѣкоторое время, объѣхалъ нѣкоторыя мѣста границы на случай тотъ, елибы Персіане настоятельно требовали измѣненія оной; дабы знать, возможно ли безъ вреда допустить оное, а по сей причинѣ привужденъ былъ уездить отъѣздомъ моимъ въ Персію.

1816 года, апрѣля 17, сдѣлавъ заблаговременно все нужныя къ отъѣзду моему въ Персію распоряженія, отправилась я изъ Тифлиса....

* *Варіантъ по другому списку:* Въ доказательство искренней пріязни называюсь я....

Мая 1. Эчъмядзинъ, престоальный армянскій монастырь. За пять верстъ встрѣченъ я былъ пятью епископами верхомъ, кои, сойдя съ лошадей, поздравляли съ прїѣздомъ. Боле нежели за версту выѣхалъ самъ патріархъ. Я сошелъ съ лошади, и онъ также, сколько я его ни удерживалъ. У воротъ монастыря нашелъ я духовенство съ крестами и образами въ великолѣпнѣйшей одеждѣ, и съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ препровожденъ я былъ до назначеннаго въ монастырь дома. Я хотѣлъ идти прямо въ церковь, но съ намѣреніемъ не сдѣлалъ того, дабы не привести съ собою толпы встрѣчавшихъ меня Персіанъ, кои въ храмахъ нашихъ обыкновенно не оказываютъ никакого уваженія святынь. Тутъ же я узналъ, что множество приставлено шпионовъ, дабы наблюдать за патріархомъ и нашимъ поведеніемъ съ нимъ. Это первый опытъ недовѣрчивости къ намъ, которой Персіане скрыть не умѣли.

2. Эчъмядзинъ. Чиновники персидскіе настаивали, чтобы, не дѣлая роздыха, ѣхалъ я прямо въ Эривань, но я остался по причинѣ праздника Вознесенія. Отслушалъ обѣдню и молебень. Патріархъ говорилъ прекрасную рѣчь, въ которой призывалъ благословеніе Божіе на исполненіе возложенныхъ на меня государемъ императоромъ порученій, и всѣми нами замѣчено, что когда патріархъ упоминалъ о императорѣ, всегда тотчасъ за нимъ долженъ былъ громко прокричать имя шаха, дабы могли слышать Персіане, или иначе онъ подвергался взысканію, за избавленіе отъ коего Персіане берутъ всегда хорошія деньги *. Съ прискорбіемъ видѣлъ я, что чиновники персидскіе во время богослуженія требовали стулья и сидѣли, не взирая на то, что я не только не сѣлъ на предложенныя мнѣ кресла, ниже не сталъ на коверъ, нарочно для меня разоставанный. Замѣтить должно, что сіи самые чиновники не смѣютъ сидѣть при сердарѣ эриванскомъ, если онъ имъ не позволить **, что весьма бываетъ рѣдко и принимается за великую милость.

4. Эривань. Мнѣ показана квартира въ домѣ командира

* Подвергался большому взысканію.

** Они нѣсколько разъ заставляютъ повторить себѣ о томъ приглашеніе

батальйона регулярной пѣхоты. Пуншъ и ликеръ начали и утвердили знакомство, веселый мой хозяинъ пьязъ каждый день по нѣскольку разъ.

5. Эривань. Сардаръ по требованію моему сдѣлаалъ мнѣ посѣщеніе первый. Вскорѣ потомъ былъ я у него со всею свитой, были угощиваемы обѣдомъ и сластями. Насъ забавляли пѣніемъ, которому одинъ несомнѣннѣйшій крикъ уподобленъ быть-можетъ, и ужаснымъ коверканіемъ и кричаніемъ, которое Персіане (называютъ) пляскою. Они съ восторгомъ на то смотрятъ.

6. Я со свитой приглашенъ былъ въ садъ сардара. Такой же давъ былъ намъ обѣдъ. Такъ же мучили насъ пѣтры и плясуны. Съ нами была музыка посольства, которая весьма очень понравилась. Мы угощали сардара нашими конфектами и мороженымъ. Крѣпкіе ликеры и пуншевое мороженое были въ общемъ вкусъ. Изъ благопристойности мы то и другое назвали лѣкарственнымъ составомъ для желудка. Наименованіе лѣкарства наморщило персидскія рожи *; но пріятный вкусъ, а паче очаровательная сила, оживили ихъ веселіемъ, и въ честь закону твоему, великій пророкъ, не вырвался ни одинъ вздохъ раскаянія **.

До прибытія моего въ Эривань разнесся слухъ, что я въ свитѣ своей веду войска, и ужасъ былъ общій. Главному персидскому легковѣрью казалось возможнымъ, что везу съ собою ящики, въ которыхъ скрыты солдаты, долженствующіе овладѣть крѣпостію. Невидимые мои легіоны оставали 24 человека пѣхоты и только же казаковъ, а регулярная моя кавалерія заключалась въ одномъ драгунскомъ унтеръ-офицерѣ, который присматривалъ за единственною моею лошадейю. Вотъ все силы, приводившія въ трепетъ сардара, твердую подперу *** персидской монархіи. Гордость персидская и искусство притворствованія не могутъ скрыть страха, который напали Россіане.

* Лица.

** Главный докторъ сардара боате всѣхъ вкусилъ дѣлительнаго состава, а имъ ободренный сардаръ подалъ собою примѣръ прочимъ собесѣдникамъ. Долго на лицѣ одного изъ священнослужителей видны были слѣды невоздержанія, но дѣйствиємъ ликера смягчилось ожесточеніе мусульманина.

*** Приводившія въ трепетъ пограничныя провинціи персидской монархіи.

11 и 12. Городъ Нахичевань. Ханъ, управляющій небольшою сей областію, человекъ весьма веселый и отменно вѣжливый, лишился глазъ во время обладанія Персией влады Али *-Мехметъ-Хана, одного изъ родоначальниковъ нынѣ царствующей фамиліи. Его тронуло особенное уваженіе, оказанное мною къ несчастному его состоянію. Вырвалась горькая жалоба на жестокость тирана. Состояніе рабства не удаляетъ отъ человека чувствованія оскорбленія, и если судьбы опредѣленія строги и всегда, то благодѣтельная природа усаждаетъ горесть оскорбленія надеждою отпущенія. Но сей несчастный уже въ лѣтахъ клонящихся къ старости, лишенный зрѣнія, двадцати лѣтъ ** отаупенный отъ приверженныхъ къ нему подданныхъ ***, не можетъ и сею имѣть утѣшенія. Осторожное правительство удерживаетъ сына залогомъ вѣрности. Какія новыя чувствованія испытываетъ при подобной встрѣчѣ человекъ, живущій подъ краткимъ правленіемъ и наслаждающійся свободою! Здѣсь, между врагами свободы надобно научиться боготворить ее. Здѣсь съ ужасомъ видимъ власть царей, преступающую предѣлы **** въ отношеніи къ подданнымъ, съ сожалѣніемъ смотримъ на подданныхъ, не уважающихъ самихъ себя, не чувствующихъ достоинствъ человека. Благословляю отокрѣтъ участь любезнаго моего отечества, и ничто не изгладитъ въ сердцѣ моемъ того презрѣнія, которое почувствовалъ я къ правительству Персіи †.

13. Въ обѣихъ областяхъ, Нахичеванской и Эриванской, не сдѣлали мы шагу безъ сопровожденія войскъ, и весьма примѣтно было, что старались сколько возможно показать ихъ боаѣ, и, сколько умѣли, въ большемъ видѣ. Въ городахъ не осталось ремесленника, на котораго бы не давали

* Аги.

** Въ продолженіе 20 лѣтъ.

*** Подданныхъ.

**** Видимъ, что люди, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть, не познаноутъ предѣловъ ея въ отмош. и пр.

† Благословляю стокрѣтъ любезное отечество, я преисполнился презрѣніемъ къ персидскому правительству. Весьма удивлялись моему соболѣзнованію провожавшіе меня Персіане; эти рабы изъ подобострастія готовы почитать излаишествомъ самыя глаза.

ружья. Хватали проѣзжающихъ изъ окрестностей на торгъ поселянъ и вооружали, дабы вразумить насъ, какими страшными силами ограждаемы пограничныя Персїи области. (Строгое соблюденіе благопристойности не скрыло во мнѣ чувства презрѣнія, я смѣялся, но не столько то было смѣшно Персіянамъ *.)

19. Въ Тавриэтъ чрезъ пристава нашего посредствомъ обыкновеннаго разговора сообщено мнѣ было весьма важнѣмъ образомъ объ обычаяхъ и церемоніяхъ, употребляемыхъ при персидскомъ дворѣ: что въ комнату къ наследнику нельзя войти въ сапогахъ, но должно надѣть красные чулки, что одинъ я могу быть въ комнатѣ съ совѣтниками посольства, а прочіе чиновники должны стоять на дворѣ подъ окошками, и прочія нѣкоторыя другія глупыя ** предупреденія. Во время Наполеона, когда искалъ онъ дѣлать возможный вредъ Россіи, присланный отъ него въ Персїю генералъ Гарданъ, дабы вкрасться въ довѣренность Персіянъ, дѣлалъ всѣ имъ угожденія и ему послѣ краснаго компанка вольности не трудно было надѣвать красные чулки лести. Посланники англійскіе и всѣ теперь въ Персїи живущіе чиновники ихъ, быть-можетъ не съ тѣми видами какъ Французы, но всеконечно, съ намѣреніемъ тѣсною связію приобрѣсть выгоды торговли, также не дѣлаютъ затрудненій въ предложеніяхъ Персіянъ насчетъ этикета ***. Посланники къ шаху и наследнику ходятъ въ красныхъ чулкахъ, а офицеры и къ **** мурзѣ Бузіорку не смѣютъ войти иначе. Но какъ я не пріѣхалъ ни съ подлыми чувствами французскаго шпіона, ни съ корыстолюбивыми желаніями прикащика торговой націи, то † и не согласился на красные чулки и прочія условія. Итакъ Аббасъ-Мурза по долгомъ разсужденіи мудраго его совѣта рѣшился принять насъ не въ комнатѣ, но на дворѣ, не сидя на коврахъ своихъ, которыхъ не дерзалъ попить на одинъ сапогъ

* Мѣста, заключающагося въ скобкахъ, нѣтъ въ другомъ спискѣ.

** И многія довольно страшныя.

*** Чиновники и лица занимающіяся торговлей безпрекословно подчиняются существующему этикету.

**** Каймакану (им. мурзѣ Бузіорку).

† Такъ какъ я прибылъ не въ качествѣ Наполеонова шпіона, то....

или башмакъ, но стоя и просто на каменномъ помостѣ внутренняго двора у самыхъ окошекъ дворца, подъ портретомъ родителя своего.

На другой день я хотѣлъ ѣхать за городъ, но Аббасъ-Мирза прислалъ предложить мнѣ ѣхать послѣ обѣда съ нимъ вмѣстѣ, и что онъ покажетъ * мнѣ свою конницу....

.... Мы проѣхали мимо **, и онъ говорилъ мнѣ, что завести артиллерию научили его Русскіе. (Я хвалилъ намѣреніе и что онъ выбралъ хорошій образецъ для подражанія, ибо англійская (?) артиллерія известна своимъ устройствомъ и искусствомъ, а что если Русскіе причиною, что онъ завелъ оную, то онъ вразумилъ другихъ, сколько она необходима. Ибо) *** народъ самый не просвѣщенный Трухменцы, чувствуя ихъ пользу, просили у нихъ завести оную. Примѣтно было, что онъ съ большимъ любопытствомъ слушалъ разговоръ сей, и даже спросилъ, къ кому отнеслись съ своею просьбою. Я отвѣчалъ, что мнѣ о томъ объявили желаніе въ бытность мою съ Грузіи, но что не имѣвъ времени тѣмъ заниматься, передалъ я заступившему мое мѣсто начальнику ****. (Всѣ бывшіе со мною, будучи отъ меня о томъ предупреждены, смотрѣли, что произведетъ въ немъ сіе извѣстіе, и всѣ вообще замѣтили, что) онъ не могъ скрыть, сколько не равнодушно о томъ слышитъ, даже перемѣнилось лицо его, и онъ еще одѣлалъ нѣкоторые вопросы. (Трухменскій народъ имѣетъ вѣчную вражду съ Персіей.)

...Аббасъ Мирза пригласилъ насъ въ свой садъ, который онъ разводитъ съ недавняго времени. Мы прошли въ бесѣдку, гдѣ намѣренъ онъ былъ угощать насъ чаемъ; но какъ предложилъ онъ мнѣ, чтобы всѣ бывшіе чиновники вышли въ другую комнату, гдѣ для нихъ приготовлено угощеніе, и какъ я отвѣчалъ, что и самъ съ ними выйду, то онъ удержалъ насъ при себѣ, (но вмѣсто чаю далъ намъ немного шербету, и то погому что ему самому пить хотѣлось †.) Изъ саду мы поѣхали обратно въ городъ. Вер-

* И хотѣлъ показать.

** Олой (артиллерія)..

*** Вы. поставленнаго въ скобкахъ: „Я весьма одобрилъ это все и присокупилъ: Трухменцы“ и пр.

**** Заключающагося въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

† Тоже.

ховья лошади были за стѣною сада. Одна только лошадь Аббасъ-Мирзы была ему подведена. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ далъ знать ординарцу, и тотчасъ подлѣ лошади Мирзы явилась и моя лошадь, что Персіянамъ показалось страннымъ, но мы не менѣе выѣхали изъ сада вмѣстѣ. Нѣтъ случая, нѣтъ обстоятельства, въ которомъ бы Персіяне не почитали за нужное оказать гордость свою, и я воображаю удивленіе ихъ, когда въ возвратъ получаютъ они гордость гораздо бѣльшую, и сверхъ того и самое презрѣніе. Такимъ образомъ продолжалъ я поступать съ ними. Возвратясь въ городъ *, разстался мы у воротъ дворца, и я поѣхалъ домой. Поутру былъ у меня съ визитомъ визирь, сынъ каймакана, послѣ него меньшой сынъ, женившійся недавно на дочери шаха. Всѣ главнѣйшія особы посѣщали меня каждый съ чиновниками, ему подчиненными. Одни не были военные регулярныхъ войскъ, ибо не съ кѣмъ было прислать ихъ, кромѣ начальствующихъ ими Англичанъ, которые, какъ я полагаю, посовѣстились представлять мнѣ тѣхъ, которыхъ они въ глазахъ офицеровъ многихъ во фронтѣ били кулаками въ зубы. Сею полезною операціей Англичане Персіянамъ истолковываютъ правила чести, что сихъ послѣднихъ хотя и оскорбляетъ, но они въ свою очередь передаютъ подчиненнымъ и весьма тѣмъ довольны; одни нижніе чины остаются безъ удовлетворенія. Но судьба справедлива, можетъ и имъ представить благопріятный случай, и при первой перемѣнѣ въ правительствѣ могутъ англійскіе военные ростовщики ** расплатиться за кулачные удары....

.....

За день было до отъѣзда моего, Аббасъ-Мирза прислалъ пригласить меня ѣхать съ нимъ за городъ. Я отозвался, что какъ я завтра выѣзжаю, то нынѣшній день берегу глаза мои, въ которыхъ чувствую боль, и потому не могу имѣть удовольствія сего видѣть, а прошу позволенія прислать одного изъ чиновниковъ моихъ, который имѣетъ порученіе отъ меня принести наслѣднику благодарность за

*Въ которомъ бы Персіяне не желали выказать невыносимую гордость свою, и хотя въ возвратъ бывають награждаемы бѣльшимъ или меньшимъ презрѣніемъ, но перекоса его равнодушно, они остаются вѣрны при этомъ правилу. Въ городъ мы разстались...

** Экзерцимейстеры (им. воен. ростовщику.)

благосклонный и милостивый приемъ его и всѣ вѣжливости и вниманіе, которое онъ всѣмъ намъ оказывалъ. Прибавилъ я къ тому, что я, конечно, дождался бы облегченія моей болѣзни, чтобъ имѣть у него прощальную аудіенцію; но какъ я не былъ принятъ имъ приличнымъ образомъ, и встрѣтился съ нимъ на дворѣ, и за аудіенцію то не почитаю, то и не полагаю себя въ обязанности ему откланяться *; впрочемъ, какъ съ человѣкомъ любезнымъ и милымъ, съ которымъ мнѣ пріятно было сдѣлать знакомство, желалъ бы я еще гдѣ-нибудь встрѣтиться, еслибы болѣзнь мнѣ не препятствовала. Сей неожиданный отвѣтъ на предложеніе тронулъ каймакана и за нимъ послѣдовало продолжительное объясненіе, въ которомъ старался онъ увѣрить, что приемъ былъ на дворѣ самымъ величайшимъ доказательствомъ уваженія, которое до того времени никому оказываемо не было; но что всѣ прежніе послы надѣвали красные чулки, если хотѣли быть приняты въ комнатахъ. Я приказалъ сказать ему, что въ сравненіе съ прочими идти не могу, ибо я не пріѣхалъ за собственными выгодами, и что они должны разумѣть,** что я посолъ державы сильнѣйшей въ мірѣ и имъ содѣлственной, которой дружественное расположеніе слѣшкомъ ощутительныя доставляетъ Персіи выгоды. Если же чулки красные и прочіе подобныя этикетки должны непремѣнно служить основаніемъ дружбы между обѣихъ державъ, и что въ пользу утвержденія связи нельзя отступить отъ красныхъ чулковъ, то я прошу каймакана предупредить шаха, что я чулокъ не надѣву; а чтобы не дѣлать бесполезно излишняго пути,—я на дорогѣ буду ожидать извѣстія, что могу возвратиться въ Россію. Сіе извѣстіе ужаснуло каймакана, и безъ сомнѣнія не было въ разчетѣ***.

Я устыдился, что Тифлисъ въ 15 лѣтъ правленія русскаго представляетъ еще беспорядочную кучу неоправданныхъ каменьевъ; но ожидаю съ нетерпѣніемъ видѣть Испа-

* Офиціально...

** ... Что не ставлю себя на одну доску съ другими, будучи посломъ....

*** Онъ зналъ, что отъ меня не укрылась его ненависть къ Русскимъ, и что я его разумю за величайшаго изъ плутовъ, потому не могъ сомнѣваться, что виною всѣхъ могущихъ случиться неудовольствій выставленъ будетъ онъ.

гавь, и тогда рѣшено будетъ, должны ли Персіяне почитать Тифлисъ за восьмое чудо въ свѣтѣ *. (Домъ мой въ Тифлисъ... можно назвать памятникомъ, воздвигнутымъ въ ознаменованіе того, что какъ архитектура, такъ и поэзія не'благоприятствовали Сергію Алексѣевичу Тучкову. Сей есть строитель нестройныхъ стиховъ и неапаго дома **).

28. Въ Уджанѣ. Младшій сынъ каймакана приславъ отцомъ, чтобы присутствіемъ своимъ вселить веселость и и удовольствіе въ скучное наше обиталище. Юноша сей, не имѣющій 17 лѣтъ, и другой уже годъ женатый на шахской дочери, пріѣхалъ съ довольно большою свитой, въ которой изъ первѣйшихъ лицъ былъ мулла, обучающій его читать и писать. Мнѣ кажется, что его прислали сюда для того, чтобъ отдалить отъ молодой жены, которою онъ конечно болѣе занимается, нежели азбукой въ его лѣта. Жена не всегда лучшій путеводитель къ мудрости, здѣсь мулла заставитъ его вытвердить нѣкоторыя поученія изъ Алкорана, которымъ нерѣдко оканчивается воспитаніе молодого человѣка, и онъ чрезъ недѣлю отсутствія возвратится къ супругѣ своей гораздо совершеннѣйшимъ ***. Правила въ жизни свѣтской, надобно думать, даетъ ему отецъ его, ибо юноша сей весьма гордъ и надмѣненъ (едва пошевеливался съ мѣста и съ видомъ покровительства принимаетъ онъ приходящихъ къ нему знатныхъ особъ ****.) Ходитъ къ нему † и приставъ нашъ, любезный старикъ, Оскерь-Ханъ †*, но онъ давно служитъ при дворѣ, кто же †** дастъ младшимъ придворнымъ урокъ поаости? надлежало бы, чтобы люди †*** придворные во всемъ мирѣ составляли одну націю особенную; ибо тогда какъ народы

* Ибо въ самой Испаніи, кромѣ малаго числа зданій, свидѣтельствующихъ нѣкогда о великолѣпіи города во времена Софіевъ, все прочее въ развалинахъ и гораздо болѣе половинъ города оставлено жителями.

** Въ другомъ спискѣ нѣтъ этого мѣста.

*** Къ такимъ совершенствамъ надо присоединить знатную породу, и это возведетъ его на высочайшія степени въ государствѣ.

**** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

† Прездъ нимъ работнствовалъ (им. ходитъ).

†* Аскерь-ханъ.

†** Лучше.

†*** Съ удивленіемъ замѣтилъ я, что люди придворные... составляютъ....

между собою не только большихъ сходствъ во нравахъ, ниже легчайшаго подобія въ свойствахъ не имѣють, они всегда одинаковы.

19 (іюня?) Селеніе Верзаганъ. Здѣсь пріѣхалъ изъ Тегерана коллежскій совѣтникъ Мазаровичъ, послѣ отсутствія его болѣе 4 мѣсяцевъ изъ Тифлиса. Радость, съ какою встрѣтилася онъ съ нами, истолковала намъ тѣ удовольствія, какихъ лишился онъ, оставивъ столицу обладателя Персіи.

Іюля 5. Лагерь при урочищѣ Самонархія, 25¹/₂ вер. Здѣсь пришелъ я ожидающаго меня министра и любимца шаха, Мирзу-Абдуль-Вахаба, (хотя) г. Мазаровичъ поѣхалъ * впередъ условиться, что для меня не нужно никакой встрѣчи, ни церемоніи.... Мирза-Абдуль-Вахабъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, которое я ему на другой день отдалъ. Встрѣча сопровождаема была обыкновенными персидскими привѣтствіями и лестью, отъ которыхъ давно уже болитъ у меня голова, и отъ которыхъ въ отчаяніи наговорилъ я ему болѣе еще вѣжливостей и въ ихъ безстыдномъ и нагаомъ ** родѣ. Послѣ двухъ сихъ свиданій я сдѣлался весьма нездоровъ и прошло нѣсколько дней, что мы не видали одинъ другаго. Я уже былъ предупреденъ, что шахъ поручилъ ему вступить со мною въ переговоры, дабы до прибытія своего развѣдать чего отъ меня ожидать можно. Я очень хорошо зналъ, что мнѣ, не имѣвши у шаха аудіенціи и не представя ему грамоты, не причастствуетъ ни съ кѣмъ имѣть переговоровъ, а по той причинѣ и уклонялся я имѣть ежедневныя свиданія и поставить себя на короткую ногу.

9. Мирза-Абдуль-Вахабъ прислалъ мнѣ чрезъ г. Мазаровича грамоту шаха, которою довѣряетъ онъ ему вступить со мною въ переговоры, потомъ вскорѣ пришелъ самъ, и я объяснилъ ему, что не имѣвши аудіенціи у шаха, не могу ни съ кѣмъ имѣть переговоровъ, но что, зная его

* Послѣ былъ.

** Въ самомъ нагаомъ (см. въ ихъ безстыдномъ и нагаомъ).

за человѣка отличнаго ума и способностей, вмѣняю за особенную честь искать его дружбы, и потому не хочу отнять у себя удовольствія разсуждать съ нимъ какъ съ пріателемъ о томъ чего въ качествѣ посла нельзя мнѣ открыть ему, какъ государственному человѣку. Разговоръ продолжался не менѣе 4 часовъ, съ подтвержденіями самыми утомительными, и я рѣшительно объявилъ, что не пріѣхалъ пріобрѣсти дружбу шаха къ моему государю пожерованіемъ областей, которыхъ жители прибѣгаи подъ покровительство Россіи, что есть много другихъ выгодъ, которыя Персія можетъ извлечь изъ благорасположенія російскаго императора, что можно почестъ убѣдительнымъ доказательствомъ великодушія его и залогомъ пріязни, что, не взирая на непрочность границъ Россіи съ Персіей, не намѣряю оныя улучшить ихъ на счетъ своихъ сосѣдей, и что всѣ имѣя средства исполнить то что пожелать можетъ *, не хочетъ оныя поступать вопреки выгодъ державы, которой уважаетъ оныя доброе согласіе и дружбу; я приглашалъ взглянуть на карту и убѣдиться, что, безъ нарушенія существенныхъ выгодъ Россіи и не давая повода къ неизбѣжнымъ раздорамъ въ посаѣдствіи, не возможно уступить шаху земли. Переговоръ сегодня продолжался съ соблюденіемъ съ обѣихъ сторонъ возможной умѣренности и хладнокровія; мы разстались, и вслѣдъ за нимъ отослалъ я нераспечатанною грамоту шаха. Послѣ сего видѣлись мы не менѣе 10 или 12 разъ, и все повторяемы имъ были тѣ же вопросы и настоянія, какъ будто не довольно ясны, или не довольно вразумительны были мои возраженія и отказы. Съ такою наглостію выхвалялъ оныя мнѣ свое правительство, и ** что не только требуемыхъ ими земель жители, во и самая Грузія конечно пожелаетъ быть уступленною Персіи! Съ такимъ *** безстыдствомъ исчислялъ свои силы и сколько участь ихъ военныхъ людей завиднѣе нашей!..

.

* (Вм. „что всѣ имѣя“ и проч.) не взирая на свои большія средства не хочетъ....

** Утѣряя, (зм. и).

*** Съ такимъ-то.

Нѣкоторыя изъ свиданій нашихъ были весьма шумныя. Мирза-Абдулъ-Вахабъ говорилъ, что безъ возвращенія областей онъ сомнѣвается, чтобъ удержалъ я дружественныя связи, и что шахъ оскорбленъ будетъ отказомъ въ томъ, чего такъ давно ожидаетъ и на что имѣеть надежды въ самомъ отвѣтѣ къ нему государя и въ тѣхъ словахъ, которыя оказалъ онъ, отпуская персидскаго посла изъ Петербурга, что онъ не возьметъ на себя объявить шаху войны, опасаясь его гнѣва. Я отвѣчалъ, что государь императоръ по уваженію къ шаху будетъ крайне сожалѣть о разрывѣ, ибо онъ намѣревался постоянно сохранять дружбу; но что между тѣмъ знаетъ онъ, что ничего не должно шадить на защиту вѣрныхъ ему народовъ, которые все счастье свое полагаютъ въ его покровительствѣ, что я также со стороны своей знаю мои обязанности соблюдать достоинство моего государя и Россіи, и что, если въ приемѣ шаха увижу холодность, а въ переговорахъ съ тѣмъ, кому поручено будетъ разсуждать со мною о дѣлахъ, замѣчу намѣреніе нарушить миръ, я не допущу до того, и самъ объявлю войну и потребую по Араксъ; притомъ истолковалъ я, какой должно употребить способъ для завладѣнія по Араксъ, который заключался въ томъ, что надобно взять Тавризь, и потомъ изъ великодушія уступивъ Адербиджанскую провинцію, удержать области по Араксъ, и что вы должны будете признать за примѣрную умѣренность. Жаль мнѣ, сказалъ я ему, что вы почтете это за хвастовство, которое между нами не должно имѣть мѣста, а я бы назначилъ вамъ день, когда русскія войска возьмутъ Тавризь. Я желалъ бы только, чтобы вы дали мнѣ слово дождаться меня тамъ для свиданія. Я присоединилъ также, что для Персіи война несчастливая должна имѣть пагубныя слѣдствія; ибо конечно есть люди, могущіе воспользоваться междуусобицею, которое произведутъ неудачи, и даже могутъ желать престола, (къ которому проложилъ дорогу нынѣшній шахъ, соблазнительную для каждаго предприимчиваго человѣка *), и что многочисленное семейство шаха тѣмъ менѣе въ состояніи будетъ удержать за собою престолъ, ибо истребленіе онаго есть средство единственное избѣжать отщепенія. Итакъ первая несчастливая война должна разрушить нынѣшнюю династію. Вотъ что ожидаетъ Персію, и неужели

* Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

состану, изъ коихъ нѣкоторые теперь уже безпокойны, останутся равнодушными зрителями мятежей и раздоровъ. Въ сей день мы оба не сохранили прежняго нашего хладнокровія, хотя царьѣа дѣлали другъ другу величайшія привѣтствія; но кажется, что мои доказательства были убѣдительнѣе; ибо у него вырвалось слово: неужели и Таашинское ханство отдать невозможно, когда главнѣйшая и лучшая оного часть уже во владѣніи Персіи, и когда оставшаяся часть ничтожна. Я отвѣчалъ, что онъ очень хорошо знаетъ Таашинское ханство (и что оно очень таково *); но потому его отдать невозможно, что оно есть звено, связывающее наши границы, и что оно въ рукахъ Персіи будетъ вѣчнымъ яблокомъ раздора съ Россіей. Вы можете судить о невозможности удовлетворить желанію шаха возвращеніемъ земель; ибо и самого Таашинскаго ханства предложить я не намѣренъ, сколько впрочемъ сама по себѣ потеря сія ни маловажна для Россіи.

20. До прибытія шаха любопытенъ я былъ видѣть внутренность дворца, и нашелъ его столько малообширнымъ, что на каждую изъ женъ недостаетъ даже по одной комнатѣ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ сговяли по нѣскольку въ одну комнату. Меня поразила повсюду отвратительная неопрятность. Рѣдкія изъ комнатъ были окончены, по большей части встрѣчаются деревянная грубая рѣшетки, совершенно подобныя тѣмъ, что дѣлаютъ надъ ясами для закладыванія сѣна. Есть между прочими строеніями одна осьмиугольная башня, гдѣ жены живутъ нѣсколько пристойнѣйшимъ образомъ. Но въ ней помѣщается ихъ только четыре съ таковымъ же числомъ прислужницъ. Въ другой башнѣ находится уединенный кабинетъ шаха, посвященный сладострастію, господствующей его слабости. Здѣсь проводитъ онъ большую часть времени, забывая, что онъ уничтожаетъ себя какъ государь, какъ человѣкъ. Нѣсколько сотъ женъ, изъ коихъ каждая не можетъ быть часто удостоиваема свиданія съ шахомъ, въ ожиданіи оного, какъ единственнаго счастья, изощряетъ себя на всѣ роды обольщенія, расточаетъ отраву лести, и царь жемолоподобный въ семъ жилищѣ срама и безчестія мечтаетъ быть превыше всѣхъ во вселенной.

* Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

Прежде нежели имѣть у шаха аудіенцію, я посѣтилъ верховнаго визиря, такъ называемаго Садръ-Азама. Оставалось, чтобы сдѣлать краткое описаніе сего вельможи. Ему 80 лѣтъ; болѣе 40 отпращаетъ онъ сію должность, служивши при трехъ государяхъ.

Шахъ еще при жизни Садръ-Азама захватилъ часть его имѣнія и объявленъ полнымъ наследникомъ по смерти. Онъ назначилъ дочь его въ жены одному изъ своихъ сыновей. Ей теперь не болѣе 10 лѣтъ, но уже другой годъ, какъ лишилась своего жениха. Шахъ однакоже, не теряя времени, замѣнилъ его другимъ, и сей несчастной мѣтъ спасенія: ибо у шаха 70 сыновей и въ такомъ количествѣ выборъ не затруднителемъ. Хитрый сей вельможа сдѣлалъ мнѣ привѣтливый приемъ, осыпалъ обыкновенными вѣжливостями. Изъ учтивости долженъ я былъ платить тѣмъ же, и чтобы расположить его болѣе къ себѣ, я сталъ показывать удивленіе къ высокимъ его качествамъ и добродѣтелямъ. Старикъ принялъ лестъ за настоящую правду, и я снискалъ довѣріе къ моему простосердечію; свелъ съ нимъ знакомство, просилъ его наставленія, какъ умнаго, опытнаго и мудраго человека, и увѣрялъ, что руководимый имъ, я не могу не сдѣлать полезнаго. Въ знакъ большей къ нему приверженности я далъ ему названіе отца, и какъ покорный сынъ, обѣщалъ ему откровенно говорить обо всемъ. Когда мнѣ не выгодно было трактовать съ нимъ, какъ съ верховнымъ визиремъ, я обращался къ нему, какъ отцу; а когда надобно было возражать ему, или даже пострадать, то, храня почтеніе какъ сына, я облакался во образъ посла. Сею згидою покрывалъ я себя въ однихъ крайнихъ случаяхъ и всегда выходилъ торжествующій. Я однакоже частымъ употребленіемъ сего средства не хотѣлъ истощать его дѣйствія. Великій визирь сдѣлалъ мнѣ также пощщеніе.

31-го іюля. Шахъ далъ мнѣ приемную аудіенцію. Для сего назначена была близъ дворца поставленная палатка. Церемоніалъ сдѣланъ былъ для меня отличный, противъ всѣхъ бывшихъ прежде иностранныхъ пословъ. На всѣхъ пословъ надѣвались красные чулки и вводили ихъ безъ туфель, а же вошелъ просто въ сапогахъ и принято было за особое

утожденіе съ моей стороны, что одинъ изъ лакеевъ моихъ, за 100 шаговъ не доходя палатки, стеръ пыль съ моихъ сапогъ. Прочимъ посланъ поставляли кресла на каменномъ помостѣ полъ наружнымъ наметомъ палатки; мнѣ же противъ трона и на томъ же коврѣ, на которомъ стоялъ тронъ; около меня стояли два совѣтника посольства. Смѣшны мнѣ были сіи мелочи, но въ званіи моемъ не могъ я не наблюдать ихъ и не желать отличнаго отъ предвѣстниковъ приѣма. Въ назначенный часъ для аудіенціи присланъ былъ пригласить меня на оную второй генералъ-адъютантъ шаха. Отъ ставки моей и до дворца, по обѣимъ сторонамъ дороги, поставлена была регулярная пѣхота....

Гордость персидская изобрѣла обыкновеніе, что входящій въ комнату не прежде на себя обращаетъ вниманіе хозяина и тѣхъ, кои вмѣстѣ съ нимъ, какъ пройдя половину комнаты, и тогда только присутствующіе встаютъ съ мѣста. Такимъ образомъ принялъ меня Садръ-Азамъ. Точно также принялъ и я его. Здѣсь, въ палаткѣ тѣлохранителей, я ожидалъ испытать ту же встрѣчу, и потому, войдя въ оную, я не малѣйшаго не обратилъ вниманія на тѣхъ, кои тамъ въ ожиданіи меня находились, и которые точно сидѣли, со стульевъ не вставая. Я избралъ ближайшій стулъ, на другомъ преспокойнымъ образомъ расположилъ свою шапку и перчатки и началъ заниматься размѣщеніемъ моихъ чиновниковъ. Генералъ-адъютантъ * шаха подбѣжалъ ко мнѣ и началъ упрашивать, чтобы сѣлъ я на первое мѣсто въ палаткѣ. Я не всталъ со стула, нѣсколько минутъ заставлялъ его постоять предъ собою, наконецъ согласился сѣсть на предлагаемое мѣсто. Подали кофе, чай и кальяны, и вскорѣ потребовали меня къ шаху....

Шахъ привѣтствовалъ всѣхъ самымъ благосклоннымъ и приятнымъ образомъ, но въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, не умѣлъ скрыть чрезвычайной гордости, которая не показалась добрымъ предвѣщаніемъ для дѣлъ моихъ, въ чемъ я весьма обманулся. Аудіенція продолжалась не боѣе часа, и я отправился домой....

Августа 8-го числа ** призванъ я былъ къ нему во дво-

* Зять

** 3 го числа.

рецъ; а прочіе офицеры, которыхъ не могъ я всѣхъ представить въ первый разъ, ожидали въ палаткѣ, гдѣ разставлены были подарки. Шахъ, не долго удержавъ меня у себя, попросилъ меня показать ему подарки, и сказалъ, что совершивъ обыкновенную свою молитву, онъ не замедлитъ явиться и долго ждать меня не заставитъ. Менѣе вежливъ чрезъ часъ онъ пришелъ, восхищенъ былъ подарками, удивляясь многимъ вещамъ, а паче зеркаламъ изумительнымъ по величинѣ, и говорилъ, что легче имѣть милліоны и что онъ имъ предпочелъ бы сіи подарки; былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ весьма пріятнымъ образомъ, и взявши рюмку, сказалъ, что кристалъ такъ превосходно выработанъ, что можетъ дать охоту употреблять вино. Словомъ, не упустилъ ни одного пристойнаго случая сказать насчетъ вниманія государя императора самыя лестныя привѣтствія. По выходѣ изъ палатки, спустя нѣкоторое время, просилъ, чтобы я представилъ офицеровъ, и не соблюдая никакой пышной наружности, обошелся съ ними самымъ простымъ образомъ. Самъ кончилась вторая аудіенція, и шахъ говорилъ послѣ всѣмъ, что онъ чрезвычайно доволенъ мною и что предъ государемъ не можно быть болѣе почтительнымъ какъ я.

Отдавъ подарки шаху первому, отославъ я также присланные отъ императора нѣкоторымъ изъ сыновей его и другимъ вельможамъ. Потомъ, боясь терять напрасно время, объяснился я съ Садръ-Азамомъ словесно, что нужно приступить къ дѣлу, и условился, чтобы сообщать одинъ другому на бумагѣ, ибо много разъ испытано предметниками моими, что Персіяне не считаютъ за стыдъ или безчестіе утверждать противное тому, въ чемъ уже совершенно согласились или божиться, что не сказали того, о чемъ даже публично говорили. Не хотѣлось мнѣ первому начать бумагою, но примѣтивъ, что они съ намѣреніемъ медлятъ, того выждавъ, я, взявъ за предлогъ разговоръ съ Садръ-Азамомъ, вызвался первоначально самъ*, совершенно пустою бумагою, дабы завязать переписку. Всѣ нужныя по дѣламъ бумаги писаны собственною моею рукою и сію предосторожность взялъ я потому, что обстоятельства были немного затруднительны; то, чтобы отвѣтственность на

* И началъ....

одномъ мнѣ возлежала, и чтобы несправедливо не были сдѣланы упреки другому въ неосмотрительности, непредвидѣніи и даже самомъ незнаніи.

Будучи самъ * военнымъ человѣкомъ, никогда не имѣлъ я въ предметъ подобныхъ порученій, и потому никогда не приготавливалъ себя къ таковымъ должностямъ, сдѣловательно и погрѣшности въ нихъ не могутъ для меня быть постыдными, ибо происходятъ отъ новостности предмета, отъ людъ не отъ недостатка усердія или нехотѣнія добра; (симъ новымъ занятіемъ, по счастью моему временнымъ, знаю я, что не сдѣлаю себѣ имени; и потому не входитъ въ расчетъ мой скрывать мои ошибки) **. Я говорю о нихъ и охотно надъ собою смѣяться буду ***.

Главнѣйшій предметъ дѣлъ моихъ былъ тотъ, чтобы удержать за нами области, которыхъ возвращенія столько усиленно домогалась Персія; отказъ самъ по себѣ есть уже неприятенъ, а намъ еще надобно было не только сохранить, но утвердить связь дружества. И такъ избралъ я пути лести и похвалы шаху и на словахъ и на писемъ, и сей способъ, впрочемъ, въ отношеніи къ царямъ весьма обыкновенный, вреда никакого не дѣлающій, принесъ не малую мнѣ пользу.

Начались наконецъ переговоры о дѣлахъ, и Садръ-Азамъ обѣщавъ мнѣ нѣсколько конференцій; первая, которую я имѣлъ и гдѣ предложилъ я объясниться **** рѣшительно, заставила его потерять охоту къ прочимъ, и окончилась † одной.

Я въ послѣдній разъ сказалъ имъ, что я, какъ главнокомандующій въ Грузіи, сдѣлавалъ обзоръ границъ, и довелъ императору, что ни малѣйшей уступки сдѣлать невозможно, что государь, давъ мнѣ власть говорить его именемъ, непременно то же скажетъ въ подтвержденіе; а чтобы болѣе увѣрились они, что я не претвню мнѣнія моего, то сказалъ я имъ, что если во снѣ увижу, что имъ отдадутъ

* Всегда.

** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ другомъ спискѣ.

*** (Вм. я говорю.... и пр.): я отдаюсь на судъ всякаго, болѣе меня знакомаго съ этимъ дѣломъ и откровенно сознаюсь во всѣхъ ошибкахъ, на которыя даже прошу указать.

**** Я объяснился рѣшительно ...

† Окончилось все дѣло одной.

земли, то конечно не промусь во вѣки. Я примѣтилъ, что объясненіе было нѣсколько вразумительно*, ибо послѣ сего слабо были повторяемы требованія. На сей конференціи не знаю какимъ образомъ наклонился** разговоръ насчетъ каймакана Мирзы-Бузіорка, втораго министра въ государствѣ, которому шахъ вѣрилъ управленіе Азербиджаномъ и прочими смежными съ нами провинціями, кои поручены*** Аббасъ-Мирзѣ, любимому сыну, наименованному наследникомъ престола. Сей министръ, явно намъ недоброжелательствующій, худо расположилъ меня къ себѣ въ проѣздъ мой чрезъ Тавризъ****, и я имѣлъ къ нему не меньшую ненависть. Я объявилъ Садръ-Азаму и Мирзѣ-Абдуль-Вахабу, что забота каймакана противъ Русскихъ можетъ имѣть печальныя слѣдствія для Персіи, что сей подлый мошенникъ † будетъ причиною разрыва дружбы и многихъ слезъ вашихъ;—но будетъ жалѣть, и поздно, что онъ не только не способствуетъ утвержденію добраго согласія, напротивъ, вымышляя самыя гнуснѣйшія неистинности, возбуждаетъ противъ насъ народы пограничныхъ Персіи областей.

Оба министра на сей панегирикъ не осмѣливались возражать ни слова; ибо я бралъ на себя доказать подлые его поступки; невозможно имъ было защищать его, ибо каждый изъ нихъ, если не въ семъ случаѣ, то всеконечно въ другихъ дѣлахъ (?) и зналъ, что подобныя мерзости и ругательства противъ каймакана были общій всѣмъ приговоръ †*. Вотъ новый способъ трактовать о дѣлахъ государственныхъ и тотъ, который помогъ мнѣ удалить сего подлаго мошенника отъ участія въ конференціяхъ.

16-го августа получилъ я отъ мирзы-Шефи бумагу, которою объявлено было, что шахъ пріязнь государя императора предпочитаетъ пользѣ, которую могъ бы получить отъ приобрѣтенія земель.

* Сіе объясненіе имѣло полный успѣхъ...

** На сей конференціи завелъ я разговоръ...

*** ...Провинціями подъ начальствомъ Аббаса-Мирзы...

**** Тифлисъ.

† Паутъ.

†* Ибо каждый изъ нихъ сознавался въ справедливости моихъ обвиненій. Такимъ образомъ мнѣ удалось удалить величайшаго Паута...

2-го августа, шахъ, поѣхавши одинъ разъ на охоту, приказалъ въ отсутствіе свое показать мнѣ свои сокровища. Я былъ приглашенъ и со мною всѣ офицеры. Мы видѣли алмазъ такой величины, которому, можетъ-быть, нѣтъ подобнаго въ свѣтѣ; видѣли нѣсколько другихъ, каковыхъ мало кто имѣетъ изъ царей. Цвѣтныхъ камней много и чрезвычайной величины. Чиновникъ, показывающій ихъ, увѣрялъ, что большая часть сихъ сокровищъ обыкновенно остается въ Тегеранѣ, но что шахъ беретъ съ собою весьма немногіе. Нельзя усомниться, чтобы не было ихъ болѣе того что намъ показывали; извѣстно однакоже, что онъ имѣетъ съ собою драгоценнѣйшія, не увѣряя ихъ никому другому, кромѣ одного евнуха который всегда съ нимъ неразлученъ и который въ дорогѣ имѣетъ ихъ на себѣ. Въ Персіи не одинъ былъ примѣръ, что кто обладаетъ сокровищами, въ рукахъ того можетъ быть престолъ персидскій, и потому нимѣ царствующій шахъ, услышавши о смерти своего дяди Али*-Магмедъ-Хана, весьма хорошо зналъ, что надобно поспѣшнѣе захватить сокровища, бывшія въ Тегеранѣ. Хранившій сокровища былъ человѣкъ ему преданный, шахъ имѣлъ хорошихъ лошадей, и потому прибылъ въ пять дней изъ Шираза въ Тегеранъ. Здѣсь не всегда нужны права, болѣе основательныя. Въ государствѣ, какое есть Персія, гдѣ столько людей беззаконными путями всходили на тронъ, гдѣ столько соблазнительныхъ примѣровъ для предприимчиваго человѣка, жаждущаго владычествованія, гдѣ нѣтъ законовъ, правилъ чести, гдѣ и самая вѣра не сильными служитъ обуздателемъ и часто искусными толкователями получаетъ направленіе льстящее страстямъ, тамъ нѣтъ безпечія для царствующаго и до слѣдующаго дня не простираются надежды **.

На другой день я былъ приглашенъ къ шаху, и онъ мнѣ упомянулъ о томъ разговорѣ. Никто не могъ ожидать, чтобы шахъ, въ видѣ шутки, сталъ бы мнѣ выговаривать самымъ любезнымъ образомъ о томъ, что обманулся онъ въ своихъ ожиданіяхъ и что не исполнились надежды, кото-

* Агу...

** Тамъ нѣтъ обезпеченнаго престола для кого бы то ни было, но онъ принадлежитъ лишь самому сильному, ловкому и предприимчивому искателю.

рыя питалъ онъ въ продолженіе столькаго времени. Обратятъ къ зятю своему, онъ сказалъ: „Взгляни на посла: какъ ему совѣстно, что не исполнилъ моего желанія, когда я, съ моей стороны, готовъ сдѣлать все угодное его государю. Онъ не говоритъ ни слова, и не имѣетъ что сказать противъ этого. Но я въ дружбѣ всѣмъ жертвую охотно.“ Многое другое говорилъ онъ въ этомъ тонѣ, и спросилъ меня, пережужу ли я государю; я отвѣчалъ, что обо всемъ донесу непременно, и прибавлю къ тому, что его величество шахъ говорилъ мнѣ о томъ самымъ благосклоннымъ образомъ, что въ глазахъ его не было не только ни малѣйшаго негодованія, но напротивъ прочелъ я въ нихъ намѣреніе шаха всегда быть истиннымъ другомъ Русскихъ. Онъ восхищенъ былъ отвѣтомъ *.

Вскорѣ послѣ сего имѣлъ я отпускную аудіенцію со всеми вмѣстѣ офицерами. Церемоніаль оной былъ тотъ же, какъ и первой аудіенціи. Шахъ былъ чрезвычайно ко всѣмъ благосклоненъ, и непременно каждому сказалъ самыя пріятнѣйшія привѣтствія, такъ что всѣ остались весьма чувствительными къ его лестному вниманію. Мнѣ собственноручно отдалъ отвѣтъ на письмо императора, сказавъ, что онъ столько ко мнѣ расположенъ, что языкъ его не хочетъ произнести, что онъ со мной прощается. (Я по истинѣ расстался съ нимъ съ сожалѣніемъ.) За день до прощанія мнѣ и всѣмъ чиновникамъ посольства присланы были ордена Льва и Солнца и подарки, и я представился шаху въ его орденѣ, что принято имъ было съ особеннымъ удовольствіемъ.

Не задолго передъ симъ, по просьбѣ Мирзы-Шефи и мирзы Абдуль-Вахаба, согласился я прекратить неудобствіе мое на каймакама. Мирза-Шефи пригласилъ меня къ себѣ, и тамъ нашелъ я каймакама, уже преду-

* При этомъ коснулся шахъ своей власти, которую почиталъ несравненно выше власти всѣхъ европейскихъ государей, уподобляя себя тѣни Божіей на землѣ. Я отвѣчалъ ему, что весьма пріятна тѣнь, падающая отъ человѣка, подъ скипетромъ котораго благоденствуетъ нѣсколько милліоновъ народонаселенія, исчисляющаго свои дни его благотвореніями, но при этомъ осмѣлился сдѣлать вопросъ: производила ли то же самое дѣйствіе тѣнь дядюшки его, Ага-Магмедъ-Хана? Шахъ былъ столь милостивъ ко мнѣ, что принялъ вопросъ мой безъ неудовольствія и даже усмѣхнулся.

преденнаго, что я готовъ все забыть и быть пріателемъ. Мы согласились безъ объясненія, и увѣрили одинъ другаго въ дружбѣ, которой между нами никогда быть не можетъ. Съ обѣихъ сторонъ были одинаковы чувства и степень довѣрія къ обѣщаніямъ, но всему даны были самыя благовидныя наружности. Шахъ весьма былъ тѣмъ доволенъ, ибо онъ досадовалъ, что каймакамъ могъ дать мнѣ причину къ неудовольствію, и жалѣлъ, что я трактовалъ его какъ каналью. Каймакамъ тотчасъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, и я у него былъ также, и видѣлись всякій день какъ пріатели.

.....

Когда я приглашался обѣдать, всегда выпрашиваемы были мои приборы и стаканы *; и тогда какъ Персіане воегда ѣдятъ на коврахъ, по землѣ постлаивныхъ, ** для насъ дѣлались широкіе столы, на коихъ ставилось безчисленное множество блюдъ, ибо для каждаго особенное есть кушанье и никогда одно изъ нихъ не служитъ для двоихъ человѣкъ. Посреди стола оставляется прохажая дорога, на которой является прислуга, предупреждающая желанія ваши: по-мравилось ли вамъ кушанье? тутъ готова уже услуживая рука, и отрывая часть мяса, кладетъ предъ вами на тарелку. Хотите ли вы жирнаго пиллава, котораго бѣлизна, подобная снѣгу, восхищаетъ вкусъ вашъ? уже касается его рука, и цвѣтъ кирпичный, которымъ она выкрашена, и красные ногти, рѣдко обрѣзываемые, сочетаются съ бѣлизною пшена, и услуживающій вамъ гордится мыслію, что удвоетъ наслажденіе ваше. Вдругъ вы видите ту же самую руку, богатую *** остатками пиллава, вырывающую внутренность арбуза къ вашимъ услугамъ. По счастію нашему руки сіи не всегда мѣшаются въ распоряженіе жидкоостей, ибо изобрѣтательный умъ Персіанъ создалъ для того деревянныя ложки. Я забылъ сказать, какъ прислуга

* Безъ затрудненія дозволяли употреблять намъ вино, и кертѣко даже доставляли вино весьма хорошее, испанское и ширазское.

** (Вм. ниже слѣд. словъ до точки) Для насъ нарочно поставлены были столы и стулья. Блюда приготавливаются безчисленное множество, каждому подается въ особенной посудѣ и на особенномъ деревянномъ раскрашенномъ подносѣ, на которомъ похѣщается не менѣе пятнадцать блюдъ. Посреди стола... и пр.

*** Еще покрытую (вм. богатую).

является посреди стола *. Она входитъ посабъ того, какъ уже каждый занялъ за столомъ свое мѣсто, и плечо ваше служить ей опорой. Если не уклонили вы головы, черезъ нее переступаютъ безъ затрудненія, и длинныя поды безобразной персидской одежды скрываютъ васъ отъ глазъ товарищей. Едва прогаянули вы, какъ уже другой подобный покровъ васъ затмѣваетъ. За такимъ столомъ можно обѣдать, что никто подозрѣвать не будетъ, что вы приглашены были **. Не знаю я, принадлежитъ ли сіе къ роскоши восточной, о которой столько слышимъ мы баснословныхъ разказовъ.

Не вспомнилъ у мѣста сказать объ одномъ странномъ случившемся со мною происшествіи. Званъ будучи на обѣдъ *** къ министру Низаму-Доваа ****, былъ я принять съ необычайною вѣжливостію, отличающею сего вельможу во всѣхъ его поступкахъ †. Онъ взялъ меня по-приятельски за руку, чтобы провести въ другую палату, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, и сталъ престраннымъ образомъ перебирать пальцы на лѣвой рукѣ моей. Я позволилъ ему сію забаву, думая, что въ восточныхъ обычаяхъ значить то изъявленіе пріязни; но вдругъ почувствовалъ я на одномъ пальцѣ ужасной величины перстень. Я отервалъ руку, и объяснилъ ему, что подобныхъ подарковъ и такимъ образомъ предложенныхъ, я не принимаю, и что завтра ему могу удобнѣе сказать тому причину. Хозяинъ принялъ сіе за величайшую обиду и конечно, еслибы могъ онъ за обѣдомъ сидѣть со мною рядомъ, то онъ пустился бы на другое какое предпріятіе. Но меня спасъ высокій мой чинъ, ибо по приличію долженъ онъ былъ мѣсто возлѣ меня предложить людямъ знатнѣйшимъ. Въ продолженіе однакоже обѣда, онъ не переставалъ пересылаться чрезъ переводчика, что если я не могу имѣть перстня, то онъ предложить мнѣ неоправленный камень, и я расстался

* На самомъ столѣ.

** Обѣдать, не обнаруживая своего существованія.

*** Ужинъ.

**** Низамуть-Девае...

† Угащиваемы были совсѣмъ другимъ образомъ. Присауга не ходила по столу и не попирала бесѣдующихъ. То же число блюдъ, во всѣхъ ихъ пожирать не принуждали. Хозяинъ, извѣстный въ Персіи богатствомъ, хотѣлъ выказать свою серебряную и золотую посуду.

съ нимъ, никакъ не будучи въ состояннн истолковать, что можно отказаться отъ прнобрѣтенн драгоцѣннаго подарка. На другой день показывалъ онъ переводчику моему необыкновенной величины синнй яхонтъ, съ которымъ онъ намѣре-
 режь * сдѣлать на меня наступленн, но я избавился, угрожая прерваннемъ дружбы. Точно такимъ образомъ верховный визирь ** Мирза-Шефи одному изъ англнйскихъ пословъ подарилъ перстень, и Англнчанинъ не устыдился *** его отказомъ. Конечно, обстоятельно разсмотрѣвши достоинство камня, прнятно мнѣ по крайней мѣрѣ думать, что Перснйе поступокъ мой не прнняли въ видѣ корыстолюбн, чего объ англнйскомъ послѣ они не говорили, ибо безстыдно **** разказывали, что онъ весьма богатую сумму вывезъ съ собою подарковъ. Верховный визирь † Мирза-Шефи на другой день также прислалъ мнѣ въ подарокъ жемчуги, но я равномѣрно и отъ нихъ отказался. Сей вельможа не выждалъ на прнятн ихъ моего согласн, напротивъ воспользоваася мменемъ моимъ, чтобы достать отъ другихъ дорогихъ лошадей, извѣстныхъ красотою въ Персн, будто мнѣ въ подарокъ. А вмѣсто ихъ прислалъ мнѣ не тѣхъ †* лошадей, а ихъ удержалъ у себя. Онъ кажется отмщевалъ за похищенн у него шахомъ подарковъ, отъ государя императора ему присланныхъ, которые у него взялъ онъ, даже не выждавши выѣзда моего изъ Султанн. Такими способами собираются въ Персн сокровища государственныя. За нихъ въ замѣну обыкновенно ничего не предлагается, кромѣ всемилостивѣйшаго подтвержденн о скромности, чтобы о томъ ни слова произнссимо не было никогда. Шахъ, отечески (спусходя) нерѣдко испытуетъ въ себѣ добродѣтели. Вельможи въ свою очередь низкаго состоянн людей прнучаютъ къ презрѣнн богатствъ, и такъ до самаго простаго народа, которому, если и остается кусокъ желѣза, и тотъ безжалостная судьба изковываетъ въ цѣпи рабства, и рѣдко въ острый мечъ на отмщенн угнетенн.

* Вновь дѣлалъ...

** Садр-Азамъ Мирза Шефи.

*** Не оскорбилъ...

**** И м.б. даже живо.

† Садр-Азамъ.

†* Весьма обыкновенныхъ (вм. не тѣхъ,...)

30 августа праздновали мы въ городѣ Зенганѣ день именинъ государя. Здѣсь все казалось намъ въ новомъ видѣ,— два мѣсяца жаркаго и непріятнаго времени проведя въ палаткахъ. Здѣсь отвели намъ весьма хорошій домъ. Отсутствіе управляющаго * шахъ-Зады, и съ нимъ всѣхъ властей дало свободу жителямъ, и въ первый разъ видѣли мы множество женщинъ, которыя смѣли не закрываться. Я вступилъ въ управленіе полиціей и запретилъ сгонять ихъ съ крышекъ, что здѣсь обыкновенно дѣлается весьма простымъ и легкимъ образомъ, т. е. камень въ голову или въ лицо. Я думаю, что я былъ первый столько явный защитникъ прекраснаго пола въ землѣ мусульманской. Удѣлъ женщинъ есть сердце чувствительное, и я видѣлъ сожалѣніе ихъ, что не могутъ доказать своей благодарности. Сему препятствовали, сколько примѣтить можно было, ** и какъ кажется отъ нѣкоторой благоразумной осторожности, дабы незнаніе языка не заставило изобрѣсти другое средство къ объясненію. (Но что можетъ удержать стремленіе сердца и добродѣтели, каковою безъ сомнѣнія должна быть почтена благодарность, и я бы могъ сказать одинъ примѣръ.... Но я говорю о Зенганѣ ***). Музыка наша привлекала тьму слушателей, которые находили ее весьма пріятною. Слухъ ихъ никогда не поражали звуки стройные, и нѣжная музыка въ Персіи такова, что наша волюшка (и рыль) могли бы занимать важное между инструментами мѣсто. Предпочтеніе **** дается трубѣ и бубнамъ. Мнѣ не случилось слушать ни одного даже голоса хотя нѣсколько своснаго: щегольство въ пѣніи и высокое искусство состоитъ въ ужасномъ во все горло крикѣ, самыми дикими оборотами голоса. Такова музыка самого шаха, которой всѣ удивляются, и меня спрашивали, есть ли у насъ такое искусство и столько чувствами обладающая музыка. † Для Персіянъ крикъ ословъ ничего не имѣетъ противнаго; жаль,

* ...Городомъ (им. шахъ-Зады)...

** Мужчины...

*** Мѣста въ скобкахъ нѣтъ въ др. руко.

**** Однако предпочтеніе...

† (Вм. нижесѣд. до слова: о мелодіи) Лица способныя восхищаться музыкой персидской должны находить мелодію и въ крикѣ ословъ.

что не понятенъ языкъ оловъ, можно бы навѣдаться и о мелодіи.

Сент. 3. Растахъ. Англичане, бывшіе въ Султаніи, пріѣхали, дабы предупредить насъ въ Тавризь; они представили письмо мнѣ отъ Садръ-Азама, исполненное отчаяніа послѣ разлуки со мною, въ которомъ увѣряетъ, что онъ чувствуетъ приближеніе свое ко гробу съ тѣхъ поръ, какъ лишился надежды увидѣться со мною. Я долженъ былъ отвѣчать такими же недѣлостями и чувствовалъ, что мы не такъ легко сіе дѣлать умѣемъ. Между Европейцами иногда и нерѣдко непонятное относится къ высшему (sublime), и нѣсколько умѣста точекъ...., какъ будто вмѣщающихъ сокровенный смыслъ, выводить изъ затрудненія. Но съ Персіянами того дѣлать невозможно, они сихъ тонкостей не понимаютъ и требуютъ, чтобы все непременно написано было *. Итакъ должно было отвѣчать въ восточномъ вкусѣ, что „со дня разлуки солнце печально освѣщаетъ природу, увяли розы и припахиваютъ полынью, (что) померкъ свѣтъ въ глазахъ моихъ“, и (что) какъ я обратилась спиною къ тѣмъ мѣстамъ, которыя украшаетъ онъ присутствіемъ своимъ, то „глаза мои, единымъ зрѣніемъ оныхъ насыщаясь, желаютъ переселиться въ затылокъ“. Я не оспаривалъ въ немъ чувства приближенія къ гробу, ибо казалось мнѣ нѣсколько неловкимъ хвалить цвѣтущую молодость въ человѣкѣ около 90 лѣтъ. Не правда ли, что по обыкновенію нашему можно было нѣкоторую часть письма замѣнить точками, и въ томъ не много было бы потери. Персіяне долго еще лишены будутъ сихъ выгодъ.

9. Городъ Тавризь... Лишь только пріѣхалъ я въ домъ каймакана, отведенный мнѣ, первое, что услышалъ, былъ наглый поступокъ одного, служащаго въ войскѣ Аббасъ-Мирзы, французскаго офицера г. Мерше, называющагося полковникомъ наполеоновой гвардіи и кавалеромъ почетнаго легіона. Онъ музыкантамъ свиты моей не только не позволилъ занять назначенную имъ на одномъ дворѣ съ нимъ квартиру, но выгналъ ихъ вонъ и осмѣлился дать

* Сажусь писать и создаю слѣдующій образецъ въ восточномъ видѣ:
со дня...

одному два удара саблею. Я послааъ сказать Аббасъ-Мирзѣ, что я прошу удовлетворенія, и что я не могу снести подобной наглости. Онъ тотчасъ прислааъ чиновника увѣрить меня, что онъ наказанъ будетъ, но когда я потребовалъ, чтобы со стороны моей былъ тому свидѣтель, то примѣтилъ, что намѣрены были меня обмануть. Я послааъ тотчасъ своего адъютанта * и шесть человекъ гренадеръ взять Француза подъ караулъ; а какъ его не застали дома, то велѣлъ его дожидаться (и тѣмъ изъ музыкантовъ, которыхъ онъ дерзнулъ обидѣть, наказать его плетью) **. Г. Мерше пришелъ въ квартиру, и когда спросили его, какъ онъ смѣлъ сдѣлать такой поступокъ, онъ хотѣлъ продолжать дерзости, но *** его сбили съ ногъ локкимъ ударомъ въ щеку, и разложи выскли плетью. А саблю взявъ, отослааъ я къ наслѣднику, и объяснилъ притомъ, что мнѣ пріятно надѣяться, что подобный подлецъ въ службѣ его терпимъ не будетъ. Отвѣтъ данъ мнѣ былъ, что онъ выгнавъ будетъ изъ города, саблю однакоже не приняла ****, ибо, предупредивъ будучи, Аббасъ-Мирза спасся въ своемъ гаремѣ, чтобы не допустить моего посланнаго.

На другой день дама была мнѣ аудіенція, (и я увидѣлъ дѣйствіе шахскаго фирмана, ибо не смѣли никакихъ предложить условій о церемоніалѣ), а и чиновники посольства введены были въ комнату, поставлены мнѣ были кресла; для поднесенія подарковъ государя императора имѣлъ я другое свиданіе, и привѣтствіе и вѣжливости взаимно расточаемы были безъ пощады. Вскорѣ послѣ сего приглашенъ я къ Аббасъ-Мирзѣ.

Послѣ обѣда разговоръ былъ продолжительный о разныхъ предметахъ, и коснулось до того, что какъ я требую возвращенія павшихъ и бѣглыхъ, то не долженъ досадовать, если многіе изъ нихъ не объявятъ согласія возвратиться, что ему, говорилъ онъ, гораздо прискорбнѣе должно быть, что цѣлая область, Персія принадлежащая, въ рукахъ нашихъ, и онъ на то не жалуется †. Я весьма учтиво

* Муравьева.

** Этого мѣста нѣтъ въ друг. спискѣ.

*** Но оскорбленный имъ музыкантъ... сбился... и наказанъ розгами.

**** Долго не принимали...

† Покоряясь силѣ обстоятельствъ....

отвѣчалъ ему, что когда его величество, шахъ, разсудитъ за благо не требовать ихъ изъ уваженія къ доброй дружбѣ и благорасположенію государя императора, то уже не приличествуетъ намъ обсмѣть никакое сужденіе о томъ; въ разсужденіи же принадлежности Персіи тѣхъ областей, я присоединилъ, что это легко тѣмъ доказывается *, что онѣ всегда признавали себя независимыми, и что не будучи покорены россійскимъ оружіемъ, добровольно прибѣгли подъ покровительство императора. Еслибы покровительствовали ** они Персіи, то могли ли они по произволу своему располагать собою. Если ваше высочество почитаете ихъ потому принадлежащими, что шахъ Надиръ внесъ въ нихъ оружіе, то не всегда тѣ земли, которыя въ продолженіи войны временно занимаютъ войсками, навсегда остаются покоренными, и сему тотъ же шахъ Надиръ можетъ служить примѣромъ: ибо когда оставилъ онъ часть войскъ своихъ въ Дагеставѣ и съ главными силами удалился, то жители тѣхъ странъ, не желая покорствоваться власти его, напали на оставленныя войска и ихъ истребили. Обратимся еще къ ближайшимъ временамъ, сказалъ я ему: Ага-Махмедъ-Ханъ, родственникъ *** вашъ, какимъ образомъ осаждалъ Шушу, собственную крѣпость? ибо вы считаете ханство Карабахское вамъ принадлежащимъ; (какой же подвластный ханъ защищался противъ своего государя?) Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имѣющіяся въ ханствахъ грамоты шаховъ и персидская монета могутъ служить доказательствомъ, что Персія простираетъ владычество свое на сіи земли. Я возразилъ, что грамоты не могутъ быть доказательствомъ, особливо въ то время данныя, когда боязнь и страхъ выпрашивали оныя у власти (насильственной и) беззаконной, что монету **** бьютъ и теперь такія земли, которыя Персіи не принадлежатъ. Аббасъ-Мирза сказалъ мнѣ, что онъ конечно лучше знаетъ исторію своей земли нежели я. Я отвѣчалъ, что не смѣю спорить въ томъ, что † я не хуже знаю исторію тѣхъ странъ,

* Опровергается...

** Еслибы завистли онѣ отъ Персіи...

*** Дядя...

**** Персидскую.

† ...Но что во всякомъ случаѣ я не хуже...

которыхъ Персія въ себѣ не заключала, какъ, на примѣръ, Азербиджанской области и самого Тавриза, въ которомъ вы теперь имѣете пребываніе; шахъ Аббасъ Великій взялъ его отъ Турокъ, присоединилъ и умѣлъ удержать во власти Персіи, но въ то же время трудно согласить меня, что Авганцы и Индія должны принадлежать Персіи потому, что шахъ Надиръ былъ тамъ съ войсками, точно какъ былъ онъ въ Карабахѣ и Дагестанѣ *. И того и другаго завоеванія, Персія по причинѣ внутреннихъ безпокойствъ сохранить была не въ состояніи, а потому народы, уразумѣвшіе возможность возвратить потерянную независимость, воспользовались обстоятельствами и возстали противъ насилій и угнетеній. Россія въ послѣдствіи приняла эти независимыя области подъ свое покровительство. Онъ казался въ вѣрности государю, который подданныхъ своихъ безъ защиты не оставляетъ. Аббасъ-Мирзѣ непріятенъ былъ сей разговоръ, и онъ старался доказать мнѣ, что я несправедливо о томъ разсуждаю, и возраженія свои началъ сопровождать нѣкоторою горячностью. Я замѣтилъ ему, что можно оставить этотъ разговоръ, но что я справедливую сторону привыкъ защищать смѣло, и что ежели здѣсь не въ обыкновеніи разсуждать свободно, то я еще не успѣлъ сдѣлать къ тому привычки. Онъ говорилъ мнѣ, что не полагаетъ, чтобъ обязанность посла состояла въ томъ, чтобъ урекать его въ присвоеніи власти и оспаривать его коренныя права. Я отвѣчалъ, что должность моя и въ томъ заключаться не можетъ, чтобы то, что по всѣмъ правамъ принадлежитъ намъ, согласиться принять отъ нихъ въ видѣ снисхожденія.

На другой день приставъ при посольствѣ ** предупредилъ меня, что Аббасъ-Мирза желаетъ меня звать обѣдать. Я зналъ этикетъ персидскій, что, какъ шахъ, и омовья его никогда не обѣдаютъ какъ одни, а всѣ прочіе угащиваются особенно. Поблагодаривъ за приглашеніе, я объяснился, что мнѣ, какъ послу, неприлично быть призвану для накормленія, тогда какъ невозможно быть вмѣстѣ за столомъ съ Аббасъ-Мирзою. Меня хотѣли убѣдить,

* И Ширвани.

** (Мегмедаръ).

что воѣ до меня то дѣлали, но я не согласился. Аббасъ-Мирза, угождая мнѣ, избралъ новое средство. Въ обѣденное время позванъ я былъ въ загородный его домъ, съ моею свитой, гдѣ мы нашли его занимающагося устройствомъ сада. Погулявъ съ нами нѣкоторое время, онъ пригласилъ меня и обоихъ совѣтниковъ въ бесѣдку, будто имѣя нѣчто говорить со мною, а одному изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ поручилъ заниматься съ остальными лицами моей свиты. Разговоръ со мною начался извиненіями въ томъ, что говорилъ наканунѣ съ нѣкоторою горячностью и дѣлалъ, можетъ-быть, непріятныя мнѣ возраженія. Я отвѣчалъ ему, что самъ прошу извиненія, если неумѣсто былъ чистосердеченъ и не умѣлъ въ сужденіяхъ своихъ забыть того, что я посолъ россійскаго императора. Онъ признался мнѣ, что его тронуло сдѣланное мною замѣчаніе, что и самый Тавризь не есть древняя принадлежность Персіи, но полученное отъ Турокъ пріобрѣтеніе. Послѣ того онъ сказалъ: если посолъ сильнаго государя рассуждаетъ такимъ образомъ, то я и въ столицѣ своей не долженъ почитать себя въ безопасности. „Мнѣ легко отвѣчать на сіе вашему высочеству и совершенно оправдаться. Если можно винить государство въ сдѣланныхъ завоеваніяхъ, то ни одно не заслуживаетъ столько упрековъ за то, какъ Россія. Покореніе Персіей Азербиджанской области не иначе отнестись можетъ какъ къ славѣ ея.“ Въ продолженіи разговора мы оба сидѣли въ креслахъ; послѣ сего предъ нимъ и предо мною поставили столы и закуски. Это былъ первый примѣръ, что сынъ шаха, а что еще болѣе, наследникъ престола, обѣдалъ въ одной комнатѣ и въ одно время съ кѣмъ-либо, а паче съ иностранцемъ. Я принялъ сіе знакомъ особеннаго уваженія, но еще болѣе удивленъ былъ, когда, вставъ изъ-за стола, говорилъ онъ слишкомъ часъ безъ соблюденія всякихъ церемоній: въ знакъ, что между нами не должно быть никакого неудобольствія, онъ подалъ мнѣ руку и мы пріятельски пожали одинъ другому руку. Чиновники мои также были пріятельски угаживаемы особенно, въ саду. Сей родъ вѣжливости со стороны Аббасъ-Мирзы былъ выше всякаго ожиданія.

Аббасъ-Мирза постигаетъ необходимость въ ученыхъ

офицерахъ, и потому вѣсколько молодыхъ людей знатнѣйшаго рода обучаются въ Англіи на его иждивеніе. Чѣмъ оправдаются * многія изъ европейскихъ державъ, если со временемъ въ Персіи образованіе военныхъ людей будетъ тщательнѣйшее. Сосѣди не должны взирать съ равнодушіемъ на сіи предпріятія, извѣдавъ въ народѣ отличную способность къ подражанію. Знатные люди изъ опасенія, чтобы преимущества и награды, доселѣ переходившія отъ отца къ сыну, не сдѣлались наградой достоинѣйшаго, будутъ стараться затруднять, по возможности, успѣхи просвѣщенія. У всѣхъ знатныхъ сего міра обнаруживается та же боязнь. Еще не мало препятствовать будутъ обстоятельства, отдавшія образованіе Персіанъ въ руки Англичанъ, которыхъ сухой и холодный характеръ изъ пламеннаго свойства Персіанъ неудобно извлекать всѣхъ возможныхъ средствъ. Грубое обращеніе ихъ мертвитъ добрую волю Персіанъ; малое свисхожденіе къ недостаткамъ ихъ порождаетъ злобу. Еслибы Французы были въ Персіи столько времени, какъ Англичане, съ ихъ искусствомъ возжигать честолюбіе, давать наклонностямъ согласное съ намѣреніемъ направленіе, Персія недавно уже была бы на себя не похожа. (Какимъ быстрымъ ходомъ приближили бы они военныя званія (?), простѣйшими правилами, изъ обширной опытности извлеченными. Персіанъ надобно увлекать обольщеніями, лаская страсти ихъ, льстя самолюбію, и тогда можно давать волю имъ **). Французы были короткое время въ Персіи и оставили о себѣ пріятнѣйшія воспоминаванія. Англичане большими деньгами перекупили себѣ расположеніе персидскихъ министровъ и самаго шаха, но въ памяти народа не изгладили Французовъ и въ мнѣніи о достоинствахъ далеко остались позади ихъ, и никогда не сравнятся.

.....

Дѣла, о которыхъ я долженъ былъ разсуждать съ каймаканомъ, шли своимъ порядкомъ. Мы условились о времени для начертанія границъ между обѣими державами, и все между нами происходило самымъ пріятельскимъ образомъ; но когда коснулись до возвращенія пѣнныхъ и тѣхъ

* Какое истолкованіе дадутъ (см. чѣмъ оправдаются).

** Нѣтъ въ друг. сп.

изъ бѣглыхъ нашихъ солдатъ, которые сами того пожелають, каймаканъ, слывущій праведникомъ, началъ употреблять всѣ мошенничества и уловки. (Я объяснилъ ему, что сколько ни почитается онъ за мудраго, но въ дѣлѣ столь ясномъ, одинъ онъ думаетъ, что можетъ обмануть *), прибѣгая къ божбѣ и клятвѣ алкораномъ. Разказывайте то ребятамъ, говорилъ я ему: неужели я не вижу, что столь же трудно вамъ произнести клятвы, сколько для меня понюхать табуку. Неужели возможнымъ почитаете скрыть злодѣйства и подлые поступки съ русскими пѣвыми? Не удерживаете ли вы теперь насильственно тѣхъ, которые желаютъ возвратиться? Развѣ не заключаете вы ихъ въ темницу, боясь, чтобы не объявили они мнѣ о своемъ желаніи. Не дерзайте говорить болѣе, ибо сегодня одинъ изъ сихъ несчастныхъ, обманувъ стражу, бросился съ крыши къ стоящему у обоза русскому караулу. Онъ въ моихъ рукахъ, и я, славъ съ него показаніе подъ присягою, опубликую безчестное и гнусное ваше поведеніе. Если въ первый разъ жизни вашей вы слышите человѣка, говорящаго вамъ и о васъ самихъ правду, и она вамъ непріятна, держите заставить меня молчать. Насъ здѣсь 200 человѣкъ. Вы въ столицѣ наследника престола и среди войскъ вашихъ, прибавьте еще къ нимъ 100 баталіоновъ, и я не лучше буду уважать васъ. Предупредите вашего наследника, что если во дворцѣ его я увижу въ числѣ его тѣлохранителей русскаго солдата, не взирая на его присутствіе, возьму за грудь его и вырву отъ васъ... Каймаканъ былъ въ величайшемъ смятеніи, тѣмъ болѣе, что нѣсколько свидѣтелей видѣли, какъ обращаются съ вельможею, котораго всѣ трепещутъ. Онъ упрекалъ мнѣ, что я поступаю насильственно и не хочу выслушать оправданія. Я рѣшилася слушать но какъ онъ по обыкновенію своему началъ отъ сотворенія міра, то я посовѣтовалъ ему оставить пустые разказы и говорить дѣло, буде можетъ, или по крайней мѣрѣ отвѣчать на вопросы. (Опять была ужасная схватка, и я его уничтожилъ совершенно **.) Я спросилъ его, что столько привязываетъ его къ нашимъ бѣглымъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что Аббасъ-Мирза имѣетъ къ нимъ большую довѣренность,

* Нѣтъ въ друг. сп.

** Тоже.

оставилъ изъ нихъ внутреннюю свою стражу и въѣхалъ въ особу свою. Следовательно, сказалъ я ему, не достаточно только того, чтобъ отлучая сіа гвардія проложила ему путь къ престолу персидскому, чего я, какъ добрый союзникъ, весьма желаю. Я надѣюсь, г. каймаканъ, что вы согласитесь съ тѣмъ, что о подобныхъ происшествіяхъ необходимо знать главнокомандующему въ Грузіи, какъ ближайшему сосѣду. Прекративъ такимъ образомъ разговоръ, я съ нимъ расстался. Еще было одно, въ такомъ же родѣ, дружеское свиданіе.

Имѣлъ я прощальную аудіенцію у Аббасъ-Мирзы и вмѣстѣ со мною были многіе изъ чиновниковъ. Онъ привалъ насъ съ возможною внимательностію, говорилъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что я остаюсь весьма доволенъ и, конечно, не увожу съ собою ни малѣйшей непріятности, что * каймаканомъ донесено ему о согласіи моемъ оставить чиновника, для отбранія показанія отъ пѣнныхъ и бѣглыхъ, желающихъ возвратиться. Увѣренія въ искренности были взаимныя и, кажется, сей трактатъ добраго согласія и дружбы обязались мы сохранить и въ будущей жизни. Съ Персіянами къ подобнымъ условіямъ надобно приступать безъ затрудненія, страшиться будущей жизни не должно, ибо рѣдкій изъ Персіанъ въ настоящей жизни не измѣнитъ ** своимъ обязанностямъ. (Всегда безтрепетно призывалъ я въ свидѣтели великаго пророка Магомета и свискивалъ довѣренность къ обѣщаніямъ моимъ, ибо ***) я увѣрилъ, что предки мои были Татары, что весьма еще недавно ближайшіе родные мои переѣхали законъ. Имъ пріятно было думать, что во мнѣ кровь мусульманская. Я выдалъ себя за потомка Чингисъ-хана, и верѣдко, рассуждая съ ними о превратностяхъ судьбы, удивлялъ ихъ замѣчаніями моими, что я нахожусь посломъ въ той самой землѣ, гдѣ владычествовали мои предки, гдѣ все покорствовало страшному ихъ оружію, и утверждаю миръ, будучи посломъ народа, насъ побѣдившаго. О семъ доведено было и до шаха, и онъ съ уваженіемъ **** смотрѣлъ на потомка столь ужаснаго завоевателя.

* Хотя (зм. что).

** Не попытается сплутовать (зм. возм. своимъ и пр.)

*** Нѣтъ въ друг. сп.

**** Съ благоговѣніемъ.

Доказательствомъ происхожденія моего служилъ бывшій въ числѣ чиновниковъ посольства, двоюродный братъ мой, поковникъ Ермоловъ, которому, по счастью для меня, природа создала черные подслѣпозатые глаза и, выдвинувъ впередъ скудистыя щеки, растирала лицо на подобіе камаыцкаго. Шаху донесено было о сихъ явныхъ признакахъ моей природы, и онъ приказалъ его доказать себѣ. Одинъ изъ вельможъ спросилъ меня, есть ли у меня родословная? Рѣшительный отвѣтъ, что она сохраняется у старшаго въ нашей фамиліи, утвердилъ навсегда принадлежность мою къ Чингисъ-хану. Однажды я даже намекнулъ, что могу отыскивать права на персидскій престолъ, но замѣтилъ, что Персіане подобными шутками не любятъ забавляться. Въ народѣ же столько легковѣрномъ и частыми переѣздами привыкшемъ къ непостоянству, шутка сія можетъ имѣть важныя слѣдствія. Въ случаѣ войны, потомокъ Чингисъ-хана, начальствуя самъ надъ необходимыми русскіими войсками, можетъ имѣть на народъ великое вліяніе.

Простаясь съ Аббасъ-Мирзою и приготовивъ все къ отъѣзду будущаго дня, оставалось мнѣ въ послѣдній разъ видѣться съ каймаканомъ.

Поутру былъ я у него, и когда требовалъ онъ, чтобы по условію оставилъ я чиновника для извѣданія отъ пѣтивыхъ и бѣглыхъ о желаніи ихъ возвратиться, я отказалъ; ибо въ ту самую ночь, боясь, чтобы русскіе солдаты, узнавъ о выѣздѣ моемъ, не явились ко мнѣ, не только посадили * ихъ подъ караулъ, но вѣкторымъ надѣли колодки на ноги. Я представилъ всю гнусность поступка, и разругавъ каймакана, какъ человека безчестнаго, хотѣлъ только отправиться въ путь, какъ Аббасъ-Мирза прислалъ приглашать меня къ себѣ, вѣроятно, узнавши о томъ, что у меня съ каймаканомъ происходило. Я извинился, что будучи одѣтъ по-дорожному, не смѣю къ нему представиться, что съ самаго утра отправлены мои экипажи и я не имѣю съ собою другой одежды. Каймаканъ старался меня увѣрить, что все будетъ сдѣлано въ мое угожденіе, что я не буду имѣть причины роптать, и что они, для оправданія своего, просятъ, чтобы я оставилъ чиновника. Я отвѣ-

* Они посадили .. вѣзъ на бить колодки...

чая, что обмануть бытъ не хочу, и жалѣю, что прежде позволялъ столь низко себя обманывать—и убѣжалъ.

.....

День выѣзда изъ Тавриза былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Я ждалъ его съ нетерпѣніемъ, ибо смертельно наскучило мнѣ непрерывное притворство, одинъ и тѣ же увѣренія въ дружбѣ тѣхъ, которые очевидно желаютъ намъ зла, и скрыть не могутъ къ намъ своей ненависти. Безконечныя повторенія самыхъ мучительныхъ привѣтствій, которая по всему государству какъ будто отданы при паролѣ, утомили меня до крайности. Вырвался я наконецъ изъ сего ненавистнаго мѣста, которое я не иначе соглашусь увидѣть, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, для раззоренія гнѣзда всѣхъ враждующихъ намъ. Здѣсь въ образѣ каймакана предсидитъ коварство въ сонмѣ всѣхъ злодѣяній и нечестія, и уста его изрекаютъ законъ, развязующій всѣ преступленія. Аббасъ-Мирза (образовавшему юность его) отдалъ полную власть и въ простотѣ своей оаужитъ орудіемъ злодѣйствъ его. Природа не дала ему персидскихъ наклонностей, но съ ребчества, будучи свидѣлемъ всякаго рода неистовствъ, согласовалъ онъ съ ними свои правила и готовъ на всѣ безчестныя дѣянія.

.....

Городъ Нахичевань. Здѣсь съ удовольствіемъ увидѣлъ я сѣрнаго хана, ибо онъ одинъ во всей силѣ чувствуетъ гнѣвность правленія, которому крайность одна заставляетъ повиноваться.

.....Послѣдніе дни жизни моей, говорилъ онъ, успокою я подъ сильною защитой оружія вашего. Нѣкоторое предчувствіе меня въ томъ увѣраетъ, ибо зная Персіанъ, не полагаюсь я на прочность дружбы, которую вы столько утвердить старались; я не сомнѣваюсь, что или она нарушатъ оную своимъ вѣроломствомъ, или васъ заставятъ нарушить ее, вынуждая мстить за вѣроломство

.....

Октября 2. Урочище Башабаранъ. Граница российская въ сторонѣ Персіи. Далеко не доѣзжая, встрѣченъ я былъ командою донскихъ казаковъ, высланныхъ для конвоя. Векоръ послѣ сего, на возвышеніи усмотрѣли мы развѣвajícíся знамена храбрыхъ войскъ нашихъ. Удовольствіе

мое было выше всякаго выраженія и теперь не вспоминаю я о томъ равнодушно. Далеки были отъ меня горделивыя помышленія, что я начальствую въ страхахъ сихъ, что мнѣ повинуются страшима сіи войска. Я сталъ бы въ рядахъ сихъ храбрыхъ воиновъ, и товарищемъ ихъ въ равномъ съ ними состояніи я нашелъ бы удовлетвореніе моеи гордости. Никогда неразучно со мною чувство, что я Россіянинъ.

Тебѣ, Персія, не держащая расторгнуть оковы помоснѣйшаго рабства, которая нелагаетъ ненасытная власть, никакихъ предѣловъ не признающая; гдѣ подлая народа свойства уничтожаютъ достоинство человека и отьемаютъ познаніе правъ его; гдѣ вѣра научаетъ злодѣяніямъ, дѣла добрыя не получаютъ возмездія; гдѣ нѣтъ законовъ, преграждающихъ своеволие и насиліе; гдѣ обязанности каждаго истолковываются раболѣпнымъ угожденіемъ властителя; тебѣ, тебѣ посвящаю я ненависть мою, и отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое.

Октября 10. Городъ Тифлисъ. Въ то самое время возвратился я изъ Персіи, въ которое прошлаго года пріѣхалъ изъ Петербурга. Съ какихъ противоположныхъ сторонъ! Въ какое непродолжительное время! Здѣсь нашелъ я бездну дѣлъ, и нѣтъ времени помышлять о семъ журналѣ. Окачиваю мои записки, которыя писалъ я для того, чтобы прочесть какъ шутку друзьямъ моимъ, или въ послѣдствіи привести на память происшествія *, которыя странностію своею всегда казаться будутъ новыми.

Письмо А. П. Ермолова, къ графу А. А. Закревскому.

Любезный и почтеннѣйшій
Арсеній Андреевичъ!

Съ чудесною скоростью окончивъ дѣла мои въ Персіи, и сходно съ волею государя императора, возвращаюсь къ половинѣ будущаго ноября въ Тифлисъ.

Сначала приняли меня ловко Персіане, но кончилось тѣмъ, что я ихъ застрашалъ такъ, что они отказались отъ конференцій со мною и

* Нѣсколько любопытныя (въ. которыя.... новыми).

оставили всё свои претензіи на возвращеніе имъ земель, нами завоеванныхъ. Я вершка не уступилъ, хотя предоставляемо мнѣ было найдти возможность сдѣлать шагу угодное. Приходилось такъ, что я объявилъ министрамъ персидскимъ, что если малѣйшую увидю я холодность, или намѣреніе прервать дружбу, то я, для достоинства Россіи, не потерплю, чтобъ они перыме объявили войну, а тотчасъ потребую по Аракъ и назначу день, когда приду въ Тавризъ. Надо замѣтить, что это столичный городъ любимаго сына, назначеннаго наследникомъ. Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорилъ о войнѣ, то она прикидывала на себя выраженіе чувствъ человѣка, готоваго схватить зубами за горло. Къ несчастію ихъ, я замѣтилъ, что она того не любитъ, и тогда великій разъ, когда недоставало мнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, я дѣйствовала зѣвкою рожей, огромною своею фигурой, которая производила ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что она убѣждалась, что не можетъ же человѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ. Когда доходило до шаха извѣстіе, что я человѣкъ—зѣвръ неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ я отравлялъ его ласкою, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня, и онъ готовъ былъ обвинять того, кто мнѣ угодить не можетъ.

Не говори, братъ Арсеній, не разъ случалось, что я, выхваляя рѣдкія и высокія души его качества, и утѣряя, сколько я ему преданъ и трюнуть его совершенствами, призывалъ слезу на мои глаза и такъ и талъ отъ умиленія. На другой день только и говорено было обо мнѣ, что не было такого человѣка подъ еолдцемъ. Послѣ чего не смѣлъ никто говорить противъ меня, и я съ министрами поступалъ самовластнымъ образомъ. Чего они не смѣли докладывать, я самъ объявлялъ, и до того довелъ шаха, что онъ, шутя и смѣясь, спрашивалъ, почему я ему никакой области не отдаю. Сему повѣрить невозможно, чтобъ о томъ предметѣ, котораго исполненія ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ долго, могъ онъ рассуждать равнодушно и даже съ шуткой. Министры удивлялись сему происшествію и говорили, что я ворожея: вотъ могу сказать по справедливости, мадулъ важно, но сіе потому извинительно, что тутъ ничего не возможно сдѣлать порядочнымъ образомъ.

Теперь нѣсколько спѣшу отправленіемъ курьера, но изъ Тифлиса буду писать обстоятельнѣе, или если успѣю кончить собственнымъ мой журналъ, то лучше прошу его, чтобы ты, когда свободно, прочитывалъ. При немъ будутъ и всё мои бумаги, которыя всё безъ исключенія писалъ я собственною рукою, дабы никто не могъ взять чего-либо на свой счетъ. Меня отравили, какъ великаго юношу, и дали мнѣ наставниковъ, а я ихъ оставилъ въ покоѣ и самъ маршалъ, какъ Богъ положитъ по сердцу. Избави Богъ, еслибъ я послѣдовалъ обыкновенному порядку, то мнѣ бы сѣли Персіане на плечи, а теперь я задаю такого страху, что думаютъ, что довольно мнѣ задумать о гибели Персіи, то я сдѣлаю, что и государь не провѣдетъ, а его имя... Здѣсь поданы Англичане, живущіе на жало-

завыл Персіанъ, въ угожденіе имъ дѣлаемъ самымъ глупымъ расчетъ нашъ злушеша. Разкажи государю пресмѣшную, случившуюся со мною, исторію. Я пріѣзжаю въ Тавризъ; одинъ бѣглый Французъ, захваченный при лицѣ Наполеона и въ персидской службѣ полковникомъ, осмѣлива душка моимъ музыкантамъ, поставленнымъ на квартиру въ домѣ, гдѣ они жаль, ударить саблею и выгнать коня. Я послалъ требовать отъ насѣдника, чтобы Французъ былъ наказанъ за дерзость, имѣ обѣщанъ удовлетвореніе, но ничего не сдѣлали. Я среди стѣнцы, занятой большими персидскими снами, поставилъ свой караулъ, велѣлъ взять полковника наполеониста подъ стражу и обижеными музыкантамъ откнестъ за обиду. Онъ былъ наказанъ вощочной и вышеченъ розгами, а саблю его я отослалъ къ насѣднику, и Французъ былъ тотчасъ исключенъ изъ службы и выгнанъ коня. Вотъ какииъ образомъ въ безтолковой сей землѣ поступать надлежитъ, или иначе ни до чего не добьешься. Это не дипломатическій поступокъ, но вполнѣ удачный и рѣшительный. Прощай, поклонись брату Василью и Кикину. буде они въ Москвѣ; изъ Тифлиса, буду къ вамъ писать.

12 окт. 1817. *

Два письма великаго князя Константина Павловича.
къ А. П. Ермолову.

I.

Варшава, 25-го іюля, 1816 года.

Почтеннѣйшій, любезнѣйшій и храбрѣйшій сотоварищъ,
Алексѣй Петровичъ!

Имѣлъ я удовольствіе читать начертаніе ваше къ единственному нашему Курутъ,** за которое благодарю весьма васъ, патеръ Ермоловъ, видя въ немъ старое ваше ко мнѣ расположеніе. Будьте увѣрены всегда въ моихъ къ вамъ чувствахъ дружбы и уваженія. Поздравляю васъ съ новымъ вашимъ назначеніемъ и съ довѣренностью, которую въ семъ случаѣ оказалъ всемогущѣйшій государь императоръ къ заслугамъ вашимъ. Признаюсь, что эта довѣренность штука не изъ послѣднихъ и во времена оны самъ бы Палероаль и товарищи задумались, но тутъ какъ онъ не опасенъ, то думаю, что великіе мыслящаго вѣка Кустепреке съ большимъ удовольствіемъ узнаютъ о семъ. Ибо по словамъ старой пословицы: que tout chemin conduit à Rome. Позже не сворачивали ни мало прогуляться въ мѣстѣ расположенія всегда богатыхъ арій сухимъ путемъ. О пославствѣ вашемъ совсѣмъ не удивляюся. Я вамъ сказывалъ всегда и повторялъ вамъ слова, что единственный Ермоловъ генералъ на все, на, избави

* Это должно быть ошибка: Ермоловъ воротился изъ Персіи въ 1816 г.

** Гр. Дмитрій Дмитриевичъ Курута.

Боже, оспрыжка et сени, toutes les extrémités se touchent, чтобы, по поводу путешествія нашего, не сдѣлались съ нашей стороны всеобщей прогулки по частямъ чуждымъ. Швейцарскія шуги много перевели народу во Францію. Милости Бога, чтобы Персія тоже бы не перевела много православныхъ, можетъ бы, не угощавалась нашихъ. Впрочемъ все касается етъ населе-верства наследника общества Грубера. * У насъ все смирно и, слава Богу, хорошо дѣло идетъ впередъ, но хаосотъ и работа много. Задвинулъ двери у насъ нѣтъ, и хотя вы и увѣрены, что я наследникъ Грубера, но, въ оправданіе скажу вамъ, что для этого я слишкомъ горячъ, строгъ и откровененъ. Въ доказательство чего прошу васъ быть увѣрену во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженіи и во всегдашней дружбѣ.

II.

Алексій Петровичъ!

На записку вашу, что Ермоловъ два года проситъ о переводѣ извѣстнаго Граббе въ гвардію, съ тѣмъ чтобы онъ остался въ командѣ начальника своего Дмитрія Дмитриевича, его высочество изволилъ обѣщать сдѣлать. Дмитрій Дмитриевичъ обѣщалъ исполнить; великій князь и не такія дѣлалъ милости; скажу вамъ, что я охотно бы исполнилъ ваше желаніе, но препятствіе къ тому состоитъ въ томъ, что если его представить перевезти въ старую гвардію, то государь изволилъ потребовать: былъ ли онъ въ походѣ и сраженіи, какія оказалъ отличія? Ибо безъ этого князь не переводятъ, а онъ, какъ извѣстно, не былъ; въ молодую же гвардію его перевезти никакой нѣтъ для него выгоды, потому что Дворянскаго полка офицеры каравятъ съ оной пользуются однимъ чиномъ противъ арміи! Вотъ вамъ причины, въ чемъ состоитъ остановка; но дѣлать вамъ пріятное есть для меня всегда большое удовольствіе, и прошу васъ вѣрить въ искреннемъ и совершенномъ моемъ къ вамъ уваженіи и дружбѣ.

25 іюня 1816 года. **

Отъ А. П. Ермолова къ хану Шекинскому.

Г-нъ генералъ-майоръ ханъ Шекинскій!

Едва я пріѣхалъ сюда, какъ уже закидалъ просьбами на васъ. Не хочу я вѣрить имъ безъ изслѣдованія, ибо въ каждой изъ нихъ описаны дѣйствія, одному законному и жестокому человѣку приличныя. Я поручилъ удостовѣриться о всемъ томъ чиновнику, заслуживающему вѣры. Если

* Извѣстно, что Ермолова называли именемъ езуита патера Грубера

** Здѣсь должна быть ошибка: этимъ же числомъ помѣчено и предыдущее письмо, см. выше.

точно откроетъ оныя тѣ жестокости, которая дѣлаемъ по волѣ вашей, что могутъ доказать оторванныя щипцами носы и уши, то я приказалъ воиновъ таковыхъ неслыханныхъ пометать въ дѣмъ вашимъ до тѣхъ поръ, пока вы ихъ не удовлетворите. Чиновника вашего, который былъ одного жителя валами до того, что оныя уперъ, и тѣло его было брошено въ ровъ, я приказалъ взять и, по указу моему, какъ вамъ судно, будетъ лишены жизни. Советую вамъ, г-ль генералъ-майоръ ханъ Шекисскій, быть осмотрителемъ въ выборѣ чиновниковъ, назначаемыхъ для приведенія въ исполненіе вашей воли; паче советую вамъ, чтобы воля ваша не была противна милосердію и великодушію государя, который управленіе ханствомъ вѣрилъ вамъ совѣтъ не въ томъ намереніи, чтобы народъ, его населяющій, страдалъ въ дни славнаго его царствованія, и ручаюсь вамъ, что если найдутъ жалобы основательными, я научу васъ лучше исполнять намеренія всемогуществѣннѣйшаго вашего государя. Знайте, что я ни шутить, ни повторять своихъ приказаній не люблю.

Ермоловъ.

(До слѣд. №.)

М. ПОГОДИНЪ.

НЕУДАВШИЙСЯ РОМАНЪ

XI.

Дней черезъ пять послѣ того Оляшевъ съ княгиней ѣхали въ Троицкій переулокъ.

— Съ собой я васъ не возьму; вы останетесь въ каретѣ, сказала она ему.

Онъ ей кивнулъ въ знакъ согласія головой.

Карета между тѣмъ остановилась, и Оляшевъ проводилъ княгиню до дверей Дасолецкой.

Когда она вошла въ знакомую намъ гостиную, тамъ все уже было приготовлено къ ея прибытію. Спрятали амизку, одѣли рябую въ праздничный нарядъ, женскій швейцаръ съ вымытыми руками, по первому звонку, отперъ дверь, Дасолецкая надѣла чепчикъ и вымазалась какою-то помадой *а-ля-бергаломъ*, чашки были сняты, попугай завѣшенъ, горшки съ цвѣтами политы.

— Не благоугодно ли вашему сіятельству присѣсть на диванъ, продекламировала Дасолецкая, отодвигая столъ съ лампою:—здесь вамъ будетъ покойнѣе.

Княгиня попросила остаться съ ней маедивѣ. И опять восамшались слова: „Зивочка, ма филь, але данъ лапартаманъ акуше.“

Онъ остался вдвоемъ.

Дасолецкая посмотрѣла на княгиню, съ какимъ-то торже-

ствующимъ видомъ. Она представила себѣ удивленіе, которое выразится на лицѣ высокой гостьи въ то время, когда она начнетъ ей на бобахъ или на другой какой-нибудь драги открывать ея сокровенныя тайны.

— Вы можете мнѣ показать вашъ видъ въ удостовѣреніе вашей личности? вдругъ спросила ее княгиня.

Дасонецкая съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства встала, подошла къ горкѣ, на которой симметрически разставлены были чашки, прессы съ яичкомъ, генералъ изъ фарфора, и достала оттуда сложенный вчетверо листъ бумаги.

— Вотъ вамъ формуляръ покойнаго мужа моего, сказала она.

Княгиня наскоро пробѣжала его.

— Вамъ, стало-быть, эта рука знакома...

И она показала письмо Халонскаго.

Дасонецкая, уткнувши носъ въ письмо, узнала въ каракуляхъ собственный почеркъ.

Она очень удивилась и даже смѣшалась.

Княгиня, чтобъ ее успокоить, сунула ей въ руку папку ассигнацій.

— Вашему сіятельству угодно насчетъ этого?.. спросила Дасонецкая тихо и опустивъ глаза.

Княгиня молча кивнула головой.

Дасонецкая извинилась, встала и ушла въ другую комнату, но тотчасъ вернулась, заложивъ дверь задвижкой; то же самое повторила она и съ другою дверью которая была въ переднюю.

Потомъ, утѣвшись противъ княгини, она начала въ полголоса:

— По себѣ я бабушка, ваше сіятельство, и идию на это дипломъ. 5-го декабря... года въ самую полночь, я тогда еще жила на Карочной, но мнѣ позволили. Вошелъ, съ вашего позволенія, мужчина въ очкахъ, фуляромъ закрывалъ себѣ подбородокъ. Обирайтесь, говорить, скорѣе къ родильницѣ; внизу васъ ждетъ карета; я, говорю, за вами прійду. Ну мнѣ долго ль собираться. Взяла мѣшокъ, накинула сапогъ и была такова. Мы вышли, а на дворѣ такая темень, что себя не видишь, отъ вѣтра фонари гасли. Приказалъ мнѣ этотъ господинъ съѣсть въ карету, а самъ съѣзъ возлѣ. Въ каретѣ шпоры были опущены, кавалеръ мой спутникъ молчитъ, я тоже молчу, а сама думаю, что дальше будетъ; а на душѣ страшно, сама не знаю почему. Все мнѣ казалось, какъ-то не по обыкновенному, хоть и

ничего такого особеннаго не было. Но когда мы доѣхали и какъ стала я выходить изъ кареты: на меня накинута мѣшокъ, по своимъ плечи окутали, должно-быть заранѣе былъ подготовленъ. Подъ ручки провели меня въ какую-то комнату, и сѣла мѣшокъ: смотрю спавшая; на постелѣ лежитъ дама въ маскѣ. Мушкетеръ, что привелъ меня, тоже надѣлъ маску. Приняла, какъ сабду-еть, новорожденнаго; только родильница очень металась и все время гауко стонала, словно остерегалась кричать громко.

— Новорожденный былъ мальчикъ или дѣвочка? спросила княгиня.

— Мальчикъ ваше сіятельство, но только такой щедушный, что я опасалась чтобы тутъ же духъ не попустилъ. Не помню какъ меня опять въ карету толкнули; тотъ же господинъ сѣлъ противъ меня, держа младенца въ рукахъ. „Живъ ли, говоритъ, онъ?“ спрашиваетъ меня, а у самаго голосъ такъ и дрожитъ. Я развернула младенца-то, гляжу мертвый! Я такъ и ахнула! Что говорю намъ дѣлать? Ну какъ полиція нагрянетъ на такой грѣхъ? А господинъ въ очкахъ всунулъ мнѣ въ руку денегъ кучу, и сказалъ: „Молчите и затопите каминъ; да смотрите чтобы никто сюда не входилъ, Гдѣ у васъ, говоритъ, топливо?“ А на мой грѣхъ квартира у меня съ каминомъ была. Словомъ, ваше сіятельство затопили мы каминъ, да грѣхъ сказать, въ немъ и сожгли узелъ съ мертвымъ ребенкомъ.

Коллежская совѣтница на этомъ мѣстѣ остановилась и принялась креститься.

— Кончайте скорѣй проговорила княгиня.

— Когда все обратилось въ пепелъ, господинъ заставлялъ меня написать вотъ это самое письмецо что теперь въ вашихъ рукахъ, и потомъ снялъ со стѣны образъ и взялъ съ меня клятву никому не говорить эту тайну, развѣ только тому, кто письмо мое опять покажетъ мнѣ. Больше я не видала его и знать не знаю кто онъ таковъ.

— А вы не знаете кто была мать несчастнаго малютки? спросила видимо встревоженная княгиня, потупя взоръ и вода рукою по стоду.

— Вотъ тринадцатый годъ прошелъ послѣ этого приключенія. Въ первые годы, я людей на улицѣ боялась; какъ увижу кого-нибудь въ очкахъ, такъ и бѣжать пушусь, но потомъ какъ поутихло, меня любопытство взяло, не то чтобы во вредъ другимъ или для осласки: мало ли намъ извѣстиво

чужихъ секретовъ, а такъ собственно для себя, хотѣлось узнать эту даму или этого господина... вѣтъ, нигдѣ не встрѣчала.

— Такъ какъ вы во всей этой исторіи играете одну изъ главныхъ ролей, сказала съ разстановкой княгиня, — то я отъ васъ не скрою, что мать этого ребенка была близкая моя пріятельница и передъ смертію передала мнѣ вашу бумагу. Она мучилась однимъ: она сомнѣвалась въ кончинѣ ребенка; се увѣряли, что онъ живъ и отданъ въ Воспитательный Домъ.

— Чтобы мнѣ съ мѣста не сойти, если въ чемъ-нибудь я солгала передъ вашимъ сіятельствомъ, сказала коллежская совѣтница, устремивъ глаза на княгиню.

Онъ объ, кажется, не вѣрили: одна ужасной исторіи разказанной о младенцѣ, а другая, что мать его была только пріятельница княгиня. Дасенецкая пошла впрочемъ далѣе.

— Не угодно ли вашему сіятельству узнать свой гороскопъ, сказала она, видя что княгиня собиралась вѣхать.

— Мнѣ пора, отвѣчала та.

— Мы многое знаемъ ваше сіятельство, и если вы гадаванья не любите, то не угодно ли позволить разказать вамъ на картахъ? Вы сами бы убѣдились.

Итакъ какъ княгиня не отвѣчала, то Дасенецкая проворно сняла лампу со стола, смахнула съ него пыль, очень скоро достала колоду картъ, дунула на востокъ, поклонилась на западъ, и потомъ снявъ лѣвою рукой карты, сказала:

— Вы ваше сіятельство дама червонная: на нее я гадаю, — и съ этимъ словомъ она разложила ихъ по столу.

Княгиня не обращала большаго вниманія на слова Дасенецкой.

— У васъ много особенностей, продолжала гадальщица, — вы, напримѣръ, страшно боитесь одного цвѣта. Но это на живыхъ только предметахъ. Вы не можете безъ страха глядѣть на чернаго пуделя. Вы боитесь вѣздить на вороныхъ лошадяхъ.

Княгиня стала внимательнѣй прислушиваться къ гадальщицѣ.

— Ребенкомъ вы прятали въ ротъ волосы, у васъ и теперь осталась привычка, а это самое, ежели позволите такъ сказать, мѣшаетъ вамъ узнать настоящаго человека.

Княгиня недоувѣрчиво, но съ удивленіемъ слѣдила за движеніями гадальщицы.

— Онъ принесъ вамъ много любви и горечи. Вы его любили,

во любить перестали, забыть хотите, и не можете; онъ отецъ вашего ребенка, онъ ваша совесть.

Лицо княгини при этомъ поблѣдѣло; она грозно глядѣла на обманщицу.

— Откуда вы это знаете?

Дасодецкая лукаво усмѣхнулась.

— Карты такъ ложатся. Ежели бы вамъ было извѣстно ихъ значеніе, вы бы сами все это видѣли, отвѣчала она.

Поясненіе гадаальщицы, не удовлетворяя княгиню, ставило ее въ недоумѣніе.

— Можете вы назвать его? спросила она.

— Фамилію сказать не могу, отвѣчала гадаальщица: — но я вижу его передъ собой. Онъ недавно пріѣхалъ. Здѣсь другой, но вы перестали любить его, а прежде любил.

— Перестаньте, довольно! сказала княгиня.

Гадаальщица оста овилась, и принялась неторопливо сбирать карты.

— Я вамъ, ваше сіятельство, открыла прошедшее и представила настоящее. Ежели вѣрно, то вы вслѣдъ можете помолиться и на будущее, замѣтила она скромно. — Вамъ судьба готовить завидную будущность; исполненіе всѣхъ вашихъ желаній въ вашихъ рукахъ. Вамъ все удается, но вы своему счастью врагъ. Единственный человекъ, красоты необыкновенной, безъ памяти въ васъ влюбленъ, но вы имъ пренебрегаете...

— Ольяшевъ былъ у васъ? сказала княгиня,

— Ольяшевъ? Кто онъ такой, ваше сіятельство? Я его не знаю и никогда не видала.

— Какой же конецъ будетъ моей любви? съ недоувѣрчивостью спросила княгиня.

— Вы будете любить, когда онъ васъ оставитъ.

— А почему бы ему оставить меня? продолжала улыбувшись княгиня.

— Этого я вамъ открыть не могу, нехота проговорила совѣтница.

— Не стѣсняйтесь, говорите.

— Въ глазахъ его, вы покажетесь.... устарѣлой!

— Что за вздоръ! вскричала княгиня.— Но будетъ.

Она встала, опустила въ руку Дасодецкой крупную ассигнацію и собралась ѣхать. Дасодецкая провожала ее съ подобострастіемъ. У воротъ княгиня отпустила ее. Она сама отворила дверцы въ каретѣ и проворно вошла въ нее, такъ

что Ольяшевъ не успѣлъ даже подать ей руку. Экипажъ помчался. Ольяшевъ взглянулъ на княгиню. Она плакала.

Не видавъ ея никогда растроганною, онъ смутился; ему стало жаль ея.

Вдругъ онъ почувствовалъ тихое пожатіе руки. Они встрѣтились глазами. Краска стыда набѣжала на блѣдыя щеки княгини.—Меня никто не понимаетъ, шептала она:—одинъ ты меня понимаешь.

Въ первый разъ она ему говорила ты. Странное чувство овладѣло имъ: ему казалось будто ему наливаютъ теплую воду на продрогнувшее сердце.

Онъ коснулся руку лежавшую на его рукѣ, и тихо сталъ перебирать губами тонкія пальцы княгини.

Княгиня плакала.

Онъ обнялъ ея талию и тихо притянулъ къ себѣ.

Грудь ея возмывалась у его груди; онъ чувствовалъ на лицѣ своемъ прикосновеніе ея волосъ, отъ устъ ея вѣло пламеннымъ дыханіемъ, и электрическая искра пробѣжала по его жиламъ. Вдругъ что стало съ нимъ, когда эти тонкія аристократическія губы коснулись его губъ! Голова его закружилась, онъ лишился сознанія.

Княгиня покориласть страстному влеченію съ извѣдною простотой. Она приобрѣла способность любить, или правильнѣе, пришла въ невозможность отдѣлаться отъ любви. Любовь, служившая ей до сихъ поръ предметомъ развлеченія, вонзала глубоко свои бархатные когти въ ея опытное сердце.

Любовь не узнала старой своей знакомки съ наситѣливымъ взглядомъ, съ причудливыми претензіями; она не узнала ея облеченную въ мантию стыдливости, скромности и самоотверженія. Книга съ пожелтѣвшими листами, заклеенная свѣтскою небрежностью, съ текстомъ давно избитымъ, съ мѣстами отмѣченными саркастическимъ ногтемъ, въ силу какихъ-то темныхъ, непонятныхъ психологическихъ законовъ, получила для княгини смыслъ и высокое значеніе. Какъ стала тускнѣть отъ дыханія, чтобы свѣтлѣе и съ большимъ блескомъ выказать свою зеркальную поверхность, такъ и сердце княгини, омраченное себллюбіемъ и поддѣльными восторгами, теперь, согрѣтое лучомъ искреннаго чувства, вдругъ озарилось свѣтомъ.

Княгиня тридцать два года; она пожила много и скоро. Если ей и случилось разъ любить, то любила она какъ сама хотѣла, и произвольно располагая своимъ чувствомъ, а

теперь приходилось ей отказаться отъ собственной воли и подчиниться волѣ другаго человѣка.

Княгиня, сама удивленная этой внезапной въ себя пере-
мѣнѣ, въ одинаковой степени изумила другихъ. Маркизь Ко-
стюро признавался, что женщина любитъ всего разъ приня-
тымъ однажды порядкомъ: *c'est comme l'oiseau qui fait sa mue*.
О княгинѣ онъ отзывался: *elle se plaît dans les incongrui-
tés*.

— Если княгиня была разсудительна до опытныхъ лѣтъ,
почему бы ей теперь сдѣлаться безразсудною? замѣтилъ рус-
скій доктринеръ.

Халонскій отрицалъ у княгини всякую способность при-
нимать новыя впечатлѣнія, и настоящую любовь ея припи-
сывалъ свѣтской праздности.

Обронскіе, Вахревокіе и пречіе праздношатающіеся тра-
банты, получавшіе свѣтъ отъ одной избранной ими пла-
неты, смотрѣли на княгинину фантазію какъ на присоеди-
неніе лишняго хвостика къ безчисленнымъ хвостамъ велико-
лѣпной кометы.

Что сдѣлалось съ Ольяшевнымъ?

Общественное мнѣніе разомъ поставило его на тотъ за-
видный пьедесталъ, которому покланяется свѣтская честь.

— Пригласи меня на балъ, Ольяшевъ. Съ твоей стороны
будетъ подло отказаться въ этотъ товарищу и другу, приста-
валъ къ нему, встрѣтившись, Леонтовичъ.

— На какой балъ? спросилъ тотъ.

— Ну полно притворяться, на той недѣлѣ ты балъ даешь.

— Я самъ не знаю, буду ли я на немъ, отвѣчалъ Ольяшевъ.

— Выслушай меня хоть разъ. У всякаго своя метода. На
твоемъ мнѣтѣ я бы разболталъ свою побѣду отъ Аничкина
моста до Полудейскаго. По моему, это единственная воз-
можность понасть въ извѣстность. У тебя своя тактика, и я
не стану вмѣшиваться въ нее. Но весь Петербургъ знаетъ,
что ты вступалъ въ права князя Брянскаго, а потому изволь
приглашать на балъ.

— Что отъ меня зависитъ, изволь. Ну а какъ пассажъ вый-
детъ?

— Обронскій выдумалъ! Во всякомъ случаѣ я подъ твою
взгидой, *et ne fais jamais les choses à demi*, зови и Валькова.

— Ну вотъ еще что выдумалъ!

— Пельзя, *mon cher*. Онъ мнѣ денегъ въ займы даетъ...

— Отъ него начудей несетъ какъ отъ козла.

XII.

Одмажды Ольяшевъ, страдая лѣною, сидѣлъ у себя дома: Савельичъ вошелъ и доложилъ:—Никаноръ Васильичъ.

— Какой Никаноръ Васильичъ? спросилъ Ольяшевъ.

— Халонскій, выговорилъ не слыша Савельичъ, не знаа, такъ ли онъ произноситъ фамилію.

Ольяшевъ надѣлъ сюртукъ, пошелъ навстрѣчу, и скоро вернулся въ сопровожденіи гостя.

Халонскій, явившійся въ первый разъ къ Ольяшеву, принималъ видъ равнодушный. Онъ объявилъ, что собирався давно, но его останавливала неувѣренность застать почтеннаго хозяина дома.

Ольяшевъ предложилъ ему чаю. Халонскій закурилъ сигару.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ, хоть, можетъ быть, и не совсѣмъ умѣстный:—вы честолюбивы?

— Нѣтъ! отвѣчалъ Ольяшевъ.

Халонскій кисло улыбнулся.

— Жизнь ваша многосторонняя и представляетъ намъ разныя приманки: къ чему вы равнодушны сегодня, то завтра можетъ васъ заинтересовать.

— Я не понимаю васъ!

— То-есть, вы не хотите меня понимать. Выразусь откровеннѣе: тѣмъ, что вы теперь, я былъ десять лѣтъ тому назадъ. Вы понимаете, о комъ я говорю? спросилъ съ постановкою Халонскій.

— Вы говорите о княгинѣ Лидіи Александровнѣ, отвѣчалъ безъ запятой Ольяшевъ.

— То что я теперь намѣренъ предложить вамъ, мнѣ тоже было предложено однимъ другомъ, и я воспользовался его предложеніемъ и промѣнялъ мое положеніе на другое, хотя и не столь блестящее, но за то болѣе солидное.

— Не знаю, къ чему вы все это говорите; я могу сказать только одно,—что моя пріязнь съ княгиней и довольно близкое родство съ нею даютъ поводъ къ совершенно ошибочнымъ заключеніямъ.

— Господишь Ольяшевъ, это слова благороднаго человѣка; но между нами они лишнія.

— Чего жь вы отъ меня хотите?

— Я желаю бы, чтобы вы пользовались обстоятельствами вашего положенія.

— Мнѣ кажется, я и такъ это дѣлаю.

— Нѣтъ, не вполне. Въ вашихъ рукахъ теперь блестящая будущность. При вѣнскомъ дворѣ открывается мѣсто. Пользуйтесь моимъ вліяніемъ на посланника, я могу вамъ доставить его. Княгиня тоже можетъ въ этомъ случаѣ помочь вамъ.

— Чѣмъ же я обязанъ вашему участию?

— Моей готовности быть полезнымъ каждому, когда къ тому предстоить возможность. А мы съ вами все-таки не чужіе.

— Благодарю, но вы позвольте мнѣ отказаться.

— Какъ угодно. Только по моему вы дѣлаете непростительную неосторожность.

— Не церемоньтесь, говорите: глупость! сказалъ просто душно Ольяшевъ;—но я рѣшительно не вижу причины приневолить себя.

Халонскій пожалъ плечами.

— Мнѣ остается васъ поздравить съ счастливыми наклонностями. Но позвольте еще одинъ вопросъ: быть-можетъ вы очень богаты?

— У отца моего всего только пять сотъ душъ въ Пензѣ.

— Такъ почему вы отказываетесь? спросилъ Халонскій.

— У всякаго свой взглядъ. Человѣку назначено лѣтъ пятьдесятъ шестьдесятъ толкаться на землѣ. Такой ничтожный срокъ не стоить серьезнаго обсужденія. Пока мнѣ живется въ Петербургѣ, я живу, а тамъ уѣду въ Покатловку.

Халонскій всталъ молча, взялъ шляпу и сталъ раскланиваться.

„Не легко мнѣ эта княгиня достается,“ думалъ про себя Ольяшевъ.

„Гдѣ жь у меня разумъ былъ,“ разсуждалъ между тѣмъ Халонскій, садясь въ карету: „предложить мальчишкѣ назначеніе при вѣнскомъ посольствѣ. Откройся теперь вакансія въ турецкіе султаны, онъ бы и отъ нея отказался. Пока не натѣшится княгиней, никакой геній его не вразумитъ, Неудачная попытка!“ и онъ дернулъ за шнурокъ. Карета остановилась.

— Пошелъ на Сергіевскую, крикнулъ онъ кучеру.

Карета подъѣхала къ крыльцу дома князя Брянскаго.

Халонскій вышелъ.

— Княгини дома нѣтъ, отозвался швейцарь,—изволили въ театръ уѣхать.

Онъ проворно опять опять въ карету.

— Куда прикажете, спросилъ кучеръ.

— Пожадай въ клубъ! „Туда, говорятъ, живыхъ стерадеи навезли,“ утѣшалъ онъ себя мысленно.

По уходѣ Халонскаго, Савельичъ подаль Оляшеву записку:

„Я сегодня одна, и велѣла всѣмъ отказывать, пріѣзжай.

Lidie.“

— Давай одѣваться, да пошли за Федоромъ; чтобы въ каретѣ пріѣхалъ!

XIII.

Такъ прошло для Оляшева и княгини болѣе трехъ лѣтъ шумнаго, веселаго, тревожнаго существованія. Молодой герой нашъ привыкалъ ко всему съ неумовѣнною скоростію, и не отвыкалъ только по врожденной лѣни и безпечности.

Въ началѣ онъ страстно обожалъ княгиню. Долго онъ оставался въ недоумѣніи отъ громадности постигшаго его счастья; но прошелъ годъ, другой, и пламя, разжигаемое вѣчно носившимся передъ нимъ образомъ любимой женщины, замѣтно угасало. Онъ терялъ ощущеніе ея близости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и черты, нѣкогда волновавшія ему сердце, утрачивали тайну своего неотразимаго волшебства. Терпѣливо и тихо, какъ и прежде, выслушивалъ онъ упреки и жалобы княгини, попрежнему относилъ ихъ къ ея нервическому раздраженію; а между тѣмъ онъ пересталъ неистовствовать, укорять себя въ безчувственности, и наконецъ началъ подтрунивать надъ своенравіемъ обожаемаго имъ существа. Но княгиня не вѣрила постепенно совершавшейся съ нимъ перемѣнѣ. Она очень хорошо понимала, что досталась ему не легко. Онъ принесъ ей въ жертву свои лучшія душевныя силы; онъ возложилъ на нее всю свою будущность и въ ней скорючилъ всѣ свои надежды. Но и со стороны княгини не мало было хлопотъ: она припоминала каждое біеніе своего сердца, истрачиваемаго въ безконечныхъ ожиданіяхъ, считала вздохъ

невысказанныхъ желаній, тоску и отчаяніе въ минуты обманутаго счастья. Она считала его своимъ достояніемъ и чувствовала себя въ правѣ располагать имъ по своему произволу.

Но что же князь?

Князь былъ практической философъ, и каждое дѣло обзрѣвалъ во всѣхъ его положеніяхъ, а потомъ уже, по соображенію, подчинялся необходимости, хотя бы она и разнорѣчила съ его личнымъ интересомъ. Онъ былъ въ чинахъ и знатекъ когда женился на Лидіи Александровнѣ. Съ одной стороны, масса достоинствъ княгини, между которыми главное мѣсто занимали ея красота, связи, имя, принадлежащее къ числу тѣхъ немногихъ именъ, которыя ведутъ свое начало отъ Рюрика, а съ другой стороны, собственные недостатки князя, какъ-то: лѣта, не совсѣмъ княжеское выраженіе лица, утрата здоровья и силъ,— все это въ безпристрастныхъ глазахъ князя давало княгинѣ право пренебрегать нѣкоторыми второстепенными качествами, между которыми находилась и вѣрность долгу. Князь понималъ, что этого не возможно было требовать отъ княгини, и онъ ограничивалъ свою роль тѣмъ, что осмѣивалъ ея обожателей. Оляшевъ выводилъ его изъ терпѣнія: ему казался слишкомъ ничтожнымъ этотъ *волосатый* офицеръ, чтобы княгиня могла снисойдти до него. Но обращаемся однако къ разказу:

Была одна изъ іюльскихъ, ни съ чѣмъ несравнимыхъ, петербургскихъ ночей.

Княгиня, вопреки непремѣнному и никогда неудававшемуся желанію своему, провести лѣто въ деревнѣ, жила на Каменно-стровской дачѣ своей. Былъ вечеръ. Воздухъ пропитанъ былъ ароматомъ цвѣтовъ. Въ саду, у самой почти рѣшетки, княгиня безпокойно сидѣла на маленькомъ стульчикѣ; можетъ-быть оттого, что возлѣ нея стоялъ Оляшевъ.

Онъ также задумался. Кромѣ княгини, онъ любилъ еще лошадей. Съ большимъ знаніемъ дѣла, онъ собралъ тройку саврасыхъ казанокъ, изъ которыхъ коренная славилась бѣгомъ.

— Слушай меня, прервала вдругъ княгиня;—то что я теперь скажу—такое признаніе, на какое рѣдко рѣшается женщина; но разумъ мой убитъ любовью. У меня нѣтъ

болѣе отыда; я схоронила его въ моей любви; самолюбія тоже нѣтъ. Когда я вспомню, что мнѣ все здѣсь поклонялось, что я всѣмъ пренебрегала, а теперь до такой откровенности дошла, то кровь стынетъ и не знаю что со мною дѣлается. Силы нѣтъ сопротивляться, нѣтъ соображенія, я стыжусь своей исповѣди, и мнѣ весело передъ моимъ униженіемъ. Сколько разъ я съ ума сходила изъ страха тебя забыть: моя жизнь—твоя любовь. Ты никогда не поймешь того, что я чувствую.

Ольгашевъ въ самомъ дѣлѣ, видно, не понимаетъ, потому что на всѣ эти слова не отвѣчалъ и слегка про себя улыбался.

Безоблачное небо, между тѣмъ, покрылось звѣздами, и наступила тихая, свѣтлая, прозрачная ночь. Мѣсяцъ, отражаясь въ Невкѣ серебряною полосой, тянулся черезъ всю рѣку, по которой неслась запоздалая лодка, и слышался взмахъ ударявшихся о воду веселъ, прерываемый глухимъ раскатомъ отдаленныхъ экипажей.

— Ты знаешь, что меня теперь тревожить? заговорила опять княгиня.—Князь знаетъ про нашу любовь.

— Пусть его знаетъ, небрежно замѣтилъ Ольгашевъ.

— Онъ будетъ мѣшать...

— Стоить о такомъ вздорѣ беспокоиться.

— Для тебя, можетъ-быть, вздоръ, но не для меня, нѣтъ! возразила княгиня.

Ольгашевъ, кажется, хотѣлъ ей отвѣтить новою насмѣшкой, но въ это время лицо княгини, освѣщенное луною, вдругъ поблѣднѣло; она дрожала.

Ольгашевъ встревожился, онъ обнялъ ея ставъ и крѣпко прижалъ къ груди. Сквозь сукно ему чувствовалось глухія сдержанныя рыданія, и ему стало жаль своей княгини.

— Лидія, душенька, ангелъ, не плачь, не печалься, я душу отдамъ для твоего спокойствія. Я видѣть не могу твоихъ слезъ; мнѣ становится такъ грустно, что я самъ заплачу...

И онъ приподнималъ ея лицо, облитое слезами, и покрывалъ безсчетными, горячими поцѣлуями.

Ласки Ольгашева живительно дѣйствовали на княгиню. Сквозь слезы она ему улыбалась; она спрятала свою голову къ нему на грудь. Тайный голосъ предчувствія шепталъ

ей, что скоро наступитъ время разотаться съ радостями любви.

Она отвела рукою набѣжавшіе на лицо волосы и стала тихо всматриваться въ прекрасныя черты молодого чело-вѣка.

— Боже, что я чувствую, когда съ тобой!.. проговорила она едва слышимымъ голосомъ.

Съ легкостію, съ которою Оляшевъ приподнималъ маленькую Лидію, онъ приподнялъ самою княгиню и понесъ ее къ скамьѣ, устроенной подъ широкою елью. Тутъ на рукахъ, какъ нянька избалованнаго ребенка, сталъ онъ убаюкивать подѣлуями встревоженное набѣжавшими думами сердце.

Прошелъ еще часъ, и Оляшевъ разстался съ княгиней. Онъ вскочилъ въ коляску усталый подъ гнетомъ счастья, Коренной нетерпѣливо замоталъ головой, согнувшись въ дугу пристаяныя, и тройка быстро понеслась въ глухую безконечную даль.

Воздухъ дышалъ уже вѣчною прохладою, высоко стояв-шій мѣсяцъ разливалъ блѣдно серебристый свѣтъ на окружающую мѣстность. Тишина смѣнила тревожную суету мнувшаго дня, и только заунывный постепенно умолакавшій звукъ бубенчиковъ уносившей Оляшева тройки, пробуждалъ природу. Долго еще сидѣла княгиня на одинокой скамьѣ.

XIV.

Въ началѣ сентября князь съ княгиней переехали въ городъ.

Княгиня не видала мужа нѣсколько дней сряду; наконецъ онъ вдругъ прислалъ къ ней просить позволенія видѣться. Торжественность такого заявленія нѣсколько удивила княгиню; она велѣла всемъ отказывать и извѣстила Оляшева о случившемся. Съ совершенною точностію, въ условлен-ный часъ, въ комнату княгини приподнялась портьера, и съ обычною величавостію вошелъ князь. На этотъ разъ онъ измѣнилъ принятой привычкѣ, тѣмъ что не подошелъ къ рукѣ княгини, а раскланялся съ свойственною ему гравіозностію и сѣлъ въ кресло противъ дивана.

— Испрашивая себѣ аудіенціи, я васъ, какъ мнѣ ка-жется, обезпокоилъ, княгиня, сказалъ онъ, — но вы меня изви-ните во вниманіи къ уважительнымъ причинамъ...

— Я вся къ вашимъ услугамъ, перебила княгиня:—я только попрошу васъ оставить лишнее вступленіе.

— При всемъ моемъ желаніи сдѣлать вамъ удобное, я долженъ васъ просить вооружиться терпѣніемъ, продолжалъ онъ:—я начну издалека, да и то что я буду имѣть честь вамъ говорить, можетъ вамъ показаться tant soit peu prolixе, но сократить дѣло опять не въ моей власти.

Зная за княземъ привычку къ многословію, княгиня покорилась неизбежности и начала бить тактъ ногой.

— Я васъ слушаю.

— Неучтиво, что мнѣ приходится говорить о себѣ. Это для многихъ покажется страннымъ, но свѣтъ судить иначе, что soit dit par parenthèse, неприятно и совѣмъ не смѣшно.

Затѣмъ князь отправился за табакеркой, сложилъ фуляръ на столъ и накрылъ его очками въ фулярѣ. Онъ посмотрѣлъ вопросительно на княгиню, раскрылъ съ осторожностію табакерку, досталъ щепотку, и держа ее промежъ пальцевъ, продолжалъ:

— Un moment de patience! Я сейчасъ доберусь до сущности, началъ онъ снова.—Если вы были такъ любезны, что сѣдлали за моими словами до сихъ поръ, то мнѣ немного остается досказать вамъ.

— Вы рѣшительно ничего не сказали, перебила съ отчаяніемъ княгиня.

— Cela vous parait, madame, отвѣчалъ князь, и онъ поднесъ руку къ носу и сталъ втягивать съ разстановкою табакъ.—C'est simple comme bonjour. Я требую, чтобы вы отказали кузену отъ дому.

— Вы требуете! Et sur quelles assises?

— Du moment où vous ne les reconnaissez pas, je m'en dédis. Со всемъ тѣмъ я считаю приеутствіе кузена неприличнымъ.

— Въ отношеніи къ вамъ? произнесла съ надменностію княгиня.

— Въ отношеніи ко мнѣ, оно только смѣшно, mais quant à vous sa présence devient indecente.

— Vous êtes un mauvais drôle, объявила мужу княгиня.

— Благодарю васъ, я знаю; но это мнѣ не помѣшаетъ позаботиться о вашемъ спокойствіи, когда вы совершенно упускаете его изъ виду.

— Вы забываетесь! величаво сказала княгиня.

— Забылись вы, я только спохватился, кротко замѣтилъ князь.

— Вы на себя много берете. Когда васъ оставляютъ въ покоѣ, вѣжливость требуетъ, чтобы вы оставляли другихъ.

— Одно изъ другаго никакъ не слѣдуетъ. Не говоря о моемъ положеніи въ свѣтѣ, вы ваше собственное промѣняли чортъ знаетъ на что.

— Вы, наконецъ, съ ума сошли! перебила княгиня.

— Мнѣ, кажется, напротивъ, что я вхожу въ разумъ; поэтому предлагаю и вамъ послѣдовать моему примѣру.

— Если вы пришли сюда съ подобными предложеніями, я удивляюсь одному, зачѣмъ вы это дѣлали?

— Попытка, княгиня!... со всѣмъ тѣмъ я никакъ не думаю, чтобы вы не могли образумиться: на это я вамъ предлагаю три дня размышленія.

— Я вамъ предлагаю избавить меня отъ вашихъ нелѣпныхъ притязаній. Vous me semblez parfaitement ridicule. Мы вдвоемъ, князь, стѣсняться намъ нечего.

Князь закашлялъ своимъ сухимъ кашлемъ.

— Я съ вами соглашусь, княгиня, тогда только когда вы со мной согласитесь. А что вы до этого дойдете, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Княгиня судорожно схватила колокольчикъ и позвонила.

На звонокъ явился лакей.

— Карету! приказала княгиня.

— Вы увѣжаете? спросилъ насмѣшливо князь по удаленіи челоуѣка.

— Ко Льву Николаичу, отвѣчала она, выправившись всѣмъ ставомъ передъ пигмейскою фигурой мужа.

— Гм! сдѣлалъ князь — Про сильную боль—сильныя и средства.

— А вамъ какими помочь нельзя.

Въ отвѣтъ князь громко сморкнулъ, откашлялся, страхулъ упавшія на жабо зернушки и опять набилося свѣжимъ лафермомъ.

— Николай Ивановичъ Рутманъ, доложилъ показавшіяся въ дверяхъ лакей.

— Проси, оказалъ князь.

Онъ всталъ, раскланялся съ княгиней и вышелъ.

XV.

Въ холостой офицерской квартирѣ, на мягкомъ диванѣ, съ трубкою въ рукахъ, Левъ Николаевичъ предавался по-сабобъденному кейфу.

Возлѣ него стоялъ Савельичъ. Онъ былъ сильно не въ духѣ. Давно онъ воровилъ отвести передъ бариномъ душу. „Полю, дескать, брандахлысничать, пора за дѣло приниматься; побаловался съ душенькой и будетъ съ тебя. Все по кіатрамъ шатаешься, тройками тѣшишься, а все по тому самому, что уже больно красивъ. Таперича противу его въ гвардіи не подберешь. Ростъ какъ у Лучкина, силаща непотѣрная, какъ у лошади: намедни меня въ руку взял какъ свайку.“

Ольашевъ самъ старался поддерживать резонерство стараго сауги. Онъ къ нему отпраивался за совѣтами, какъ въ кладовую. Видя его разстроенность, онъ началъ.

— На сердцѣ что-то, Савельичъ, тяжело; умъ взволнованъ; душа простора хочетъ.

У Савельича была одна черта: онъ никогда не признавался въ непониманіи чего бы то ни было, и всегда готовъ былъ на отвѣтъ.

— Все, вѣдь, отъ одного. А по нашему, пускай ее мается и сохнетъ. Не вѣкъ вамъ въ самомъ дѣлѣ въ одномъ корытѣ рыло-то мокать. Возитесь съ бабами все одмо что блажь ловить; за одной погонитесь, на прочихъ плясаете...

— Мало, значить, въ томъ толку?

— Мало: блажь въ каретѣ въѣзжаетъ, а выходитъ пѣшкомъ.

Въ это время сильный звонокъ прервалъ рѣчь Савельича.

— Пріѣхала.

— Кто такая?

— Княгиня!

Ольашевъ во мгновеніе ока вскочилъ съ дивана, шмыгнувъ халатъ и надѣвъ сюртукъ.

Онъ не успѣлъ окончить, какъ въ комнату вошла Лидія Александровна. Она еще не успокоилась, и въ истерическомъ припадкѣ, не обращая вниманія на Савельича, бросилась на шею Ольашеву.

Савельичъ поднялъ съ полу халатъ, вышелъ и затворилъ за собою дверь.

„Сама ужъ развѣзжаетъ, ненасытная,“ пробурчалъ онъ про себя.

Княгиню, Оляшевъ между тѣмъ, усадилъ на диванъ, положилъ подъ ноги подушку и опустился самъ передъ ней на козлы.

У себя онъ видѣлъ ее впервые, и потому относилъ ея появленіе къ чрезвычайному случаю.

— Вообрази! Онъ осмѣлился мнѣ сцену сдѣлать изъ того что я тебя люблю. Я его убить хочу, только не знаю какъ.

Оляшевъ засмѣялся.

— Я противу цѣлаго свѣта тебя отстою.

Съ этимъ словомъ онъ схватилъ высокую, стройную, величественную княгиню и съ удивительною ловкостью и силою приподнялъ, покачалъ надъ головою, какъ вазу съ цвѣтами, и пустился съ нею по комнатамъ.

Привыкнувшая давно къ странностямъ Оляшева, княгиня въ такомъ обращеніи не находила ничего необычайнаго.

— Пусти меня! какой ты ребенокъ!... Время ли теперь...

Видя ея безпокойство, онъ тихо опустилъ ее на диванъ и самъ сѣлъ возлѣ.

Долго она говорила, долго онъ ее утѣшалъ, и наконецъ рѣшились не дѣлать никакихъ уступокъ князю, а въ крайнемъ случаѣ прогнать его изъ дома, такъ какъ домъ принадлежалъ княгинѣ.

И въ восхищеніи отъ придуманной развязки, княгиня прыгала какъ дитя, и хлопала въ ладоши.

Вечеромъ того дня, когда Оляшевъ проходилъ швейцарскую, Тимофеей Кузьмичъ, тотъ самый толстый швейцаръ, который обошелся съ нимъ такъ надменно при первой встрѣчѣ, а потомъ надобѣлъ выдѣлываніемъ на караулъ булавую, таинственно подошелъ къ нему и нерѣшительно молвилъ:

— Князь не велѣлъ было васъ принимать-съ.

— И ты противъ меня, Кузьмичъ, а? А еще генералъ, проговорилъ Оляшевъ и преспокойно прошелъ.

Въ этотъ день и въ слѣдующіе ничего не произошло. Оляшевъ продолжалъ бывать по обыкновенію; гроза какъ будто миновала; князь попрежнему былъ любезенъ съ княгиней. Но вдругъ неожиданно она получила письмо:

„Безцѣнный, милый другъ. Ужасная вѣсть поразила меня. Отецъ мой умеръ ударомъ, вчера я получилъ извѣстiе. Я такъ растерялся, что не знаю за что взяться. Вечеромъ буду у тебя.“

„Левъ.“

Вѣсть эта сразила княгиню. Она предчувствовала страшныя послѣдствiя, конецъ своей любви. „Ольгашевъ уйдетъ, удержать его не будетъ возможности“, и она почти готова была помѣшаться отъ этой мысли.

— Если дорожишь моею жизнiю, не уѣзжай, Леон, умоляла она его.

— Я непременно возвращусь, утѣшалъ ее Ольгашевъ.

Онъ взялъ отпускъ на четыре мѣсяца и давалъ клятвенныя обѣщанiя возвратиться даже раньше этого срока.

День разставанья, наконецъ, наступилъ.

Княгиня съ Ольгашевымъ на знаменитой его тропкѣ, отданной теперь на ея попеченiе, умчались къ Четыремъ Рукамъ, куда была отправлена заранѣе карета съ Савельичемъ и съ почтовымъ. Когда они вошли въ гостиную, тамъ уже собралось общество зрителей, между коими находилось нѣсколько знакомыхъ княгинѣ, что однако не помѣшало ей въ неистовой истерикѣ броситься на шею Ольгашеву. Поведенiе княгини, какъ и должно было ожидать, подверглось безжалостному порицанiю въ обществѣ.

Грусть Ольгашева выразилась глубже, хотя приличнѣе; разставаясь съ княгиней, онъ хоронилъ лучшую часть своей жизни.

Не плакалъ, не грустилъ одинъ лишь князь Аполлонъ Иллѣодоровичъ. На другой день послѣ отъѣзда Ольгашева, онъ неизвѣстно почему отслужилъ молебень, сдѣлавъ пожертвованiе въ пользу бѣдныхъ и послалъ визитную карточку Бохревскому, съ страннымъ замѣчанiемъ сказаннымъ вслухъ:

— Celui-là du moins a des poses de laquais.

XVI.

По свѣдамъ горячаго воспоминанiя, княгиня съ судорожнымъ нетерпѣнiемъ ожидала письма и дождалась; но вѣсти ея не порадовали. Хотя Ольгашевъ не намекалъ еще объ отставкѣ, но онъ говорилъ, что необходимо привести

въ порядокъ имѣніе и устроить дѣла. Княгиня тотчасъ отвѣчала ему, и умоляла возвратиться. Оляшевъ на это опять извѣщалъ письмомъ, и такъ прошло долгое время въ тщетныхъ ожиданіяхъ. Княгиня начала свыкаться съ грустью своего положенія. Однажды, на столѣ своемъ, она увидала номеръ *Русскаго Инвалида*. Она и не подумала бы заглянуть въ газету, но ей бросились въ глаза двѣ строчки, подчеркнутыя карандашомъ. Вотъ что прочла княгиня:

„Увольняется въ отставку, по домашнимъ обстоятельствамъ, лейбъ-гвардіи егерскаго полка поручикъ Оляшевъ тѣмъ же чиномъ.“

Княгиня сейчасъ же догадалась кто такъ услужливо подсунулъ ей газету, и еще болѣе возненавидѣла князя. При свиданіи онъ спросилъ ее, не знаетъ ли она чего про кузена.

— А вамъ на что? спросила въ свою очередь княгиня,

— Я имъ интересуясь, не столько изъ-за него, сколько изъ-за васъ!

— Напрасно! Это точно также для васъ лишнее, какъ и подчеркивать имя его въ газетѣ.

— Э! такъ онъ вышелъ въ отставку! *Quelle impardonable inconsidération!*

Послѣ этого разговора прошло не мало времени, когда княгиня вдругъ получила письмо отъ Оляшева. Вотъ что писалъ онъ:

„Покатилка сентября 183... года.

„Начну съ того, что какъ бы ни благословлялъ я возможность тебя видѣть, однако долженъ покаяться довольствоваться одною перепиской. Ты не можешь мнѣ простить отставки, а другаго исхода мнѣ не оставалось. Но никто и ничто не помѣшаетъ мнѣ быть въ Петербургъ, куда и отправлюсь по первому савному пути. Я сдѣлаюсь полнымъ хозяиномъ, и странно,—меня занимаетъ новал моя обстановка. Кругомъ сосѣди; встрѣчь съ ними я всегда опасался, а вышло очень сносно. У отца осталась отличная псовая охота: собственно ей я обязанъ своему почету. Отсюда вижу твою гримаску. Чтò жь! каждый понимаетъ по своему свѣтъ. Впрочемъ, за исключеніемъ тебя, Петербургъ мнѣ опротивѣлъ. Пенза лучше. Такой гауный городъ, что становится весело. Олимпиада Самоонова замучила меня сватовствомъ. Она представляетъ изъ себя самую рѣдкую тшу; еще немного, и она задохнется въ собственномъ

жиру. Какъ представительница города, она особенно интересна. Ни одна барышня не смѣетъ выйти замужъ безъ ея одобренія. Но хороши и барышни. Одна написала въ альбомъ своей подруги тройку. Другая, напоминая собою Геркулеса въ младенчествѣ, нарисовала его въ полномъ возрастѣ на память своей пріятельницѣ, съ двуступищемъ своей фабрикаціи.

Тебѣ въ мужья желаю я его,

Ты будешь счастлива, и больше ничего!

„А пророс, ты знаешь, что Халонскій изъ здѣшнихъ; увидишь его, поблагодари за назначеніе въ Вѣну. Одно изъ твоихъ имѣній вереть двадцать отсюда. Оно въ страшномъ запущеніи. Бурмистръ пьетъ запоемъ и творитъ страшныя чудеса. Я хотѣлъ смѣнить его, но такъ какъ я не имѣлъ формальной довѣренности, то онъ остался. Цѣлую тебя, мой ангелъ, миліонъ разъ и жду съ нетерпѣніемъ зимы. За сбереженіе тройки очень благодаренъ. Навсегда твой, Левъ.“

Княгиня долго не отвѣчала на это письмо; ее сильно возмущалъ тонъ его. Съ приближеніемъ зимы она послала лаконическое извѣстіе отъ себя, но не требовала болѣе возвращенія. Мѣсяць спустя опять письмо. Въ этомъ письмѣ Оляшевъ восхищался псовой охотой. Въмѣсто отвѣта, княгиня приласкала маленькую Лидію, посадила ее себѣ на колѣни, долго смотрѣла ей въ глаза, растрогалась, даже заплакала, а потомъ безъ причины прогнала. Въ тотъ вечеръ она была въ театрѣ, а оттуда въ сопровожденіи князя-Козявки поѣхала въ маскарадъ.

Тамъ увидалъ ее Халонскій.

— Вы все еще поклоняетесь измѣнившему кумиру?

— Еще гаупте связываться съ неизмѣннымъ тельцомъ!

Впрочемъ было замѣтно, что княгиня начинала тяготиться пензенскими извѣстіями.

Такъ прошла зима; наступило лѣто и осень; княгиня случайно узнала отъ посторонняго, что Оляшевъ сдѣлался страстнымъ охотникомъ и пользуется обширною извѣстностью какъ гастрономъ. Сердце ея невольно сгрустнулось по далекомъ другѣ. Подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, она мелко исписала нѣсколько страницъ бумаги, запечатала и отправила письмо. По уходѣ посланнаго, ей стало жаль своего сумазбродства, она послала сворочить его;

но было поздно. Съ того времени княгиня замѣтно перестала заниматься Ольяшевымъ, и на письмо, полученное послѣ годоваго молчанія, отвѣчала лаконически. Ее обрадовало одно: онъ ей писалъ *ты*.

Она попрежнему продолжала платить дань свѣту, вспомнила свое богатство, знатность, связи, вспомнила о томъ что занимаетъ *le haut du pavé* въ фашіонабельномъ мірѣ, что года ея далеко не ушли, что она прекрасна и долго такою останется, что отъ ея произвола зависятъ всѣ въ мірѣ Ольяшевы; ей пришли на память и звѣзды мужа, и стала она попрежнему блаженствовать въ вустотѣ своего свѣтскаго величія. Были, правда, минуты, когда вдругъ ея сердце болѣзненно охватывалось воспоминаніемъ прошедшаго; воспаленному воображенію въ чудныхъ очертаніяхъ представлялся образъ свѣтлой, страстной любви. Но такая реакція, быстро наступавшая, также скоро проходила, и поэтому не могла серьезно и долго занимать голову княгини. Мало-помалу эпизодъ съ Ольяшевымъ началъ представляться ей въ неясныхъ и смутныхъ чертахъ давно мелькнувшаго свидѣнія.

Съ Ольяшевымъ происходило почти то же. Не разработанная воспитаніемъ, натура его быстро поддавалась всякому впечатлѣнію. Въ Петербургѣ, его занимала княгиня сильно и долго, въ Покатиловкѣ задоръ псовой охоты, съ своими неизбѣжными закусками и попойками. Всего хуже то, что переходилъ онъ отъ одного къ другому, какъ будто ничего не было естественнѣе этого. Будучи богатъ, молодъ и красивъ собою, еще подъ свѣжимъ обаяніемъ петербургскихъ успѣховъ, онъ естественно сдѣлался кумиромъ всѣхъ невѣсть провинціального города. Но здѣсь обманъ выходилъ грубъ и неуклюжъ. Пензенскія барыни и барышни, послѣ изящной княгини, не производили на Ольяшева впечатлѣнія; самолюбію его нисколько не льстили ихъ восторженныя признанія. Поэтому эпитеты: гордый, неприступный, *beau ténébreux*, и прочіе прошли незамѣченными Ольяшевымъ. Временами, онъ съ порывами прежней страсти возвращался къ полузабытому идеалу; но поѣздка въ Петербургъ вѣчно откладывалась, а съ нею охлаждалась и самая воспоминанія прошлаго; между тѣмъ судьба благословила Савельича; онъ женился на Феклѣ, устроилъ себѣ логовище на печкѣ жарко натопленной, и сходилъ съ нея

единственно для набитія утробы. Въ торжественные дни барскихъ и своихъ именинъ, онъ появлялся въ застольной, разказывалъ, выпимши, о подвигахъ барина въ Петербургъ, и какъ за нимъ по пятамъ въ запуски бѣгали княгини и бароны...

XVII.

На седьмой годъ лѣтомъ княгиня давала обѣдъ на своей Каменно-островской дачѣ. Положеніе ея не во многомъ измѣнилось. Обстановка оставалась все та же. Князь подражалъ, сгорбился, осунулся, но выигралъ въ другомъ отношеніи. Онъ сдѣлался еще *plus coulant*, какъ замѣчала когда-то пріятельница княгини, и сталъ шамшить.

Бахревскій, обратившись въ начальника какого-то отдѣленія, вздумалъ брать важностію, копируя князя; но не сумѣлъ поддержать себя и на первыхъ же порахъ оборвался. Несмотря на всѣ старанія, ему не удалось убѣдить другихъ, что съ новымъ назначеніемъ онъ упрочилъ свою карьеру.

Обронскій красовался уже двумя крестиками, и ставъ полковникомъ, дошелъ до невыносимаго фатства. Онъ создалъ себѣ счастливое убѣжденіе, что ни одна женщина не можетъ передъ нимъ устоять, и что весь свѣтъ дивится его каламбурамъ.

Халонскій видимо постарѣлъ, и для поддержанія своихъ претензій на молодость сталъ-было носить парикъ, но бросилъ его послѣ замѣчанія княгиня: „*Cette coiffure vous porte malheur, vous aviez plus d'esprit avec l'autre.*“

Наковецъ, на свѣтскомъ горизонтѣ, появилось нѣсколько новыхъ лицъ болѣе или менѣе не значащихъ, о которыхъ не стоить упоминать. Остановимся только на одномъ, по слухамъ замѣнившемъ Олышева. Маленькій ростъ и мизерность этого господина доставили ему ключку князя-Козявки, что подало поводъ какому-то бонмотисту сострить: „княгиня любитъ тѣшиться крайностями.“

Главное достоинство князя-Козявки или князя Козязовскаго заключалось въ княжескомъ титулѣ, въ отличномъ имѣніи и въ умѣніи носить удовлетворительнымъ образомъ пустую незначащую физиономію; впрочемъ, онъ былъ камеръ-юнкеръ.

Дача Брянскихъ выходила двумя балконами на два противоположные фасада. Одною стороною домъ былъ обращенъ въ садъ, другою смотрѣлъ на рѣку, а потому, по мнѣнью посѣтителей, пользовался великолѣпнымъ видомъ, напоминавшимъ будто бы Италію.

Погода стояла прекрасная; дулъ свѣжій вѣтерокъ; солнце стояло низко, и кругомъ балкона всѣ маркизы были подаяты.

— Какой чудный вечеръ! обратилась княгиня къ сидѣвшей возлѣ нея дамѣ, слѣдуя не столько нити разговора, сколько мыслямъ скопившимся въ головѣ ея; этотъ вечеръ напоминаетъ мнѣ другой, давно минувшій, лучшій въ моей жизни.

— Sans indiscretion, princesse, удостоите ли вы посвятить насъ въ лучшіе часы вашей жизни? спросилъ князь Козловскій.

Онъ былъ на высокихъ каблучкахъ и повернулся всѣмъ корпусомъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла княгиня. Вопросъ его, скаванный звонкимъ голосомъ, возбудилъ любопытство въ присутствующихъ. Всѣ въ ожиданіи отвѣта обратились къ княгинѣ.

— Я была тогда съ Оляшевымъ, сказала она очень просто, опять какъ будто отвѣчая самой себѣ.

Князь Аполлонъ Илюдоровичъ въ фантастическомъ лѣтнемъ костюмѣ, погруженный въ кресло на противоположной сторонѣ балкона, потерялъ всю свою важность при этомъ призваніи, и сдѣлалъ гримасу точно хлѣбнулъ чего-нибудь очень противнаго. За тѣмъ онъ вынулъ табатерку, досталъ щепотку табаку и предложилъ Бохревскому.

— Я никогда не нюхаю, отвѣчалъ Бохревскій.

— Какъ же я ошибся! А до нынѣшняго дня воображалъ, что вы только нюхаете.

Сказавъ это, князь скоро ушелъ; онъ былъ не въ духѣ.

Обронскій рисовался; онъ принялъ отчаянную миму, и придавъ своему досаждающему лицу лукавый видъ; но всѣ труды его пропали даромъ.

— Меня увѣрили, что онъ слушаетъ лекціи въ Боннѣ, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Оригиналь! воскликнулъ, охорашиваясь, Обронскій:— я пари держу, что онъ со временемъ сдѣлается докторомъ.

— Про кого вы говорите? спросила княгиня.

— Про Оляшева, которому вы обязаны счастливымъ

вечеромъ въ вашей жизни, княгиня, злобно отвѣчалъ Обронскій.

— Мы помнимъ радость и скуку въ одинаковой мѣрѣ; можетъ-быть и о васъ кто-нибудь вспоминаетъ, возразила она ему.

— Непремѣнно, княгиня; зачѣмъ блаженствовать однимъ Ольшевымъ? отозвался опять Обронскій.

— Я могу сообщить вамъ самыя положительныя свѣдѣнія, воскликнулъ худощавый господинъ: Левъ Николаевичъ Оляшевъ—первый псарь Пензенской губерніи и первый по успѣху искатель у m-lle Крутогорской.

— Это еще чтò? спросила княгиня.

— Крутогорская первая пензенская невеста!

— Peste! воскликнулъ проницески князь Козловскій.

— Оляшевъ женится! смѣялся Обронскій: — женитьба пристала ему какъ мѣвъ римская тиара.

— Можетъ-быть тиара была бы вамъ къ лицу, смѣясь замѣтила княгиня.

— Не думаю; а ея не примѣрялъ; у меня одно украшеніе.— И Обронскій съ достоинствомъ показалъ на аксель-бантъ.

— Напрасно, къ вамъ шли бы и другія.

— Любить и жениться двѣ вещи разныя, вмѣшался въ разговоръ Халонскій.— Оляшевъ не умѣлъ любить, за то навѣрно сумѣетъ жениться.

— Въ этомъ отношеніи вы представляете совершенную противоположность съ Ольшевымъ; вы умѣли любить, а жениться не успѣли, замѣтила княгиня.

— Чтò жь, въ былое время любили и меня, княгиня! воскликнулъ онъ.

— Положимъ, но этому давно.

— Все старѣетъ; княгиня.

Дамы незамѣтно улыбулись.

— Княгиня! обратился съ вопросомъ Бохревскій:—извѣстно ли вамъ точное значеніе слова jobard? Какъ бы перевести его по-русски?

— Камеръ-юнкеръ, отвѣчала она разсѣянно. Бохревскій вспыхнулъ; прочіе разсмѣялись, громче другихъ князь-Козлявка.

— Чему вы-то радуетесь? грубо спросилъ его Бохревскій.

— Parbleu! la chose me paraît être assez claire. Въ адресъ-календарѣ вы стоите выше меня.

— За то здѣсь за вами старшинство, хотя я и удивляюсь вашему успѣху.

Маленькій князь сложился въ грозную фигуру:—*Qu'est ce à dire?*

— Не соперничайте, *messieurs*, сказала княгиня:—на любовивномъ успѣхѣхъ побѣду не разглашаютъ.

Въ это время вошедшій на балконъ лакей подалъ княгинѣ письмо.

— Заграничное! воскликнула молодая дама, взглянувъ на адресъ.

При видѣ знакомаго почерка, легкая краска чуть замѣтно показала на лицѣ княгини.

Она опустила письмо въ складки своего кармана, предложила катанье въ лодкѣ, и подала Халонскому руку.

Вслѣдъ за нею подмялось общество, и шумно направилось къ рѣкѣ.

— Вамъ очень хочется знать, отъ кого я получила письмо? спросила княгиня своего кавалера.

— Очень.

— Письмо отъ Оляшева.

— Неужели вы попрежнему любите его?

— Почему я знаю? Вы сами меня въ томъ увѣряете.

Ночью, по удавленіи горничныхъ, княгиня вспомнила о письмѣ и принялась за него.

Вотъ что писалъ Оляшевъ.

„Брюссель 12/24 Іюль 183.

„Я, за границей. Дѣла вызвали меня въ Одессу, а оттуда бездѣлье увлекло за границу. Пишу вамъ изъ Брюсселя, но признаюсь, меня разбираетъ страхъ. Я такъ давно, такъ безсовѣстно давно не писалъ къ вамъ, что потерялъ на это право, такъ виноватъ передъ вами, что не смѣю даже оправдываться. Ежели ваше чувство не оскорбится признаніемъ, то я позволю себѣ сказать, что забыть, разлюбить васъ для меня невозможно. Я заключаю это по тремъ съ небольшимъ годамъ проведеннымъ въ Петербургѣ. Впереди отраднато мало; все остальное, прожитое безъ васъ, подлжительно не стоить памяти.. Я нѣсколько разъ собирался въ Петербургъ, и все не удавалось, а теперь боюсь вашей встрѣчи. Съ какими

глазами я предстану предъ вами? А со вѣкъ тѣмъ, вѣрьте, а отдалъ бы бы остальную жизнь свою, чтобы прижать васъ попрежнему къ своей груди. Боже мой! сколько счастья я испыталъ возлѣ васъ! Но вы извините мои слова; быть-можетъ, они васъ возмутатъ: я несчастливъ тѣмъ, что не имѣю больше права писать вамъ то что чувствую. Здѣсь я познакомилась съ художникомъ Corrodi, и посылаю два портрета en miniature. Вашъ портретъ списанъ съ того, который вы мнѣ подарили, помните.

„Умоляю васъ, не отвергайте ихъ. Я васъ попрежнему люблю. Любить какую бы то ни было женщину послѣ васъ я не въ состоянiи; вотъ почему я никогда не женюсь. Но къ чему я вамъ пишу это?...“

Затѣмъ еще нѣсколько фразъ въ томъ же родѣ, и въ концѣ подпись: „вашъ неизмѣнный Оляшевъ.“

Читая письмо, княгиня задумалась; на ея глазахъ выступили слезы. Еслибъ увидѣлъ ее теперь Оляшевъ, онъ непременно бросился бы къ ея ногамъ, или она къ нему на шею. Сколько невыразимаго блаженства, сколько сладострастiя заключалось въ прощенiи! Въ вочномъ мѣщѣ, утопавшая въ кружевныхъ воланахъ батиста, княгиня выставила изъ-подъ валансьеновъ очаровательное, блѣдое, орошенное слезами личико. Она прижала къ груди письмо Оляшева; она вся дышала упоенiемъ страсти.

Княгиня поплакала, повздыхала, но подѣ конецъ уснула, и превосходно почивала. На другой день она встала свѣжѣе обыкновеннаго и принялась за вчерашнюю думу. Она рѣшилась отвѣчать Оляшеву.

Княгиня писала по-французски.

„Я вамъ отвѣчаю на ваше письмо—первое, послѣ трехлѣтняго молчанiя,—отвѣчаю подѣ влiянiемъ тревожнаго впечатлѣнiя. Не судите его по выраженiю того чувства, которое мною овладѣваетъ въ настоящую минуту. О чемъ я буду съ вами говорить, я сама еще не знаю. Можетъ-быть, я не отправлю къ вамъ письма, или пожалуй когда оно будетъ отправлено. Вы во многомъ виноваты передо мною, Léon, вы попрали сердце, которое сами вызвали на взаимность. Измѣну, забвенiе, я все могла бы вамъ простить, но я вамъ не прощаю, что вы уничтожили во мнѣ чувство, которое сами же возбудили. Если изъ меня теперь вышло

существо пустое, не имѣющее серьезной цѣли въ жизни, то вы тому причиной. Вы заставили меня пожалѣть о первой случайной съ вами встрѣчѣ; но вы напрасно избѣгаете меня теперь; я васъ увижу спокойно, воспоминаніе прошедшаго не возмутитъ меня болѣе. Разстаться съ моими воспоминаніями было бы трудно, но вы мнѣ облегчили этотъ трудъ; я перестала думать о томъ что было, и только письмо ваше расшевелило во мнѣ память минувшаго счастья. До такого признанія не дойдетъ ни одна женщина безъ сильнаго нравственнаго переворота. Наконецъ, ваше поведеніе приводитъ меня къ одному печальному заключенію: женщинамъ не слѣдуетъ предаваться внушеніямъ сердца, да и вообще давать значеніе какому бы то не было чувству. Только съ такими помятіями можно жить и умирать спокойно. Не вы ли меня увѣрили, что Богъ не порицаетъ нашей любви? Кому вы тогда агали, Monsieur Léon? Вы пишете, что отдадите жизнь за любовь. Я сожалею только о томъ, что вѣкогда слишкомъ легковѣрно предавалась вашимъ увѣреніямъ. Я не получила еще портретовъ, но очень рада. Что это за дагерротипы, о которыхъ здѣсь слышно? На письмо ваше я отвѣчаю на другой день; вчера оно меня разстроило; сама не знаю что было со мной; завтра я бы вѣрно не отвѣтила. Прощайте, Léon, желаю вамъ счастья, вѣроятно оно для васъ еще возможно. *Princesse Lidie.*“

На это письмо отвѣчалъ Оляшевъ довольно скоро, но потомъ корреспонденція ихъ остановилась опять на продолжительное время. Кто подалъ поводъ къ тому.—неизвѣстно. И опять утекли два-три года великосвѣтской блещущей жизни, года ничтожные и безъ значенія, роковыя развѣ для одного князя Брянскаго. Князь скончался въ одиннадцать часовъ утра, собираясь въ шесть на званный обѣдъ, въ ожиданіи свѣжей земляники, вишенъ и другихъ ягодъ, появляющихся такъ кстати во время крещенскихъ морозовъ. При отвѣчаніи тѣла его сіятельства, было произнесено прекрасное и поучительное надгробное слово, убѣдившее не знавшихъ князя въ громкихъ заслугахъ и высокихъ добродѣтеляхъ въ мирѣ почившаго. Великому челоуѣку воздвигли памятникъ изъ каррарскаго

мрамора; надъ нимъ опрокинули урну для украшенія, и въ довольно трогательной надписи выразили скорбь неутѣшной вдовы.

XVIII.

Когда изъ Карсбада свернешь на большую пражскую дорогу, и пройдешь съ полумилы просекомъ, ггазамъ представится одно изъ великолѣпныхъ мѣстоположеній старой Богеміи. На самой вершинѣ крутой и обнаженной скалы, возвышающейся надъ всею окрестностію, живописно и симло расположены развалины средневѣковаго рыцарскаго замка Энгельгаузь. Къ нему взбираются по узкой, извилистой тропинкѣ, загроможденной грудю камней и обломковъ, а потомъ по короткой, но густой и тѣнистой аллеѣ доходятъ до полууцѣпавшихъ воротъ, которыя ведутъ на платформу. Тамъ посреди огромнаго квадрата, поросшаго травою, мелкимъ кустарникомъ и тощими кривыми деревьями выглядывающими изъ-за бойницъ, возвышается почернѣвшая отъ времени четырехугольная башня съ полуразрушенными сводами, со стѣнами, украшенными продольными трещинами, и съ зіяющими у ея подошвы обвалами.

Общество дамъ и кавалеровъ, привлеченное сюда любопытствомъ, слушало Нѣмца, солидной наружности, въ соломенной шляпѣ, и пестрой жакеткѣ. Онъ отчетливо передавалъ, названія городовъ, селъ, дачъ, мѣстечекъ, живописно расположенныхъ по окрестности, разсматриваемой имъ съ обвала совершенно разрушенной въ одноиъ мѣстѣ стѣны.

Стройная миссъ, прижавшись къ своему спутнику, рыжему Англчанину, съ зрительною трубкою въ рукахъ, что-то прошептала ему на ухо. „It is not allowed“, коротко отвѣчалъ онъ, смотря въ другую сторону, потомъ спрятавъ зрительную трубку въ карманъ, досталъ сигару, закурилъ ее съ помощію дорожнаго огнива и присѣвъ на корточкахъ у одного изъ проваловъ, сталъ бросать въ него одну за другой серебряныя монеты; потомъ показавъ жестаи стоявшимъ около оборваннымъ мальчишкамъ, чтобъ они подбирали деньги. Тѣ, разумѣется, разомъ смѣкнули въ чемъ дѣло и спустились въ провалъ за брошеннымъ кладомъ.

Это занятіе до такой степени понравилось Англичанину, что онъ, бросая гульденъ дравшимся въ провалъ мальчишкамъ, не обращалъ болѣе вниманія на дамъ, которымъ онъ загородилъ совершенно дорогу, и такимъ образомъ заставлялъ шагать черезъ него.

— Ja, das Böhmen ist doch ein schönes Land, сказалъ, по видимому, Нѣмецъ, обратившись къ стоявшему возлѣ него высокому, стройному мушкетеру съ привлекательными и тонкими чертами лица.

— Чего онъ отъ меня хочетъ? спросилъ тотъ, обернувшись къ стоявшей возлѣ него дамѣ.

— Ахъ, Боже мой, ничего! Онъ находитъ, что Богемія прекрасная страна, отвѣчала ему та.

Фраза, сказанная по-русски, невольно обратила вниманіе присутствующихъ. Разомъ все повернулось въ сторону говорившихъ. Обратившіяся съ вопросомъ Нѣмецъ сконфузилась и почтительно отошла.

— Russen! прошептало гаучо въ толпѣ.

— Sieh doch diesen wunderschönen Mann. Schade dass er ein Russe ist, тихо сказала блондинка, съ голубыми темными глазами, другой стоявшей возлѣ нея Нѣмкѣ.

— Пойдемте, сказалъ молодцоватый мушкетеръ своей дамѣ:— Налюбовались, наслушались, чего жь вамъ еще?

— Такъ неужели вамъ и здѣсь не нравится? спросила дама.

— Съ вами мнѣ вездѣ хорошо; только мнѣ со вчерашняго дня гадко смотрѣть на Нѣмцевъ.

— Это опять почему?

— А габерь-супъ что вамъ подали!

Дама разсмѣялась.

— Что жь?... Какъ проголодаешься ничего.

— У меня въ деревнѣ этою овсянкой гончихъ кормятъ, да и та лучше, произнесъ мушкетеръ.

— Вамъ все надоѣдаетъ!

— Кому жь изъ мушкетеровъ не надоѣдаетъ, желалъ бы я знать.

— Вамъ больше и скорѣй чѣмъ другимъ.

— Это почему?

— Потому что репутація ваша уже составлена въ Петербургѣ. Изъ того что вы не бывали у насъ въ домѣ, не слѣдуетъ чтобъ я васъ не знала.

— Не знаю чѣмъ я подамъ къ тому поводъ?

— А баронесса Дангофъ, жертва своей любви, а княгиня изсушенная отчаяніемъ, а mademoiselle... какъ ее?..

— У васъ есть петербургскій календарь на 183.. годъ?

— На что онъ вамъ нуженъ?

— Вы бы могли списать некрологъ всѣхъ умершихъ жевскаго пола; ово было бы безъ хлопотъ.

— Княгиня тѣмъ смѣшна, перебила его молодая дама—что въ свои года вздумала пускаться въ идиллическіе экстазы, тѣмъ болѣе съ такимъ пастушкомъ какъ вы; а въ сущности она достойна лучшей участи.

— Въ чемъ же состоитъ моя вина? Развѣ я не писалъ и не пишу къ ней, тогда какъ она не отвѣчаетъ? Развѣ мой отъѣздъ былъ дѣломъ произвола?

— Берегите резоны ваши для другихъ, меня не проведете.... А знаете что, Оляшевъ? продолжала она переминая вдругъ тонъ и немного покраснѣвъ:—мнѣ теперь становится смѣшно, когда я привожу первую нашу встрѣчу на балѣ у Брамскихъ; ну могла ли я тогда предполагать, что мы съ вамъ будемъ таскаться по вѣмецкимъ гостгаузамъ. Мой первый выѣздъ въ свѣтъ былъ къ Брамскимъ, моя первая кадиль съ вами.

— Да! Вы дышали тогда такую баснословную окромвостію, что могли служить вдохновеніемъ Рафаэлю, и наконецъ воображалъ ли я въ изсохшемъ полковникѣ, вѣчно напоминавшемъ мнѣ эмблему вѣры, надежды и любви, встрѣтить вашего генерала?

— Не смѣйте отзываться о немъ съ пренебреженіемъ. Онъ совсѣмъ не худъ, напротивъ склоненъ къ тучности.

— Ну это жевившись! Удивительное дѣло: женитьба нашему брату что борову кормъ.

— Какой вы мужикъ, Léon, замѣтила молодая дама.

Разговаривая такимъ образомъ, они спустились съ крутой вершины и обратно направились къ гостиницѣ, гдѣ ожидала ихъ коляска.

Спутница Оляшева, генеральша Коловратова, была одна изъ модныхъ петербургскихъ дамъ. Подъ предлогомъ пить Эмскія воды, она проѣхала часть Германіи, Франціи, и въ Брюсселѣ столкнулась съ безцѣльно путешествующимъ Оляшевымъ. Эта случайная встрѣча была одна изъ удачнѣйшихъ для обоихъ. Генеральшѣ минуло тридцать лѣтъ.

Она была на столько хороша собой, что могла осчастливить челоѣка и съ боѣе разборчивымъ вкусомъ чѣмъ Ольяшевъ.

Блаудая по Германіи, они попали въ Карсбадъ, и двумя мѣсяцами позже, чѣмъ предполагали, возвращались въ Петербургъ на штетинскомъ пароходѣ.

Несмотря на позднее время, погода стояла прекрасная; дулъ свѣжій вѣтерокъ; быстро и плавно, шума колесами и взбивая пѣну, неся громадный пароходъ.

На ютѣ раскинули парусъ. Подъ его тѣнію пріютилось общество возвращавшихся въ Россію путешественниковъ. Толстый господинъ, съ открытою фазіономіей, непринужденно описывалъ предести молочнаго лѣченія, которымъ пользовался онъ въ Швейцаріи.

— За десять франковъ буквально выкупаешься въ саивкахъ, говорилъ онъ:—и сверхъ того на тебя выльютъ ушатъ нескятаго молока.

Не подалеку отъ него, въ щегольскомъ нарядѣ, приспособленномъ для туристки, и утонувъ въ подушкахъ, покоилась чахоточная дама, съ воздушнымъ ставомъ и извѣжными движеніями. Въ высокой степени скандализованная нецеремоннымъ разговоромъ веселаго толстака, она съ неудовольствіемъ обратилась къ сидѣвшей возлѣ нея пожилой дамѣ въ свѣдѣхъ локонахъ.

— *La société d'ici est tres mêlée*, сказала она.

Пожилая дама отвѣчала жестомъ холоднаго презрѣнія.

Чахоточная дама обратила свой взглядъ къ сгорбившемуся и совершенно лысому господину.

— Вы давно оставили Петербургъ? спросила она его.

— Шестой мѣсяцъ.

— Поэтому позже меня. Видѣли княгиню Брянскую?

— Она, я думаю, была заграницей. Со смерти мужа я пересталъ къ ней ѣздить.

— Огорчена она своимъ вдовствомъ или...?

— Или рада? Не думаю. Князь имѣлъ свои фантазіи,—не спорю; но онъ нисколько не служилъ помѣхой для княгини, и былъ въ своемъ родѣ полезною вещью.

— *On voit, que vous êtes un mauvais sujet*, произнесла дама уже полушепотомъ и ласково.

Въ это время Коловратова съ Ольяшевымъ подошли къ разговаривающимъ.

— Никаморъ Васильичъ! Вы ли это? воскликнула съ ужасомъ генеральша.

— А что!

— На что вы похожи! посмотрите.

— Дѣта! произнесъ съ грустію наѣшшій господинъ.

— Да вы еще прошлаго зимой были другимъ человекомъ! воскликнула Коловратова.

— Если бы спросили моего согласія, я бы и на нынѣшній годъ пожелала остаться такимъ же молодымъ, какъ вашъ кавалеръ, напримѣръ... Вы меня не узнали? прибавилъ онъ, обращаясь уже къ Оляшеву.

— Нѣтъ, вы вѣроятно меня принимаете за кого-нибудь другого.

— Вы, Левъ Николаичъ Оляшевъ. Я васъ узналъ какъ только вы взошли на парходъ. Мы съ вами не видались кажется болѣе десяти лѣтъ.

— Такъ вы....

— Халовскій, стыдно признаться.

Оляшевъ глядѣлъ съ недоумѣніемъ на обмысѣвшаго господина, стараясь отыскать въ немъ прежнія черты.

— Говорятъ, васъ любовь такъ извѣжила, Никаморъ Васильичъ, сказала ему съ легкою насмѣшкой Коловратова.

— Она точно тоже сдѣлаетъ и съ вами, отвѣчалъ ей спокойно и не поднимая даже глазъ Халовскій.

— А въ такомъ случаѣ я лучше никогда не хочу предаваться ей, если она такъ жестоко наказываетъ.

— Я васъ не считаю до такой степени жестокою къ себѣ и къ другимъ, замѣтилъ ей Оляшевъ.

Коловратова, не переминая положенія, что есть силы ущипнула его руку.

Онъ стоически выдержалъ ласку.

Всѣмъ затѣмъ разговоръ на нѣсколько минутъ прекратился. Коловратова отошла къ борту и стала смотрѣть въ воду.

— Маѣ душно, сказала вдругъ она.

Оляшевъ бросился къ ней.

— Если вы еще посмѣете говорить маѣ дерзости или подойдете къ З....., я воткну въ васъ булавку по самую головку, молвила она скороговоркой.

— Я такъ закричу, что меня услышатъ весь парходъ.

Поздно вечеромъ Ольяшевъ, въ каютѣ Коловратовой показывалъ ей носившее выше локтя мѣсто.

— Monsieur Ольяшевъ, я васъ убѣдительно прошу уйти отсюда.

— Къ чему такая поспѣшность? Чѣмъ я вамъ мѣшаю?

— Вотъ прекрасно! Да мы наконецъ сдѣлаемся здѣсь предметомъ воѣхъ разговоровъ.

— Жена съ мужемъ, что жь тутъ предосудительнаго?

— Вы съ ума сошли. Что вы кричите? Все слышно. Ступайте вонъ.

— Ухожу. Зачѣмъ вы отъ меня скрывали смерть князя?

— Какой неостязчивый! Князь не приходилъ мнѣ въ голову, и что тутъ интереснаго? Вѣдь уже болѣе года какъ его нѣтъ.

XIX.

Нѣсколько дней послѣ описанной нами сцены, на Владимирской улицѣ, въ домѣ генерала Коловратова былъ сѣвѣдъ. Интимные поздравляли генеральшу съ возвращеніемъ; находили, что воды принесли ей существенную пользу, хотя всѣмъ извѣстно было, что генеральша и прежде пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ. Особенно кинулась всѣмъ въ глаза, по возвращеніи Коловратовой изъ-за границы, ея чрезвычайная внимательность къ мужу; чаще чѣмъ прежде, она водила рукою по его лицу и волосамъ, щипала его за усы, и такъ неосторожно, что генералъ иногда вскрикивалъ; садилась къ нему безъ всякой надобности на колѣни, дула ему въ темя и ноздри, и даже стала увѣрять, что онъ удивительно помолодѣлъ и ей нравится. На приставающа генеральши, генералъ только пріятно улыбался.

— Я за тебя, мой другъ, боялся, говорилъ онъ жентъ,— когда получилъ извѣстіе, что Сухорукова перемѣнила маршрутъ. „Кто бы сталъ, думалъ я, оберегать ее отъ грубыхъ выходокъ этихъ шмерцевъ?“

— Поблагодари, mon bon ami, monsieur Ольяшева, онъ былъ такъ любезенъ, что служилъ мнѣ кавальеро сервенте на обратномъ пути.

Генералъ-адъютантъ съ достоинствомъ пожалъ руку Ольяшеву, вѣжливо ему поклонившемуся.

— Какому счастливому случаю обязаны мы вашему возвращенію, monsieur Оляшевъ, приставала нерезервная Сатольская, двойная фрейлина, дурная до нельзя, но очень богатая, а потому самоуверенная до наглости.

Оляшевъ ей очень нравился, и по ложному, дошедшему до нея сауху, она полагала его раззореннымъ безъ возврата.

— Я очень боленъ и вернулся собственно для того чтобы распорядиться дѣлами, отвѣчалъ равнодушно Оляшевъ.

Въ это время приподнялась портьера и въ дверяхъ показалась величественная княгиня Брянская. При появленіи ея, гостиница приняла иной видъ.

Она прошумѣла пышнымъ платьемъ мимо Оляшева и не замѣтила его. Долговременная разлука отучила ее инстинктивно чувствовать его присутствіе.

— Comme c'est aimable à vous de venir me voir, воскликнула генеральша, бросившись на встрѣчу гостя, и съ торжественною радостію она пожала руки своей давнишней приятельницы.

Не приготовленный къ встрѣчѣ съ княгиней, Оляшевъ растерялся; у него сильно забилось сердце, онъ всталъ и направился къ ней.

— Оляшевъ!!!... вы!!!...

Совершенное смущеніе выразилось на лицѣ княгини. Поднятые на Оляшева глаза опустились, и протянутая къ нему рука остановилась на воздухъ. Въ видѣли, что она перестала владѣть собою. Величавая княгиня обратилась въ неопытную институтку.

— Я не знала, что вы здѣсь.

— Я только что пріѣхалъ и буду у васъ....

Княгиню болѣе всего поразило то, что она нашла Оляшева именно такимъ, какимъ она представляла его себѣ въ тѣ часы, когда мечтала о его возвращеніи.

Между ними завязался невзначай разговоръ, худо поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ, но онъ доставилъ Оляшеву возможность разглядѣть княгиню вблизи. Въ десять лѣтъ она во многомъ измѣнилась: утраченную свѣжесть она замѣнила косметическою поддѣлкой и, казалось, не понимала, что всѣ ея старанія не могутъ обмануть никого. Ея вѣкогда прекрасное, постоянно измѣнявшееся лицо теперь отяжелось суровою неподвижностію, напоминавшею мертвенную жесткость мрамора. Двѣ борозды,

проведенная по угламъ рта, измѣняли ея милую улыбку въ насмѣшливую. Княгиня перестала прятать свои морщины изъ невозможности ихъ скрыть и не выдерживала кое-гдѣ показавшихся свѣдыхъ волосъ изъ опасенія лишиться послѣдняго украшенія. Оляшеву она представилась чуднымъ портретомъ, писаннымъ гениальнымъ художникомъ, но испорченнымъ временемъ, непогодой и попавшимъ въ руки ученика, съ дикимъ невѣжествомъ замѣнившаго творчество механическою накладкой яркихъ красокъ. Глядя на эти черты, нѣкогда волновавшія его душу, Оляшевъ говорилъ самому себѣ: „И я могъ этимъ восхищаться?!...“

Что касается до княгини, то сначала забвеніе Оляшева оскорбило ея гордость, потомъ ей стало жаль своего потеряннаго счастья; но время шло: княгиня начала очень хорошо понимать, что она постарѣла, и были даже минуты, когда она была какъ будто бы рада этому, рада тому спокойствію, которымъ теперь пользовалась послѣ столькихъ тревоженій, и объ отношеніяхъ своихъ къ Оляшеву она вспоминала какъ о предестномъ видѣніи, навсегда канувшемъ въ вѣчность, и сердце княгини по временамъ сжималось тоскою отъ накопившихся слезъ, которыми было совѣстно ей предаться; но вотъ вдругъ, совершенно неожиданно, она увидала Оляшева. Искра таинственнаго чувства снова запылала, и снова овладѣла безумными желаніями сорокалѣтнею головою княгини. Она скоро уѣхала; оставаться долѣе, значило бы сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ! такъ она была разстроена и взволнована.

Поздно вечеромъ, когда гости стали разъѣзжаться, Коловратова обратилась къ уѣзжавшему Оляшеву:

— Не ѣзди къ княгинѣ; сдѣлай мнѣ эту жертву!

— Отчего же?... Она, вѣроятно, давно уже забыла что происходило между нами. Бѣдная, она начала ужъ румяниться!

— А все-таки ты ее любишь.

— Почему знать; можетъ-быть и люблю!

XX.

На другое утро, когда Оляшевъ довольно поздно проснулся въ гостиницѣ Демута, ему подали вѣстие, причесанное человѣкомъ, ожидавшимъ отвѣта.

Ольшешъ прочелъ лаконическое уведомленіе.

„Я васъ жду сегодня въ семь часовъ. Princesse Lidie.“

Ольшешъ отвѣчалъ:

„Буду. Ольшешъ.“

Не пробило еще и семи часовъ, какъ онъ входилъ въ хорошо знакомой ему домъ. На порогъ, его встрѣтилъ преходный толстый швейцаръ. Въ недоумѣніи и изъ-подлобы взглянулъ онъ на вошедшаго Ольшеша, но узнавъ знакомаго барина, оскалилъ ротъ и радостно воскликнулъ:

— Батюшка, Левъ Николаичъ, вы ли это? Сколько времени васъ не было!

Ольшешъ прямо прошелъ въ знакомый ему кабинетъ. Въ немъ никого не было. Здѣсь все разомъ напоминало ему прошедшее, дорогое время. Уступая чувству кокетства, онъ въ изъясненіе признательности лучшимъ даямъ своей жизни, княгиня оставила свой кабинетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ и при Ольшешѣ; даже полинявшій отъ времени штофъ гардинъ и мебели не былъ возобновленъ. Картины висѣли на своихъ мѣстахъ въ томъ же порядкѣ. Вотъ знакомое кресло у вѣчно пылающаго камина, а вотъ и мѣсто, прожженное на ковръ. Тѣ же саксонскія вазы и знакомый Буль, и та же веревка китайскихъ уроковъ. Вспомнилъ Ольшешъ, что когда-то княгиня подарила ему на память перчатку, и онъ опустилъ ее вотъ въ эту вазу, что oddly стоитъ на пьедесталѣ. И точно, забытая перчатка лежала неприкосновенною; тщательно вычищенаямъ внутри фарфоръ неизмѣнно сберегалъ вѣрннй ему залогъ. На кругломъ столѣ разбросаны были тѣ же кипсеки, и въ одномъ изъ нихъ Ольшешъ нашелъ высохшій цвѣтокъ, вынутый для него однажды передъ баломъ княгиней изъ портбукета. Онъ увидалъ тоже и свой портретъ, стоявшій на столѣ, можетъ-быть съ цѣлю поставленный на видъ.

Ольшешъ невольно началъ приводить себѣ на память протекшіе дни счастья. Вспомнилъ онъ день своего представленія и тотъ вечеръ, когда онъ неутѣшно плакалъ. Вспомнились ему и балы, и маскарады, и продрогнувшая нога въ черномъ шелковомъ чулкѣ, и тотъ крошечный подсесть, который онъ охватывалъ рукою, и это измѣтное задорное личико, и тонкія аристократическія губы, и трепеть, охватившій его при первомъ поцѣлуѣ. Промелькнула

передъ нимъ и Каменно-островская дача, съ своими свѣтлыми лочами. Остановился онъ на вечерѣ, когда убаюкивалъ свою встревоженную княгиню, и представился ему: отъѣздъ, разлука, воспоминанія, Покатилловка, его письма, отвѣты княгини.

Вдругъ, въ самыхъ дверяхъ, онъ увидалъ ея стройную фигуру; она стояла въ робкой нерѣшимости, не трогаясь съ мѣста, съ глазами устремленными на него.

Онъ всталъ и подошелъ къ дверямъ.

Грудь его стѣснилась отъ напора волновавшихся его ощущенийъ. Передъ нимъ стояла прежняя, дорогая, любимая обожаемая его княгиня; она была такъ близка къ нему, что онъ ощущалъ ея дыханіе.

Полная неизъяснимаго смущенія, княгиня одѣлала шагъ впередъ; но, не будучи въ состояніи преодолѣть долге своего волненія, она вдругъ обвила руками шею Ольяшева и жадно прильнувъ губами къ его лицу, орошала его слезами. Она судорожно прижимала Ольяшева къ своей груди, и какъ нѣкогда Ольяшевъ, вдыхала въ себя его дыханіе.

Но было поздно. Подъ обаяніемъ живыхъ впечатлѣній, Ольяшевъ покорялся ея чувствамъ, но не раздвѣлялъ ихъ.

Смятеніе княгини начинало утомлять его. Она, какъ бы инстинктивно это понимая, опустилась на диванъ и указала Ольяшеву мѣсто противъ себя.

— И тебѣ не стыдно? Чтò ты со мной одѣлалъ?! лепетала она все еще вѣ себя.

Не воображая быть перенесенному такъ далеко назадъ, Ольяшевъ безъ возраженій принялъ на себя вину.

— Не вспоминайте, княгиня! Я виноватъ; чувствую, что вы не можете и не должны мнѣ простить. Нѣтъ у меня никакихъ оправданій!

— Княгиня!! И тебѣ не совѣстно такъ называть меня? Я все заранѣе тебѣ простила.... А ты? Боже! Чтò это со мной дѣлается!!

Слезы полились изъ глазъ, и княгиня закрыла лицо платкомъ.

Но плачь и рыданія только раздражали Ольяшева: слезы смывали румяны съ лица княгини.

— О чемъ же вы плачете и тревожитесь? произнесъ онъ болѣе досадливымъ голосомъ. — Приказывайте, располагайте мной, а весь вашъ, какъ былъ прежде.

Княгиня посмотрѣла ему въ лицо.

— Не смѣйте меня называть *ты*; оставьте мнѣ хоть это дорогое *мы*.

— Я готовъ тебѣ оставить гораздо больше; но воображалъ ли я встрѣтить тебя такую печальною, прибавилъ Оляшевъ больше для приличія.

Княгиня судорожно и принужденно разсмѣялась.

— А я постарѣла! подурнѣла! воскликнула она, бросивъ взглядъ въ зеркало.— Да развѣ расстаются на десять лѣтъ? Развѣ вы посмѣли бы разлюбить меня здѣсь, въ Петербургѣ, у меня въ домѣ? Развѣ я не была хороша?....

Оляшевъ опустилъ голову и молчалъ: Что ему оставалось дѣлать? Какъ ему было разсуждать съ княгиней?

— Я богата, я знатна. Нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ чего пожелалъ бы ты, и чего я не могла бы исполнить. Мнѣ ничего не нужно. Люби меня, заприменя, а брошу все, я отсюда не уйду.

— Другъ бездѣльный, развѣ я когда-нибудь любилъ по расчету?

— Не къ тому я говорю; ты не понимаешь блаженства любящей женщины отдать все тому, кого она любитъ. Кто наследовалъ Олимпіадѣ Самсоновнѣ?

— Я! глухо отвѣчалъ Оляшевъ.

— Ты! такъ ты богатъ. Боже! этого еще не доставало.

И княгиня опять принялась плакать на взрыдъ.

— Боже мой! Какъ я тебя любила! Для тебя я жертвовала дѣтьми, я нагло встрѣчала презрѣніе мужа, я отвергла Бога изъ любви къ тебѣ, я такъ жалка, что и теперь тебя обожаю.

И она упала на колѣни передъ Оляшевымъ и съ судорожною поспѣшностію цѣловала его руки.

Оляшевъ бросился поднимать ее, но она крѣпко ухватилась за его ноги и волочилась за нимъ. Онъ поднялъ наконецъ, почти насильно усадилъ ее на диванъ и опустился передъ нею на колѣни.

Княгиня дѣлала тщетныя усилія. Бѣдная! Слезы проводили двѣ полосы по щекамъ ея, смывали съ нихъ бѣлаша.

Уничтоженный этимъ зрѣлищемъ, Оляшевъ напрасно старался не видѣть этого.

— Зачѣмъ не говоришь ты мнѣ попрежнему? воскричала она, и глаза ея чудно сверкали.— Скажи мнѣ по правдѣ, по

чистой совѣсти, не жалѣй, убей меня... можешь ли ты меня любить?... если жь нѣтъ, отвѣчай прямо.

— Я люблю, и не переставала любить. Но ты спрашиваешь странно. Я самъ не знаю какъ мнѣ отвѣчать тебѣ вѣрунь.

Княгиня задрожала вѣсѣмъ тѣломъ; глаза ея закатились; съ ней сдѣлалось въ самомъ дѣлѣ дурно.

Ольгашевъ поспѣшно позвонилъ.

На зовъ его очень скоро явилась madame Portenchaise, вѣчто въ родѣ комнатной собачки, съ ужасающею наружностью. Она обладала тактомъ и умѣніемъ держать себя въ гостиныхъ и въ ложахъ, куда ея возила княгиня для контраста.

Ольгашевъ оставилъ на ея попеченіи безчувственную княгиню и уѣхалъ.

Недѣлю съ три послѣ того онъ не былъ у княгини; однажды онъ зашелъ къ Леррану и, въ ожиданіи обѣда, занялся газетой. Время клокотало къ вечеру.

Въ комнату вошелъ знакомый намъ конногвардеецъ. Онъ былъ уже полковникомъ. Десять лѣтъ мало его измѣнили.

— Давно ли ты здѣсь? спросилъ онъ Ольгашева.

— Съ полчаса или больше. Я увидалъ тебя изъ круглой залы, да Леонтовичъ заговорилъ до смерти. Давай здѣсь обѣдать.

— Идетъ!

Конногвардеецъ позвонилъ.

И когда первое блюдо сняли со стола, полковникъ за стаканомъ добраго бордо сказалъ Ольгашеву:

— Послушай, Левъ, ты ведешь себя очень глупо: зачѣмъ ты нигдѣ не показываешься? Только вниманіе ерошишь.

— Гдѣ жь мнѣ бывать? спросилъ какъ бы невиннымъ тономъ Ольгашевъ.

— У княгини, напримѣръ, отвѣчалъ конногвардеецъ:— люди сходятся и расходятся. Но между людьми *comme il faut on observe les convenances.*

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату вошелъ человекъ съ подносомъ и двумя бокалами шампанскаго.

— Отъ полковника Леонтовича, сказалъ онъ, поднося бокалы.

— Каковъ! воскликнулъ Ольгашевъ: — я далъ ему денегъ

съ недѣлю тому назадъ, думалъ отдѣлаться, а онъ — нѣтъ, все лѣзетъ.

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ дверь съ шумомъ растворилась, и во всей красѣ мундира Преображенскаго полка представился Леонтовичъ. Онъ носилъ бакенбары, которыя придавали совершенно круглому его лицу видъ собачьей головы въ намордникѣ.

— Parbleu, enfin vous voilà! Хорошо что ловитесь вмѣстѣ, воскликнулъ онъ. — Ты, Ольяшевъ, какъ кладъ мѣтъ не даешься. Я къ тебѣ съ порученіемъ отъ княгини.

— Чтò ей еще надо?

— Она велѣла отыскать тебя и привести.

— Ну чтò жь, поѣду.

— Поѣзжай, mon cher; она сюрпризъ тебѣ приготовила.

— Чтò такое?

— А вотъ увидишь. И кто бъ повѣрилъ: вѣдь счастье этой козявкѣ!

Ольяшевъ взглянулъ на конногвардейца.

— Ты понимаешь?

— Vous comprenez. Тебя смѣнилъ Козловскій. Чего тутъ не понимать?

Ольяшевъ захохоталъ.

— Люблю я за одно Леонтовича. Дѣлай какъ тамъ хочешь, а онъ все приведетъ къ одному знаменателю.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Жалко, что правда. Я самъ добивался этой чести, произнесъ Леонтовичъ.

— А вы, полковникъ, позволяете перебивать себѣ дорогу молодымъ ребятамъ, замѣтилъ ему конногвардеецъ.

— Чтò дѣлать! Я тутъ не виновать. Ça se connaît partout; elle a adopté ses couleurs.

— Это чтò еще такое? спросилъ Ольяшевъ.

— То-есть присвоиваетъ себѣ цвѣта герба князей Козловскихъ. На одной сторонѣ поле золотое, на другой couleur pensée.

Пріятели переглянулись.

— Въ прошлое собраніе она en rouge pensée, лисій мѣтъ бурый, мебель, штофъ — все pensée, договорилъ неутомимый Леонтовичъ.

— Жалко, мой милый, что княгиня не присвоила себѣ

твоего цѣвта. Тогда ей все казалось бы въ дикомъ видѣ, и говорила бы, и думала бы дико.

— Тебѣ хорошо, мой милый, говорить: скороки и я по-луумную тетку милліонерку, и я бы на всѣхъ памюуаъ.

Вечеромъ въ большомъ театрѣ, на одной сторонѣ бель-этажа пріатели увидали Коловратову, а на другой княгиню Брянскую съ неизмѣнною спутницей madame Portenchaise.

Въ антрактѣ къ Оляшеву подошелъ молодой адъютантъ.

— Генеральша васъ проситъ къ себѣ, сказалъ онъ.

Оляшевъ пошелъ и просидѣлъ въ ложѣ Коловратовой минутъ пять.

— Прошу объясниться прямо, сказала ему Коловратова повелительно.

— Пріѣду, когда только прикажете, отвѣчалъ ей торжественно Оляшевъ.

— Стыдно вамъ дѣйствовать по приказаніямъ!... Зачѣмъ вы вѣчно торчите у княгини?

— Болеѣ трехъ недѣль къ ней не показывался.

— Неправда, вчера еще были. Леонтовичъ сказалъ мнѣ.

Когда Оляшевъ выходилъ изъ ложи, его остановилъ князь Козловскій, котораго онъ не зналъ.

— Княгиня Лидія Александровна желаетъ васъ видѣть, сказалъ князь.

Оляшевъ направился къ ложѣ княгини Брянской.

— Madame Portenchaise, voulez vous avoir la complaisance de me dire s'il fait frais dans le salon, обратилась княгиня къ спутницѣ при видѣ вошедшаго Оляшева.

Пойманная въ распахъ Portenchaise сконфузилась и тотчасъ же вышла.

— Вы совсѣмъ никогда не хотите у меня бывать? спросила княгиня.

— Напротивъ, отвѣчалъ Оляшевъ, и неволью покраснѣлъ при этомъ.

— Ну такъ пріѣзжайте завтра въ пять часовъ. Мы будемъ обѣдать вдвоемъ въ кабинетъ.

Оляшевъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Вы проводите всѣ вечера у Софьи Николаевны? продолжала княгиня.

— Только теперь былъ у нея въ ложѣ.

— Неправда, вчера были, мнѣ говорилъ Леонтовичъ.

Ольгашевъ пожалъ только плечами.

На другой день, часовъ въ пять, онъ входилъ въ знакомый намъ кабинетъ. Его поразило необычайное явленіе.

Послѣ его послѣдняго визита, кабинетъ княгини принялъ совершенно другой видъ. Поливашій штофъ gris de lin на стѣнахъ, гардинахъ и на мебели замѣненъ былъ цвѣтомъ pensée, что придавало комнатѣ, обѣ одномъ только исполинскомъ окнѣ, видъ нѣскольکو мрачный. Мраморный угловой каминъ передвинулся на самую середину противоположной стѣны, и изъ бѣлаго сдѣлался чернымъ. Надо признаться, что комната насколько выиграла въ симметрію чрезъ это перемѣщеніе, настолько потеряла прежней уютности. Исчезъ съ пола гобеленовскій коверъ и замѣнился англійскимъ бархатнымъ, съ букетами всѣхъ возможныхъ яркихъ цвѣтовъ. Невольно пришло Ольгашеву на умъ прожженное мѣсто на коврѣ у камина, но его уже не было. Диваны, кресла, вышедшіе изъ творческихъ рукъ Гамбса, обтянутые тяжелымъ бархатомъ, были разставлены въ новомъ порядкѣ, и невольно заставляли сожалѣть о томъ замысловатомъ низенькомъ диванчикѣ, на которомъ княгиня столько разъ сидѣла рядомъ съ Ольгашевымъ. Скромный письменный столъ княгини, съ вѣчно-забытымъ на немъ ключомъ, исчезъ, и мѣсто его занимала вычурная шифоньера, окаймленная драгоценною рѣзьбой, представлявшая виноградныя лозы. Мѣсто порфировой неуклюжей вазы заступилъ мраморный мальчикъ собирающій раковины. Словомъ, изгладились всѣ слѣды прошедшаго, которое какъ бы хотѣла совершенно изгнать и скрыть.

Передъ пылающимъ каминомъ, между тѣмъ, накрытъ былъ столъ на два прибора. По серединѣ стояла хрустальная ваза съ фруктами, по угламъ въ этикеткахъ вина.

Ольгашевъ увидалъ княгиню посреди цвѣтовъ, за ширмами, покоившуюся на низенькомъ диванѣ. Она протянула ему руку.

— Я уже думала, вы опять обманете, не приѣдете, сказала она.

— Зачѣмъ вы все здѣсь изуродовали? замѣтилъ съ неудовольствіемъ Ольгашевъ.

— Этимъ изуродованіемъ я хотѣла вамъ угодить, отвѣчала княгиня.

— Чѣмъ же? спросилъ Ольгашевъ.

— Стираа всѣ олдѣды прошедшаго, котормъ вы такъ тяготились.

— Нисколько! отвѣчалъ Ольяшевъ.

Княгиня усмѣхнулась.

— А знаете что, какое я вамъ сдѣлаю предложеніе: отобѣдаемте вдвоемъ, sans témoins, какъ студентъ съ гризеткой, une partie fine. Выпьемъ force champagne, послѣ того, садемъ къ камину, поспоримъ, поссоримся и кончимъ навсегда нашъ неудавшіяся романъ.

Ольяшевъ въ отвѣтъ на это поклонился княгинѣ; потомъ подавъ ей руку, и они усѣлись за столъ. Вошедшій лакей поставилъ блюдо и удалился. Княгиня, со свойственною ей граціей, принялась исполнять обязанность гостеприимной хозяйки. Ольяшевъ усѣлся противъ нея въ комфортабельнѣйшемъ креслѣ; нога его упиралась въ кожаную подушку; передъ нимъ пылалъ каминъ; ему было очень хорошо.

— La consigne est donnée, tu reux me tuer que personne ne bougerait! сказала, смѣясь, княгиня.

Ольяшевъ отвѣчалъ ей улыбкой. Онъ съ перваго же блюда началъ пить много вина.

— Чокнемтесь! сказалъ онъ, поднимая передъ княгиней стаканъ съ шампанскимъ.

● — Чокнемся! отвѣчала она, и выпила свой стаканъ съ разу. Вино сейчасъ же бросило ей краску въ лицо.

— Хотите, отхвачу сапсан; въ Парижѣ, въ Chaumière, я ваторфалъ, говорилъ Ольяшевъ, вставая;—но прежде еще разъ чокнемся!

И они еще выпили по стакану.

Ольяшевъ началъ шукарную пѣсню:

„Roule tu bosse tout est payé etc“.

И въ то же время ухарски надвинулъ на бекрень шляпу, откинулъ плечи, засунулъ за жилетъ пальцы, выставилъ поднятую правую ногу высоко впередъ и потомъ пустился вывертывать такіе скачки, которые сдѣлали бы честь самому отличному студенту изъ Quartier Latin.

Опрокинутая назадъ въ креслахъ, княгиня, полураскрытыми подернутыми синею влагой глазами, слѣдила за движеніями Ольяшева.

Онъ остановился, наполнилъ вновь пустые бокалы, и подавая княгинѣ, сказалъ.

— Выпьемъ Bruderschaft.

— Qu'est ce que c'est que ça?

Онъ подалъ ей бокалы, пропустилъ свою руку ей подъ локоть, и приподнявъ ее, сказалъ: „Выпьемъ разомъ“!

Они опорожнили бокалы. Княгиня закашлялась.

— Чтò же теперь? спросила она.

— Теперь какъ женщина вы безусловно покоряетесь владычеству мужчины, и должны слѣпо вѣрить всему чтò онъ скажетъ.

— C'est bête ça!... Хотите кофе?

— Нѣтъ.

— Ну такъ у меня есть какое-то столѣтнее вино; c'est quelque chose de rare.... Но прежде одно условіе: расскажем другъ другу повѣсть, только справедливую.... возьмемъ ее хоть изъ прочитанаго нами самими. Я вамъ расскажу про нее, а вы мнѣ про него. И я вамъ за это столѣтнаго вина велю подать. Идетъ?

Не дожидаясь отвѣта Оляшева, княгиня позвонила.

— Начивайте!... сказалъ ей Оляшевъ.

— Такъ слушайте: Лицъ, разумѣется, не нужно называть. Все очень просто. Героиня моя молода, ей лѣтъ двадцать пять.

— И хороша?

— Разумѣется, а то бы не было никакого интереса. У нея бездна поклонниковъ; но она ни на кого не обращаетъ вниманія.

— Каменное сердце.

— Вовсе нѣтъ. Всѣ поклонники эти скучны, увѣраютъ въ любви на одинъ ладъ.... Позови Федора! обратилась княгиня къ столъшему въ дверяхъ лакею: — Вдругъ является юноша, почти дитя, и дѣлается ея обожателемъ.

— Позвольте остановить васъ... Она замужемъ?

— Непремѣнно, autrement ce serait une fille perdue. Только вы меня не перебивайте, а то я никогда не кончу. Онъ влюбляется въ молодую даму, со всею наивностію, со всею ребяческою восторженностію, со всею неопытностію своихъ дѣтскихъ лѣтъ, и впадаетъ въ отчаяніе... Федоръ, какое это тамъ было у князя столѣтнее вино? спросила она показавшагося дворецкаго въ дверяхъ.

— Кюрасао, ваше сіятельство; есть еще столѣтній рейнвейнъ, старая мадера и столѣтнее токайское....

— Круглыя визельскія засмоленыя бутылки; подай одну изъ нихъ, а остальные отошли ко Льву Николаичу.

— Слушаю.

— На чемъ я остановилась? Вы меня вѣчно перебиваете. Eh bien! мой юноша тераетъ разсудокъ, pas pour tout de bon; но онъ несчастливъ оттого что она его не любитъ. Но вѣдь можно любить только ровныхъ себѣ по лѣтамъ, стариковъ же и дѣтей нельзя.

— Позвольте—въ старики влюбляются даже въ исторіи, въ Пушкинскій поэмѣ Марія въ Мазепу; въ *Демонѣ* Тамара влюбилась даже въ чорта.

— Я вамъ говорю о дѣйствительной жизни. Après cela on rougit aimer le diable, я его не видала. Dans tous les cas s'il nous arrive avec sa queue, il est probable qu'il ne sera pas le bien-venu! Не теряйте главной мысли изъ виду. Въ ея отношеніяхъ къ молодому человѣку нѣтъ ничего, кромѣ женскаго великодушія, да еще сверхъ того маленько, очень позволительной мистификаціи. Ей жаль его, жаль молодыхъ порывовъ неопытнаго, чистаго сердца. Съ другой стороны она не можетъ заставить себя любить его. Убѣжденная, что онъ любитъ ее такъ какъ ей давно желалось, и поставленная въ невозможность платить своему юному обожателю взаимностію, она не разочаровываетъ его, а напротивъ поддерживаетъ въ немъ грезы любви, даже какъ будто раздѣляетъ ихъ, и все это изъ одного состраданія. Желая сохранить въ немъ святость любви, и уважая его чувство, она отдается ему вся, и что жь? онъ счастливъ, потому что вѣрить; онъ блаженствуетъ, потому что любить. Онъ всѣмъ обязанъ ей, но никогда не узнаетъ, что она считала себя обязанною любить его изъ состраданія. Изъ состраданія, изъ благодарности, она покорилась любви, раздѣлять которую не находила въ себѣ силы. Est ce que ce n'est pas beau? Развивайте эту тему до конца. Она умерла и схоронила съ собою этотъ великодушный обманъ; онъ умеръ, и все-таки съ полными убѣжденіемъ, что встрѣтилъ на землѣ истинно любящее существо. Всю жизнь быть обманутой не замѣчая обмана, скажите, не все ли равно, что быть счастливою въ любви? Какъ назовете вы такой поступокъ? Согласитесь, что

возможеть только женщины; одна только женщина можетъ исполнить такую трудную задачу. Что вы на это скажете?

— Ваша героиня—опытная женщина, княгиня, и очень ловко дурачила своего обожателя; но разказъ вашъ только подтверждаетъ общій приговоръ, изъ поковъ вѣка произнесенный надъ женщиной.

— Какой это приговоръ?

— То что одѣ женщины способны играть чувствами, и что для нихъ прикинуться влюбленными такъ же легко какъ для меня выпить стаканъ вина.

Дверь отворилась, и вошедшій лакей поставилъ предъ Ольяшевымъ пузатую, неуклюжую и обросшую мохомъ бутылку. Она была откупорена и распространила сильный ароматный запахъ.

Ольяшевъ началъ черноватой густой какъ масло жидкости, и подавъ рюмку княгинѣ.

— *Cela sent bon, mais cela doit être fort.*

Она прикоснулась губами и сдѣлала гримасу.

— *Pouah, quelle horreur!* и передала Ольяшеву.

Онъ выпилъ медленно и намель, что вино очень хорошо.

— Ну-съ, теперь ваша очередь, произнесла княгиня.

— Я долженъ начать съ того, заговорилъ Ольяшевъ,—что обвиню моего героя въ неопозволительныхъ средствахъ, съ помощію которыхъ онъ достигаетъ желаннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ оговариваюсь, что съ женщинами дѣйствовать по общепринятой логикѣ нельзя.

— Пожалуста, безъ дерзостей....

— Позвольте, вѣдь долженъ же я оправдать своего героя; онъ также какъ и вашъ влюбленъ безъ памяти, также молодъ, и точно также имѣеть дѣло съ предметомъ любви, имѣющимъ передъ нимъ преимущество. Она тоже замужняя женщина, чрезвычайно хороша собой и несмѣтно богата. Согласитесь, что съ такими громадными прерогативами, *mon homme est perdu à tout jamais*, тѣмъ болѣе что онъ имѣеть дѣло съ разочарованною женщиной.

— Если вы станете нападать на нее, я заранѣе отказываюсь слушать вашу повѣсть.

— Мнѣ необходимо обозначить положеніе описываемыхъ мною лицъ; въ противномъ случаѣ вы ничего не поймете изъ ихъ дѣйствій. Въ нее влюблялись прежде и послѣ моего героя, но она всѣми пренебрегала.

— Не правда; она была несчастлива тѣмъ, что не могла любить.

— Позвольте, княгиня, та, о которой вы говорите, другая; я вамъ разказываю о своей, она до васъ не касается. Отъ нечего-дѣлать моя героиня кокетничала со всѣми, но и это ей скоро наскучило. Мой юноша служилъ долго игрушкой ея праздности, и сказать правду, онъ только и держался тѣмъ, что служилъ забавой; этому-то обстоятельству онъ обязанъ короткостію, съ какою его принимали; онъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ и считался домашнимъ другомъ. Онъ безпрепятственно входилъ въ ея спальню; между ними образовался таинственный союзъ, не нарушимый съ обѣихъ сторонъ, хотя и не скрѣпленный никакими обязательствами.

— Ничего не понимаю. Разказывайте даьше.

— Даьше вамъ, княгиня, нужно вооружиться терпѣніемъ, или, что всего хуже, снисходительностію къ моему герою. Чтобы выманить любовь, въ которой впрочемъ ему не было отказано, онъ прибѣгаетъ къ разнымъ уловкамъ и между прочимъ отправляется къ гадальщицѣ. Ни она, ни онъ, какъ вы легко поймете, не поддались бы вранью вздорной вѣщуньи. Но для достиженія своей цѣли, онъ прибѣгнулъ къ отчаянному средству.

— Къ какому?

— Она писала свой журналъ и повѣряла бумагъ все что скрывала отъ человѣка, который любилъ ее болѣе всего на свѣтѣ. Мой герой былъ нецеремонецъ, и подобралъ ключъ.

— И вамъ не стыдно, не совѣстно!

— Лидія Александровна! Вѣдь вы сами притворялись. Что же мнѣ оставалось дѣлать. Вѣдь я любилъ васъ до безумія.

Княгиня въ одно и то же время улыбнулась и вздохнула.

— Вы теперь меня ненавидите? спросилъ ее Оляшевъ.

— Нѣтъ, досадно только то, что вы очень ужъ похожи на всѣхъ.

— А вы считали меня чѣмъ-то необыкновеннымъ? спросилъ, захохотавъ, Оляшевъ.

— Я васъ считала очень хорошимъ человѣкомъ. Знай я васъ прежде такимъ, какимъ знаю теперь, я можетъ-быть иначе повела бы романъ.

— Тогда, можетъ-быть, его и совсѣмъ бы не было.

— Вѣроятнѣ всего.

Замирающее мерцаніе огня отчетливо рисовало на стѣнѣ тонкіи силуэты княгини; сложенные накрестъ и обваженныя по локоть руки ея рельефно блистали своею бѣлизной.

— А знаете ли что, княгиня? не хотите ли за меня замужъ выйти? сказалъ Оляшевъ.

Княгиня посмотрѣла на него:

— Если вы меня обманывали и не уважали какъ любовницу вашу, то какъ жену ужъ конечно будете презирать и ненавидѣть.

— Значить, въ прежнихъ отношеніяхъ остаться лучше.

— Гораздо лучше.

Когда Оляшевъ прощаясь, княгиня спросила его совершенно покойно:

— Вы скоро уѣзжаете.

— Я умру здѣсь! отвѣчалъ онъ съ чувствомъ.

Въ передней швейцаръ, подавая ему шинель, проговорилъ:

— Слава Богу, батюшка, у васъ опять съ княгиней все по-старому пошло.

Когда послѣ трехдневнаго ожиданія, княгиня посадила освѣдомиться объ Оляшевѣ, онъ уже наканунѣ выѣхалъ изъ Петербурга.

XXI.

Въ 1860 году, я ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій въ вагонъ вошла и помѣстилась насупротивъ меня, вся покрытая соболями, высокая старуха. Волосы у ней были серебристаго цвѣта, лишь кое-гдѣ смѣшанные съ свѣтлорусыми, а лицо все въ морщинахъ. Но морщины эти были не грубыя, выведенныя на удачу и кое-какъ. Онѣ казались изваянными искуснымъ рѣзцомъ по заданной модели. Тонкій, въ свое время антично-правильный носъ, расширялся теперь у высохшихъ до непріятности ноздрей и на концѣ былъ свѣтлолиловаго цвѣта, что представляло страннѣйшій и непріятнѣйшій контрастъ съ буро-охрянымъ цвѣтомъ остальной части лица. Сѣрые, потухшіе глаза не имѣли болѣе ни бровей, ни рѣсницъ, что придавало имъ нѣсколько изумленное выраженіе;

они, какъ науки изъ щелей, выглядывали изъ глубокихъ впадинъ. Вообще наружность этой особы имѣла въ себѣ нѣчто холодное, отталкивающее и надменное. Съ нею рядомъ сѣло другое женское существо, укутанное въ черный атласный салонъ и въ капоръ, изъ-подъ котораго высовывался очень грубой выдѣлки носъ. По заботливости и мелкимъ угоденіямъ, которыми эта особа окружала величавую старуху, ее тотчасъ же можно было отнести къ разряду тѣхъ услужницъ, которыя заявляютъ о своемъ существованіи въ газетныхъ объявленіяхъ: „Une dame noble désire se placer pour la compagnie....“ Что касается до величавой матроны, то, казалось, она была нестерпимо капризна, и съ чернымъ салономъ обращалась безцеремонно до наглости. Она ворчала то на то, что дуетъ изъ пола, то на то, что атмосфера въ вагонѣ становится нестерпимою, и требовала флакона съ солями. Бѣдный салонъ поспѣшно закутывалъ ее старческія ноги толстою шалью и также услужливо подавалъ les sels de Madame. Немного спустя, Madame свршивала дорожный французскій романъ и заставляла салонъ читать вслухъ; во тутъ же вырывала у него книгу изъ рукъ, увѣряя, что компаньонка читаетъ въ носъ, и сама принималась за чтеніе, которое чрезъ минуту прекращала, говоря, что по причинѣ тряски не можетъ держать въ рукахъ книгу. Потомъ на нее нападалъ сухой, удушливый кашель; тогда ея глаза наполнялись кровью, и темный огонь затаенной злобы блисталъ въ этихъ глазахъ. Всего же противнѣе въ ней было безпрестанное пожыванье изоохшими и сморщившимися губами, совершенно провалившимися внутрь рта. Жеванье это прерывалось только сухимъ кашлемъ, оханьемъ и придирчивою бранью на салонъ. Видъ этого тоскающагося Кашея Безсмертнаго, въ женскомъ платьѣ, возбуждалъ во мнѣ странное желаніе: мнѣ хотѣлось, снявъ со старухи шубы, вытолкнуть ее на 20-ти-градусный морозъ. Великолѣпная матрона старалась заснуть, что однако ей, къ моему удовольствію, не удавалось; за то я притворился спящимъ и скоро имѣлъ удовольствіе услышать слѣдующій разговоръ: C'est étonnant comme ça ronfle vite!

— Il n'y a rien d'extraordinaire madame la princesse, puisque ce sont des Russes.

— Vous êtes une impertinente. Je suis Russe également, et je ne ronfle pas.

— Oh! C'est que madame est madame la princesse.

Причина казавшаяся ласкою салону открыла мнѣ, что я передъ собою имѣю русскую княгиню, и я началъ придумывать чѣмъ бы взбѣсить ее.

Выбить окно по неосторожности казалось мнѣ не совсѣмъ ловкимъ, а потому, притворяясь ослѣпшимъ, я началъ стонать.

— Monsieur ne se trouve pas bien, сказала, она раздраженная стономъ.

Я показалъ видъ, что не понимаю.

Княгиня обратилась къ салону.

— Il paraît, que monsieur ne comprend pas le français, уклончиво отвѣтилъ салонъ.

На лицѣ княгини выразилось презрѣніе, и она повторила вопросъ по-русски.

— У меня горловая чахотка, отвѣчалъ я.

Княгиня ужаснулась. Она взглянула на меня злобно и недоувѣрчиво; по здоровому цвѣту лица предполагать чахотку было невозможно.

— Une figure comme ça vise à l'éthésie, сказала она передъ салономъ.

И не стѣсилась болѣе моимъ присутствіемъ, княгиня общалась черному салону свои замѣчанія, въ которыхъ я имѣлъ удовольствіе фигурировать не послѣднимъ лицомъ.

Вскорѣ опустѣвшее возлѣ меня мѣсто занялъ сутуловатый старичокъ въ ильковой шубѣ. Носъ у него сходился съ подбородкомъ такъ близко, что казалось готовился осѣдлать его. Шея старика была окутана бесконечною талью, что придавало ему видъ воробушка выгладывавшаго изъ гнѣзда.

— Вотъ неожиданная встрѣча, сказалъ онъ по-французски, обращаясь къ княгинѣ: — откуда вы?

— Изъ деревни.

— А я изъ Твери, а передъ тѣмъ около мѣсяца прожилъ въ Москвѣ. А прогос, вы знаете съ кѣмъ я тамъ встрѣтился?... Съ Ольшевскимъ!

— А! произнесла княгиня.

— Какъ-же-съ! Слѣдилъ только въ Петербургъ. И жену его тоже видѣлъ.

— Развѣ онъ женатъ?

— Болѣе десяти лѣтъ. Будто вы не знаете?

— Не знаю! Кто жь она такая? Московская?

— Нѣтъ, пензенская, но очень извѣстная.

— Гм...! сдѣлаа княгиня.

— А вы, княгиня, въ Петербургъ?

— Куда мнѣ еще дѣваться? возразила она съ нѣкоторымъ озабоченіемъ.—Мнѣ нужно было заглянуть въ мою деревню, здѣсь не дорогѣ. А я удивляюсь вамъ, что вы развязываете безъ нужды.

— Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ вопросъ, но.... оказалъ старикъ, поглядывая на меня.

Княгиня махнула рукой.

— Говорите, онъ не понимаетъ.

— Плохо, сказалъ старичокъ:—очень плохо, ну да что жь, княгиня, доживемъ какъ-нибудь остатокъ...— Après nous le déluge.... Что *сидеть*? Давно ихъ не видалъ.

— Надоѣли; ну и многихъ не стало. Что вамъ вздумалось о нихъ спросить?

— Да такъ, на посадяхъ.... Жизнь прошла какъ сладкій сонъ.

— Хорошо еще, если какъ сладкій; ну а ежели какъ гадкій? сказала съ горькою усмѣшкой княгиня.

— Вамъ, по крайней мѣрѣ, княгиня, не сѣдуетъ жаловаться на судьбу! Васъ горяче любили.

Княгиня разсмѣялась, но тутъ же и заплакала. Башмачь держалъ ее довольно долго; самопъ суетился, кидаясь изъ угла въ уголъ въ вагонѣ.

— *Où est le bonheur?* отонала княгиня.—Вы причиной, что я чуть не задохлась, обратилась она къ старику.—Не себя ли опять выводите вы на сцену? Постояннѣе, нелѣпнѣе васъ обожателя быть не можетъ. Жалко одно только, вы ничего не умѣли дѣлать вовремя.

— Что ужъ мнѣ себя выводить?... У меня остались одна только воспоминанія, отвѣчалъ, со вздохомъ, старикъ.

— А у меня такъ и воспоминаній не осталось, возразила старуха.

— А Ольшечка?

Княгиня покачала плечами.

— Васъ и другихъ вспоминать не стѣбитъ, а его стыдно, произнесла она не такъ громко.

Сутуловатый старичокъ въ свою очередь пустился смѣ-

аться. Его сѣдѣхъ походилъ на слабую трещотку, приводимую въ движеніе рукою ребенка.

— Сколько разъ я представлялъ вамъ, что Оляшевъ вѣтряный и безсердечный мальчишка, сказалъ онъ.

— Можетъ-быть вы что-нибудь и говорили въ этомъ родѣ, но все-таки я ничего не помню.

— Такъ зачѣмъ вы два раза, когда онъ уѣзжалъ, были въ себя, и зачѣмъ онъ уѣзжалъ?

— Ежели это васъ интересуетъ, то почему вы не спросили самого Оляшева?

— Я спрашивалъ.

— Ну что же?

— Оляшевъ говорилъ, что вы его прогнали вслѣдствіе какого-то съ нимъ объясненія.

— Онъ точно сказалъ какую-то дерзость.

— А вы не помните, что именно онъ вамъ сказалъ?..

— Monsieur Халонскій! Вы, наконецъ, становитесь невыносимы. Для чего вы это выспрашиваете все?

— Можетъ-быть признаніе въ прошедшемъ послужило причиною вашего разрыва.

— Всегда и вездѣ вы хотите выставить себя, произнесла съ насмѣшкою княгиня.

— Что намъ дорого, о томъ мы можемъ вспоминать всю жизнь, произнесъ съ чувствомъ старичокъ.

— Для дешевыхъ людей всякій вадоръ можетъ быть дорогъ, молвила княгиня.

Затѣмъ воцарилось невольное молчаніе, прерываемое только легкимъ храпомъ сапога. Утомленная своими рабскими трудами, компаньйонка предалась наконецъ покою.

Княгиня позавидовала своей прислужницѣ, и желая подражать ея примѣру, стала безпокойно перекладываться изъ кресла въ кресла. Но сонъ ей измѣнился. За то старичокъ, къ общему изумленію, захрапѣлъ фальцетомъ, да такъ громко, что княгиня окончательно пришла въ ужасъ. Она тревожно металась во всѣ стороны, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

Наслаждаясь ея бѣшенствомъ, я принялъ участіе въ концертѣ, и своимъ храпѣніемъ усиливалъ общую какофонію.

— Mais cela devient insoutenable, воскликнула подъ конецъ княгиня, и безжалостно принялась растапливать уснувшій сапогъ. Привыкшая къ безпокойствамъ всякаго рода, эта бѣдная особа, послѣ плотнаго обѣда, точно замерла и,

вспомогла на всё усилія княгини, продолжала свою песенную арию, но вдругъ встрепенулась и закричала:

— Au voleur! au voleur!

Княгиня, чтобы разбудить свою компаньонку, воткнула ей булавку и, какъ казалось, довольно глубоко.

— Qu'avez vous donc, madame? Vous battez la campagne.

— П м'а paru, madame laprincesse, comme si l'on m'enfonçait une épingle.

— Vous avez rêvé. Passez-moi mes seils.

Полусонный салонъ похвѣлъ за флакономъ.

Княгиня между тѣмъ выведенная окончательно изъ терпѣнія храпѣишемъ фальцета будто нечаянно толкнула его ногой, при чемъ задѣла и меня. [Дѣлать нечего: мы оба проснулись.]

— О! воскликнулъ старичокъ, потягиваясь и зѣвая:— зачѣмъ вы прервали мой сонъ? Я такъ сладко спалъ. Вообразите, мнѣ представилось будто я гуляю въ саду, наполненномъ розами и благоуханіями. Солнце согрѣвало меня такъ пріятно, и вдругъ въ розовомъ павильонѣ я увидѣлъ какое-то прозрачное существо, въ бѣломъ; оно махало меня къ себѣ.

— Стыдитесь въ ваши лѣта видѣть во снѣ такіа гадо-сти. Вы забрались въ розовый павильонъ, а я по вашей милости выдержала такую пытку, которая навсегда отобьетъ у меня охоту развѣзжать по желѣзнымъ дорогамъ.

Въ Бологовѣ я вошелъ въ общій залъ и противъ ожиданія не нашелъ тамъ тѣсноты. Я сѣлъ къ столу, за которымъ ужинали. Мѣсто съ правой стороны занялъ замѣчательной красоты высокій и стройный пожилой мужчина. Въ жизни я не встрѣчалъ болѣе симпатичнаго лица. Господину этому, судя по замѣтной сѣдинѣ, могло быть лѣтъ слѣшкомъ пятьдесятъ, хотя онъ былъ очень моложавъ. Въ наружности, въ манерахъ, въ голосѣ, во всемъ высказывалась порода. Дубленый полушубокъ изъ крымскихъ сѣрыхъ овчинъ охватывалъ стройный станъ, голову прикрывала синяя войлочная фуражка. Руки, замѣчательно маленькія были спрятаны въ замшевыя перчатки. Черезъ нѣсколько минутъ онъ ихъ скинулъ, бросилъ въ фуражку, расправилъ свои кудри, и спросилъ ужинать. Половой поставилъ предъ нимъ бутылку Иоганнисбергера. Незнакомецъ ѣлъ много и съ аппети-

томъ, и потребовалъ еще бутылку вина. Въ это время подошелъ сгорбившійся Халемскій.

— Здравствуйте, Левъ Николаичъ! Вотъ счастливая встрѣча—и въ Москвѣ, и на желѣзной дорогѣ. Вы, конечно, изъ Петербурга и теперь въ Москву?

— А откуда въ Пензу и въ деревню, отвѣчалъ, улыбавшійся, красивый господинъ.—Надоѣлъ мнѣ вашъ Петербургъ.

— Вамъ всегда все скоро надоѣдало, Левъ Николаичъ, замѣтилъ старичокъ.—Какъ вы однако все еще свѣжи, какой молодецъ! Завидно право смотрѣть на васъ! Знаете ли что вы вашимъ бѣгствомъ совершили нравственный подвигъ?

— Какимъ бѣгствомъ?

— Какъ какимъ? Помните!... Княгиня съ досады стала дочь вывозить, а Софья Николаевна,—онъ снова заснѣлась вялою трещоткой,—та неистовствовала три дня, а потомъ привнесла сердечное во всемъ раскаянїе мужу.

— Я былъ у княгини; ея вѣтъ въ Петербургѣ.

— Княгиня здѣсь; мы ѣдемъ съ ней въ одномъ вагонѣ. Если вамъ угодно, мы сію минуту отыщемъ ее, я только что ее оставилъ. Да вотъ и она сама сюда идетъ!..

И точно княгиня, въ сопровожденїи сапога, направляла веровные шаги свои къ собесѣдникамъ.

— Лидія Александровна! Лидія Александровна! Вотъ и Ольшавъ, вскричалъ Халемскій съ какимъ-то восторгомъ.

Встрѣча, которой я дѣлался невольнымъ свидѣтелемъ, заняла меня по отрывочному разговору, слышанному въ вагонѣ.

Лицо княгини, стоявшей теперь совершенно противъ меня, выразило глубокое изумленіе; но потомъ очень скоро приняло опять свое прежнее угрюмое и злобное выраженіе. Между тѣмъ высокій мушкетеръ вѣжливо и съ какою-то поспѣшностью нѣсколько разъ поцѣловалъ у нея руку.

Такъ какъ онъ стоялъ ко мнѣ спиною, то я на лицѣ его не могъ прочесть на сколько онъ былъ доволенъ этою неожиданнымъ встрѣчей.

— Видно судьба опредѣлила намъ встрѣчаться съ вами на большихъ дорогахъ, говорила между тѣмъ княгиня: — я уже не надѣялась увидать васъ въ этой жизни.

— Я собственно для васъ ѣздилъ въ Петербургъ, и вѣдь

нужно же было такъ даучиться! Впрочемъ я сейчасъ возьму обратный билетъ и поѣду съ вами.

— Нѣтъ, зачѣмъ! Васъ ждетъ въ Москвѣ жена.

— Я очень, очень радъ, васъ видѣть, продолжалъ между тѣмъ высокій мужчина, не выпуская изъ своихъ рукъ руки княгини.

Она въ изнеможеніи сѣла къ столу, и освободивъ свою руку, презрительно указала на остатки ужина.

— Превжій аппетитъ! И дѣти у васъ есть?

— Четверо.

Княгиня сдѣлала какую-то страшную гримасу и судорожно жевала исчезнувшими въ глубинѣ рта губами.

— Что Лидія Аполоновна?

— И она состарѣлась; внучка уже невѣста... — Княгиня сдѣлала жестъ рукою.

— Какъ быстро протекло время! замѣтилъ стройный мужчина.

— Вы меня знавали молодою; на что я похожа теперь? воскликнула старуха.

Безсильная злоба послала упрекъ небу; ротъ княгини сложился въ горькую усмѣшку.

— Начать какъ я начинала, и такъ безобразно кончить, ворчала она сквозь зубы.

— Общая участь! утѣшалъ ее старичокъ:—конецъ всегда скверенъ.

— Жизнь наша такой же вздоръ какъ то что вы сейчасъ сказали! замѣтила, вздохнувъ, княгиня.

— У васъ есть дочь, есть внучка, живите для нихъ, произвесь мягкимъ голосомъ высокій мужчина.

— Ваши совѣты всегда приносили мнѣ несчаствіе. Не жить, а умереть пора мнѣ для нихъ. Этимъ я точно обрадую ихъ.

И старуха попробовала засмѣяться. Смѣхъ ея выходилъ изъ совсѣмъ высохшей груди.

Раздался звонокъ.

Общество поднялось, сѣша къ вагонамъ. Высокій мужчина проводилъ княгиню до мѣста, и тамъ опять почтительно поцѣловалъ ей два раза руку.

Изъявленіе такой преданности не произвело на княгиню никакаго впечатлѣнія.

— До свиданія! продолжалъ онъ.—Прощайте, до свиданія,

Никаноръ Васильчъ, обратился онъ къ огорченному старику.

Они поцѣловались.

— Отлучки ваши безконечны, молвила закатывавшися княгиня.— Нельзя полагаться на ваши слова. Въ этотъ разъ я даю вамъ *carte blanche*. До новаго свиданія въ земаѣ!—И она скептически усмѣхнулась.

Раздался звонокъ.

Повѣздъ съ шипѣнiемъ и свистомъ тронулся съ мѣста. Я крѣпко заснулъ, и проснулся когда мы уже приближались къ Петербургу. Неприятное чувство овладѣло мною, что всегда случается, когда я приближаюсь къ мѣсту назначенія.

Вотъ потянулись нескончаемые ряды открытыхъ и закрытыхъ вагоновъ. Вдругъ стемнѣло. Мы вѣхали подъ крытую арку; послышался промзительный свистъ; заскрипѣли колеса; вдругъ толчокъ, звякнулъ крюкъ о желѣзную цѣпь, и мы остановились.

Началась суетня; послышались возгласы; забѣгали съ мѣшками, подушками, картонами.

Комдукторы отворяли двери вагоновъ.

Добравшись до платформы, я увидѣлъ человѣка въ лагрянной шубѣ, суетившагося около княгини; тутъ былъ и салопъ съ влюбленнымъ старичкомъ.

Послѣднiй узналъ меня, зѣвнулъ во весь ротъ и отлсвернулъ.

Я послѣдовалъ за ними; народная воля отнесла насъ къ подъѣзду.

Правая сторона Знаменской площади кишѣла каретами, лѣвая до моста загромождена была извозчиками.

На ступеняхъ зданія, княгиня увидѣла сѣдаго генерала съ звѣздой. Онъ тотчасъ подошелъ къ ней.

— Поздравляю съ прiѣздомъ, княгиня! Долго же вы прогостили въ Москвѣ! И васъ тоже, Никаноръ Васильчъ поздравляю! Что вы ежитесь, точно замерзли?

— Зачѣмъ вы здѣсь въ парадѣ? спросила княгиня генерала.

— Отдаю послѣднiй долгъ, отвѣчалъ онъ, и небрежно указалъ рукою на церковь.

У церковныхъ дверей, понуря головы, стояла шестерня

лошадей подъ черными попонами, запряженная въ дроги съ балдахиномъ. Кругомъ зѣвали и разѣзжали жандармы.

— Кого это хоронятъ? спросила робко княгиня.

— Нашего стараго знакомаго Илью Васильича Бохревскаго, отозвался равнодушно генералъ.

Халонскій обнажилъ лысую голову и сталъ набожно креститься.

— Княгини Брянской карета! кричалъ между тѣмъ жандармъ.

Въ эту минуту подѣхала двумѣстная карета, солиднаго вида, на полозкахъ. Лакей въ ливрейной шубѣ проворно отворилъ дверь, между тѣмъ какъ генералъ и влюбленный старичокъ осторожно свели княгиню съ ступеней.

Еще мгновение, и она навсегда исчезла.

— Какова мумія! замѣтилъ генералъ, провожая глазами карету.— Живаго одинъ только подбородокъ.

— Въ наши года, Степанъ Михайловичъ, мы всё ни въ что не похожи, возразилъ Халонскій.— Остался хорошъ одинъ только Оляшевъ; да онъ и всегда былъ красавецъ.

— Развѣ вы съ нимъ видѣлись? спросилъ генералъ.

— Дорогой встрѣтились. Кому Господь далъ умъ, тому отказалъ въ средствахъ, а кому далъ средства, у того умъ нѣтъ.

— Перестаньте наконецъ заниматься княгиней; теперь она по крайней мѣрѣ ничья!

— А была когда-то моею, вздохнулъ старичокъ.

Мѣсяца черезъ три я возвращался въ Москву. Въ особомъ отдѣленіи вагона сидѣла молодая дама въ глубокомъ траурѣ. Когда она вышла изъ вагона и я поближе всмотрѣлся въ нее, тонкія черты ея блѣднаго интереснаго лица напомнили мнѣ что-то знакомое. Я чуть не вскрикнулъ отъ радости, увидавъ возлѣ молодой дамы мой милый черный салонъ.

Теперь, какъ и тогда, онъ расточалъ свою услужливость; но на этотъ разъ предметъ его попеченій былъ интереснѣе.

„Вѣроятно, салонъ не ужился со старухой и перешелъ на другое мѣсто,“ думалъ я.

— Кто эта дама въ траурѣ? спросилъ я у одного господина, который издали раскланялся съ нею. Участіе къ блѣдному салону заставило меня забыть мою привычку.

- Княгиня Колзовская.
- Урожденная княжна Брянская, Лидія Аполлоновна?
Онъ утвердительно кивнулъ головой.
- Развѣ она намъ знакома?
- Мѣсяца три тому назадъ я ѣхалъ съ ея матерью изъ Москвы.
- Она и теперь съ нами ѣдетъ.
- Почему же не видать ея?
- Ее везутъ съ багажемъ, продолжающъ соствѣдъ.
- Какъ съ багажемъ?
- Да, то-есть, ея тѣло!.. Княгиня, предъ смертью, изъявила желаніе быть похороненною въ Довскомъ монастырѣ

ГРАФЪ Е. ТОЛСТОЙ.

П Е Р Е Х О Д Ъ

ОТЪ

СИНГАПУРА ДО АВСТРАЛИИ

....Последнее дыханіе NO (сѣверо-восточнаго) муссона донесло насъ до узкаго и длиннаго пролива между островами Банкой и Суматрой. Въ этомъ природномъ каналѣ, и вѣтеръ, и волненіе улеглись; мы пошли подъ парами, и на ночь стали на якорь. На слѣдующій день, послѣ густаго тумана и проливнаго дождя, погода развеселилась. Быстро поплылъ корветъ по синей глади, окаймленной измѣнными зелеными берегами, поросшими вплоть до воды густымъ тростникомъ и кустарникомъ. Эти берега заманчивы: здѣсь дѣйственные лѣса, въ которыхъ только нога дикаря или звѣря тамъ и сямъ проптала себѣ тропинку; здѣсь тигры, райскія птицы, сломы и всякая всячина. Мнѣ случилось видѣть дѣйственный тропическій лѣсъ на островкѣ Мю (Mew) въ Зондокомъ проливѣ. Въ растительности было что-то могучее; чаща лѣса и ползучихъ растений разступалась, чтобы дать мѣсто какому-нибудь дереву-великану въ пять обхватовъ, прямому и гладкому, поднимавшемуся до огромной высоты, оттуда раздвигало оно кругомъ, какъ руки, толстые сучья.

Стволъ его былъ украшенъ паутиной льянъ, взбѣгавшихъ вверхъ по тонкимъ отросткамъ, которые висѣли съ вѣтвей какъ веревки и внизу росли опять въ корни. Когда такой великанъ падалъ подъ нашими топорами и пилами, по лѣсу шелъ трескъ разрушенія, какъ отъ землетрясенія. Другіе старики-деревья, упавшія отъ времени или саомавныя ураганомъ, лежали быть-можетъ не одно столѣтіе. Лѣсъ былъ полонъ какихъ-то испареній, напоминавшихъ о вредности климата.

На третій день мы стали на якорь въ Анжерской бухтѣ. Анжеръ маленькое голландское поселеніе при входѣ съ сѣвера въ Зондокій проливъ. Лежа на перепутьѣ всѣхъ судовъ идущихъ этимъ проливомъ, Анжеръ могъ бы быть значительнымъ пунктомъ. При томъ рейдъ его, хотя и открытый, совершенно безопасенъ, такъ какъ находится въ полосѣ вѣчныхъ штилей. Несмотря на эти выгоды, онъ не имѣетъ ничего, кромѣ маленькой крѣпости и пятидесяти человѣкъ солдатъ, составляющихъ ея гарнизонъ. Пять офицеровъ, двѣ дамы, городничій и смотритель телеграфной станціи—вотъ все остальное европейское населеніе Анжера. Они проводятъ время довольно скучно; охотятся отъ нечего дѣлать: на что жъ бы вы думали? На голубей. Батавія это зеленая столица потонувшая въ садахъ, хотя и близка, только въ восьми часахъ ѣзды, но проѣздъ туда по собственной надобности обходится не менѣе 150 рублей.

Мы узнали, что суда отряда возвращающагося въ Россію, стоятъ въ Батавіи. Ихъ понадобилось потребовать депешей. Случилось, что въ это самое время телеграфъ почему-то не дѣйствовалъ, и приходилось посылать нарочнаго. Но, къ большой досадѣ офицера, уже назначеннаго ѣхать курьеромъ и рисовавшаго себѣ яркими красками хваленую дорогу до Батавіи, черезъ часъ телеграфное сообщеніе возобновилось, и депеша была отправлена.

Было слишкомъ уже поздно чтобъ ѣхать погулять на берегу, но на слѣдующее утро мы поѣхали чѣмъ свѣтъ. Я рѣдко видалъ въ тропикахъ мѣста живописнѣе Анжера. Яркая зелень платановыхъ и кокосовыхъ роцъ покрывающихъ берегъ, съ разбросанными между ними сѣренькими избушками Малайцевъ, рѣзко выдѣляется на рѣзко синемъ гористомъ фонѣ, и огромный балявъ темною массой лежитъ посреди этихъ свѣтлыхъ красокъ.

Это чудное дерево. Я не видалъ еще ничего подобнаго ему въ растительномъ царствѣ. Самые большіе изъ нашихъ дубовъ предъ нимъ миниатюра. Его стволъ, который едва могутъ обхватить двѣнадцать человѣкъ, съ каждымъ годомъ дѣлается все толще и толще отъ корневыхъ отростковъ, которые висятъ длинными кистями изъ-подъ каждой вѣтви и вырастаютъ въ землю. Почти съ самаго низу расходятся толстые сучья, и широко разросшись надъ землею, падаютъ внизъ покрытые густою темною листвою, защищая отъ солнца все пространство подъ деревомъ. На вершинѣ его поставленъ голландскій флагъ, къ которому ведетъ бамбуковая дѣстица. Когда одна сгниетъ кладутъ новую; теперь ихъ пять или шесть. Въ тѣни этого безподобнаго дерева мы сѣли пить чай послѣ прогулки по рисовымъ полямъ. Малайцы навесли намъ сотни мангустановъ нависанныхъ на палки.

Съ нами были Голландцы. Они горько жаловались на Англичанъ и вотъ что разказывали, между прочимъ. Противъ островка Лабуанъ, лѣтъ сорокъ принадлежащаго Англіи, на берегу Борнео поселился, два года тому назадъ, Англичанинъ Брукъ, сталъ торговать и называя себя раджею, т.-е. королемъ, Саравака, предложилъ английскому правительству продать ему эту землю. Правительство отказалось, зная что тамъ есть настоящій раджа изъ туземцевъ, но оно приняло Брука и его мнимое владѣніе подъ свое покровительство, и съ тѣхъ поръ держитъ тамъ канонерскую лодку на станціи. Англійскіе офицеры въ Сингапурѣ называли Саравакъ своею новою колоніей. Губернаторъ сингапурскій осматривалъ ее въ прошломъ году. Между тѣмъ, по словамъ Голландцевъ, такой поступокъ англійскаго правительства прямо противорѣчитъ трактату, по которому Англія признала за одною Голландіей право имѣть поселенія на островѣ Борнео. Такимъ же точно образомъ поступлено великобританскимъ правительствомъ съ небольшою группою Кокосовыхъ острововъ лежащихъ къ югу отъ Явы. Англійскій купецъ Россъ поселился тамъ и завелъ фабрикацію кокосоваго масла. Теперь тамъ флагъ Соединеннаго Королевства, хотя группа искони принадлежала Голландцамъ.

Въ ожиданіи корвета и клиперовъ, адмиралъ поѣхалъ къ резиденту, или губернатору провинціи Сераангъ, къ которой

принадлежитъ Анжеръ. Четверомѣстная коляска, очень напоминавшая наши возки и тарантасы, запряженная четверкой малорослыхъ лошадей; кромѣ кучера, два Малайца на запяткахъ, которые по временамъ соскакиваютъ, и схвативъ лошадей подъ утцы, мчатся съ ними сами для ихъ поощренія; дорога широкая, зеленая, какъ наши русскія дороги, красивыя деревья по бокамъ, отъ времени до времени малайскія избушки въ садахъ и рощахъ кокосовыхъ пальмъ, въ лѣвой рукѣ видъ моря,—такова поѣздка отъ Анжера до Серанга. На полпути, дорога поворачиваетъ вправо, и передъ вами вдали высокія красивыя горы и пикъ покрывающійся иногда снѣгомъ.

Рисъ, сарачинское пшено и передъ растутъ на поляхъ. Малайцы работающіе по дорогѣ присѣдаютъ, завидя карету: въ противномъ случаѣ длинный кнутъ ихъ соотечественника, кучера въ золоченой шляпѣ, прогуливается по ихъ голымъ спинамъ. Отъ времени до времени встрѣчается станція: это каменное зданіе перекинутое въ видѣ арки черезъ дорогу. Лошади вездѣ готовы, и чрезъ минуту уже мчатся всѣ вскачь, и лошади и люди.

Черезъ два часа ѣзды, мы были въ Серангъ. Это мѣсто очень похожее на Батавію: также закидано зеленью и уютно въ тѣни развѣсистыхъ баньяновъ (*ficus religiosa*). Мы подъѣхали къ губернаторскому дому вокругъ луга обсаженнаго этими прекрасными деревьями. На широкой открытой галлерей, образуемой рядомъ невысокихъ колоннъ расположенныхъ по всему переднему фасаду дома, встрѣтилъ насъ губернаторъ, прямой и высокій старикъ съ серьезнымъ лицомъ. Мы усѣлись въ качающіяся кресла и закурили сигары. Хорошенькій мальчикъ лѣтъ восьми, Малаецъ, сталъ передъ хозяиномъ на колѣни и превратился весь во вниманіе, слѣдя за каждымъ его движеніемъ. Замѣтя знакъ, онъ низко нагибалъ голову, и сложивъ руки, какъ для молитвы, протягивалъ ихъ впередъ съ зажженнымъ фителемъ. Этимъ знакомъ покорности сопровождалось каждое движеніе ребенка. Но лишь только его господинъ всталъ и этимъ освободилъ его отъ обязанности, онъ вскопчалъ съ мѣста, и обнявъ маленькую дѣвочку, меньшую дочь господина, побѣждалъ играть съ ней въ садъ. „Это дѣти бывшихъ нашихъ рабовъ,“ объяснилъ намъ губернаторъ, замѣтя что мы провожаемъ глазами двухъ маленькихъ пріятелей расточавшихъ

другъ другу на бѣгу дѣтскія вѣжности и ласки. „Мы освободили ихъ три года тому назадъ. Теперь они живутъ въ нашихъ домахъ, получаютъ жалованье. Ихъ дѣти, какъ видите, играютъ съ нашими: мы между нами не делаемъ различія. Когда они подростутъ, мы отправляемъ ихъ въ школу, гдѣ ихъ учатъ Корану, читать и писать по-голландски; потомъ они остаются у насъ, женятся и размножаются: отъ этого вы и видите здѣсь такое множество прислуги.“ За тѣмъ разговоръ пошелъ, какъ водится, о дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ, связывающихъ двѣ наши націи, объ удивительной симпатіи Голландцевъ къ Русскимъ и обратно, и всякій тому подобный officialный вздоръ. Явилось семейство хозяина: пять дѣвушекъ, съ свѣженькими личиками и совершенно провинціальною наивностью. Усѣвшись чинно и подталкивая одна другую для поощренія къ разговору, онѣ шептались, краснѣли и пошмивались въ тихомолку. Одна только бойко вступила въ споръ на довольно правильномъ французскомъ діалектѣ, о преимуществѣ Явы передъ Европой и въ особенности передъ „холодною“ Россіей, и очень удивилась, когда услышала, что у насъ лѣтомъ бываетъ такъ же жарко какъ и у нихъ на экваторѣ, и что мы любимъ наши морозы, наши ясные зимніе дни больше чѣмъ ихъ вѣчное лѣто; что у насъ фрукты лучше, цвѣты душистѣе; что наши рѣки, наши лѣса, наши озера живописнѣе всего что можно видѣть подъ тропиками; что изъ всѣхъ ихъ деревьевъ только одинъ баяванъ красивѣе нашихъ дубовъ, кленовъ, липъ и сосенъ. „Мнѣ Ява нравится, сказала она, я прожила здѣсь четыре года; но я, безъ сомнѣнія, никакую страну не сравню съ Голландіей. Здѣсь общества нѣтъ; мы живемъ скучно, уединенно; всѣ здѣсь такіе провинціалы.“ Эта дѣвушка была гувернантка. Насъ представили матери семейства, пожилой дамѣ родившейся на Явѣ, и во всю свою жизнь не покидавшей ни разу этого острова. За то она знаетъ его не хуже чѣмъ наши дамы Парижъ. Она говоритъ на двухъ или трехъ языкахъ островитанъ. Ея дочери также точно ничего не знаютъ дажѣ Батавіи и Анжера. Стоянка прусскаго фрегата въ Анжерѣ была для нихъ эпохой. Онѣ не могли нахвалиться фрегатскимъ хоромъ музыки и вечеринками, на которыхъ онѣ танцовали съ

прусскими офицерами. Можетъ-быть не одной изъ нихъ запало въ сердце чувство и послышѣе впечатлѣнія двухъ, трехъ туровъ вальса, а можетъ-быть и фрегатъ унесъ съ собой подобное же чувство. Такова судьба всѣхъ моряковъ.

Въ большой бѣлой залѣ, окруженной колоннами, сѣли мы обѣдать. Въ этой залѣ бываетъ ежегодно собраніе малайскихъ князей. Они являются къ губернатору съ поклономъ въ своихъ разнообразныхъ костюмахъ, съ оружіемъ богатой отдѣлки. Одинъ изъ нихъ былъ намъ представленъ. Онъ служилъ въ войскѣ, собранномъ Голландцами изъ туземцевъ. Этимъ войскомъ Голландцы очень хвалятся и превозносятъ его дисциплину. На темносинемъ полукафтанѣ Малайца была медаль, данная за его службу въ кровопролитной войнѣ, которую недавно вели Голландцы на островѣ Борнео. Не стану описывать обѣда: онъ былъ болѣе чѣмъ врозь, онъ былъ даже бѣденъ. „Это мѣсто не то что генераль-губернаторство колоній, говорилъ нашъ хозяинъ: генераль-губернаторъ живетъ въ Буйтензоргѣ около Батавіи — это прелестное мѣсто — и получаетъ не одну тысячу флориновъ въ мѣсяцъ законныхъ доходовъ, не говоря уже о побочныхъ.“

Малайцы въ длинныхъ пунцовыхъ рубахахъ и разноцвѣтныхъ чамамахъ стояли за нашими стульями. Обѣдъ былъ чинный и скучный, только молодая гувернантка, какъ видно довольно поѣздившая по свѣту, не умолкала. Начавшись молитвой, обѣдъ молитвой и окончился. Маленькая дѣвочка прочла ее, закрывъ глаза. Нѣсколько туземныхъ фруктовъ очень оригинальныхъ, но не особенно вкусныхъ, служили десертомъ. Потомъ всѣ встали и опять отправились на галерею.

Но отчего было скучно въ эту чудную ночь при свѣтѣ мѣсяца, когда тѣнистыя вѣтви бальяна казались еще темнѣе, — въ обществѣ этихъ молоденькихъ наивныхъ провинціалокъ? Чего не доставало въ этой заманчивой обстановкѣ? Недоставало нашей русской веселости, прямой и невзвѣшенной, доставало нашего смѣха, вырывающагося прямо отъ сердца, доставало нашего радужія. Въ этомъ домѣ вѣяло какимъ-то холодомъ, молодыя дѣвушки сидѣли чинно и втянуто, слѣдя за строгими взглядами своей старшей ровесницы гувернантки. Мнѣ не понравились эти колѣнопреклоненія, этотъ квуть, смѣшанные

отъ мнимымъ безразличіемъ цвѣта кожи, съ патріархально-стью нравовъ. Чѣмъ ознаменовалось трехсотлѣтнее владычество Голландцевъ на Явѣ? Кто изъ туземцевъ поды ихъ ферудой вышелъ изъ толпы, чтобы заявить права своихъ соотечественниковъ на цивилизацію и показать обращикъ ихъ успѣховъ? Только три года тому назадъ освобождены рабы; до сихъ поръ только сѣверная часть Явы извѣстна и имѣетъ дороги; въ южной же и въ средней острова попрежнему независимыя племена, дѣвственные лѣса, тигры и носороги.

Прочь отъ этого дома, прочь отъ этого рабства! На чистый воздухъ! Тамъ, глядя на этотъ чудный мѣсяцъ, буду я думать о Москвѣ и о московскихъ *мильяхъ*.

Вернувшись въ Анжеръ поздно вечеромъ, мы увидѣли на рейдѣ корветъ, *Посадникъ*, и оба клипера. На слѣдующій день 23-го января, мы всѣ снялись вмѣстѣ съ якоря, и пошли Зондскимъ проливомъ. Къ обѣду остановили ходъ, спустили шлюпки, и командиръ трехъ судовъ пріѣхалъ къ адмиралу. Къ вечеру мы были у острова Принца. Вѣвво остался островокъ Мю съ своею хорошенькою бухточкой, въ которой мы стояли на *Аскольдѣ*. *Богатырь* уменьшилъ ходъ, чтобы дать спутникамъ догнать себя. Вскорѣ высокій Принцевъ пикъ открылъ насъ другъ отъ друга: мы пошли по лѣвую, а отрядъ по правую сторону острова. Индѣйскій океанъ встрѣтилъ насъ высокою волной. Мы оглянулись. Отряда не было видно, и его прощальная ракета, взлетѣвшая изъ-за острова, возвѣстила намъ, что онъ остался далеко позади насъ, что ему не угоняться за *Богатыремъ*.

По выходѣ изъ Зондскаго пролива мы встрѣтили южный вѣтеръ. Это муссонъ, дующій въ южномъ полушаріи отъ октября до марта. Въ широтѣ десяти градусовъ онъ обыкновенно переходитъ въ SO (юго-восточный) пассатъ. Мы шли по меридіану 104°, чтобы какъ можно скорѣе прійти на эту параллель. Хотя и противный, пассатъ былъ бы намъ попутіе южнаго муссона; мы могли бы прекратить трату угля на пары, и поставить паруса. Съ другой стороны приближаться къ берегу Австраліи было бы неблаго-разумно. Этотъ материкъ, какъ всякая твердая земля въ тропикахъ, вслѣдствіе неравномернаго нагрѣванія суши и

моря, значительно отклоняетъ пассатъ отъ его правшаго юговосточнаго направленія.

Не въ десяти, а въ восемнадцати градусахъ южной широты вступили мы въ чистый пассатъ дующій съ юговостока. Скучно было выгребать противъ вѣтра. Солнце и безъ того жжетъ, а тутъ еще машина такъ и пышетъ жаромъ. Окачиваніе—настоящее благодѣяніе, но послѣ него атмосфера въ палубѣ дѣлается еще невыносимѣе. А каково кочегарамъ передъ раскаленными топками? Къ этому надобно прибавить стукъ машины, дымъ засыпающій сажей только что вымытую палубу, угольную пыль которую вы вдыхаете, и которая набивается во всѣ складки вашего платья, видъ цѣлой толпы черныхъ людей, выбѣгающихъ на верхъ, прося позволенія окатиться на русленѣ, наконецъ качка неизбѣжная на зыби. Кажется, всего этого достаточно чтобы заставитьъ васъ возненавидѣть машину и считать ее неизбѣжнымъ зломъ; или вѣрнѣе возненавидѣть уголь, это черное грязное топливо, которое захватываетъ у насъ такъ много самаго лучшаго мѣста, тѣснитъ насъ, не даетъ намъ проходу въ нашемъ пловучемъ домѣ, и своимъ быстрымъ уничтоженіемъ грозитъ каждую минуту бросить насъ на произволъ противнаго вѣтра посреди океана.

Мы плыли медленно, и бѣдная машина, работая во всю силу, едва давала по семи узловъ, то-есть по тринадцать верстъ въ часъ. Послѣ пяти дней плаванія, угла оставалось у насъ не болѣе какъ еще на пять дней. Надо было приберечь его на случай шторма или для входа въ гавань. Волей-неволей пришлось поставить паруса и измѣнить курсъ къ западу. Но лишь только мы удалились на одинъ градусъ отъ Австраліи, т. е. на слѣдующій же день, вѣтеръ отошелъ къ SO и сдѣлался чистымъ пассатомъ, славнымъ свѣженькимъ вѣтромъ, ровнымъ, безъ порывовъ, и ни на іоту не уклоняющимся отъ направленія назначеннаго ему природой.

Весело плыть подъ SO пассатомъ. Не шелохнется, ни одной свасты не приходится тронуть. А небо, а море такъ и махитъ на верхъ. Воздухъ чистый, въ немъ тепло, но не жарко, а если жарко—становь подъ парусъ: отъ него дуетъ, лучше чѣмъ отъ индѣйскаго опахала. Синія волны бѣгутъ за волнами и надъ ними порхая, пролетаютъ стаи

бѣлыхъ рыбокъ. Матросъ наслаждается и вѣжитъ цѣлый день на верху, на солнышкѣ. Утромъ качиваніе палубы, артиллерійское ученіе или фехтованіе занимаетъ его время. Послѣ обѣда, въ продолженіе урочнаго отдыха, интересно бываетъ заглянуть на забавныя позы, въ которыхъ всѣ эти здоровые загорѣлые люди спятъ, подъ разными чехлами, катерными парусами и лисеями, раскинутыми въ видѣ палатокъ для просушки. Одинъ и руками ногами обхватилъ запасную стеньгу, чтобы не свалиться отъ качки; другой, менѣе брюзгливый, легъ немного ниже, растянулся на палубѣ какъ тотъ казакъ, которымъ любовался Тарасъ-Бульба на дорогѣ въ станцу. Да отчего ему и не лежать на голой палубѣ? Для того онъ и моетъ ее три раза въ недѣлю, и скачиваетъ ее каждое утро; для того плетокъ на палубу преслѣдуется на суднѣ почти какъ преступленіе, и для того, черныи кочегаръ, вышедшій на верхъ ошибкой въ одинъ изъ заднихъ люковъ, гонится опять внизъ съ негодованіемъ. И матросъ, въ часъ отдыха, лежитъ и вѣжитъ на этой палубѣ, любитъ ея свѣжною бѣлизной и гордится ею передъ другими судами.

А вечеромъ, послѣ торжественной минуты, когда солнце погрузится въ синія волны, и чудные звуки „Коль славеиъ нашъ Господь“ пролетятъ въ воздухъ; послѣ того какъ барабанъ соберетъ корветское населеніе къ бою, или колоколъ къ пожару для напоминанія ему о долгахъ и службѣ,—пѣсenniки садятся въ кружокъ, и раздается лихая русская пѣсня, и наше воображеніе переносится въ далекую родину, и, вмѣсто этого моря, безконечныя поля разстилаются передъ нами, то зеленыя, то бѣлыя, и пестрый хореводъ вторитъ нашей пѣснѣ, и не одно милое лицо выступаетъ впередъ для бѣдныхъ моряковъ въ этомъ хореводѣ.

Пѣсни смѣшались вечернею молитвою, койки розданы, и тихо покачиваясь въ своей висячей постелѣ, переходя отъ луннаго луча въ тѣнь, и потомъ опять обливаясь луннымъ свѣтомъ, засыпаетъ честный матросъ подъ сказку товарища, лежащаго возлѣ. Ихъ говоръ смолкъ: было ли то заученное повѣствованіе о древнихъ богатырскихъ подвигахъ, прельщающее воображеніе простолюдина живостью своихъ красокъ, или простой разказъ о своемъ собственномъ житѣ-бытѣ дома, „въ мужикахъ“, о юношескихъ потѣхахъ и побѣдахъ, или грустное воспоминаніе о молодой женѣ?

Съ недѣлю шли мы пассатомъ, уклоняясь отъ нашего прямого пути немного къ западу, пока не очутились на меридианѣ $91\frac{1}{2}^{\circ}$ (вост. долготы отъ Гринича) и подъ 34° южной широты. Тутъ стихло, и мы развели пары, чтобы перейти штилевую полосу отдѣляющую южный пассатъ отъ перебиваемыхъ западныхъ вѣтровъ. Еще три дня дыму и грязи, и слабыя послѣдніе порывы пассата смѣшались ровнымъ Вестомъ. Корветъ встрепенулся какъ молодой жаворонокъ впервые пробующій свои силы въ воздухѣ, и съ распуцеными парусами полетѣлъ быстрѣ ласточки по синимъ волнамъ южнаго океана. Было послѣднее воскресенье масленицы. Утромъ послѣ молитвы, адмиралъ, дѣлая обычный смотръ корвету, сказалъ командѣ, что плаваніе въ послѣднее время было медленнѣе чѣмъ онъ разчитывалъ и что необходимо дѣлать не десять или одиннадцать, а тринадцать, четырнадцать узловъ, чтобы поспѣть къ сроку въ Австралію, и что это зависитъ не только отъ вѣтра, но въ такой же мѣрѣ отъ умѣнія матросовъ управляться съ большою парусиною, отъ быстроты, съ которою паруса убираются при налетѣвшемъ шквалѣ и ставятся лишь только вѣтеръ позволяетъ. На это было отвѣчено „рады стараться!“ Офицеры и матросы дружно подали другъ другу руку въ работѣ, и къ вечеру лагъ показалъ тринадцать, четырнадцать, четырнадцать съ половиной узловъ. Сердце радовалось, глядя на пѣну кипѣвшую вокругъ корвета, на бѣлую полосу, сохранявшую сабѣ его до самаго горизонта, на чайкъ и огромныхъ альбатросовъ, едва поспѣвавшихъ догнать его, и на этихъ матросовъ, которые внимательно и быстро исполняли команду вахтеннаго начальника, и приговаривая: „ай да Богатырь!“ рвались въ работѣ, чтобы самимъ не отстать отъ своего *Богатыря*.

17-го февраля (1-го марта) мы увидели возжеланный берегъ Австраліи, а на слѣдующее утро, взявъ лоцмана, вошли въ обширную бухту, Портъ-Филиппъ....

МУХАНОВЪ.

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

(Посвящается Западно-русскимъ братствамъ.)

Великолѣпные костелы,
Гдѣ блещетъ яхонтъ и яantarь,
И раззолоченный, тяжелый,
Огнями залитый алтарь!

Папы колѣнопреклоненны,
Ксеандзъ, потрясающій крестомъ,
Вопять въ молитвѣ изступленкой —
„Да грянетъ Богъ своимъ судомъ!

„Да окрылитъ на бой ихъ рати
Противъ московскихъ мужиковъ,
Что въ сонмы европейской знати
Взошли по лѣствацѣ чиновъ.

„Да слова Рѣчи Посполитой
Онъ дастъ имъ гордыя права, —
И не смутитъ ужь хлопъ забитый
Паповъ веселыхъ торжества!...“

А тамъ, вдали, другіе храмы—
Лачуги съ погнутымъ крестомъ!
Тамъ *клоны* молятся, тамъ — *шалы*,
Съ ихъ *подмыль* русскимъ языкомъ!

Тамъ гниль и ветошь, мракъ и сырость
И причащается тамъ клопъ
Изъ оловяннаго котла,
И въ крашевицкой ризѣ попъ.

Но духомъ церкви первобытной
Все дышетъ въ бѣдныхъ здѣсь стѣнахъ,
И также бродитъ ненасытный
Вкругъ этихъ стѣлъ исконный врагъ....

И эти вѣрные, всечасно
Дрожа за ветхій свой алтарь,
О томъ лишь молятъ, молятъ страстно,
Чтобъ вспомнилъ ихъ и русскій царь,

И русскій людъ, передъ которымъ
Вотще слеза не пролита,
Который, подъ земнымъ позоромъ,
Въ убогомъ нищемъ чтитъ Христа.

А. МАЙКОВЪ.

КАТОЛИЧЕСТВО ВЪ РОССІИ

На дняхъ появилось въ свѣтъ начало обширнаго, серьезнаго труда графа Д. Толстаго: *Le catholicisme romain en Russie*, труда, съ которымъ мы спѣшимъ познакомить читателей *Русскаго Вѣстника*.

Графъ Толстой посвятилъ своимъ изысканіямъ нѣсколько лѣтъ. Судьба католицизма въ Россіи уже давно интересовала его, говоритъ онъ въ предисловіи. Въ книгахъ и брошюрахъ, издаваемыхъ объ этомъ предметѣ за границею, онъ встрѣтилъ столько очевидныхъ невѣрностей, столько осязательной лжи, что пожелалъ изучить дѣло самостоятельно, по подлиннымъ документамъ, а не по сочиненіямъ, составленнымъ съ преднамѣренными цѣлями и служившимъ не исторической истинѣ, а различнымъ политическимъ стремленіямъ. Онъ исходатайствовалъ себѣ доступъ къ архивамъ, заключающимъ въ себѣ переписку по администраціи католическаго духовенства въ царствованіе императора Николая и приготовлялъ уже къ печати результаты своихъ изысканій, когда его остановило слѣдующее соображеніе: въ состояніи ли будетъ читатель правильно оцѣнить отношенія католицизма къ русской націи и къ русскому правительству, если ему не будетъ вполне извѣстна предшествующая исторія этихъ отношеній? Очевидно нѣтъ. Поэтому графъ Толстой нашелъ необходимымъ предпослать своему сочиненію пространный обзоръ судебъ католицизма въ Россіи. Работа эта, произво-

дившаяся отчасти по подлиннымъ документамъ, отчасти по напечатаннымъ сочиненіямъ и сборникамъ актовъ, невольно разраслась подъ перомъ автора, и по мѣрѣ ближайшаго изученія предшествующихъ событій, приняла, наконецъ, размѣры и характеръ обширнаго, самостоятельнаго историческаго труда. Такимъ образомъ, мы лишены пока случая познакомиться съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ настоящей минуты, найти правдивый отвѣтъ на жалобы противъ насъ католическаго міра, но за то мы поставлены на прочную почву въ этомъ вопросѣ первымъ вышедшимъ теперь томомъ сочиненія графа Толстаго, а когда будетъ напечатанъ слѣдующій, то уже никакія декламациі не будутъ въ состояніи поколебать нашихъ убѣжденій: мы будемъ *знать дѣло*.

Желая представить полную историческую картину католичества въ Россіи и издавая притомъ трудъ свой на французскомъ языкѣ, авторъ естественно не могъ миновать такихъ эпизодовъ, которые достаточно уже знакомы образованнымъ русскимъ читателямъ, каковы напримѣръ: посольство Поссевина къ Іоанну IV, переписка съ папой кардинала Коммеваноне, сношенія парижской Сорбонны съ петербургскимъ синодомъ и др. Передавая содержаніе книги графа Толстаго для русскихъ читателей, мы подобнымъ предметовъ будемъ касаться лишь слегка, но за то болѣе распространяемся о тѣхъ случаяхъ и извѣстіяхъ, которые или вовсе не были знакомы у насъ или были переданы неправильно писателями, не знакомыми съ документами, которыми пользовался графъ Толстой.

Немногимъ, напримѣръ, извѣстно (хотя на это было обращено вниманіе въ *Вѣстникъ западной и югозападной Россіи*“), что еще съ самыхъ древнихъ временъ, съ самаго начала христіанства на Руси, папы настойчиво хлопотали о введеніи у насъ латинства. Еще при Владимірѣ, при Изяславѣ, они предлагали намъ признать ихъ главенство. Графъ Толстой насчитываетъ четыре такіе случая до времени Романа Галицкаго, который прибывшему къ нему легату, распространявшемуся о мечѣ Св. Петра, отвѣчалъ, указывая на свой мечъ: „А есть ли такой мечъ у твоего папы? пока вошу его, не нужна мнѣ ничья помощь.“

Но энергическій отвѣтъ русскаго князя не остановилъ дальнѣйшихъ попытокъ главы латинскаго духовенства под-

чинить себѣ Россію. Какъ скоро какой-нибудь князь былъ изгоняемъ изъ своего удѣла, папы тотчасъ предлагали ему свою помощь, съ тѣмъ чтобы выторговать какую-нибудь уступку въ пользу своего главенства. Если случалось, что какой-нибудь литовскій витязь вторгался въ наши предѣлы, папа спѣшилъ прислать ему на это дозволеніе и пастырскую похвалу (8 стр.). Понятно, въ какія отношенія къ латинству ставилъ такой образъ дѣйствій нашихъ князей и наше духовенство. Уже г. Соловьевъ обратилъ вниманіе на религіозный характеръ, какой при Александрѣ Невскомъ приняла борьба Новгородцевъ со Шведами: * отсюда тѣ легенды, какими преданіе украсило невскую побѣду, сказаніе объ участіи въ ней Св. Бориса и Глѣба и пр. Гр. Толстой указываетъ на рукопись XII вѣка, въ которой уже въ догматической формѣ излагается различіе между характеромъ христіанства, какъ оно понималось на Востокѣ и на Западѣ. И даже ранѣе, въ XI вѣкѣ, въ граматѣ печерскаго игумена Феодосія къ великому князю Изяславу Изяславичу, встрѣчаются неблагоприятные отзывы о латинскомъ духовенствѣ. Безбрачіе этого духовенства, только что установленное Григоріемъ VII, * было порицаемо кievскимъ подвижникомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, оны жаловался на утѣсненія претерпѣваемыя иновѣрцами отъ католиковъ. „Велики, писалъ оны, утѣсненія, которыя несуть отъ латинянь другія христіанскія исповѣданія!“ „Поэтому, заключаетъ Феодосій, убѣгайте латинской вѣры, не подражайте ихъ колѣнопреклоненіямъ, не принимайте ихъ обычаевъ и не слушайте ихъ проповѣдей, ибо ученіе ихъ ложно.“

По мѣрѣ того какъ восточное православіе прочнѣе и прочнѣе утверждалось въ Россіи, сношенія папъ съ князьями и предложенія о признаніи главенства римскаго первосвященника дѣлаются рѣже; но латинская пропаганда начинаетъ проникать путемъ частныхъ усилій и миссіонерства. Псковщина и особенно новгородчина, имѣвшія дѣятельныя сношенія съ западными странами, и въ которыхъ проживало много иностранцевъ, представляли къ тому удобнѣйшіе пункты. Графъ Толстой отыскалъ свидѣтельство, что еще въ XII вѣкѣ въ Ладогѣ была католическая церковь, и

* *Исторія Россіи*, т. II, 180.

что уже въ то время не разъ происходило обращеніе Русскихъ въ латинство, хотя впрочемъ бывали и обратные случаи обращенія иносемцевъ въ восточное православіе. Замѣчательно при этомъ, что подобныхъ обращеній въ латинство не случалось въ Руси югозападной. Въ Кіевѣ духовенство было, какъ замѣчаетъ гр. Толстой, болѣе образовано,—что, безъ сомнѣнія, надо приписать сношеніямъ съ Греціей, а можетъ-быть и вліянію школъ учрежденныхъ при Владимірѣ и Ярославѣ. Любопытенъ фактъ, приводимый нашимъ авторомъ и показывающій къ какимъ уловкамъ прибѣгала и въ тѣ отдаленныя времена католическая пропаганда. Въ Новгородѣ было разрѣшено поставить латинскую церковь: ея строители велѣли на внѣшнихъ стѣнахъ ея написать русскимъ иконописцамъ изображеніе Спасителя и святыхъ, съ тѣмъ, какъ замѣчаетъ приводимая авторомъ лѣтопись, чтобъ этимъ сходствомъ съ русскими старинными церквами и русскимъ пошибомъ иконописи вводить въ обманъ Новгородцевъ и привлекать ихъ въ свою церковь (16 стр.).

Впрочемъ случай этотъ относится уже къ XV вѣку, когда на западѣ Россіи латинство развернуло всѣ свои силы и все свое искусство. Жемитьба литовскаго князя Ягелло на польской королевнѣ Ядвига открывала широкую дверь видамъ и надеждамъ папъ. Ягелло, какъ и многіе другіе неопиты, сдѣлался горячимъ поборникомъ новой для него религіи. Не довольствуясь обращеніемъ Литовцевъ, по большей части язычниковъ, въ католицизмъ, онъ предпринялъ было подобное же обращеніе и между русскими своими подданными.

Намѣреніе это было, однакожь, приостановлено или, точнѣе сказать, отложено были общія крутыя мѣры, но тѣмъ настойчивѣе и неуклоннѣе дѣйствовала подземная работа, система привлеченія, угрозъ, притѣсненій, приложенная агентами папской власти къ населенію Бѣлороссіи и Украйны. Мы не имѣемъ ни возможности, ни желанія слѣдить за всеми распоряженіями подобнаго характера, исходившими изъ Рима или изъ дворца краковскаго нунція, тѣмъ болѣе что и авторъ касается ихъ лишь слегка, но не можемъ не указать на факты обнаружившіеся при переговорахъ о бракосочетаніи дочери Іоанна III съ королемъ польскимъ Александромъ. Великій князь потребовалъ отъ литовскихъ пословъ, чтобъ они „ручались головою“, что князвѣ

въ вѣрѣ „неводи“ не будетъ *, а отъ нареченнаго своего зятя желалъ формальной записи, что ее не будутъ приволивать къ принатию римскаго закона. Александръ далъ завѣреніе, что неволить ее не будетъ, но прибавилъ что „если она сама захочетъ принять римскій законъ, то ея воля“. Въ этой оговоркѣ была очевидная ловушка; ее замѣтили въ Москвѣ и настояли на ея уничтоженіи. Отпуская княжну, Іоаннъ говорилъ сопровождавшимъ ее Литовцамъ: „Скажите отъ насъ брату и зятю нашему великому князю Александру: на чемъ онъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобы дочери нашей никакимъ образомъ къ римскому закону не нудилъ; еслибы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ.“ Мало того: по прибытіи уже въ Вильно княжны Елены, отецъ прислалъ ей письмо, въ которомъ заключаются слѣдующія замѣчательныя строки: „Дочка, памятуй Бога, да наше родство, да нашъ наказъ; держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступай ни которымъ дѣломъ. Церкви римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь римскую не ходи, душою никому не ворови, мѣ и всему нашему роду безчестья не учини. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и ты бы пострадала“!

Намъ жаль, что авторъ не привелъ этого и въ некоторыхъ другихъ случаяхъ. Черты, подобныя тѣмъ какія заключаются въ Іоанновомъ письмѣ, рисуютъ и людей, и обстоятельства, и оразу ставятъ читателя на истинную точку зрѣнія. Очевидно, Іоанну не зачѣмъ было бы такъ настаивать на сохраненіе русскою княжною отеческаго закона, еслибъ онъ не зналъ, что его дочь, будучи окружена латинянами, подвергнется всевозможнымъ искушеніямъ и даже насиліямъ. Терпи до крови, говорятъ онъ: видно были причины опасаться насилія, хотя бы только нравственнаго; видно вѣротерпимости въ Рѣчи Посподитоѣ уже и тогда не было. И точно, когда московскій великій князь требовалъ, чтобы для его дочери устроена была въ виленскомъ дворцѣ церковь, Александръ отвѣчалъ, что „права его государотва запрещаютъ церкви

* Соловьевъ V, 148 и слѣд., изд. втор.

греческаго закона прибавлять“. Бернардины открыли около этого времени миссію въ западномъ краѣ и дѣйствовали такъ насильственно, что изъ Рима пришло имъ предложеніе быть осторожнѣе. Жалуясь на стѣсненіе православія въ литовскихъ владѣніяхъ, Іоаннъ приказывалъ сказать своему зятю: „Къ дочери нашей, къ русскимъ князьямъ, къ панамъ и ко всей Руси онъ посылаетъ, чтобы приступили къ римскому закону. Сколько велѣлъ поставить мирскихъ божницъ въ русскихъ городахъ, въ Полоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Жены отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ имѣніемъ отнимаютъ, да сами крестятъ въ римскій законъ. Такъ ли зять нашъ не принуждаетъ Русь къ римскому закону?“ Къ сожалѣнію, гр. Толстой ограничивается въ періодѣ, о которомъ говоритъ, изложеніемъ сношеній панскаго двора съ московскимъ, и это, мало облегчая его изысканія, уменьшаетъ, повторяемъ, интересъ его ученаго труда; даже даетъ неправильное понятіе о характерѣ католицизма того времени, тѣмъ болѣе что вообще довольно распространено мнѣніе, будто католицизмъ въ Польшѣ не имѣлъ завоевательнаго характера до прибытія туда іезуитовъ. Но вышеприведенный случай, какъ и многіе другіе, которые можно было бы привести, доказываютъ противное и утверждаютъ въ той, безъ сомнѣнія, справедливой мысли, что если іезуиты дали толчекъ католичеству, то въ свою очередь сами были лишь его продуктомъ. Съ большою подробностію гр. Толстой излагаетъ эпоху введенія уни и въ особенности обстоятельства, какими сопровождалось посольство въ Москву іезуита Поссевина. Этому послѣднему эпизоду посвящена отдѣльная глава, принадлежащая къ самымъ живымъ и интереснѣйшимъ во всемъ разказѣ. Поссевицъ прибылъ въ Москву, какъ извѣстно, съ двойною цѣлью и такъ сказать *подъ двумя видами*: какъ лицо дипломатическое и какъ агентъ пропаганды, стремившейся открыть панскому вліянію въ Россіи хоть крошечное отверстіе. Іоаннъ встрѣтилъ послаивика съ величайшимъ почтеніемъ: ему крайне хотѣлось и крайне нужно было примириться съ польскимъ королемъ; но порученіе чисто дипломатическое играло второстепенную роль въ глазахъ іезуита. Онъ настоятельно добивался разговора съ царемъ о дѣлахъ церкви. Извѣстно пристрастіе Іоанна къ полемикѣ всякаго рода, и въ особенности къ теологи-

ческой. Сначала Іоаннъ какъ будто отказывался отъ разговора съ Поссевиномъ, хотя, по всей вѣроятности, самъ желалъ помѣриться съ іезуитомъ. Наконецъ, любопытный разговоръ состоялся. По всемъ соображеніямъ казалось, что инициатива пренія должна была принадлежать іезуиту: онъ долженъ былъ сдѣлать предложеніе, Іоаннъ отвѣчать. Но съ перваго же шага роли перемѣнились.

— Мы о большихъ дѣлахъ говорить съ тобою не хотимъ, сказалъ онъ монаху, — а вотъ малое дѣло: у тебя борода подсыченная, а бороды подсыкать и подстригать не вѣдно...

Таково было начало разговора. Онъ кончился тѣмъ что царь назвалъ папу „волкомъ, а не пастыремъ“. Какъ ни владелъ собою умный Італіянецъ, но ударъ былъ такъ безцеремоненъ что онъ обидѣлся и сказалъ:

— Если ужъ папа волкъ, то мнѣ нечего говорить больше. И замолчалъ.

Такъ кончилось первое свиданіе царя съ іезуитомъ, но оно было не послѣднее. Іоанну, говоритъ графъ Толстой, захотѣлось обратитъ самого Поссевина или по крайней мѣрѣ перемѣнить его убѣжденія относительно папской власти. Затѣя эта конечно не удалась, но не удалась и та затѣя, для которой Поссевинъ пріѣзжалъ. Ему хотѣлось добиться по крайней мѣрѣ позволенія построить въ Москвѣ латинскую церковь, но и на это согласія не послѣдовало.

Настойчивый іезуитъ не терялъ однакожъ надежды и составилъ записку о тѣхъ путяхъ и мѣрахъ которыми онъ думалъ подчинитъ Россію папской власти. Эта любопытная записка содержитъ въ себѣ всѣ тѣ начала, на основаніи которыхъ вкорѣ потомъ начала дѣйствовать умія. Поссевинъ совѣтуетъ устроить въ Римѣ, а также въ Вильнѣ и Полоцкѣ, академіи для образованія въ духѣ католичества дѣтей православныхъ русскихъ родителей. По окончаніи воспитанія ихъ слѣдуетъ употреблять какъ орудія для пропаганды на Руси „яко въ вертоградѣ“ (*tanquam in vivas*). Кроме того надежитъ немедленно заняться переводомъ на русскій языкъ священныхъ книгъ, которыя Поссевинъ и исчисляетъ, совѣтуя однакожъ издавать ихъ не вдругъ, чтобы не произвестъ скандала, а въ извѣстной постепенности (64 стр.). Поссевинъ сильно настаивалъ также на необходимости имѣть въ Москвѣ постоянного вунція. Это ему казалось, и конечно весьма справедливо, дѣломъ первѣйшей

важности. Потому все что касается до предполагаемой нунціатуры обдуманно и исчислено до мельчайшей подробности, до одеждъ, которую предполагалось приворовать къ помятымъ Русскимъ, до соблюденія постовъ въ тѣ дни, когда Русскіе постятся и т. д.

Посольство Поссевина не принесло никакихъ результатовъ; но вкорѣ представилася случай казавшійся какъ нельзя болѣе благоприятнымъ для утвержденія въ Россіи католичества. Мы говоримъ о Самозванцѣ. „Литъ бы Дмитрій остался въ лонѣ православія (католическаго), писалъ папа Павелъ V кардиналу Мацѣйовскому: можно надѣяться привести и народъ Русскій въ объятія той же святой вѣры, ибо, какъ мы слышимъ, народъ этотъ очень послушенъ своимъ царямъ.“ Самозванца какъ извѣстно, окружали ксендзы, онъ былъ проведенъ въ Россію Поляками, невѣста его, которую онъ страстно любилъ, была пламенная католичка, и „народъ русскій послушенъ своимъ царямъ,“ а между тѣмъ успѣхъ римскихъ замысловъ былъ очень сомнителенъ. Сама Марина принуждена была во время обряда своего вѣнчанія принять причастіе изъ рукъ московскаго патріарха (88 стр.). Едва могли добиться союзники Отрепьева, чтобы для „царицы“ была устроена домашняя каплица. Но лучше было бы для Самозванца, еслибы не было сдѣлано и подобныхъ небольшихъ уступокъ католичеству, такъ какъ онъ стоилъ Отрепьеву троиа и жизни, и надоело заперла дверь въ Россію католической пропагандѣ. Отъ Владислава настоятельно требовали, чтобы онъ перемѣнилъ вѣру, если желаетъ быть царемъ московскимъ. Подозрительность Русскихъ къ католикамъ и неприязнь къ нимъ сдѣлались такъ велики, что въ договорѣ, заключенномъ съ голштинскими посланцами (въ числѣ которыхъ былъ Олесарій) было включено условіе отнимавшее у католиковъ право, даже проѣздомъ, быть въ Россіи.

Это послѣднее условіе указываетъ на подступы католицизма съ новой стороны; съ Польшею разрывъ былъ рѣшительный, и если правительство наше иногда принуждено бывало заключать съ нею перемиріе, то въ народѣ, особенно въ духовенствѣ, враждебное чувство къ Полякамъ было непобѣдимо. Все приходившее съ этой стороны, а тѣмъ болѣе все касавшееся религіи возбуждало живѣйшее противодѣйствіе и встрѣчало полную неудачу. Поэтому римскій

дворъ избралъ новую дорогу. Въ царствованіе Михаила Феодоровича, какъ извѣстно, пріѣзжали въ Москву довольно многія посольства отъ различныхъ западныхъ дворовъ съ цѣлю установить торговыя сношенія съ Россіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть черезъ нее путь для торговли съ Китаемъ и Персіей. Въ свитѣ этихъ посольствъ обыкновенно находились католическіе монахи и преимущественно іезуиты. Извѣстно также, что въ то же царствованіе на службу Россіи начало поступать много иностранцевъ, между которыми были, разумѣется, и католики. При царѣ Алексѣѣ обмѣнъ посольствъ и число служивыхъ людей изъ иностранцевъ увеличились еще болѣе; католическая пропаганда не преминула воспользоваться этими обстоятельствами. Оговорка сдѣланная въ договорѣ съ голштинскими послами была устранена, и во второй половинѣ XVII вѣка католическіе монахи не только встрѣчаются въ свитѣ иноземныхъ посольствъ, но также пробираются въ Россію подъ предлогомъ путешествій въ Китай или Персію, то съ ученою цѣлю, то для изслѣдованія будто бы ближайшаго и безопаснѣйшаго пути для торговыхъ каравановъ, то для проповѣдыванія Евангелія азіатскимъ язычникамъ. Такимъ образомъ, пишетъ графъ Толстой, два доминиканскіе монаха, пробираясь въ Персію, (1674 г.) съ письмами къ шаху отъ папы и императора, приглашавшихъ его принять участіе въ войнѣ противъ Турціи—попали въ Москву. Въ томъ же году два другіе монаха, *проехавъ изъ Польши въ Персію*, были въ Москвѣ. Въ 1677 году какому-то гонцу папы Климента X разрѣшено было, возвращаясь изъ Персіи, проѣхать изъ Астрахани черезъ Москву и Смоленскъ до Литовской границы.

Въ числѣ этихъ монаховъ, болѣе или менѣе подозрительнымъ образомъ провикавшихъ въ Москву, былъ патеръ Авриль, іезуитъ, оставившій очень любопытное описаніе своего путешествія. Книга его (*Voyage en divers états d'Europe et d'Asie*, Paris) принадлежитъ къ весьма рѣдкимъ и мало извѣстна у насъ. Мы не встрѣтили въ сочиненіи графа Толстаго указанія ни на нее, ни на ея автора, а потому позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея небольшое извлеченіе, которое, надѣемся, дастъ довольно живое понятіе и о мѣрахъ, какія употребляли эти страстные обратители Рус-

скихъ въ католицизмъ, чтобы повастъ въ Россію, и о томъ, чѣмъ сопровождалось ихъ пребываніе въ Москвѣ.

Пробираясь изъ Персіи въ Китай, патеръ Авриль попалъ въ Астрахань, откуда думалъ пуститься далѣе, но нѣкоторыя непредвидѣнныя причины, пишетъ онъ, принудили его измѣнить свой путь и отправиться въ Москву. Онъ прибылъ туда въ 1687 году. Русское правительство, пишетъ патеръ Авриль, было къ намъ довольно благосклонно, но насъ встрѣтили сильные враги въ лицѣ находившихся тамъ протестантовъ и кальвинистовъ, съ которыми заодно дѣйствовала одна русская партія (враждебная царевнѣ Софіи). Какъ тѣ, такъ и другіе, по словамъ іезуита, дѣлали ему всевозможныя „шканы“, и между прочимъ воспользовались слѣдующимъ случаемъ.

Однимъ молодой католикъ, проживавшій въ Москвѣ, Дю-Рулье (Du-Rouillet), поссорился съ лютераниномъ пзрешедшимъ изъ католицизма, по имени Шульцъ. Шульцъ хотѣлъ, по словамъ патера Авриля, убить Рулье, но дѣло повернулось такъ, что наоборотъ, убить былъ Нѣмецъ. Рулье осудили на смерть. Все чтѣ было католическаго въ Москвѣ, и польскій резидентъ во главѣ всѣхъ, начали хлопотать за Француза и В. В. Голицынь былъ не прочь отъ этого, но враги его и протестанты энергически этому воспротивились, и казнь была совершена. Католики выпросили, по крайней мѣрѣ, дозволеніе убрать трупъ своего единовѣрца и предать землѣ, причемъ было дано одно изъ тѣхъ эффектныхъ представленій, на которыя такіе мастера латинскіе монахи. Выбранъ былъ праздничный день. Всѣ знатнѣйшіе люди изъ католиковъ были повѣщены собраться, и какъ между тѣмъ раздраженіе произведенное ссорой двухъ басурмановъ успѣло остынуть въ московскомъ народѣ, то похоронной процессіи дана была всевозможная пышность, которая въ свою очередь не могла не произвести на народъ выгоднаго для католиковъ впечатлѣнія. Но этого мало. Патеръ Авриль разказываетъ, что при этомъ случилось нѣчто въ родѣ чуда, ясно обнаружившаго невинность и даже нѣкоторую долю святости казненаго католика. Время было зимнее, морозъ доходилъ до 30, но когда ударили заступомъ въ землю чтобы вырыть могилу „страдальцу“, то земля оказалась мягкой и рыхлою, какъ бы готовою дружелюбно принять въ свои нѣдра невинную жертву...

Изъ этого разказа читатель видитъ, что іезуиты въ самой Москвѣ, не смотря на весьма недружелюбную окружающую ихъ среду, не пропускали случая предаваться тѣмъ упражненіямъ, посредствомъ которыхъ они дѣйствовали на воображеніе массъ. Изъ разказа патера Авриля оказывается также, что и до его прибытія, въ Москвѣ уже было на постоянномъ жительствѣ вѣсколько іезуитовъ. Это дѣйствительно было такъ. Польское и нераздѣльное съ нимъ католическое вліяніе было довольно сильно въ Россіи при царѣ Феодорѣ и не ослабло во время управленія государствомъ царевной Софьею. В. В. Голицынъ былъ не только сторонникомъ политическаго союза съ Польшей, впрочемъ весьма въ то время выгоднаго, но и покровителемъ польскихъ обычаевъ и католическихъ монаховъ, что, замѣтимъ мимоходомъ, вѣроятно, было одною изъ причинъ постоянного антагонизма между царевною и патриархомъ.

По поводу переговоровъ о приступленіи Россіи къ союзу заключенному Польшею, Австріей и Венеціей противъ Турокъ, былъ (1684 г.) въ Москвѣ царскій посолъ, Жаровскій. Къ нему пріѣзжалъ отъ вѣнскаго двора курьеръ: это былъ переодѣтый іезуитъ. О немъ доносилъ голландскій резидентъ слѣдующее: „онъ одѣтъ съ такою изысканностію и изяществомъ, какихъ можно ожидать отъ придворнаго какого-нибудь княжескаго двора, и отважно называетъ себя секретаремъ императорскаго величества“. (111 стр.) Мнимый секретарь этотъ, повидимому, пробылъ въ посольствѣ недолго, но Жаровскій, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ, съ разрѣшенія правительства, для совершенія требъ служилымъ иноземцамъ, число которыхъ въ то время было уже довольно значительно—своего духовника, іезуита Шмита. Въ слѣдующемъ году прибылъ въ Москву еще другой іезуитъ, въ 1687 г. еще третій: Тиховскій или Тихановскій. Такимъ образомъ, говоритъ графъ Толстой, въ Москвѣ устроилась маленькая іезуитская колонія (подтверженіе чему можно найти и у патера Авриля). Католическая пропаганда, которая въ прежнія времена направлялась изъ Рима и Польши, стала теперь проникать изъ Германіи подъ эгидою императора. На иждивеніе этого государя и чрезъ посредство его секретаря, Курциуса, былъ купленъ въ Москвѣ, въ 1685 году, домъ для іезуитовъ, впрочемъ не на ихъ имя, а на имя Италіянца Гуаскони, негоціанта и тайнаго іезуита.

Не теряя времени, почтенные отцы учредили школу, въ которую начали привлекать русскихъ дѣтей, стали распространять переведенныя по-русски католическія книги, также образа и все что могло содѣйствовать ихъ видамъ, вѣнчиваться въ мірскія дѣла и служить агентами католическимъ державамъ (112 стр.). Всѣ эти продѣлки не могли, конечно, остаться незамѣченными. Патріархъ Іоакимъ потребовалъ удаленія іезуитовъ, и они были высланы. Графъ Толстой относитъ эту высылку къ 1688 году (115 стр.); но это или описка, или положительная ошибка съ его стороны. Іезуиты были изгнаны изъ Москвы вскорѣ послѣ низверженія царицы Софіи, и это было, можно сказать, первое доказательство значенія, какое приобрѣлъ патріархъ съ паденіемъ Голицына. Присшествіе это очень подробно описано патеромъ Давидомъ, однимъ изъ іезуитовъ, принужденныхъ тогда оставить Москву, отыскано въ ватиканскомъ архивѣ патеромъ Гагаринымъ и помѣщено въ первой части *Études de théologie* &c. „Второго октября (1689 г.) по старому стилю, пишетъ іезуитъ, то есть 12 числа по новому, въ среду, мы только что окончили обѣдню, какъ около полудня явился къ намъ посланный и пригласилъ насъ въ посольскій приказъ.“ Тамъ іезуитамъ было объявлено, чтобъ они отправлялись черезъ два дни. Не думайте, сказали будто бы имъ, чтобъ вы сами были причиною такой высылки: нѣтъ, *намъ известна ваша честная жизнь и ваше добродѣтельное поведеніе.* „Единственная тому причина заключается въ томъ, что такъ желаетъ святѣйшій патріархъ, который *въ своемъ советѣ*, (en son conseil ecclésiastique), рѣшилъ, что васъ не слѣдуетъ оставлять, и который обратился, со всѣмъ своимъ духовенствомъ, къ ихъ царскимъ величествамъ.“

„Щука убита, но зубы ея остались“, говоритъ старинное русское присловіе. Такъ было и съ іезуитами. У нихъ оставался домъ въ Москвѣ; это было для нихъ достаточнымъ предлогомъ, чтобъ добиваться возвращенія въ Россію. Въ 1691 году прибылъ въ Москву уже бывшій тамъ однажды Курціусъ. Онъ началъ съ ходатайства о возвращеніи іезуитовъ для духовнаго наставленія многочисленныхъ уже въ то время католиковъ, бывшихъ въ русской службѣ и о дозволеніи имъ построить церковь. Въ томъ и другомъ было отказано. Правительство наше соглашалось дозволить пребываніе въ Россіи католическимъ духовнымъ лицамъ, только

ле іезуитамъ. На замѣчаніе Курціуса, что кальвинисты и лютеране пользуются въ Россіи бѣльшимъ покровительствомъ чѣмъ католики, было ему отвѣчено, что протестанты дозволяются исповѣданіемъ своей вѣры, и не пытаются свращать православныхъ, тогда какъ нѣкоторые изъ католическихъ монаховъ, и именно іезуиты, занимаются пропагандою между Русскими. „Отъ давнихъ лѣтъ, замѣчали ему, русскій народъ исповѣдуетъ восточное православіе, искренно ему предавъ и не желаетъ иного ученія. Если цесарь хочетъ чтобъ іезуиты упражнялись въ проповѣди, пусть онъ отправитъ ихъ къ народамъ не знающимъ истинной вѣры, и которые ходятъ во мракѣ язычества“ (120 стр.):

Такимъ образомъ, въ пользу іезуитовъ, оставался одинъ аргументъ: принадлежащій имъ домъ; но и на это ходатаю ихъ было сказано, что домъ этотъ принадлежитъ иностранцу Гуаскони и состоитъ въ полномъ его пользованіи, а права на него іезуитовъ правительству не извѣстны. Курціусъ предлагалъ перекупить этотъ домъ на имя императора, но и въ этомъ было отказано, такъ какъ русскіе цари не имѣютъ домовъ въ Германіи.

Рѣшительно отстраняя іезуитовъ, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволило, для удовлетворенія духовныхъ нуждъ служившихъ въ Россіи католиковъ, проживать въ Москвѣ одному духовному лицу, съ тѣмъ однако, чтобъ это духовное лицо не принадлежало ни къ какому монашескому ордену. Курціусъ, видя, что прямыми переговорами онъ ничего не выиграетъ, выразилъ признательность и за это дозволеніе и просилъ только, чтобъ, на случай болѣзни предполагаемаго духовнаго лица, дозволено было ему имѣть помощника, и на первый разъ ходатайствовалъ объ оставленіи въ Москвѣ находившагося при немъ домикианца. На то и другое послѣдовало разрѣшеніе.

Эта была не великая удача, въ сравненіи съ тѣми надеждами, которыя возлагались на посольство Курціуса. Графъ Толстой нашелъ въ московскомъ государственномъ архивѣ любопытный документъ, относящійся къ настоящему случаю: это—запись, или, повидимому, проектъ записи, въ которой было написано, что цари, свихода къ желанію цесаря, обязываются возвратитъ іезуитовъ, дозволить строеніе католическихъ церквей, совершеніе публичнаго богослуженія и дарованіе церковныхъ индальгенцій (очень важнаго орудія

въ рукахъ католическаго духовенства), и принимаютъ обязательство, какъ за себя такъ и за своихъ преемниковъ, въ нерушимомъ храненіи этихъ льготъ. Вотъ, следовательно, съ какими надеждами и видами вѣхалъ въ Россію Курціусъ. „И надежды эти, повидимому, казались столь несомнѣнными, что уже заблаговременно былъ заготовленъ текстъ формальнаго договора, къ которому оставалось только приложить подпись.“

Сильнымъ ходатаемъ за католическое духовенство былъ въ это время генералъ Гордоѣ, которому царь Петръ оказывалъ, какъ извѣстно, большое уваженіе. Пользуясь своимъ значеніемъ и разчитывая на благосклонность молодого государя къ иностранцамъ вообще, онъ поручилъ Гуаскони построить церковь, разрѣшеніе на возведеніе которой ему далъ будто бы лично самъ царь. Но когда начались работы, власти, и особенно духовныя, встревожились; послали спросить у царя, который находился подъ Азовомъ, дѣйствительно ли онъ далъ такое разрѣшеніе. Тотъ отвѣчалъ отрицательно; но пока происходило вся эта переписка, работы были окончены, и первая католическая церковь въ Москвѣ была воздвигнута (127 стр.).

Это не прошло бы даромъ ни Гордону, ни иезуитамъ, при царѣ Алексѣѣ, но Петръ былъ гораздо хладнокровнѣе своего отца въ вопросахъ религіозныхъ, по скольку они не имѣли политическаго оттѣнка. Построенная контрабандой, католическая церковь продолжала свое существованіе. Берхгольцъ, видѣвшій ее лѣтъ двадцать пять спустя послѣ построенія, хвалитъ ее убранство. Подобнымъ образомъ не обратили на себя вниманія правительства и другія нарушенія, со стороны католическаго духовенства, предписанныхъ ему условій. Въмѣсто одного помощника къ оставленному Курціусомъ доминиканцу, пріѣхало ихъ два, а черезъ пять лѣтъ три. Графъ Толстой, основываясь на свидѣтельствѣ Желябужскаго, полагаетъ, что въ Москву пріѣзжалъ даже какой-то бискупъ католическій. Такимъ образомъ мало-по-малу въ Москвѣ снова водворились иезуиты, пріѣзжая то при посольствахъ, то по дорогѣ въ Персію или Индію. Они открыли школу, въ которую привлекали Русскихъ, и дѣйствовали съ успѣхомъ. Къ этому времени относится поступленіе въ ихъ орденъ перваго Русскаго: это былъ вѣкто Лодыженскій (131 стр.).

Дѣйствія католическаго духовенства, конечно, не могли не быть извѣстны правительству; но оно молчало, не желая осориться съ императоромъ. Когда же онъ самъ подавъ поволье къ неудовольствію, виѣшавшись въ дѣло царевича Алексея, то іезуиты были безъ церемоніи высланы (въ 1719 г.). Графъ Толстой замѣчаетъ при этомъ, что московскіе іезуиты были предупреждены заблаговременно и получили приказаніе отъ ихъ провинціала, быть осторожнѣе въ своей перепискѣ, такъ что они, вѣроятно, успѣли истребить всѣ бумаги, какія могли ихъ компрометтировать. Можетъ-быть, при этомъ исчезли очень важныя для исторіи документы. Какъ знать, не разчитывали ли почтенные отцы воспользоваться царевичемъ, какъ нѣкогда воспользовались Лжедмитріемъ?.. Графъ Толстой не нашелъ, повидимому, въ нашихъ архивахъ ничего, что указывало бы на связь между изгнаніемъ іезуитовъ въ 1719 году и дѣломъ царевича; но желательна было бы произвести относительно этого предмета справки въ ватиканскомъ архивѣ. Патеръ Гагаринъ, имѣющій доступъ въ этотъ архивъ, оказалъ бы большую услугу русской исторіи, еслибы занялся этимъ вопросомъ. Строгости русскаго правительства подвергались одни только іезуиты. Московская католическая церковь, и та, которая была построена въ Петербургѣ, остались неприкосновенными, равно какъ и находившееся при нихъ духовенство. Но католическое духовенство все, въ болѣе или менѣе сильной степени проникнуто завоевательнымъ духомъ, составляетъ войско (*église militante*), съ іезуитскимъ орденомъ во главѣ, не знаетъ другихъ интересовъ кромѣ интересовъ своего верховнаго главы, и имѣетъ своимъ единственнымъ, постояннымъ лозунгомъ: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ“. Оно считаетъ себя одинаково обязаннымъ стремиться къ подчиненію папѣ христіанима восточной церкви или протестанта, какъ и язычника Новой Зеландіи. Поэтому католическая пропаганда въ Россіи не прекратилась: она только пережвнула театръ своихъ дѣйствій, и изъ Москвы перенесла свой базисъ въ Астрахань и Петербургъ (136 стр.).

При Петрѣ отношенія Россіи къ католичеству и къ папѣ дѣлаются и обширнѣе, и сложнѣе прежняго. Россія вступила въ кругъ европейскихъ державъ, интересы ея пришли въ соприкосновеніе со всеми интересами Европы, а следовательно и съ интересомъ католическимъ. До Петра или, правильнѣе,

до царевны Софіи, на судьбу Россіи и на правительственную систему ея не имѣли никакаго вліянія иностраннаго государства, съ которыми она ничѣмъ не была связана, такъ какъ ничего не искала. Политика ея въ дѣлахъ религіозныхъ была сльдовательно совершенно свободна и зависѣла вполне отъ внутреннихъ побужденій царя и его совѣтниковъ. Совершенно другое началось съ исхода XVII вѣка. Московскій трактатъ 1686 года, взаимно обязавшій польское и русское правительство къ религіозной терпимости, былъ первымъ шагомъ на новомъ пути. Трактатъ этотъ, какъ извѣстно, имѣлъ основаніемъ союзъ Россіи съ Польшею, Австріей, Венеціей и (косвенно) съ Римомъ, для совокупнаго дѣйствія противъ Турокъ и Татаръ, и если иностранныя державы заискивали при этомъ въ русскомъ правительствѣ, и добивались его содѣйствія, то и оно въ свою очередь вступало въ новыя условія и должно было сообразоваться съ своими новыми политическими отношеніями.

Вотъ одна изъ причинъ того смисхожденія, которое оказывалъ католикамъ любимецъ царевны, Голицынъ. При Петрѣ условія, въ нѣкоторой степени связывавшія русское правительство, еще болѣе умножились и усложнились. По поводу войны съ Швеціей, Петръ принужденъ былъ заботиться о сохраненіи добрыхъ отношеній съ папою, такъ какъ подобныя отношенія могли быть намъ весьма полезны въ Польшѣ, гдѣ партія расположенныхъ къ намъ сторонниковъ Августа II боролась съ враждебною намъ партией Станислава Лещинскаго и Карла XII. Вотъ, безъ сомнѣнія, почему Петръ нерѣдко оставлялъ безъ послѣдствій жалобы блюстителя патриаршаго престола и синода на дѣйствія католическихъ монаховъ. Графъ Толстой указываетъ на существенно различный характеръ отношеній русскаго правительства къ католицизму при Петрѣ сравнительно съ тѣмъ, который существовалъ до него, и хотя нашъ авторъ вообще старается ограничиваться ролью повѣствователя и мало высказываетъ свои воззрѣнія, однакоже мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что на Петра онъ смотритъ не совсѣмъ благосклонно за его относительное равнодушіе къ церковнымъ дѣламъ. Справедливо ли впрочемъ это? Принялъ ли нашъ авторъ въ соображеніе, что какъ политическое тѣло такъ и отдѣльное частное лицо можетъ совершенно свободно предаваться своимъ внутреннимъ побуждені-

ямъ только тогда, когда оно находится внѣ всякихъ связей? Възвѣсилъ ли онъ, какія могли быть послѣдствія дальнѣйшаго исключительнаго и одинокаго положенія нашего отечества? Желалъ ли бы онъ, чтобы положеніе это продолжалось, и чтобы Петръ, ограждая Россію отъ всякаго сопрیکосновенія съ католицизмомъ, развивалъ систему политическаго отчужденія и національной исключительности? Не сѣдуетъ забывать также, что трактатъ 1686 года узаконялъ въ Россіи принципъ полной вѣротерпимости, открывалъ ей возможность вѣкровителствовать православію и русской народности въ польскихъ владѣніяхъ, и приготовлялъ такимъ образомъ *диссидентскій вопросъ*, который около ста лѣтъ спустя возвратилъ Россіи ея западную половину. Намъ кажется, что графъ Толстой не обратилъ достаточнаго вниманія на это соображеніе, какъ и вообще на обширное значеніе трактата 1686 года *.

Въ 1720—21 годахъ положено начало нѣкоторой организаціи управленія католическою церковью въ Россіи, и постановлены правила о смѣшанныхъ бракахъ (136 стр.). Это были конечно большія уступки католицизму сравнительно съ системою Іоанна IV и Алексѣя, которыя кажется не вравятся графу Толстому. Но за то Россія въ то же время могла энергически вмѣшаться въ положеніе православныхъ, находившихся подъ властію польскихъ королей. Очевидно, что Петръ,

* Вотъ что говорится въ этомъ трактатѣ (ст. IX) о взаимныхъ обязательствахъ русскаго и польскаго правительства относительно иновѣрцевъ: „Также уговорили и постановили, что великій государь его королевское величество, церквамъ Божиимъ и епископіямъ.... въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается употребленіе благочестивой греко-россійской вѣры и всѣмъ тамъ живущимъ людемъ въ коронѣ польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ той же вѣрѣ остающимся, никакого угнетенія и къ вѣрѣ речской и къ уни принужденія чинить не велитъ, и быти то не имѣтъ, но по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ бѣгство... А взаимъ ихъ царскаго величества людемъ вѣры римской и въ государствахъ ихъ царскаго величества, паче жъ въ князьствахъ отошлыхъ (по договору 1686. странахъ, отъ великихъ государей, ихъ царскаго величества никакого въ вѣрѣ не имѣтъ быти творено безпрасіе и къ имой вѣрѣ принужденіе, инаиначе будутъ имѣти всякую вольность той вѣры держать и въ имѣніяхъ своихъ никакой препоны и убытка не поюся, но милость ихъ царскаго величества то имъ вредити не имѣтъ и вѣры своей вольное употребленіе съ долгахъ своихъ вольно имѣть.“

оставался при прежней системѣ, уклоняясь отъ обязательствъ московскаго договора (1686 г.), не могъ бы настойчиво и твердо требовать соблюденія этого договора отъ Рѣчи Посполитой, и дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ это было, напримѣръ, на сеймѣ 1716 года, когда потребовано было учрежденіе смѣшанной международной комисіи для разбора жалобъ русскаго народонаселенія въ польскихъ владѣніяхъ. Очевидно также, что, при другой политикѣ, не могло бы быть въ такой мѣрѣ возбуждено стремленіе этого народонаселенія искать покровительства Россіи и соединенія съ нею, какое обнаружилось съ начала XVIII вѣка и продолжалось, все усиливаясь, до третьяго раздѣла Польши. Графу Толстому извѣстно сочиненіе Бантышъ-Каменскаго объ униі; онъ, можетъ-быть, пересматривалъ и подлинныя дѣла XVIII вѣка хранящіяся въ синодальномъ архивѣ; поэтому онъ долженъ знать, что западнорусскіе поборники православія и русской народности, до Георгія Ковисскаго включительно, умоляли правительство наше объ одномъ: возвратиться къ системѣ Петра Перваго.

Вскорѣ послѣ смерти Петра, католицизмъ имѣлъ въ Россіи одинъ частный успѣхъ, о которомъ въ послѣднее время часто упоминалось. Мы говоримъ объ обращеніи совершенномъ имъ въ средѣ могущественнѣйшей въ ту эпоху фамиліи Долгоруковыхъ. Это было весьма естественнымъ послѣдствіемъ той моральной слабости и нищеты, съ которою мы предстали предъ Европой. Нѣтъ ничего удивительнаго, что какой-нибудь ловкій аббатъ умѣлъ представить русской барынѣ, прибывшей въ Парижъ и пассившей передъ нами, что она видѣла и слышала, отчужденіе отъ католицизма пустымъ, ни на чемъ не основаннымъ предразсудкомъ. Она пассивала въ своихъ обычаяхъ, въ своемъ языкѣ: мудро ли; что спасовала и въ религіи!

Дальняя родственница, по мужу, любимца Петра II, Ивана Долгорукова, княгиня Ирина Петровна, сдѣлалась католичкою въ 1728 году, благодаря наставленіямъ аббата Жюбе (Jube), находившагося въ качествѣ наставника при ея дѣтяхъ и вмѣстѣ съ ней прибывшаго въ Петербургъ. Этотъ аббатъ имѣлъ тайное порученіе возобновить переговоры, начатыя парижскою Сорбонной: а чтобы поставить его въ возможно безопасное положеніе, онъ былъ включенъ въ свиту испан-

скаго посла, герцога де-Лирія. Графъ Толстой, на основаніи нѣкоторыхъ иностраннхъ источниковъ, полагаетъ, что между испанскимъ грандомъ, французскимъ аббатомъ и двумя знатнѣйшими, особенно въ то время, русскими фамиліями происходили серьезныя совѣщанія о мѣрахъ къ соединенію церквей. Оба брата новой католички, Голицыны (весьма мало извѣстныя личности) были весьма расположены къ замышляемому дѣлу (165 стр.). Агенты и союзники Сорбонны раскинули свои сѣти довольно широко. Они открыли свои виды князю Василию Лукичу Долгорукову и обѣщали будто бы сдѣлать патриархомъ его племянника (какого — неизвѣстно). Въ нѣкоторой степени были, повидимому, причастны этимъ замысламъ Кантемиръ и Третьяковскій, находившійся въ то время въ Парижѣ; часть этихъ замысловъ была извѣстна и двумъ значительнымъ лицамъ изъ русскаго духовенства: Теофилакту Лопатинскому и Афанасію Кандидѣ... *Говоримъ часть замысловъ, ибо сомнѣваемся, чтобъ эти лица увлеклись мыслию о соединеніи церквей, но весьма легко можно допустить, что ихъ увлекла надежда на восстановленіе патриаршества, составлявшаго постоянный предметъ тайныхъ надеждъ и мечтаній русскаго духовенства до самаго исхода XVIII вѣка и причину горькихъ съ его стороны осужденій Петра Перваго.

Вся эта продѣлка однакожь была открыта; княгиня Долгорукова принуждена была отречься отъ католицизма, а Жюбе былъ высланъ изъ Россіи (1782 г.). Этимъ повидимому дѣло и прекратилось, но оно находится въ очевидной связи съ гоненіями обрушившимися въ то время на фамилію Долгоруковыхъ, съ немилостію, которой подвергся Кантемиръ, и съ печальною судьбою Теофилакта Лопатинскаго.

Относительно тридцати лѣтъ сдѣловавшихъ за изгнаніемъ Жюбе мы не встрѣчаемъ въ книгѣ графа Толстаго ничего особенно важнаго. Онъ посвящаетъ отдѣльную довольно любопытную, главу исторіи католицизма въ Западной Руси и Латвіи, но какъ объ этомъ предметѣ было уже весьма много писано въ послѣднее время, то мы не станемъ передавать ея содержанія, а ограничимся нѣсколькими выписками изъ такъ-называемаго

* Наука и лит. при Петръ Пекарскій, т. I, 42, 43, 179.

Календаря Іезуитовъ. Почтенные эти отцы, для практическихъ своихъ цѣлей и въ видахъ бѣльшаго прославленія своего ордена, составили особый календарь, въ которомъ подъ каждымъ числомъ упоминалось о какомъ-нибудь мученикѣ, чудотворцѣ или святомъ изъ этого ордена. По-вѣрно, что такая бездна святости и подвижничества должна была изумлять и озадачивать тѣхъ, которымъ это не казалось смѣшнымъ шарлатанствомъ или презрѣннымъ кощунствомъ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого календаря, который, надо признаться, былъ составленъ въ виду очень неразвитыхъ читателей. Подъ 23 мая (1615) о іезуитѣ Ласко говорится, что онъ былъ трудолюбивый и счастливый миссіонеръ, и что онъ былъ составителемъ декрета, исключавшаго изъ польскаго сената всѣхъ диссидентовъ (иновѣрцевъ). Подъ 30 декабря (1652) описывается жизнь Рывинскаго. Онъ родился ссѣмлятыколя, но однажды вошелъ въ Ченстоховскій костелъ. Это замѣтилъ дьяволъ, и сталъ кричать: „вотъ мой братъ родной; онъ стоитъ въ церкви: пустите же и меня туда!“ Это такъ утратило Рывинскаго, что онъ вступилъ въ іезуиты. Подъ 23 августа (1635) разсказывается о нѣкомъ Барталиусѣ, что онъ шелъ однажды поклониться Лоретской святыни во время сильнаго дожда, и что ни одна дождевая капля его не коснулась. Другой іезуитъ Лукашевичъ, котораго жизнь описана подъ 17 августа (1721), могъ не замочившись опускаться въ воды Виліи и т. п.

Этотъ любозытный документъ далеко не единственный въ своемъ родѣ. Не менѣе замѣчательны, напримѣръ, *Тайныя наставленія общества іезуитовъ.* Этотъ въ высшей степени важный документъ былъ давно извѣстенъ ученымъ и спеціалистамъ, но до послѣдняго времени былъ весьма мало доступенъ публикѣ. Подлинникъ *Наставленій*, приписываемыхъ извѣстному Аквоазѣ, былъ напечатанъ въ 1652 и 1654 годахъ на латинскомъ языкѣ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи, разумѣется, но для раздачи тѣмъ, до кого онъ касался. Въ петербургской публичной библіотекѣ имѣются два экземпляра этой рѣдкой книги, изъ которыхъ одинъ поступилъ туда въ число прочихъ книгъ епископа Залусскаго. Въ послѣднее время *Наставленія* переведены на французскій языкъ и пущены въ продажу, а въ 1862 году *Вѣстникъ Западной и Югозападной*

Россіи опубликовалъ и русскій переводъ этой книги.... Мы не можемъ передать въ короткихъ словахъ этотъ документъ, въ которомъ каждое слово имѣетъ значеніе; скажемъ только, что все, въ чемъ общественное мнѣніе привыкло видѣть характеристическія черты іезуитизма: фанатическая преданность католичеству (не христіанству), жадность къ власти и богатству, какъ средствамъ для распространенія католицизма, презрѣніе ко всему, что принято называть нравственностію, поправіе личности человѣческой, систематическая ложь, клевета и обманъ, словомъ усвоеніе извѣстнаго правила: всѣ средства хороши для достиженія *благой цѣли*, — все это во всей наготѣ является въ *Наставленіяхъ*.

Въ сожалѣнію, повторяемъ, документъ этотъ слишкомъ обширенъ, чтобы войти въ тѣсныя рамы журнальной статьи. Но мы позволимъ себѣ познакомить читателей нашихъ съ другимъ, не столь важнымъ, но не менѣе характеристическимъ документомъ, извлеченнымъ нами изъ синодальнаго архива *. Это одно изъ донесеній, полученныхъ знаменитымъ Георгіемъ Конисскимъ во время его пребыванія въ Петербургѣ въ 1762 году. Въ донесеніи этомъ описывается одна изъ публичныхъ проповѣдей, произнесенныхъ въ Могилевѣ іезуитами-миссіонерами, и послѣдовавшая за нею процессія.

По требованію прибывшихъ въ Могилевъ миссіонеровъ съ окрестныхъ деревень согнанъ былъ народъ на городскую площадь. Мущинамъ розданы были „кресты въ мѣру роста человѣческаго“, а женщинамъ вѣнки и какія-то „вожжи лычныя или пеньковыя“, которыя имъ велѣно было надѣть на шею и свято хранить, дабы, говорили миссіонеры, „тѣ вѣнки и вожжи, яко чудодѣйственное во время болѣзней на головы надѣвать и шею обвязывать и противъ тучи громослои оныя выкладывать.“ Послѣ этого вступленія одинъ изъ миссіонеровъ вступилъ на приготовленное возвышеніе и произнесъ:

„Да будетъ похвалень и пр. Запрашиваю васъ, благочестивые обыватели города Могилева, на ученіе Христова и Павла апостола, понеже Христосъ Господь обходилъ города

* Каталогъ VII, дѣло № 203.

и мѣстечки и проповѣдывалъ Евангеліе, и выиѣ идетъ Христосъ по городѣ Могилевѣ, а черезъ мене, слугу своего, велѣлъ проповѣдывать. Слушайте жь съ разсмотрѣніемъ, благочестивые обыватели! Сказуютъ, что много вѣръ на свѣтѣ, но неправда: едина вѣра истинная, римская. Не буду я говорить, но апостолъ Павелъ скажетъ... Выговорилъ бы я вамъ сіе на русскомъ языкѣ, но никто мнѣ не даде Библіи русской... Теперь на польскомъ буду честь.“

Тогда другой миссіонеръ, продолжаетъ лицо доносившее Георгію Конисскому, сталъ на другомъ „столѣ“, держа библию польскую, и читалъ посланіе апостола Павла, говоря, что „ни до кого не писалъ посланій апостолъ Павелъ, какъ только къ Римлянамъ“.

„Хотя бы (хотѣлъ бы?) съ вами веселиться и радоститься, продолжалъ миссіонеръ, что вѣра ваша слышится по всемъ свѣтѣ; вѣтъ, и не смыцете, чтобы гдѣ было написано до благочестивыхъ отъ Павла или отъ другаго апостола, то уже явно, что наша вѣра римская истинная и святая, а благочестивая есть заблуждающая, которую Могилевцы держатъ. Прочтите жь всѣ православныя католики за сихъ благочестивыхъ три раза *Богородице Дѣво*, чтобы даръ Духа Святаго приняли и вѣру римскую истинную познали.“

И слушатели прочитали молитву. Послѣ этого миссіонеръ продолжалъ:

„Слушайте жь, благочестивые; которую вѣру Господь Богъ любитъ, ту и распространяетъ. Вотъ, вѣра наша римская гдѣ есть, изъясню вамъ: Во Франціи, въ Гиспаніи, въ Португаліи, въ Цесаріи, въ Италіи, въ Римѣ, въ Індіи *подземной* (?). Се есть вѣра истинная, въ небесе, на землѣ и *подъ землю*. А благочестивая вѣра только въ семь *окаменномъ* городѣ Могилевѣ, гдѣ быть сей всѣ права и привилегіи польскія возбраняютъ, да еще обрѣтается въ Москвѣ сія жь заблуждающая вѣра, а посмотрите жь, что и тамъ прежде ста (за сто) и нѣсколько на десять лѣтъ кака была вѣра, ежели не уніа святая, *поназѣе и филипповцы* (раскольники) не откуду отторгнувшись, *уразумѣвъ ихъ* (Москвичей) *заблужденіе*, вышли съ Москвы и выиѣ обрѣтаются въ Польшѣ! А къ тому жь читалъ я въ книгахъ русскихъ, въ Москвѣ напечатанныхъ, что Петръ святой кресталъ

Пресвятую Дѣву Марію. О какое жь то заблужденіе, которое заблужденіе какъ небеса терпятъ!“

„Вспомните, какъ въ то время былъ счастливъ городъ (Могилевъ?) когда въ униі пребывалъ *! Но какъ отобраво, заразъ явно сказались Богъ цѣлый городъ и церкви. Вотъ то явная была мечь Божія на васъ! Однакожь вы не разсуждаете и того отступничества и заблужденія держитесь.“ Тутъ проповѣдникъ сталъ читать извѣстіе о Иосафатѣ Кунцевичѣ: какъ Могилевцы не хотѣли его пустить въ свой городъ, и какъ за это король осудилъ бунтовщиковъ на смерть и опредѣлилъ для этого комиссію, „которой и понынѣ удовольствованія не посылдовало.“ Августъ II выдалъ декретъ, чтобы схизматическихъ церквей и монастырей и епископій не было. „А понеже сей окаменный городъ Могилевъ въ вѣрѣ заблуждающей, несмотря на королевскіе декреты, и по сіи времена *соровскими привилегіями* такъ владыка какъ и церкви защищаются, привуждены мы кучить (докучать) его величеству и республикѣ, дабы тѣ декреты пришли въ свою силу, ибо которые имѣете фундаши и привилегіи, воѣ суть введены на унию святую. Прошу убо васъ, Могилевцы, покажите мнѣ хотя едну привилегію на вашу вѣру данную: пуцай я повижу что въ нихъ написано и кому наваны суть!“

Выждавъ нѣсколько минутъ, какъ будто для того чтобы дать, и въ самомъ дѣлѣ, возможность бѣднымъ неграмотнымъ мужикамъ показать упоминаемыя привилегіи, проповѣдникъ началъ снова:

„Протестуюсь всенародно о ихъ заблужденіи, что имѣютъ столько церквей, монастырей, а проповѣдника не одного не имѣютъ. А у васъ хоть убогіе костелы, іезуиты, кармелиты, бернардины, во всякомъ костелѣ всякой недѣли и всегда проповѣди и ученія сказуютъ Христовы... Поидемъ къ чернецамъ и попамъ: какаа ихъ фамилія? Воѣ суть *нищукі*! А у насъ, въ истинной вѣрѣ, сенаторы, королевичи въ монашествѣ суть! Не лучшая ль наша вѣра,

* Чтобы повать эту мысль и многія другія мѣста этой проповѣди надо имѣть въ виду, что іезуиты, а въ послѣдствіи и нѣкоторые историки польскіе старались распространить новѣрье, будто униа существовала въ Россіи некогда, и что народъ русскій изъ нея уже поступалъ въ „всепочиную схиазму“.

что въ нашей вѣрѣ всѣ сенаторы, господа, а въ вашей вѣрѣ ни единого нѣтъ теперь? Хоть нѣкоторые и были вашей вѣры, но просвѣщеніемъ Духа Святаго всѣ оставили сію злую вѣру и на истинную римскую превратились. О, подай и вамъ Боже даръ сей Духа Святаго въ сердца ваши! Сами можете знать, благочестивые, что ни единого нынѣ господина не найдете, такъ въ Польшѣ какъ и въ коронѣ, въ сей заблужденной вѣрѣ пребывающаго, только одинъ сей городъ окаменный пребываетъ въ своемъ упрямствѣ. Не лучшая ль наша вѣра, что у насъ разные суть законы (ордена) и ксендзы, а всякій имѣетъ свою власть и провинцію, а у васъ только одни черныя да попы. Поидемте жь до святыхъ: что и исчислить нельзя, всѣ у насъ суть, ибо какъ вы отступили отъ вѣры святыхъ уніи, то бросивши Грецію, пришли къ намъ, и по разнымъ городамъ опочиваютъ. Знаете Николая Святаго? Въ Барѣ лежитъ, отъ благочестивыхъ вышедши. Тако жь Іоаннъ Златоустый, Василій Великій почиваютъ въ Римѣ, а у васъ, которые суть, то еще за унію стали святыми. Покажите мнѣ, по отступничествѣ отъ вѣры святой, какъ много померло въ городѣ Могилевѣ поповъ, чернецовъ, а ни единого святаго не имѣете. А у насъ во многихъ общежительствахъ и монастыряхъ опочиваютъ святіи *. Вотъ много имѣете церквей, а ни единого святаго не имѣете. Тако жь и Пресвятая Дѣва гдѣ больше чудесъ творить, ежели не въ нашихъ костелахъ и церквахъ, какъ-то: Пресвятая Богородица Бланицкая, Хвощовская, Ченстоховская, Журавецкая, которыхъ и исчислить не могу, ибо Пресвятая Богородица знаетъ, которая вѣра есть святая и пріятна Богу и въ той чудеса творить."

Проповѣдникъ продолжалъ еще нѣсколько времени въ томъ же тонѣ, подбавляя немаложко правды къ своей безсовѣстной ажи, дабы ее легче было проглотить, и потомъ повелъ всю эту сконфуженную, растерянную, озадаченную толпу въ костель при пѣніи слѣдующаго стиха:

Вышли мы въ костель, а шпакто (все) то для тебѣ (тебѣ)
 Штобъ мы были въ небѣ,
 Боже, Боже нашъ, Боже, Боже нашъ!
 Самылись мы мішпору, а шпакто то для тебѣ
 А же бмыъ (дабы) мы были въ небѣ,

* См. Календарь іезуитовъ.

Боже, Боже нашъ, Боже, Боже нашъ!
 Дзятки, чи любица вы Христа щира (вѣрно)?
 Любимъ, Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ!
 Дзятки, чи любица вы Пречистую щира?
 Любимъ, Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ!
 Дзятки, чи любица вы Иосипа щира?
 Любимъ, Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ!
 Дзятки, чи любица вы Якіма (Иоакима) щира?
 Любимъ, Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ!
 Дзятки, чи любица вы Иоанну (Анну) щира?
 Любимъ, Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ!

Въ костелъ приготовлено было новое представленіе, описаніе котораго мы заимствуемъ изъ того же донесенія, подученнаго Конисскимъ.

Миссіонеръ вышелъ на кафедрѣ и произнесъ: „Вотъ мы, любезные католики, отправляемъ нынѣ покаяніе святое, дабы чрезъ сіе покаяніе могли получить животъ вѣчный. Вотъ же и Христосъ Іисусъ не только за наши грѣхи наказанъ, но какъ есть замученъ и убитъ такъ жестокимъ мученіемъ. А кто жъ его убилъ? Благочестивый или католикъ, или кальвинъ, или лютеръ? Гдѣ жъ тотъ разбойникъ? Гдѣ онъ крывается? Ищите его всѣ!... Никто мнѣ ничего не отвѣщаетъ, одно я вѣдаю, что въ семъ городѣ крывается тотъ, который невинно Іисуса Христа убилъ, такъ жестокимъ мученіемъ, что и выговорить не могу!...“

Въ это время другой ксендзъ „взошелъ на сдѣланный посреди костела столъ и, взявши вырѣзанный изъ древа образъ Христа на подобіе плащаницы“, произнесъ, показывая на изображеніе: „Се преславный Іисусъ, который такъ немилостиво есть умученъ и убитъ безъ всякой вины. Видѣте сами, что нѣтъ цѣлости въ тѣлѣ: весь такъ жестоко замученъ!“ Это произвело между католиками потрясающее впечатаніе. Они завопили: „О Іисусъ! О Іисусъ, такъ умучаемый!“ Донесеніе свидѣтельствуешь, „что такой вопль и плачь и шумъ поднялся, что страшно было въ костелѣ стоять.“

А миссіонеръ, стоя на кафедрѣ, продолжалъ: „О дайте жъ мнѣ разбойника, который невиннаго Іисуса такъ жестоко умучилъ. Ищите его всѣ. Я буду его судить за невинную кровь!“ На это неотвѣзчивое требованіе, другой ксендзъ отозвался съ катафалка:

„Я тотъ лютеръ и разбойникъ, который пресладаго Иисуса предалъ и невинную кровь пролилъ. Теперь меня судите какъ хотите; рубайте меня за невинную кровь.“

„Не ты, я, я!“ возражалъ ему миссіонеръ: „Се я тотъ разбойникъ пришелъ передъ вами, сознавая на себя грѣхи; я Иисуса продалъ и умучилъ!“ восклицалъ онъ, поднимая надъ собою плащаницу.

Народъ опять „великій плачь и рыданіе учинилъ.“ Потомъ, миссіонеръ какъ бы одумавшись, сказалъ обращаясь къ коендзу, разыгрывавшему другую роль въ этомъ представленіи: „Ищи болѣе (еще) разбойниковъ!“

Тогда этотъ коендзъ, взявъ Библію, „началъ честь у Ісаи пророка главу 53: за беззаконія наша бысть мучень и убитъ; и далѣе читая прибавилъ: явно отсюда есть, что за насъ есть замучень, а не за Себе.“

На этихъ словахъ миссіонеръ прервалъ его торжествующимъ голосомъ и воскликнулъ: „Вотъ же и всѣ такіе разбойники есте какъ и я.“

„И начали всѣ рыдать. Потомъ поцѣловавши ноги, въ дома свои поотходили.“

Нельзя не согласиться, что приведенныя нами проповѣдь и представленіе характеризуютъ какъ іезуитовъ, такъ и вообще католическую пропаганду. Если же мы припомнимъ *Тайныя Наставленія*, достаточно извѣстныя русской публикѣ, такъ наказываемый проектъ коендза-іезуита*, то передъ нами возникаетъ полная характеристика средствъ, которыми католичество распространялось въ несчастной Западной Руси.

А оно распространялось и распространялось быстро. Весьма любопытны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя цифры проводимыя графомъ Толстымъ. Въ 1679 году, въ Виленской католической епископіи, обнимавшей нынѣшнія губерніи Виленскую, Гродненскую, часть Ковенской, Могилевскую, Минскую и Витебскую, насчитывалось до 400 церквей; въ 1717 г. ихъ было уже 435 (стр. 240). Но особенно поразительно распространеніе католическихъ церквей въ Кіев-

* Поемъ тѣхъ библіографическихъ свидѣній, которыми сопровождалась неоднократная публикація этого проекта, едва ли кто-нибудь станетъ сомнѣваться въ его подлинности. Могу прибавить, что въ государственномъ С.-Петербургскомъ архивѣ хранится современная съ него переводъ-

ской епархіи; епархія эта заключала въ себѣ лишь небольшую часть нынѣшнихъ губерній Кіевской, Волынской и Минской, и въ 1763 году имѣла всего 17 церквей, но уже въ 1777 году число это возрасло до 32, а къ 1793 увеличилось еще 8 новыми церквами (стр. 478). Такимъ образомъ, тогда какъ въ Европѣ начиналъ торжествовать принципъ вѣротерпимости, католическое духовенство, „выставляло, по счастливому выраженію графа Толстаго, свои передовые посты, противъ восточнаго православія, съ усердіемъ достойнымъ лучшей цѣли.“ Дѣлая такое заключеніе мы не увлекаемся никакою религіозною и національною исключительностію: возводимыя на Украйнѣ католическія церкви служили очевидно завоевательнымъ замысломъ католическаго духовенства, а не духовнымъ потребностямъ мѣстнаго народонаселенія, такъ какъ въ 1777 году число приписанныхъ къ нимъ прихожанъ было не болѣе 27.450 человекъ, и слѣдовательно на каждую церковь приходилось менѣе нежели по 850 человекъ.

„Иезуиты (какъ и вообще католическіе монахи) оказали дѣйствительную заслугу, справедливо говоритъ графъ Толстой, не Польшѣ, но римскому двору, умножая число католиковъ, обращая колонистовъ, вводя унию, развивая въ духовенствѣ вообще духъ пропаганды, и это стремленіе къ преобладанію, которае присуще римскому ученію.“ Что касается до Польши, то, взывая постоянно къ патриотизму націи, это честолюбивое духовенство умѣло добиться своей цѣли и сообщило польскому патриотизму характеръ нестерпимаго религіознаго фанатизма; а достигнувъ этого, оно, естественно уже сдѣлалось преобладающимъ въ государствѣ сословіемъ. Графъ Толстой приводитъ слѣдующія любопытныя слова львовскаго бискупа Вызицкаго: „Какъ въ человекѣ душа важнѣе тѣла, такъ и власть церковная превышаетъ свѣтской власти; вотъ почему папа Инокентій III сравниваетъ эти двѣ власти съ двумя небесными свѣтилами, солнцемъ и луною, говоря, что власть церковная, какъ главное свѣтило, освѣщаетъ и государственная дѣла, тогда какъ власть государственная, подобно второстепенному свѣтилу, освѣщаетъ иракъ земныхъ суетъ.... Каковы же слѣдовательно обязанности правительства относительно церкви? Безполезно распространяться объ этомъ: первое имѣть право и обязанности охранять церковь отъ еретиковъ, не допускать въ госу-

дарствѣ свободы вѣроисповѣданій, потому что эта свобода пагубна, противна Евангелію и ученію Спасителя, который желаетъ чтобъ была одна церковь, едино стадо и единъ пастырь. Правительство имѣетъ право и обязанность распространять въ странѣ славу и чествованіе Божія имени, ученіе вѣры истинной, безъ всякаго впрочемъ умышленія, не какъ судія въ этомъ дѣлѣ, *которое касается лишь высшего духовнаго управленія*, но въ качествѣ простаго исполнителя духовной власти, *executores ministri*. Богъ Всемогущій, приведшій правителей къ познанію небесной истины, ввѣрилъ ихъ какъ младенцевъ, какъ овцатъ, руководству духовенства. Онъ не далъ имъ власти надъ церковью, но напротивъ повелѣлъ ей повиноваться: „Младенецъ будетъ управлять царями,“ говоритъ Исаія, разумѣя смиренное духовенство, приведшее царей къ обращенію.“

На сколько эпитетъ *смиреннаго* согласуется съ ролью, требуемою здѣсь для духовенства, читатель рѣшитъ самъ.

Польскіе короли не имѣли никакого вліянія на назначеніе епископовъ, хотя эти посажденіе весьма часто занимали должность канцлеровъ, и по праву, за урядъ, пользовались званіемъ сенаторовъ. Польское духовенство посылало также отъ себя пословъ на сеймы. Безъ сомнѣнія, еслибъ это духовенство, пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ, являлось въ сенатѣ и на сеймѣ какъ представитель высшихъ духовныхъ интересовъ страны и народа, то его дѣятельность могла бы принести не мало пользы странѣ; но оно являлось только охранителемъ дарованныхъ ему въ разное время льготъ и вымогателемъ новыхъ.

Аристократическое начало было весьма сильно въ польской духовной іерархіи. Это между прочимъ подтверждаютъ списки бискуповъ (по епархіямъ), приложенные къ книгѣ графа Толстаго. Въ первые вѣка господства въ краѣ католицизма, какъ и въ первые пять или шесть вѣковъ существованія Польши, это начало не замѣтно; бискупы означены собственными именами (кромя вилевскихъ, фамиліи которыхъ впрочемъ не знатны); но съ XVI вѣка начинается рядъ знатныхъ именъ: Радзивиллы, Тышкевичи, Гедроицы, Пацы, Санъги. На Самогитской каедрѣ, напримѣръ, было четыре князя Гедроица, изъ коихъ, начиная со второй половины XVIII вѣка, три подрядъ. Не рѣдко случалось, что высшіе сановники церкви отдавали часть

обширныхъ своихъ доходовъ въ пользу своихъ родственниковъ, дабы поддержать блескъ своей фамиліи. Говоря объ этомъ, одно духовное лицо польской іерархіи замѣчаетъ, что по настоящему не слѣдовало бы самопроизвольно измѣнять назначеніе богатствъ, принадлежащихъ церкви; но, заключаетъ онъ: „если слѣдуетъ оказывать помощь неимущимъ вообще, то справедливо начинать съ ближайшихъ; это даже обязательно.“ (222 стр.)

Отъ такого взгляда на мірскія связи духовныхъ владыкъ не великъ переходъ къ nepотизму; и онъ дѣйствительно былъ сильно развитъ въ высшемъ польскомъ духовенствѣ. Графъ Толстой называетъ нѣсколько двадцатилѣтнихъ молодыхъ людей и даже шестнадцатилѣтнихъ юношей, которые занимали уже видныя должности въ іерархіи (248 стр.); при этомъ, очень естественно, они проводили бѣольшую часть времени при дворѣ, веселомъ дворѣ Варшавскомъ, гдѣ такимъ образомъ, для полнаго сходства съ Парижскимъ, не было недостатка въ раздушенныхъ, модныхъ, свѣтскихъ аббатахъ. Тамъ эти щеголи, принадлежавшіе къ духовенству только по одеждѣ, выжидали вакансій въ высшемъ духовномъ управленіи, и достигали ихъ, если имѣли связи. Князь Массальскій, бывшій виленскимъ бискупомъ при вступленіи на престолъ Станислава Августа, получалъ это званіе, какъ свидѣтельствуеетъ графъ Толстой осмысляя на источники, потому только что носилъ знатное имя. Николай Пацъ, въ XVII вѣкѣ, изъ воеводъ поступилъ въ виленскіе же бискупы, едва успѣвъ передъ тѣмъ перейти въ духовное званіе. Какъ было такимъ людямъ не ввѣсти въ свои новыя обязанности понятій и замашекъ своего прежняго быта? Ссора помянутаго Массальскаго съ гетманомъ Радзивилломъ, дошедшая до употребленія матеріальной силы, послужила даже первымъ ощутительнымъ поводомъ къ вмѣшательству Екатерины во внутреннія дѣла Польши. Еще оригинальнѣе ссора, случившаяся почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ, между виленскимъ же бискупомъ Бжостовскимъ и тогдашнимъ литовскимъ гетманомъ Сапѣгой. Намъ нигдѣ не случалось прочесть ее въ такой подробности, какъ въ книгѣ графа Толстаго, и потому мы передадимъ ее съ его словъ (269 стр.).

Въ исходѣ XVII вѣка, гетманъ Сапѣга расположилъ подчиненныя ему войска между прочимъ на земляхъ принадле-

жавшихъ вилепокому бискупу. Бжостовскій запретилъ своимъ крестьянамъ доставлять войскамъ провіантъ и фуражъ, считая, безъ всякаго впрочемъ основанія, что церковныя земли не могутъ ни въ какомъ случаѣ быть заняемы войсками. Онъ жаловался на гетмана литовскому трибуналу, жаловался королю, но жалобы эти были вездѣ отвергнуты. Тогда онъ рѣшился оказать себѣ правосудіе самъ, и деньги, собранныя на его земляхъ для войскъ, забралъ въ собственную казну, а овесъ и сѣно своихъ крестьянъ велѣлъ сжечь. Въ то же время онъ приказалъ папѣ своей епископіи возбуждать народъ противъ жолтировъ и особенно противъ гетмана, употребляя для этого таинство исповѣди. Замѣчательно, что папскій нунцій вполнѣ принялъ сторону прелата. Ободренный этимъ, Бжостовскій предалъ своего противника торжественному отлученію, возгласилъ ему анаемю, разослалъ объ этомъ окружную грамоту и приказалъ приостановить въ вилепокомъ кафедральномъ костелѣ богослуженіе въ знакъ скорби и гоненія, претерпѣваемыхъ церковію. Это смутило всю страну. Личная вражда, всегда существовавшая между польскими вельможами, воспользовалась этимъ окаянствомъ. Огинскіе, бывшіе въ ссорѣ съ Сапѣгою, приняли сторону бискупа, вмѣстѣ съ тысячами каіентовъ нахлебниковъ и „пріятелей“, уважавшихся вокругъ этой знатной фамиліи. Едва ли однакожь не большинство приняло сторону Сапѣги. Даже въ средѣ духовенства многіе порицали своего бискупа, и нѣкоторые вилепоскіе монастыри отказались исполнить его приказаніе. Гвѣзневскій архіепископъ, какъ примасъ польскаго духовенства, строго осудилъ его и снялъ съ гетмана анаемю. Король и сенатъ были крайне недовольны самоволіемъ Бжостовскаго; народъ начиналъ волноваться; дворянство литовское и бѣлорусское раздѣлилось на два враждебные лагеря. Но Бжостовскій шелъ на проломъ: провозгласилъ, что Гвѣзневскій архіепископъ не властенъ отмѣнять его распоряженія и снимать наложенное имъ проклятіе; тѣхъ же изъ подчиненныхъ своихъ, которые осмѣлились его ослушаться, самихъ предалъ анаемѣ, а именно находящіеся въ его епископіи монастыри доминиканъ, францисканцевъ, бернардиновъ и кармелитовъ. Онъ запечаталъ ихъ церкви и посадилъ въ тюрьму

нѣсколько монаховъ. Наконецъ, онъ пытался возбудить войско противъ гетмана, но безуспѣшно.

Если къ этому характеристическому эпизоду польской исторіи мы прибавимъ, что агитація, произведенная неистовымъ прелатомъ, не успокоилась и къ тому времени, когда началась война между королемъ Августомъ II и Карломъ XII, и что этотъ послѣдній, благодаря враждѣ Сапѣги съ Огинскими, нашелъ въ Литвѣ готовыхъ союзниковъ и пособниковъ, то передъ нами развернется картина, но точная характеристика польскаго государства въ послѣдніе два вѣка его существованія, съ его видимымъ блескомъ и глубокими язвами, съ его запоздалыми понятіями и формами, такъ сѣбно шедшими наперекоръ современнымъ требованіямъ!

„Исторія католицизма въ Польшѣ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ графъ Толстой, есть исторія самой Польши.“ Это весьма справедливо, и изъ всѣхъ элементовъ разрушенія, существовавшихъ въ этой странѣ, дѣятельность духовенства была самый сильный. Если польское магнатство ослабляло государственный центръ, закрывая собою то знамя, вокругъ котораго нація должна группироваться, то духовная власть была другимъ и притомъ болѣе прочно поставленнымъ центромъ, была въ полномъ значеніи „государствомъ въ государствѣ“, съ особою независимою отъ него и необыкновенно сильною внутреннею организациею и іерархическимъ устройствомъ, съ интересами весьма часто противоположными общимъ интересамъ страны.

Въ послѣдніе годы существованія Рѣчи Посполитой, лучшими, хотя и немногими умами, сознава была необходимость коренныхъ реформъ. Чарторыйскіе нанесли было руку на знаменитое *liberum veto*, * этотъ палладиумъ пресловутыхъ „вольностей“ шляхетскихъ. Конституція 1791 года дошла до того, что даже признала нѣкоторыя права за сословіемъ крестьянъ. Но духовенство польское не хотѣло допустить ни малѣйшей перемѣны во всемъ томъ, что до него касалось, не соглашалось ни на какую уступку требованіямъ времени, неистово вопило противъ диссидентовъ, и даже послѣ перваго раздѣла, не наученное этимъ страшнымъ урокомъ, предъявляло требованія новыхъ льготъ и новыхъ гарантій относительно своихъ

амущество. „Какъ можемъ мы, говорило оно въ инструкціи послаамъ своимъ на сеймъ 1789 года, какъ можемъ мы считать отечествомъ и любить страну, которая, покровительствуя прочія ословія, *оставляетъ насъ въ униженіи*? Недостатокъ гарантій относительно собственности, постоянное опасеніе, что она можетъ быть уменьшена или даже и вовсе отнята, есть великое несчастіе для человека!“ (445 стр.)

Заключимъ наше извлеченіе изъ любопытнаго сочиненія графа Толстаго его же словами: „Иезуиты (и вообще католичество) служили въ Польшѣ римскому двору и привели ему пользу, но не Польшѣ.“

Н. ЦЕВАЛЬСКІЙ.

О ЦЕХАХЪ ВЪ РОССІИ

И

ЗАПАДНОЙЪ ЕВРОПѢ

Нерѣдко учрежденіе, которое прежде вполне удовлетворяло насущныя нужды и въ пользу котораго не сомнѣвался никто, съ теченіемъ времени становится безполезнымъ, даже вреднымъ.

Это замѣчаніе какъ нельзя болѣе прилагается къ цеховому устройству, имѣвшему въ свое время столь важное значеніе, какъ въ политическомъ, такъ, въ посаѣдствіи, и въ экономическомъ отношеніи. Считаемо не лишнимъ интереса пробѣжать исторію ремесленныхъ цеховъ съ начала ихъ возникновенія до того времени, когда они наконецъ совершенно утратили прежнее значеніе и сохранили за собою одно громкое имя.

Причины возникновенія цеховъ въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ были чисто политическія: ремесленники, составляя между собою корпораціи, имѣли болѣе всего въ виду дружный отпоръ сильнымъ и богатымъ феодаламъ, съ которыми тягаться по одиночкѣ имъ конечно было не по силамъ.

Феодалное господство не могло ужиться со вновь возникающею властью городскихъ обывателей, между которыми рельефнѣе всего выдѣлялся классъ ремесленный. Два противоположные элемента не могли на-

наконецъ не придти въ столкновеніе. Самы обстоятельства приблизили это столкновеніе. Генрихъ IV, императоръ Германскій (въ XII стол.), заботясь о расширеніи власти городовъ и объ увеличеніи ихъ значенія, издалъ законъ, по которому всякій крѣпостной ремесленникъ, поселившійся въ городъ, получалъ свободу. Вслѣдствіе такого постановленія многіе ремесленники оставляли своихъ господъ и поселялись въ городахъ. Феодалы, опираясь на свою власть, требовали у городовъ выдачи бѣжавшихъ. Но это было уже дѣломъ не легкимъ: сильныя корпораціи ремесленниковъ горю стояли за своихъ членовъ, тѣмъ болѣе что возникающее цеховое устройство представляло имъ не малыя выгоды и въ матеріальномъ отношеніи.

Нѣкоторые писатели несогласны съ только-что изложеннымъ объясненіемъ происхожденія цеховъ. Такъ въ энциклопедическомъ лексиконѣ Роттека и Велькера сказано, что это учрежденіе перешло въ сѣверную Европу отъ Римлянъ. * Но такое мнѣніе едва ли справедливо. Въ исторіи древней Греціи и Рима, дѣйствительно, вѣрѣно упоминается о корпоративномъ устройствѣ ремесленниковъ, подобномъ цеховому; но собственно средневѣковые цехи несомнѣнно вызваны, какъ сказано, естественнымъ стремленіемъ ремесленниковъ къ самосохраненію и самостоятельности, между тѣмъ какъ древнія греческія и римскія корпораціи ремесленниковъ были правительственнымъ учрежденіемъ. Скажемъ кстати нѣсколько словъ о положеніи ремесленнаго сословія у древнихъ Грековъ и Римлянъ. Оно особенно интересно потому что взглядъ на ремесленниковъ у того и другаго народа былъ весьма различенъ. Въ Греціи ремесла не уважали: благородный Афинянинъ счелъ бы униженіемъ своего достоинства заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ; это было, по его мнѣнію, прилично только рабамъ. Презрѣніе къ ремесламъ доходило въ Афинахъ до того, что однажды было тамъ предложено обратить въ рабовъ даже всѣхъ свободныхъ, которые спускали себѣ пропитаніе ремеслами. Къ числу ремеселъ здѣсь, конечно, не относились искусства, какъ напримѣръ, зодчество, ваяніе и проч., которыя въ Афинахъ пользовались полнымъ уваженіемъ. Не то было въ Римѣ: здѣсь ремесленники пользо-

* Ст. 456 стр. Gewerbe.

вазисъ общественными землями, наравнѣ съ прочими гражданами; ихъ уважали, особенно съ тѣхъ поръ какъ плебеи приобрѣли права автономіи. У римскихъ *collegiati, corporati urbis* (кодексъ Феодосія Младшаго) проявляется уже начало самоуправленія. Впрочемъ, древніе цехи никогда не достигали такого полного самоуправленія, такого значенія и силы, какъ цехи средневѣковые. Но и этимъ послѣднимъ могущество далось не даромъ: имъ часто приходилось для достиженія такой самостоятельности братья за оружіе противъ постоянныхъ своихъ антагонистовъ, феодаловъ. Долго продолжалась такая борьба вышшаго класса противъ притязаній ремесленниковъ, пока наконецъ около XII столѣтія не кончилась торжествомъ послѣднихъ: ихъ допустили къ участию въ правленіи; къ магистрату было прибавлено особое отдѣленіе, куда ремесленникамъ дано было право выбирать представителей изъ своей среды. Это право было для ремесленниковъ весьма важнымъ шагомъ впередъ; оно значительно усилило и укрѣпило городскія общины, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались какъ бы контръ-балансомъ аристократическому элементу.

Такимъ образомъ колыбелью настоящихъ цеховъ можно считать XII вѣкъ. Правда, мы встрѣчаемъ ассоціаціи свободныхъ ремесленниковъ и ранѣе этого времени. Такъ *Allgemeine Encyclopädie* Эрша и Грубера сказано, что есть преданія о существованіи такихъ ассоціацій у народовъ составлявшихъ царство Франковъ, а именно цехи бургундскихъ сапожниковъ и портныхъ (около 590 года). Подобныя же ассоціаціи существовали и у Аллемановъ въ началѣ 600-хъ годовъ. Въ Германіи упоминается о цехахъ въ Кельнѣ на Рейнѣ. Карлъ Великій имѣлъ на своихъ хуторахъ (*Meierci*) много разныхъ ремесленниковъ: у него были сапожники, портные, золотыхъ дѣлъ мастера, каретники и пр. Къ каждому изъ этихъ ремеслъ причислялся отдѣльный классъ или цехъ рабочихъ. Но всѣ подобныя ассоціаціи не имѣли значенія состоящихъ цеховыхъ обществъ. Они не имѣли ни того управленія, ни тѣхъ правъ, какія видимъ мы въ послѣдствіи, начиная съ конца XII вѣка. Только корпораціи *Страсбургскихъ ремесленниковъ* приняла еще съ 982-го года видъ настоящихъ

цеховъ. Потому спустя нѣсколько столѣтій, цехи стали возникать въ Германіи повсюду. Такъ въ 1340 г. возникло первое цеховое общество въ Вѣнѣ; еще поздѣе, въ 1368 г.—въ Аугсбургѣ. Около того же времени стали возникать цехи и во Франціи. Главнымъ центромъ ихъ былъ Парижъ. Бѣльшая часть цеховыхъ правилъ и привилегій произошла здѣсь слѣдующимъ образомъ. Каждый изъ придворныхъ сановниковъ имѣлъ вліяніе на какой-нибудь отдѣльный классъ ремесленниковъ. Главный виночерпій, напримѣръ имѣлъ сильное вліяніе на торговцевъ винами; штабмейстеръ короля—на кузнецовъ и т. д. Всѣ эти сановники покровительствовали зависимымъ отъ нихъ ремесленникамъ и, конечно, не даромъ выхлопывали для нихъ разныя права и привилегіи.

Учрежденные въ началѣ съ цѣлью оградить низшій классъ населенія отъ притѣвленій высшаго сословія, цехи въ послѣдствіи стали стремиться исключительно къ тому, чтобы обезпечить за собою самую строгую монополію ремесла. Цеховые законы и обычаи, строго соблюдавшіеся членами корпораціи, вообще были довольно сходны между собою въ различныхъ частяхъ Европы: каждый ремесленникъ долженъ былъ непременно записаться въ соотвѣтствующій его мастерству цехъ, иначе онъ не имѣлъ права принимать заказы. Ученикъ, чтобы получить званіе подмастерья, долженъ былъ пройти опредѣленное, трудное и обыкновенно слѣшкомъ долгое время ученія. Подмастерье въ свою очередь, чтобы сдѣлаться мастеромъ, обязывался выдержать экзамень, который, обходился ему очень дорого, такъ какъ обыкновенно сопровождался пирушками и подарками для мастеровъ-экзаменаторовъ. Но и этимъ не ограничивались издержки подмастерья желавшаго получить званіе мастера: по окончаніи экзамена онъ обязанъ былъ путешествовать опредѣленное число лѣтъ (2 года во Франціи, 3 года въ Германіи, 5 лѣтъ въ Швейцаріи) по разнымъ городамъ своего отечества и работать, почти даромъ, у различныхъ мастеровъ. Это стѣснительное для молодыхъ ремесленниковъ правило сильно истощало и безъ того весьма скудныя средства подмастерьевъ, несмотря даже на то, что они всевозможными средствами помогали другъ другу въ этихъ странствованіяхъ. Такъ, въ Германіи при-

Изяющему давали обыкновенно доровое пристанище, а при отъѣздѣ снабжали его деньгами по подпискѣ. Во Франціи, ремесленники-подмастерья составили двѣ сильныя и дружныя корпораціи съ подобною же цѣлью. Корпораціи эти извѣстны были подъ названіемъ „compagnage“ (товарищество); главнымъ центромъ ихъ былъ Парижъ, но онѣ распространяли свою дѣятельность и на всю Францію. Общія правила у обѣихъ корпорацій были совершенно одинаковы; ихъ раздѣляла только какая-то непонятная вражда членовъ одной корпораціи къ членамъ другой. Они то-и-дѣло заводили между собою ссоры и драки, которыя нерѣдко кончались даже смертоубійствами. Но за то на сколько сильна была ненависть одной партіи къ другой на столько же крѣпка была дружественная связь между членами одной и той же корпораціи. Молодой ремесленникъ, путешествуя, долженъ былъ останавливаться почти въ каждомъ значительномъ городѣ Франціи, чтобы поработать у извѣстнаго мастера. Часто случалось, что всѣ мѣста у мастеровъ были заняты, и вновь пріѣхавшій не находилъ себѣ работы; тогда одинъ изъ товарищей, именно тотъ, который пробылъ въ городѣ болѣе шести мѣсяцевъ, уступалъ ему свое мѣсто. Если же такого не находилось въ городѣ, то товарищи составляли подписку въ пользу пріѣхавшаго и такимъ образомъ давали ему средства ѣхать далѣе. Подписаться обязанъ былъ всякій, смотря по своимъ средствамъ. Въ случаѣ болѣзни, товарищи также обязаны были складываться для помощи больному. Правила чести соблюдались весьма строго, и плохо приходилось тому изъ „compagnons“, который измѣнялъ имъ: онъ лишался всякой помощи собратій и самой возможности продолжать путешествіе; а не путешествуя, онъ навсегда терялъ право держать экзаменъ на мастера (во Франціи путешествія совершались до экзамена). За обиду, нанесенную одному изъ подмастерьевъ, остальные мстили строго, и горе тому мастеру, на котораго товарищ могъ привести справедливую жалобу: его мастерскую предавали проклятію (on la damnait) и никто изъ „compagnage“ не смѣлъ у него работать. Это обыкновеніе часто въ концѣ раззоряло слишкомъ строгихъ или запальчивыхъ мастеровъ. То же самое бывало даже съ цѣлыми городами: когда молодые ремесленники были по чему-нибудь недо-

вольныи городскими властями, „on damnait la ville.“ Случалось даже, что многимъ жителямъ приходилось выѣзжать изъ такого „проклятаго“ города, потому что они не находили въ немъ самыхъ простыхъ ремесленныхъ издѣлій.

Только по окончаніи опредѣленнаго срока странствованія, подмастерье получалъ право держать экзаменъ на мастера. Тутъ открывалось обширное поле злоупотребленій всякаго рода, особенно съ того времени, когда цехи утратили первоначальный характеръ. Мастера, имѣя въ рукахъ своихъ монополію ремесла, изъ собственныхъ выгодъ не допускали въ свое званіе самыхъ талантливыхъ подмастерьевъ; напротивъ допускаемы были только тѣ, которые не предвѣщали опасной конкуренціи впослѣдствіи т.-е. бездарнѣйшіе. Особенно бѣдственно сдѣлалось положеніе французскихъ подмастерьевъ въ XVII столѣтіи, когда мастера изобрѣли еще новый способъ извлекать доходъ изъ этихъ несчастныхъ: не удостоивши „compagnon“ званіе мастера и лишивши его такимъ образомъ права основать собственную мастерскую, кто-нибудь изъ жадныхъ къ деньгамъ мастеровъ позволялъ ему за известную плату работать подъ его именемъ. Но эта противозаконная работа, за которую остальные мастера строго сѣдвали, подвергала „товарища“ конфискаціи имущества и даже тюремному заключенію.

Въ Германіи злоупотребленія мастеровъ были нѣсколько другаго рода. Тамъ мастера не торговали, какъ во Франціи своимъ именемъ; за то они обезпечивали за собою монополію иными средствами. Нѣмецкіе цехи сдѣлались, уже, начиная съ XVI вѣка, почти кастами, гдѣ званіе мастера переходило наследственно отъ отца къ сыну, и мастера, хотя принимали къ себѣ въ ученіе мальчиковъ изъ другихъ сословій, однако не только не заботились о званіяхъ своихъ учениковъ, но совершенно напротивъ, какъ бы нарочно пренебрегали ихъ ученіемъ, чтобы не подготовить въ послѣдствіи опасныхъ соперниковъ себѣ или своимъ наследникамъ. Кромѣ того, обращеніе съ учениками было самое ужасное: почти во все время ученія мастеръ подвергалъ ихъ самымъ унижительнымъ работамъ; рѣдкій день проходилъ бѣдному ученику безъ побоевъ. Но еслибъ даже все это не помѣшало мальчику хорошо выучиться ремеслу, то у мастеровъ всегда еще

оставалось вѣрное средство не допустить его въ свое званіе: средство это опять ремесленный экзамень, на который мастера смотрѣли лишь какъ на на вѣрное средство избавиться отъ опаснаго соперника. Исходъ экзамена вполнѣ зависѣлъ отъ экзаменующаго мастера тѣмъ болѣе, что онъ былъ не словесный, а подмастерью задавалась извѣстная работа, отъ исполненія которой зависѣло рѣшеніе его участи. Обыкновенно мастера, избирали для этого предметъ дорого стоящій или вышедшій изъ моды, вслѣдствіе чего бѣдный подмастерье затрачивалъ совершенно безвозвратно весьма значительный по его средствамъ капиталъ. Съ другой стороны, мастерамъ трудно или лучше сказать не возможно было достойно и вѣрно оцѣнить искусство экзаменующагося по одной только вещи сдѣланной имъ, можетъ быть при помощи другихъ ремесленниковъ. Наконецъ, почти обязательные пирушки и подарки, которыми во всякомъ случаѣ сопровождался экзамень, надолго лишали подмастерье возможности основать собственную мастерскую. Государственная администрація того времени кажется не совнала всѣхъ этихъ злоупотребленій: она сама какъ бы покровительствовала имъ и облакала ихъ въ законную форму. Такъ напримѣръ почти во всей Германіи въ числѣ привилегій, данныхъ цехамъ существовалъ законъ, недозволявшій гражданамъ покупать чужихъ ремесленныхъ произведеній, кромѣ сдѣланныхъ въ ихъ мѣстѣ жительства. Цеховое управленіе приняло само на себя надзоръ за исполненіемъ этого закона: оно ставило отъ себя у городскихъ воротъ стражу съ приказаніемъ препятствовать ввозу заврещенныхъ предметовъ.

Законъ этотъ давалъ еще болѣе широкіе размѣры и безъ того уже сильно развитой монополіи, такъ что цѣна на товары почти исключительно зависѣла отъ произвола мастеровъ, устанавливавшихъ таксы на товары. Наконецъ, важнѣйшая гарантія злоупотребленій и монопольнаго характера цеховаго устройства былъ извѣстный „Zunftzwang.“ Подъ этимъ словомъ разумѣлось затрудненіе вписаться въ цехъ и выписаться изъ него: ремесленникъ желающій выписаться изъ цеха не могъ сдѣлать этого иначе, какъ отказавшись на вѣки отъ производства своего ремесла. „Zunftzwang“ возникъ въ Германіи почти одновременно съ самими цехами и всегда былъ однимъ изъ основныхъ пра-

вилъ цеховаго устройства; но въ началѣ своего существованія онъ имѣлъ не тотъ характеръ, какой получалъ въ послѣдствіи. Дѣло въ томъ, что въ XII и XIII столѣтіяхъ и даже позже наказанія за преступленія еще не были строго опредѣлены,—произволъ былъ господствующимъ началомъ въ администраціи, въ полной силѣ была круговая порука: каждое сословіе отвѣчало предъ закономъ за преступленіе своихъ членовъ. Такъ, однажды (около 1360-го года) магистратъ въ Липцѣ заключилъ на два года въ тюрьму нѣсколькихъ богатыхъ купцовъ изъ Нюрнберга за то, что какіе-то другіе купцы, родомъ изъ тѣхъ же мѣстъ, набрали въ Липцѣ товаровъ и бѣжали не уплативъ денегъ. Понятно, что имѣя въ виду возможность подобныхъ случаевъ, ремесленники весьма заботились о томъ, чтобы въ числѣ ихъ не было лицъ, за преступленія которыхъ имъ пришлось бы, можетъ-быть, потомъ отвѣчать.

Таково было положеніе цеховъ до конца XVIII-го столѣтія во всей западной Европѣ, исключая Англіи, которая, благодаря исключительному географическому положенію и отчасти другимъ причинамъ, слѣдовала нѣсколько инымъ путемъ развитія, нежели державы, лежація на материкѣ. Англичанинъ самъ-по-себѣ въ высшей степени способенъ къ промышленной дѣятельности. Географическое положеніе его отечества еще болѣе благоприятствуетъ этой способности. Ремесла и ремесленники играли и играютъ тамъ очень важную роль; послѣдніе весьма рано поняли выгоды ассоціацій.

Примѣчательно, что въ Англіи ремесленники не во всѣхъ городахъ пользуются правомъ образовывать цехи. Правомъ этимъ обладаютъ только самые древніе и богатые города (напр. Ливерпуль, Оксфордъ, Лондонъ * и т. п.). Первая корпорація ремесленниковъ образовалась тамъ при Генрихѣ I (въ 1100-мъ году): это былъ цехъ ткачей. Всѣмъ за тѣмъ и нѣкоторые другіе ремесленники получили дозволеніе составлять корпораціи; но дозволеніе это считалось особенною привилегіей, которой многія ремесла не пользовались никогда.

* Лондонъ раздѣляется въ этомъ отношеніи на двѣ части: въ старомъ городѣ (city) цехи существуютъ, въ новомъ же (new town) ихъ нѣтъ.

Цеховое законодательство въ Англіи было сходно въ общихъ чертахъ съ германскимъ и французскимъ. Мастера какъ и тамъ, имѣли въ рукахъ своихъ монополию ремесла. Никто, кромѣ ихъ, не имѣлъ права открыть мастерской и заниматься ремеслами подъ своею фирмой. Однако въ Англіи не было ремесленного экзамена, который замѣнялся обязательнымъ семилѣтнимъ срокомъ ученія. Отношенія ученика къ мастеру и наоборотъ были здѣсь гораздо лучше опредѣлены, чѣмъ въ другихъ странахъ на материкѣ. Они ясно и точно изложены были въ первый разъ Елизаветою, которая издала цѣлый статутъ касательно ремесленниковъ. „Никто, говорить статутъ этотъ, не имѣетъ права работать въ цеховомъ ремеслѣ, не бывши семи лѣтъ ученикомъ.“ За несоблюденіе этого закона назначенъ былъ штрафъ въ 40 ф. стерл. за каждый мѣсяць незаконной работы.

Власть мастера надъ ученикомъ была очень велика: ученикъ находился въ полномъ вѣдѣніи мастера, который имѣлъ надъ нимъ право умѣренного тѣлеснаго наказанія. Ученикъ не смѣлъ переходить отъ одного мастера, къ другому безъ дозволенія мирового судьи. Ремесломъ, какъ мы сказали, никто не могъ заниматься не пробывъ въ ученіи семи лѣтъ. Исключеніе дѣлалось для весьма немногихъ: отставныхъ военныхъ, для лицъ открывшихъ производство фальшивой монеты и нѣкоторыхъ другихъ. Впрочемъ, ремесленникамъ, не окончившимъ курсъ ученія, запрещено было только *торговать* своими произведеніями: для собственнаго же домашняго употребленія имѣлъ право работать всякій. Такой порядокъ дѣлъ продолжался въ Англіи до 1814-го года, до вступленія на престолъ Георга III, который отмѣнилъ старый и издалъ новый цеховой статутъ, мало, впрочемъ, отличающійся отъ прежняго. Онъ составляетъ основаніе и нынѣ дѣйствующаго ремесленного законодательства Англіи. Обязательный семилѣтній срокъ уничтоженъ, условія между мастеромъ и ученикомъ устанавливаются по взаимному соглашенію; контрактъ пишется на гербовой бумагѣ, за которую платитъ мастеръ. Право умѣренного наказанія осталось за послѣднимъ; но на дурное обращеніе и несоблюденіе контракта ученикъ можетъ апеллировать мировому судѣю, который одинъ только имѣетъ право объявить контрактъ не дѣй-

ствительнымъ. Окончивши срокъ ученья, ремесленникъ пользуется полною свободой ремесла.

Съ начала XIX-го столѣтїя и даже раньше, съ конца XVIII, цехи начали отживать свой вѣкъ не только въ Англіи, но и во всей остальной Европѣ. Дѣло началось съ Франціи. Въ 1774 году французскимъ министромъ финансовъ былъ назначенъ Тюрго. Время это было особенно трудно для Франціи: сѣжи были еще равны нанесены ей системою Людовика XIV-го и временемъ регенства; разногласіе высшаго сословія съ низшимъ усиливалось съ каждымъ днемъ, а авторитетъ правительства падалъ въ глазахъ народа, можно оказать, съ каждымъ часомъ.

Тюрго, какъ теоретикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, человекъ твердый и рѣшительный, захотѣлъ сразу искоренить монополію ремесла, обезпеченную за немногими лицами цеховымъ устройствомъ. Онъ прямо предложилъ уничтожить цехи и объявить полную свободу промысла. Это предложеніе конечно, встрѣтило много противниковъ, даровитѣйшій изъ которыхъ, Сегье, краснорѣчиво настаивалъ на временной необходимости цеховъ, говоря, что безъ нихъ всѣ ремесленники пойдутъ по міру, и общество останется безъ ремесленныхъ издѣлій. Тюрго съ своей стороны говорилъ: „Dieu en donnant à l'homme des besoins, en lui rendant nécessaire la ressource du travail, a fait du droit de travailler la propriété de tout homme, et cette propriété est la première, la plus sacrée et la plus imprescriptible de toutes.“ * Слова эти сдѣлались девизомъ его дѣятельности, онъ твердо настаивалъ на необходимости привести ихъ въ исполненіе и наконецъ достигъ своей цѣли: цехи были уничтожены, но не на долго. Противъ свободы промысла возстало огромное большинство и громко требовало у короля возстановленія цеховъ. Безхарактерный Людовикъ XVI уступилъ и возобновилъ ихъ въ прежнемъ видѣ. Но скоро революціи суждено было окончательно привести въ исполненіе мысль Тюрго: въ этомъ кровавомъ переворотѣ, вмѣстѣ съ прочими средневѣковыми учрежденіями, погибли и цехи. До послѣд-

* Богъ, даруя человѣку потребности, заставляя его прибѣгать къ труду для удовлетворенія этихъ потребностей, сдѣлалъ изъ труда собственность всякаго человѣка и собственность эта самая важная и неотъемлемая изъ всѣхъ.

няго времени оставался во Франціи только цехъ мясниковъ, недавно уничтоженный.

Что касается Германіи, то тамъ въ 1780 г. Саксонія первая стала заботиться объ улучшеніи золь, происходящихъ отъ цеховаго устройства и сдѣлавшихся тогда уже очевидными. Ея примѣру послѣдовала Пруссія въ 1810 г. Едиктомъ отъ 2-го ноября цехи были отданы тамъ подъ вѣдомство полиціи. Въ 1814 г. изданъ былъ законъ, который дозволяетъ ремесленникамъ составлять корпораціи, и хотя корпораціи эти далеко уже не похожи на прежніе цехи, однако въ устройствѣ своемъ сохранили нѣкоторые средневѣковые обычаи.

То же самое и почти въ то же время было сдѣлано и въ остальной Германіи. Всякій ремесленникъ вполне свободенъ записываться или не записываться въ эти новые цехи, даже самые цехи могутъ быть упразднены съ дозволенія магистрата или мѣстной полиціи. Ремесленный экзаменъ не уничтоженъ, но ремесленникъ, не выдержавшій его, все-таки имѣетъ право принимать заказы и работать на свой счетъ, хотя и лишень въ такомъ случаѣ права записаться въ цехъ. Дипломъ на мастера существуетъ, какъ рекомендація хорошаго работника—не болѣе. На экзаменъ присутствуютъ: два мастера и одинъ уполномоченный со стороны полиціи. Каждый годъ одинъ изъ экзаменующихъ мастеровъ замѣняется другимъ.

Но трудно сразу подавить установленіе, которое своимъ долголѣтнимъ существованіемъ успѣло пустить глубокіе корни въ народномъ хозяйствѣ и съ которымъ связанъ интересъ не малаго числа лицъ. Такъ было и съ цехами: не смотря на очевидную несостоятельность ихъ въ послѣднее время, не смотря на то что улучшение качества и дешевизна товаровъ ясно, фактически доказали ихъ ненужность—до послѣдняго времени все еще оставалось не мало приверженцевъ стараго порядка вещей. И это очень понятно: хотя отъ уничтоженія цеховъ и выиграло большинство общества, но сильно пострадали интересы многихъ отдѣльных личностей: именно интересы мастеровъ, лишившихся своего вѣрнаго, монопольнаго дохода. Мастера, конечно, искренно желали восстановленія цеховъ, и желаніе это выразилось, на примѣръ, въ прошеніяхъ о восстановленіи цеховаго устройства, поданныхъ во Франціи Наполеону I-му въ 1805 г. и

Лудовику XVIII-му въ 1816 г. Въ Германіи мастера составили даже заговоръ противъ ремесленниковъ, работавшихъ не записавшись въ цехъ. Заговоръ этотъ открытъ былъ въ 1841 году.

Нечего говорить о томъ, что какъ прошенія, такъ и заговоръ остались безъ всякихъ послѣдствій. Пора цеховъ прошла, возстановленіе ихъ было бы невозможно какъ потому, что цехи не были бы въ состояніи конкурировать съ появившимися всюду фабриками и заводами, такъ и потому, что они были бы не въ духъ нашего времени.

Изложивъ этотъ краткій очеркъ исторіи западно-европейскихъ цеховъ, обратимъ болѣе подробно вниманіе на происхожденіе нашего русскаго цеховаго устройства, получившаго мѣсто въ законодательствѣ собственно только со времени Петра I. Хотя въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи и были нѣкоторыя установленія, похожія на германскіе цехи, но они никогда не принимали закономъ утвержденной формы. Ремесленники наши часто, съ самыхъ древнихъ временъ, составляли между собой *компани*, артели и проч. Впрочемъ, извѣстія о состояніи ремесленнаго класса на Руси въ древности весьма скудны. Извѣстно напримѣръ, что главная масса городского населенія состояла при Ярославі I-мъ изъ людей торговыхъ и ремесленниковъ. Изъ *Русской Правды* видно, что посадныхъ считали за весьма важный классъ народонаселенія, такъ какъ за убійство ремесленника была назначена вѣра въ 12 гривенъ, равная вѣрѣ за убійство ратайнаго старосты. „Очень вѣроятно“, говоритъ г. Соловьевъ, * „что въ то время, какъ и въ послѣдствіи, люди, занимающіеся одною какою-нибудь отраслью промышленности, жили вмѣстѣ, на особыхъ мѣстахъ, имѣя своихъ старостъ или старѣйшихъ.“

Каждый городъ имѣлъ свои особыя торговыя площади торги, торговища, куда ремесленники выносили свои издѣлія. Торги эти производились по пятницамъ: „Въ пятницу загорѣди“ ** и проч. Издѣлія нѣкоторыхъ городовъ славились по всей Руси. Такъ, Ростовцы называли жителей Владиміра каменщиками; въ Новгородѣ упоминается *серебрянникъ въсеузъ*; въ Вышгородѣ славились огородники съ

* Т. III. стр. 36.

** Ibid.

ихъ старѣйшиною и проч. * Искусство прежде всего служило религіи: въ лѣтописяхъ, съ самыхъ древнихъ временъ (съ 1115 года), упоминается о постройкахъ церквей. Постройки эти производились *корпоративно*, покрайней мѣрѣ, начиная съ XIV в. ** Бояре наши имѣли, по всему вѣроятію, своихъ собственныхъ ремесленниковъ. Платье ихъ, состоявшее изъ сорочки, метки, корзины клобука, рукавицъ и проч., приготовлялось дома дворовыми людьми; они носили названіе слугъ *подъ дворскимъ*. Подъ гнетомъ крѣпостной зависимости такого рода ремесленникамъ, не могла конечно, и въ голову придти составлять какія бы то ни было корпорации, товарищества и проч. Съ другой стороны, люди свободные не могли охотно заниматься ремеслами, такъ какъ самый богатый классъ потребителей имѣлъ крѣпостныхъ мастеровъ, которыхъ трудъ цѣнился ни во что. Къ слугамъ *подъ дворскимъ*, кромѣ ремесленниковъ, принадлежали и другіе чернорабочіе. Они пользовались княжескими землями, и чтобы предупредить ихъ переходы отъ одного князя къ другому, князья заключали между собой взаимныя обязательства не принимать перебежчиковъ къ себѣ въ службу и землю ихъ не покупать. Самыми нужными, и главными ремеслами считались мастерства оружейное и металлическое. Кромѣ того, были сѣдельники, лучники, тутьники, кузнецы желѣза, мѣди, серебра. Въ Новгородѣ встрѣчаемъ щитника и серебряника. ***

Всѣ ремесленники обложены были оброкомъ, который они обязывались платить аккуратно; иначе лишались права производить ремесло.

Оброкъ платился большею частію натурой. Такъ, при Іоаннѣ III, лучники, кузнецы и сапожники обязаны были давать воеводѣ луки, топоры и сапоги на Пасху и Рождество. **** Первое вѣрное извѣстіе о корпорации, принявшей законную форму, между лучшими классами городского населенія, въ которой участвовали и ремесленники, относится къ 1600 году.

Въ *Памятникахъ, изданныхъ временною комиссіей для*

* Ibid.

** Лешковъ: *Русскій народъ и государство*.

*** Соловьевъ, Т. V, стр. 292.

**** Соловьевъ, Т. III, стр. 235.

разбора древнихъ актовъ (Кіевъ, 1859 г.) помѣщена грамота Михаила Копытенскаго, епископа перемышльскаго, въ утвержденіе „сельскаго братства“. Волѣвъ за нею даны были еще свидующія грамоты, подтверждающія предыдущую: „Грамота Антонія Виницкаго, епископа перемышльскаго и сомборскаго. Дана въ 1656 г.“ „Грамота Антонія Виницкаго, митрополита кіевскаго сольскому братству. Дана въ 1667 г.“ „Грамота Георгія Гомовскаго, епископа перемышльскаго и сомборскаго, подтверждающее старосельское братство. Дана въ 1670 г.“

Не ставемъ выписывать этихъ грамотъ, которыя воѣ имѣли скорѣе религіозный и политическій характеръ, нежели промышленный. Онѣ примѣчательны въ послѣднемъ отношеніи только словомъ „дехмистеръ“, часто встрѣчающимся въ нихъ; слово это ясно показываетъ, что мысль о корпоративномъ устройствѣ ремесленниковъ перешла къ намъ изъ Запада, изъ Германіи.

Съ 1618 г. встрѣчаемъ мы въ памятникахъ положительныя указанія на корпоративное устройство нѣкоторыхъ ремеслъ. Въ подтвержденіе приведемъ нѣсколько въ высшей степени интересныхъ словъ изъ рукописи Юрія Крижанича, касающихся ремесленниковъ. Рукопись эта относится къ немногу позднѣйшему времени, именно уже къ половинѣ XVII столѣтія. Она открыта и издана П. А. Безсоновымъ.

Изъ словъ Крижанича видно, что между нашими ремесленниками установился порядокъ, совершенно подобный германскому: тѣ же путешествія, та же необходимость въ аттестаціи ученика и проч. Не доставало только одного *Zunftzwang'a*.

„Старая словенска рѣчь, оказано въ рукописи, баше прѣмыселъ, прѣмысельникъ, кую перемѣнивше Ляхи говорятъ ремесло, ремесленникъ и оттоле на Русь приде ся рѣчь: ремество, реместникъ.

1) Всяко ремество имѣеть свою дружину и своего назорника. Тѣ имають свободу судить между собою распри къ реместву пристаяціа.

2) Всякій ученикъ есть повиненъ ремество свое докончату *единого* учителя, и служить ему даромъ, два три паче вѣще годовъ, какъ есть время отлучено во всякомъ реместву.

3) Ученикъ исполнивши ученіе треба есть да возметъ

свѣдочество отъ дружины въ письму: яко есть кѣрно служить, время исполнилъ и ремества ся научилъ. Тогда ся назоветъ *товарушъ* и *повиненъ* есть *путовать* по городѣхъ, да увидитъ, да изкуситъ знанія множихъ другихъ мастеровъ.

4) Товарушъ, пришедши въ кій градъ, повиненъ есть явить-ся назорнику своего ремества. Назорникъ ему укажетъ станъ и обвѣститъ братомъ, аще бы кому потребенъ былъ дѣлавецъ: и приметъ го онъ кому будетъ потребенъ. Аще ли никому не будетъ потребенъ, не надоть ему въ городѣ ономъ жить: но вскорѣ го отправятъ.

5) Когда товарушъ *хочетъ* *постать* *майстеромъ*, и держать свою лавку, либо дворъ и не иному майстеру помогать, но самъ на свою руку дѣлать ремество,—тогда мораетъ (долженъ) показать свѣдочество своего ученія и повѣдать о своемъ путованію, и мораетъ *сдѣлать кое нарочито изяцно дѣло* въ своемъ реместву, кое зовутъ майстерское оказаніе: и *майстеры* судятъ оно дѣло и увольятъ е.⁴

Далѣе рукопись говорить о пирושкахъ, которыя ученикъ (товарушъ) задавалъ мастерамъ, по окончаніи испытанія. Во всемъ здѣсь видимъ мы безусловное подражаніе Германіи. Впрочемъ вѣроятно, что нѣмецкіе мастера, которые, какъ извѣстно, часто вызывались въ Россію, особенно при Іоаннѣ III, ввели у насъ всѣ эти обыкновенія.

Вотъ что говорится далѣе въ рукописи о крѣпостныхъ ремесленникахъ:

„Аще кій рабъ, чій ли будь имаеть два или множе сыновъ, да му будетъ свободно, объявивши ся въ приказу, единого измежу нихъ обратитъ и дать на ученіе коего мудраго ремества; то-есть не шапокъ, платья либо сапковъ дѣлать; но дѣлать замковъ, суковъ, косъ, стекла, бумаги и иныхъ таковыхъ трудныхъ и умѣтельныхъ вещей. И аще ся совершенно и преизяцно научитъ такого мудраго ремества, да стяжитъ свободу отъ работы, или отъ хланства; аще ли ся не научитъ изяцно, будетъ повиненъ или остать въ работѣ или откуповаться отъ господара.“

Вообще ремесленная издѣлія подобныхъ, „мудрыхъ ремествъ“ цѣнились довольно дорого въ XVII столѣтіи. „Шесть блюдъ и мисъ большихъ оловянныхъ: да двѣ тарелки, да двѣ соловницы, да три оловяника, цѣна имъ пять рублевъ съ четвертью,

да двѣ скатерти шитыя: двѣа имъ десять рублей съ половиной и т. д. *

Впрочемъ правила, изложенныя Крижаничемъ, касательно ремесленниковъ, не были, какъ кажется, обвѣчены, въ законную форму. Не только ремесла, но даже винокурение и пивоварение были свободны; самые крестьяне не были изъяты изъ этого правила. Замѣчательно, прибавимъ кстати, что люди, занимающіеся винокурениемъ, часто не имѣли никакихъ, необходимыхъ для этого ремесла сосудовъ.... „Да на Устюжѣ жъ на посадѣ и въ Устюженскомъ уѣздѣ дворяне и дѣти боярскія и ихъ люди и крестьяне и всякіе люди вина курятъ и пиво варятъ и привозятъ на Устюжѣ, а суды, кубы виальные и котлы пивные емлютъ изъ найму у посадскихъ и у всякихъ людей....“ ** Известно, что въ Германіи ремесленная монополія была за городскими обывателями, крестьяне же лишены были права заниматься ремеслами и продавать свои издѣлія въ городѣ. На Руси, по видимому, не существовало такого правила для крестьянъ; имъ, однако, запрещено было *основываться*, открывать лавки въ городахъ, но они должны были приходить изъ вотчинъ и помѣстій въ загородные дома своихъ владѣльцевъ для ремесленного дѣла на вотчинниковъ и воишъчиковъ ***.

Въ XVII же вѣкѣ встрѣчаемъ мы положительное указаніе въ актахъ на обычай нашихъ крестьянъ ходить на заработки, хотя, конечно, можно предполагать о существованіи этого обыкновенія и ранѣе.

„Въ прошломъ де 130 году приходило ихъ (поселянъ) въ Москвѣ пашенныхъ людей изъ Карѣльскаго уѣзда, для промыслу плотничью дѣла, изъ Илошенскаго погосту 10 человекъ, да изъ Пявоозерскаго 10 же человекъ и изъ иныхъ де погостовъ приходило близко 200 человекъ, а ходятъ они изъ Карѣльскаго уѣзда для промысловъ, всякіе люди къ Москвѣ, и въ великій Новгородъ, и на Вологду и на Бѣлоозеро, и въ иные наши города; и въ Карѣли вѣмецкомъ, городержавцамъ не являясь и бывъ въ Москвѣ и въ городахъ ходятъ опять въ Карѣлу, не являясь жъ“ ****.

* А. А. Э. Т. III. № 15.

** Ibid. № 146.

*** А. А. Э. № 36 стр. 34.

**** Ibid. № 127.

Изъ первыхъ словъ этого извѣстія видно, что ремесленники-поселенцы, ходили на заработки не по одному, а такъ-называемыми артелями; изъ послѣднихъ же можно заключить, что въ Московскомъ государствѣ господствовала полная свобода промысла: „горододержавцамъ не являясь и бывъ въ Москвѣ и городахъ, ходять опять въ Карѣлу, нѣ являясь-жъ“. Впрочемъ, это хожденіе артелями подадо правительству мысль *вызывать* ремесленниковъ на казенныя работы, также артелями: „..... А каменьщики и кирпичники по нашему (царскому) указу ежемѣсячно сходить къ Москвѣ, къ нашему каменному и кирпичному дѣлу и пещей де на подыхъ мѣстѣхъ класть не кому....“

Въ 1653 г. изъ всѣхъ вотчинъ требовались *сѣть кузнецы* въ Москву для кузнечныхъ скорыхъ дѣлъ, кромѣ тѣхъ, которые уже прежде взяты были въ Москву къ стольному дѣлу и которые въ городахъ у царскихъ дѣлъ *. Въ 1655 г., указомъ отъ 23 апрѣля, требовались немедленно въ Москву: „Новгородскіе кузнецы и станочные мастера и плотники, Тихвинцы заворщикъ и замочникъ и сверхъ того и иныя мастера, чей кто-нибудь, всѣ безъ выбору“ **. Въ 1658 г. (царскою грамотой отъ 31 марта) опять требовались изъ всѣхъ городовъ, съ посадовъ и изъ уѣздовъ, изъ селъ и деревень портные мастера и скорняки ***. Эти вызывы, столь вредные для мѣстной ремесленной дѣятельности, продолжались до Петра I, который прекратилъ ихъ указомъ. Впрочемъ онъ самъ воспользовался этимъ правомъ въ послѣдній разъ при постройкѣ Петербурга.

Вообще говоря, ремесленная дѣятельность была довольно разнообразна на Руси въ XVII вѣкѣ. Между прочимъ *соль* была однимъ изъ главныхъ промысловъ. Эта важная отрасль хозяйственной дѣятельности составляла для государства хорошую статью дохода. Такъ, изъ *Акты Арх. Экс. III. № 241*, мы знаемъ, что: „А кто привезетъ въ Гороховець ивородецъ изъ всѣхъ городовъ и изъ волостей *соль* на продажу и учнетъ ту соль продавать и таможенникамъ у нихъ имати, съ рубля по 4 деньги, да мыту съ рубля по деньги жъ, да свальнаго съ 10 пудъ деньги, да подъемаго съ конца по полуторѣ деньги, да привозу съ мѣла или съ раго-

* А. А. Э. IV. № 62.

** Ibid. № 85.

*** Ibid. № 102.

зины соли по деньгѣ, да рукозюбнаго со стану по двѣ деньги, да лѣка съ человекѣ и лошади по 2 деньга“. Такимъ образомъ, если у насъ и не было настоящаго цеховаго стѣсненія труда, то внутреннія казенныя пошайны во всякомъ случаѣ были чрезъ мѣру отяготительны.

Правительство смотрѣло на государство, какъ на свсю вотчину, какъ на помѣстье и силалось извечь изъ него возможно большій доходъ, мало обращая вниманія на тягостное, вслѣдствіе этого, положеніе народа. Несмотря на то, сельская ремесленная дѣятельность была весьма разнообразна. „Уѣздные люди на Гороховцѣ торговали, привозили продавать дрова, срубы хорошыя и погребныя, бревна, дубы, бочки, кадц, тесь, доски, желобы, рѣшота, лопаты, мочала, лыки лапти, веревки, суды бѣлые, блюда, ставцы, ложки, чашки, солонки, лучину“*. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне привозили на продажу многіе предметы и въ обдѣланномъ видѣ.

Въ XVII в. на Руси уже были извѣстны привилегіи и монополіи. Такъ напримѣръ въ 1682 г. 14 января дана была: „царская жалованная грамота человекѣ, Петру Рязанцеву, много льготъ и уваженія на торговаю сукномъ“. Это кажется первая привилегія до Петра I, установившаго впервые откупа и т. под.

Что касается до нравственности ремесленниковъ въ XVII в., то, если судить по краткому извѣстію, встрѣчающемуся *Доп. къ актамъ истор.* III № 70, она была, далеко не безупречна. „Тѣ Бѣлоозерскіе каменьщики и кирпичники пропиваются на кабакахъ, и пропившись прошають на посадскихъ людей, на пропитокъ денегъ, а кто будетъ денегъ имъ не дастъ...“ и т. д.

Конечно, это касается только до каменьщиковъ и кирпичниковъ, но не думаю, чтобъ и остальные ремесленники могли дохвалиться слишкомъ строгими правилами нравственности. Если была какая-нибудь польза отъ германскихъ цеховъ, то она заключалась въ строгомъ надзорѣ за ремесленниками, который предохранялъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ; наши же надзорники и старшины весьма мало заботились о поведеніи подчиненныхъ имъ ремесленниковъ. Главною цѣлію ихъ было собрать установленную съ ма-

* А. А. Э. III. № 278.

стеровыхъ подать безъ недоимки. При такихъ обстоятельствахъ ремесленники почти безбоязненно могли предаваться пьянству и кутежамъ, къ которымъ, какъ извѣстно мастеровой народъ весьма склоненъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ эпохѣ Петра скажемъ нѣсколько словъ о ремеслахъ въ Малороссіи.

Въ до-петровскій періодъ южная Россія подвергалась самой тяжелой участи. Россія и Польша постоянно оспаривали ее другъ у друга; съ другой стороны, крымскіе Татары грозили ей набѣгами, даже Турція претендовала на право имѣть голосъ въ ея дѣлахъ. Такимъ образомъ, Украина часто дѣлалась театромъ войнъ, тѣмъ болѣе опустошительныхъ, что въ то время и побѣдитель и побѣжденный считали своимъ долгомъ грабить и разорять попадавшіяся на пути селенія.

Казалось бы о процвѣтаніи ремеселъ не могло быть и рѣчи при такихъ обстоятельствахъ; однако не къ такому заключенію приходимъ мы, ближе знакомясь съ этимъ вопросомъ. Читайте, напримѣръ, стихотворенія Украина Климентія, жившаго во время гетманства Мазепы и вы увидите изъ нихъ, какое разнообразіе ремеселъ существовало въ то время на Украинѣ. Казаки любили блеснуть своею одеждою, своимъ оружіемъ, упряжью, и въ этомъ обстоятельствѣ заключалась главная причина многочисленности ремеселъ въ Малороссіи во времена гетманства. На ремесленниковъ почти каждаго ремесла Климентій сложилъ особенное стихотвореніе. Достаточно исчислить ихъ заглавія, чтобы дать понятіе о замѣчательномъ разнообразіи ремеселъ на Украинѣ.

„Окухмістрохъ, або тежъ о кухарехъ, изоготують намъ їсти мудро, або хотъ часомъ и не мудро. О докторяхъ и царульникамъ. О гафоряхъ. О золоторяхъ. О довгишахъ, що въ бубни бьють, и требочахъ, що въ труби трубять и въ сурми бурмьсять. О музикахъ, мемовите о димбалистахъ и о скрипникахъ. О сідларяхъ або тежъ о кульбачникахъ, що кульбачи робять. О сагайдачникахъ, що сагайдаки (або тежъ по простій мовачи) луки робять козацкіе. О стрільникахъ, що стиги козацкіе робять и о казакахъ похваляное. О солитранникахъ. О порховникахъ. О роговникахъ, що роги козакамъ робять носити при боку для держанія пороховаго. О иконописцахъ, сирѣчь о бого-

мазакъ, и о честномъ рукодѣиѣ оныхъ и о богомазакъ. О друкарахъ, що книги друкують. О шитроизваторахъ. О папирняхъ, що папирни у папирняхъ роблять. О виноградъ и о виноградныхъ. О винникахъ и о винокурахъ або тежъ о горильчаникахъ, що горѣлки роблять. О муровщикахъ, що церкви мурують или положе муравати, або тежъ фортеци, замки и проч., а помосковеки о каменщикахъ. О пивоваряхъ. О солодовникахъ. О котляряхъ. О гонтаряхъ, що кчанки роблять. О цегельникахъ. О вапняникахъ, що вапня палать съ кренди, а часомъ изъ калидня. О садовничыхъ, что сади садять, и сцелять для развода дрѣвъ. О говчаряхъ слово вѣршовое похвальное. О ткачахъ и о жонахъ ихъ и о ивыхъ жонахъ ткати имъ дающихъ. О бердникахъ. О кравцахъ. О шевцахъ и о честномъ ихъ ремеслѣ. О кожевникахъ, що шкуры вичинають. О бомбаряхъ. О теллахъ, або тежъ о паотникахъ по московски и о деамидлахъ по литовски. О званникахъ и комиссарахъ. О коваляхъ. О смизаряхъ, и о саюцерахъ. О самихъ господаряхъ властвующихъ манами. О каменосичцахъ. О рибалкахъ и о рещикахъ. О гутаикахъ и о скайрахъ, о ситникахъ и о рѣшетникахъ. О копающихъ колодези и т. д. О оидникахъ. О воскобойникахъ. О калачникахъ. О токаряхъ. О паотухахъ, скоти и бидли (и свиня) пасущихъ, паче же овчаряхъ. О кушнерахъ. О гребенникахъ, що гребенци въ роговъ (скотенихъ або тежъ бидлячихъ) роблять до чесанья головъ. О соляникахъ, торяникахъ, бурлакахъ, що соли господарскіе варять. О будникахъ, що поташъ роблять. О старцахъ. О лимачихъ (веровочники). О рудникахъ, що желѣза роблять въ рудняхъ. О римаряхъ. О косеряхъ. О гребцахъ, жницѣхъ. О колесникахъ. О стадникахъ конскихъ. О дочтаряхъ, смолярахъ. О неводничихъ, що вѣжутъ неводи и сѣти и иные посудки до ловленья рыбъ. О роблящихъ судна водня великія и малыя т. е. морскія и рѣчныя. О портесахъ и учащихся ихъ. О костіряхъ.“

Эти 66 заглавій свидѣтельствуютъ, какъ велико было разнообразіе ремеселъ въ то время на Украинѣ, предполагая даже, что Климентій не пропустилъ ни одного ремесла, не написавъ на него стихотворенія. Время гетманства, если судить по словамъ Климентія, не было, однако, золотымъ временемъ для малорусской промышленности, не смотря на обиліе разныхъ ремеселъ. Въ его стихотвореніяхъ, мы

часто встрѣчаемъ жалобы, нападкы, хотя не смѣлая, не прямая, на злоупотребленія начальниковъ. Напр.

„Рече проповість: Воакъ, що споткне, то зъяде;
Такъ и чоловікъ драпіжній никому не даде.
Тілко радъ кую либо першому лупіти,
Жебы могъ, якожъ козьвекъ, шкатулу набіти.
Кому жъ, речемъ подобевъ драпіжъ, токмо воаку?

Нѣкоторыя изъ ремеслъ пользуются особеннымъ расположеніемъ стихотворца; къ другимъ, напротивъ, оны питаютъ странную антипатію. Расположеніе это проявляется въ заглавіяхъ, напримѣръ: *О иконописцахъ, сирѣчь малярахъ и о честномъ рукодѣліи о нихъ.... О гончаряхъ слово віршовое, похвальное; О шевцахъ оны, напротивъ, говоритъ:*

И не дай Боже на свѣтъ жоккамъ горшей мѣки
Якъ поміста акому часемъ шевцу у рѣки:
Бо шиломъ укѣлетъ и дрѣтвомъ заклетъ.

Антипатія его проявляется также противъ, *дударей що въ дуди играють*; также противъ монаховъ въ пѣснѣ *о старцахъ*.

Будетъ ший здоровимъ, да не хочеть робить,
Потреба-бъ такога симъ разъ на день кіемъ битъ.

И добре мовять: „Въ старціи пугою не згнати,
А зъ старцовъ—хочъ калячемъ сталъ би пудманяти а и т. д.

Если рукопись Крижаняча и нѣкоторые другіе памятники доказываютъ намъ, что въ Россіи еще съ XIV в. существовали свободныя ассоціаціи ремесленниковъ, то все-таки установленія эти не были формальнымъ государственнымъ учрежденіемъ, какимъ были цехи на западѣ Европы. Нигдѣ не упомянуто о томъ, что ремесленникъ не свободенъ переменить ремесла, переѣхать въ другой городъ; участіе ремесленника въ ассоціаціи обуславливалось единственно его доброю волей, его матеріальными выгодами. Конечно, отдѣльному ремесленнику, трудно было конкурировать съ корпораціей; но никто не мѣшалъ ему перемѣнить одно мѣсто жительства на другое, гдѣ бы ремесленная промышленность была совершенно свободна. Цехи никогда не были потребностью русскаго народа; они были при-

виты къ нему, какъ прививается растеніе къ чуждой ему почвѣ.

Цехи почти цѣлкомъ перенесены были въ Россію изъ Германіи Петромъ I. Инструкціей главному магистрату (1721 г. 16 января) * Петръ сдѣлалъ первую попытку придать ремесленному устройству въ Россіи законную форму. Эта инструкция предписываетъ главному магистрату переписать всѣхъ жителей городовъ, означить кто какимъ промысломъ живетъ, и раздѣлить всѣхъ городскихъ обывателей на двѣ гильдіи. Къ первой изъ этихъ гильдій причислялись бакиры, богатые купцы, доктора, аптекаря и пр.; ко второй же весь низшій классъ городского населенія, между прочимъ и ремесленники. Послѣднихъ же приказано раздѣлить по различнымъ художествамъ на *цунфты*, надъ которыми поставить альдермановъ или старшій. Такимъ образомъ первоначально альдерманы или теперешніе цеховые старшины, не были избираемы самими ремесленниками, а назначаемы отъ правительства. Этимъ альдерманамъ вѣдено было въ обязанность слѣдить за нравственностію ремесленниковъ, собирать съ нихъ подати и пр. Такимъ образомъ ремесленники, подчиняясь общему городскому управленію, состояли сверхъ того еще подъ вѣдѣніемъ альдермановъ и ремесленныхъ собраній.

Кромѣ того, главному магистрату предписывалось учредить во всѣхъ городахъ подвѣдомственные ему магистраты, которые бы слѣдили за точнымъ исполненіемъ данныхъ инструкцій. Всѣ ремесленники раздѣлены были на хозяевъ (мастеровъ), подмастерьевъ и учениковъ. Указаны были названія цеховъ. Но эта первая инструкция вообще даетъ только вѣточное и сбивчивое понятіе о тѣхъ цехахъ, какіе Петръ I хотѣлъ учредить въ Россіи.

27 августа слѣдующаго 1722 г. былъ данъ дополнительный указъ **. Этотъ указъ дѣлалъ цехи доступными людямъ всѣхъ чиновъ, какъ чисто Русскимъ, такъ и иностранцамъ; даже крѣпостные крестьяне могли поступить въ цехъ, представляя отпускныя письма отъ своихъ господъ. Былъ опредѣленъ семилѣтній срокъ обученія мальчиковъ ремеслу.

* Полн. Собр. Зак. № 3708.

** Полн. Собр. Закон. № 3986.

Положено было удостоивать званія мастера не иначе, какъ послѣ испытанія, которое должно производиться, „какъ въ чужихъ краяхъ“.

Наконецъ, мастерамъ указано было избирать альдермановъ, или старшинъ изъ своей среды. Альдерманъ обязанъ былъ налагать *клеймо* на всякое ремесленное издѣліе, въ доказательство его добраго качества. Ему же предоставлялось право уничтожить негодное издѣліе; за несправедливое клеймленіе назначено было несоразмѣрно строгое наказаніе (въ первый разъ большой штрафъ, во второй—тѣлесное наказаніе и ссылка на галеры). Кромѣ того, всякій мастеръ обязанъ былъ налагать собственное клеймо на каждое свое издѣліе.

Само собою понятно, къ какимъ огромнымъ злоупотребленіямъ давалъ поводъ этотъ несправедливый законъ клеймленія. Альдерманъ, по неудовольствію на мастера, могъ безнаказанно уничтожить его работу, объявляя ее негодною; съ другой стороны мастеръ, боясь несправедливости альдермана, рѣшался продавать свое издѣліе безъ клейма послѣдняго и рисковалъ подвергнуться строгимъ наказаніямъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода указа отъ 27 апрѣля 1722 г., 16 мая было издано еще *дополненіе*, позволявшее заниматься ремесломъ и незаписаннымъ въ цехъ, но не для *продажи*.

Постараемся теперь рассмотреть, какую цѣлю руководствовался Петръ, издавая эти инструкціи и указы касательно ремесленного класса.

Люди мастерские при Алексѣѣ Михайловичѣ не стѣсненные никакимъ особеннымъ законодательствомъ, занимались чѣмъ и какъ хотѣли и безпрепятственно могли переѣзжать съ мѣста на мѣсто. Правительству, такимъ образомъ было весьма трудно собирать съ нихъ налоги, слѣдить за ихъ нравственностью и качествомъ издѣлій. Петръ, уставовая цехи имѣлъ въ виду финансовыя и полицейскія удобства, и кромѣ того, думалъ помощію закона о клеймленіи и ремесленного экзамена гарантировать потребителей отъ дурнаго качества товаровъ. Эта послѣдняя цѣль конечно не была достигнута; но въ началѣ XVIII ст. идеи о свободѣ труда и конкуренціи не были еще извѣстны, и пра-

вительство думало принести существенную пользу, вышн-
вался въ частныя дѣла своихъ подданныхъ.

Въ сенатскомъ указѣ 1760 г. изложено довольно под-
робно состояніе ремеселъ въ кнѣжскихъ городахъ. Вотъ
этотъ указъ: „Правительствующій сенатъ, по экстрак-
ту изъ протокола учрежденной при дворѣ его импе-
раторскаго величества конференціи, отъ 20 го ноября
1760 г., въ которомъ написано: теперь настало бы самое
удобное время по причинѣ распространившихся почти во
всей Европѣ военныхъ замѣшательствъ, получить въ здѣш-
нюю имперію хорошихъ всякаго званія ремесленниковъ, но,
къ особливому сожалѣнію, всякое о томъ прилагаемое стара-
ніе было бы тщетно и великія издержанія употреблялись
бы напрасно, коль долго ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и
состояніе привести не будетъ, но все въ мыѣшней ихъ рас-
стройкѣ останется; великое, напримѣръ, есть число портныхъ
для вредной государству роскоши, но искусство показало,
что едва только нужда потребовала въ скорости построить
на армию мундиры, то въ дѣлѣ Москвѣ нашлось запис-
ныхъ мастеровъ такъ мало, что о томъ упоминать не мож-
но....“ и т. д. Затѣмъ сабдуютъ жалобы на худое состояніе
и другихъ ремеселъ Указъ заключается предложеніемъ, пра-
вительствующему сенату, между другими его попеченіа-
ми, обратить вниманіе на особливо скорое и прочное воз-
становленіе цеховъ.

Такимъ образомъ, вину жалкаго положенія ремеселъ пра-
вительство видѣло, главнымъ образомъ, въ несоблюденіи
цеховыхъ законовъ, недостаткѣ записныхъ мастеровъ
и пр. Конференція думала, что, для поправленія этихъ
золъ, стоитъ только возстановить цеховое законодатель-
ство въ полнѣй его силѣ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, не
въ несоблюденіи цеховыхъ законовъ, а напротивъ въ са-
момъ учрежденіи цеховъ должно было искать причину бѣ-
ственного положенія ремеселъ. Во всякому извѣстно, какъ во-
обще преобразования Петра не охотно принимались на-
шими предками; безъ сомнѣнія и цехи также произвели
самое неприятое впечатлѣніе на мастеровой народъ.
Русскіе ремесленники, привыкнувъ къ полной свободѣ
ремесла и мѣста жительства, вдругъ обязаны были запи-
сываться въ совершенно незнакомые имъ цехи, содержать

цеховое управленіе, подчиниться альдерману и пр. Нечего говорить, что они дѣлали это весьма неохотно и, въ послѣдствіи, всѣми силами старались избѣжать ненавистныхъ цеховъ.

Этимъ обстоятельствомъ, думаемъ мы, объясняется тотъ недостатокъ портныхъ и кузнецовъ, о которомъ упоминается въ сенатскомъ указѣ 1760 года и недостатокъ малярныхъ мастеровъ, о которомъ говорится въ указѣ 1761 году.

Вскорѣ послѣ смерти Петра I, данъ былъ еще указъ, дополнявшій цеховое законодательство дозволеніемъ записываться въ цехъ всякому иностранцу. * За тѣмъ цеховое законодательство молчало до 1744 г., въ которомъ снова упоминается о цехахъ, по слѣдующему случаю. Татаринъ, Ато Смоцловъ, просилъ позволенія записаться въ С.-Петербургскій сапожный цехъ. Ему отказано по тому случаю, что онъ не крещенъ, креститься же Смоцловъ не желалъ. Вслѣдствіе чего подтверждено, указомъ, отъ 3 августа 1744 г., принимать въ русскіе цехи только людей греческаго вѣроисповѣданія ** Въ слѣдующемъ году 28 февраля, данъ былъ еще указъ, касающійся цеховъ. Указъ этотъ состоялъ въ томъ, что дозволялось священно и церковно-служителямъ вписываться въ цехъ; но со внесеніемъ ихъ въ подушный окладъ. *** Эти указы были единственными узаконеніями касательно цеховъ отъ Петра I до Екатерины II.

Ремесленное законодательство Екатерины отличается большою полнотою и послѣдовательностію. Она издала *Ремесленное Положеніе*, въ которомъ довольно систематично изложены права ремесленниковъ, ихъ отношенія къ управѣ и старшинѣ. Всякій желающій производить ремесло, обязанъ былъ объявить о томъ управѣ и представить работу. Управа съ своей стороны должна была созвать записныхъ мастеровъ, которые бы освидѣтельствовали представленную работу и дали бы желающему поступить въ цехъ „урокъ“. Если познанія испытываемаго окажутся достоточными, то ему давалось „управное дозволеніе“ производить ремесло. Безъ этого дозволенія, никто не могъ въ городѣ заниматься ремесленнымъ дѣломъ; впрочемъ, управѣ вмѣнялось въ обязанность не

* Полн. Собр. Зак. № 4395.

** Ibid. № 9019.

*** Ibid. № 9113.

препятствовать никакому, смекивать себя ремесломъ дневное пропитаніе. * Помѣщичьимъ крестьянамъ дозволялось работать на своихъ помѣщиковъ, принимать же заказы отъ постороннихъ лицъ, имъ было запрещено, безъ управнаго дозволенія, которое они могли получить по вышеизложеннымъ правиламъ.

Если кто изъ цеховыхъ займется къ кому-либо въ службу, но не перестанетъ платить ремесленныхъ повинностей, то онъ не исключается изъ управы. Ивородцу и чужестранцу дозволялось поступить въ цехъ; но онъ обязывался представить свидѣтельство отъ управы того города, гдѣ онъ уже прежде работалъ.

Ремесленнику, наконецъ, предоставлялось больше свободы въ выборѣ мѣста жительства: „Управа не можетъ чинить препятствія, переселенію ремесленника въ другой городъ.“

1791 г. февраля 6 былъ указъ,** по которому управа должна была принимать ремесленниковъ въ цехъ не только навѣчно, но и временно, на какое кто время пожелаетъ, и ни въ какомъ случаѣ не препятствовать ремесленнику перемѣнять ремесло.

„Нигдѣ, говоритъ указъ, въ городскомъ положеніи, ни единымъ словомъ не упомянуто о запускѣ въ цехъ на вѣчно, между тѣмъ, какъ то и дѣла ремесленники помѣщичьи и казенные, первые по требованію помѣщиковъ, вторые по приказанію начальства, принуждены бывають цехъ оставить и въ другой городъ переѣхать.“ Указъ предписываетъ даже управѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы этимъ временно - цеховымъ ремесленникамъ не чинилось никакихъ притѣсеній.

Петръ I, знакомясь на практикѣ съ иностраннымъ государственнымъ устройствомъ, не могъ не видѣть, какое важное мѣсто занимали ремесленники въ организмѣ западно-европейскихъ державъ. У насъ же въ до-Петровскій періодъ они не пользовались вообще говоря особеннымъ уваженіемъ, и Петръ, введеніемъ цеховъ, имѣлъ, вѣроятно, въ виду обезпечить за русскими ремесленниками то же положеніе

* Слѣдствіемъ этого правила было, конечно, то, что ремесленникъ могъ, подъ видомъ дневнаго пропитанія, производить ремесло въ весьма большихъ размѣрахъ и лишаясь только права имѣть выѣзку.

** Полн. Собр. Зак. № 17.488.

какое занимали они за границею. Казалось правъ его былъ разчитанъ вѣрно: цехи, даруя ремесленникамъ самоуправленіе, хотя въ ограниченнѣхъ размѣрахъ, представляли имъ повидимому больше самостоятельности и ставили ихъ на ряду съ мелочными торговцами, съ мѣщанами; но на дѣлѣ вышло иначе. Въмѣсто самоуправленія, ремесленники наши подпали, благодаря аальдерманамъ, подъ двойной контроль, а невѣдомыя для нихъ дотола кляйма на издѣлія и другія стѣсненія свободы промысла низвели ихъ чуть ли не въ худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ были они прежде. Мѣры, принятыя въ отношеніи ремесленнаго сословія Екатериною II, были гораздо дѣйствительнѣе. *Городовое Положеніе* ея присвоило ремесленникамъ наравнѣ съ мѣщанами слѣдующія права: 1) ремесленникъ (также и мѣщанинъ) безъ суда не могъ быть лишень жизни, добраго имени или имѣнія; 2) онъ судился ремесленною управой (мѣщанинъ мѣщанскимъ судомъ); 3) онъ лишался добраго имени только въ томъ случаѣ, если: а) нарушалъ вѣроподданническую присягу, б) учинилъ измѣну, разбой, воровство какого бы то ни было рода, живые поступки и преступления, за которыя слѣдовало по закону тѣлесное наказаніе или в) если наущалъ и подговаривалъ другихъ совершать такіе же преступления; 4) мѣщанинъ, какъ и ремесленникъ, свое благопріобрѣтенное имѣніе могъ дарить, завѣщать, отдавать въ приданое, передавать, продавать и т. д. Словомъ, мѣщане и ремесленники совершенно сравнены между собой какъ въ правахъ, такъ и въ податяхъ и повинностяхъ. Сверхъ того, послѣдніе пользовались еще правомъ составлять въ городѣ отдѣльное общество и имѣть свое непосредственное управленіе.

Какъ Петръ I такъ и Екатерина II не полагали различія между промышленностію мануфактурною и ремесленною. Въ цеховомъ уставѣ изданномъ въ 1799 г. при императорѣ Павлѣ, обращено вниманіе на это различіе. Вотъ какіе виды ремеселъ перечисляются въ этомъ уставѣ: „Промыслъ ремесленныхъ цеховъ состоитъ: 1) ручной работой разныхъ вещей, получая за труды плату, обрѣтать тѣмъ себѣ содержаніе; 2) въ мастерской, для дѣла вещей своего мастерства, имѣть наемныхъ подмастерьевъ и отъ работы ихъ получать себѣ выгоду; 3) для работы своего мастерства служить на фабрикахъ и заводахъ; 4) учить своему мастерству учени-

ковъ за плату или какую-либо выгоду; 5) отдавать въ наемъ свою устроенную мастерскую или инструменты; 6) подражаться изъ чьихъ либо матеріаловъ работать вещи своего мастерства и за работу получать плату.“

Датѣ цеховой уставъ опредѣляетъ различіе между мастерской и фабрикою.

„1) Фабрика имѣетъ право дѣлать изъ своихъ матеріаловъ вещи, въ которыхъ матеріалъ стоитъ многократно дороже нежели работа, чего ремесленнику недозволяется; 2) фабрика имѣетъ право всюду возить вещи своего дѣла и торговать оными, а ремесленникъ только въ томъ городѣ, гдѣ работаетъ; 3) фабрика выпишиваетъ нужные ей матеріалы, а ремесленникамъ, кромѣ нѣкоторыхъ цеховъ, сего не дозволяется; 4) фабрика можетъ мѣнять своего дѣла вещи на всѣ матеріалы для разныхъ мастерствъ ея нужные, а ремесленники только для своего ремесла и въ маломъ количествѣ; 5) фабрика имѣетъ огромныя заведенія и машины; ремесленники же, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ, ничего другаго не имѣютъ.“ Это строгое разграниченіе ремесленной промышленности отъ мануфактурной осталось въ нашемъ законодательствѣ и до сихъ поръ, какъ видно изъ XI т. Св. Законовъ. Въ большей же части западно-европейскихъ государствъ такого разграниченія уже давно не существуетъ.

Цехи по уставу 1799 г. раздѣлены были на слѣдующіе три разряда: а) цехи служебные, къ которымъ причислена была вся многочисленная прислуга (лакеи, кучера, прачки и т. п.) русскихъ богатыхъ барскихъ домовъ; б) цехи рабочіе, „кои производить за условленную цѣну такія работы, для отправленія которыхъ особыхъ мастерскихъ учреждать нѣтъ надобности, или кои промыселъ свой на открытомъ воздухѣ отправляютъ, то-есть штукатуры, плотники, печники, носильщики, черные работники, камельщики и т. п.; в) присяжный, браковой цехи и цехъ прикащиковъ и лавочныхъ сидѣльцевъ. Цехи собственно ремесленные остались на прежнемъ основаніи.

Впрочемъ это раздѣленіе цеховъ существовало только до указа 1802 г. 12 февраля *, которымъ опредѣлено, что цеховъ не составляютъ листовщики, землекопы, камель-

* Полн. Собр. Закоп. № 20.143.

щики, каменотесы, плотники и штукатуры, а также нанимающіеся въ услуженіе люди. Этотъ указъ Александра I, уничтожая раздѣленіе цеховъ на три отдѣла, уничтожилъ также и цехи служебные, которые были, однако, не безполезны, такъ какъ такой служебный цехъ представлялъ собой родъ конторы, чрезъ которую можно было находить прислугу. Указъ Александра I оредѣляетъ отъѣму служебныхъ цеховъ, объясняя причину этой отъѣмы, слѣдующими словами: „сборъ съ рабочихъ и нанимающихся въ услуженіе людей, тягостный для народа, сколько по существу своему столько по образу вниманія и состоянію сихъ людей, въ обихъ столицахъ отъѣмать, также какъ и самую записку ихъ въ цехъ рабочій и служебный.“ Причина эта довольно уважительна, такъ какъ дѣйствительно сословіе нанимающееся въ услуженіе, за весьма немногими исключеніями, состоитъ изъ людей самыхъ бѣдныхъ изъ всего народонаселенія, для которыхъ плата взимаемая за записку въ цехъ, была въ высшей степени обременительна; но, уничтоживши сборъ, можно было оставить цехи.

Вообще въ законодательствѣ Александра I, можно усмотрѣть заботливость объ уменьшеніи ³налоговъ и повинностей торгового и промышленнаго класса людей. 1824 г. 14 ноября, изданъ былъ манифестъ, начинающійся слѣдующими словами: „Желая оказать въ реноподаннымъ нашимъ новый опытъ попечительности нашей къ облегченію повинностей и къ поощренію торговли, мануфактуръ и всякаго рода промышленности, мы призвали за благо допустить съ наступающаго года значительное пониженіе платимыхъ торговыми классами повинностей...“ и т. д. Вслѣдъ за манифестомъ опредѣлено всѣхъ мѣщанъ раздѣлить на торгующихъ и посадскихъ.

§ 97 *Дополнительнаго Постановленія* давняго по именному указу сенату 14 ноября 1824 года, говоритъ, что посадскій можетъ безъ записки въ цехъ, заниматься всѣми ремеслами и держать одну лавку только съ своими собственными издѣліями. § 118 дозволяетъ крестьянамъ заниматься торговлей и ремеслами; „но не иначе какъ съ взятіемъ особыхъ свидѣтельствъ и съ заплатаю пошаны, слотвѣтственно обширности торгоу или промысла“ *.

* П. С. В. 1824 г. № 30115.

Почти черезъ годъ послѣ этого постановленія, въ законодательствѣ возникъ вопросъ касательно иностранныхъ ремесленниковъ. Въ 1807 году имъ запрещено было поступать въ какия бы то ни было гильдіи и заниматься розничною торговлей, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же году повелѣно, касательно записки въ цехъ иностранцевъ и иностранокъ, ожидать особаго постановленія. Изъятіе изъ сего правила допущено только для столицъ, гдѣ иностранные ремесленники, по особому положенію, составляютъ нѣкоторымъ образомъ отдѣльное сословіе, имѣютъ собственныя ремесленные управы и гдѣ каждый мастеръ обязанъ платить въ казну ежегодно по 100 руб., сверхъ повинностей по торговому разряду, (если онъ долженъ вступить въ такой по роду своихъ занятій). Въ слѣдующемъ 1808 г. 12 февраля данъ былъ указъ, дозволявшій повсемѣстно въ Россіи записываться въ цехи иностранцамъ, *присягнувшимъ на русское подданство*. Наконецъ, 1824 г. 30 сентября иностраннымъ ремесленникамъ дозволено повсемѣстно записываться въ цехи, подчиняясь общимъ правиламъ для русскихъ ремесленниковъ, исключая, конечно, рекрутской повинности и, кромѣ того, городскихъ личныхъ службъ и подушныхъ податей *.

Ремесленное законодательство Николая I, составляющее основаніе и кылъ дѣйствующаго, во многомъ измѣнило положеніе ремесленного класса. До 1825 года порядокъ управленія цехами былъ одинаковъ во всѣхъ частяхъ имперіи: законодательство не сообразовалось въ этомъ отношеніи съ различіемъ мѣстныхъ потребностей ремесленниковъ, — различіемъ весьма понятнымъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Этотъ недостатокъ пополнился, но только отчасти, въ 1825 году, когда выдано было особое положеніе для трехъ городовъ: Петербурга, Москвы и Астрахани. Въ Астрахани положена одна ремесленная управа, состоящая подъ предсѣдательствомъ ремесленного головы и старшавъ. Управа правила дѣлами ремесленного сословія самостоятельно **. Цеховое управленіе обѣихъ столицъ развило отъ ос-

* П. С. З. № 30513.

** Въ другихъ городахъ она подчинялась магистрату или ратушѣ, а голова давалъ въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ городской думѣ.

тавной Россіи тѣмъ, что въ каждой изъ нихъ было по два ремесленныхъ головы: одинъ для русскихъ цеховъ, другой—для иностранныхъ. Касательно Петербурга, цеховое правленіе было фундаментально измѣнено въ 1848 году. Въмѣсто ремесленного головы, учреждена для управленія русскими цехами ремесленная управа, составленная изъ старшины, особыхъ членовъ и засѣдателей отъ ивогородныхъ; для управленія иностранными цехами существуетъ особая управа, состоящая изъ предсѣдателя и членовъ. Ремесленное сословіе подчинено не магистрату, а городской распорядительной думѣ, въ которой полагаются три члена отъ мѣщанскаго и ремесленного сословія; въ городской же общей думѣ учреждено особое ремесленное отдѣленіе, которое замѣняетъ общій ремесленный сходъ и состоитъ подъ предсѣдательствомъ ремесленного старшины *. Въ общемъ устройствѣ управленія русскими цехами достойно вниманіе, что между ремесленниками (также и мѣщанами) существовало до 1850 г. нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ; присяжные эти, числомъ 24, носили названіе *добросовѣстныхъ* и избирались обществомъ. Добросовѣстные были облечены, дозволено значительною властію: двѣ трети ихъ рѣшали судьбу виновнаго ремесленника; они могли отдать его въ ослаты, сослать въ Сибирь и т. д. **.

Въ 1850 году власть добросовѣстныхъ была значительно ограничена и потеряла почти всякое значеніе: они могли только выключить порочнаго члена изъ общества.

Если иностранные ремесленники, особенно германскіе, были такъ привязаны къ своимъ цехамъ, то это легко объясняется тѣмъ, что западно-европейскіе цехи кромѣ матеріальныхъ выгодъ, представляли членамъ корпораціи вѣрную гарантію на случай старости или болѣзни. Русскіе цехи, основанные волею правительства, не вытекшіе изъ потребностей народа, отнимали у ремесленника часть его ежегоднаго дохода, не давая ему ничего въ настоящемъ, и не обѣщая ничего въ будущемъ. Только уже въ 1847 году, нѣкто г. Комаровъ предложилъ устроить ремесленную богадѣльню въ Петербургѣ. Предложеніе это получило высочайшее утвержденіе въ 1849 г. На слѣдующій же годъ, 9 мая,

* Журн. Мамастер. Ваугр. Д. ч. II за 1853 г. стр. 105.

** Ibid. стр. 108.

было открыто это благотворное заведеніе. Впрочемъ вліяніе его простирается только на петербургскихъ ремесленниковъ; остальные же города, сколько мнѣ извѣстно, не послѣдовали примѣру столицы.

Безъ сомнѣнія не легко составить такіе цеховые законы и правила, которые бы одинаково могли быть примѣнны во всѣхъ городахъ Россіи. Еще императрица Екатерина II, какъ бы сознавая необходимость измѣнить цеховое законодательство сообразно съ мѣстными условіями и потребностями, выражалась слѣдующимъ образомъ:

„О цеховыхъ мастерствахъ и установленіи цеховъ для мастерствъ по городамъ еще состоитъ важный споръ: лучше ли имѣть цехи по городамъ или безъ нихъ быть, и что изъ сихъ положеній болѣе споспѣшествуетъ руководѣніямъ и ремесламъ? Но что безспорно, что для *заведенія* мастерства цехи полезны, а бываютъ они вредны, когда число работающихъ опредѣлено, ибо сіе самое препятствуетъ размноженію руководѣній. Во многихъ городахъ въ Европѣ они сдѣланы свободными въ томъ, что не ограничено число, а могутъ вписываться въ цехъ по произволенію, и примѣчено, что то служило къ обогащенію тѣхъ городовъ. Въ малолюдныхъ городахъ полезны могутъ быть цехи, дабы имѣть искусныхъ людей въ мастерскихъ“ *. Изъ этихъ словъ Екатерины II видно, что она не была убѣждена въ необходимости русскихъ цеховъ и видѣла возможность, если не уничтожить ихъ совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ стараться примѣнять ихъ къ мѣстнымъ потребностямъ, многолюдству городовъ и т. д. Къ сожалѣнію, эти мысли Екатерины не отразились на нашемъ цеховомъ законодательствѣ, главнымъ условіемъ котораго было *необходимое и повсемѣстно одинаковое существованіе цеховъ*.

Наконецъ, въ 1852 году правительство обратило вниманіе на этотъ недостатокъ цеховаго законодательства. Ремесленники малолюдныхъ городовъ, также посадовъ и мѣстечекъ получили право свободно производить свои издѣлія, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для продажи на мѣстѣ и въ ближайшихъ городахъ. Ремесленники же губернскихъ и другихъ болѣе многолюдныхъ городовъ подчинены слѣдующему порядку управленія:

* Ж. М. Вѣ. Д., Отд. II, стр. 8. 1853 года.

Общія ремесленныя дѣла вѣдаются ремесленнымъ головою, общію ремесленною управою и общимъ ремесленнымъ сходомъ; дѣла же собственно цеховыя находятся въ вѣдомствѣ цеховыхъ старшинъ, управъ, цеховыхъ и подмастерскихъ, и цеховыхъ сходовъ. Подробный обзоръ обязанностей всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ можно видѣть въ XI т. Св. Зак., и мы не считаемъ нужнымъ его выписывать. Едва ли нужно также говорить о томъ, какъ мало такой порядокъ управленія приноситъ пользы ремесленникамъ. Ремесленный классъ, безъ того уже не богатый, подчиняется, кромѣ общихъ повинностей, еще значительному налогу, который идетъ: 1) на жалованье старшинъ, товарищамъ его, присяжному маклеру и подмастерскимъ; выборному и повѣренному; 2) на вспоможеніе больнымъ и обѣдѣвшимъ ремесленникамъ *; 3) на взносъ въ городскіе доходы части денежнаго сбора съ ремесленниковъ; 4) на издержки по построенію и украшенію управы **. Отъ гильдейской повинности ремесленникъ также не избавленъ: мастеръ, держащій болѣе 16 ремесленниковъ, обязанъ записаться въ гильдію.

Что касается испытанія на званіе мастера, то хотя существуютъ извѣстные правила и законы, по которымъ оно должно бы производиться, во на самомъ дѣлѣ такого испытанія, повидимому, вовсе не бываетъ: кто по богаче—тотъ *мастеръ* или *хозяинъ*, второй по немъ *подмастерье*, остальные же *работники*, болѣею частію на поштучномъ жалованьи; ученики же несутъ названіе *мальчиковъ* и во все продолженіе своего ученія подвергаются тяжелой участи: мальчика бьетъ безнаказанно всякій, кто старше или сильнѣе.

Цехи отжили свой вѣкъ: въ западной Европѣ ихъ уже болѣею частію не существуетъ, а если гдѣ они и сохранились, то только по названію; сущность же ихъ приняла совершенно другой характеръ: это свободныя, добровольныя ассоціаціи людей ремесленнаго сословія, У насъ въ Россіи цехи держатся единственно силою закона. Ремесленникъ радъ бы былъ избавиться отъ цеха, который, не представляя ему никакихъ выгодъ, налагаетъ на

* Намъ не случилось слышать о такомъ вспоможеніи.

** Ж. М. Вв. Д. Отд. II стр. 30. 1853 года.

него лишній налогъ и ведетъ къ ненужнымъ издержкамъ. Зачѣмъ бы правительству не предоставить ремесленникамъ самимъ устроиться между собой? Вѣдь ремесленные головы, цеховые старшины и пр. существуютъ только по формѣ. На дѣлѣ, также нѣтъ ни мастеровъ, ни подмастерьевъ, ни учениковъ, а если эти названія и сохранились, то сохранились вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ законъ. Итакъ, если ремесленники не удовлетворяются цеховымъ устройствомъ, если они, напротивъ, тяготятся имъ, какъ не нужною формою, то не лучше ли не дѣлать вовсе различія въ управленіи ремесленниками отъ остальныхъ гражданъ и сравнивать ихъ съ ними совершенно какъ въ правахъ, такъ и повинностяхъ?

Н. РЫЧКОВЪ.

Не желая задержать выходъ послѣднихъ книжекъ *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ, мы принуждены были, вслѣдствіе обстоятельствъ, вообще такъ неблагоприятно дѣйствующихъ на своевременный выходъ журнала, отложить до слѣдующаго нумера, который будетъ раздаваться черезъ нѣсколько дней, двѣ статьи предназначившіяся въ эту книжку: *О денежномъ обращеніи въ Россіи и Современныя движенія въ Расколѣ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ.

Жанна Даркъ. <i>В. С. Порошина</i>	5
Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. II. (1812-й годъ.) <i>М. П. Погодина</i>	129
Луи Бланъ. <i>В. Г. Асѣенко</i>	227
Неудавшійся романъ. Глава I—X. <i>Графа Е. Н. Толстаго</i>	272
Специальность. Повѣсть. (Окончаніе.) <i>Билкина</i>	332
Кивачъ. <i>Н. Д. Дмитриева</i>	381
Самозванцы-царевичи Алексѣй и Петръ Петровичи. <i>Г. В. Есипова</i>	393
Виленскія событія. <i>Виленскаго жителя</i>	413
Замѣтки. I. Одному изъ многихъ. II. Нашимъ виггамстамъ. III. Французскіе журналы. <i>Князя П. А. Вяземскаго</i>	426
Интересы русской народности въ западномъ краѣ. <i>В. Н.</i>	430

ОКТАБРЬ.

Объ улучшеніи быта духовенства. <i>П. С. Ц.</i>	439
Последнее ауто-да-фе въ Севильѣ. <i>К. Кустодіева</i>	483
Поляки въ Закарпатской Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. (Окончаніе.) <i>К. Е. Козловскаго</i>	506
Моя судьба. Повѣсть. I—V. <i>Камской</i>	539
Русское посольство при дворѣ Лудовика XIV. <i>М. П. Полуденскаго</i>	602
Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. III. (1813—1825). <i>М. П. Погодина</i>	623
Неудавшійся романъ. (Окончаніе.) <i>Графа Е. Н. Толстаго</i>	687
Отъ Сингапура до Австраліи. <i>П. С. Муханова</i>	745
Западная Русь. Стихотвореніе. <i>А. Н. Майкова</i>	755
Католичество въ Россіи. <i>П. К. Щебальскаго</i>	757
О цехахъ въ Россіи и Западной Европѣ. <i>Н. Д. Рычкова</i>	789

СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1864 ГОДА БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ ПОДЪ НА-
ЗВАНІЕМЪ:

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“.

Приступая къ изданію новаго журнала „Семейные Вечера“, редакция употребитъ всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы заслужить довѣренность тѣхъ, для кого предназначается. Журналъ этотъ удостоенъ высокимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Александровны.

Журналъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ; отдѣлъ для младшаго возраста, отъ 9 до 14 лѣтъ, иллюстрированный лучшими художниками и граверами, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца, а отдѣлъ для старшаго возраста, отъ 14 лѣтъ и далѣе, съ политипажами въ текстѣ и отдѣльно для статей по естествознанію,—15 числа каждаго мѣсяца.

Цѣна журналу, состоящему изъ двадцати четырехъ книжекъ, заключающихъ въ себѣ до двухъ сотъ печатныхъ листовъ: 10 р., съ доставкою 11 р., съ пересылкою во всѣ города 12 руб.

Желающіе получать который-либо одинъ изъ отдѣловъ „Семейныхъ вечеровъ“ платятъ: за отдѣлъ для младшаго возраста (двѣнадцать книжекъ, заключающихъ въ себѣ до восьмидесяти листовъ) 4 р. 50 к., съ доставкою 5 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города 6 руб.; за отдѣлъ для старшаго возраста (двѣнадцать книжекъ, заключающихъ въ себѣ до ста двадцати листовъ) 6 р., съ доставкою 7 р., съ пересылкою во всѣ города 8 р.

Редакция озаботится, чтобы на столбцахъ „Семейныхъ вечеровъ“ помѣщаемы были статьи, вполне соответствующія высокой цѣли изданія, то-есть статьи, способныя содѣйствовать нравственному, умственному и эстетическому развитію нашего юношества.

Подписка принимается: для городскихъ жителей у книгопродавца Якова Алексѣевича Исакова, въ Гостиномъ дворѣ № 24; для иногородныхъ—исключительно въ редакціи журнала „Семейные вечера“ на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, домъ Калугина.

Редакторы—издатели МАРІЯ РОСТОВСКАЯ. В. Н. МАЙКОВЪ.

JUN 3 - 1951

